UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008787 4

Dostoevsky, Theodor Mikhailovich
1

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ѳ. М. Достоевскаго.

Polnoe sobranie sochineny

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

t. 12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Братья Карамазовы.

РОМАНЪ

въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

PG
3325
A1
1894
t.12

684505
5-9-58

Дозволено цензурою. СПБ. 6 сентября 1895 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской.

Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода.

(Евангеліе отъ Іоанна. Глава XII, 24).

Отъ автора.

Начиная жизнеописаніе героя моего, Алексѣя Ѳедоровича Карамазова, нахожусь въ нѣкоторомъ недоумѣніи. А именно: хотя я и называю Алексѣя Ѳедоровича моимъ героемъ, но однако самъ знаю, что человѣкъ онъ отнюдь не великій, а посему и предвижу неизбѣжные вопросы въ родѣ таковыхъ: чѣмъ же замѣчателенъ вашъ Алексѣй Ѳедоровичъ, что вы выбрали его своимъ героемъ? Что̀ сдѣлалъ онъ такого? Кому и чѣмъ извѣстенъ? Почему я, читатель, долженъ тратить время на изученіе фактовъ его жизни?

Послѣдній вопросъ самый роковой, ибо на него могу лишь отвѣтить: „Можетъ-быть, увидите сами изъ романа". Ну, а коль прочтутъ романъ и не увидятъ, не согласятся съ примѣчательностью моего Алексѣя Ѳедоровича? Говорю такъ, потому что съ прискорбіемъ это предвижу. Для меня онъ примѣчателенъ, но рѣшительно сомнѣваюсь, успѣю ли это доказать читателю. Дѣло въ томъ, что это, пожалуй, и дѣятель, но дѣятель неопредѣленный, невыяснившійся. Впрочемъ, странно бы требовать въ такое время, какъ наше, отъ людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомнѣнно: это человѣкъ странный, даже чудакъ. Но странность и чудачество скорѣе вредятъ, чѣмъ даютъ право на вниманіе, особенно когда всѣ стремятся къ тому, чтобъ объединить частности и найти хоть какой-нибудь общій толкъ во всеобщей безтолочи. Чудакъ же въ большинствѣ случаевъ частность и обособленіе. Не такъ ли?

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ и отвѣтите: „Не такъ" или „не всегда такъ", то я, пожалуй, и ободрюсь духомъ насчетъ значенія героя моего Алексѣя Ѳедоровича. Ибо не только чудакъ „не всегда" частность и обособленіе, а, напротивъ, бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носитъ въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи — всѣ, какимъ-нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время почему-то отъ него оторвались...

Я бы, впрочемъ, не пускался въ эти весьма нелюбопыт-

ныя и смутныя объясненія и началъ бы просто-напросто безъ предисловія: понравится—такъ и такъ прочтутъ; но бѣда въ томъ, что жизнеописаніе-то у меня одно, а романовъ два. Главный романъ второй, — это дѣятельность моего героя уже въ наше время, именно въ нашъ теперешній текущій моментъ. Первый же романъ произошелъ еще тринадцать лѣтъ назадъ, и есть почти даже и не романъ, а лишь одинъ моментъ изъ первой юности моего героя. Обойтись мнѣ безъ этого перваго романа невозможно, потому что многое во второмъ романѣ стало бы непонятнымъ. Но такимъ образомъ еще усложняется первоначальное мое затрудненіе: если ужъ я, то-есть самъ біографъ, нахожу, что и одного-то романа, можетъ быть, было бы для такого скромнаго и неопредѣленнаго героя излишне, то каково же являться съ двумя и чѣмъ объяснить такую съ моей стороны заносчивость?

Теряясь въ разрѣшеніи сихъ вопросовъ, рѣшаюсь ихъ обойти безо всякаго разрѣшенія. Разумѣется, прозорливый читатель уже давно угадалъ, что я съ самаго начала къ тому клонилъ, и только досадовалъ на меня—зачѣмъ я даромъ трачу безплодныя слова и драгоцѣнное время. На это отвѣчу уже въ точности: тратилъ я безплодныя слова и драгоцѣнное время, во-первыхъ, изъ вѣжливости, а во-вторыхъ, изъ хитрости: „все-таки, дескать, заранѣе въ чемъ-то предупредилъ“. Впрочемъ, я даже радъ тому, что романъ мой разбился, самъ собою, на два разсказа „при существенномъ единствѣ цѣлаго“; познакомившись съ первымъ разсказомъ, читатель уже самъ опредѣлитъ: стòитъ ли ему приниматься за второй? Конечно, никто ничѣмъ не связанъ, можно бросить книгу и съ двухъ страницъ перваго разсказа, съ тѣмъ чтобъ и не раскрывать болѣе. Но, вѣдь, есть такіе деликатные читатели, которые непремѣнно захотятъ дочитать до конца, чтобы не ошибиться въ безпристрастномъ сужденіи; таковы, напримѣръ, всѣ русскіе критики. Такъ вотъ передъ такими-то все-таки сердцу легче: несмотря на всю ихъ аккуратность и добросовѣстность, все-таки даю имъ самый законный предлогъ бросить разсказъ на первомъ эпизодѣ романа. Ну, вотъ и все предисловіе. Я совершенно согласенъ, что оно лишнее, но такъ какъ оно уже написано, то пусть и останется.

А теперь къ дѣлу.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ.

Романъ въ четырехъ частяхъ, съ эпилогомъ *).

Часть первая.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Исторія одной семейки.

I.

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ былъ третьимъ сыномъ помѣщика нашего уѣзда Ѳедора Павловича Карамазова, столь извѣстнаго въ свое время (да и теперь еще у насъ припоминаемаго) по трагической и темной кончинѣ своей, приключившейся ровно тринадцать лѣтъ назадъ и о которой сообщу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажу объ этомъ „помѣщикѣ", какъ его у насъ называли (хотя онъ всю жизнь совсѣмъ почти не жилъ въ своемъ помѣстьи), лишь то, что это былъ странный типъ, довольно часто, однако, встрѣчающійся, именно типъ человѣка не только дряннаго и развратнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безтолковаго, — но изъ такихъ, однако, безтолковыхъ, которые умѣютъ отлично обдѣлывать свои имущественныя дѣлишки, и только, кажется, одни эти. Ѳедоръ Павловичъ, напримѣръ, началъ почти что ни съ чѣмъ, помѣщикъ онъ былъ самый маленькій, бѣгалъ обѣдать по чужимъ столамъ, норовилъ въ приживальщики, а между тѣмъ въ моментъ кончины его у него оказалось до ста тысячъ рублей чи-

---

*) Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ" 1879 и 1880 гг.

стыми деньгами. И въ то же время онъ все-таки всю жизнь свою продолжалъ быть однимъ изъ безтолковѣйшихъ сумасбродовъ по всему нашему уѣзду. Повторю еще: тутъ не глупость, большинство этихъ сумасбродовъ довольно умно и хитро, — а именно безтолковость, да еще какая-то особенная, національная.

Онъ былъ женатъ два раза и у него было три сына,— старшій Дмитрій Ѳедоровичъ, отъ первой супруги, а остальные два, Иванъ и Алексѣй, отъ второй. Первая супруга Ѳедора Павловича была изъ довольно богатаго и знатнаго рода дворянъ Міусовыхъ, тоже помѣщиковъ нашего уѣзда. Какъ именно случилось, что дѣвушка съ приданымъ, да еще красивая, и сверхъ того изъ бойкихъ умницъ, столь не рѣдкихъ у насъ въ теперешнее поколѣніе, но появлявшихся уже и въ прошломъ, могла выйти замужъ за такого ничтожнаго „мозгляка“, какъ всѣ его тогда называли, объяснять слишкомъ не стану. Вѣдь зналъ же я одну дѣвицу, еще въ запрошломъ „романтическомъ“ поколѣніи, которая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ загадочной любви къ одному господину, за котораго, впрочемъ, всегда могла выйти замужъ самымъ спокойнымъ образомъ, кончила однакоже тѣмъ, что сама навыдумала себѣ непреодолимыя препятствія и въ бурную ночь бросилась съ высокаго берега, похожаго на утесъ, въ довольно глубокую и быструю рѣку, и погибла въ ней рѣшительно отъ собственныхъ капризовъ, единственно изъ-за того, чтобы походить на Шекспировскую Офелію, и даже такъ, что будь этотъ утесъ, столь давно ею намѣченный и излюбленный, не столь живописенъ, а будь на его мѣстѣ лишь прозаическій плоскій берегъ, то самоубійства, можетъ быть, не произошло бы вовсе. Фактъ этотъ истинный, и надо думать, что въ нашей русской жизни, въ два или три послѣднія поколѣнія, такихъ или однородныхъ съ нимъ фактовъ происходило не мало. Подобно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Міусовой былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній и тоже плѣнной мысли раздраженіемъ. Ей, можетъ быть, захотѣлось заявить женскую самостоятельность, пойти противъ общественныхъ условій, противъ деспотизма своего родства и семейства, а услужливая фантазія убѣдила ее, положимъ, на одинъ только мигъ, что Ѳедоръ Павловичъ, несмотря на свой чинъ приживальщика, все-таки одинъ изъ смѣлѣйшихъ и насмѣшливѣйшихъ людей той, переходной ко всему лучшему, эпохи,

тогда какъ онъ былъ только злой шутъ и больше ничего. Пикантное состояло еще и въ томъ, что дѣло обошлось увозомъ, а это очень прельстило Аделаиду Ивановну. Ѳедоръ же Павловичъ на всѣ подобные пассажи былъ даже и по соціальному своему положенію весьма тогда подготовленъ, ибо страстно желалъ устроить свою карьеру, хотя чѣмъ бы то ни было: примазаться же къ хорошей роднѣ и взять приданое было очень заманчиво. Что же до обоюдной любви, то ея вовсе, кажется, не было—ни со стороны невѣсты, ни съ его стороны, несмотря даже на красивость Аделаиды Ивановны. Такъ что случай этотъ былъ, можетъ быть, единственнымъ въ своемъ родѣ въ жизни Ѳедора Павловича, сладострастнѣйшаго человѣка во всю свою жизнь, въ одинъ мигъ готоваго прильнуть къ какой угодно юбкѣ, только бы та его поманила. А между тѣмъ, одна только эта женщина не произвела въ немъ со страстной стороны никакого особеннаго впечатлѣнія.

Аделаида Ивановна, тотчасъ же послѣ увоза, мигомъ разглядѣла, что мужа своего она только презираетъ и больше ничего. Такимъ образомъ, слѣдствія брака обозначились съ чрезвычайною быстротой. Несмотря на то, что семейство даже довольно скоро примирилось съ событіемъ и выдѣлило бѣглянкѣ приданое, между супругами началась самая безпорядочная жизнь и вѣчныя сцены. Разсказывали, что молодая супруга выказала притомъ несравненно болѣе благородства и возвышенности, нежели Ѳедоръ Павловичъ, который, какъ извѣстно теперь, подтибрилъ у нея тогда же, разомъ, всѣ ея денежки, до двадцати пяти тысячъ, только что она ихъ получила, такъ что тысячки эти съ тѣхъ поръ рѣшительно какъ бы канули для нея въ воду. Деревеньку же и довольно хорошій городской домъ, которые тоже пошли ей въ приданое, онъ долгое время и изо всѣхъ силъ старался перевести на свое имя чрезъ совершеніе какого-нибудь подходящаго акта, и навѣрно бы добился того изъ одного, такъ сказать, презрѣнія и отвращенія къ себѣ, которое онъ возбуждалъ въ своей супругѣ ежеминутно своими безстыдными вымогательствами и вымаливаніями, изъ одной ея душевной усталости, только чтобъ отвязался. Но къ счастью вступилось семейство Аделаиды Ивановны и ограничило хапугу. Положительно извѣстно, что между супругами происходили нерѣдкія драки, но, по преданію, билъ не Ѳедоръ Павловичъ, а била Аделаида Ивановна,

дама горячая, смѣлая, смуглая, нетерпѣливая, одаренная замѣчательною физическою силой. Наконецъ, она бросила домъ и сбѣжала отъ Ѳедора Павловича съ однимъ погибавшимъ отъ нищеты семинаристомъ-учителемъ, оставивъ Ѳедору Павловичу на рукахъ трехлѣтняго Митю. Ѳедоръ Павловичъ мигомъ завелъ въ домѣ цѣлый гаремъ и самое забубенное пьянство, а въ антрактахъ ѣздилъ чуть не по всей губерніи и слезно жаловался всѣмъ и каждому на покинувшую его Аделаиду Ивановну, при чемъ сообщалъ такія подробности, которыя слишкомъ бы стыдно было сообщать супругу о своей брачной жизни. Главное, ему какъ будто пріятно было и даже льстило разыгрывать предъ всѣми свою смѣшную роль обиженнаго супруга и съ прикрасами даже расписывать подробности о своей обидѣ. „Подумаешь, что вы, Ѳедоръ Павловичъ, чинъ получили, такъ вы довольны, несмотря на всю вашу горесть“, говорили ему насмѣшники. Многіе даже прибавляли, что онъ радъ явиться въ подновленномъ видѣ шута и что нарочно, для усиленія смѣха, дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ своего комическаго положенія. Кто знаетъ, впрочемъ, можетъ быть, было это въ немъ и наивно. Наконецъ, ему удалось открыть слѣды своей бѣглянки. Бѣдняжка оказалась въ Петербургѣ, куда перебралась со своимъ семинаристомъ и гдѣ беззавѣтно пустилась въ самую полную эмансипацію. Ѳедоръ Павловичъ немедленно захлопоталъ и сталъ собираться въ Петербургъ, — для чего? — онъ, конечно, и самъ не зналъ. Право, можетъ быть, онъ бы тогда и поѣхалъ; но, предпринявъ такое рѣшеніе, тотчасъ же почелъ себя въ особенномъ правѣ, для бодрости, предъ дорогой, пуститься вновь въ самое безбрежное пьянство. И вотъ въ это-то время, семействомъ его супруги получилось извѣстіе о смерти ея въ Петербургѣ. Она какъ-то вдругъ умерла, гдѣ-то на чердакѣ, по однимъ сказаніямъ — отъ тифа, а по другимъ — будто бы съ голоду. Ѳедоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный, говорятъ, побѣжалъ по улицѣ и началъ кричать, въ радости, воздѣвая руки къ небу: „нынѣ отпущаеши“, а по другимъ—плакалъ навзрыдъ, какъ маленькій ребенокъ, и до того, что, говорятъ, жалко даже было смотрѣть на него, несмотря на все къ нему отвращеніе. Очень можетъ быть, что было и то и другое, то-есть: что и радовался онъ своему освобожденію, и плакалъ по освободительницѣ — все вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ

люди, даже злодѣи, гораздо наивнѣе и простодушнѣе, чѣмъ мы вообще о нихъ заключаемъ. Да и мы сами тоже.

II.

Перваго сына спровадилъ.

Конечно, можно представить себѣ, какимъ воспитателемъ и отцомъ могъ быть такой человѣкъ. Съ нимъ какъ съ отцомъ, именно, случилось то, что̀ должно было случиться, то-есть, онъ вовсе и совершенно бросилъ своего ребенка, прижитаго съ Аделаидой Ивановной, не по злобѣ къ нему, или не изъ какихъ-нибудь оскорбленно-супружескихъ чувствъ, а просто потому, что забылъ о немъ совершенно. Пока онъ докучалъ всѣмъ своими слезами и жалобами, а домъ свой обратилъ въ развратный вертепъ, трехлѣтняго мальчика Митю взялъ на свое попеченіе вѣрный слуга этого дома, Григорій, и не позаботься онъ тогда о немъ, то, можетъ быть, на ребенкѣ некому было бы перемѣнить рубашонку. Къ тому же такъ случилось, что родня ребенка, по матери, тоже какъ бы забыла о немъ въ первое время. Дѣда его, то-есть самого господина Міусова, отца Аделаиды Ивановны, тогда уже не было въ живыхъ; овдовѣвшая супруга его, бабушка Мити, переѣхавшая въ Москву, слишкомъ расхворалась, сестры же повышли замужъ, такъ что почти цѣлый годъ пришлось Митѣ пробыть у слуги Григорія и проживать у него въ дворовой избѣ. Впрочемъ, если бы папаша о немъ и вспомнилъ (не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не знать о его существованіи), то и самъ сослалъ бы его опять въ избу, такъ какъ ребенокъ все же мѣшалъ бы ему въ его дебоширствѣ. Но случилось такъ, что изъ Парижа вернулся двоюродный братъ покойной Аделаиды Ивановны, Петръ Александровичъ Міусовъ, многіе годы сряду выжившій потомъ за границей, тогда же еще очень молодой человѣкъ, по человѣкъ особенный между Міусовыми, просвѣщенный, столичный, заграничный, и притомъ всю жизнь свою европеецъ, а подъ конецъ жизни либералъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Въ продолженіе своей карьеры онъ перебывалъ въ связяхъ со многими либеральнѣйшими людьми своей эпохи, и въ Россіи, и за границей, знавалъ лично и Прудона, и Бакунина, и особенно любилъ вспоминать и разсказывать, уже подъ концомъ своихъ странствій, о трехъ дняхъ февральской парижской революціи сорокъ восьмого года, намекая, что чуть ли и

самъ онъ не былъ въ ней участникомъ на баррикадахъ. Это было изъ самыхъ отраднѣйшихъ воспоминаній его молодости. Имѣлъ онъ состояніе независимое, по прежней пропорціи около тысячи душъ. Превосходное имѣніе его находилось сейчасъ же на выѣздѣ изъ нашего городка и граничило съ землей нашего знаменитаго монастыря, съ которымъ Петръ Александровичъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, какъ только получилъ наслѣдство, мигомъ началъ нескончаемый процессъ за право какихъ-то ловель въ рѣкѣ, или порубокъ въ лѣсу, доподлинно не знаю, но начать процессъ съ „клерикалами" почелъ даже своею гражданскою и просвѣщенною обязанностью. Услышавъ все про Аделаиду Ивановну, которую, разумѣется, помнилъ и когда-то даже замѣтилъ, и узнавъ, что остался Митя, онъ, несмотря на все молодое негодованіе свое и презрѣніе къ Ѳедору Павловичу, въ это дѣло ввязался. Тутъ-то онъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ въ первый разъ и познакомился. Онъ прямо ему объявилъ, что желалъ бы взять воспитаніе ребенка на себя. Онъ долго потомъ разсказывалъ, въ видѣ характерной черты, что когда онъ заговорилъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ о Митѣ, то тотъ нѣкоторое время имѣлъ видъ совершенно непонимающаго, о какомъ-такомъ ребенкѣ идетъ дѣло, и даже какъ бы удивился, что у него есть, гдѣ-то въ домѣ, маленькій сынъ. Если въ разсказѣ Петра Александровича могло быть преувеличеніе, то все же должно было быть и нѣчто похожее на правду. Но дѣйствительно Ѳедоръ Павловичъ всю жизнь свою любилъ представляться, вдругъ проиграть предъ вами какую-нибудь неожиданную роль и, главное, безъ всякой иногда надобности, даже въ прямой ущербъ себѣ, какъ въ настоящемъ, напримѣръ, случаѣ. Черта эта, впрочемъ, свойственна чрезвычайно многимъ людямъ и даже весьма умнымъ, не то что Ѳедору Павловичу. Петръ Александровичъ повелъ дѣло горячо и даже назначенъ былъ (купно съ Ѳедоромъ Павловичемъ) въ опекуны ребенку, потому что все же послѣ матери оставалось имѣньице, домъ и помѣстье. Митя дѣйствительно переѣхалъ къ этому двоюродному дядѣ, но собственнаго семейства у того не было, а такъ какъ самъ онъ, лишь уладивъ и обезпечивъ свои денежныя полученія съ своихъ имѣній, немедленно поспѣшилъ опять надолго въ Парижъ, то ребенка и поручилъ одной изъ своихъ двоюродныхъ тетокъ, одной московской барынѣ. Случилось такъ,

что, обжившись въ Парижѣ, и онъ забылъ о ребенкѣ, особенно когда настала та самая февральская революція, столь поразившая его воображеніе и о которой онъ уже не могъ забыть всю свою жизнь. Московская же барыня умерла и Митя перешелъ къ одной изъ замужнихъ ея дочерей. Кажется, онъ и еще потомъ перемѣнилъ въ четвертый разъ гнѣздо. Объ этомъ я теперь распространяться не стану, тѣмъ болѣе, что много еще придется разсказывать объ этомъ первенцѣ Ѳедора Павловича, а теперь лишь ограничиваюсь самыми необходимыми о немъ свѣдѣніями, безъ которыхъ мнѣ и романа начать невозможно.

Во-первыхъ, этотъ Дмитрій Ѳедоровичъ былъ одинъ только изъ трехъ сыновей Ѳедора Павловича, который росъ въ убѣжденіи, что онъ все же имѣетъ нѣкоторое состояніе и когда достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, то будетъ независимъ. Юность и молодость его протекли безпорядочно: въ гимназіи онъ не доучился, попалъ потомъ въ одну военную школу, потомъ очутился на Кавказѣ, выслужился, дрался на дуэли, былъ разжалованъ, опять выслужился, много кутилъ и, сравнительно, прожилъ довольно денегъ. Сталъ же получать ихъ отъ Ѳедора Павловича не раньше совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ надѣлалъ долговъ. Ѳедора Павловича, отца своего, узналъ и увидалъ въ первый разъ уже послѣ совершеннолѣтія, когда нарочно прибылъ въ наши мѣста объясниться съ нимъ насчетъ своего имущества. Кажется, родитель ему тогда не понравился; пробылъ онъ у него недолго и уѣхалъ поскорѣй, успѣвъ лишь получить отъ него нѣкоторую сумму, и войдя съ нимъ въ нѣкоторую сдѣлку насчетъ дальнѣйшаго полученія доходовъ съ имѣнія, котораго (фактъ достопримѣчательный) ни доходности, ни стоимости онъ въ тотъ разъ отъ Ѳедора Павловича такъ и не добился. Ѳедоръ Павловичъ замѣтилъ тогда, съ перваго разу (и это надо запомнить), что Митя имѣетъ о своемъ состояніи понятіе преувеличенное и невѣрное. Ѳедоръ Павловичъ былъ очень этимъ доволенъ, имѣя въ виду свои особые расчеты. Онъ вывелъ лишь, что молодой человѣкъ легкомысленъ, буенъ, со страстями, нетерпѣливъ, кутила и которому только чтобы что-нибудь временно перехватить, и онъ, хоть на малое время, разумѣется, но тотчасъ успокоится. Вотъ это и началъ эксплоатировать Ѳедоръ Павловичъ, т.-е. отдѣлываться малыми

подачками, временными высылками, и въ концѣ концовъ такъ случилось, что когда, уже года четыре спустя, Митя, потерявъ терпѣніе, явился въ нашъ городокъ въ другой разъ, чтобы совсѣмъ ужъ покончить дѣла съ родителемъ, то вдругъ оказалось, къ его величайшему изумленію, что у него уже нѣтъ ничего, что и сосчитать даже трудно, что онъ перебралъ уже деньгами всю стоимость своего имущества у Ѳедора Павловича, можетъ быть, еще даже самъ долженъ ему; что по такимъ-то и такимъ-то сдѣлкамъ, въ которыя самъ тогда-то и тогда пожелалъ вступить, онъ и права не имѣетъ требовать ничего болѣе и проч., и проч. Молодой человѣкъ былъ пораженъ, заподозрилъ неправду, обманъ, почти вышелъ изъ себя и какъ бы потерялъ умъ. Вотъ это-то обстоятельство и привело къ катастрофѣ, изложеніе которой и составитъ предметъ моего перваго вступительнаго романа или, лучше сказать, его внѣшнюю сторону. Но пока перейду къ этому роману, нужно еще разсказать и объ остальныхъ двухъ сыновьяхъ Ѳедора Павловича, братьяхъ Мити, и объяснить откуда тѣ-то взялись.

III.

Второй бракъ и вторыя дѣти.

Ѳедоръ Павловичъ, спровадивъ съ рукъ четырехлѣтняго Митю, очень скоро послѣ того женился во второй разъ. Второй бракъ этотъ продолжался лѣтъ восемь. Взялъ онъ эту вторую супругу свою, тоже очень молоденькую особу, Софью Ивановну, изъ другой губерніи, въ которую заѣхалъ по одному мелкоподрядному дѣлу, съ какимъ-то жидкомъ въ компаніи. Ѳедоръ Павловичъ хотя и кутилъ, и пилъ, и дебоширилъ, но никогда не переставалъ заниматься помѣщеніемъ своего капитала, и устраивалъ дѣлишки свои всегда удачно, хотя, конечно, почти всегда подловато. Софья Ивановна была изъ „спротокъ", безродная съ дѣтства, дочь какого-то темнаго дьякона, взросшая въ богатомъ домѣ своей благодѣтельницы, воспитательницы и мучительницы, знатной генеральши старухи, вдовы генерала Ворохова. Подробностей не знаю, но слышалъ лишь то, что будто воспитанницу, кроткую, незлобивую и безотвѣтную, разъ сняли съ петли, которую она привѣсила на гвоздѣ въ чуланѣ, — до того тяжело было ей переносить своенравіе и вѣчные попреки этой, повидимому, злой старухи, но бывшей лишь нестерпимѣйшею

самодуркой отъ праздности. Ѳедоръ Павловичъ предложилъ свою руку, о немъ справились и его прогнали, и вотъ тутъ-то онъ опять, какъ и въ первомъ бракѣ, предложилъ сироткѣ увозъ. Очень, очень можетъ быть, что и она даже не пошла бы за него ни за что, если бъ узнала о немъ своевременно побольше подробностей. Но дѣло было въ другой губерніи; да и что могла понимать шестнадцатилѣтняя дѣвочка, кромѣ того, что лучше въ рѣку, чѣмъ оставаться у благодѣтельницы. Такъ и промѣняла бѣдняжка благодѣтельницу на благодѣтеля. Ѳедоръ Павловичъ не взялъ въ этотъ разъ ни гроша, потому что генеральша разсердилась, ничего не дала и сверхъ того прокляла ихъ обоихъ; но онъ и не разсчитывалъ на этотъ разъ взять, а прельстился лишь замѣчательною красотой невинной дѣвочки и, главное, ея невиннымъ видомъ, поразившимъ его, сладострастника и доселѣ порочнаго любителя лишь грубой женской красоты. „Меня эти невинные глазки какъ бритвой тогда по душѣ полоснули", говаривалъ онъ потомъ, гадко по-своему хихикая. Впрочемъ, у развратнаго человѣка и это могло быть лишь сладострастнымъ влеченіемъ. Не взявъ же никакого вознагражденія, Ѳедоръ Павловичъ съ супругой не церемонился, и, пользуясь тѣмъ, что она, такъ сказать, предъ нимъ „виновата", и что онъ ее почти „съ петли снялъ", пользуясь кромѣ того ея феноменальнымъ смиреніемъ и безотвѣтностью, даже попиралъ ногами самыя обыкновенныя брачныя приличія. Въ домъ, тутъ же при женѣ, съѣзжались дурныя женщины и устраивались оргіи. Какъ характерную черту сообщу, что слуга Григорій, мрачный, глупый и упрямый резонеръ, ненавидѣвшій прежнюю барыню, Аделаиду Ивановну, на этотъ разъ взялъ сторону новой барыни, защищалъ и бранился за нее съ Ѳедоромъ Павловичемъ почти непозволительнымъ для слуги образомъ, а однажды такъ даже разогналъ оргію и всѣхъ наѣхавшихъ безобразницъ силой. Впослѣдствіи съ несчастною, съ самаго дѣтства запуганною молодою женщиной, произошло въ родѣ какой-то нервной женской болѣзни, встрѣчаемой чаще всего въ простонародьи, у деревенскихъ бабъ, именуемыхъ за эту болѣзнь кликушами. Отъ этой болѣзни, со страшными истерическими припадками, больная временами даже теряла разсудокъ. Родила она однакоже Ѳедору Павловичу двухъ сыновей, Ивана и Алексѣя, перваго въ первый годъ брака, а второго три года спустя.

Когда она померла, мальчикъ Алексѣй былъ по четвертому году, и хоть странно это, но я знаю, что онъ мать запомнилъ потомъ на всю жизнь, какъ сквозь сонъ, разумѣется. По смерти ея съ обоими мальчиками случилось почти точь въ точь то же самое, что и съ первымъ, Митей: они были совершенно забыты и заброшены отцомъ, и попали все къ тому же Григорію, и также къ нему въ избу. Въ избѣ ихъ и нашла старуха-самодурка генеральша, благодѣтельница и воспитательница ихъ матери. Она еще была въ живыхъ, и все время, всѣ восемь лѣтъ, не могла забыть обиды, ей нанесенной. О житьѣ-бытьѣ ея „Софьи" всѣ восемь лѣтъ она имѣла изъ-подъ руки самыя точныя свѣдѣнія, и слыша какъ она больна и какія безобразія ее окружаютъ, раза два или три произнесла вслухъ своимъ приживалкамъ: „Такъ ей и надо, это ей Богъ за неблагодарность послалъ".

Ровно три мѣсяца по смерти Софьи Ивановны, генеральша вдругъ явилась въ нашъ городъ лично, и прямо на квартиру Ѳедора Павловича, и всего-то пробыла въ городѣ съ полчаса, но много сдѣлала. Былъ тогда часъ вечерній. Ѳедоръ Павловичъ, котораго она всѣ восемь лѣтъ не видала, вышелъ къ ней пьяненькій. Повѣствуютъ, что она мигомъ, безо всякихъ объясненій, только что увидала его, задала ему двѣ знатныя и звонкія пощечины и три раза рванула его за вихоръ сверху внизъ, затѣмъ, не прибавивъ ни слова, направилась прямо въ избу къ двумъ мальчикамъ. Съ перваго взгляда замѣтивъ, что они не вымыты и въ грязномъ бѣльѣ, она тотчасъ же дала еще пощечину самому Григорію, и объявила ему, что увозитъ обоихъ дѣтей къ себѣ, затѣмъ вывела ихъ въ чемъ были, завернула въ пледъ, посадила въ карету и увезла въ свой городъ. Григорій снесъ эту пощечину, какъ преданный рабъ, не сгрубилъ ни слова, и когда провожалъ старую барыню до кареты, то, поклонившись ей въ поясъ, внушительно произнесъ, что ей „за сиротъ Богъ заплатитъ". — „А все-таки ты балбесъ!" крикнула ему генеральша, отъѣзжая. Ѳедоръ Павловичъ, сообразивъ все дѣло, нашелъ, что оно дѣло хорошее, и въ формальномъ согласіи своемъ насчетъ воспитанія дѣтей у генеральши не отказалъ потомъ ни въ одномъ пунктѣ. О полученныхъ же пощечинахъ самъ ѣздилъ разсказывать по всему городу.

Случилось такъ, что и генеральша скоро послѣ того

умерла, но выговоривъ, однако, въ завѣщаніи обоимъ малюткамъ по тысячѣ рублей каждому, „на ихъ обученіе, и чтобы всѣ эти деньги были на нихъ истрачены непремѣнно, но съ тѣмъ, чтобы хватило вплоть до совершеннолѣтія, потому что слишкомъ довольно и такой подачки для этакихъ дѣтей, а если кому угодно, то пусть самъ раскошеливается, и проч., и проч.“ Я завѣщанія самъ не читалъ, но слышалъ, что именно было что-то странное въ этомъ родѣ и слишкомъ своеобразно выраженное. Главнымъ наслѣдникомъ старухи оказался, однакоже, честный человѣкъ, губернскій предводитель дворянства той губерніи, Ефимъ Петровичъ Полѣновъ. Списавшись съ Ѳедоромъ Павловичемъ и мигомъ угадавъ, что отъ него денегъ на воспитаніе его же дѣтей не вытащишь (хотя тотъ прямо никогда не отказывалъ, а только всегда въ этакихъ случаяхъ тянулъ, иногда даже изливаясь въ чувствительностяхъ), онъ принялъ въ сиротахъ участіе лично и особенно полюбилъ младшаго изъ нихъ, Алексѣя, такъ что тотъ долгое время даже и росъ въ его семействѣ. Это я прошу читателя замѣтить съ самаго начала. И если кому обязаны были молодые люди своимъ воспитаніемъ и образованіемъ на всю свою жизнь, то именно этому Ефиму Петровичу, благороднѣйшему и гуманнѣйшему человѣку, изъ такихъ, какіе рѣдко встрѣчаются. Онъ сохранилъ малюткамъ по ихъ тысячѣ, оставленной генеральшей неприкосновенно, такъ что онѣ къ совершеннолѣтію ихъ возросли процентами, каждая до двухъ, воспиталъ же ихъ на свои деньги, и ужъ, конечно, гораздо болѣе, чѣмъ по тысячѣ издержалъ на каждаго. Въ подробный разсказъ ихъ дѣтства и юности я опять не вступаю, а обозначу лишь самыя главныя обстоятельства. Впрочемъ, о старшемъ, Иванѣ, сообщу лишь то, что онъ росъ какимъ-то угрюмымъ и закрывшимся самъ въ себѣ отрокомъ, далеко не робкимъ, но какъ бы, еще съ десяти лѣтъ, проникнувшимъ въ то, что растутъ они все-таки въ чужой семьѣ и на чужихъ милостяхъ, и что отецъ у нихъ какой-то такой, о которомъ даже и говорить стыдно, и проч., и проч. Этотъ мальчикъ очень скоро, чуть не въ младенчествѣ (какъ передавали, по крайней мѣрѣ), сталъ обнаруживать какія-то необыкновенныя и блестящія способности къ ученію. Въ точности не знаю, но какъ-то такъ случилось, что съ семьей Ефима Петровича онъ разстался чуть ли не тринадцати лѣтъ, перейдя

въ одну изъ московскихъ гимназій и на пансіонъ къ какому-то опытному и знаменитому тогда педагогу, другу съ дѣтства Ефима Петровича. Самъ Иванъ разсказывалъ потомъ, что все произошло, такъ сказать, отъ „пылкости къ добрымъ дѣламъ“ Ефима Петровича, увлекавшагося идеей, что геніальныхъ способностей мальчикъ долженъ и воспитываться у геніальнаго воспитателя. Впрочемъ, ни Ефима Петровича, ни геніальнаго воспитателя уже не было въ живыхъ, когда молодой человѣкъ, кончивъ гимназію, поступилъ въ университетъ. Такъ какъ Ефимъ Петровичъ плохо распорядился и полученіе завѣщанныхъ самодуркой-генеральшей собственныхъ дѣтскихъ денегъ, возросшихъ съ тысячи уже на двѣ процентами, замедлилось по разнымъ совершенно неизбѣжнымъ у насъ формальностямъ и проволочкамъ, то молодому человѣку въ первые его два года въ университетѣ пришлось очень солоно, такъ какъ онъ принужденъ былъ все это время кормить и содержать себя самъ и въ то же время учиться. Замѣтить надо, что онъ даже и попытки не захотѣлъ тогда сдѣлать списаться съ отцомъ, — можетъ быть, изъ гордости, изъ презрѣнія къ нему, а, можетъ быть, вслѣдствіе холоднаго здраваго разсужденія, подсказавшаго ему, что отъ папеньки никакой чуть-чуть серьезной поддержки не получитъ. Какъ бы тамъ ни было, молодой человѣкъ не потерялся нисколько и добился-таки работы, сперва уроками въ двугривенный, а потомъ бѣгая по редакціямъ газетъ и доставляя статейки въ десять строчекъ объ уличныхъ происшествіяхъ, за подписью „Очевидецъ“. Статейки эти, говорятъ, были такъ всегда любопытно и пикантно составлены, что быстро пошли въ ходъ, и ужъ въ этомъ одномъ молодой человѣкъ оказалъ все свое практическое и умственное превосходство надъ тою многочисленною, вѣчно нуждающеюся и несчастною частью нашей учащейся молодежи обоего пола, которая, въ столицахъ, по обыкновенію, съ утра до ночи обиваетъ пороги разныхъ газетъ и журналовъ, не умѣя ничего лучше выдумать, кромѣ вѣчнаго повторенія одной и той же просьбы о переводахъ съ французскаго или о перепискѣ. Познакомившись съ редакціями, Иванъ Ѳедоровичъ все время потомъ не разрывалъ связей съ ними и въ послѣдніе свои годы въ университетѣ сталъ печатать весьма талантливые разборы книгъ на разныя спеціальныя темы, такъ что даже сталъ въ литературныхъ кружкахъ извѣстенъ.

Впрочемъ, лишь въ самое только послѣднее время ему удалось случайно обратить на себя вдругъ особенное вниманіе въ гораздо большемъ кругѣ читателей, такъ что его весьма многіе разомъ тогда отмѣтили и запомнили. Это былъ довольно любопытный случай. Уже выйдя изъ университета и приготовляясь на свои двѣ тысячи съѣздить за границу, Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ напечаталъ въ одной изъ большихъ газетъ одну странную статью, обратившую на себя вниманіе даже и не спеціалистовъ, и, главное, по предмету, повидимому, вовсе ему незнакомому, потому что кончилъ онъ курсъ естественникомъ. Статья была написана на поднявшійся повсемѣстно тогда вопросъ о церковномъ судѣ. Разбирая нѣкоторыя уже поданныя мнѣнія объ этомъ вопросѣ, онъ высказалъ и свой личный взглядъ. Главное было въ тонѣ и въ замѣчательной неожиданности заключенія. А между тѣмъ многіе изъ церковниковъ рѣшительно сочли автора за своего. И вдругъ, рядомъ съ ними, не только гражданственники, но даже сами атеисты принялись и съ своей стороны аплодировать. Въ концѣ концовъ нѣкоторые догадливые люди рѣшили, что вся статья есть лишь дерзкій фарсъ и насмѣшка. Упоминаю о семъ случаѣ особенно потому, что статья эта своевременно проникла и въ подгородный знаменитый нашъ монастырь, гдѣ возникшимъ вопросомъ о церковномъ судѣ вообще интересовались, — проникла и произвела совершенное недоумѣніе. Узнавъ же имя автора, заинтересовались и тѣмъ, что онъ уроженецъ нашего города и сынъ „вотъ этого самаго Ѳедора Павловича". А тутъ вдругъ къ самому этому времени явился къ намъ и самъ авторъ.

Зачѣмъ пріѣхалъ тогда къ намъ Иванъ Ѳедоровичъ,— я, помню, даже и тогда еще задавалъ себѣ этотъ вопросъ съ какимъ-то почти безпокойствомъ. Столь роковой пріѣздъ этотъ, послужившій началомъ ко столькимъ послѣдствіямъ—для меня долго потомъ, почти всегда оставался дѣломъ неяснымъ. Вообще судя, странно было, что молодой человѣкъ, столь ученый, столь гордый и осторожный на видъ, вдругъ явился въ такой безобразный домъ, къ такому отцу, который всю жизнь его игнорировалъ, не зналъ его и не помнилъ, и хоть не далъ бы, конечно, денегъ ни за что и ни въ какомъ случаѣ, если бы сынъ у него попросилъ, но все же всю жизнь боялся, что и сыновья, Иванъ и Алексѣй, тоже когда-нибудь придутъ

да и попросятъ денегъ. И вотъ молодой человѣкъ поселяется въ домѣ такого отца, живетъ съ нимъ мѣсяцъ и другой, и оба уживаются какъ не надо лучше. Послѣднее даже особенно удивило не только меня, но и многихъ другихъ. Петръ Александровичъ Міусовъ, о которомъ я говорилъ уже выше, дальній родственникъ Ѳедора Павловича по его первой женѣ, случился тогда опять у насъ, въ своемъ подгородномъ имѣніи, пожаловавъ изъ Парижа, въ которомъ уже совсѣмъ поселился. Помню, онъ-то именно и дивился всѣхъ болѣе, познакомившись съ заинтересовавшимъ его чрезвычайно молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ не безъ внутренней боли пикировался иногда познаніями. „Онъ гордъ", говорилъ онъ намъ тогда про него, „всегда добудетъ себѣ копейку, у него и теперь есть деньги на за-границу — чего-жъ ему здѣсь надо? Всѣмъ ясно, что онъ пріѣхалъ къ отцу не за деньгами, потому что во всякомъ случаѣ отецъ ихъ не дастъ. Пить вино и развратничать онъ не любитъ, а между тѣмъ старикъ и обойтись безъ него не можетъ, до того ужились!" Эта была правда; молодой человѣкъ имѣлъ даже видимое вліяніе на старика: тотъ почти началъ его иногда какъ будто слушаться, хотя былъ чрезвычайно и даже злобно подчасъ своенравенъ; даже вести себя началъ иногда приличнѣе...

Только впослѣдствіи объяснилось, что Иванъ Ѳедоровичъ пріѣзжалъ отчасти по просьбѣ и по дѣламъ своего старшаго брата, Дмитрія Ѳедоровича, котораго въ первый разъ отъ роду узналъ и увидалъ тоже почти въ это же самое время, въ этотъ самый пріѣздъ, но съ которымъ однакоже по одному важному случаю, касавшемуся болѣе Дмитрія Ѳедоровича, вступилъ еще до пріѣзда своего изъ Москвы въ переписку. Какое это было дѣло, читатель вполнѣ узнаетъ въ свое время въ подробности. Тѣмъ не менѣе даже тогда, когда я уже зналъ и про это особенное обстоятельство, мнѣ Иванъ Ѳедоровичъ все казался загадочнымъ, а пріѣздъ къ намъ—все-таки необъяснимымъ.

Прибавлю еще, что Иванъ Ѳедоровичъ имѣлъ тогда видъ посредника и примирителя между отцомъ и затѣявшимъ тогда большую ссору и даже формальный искъ на отца старшимъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Ѳедоровичемъ.

Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вмѣстѣ въ первый разъ въ жизни и нѣкоторые члены ея въ первый

разъ въ жизни увидали другъ друга. Лишь одинъ только младшій сынъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, уже съ годъ предъ тѣмъ какъ проживалъ у насъ и попалъ къ намъ такимъ образомъ раньше всѣхъ братьевъ. Вотъ про этого-то Алексѣя мнѣ всего труднѣе говорить теперешнимъ моимъ предисловнымъ разсказомъ, прежде чѣмъ вывести его на сцену въ романѣ. Но придется и про него выписать предисловіе по крайней мѣрѣ, чтобы разъяснить предварительно одинъ очень странный пунктъ, именно: будущаго героя моего я принужденъ представить читателямъ съ первой сцены его романа въ ряскѣ послушника. Да, уже съ годъ какъ проживалъ онъ тогда въ нашемъ монастырѣ и, казалось, на всю жизнь готовился въ немъ затвориться.

IV

Третій сынъ Алеша.

Было ему всего двадцать лѣтъ (брату его Ивану шелъ тогда двадцать четвертый годъ, а старшему ихъ брату, Дмитрію, двадцать восьмой). Прежде всего объявляю, что этотъ юноша, Алеша, былъ вовсе не фанатикъ, и, по-моему, по крайней мѣрѣ, даже и не мистикъ вовсе. Заранѣе скажу мое полное мнѣніе: былъ онъ просто ранній человѣколюбецъ, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому только, что въ то время она одна поразила его и представила ему, такъ сказать, идеалъ исхода рвавшейся изъ мрака мірской злобы къ свѣту любви души его. И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней онъ встрѣтилъ тогда необыкновенное, по его мнѣнію, существо—нашего знаменитаго монастырскаго старца Зосиму, къ которому привязался всею горячею первою любовью своего неутолимаго сердца. Впрочемъ, я не спорю, что былъ онъ и тогда уже очень страненъ, начавъ даже съ колыбели. Кстати, я уже упоминалъ про него, что, оставшись послѣ матери всего лишь по четвертому году, онъ запомнилъ ее потомъ на всю жизнь, ея лицо, ея ласки, „точно какъ будто она стоитъ предо мной живая". Такія воспоминанія могутъ запоминаться (и это всѣмъ извѣстно) даже и изъ болѣе ранняго возраста, даже съ двухлѣтняго, но лишь выступая всю жизнь какъ бы свѣтлыми точками изъ мрака, какъ бы вырваннымъ уголкомъ изъ огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кромѣ этого только уголочка. Такъ точно было

и съ нимъ: онъ запомнилъ одинъ вечеръ, лѣтній, тихій, отворенное окно, косые лучи заходящаго солнца (косые-то лучи и запомнились всего болѣе), въ комнатѣ, въ углу, образъ, предъ нимъ зажженную лампадку, а предъ образомъ, на колѣняхъ, рыдающую какъ въ истерикѣ, со взвизгиваніями и вскрикиваніями, мать свою, схватившую его въ обѣ руки, обнявшую его крѣпко, до боли, и молящую за него Богородицу, протягивающую его изъ объятій своихъ обѣими руками къ образу какъ бы подъ покровъ Богородицѣ... и вдругъ вбѣгаетъ нянька и вырываетъ его у нея въ испугѣ. Вотъ картина! Алеша запомнилъ въ тотъ мигъ и лицо своей матери: онъ говорилъ, что оно было изступленное, но прекрасное, судя по тому, сколько могъ онъ припомнить. Но онъ рѣдко кому любилъ повѣрять это воспоминаніе. Въ дѣтствѣ и юности онъ былъ мало экспансивенъ и даже мало разговорчивъ, но не отъ робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротивъ, а отъ чего-то другого, отъ какой-то какъ бы внутренней заботы, собственно личной, до другихъ не касавшейся, но столь для него важной, что онъ изъ-за нея какъ бы забывалъ другихъ. Но людей онъ любилъ: онъ, казалось, всю жизнь жилъ совершенно вѣря въ людей, а между тѣмъ никто и никогда не считалъ его ни простячкомъ, ни наивнымъ человѣкомъ. Что-то было въ немъ что̀ говорило и внушало (да и всю жизнь потомъ), что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія и ни за что не осудитъ. Казалось даже, что онъ все допускалъ, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, въ этомъ смыслѣ онъ до того дошелъ, что его никто не могъ ни удивить, ни испугать, и это даже въ самой ранней своей молодости. Явясь по двадцатому году къ отцу, положительно въ вертепъ грязнаго разврата, онъ, цѣломудренный и чистый, лишь молча удалялся, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣйшаго вида презрѣнія или осужденія кому бы то ни было. Отецъ же, бывшій когда-то приживальщикъ, а потому человѣкъ чуткій и тонкій на обиду, сначала недовѣрчиво и угрюмо его встрѣтившій („много, дескать, молчитъ и много про себя разсуждаетъ"), скоро кончилъ однакоже тѣмъ, что сталъ его ужасно часто обнимать и цѣловать, не далѣе какъ черезъ двѣ какія-нибудь недѣли, правда, съ пьяными слезами, въ хмельной чувствительности, но видно, что полюбивъ его искренно и глубоко,

и такъ какъ никогда, конечно, не удавалось такому какъ онъ никого любить...

Да и всѣ этого юношу любили, гдѣ бы онъ ни появился, и это съ самыхъ дѣтскихъ даже лѣтъ его. Очутившись въ домѣ своего благодѣтеля и воспитателя, Ефима Петровича Полѣнова, онъ до того привязалъ къ себѣ всѣхъ въ этомъ семействѣ, что его рѣшительно считали тамъ какъ бы за родное дитя. А между тѣмъ онъ вступилъ въ этотъ домъ еще въ такихъ младенческихъ лѣтахъ, въ какихъ никакъ нельзя ожидать въ ребенкѣ разсчетливой хитрости, пронырства или искусства заискать и понравиться, умѣнья заставить себя полюбить. Такъ что даръ возбуждать къ себѣ особенную любовь онъ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, въ самой природѣ, безыскусственно и непосредственно. То же самое было съ нимъ и въ школѣ, и однакоже, казалось-бы, онъ именно былъ изъ такихъ дѣтей, которыя возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе товарищей, иногда насмѣшки, а пожалуй и ненависть. Онъ, напримѣръ, задумывался и какъ-бы отъединялся. Онъ съ самаго дѣтства любилъ уходить въ уголъ и книжки читать, и однакоже и товарищи его до того полюбили, что рѣшительно можно было назвать его всеобщимъ любимцемъ во все время пребыванія его въ школѣ. Онъ рѣдко бывалъ рѣзвъ, даже рѣдко веселъ, но всѣ, взглянувъ на него, тотчасъ видѣли, что это вовсе не отъ какой-нибудь въ немъ угрюмости, что, напротивъ, онъ ровенъ и ясенъ. Между сверстниками онъ никогда не хотѣлъ выставляться. Можетъ, поэтому самому онъ никогда и никого не боялся, а между тѣмъ мальчики тотчасъ поняли, что онъ вовсе не гордится своимъ безстрашіемъ, а смотритъ какъ будто и не понимаетъ, что онъ смѣлъ и безстрашенъ. Обиды никогда не помнилъ. Случалось, что черезъ часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику, или самъ съ нимъ заговаривалъ, съ такимъ довѣрчивымъ и ясенымъ видомъ какъ будто ничего и не было между ними вовсе. И не то чтобъ онъ при этомъ имѣлъ видъ, что случайно забылъ или намѣренно простилъ обиду, а просто не считалъ ее за обиду, и это рѣшительно плѣняло и покоряло дѣтей. Была въ немъ одна лишь черта, которая, во всѣхъ классахъ гимназіи, начиная съ низшаго и даже до высшихъ, возбуждала въ его товарищахъ постоянное желаніе подтрунить надъ нимъ, но не изъ злобной насмѣшки, а потому, что это было имъ весело. Черта эта въ немъ была—дикая, неступленная стыдли-

вость и цѣломудренность. Онъ не могъ слышать извѣстныхъ словъ и извѣстныхъ разговоровъ про женщинъ. Эти „извѣстныя“ слова и разговоры, къ несчастію, неискоренимы въ школахъ. Чистые въ душѣ и сердцѣ мальчики, почти еще дѣти, очень часто любятъ говорить въ классахъ между собою и даже вслухъ про такія вещи, картины и образы, о которыхъ не всегда заговорятъ даже и солдаты, мало того, солдаты-то многаго не знаютъ и не понимаютъ изъ того, что̀ уже знакомо, въ этомъ родѣ, столь юнымъ еще дѣтямъ нашего интеллигентнаго и высшаго общества. Нравственнаго разврата тутъ, пожалуй, еще нѣтъ, цинизма тоже нѣтъ настоящаго, развратнаго, внутренняго, но есть наружный, и онъ-то считается у нихъ нерѣдко чѣмъ-то даже деликатнымъ, тонкимъ, молодецкимъ и достойнымъ подражанія. Видя, что „Алешка Карамазовъ“, когда заговорятъ „про это“, быстро затыкаетъ уши пальцами, они становились иногда подлѣ него нарочно толпой и, насильно отнимая руки отъ ушей его, кричали ему въ оба уха скверности, а тотъ рвался, спускался на полъ, ложился, закрывался, и все это не говоря имъ ни слова, не бранясь, молча перенося обиду. Подъ конецъ однако оставили его въ покоѣ и уже не дразнили „дѣвчонкой“, мало того, глядѣли на него въ этомъ смыслѣ съ сожалѣніемъ. Кстати, въ классахъ онъ всегда стоялъ по ученію изъ лучшихъ, но никогда не былъ отмѣченъ первымъ.

Когда умеръ Ефимъ Петровичъ, Алеша два года еще пробылъ въ губернской гимназіи. Неутѣшная супруга Ефима Петровича, почти тотчасъ же по смерти его, отправилась на долгій срокъ въ Италію со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ все изъ особъ женскаго пола, а Алеша попалъ въ домъ къ какимъ-то двумъ дамамъ, которыхъ онъ прежде никогда и не видывалъ, какимъ-то дальнимъ родственницамъ Ефима Петровича, но на какихъ условіяхъ, онъ самъ того не зналъ. Характерная тоже, и даже очень, черта его была въ томъ, что онъ никогда не заботился, на чьи средства живетъ. Въ этомъ онъ былъ совершенная противоположность своему старшему брату, Ивану Ѳедоровичу, пробѣдствовавшему два первые года въ университетѣ, кормя себя своимъ трудомъ, и съ самаго дѣтства горько почувствовавшему, что живетъ онъ на чужихъ хлѣбахъ у благодѣтеля. Но эту странную черту въ характерѣ Алексѣя, кажется, нельзя было осудить очень строго, потому что всякій, чуть-чуть лишь узнавшій его, тотчасъ,

при возникшемъ на этотъ счетъ вопросѣ, становился увѣренъ, что Алексѣй непремѣнно изъ такихъ юношей въ родѣ какъ бы юродивыхъ, которому, попади вдругъ хотя бы даже цѣлый капиталъ, то онъ не затруднится отдать его по первому даже спросу или на доброе дѣло, или, можетъ быть, даже просто ловкому пройдохѣ, если бы тотъ у него попросилъ. Да и вообще говоря, онъ какъ бы вовсе не зналъ цѣны деньгамъ, разумѣется, не въ буквальномъ смыслѣ говоря. Когда ему выдавали карманныя деньги, которыхъ онъ самъ никогда не просилъ, то онъ или по цѣлымъ недѣлямъ не зналъ что̀ съ ними дѣлать, или ужасно ихъ не берегъ, мигомъ онѣ у него исчезали. Петръ Александровичъ Міусовъ, человѣкъ насчетъ денегъ и буржуазной честности весьма щекотливый, разъ, впослѣдствіи, приглядѣвшись къ Алексѣю, произнесъ о немъ слѣдующій афоризмъ: „Вотъ, можетъ быть, единственный человѣкъ въ мірѣ, котораго оставьте вы вдругъ одного и безъ денегъ на площади незнакомаго въ милліонъ жителей города, и онъ ни за что̀ не погибнетъ и не умретъ съ голоду и холоду, потому что его мигомъ накормятъ, мигомъ пристроятъ, а сами не пристроятъ, то онъ самъ мигомъ пристроится и это не будетъ стоить ему никакихъ усилій и никакого униженія, а пристроившему никакой тягости, а, можетъ быть, напротивъ, почтутъ за удовольствіе“.

Въ гимназіи своей онъ курса не кончилъ; ему оставался еще цѣлый годъ, какъ онъ вдругъ объявилъ своимъ дамамъ, что ѣдетъ къ отцу по одному дѣлу, которое взбрело ему въ голову. Тѣ очень жалѣли его и не хотѣли было пускать. Проѣздъ стоилъ очень не дорого и дамы не позволили ему заложить свои часы,—подарокъ семейства благодѣтеля предъ отъѣздомъ за границу, а роскошно снабдили его средствами, даже новымъ платьемъ и бѣльемъ. Онъ однако отдалъ имъ половину денегъ назадъ, объявивъ, что непремѣнно хочетъ сидѣть въ третьемъ классѣ. Пріѣхавъ въ нашъ городокъ, онъ на первые разспросы родителя: „Зачѣмъ именно пожаловалъ, не докончивъ курса?“ прямо ничего не отвѣтилъ, а былъ, какъ говорятъ, не по обыкновенному задумчивъ. Вскорѣ обнаружилось, что онъ разыскиваетъ могилу своей матери. Онъ даже самъ признался было тогда, что затѣмъ только и пріѣхалъ. Но врядъ ли этимъ исчерпывалась вся причина его пріѣзда. Всего вѣроятнѣе, что онъ тогда и самъ не зналъ и не

смогъ бы ни за что объяснить: что̀ именно такое какъ бы поднялось вдругъ изъ его души и неотразимо повлекло его на какую-то новую, невѣдомую, но неизбѣжную уже дорогу. Ѳедоръ Павловичъ не могъ указать ему, гдѣ похоронилъ свою вторую супругу, потому что никогда не бывалъ на ея могилѣ, послѣ того какъ засыпали гробъ, а за давностью лѣтъ и совсѣмъ запамятовалъ, гдѣ ее тогда хоронили...

Къ слову о Ѳедорѣ Павловичѣ. Онъ долгое время предъ тѣмъ прожилъ не въ нашемъ городѣ. Года три-четыре по смерти второй жены онъ отправился на югъ Россіи и подъ конецъ очутился въ Одессѣ, гдѣ и прожилъ сряду нѣсколько лѣтъ. Познакомился онъ сначала, по его собственнымъ словамъ, „со многими жидами, жидками, жидишками и жиденятами", а кончилъ тѣмъ, что подъ конецъ даже не только у жидовъ, но „и у евреевъ былъ принятъ". Надо думать, что въ этотъ-то періодъ своей жизни онъ и развилъ въ себѣ особенное умѣнье сколачивать и выколачивать деньгу. Воротился онъ снова въ нашъ городокъ окончательно всего только года за три до пріѣзда Алеши. Прежніе знакомые его нашли его страшно состарившимся, хотя былъ онъ вовсе еще не такой старикъ, Держалъ же онъ себя не то что благороднѣе, а какъ-то нахальнѣе. Явилась, напримѣръ, наглая потребность въ прежнемъ шутѣ—другихъ въ шуты рядить. Безобразничать съ женскимъ поломъ любилъ не то что попрежнему, а даже какъ бы и отвратительнѣе. Въ скорости онъ сталъ основателемъ по уѣзду многихъ новыхъ кабаковъ. Видно было, что у него есть, можетъ быть, тысячъ до ста или развѣ немногимъ только менѣе. Многіе изъ городскихъ и изъ уѣздныхъ обитателей тотчасъ же ему задолжали, подъ вѣрнѣйшіе залоги, разумѣется. Въ самое же послѣднее время онъ какъ-то обрюзгъ, какъ-то сталъ терять ровность, самоотчетность, впалъ даже въ какое-то легкомысліе, начиналъ одно и кончалъ другимъ, какъ-то раскидывался и все чаще и чаще напивался пьянъ, и если бы не все тотъ же лакей Григорій, тоже порядочно къ тому времени состарившійся и смотрѣвшій за нимъ иногда въ родѣ почти гувернера, то, можетъ быть, Ѳедоръ Павловичъ и не прожилъ бы безъ особыхъ хлопотъ. Пріѣздъ Алеши какъ бы подѣйствовалъ на него даже съ нравственной стороны, какъ бы что-то проснулось въ этомъ безвременномъ старикѣ изъ того, что̀ давно уже заглохло въ душѣ его:

„Знаешь ли ты“, сталъ онъ часто говорить Алешѣ, приглядываясь къ нему, „что ты на нее похожъ, на кликушу-то?“ Такъ называлъ онъ свою покойную жену, мать Алеши. Могилку „кликуши“ указалъ, наконецъ, Алешѣ лакей Григорій. Онъ свелъ его на наше городское кладбище и тамъ, въ дальнемъ уголкѣ, указалъ ему чугунную, недорогую, но опрятную плиту, на которой была даже надпись съ именемъ, званіемъ, лѣтами и годомъ смерти покойницы, а внизу было даже начертано нѣчто въ родѣ четырехстишія изъ старинныхъ, общеупотребительныхъ на могилахъ средняго люда, кладбищенскихъ стиховъ. Къ удивленію, эта плита оказалась дѣломъ Григорія. Это онъ самъ воздвигъ ее надъ могилкой бѣдной „кликуши“ и на собственное иждивеніе, послѣ того, когда Ѳедоръ Павловичъ, которому онъ множество разъ уже досаждалъ напоминаніями объ этой могилкѣ, уѣхалъ, наконецъ, въ Одессу, махнувъ рукой не только на могилы, но и на всѣ свои воспоминанія. Алеша не выказалъ на могилкѣ матери никакой особенной чувствительности; онъ только выслушалъ важный и резонный разсказъ Григорія о сооруженіи плиты, постоялъ понурившись и ушелъ, не вымолвивъ ни слова. Съ тѣхъ поръ, можетъ быть, даже во весь годъ и не бывалъ на кладбищѣ. Но на Ѳедора Павловича этотъ маленькій эпизодъ тоже произвелъ свое дѣйствіе и очень оригинальное. Онъ вдругъ взялъ тысячу рублей и свезъ ее въ нашъ монастырь на поминъ души своей супруги, но не второй, не матери Алеши, не „кликуши“, а первой, Аделаиды Ивановны, которая колотила его. Вечеру того дня онъ напился пьянъ и ругалъ Алешѣ монаховъ. Самъ онъ былъ далеко не изъ религіозныхъ людей: человѣкъ никогда, можетъ быть, пятиконечной свѣчки не поставилъ передъ образомъ. Странные порывы внезапныхъ чувствъ и внезапныхъ мыслей бываютъ у этакихъ субъектовъ.

Я уже говорилъ, что онъ очень обрюзгъ. Физіономія его представляла къ тому времени что-то рѣзко свидѣтельствовавшее о характеристикѣ и сущности всей прожитой имъ жизни. Кромѣ длинныхъ и мясистыхъ мѣшечковъ подъ маленькими его глазами, вѣчно наглыми, подозрительными и насмѣшливыми, кромѣ множества глубокихъ морщинокъ на его маленькомъ, но жирненькомъ личикѣ, къ острому подбородку его подвѣшивался еще большой кадыкъ, мясистый и продолговатый какъ кошелекъ, что придавало ему какой-то отвратительно-сладострастный видъ. Прибавьте

къ тому плотоядный, длинный ротъ, съ пухлыми губами, изъ-подъ которыхъ виднѣлись маленькіе обломки черныхъ, почти истлѣвшихъ зубовъ. Онъ брызгался слюной каждый разъ, когда начиналъ говорить. Впрочемъ, и самъ онъ любилъ шутить надъ своимъ лицомъ, хотя, кажется, оставался имъ доволенъ. Особенно указывалъ онъ на свой носъ, не очень большой, но очень тонкій, съ сильно выдающейся горбиной: „настоящій римскій", говорилъ онъ, „вмѣстѣ съ кадыкомъ настоящая физіономія древняго римскаго патриція временъ упадка". Этимъ онъ, кажется, гордился.

И вотъ довольно скоро послѣ обрѣтенія могилы матери, Алеша вдругъ объявилъ ему, что хочетъ поступить въ монастырь и что монахи готовы допустить его послушникомъ. Онъ объяснилъ при этомъ, что это чрезвычайное желаніе его, и что испрашиваетъ онъ у него торжественное позволеніе, какъ у отца. Старикъ уже зналъ, что старецъ Зосима, спасавшійся въ монастырскомъ скитѣ, произвелъ на его „тихаго мальчика" особенное впечатлѣніе.

— Этотъ старецъ, конечно, у нихъ самый честный монахъ, промолвилъ онъ, молчаливо и вдумчиво выслушавъ Алешу, почти совсѣмъ однако не удивившись его просьбѣ: —Гм... такъ ты вотъ куда хочешь, мой тихій мальчикъ! Онъ былъ вполпьяна и вдругъ улыбнулся своею длинною, полупьяною, но не лишенною хитрости и пьянаго лукавства улыбкою:—Гм... а вѣдь я такъ и предчувствовалъ, что ты чѣмъ-нибудь вотъ этакимъ кончишь, можешь это себѣ представить? Ты именно туда норовилъ. Ну, что жъ, пожалуй, у тебя же есть свои двѣ тысченочки, вотъ тебѣ и приданое, а я тебя, мой ангелъ, никогда не оставлю, да и теперь внесу за тебя что̀ тамъ слѣдуетъ, если спросятъ. Ну, а если не спросятъ, къ чему намъ навязываться, не такъ ли? Вѣдь ты денегъ что канарейка тратишь, по два зернышка въ недѣльку... Гм... Знаешь, въ одномъ монастырѣ есть одна подгородная слободка и ужъ всѣмъ тамъ извѣстно, что въ ней однѣ только „монастырскія жены живутъ", такъ ихъ тамъ называютъ, штукъ тридцать женъ, я думаю... Я тамъ былъ, и, знаешь, интересно, въ своемъ родѣ, разумѣется, въ смыслѣ разнообразія. Скверно тѣмъ только, что руссизмъ ужасный, французенокъ совсѣмъ еще нѣтъ, могли бы быть, средства знатныя. Провѣдаютъ— пріѣдутъ. Ну, а здѣсь ничего, здѣсь нѣтъ монастырскихъ женъ, а монаховъ штукъ двѣсти. Честно. Постники. Сознаюсь... Гм. Такъ ты къ монахамъ хочешь? А вѣдь мнѣ

тебя жаль, Алеша, воистину, вѣришь ли, я тебя полюбилъ... Впрочемъ, вотъ и удобный случай: помолишься и за насъ грѣшныхъ, слишкомъ мы ужъ, сидя здѣсь, нагрѣшили. Я все помышлялъ о томъ: кто это за меня когда-нибудь помолится? Есть ли въ свѣтѣ такой человѣкъ? Милый ты мальчикъ, я вѣдь на этотъ счетъ ужасно какъ глупъ, ты, можетъ быть, не вѣришь? Ужасно. Видишь ли: я объ этомъ, какъ ни глупъ, а все думаю, все думаю, изрѣдка, разумѣется, не все же вѣдь. Вѣдь невозможно же, думаю, чтобы черти меня крючьями позабыли стащить къ себѣ, когда я помру. Ну, вотъ и думаю: крючья? А откуда они у нихъ? Изъ чего? Желѣзные? Гдѣ же ихъ куютъ? Фабрика, что ли, у нихъ какая тамъ есть? Вѣдь тамъ въ монастырѣ иноки навѣрно полагаютъ, что въ адѣ, напримѣръ, есть потолокъ. А я вотъ готовъ повѣрить въ адъ, только чтобъ безъ потолка; выходитъ онъ какъ будто деликатнѣе, просвѣщеннѣе, по-лютерански, то-есть. А въ сущности вѣдь не все ли равно: съ потолкомъ или безъ потолка? Вѣдь вотъ вопросъ-то проклятый въ чемъ заключается! Ну, а коли нѣтъ потолка, стало быть и нѣтъ крючьевъ. А коли нѣтъ крючьевъ, стало быть, и все по боку; значитъ, опять невѣроятно: кто же меня тогда крючьями-то потащитъ, потому что если ужъ меня не потащатъ, то что жъ тогда будетъ, гдѣ же правда на свѣтѣ? Il faudrait les inventer, эти крючья для меня нарочно, для меня одного, потому что если бы ты зналъ, Алеша, какой я срамникъ!..

— Да тамъ нѣтъ крючьевъ, тихо и серьезно приглядываясь къ отцу, выговорилъ Алеша.

— Такъ, такъ, однѣ только тѣни крючьевъ. Знаю, знаю. Это какъ одинъ французъ описывалъ адъ: J'ai vu l'ombre d'un cocher qui avec l'ombre d'une brosse frottait l'ombre d'une carrosse. Ты, голубчикъ, почему знаешь, что нѣтъ крючьевъ? Побудешь у монаховъ, не то заносишь. А, впрочемъ, ступай, доберись тамъ до правды, да и приди разсказать: все же идти на тотъ свѣтъ будетъ легче, коли навѣрно знаешь, что тамъ такое. Да и приличнѣе тебѣ будетъ у монаховъ, чѣмъ у меня, съ пьянымъ старикашкой, да съ дѣвчонками... хоть до тебя, какъ до ангела, ничего не коснется. Ну, авось и тамъ до тебя ничего не коснется, вотъ вѣдь я почему и дозволяю тебѣ, что на послѣднее надѣюсь. Умъ-то у тебя не чортъ съѣлъ. Погоришь и погаснешь, вылѣчишься и назадъ придешь. А я тебя буду ждать: вѣдь я чувствую же, что ты единствен-

ный человѣкъ на землѣ, который меня не осудилъ, мальчикъ ты мой милый, я вѣдь чувствую же это, не могу же я это не чувствовать!..

И онъ даже расхныкался. Онъ былъ сентименталенъ. Онъ былъ золъ и сентименталенъ.

V.

Старцы.

Можетъ-быть, кто изъ читателей подумаетъ, что мой молодой человѣкъ былъ болѣзненная, экстазная, бѣдно развитая натура, блѣдный мечтатель, чахлый, испитой человѣкъ. Напротивъ, Алеша былъ въ то время статный, краснощекій, со свѣтлымъ взоромъ, пышащій здоровьемъ девятнадцатилѣтній подростокъ. Онъ былъ въ то время даже очень красивъ собой, строенъ, средне-высокаго роста, темнорусъ, съ правильнымъ, хотя нѣсколько удлиненнымъ оваломъ лица, съ блестящими темносѣрыми, широко разставленными глазами, весьма задумчивый и, повидимому, весьма спокойный. Скажутъ, можетъ-быть, что красныя щеки не мѣшаютъ ни фанатизму, ни мистицизму; а мнѣ такъ кажется, что Алеша былъ даже больше чѣмъ кто-нибудь реалистомъ. О, конечно, въ монастырѣ онъ совершенно вѣровалъ въ чудеса, но, по-моему, чудеса реалиста никогда не смутятъ. Не чудеса склоняютъ реалиста къ вѣрѣ. Истинный реалистъ, если онъ не вѣрующій, всегда найдетъ въ себѣ силу и способность не повѣрить и чуду, а если чудо станетъ передъ нимъ неотразимымъ фактомъ, то онъ скорѣе не повѣритъ своимъ чувствамъ, чѣмъ допуститъ фактъ. Если же и допуститъ его, то допуститъ какъ фактъ естественный, но доселѣ лишь бывшій ему неизвѣстнымъ. Въ реалистѣ вѣра не отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры. Если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реализму своему долженъ непремѣнно допустить и чудо. Апостолъ Ѳома объявилъ, что не повѣритъ, прежде чѣмъ не увидитъ, а когда увидѣлъ, сказалъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Чудо ли заставило его увѣровать? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, а увѣровалъ онъ лишь единственно потому, что желалъ увѣровать, и, можетъ-быть, уже вѣровалъ вполнѣ, въ тайникѣ существа своего, даже еще тогда, когда произносилъ: „Не повѣрю, пока не увижу“.

Скажутъ, можетъ-быть, что Алеша былъ тупъ, не развитъ, не кончилъ курса и проч. Что онъ не кончилъ

курса, это была правда, но сказать, что онъ былъ тупъ или глупъ было бы большою несправедливостью. Просто повторю, что уже сказалъ выше: вступилъ онъ на эту дорогу потому только, что въ это время она одна поразила его и представила ему разомъ весь идеалъ исхода рвавшейся изъ мрака къ свѣту души его. Прибавьте, что онъ былъ юноша отчасти уже нашего послѣдняго времени, то-есть честный по природѣ своей, требующій правды, ищущій ее и вѣрующій въ нее, а, увѣровавъ, требующій немедленнаго участія въ ней всею силой души своей, требующій скораго подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя бы всѣмъ пожертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя, къ несчастію, не понимаютъ эти юноши, что жертва жизнію есть, можетъ-быть, самая легчайшая изъ всѣхъ жертвъ во множествѣ такихъ случаевъ, и что пожертвовать, напримѣръ, изъ своей кипучей юностью жизни пять-шесть лѣтъ на трудное, тяжелое ученіе, на науку, хотя бы для того только, чтобы удесятерить въ себѣ силы для служенія той же правдѣ и тому же подвигу, который излюбилъ и который предположилъ себѣ совершить — такая жертва сплошь да рядомъ для многихъ изъ нихъ почти совсѣмъ не по силамъ. Алеша избралъ лишь противоположную всѣмъ дорогу, но съ тою же жаждой скораго подвига. Едва только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ же естественно сказалъ себѣ: „Хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромисса не принимаю“. Точно такъ же, если бы онъ порѣшилъ, что безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ бы пошелъ въ атеисты и въ соціалисты (ибо соціализмъ есть не только рабочій вопросъ, или такъ-называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю). Алешѣ казалось даже страннымъ и невозможнымъ жить попрежнему. Сказано: „Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершенъ“. Алеша и сказалъ себѣ: „Не могу я отдать вмѣсто „всего“, два рубля, а вмѣсто „иди за мной“ ходить лишь къ обѣднѣ“. Изъ воспоминанія его младенчества, можетъ-быть, сохранилось нѣчто о нашемъ подгородномъ монастырѣ, куда могла возить его мать къ обѣднѣ. Можетъ-быть, подѣйствовали и косые

лучи заходящаго солнца передъ образомъ, къ которому его протягивала его кликуша-мать. Задумчивый онъ пріѣхалъ къ намъ тогда, можетъ-быть, только лишь посмотрѣть: все ли тутъ или и тутъ только два рубля и — въ монастырѣ встрѣтилъ этого старца...

Старецъ этотъ, какъ я уже объяснилъ выше, былъ старецъ Зосима; но надо бы здѣсь сказать нѣсколько словъ и о томъ: что̀ такое вообще „старцы" въ нашихъ монастыряхъ, и вотъ жаль, что чувствую себя на этой дорогѣ не довольно компетентнымъ и твердымъ. Попробую, однако, сообщить малыми словами и въ поверхностномъ изложеніи. И, во-первыхъ, люди спеціальные и компетентные утверждаютъ, что старцы и старчество появились у насъ, по нашимъ русскимъ монастырямъ, весьма лишь недавно, даже нѣтъ и ста лѣтъ, тогда какъ на всемъ православномъ Востокѣ, особенно на Синаѣ и на Аѳонѣ, существуютъ далеко уже за тысячу лѣтъ. Утверждаютъ, что существовало старчество и у насъ на Руси во времена древнѣйшія, или непремѣнно должно было существовать, но вслѣдствіе бѣдствій Россіи, татарщины, смутъ, перерыва прежнихъ сношеній съ Востокомъ послѣ покоренія Константинополя, установленіе это забылось у насъ и старцы пресѣклись. Возрождено же оно у насъ опять съ конца прошлаго столѣтія однимъ изъ великихъ подвижниковъ (какъ называютъ его) Паисіемъ Величковскимъ и учениками его, но и доселѣ, даже черезъ сто почти лѣтъ, существуетъ весьма еще не во многихъ монастыряхъ, и даже подвергалось иногда почти что гоненіямъ, какъ неслыханное по Россіи новшество. Въ особенности процвѣло оно у насъ на Руси въ одной знаменитой пустынѣ Козельской Оптиной. Когда и кѣмъ насадилось оно и въ нашемъ подгородномъ монастырѣ — не могу сказать, но въ немъ уже считалось третье преемничество старцевъ, и старецъ Зосима былъ изъ нихъ послѣднимъ, но и онъ уже почти помиралъ отъ слабости и болѣзней, а замѣнить его даже и не знали кѣмъ. Вопросъ для нашего монастыря былъ важный, такъ какъ монастырь нашъ ничѣмъ особенно не былъ до тѣхъ поръ знаменитъ: въ немъ не было ни мощей святыхъ угодниковъ, ни явленныхъ чудотворныхъ иконъ, не было даже славныхъ преданій, связанныхъ съ нашею исторіей, не числилось за нимъ историческихъ подвиговъ и заслугъ отечеству. Процвѣлъ онъ и прославился на всю Россію именно изъ-за

старцевъ, чтобъ видѣть и послушать которыхъ стекались къ намъ богомольцы толпами со всей Россіи изъ-за тысячъ верстъ. И такъ, что̀ же такое старецъ? Старецъ — это берущій вашу душу, вашу волю въ свою душу и свою волю. Избравъ старца, вы отъ своей воли отрѣшаетесь и отдаете ее ему въ полное послушаніе, съ полнымъ самострѣшеніемъ. Этотъ искусъ, эту страшную школу жизни обрекающій себя принимаетъ добровольно, въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собою до того, чтобы могъ, наконецъ, достичь, чрезъ послушаніе всей жизни, уже совершенной свободы, то-есть свободы отъ самого себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю жизнь прожили, а себя въ себѣ не нашли. Изобрѣтеніе это, то-есть старчество,—не теоретическое, а выведено на Востокѣ изъ практики, въ наше время уже тысячелѣтней. Обязанности къ старцу не то что̀ обыкновенное „послушаніе“, всегда бывшее и въ нашихъ русскихъ монастыряхъ. Тутъ признается вѣчная исповѣдь всѣхъ подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшимъ и связаннымъ. Разсказываютъ, напримѣръ, что однажды, въ древнѣйшія времена христіанства, одинъ таковой послушникъ, не исполнивъ нѣкоего послушанія, возложеннаго на него его старцемъ, ушелъ отъ него изъ монастыря и пришелъ въ другую страну, изъ Сиріи въ Египетъ. Тамъ, послѣ долгихъ и великихъ подвиговъ сподобился, наконецъ, претерпѣть истязанія и мученическую смерть за вѣру. Когда же церковь хоронила тѣло его, уже чтя его какъ святого, то вдругъ при возгласѣ діакона: „Оглашенные изыдите!“—гробъ съ лежащимъ въ немъ тѣломъ мученика сорвался съ мѣста и былъ извергнутъ изъ храма, и такъ до трехъ разъ. И, наконецъ, лишь узнали, что этотъ святой страстотерпецъ нарушилъ послушаніе и ушелъ отъ своего старца, а потому безъ разрѣшенія старца не могъ быть и прощенъ, даже несмотря на свои великіе подвиги. Но когда призванный старецъ разрѣшилъ его отъ послушанія, тогда лишь могло совершиться и погребеніе его. Конечно, все это лишь древняя легенда, но вотъ и недавняя быль: одинъ изъ нашихъ современныхъ иноковъ спасался на Аѳонѣ и вдругъ старецъ его повелѣлъ ему оставить Аѳонъ, который онъ излюбилъ какъ святыню, какъ тихое пристанище, до глубины души своей, и идти сначала въ Іерусалимъ на поклоненіе Святымъ мѣстамъ, а потомъ обратно въ Россію, на сѣверъ, въ Си-

бирь: „Тамъ тебѣ мѣсто, а не здѣсь“. Пораженный и убитый горемъ монахъ явился въ Константинополь ко вселенскому патріарху и молилъ разрѣшить его послушаніе, и вотъ вселенскій владыко отвѣтилъ ему, что не только онъ, патріархъ вселенскій, не можетъ разрѣшить его, но и на всей землѣ нѣтъ, да и не можетъ быть такой власти, которая бы могла разрѣшить его отъ послушанія, разъ уже наложеннаго старцемъ, кромѣ лишь власти самого того старца, который наложилъ его. Такимъ образомъ старчество одарено властью въ извѣстныхъ случаяхъ безпредѣльною и непостижимою. Вотъ почему во многихъ монастыряхъ старчество у насъ сначала встрѣчено было почти гоненіемъ. Между тѣмъ старцевъ тотчасъ же стали высоко уважать въ народѣ. Къ старцамъ нашего монастыря стекались, напримѣръ, и простолюдины, и самые знатные люди съ тѣмъ, чтобы, повергаясь предъ ними, исповѣдывать имъ свои сомнѣнія, свои грѣхи, свои страданія, и испросить совѣта и наставленія. Видя это, противники старцевъ кричали, вмѣстѣ съ прочими обвиненіями, что здѣсь самовластно и легкомысленно унижается таинство исповѣди, — хотя безпрерывное исповѣдываніе своей души старцу послушникомъ его или свѣтскимъ производится совсѣмъ не какъ таинство. Кончилось, однако, тѣмъ, что старчество удержалось и мало-по-малу по русскимъ монастырямъ водворяется. Правда, пожалуй, и то, что это испытанное и уже тысячелѣтнее орудіе для нравственнаго перерожденія человѣка отъ рабства къ свободѣ и къ нравственному совершенствованію можетъ обратиться въ обоюду острое орудіе, такъ что иного, пожалуй, приведетъ, вмѣсто смиренія и окончательнаго самообладанія, напротивъ, къ самой сатанинской гордости, то-есть къ цѣпямъ, а не къ свободѣ.

Старецъ Зосима былъ лѣтъ шестидесяти пяти, происходилъ изъ помѣщиковъ, когда-то въ самой ранней юности былъ военнымъ и служилъ на Кавказѣ оберъ-офицеромъ. Безъ сомнѣнія, онъ поразилъ Алешу какимъ-нибудь особеннымъ свойствомъ души своей. Алеша жилъ въ самой кельѣ старца, который очень полюбилъ его и допустилъ къ себѣ. Надо замѣтить, что Алеша, живя тогда въ монастырѣ, былъ еще ничѣмъ не связанъ, могъ выходить куда угодно хоть на цѣлые дни, и, если носилъ свой подрясникъ, то добровольно, чтобы ни отъ кого въ монастырѣ не отличаться. Но ужъ, конечно, это ему и самому

нравилось. Можетъ быть, на юношеское воображеніе Алеши сильно подѣйствова эта сила и слава, которая окружала безпрерывно его старца. Про старца Зосиму говорили многіе, что онъ, допуская къ себѣ столь многіе годы всѣхъ приходившихъ къ нему исповѣдывать сердце свое и жаждавшихъ отъ него совѣта и врачебнаго слова,—до того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость уже столь тонкую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадывать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово. Но при этомъ Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти всѣ, входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бесѣду, входили въ страхѣ и безпокойствѣ, а выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое. Алешу необыкновенно поражало и то, что старецъ былъ вовсе не строгъ; напротивъ, былъ всегда почти веселъ въ обхожденіи. Монахи про него говорили, что онъ именно привязывается душой къ тому, кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбитъ. Изъ монаховъ находились, даже и подъ самый конецъ жизни старца, ненавистники и завистники его, но ихъ становилось уже мало, и они молчали, хотя было въ ихъ числѣ нѣсколько весьма знаменитыхъ и важныхъ въ монастырѣ лицъ, какъ, напримѣръ, одинъ изъ древнѣйшихъ иноковъ, великій молчальникъ и необычайный постникъ. Но все-таки огромное большинство держало уже несомнѣнно сторону старца Зосимы, а изъ нихъ очень многіе даже любили его всѣмъ сердцемъ, горячо и искренно: нѣкоторые же были привязаны къ нему почти фанатически. Такіе прямо говорили, не совсѣмъ, впрочемъ, вслухъ, что онъ святой, что въ этомъ нѣтъ уже и сомнѣнія и, предвидя близкую кончину его, ожидали немедленныхъ даже чудесъ и великой славы въ самомъ ближайшемъ будущемъ отъ почившаго монастырю. Въ чудесную силу старца вѣрилъ безпрекословно и Алеша, точно такъ же, какъ безпрекословно вѣрилъ и разсказу о вылетавшемъ изъ церкви гробѣ. Онъ видѣлъ, какъ многіе изъ приходившихъ съ больными дѣтьми или взрослыми родственниками и мо-

лившихъ, чтобы старецъ возложилъ на нихъ руки и прочиталъ надъ ними молитву, возвращались въ скорости, а иные такъ и на другой же день, обратно, и, падая со слезами предъ старцемъ, благодарили его за исцѣленіе ихъ больныхъ. Исцѣленіе ли было въ самомъ дѣлѣ, или только естественное улучшеніе въ ходѣ болѣзни—для Алеши въ этомъ вопроса не существовало, ибо онъ вполнѣ уже вѣрилъ въ духовную силу своего учителя и слава его была какъ бы собственнымъ его торжествомъ. Особенно же дрожало у него сердце и весь какъ бы сіялъ онъ, когда старецъ выходилъ къ толпѣ ожидавшихъ его выхода у вратъ скита богомольцевъ изъ простого народа, нарочно, чтобы видѣть старца и благословиться у него стекавшагося со всей Россіи. Они повергались предъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ кликушъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ. Въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни онъ становился иногда такъ слабъ, что едва бывалъ въ силахъ выйти изъ кельи, и богомольцы ждали иногда въ монастырѣ его выхода по нѣскольку дней. Для Алеши не составляло никакого вопроса, за что̀ они его любятъ, за что̀ они повергаются предъ нимъ и плачутъ отъ умиленія, завидѣвъ лишь лицо его. О, онъ отлично понималъ, что для смиренной души русскаго простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія какъ обрѣсти святыню или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему: „Если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ-то, гдѣ-то, святой и высшій; у того зато правда, тотъ зато знаетъ правду: значитъ, не умираетъ она на землѣ, а, стало быть, когда-нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ какъ обѣщано“. Зналъ Алеша, что такъ именно и чувствуетъ и даже разсуждаетъ народъ, онъ понималъ это, но то, что старецъ именно и есть этотъ самый святой, этотъ хранитель Божьей правды въ глазахъ народа — въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько и самъ, вмѣстѣ съ этими плачущими мужиками и больными ихъ бабами, протягивающими старцу дѣтей своихъ. Убѣжденіе же въ томъ, что старецъ, почивши,

доставитъ необычайную славу монастырю, царило въ душѣ Алеши, можетъ быть, даже сильнѣе, чѣмъ у кого бы то ни было въ монастырѣ. И вообще все это послѣднее время какой-то глубокій, пламенный внутренній восторгъ все сильнѣе и сильнѣе разгорался въ его сердцѣ. Не смущало его нисколько, что этотъ старецъ все-таки стоитъ предъ нимъ единицей: „Все равно, онъ святъ, въ его сердцѣ тайна обновленія для всѣхъ, та мощь, которая установитъ, наконецъ, правду на землѣ и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга и не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ, а будутъ всѣ какъ дѣти Божіи и наступитъ настоящее Царство Христово“. Вотъ о чемъ грезилось сердцу Алеши.

Кажется, что на Алешу произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе пріѣздъ его обоихъ братьевъ, которыхъ онъ до того совершенно не зналъ. Съ братомъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ онъ сошелся скорѣе и ближе, хотя тотъ пріѣхалъ позже, чѣмъ съ другимъ (единоутробнымъ) братомъ своимъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ ужасно интересовался узнать брата Ивана, но вотъ тотъ уже жилъ два мѣсяца, а они хоть и видѣлись довольно часто, но все еще никакъ не сходились: Алеша былъ и самъ молчаливъ и какъ бы ждалъ чего-то, какъ бы стыдился чего-то, а братъ Иванъ, хотя Алеша и подмѣтилъ вначалѣ на себѣ его длинные и любопытные взгляды, кажется, вскорѣ пересталъ даже и думать о немъ. Алеша замѣтилъ это съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Онъ приписалъ равнодушіе брата разницѣ въ ихъ лѣтахъ и въ особенности въ образованіи. Но думалъ Алеша и другое: столь малое любопытство и участіе къ нему, можетъ быть, происходило у Ивана и отъ чего-нибудь совершенно Алешѣ неизвѣстнаго. Ему все казалось почему-то, что Иванъ чѣмъ-то занятъ, чѣмъ-то внутреннимъ и важнымъ, что онъ стремится къ какой-то цѣли, можетъ быть, очень трудной, такъ что ему не до него, и что вотъ это и есть та единственная причина, почему онъ смотритъ на Алешу разсѣянно. Задумывался Алеша и о томъ: не было ли тутъ какого-нибудь презрѣнія къ нему, къ глупенькому послушнику, отъ ученаго атеиста. Онъ совершенно зналъ, что братъ его атеистъ. Презрѣніемъ этимъ, если оно и было, онъ обидѣться не могъ, но все-таки съ какимъ-то непонятнымъ себѣ самому и тревожнымъ смущеніемъ ждалъ когда братъ захочетъ

подойти къ нему ближе. Братъ Дмитрій Ѳедоровичъ отзывался о братѣ Иванѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ, съ какимъ-то особымъ проникновеніемъ говорилъ о немъ. Отъ него же узналъ Алеша всѣ подробности того важнаго дѣла, которое связало, въ послѣднее время, обоихъ старшихъ братьевъ замѣчательною и тѣсною связью. Восторженные отзывы Дмитрія о братѣ Иванѣ были тѣмъ характернѣе въ глазахъ Алеши, что братъ Дмитрій былъ человѣкъ, въ сравненіи съ Иваномъ, почти вовсе необразованный, и оба поставленные вмѣстѣ одинъ съ другимъ, составляли, казалось, такую яркую противоположность, какъ личности и характеры, что, можетъ быть, нельзя бы было и придумать двухъ человѣкъ несходнѣе между собой.

Вотъ въ это-то время и состоялось свиданіе или, лучше сказать, семейная сходка всѣхъ членовъ этого нестройнаго семейства въ кельѣ старца, имѣвшая чрезвычайное вліяніе на Алешу. Предлогъ къ этой сходкѣ, по-настоящему, былъ фальшивый. Тогда именно несогласія по наслѣдству и по имущественнымъ расчетамъ Дмитрія Ѳедоровича съ отцомъ его Ѳедоромъ Павловичемъ дошли, повидимому, до невозможной точки. Отношенія обострились и стали невыносимы. Ѳедоръ Павловичъ, кажется, первый и, кажется, шутя подалъ мысль о томъ, чтобы сойтись всѣмъ въ кельѣ старца Зосима, и хоть и не прибѣгая къ прямому его посредничеству, все-таки какъ-нибудь сговориться приличнѣе, при чемъ санъ и лицо старца могли бы имѣть нѣчто внушающее и примирительное. Дмитрій Ѳедоровичъ, никогда у старца не бывавшій и даже не видавшій его, конечно, подумалъ, что старцемъ его хотятъ какъ бы испугать; но такъ какъ онъ и самъ укорялъ себя втайнѣ за многія особенно рѣзкія выходки въ спорѣ съ отцомъ за послѣднее время, то и принялъ вызовъ. Кстати замѣтить, что жилъ онъ не въ домѣ отца, какъ Иванъ Ѳедоровичъ, а отдѣльно, въ другомъ концѣ города. Тутъ случилось, что проживавшій въ это время у насъ Петръ Александровичъ Міусовъ особенно ухватился за эту идею Ѳедора Павловича. Либералъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, вольнодумецъ и атеистъ, онъ, отъ скуки, можетъ быть, а, можетъ быть, для легкомысленной потѣхи, принялъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайное участіе. Ему вдругъ захотѣлось посмотрѣть на монастырь и на „святого“. Такъ какъ все еще продолжались его давніе споры съ монастыремъ и

все еще тянулась тяжба о поземельной границѣ ихъ владѣній, о какихъ-то правахъ рубки въ лѣсу и рыбной ловли въ рѣчкѣ и проч., то онъ и поспѣшилъ этимъ воспользоваться подъ предлогомъ того, что самъ желалъ бы сговориться съ отцомъ игуменомъ: нельзя ли какъ-нибудь покончить ихъ споры полюбовно? Посѣтителя съ такими благими намѣреніями, конечно, могли принять въ монастырѣ внимательнѣе и предупредительнѣе, чѣмъ просто любопытствующаго. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ соображеній и могло устроиться нѣкоторое внутреннее вліяніе въ монастырѣ на больного старца, въ послѣднее время почти совсѣмъ уже не покидавшаго келью и отказывавшаго, по болѣзни, даже обыкновеннымъ посѣтителямъ. Кончилось тѣмъ, что старецъ далъ согласіе и день былъ назначенъ. „Кто меня поставилъ дѣлить между ними?“ заявилъ онъ только съ улыбкой Алешѣ.

Узнавъ о свиданіи, Алеша очень смутился. Если кто изъ этихъ тяжущихся и пререкающихся могъ смотрѣть серьезно на этотъ съѣздъ, то, безъ сомнѣнія, одинъ только братъ Дмитрій; остальные же всѣ придутъ изъ цѣлей легкомысленныхъ и для старца, можетъ быть, оскорбительныхъ,—вотъ что понималъ Алеша. Братъ Иванъ и Міусовъ пріѣдутъ изъ любопытства, можетъ быть, самаго грубаго, а отецъ его, можетъ быть, для какой-нибудь шутовской и актерской сцены. О, Алеша хоть и молчалъ, но довольно и глубоко зналъ уже своего отца. Повторяю, этотъ мальчикъ былъ вовсе не столь простодушнымъ, какимъ всѣ считали его. Съ тяжелымъ чувствомъ дожидался онъ назначеннаго дня. Безъ сомнѣнія, онъ очень заботился про себя, въ сердцѣ своемъ, о томъ, чтобы какъ-нибудь всѣ эти семейныя несогласія кончились. Тѣмъ не менѣе самая главная забота его была о старцѣ: онъ трепеталъ за него, и за славу его, боялся оскорбленій ему, особенно тонкихъ, вѣжливыхъ насмѣшекъ Міусова и недомолвокъ свысока ученаго Ивана, такъ это все представлялось ему. Онъ даже хотѣлъ рискнуть предупредить старца, сказать ему что-нибудь объ этихъ могущихъ прибыть лицахъ, но подумалъ и промолчалъ. Передалъ только наканунѣ назначеннаго дня чрезъ одного знакомаго брату Дмитрію, что очень любитъ его и ждетъ отъ него исполненія обѣщаннаго. Дмитрій задумался, потому что ничего не могъ припомнить, что бы такое ему обѣщалъ, отвѣтилъ только письмомъ, что изо всѣхъ силъ себя сдержитъ

„предъ низостью“, и хотя глубоко уважаетъ старца и брата Ивана, но убѣжденъ, что тутъ или какая-нибудь ему ловушка, или недостойная комедія. „Тѣмъ не менѣе, скорѣе проглочу свой языкъ, чѣмъ манкирую уваженіемъ къ святому мужу, тобою столь уважаемому“, закончилъ Дмитрій свое письмецо. Алешу оно не весьма ободрило.

КНИГА ВТОРАЯ.

Неумѣстное собраніе.

I.

Пріѣхали въ монастырь.

Выдался прекрасный, теплый и ясный день. Былъ конецъ августа. Свиданіе со старцемъ условлено было сейчасъ послѣ поздней обѣдни, примѣрно къ половинѣ двѣнадцатаго. Наши посѣтители монастыря къ обѣднѣ, однако, не пожаловали, а пріѣхали ровно къ шапочному разбору. Пріѣхали они въ двухъ экипажахъ; въ первомъ экипажѣ, въ щегольской коляскѣ, запряженной парой дорогихъ лошадей, прибылъ Петръ Александровичъ Міусовъ, со своимъ дальнимъ родственникомъ, очень молодымъ человѣкомъ, лѣтъ двадцати, Петромъ Ѳомичемъ Калгановымъ. Этотъ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ; Міусовъ же, у котораго онъ почему-то пока жилъ, соблазнялъ его съ собою за границу, въ Цюрихъ или въ Іену, чтобы тамъ поступить въ университетъ и окончить курсъ. Молодой человѣкъ еще не рѣшился. Онъ былъ задумчивъ и какъ бы разсѣянъ. Лицо его было пріятное, сложеніе крѣпкое, ростъ довольно высокій. Во взглядѣ его случалась странная неподвижность: подобно всѣмъ очень разсѣяннымъ людямъ, онъ глядѣлъ на васъ иногда въ упоръ и подолгу, а между тѣмъ совсѣмъ васъ не видѣлъ. Былъ онъ молчаливъ и нѣсколько неловокъ, но бывало, — впрочемъ, не иначе, какъ съ кѣмъ-нибудь одинъ на одинъ,—что онъ вдругъ станетъ ужасно разговорчивъ, порывистъ, смѣшливъ, смѣясь Богъ знаетъ иногда чему. Но одушевленіе его столь же быстро и вдругъ по-

гасало, какъ быстро и вдругъ нарождалось. Былъ онъ одѣтъ всегда хорошо и даже изысканно; онъ уже имѣлъ нѣкоторое независимое состояніе и ожидалъ еще гораздо бо́льшаго. Съ Алешей былъ пріятелемъ.

Въ весьма ветхой, дребезжащей, но помѣстительной извозчичьей коляскѣ, на парѣ старыхъ сиворозовыхъ лошадей, сильно отстававшихъ отъ коляски Міусова, подъѣхали и Ѳедоръ Павловичъ съ сынкомъ своимъ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Дмитрію Ѳедоровичу еще наканунѣ сообщенъ былъ и часъ, и срокъ, но онъ запоздалъ. Посѣтители оставили экипажи у ограды, въ гостиницѣ, и вошли въ монастырскія ворота пѣшкомъ. Кромѣ Ѳедора Павловича, остальные трое, кажется, никогда не видали никакого монастыря, а Міусовъ такъ лѣтъ тридцать, можетъ быть, и въ церкви не былъ. Онъ озирался съ нѣкоторымъ любопытствомъ, не лишеннымъ нѣкоторой напущенной на себя развязности. Но для наблюдательнаго его ума, кромѣ церковныхъ и хозяйственныхъ построекъ, весьма, впрочемъ, обыкновенныхъ, во внутренности монастыря ничего не представлялось. Проходилъ послѣдній народъ изъ церкви, снимая шапки и крестясь. Между простонародьемъ встрѣчались и пріѣзжіе болѣе высшаго общества, двѣ-три дамы, одинъ очень старый генералъ; всѣ они стояли въ гостиницѣ. Нищіе обступили нашихъ посѣтителей тотчасъ же, но имъ никто ничего не далъ. Только Петруша Калгановъ вынулъ изъ портмонэ гривенникъ и, заторопившись и сконфузившись Богъ знаетъ отчего, поскорѣе сунулъ одной бабѣ, быстро проговоривъ: „раздѣлить по-ровну“. Никто ему на это ничего изъ его спутниковъ не замѣтилъ, такъ что нечего было ему конфузиться; но, замѣтивъ это, онъ еще болѣе сконфузился.

Было, однако, странно; ихъ по-настоящему должны бы были ждать и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ даже почетомъ: одинъ недавно еще тысячу рублей пожертвовалъ, а другой былъ богатѣйшимъ помѣщикомъ и образованнѣйшимъ, такъ сказать, человѣкомъ, отъ котораго всѣ они тутъ отчасти зависѣли по поводу ловель рыбы въ рѣкѣ, вслѣдствіе оборота, какой могъ принять процессъ. И вотъ однакожъ никто изъ офиціальныхъ лицъ ихъ не встрѣчаетъ. Міусовъ разсѣянно смотрѣлъ на могильные камни около церкви и хотѣлъ было замѣтить, что могилки эти, должно быть, обошлись дорогонько хоронившимъ, за право хоронить въ такомъ „святомъ“ мѣстѣ, но промолчалъ:

простая либеральная иронія перерождалась въ немъ почти что ужъ въ гнѣвъ.

— Чортъ, у кого здѣсь, однако, спросить, въ этой безтолковщинѣ... Это нужно бы рѣшить, потому что время уходитъ,—промолвилъ онъ вдругъ какъ бы говоря про себя.

Вдругъ подошелъ къ нимъ одинъ пожилой, лысоватый господинъ, въ широкомъ лѣтнемъ пальто и съ сладкими глазками. Приподнявъ шляпу, медово присюсюкивая, отрекомендовался онъ всѣмъ вообще тульскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Онъ мигомъ вошелъ въ заботу нашихъ путниковъ.

— Старецъ Зосима живетъ въ скиту, въ скиту наглухо, шаговъ четыреста отъ монастыря, черезъ лѣсокъ, черезъ лѣсокъ...

— Это и я знаю-съ, что черезъ лѣсокъ, отвѣтилъ ему Ѳедоръ Павловичъ, да дорогу-то мы не совсѣмъ помнимъ, давно не бывали.

— А вотъ въ эти врата, и прямо лѣскомъ... лѣскомъ. Пойдемте. Не угодно ли... мнѣ самому... я самъ... Вотъ сюда, сюда...

Они вышли изъ вратъ и направились лѣсомъ. Помѣщикъ Максимовъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, не то что шелъ, а, лучше сказать, почти бѣжалъ сбоку, разсматривая ихъ всѣхъ съ судорожнымъ, невозможнымъ почти любопытствомъ. Въ глазахъ его было что-то лупоглазое.

— Видите ли, мы къ этому старцу по своему дѣлу, замѣтилъ строго Міусовъ,—мы, такъ сказать, получили аудіенцію „у сего лица“, а потому хоть и благодарны вамъ за дорогу, но васъ ужъ не попросимъ входить вмѣстѣ.

— Я былъ, былъ, я уже былъ... Un chevalier parfait! и помѣщикъ пустилъ на воздухъ щелчокъ пальцемъ.

— Кто это chevalier? спросилъ Міусовъ.

— Старецъ, великолѣпный старецъ, старецъ... Честь и слава монастырю. Зосима. Это такой старецъ...

Но безпорядочную рѣчь его перебилъ догнавшій путниковъ монашекъ, въ клобукѣ, невысокаго росту, очень блѣдный и испитой. Ѳедоръ Павловичъ и Міусовъ остановились. Монахъ съ чрезвычайно вѣжливымъ, почти поясным поклономъ произнесъ:

— Отецъ игуменъ, послѣ посѣщенія вашего въ скитѣ, покорнѣйше проситъ васъ всѣхъ, господа, у него откушать. У него въ часъ, не позже. И васъ также, обратился онъ къ Максимову.

— Это я непремѣнно исполню! вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ, ужасно обрадовавшись приглашенію,—непремѣнно. И знаете, мы всѣ дали слово вести себя здѣсь порядочно... А вы, Петръ Александровичъ, пожалуете?

— Да еще же бы нѣтъ? Да я зачѣмъ же сюда и пріѣхалъ, какъ не видѣть всѣ ихъ здѣшніе обычаи. Я однимъ только затрудняюсь, именно тѣмъ, что я теперь съ вами, Ѳедоръ Павловичъ...

— Да, Дмитрія Ѳедоровича еще не существуетъ.

— Да и отлично бы было, если бъ онъ манкировалъ, мнѣ пріятно, что ли, вся эта ваша мазня, да еще съ вами на придачу? Такъ къ обѣду будемъ, поблагодарите отца игумена, обратился онъ къ монашку.

— Нѣтъ, ужъ я васъ обязанъ руководить къ самому старцу, отвѣтилъ монахъ.

— А я, коль такъ, къ отцу-игумену, я тѣмъ временемъ прямо къ отцу-игумену, защебеталъ помѣщикъ Максимовъ.

— Отецъ-игуменъ въ настоящій часъ занятъ, но какъ вамъ будетъ угодно... нерѣшительно произнесъ монахъ.

— Преназойливый старичишка, замѣтилъ вслухъ Міусовъ, когда помѣщикъ Максимовъ побѣжалъ обратно къ монастырю.

— На фонъ-Зона похожъ, проговорилъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Вы только это и знаете... Съ чего онъ похожъ на фонъ-Зона? Вы сами-то видѣли фонъ-Зона?

— Его карточку видѣлъ. Хоть не чертами лица, такъ чѣмъ-то неизъяснимымъ. Чистѣйшій второй экземпляръ фонъ-Зона. Я это всегда по одной физіономіи узнаю.

— А, пожалуй; вы въ этомъ знатокъ. Только вотъ что, Ѳедоръ Павловичъ, вы сами сейчасъ изволили упомянуть, что мы дали слово вести себя прилично, помните. Говорю вамъ, удержитесь. А начнете шута изъ себя строить, такъ я не намѣренъ, чтобы меня съ вами на одну доску здѣсь поставили... Видите, какой человѣкъ, обратился онъ къ монаху,—я вотъ съ нимъ боюсь входить къ порядочнымъ людямъ.

На блѣдныхъ, безкровныхъ губахъ монашка показалась тонкая, молчальная улыбочка, не безъ хитрости въ своемъ родѣ, но онъ ничего не отвѣтилъ и слишкомъ ясно было, что промолчалъ изъ чувства собственнаго достоинства. Міусовъ еще больше наморщился.

„О, чортъ ихъ всѣхъ дери, вѣками лишь выработанная наружность, а въ сущности шарлатанство и вздоръ!“ пронеслось у него въ головѣ.

— Вотъ и скитъ, дошли! крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ,— ограда и врата запертыя.

И онъ пустился класть большіе кресты предъ святыми, написанными надъ вратами и сбоку вратъ.

— Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, замѣтилъ онъ.—Всѣхъ здѣсь въ скиту двадцать пять святыхъ спасаются, другъ на друга смотрятъ и капусту ѣдятъ. И ни одной-то женщины въ эти врата не войдетъ, вотъ что̀ особенно замѣчательно. И это вѣдь дѣйствительно такъ. Только какъ же я слышалъ, что старецъ дамъ принимаетъ? обратился онъ вдругъ къ монашку.

— Изъ простонародья женскій полъ и теперь тутъ, вонъ тамъ, лежатъ у галлерейки, ждутъ. А для высшихъ дамскихъ лицъ пристроены здѣсь же на галлереѣ, но внѣ ограды, двѣ комнатки, вотъ эти самыя окна, и старецъ выходитъ къ нимъ внутреннимъ ходомъ, когда здоровъ, то-есть все же за ограду. Вотъ и теперь одна барыня, помѣщица харьковская, госпожа Хохлакова, дожидается со своею разслабленною дочерью. Вѣроятно обѣщалъ къ нимъ выйти, хотя въ послѣднія времена столь разслабѣлъ, что и къ народу едва появляется.

— Значитъ, все же лазеечка къ барынямъ-то изъ скита проведена. Не подумайте, отецъ святой, что я что-нибудь, я только такъ. Знаете, на Аѳонѣ, это вы слышали ль, не только посѣщенія женщинъ не полагается, но и совсѣмъ не полагается женщинъ и никакихъ даже существъ женскаго рода, курочекъ, индюшечекъ, телушечекъ...

— Ѳедоръ Павловичъ, я ворочусь и васъ брошу здѣсь одного, и васъ безъ меня отсюда выведутъ за руки, это я вамъ предрекаю.

— А чѣмъ я вамъ мѣшаю, Петръ Александровичъ. Посмотрите-ка, вскричалъ онъ вдругъ, шагнувъ за ограду скита,—посмотрите, въ какой они долинѣ розъ проживаютъ!

Дѣйствительно, хоть розъ теперь и не было, но было множество рѣдкихъ и прекрасныхъ осеннихъ цвѣтовъ вездѣ, гдѣ только можно было ихъ насадить. Лелѣяла ихъ видимо опытная рука. Цвѣтники устроены были въ оградахъ церквей и между могилъ. Домикъ, въ которомъ находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, съ галлереей предъ входомъ, былъ тоже обсаженъ цвѣтами.

— А было ль это при предыдущемъ старцѣ, Варсонофіи? Тотъ изящности-то, говорятъ, не любилъ, вскакивалъ и билъ палкой даже дамскій полъ, замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ, подымаясь на крылечко.

— Старецъ Варсонофій дѣйствительно казался иногда какъ бы юродивымъ, но много разсказываютъ и глупостей. Палкой же никогда и никого не бивалъ, отвѣтилъ монашекъ.—Теперь, господа, минутку повремените, я о васъ повѣщу.

— Ѳедоръ Павловичъ, въ послѣдній разъ условіе, слышите. Ведите себя хорошо, не то я вамъ отплачу, успѣлъ еще разъ пробормотать Міусовъ.

— Совсѣмъ неизвѣстно, съ чего вы въ такомъ великомъ волненіи, насмѣшливо замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ,—али грѣшковъ боитесь! Вѣдь онъ, говорятъ, по глазамъ узнаетъ кто съ чѣмъ приходитъ. Да и какъ высоко цѣните вы ихъ мнѣніе, вы, такой парижанинъ и передовой господинъ, удивили вы меня даже, вотъ что!

Но Міусовъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ сарказмъ, ихъ попросили войти. Вошелъ онъ нѣсколько раздраженный...

„Ну, теперь заранѣе себя знаю, раздраженъ, заспорю... начну горячиться—и себя и идею унижу, мелькнуло у него въ головѣ“.

II.

Старый шутъ.

Они вступили въ комнату почти одновременно со старцемъ, который при появленіи ихъ тотчасъ показался изъ своей спаленки. Въ кельѣ еще раньше ихъ дожидались выхода старца два скитскіе іеромонаха, одинъ отецъ библіотекарь, а другой—отецъ Паисій, человѣкъ больной, хотя и не старый, но очень, какъ говорили про него, ученый. Кромѣ того ожидалъ, стоя въ уголку, и все время потомъ оставался стоя—молодой паренекъ, лѣтъ двадцати двухъ на видъ, въ статскомъ сюртукѣ, семинаристъ и будущій богословъ, покровительствуемый почему-то монастыремъ и братіею. Онъ былъ довольно высокаго роста, со свѣжимъ лицомъ, съ широкими скулами, съ умными и внимательными узенькими карими глазами. Въ лицѣ выражалась совершенная почтительность, но приличная, безъ видимаго заискиванія. Вошедшихъ гостей онъ даже и не привѣтствовалъ поклономъ, какъ лицо имъ не равное, а, напротивъ, подвѣдомственное и зависимое.

Старецъ Зосима вышелъ въ сопровожденіи послушника и Алеши. Іеромонахи поднялись и привѣтствовали его глубочайшимъ поклономъ, пальцами касаясь земли, затѣмъ, благословившись, поцѣловали руку его. Благословивъ ихъ, старецъ отвѣтилъ имъ каждому столь же глубокимъ поклономъ, перстами касаясь земли, и у каждаго изъ нихъ попросилъ и для себя благословенія. Вся церемонія произошла весьма серьезно, вовсе не какъ вседневный обрядъ какой-нибудь, а почти съ какимъ-то чувствомъ. Міусову однако показалось, что все дѣлается съ намѣреннымъ внушеніемъ. Онъ стоялъ впереди всѣхъ вошедшихъ съ нимъ товарищей. Слѣдовало бы,—и онъ даже обдумывалъ это еще вчера вечеромъ,—несмотря ни на какія идеи, единственно изъ простой вѣжливости (такъ какъ ужъ здѣсь такіе обычаи), подойти и благословиться у старца, по крайней мѣрѣ, хоть благословиться, если ужъ не цѣловать руку. Но увидя теперь вездѣ эти поклоны и лобызанія іеромонаховъ, онъ въ одну секунду перемѣнилъ рѣшеніе: важно и серьезно отдалъ онъ довольно глубокій, по свѣтскому, поклонъ и отошелъ къ стулу. Точно такъ же поступилъ и Ѳедоръ Павловичъ, на этотъ разъ какъ обезьяна совершенно передразнивъ Міусова. Иванъ Ѳедоровичъ раскланялся очень важно и вѣжливо, но тоже держа руки по швамъ, а Калгановъ до того сконфузился, что и совсѣмъ не поклонился. Старецъ опустилъ поднявшуюся было для благословенія руку и, поклонившись имъ въ другой разъ, попросилъ всѣхъ садиться. Кровь залила щеки Алеши; ему стало стыдно. Сбывались его дурныя предчувствія.

Старецъ усѣлся на кожаный краснаго дерева диванчикъ, очень старинной постройки, а гостей, кромѣ обоихъ іеромонаховъ, помѣстилъ у противоположной стѣны, всѣхъ четверыхъ рядышкомъ, на четырехъ, краснаго дерева, обитыхъ черною сильно протершеюся кожей, стульяхъ. Іеромонахи усѣлись по сторонамъ, одинъ у дверей, другой у окна. Семинаристъ, Алеша и послушникъ оставались стоя. Вся келья была очень не обширна и какого-то вялаго вида. Вещи и мебель были грубыя, бѣдныя и самыя лишь необходимыя. Два горшка цвѣтовъ на окнѣ, а въ углу много иконъ—одна изъ нихъ Богородицы, огромнаго размѣра и писанная вѣроятно еще задолго до раскола. Предъ ней теплилась лампадка. Около нея двѣ другія иконы въ сіяющихъ ризахъ, затѣмъ около нихъ

дѣланные херувимчики, фарфоровыя яички, католическій крестъ изъ слоновой кости съ обнимающею его Mater dolorosa, и нѣсколько заграничныхъ гравюръ съ великихъ итальянскихъ художниковъ прошлыхъ столѣтій. Подлѣ этихъ изящныхъ и дорогихъ гравюрныхъ изображеній красовалось нѣсколько листовъ самыхъ простонароднѣйшихъ русскихъ литографій святыхъ, мучениковъ, святителей и проч., продающихся за копейки на всѣхъ ярмаркахъ. Было нѣсколько литографическихъ портретовъ русскихъ современныхъ и прежнихъ архіереевъ, но уже по другимъ стѣнамъ. Міусовъ бѣгло окинулъ всю эту „казенщину“ и пристальнымъ взглядомъ уперся въ старца. Онъ уважалъ свой взглядъ, имѣлъ эту слабость, во всякомъ случаѣ въ немъ простительную, принявъ въ соображеніе, что было ему ужъ пятьдесятъ лѣтъ,—возрастъ, въ который умный, свѣтскій и обезпеченный человѣкъ всегда становится къ себѣ почтительнѣе, иногда даже поневолѣ.

Съ перваго мгновенія старецъ ему не понравился. Въ самомъ дѣлѣ было что-то въ лицѣ старца, что̀ многимъ бы и кромѣ Міусова не понравилось. Это былъ невысокій сгорбленный человѣкъ съ очень слабыми ногами, всего только шестидесяти пяти лѣтъ, но казавшійся отъ болѣзни гораздо старше, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять. Все лицо его, впрочемъ, очень сухенькое, было усѣяно мелкими морщинками, особенно было много ихъ около глазъ. Глаза же были небольшіе, изъ свѣтлыхъ, быстрые и блестящіе въ родѣ какъ бы двѣ блестящія точки. Сѣденькіе волосики сохранились лишь на вискахъ, бородка была крошечная и рѣденькая, клиномъ, а губы, часто усмѣхавшіяся—тоненькія, какъ двѣ бичевочки. Носъ не то чтобы длинный, а востренькій, точно у птички.

„По всѣмъ признакамъ злобная и мелко-надменная душонка“, пролетѣло въ головѣ Міусова. Вообще онъ былъ очень недоволенъ собой.

Пробившіе часы помогли начать разговоръ. Ударило скорымъ боемъ на дешевыхъ маленькихъ стѣнныхъ часахъ съ гирями ровно двѣнадцать.

— Ровнешенько настоящій часъ, вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ,—а сына моего Дмитрія Ѳедоровича все еще нѣтъ. Извиняюсь за него, священный старецъ! (Алеша весь такъ и вздрогнулъ отъ „священнаго старца“). Самъ же я всегда аккуратенъ, минута въ минуту, помня, что точность есть вѣжливость королей.

— Но вѣдь вы, по крайней мѣрѣ, не король, пробормоталъ, сразу не удержавшись, Міусовъ.

— Да, это такъ, не король. И представьте, Петръ Александровичъ, вѣдь это я и самъ зналъ, ей Богу! И вотъ всегда-то я такъ некстати скажу! Ваше преподобіе! воскликнулъ онъ съ какимъ-то мгновеннымъ паѳосомъ:— Вы видите передъ собою шута воистину! Такъ и рекомендуюсь. Старая привычка, увы! А что некстати иногда вру, такъ это даже съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ разсмѣшить и пріятнымъ быть. Надобно же быть пріятнымъ, не правда ли? Пріѣзжаю лѣтъ семь назадъ въ одинъ городишко, были тамъ дѣлишки, а я кой-съ-какими купчишками завязалъ было компаньишку. Идемъ къ исправнику, потому что его надо было кой-о-чемъ попросить и откушать къ намъ позвать. Выходитъ исправникъ, высокій, толстый, бѣлокурый и угрюмый человѣкъ, — самые опасные въ такихъ случаяхъ субъекты: печень у нихъ, печень. Я къ нему прямо и, знаете, съ развязностью свѣтскаго человѣка: „г. исправникъ, будьте, говорю, нашимъ, такъ сказать, Направникомъ?“—„Какимъ это“, говоритъ, „Направникомъ?“ Я ужъ вижу съ первой полсекунды, что дѣло не выгорѣло, стоитъ серьезный, уперся: „Я, говорю, пошутить желалъ, для общей веселости, такъ какъ г. Направникъ извѣстный нашъ русскій капельмейстеръ, а намъ именно нужно для гармоніи нашего предпріятія въ родѣ какъ бы тоже капельмейстера“... И резонно вѣдь разъяснилъ и сравнилъ, не правда ли? „Извините, говоритъ, я исправникъ и каламбуровъ изъ званія моего строить не позволю“. Повернулся и уходитъ. Я за нимъ, кричу: „да, да, вы исправникъ, а не Направникъ!“—„Нѣтъ, говоритъ, ужъ коль сказано, такъ значитъ я Направникъ“. И представьте, вѣдь дѣло-то наше разстроилось! И все-то я такъ, всегда-то я такъ. Непремѣнно-то я своею же любезностью себѣ наврежу!—Разъ, много лѣтъ уже тому назадъ, говорю одному вліятельному даже лицу: „Ваша супруга щекотливая женщина-съ“, — въ смыслѣ, то-есть чести, такъ сказать, нравственныхъ качествъ, а онъ мнѣ вдругъ на то: „А вы ее щекотали?“ Не удержался, вдругъ, дай, думаю, полюбезничаю: „да, говорю, щекоталъ-съ“, ну тутъ онъ меня и пощекоталъ... Только давно ужъ это произошло, такъ что ужъ не стыдно и разсказать; вѣчно-то я такъ себѣ наврежу.

— Вы это и теперь дѣлаете, съ отвращеніемъ пробормоталъ Міусовъ.

Старецъ молча разглядывалъ того и другого.

— Будто! Представьте, вѣдь я и это зналъ, Петръ Александровичъ, и даже знаете: предчувствовалъ что̀ дѣлаю, только что сталъ говорить, и даже, знаете, предчувствовалъ, что вы мнѣ первый это и замѣтите. Въ эти секунды, когда вижу, что шутка у меня не выходитъ, у меня, ваше преподобіе, обѣ щеки къ нижнимъ деснамъ присыхать начинаютъ, почти какъ бы судорога дѣлается; это у меня еще съ юности, какъ я былъ у дворянъ приживальщикомъ и приживаніемъ хлѣбъ добывалъ. Я шутъ коренной, съ рожденія, все равно, ваше преподобіе, что юродивый; не спорю, что и духъ нечистый, можетъ, во мнѣ заключается, небольшого, впрочемъ, калибра, поважнѣе-то другую бы квартиру выбралъ, только не вашу, Петръ Александровичъ, и вы вѣдь квартира не важная. Но зато я вѣрую, въ Бога вѣрую. Я только въ послѣднее время усомнился, но зато теперь сижу и жду великихъ словесъ. Я, ваше преподобіе, какъ философъ Дидеротъ. Извѣстно ли вамъ, святѣйшій отецъ, какъ Дидеротъ - философъ явился къ митрополиту Платону при императрицѣ Екатеринѣ. Входитъ и прямо сразу: „Нѣтъ Бога“. На что̀ великій святитель подымаетъ перстъ и отвѣчаетъ: „Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ!“ Тотъ какъ былъ, такъ и въ ноги: „Вѣрую, кричитъ, и крещеніе принимаю“. Такъ его и окрестили тутъ же. Княгиня Дашкова была воспріемницей, а Потемкинъ крестнымъ отцомъ...

— Ѳедоръ Павловичъ, это несносно! Вѣдь вы сами знаете, что вы врете, и что этотъ глупый анекдотъ не правда, къ чему вы ломаетесь? дрожащимъ голосомъ проговорилъ, совершенно уже не сдерживая себя, Міусовъ.

— Всю жизнь предчувствовалъ, что не правда! съ увлеченіемъ воскликнулъ Ѳедоръ Павловичъ.—Я вамъ, господа, зато всю правду скажу: старецъ великій! Простите, я послѣднее, о крещеніи-то Дидерота, самъ сейчасъ присочинилъ, вотъ сію только минуточку, вотъ какъ разсказывалъ, а прежде никогда и въ голову не приходило. Для пикантности присочинилъ. Для того и ломаюсь, Петръ Александровичъ, чтобы милѣе быть. А, впрочемъ, и самъ не знаю иногда для чего. А что до Дидерота, такъ я этого: „рече безумца“, разъ двадцать, отъ здѣшнихъ же помѣщиковъ еще въ молодыхъ лѣтахъ моихъ слышалъ, какъ у нихъ проживалъ; отъ вашей тетеньки, Петръ Александровичъ, Мавры Ѳоминичны, тоже между про-

чимъ слышалъ. Всѣ-то они до сихъ поръ увѣрены, что безбожникъ Дидеротъ къ митрополиту Платону спорить о Богѣ приходилъ...

Міусовъ всталъ, не только потерявъ терпѣніе, но даже какъ бы забывшись. Онъ былъ въ бѣшенствѣ и сознавалъ, что отъ этого самъ смѣшонъ. Дѣйствительно, въ кельѣ происходило нѣчто совсѣмъ невозможное. Въ этой самой кельѣ, можетъ-быть, уже сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, еще при прежнихъ старцахъ, собирались посѣтители, но всегда съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, не иначе. Всѣ почти допускаемые, входя въ келью, понимали, что имъ оказываютъ тѣмъ великую милость. Многіе повергались на колѣни и не вставали съ колѣнъ во все время посѣщенія. Многіе изъ „высшихъ" даже лицъ и даже изъ ученѣйшихъ, мало того, нѣкоторые изъ вольнодумныхъ даже лицъ, приходившія или по любопытству, или по иному поводу, входя въ келью со всѣми или получая свиданіе наединѣ, ставили себѣ въ первѣйшую обязанность, всѣ до единаго, глубочайшую почтительность и деликатность во все время свиданія, тѣмъ болѣе, что здѣсь денегъ не полагалось, а была лишь любовь и милость съ одной стороны, а съ другой—покаяніе и жажда разрѣшить какой-нибудь трудный вопросъ души или трудный моментъ въ жизни собственнаго сердца. Такъ что вдругъ такое шутовство, которое обнаружилъ Ѳедоръ Павловичъ, непочтительное къ мѣсту, въ которомъ онъ находился, произвело въ свидѣтеляхъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, недоумѣніе и удивленіе. Іеромонахи, впрочемъ, нисколько не измѣнившіе своихъ физіономій, съ серьезнымъ вниманіемъ слѣдили, что скажетъ старецъ, но, кажется, готовились уже встать, какъ Міусовъ. Алеша готовъ былъ заплакать и стоялъ понуривъ голову. Всего страннѣе казалось ему то, что братъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, единственно на котораго онъ надѣялся и который одинъ имѣлъ такое вліяніе на отца, что могъ бы его остановить, сидѣлъ теперь совсѣмъ неподвижно на своемъ стулѣ, опустивъ глаза и, повидимому, съ какимъ-то даже любознательнымъ любопытствомъ ожидалъ чѣмъ это все кончится, точно самъ онъ былъ совершенно тутъ посторонній человѣкъ. На Ракитина (семинариста), тоже Алешѣ знакомаго и почти близкаго, Алеша и взглянуть не могъ: онъ зналъ его мысли (хотя зналъ ихъ одинъ Алеша во всемъ монастырѣ).

— Простите меня... началъ Міусовъ, обращаясь къ старцу,—что я, можетъ-быть, тоже кажусь вамъ участникомъ въ этой недостойной шуткѣ. Ошибка моя въ томъ, что я повѣрилъ, что даже и такой, какъ Ѳедоръ Павловичъ, при посѣщеніи столь почтеннаго лица, захочетъ понять свои обязанности... Я не сообразилъ, что придется просить извиненія именно за то, что съ нимъ входишь...

Петръ Александровичъ не договорилъ и, совсѣмъ сконфузившись, хотѣлъ было уже выйти изъ комнаты.

— Не безпокойтесь, прошу васъ, привсталъ вдругъ со своего мѣста на свои хилыя ноги старецъ и, взявъ за обѣ руки Петра Александровича, усадилъ его опять въ кресла.—Будьте спокойны, прошу васъ. Я особенно прошу васъ быть моимъ гостемъ, — и съ поклономъ повернувшись, сѣлъ опять на свой диванчикъ.

— Великій старецъ, изреките, оскорбляю я васъ моею живостью или нѣтъ? вскричалъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, схватившись обѣими руками за ручки креселъ и какъ бы готовясь изъ нихъ выпрыгнуть сообразно съ отвѣтомъ.

— Убѣдительно и васъ прошу не безпокоиться и не стѣсняться, внушительно проговорилъ ему старецъ. — Не стѣсняйтесь, будьте совершенно какъ дома. А главное, не стыдитесь столь самого себя, ибо отъ сего лишь все и выходитъ.

— Совершенно какъ дома? То-есть въ натуральномъ-то видѣ? О, этого много, слишкомъ много, но — съ умиленіемъ принимаю! Знаете, благословенный отецъ, вы меня на натуральный-то видъ не вызывайте, не рискуйте... до натуральнаго вида я и самъ не дойду. Это я чтобы васъ охранить предупреждаю. Ну-съ, а прочее все еще подвержено мраку неизвѣстности, хотя бы нѣкоторые и желали расписать меня. Это я по вашему адресу, Петръ Александровичъ, говорю, а вамъ, святѣйшее существо, вотъ что вамъ: восторгъ изливаю! Онъ привсталъ и, поднявъ вверхъ руки, произнесъ: — „Блаженно чрево носившее тебя и сосцы тебя питавшіе, сосцы особенно!“ Вы меня сейчасъ замѣчаніемъ вашимъ: „Не стыдиться столь самого себя, потому что отъ сего лишь все и выходитъ“,— вы меня замѣчаніемъ этимъ какъ бы насквозь прочкнули и внутри прочли. Именно мнѣ все такъ и кажется, когда я къ людямъ вхожу, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шута принимаютъ, такъ вотъ „давай же и я въ самомъ дѣлѣ сыграю шута, не боюсь вашихъ мнѣній, по-

тому что всѣ вы до единаго подлѣе меня!" Вотъ потому я и шутъ, отъ стыда шутъ, старецъ великій, отъ стыда. Отъ мнительности одной и буяню. Вѣдь если бъ я только былъ увѣренъ, когда вхожу, что всѣ меня за милѣйшаго и умнѣйшаго человѣка сейчасъ же примутъ, — Господи, какой бы я тогда былъ добрый человѣкъ! Учитель! повергся онъ вдругъ на колѣни, — что̀ мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную?

Трудно было и теперь рѣшить: шутитъ онъ, или въ самомъ дѣлѣ въ такомъ умиленіи?

Старецъ поднялъ на него глаза и съ улыбкой произнесъ:

— Сами давно знаете, что̀ надо дѣлать, ума въ васъ довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невоздержанію, не предавайтесь сладострастію, а особенно обожанію денегъ, да закройте ваши питейные дома, если не можете всѣхъ, то хоть два или три. А главное, самое главное — не лгите.

— То-есть это про Дидерота, что ли?

— Нѣтъ, не то, что про Дидерота. Главное, самому себѣ не лгите. Лгущій самому себѣ и собственную ложь свою слушающій до того доходитъ, что ужъ никакой правды ни въ себѣ, ни кругомъ не различаетъ, а, сталобыть, входитъ въ неуваженіе и къ себѣ, и къ другимъ. Не уважая же никого, перестаетъ любить, а чтобы, не имѣя любви, занять себя и развлечь, предается страстямъ и грубымъ сладостямъ, и доходитъ совсѣмъ до скотства въ порокахъ своихъ, а все отъ безпрерывной лжи и людямъ, и себѣ самому. Лгущій себѣ самому прежде всѣхъ и обидѣться можетъ. Вѣдь обидѣться иногда очень пріятно, не такъ ли? И вѣдь знаетъ человѣкъ, что никто не обидѣлъ его, а что онъ самъ себѣ обиду навыдумалъ и налгалъ для красы, самъ преувеличилъ, чтобы картину создать, къ слову привязался и изъ горошинки сдѣлалъ гору, — знаетъ самъ это, а все-таки самый первый обижается, обижается до пріятности, до ощущенія большого удовольствія, а тѣмъ самымъ доходитъ и до вражды истинной... Да встаньте же, сядьте, прошу васъ очень, вѣдь все это тоже ложные жесты.

— Блаженный человѣкъ! Дайте ручку поцѣловать, подскочилъ Ѳедоръ Павловичъ и быстро чмокнулъ старца въ худенькую его руку.—Именно, именно пріятно обидѣться. Это вы такъ хорошо сказали, что я и не слыхалъ еще. Именно, именно я-то всю жизнь и обижался до пріятно-

сти, для эстетики обижался, ибо не только пріятно, да и красиво иной разъ обиженнымъ быть; — вотъ что̀ вы забыли, великій старецъ: красиво! Это я въ книжку запишу! А лгалъ я, лгалъ, рѣшительно всю жизнь мою, на всякъ день и часъ. Воистину ложь есмь и отецъ лжи! Впрочемъ, кажется, не отецъ лжи, это я все въ текстахъ сбиваюсь, ну, хоть сынъ лжи и того будетъ довольно. Только... ангелъ вы мой... про Дидерота иногда можно! Дидеротъ не повредитъ, а вотъ иное словцо повредитъ. Старецъ великій, кстати, вотъ было забылъ, а вѣдь такъ и положилъ еще съ третьяго года, здѣсь справиться, именно заѣхать сюда и настоятельно разузнать и спросить: не прикажите только Петру Александровичу прерывать. Вотъ что спрошу: справедливо ли, отецъ великій, то что въ *Четьи-Минеи* повѣствуется гдѣ-то — о какомъ-то святомъ чудотворцѣ, котораго мучили за вѣру и когда отрубили ему подъ конецъ голову, то онъ всталъ, поднялъ свою голову, и „любезно ее лобызаше“, и долго шелъ неся ее въ рукахъ и „любезно ее лобызаше“. Справедливо это или нѣтъ, отцы честные?

— Нѣтъ, несправедливо, сказалъ старецъ.

— Ничего подобнаго во всѣхъ *Четьихъ-Минеяхъ* не существуетъ. Про какого это святого, вы говорите, такъ написано? спросилъ іеромонахъ, отецъ библіотекарь.

— Самъ не знаю, про какого. Не знаю и не вѣдаю. Введенъ въ обманъ, говорили. Слышалъ, и знаете кто разсказалъ? А вотъ Петръ Александровичъ Міусовъ, вотъ что̀ за Дидерота сейчасъ разсердился, вотъ онъ-то и разсказалъ.

— Никогда я вамъ этого не разсказывалъ, я съ вами и не говорю никогда вовсе.

— Правда, вы мнѣ не разсказывали; но вы разсказывали въ компаніи, гдѣ и я находился, четвертаго года это дѣло было. Я потому и упомянулъ, что разсказомъ симъ смѣшливымъ вы потрясли мою вѣру, Петръ Александровичъ. Вы не знали о семъ, не вѣдали, а я воротился домой съ потрясенною вѣрой и съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе сотрясаюсь. Да, Петръ Александровичъ, вы великаго паденія были причиной. Это ужъ не Дидеротъ-съ!

Ѳедоръ Павловичъ патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было уже всѣмъ, что онъ опять представляется. Но Міусовъ все-таки былъ больно уязвленъ.

— Какой вздоръ, и все это вздоръ, бормоталъ онъ. —

Я, дѣйствительно, можетъ-быть, говорилъ когда-то... только не вамъ. Мнѣ самому говорили. Я это въ Парижѣ слышалъ, отъ одного француза, что будто бы у насъ въ *Четьи-Минеи* это за обѣдней читаютъ... Это очень ученый человѣкъ, который спеціально изучалъ статистику Россіи... долго жилъ въ Россіи... Я самъ *Четьи-Минеи* не читалъ... да и не стану читать... Мало ли что болтается за обѣдомъ?.. Мы тогда обѣдали...

— Да, вотъ вы тогда обѣдали, а я вотъ вѣру-то и потерялъ! поддразнивалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашей вѣры! крикнулъ было Міусовъ, но вдругъ сдержалъ себя, съ презрѣніемъ проговоривъ: — вы буквально мараете все, къ чему не прикоснетесь.

Старецъ вдругъ поднялся съ мѣста.

— Простите, господа, что оставляю васъ пока на нѣсколько лишь минутъ, проговорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ посѣтителямъ, — но меня ждутъ еще раньше вашего прибывшіе. А вы все-таки не лгите, прибавилъ онъ, обратившись къ Ѳедору Павловичу съ веселымъ лицомъ.

Онъ пошелъ изъ кельи, Алеша и послушникъ бросились чтобы свести его съ лѣстницы. Алеша задыхался, онъ радъ былъ уйти, но радъ былъ и тому, что старецъ не обиженъ и веселъ. Старецъ направился къ галлереѣ, чтобы благословить ожидавшихъ его. Но Ѳедоръ Павловичъ все-таки остановилъ его въ дверяхъ кельи:

— Блаженнѣйшій человѣкъ! вскричалъ онъ съ чувствомъ,—позвольте мнѣ еще разъ вашу ручку облобызать! Нѣтъ, съ вами еще можно говорить, можно жить! Вы думаете, что я всегда такъ глупъ и шутовъ изображаю? Знайте же, что это я все время нарочно, чтобы васъ испробовать, такъ представлялся. Это я все время васъ ощупывалъ, можно ли съ вами жить? Моему-то смиренію есть ли при вашей гордости мѣсто? Листъ вамъ похвальный выдаю: можно съ вами жить! А теперь молчу, на все время умолкаю. Сяду въ кресло и замолчу. Теперь вамъ, Петръ Александровичъ, говорить, вы теперь самый главный человѣкъ остались... на десять минутъ.

III.

Вѣрующія бабы.

Внизу у деревянной галлерейки, придѣланной къ наружной стѣнѣ ограды, толпились на этотъ разъ все жен-

щины, бабъ около двадцати. Ихъ увѣдомили, что старецъ, наконецъ, выйдетъ, и онѣ собрались въ ожиданіи. Вышли на галлерейку и помѣщицы Хохлаковы, тоже ожидавшія старца, но въ отведенномъ для благородныхъ посѣтительницъ помѣщеніи. Ихъ было двѣ: мать и дочь. Госпожа Хохлакова-мать, дама богатая и всегда со вкусомъ одѣтая, была еще довольно молода и очень миловидная собою особа, немного блѣдная, съ очень оживленными и почти совсѣмъ черными глазами. Ей было не болѣе тридцати трехъ лѣтъ и она уже лѣтъ пять какъ была вдовой. Четырнадцатилѣтняя дочь ея страдала параличомъ ногъ. Бѣдная дѣвочка не могла ходить уже съ полгода и ее возили въ длинномъ покойномъ креслѣ на колесахъ. Это было прелестное личико, немного худенькое отъ болѣзни, но веселое. Что-то шаловливое свѣтилось въ ея темныхъ большихъ глазахъ съ длинными рѣсницами. Мать еще съ весны собиралась ее везти за границу, но лѣтомъ опоздали за устройствомъ по имѣнію. Онѣ уже съ недѣлю какъ жили въ нашемъ городѣ, больше по дѣламъ, чѣмъ для богомолья, но уже разъ, три дня тому назадъ, посѣщали старца. Теперь онѣ пріѣхали вдругъ опять, хотя и знали, что старецъ почти уже не можетъ вовсе никого принимать и, настоятельно умоляя, просили еще разъ „счастья узрѣть великаго исцѣлителя“. Въ ожиданіи выхода старца, мамаша сидѣла на стулѣ, подлѣ креселъ дочери, а въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ старикъ-монахъ, не изъ здѣшняго монастыря, а захожій изъ одной дальней сѣверной малоизвѣстной обители. Онъ тоже желалъ благословиться у старца. Но показавшійся на галлереѣ старецъ прошелъ сначала прямо къ народу. Толпа затѣснилась къ крылечку о трехъ ступенькахъ, соединявшему низенькую галлерейку съ полемъ. Старецъ сталъ на верхней ступенькѣ, надѣлъ эпитрахиль и началъ благословлять тѣснившихся къ нему женщинъ. Притянули къ нему одну кликушу за обѣ руки. Та, едва лишь завидѣла старца, вдругъ начала, какъ-то нелѣпо взвизгивая, икать, и вся затряслась какъ въ родимцѣ. Наложивъ ей на голову эпитрахиль, старецъ прочелъ надъ нею краткую молитву, и она тотчасъ затихла и успокоилась. Не знаю, какъ теперь, но въ дѣтствѣ моемъ мнѣ часто случалось въ деревняхъ и по монастырямъ видѣть и слышать этихъ кликушъ. Ихъ приводили къ обѣднѣ, онѣ визжали или лаяли по-собачьи на всю церковь, но когда

выносили дары и ихъ подводили къ дарамъ, тотчасъ „бѣснованіе“ прекращалось и больныя на нѣсколько времени всегда успокаивались. Меня ребенка очень это поражало и удивляло. Но тогда же я услышалъ отъ иныхъ помѣщиковъ и особенно отъ городскихъ учителей моихъ, на мои разспросы, что это все притворство, чтобы не работать, и что это всегда можно искоренить надлежащею строгостью, при чемъ приводились для подтвержденія разные анекдоты. Но впослѣдствіи я съ удивленіемъ узналъ отъ спеціалистовъ-медиковъ, что тутъ никакого нѣтъ притворства, что это страшная женская болѣзнь, и, кажется, по преимуществу у насъ на Руси, свидѣтельствующая о тяжелой судьбѣ нашей сельской женщины, болѣзнь, происходящая отъ изнурительныхъ работъ слишкомъ вскорѣ послѣ тяжелыхъ, неправильныхъ, безо всякой медицинской помощи родовъ; кромѣ того, отъ безвыходнаго горя, отъ побоевъ и проч., чего иныя женскія натуры выносить по общему примѣру все-таки не могутъ. Странное же и мгновенное исцѣленіе бѣснующейся и бьющейся женщины, только лишь бывало ее подведутъ къ дарамъ, которое объясняли мнѣ притворствомъ и, сверхъ того, фокусомъ, устраиваемымъ чуть ли не самими „клерикалами“, происходило, вѣроятно, тоже самымъ натуральнымъ образомъ, и подводившія ее къ дарамъ бабы, а главное, и сама больная, вполнѣ вѣровали, какъ установившейся истинѣ, что нечистый духъ, овладѣвшій больною, никогда не можетъ вынести, если ее, больную, подведя къ дарамъ, наклонятъ предъ ними. А потому и всегда происходило (и должно было происходить) въ нервной и, конечно, тоже психически больной женщинѣ непремѣнное какъ бы сотрясеніе всего организма ея въ моментъ преклоненія предъ дарами, сотрясеніе, вызванное ожиданіемъ непремѣннаго чуда исцѣленія и самою полною вѣрой въ то, что оно совершиться. И оно совершалось, хотя бы только на одну минуту. Точно такъ же оно и теперь совершилось, едва лишь старецъ накрылъ больную эпитрахилью.

Многія изъ тѣснившихся къ нему женщинъ заливались слезами умиленія и восторга, вызваннаго эффектомъ минуты; другія рвались облобызать хоть край одежды его, иныя что-то причитали. Онъ благословлялъ всѣхъ, а съ иными разговаривалъ. Кликушу онъ уже зналъ, ее привели не издалека, изъ деревни всего верстъ за шесть отъ монастыря, да и прежде ее водили къ нему.

— А вотъ далекая! указалъ онъ на одну, еще вовсе не старую женщину, но очень худую и испитую, не то что загорѣвшую, а какъ бы всю почернѣвшую лицомъ. Она стояла на колѣняхъ и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла на старца. Во взглядѣ ея было что-то какъ бы изступленное.

— Издалека, батюшка, издалека, отселева трюста верстъ. Издалека, отецъ, издалека, проговорила женщина нараспѣвъ, какъ-то покачивая плавно изъ стороны въ сторону головой и подпирая щеку ладонью. Говорила она какъ бы причитывая.

Есть въ народѣ горе молчаливое и многотерпѣливое; оно уходитъ въ себя и молчитъ. Но есть горе и надорванное: оно пробьется разъ слезами и съ той минуты уходитъ въ причитыванія. Это особенно у женщинъ. Но не легче оно молчаливаго горя. Причитанія утоляютъ тутъ лишь тѣмъ, что еще болѣе растравляютъ и надрываютъ сердце. Такое горе и утѣшенія не желаетъ, чувствомъ своей неутолимости питается. Причитанія лишь потребность раздражать безпрерывно рану.

— По мѣщанству надоть быть? продолжалъ, любопытно въ нее вглядываясь, старецъ.

— Городскіе мы, отецъ, городскіе, по крестьянству мы, а городскіе, въ городу проживаемъ. Тебя повидать, отецъ, прибыла. Слышали о тебѣ, батюшка, слышали. Сыночка младенчика схоронила, пошла молить Бога. Въ трехъ монастыряхъ побывала, да указали мнѣ: „Зайди, Настасьюшка, и сюда, къ вамъ то-есть, голубчикъ, къ вамъ". Пришла, вчера у стояніи была, а сегодня и къ вамъ.

— О чемъ плачешь-то?

— Сыночка жаль, батюшка, трехлѣточекъ былъ, безъ трехъ только мѣсяцевъ и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отецъ, по сыночку. Послѣдній сыночекъ оставался, четверо было у насъ съ Никитушкой, да не стоятъ у насъ дѣтушки, не стоятъ, желанный, не стоятъ. Трехъ первыхъ схоронила я, не жалѣла я ихъ очень-то, а этого послѣдняго схоронила и забыть его не могу. Вотъ точно онъ тутъ предо мной стоитъ, не отходитъ. Душу мнѣ изсушилъ. Посмотрю на его бѣльишечко, на рубашоночку аль на сапожки, и взвою. Разложу что̀ послѣ него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. Говорю Никитушкѣ, мужу-то моему: отпусти ты меня, хозяинъ, на богомолье сходить. Извозчикъ онъ, не бѣдные мы, отецъ,

не бѣдные, сами отъ себя извозъ ведемъ, все свое содержимъ, и лошадокъ, и экипажъ. Да на что̀ теперь намъ добро? Зашибаться онъ сталъ безъ меня, Никитушка-то мой, это навѣрно, что такъ, да и прежде того: чуть я отвернусь, а ужъ онъ и ослабѣетъ. А теперь и о немъ не думаю. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ изъ дому. Забыла я, обо всемъ забыла и помнить не хочу; а и что̀ я съ нимъ теперь буду? Кончила я съ нимъ, кончила, со всѣми покончила. И не глядѣла бы я теперь на свой домъ и на свое добро, и не видала бъ я ничего вовсе!

— Вотъ что̀, мать, проговорилъ старецъ, — однажды древній великій святой увидѣлъ во храмѣ такую же какъ ты плачущую мать и тоже по младенцѣ своемъ, по единственномъ, котораго тоже призвалъ Господь. „Или не знаешь ты, сказалъ ей святой, сколь сіи младенцы предъ престоломъ Божіимъ дерзновенны? Даже и нѣтъ никого дерзновеннѣе ихъ въ Царствѣ Небесномъ. Ты, Господи, даровалъ намъ жизнь, говорятъ они Богу, и только лишь мы узрѣли ее, какъ Ты ее у насъ и взялъ назадъ. И столь дерзновенно просятъ и упрашиваютъ, что Господь даетъ имъ немедленно ангельскій чинъ. А посему, молвилъ святой, и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой младенецъ теперь у Господа въ сонмѣ ангеловъ его пребываетъ“. Вотъ что̀ сказалъ святой плачущей женѣ въ древнія времена. Былъ же онъ великій святой и неправды ей повѣдать не могъ. Посему знай и ты, мать, что и твой младенецъ навѣрно теперь предстоитъ передъ Престоломъ Господнимъ, и радуется и веселится, и о тебѣ Бога молитъ. А потому и ты не плачь, но радуйся.

Женщина слушала его, подпирая рукой щеку и потупившись. Она глубоко вздохнула.

— Тѣмъ самымъ и Никитушка меня утѣшалъ, въ одно слово какъ ты говорилъ: „Неразумная ты, говоритъ, чего плачешь, сыночекъ нашъ навѣрно теперь у Господа Бога вмѣстѣ съ ангелами воспѣваетъ“. Говоритъ онъ это мнѣ, а и самъ плачетъ, вижу я, какъ и я же, плачетъ. Знаю я, говорю, Никитушка, гдѣ жъ ему и быть коль не у Господа Бога, только здѣсь-то, съ нами-то его теперь, Никитушка, нѣтъ, подлѣ-то, вотъ какъ прежде сидѣлъ! И хотя бы я только взглянула на него лишь разочекъ, только одинъ разочекъ на него мнѣ бы опять поглядѣть, и не подошла бы къ нему, не промолвила, въ углу бы притаилась, только бы минуточку едину повидать, послыхать его,

какъ онъ играетъ на дворѣ, придетъ, бывало, крикнетъ своимъ голосочкомъ: „Мамка, гдѣ ты?“ Только бъ услыхать-то мнѣ какъ онъ по комнатѣ своими ножками пройдетъ разикъ, всего бы только разикъ, ножками-то своими тукъ-тукъ, да такъ часто, часто, помню, какъ, бывало, бѣжитъ ко мнѣ, кричитъ да смѣется, только бъ я его ножки-то услышала, услышала бы, признала! Да нѣтъ его, батюшка, нѣтъ, и не услышу его никогда! Вотъ его поясочекъ, а его-то и нѣтъ и никогда-то мнѣ теперь не увидать, не слыхать его!..

Она вынула изъ за-пазухи маленькій позументный поясочекъ своего мальчика и только лишь взглянула на него, такъ и затряслась отъ рыданій, закрывъ пальцами глаза свои, сквозь которые потекли вдругъ брызнувшія ручьемъ слезы.

— А это, проговорилъ старецъ,—это древняя „Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не можетъ утѣшиться потому что ихъ нѣтъ“, и таковой вамъ, матерямъ, предѣлъ на землѣ положенъ. И не утѣшайся, и не надо тебѣ утѣшаться, не утѣшайся и плачь, только каждый разъ когда плачешь вспоминай неуклонно, что сыночекъ твой — есть единый отъ ангеловъ Божіихъ, оттуда на тебя смотритъ и видитъ тебя и на твои слезы радуется и на нихъ Господу Богу указываетъ. И надолго еще тебѣ сего великаго материнскаго плача будетъ, но обратится онъ подъ конецъ тебѣ въ тихую радость и будутъ горькія слезы твои лишь слезами тихаго умиленія и сердечнаго очищенія отъ грѣховъ спасающаго. А младенчика твоего помяну за упокой, какъ звали-то?

— Алексѣемъ, батюшка.

— Имя-то милое. На Алексѣя Человѣка Божія?

— Божія, батюшка, Божія, Алексѣя Человѣка Божія!

— Святой-то какой! Помяну, мать, помяну, и печаль твою на молитвѣ вспомяну, и супруга твоего за здравіе помяну. Только его тебѣ грѣхъ оставлять. Ступай къ мужу и береги его. Увидитъ оттуда твой мальчикъ, что бросила ты его отца и заплачетъ по васъ: зачѣмъ же ты блаженство-то его нарушаешь? Вѣдь живъ онъ, живъ, ибо жива душа вовѣки, и нѣтъ его въ домѣ, а онъ невидимо подлѣ васъ. Какъ же онъ въ домъ придетъ, коль ты говоришь, что возненавидѣла домъ свой? Къ кому жъ онъ придетъ, коль васъ вмѣстѣ, отца съ матерью, не найдетъ? Вотъ онъ снится теперь тебѣ, и ты мучаешься, а тогда

онъ тебѣ кроткіе сны пошлетъ. Ступай къ мужу, мать, сего же дня ступай.

— Пойду, родной, по твоему слову пойду. Сердце ты мое разобралъ. Никитушка ты мой, Никитушка, ждешь ты меня, голубчикъ, ждешь, начала было причитывать баба, но старецъ уже обратился къ одной старенькой старушонкѣ, одѣтой не по-страннически, а по-городски. По глазамъ ея видно было, что у нея какое-то дѣло и что пришла она нѣчто сообщить. Назвалась она унтеръ-офицерскою вдовой, не издалека, всего изъ нашего же города. Сыночекъ у ней, Васенька, гдѣ-то въ комиссаріатѣ служилъ, да въ Сибирь поѣхалъ, въ Иркутскъ. Два раза оттуда писалъ, а тутъ вотъ уже годъ писать пересталъ. Справлялась она о немъ, да по правдѣ не знаетъ гдѣ и справиться-то.

— Только и говоритъ мнѣ намедни Степанида Ильинична Бедрягина, купчиха она, богатая; возьми ты, говоритъ, Прохоровна, и запиши ты, говоритъ, сыночка своего въ поминанье, спеси въ церковь, да и помяни за упокой. Душа-то его, говоритъ, затоскуетъ, онъ и напишетъ письмо. И это, говоритъ Степанида Ильинична, какъ есть вѣрно, многократно испытано. Да только я сумлѣваюсь... Свѣтъ ты нашъ, правда оно аль неправда и хорошо ли такъ будетъ?

— И не думай о семъ. Стыдно и спрашивать. Да и какъ это возможно, чтобы живую душу, да еще родная мать за упокой поминала! Это великій грѣхъ, колдовству подобно, только по незнанію твоему лишь прощается. А ты лучше помоли Царицу Небесную, скорую заступницу и помощницу о здоровьи его, да чтобъ и тебя простила за неправильное размышленіе твое. И вотъ что я тебѣ еще скажу, Прохоровна: или самъ онъ къ тебѣ вскорѣ обратно прибудетъ, сынокъ твой, или навѣрно письмо пришлетъ. Такъ ты и знай. Ступай и отселѣ покойна будь. Живъ твой сынокъ, говорю тебѣ.

— Милый ты нашъ, награди тебя Богъ, благодѣтель ты нашъ, молебникъ ты за всѣхъ насъ и за грѣхи наши!

А старецъ уже замѣтилъ въ толпѣ два горящіе, стремящіеся къ нему взгляда изнуренной, на видъ чахоточной, хотя и молодой еще крестьянки. Она глядѣла молча, глаза просили о чемъ-то, но она какъ бы боялась приблизиться.

— Ты съ чѣмъ, родненькая?

— Разрѣши мою душу, родимый, тихо и не спѣша промолвила она, стала на колѣни и поклонилась ему въ ноги.

— Согрѣшила, отецъ родной, грѣха моего боюсь.

Старецъ сѣлъ на нижнюю ступеньку, женщина приблизилась къ нему, не вставая съ колѣнъ.

— Вдовѣю я, третій годъ, начала она полушопотомъ; сама какъ бы вздрагивая. — Тяжело было замужемъ-то, старый былъ онъ, больно избилъ меня. Лежалъ онъ больной; думаю я, гляжу на него, а коль выздоровѣетъ, опять встанетъ, что̀ тогда? И вошла ко мнѣ тогда эта самая мысль!..

— Постой, сказалъ старецъ и приблизилъ ухо свое прямо къ ея губамъ. Женщина стала продолжать тихимъ шопотомъ, такъ что ничего почти нельзя было уловить. Она кончила скоро.

— Третій годъ? спросилъ старецъ.

— Третій годъ. Сперва не думала, а теперь хворать начала, тоска пристала.

— Издалека?

— За пятьсотъ верстъ отселева.

— На исповѣди говорила?

— Говорила, по два раза говорила.

— Допустили къ причастію-то?

— Допустили. Боюсь; помирать боюсь.

— Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяніе не оскудѣвало въ тебѣ — и все Богъ проститъ. Да и грѣха такого нѣтъ и не можетъ быть на всей землѣ, какого бы не простилъ Господь воистину кающемуся. Да и совершить не можетъ совсѣмъ такого грѣха великаго человѣкъ, который бы истощилъ безконечную Божью любовь. Али можетъ быть такой грѣхъ, чтобы превысилъ Божью любовь? О покаяніи лишь заботься, непрестанномъ, а боязнь отгони вовсе. Вѣруй, что Богъ тебя любитъ такъ, какъ ты и не помышляешь о томъ, хотя бы со грѣхомъ твоимъ и во грѣхѣ твоемъ любитъ. А объ одномъ кающемся больше радости на небѣ, чѣмъ о десяти праведныхъ, сказано давно. Иди же и не бойся. На людей не огорчайся, за обиды не сердись. Покойнику въ сердцѣ все прости, чѣмъ тебя оскорбилъ, примирись съ нимъ воистину. Коли каешься, такъ и любишь. А будешь любить, то ты уже Божья... Любовью все покупается, все спасается. Ужъ коли я, такой же какъ и ты человѣкъ грѣшный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, кольми

паче Богъ. Любовь такое безцѣнное сокровище, что на нее весь міръ купить можешь, и не только свои, но и чужіе грѣхи еще выкупишь. Ступай и не бойся.

Онъ перекрестилъ ее три раза, снялъ съ своей шеи и надѣлъ на нее образокъ. Она молча поклонилась ему до земли. Онъ привсталъ и весело поглядѣлъ на одну здоровую бабу съ груднымъ ребеночкомъ на рукахъ.

— Изъ Вышегорья, милый.

— Шесть верстъ однако отсюда, съ ребеночкомъ томилась. Чего тебѣ?

— На тебя глянуть пришла. Я вѣдь у тебя бывала, аль забылъ? Не велика же въ тебѣ память, коли ужъ меня забылъ. Сказали у насъ, что ты хворый, думаю, что жъ, я пойду его сама повидаю: вотъ и вижу тебя, да какой же ты хворый? Еще двадцать лѣтъ проживешь, право, Богъ съ тобою! Да и мало ли за тебя молебщиковъ, тебѣ ль хворать?

— Спасибо тебѣ за все, милая.

— Кстати будетъ просьбица моя не великая: вотъ тутъ шестьдесятъ копеекъ, отдай ты ихъ, милый, такой, какая меня бѣднѣй. Пошла я сюда, да и думаю: лучше ужъ чрезъ него подамъ, ужъ онъ знаетъ которой отдать.

— Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. Непремѣнно исполню. Дѣвочка на рукахъ-то?

— Дѣвочка, свѣтъ, Лизавета.

— Благослови Господь васъ обѣихъ, и тебя, и младенца Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, милыя, прощайте, дорогія, любезныя!

Онъ всѣхъ благословилъ и глубоко всѣмъ поклонился.

IV.

Маловѣрная дама.

Пріѣзжая дама помѣщица, взирая на всю сцену разговора съ простонародьемъ и благословенія его, проливала тихія слезы и утирала ихъ платочкомъ. Это была чувствительная свѣтская дама и съ наклонностями во многомъ искренно добрыми. Когда старецъ подошелъ, наконецъ, и къ ней, она встрѣтила его восторженно:

— Я столько, столько вынесла, смотря на всю эту умилительную сцену... не договорила она отъ волненія. — О, я понимаю, что васъ любитъ народъ, я сама люблю народъ, я желаю его любить, да и какъ не любить народъ,

нашъ прекрасный, простодушный въ своемъ величіи русскій народъ!

— Какъ здоровье вашей дочери? Вы опять пожелали со мною бесѣдовать?

— О, я настоятельно просила, я умоляла, я готова была на колѣни стать и стоять на колѣняхъ хоть три дня предъ вашими окнами, пока бы вы меня впустили. Мы пріѣхали къ вамъ, великій исцѣлитель, чтобы высказать всю нашу восторженную благодарность. Вѣдь вы Лизу мою исцѣлили, исцѣлили совершенно, а чѣмъ—тѣмъ что въ четвергъ помолились надъ нею, возложили на нее ваши руки. Мы облобызать эти руки спѣшили, излить наши чувства и наше благоговѣніе!

— Какъ такъ исцѣлилъ? Вѣдь она все еще въ креслѣ лежитъ?

— Но ночныя лихорадки совершенно исчезли, вотъ уже двое сутокъ, съ самаго четверга, нервно заспѣшила дама.— Мало того: у ней ноги окрѣпли. Сегодня утромъ она встала здоровая, она спала всю ночь, посмотрите на ея румянецъ, на ея свѣтящіеся глазки. То все плакала, а теперь смѣется, весела, радостна. Сегодня непремѣнно требовала, чтобъ ее поставили на ноги постоять, и она цѣлую минуту простояла сама, безо всякой поддержки. Она бьется со мной объ закладъ, что черезъ двѣ недѣли будетъ кадриль танцовать. Я призывала здѣшняго доктора Герценштубе; онъ пожимаетъ плечами и говоритъ: дивлюсь, недоумѣваю. И вы хотите, чтобы мы не безпокоили васъ, могли не летѣть сюда, не благодарить? Lise, благодари же, благодари!

Миленькое, смѣющееся личико Lise сдѣлалось было вдругъ серьезнымъ, она приподнялась въ креслахъ сколько могла и, смотря на старца, сложила предъ нимъ свои ручки, но не вытерпѣла и вдругъ разсмѣялась...

— Это я на него, на него! указала она на Алешу, съ дѣтской досадой на себя за то, что не вытерпѣла и разсмѣялась. Кто бы посмотрѣлъ на Алешу, стоявшаго на шагъ позади старца, тотъ замѣтилъ бы въ его лицѣ быструю краску, въ одинъ мигъ залившую его щеки. Глаза его сверкнули и потупились.

— У ней къ вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, порученіе... Какъ ваше здоровье, продолжала маменька, обращаясь вдругъ къ Алешѣ и протягивая къ нему свою прелестно гантированную ручку. Старецъ оглянулся и вдругъ внимательно посмотрѣлъ на Алешу. Тотъ приблизился къ Лизѣ и какъ-

то странно и неловко усмѣхаясь протянулъ и ей руку. Lise сдѣлала важную физіономію.

— Катерина Ивановна присылаетъ вамъ чрезъ меня вотъ это, подала она ему маленькое письмецо.—Она особенно проситъ, чтобы вы зашли къ ней, да поскорѣй, поскорѣй, и чтобы не обманывать, а непремѣнно притти.

— Она меня проситъ зайти? Къ ней, меня... Зачѣмъ же? съ глубокимъ удивленіемъ пробормоталъ Алеша. Лицо его вдругъ стало совсѣмъ озабоченное.

— О, это все по поводу Дмитрія Ѳедоровича и... всѣхъ этихъ послѣднихъ происшествій, бѣгло пояснила мамаша.— Катерина Ивановна остановилась теперь на одномъ рѣшеніи... но для этого ей непремѣнно надо васъ видѣть... зачѣмъ? Конечно, не знаю, но она просила какъ можно скорѣй. И вы это сдѣлаете, навѣрно сдѣлаете, тутъ даже христіанское чувство велитъ.

— Я видѣлъ ее всего только одинъ разъ, продолжалъ все въ томъ же недоумѣніи Алеша.

— О, это такое высокое, такое недостижимое существо!.. Ужъ по однимъ страданіямъ своимъ... Сообразите, что она вынесла, что она теперь выноситъ, сообразите, что ее ожидаетъ... все это ужасно, ужасно!

— Хорошо, я приду, рѣшилъ Алеша, пробѣжавъ коротенькую и загадочную записочку, въ которой, кромѣ убѣдительной просьбы притти, не было никакихъ поясненій.

— Ахъ, какъ это съ вашей стороны мило и великолѣпно будетъ, вдругъ, вся одушевясь, вскричала Lise.—А я вѣдь мамѣ говорю: ни за что онъ не пойдетъ, онъ спасается. Экой, экой вы прекрасный! Вѣдь я всегда думала, что вы прекрасный, вотъ что мнѣ пріятно вамъ теперь сказать!

— Lise! внушительно проговорила мамаша, впрочемъ, тотчасъ же улыбнулась.

— Вы и насъ забыли, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы совсѣмъ не хотите бывать у насъ; а между тѣмъ Lise мнѣ два раза говорила, что только съ вами ей хорошо. Алеша поднялъ потупленные глаза, опять вдругъ покраснѣлъ и опять вдругъ, самъ не зная чему, усмѣхнулся. Впрочемъ, старецъ уже не наблюдалъ его. Онъ вступилъ въ разговоръ съ захожимъ монахомъ, ожидавшимъ, какъ мы уже говорили, подлѣ креселъ Lise его выхода. Это былъ, повидимому, изъ самыхъ простыхъ монаховъ, то-есть изъ

простого званія, съ коротенькимъ, нерушимымъ міровоззрѣніемъ, но вѣрующій и въ своемъ родѣ упорный. Онъ объявилъ себя откуда-то съ дальняго Сѣвера, изъ Обдорска, отъ святого Сильвестра, изъ одного бѣднаго монастыря всего въ девять монаховъ. Старецъ благословилъ его и пригласилъ зайти къ нему въ келью, когда ему будетъ угодно.

— Какъ же вы дерзаете дѣлать такія дѣла? спросилъ вдругъ монахъ, внушительно и торжественно указывая на Lise. Онъ намекалъ на ея „исцѣленіе“.

— Объ этомъ, конечно, говорить еще рано. Облегченіе не есть еще полное исцѣленіе и могло произойти и отъ другихъ причинъ. Но если что̀ и было, то ничьею силой, кромѣ какъ Божіимъ изволеніемъ. Все отъ Бога. Посѣтите меня, отецъ, прибавилъ онъ монаху,—а то не во всякое время могу; хвораю и знаю, что дни мои сочтены.

— О, нѣтъ, нѣтъ, Богъ васъ у насъ не отниметъ, вы проживете еще долго, долго, вскричала мамаша.—Да и чѣмъ вы больны? Вы смотрите такимъ здоровымъ, веселымъ, счастливымъ.

— Мнѣ сегодня необыкновенно легче, но я уже знаю, что это всего лишь минута. Я мою болѣзнь теперь безошибочно понимаю. Если же я вамъ кажусь столь веселымъ, то ничѣмъ и никогда не могли вы меня столь обрадовать, какъ сдѣлавъ такое замѣчаніе. Ибо для счастія созданы люди, и кто вполнѣ счастливъ, тотъ прямо удостоенъ сказать себѣ: „Я выполнилъ завѣтъ Божій на сей землѣ“. Всѣ праведные, всѣ святые, всѣ святые мученики были всѣ счастливы.

— О, какъ вы говорите, какія смѣлыя и высшія слова, вскричала мамаша.—Вы скажете и какъ будто пронзите. А между тѣмъ счастіе, счастіе—гдѣ оно? Кто можетъ сказать про себя, что онъ счастливъ? О, если ужъ вы были такъ добры, что допустили насъ сегодня еще разъ васъ видѣть, то выслушайте все, что̀ я вамъ прошлый разъ не договорила, не посмѣла сказать, все чѣмъ я такъ страдаю, и такъ давно, давно! Я страдаю, простите меня, я страдаю... И она въ какомъ-то горячемъ порывистомъ чувствѣ сложила предъ нимъ руки.

— Чѣмъ же особенно?

— Я страдаю... невѣріемъ...

— Въ Бога невѣріемъ?

— О, нѣтъ нѣтъ, я не смѣю и подумать объ этомъ: но

будущая жизнь—это такая загадка! И никто-то, вѣдь никто на нее не отвѣчаетъ! Послушайте, вы цѣлитель, вы знатокъ души человѣческой; я, конечно, не смѣю претендовать на то, чтобы вы мнѣ совершенно вѣрили, но увѣряю васъ самымъ великимъ словомъ, что я не изъ легкомыслія теперь говорю, что мысль эта о будущей загробной жизни до страданія волнуетъ меня, до ужаса и испуга... И я не знаю къ кому обратиться, я не смѣла всю жизнь... И вотъ, я теперь осмѣливаюсь обратиться къ вамъ... О, Боже, за какую вы меня теперь сочтете! Она всплеснула руками.

— Не безпокойтесь о моемъ мнѣніи, отвѣтилъ старецъ.— Я вполнѣ вѣрую въ искренность вашей тоски.

— О, какъ я вамъ благодарна! Видите: я закрываю глаза и думаю: Если всѣ вѣруютъ, то откуда взялось это? А тутъ увѣряютъ, что все это взялось сначала отъ страха предъ грозными явленіями природы, и что всего этого нѣтъ. Ну что, думаю, я всю жизнь вѣрила—умру и вдругъ ничего нѣтъ, и только „вырастетъ лопухъ на могилѣ", какъ прочитала я у одного писателя. Это ужасно! Чѣмъ, чѣмъ возвратить вѣру? Впрочемъ, я вѣрила лишь когда была маленькимъ ребенкомъ, механически, ни о чемъ не думая... Чѣмъ же, чѣмъ это доказать, я теперь пришла повергнуться предъ вами и просить васъ объ этомъ. Вѣдь если я упущу и теперешній случай—то мнѣ во всю жизнь никто ужъ не отвѣтитъ. Чѣмъ же доказать, чѣмъ убѣдиться? О, мнѣ несчастіе! Я стою и кругомъ вижу, что всѣмъ все равно, почти всѣмъ, никто объ этомъ теперь не заботится, а я одна только переносить этого не могу. Это убійственно, убійственно!

— Безъ сомнѣнія, убійственно! Но доказать тутъ нельзя ничего, убѣдиться же возможно.

— Какъ? Чѣмъ?

— Опытомъ дѣятельной любви. Постарайтесь любить вашихъ ближнихъ дѣятельно и неустанно. По мѣрѣ того, какъ будете преуспѣвать въ любви, будете убѣждаться и въ бытіи Бога, и въ безсмертіи души вашей. Если же дойдете до полнаго самоотверженія въ любви къ ближнему, тогда ужъ несомнѣнно увѣруете и никакое сомнѣніе даже и не возможетъ зайти въ вашу душу. Это испытано, это точно.

— Дѣятельной любви? Вотъ и опять вопросъ и такой вопросъ, такой вопросъ! Видите: я такъ люблю человѣче-

ство, что, вѣрите ли, мечтаю иногда бросить все, все что имѣю, оставить Lise и идти въ сестры милосердія. Я закрываю глаза, думаю и мечтаю, и въ эти минуты я чувствую въ себѣ непреодолимую силу. Никакія раны, никакія гнойныя язвы не могли бы меня испугать. Я бы перевязывала и обмывала собственными руками, я была бы сидѣлкой у этихъ страдальцевъ, я готова цѣловать эти язвы.

— И то ужъ много и хорошо, что умъ вашъ мечтаетъ объ этомъ, а не о чемъ иномъ. Нѣтъ, нѣтъ, да невзначай и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаете какое-нибудь доброе дѣло.

— Да, но долго ли бы я могла выжить въ такой жизни? горячо и почти какъ бы изступленно продолжала дама.— Вотъ главнѣйшій вопросъ. Это самый мой мучительный изъ вопросовъ. Я закрываю глаза и спрашиваю сама себя: долго ли бы ты выдержала на этомъ пути? И если больной, язвы котораго ты обмываешь, не отвѣтитъ тебѣ тотчасъ же благодарностью, а, напротивъ, станетъ тебя же мучить капризами, не цѣня и не замѣчая твоего человѣколюбиваго служенія, станетъ кричать на тебя, грубо требовать, даже жаловаться какому-нибудь начальству (какъ и часто случается съ очень страдающими)—что̀ тогда? Продолжится твоя любовь или нѣтъ? И вотъ—представьте, я съ содроганіемъ это уже рѣшила: если есть что-нибудь, что̀ могло бы расхолодить мою „дѣятельную“ любовь къ человѣчеству тотчасъ же, то это единственно неблагодарность. Однимъ словомъ, я работница за плату, я требую тотчасъ же платы, то-есть похвалы себѣ и платы за любовь любовью. Иначе я никого не способна любить!

Она была въ припадкѣ самаго искренняго самобичеванія и, кончивъ, съ вызывающею рѣшимостью поглядѣла на старца.

— Это точь въ точь какъ разсказывалъ мнѣ, давно уже, впрочемъ, одинъ докторъ, замѣтилъ старецъ.—Человѣкъ былъ уже пожилой и безспорно умный. Онъ говорилъ такъ же откровенно, какъ вы, хотя и шутя, но скорбно шутя; я, говоритъ, люблю человѣчество, но дивлюсь на себя самого: чѣмъ больше я люблю человѣчество вообще, тѣмъ меньше я люблю людей въ частности, то-есть, порознь, какъ отдѣльныхъ лицъ. Въ мечтахъ я нерѣдко, говоритъ, доходилъ до странныхъ помысловъ о служеніи человѣчеству и, можетъ быть, дѣйствительно пошелъ бы на крестъ за людей, если бы это вдругъ какъ-нибудь потребовалось, а между тѣмъ я двухъ дней не въ состояніи

прожить ни съ кѣмъ въ одной комнатѣ, о чемъ знаю изъ опыта. Чуть онъ близко отъ меня, и вотъ ужъ его личность давитъ мое самолюбіе и стѣсняетъ мою свободу. Въ однѣ сутки я могу даже лучшаго человѣка возненавидѣть: одного за то, что онъ долго ѣстъ за обѣдомъ, другого за то, что у него насморкъ и онъ безпрерывно сморкается. Я, говоритъ, становлюсь врагомъ людей, чуть-чуть лишь тѣ ко мнѣ прикоснутся. Зато всегда такъ происходило, что чѣмъ болѣе я ненавидѣлъ людей въ частности, тѣмъ пламеннѣе становилась любовь моя къ человѣчеству вообще.

— Но что же дѣлать? Что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Тутъ надо въ отчаяніе притти?

— Нѣтъ, ибо и того довольно, что вы о семъ сокрушаетесь. Сдѣлайте, что можете, и сочтется вамъ. У васъ же много уже сдѣлано, ибо вы могли столь глубоко и искренно сознать себя сами! Если же и вы со мной теперь говорили столь искренно для того, чтобы какъ теперь отъ меня лишь похвалу получить за вашу правдивость, то, конечно, ни до чего не дойдете въ подвигахъ дѣятельной любви, такъ все и останется лишь въ мечтахъ вашихъ, и вся жизнь мелькнетъ какъ призракъ. Тутъ, понятно, и о будущей жизни забудете, и сами собой подъ конецъ какъ-нибудь успокоитесь.

— Вы меня раздавили! Я теперь только, вотъ въ это мгновеніе, какъ вы говорили, поняла, что я дѣйствительно ждала только вашей похвалы моей искренности, когда вамъ разсказывала о томъ, что не выдержу неблагодарности. Бы мнѣ подсказали меня, вы уловили меня и мнѣ же объяснили меня!

— Взаправду вы говорите? Ну, теперь, послѣ такого вашего признанія, я вѣрую, что вы искренни и сердцемъ добры. Если не дойдете до счастія, то всегда помните, что вы на хорошей дорогѣ, и постарайтесь съ нея не сходить. Главное, убѣгайте лжи, всякой лжи, лжи себѣ самой въ особенности. Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь въ нее каждый часъ, каждую минуту. Брезгливости убѣгайте тоже и къ другимъ и къ себѣ: то, что вамъ кажется внутри себя скверным, уже однимъ тѣмъ, что вы это замѣтили въ себѣ, очищается. Страха тоже убѣгайте, хотя страхъ есть лишь послѣдствіе всякой лжи. Не пугайтесь никогда собственнаго вашего малодушія въ достиженіи любви, даже дурныхъ при этомъ поступковъ вашихъ не пугайтесь очень. Жалѣю, что не могу сказать вамъ ничего

отраднѣе, ибо любовь дѣятельная сравнительно съ мечтательною есть дѣло жестокое и устрашающее. Любовь мечтательная жаждетъ подвига скораго, быстро удовлетворимаго и чтобы всѣ на него глядѣли. Тутъ дѣйствительно доходитъ до того, что даже и жизнь отдаютъ, только бы не продлилось долго, а поскорѣй совершилось, какъ бы на сценѣ, и чтобы всѣ глядѣли и хвалили. Любовь же дѣятельная—это работа и выдержка, а для иныхъ такъ, пожалуй, цѣлая наука. Но предрекаю, что въ ту даже самую минуту, когда вы будете съ ужасомъ смотрѣть на то, что, несмотря на всѣ ваши усилія вы не только не подвинулись къ цѣли, но даже какъ бы отъ нея удалились, — въ ту самую минуту, предрекаю вамъ это, вы вдругъ и достигнете цѣли и узрите ясно надъ собою чудодѣйственную силу Господа, васъ все время любившаго и все время таинственно руководившаго. Простите, что пробыть не могу съ вами долѣе, ждутъ меня. До свиданія.

Дама плакала.

— Lise, Lise, благословите же ее, благословите! вдругъ вспорхнулась она вся.

— А ее и любить не стоитъ. Я видѣлъ какъ она все время шалила, шутливо произнесъ старецъ. — Вы зачѣмъ все время смѣялись надъ Алексѣемъ?

А Lise и вправду все время занималась этою продѣлкой. Она давно уже, еще съ прошлаго раза, замѣтила, что Алеша ея конфузится и старается не смотрѣть на нее, и вотъ это ее ужасно стало забавлять. Она пристально ждала и ловила его взглядъ: не выдерживая упорно направленнаго на него взгляда, Алеша нѣтъ-нѣтъ и вдругъ невольно, непреодолимою силой, взглядывалъ на нее самъ, и тотчасъ же она усмѣхалась торжествующею улыбкой прямо ему въ глаза. Алеша конфузился и досадовалъ еще болѣе. Наконецъ, совсѣмъ отъ нея отвернулся и спрятался за спину старца. Послѣ нѣсколькихъ минутъ онъ опять, влекомый тою же непреодолимою силой, повернулся посмотрѣть, глядятъ ли на него или нѣтъ, и увидѣлъ, что Lise, совсѣмъ почти свѣсившись изъ креселъ, выглядывала на него сбоку и ждала изо всѣхъ силъ, когда онъ поглядитъ; поймавъ же его взглядъ, расхохоталась такъ, что даже и старецъ не выдержалъ:

— Вы зачѣмъ его, шалунья, такъ стыдите?

Lise вдругъ, совсѣмъ неожиданно, покраснѣла, сверкнула глазками, лицо ея стало ужасно серьезнымъ и она съ го-

рячею, негодующею жалобой вдругъ заговорила скоро, нервно:

— А онъ зачѣмъ все забылъ? Онъ меня маленькую на рукахъ носилъ, мы играли съ нимъ. Вѣдь онъ меня читать ходилъ учить, вы это знаете? Онъ, два года назадъ, прощаясь, говорилъ, что никогда не забудетъ, что мы вѣчные друзья, вѣчные, вѣчные! И вотъ онъ вдругъ меня теперь боится, я его съѣмъ, что ли? Чего онъ не хочетъ подойти, чего онъ не разговариваетъ? Зачѣмъ онъ къ намъ не хочетъ притти? Развѣ вы его не пускаете: вѣдь мы же знаемъ, что онъ вездѣ ходитъ. Мнѣ неприлично его звать, онъ первый долженъ бы былъ припомнить, коли не забылъ. Нѣтъ-съ, онъ теперь спасается! Вы что̀ на него эту долгополую-то ряску надѣли... Побѣжитъ, упадетъ...

И она вдругъ, не выдержавъ, закрыла лицо рукой и разсмѣялась ужасно, неудержимо, своимъ длиннымъ, нервнымъ, сотрясающимся и неслышнымъ смѣхомъ. Старецъ выслушалъ ее улыбаясь и съ нѣжностью благословилъ; когда же она стала цѣловать его руку, то вдругъ прижала ее къ глазамъ своимъ и заплакала:

— Вы на меня не сердитесь, я дура, ничего не сто̀ю... и Алеша, можетъ быть, правъ, очень правъ, что не хочетъ къ такой смѣшной ходить.

— Непремѣнно пришлю его, рѣшилъ старецъ.

V.

Бу̀ди, бу̀ди!

Отсутствіе старца изъ кельи продолжалось минутъ около двадцати пяти. Было уже за половину перваго, а Дмитрія Ѳедоровича, ради котораго всѣ собрались, все еще не бывало. Но о немъ почти какъ бы и забыли и когда старецъ вступилъ опять въ келью, то засталъ самый оживленный общій разговоръ между своими гостями. Въ разговорѣ участвовали прежде всего Иванъ Ѳедоровичъ и оба іеромонаха. Ввязывался, и, повидимому, очень горячо, въ разговоръ и Міусовъ, но ему опять не везло: онъ былъ видимо на второмъ планѣ и ему даже мало отвѣчали, такъ что это новое обстоятельство лишь усилило все накопляющуюся его раздражительность. Дѣло въ томъ, что онъ и прежде съ Иваномъ Ѳедоровичемъ нѣсколько пикировался въ познаніяхъ, и нѣкоторую небрежность его къ себѣ хладнокровно не выносилъ: „До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, стоялъ на высотѣ всего, что̀ есть передового

въ Европѣ, а это новое поколѣніе рѣшительно насъ игнорируетъ", думалъ онъ про себя. Ѳедоръ Павловичъ, который самъ далъ слово усѣсться на стулѣ и замолчать, дѣйствительно нѣкоторое время молчалъ, но съ насмѣшливою улыбочкой слѣдилъ за своимъ сосѣдомъ Петромъ Александровичемъ и видимо радовался его раздражительности. Онъ давно уже собирался отплатить ему кое-за-что и теперь не хотѣлъ упустить случая. Наконецъ, не вытерпѣлъ, нагнулся къ плечу сосѣда и вполголоса поддразнилъ его еще разъ:

— Вѣдь вы давеча почему не ушли послѣ „любезно-то лобызаше" и согласились въ такой неприличной компаніи оставаться? А потому, что чувствовали себя униженнымъ и оскорбленнымъ, и остались, чтобы для реваншу выставить умъ. Теперь ужъ вы не уйдете, пока имъ ума своего не выставите.

— Вы опять? Сейчасъ уйду, напротивъ.

— Позже, позже всѣхъ отправитесь! кольнулъ еще разъ Ѳедоръ Павловичъ. Это было почти въ самый моментъ возвращенія старца.

Споръ на одну минутку затихъ, но старецъ, усѣвшись на прежнее мѣсто, оглядѣлъ всѣхъ, какъ бы привѣтливо вызывая продолжать. Алеша, изучившій почти всякое выраженіе его лица, видѣлъ ясно, что онъ ужасно утомленъ и себя пересиливаетъ. Въ послѣднее время болѣзни съ нимъ случались отъ истощенія силъ обмороки. Почти такая же блѣдность какъ предъ обморокомъ распространялась и теперь по его лицу, губы его побѣлѣли. Но онъ очевидно не хотѣлъ распустить собраніе; казалось, онъ имѣлъ при томъ какую-то свою цѣль,—какую же? Алеша пристально слѣдилъ за нимъ.

— О любопытнѣйшей ихъ статьѣ толкуемъ, произнесъ іеромонахъ Іосифъ, библіотекарь, обращаясь къ старцу и указывая на Ивана Ѳедоровича.—Новаго много выводятъ, да, кажется, идея-то о двухъ концахъ. По поводу вопроса о церковно-общественномъ судѣ и обширности его права отвѣтили журнальною статьею одному духовному лицу, написавшему о вопросѣ семъ цѣлую книгу...

— Къ сожалѣнію, вашей статьи не читалъ, но о ней слышалъ, отвѣтилъ старецъ, пристально и зорко вглядываясь въ Ивана Ѳедоровича.

— Они стоятъ на любопытнѣйшей точкѣ, продолжалъ отецъ библіотекарь,—повидимому совершенно отвергаютъ

въ вопросѣ о церковно-общественномъ судѣ раздѣленіе церкви отъ государства.

— Это любопытно, но въ какомъ же смыслѣ? спросилъ старецъ Ивана Ѳедоровича.

Тотъ, наконецъ, ему отвѣтилъ, но не свысока-учтиво, какъ боялся еще наканунѣ Алеша, а скромно и сдержанно, съ видимою предупредительностью и, повидимому, безъ малѣйшей задней мысли.

— Я иду изъ положенія, что это смѣшеніе элементовъ, то-есть сущностей церкви и государства отдѣльно взятыхъ, будетъ, конечно, вѣчнымъ, несмотря на то, что оно невозможно и что его никогда нельзя будетъ привести не только въ нормальное, но и въ сколько-нибудь согласимое состояніе, потому что ложь лежитъ въ самомъ основаніи дѣла. Компромиссъ между государствомъ и церковью въ такихъ вопросахъ, какъ, напримѣръ, о судѣ, по-моему, въ совершенной и чистой сущности своей невозможенъ. Духовное лицо, которому я возражалъ, утверждаетъ, что церковь занимаетъ точное и опредѣленное мѣсто въ государствѣ. Я же возразилъ ему, что, напротивъ, церковь должна заключать сама въ себѣ все государство, а не занимать въ немъ лишь нѣкоторый уголъ, и что если теперь это почему-нибудь невозможно, то, въ сущности вещей, несомнѣнно должно быть поставлено прямою и главнѣйшею цѣлію всего дальнѣйшаго развитія христіанскаго общества.

— Совершенно справедливо, твердо и нервно проговорилъ отецъ Паисій, молчаливый и ученый іеромонахъ.

— Чистѣйшее ультрамонтанство! вскричалъ Міусовъ, въ нетерпѣніи переложивъ ногу на ногу.

— Э, да у насъ и горъ-то нѣту! воскликнулъ отецъ Іосифъ и, обращаясь къ старцу, продолжалъ:—они отвѣчаютъ, между прочимъ, на слѣдующія „основныя и существенныя“ положенія своего противника, духовнаго лица, замѣтьте себѣ. Первое: что „ни одинъ общественный союзъ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ власть—распоряжаться гражданскими и политическими правами своихъ членовъ“. Второе: что „уголовная и судно-гражданская власть не должна принадлежать церкви и не совмѣстима съ природой ея и какъ божественнаго установленія, и какъ союза людей для религіозныхъ цѣлей“ и, наконецъ, въ-третьихъ: что „церковь есть царство не отъ міра сего“...

— Недостойнѣйшая игра словъ для духовнаго лица! не вытерпѣлъ и прервалъ опять отецъ Паисій. — Я читалъ эту книгу, на которую вы возражали, обратился онъ къ Ивану Ѳедоровичу,—и удивленъ былъ словами духовнаго лица, что „церковь есть царство не отъ міра сего". Если не отъ міра сего, то, стало быть, и не можетъ быть на землѣ ея вовсе. Въ святомъ Евангеліи слова: „не отъ міра сего" не въ томъ смыслѣ употреблены. Играть такими словами невозможно. Господь нашъ Іисусъ Христосъ именно приходилъ установить церковь на землѣ. Царство небесное, разумѣется, не отъ міра сего, въ небѣ, но въ него входятъ не иначе, какъ чрезъ церковь, которая основана и установлена на землѣ. А потому свѣтскіе каламбуры въ этомъ смыслѣ невозможны и недостойны. Церковь же есть воистину царство, и опредѣлена царствовать, и въ концѣ своемъ должна явиться какъ царство на всей землѣ несомнѣнно,—на что̀ имѣемъ обѣтованіе...

Онъ вдругъ умолкъ, какъ бы сдержавъ себя. Иванъ Ѳедоровичъ, почтительно и внимательно его выслушавъ, съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ, попрежнему охотно и простодушно продолжалъ, обращаясь къ старцу:

— Вся мысль моей статьи въ томъ, что въ древнія времена первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, христіанство на землѣ являлось лишь церковью и было лишь церковь. Когда же римское языческое государство возжелало стать христіанскимъ, то непремѣнно случилось такъ, что, ставъ христіанскимъ, оно лишь включило въ себя церковь, но само продолжало оставаться государствомъ языческимъ попрежнему, въ чрезвычайно многихъ своихъ отправленіяхъ. Въ сущности такъ несомнѣнно и должно было произойти. Но въ Римѣ, какъ въ государствѣ, слишкомъ многое осталось отъ цивилизаціи и мудрости языческой, какъ, напримѣръ, самыя даже цѣли и основы государства. Христова же церковь, вступивъ въ государство, безъ сомнѣнія, не могла уступить ничего изъ своихъ основъ, отъ того камня, на которомъ стояла она, и могла лишь преслѣдовать не иначе какъ свои цѣли, разъ твердо поставленныя и указанныя ей самимъ Господомъ, между прочимъ: обратить весь міръ, а, стало быть, и все древнее языческое государство въ церковь. Такимъ образомъ (то-есть въ цѣляхъ будущаго) не церковь должна искать себѣ опредѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ „всякій общественный союзъ" или какъ „союзъ людей для религіозныхъ цѣлей" (какъ

выражается о церкви авторъ, которому возражаю), а, напротивъ, всякое земное государство должно бы впослѣдствіи обратиться въ церковь вполнѣ, и стать не чѣмъ инымъ какъ лишь церковью и уже отклонивъ всякія несходныя съ церковными свои цѣли. Все же это ничѣмъ не унизитъ его, не отниметъ ни чести, ни славы его, какъ великаго государства, ни славы властителей его, а лишь поставитъ его съ ложной, еще языческой и ошибочной дороги на правильную и истинную дорогу, единственно ведущую къ вѣчнымъ цѣлямъ. Вотъ почему авторъ книги объ *Основахъ Церковно-Общественнаго Суда* судилъ бы правильно, если бы, изыскивая и предлагая эти основы, смотрѣлъ бы на нихъ какъ на временный, необходимый еще въ наше грѣшное и незавершившееся время компромиссъ, но не болѣе. Но чуть лишь сочинитель этихъ основъ осмѣливается объявлять, что основы, которыя предлагаетъ онъ теперь и часть которыхъ перечислилъ сейчасъ отецъ Іосифъ,—суть основы незыблемыя, стихійныя и вѣковѣчныя, то уже прямо идетъ противъ церкви и святого вѣковѣчнаго и незыблемаго предназначенія ея. Вотъ вся моя статья, полный ея конспектъ.

— То-есть въ двухъ словахъ, упирая на каждое слово, проговорилъ опять отецъ Паисій:—по инымъ теоріямъ, слишкомъ выяснившимся въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, церковь должна перерождаться въ государство, такъ, какъ бы изъ низшаго въ высшій видъ, чтобы затѣмъ въ немъ исчезнуть, уступивъ наукѣ, духу времени и цивилизаціи. Если же не хочетъ того и сопротивляется, то отводится ей въ государствѣ зато какъ бы нѣкоторый лишь уголъ, да и то подъ надзоромъ,—и это повсемѣстно въ наше время въ современныхъ европейскихъ земляхъ. По русскому же пониманію и упованію надо, чтобы не церковь перерождалась въ государство, какъ изъ низшаго въ высшій типъ, а, напротивъ, государство должно кончить тѣмъ, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничѣмъ инымъ болѣе. Сіе и бўди, бўди!

— Ну-съ, признаюсь, вы меня теперь нѣсколько ободрили, усмѣхнулся Міусовъ, переложивъ опять ногу на ногу.—Сколько я понимаю это, стало быть, осуществленіе какого-то идеала, безконечно далекаго, во второмъ пришествіи. Это какъ угодно. Прекрасная утопическая мечта объ исчезновеніи войнъ, дипломатовъ, банковъ и проч. Что-то даже похожее на соціализмъ. А то я думалъ, что

все это серьезно, и что церковь *теперь*, напримѣръ, будетъ судить уголовщину и приговаривать розги и каторгу, а пожалуй, такъ и смертную казнь.

— Да если бъ и теперь былъ одинъ лишь церковно-общественный судъ, то и теперь бы церковь не посылала на каторгу или на смертную казнь. Преступленіе и взглядъ на него должны бы были несомнѣнно тогда измѣниться, конечно, мало-по-малу, не вдругъ и не сейчасъ, но, однако, довольно скоро... спокойно и не смигнувъ глазомъ произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Вы серьезно? пристально глянулъ на него Міусовъ.

— Если бы все стало церковью, то церковь отлучала бы отъ себя преступнаго и непослушнаго, а не рубила бы тогда головъ, продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ. — Я васъ спрашиваю, куда бы пошелъ отлученный? Вѣдь тогда онъ долженъ былъ бы не только отъ людей, какъ теперь, но и отъ Христа уйти. Вѣдь онъ своимъ преступленіемъ возсталъ бы не только на людей, но и на церковь Христову. Это и теперь, конечно, такъ въ строгомъ смыслѣ, но все-таки не объявлено, и совѣсть нынѣшняго преступника весьма и весьма часто вступаетъ съ собою въ сдѣлки: „Укралъ, дескать, но не на церковь иду, Христу не врагъ“, вотъ что̀ говоритъ себѣ нынѣшній преступникъ сплошь да рядомъ; ну, а тогда, когда церковь станетъ на мѣсто государства, тогда трудно было бы ему это сказать, развѣ съ отрицаніемъ всей церкви на всей землѣ: „Всѣ, дескать, ошибаются, всѣ уклонились, всѣ ложная церковь, я одинъ убійца и воръ—справедливая христіанская церковь“. Это вѣдь очень трудно себѣ сказать, требуетъ условій огромныхъ, обстоятельствъ не часто бывающихъ. Теперь съ другой стороны возьмите взглядъ самой церкви на преступленіе: развѣ не долженъ онъ измѣниться противъ теперешняго, почти языческаго, и изъ механическаго отсѣченія зараженнаго члена, какъ дѣлается нынѣ для охраненія общества, преобразиться, и уже вполнѣ и не ложно, въ идею о возрожденіи вновь человѣка, о воскресеніи его и о спасеніи его...

— То-есть что̀ же это такое? Я опять перестаю понимать, перебилъ Міусовъ, — опять какая-то мечта. Что-то безформенное, да и понять нельзя. Какъ это отлученіе, что̀ за отлученіе? Я подозрѣваю, вы просто потѣшаетесь, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь по-настоящему то же самое и теперь, заго-

ворилъ вдругъ старецъ и всѣ разомъ къ нему обратились;—вѣдь если бы теперь не было Христовой церкви, то не было бы преступнику никакого и удержу въ злодѣйствѣ и даже кары за него потомъ, то-есть кары настоящей, не механической, какъ они сказали сейчасъ, и которая лишь раздражаетъ въ большинствѣ случаевъ сердце, а настоящей кары, единственной дѣйствительной, единственной устрашающей и умиротворяющей, заключающейся въ сознаніи собственной совѣсти.

— Какъ же такъ, позвольте узнать? съ живѣйшимъ любопытствомъ спросилъ Міусовъ.

— Это вотъ какъ, началъ старецъ. — Всѣ эти ссылки въ работы, а прежде съ битьемъ, никого не исправляютъ, а, главное, почти никакого преступника и не устрашаютъ, и число преступленій не только не уменьшается, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе нарастаетъ. Вѣдь вы съ этимъ должны же согласиться. И выходитъ, что общество такимъ образомъ совсѣмъ не охранено, ибо хоть и отсѣкается вредный членъ механически, и ссылается далеко, съ глазъ долой, но на его мѣсто тотчасъ же появляется другой преступникъ, а, можетъ, и два другіе. Если что и охраняетъ общество даже въ наше время, и даже самого преступника исправляетъ и въ другого человѣка перерождаетъ, то это опять-таки лишь законъ Христовъ, сказывающійся въ сознаніи собственной совѣсти. Только сознавъ свою вину какъ сынъ Христова общества, то-есть церкви, онъ сознаетъ и вину свою предъ самимъ обществомъ, то-есть предъ церковью. Такимъ образомъ, предъ одною только церковью современный преступникъ и способенъ сознать вину свою, а не то что предъ государствомъ. Вотъ если бы судъ принадлежалъ обществу какъ церкви, тогда бы оно знало кого воротить изъ отлученія и опять пріобщить къ себѣ. Теперь же церковь, не имѣя никакого дѣятельнаго суда, а имѣя лишь возможность одного нравственнаго осужденія, отъ дѣятельной кары преступника и сама удаляется. Не отлучаетъ она его отъ себя, а лишь не оставляетъ его отеческимъ назиданіемъ. Мало того, даже старается сохранить съ преступникомъ все христіанское церковное общеніе: допускаетъ его къ церковнымъ службамъ, къ святымъ дарамъ, даетъ ему подаяніе и обращается съ нимъ болѣе какъ съ плѣненнымъ, чѣмъ какъ съ виновнымъ. И что было бы съ преступникомъ, о, Господи! если бъ и христіанское общество, то-есть церковь, отвергло

его подобно тому, какъ отвергаетъ и отсѣкаетъ его гражданскій законъ? Что̀ было бы, если бъ и церковь карала его своимъ отлученіемъ тотчасъ же и каждый разъ во слѣдъ кары государственнаго закона? Да выше и не могло бы и быть отчаянія, по крайней мѣрѣ, для преступника русскаго, ибо русскіе преступники еще вѣруютъ. А, впрочемъ, кто знаетъ: можетъ-быть, случилось бы тогда страшное дѣло,—произошла бы, можетъ-быть, потеря вѣры въ отчаянномъ сердцѣ преступника, и тогда что̀? Но церковь, какъ мать нѣжная и любящая, отъ дѣятельной кары сама устраняется, такъ какъ и безъ ея кары слишкомъ больно наказанъ виновный государственнымъ судомъ, и надо же его хоть кому-нибудь пожалѣть. Главное же потому устраняется, что судъ церкви есть судъ единственно вмѣщающій въ себя истину и ни съ какимъ инымъ судомъ, вслѣдствіе сего, существенно и нравственно сочетаться даже и въ компромиссъ временный не можетъ. Тутъ нельзя уже въ сдѣлки вступать. Иностранный преступникъ, говорятъ, рѣдко раскаивается, ибо самыя даже современныя ученія утверждаютъ его въ мысли, что преступленіе его не есть преступленіе, а лишь возстаніе противъ несправедливо угнетающей силы. Общество отсѣкаетъ его отъ себя вполнѣ механически торжествующею надъ нимъ силой, и сопровождаетъ отлученіе это ненавистью (такъ, по крайней мѣрѣ, они сами о себѣ, въ Европѣ, повѣствуютъ),—ненавистью и полнѣйшимъ къ дальнѣйшей судьбѣ его, какъ брата своего, равнодушіемъ и забвеніемъ. Такимъ образомъ все происходитъ безъ малѣйшаго сожалѣнія церковнаго, ибо во многихъ случаяхъ тамъ церквей уже нѣтъ вовсе, а остались лишь церковники и великолѣпныя зданія церквей, сами же церкви давно уже стремятся тамъ къ переходу изъ низшаго вида, какъ церковь, въ высшій видъ, какъ государство, чтобы въ немъ совершенно исчезнуть. Такъ, кажется, по крайней мѣрѣ, въ лютеранскихъ земляхъ. Въ Римѣ же такъ ужъ тысячу лѣтъ вмѣсто церкви провозглашено государство. А потому самъ преступникъ членомъ церкви ужъ и не сознаетъ себя и, отлученный, пребываетъ въ отчаяніи. Если же возвращается въ общество, то нерѣдко съ такою ненавистью, что самое общество какъ бы уже само отлучается отъ себя. Чѣмъ это кончится, можете сами разсудить. Во многихъ случаяхъ, казалось бы, и у насъ то же: но въ томъ и дѣло, что, кромѣ установленныхъ судовъ, есть у насъ

сверхъ того еще и церковь, которая никогда не теряетъ общенія съ преступникомъ, какъ съ милымъ и все еще дорогимъ сыномъ своимъ, а сверхъ того есть и сохраняется, хотя бы даже только мысленно, и судъ церкви, теперь хотя и не дѣятельный, но все же живущій для будущаго, хотя бы въ мечтѣ, да и преступникомъ самимъ несомнѣнно, инстинктомъ души его, признаваемый. Справедливо и то, что̀ было здѣсь сейчасъ сказано, что если бы дѣйствительно наступилъ судъ церкви, и во всей своей силѣ, то-есть если бы все общество обратилось лишь въ церковь, то не только судъ церкви повліялъ бы на исправленіе преступника такъ, какъ никогда не вліяетъ нынѣ, но, можетъ-быть, и вправду самыя преступленія уменьшились бы въ невѣроятную долю. Да и церковь, сомнѣнія нѣтъ, понимала бы будущаго преступника и будущее преступленіе во многихъ случаяхъ совсѣмъ иначе чѣмъ нынѣ, и сумѣла бы возвратить отлученнаго, предупредить замышляющаго и возродить падшаго. Правда, усмѣхнулся старецъ,—теперь общество христіанское пока еще само не готово и стоитъ лишь на семи праведникахъ; но такъ какъ они не оскудѣваютъ, то и пребываетъ все же незыблемо, въ ожиданіи своего полнаго преображенія изъ общества, какъ союза почти еще языческаго, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сіе и бу̀ди, бу̀ди, хотя бы и въ концѣ вѣковъ, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна временъ и сроковъ въ мудрости Божіей, въ предвидѣніи Его и въ любви Его. И что̀ по расчету человѣческому можетъ быть еще и весьма отдаленно, то по предопредѣленію Божьему, можетъ-быть, уже стоитъ наканунѣ своего появленія, при дверяхъ. Сіе послѣднее бу̀ди, бу̀ди.

— Бу̀ди! бу̀ди! благоговѣйно и сурово подтвердилъ отецъ Паисій.

— Странно, въ высшей степени странно! произнесъ Міусовъ и не то что съ горячностью, а какъ бы съ затаеннымъ какимъ-то негодованіемъ.

— Что̀ же кажется вамъ столь страннымъ? осторожно освѣдомился отецъ Іосифъ.

— Да что̀ же это въ самомъ дѣлѣ такое? воскликнулъ Міусовъ, какъ бы вдругъ прорвавшись, — устраняется на землѣ государство, а церковь возводится на степень государства! Это не то что ультрамонтанство, это архи-ультра-

монтанство? Это папѣ Григорію Седьмому не мерещилось!

— Совершенно обратно изволите понимать! строго проговорилъ отецъ Паисій,—не церковь обращается въ государство, поймите это. То Римъ и его мечта. То третье діаволово искушеніе! А, напротивъ, государство обращается въ церковь, восходитъ до церкви и становится церковью на всей землѣ, — что совершенно уже противуположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованію, и есть лишь великое предназначеніе православія на землѣ. Отъ Востока земля сія возсіяетъ.

Міусовъ внушительно помолчалъ. Вся фигура его выразила собою необыкновенное собственное достоинство. Свысока снисходительная улыбка показалась на его губахъ. Алеша слѣдилъ за всѣмъ съ сильно бьющимся сердцемъ. Весь этотъ разговоръ взволновалъ его до основанія. Онъ случайно взглянулъ на Ракитина; тотъ стоялъ неподвижно на своемъ прежнемъ мѣстѣ у двери, внимательно вслушиваясь и всматриваясь, хотя и опустивъ глаза. Но, по оживленному румянцу на его щекахъ, Алеша догадался, что и Ракитинъ взволнованъ, кажется, не меньше его; Алеша зналъ, чѣмъ онъ взволнованъ.

— Позвольте мнѣ сообщить вамъ одинъ маленькій анекдотъ, господа, внушительно и съ какимъ-то особенно осанистымъ видомъ проговорилъ вдругъ Міусовъ. — Въ Парижѣ уже нѣсколько лѣтъ тому, вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота, мнѣ пришлось однажды, дѣлая по знакомству визитъ одному очень-очень важному и управляющему тогда лицу, повстрѣчать у него одного прелюбопытнѣйшаго господина. Былъ этотъ индивидуумъ не то что сыщикомъ, а въ родѣ управляющаго цѣлою командой политическихъ сыщиковъ,—въ своемъ родѣ довольно вліятельная должность. Придравшись къ случаю, я, изъ чрезвычайнаго любопытства, разговорился съ нимъ; а такъ какъ онъ принятъ былъ не по знакомству, а какъ подчиненный чиновникъ, пришедшій съ извѣстнаго рода рапортомъ, то, видя, съ своей стороны, какъ я принятъ у его начальника, онъ удостоилъ меня нѣкоторою откровенностію,—ну, разумѣется, въ извѣстной степени, то-есть, скорѣе былъ вѣжливъ, чѣмъ откровененъ, именно какъ французы умѣютъ быть вѣжливыми, тѣмъ болѣе, что видѣлъ во мнѣ иностранца. Но я его очень понялъ. Тема шла о соціалистахъ-революціонерахъ, которыхъ тогда, между прочимъ, преслѣдовали. Опуская главную суть раз-

говора, приведу лишь одно любопытнѣйшее замѣчаніе, которое у этого господчика вдругъ вырвалось: „мы, сказалъ онъ,—собственно этихъ всѣхъ соціалистовъ—анархистовъ, безбожниковъ и революціонеровъ, не очень-то и опасаемся; мы за ними слѣдимъ и ходы ихъ намъ извѣстны. Но есть изъ нихъ, хотя и немного, нѣсколько особенныхъ людей: это въ Бога вѣрующіе и христіане, а въ то же время и соціалисты. Вотъ этихъ-то мы больше всѣхъ опасаемся, это страшный народъ! Соціалистъ-христіанинъ страшнѣе соціалиста-безбожника“. Слова эти и тогда меня поразили, но теперь у васъ, господа, они мнѣ какъ-то вдругъ припомнились...

— То-есть вы ихъ прикладываете къ намъ и въ насъ видите соціалистовъ? прямо и безъ обиняковъ спросилъ отецъ Паисій.

Но прежде чѣмъ Петръ Александровичъ сообразилъ дать отвѣтъ, отворилась дверь и вошелъ столь опоздавшій Дмитрій Ѳедоровичъ. Его и вправду какъ бы перестали ждать, и внезапное появленіе его произвело, въ первый моментъ, даже нѣкоторое удивленіе.

VI.

Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ!

Дмитрій Ѳедоровичъ, двадцати-восьми-лѣтній молодой человѣкъ, средняго роста и пріятнаго лица, казался, однакоже, гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Былъ онъ мускулистъ и въ немъ можно было угадывать значительную физическую силу, тѣмъ не менѣе въ лицѣ его выражалось какъ бы нѣчто болѣзненное. Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвѣтъ же ихъ отливалъ какою-то нездоровою желтизной. Довольно большіе темные глаза на выкатѣ смотрѣли хотя, повидимому, и съ твердымъ упорствомъ, но какъ-то неопредѣленно. Даже когда онъ волновался и говорилъ съ раздраженіемъ, взглядъ его какъ бы не повиновался его внутреннему настроенію и выражалъ что-то другое, иногда совсѣмъ не соотвѣтствующее настоящей минутѣ. „Трудно узнать о чемъ онъ думаетъ“, отзывались иной разъ разговаривавшіе съ нимъ. Иные, видѣвшіе въ его глазахъ что-то задумчивое и угрюмое, случалось, вдругъ поражались внезапнымъ смѣхомъ его, свидѣтельствовавшимъ о веселыхъ и игривыхъ мысляхъ, бывшихъ въ немъ именно въ то время, когда онъ смотрѣлъ съ такою угрюмостью. Впрочемъ, нѣкоторая бо-

лѣзненность его лица въ настоящую минуту могла быть понятна: всѣ знали или слышали о чрезвычайно тревожной и „кутящей“ жизни, которой онъ именно въ послѣднее время у насъ предавался, равно какъ всѣмъ извѣстно было и то необычайное раздраженіе, до котораго онъ достигъ въ ссорахъ со своимъ отцомъ изъ-за спорныхъ денегъ. По городу ходило уже объ этомъ нѣсколько анекдотовъ. Правда, что онъ и отъ природы былъ раздражителенъ, „ума отрывистаго и неправильнаго“, какъ характерно выразился о немъ у насъ нашъ мировой судья Семенъ Ивановичъ Качальниковъ въ одномъ собраніи. Вошелъ онъ безукоризненно и щегольски одѣтый, въ застегнутомъ сюртукѣ, въ черныхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукахъ. Какъ военный недавно въ отставкѣ, онъ носилъ усы и брилъ пока бороду. Темнорусые волосы его были коротко острижены и зачесаны какъ-то височками впередъ. Шагалъ онъ рѣшительно, широко, по-фронтовому. На мгновеніе остановился онъ на порогѣ, и, окинувъ всѣхъ взглядомъ, прямо направился къ старцу, угадавъ въ немъ хозяина. Онъ глубоко поклонился ему и попросилъ благословенія. Старецъ привсталъ, благословилъ его. Дмитрій Ѳедоровичъ почтительно поцѣловалъ его руку и съ необыкновеннымъ волненіемъ, почти съ раздраженіемъ произнесъ:

— Простите великодушно за то, что заставилъ столько ждать. Но слуга Смердяковъ, посланный батюшкою, на настойчивый мой вопросъ о времени, отвѣтилъ мнѣ два раза самымъ рѣшительнымъ тономъ, что назначено въ часъ. Теперь я вдругъ узнаю...

— Не безпокойтесь, перебилъ старецъ, — ничего, нѣсколько замѣшкались, не бѣда...

— Чрезвычайно вамъ благодаренъ и менѣе не могъ ожидать отъ вашей доброты.

Отрѣзавъ это, Дмитрій Ѳедоровичъ еще разъ поклонился, затѣмъ вдругъ обернувшись въ сторону своего „батюшки“, сдѣлалъ и ему такой же почтительный и глубокій поклонъ. Видно было, что онъ обдумалъ этотъ поклонъ заранѣе, и надумалъ его искренно, почтя своею обязанностью выразить тѣмъ свою почтительность и добрыя намѣренія. Ѳедоръ Павловичъ, хоть и затруднился врасплохъ, тотчасъ по-своему нашелся: въ отвѣтъ на поклонъ Дмитрія Ѳедоровича, онъ вскочилъ съ креселъ и отвѣтилъ сыну точно такимъ же глубокимъ по-

клономъ. Лицо его сдѣлалось вдругъ важно и внушительно, что придало ему, однако, рѣшительно злой видъ. Затѣмъ молча, общимъ поклономъ, откланявшись всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ своими большими и рѣшительными шагами подошелъ къ окну, усѣлся на единственный оставшійся стулъ, неподалеку отъ отца Паисія, и, весь выдвинувшись впередъ на стулѣ, тотчасъ приготовился слушать продолженіе имъ прерваннаго разговора.

Появленіе Дмитрія Ѳедоровича заняло не болѣе какихъ-нибудь двухъ минутъ и разговоръ не могъ не возобновиться. Но на этотъ разъ, на настойчивый и почти раздражительный вопросъ отца Паисія, Петръ Александровичъ не почелъ нужнымъ отвѣтить.

— Позвольте мнѣ эту тему отклонить, произнесъ онъ съ нѣкоторою свѣтскою небрежностью.—Тема эта къ тому же мудреная. Вотъ Иванъ Ѳедоровичъ на васъ усмѣхается: должно быть, у него есть что-нибудь любопытное и на этотъ случай. Вотъ его спросите.

— Ничего особеннаго, кромѣ маленькаго замѣчанія, тотчасъ же отвѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — о томъ, что вообще европейскій либерализмъ, и даже нашъ русскій либеральный дилетантизмъ, часто и давно уже смѣшиваетъ конечные результаты соціализма съ христіанскими. Этотъ дикій выводъ, конечно, характерная черта. Впрочемъ, соціализмъ съ христіанствомъ смѣшиваютъ, какъ оказывается, не одни либералы и дилетанты, а вмѣстѣ съ ними, во многихъ случаяхъ, и жандармы, то-есть заграничные, разумѣется. Вашъ парижскій анекдотъ довольно характеренъ, Петръ Александровичъ.

— Вообще эту тему я опять прошу позволенія оставить, повторилъ Петръ Александровичъ, — а вмѣсто того я вамъ разскажу, господа, другой анекдотъ о самомъ Иванѣ Ѳедоровичѣ, интереснѣйшій и характернѣйшій. Не далѣе, какъ дней пять тому назадъ, въ одномъ здѣшнемъ, по преимуществу, дамскомъ обществѣ, онъ торжественно заявилъ въ спорѣ, что на всей землѣ нѣтъ рѣшительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себѣ подобныхъ, что такого закона природы: чтобы человѣкъ любилъ человѣчество — не существуетъ вовсе, и что если есть и была до сихъ поръ любовь на землѣ, то не отъ закона естественнаго, а единственно потому, что люди вѣровали въ свое безсмертіе. Иванъ Ѳедоровичъ прибавилъ при этомъ въ скобкахъ, что въ этомъ-то и

состоитъ весь законъ естественный, такъ что уничтожьте въ человѣчествѣ вѣру въ свое безсмертіе, въ немъ тотчасъ же изсякнетъ не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать міровую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ позволено, даже антропофагія. Но и этого мало, онъ закончилъ утвержденіемъ, что для каждаго частнаго лица, напримѣръ, какъ бы мы теперь, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность прежнему религіозному, и что эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть ли не благороднѣйшимъ исходомъ въ его положеніи. По такому парадоксу можете заключить, господа, и о всемъ остальномъ, что̀ изволитъ провозглашать и что̀ намѣренъ еще, можетъ быть, провозгласить нашъ милый эксцентрикъ и парадоксалистъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Позвольте, неожиданно крикнулъ вдругъ Дмитрій Ѳедоровичъ,—чтобы не ослышаться: „злодѣйство не только должно быть дозволено, но даже признано самымъ необходимымъ и самымъ умнымъ выходомъ изъ положенія всякаго безбожника!“ Такъ или не такъ?

— Точно такъ, сказалъ отецъ Паисій.

— Запомню.

Произнеся это, Дмитрій Ѳедоровичъ такъ же внезапно умолкъ, какъ внезапно влетѣлъ въ разговоръ. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ.

— Неужели вы дѣйствительно такого убѣжденія о послѣдствіяхъ изсякновенія у людей вѣры въ безсмертіе души ихъ? спросилъ вдругъ старецъ Ивана Ѳедоровича.

— Да, я это утверждалъ. Нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія.

— Блаженны вы, коли такъ вѣруете, или уже очень несчастны!

— Почему несчастенъ?—улыбнулся Иванъ Ѳедоровичъ.

— Потому что, по всей вѣроятности, не вѣруете сами ни въ безсмертіе вашей души, ни даже въ то, что̀ написали о церкви и о церковномъ вопросѣ.

— Можетъ быть, вы правы!.. Но все же я и не совсѣмъ шутилъ... вдругъ странно признался, впрочемъ, быстро покраснѣвъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Не совсѣмъ шутили, это истинно. Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучаетъ его. Но и мученикъ любитъ иногда забавляться своимъ отчаяніемъ, какъ бы тоже отъ отчаянія. Пока съ отчаянія и вы забавляетесь— и журнальными статьями, и свѣтскими спорами, сами не вѣруя своей діалектикѣ и съ болью сердца усмѣхаясь ей про себя... Въ васъ этотъ вопросъ не рѣшенъ, и въ этомъ ваше великое горе, ибо настоятельно требуетъ разрѣшенія...

— А можетъ ли быть онъ во мнѣ рѣшенъ? Рѣшенъ въ сторону положительную? продолжалъ странно спрашивать Иванъ Ѳедоровичъ, все съ какою-то необъяснимою улыбкой смотря на старца.

— Если не можетъ рѣшиться въ положительную, то никогда не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и въ этомъ вся мука его. Но благодарите Творца, что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукой мучиться „горняя мудрствовати и горнихъ искати, наше бо жительство на небесѣхъ есть". Дай вамъ Богъ, чтобы рѣшеніе сердца вашего постигло васъ еще на землѣ, и да благословитъ Богъ пути ваши!

Старецъ поднялъ руку и хотѣлъ было съ мѣста перекрестить Ивана Ѳедоровича. Но тотъ вдругъ всталъ со стула, подошелъ къ нему, принялъ его благословеніе и, поцѣловавъ его руку, вернулся молча на свое мѣсто. Видъ его былъ твердъ и серьезенъ. Поступокъ этотъ, да и весь предыдущій, неожиданный отъ Ивана Ѳедоровича, разговоръ со старцемъ какъ-то всѣхъ поразили своею загадочностью и даже какою-то торжественностью, такъ что всѣ на минуту было примолкли, а въ лицѣ Алеши выразился почти испугъ. По Міусовъ вдругъ вскинулъ плечами и въ ту же минуту Ѳедоръ Павловичъ вскочилъ со стула.

— Божественный и святѣйшій старецъ! вскричалъ онъ, указывая на Ивана Ѳедоровича. — Это мой сынъ, плоть отъ плоти моея, любимѣйшая плоть моя! Это мой почтительнѣйшій, такъ сказать, Карлъ Моръ, а вотъ этотъ, сейчасъ вошедшій сынъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, и противъ котораго у васъ управы ищу, — это ужъ непочтительнѣйшій Францъ Моръ, — оба изъ *Разбойниковъ* Шиллера, а я, я самъ въ такомъ случаѣ ужъ Regierender Graf von Moor! Разсудите и спасите! Нуждаемся не только въ молитвахъ, но и въ пророчествахъ вашихъ.

— Говорите безъ юродства и не начинайте оскорбленіемъ домашнихъ вашихъ, отвѣтилъ старецъ слабымъ, изнеможеннымъ голосомъ. Онъ видимо уставалъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и примѣтно лишался силъ.

— Недостойная комедія, которую я предчувствовалъ еще идя сюда! воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ негодованіи и тоже вскочивъ съ мѣста. — Простите, преподобный отецъ, обратился онъ къ старцу, — я человѣкъ необразованный и даже не знаю какъ васъ именовать, но васъ обманули, а вы слишкомъ были добры, позволивъ намъ у васъ съѣхаться. Батюшкѣ нуженъ лишь скандалъ, для чего — это ужъ его расчетъ. У него всегда свой расчетъ. Но, кажется, я теперь знаю для чего...

— Обвиняютъ меня всѣ, всѣ они! кричалъ въ свою очередь Ѳедоръ Павловичъ, — вотъ и Петръ Александровичъ обвиняетъ. Обвиняли, Петръ Александровичъ, обвиняли! обернулся онъ вдругъ къ Міусову, хотя тотъ и не думалъ перебивать его.—Обвиняютъ въ томъ, что я дѣтскія деньги за сапогъ спряталъ и взялъ башъ на башъ; но позвольте, развѣ не существуетъ суда? Тамъ вамъ сочтутъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, по самымъ же распискамъ вашимъ, письмамъ и договорамъ, сколько у васъ было, сколько вы истребили и сколько у васъ остается! Отчего Петръ Александровичъ уклоняется произвести сужденіе? Дмитрій Ѳедоровичъ ему не чужой. Оттого что всѣ на меня, а Дмитрій Ѳедоровичъ въ итого еще мнѣ же долженъ, да не сколько-нибудь, а нѣсколько тысячъ-съ, на что имѣю всѣ документы! Вѣдь городъ трещитъ и гремитъ отъ его кутежей! А тамъ, гдѣ онъ прежде служилъ, тамъ по тысячѣ и по двѣ за обольщеніе честныхъ дѣвицъ платилъ; это, Дмитрій Ѳедоровичъ, намъ извѣстно-съ, въ самыхъ секретныхъ подробностяхъ, и я докажу-съ... Святѣйшій отецъ, вѣрите ли: влюбилъ въ себя благороднѣйшую изъ дѣвицъ, хорошаго дома, съ состояніемъ, дочь прежняго начальника своего, храбраго полковника, заслуженнаго, имѣвшаго Анну съ мечами на шеѣ, компрометировалъ дѣвушку предложеніемъ руки; теперь она здѣсь, теперь она сирота, его невѣста, а онъ, на глазахъ ея, къ одной здѣшней обольстительницѣ ходитъ. Но хоть обольстительница эта и жила, такъ сказать, въ гражданскомъ бракѣ съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, но характера независимаго, крѣпость неприступная для всѣхъ, все равно что жена законная, ибо добродѣтельна,—да-съ!

отцы святые, она добродѣтельна! А Дмитрій Ѳедоровичъ хочетъ эту крѣпость золотымъ ключомъ отпереть, для чего онъ теперь надо мной и куражится, хочетъ съ меня денегъ сорвать, а пока ужъ тысячи на эту обольстительницу просорилъ; на то и деньги занимаетъ безпрерывно, и, между прочимъ, у кого, какъ вы думаете? Сказать аль нѣтъ, Митя!

— Молчать! закричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, — подождите, пока я выйду, а при мнѣ не смѣйте марать благороднѣйшую дѣвицу... Ужъ одно то, что вы о ней осмѣливаетесь заикнуться, позоръ для нея... Не позволю!

Онъ задыхался.

— Митя! Митя! слабонервно и выдавливая изъ себя слезы, вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ,—а родительское-то благословеніе на что? А ну прокляну, что̀ тогда будетъ?

— Безстыдникъ и притворщикъ! неистово рявкнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Это онъ отца, отца! Что же съ прочими? Господа, представьте себѣ: есть здѣсь бѣдный, но почтенный человѣкъ, отставной капитанъ, былъ въ несчастьи, отставленъ отъ службы, но не гласно, не по суду, сохранивъ всю свою честь, многочисленнымъ семействомъ обремененъ. А три недѣли тому нашъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ трактирѣ схватилъ его за бороду, вытащилъ за эту самую бороду на улицу и на улицѣ всенародно избилъ, и все за то, что тотъ состоитъ негласнымъ повѣреннымъ по одному моему дѣлишку.

— Ложь все это! Снаружи правда, внутри ложь! весь въ гнѣвѣ дрожалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — Батюшка! Я свои поступки не оправдываю; да, всенародно признаюсь: я поступилъ какъ звѣрь съ этимъ капитаномъ и теперь сожалѣю и собой гнушаюсь за звѣрскій гнѣвъ, но этотъ вашъ капитанъ, вашъ повѣренный, пошелъ вотъ къ этой самой госпожѣ, о которой вы выражаетесь, что она обольстительница, и сталъ ей предлагать отъ вашего имени, чтобы она взяла имѣющіеся у васъ мои векселя и подала на меня, чтобы по этимъ векселямъ меня засадить, если я ужъ слишкомъ буду приставать къ вамъ въ расчетахъ по имуществу. Вы же теперь меня упрекаете тѣмъ, что я имѣю слабость къ этой госпожѣ, тогда какъ сами же учили ее заманить меня! Вѣдь она прямо въ глаза разсказываетъ; сама мнѣ разсказывала, надъ вами смѣясь! Засадить же вы меня хотите только потому, что меня

къ ней же ревнуете, потому что сами вы приступать начали къ этой женщинѣ со своею любовью и мнѣ это опять-таки все извѣстно, и опять-таки она смѣялась,— слышите — смѣясь надъ вами пересказывала. Такъ вотъ вамъ, святые люди, этотъ человѣкъ, этотъ упрекающій развратнаго сына отецъ! Господа свидѣтели, простите гнѣвъ мой, но я предчувствовалъ, что этотъ коварный старикъ созвалъ всѣхъ васъ сюда на скандалъ. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы простить, если бъ онъ протянулъ мнѣ руку, простить и прощенія просить! Но такъ какъ онъ оскорбилъ сію минуту не только меня, но и благороднѣйшую дѣвицу, которой даже имени не смѣю произнести всуе изъ благоговѣнія къ ней, то и рѣшился обнаружить всю его игру публично, хотя бы онъ и отецъ мой...

Онъ не могъ болѣе продолжать. Глаза его сверкали, онъ дышалъ трудно. Но и всѣ въ кельѣ были взволнованы. Всѣ кромѣ старца съ безпокойствомъ встали со своихъ мѣстъ. Отцы іеромонахи смотрѣли сурово, но ждали, однако, воли старца. Тотъ же сидѣлъ совсѣмъ уже блѣдный, но не отъ волненія, а отъ болѣзненнаго безсилія. Умоляющая улыбка свѣтилась на губахъ его; онъ изрѣдка подымалъ руку, какъ бы желая остановить бѣснующихся, и ужъ, конечно, одного жеста его было бы достаточно, чтобы сцена была прекращена; но онъ самъ какъ будто чего-то еще выжидалъ и пристально приглядывался, какъ бы желая что-то еще понять, какъ бы еще не уяснивъ себѣ чего-то. Наконецъ, Петръ Александровичъ Міусовъ окончательно почувствовалъ себя униженнымъ и опозореннымъ.

— Въ происшедшемъ скандалѣ мы всѣ виноваты! горячо проговорилъ онъ,—но я все же вѣдь не предчувствовалъ, идя сюда, хотя и зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло... Это надо кончить сейчасъ же! Ваше преподобіе, повѣрьте, что я всѣхъ обнаруженныхъ здѣсь подробностей въ точности не зналъ, не хотѣлъ имъ вѣрить, и только теперь въ первый разъ узнаю... Отецъ ревнуетъ сына къ скверного поведенія женщинѣ, и самъ съ этою же тварью сговаривается засадить сына въ тюрьму... И вотъ въ такой-то компаніи меня принудили сюда явиться... Я обманутъ, я заявляю всѣмъ, что обманутъ не меньше другихъ...

— Дмитрій Ѳедоровичъ! завопилъ вдругъ какимъ-то не своимъ голосомъ Ѳедоръ Павловичъ,—если бы только вы не мой сынъ, то я въ ту же минуту вызвалъ бы васъ

на дуэль... на пистолетахъ, на разстояніи трехъ шаговъ... черезъ платокъ, черезъ платокъ! кончилъ онъ, топая обѣими ногами.

Есть у старыхъ лгуновъ, всю жизнь свою проактерствовавшихъ, минуты, когда они до того зарисуются, что уже воистину дрожатъ и плачутъ отъ волненія, несмотря на то, что даже въ это самое мгновеніе (или секунду только спустя) могли бы сами шепнуть себѣ: „вѣдь ты лжешь, старый безстыдникъ, вѣдь ты актеръ и теперь, несмотря на весь твой „святой“ гнѣвъ и „святую“ минуту гнѣва“.

Дмитрій Ѳедоровичъ страшно нахмурился и съ невыразимымъ презрѣніемъ поглядѣлъ на отца.

— Я думалъ... я думалъ, какъ-то тихо и сдержанно проговорилъ онъ, — что пріѣду на родину съ ангеломъ души моей, невѣстою моей, чтобы лелѣять его старость, а вижу лишь развратнаго сладострастника и подлѣйшаго комедіанта!

— На дуэль! завопилъ опять старикашка, задыхаясь и брызгаясь съ каждымъ словомъ слюной. — А вы, Петръ Александровичъ Міусовъ, знайте, сударь, что, можетъ быть, во всемъ вашемъ родѣ нѣтъ и не было выше и честнѣе,—слышите, честнѣе—женщины, какъ эта по вашему тварь, какъ вы осмѣлились сейчасъ назвать ее! А вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, на эту же „тварь“ вашу невѣсту промѣняли, стало быть, сами присудили, что и невѣста ваша подошвы ея не стоитъ, вотъ какова эта тварь!

— Стыдно! вырвалось вдругъ у отца Іосифа.

— Стыдно и позорно! своимъ отроческимъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, и весь покраснѣвъ, крикнулъ вдругъ Калгановъ, все время молчавшій.

— Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ! глухо прорычалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, почти уже въ изступленіи отъ гнѣва, какъ-то чрезвычайно приподнявъ плечи и почти отъ того сгорбившись,—нѣтъ, скажите мнѣ, можно ли еще позволить ему безчестить собою землю, оглядѣлъ онъ всѣхъ, указывая на старца рукой. Онъ говорилъ медленно и мѣрно.

— Слышите ли, слышите ли вы, монахи, отцеубійцу, набросился Ѳедоръ Павловичъ на отца Іосифа.—Вотъ отвѣтъ на ваше „стыдно!“ Что стыдно? Эта „тварь“, эта „скверного поведенія женщина“, можетъ быть, святѣе васъ самихъ, господа спасающіеся іеромонахи! Она, мо-

жетъ быть, въ юности пала, заѣденная средой, но она „возлюбила много“, а возлюбившую много и Христосъ простилъ...

— Христосъ не за такую любовь простилъ... вырвалось въ нетерпѣніи у кроткаго отца Іосифа.

— Нѣтъ, за такую, за эту самую, монахи, за эту! Вы здѣсь на капустѣ спасаетесь и думаете, что праведники! Пискариковъ кушаете, въ день по пискарику, и думаете пискариками Бога купить!

— Невозможно, невозможно! слышалось въ кельѣ со всѣхъ сторонъ.

Но вся эта дошедшая до безобразія сцена прекратилась самымъ неожиданнымъ образомъ. Вдругъ поднялся съ мѣста старецъ. Совсѣмъ почти потерявшійся отъ страха за него и за всѣхъ, Алеша успѣлъ, однако, поддержать его за руку. Старецъ шагнулъ по направленію къ Дмитрію Ѳедоровичу и, дойдя до него вплоть, опустился предъ нимъ на колѣни. Алеша подумалъ было, что онъ упалъ отъ безсилія, но это было не то. Ставъ на колѣни, старецъ поклонился Дмитрію Ѳедоровичу въ ноги полнымъ, отчетливымъ, сознательнымъ поклономъ, и даже лбомъ своимъ коснулся земли. Алеша былъ такъ изумленъ, что даже не успѣлъ поддержать его, когда тотъ поднимался. Слабая улыбка чуть-чуть блестѣла на его губахъ.

— Простите! Простите всѣ! проговорилъ онъ откланиваясь на всѣ стороны своимъ гостямъ.

Дмитрій Ѳедоровичъ стоялъ нѣсколько мгновеній, какъ пораженный: ему поклонъ въ ноги—что̀ такое? Наконецъ, вдругъ вскрикнулъ: „О, Боже!“ и, закрывъ руками лицо, бросился вонъ изъ комнаты. За нимъ повалили гурьбой и всѣ гости, отъ смущенія даже не простясь и не откланявшись хозяину. Одни только іеромонахи опять подошли подъ благословеніе.

— Это что же онъ въ ноги-то, это эмблема какая-нибудь? попробовалъ было разговоръ начать вдругъ почему-то присмирѣвшій Ѳедоръ Павловичъ, ни къ кому, впрочемъ, не осмѣливаясь обратиться лично. Они всѣ выходили въ эту минуту изъ ограды скита.

— Я за сумасшедшій домъ и за сумасшедшихъ не отвѣчаю, тотчасъ же озлобленно отвѣтилъ Міусовъ, — но зато избавлю себя отъ вашего общества, Ѳедоръ Павловичъ, и, повѣрьте, что навсегда. Гдѣ этотъ давешній монахъ?..

Но „этотъ монахъ“, то-есть тотъ, который приглашалъ ихъ давеча на обѣдъ къ игумену, ждать себя не заставилъ. Онъ тутъ же встрѣтилъ гостей, тотчасъ же какъ они сошли съ крылечка изъ кельи старца, точно дожидалъ ихъ все время.

— Сдѣлайте одолженіе, почтенный отецъ, засвидѣтельствуйте все мое глубокое уваженіе отцу игумену и извините меня лично, Міусова, предъ его высокопреподобіемъ въ томъ, что по встрѣтившимся внезапно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ ни за что не могу имѣть честь принять участіе въ его трапезѣ, несмотря на все искреннѣйшее желаніе мое, раздражительно проговорилъ монаху Петръ Александровичъ.

— А вѣдь непредвидѣнное-то обстоятельство—это вѣдь я! сейчасъ же подхватилъ Ѳедоръ Павловичъ.—Слышите, отецъ, это Петръ Александровичъ со мной не желаетъ вмѣстѣ оставаться, а то бы онъ тотчасъ пошелъ. И пойдете, Петръ Александровичъ, извольте пожаловать къ отцу игумену, и—добраго вамъ аппетита! Знайте, что это я уклоняюсь, а не вы. Домой, домой, дома поѣмъ, а здѣсь чувствую себя неспособнымъ, Петръ Александровичъ, мой любезнѣйшій родственникъ.

— Не родственникъ я вамъ и никогда имъ не былъ, низкій вы человѣкъ!

— Я нарочно и сказалъ, чтобы васъ побѣсить, потому что вы отъ родства уклоняетесь, хотя все-таки вы родственникъ, какъ ни финтите, по святцамъ докажу; за тобой, Иванъ Ѳедоровичъ, я въ свое время лошадей пришлю, оставайся, если хочешь, и ты. Вамъ же, Петръ Александровичъ, даже приличіе велитъ теперь явиться къ отцу игумену, надо извиниться въ томъ, что мы съ вами тамъ накутили...

— Да правда ли, что вы уѣзжаете? Не лжете ли вы?

— Петръ Александровичъ, какъ же бы я посмѣлъ послѣ того, что̀ случилось! Увлекся, простите, господа, увлекся! И кромѣ того потрясенъ! Да и стыдно. Господа, у иного сердце какъ у Александра Македонскаго, а у другого—какъ у собачки Фидельки. У меня какъ у собачки Фидельки. Обробѣлъ! Ну, какъ послѣ такого эскапада да еще на обѣдъ, соусы монастырскіе уплетать? Стыдно, не могу, извините!

„Чортъ его знаетъ, а ну какъ обманетъ!“ остановился въ раздумьи Міусовъ, слѣдя недоумѣвающимъ взглядомъ

за удалявшимся шутомъ. Тотъ обернулся и, замѣтивъ, что Петръ Александровичъ за нимъ слѣдитъ, послалъ ему рукою поцѣлуй.

— Вы-то идете къ игумену? отрывисто спросилъ Міусовъ Ивана Ѳедоровича.

— Почему же нѣтъ? Къ тому же я особенно приглашенъ игуменомъ еще вчерашняго дня.

— Къ несчастію, я дѣйствительно чувствую себя почти въ необходимости явиться на этотъ проклятый обѣдъ, все съ тою же горькою раздражительностью продолжалъ Міусовъ, даже и не обращая вниманія, что монашекъ слушаетъ.—Хоть тамъ-то извиниться надо за то, что̀ мы здѣсь натворили, и разъяснить, что это не мы... Какъ вы думаете?

— Да, надо разъяснить, что это не мы. Къ тому же, батюшки не будетъ, замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да еще же бы съ вашимъ батюшкой! Проклятый этотъ обѣдъ!

И однако всѣ шли. Монашекъ молчалъ и слушалъ. Дорогой черезъ лѣсокъ онъ только разъ лишь замѣтилъ, что отецъ игуменъ давно уже ожидаютъ, и что болѣе получаса опоздали. Ему не отвѣтили. Міусовъ съ ненавистью посмотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича:

„А вѣдь идетъ на обѣдъ, какъ ни въ чемъ не бывало!“ подумалъ онъ. „Мѣдный лобъ и Карамазовская совѣсть“.

VII.

Семинаристъ-карьеристъ.

Алеша довелъ своего старца въ спаленку и усадилъ на кровать. Это была очень маленькая комнатка съ необходимою мебелью: кровать была узенькая, желѣзная, а на ней вмѣсто тюфяка одинъ только войлокъ. Въ уголку у иконъ стоялъ налой, а на немъ лежали крестъ и Евангеліе. Старецъ опустился на кровать въ безсиліи; глаза его блестѣли и дышалъ онъ трудно. Усѣвшись, онъ пристально и какъ бы обдумывая нѣчто посмотрѣлъ на Алешу.

— Ступай, милый, ступай, мнѣ и Порфирія довольно, а ты поспѣши. Ты тамъ нуженъ, ступай къ отцу игумену, за обѣдомъ и прислужи.

— Благословите здѣсь остаться, просящимъ голосомъ промолвилъ Алеша.

— Ты тамъ нужнѣе. Тамъ миру нѣтъ. Прислужишь и пригодишься. Подымутся бѣси, молитву читай. И знай, сынокъ (старецъ любилъ его такъ называть), что и впредь тебѣ не здѣсь мѣсто. Запомни сіе, юноша. Какъ только сподобитъ Богъ преставиться мнѣ — и уходи изъ монастыря. Совсѣмъ иди.

Алеша вздрогнулъ.

— Чего ты? Не здѣсь твое мѣсто пока. Благословляю тебя на великое послушаніе въ міру. Много тебѣ еще странствовать. И жениться долженъ будешь, долженъ. Все долженъ будешь перенести, пока вновь прибудеши. А дѣла много будетъ. Но въ тебѣ не сомнѣваюсь, потому и посылаю тебя. Съ тобой Христосъ. Сохрани Его и Онъ сохранитъ тебя. Горе узришь великое и въ горѣ семъ счастливъ будешь. Вотъ тебѣ завѣтъ: въ горѣ счастья ищи. Работай, неустанно работай. Запомни слово мое отнынѣ, ибо хотя и буду бесѣдовать съ тобой, но не только дни, а и часы мои сочтены.

Въ лицѣ Алеши опять изобразилось сильное движеніе. Углы губъ его тряслись.

— Чего же ты снова? тихо улыбнулся старецъ.—Пусть мірскія слезы провожаютъ своихъ покойниковъ, а мы здѣсь отходящему отцу радуемся. Радуемся и молимъ о немъ. Оставь же меня. Молиться надо. Ступай и поспѣши. Около братьевъ будь. Да не около одного, а около обоихъ.

Старецъ поднялъ руку благословить. Возражать было невозможно, хотя Алешѣ чрезвычайно хотѣлось остаться. Хотѣлось ему еще спросить, и даже съ языка срывался вопросъ, что предозначалъ этотъ земной поклонъ брату Дмитрію? но онъ не посмѣлъ спросить. Онъ зналъ, что старецъ и самъ бы, безъ вопроса ему разъяснилъ, если бы можно было. Но значитъ не было на то его воли. А поклонъ этотъ страшно поразилъ Алешу; онъ вѣровалъ слѣпо, что въ немъ былъ таинственный смыслъ. Таинственный, а, можетъ быть, и ужасный. Когда онъ вышелъ за ограду скита, чтобы поспѣть въ монастырь къ началу обѣда у игумена (конечно, чтобы только прислуживать за столомъ) у него вдругъ больно сжалось сердце и онъ остановился на мѣстѣ: предъ нимъ какъ бы снова прозвучали слова старца, предрекавшаго столь близкую кончину свою. Что предрекалъ, да еще съ такою точностью, старецъ, то должно было случиться несомнѣнно, Алеша вѣровалъ тому свято. Но какъ же онъ останется безъ него, какъ же будетъ

онъ не видѣть его, не слышать его? И куда онъ пойдетъ? Велитъ не плакать и идти изъ монастыря. Господи! Давно уже Алеша не испытывалъ такой тоски. Онъ пошелъ поскорѣе лѣсомъ отдѣлявшимъ скитъ отъ монастыря и, не въ силахъ даже выносить свои мысли, до того они давили его, сталъ смотрѣть на вѣковыя сосны по обѣимъ сторонамъ лѣсной дорожки. Переходъ былъ не длиненъ, шаговъ въ пятьсотъ, не болѣе; въ этотъ часъ никто бы не могъ и повстрѣчаться, но вдругъ на первомъ изгибѣ дорожки онъ замѣтилъ Ракитина. Тотъ поджидалъ кого-то.

— Не меня ли ждешь? спросилъ поровнявшись съ нимъ Алеша.

— Именно тебя, усмѣхнулся Ракитинъ. — Поспѣшаешь къ отцу игумену. Знаю; у того столъ. Съ самого того времени, какъ архіерея съ генераломъ Пахатовымъ принималъ, помнишь, такого стола еще не было. Я тамъ не буду, а ты ступай, соусы подавай. Скажи ты мнѣ, Алексѣй, одно: что̀ сей сонъ значитъ? Я вотъ что̀ хотѣлъ спросить.

— Какой сонъ?

— А вотъ земной-то поклонъ твоему братцу Дмитрію Ѳедоровичу. Да еще какъ лбомъ-то стукнулся!

— Это ты про отца Зосиму?

— Да, про отца Зосиму.

— Лбомъ?

— А, непочтительно выразился! Ну, пусть непочтительно. Итакъ, что̀ же сей сонъ означаетъ?

— Не знаю, Миша, что̀ значитъ!

— Такъ я и зналъ, что онъ тебѣ это не объяснитъ. Мудренаго тутъ, конечно, нѣтъ ничего, однѣ бы кажись всегдашнія благоглупости. Но фокусъ былъ продѣланъ нарочно. Вотъ теперь и заговорятъ всѣ святоши въ городѣ и по губерніи разнесутъ: „Что̀, дескать, сей сонъ означаетъ?“ По-моему, старикъ дѣйствительно прозорливъ: уголовщину пронюхалъ. Смердитъ у васъ.

— Какую уголовщину?

Ракитину видимо хотѣлось что-то сказать.

— Въ вашей семейкѣ она будетъ, эта уголовщина. Случится она между твоими братьями и твоимъ богатенькимъ батюшкой. Вотъ отецъ Зосима и стукнулся лбомъ на всякій будущій случай. Потомъ, что̀ случится: „ахъ, вѣдь это старецъ святой предрекъ, напророчествовалъ“,—хотя какое бы въ томъ пророчество, что онъ лбомъ стукнулся?

Нѣтъ, это, дескать, эмблема была, аллегорія и чортъ знаетъ что! Разславятъ, запомнятъ: преступленіе, дескать, предугадалъ, преступника отмѣтилъ. У юродивыхъ и все такъ: на кабакъ крестится, а въ храмъ камнями мечетъ. Такъ и твой старецъ: праведника палкой вонъ, а убійцѣ въ ноги поклонъ.

— Какое преступленіе? Какому убійцѣ! Что ты? Алеша сталъ какъ вкопанный, остановился и Ракитинъ.

— Какому? Быдто не знаешь? Бьюсь объ закладъ, что ты самъ ужъ объ этомъ думалъ. Кстати, это любопытно: слушай, Алеша, ты всегда правду говоришь, хотя всегда между двухъ стульевъ садишься: думалъ ты объ этомъ или не думалъ, отвѣчай?

— Думалъ, тихо отвѣтилъ Алеша. Даже Ракитинъ смутился.

— Что ты? Да неужто и ты ужъ думалъ? вскричалъ онъ.

— Я... я не то, чтобы думалъ, пробормоталъ Алеша,— а вотъ какъ ты сейчасъ сталъ про это такъ странно говорить, то мнѣ и показалось, что я про это самъ думалъ.

— Видишь (и какъ ты это ясно выразилъ), видишь? Сегодня глядя на папашу и на братца Митеньку о преступленіи подумалъ? Стало-быть, не ошибаюсь же я?

— Да подожди, подожди, тревожно прервалъ Алеша,— изъ чего ты-то все это видишь?.. Почему это тебя такъ занимаетъ, вотъ первое дѣло.

— Два вопроса раздѣльные, но естественные. Отвѣчу на каждый порознь. Почему вижу? Ничего я бы тутъ не видѣлъ, если бы Дмитрія Ѳедоровича, брата твоего, вдругъ сегодня не понялъ всего, какъ есть, разомъ и вдругъ, всего какъ онъ есть. Но какой-то одной чертѣ такъ и захватилъ его разомъ всего. У этихъ честнѣйшихъ, но любострастныхъ людей есть черта, которую не переходи. Не то—не то онъ и папеньку ножемъ пырнетъ. А папенька пьяный и невоздержный безпутникъ, никогда и ни въ чемъ мѣры не понималъ—не удержатся оба и бухъ оба въ канаву...

— Нѣтъ, Миша, нѣтъ, если только это, такъ ты меня ободрилъ. До того не дойдетъ.

— А чего ты весь трясешься? Знаешь ты штуку? Пусть онъ и честный человѣкъ, Митенька-то (онъ глупъ, но честенъ); но онъ—сладострастникъ. Вотъ его опредѣленіе и вся внутренняя суть. Это отецъ ему передалъ свое под-

лое сладострастіе. Вѣдь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: какъ это ты дѣвственникъ? Вѣдь и ты Карамазовъ! Вѣдь въ вашемъ семействѣ сладострастіе до воспаленія доведено. Но вотъ эти три сладострастника другъ за другомъ теперь и слѣдятъ... съ ножами за сапогомъ. Состукнулись твое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

— Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрій ее... презираетъ, какъ-то вздрагивая проговорилъ Алеша.

— Грушеньку-то? Нѣтъ, братъ, не презираетъ. Ужъ когда невѣсту свою въявь на нее промѣнялъ, то не презираетъ. Тутъ... тутъ, братъ, нѣчто, чего ты теперь не поймешь. Тутъ влюбится человѣкъ въ какую-нибудь красоту, въ тѣло женское, или даже только въ часть одну тѣла женскаго (это сладострастникъ можетъ понять), то и отдастъ за нее собственныхъ дѣтей, продастъ отца и мать, Россію и отечество; будучи честенъ, пойдетъ и украдетъ; будучи кротокъ—зарѣжетъ, будучи вѣренъ — измѣнитъ. Пѣвецъ женскихъ ножекъ, Пушкинъ, ножки въ стихахъ воспѣвалъ; другіе не воспѣваютъ, а смотрѣть на ножки не могутъ безъ судорогъ. Но вѣдь не однѣ ножки... Тутъ, братъ, презрѣніе не помогаетъ, хотя бы онъ и презиралъ Грушеньку. И презираетъ, да оторваться не можетъ.

— Я это понимаю, вдругъ брякнулъ Алеша.

— Быдто? И впрямь, стало-быть, ты это понимаешь, коли такъ съ перваго слова брякнулъ, что понимаешь, съ злорадствомъ проговорилъ Ракитинъ.—Ты это нечаянно брякнулъ, это вырвалось. Тѣмъ драгоцѣннѣе признаніе: стало-быть, тебѣ ужъ знакомая тема, объ этомъ ужъ думалъ, о сладострастьи-то! Ахъ ты дѣвственникъ! Ты Алешка тихоня, ты святой, я согласенъ, но ты тихоня и чортъ знаетъ о чемъ ты ужъ не думалъ, чортъ знаетъ, что тебѣ ужъ извѣстно! Дѣвственникъ, а ужъ такую глубину прошелъ, я тебя давно наблюдаю. Ты самъ Карамазовъ, ты Карамазовъ вполнѣ—стало-быть, значитъ же что-нибудь порода и подборъ. По отцу сладострастникъ, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь что: Грушенька просила меня „приведи ты его (тебя, то-есть), я съ него ряску стащу“. Да вѣдь какъ просила-то: приведи да приведи! Подумалъ только: чѣмъ ты это ей такъ любопытенъ? Знаешь, необычайная и она женщина тоже!

— Кланяйся, скажи что не приду, криво усмѣхнулся

Алеша.—Договаривай, Михаилъ, о чемъ зачалъ, я тебѣ потомъ мою мысль скажу.

— Чего тутъ договаривать, все ясно. Все это, братъ, старая музыка. Если ужъ и ты сладострастника въ себѣ заключаешь, то что же братъ твой Иванъ, единоутробный? Вѣдь и онъ Карамазовъ. Въ этомъ весь вашъ Карамазовскій вопросъ заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые! Братъ твой Иванъ теперь богословскія статейки пока въ шутку по какому-то глупѣйшему неизвѣстному расчету печатаетъ, будучи самъ атеистомъ, и въ подлости этой самъ сознается—братъ твой этотъ, Иванъ. Кромѣ того, отъ братца Мити невѣсту себѣ отбиваетъ, ну и этой цѣли, кажется, что достигнетъ. Да еще какъ: съ согласія самого Митеньки, потому что Митенька самъ ему невѣсту свою уступаетъ, чтобы только отвязаться отъ нея да уйти поскорѣй къ Грушенькѣ. И все это при всемъ своемъ благородствѣ и безкорыстіи, замѣть себѣ это. Вотъ эти-то люди самые роковые и есть! Чортъ васъ разберетъ послѣ этого: самъ подлость свою сознаетъ и самъ въ подлость лѣзетъ! Слушай дальше. Митенькѣ теперь пересѣкаетъ дорогу старикашка — отецъ. Вѣдь тотъ по Грушенькѣ съ ума вдругъ сошелъ, вѣдь у него слюна бѣжитъ, когда на нее глядитъ только. Вѣдь это онъ только изъ-за нея одной въ кельѣ сейчасъ скандалъ такой сдѣлалъ, за то только, что Міусовъ ее безпутною тварью назвать осмѣлился. Влюбился хуже кошки. Прежде она ему тутъ только по дѣлишкамъ какимъ-то темнымъ да кабачнымъ на жалованьи прислуживала, а теперь вдругъ догадался и разглядѣлъ, остервенился, съ предложеніями лѣзетъ, не съ честными, конечно. Ну и столкнутся-же они, папенька съ сыночкомъ, на этой дорожкѣ. А Грушенька ни тому, ни другому, пока еще виляетъ да обоихъ дразнитъ, высматриваетъ, который выгоднѣе, потому хоть у папаши можно много денегъ тяпнуть, да вѣдь зато онъ не женится, а пожалуй, такъ подъ конецъ ожидовѣетъ и запретъ кошель. Въ такомъ случаѣ и Митенька свою цѣну имѣетъ; денегъ у него нѣтъ, но зато способенъ жениться. Да-съ, способенъ жениться! Бросить невѣсту, несравненную красоту, Катерину Ивановну, богатую, дворянку и полковничью дочь, и жениться на Грушенькѣ, бывшей содержанкѣ стараго купчишки, развратнаго мужика и городского головы Самсонова. Изъ всего сего дѣйствительно можетъ столкновеніе произойти уголовное. А этого братъ

твой Иванъ и ждетъ, тутъ онъ и въ малинѣ: и Катерину Ивановну пріобрѣтетъ, по которой сохнетъ, да и шестьдесятъ ея тысячъ приданаго тяпнетъ. Маленькому-то человѣку и голышу, какъ онъ, это и весьма прельстительно для начала. И вѣдь замѣть себѣ: не только Митю не обидитъ, но даже по гробъ одолжитъ. Вѣдь я навѣрно знаю, что Митенька самъ и вслухъ, на прошлой недѣлѣ еще, кричалъ въ трактирѣ пьяный, съ цыганками, что недостоинъ невѣсты своей, Катеньки, а братъ Иванъ такъ вотъ тотъ достоинъ. А сама Катерина Ивановна, ужъ конечно, такого обворожителя, какъ Иванъ Ѳедоровичъ, подъ конецъ не отвергнетъ; вѣдь она ужъ и теперь между двумя ими колеблется. И чѣмъ только этотъ Иванъ прельстилъ васъ всѣхъ, что вы всѣ предъ нимъ благоговѣете? А онъ надъ вами же смѣется: въ малинѣ, дескать, сижу и на вашъ счетъ лакомствую.

— Почему ты все это знаешь? Почему такъ утвердительно говоришь? рѣзко и нахмурившись спросилъ вдругъ Алеша.

— А почему ты теперь спрашиваешь и моего отвѣта впередъ боишься? Значитъ, самъ соглашаешься, что я правду сказалъ.

— Ты Ивана не любишь. Иванъ не польстится на деньги.

— Быдто? А красота Катерины Ивановны? Не однѣ же тутъ деньги, хотя и шестьдесятъ тысячъ вещь прельстительная.

— Иванъ выше смотритъ. Иванъ и на тысячи не польстится. Иванъ не денегъ, не спокойствія ищетъ. Онъ мученія, можетъ быть, ищетъ.

— Это еще что̀ за сонъ? Ахъ вы... дворяне!

— Эхъ, Миша, душа его бурная. Умъ его въ плѣну. Въ немъ мысль великая и неразрѣшенная. Онъ изъ тѣхъ, которымъ не надобно милліоновъ, а надобно мысль разрѣшить.

— Литературное воровство, Алешка. Ты старца своего перефразировалъ. Экъ вѣдь Иванъ вамъ загадку задалъ! съ явною злобой крикнулъ Ракитинъ. Онъ даже въ лицѣ измѣнился и губы его перекосились.—Да и загадка-то глупая, отгадывать нечего. Пошевели мозгами—поймешь. Статья его смѣшна и нелѣпа. А слышалъ давеча его глупую теорію: „нѣтъ безсмертія души, такъ нѣтъ и добродѣтели, значитъ, все позволено". (А братецъ-то Ми-

тенька, кстати, помнишь, какъ крикнулъ: „Запомню!“). Соблазнительная теорія подлецамъ... я ругаюсь, это глупо... не подлецамъ, а школьнымъ фанфаронамъ съ „неразрѣшимою глубиной мыслей“. Хвастунишка, а суть-то вся: „Съ одной стороны нельзя не признаться, а съ другой—нельзя не сознаться!“ Вся его теорія—подлость! Человѣчество само въ себѣ силу найдетъ чтобы жить для добродѣтели, даже и не вѣря въ безсмертіе души! Въ любви къ свободѣ, къ равенству, братству найдетъ...

Ракитинъ разгорячился, почти не могъ сдержать себя. Но вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, остановился.

— Ну, довольно, еще кривѣе улыбнулся онъ чѣмъ прежде. Чего ты смѣешься? Думаешь, что я пошлякъ?

— Нѣтъ, я и не думалъ думать, что ты пошлякъ. Ты уменъ, но... оставь, это я сдуру усмѣхнулся. Я понимаю, что ты можешь разгорячиться, Миша. По твоему увлеченію я догадался, что ты самъ неравнодушенъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, я, братъ, это давно подозрѣвалъ, а потому и не любишь брата Ивана. Ты къ нему ревнуешь?

— И къ ея денежкамъ тоже ревную? Прибавляй, что ли?

— Нѣтъ, я ничего о деньгахъ не прибавлю, я не стану тебя обижать.

— Вѣрю, потому что ты сказалъ, но чортъ васъ возьми опять-таки съ твоимъ братомъ Иваномъ! Не поймете вы никто, что его и безъ Катерины Ивановны можно весьма не любить. И за что я его стану любить, чортъ возьми! Вѣдь удостоиваетъ же онъ меня самъ ругать. Почему же я его не имѣю права ругать?

— Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ хоть что-нибудь сказалъ о тебѣ, хорошаго или дурного; онъ совсѣмъ о тебѣ не говоритъ.

— А я такъ слышалъ, что третьяго дня у Катерины Ивановны онъ отдѣлывалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ,—вотъ до чего интересовался вашимъ покорнымъ слугой. И кто, братъ, кого послѣ этого ревнуетъ—не знаю! Изволилъ выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита въ весьма недалекомъ будущемъ, и не рѣшусь постричься, то непремѣнно уѣду въ Петербургъ и примкну къ толстому журналу, непремѣнно къ отдѣленію критики, буду писать лѣтъ десятокъ и въ концѣ концовъ переведу журналъ на себя. Затѣмъ буду опять его издавать и непремѣнно въ либеральномъ и атеистическомъ направленіи, съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, съ

маленькимъ даже лоскомъ соціализма, но держа ухо востро, то-есть въ сущности держа нашимъ и вашимъ и отводя глаза дуракамъ. Конецъ карьеры моей, по толкованію твоего братца, въ томъ, что оттѣнокъ соціализма не помѣшаетъ мнѣ откладывать на текущій счетъ подписныя денежки и пускать ихъ при случаѣ въ оборотъ, подъ руководствомъ какого-нибудь жидишки, до тѣхъ поръ пока не выстрою капитальный домъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы перевесть въ него и редакцію, а въ остальные этажи напустить жильцовъ. Даже мѣсто дому назначилъ: у Новаго Каменнаго моста черезъ Неву, который проектируется, говорятъ, въ Петербургѣ, съ Литейной на Выборгскую...

— Ахъ, Миша, вѣдь это, пожалуй, какъ есть все и сбудется, до послѣдняго даже слова! вскричалъ вдругъ Алеша, не удержавшись и весело усмѣхаясь.

— И вы въ сарказмы пускаетесь, Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, извини. У меня совсѣмъ другое на умѣ. Позволь однако: кто бы тебѣ могъ такія подробности сообщить, и отъ кого бы ты могъ о нихъ слышать. Ты не могъ вѣдь быть у Катерины Ивановны лично, когда онъ про тебя говорилъ?

— Меня не было, зато былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, и я слышалъ это своими ушами отъ Дмитрія же Ѳедоровича, то-есть, если хочешь, онъ не мнѣ говорилъ, а я подслушалъ, разумѣется, поневолѣ, потому что у Грушеньки въ ея спальнѣ сидѣлъ и выйти не могъ все время, пока Дмитрій Ѳедоровичъ въ слѣдующей комнатѣ находился.

— Ахъ да, я и забылъ, вѣдь она тебѣ родственница...

— Родственница? Это Грушенька-то мнѣ родственница? вскричалъ вдругъ Ракитинъ, весь покраснѣвъ.—Да ты съ ума спятилъ, что ли? Мозги не въ порядкѣ.

— А что? Развѣ не родственница? Я такъ слышалъ...

— Гдѣ ты могъ это слышать? Нѣтъ, вы господа Карамазовы какихъ-то великихъ и древнихъ дворянъ изъ себя корчите, тогда какъ отецъ твой бѣгалъ шутомъ по чужимъ столамъ, да при милости на кухнѣ числился. Положимъ, я только поповскій сынъ и тля передъ вами, дворянами, но не оскорбляйте же меня такъ весело и безпутно. У меня тоже честь есть, Алексѣй Ѳедоровичъ. Я Грушенькѣ не могу быть родней, публичной дѣвкѣ, прошу понять-съ!

Ракитинъ былъ въ сильномъ раздраженіи.

Извини меня, ради Бога, я никакъ не могъ предполагать, и притомъ какая она публичная? Развѣ она... такая? покраснѣлъ вдругъ Алеша. — Повторяю тебѣ, я такъ слышалъ, что родственница. Ты къ ней часто ходишь и самъ мнѣ говорилъ, что ты съ нею связей любви не имѣешь... Вотъ я никогда не думалъ, что ужъ ты-то ее такъ презираешь! Да неужели она достойна того?

— Если я ее посѣщаю, то на то могу имѣть свои причины, ну и довольно съ тебя. А насчетъ родства, такъ скорѣй твой братецъ, али даже самъ батюшка навяжетъ ее тебѣ, а не мнѣ, въ родню. Ну вотъ и дошли. Ступайка на кухню лучше. Ай! что̀ тутъ такое, что̀ это? Аль опоздали? Да не могли же они такъ скоро отобѣдать? Аль тутъ опять что̀ Карамазовы напрокудили? Навѣрно такъ. Вотъ и батюшка твой, и Иванъ Ѳедоровичъ за нимъ. Это они отъ игумена вырвались. Вонъ отецъ Исидоръ съ крыльца кричитъ имъ что-то во слѣдъ. Да и батюшка твой кричитъ и руками махаетъ, вѣрно бранится. Ба, да вонъ и Міусовъ въ колискѣ уѣхалъ, видишь, ѣдетъ. Вотъ и Максимовъ помѣщикъ бѣжитъ—да тутъ скандалъ; значитъ, не было обѣда! Ужъ не прибыли ли они игумена? Али ихъ, пожалуй, прибили? Вотъ бы сто̀ило!...

Ракитинъ восклицалъ не напрасно. Скандалъ дѣйствительно произошелъ, неслыханный и неожиданный. Все произошло „по вдохновенію“.

VIII.

Скандалъ.

Когда Міусовъ и Иванъ Ѳедоровичъ входили уже къ игумену, то въ Петрѣ Александровичѣ, какъ въ искренно порядочномъ и деликатномъ человѣкѣ, быстро произошелъ одинъ деликатный въ своемъ родѣ процессъ, ему стало стыдно сердиться. Онъ почувствовалъ про себя, что дрянного Ѳедора Павловича, въ сущности, долженъ бы былъ онъ до того не уважать, что не слѣдовало бы ему терять свое хладнокровіе въ кельѣ старца и такъ самому потеряться, какъ оно вышло. „По крайней мѣрѣ, монахи-то ужъ тутъ не виноваты ни въ чемъ“, рѣшилъ онъ вдругъ на крыльцѣ игумена,—„а если и тутъ порядочный народъ (этотъ отецъ Николай игуменъ тоже, кажется, изъ дворянъ), то почему же не быть съ ними милымъ, любезнымъ и вѣжливымъ?...“ „Спорить не буду, буду даже поддакивать, завлеку любезностью и... и... наконецъ, докажу имъ,

что я не компанія этому Эзопу, этому шуту, этому пьеро, и попался впросакъ точно такъ же, какъ и они всѣ"...

Спорныя же порубки въ лѣсу и эту ловлю рыбы (гдѣ все это—онъ и самъ не зналъ) онъ рѣшилъ имъ уступить окончательно, разъ навсегда, сегодня же, тѣмъ болѣе, что все это очень немногаго стоило, и всѣ свои иски противъ монастыря прекратить.

Всѣ эти благія намѣренія еще болѣе укрѣпились, когда они вступили въ столовую отца игумена. Столовой у того, впрочемъ, не было, потому что было у него всего по-настоящему двѣ комнаты во всемъ помѣщеніи, правда, гораздо обширнѣйшія и удобнѣйшія, чѣмъ у старца. Но убранство комнатъ также не отличалось особымъ комфортомъ: мебель была кожаная, краснаго дерева, старой моды двацатыхъ годовъ, даже полы были некрашенные; зато все блистало чистотой, на окнахъ было много дорогихъ цвѣтовъ; но главную роскошь въ эту минуту естественно составлялъ роскошно сервированный столъ, хотя, впрочемъ, и тутъ говоря относительно: скатерть была чистая, посуда блестящая; превосходно выпеченный хлѣбъ трехъ сортовъ, двѣ бутылки вина, двѣ бутылки великолѣпнаго монастырскаго меду, и большой стеклянный кувшинъ съ монастырскимъ квасомъ, славившимся въ околоткѣ. Водки не было вовсе. Ракитинъ повѣствовалъ потомъ, что обѣдъ приготовленъ былъ на этотъ разъ изъ пяти блюдъ: была уха со стерлядью и съ пирожками съ рыбой; затѣмъ разварная рыба какъ-то отмѣнно и особенно приготовленная; затѣмъ котлеты изъ красной рыбы, мороженое и компотъ и, наконецъ, киселекъ въ родѣ бланманже. Все это пронюхалъ Ракитинъ, не утерпѣвъ и нарочно заглянувъ на игуменскую кухню, съ которою тоже имѣлъ свои связи. Онъ вездѣ имѣлъ связи и вездѣ добывалъ языка. Сердце онъ имѣлъ весьма безпокойное и завистливое. Значительныя свои способности онъ совершенно въ себѣ сознавалъ, но нервно преувеличивалъ ихъ въ своемъ самомнѣніи. Онъ зналъ навѣрно, что будетъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ, но Алешу, который былъ къ нему очень привязанъ, мучило то, что его другъ Ракитинъ безчестенъ и рѣшительно не сознаетъ того самъ, напротивъ, зная про себя, что онъ не украдетъ денегъ со стола, окончательно считалъ себя человѣкомъ высшей честности. Тутъ ужъ не только Алеша, но и никто бы не могъ ничего сдѣлать.

Ракитинъ, какъ лицо мелкое, приглашенъ быть къ обѣду не могъ, зато были приглашены отецъ Іосифъ и отецъ Паисій и съ ними еще одинъ іеромонахъ. Они уже ожидали въ столовой игумена, когда вступили Петръ Александровичъ, Калгановъ и Иванъ Ѳедоровичъ. Дожидался еще въ сторонкѣ и помѣщикъ Максимовъ. Отецъ игуменъ, чтобы встрѣтить гостей, выступилъ впередъ на средину комнаты. Это былъ высокій, худощавый, но все еще сильный старикъ, черноволосый, съ сильною просѣдью, съ длиннымъ постнымъ и важнымъ лицомъ. Онъ раскланялся съ гостями молча, но тѣ на этотъ разъ подошли подъ благословеніе. Міусовъ рискнулъ было даже поцѣловать ручку, но игуменъ во-время какъ-то отдернулъ и поцѣлуй не состоялся. Зато Иванъ Ѳедоровичъ и Калгановъ благословились на этотъ разъ вполнѣ, то-есть съ самымъ простодушнымъ и простонароднымъ чмокомъ въ руку.

— Мы должны сильно извиниться, ваше высокопреподобіе, началъ Петръ Александровичъ, съ любезностью осклабляясь, но все же важнымъ и почтительнымъ тономъ,—извиниться, что являемся одни, безъ приглашеннаго вами спутника нашего, Ѳедора Павловича; онъ принужденъ былъ отъ вашей трапезы уклониться и не безъ причины. Въ кельѣ у преподобнаго отца Зосимы, увлекшись своею несчастною родственною распрей съ сыномъ, онъ произнесъ нѣсколько словъ совершенно некстати... словомъ сказать, совершенно неприличныхъ... о чемъ, какъ кажется (онъ взглянулъ на іеромонаховъ), вашему высокопреподобію уже и извѣстно. А потому, самъ сознавая себя виновнымъ и искренно раскаиваясь, почувствовалъ стыдъ и, не могши преодолѣть его, просилъ насъ, меня и сына своего, Ивана Ѳедоровича, заявить предъ вами все свое искреннее сожалѣніе, сокрушеніе и покаяніе... Однимъ словомъ, онъ надѣется и хочетъ вознаградить все потомъ, а теперь, испрашивая вашего благословенія, проситъ васъ забыть о случившемся...

Міусовъ умолкъ. Произнеся послѣднія слова своей тирады, онъ остался собою совершенно доволенъ, до того, что и слѣдовъ недавняго раздраженія не осталось въ душѣ его. Онъ вполнѣ и искренно любилъ опять человѣчество. Игуменъ, съ важностью выслушавъ его, слегка наклонилъ голову и произнесъ въ отвѣтъ:

— Чувствительно сожалѣю объ отлучившемся. Можетъ

быть, за трапезой нашею онъ полюбилъ бы насъ, равно какъ и мы его. Милости просимъ, господа, откушать.

Онъ всталъ передъ образомъ и началъ вслухъ молитву. Всѣ почтительно преклонили головы, а помѣщикъ Максимовъ даже особенно выставился впередъ, сложивъ передъ собой ладошками руки отъ особаго благоговѣнія.

И вотъ тутъ-то Ѳедоръ Павловичъ и выкинулъ свое послѣднее колѣно. Надо замѣтить, что онъ дѣйствительно хотѣлъ было уѣхать и дѣйствительно почувствовалъ невозможность, послѣ своего позорнаго поведенія въ кельѣ старца, идти какъ ни въ чемъ не бывало къ игумену на обѣдъ. Не то чтобъ онъ стыдился себя такъ ужъ очень и обвинялъ; можетъ быть, даже совсѣмъ напротивъ; но все же онъ чувствовалъ, что обѣдать-то ужъ неприлично. Но только было подали къ крыльцу гостиницы его дребезжащую коляску, какъ онъ, уже влѣзая въ нее, вдругъ пріостановился. Ему вспомнились его же собственныя слова у старца: „Мнѣ все такъ и кажется, когда я вхожу куда-нибудь, что я подлѣ всѣхъ и что меня всѣ за шута принимаютъ,—такъ вотъ давай же я и въ самомъ дѣлѣ сыграю шута, потому что вы всѣ до единаго глупѣе и подлѣе меня“. Ему захотѣлось всѣмъ отомстить за собственныя пакости. Вспомнилъ онъ вдругъ теперь кстати, какъ когда-то, еще прежде, спросили его разъ: „За что вы такого-то такъ ненавидите?“ И онъ отвѣтилъ тогда, въ припадкѣ своего шутовского безстыдства: „А вотъ за что: онъ, правда, мнѣ ничего не сдѣлалъ, но зато я сдѣлалъ ему одну безсовѣстнѣйшую пакость, и только что сдѣлалъ, тотчасъ же за то и возненавидѣлъ его“. Припомнивъ это теперь, онъ тихо и злобно усмѣхнулся въ минутномъ раздумьи. Глаза его сверкнули и даже губы затряслись. „А коль началъ, такъ и кончить“, рѣшилъ онъ вдругъ. Сокровеннѣйшее ощущеніе его въ этотъ мигъ можно было бы выразить такими словами: „Вѣдь ужъ теперь себя не реабилитируешь, такъ давай-ка я имъ еще наплюю до безстыдства: не стыжусь, дескать, васъ, да и только!“ Кучеру онъ велѣлъ подождать, а самъ скорыми шагами воротился въ монастырь и прямо къ игумену. Онъ еще не зналъ хорошо, что сдѣлаетъ, но зналъ, что уже не владѣетъ собою и—чуть толчокъ—мигомъ дойдетъ теперь до послѣдняго предѣла какой-нибудь мерзости, — впрочемъ, только мерзости, а отнюдь не какого-нибудь преступленія или такой выходки, за которую можетъ судъ наказать.

Въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда умѣлъ себя сдерживать и даже самъ себѣ дивился насчетъ этого въ иныхъ случаяхъ. Онъ показался въ столовой игумена ровно въ тотъ мигъ, когда кончилась молитва и всѣ двинулись къ столу. Остановившись на порогѣ, оглядѣлъ компанію и засмѣялся длиннымъ, наглымъ, злымъ смѣшкомъ, всѣмъ отважно глядя въ глаза.

— А они-то думали, я уѣхалъ а я вотъ онъ! вскричалъ онъ на всю залу.

Одно мгновеніе всѣ смотрѣли на него въ упоръ и молчали, и вдругъ всѣ почувствовали, что выйдетъ сейчасъ что-нибудь отвратительное, нелѣпое, съ несомнѣннымъ скандаломъ. Петръ Александровичъ изъ самаго благодушнаго настроенія перешелъ немедленно въ самое свирѣпое. Все, что̀ угасло было въ его сердцѣ и затихло, разомъ воскресло и поднялось:

— Нѣтъ, вынести этого я не могу! вскричалъ онъ, — совсѣмъ не могу и... никакъ не могу!

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ даже спутался, но было уже не до слога и онъ схватилъ свою шляпу.

— Чего такого онъ не можетъ? вскричалъ Ѳедоръ Павловичъ,—„никакъ не можетъ и ни за что̀ не можетъ?“ Ваше преподобіе, входить мнѣ аль нѣтъ? Принимаете сотрапезника?

— Милости просимъ отъ всего сердца, отвѣтилъ игуменъ. — Господа! Позволю ли себѣ — прибавилъ онъ вдругъ,—просить васъ отъ всей души, оставивъ случайныя распри ваши, сойтись въ любви и родственномъ согласіи, съ молитвой ко Господу, за смиренною трапезою нашей...

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, крикнулъ какъ бы не въ себѣ Петръ Александровичъ.

— А коли Петру Александровичу невозможно, такъ и мнѣ невозможно, и я не останусь. Я съ тѣмъ и шелъ. Я всюду теперь буду съ Петромъ Александровичемъ: уйдете, Петръ Александровичъ, и я пойду, останетесь—и я останусь. Родственнымъ-то согласіемъ вы его напаче кольнули, отецъ игуменъ: не признаетъ онъ себя мнѣ родственникомъ? Такъ ли, фонъ-Зонъ? Вотъ и фонъ-Зонъ стоитъ. Здравствуй, фонъ-Зонъ.

— Вы... это мнѣ-съ? пробормоталъ изумленный помѣщикъ Максимовъ.

— Конечно, тебѣ, крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ.—А то кому же? Не отцу же игумену быть фонъ-Зономъ.

— Да вѣдь и я не фонъ-Зонъ, я Максимовъ.

— Нѣтъ, ты фонъ-Зонъ. Ваше преподобіе, знаете вы, что̀ такое фонъ-Зонъ? Процессъ такой уголовный былъ: его убили въ блудилищѣ—такъ, кажется, у васъ сіи мѣста именуются — убили и ограбили, и, несмотря на его почтенныя лѣта, вколотили въ ящикъ, закупорили и изъ Петербурга въ Москву отослали въ багажномъ вагонѣ, за нумеромъ. А когда заколачивали, то блудныя плясавицы пѣли пѣсни и играли на гусляхъ, то-есть на фортоплясахъ. Такъ вотъ тотъ самый фонъ-Зонъ и есть. Онъ изъ мертвыхъ воскресъ, такъ ли, фонъ-Зонъ?

— Что̀ же это такое? Какъ же это? послышались голоса въ группѣ іеромонаховъ.

— Идемъ! крикнулъ Петръ Александровичъ, обращаясь къ Калганову.

— Нѣтъ-съ, позвольте! визгливо перебилъ Ѳедоръ Павловичъ, шагнувъ еще шагъ въ комнату,—позвольте и мнѣ довершить. Тамъ въ кельѣ ославили меня, что я будто бы непочтительно велъ себя, а именно тѣмъ, что про пискариковъ крикнулъ. Петръ Александровичъ Міусовъ, родственникъ мой, любитъ, чтобы въ рѣчи было plus de noblesse que de sincérité, а я обратно люблю, чтобы въ моей рѣчи было plus de sincérité que de noblesse, и—наплевать на noblesse! Такъ-ли, фонъ-Зонъ? Позвольте, отецъ игуменъ, я хоть и шутъ, и представляюсь шутомъ, но я рыцарь чести и хочу высказать. Да-съ, я рыцарь чести, а въ Петрѣ Александровичѣ—прищемленное самолюбіе и ничего больше. Я и пріѣхалъ-то, можетъ быть, сюда давеча, чтобы посмотрѣть да высказать. У меня здѣсь сынъ Алексѣй спасается: я отецъ, я объ его участи забочусь и долженъ заботиться. Я все слушалъ да представлялся, да и смотрѣлъ потихоньку, а теперь хочу вамъ и послѣдній актъ представленія продѣлать. У насъ вѣдь какъ? У насъ что падаетъ, то ужъ и лежитъ. У насъ что разъ упало, то ужъ и вовѣки лежи. Какъ бы не такъ-съ! Я встать желаю. Отцы святые, я вами возмущенъ. Исповѣдь есть великое таинство, предъ которымъ и я благоговѣю и готовъ повергнуться ницъ, а тутъ вдругъ тамъ въ кельѣ всѣ на колѣнкахъ и исповѣдуются вслухъ. Развѣ вслухъ позволено исповѣдываться? Святыми отцами установлено исповѣданіе на ухо, тогда только исповѣдь ваша будетъ таинствомъ, и это издревле. А то, какъ я ему объясню при всѣхъ, что я, напримѣръ, то и то... ну, то-

есть то и то, понимаете? Иногда вѣдь и сказать неприлично. Такъ вѣдь это скандалъ! Нѣтъ, отцы, съ вами тутъ, пожалуй, въ хлыстовщину втянешься... Я при первомъ же случаѣ напишу въ Синодъ, а сына своего Алексѣя домой возьму.

Здѣсь нотабене. Ѳедоръ Павловичъ слышалъ, гдѣ въ колокола звонятъ. Были когда-то злыя сплетни, достигшія даже до архіерея (не только по нашему, но и въ другихъ монастыряхъ, гдѣ установилось старчество), что будто слишкомъ уважаются старцы, въ ущербъ даже сану игуменскому, и что между прочимъ будто бы старцы злоупотребляютъ таинствомъ исповѣди и проч., и проч. Обвиненія нелѣпыя, которыя и пали въ свое время сами собой и у насъ, и повсемѣстно. Но глупый дьяволъ, который подхватилъ и несъ Ѳедора Павловича на его собственныхъ нервахъ куда-то все дальше и дальше въ позорную глубину, подсказалъ ему это бывшее обвиненіе, въ которомъ Ѳедоръ Павловичъ самъ не понималъ перваго слова. Да и высказать то его грамотно не сумѣлъ, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ никто въ кельѣ старца на колѣняхъ не стоялъ и вслухъ не исповѣдывался, такъ что Ѳедоръ Павловичъ ничего не могъ подобнаго самъ видѣть и говорилъ лишь по старымъ слухамъ и сплетнямъ, которые кое-какъ припомнилъ. Но высказавъ свою глупость, онъ почувствовалъ, что сморозилъ нелѣпый вздоръ, и вдругъ захотѣлось ему тотчасъ же доказать слушателямъ, а пуще всего себѣ самому, что сказалъ онъ вовсе не вздоръ. И хотя онъ отлично зналъ, что съ каждымъ будущимъ словомъ все больше и нелѣпѣе будетъ прибавлять къ сказанному уже вздору еще такого же, — но ужъ сдержать себя не могъ и полетѣлъ какъ съ горы.

— Какая подлость! крикнулъ Петръ Александровичъ.

— Простите, сказалъ вдругъ игуменъ. — Было сказано издревле: „И начатъ глаголати на мя многая нѣкая, даже и до скверныхъ нѣкіихъ вещей. Азъ же вся слышавъ, глаголахъ въ себѣ: се врачество Іисусово есть и послалъ исцѣлити тщеславную душу мою“. А потому и мы благодаримъ васъ съ покорностью, гость драгоцѣнный.

И онъ поклонился Ѳедору Павловичу въ поясъ.

— Те-те-те! Ханженство и старыя фразы! Старыя фразы и старые жесты! Старая ложь и казенщина земныхъ поклоновъ! Знаемъ мы эти поклоны! „Поцѣлуй въ губы и кинжалъ въ сердце“, какъ въ *Разбойникахъ* Шиллера.

Не люблю, отцы, фальши, а хочу истины! Но не въ пискарикахъ истина, и я это провозгласилъ! Отцы монахи, зачѣмъ поститесь? Зачѣмъ вы ждете за это себѣ награды на небеси? Такъ вѣдь изъ-за этакой награды и я пойду поститься! Нѣтъ, монахъ святой, ты будь-ка добродѣтеленъ въ жизни, принеси пользу обществу не заключаясь въ монастырѣ на готовые хлѣба и не ожидая награды тамъ на верху,—такъ это-то потруднѣе будетъ. Я тоже вѣдь, отецъ игуменъ, умѣю складно сказать. Что у нихъ тутъ наготовлено?—подошелъ онъ къ столу.—Портвейнъ старый Фактори, медокъ розлива братьевъ Елисѣевыхъ, ай да отцы! Не похоже вѣдь на пискариковъ. Ишь бутылочекъ-то отцы наставили, хе-хе-хе! А кто это все доставлялъ сюда? Это мужикъ русскій, труженикъ, своими мозольными руками заработанный грошъ сюда несетъ, отрывая его отъ семейства и отъ нуждъ государственныхъ! Вѣдь вы, отцы святые, народъ сосете!

— Это ужъ совсѣмъ недостойно съ вашей стороны, проговорилъ отецъ Іосифъ. Отецъ Паисій упорно молчалъ. Міусовъ бросился бѣжать изъ комнаты, а за нимъ и Калгановъ.

— Ну, отцы, и я за Петромъ Александровичемъ! Больше я къ вамъ не приду, просить будете на колѣняхъ, не приду. Тысячу рубликовъ я вамъ прислалъ, такъ вы опять глазки навострили, хе-хе-хе! Нѣтъ, еще не прибавлю. Мщу за мою прошедшую молодость, за все униженіе мое!—застучалъ онъ кулакомъ по столу въ припадкѣ выдѣланнаго чувства.—Много значилъ этотъ монастырекъ въ моей жизни! Много горькихъ слезъ я изъ-за него пролилъ! Вы жену мою, кликушу, возстановляли противъ меня. Вы меня на семи соборахъ проклинали, по околотку разнесли! Довольно, отцы, нынче вѣкъ либеральный, вѣкъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Ни тысячи, ни ста рублей, ни ста копеекъ, ничего отъ меня не получите!

Опять нотабене. Никогда и ничего такого особеннаго не значилъ нашъ монастырь въ его жизни и никакихъ горькихъ слезъ не проливалъ онъ изъ-за него. Но онъ до того увлекся выдѣланными слезами своими, что на одно мгновеніе чуть было себѣ самъ не повѣрилъ; даже заплакалъ было отъ умиленія; но въ тотъ же мигъ почувствовалъ, что пора поворачивать оглобли назадъ. Игуменъ на злобную ложь его наклонилъ голову и опять внушительно произнесъ:

— Сказано снова: „Претерпи смотрительнѣ находящее на тя невольно безчестіе съ радостію, и да не смутишася, ниже возненавидиши безчестящаго тя“. Такъ и мы поступимъ.

— Те-те-те, возненщеваху! и прочая галиматья! Непщуйте, отцы, а я пойду. А сына моего Алексѣя беру отселѣ родительскою властію моею навсегда. Иванъ Ѳедоровичъ, почтительнѣйшій сынъ мой, позвольте вамъ приказать за мною слѣдовать! Фонъ-Зонъ, чего тебѣ тутъ оставаться! Приходи сейчасъ ко мнѣ въ городъ. У меня весело. Всего верстушка какая-нибудь, вмѣсто постнаго-то масла подамъ поросенка съ кашей; пообѣдаемъ: коньячку поставлю, потомъ ликерцу; мамуровка есть... Эй, фонъ-Зонъ, не упускай своего счастія!

Онъ вышелъ крича и жестикулируя. Вотъ въ это-то мгновеніе Ракитинъ и увидѣлъ его выходящаго и указалъ Алешѣ.

— Алексѣй! крикнулъ ему издали отецъ, завидѣвъ его,—сегодня-же переѣзжай ко мнѣ совсѣмъ, и подушку и тюфякъ тащи, и чтобы твоего духу здѣсь не пахло.

Алеша остановился, какъ вкопанный, молча и внимательно наблюдая сцену. Ѳедоръ Павловичъ между тѣмъ влѣзъ въ коляску, а за нимъ, даже и не оборотившись къ Алешѣ проститься, молча и угрюмо сталъ было влѣзать Иванъ Ѳедоровичъ. Но тутъ произошла еще одна наспическая и невѣроятная почти сцена, восполнившая эпизодъ. Вдругъ у подножки коляски появился помѣщикъ Максимовъ. Онъ прибѣжалъ запыхавшись, чтобы не опоздать. Ракитинъ и Алеша видѣли, какъ онъ бѣжалъ. Онъ такъ спѣшилъ, что въ нетерпѣніи занесъ уже ногу на ступеньку, на которой еще стояла лѣвая нога Ивана Ѳедоровича, и, схватившись за кузовъ, сталъ было подпрыгивать въ коляску.

— И я, и я съ вами! выкрикивалъ онъ, подпрыгивая, смѣясь мелкимъ веселымъ смѣшкомъ, съ блаженствомъ въ лицѣ и на все готовый,—возьмите и меня.

— Ну, не говорилъ ли я,—восторженно крикнулъ Ѳедоръ Павловичъ,—что это фонъ-Зонъ! Что это настоящій воскресшій изъ мертвыхъ фонъ-Зонъ! Да какъ ты вырвался оттуда? Что ты тамъ нафонзонилъ такого и какъ ты-то могъ отъ обѣда уйти? Вѣдь надо же мѣдный лобъ имѣть! У меня лобъ, а я, братъ, твоему удивляюсь! Прыгай, прыгай скорѣй! Пусть его, Ваня, весело будетъ. Онъ тутъ

какъ-нибудь въ ногахъ полежитъ. Полежишь, фонъ-Зонъ? Али на облучокъ его съ кучеромъ примостить?.. Прыгай на облучокъ, фонъ-Зонъ.

Но Иванъ Ѳедоровичъ, усѣвшійся уже на мѣсто, молча и изо всей силы вдругъ отпихнулъ въ грудь Максимова и тотъ отлетѣлъ на сажень. Если не упалъ, то только случайно.

— Пошелъ! злобно крикнулъ кучеру Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ну, чего же ты? Чего же ты? Зачѣмъ ты его такъ? вскинулся Ѳедоръ Павловичъ, но коляска уже поѣхала. Иванъ Ѳедоровичъ не отвѣтилъ.

— Ишь вѣдь ты! помолчавъ двѣ минуты, проговорилъ опять Ѳедоръ Павловичъ, косясь на сынка. — Самъ вѣдь ты весь этотъ монастырь затѣялъ, самъ подстрекалъ, самъ одобрялъ, чего жъ теперь сердишься?

— Полно вамъ вздоръ толочь, отдохните хоть теперь немного, сурово отрѣзалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Ѳедоръ Павловичъ опять помолчалъ съ двѣ минуты.

— Коньячку бы теперь хорошо, сентенціозно замѣтилъ онъ. Но Иванъ Ѳедоровичъ не отвѣтилъ.

— Доѣдемъ, и ты выпьешь.

Иванъ Ѳедоровичъ все молчалъ.

Ѳедоръ Павловичъ подождалъ еще минуты съ двѣ:

— А Алешку-то я все-таки изъ монастыря возьму, несмотря на то, что вамъ это очень непріятно будетъ, почтительнѣйшій Карлъ фонъ-Моръ.

Иванъ Ѳедоровичъ презрительно вскинулъ плечами, и, отворотясь, сталъ смотрѣть на дорогу. Затѣмъ ужъ до самаго дома не говорили.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Сладострастники.

I.

Въ лакейской.

Домъ Ѳедора Павловича Карамазова стоялъ далеко не въ самомъ центрѣ города, но и не совсѣмъ на окраинѣ. Былъ онъ довольно ветхъ, но наружность имѣлъ пріятную: одноэтажный, съ мезониномъ, окрашенный сѣренькою краской и съ красною желѣзною крышкой. Впрочемъ, могъ еще простоять очень долго; былъ помѣстителенъ и уютенъ. Много было въ немъ разныхъ чуланчиковъ, разныхъ прятокъ, и неожиданныхъ лѣсенокъ. Водились въ немъ крысы, но Ѳедоръ Павловичъ на нихъ не вполнѣ сердился: „все же не такъ скучно по вечерамъ, когда останешься одинъ". А онъ дѣйствительно имѣлъ обыкновеніе отпускать слугъ на ночь во флигель и въ домѣ самъ запирался одинъ на всю ночь. Флигель этотъ стоялъ на дворѣ, былъ обширенъ и проченъ; въ немъ же опредѣлилъ Ѳедоръ Павловичъ быть и кухнѣ, хотя кухня была и въ домѣ; не любилъ онъ кухоннаго запаха и кушанье приносили черезъ дворъ зимой и лѣтомъ. Вообще домъ былъ построенъ на большую семью, и господъ и слугъ можно было бы помѣстить впятеро больше. Но въ моментъ нашего разсказа въ домѣ жилъ лишь Ѳедоръ Павловичъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, а въ людскомъ флигелѣ всего только три человѣка прислуги: старикъ Григорій, старуха Марѳа, его жена, и слуга Смердяковъ, еще молодой человѣкъ. Приходится сказать нѣсколько поподробнѣе объ этихъ трехъ служебныхъ лицахъ. О старикѣ Григоріи Васильевичѣ Кутузовѣ мы, впрочемъ, уже говорили довольно. Это

былъ человѣкъ твердый и неуклонный, упорно и прямолинейно идущій къ своей точкѣ, если только эта точка по какимъ-нибудь причинамъ (часто удивительно нелогическимъ) становилась предъ нимъ какъ непреложная истина. Вообще говоря, онъ былъ честенъ и неподкупенъ. Жена его, Марѳа Игнатьевна, несмотря на то, что предъ волей мужа безпрекословно всю жизнь склонялась, ужасно приставала къ нему, напримѣръ, тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, уйти отъ Ѳедора Павловича въ Москву и тамъ начать какую-нибудь торговлишку (у нихъ водились кое-какія деньжонки); но Григорій рѣшилъ тогда же и разъ навсегда, что баба вретъ, „потому что всякая баба безчестна", но что уходить имъ отъ прежняго господина не слѣдуетъ, каковъ бы онъ тамъ самъ ни былъ, „потому что это ихній таперича долгъ".

„Ты понимаешь ли что̀ есть долгъ?" обратился онъ къ Марѳѣ Игнатьевнѣ.

— Про долгъ я понимаю, Григорій Васильевичъ, но какой намъ тутъ долгъ, чтобы намъ здѣсь оставаться, того ничего не пойму, отвѣтила твердо Марѳа Игнатьевна.

— И не понимай, а оно такъ будетъ. Впредь молчи.

Такъ и вышло: они не ушли, а Ѳедоръ Павловичъ назначилъ имъ жалованье, небольшое, и жалованье выплачивалъ. Григорій зналъ къ тому же, что онъ на барина имѣетъ вліяніе неоспоримое. Онъ чувствовалъ это, и это было справедливо: хитрый и упрямый шутъ, Ѳедоръ Павловичъ, очень твердаго характера „въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни", какъ онъ самъ выражался, бывалъ, къ собственному удивленію своему, весьма даже слабоватъ характеромъ въ нѣкоторыхъ другихъ „вещахъ жизни". И онъ самъ зналъ въ какихъ, зналъ и боялся многаго. Въ нѣкоторыхъ вещахъ жизни надо было держать ухо востро, и при этомъ тяжело было безъ вѣрнаго человѣка, а Григорій былъ человѣкъ вѣрнѣйшій. Даже такъ случалось, что Ѳедоръ Павловичъ много разъ въ продолженіе своей карьеры могъ быть битъ, и больно битъ, и всегда выручалъ Григорій, хотя каждый разъ прочитывалъ ему послѣ того наставленіе. Но одни побои не испугали бы Ѳедора Павловича: бывали высшіе случаи и даже очень тонкіе и сложные, когда Ѳедоръ Павловичъ и самъ бы не въ состояніи, пожалуй, былъ опредѣлить ту необычайную потребность въ вѣрномъ и близкомъ человѣкѣ, которую онъ моментально и непостижимо вдругъ иногда начиналъ ощу-

щать въ себѣ. Это были почти болѣзненные случаи: развратнѣйшій и въ сладострастіи своемъ часто жестокій, какъ злое насѣкомое, Ѳедоръ Павловичъ вдругъ ощущалъ въ себѣ иной разъ, пьяными минутами, духовный страхъ и нравственное сотрясеніе, почти, такъ сказать, даже физически отзывавшееся въ душѣ его. „Душа у меня точно въ горлѣ трепещется въ эти разы", говаривалъ онъ иногда. Вотъ въ эти-то мгновенія онъ и любилъ, чтобы подлѣ, поблизости, пожалуй, хоть и не въ той комнатѣ, а во флигелѣ, былъ такой человѣкъ, преданный, твердый, совсѣмъ не такой, какъ онъ, не развратный, который хотя бы все это совершающееся безпутство и видѣлъ, и зналъ всѣ тайны, но все же изъ преданности допускалъ бы это все, не противился, главное—не укорялъ и ничѣмъ бы не грозилъ, ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ; а въ случаѣ нужды такъ бы и защитилъ его,—отъ кого? Отъ кого-то неизвѣстнаго, но страшнаго и опаснаго. Дѣло было именно въ томъ, чтобы былъ непремѣнно *другой* человѣкъ, старинный и дружественный, чтобы въ больную минуту позвать его, только съ тѣмъ, чтобы всмотрѣться въ его лицо, пожалуй, переброситься словцомъ, совсѣмъ даже постороннимъ какимъ-нибудь, и коли онъ ничего, не сердится, то какъ-то и легче сердцу, а коли сердится, ну, тогда грустнѣй. Случалось (но, впрочемъ, чрезвычайно рѣдко), что Ѳедоръ Павловичъ шелъ даже ночью во флигель будить Григорія, чтобы тотъ на минутку пришелъ къ нему. Тотъ приходилъ, и Ѳедоръ Павловичъ заговаривалъ о совершеннѣйшихъ пустякахъ и скоро отпускалъ, иногда даже съ насмѣшечкой и шуточкой, а самъ, плюнувъ, ложился спать и спалъ уже сномъ праведника. Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ Ѳедоромъ Павловичемъ и по пріѣздѣ Алеши. Алеша „пронзилъ его сердце" тѣмъ, что „жилъ, все видѣлъ и ничего не осудилъ". Мало того, принесъ съ собой небывалую вещь: совершенное отсутствіе презрѣнія къ нему, старику, напротивъ, всегдашнюю ласковость и совершенно натуральную прямодушную привязанность къ нему, столь мало ее заслужившему. Все это было для стараго потаскуна и безсемейника совершеннымъ сюрпризомъ, совсѣмъ для него, любившаго доселѣ одну лишь „скверну", неожиданнымъ. По уходѣ Алеши онъ признался себѣ, что понялъ кое-что, чего доселѣ не хотѣлъ понимать.

Я уже упоминалъ, въ началѣ моего разсказа, какъ Гри-

горій ненавидѣлъ Аделаиду Ивановну, первую супругу Ѳедора Павловича и мать перваго сына его, Дмитрія Ѳедоровича, и какъ, наоборотъ, защищалъ вторую его супругу, кликушу, Софью Ивановну, противъ самого своего господина, и противъ всѣхъ, кому бы пришло на умъ молвить о ней худое или легкомысленное слово. Въ немъ симпатія къ этой несчастной обратилась во что-то священное, такъ что и двадцать лѣтъ спустя онъ бы не перенесъ, отъ кого бы то ни шло, даже худого намека о ней и тотчасъ бы возразилъ обидчику. По наружности своей Григорій былъ человѣкъ холодный и важный, не болтливый, выпускающій слова вѣскія, нелегкомысленныя. Точно такъ же невозможно было бы разъяснить въ немъ съ перваго взгляда: любилъ онъ свою безотвѣтную, покорную жену или нѣтъ, а между тѣмъ онъ ее дѣйствительно любилъ и та, конечно, это понимала. Эта Марѳа Игнатьевна была женщина не только не глупая, но, можетъ быть, и умнѣе своего супруга, по меньшей мѣрѣ разсудительнѣе его въ дѣлахъ житейскихъ, а между тѣмъ она ему подчинялась безропотно и безотвѣтно, съ самаго начала супружества, и безспорно уважала его за духовный верхъ. Замѣчательно, что оба они, всю жизнь свою, чрезвычайно мало говорили другъ съ другомъ, развѣ о самыхъ необходимыхъ и текущихъ вещахъ. Важный и величественный Григорій обдумывалъ всѣ свои дѣла и заботы всегда одинъ, такъ что Марѳа Игнатьевна разъ навсегда давно уже поняла, что въ совѣтахъ ея онъ совсѣмъ не нуждается. Она чувствовала, что мужъ цѣнитъ ея молчаніе и признаетъ за это въ ней умъ. Бить онъ ее никогда не бивалъ, развѣ всего только одинъ разъ, да и то слегка. Въ первый годъ брака Аделаиды Ивановны съ Ѳедоромъ Павловичемъ, разъ въ деревнѣ, деревенскія дѣвки и бабы, тогда еще крѣпостныя, собраны были на барскій дворъ попѣть и поплясать. Начали „во лузяхъ“ и вдругъ Марѳа Игнатьевна, тогда еще женщина молодая, выскочила впередъ предъ хоромъ и прошлась „русскую“ особеннымъ манеромъ, не по деревенскому, какъ бабы, а какъ танцовала она когда была дворовою дѣвушкой у богатыхъ Міусовыхъ на домашнемъ помѣщичьемъ ихъ театрѣ, гдѣ обучалъ актеровъ танцовать выписанный изъ Москвы танцмейстеръ. Григорій видѣлъ, какъ прошлась его жена, и дома у себя въ избѣ, черезъ часъ, поучилъ ее, потаскавъ маленько за волосы. Но тѣмъ и кончились разъ навсегда

побои и не повторялись болѣе ни разу во всю жизнь, да и Марѳа Игнатьевна закаялась съ тѣхъ поръ танцовать.

Дѣтей имъ Богъ не далъ, былъ одинъ ребеночекъ, да и тотъ умеръ. Григорій же видимо любилъ дѣтей, даже не скрывалъ этого, то-есть не стыдился выказывать. Дмитрія Ѳедоровича онъ къ себѣ принялъ на руки, когда сбѣжала Аделаида Ивановна, трехлѣтнимъ мальчикомъ, и провозился съ нимъ почти годъ, самъ гребешкомъ вычесывалъ, самъ даже обмывалъ его въ корытѣ. Потомъ хлопоталъ онъ и съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, и съ Алешей, за что̀ и получилъ пощечину; но объ этомъ обо всемъ я уже повѣствовалъ. Собственный же ребеночекъ порадовалъ его лишь одною надеждой, когда Марѳа Игнатьевна была еще беременна. Когда-же родился, то поразилъ его сердце скорбью и ужасомъ. Дѣло въ томъ, что родился этотъ мальчикъ шестипалымъ. Увидя это, Григорій былъ до того убитъ, что не только молчалъ вплоть до самаго дня крещенія, но и нарочно уходилъ молчать въ садъ. Была весна, онъ всѣ три дня копалъ гряды въ огородѣ, въ саду. На третій день приходилось крестить младенца; Григорій къ этому времени уже нѣчто сообразилъ. Войдя въ избу, гдѣ собрался причтъ и пришли гости и, наконецъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ, явившійся лично въ качествѣ воспріемника, онъ вдругъ заявилъ, что ребенка „не надо бы крестить вовсе“,—заявилъ не громко, въ словахъ не распространялся, еле выцѣживалъ по словечку, а только тупо и пристально смотрѣлъ при этомъ на священника.

— Почему такъ? съ веселымъ удивленіемъ освѣдомился священникъ.

— Потому это... драконъ... пробормоталъ Григорій.

— Какъ драконъ, какой драконъ?

Григорій промолчалъ нѣкоторое время.

— Смѣшеніе природы произошло... пробормоталъ онъ, хоть и весьма неясно, но очень твердо, и видимо не желая больше распространяться.

Посмѣялись и, разумѣется, бѣдненькаго ребеночка окрестили. Григорій молился у купели усердно, но мнѣнія своего о новорожденномъ не измѣнилъ. Впрочемъ, ничему не помѣшалъ, только всѣ двѣ недѣли, какъ жилъ болѣзненный мальчикъ, почти не глядѣлъ на него, даже замѣчать не хотѣлъ и большею частью уходилъ изъ избы. Но когда мальчикъ черезъ двѣ недѣли померъ отъ молочницы, то самъ его уложилъ въ гробикъ, съ глубокою тос-

кой смотрѣлъ на него, и когда засыпали неглубокую маленькую его могилку, сталъ на колѣни и поклонился могилкѣ въ землю. Съ тѣхъ поръ, многіе годы онъ ни разу о своемъ ребенкѣ не упомянулъ, да и Марѳа Игнатьевна ни разу при немъ про ребенка своего не вспоминала, а когда съ кѣмъ случалось говорить о своемъ „дѣточкѣ“, то говорила шопотомъ, хотя бы тутъ и не было Григорія Васильевича. По замѣчанію Марѳы Игнатьевны, онъ, съ самой той могилки, сталъ по преимуществу заниматься „божественнымъ“, читалъ Четіи-Минеи, больше молча и одинъ, каждый разъ надѣвая большія свои серебряныя круглыя очки. Рѣдко читывалъ вслухъ, развѣ Великимъ постомъ. Любилъ книгу Іова, добылъ откуда-то списокъ словъ и проповѣдей „богоноснаго отца нашего Исаака Сирина“, читалъ его упорно и многолѣтно, почти ровно ничего не понималъ въ немъ, но за это-то, можетъ быть, наиболѣе цѣнилъ и любилъ эту книгу. Въ самое послѣднее время сталъ прислушиваться и вникать въ хлыстовщину, на что̀ по сосѣдству оказался случай, видимо былъ потрясенъ, но переходить въ новую вѣру не заблагоразсудилъ. Начетливость, „отъ божественнаго“, разумѣется, придала его физіономіи еще пущую важность.

Можетъ быть, онъ склоненъ былъ къ мистицизму. А тутъ, какъ нарочно, случай появленія на свѣтъ его шестипалаго младенца и смерть его совпали какъ разъ съ другимъ, весьма страннымъ, неожиданнымъ и оригинальнымъ случаемъ, оставившимъ на душѣ его, какъ однажды онъ самъ впослѣдствіи выразился, „печать“. Такъ случилось, что въ тотъ самый день какъ похоронили шестипалаго крошку, Марѳа Игнатьевна, проснувшись ночью, услышала словно плачъ новорожденнаго ребенка. Она испугалась и разбудила мужа. Тотъ прислушался и замѣтилъ, что скорѣе это кто-нибудь стонетъ, „женщина будто бы“. Онъ всталъ, одѣлся; была довольно теплая майская ночь. Выйдя на крыльцо, онъ ясно вслушался, что стоны идутъ изъ сада. Но садъ былъ на ночь запираемъ со двора на замокъ, попасть же въ него кромѣ этого входа нельзя было, потому что кругомъ всего сада шелъ крѣпкій и высокій заборъ. Воротясь домой, Григорій засвѣтилъ фонарь, взялъ садовый ключъ, и не обращая вниманія на истерическій ужасъ своей супруги, все еще увѣрявшей, что она слышитъ дѣтскій плачъ и что это плачетъ навѣрно ея мальчикъ и зоветъ ее, молча пошелъ

въ садъ. Тутъ онъ ясно уразумѣлъ, что стоны идутъ изъ ихъ баньки, стоявшей въ саду, недалеко отъ калитки, и что стонетъ взаправду женщина. Отворивъ баню, онъ увидалъ зрѣлище, передъ которымъ остолбенѣлъ. Городская юродивая, скитавшаяся по улицамъ и извѣстная всему городу, по прозвищу Лизавета Смердящая, забравшись въ ихъ баню, только что родила младенца. Младенецъ лежалъ подлѣ нея, а она помирала подлѣ него. Говорить ничего не говорила уже по тому одному, что не умѣла говорить. Но все это надо бы разъяснить особо.

II.

Лизавета Смердящая.

Тутъ было одно особенное обстоятельство, которое глубоко потрясло Григорія, окончательно укрѣпивъ въ немъ одно непріятное и омерзительное прежнее подозрѣніе. Эта Лизавета Смердящая была очень малаго роста дѣвка, „двухъ аршинъ съ малымъ“, какъ умилительно вспоминали о ней послѣ ея смерти многія изъ богомольныхъ старушекъ нашего городка. Двадцатилѣтнее лицо ея, здоровое, широкое и румяное, было вполнѣ идіотское; взглядъ же глазъ неподвижный и непріятный, хотя и смирный. Ходила она всю жизнь, и лѣтомъ, и зимой, босая и въ одной посконной рубашкѣ. Почти черные волосы ея, чрезвычайно густые, закурчавленные какъ у барана, держались на головѣ ея въ видѣ какъ бы какой-то огромной шапки. Кромѣ того, всегда были запачканы въ землѣ, въ грязи, съ налипшими въ нихъ листочками, лучиночками, стружками, потому что спала она всегда на землѣ и въ грязи. Отецъ ея былъ бездомный, разорившійся и хворый мѣщанинъ Илья, сильно запивавшій и проживавшій уже много лѣтъ въ родѣ работника у однихъ зажиточныхъ хозяевъ, тоже нашихъ мѣщанъ. Мать же Лизаветы давно померла. Вѣчно болѣзненный и злобный, Илья безчеловѣчно бивалъ Лизавету, когда та приходила домой. Но приходила она рѣдко, потому что приживала по всему городу какъ юродивый божій человѣкъ. И хозяева Ильи, и самъ Илья, и даже многіе изъ городскихъ сострадательныхъ людей изъ купцовъ и купчихъ преимущественно, пробовали не разъ одѣвать Лизавету приличнѣе чѣмъ въ одной рубашкѣ, а къ зимѣ всегда надѣвали на нее тулупъ, а ноги обували въ сапоги; но она обыкновенно, давая все надѣть на себя безпрекословно, уходила и гдѣ-

нибудь, преимущественно на соборной церковной паперти, непремѣнно снимала съ себя все ей пожертвованное,— платокъ ли, юбку ли, тулупъ, сапоги, — все оставляла на мѣстѣ и уходила босая и въ одной рубашкѣ попрежнему. Разъ случилось, что новый губернаторъ нашей губерніи, обозрѣвая наѣздомъ нашъ городокъ, очень обиженъ былъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ, увидавъ Лизавету, и, хотя понялъ, что это „юродивая", какъ и доложили ему, но все-таки поставилъ на видъ, что молодая дѣвка, скитающаяся въ одной рубашкѣ, нарушаетъ благоприличіе, а потому, чтобы сего впредь не было. Но губернаторъ уѣхалъ, а Лизавету оставили какъ была. Наконецъ, отецъ ея померъ и она тѣмъ самымъ стала всѣмъ богомольнымъ лицамъ въ городѣ еще милѣе, какъ сирота. Въ самомъ дѣлѣ, ее какъ будто всѣ даже любили, даже мальчишки ее не дразнили и не обижали, а мальчишки у насъ, особенно въ школѣ, народъ задорный. Она входила въ незнакомые дома и никто не выгонялъ ее, напротивъ, всякъ-то приласкаетъ и грошикъ дастъ. Дадутъ ей грошикъ, она возьметъ и тотчасъ снесетъ и опуститъ въ которую-нибудь кружку, церковную, аль острожную. Дадутъ ей на базарѣ бубликъ или калачикъ, непремѣнно пойдетъ и первому встрѣчному ребеночку отдастъ бубликъ или калачикъ, а то такъ остановитъ какую-нибудь нашу самую богатую барыню и той отдастъ; и барыни принимали даже съ радостію. Сама же питалась не иначе какъ только чернымъ хлѣбомъ съ водой. Зайдетъ она, бывало, въ богатую лавку, садится, тутъ дорогой товаръ лежитъ, тутъ и деньги, хозяева никогда ея не остерегаются, знаютъ, что хоть тысячи выложи при ней денегъ и забудь, она изъ нихъ не возьметъ ни копейки. Въ церковь рѣдко заходила; спала же или по церковнымъ папертямъ, или перелѣзши черезъ чей-нибудь плетень (у насъ еще много плетней вмѣсто заборовъ даже до сегодня) въ чьемъ-нибудь огородѣ. Домой, то-есть въ домъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ жилъ ея покойный отецъ, она являлась, примѣрно, разъ въ недѣлю, а по зимамъ приходила и каждый день, но только лишь на ночь, и ночуетъ либо въ сѣняхъ, либо въ коровникѣ. Дивились на нее, что она выноситъ такую жизнь, но ужъ такъ она привыкла; хоть и мала была ростомъ, но сложенія необыкновенно крѣпкаго. Утверждали и у насъ иные изъ господъ, что все это она дѣлаетъ лишь изъ гордости, но какъ-то это не вязалось: она и

говорить-то ни слава не умѣла и изрѣдка только шевелила что-то языкомъ и мычала, —какая ужъ тутъ гордость. Вотъ и случилось, что однажды (давненько это было), въ одну сентябрьскую свѣтлую и теплую ночь, въ полнолуніе, весьма уже по нашему поздно, одна хмельная ватага разгулявшихся нашихъ господъ, молодцовъ пять или шесть, возвращалась изъ клуба „задами“ по домамъ. По обѣ стороны переулка шелъ плетень, за которымъ тянулись огороды прилежащихъ домовъ; переулокъ же выходилъ на мостки черезъ нашу вонючую и длинную лужу, которую у насъ принято называть иногда рѣчкой. У плетня, въ крапивѣ и въ лопушникѣ, усмотрѣла наша компанія спящую Лизавету. Подгулявшіе господа остановились надъ нею съ хохотомъ и начали острить со всею возможною безцензурностью. Одному барченку пришелъ вдругъ въ голову совершенно эксцентрическій вопросъ на невозможную тему: „Можно ли, дескать, хотя кому бы то ни было, счесть такого звѣря за женщину, вотъ хоть бы теперь, и проч.“. Всѣ съ гордымъ омерзѣніемъ рѣшили, что нельзя. Но въ этой кучкѣ случился Ѳедоръ Павловичъ и онъ мигомъ выскочилъ и рѣшилъ, что можно счесть за женщину, даже очень, и что тутъ даже нѣчто особаго рода пикантное, и проч., и проч. Правда, въ ту пору онъ у насъ слишкомъ ужъ даже выдѣланно напрашивался на свою роль шута, любилъ выскакивать и веселить господъ, съ видимымъ равенствомъ, конечно, но на дѣлѣ совершеннымъ предъ ними хамомъ. Это было именно то самое время, когда онъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе о смерти его первой супруги, Аделаиды Ивановны, и когда съ крепомъ на шляпѣ пилъ и безобразничалъ такъ, что иныхъ въ городѣ, даже изъ самыхъ безпутнѣйшихъ, при взглядѣ на него коробило. Ватага, конечно, расхохоталась надъ неожиданнымъ мнѣніемъ; какой-то одинъ изъ ватаги даже началъ подстрекать Ѳедора Павловича, но остальные принялись плевать еще пуще, хотя все еще съ чрезмѣрною веселостью, и, наконецъ, пошли всѣ прочь своею дорогой. Впослѣдствіи, Ѳедоръ Павловичъ клятвенно увѣрялъ, что тогда и онъ вмѣстѣ со всѣми ушелъ; можетъ быть, такъ именно и было, никто этого не знаетъ навѣрно и никогда не зналъ, но мѣсяцевъ черезъ пять или шесть всѣ въ городѣ заговорили съ искреннимъ и чрезвычайнымъ негодованіемъ о томъ, что Лизавета ходитъ беременная, спрашивали и доискивались: чей грѣхъ, кто обидчикъ? Вотъ тутъ-то

вдругъ и разнеслась по всему городу страшная молва, что обидчикъ есть самый этотъ Ѳедоръ Павловичъ. Откуда взялась эта молва? Изъ той ватаги гулявшихъ господъ какъ разъ оставался къ тому времени въ городѣ лишь одинъ участникъ, да и то пожилой и почтенный статскій совѣтникъ, обладавшій семействомъ и взрослыми дочерьми и который ужъ отнюдь ничего бы не сталъ распространять, если бы даже что̀ и было; прочіе же участники, человѣкъ пять, на ту пору разъѣхались. Но молва прямешенько указывала на Ѳедора Павловича и продолжала указывать. Конечно, тотъ не очень-то даже и претендовалъ на это: какимъ-нибудь купчикамъ или мѣщанамъ онъ и отвѣчать не сталъ бы. Тогда онъ былъ гордъ и разговаривалъ не иначе какъ въ своей компаніи чиновниковъ и дворянъ, которыхъ столь веселилъ. Вотъ въ эту-то пору Григорій энергически и изо всѣхъ силъ сталъ за своего барина, и не только защищалъ его противъ всѣхъ этихъ наговоровъ, но вступалъ за него въ брань и препирательства, и многихъ переувѣрилъ. „Она сама, низкая, виновата“, говорилъ онъ утвердительно, а обидчикомъ былъ никто иной, какъ „Карпъ съ винтомъ“ (такъ назывался одинъ извѣстный тогда городу страшный арестантъ, къ тому времени бѣжавшій изъ губернскаго острога и въ нашемъ городѣ тайкомъ проживавшій). Догадка эта показалась правдоподобною, Карпа помнили; именно помнили, что въ тѣ самыя ночи, подъ осень, онъ по городу шлялся и троихъ ограбилъ. Но весь этотъ случай и всѣ эти толки не только не отвратили общей симпатіи отъ бѣдной юродивой, но ее еще пуще стали всѣ охранять и оберегать. Купчиха Кондратьева, одна зажиточная вдова, даже такъ распорядилась, что въ концѣ еще апрѣля завела Лизавету къ себѣ съ тѣмъ, чтобъ ее и не выпускать до самыхъ родовъ. Стерегли неусыпно; но такъ вышло, что, несмотря на всю неусыпность, Лизавета, въ самый послѣдній день, вечеромъ, вдругъ тайкомъ ушла отъ Кондратьевой и очутилась въ саду Ѳедора Павловича. Какъ она, въ ея положеніи, перелѣзла черезъ высокій и крѣпкій заборъ сада, осталось нѣкотораго рода загадкой. Одни увѣряли, что ее „перенесли“, другіе, что ее „перенесло“. Вѣроятнѣе всего, что все произошло хоть и весьма мудренымъ, но натуральнымъ образомъ, и Лизавета, умѣвшая лазить по плетнямъ, въ чужіе огороды, чтобы въ нихъ ночевать, забралась какъ-нибудь и на заборъ Ѳедора Павловича, а съ него,

хоть и со вредомъ себѣ, соскочила въ садъ, несмотря на свое положеніе. Григорій бросился къ Марѳѣ Игнатьевнѣ и послалъ ее къ Лизаветѣ помогать, а самъ сбѣгалъ за старухой повитухой, мѣщанкой, кстати недалеко жившею. Ребеночка спасли, а Лизавета къ разсвѣту померла. Григорій взялъ младенца, принесъ въ домъ, посадилъ жену и положилъ его къ ней на колѣни, къ самой ея груди: „Божье дитя — сирота всѣмъ родня, а намъ съ тобой подавно. Этого покойничекъ нашъ прислалъ, а произошелъ сей отъ бѣсова сына и отъ праведницы. Питай и впредь не плачь". Такъ Марѳа Игнатьевна и воспитала ребеночка. Окрестили и назвали Павломъ, а по отечеству всѣ его и сами, безъ указу, стали звать Ѳедоровичемъ. Ѳедоръ Павловичъ не противорѣчилъ ничему и даже нашелъ все это забавнымъ, хотя изо всѣхъ силъ продолжалъ отъ всего отрекаться. Въ городѣ понравилось, что онъ взялъ подкидыша. Впослѣдствіи, Ѳедоръ Павловичъ сочинилъ подкидышу и фамилію: назвалъ онъ его Смердяковымъ, по прозвищу матери его, Лизаветы Смердящей. Вотъ этотъ-то Смердяковъ и вышелъ вторымъ слугой Ѳедора Павловича и проживалъ, къ началу нашей исторіи, во флигелѣ, вмѣстѣ со старикомъ Григоріемъ и старухой Марѳой. Употреблялся же въ поварахъ. Очень бы надо примолвить кое-что и о немъ спеціально, но мнѣ совѣстно столь долго отвлекать вниманіе моего читателя на столь обыкновенныхъ лакеевъ, а потому и перехожу къ моему разсказу, уповая, что о Смердяковѣ какъ-нибудь сойдетъ само собою въ дальнѣйшемъ теченіи повѣсти.

III.

Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ.

Алеша, выслушавъ приказаніе отца, которое тотъ выкрикнулъ ему изъ коляски, уѣзжая изъ монастыря, оставался нѣкоторое время на мѣстѣ въ большомъ недоумѣніи. Не то чтобъ онъ стоялъ какъ столбъ, съ нимъ этого не случалось. Напротивъ, онъ, при всемъ безпокойствѣ, успѣлъ тотчасъ же сходить на кухню игумена и разузнать, что надѣлалъ вверху его папаша. Затѣмъ однако пустился въ путь, уповая, что по дорогѣ къ городу успѣетъ какъ-нибудь разрѣшить томившую его задачу. Скажу заранѣе: криковъ отца и приказанія переселиться домой, „съ подушками и тюфякомъ", онъ не боялся нимало. Онъ слишкомъ хорошо понялъ, что приказаніе переѣхать, вслухъ и съ

такимъ показнымъ крикомъ, дано было „въ увлеченіи", такъ сказать, даже для красоты,—въ родѣ, какъ раскутившійся недавно въ ихъ же городкѣ мѣщанинъ, на своихъ собственныхъ именинахъ, и при гостяхъ, разсердясь на то, что ему не даютъ больше водки, вдругъ началъ бить свою же собственную посуду, рвать свое и женино платье, разбивать свою мебель и, наконецъ, стекла въ домѣ, и все опять-таки для красы, и все въ томъ же родѣ, конечно, случилось теперь и съ папашей. На завтра, конечно, раскутившійся мѣщанинъ, отрезвившись, пожалѣлъ разбитыя чашки и тарелки. Алеша зналъ, что и старикъ на завтра же навѣрно отпуститъ его опять въ монастырь, даже сегодня же, можетъ, отпуститъ. Да и былъ онъ увѣренъ вполнѣ, что отецъ кого другого, а его обидѣть не захочетъ. Алеша увѣренъ былъ, что его и на всемъ свѣтѣ никто и никогда обидѣть не захочетъ, даже не только не захочетъ, но и не можетъ. Это было для него аксіомой, дано разъ навсегда, безъ разсужденій, и онъ въ этомъ смыслѣ шелъ впередъ, безо всякаго колебанія.

Но въ эту минуту въ немъ копошилась нѣкоторая другая боязнь, совсѣмъ другого рода, и тѣмъ болѣе мучительная, что онъ ее и самъ опредѣлить бы не могъ, именно боязнь женщины, и именно Катерины Ивановны, которая такъ настоятельно умоляла его давешнею, переданною ему г-жею Хохлаковою запиской притти къ ней для чего-то. Это требованіе и необходимость непремѣнно пойти вселила сразу какое-то мучительное чувство въ его сердце, и все утро, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, все больнѣе и больнѣе въ немъ это чувство разбаливалось, несмотря на всѣ послѣдовавшія затѣмъ сцены и приключенія въ монастырѣ, и сейчасъ у игумена, и проч., и проч. Боялся онъ не того, что не зналъ о чемъ она съ нимъ заговоритъ и что онъ ей отвѣтитъ. И не женщины вообще онъ боялся въ ней: женщинъ онъ зналъ, конечно, мало, но все-таки всю жизнь, съ самаго младенчества и до самаго монастыря, только съ ними однѣми и жилъ. Онъ боялся вотъ этой женщины, именно самой Катерины Ивановны. Онъ боялся ея съ самаго того времени какъ въ первый разъ ее увидалъ. Видалъ же онъ ее всего только разъ или два, даже три, пожалуй, вымолвилъ даже однажды случайно съ ней нѣсколько словъ. Образъ ея вспоминался ему какъ красивой, гордой и властной дѣвушки. Но не красота ея мучила его, а что-то другое. Вотъ именно эта необъясни-

мость его страха и усиливала въ немъ теперь этотъ страхъ. Цѣли этой дѣвушки были благороднѣйшія, онъ зналъ это: она стремилась спасти брата его Дмитрія, предъ ней уже виноватаго, и стремилась изъ одного лишь великодушія. И вотъ, несмотря на сознаніе и на справедливость, которую не могъ же онъ не отдать всѣмъ этимъ прекраснымъ и великодушнымъ чувствамъ, по спинѣ его проходилъ морозъ, чѣмъ ближе онъ подвигался къ ея дому.

Онъ сообразилъ, что брата Ивана Ѳедоровича, который былъ съ нею такъ близокъ, онъ у нея не застанетъ: братъ Иванъ навѣрно теперь съ отцомъ. Дмитрія же не застанетъ еще вѣрнѣе и ему предчувствовалось почему. Итакъ разговоръ ихъ состоится наединѣ. Хотѣлось бы очень ему повидать прежде этого рокового разговора брата Дмитрія и забѣжать къ нему. Не показывая письма, онъ бы могъ съ нимъ что-нибудь перемолвить. Но братъ Дмитрій жилъ далеко и навѣрно теперь тоже не дома. Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ рѣшился, наконецъ, окончательно. Перекрестивъ себя привычнымъ и спѣшнымъ крестомъ и сейчасъ же чему-то улыбнувшись, онъ твердо направился къ своей страшной дамѣ.

Домъ ея онъ зналъ. Но если бы пришлось пойти на Большую улицу, потомъ черезъ площадь и проч., то было бы довольно не близко. Нашъ небольшой городокъ чрезвычайно разбросанъ и разстоянія въ немъ бываютъ довольно большія. Притомъ его ждалъ отецъ, можетъ быть, не успѣлъ еще забыть своего приказанія, могъ раскапризиться, а потому надо было поспѣшить, чтобы поспѣть туда и сюда. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, онъ и рѣшился сократить путь, пройдя задами, а всѣ эти ходы онъ зналъ въ городкѣ, какъ пять пальцевъ. Задами, значило, почти безъ дорогъ, вдоль пустынныхъ заборовъ, перелѣзая иногда даже черезъ чужіе плетни, минуя чужіе дворы, гдѣ, впрочемъ, всякій-то его зналъ и всѣ съ нимъ здоровались. Такимъ путемъ онъ могъ выйти на Большую улицу вдвое ближе. Тутъ въ одномъ мѣстѣ ему пришлось проходить даже очень близко отъ отцовскаго дома, именно мимо сосѣдскаго съ отцовскимъ сада, принадлежавшаго одному ветхому маленькому, закривившемуся домишкѣ въ четыре окна. Обладательница этого домишка была, какъ извѣстно было Алешѣ, одна городская мѣщанка, безногая старуха, которая жила со своею дочерью, бывшею цивилизованною горничной въ столицѣ, проживавшею еще не-

давно все по генеральскимъ мѣстамъ, а теперь уже съ годъ, за болѣзнію старухи, прибывшею домой и щеголявшею въ шикарныхъ платьяхъ. Эта старуха и дочка впали, однако, въ страшную бѣдность и даже ходили по сосѣдству на кухню къ Ѳедору Павловичу за супомъ и хлѣбомъ ежедневно. Марѳа Игнатьевна имъ отливала съ охотой. Но дочка, приходя за супомъ, платьевъ своихъ ни одного не продала, а одно изъ нихъ было даже съ предлиннымъ хвостомъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ Алеша узналъ, и ужъ, конечно, совсѣмъ случайно, отъ своего друга Ракитина, которому рѣшительно все въ ихъ городишкѣ было извѣстно, и, узнавъ, позабылъ, разумѣется, тотчасъ. Но поровнявшись теперь съ садомъ сосѣдки, онъ вдругъ вспомнилъ именно про этотъ хвостъ, быстро поднялъ понуренную и задумавшуюся свою голову и... наткнулся вдругъ на самую неожиданную встрѣчу.

За плетнемъ въ сосѣдскомъ саду, взмостясь на что-то, стоялъ высунувшись по грудь, братъ его, Дмитрій Ѳедоровичъ, изо всѣхъ силъ дѣлалъ ему руками знаки, звалъ его и манилъ, видимо боясь не только крикнуть, но даже сказать вслухъ слово, чтобы не услышали. Алеша тотчасъ подбѣжалъ къ плетню.

— Хорошо, что ты самъ оглянулся, а то я чуть было тебѣ не крикнулъ, радостно и торопливо прошепталъ ему Дмитрій Ѳедоровичъ.—Полѣзай сюда! Быстро! Ахъ, какъ славно, что ты пришелъ. Я только что о тебѣ думалъ...

Алеша и самъ былъ радъ и недоумѣвалъ только, какъ перелѣзть черезъ плетень. Но „Митя“ богатырскою рукой подхватилъ его локоть и помогъ скачку. Подобравъ подрясникъ, Алеша перескочилъ съ ловкостью босопогаго городского мальчишки.

— Ну, и гуляй, идемъ! восторженнымъ шопотомъ вырвалось у Мити.

— Куда же, шепталъ и Алеша, озираясь во всѣ стороны и видя себя въ совершенно пустомъ саду, въ которомъ никого кромѣ ихъ обоихъ не было. Садъ былъ маленькій, но хозяйскій домишко все-таки стоялъ отъ нихъ не менѣе какъ шагахъ въ пятидесяти. — Да тутъ никого нѣтъ, чего же ты шепчешь?

— Чего шепчу? Ахъ, чортъ возьми, крикнулъ вдругъ Дмитрій Ѳедоровичъ самымъ полнымъ голосомъ,—да чего же я шепчу? Ну, вотъ самъ видишь, какъ можетъ выйти вдругъ сумбуръ природы. Я здѣсь на секретѣ и стерегу

секретъ. Объясненіе впредь, но понимая, что секретъ, я вдругъ и говорить сталъ секретно, и шепчу какъ дуракъ, тогда какъ не надо. Идемъ! Вонъ куда! До тѣхъ поръ молчи. Поцѣловать тебя хочу!

Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ..

Я это сейчасъ только предъ тобой, сидя здѣсь, повторялъ...

Садъ былъ величиной съ десятину или немногимъ болѣе, но обсаженъ деревьями лишь кругомъ, вдоль по всѣмъ четыремъ заборамъ,—яблонями, кленомъ, липой, березой. Средина сада была пустая, подъ лужайкой, на которой накашивалось въ лѣто нѣсколько пудовъ сѣна. Садъ отдавался хозяйкой съ весны въ наемъ за нѣсколько рублей. Были и гряды съ малиной, крыжовникомъ, смородиной, тоже все около заборовъ; грядки съ овощами близъ самаго дома, заведенныя, впрочемъ, недавно. Дмитрій Ѳедоровичъ велъ гостя въ одинъ самый отдаленный отъ дома уголъ сада. Тамъ вдругъ, среди густо стоявшихъ липъ и старыхъ кустовъ смородины и бузины, калины и сирени, открылось что-то въ родѣ развалинъ стариннѣйшей зеленой бесѣдки, почернѣвшей и покривившейся, съ рѣшетчатыми стѣнками, но съ крытымъ верхомъ, и въ которой еще можно было укрыться отъ дождя. Бесѣдка строена была Богъ вѣсть когда, по преданію, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, какимъ-то тогдашнимъ владѣльцемъ домика, Александромъ Карловичемъ фонъ-Шмидтомъ, отставнымъ подполковникомъ. Но все уже истлѣло, полъ сгнилъ, всѣ половицы шатались, отъ дерева пахло сыростью. Въ бесѣдкѣ стоялъ деревянный зеленый столъ, врытый въ землю, а кругомъ шли лавки, тоже зеленыя, на которыхъ еще можно было сидѣть. Алеша сейчасъ же замѣтилъ восторженное состояніе брата, но, войдя въ бесѣдку, увидалъ на столикѣ полбутылки коньяку и рюмочку.

— Это коньякъ! захохоталъ Митя,—а ты ужъ смотришь: „опять пьянствуетъ?“ Не вѣрь фантому.

Не вѣрь толпѣ пустой и лживой,
Забудь сомнѣнія свои...—

Не пьянствую я, а лишь „лакомствую“, какъ говоритъ твой свинья Ракитинъ, который будетъ статскимъ совѣтникомъ и все будетъ говорить „лакомствую“. Садись. Я бы взялъ тебя, Алешка, и прижалъ къ груди, да такъ, чтобы раздавить, ибо на всемъ свѣтѣ... по-настоящему... по-насто-яще-му... (вникни! вникни!) люблю только одного тебя!

Онъ проговорилъ послѣднюю строчку въ какомъ-то почти изступленіи.

— Одного тебя, да еще одну „подлую“, въ которую влюбился, да съ тѣмъ и пропалъ. Но влюбиться не значитъ любить. Влюбиться можно и ненавидя. Запомни! Теперь пока весело говорю! Садись, вотъ здѣсь за столъ, а я подлѣ сбоку, и буду смотрѣть на тебя, и все говорить. Ты будешь все молчать, а я буду все говорить, потому что срокъ пришелъ. А, впрочемъ, знаешь, я разсудилъ, что надо говорить дѣйствительно тихо, потому что здѣсь... здѣсь... могутъ открыться самыя неожиданныя уши. Все объясню, сказано: продолженіе впредь. Почему рвался къ тебѣ, жаждалъ сейчасъ тебя, всѣ эти дни, и сейчасъ? (Я здѣсь уже пять дней какъ бросилъ якорь). Всѣ эти дни? Потому что тебѣ одному все скажу, потому что нужно, потому что ты нуженъ, потому что завтра лечу съ облаковъ, потому что завтра жизнь кончится и начнется. Испытывалъ ты, видалъ ты во снѣ, какъ въ яму съ горы падаютъ? Ну, такъ я теперь не во снѣ лечу. И не боюсь, и ты не бойся. То-есть боюсь, но мнѣ сладко. То-есть не сладко, а восторгъ... Ну, да чортъ, все равно, что̀ бы ни было. Сильный духъ, слабый духъ, бабій духъ, — что̀ бы ни было! Восхвалимъ природу: видишь солнца сколько, небо-то какъ чисто, листья всѣ зелены, совсѣмъ еще лѣто, часъ четвертый пополудни, тишина! Куда шелъ?

— Шелъ къ отцу, а сначала хотѣлъ зайти къ Катеринѣ Ивановнѣ.

— Къ ней и къ отцу! Ухъ! Совпаденіе! Да вѣдь я тебя для чего же и звалъ-то, для чего и желалъ, для чего алкалъ и жаждалъ всѣми изгибами души и даже ребрами? Чтобы послать тебя именно къ отцу отъ меня, а потомъ и къ ней, къ Катеринѣ Ивановнѣ, да тѣмъ и покончить и съ ней, и съ отцомъ. Послать ангела. Я могъ бы послать всякаго, но мнѣ надо было послать ангела. И вотъ ты самъ къ ней и къ отцу.

— Неужто ты меня хотѣлъ послать? съ болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ вырвалось у Алеши.

— Стой, ты это зналъ. И вижу, что ты все сразу понялъ. Но молчи, пока молчи. Не жалѣй и не плачь!

Дмитрій Ѳедоровичъ всталъ, задумался и приложилъ палецъ ко лбу:

— Она тебя сама позвала, она тебѣ письмо написала,

или что-нибудь, оттого ты къ ней и пошелъ, а то развѣ бы ты пошелъ?

— Вотъ записка, вынулъ ее изъ кармана Алеша. Митя быстро пробѣжалъ ее.

— И ты пошелъ по задамъ! О, боги! Благодарю васъ, что направили его по задамъ и онъ попался ко мнѣ, какъ золотая рыбка старому дурню рыбаку въ сказкѣ. Слушай, Алеша, слушай, братъ. Теперь я намѣренъ уже все говорить. Ибо хоть кому-нибудь надо же сказать. Ангелу въ небѣ я уже сказалъ, но надо сказать и ангелу на землѣ. Ты ангелъ на землѣ. Ты выслушаешь, ты разсудишь и ты простишь... А мнѣ того и надо, чтобы меня кто-нибудь высшій простилъ. Слушай: если два существа вдругъ отрываются отъ всего земного и летятъ въ необычайное, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, и предъ тѣмъ, улетая или погибая, приходитъ къ другому и говоритъ: сдѣлай мнѣ тò и тò, такое о чемъ никогда никого не просятъ, но о чемъ можно просить лишь на смертномъ одрѣ, — то неужели же тотъ не исполнитъ... если другъ, если братъ?

— Я исполню, но скажи, чтó такое, и скажи поскорѣй, сказалъ Алеша.

— Поскорѣй... Гм. Не торопись, Алеша: ты торопишься и безпокоишься. Теперь спѣшить нечего. Теперь міръ на новую улицу вышелъ. Эхъ, Алеша, жаль, что ты до восторга не додумывался! А, впрочемъ, что жъ я ему говорю? Это ты-то не додумывался! Что жъ я, балбесина, говорю:

«Будь человѣкъ благороденъ!»

Чей это стихъ?

Алеша рѣшился ждать. Онъ понялъ, что всѣ дѣла его дѣйствительно, можетъ быть, теперь только здѣсь. Митя на минуту задумался, опершись локтемъ на столъ и склонивъ голову на ладонь. Оба помолчали.

— Леша, сказалъ Митя,—ты одинъ не засмѣешься! Я хотѣлъ бы начать... мою исповѣдь... гимномъ къ радости Шиллера: An die Freude! Но я по-нѣмецки не знаю, знаю только, что an die Freude. Не думай тоже, что я спьяну болтаю. Я совсѣмъ не спьяну. Коньякъ есть коньякъ, но мнѣ нужно двѣ бутылки чтобъ опьянѣть,—

И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ,

а я и четверти бутылки не выпилъ и не Силенъ. Не Силенъ, а силёнъ, потому что рѣшеніе навѣки взялъ. Ты

каламбуръ мнѣ прости, ты многое мнѣ сегодня долженъ простить, не то что каламбуръ. Не безпокойся, я не размазываю, я дѣло говорю и къ дѣлу вмигъ приду. Не стану жида изъ души тянуть. Постой, какъ это...

Онъ поднялъ голову, задумался и вдругъ восторженно началъ:

«Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ,
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ...
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ берегамъ!

«Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать—Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

«Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ!»

Рыданія вырвались вдругъ изъ груди Мити, онъ схватилъ Алешу за руку.

— Другъ, другъ, въ униженіи, въ униженіи и теперь. Страшно много человѣку на землѣ терпѣть, страшно много ему бѣдъ! Не думай, что я всего только хамъ въ офицерскомъ чинѣ, который пьетъ коньякъ и развратничаетъ. Я, братъ, почти только объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ человѣкѣ, если только не вру. Дай Богъ мнѣ теперь не врать и себя не хвалить. Потому мыслю объ этомъ человѣкѣ, что я самъ такой человѣкъ.

«Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ».

Но только, вотъ въ чемъ дѣло: какъ я вступлю въ союзъ съ землею навѣкъ? Я не цѣлую землю, не взрѣзаю ей грудь; что жъ мнѣ мужикомъ сдѣлаться аль пастушкомъ?

Я иду и не знаю: въ вонь ли я попалъ и позоръ, или въ свѣтъ и радость. Вотъ вѣдь гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка! И когда мнѣ случалось погружаться въ самый, въ самый глубокій позоръ разврата (а мнѣ только это и случалось), то я всегда это стихотвореніе о Церерѣ и о человѣкѣ читалъ. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужъ полечу въ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ пятами, и даже доволенъ, что именно въ унизительномъ такомъ положеніи падаю и считаю это для себя красотой. И вотъ въ самомъ-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я проклятъ, пусть я низокъ и подлъ, но пусть и я цѣлую край той ризы, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ то же самое время вслѣдъ за чортомъ, но я все-таки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой нельзя міру стоять и быть.

«Душу Божьяго творенья
Радость вѣчная поитъ,
Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;
Травку выманила къ свѣту
Въ солнцы хаосъ развила
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила.

«У груди благой природы,
Все что дышитъ, радость пьетъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ;
Намъ друзей дала въ несчастьи,
Гроздій сокъ, вѣнки Харитъ,
Насѣкомымъ—сладострастье...
Ангелъ—Богу предстоитъ».

Но довольно стиховъ. Я пролилъ слезы, и ты дай мнѣ поплакать. Пусть это будетъ глупость, надъ которою всѣ будутъ смѣяться, но ты нѣтъ. Вотъ у тебя глазенки горятъ. Довольно стиховъ. Я тебѣ хочу сказать теперь о „насѣкомыхъ“, вотъ о тѣхъ, которыхъ Богъ одарилъ сладострастьемъ.

«Насѣкомымъ—сладострастье!»

Я, братъ, это самое насѣкомое и есть, и это обо мнѣ спеціально и сказано. И мы всѣ Карамазовы такіе же, и въ тебѣ, ангелѣ, это насѣкомое живетъ, и въ крови твоей бури родитъ. Это—бури, потому что сладострастье—буря, больше бури! Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя,

потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ. Я, братъ, очень необразованъ, но я много объ этомъ думалъ. Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай какъ знаешь и вылѣзай сухъ изъ воды. Красота! Перенести я притомъ не могу, что иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ, я бы сузилъ. Чортъ знаетъ, что̀ такое даже, вотъ что! Что̀ уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой. Въ Содомѣ ли красота? Вѣрь, что въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей,—зналъ ты эту тайну иль нѣтъ? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей. А, впрочемъ, что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Слушай, теперь къ самому дѣлу.

IV.

Исповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ.

Я тамъ кутилъ. Давеча отецъ говорилъ, что я по нѣскольку тысячъ платилъ за обольщеніе дѣвицъ. Это свинскій фантомъ и никогда того не бывало, а что̀ было, то собственно на „это“ денегъ не требовало. У меня деньги—аксессуаръ, жаръ души, обстановка. Нынѣ вотъ она моя дама, завтра на ея мѣстѣ уличная дѣвчоночка. И ту, и кругую веселю, деньги бросаю пригоршнями, музыка, гамъ, цыганки. Коли надо и ей даю, потому что берутъ, берутъ, съ азартомъ, въ этомъ надо признаться, и довольны, и благодарны. Барыньки меня любили, не всѣ, а случалось, случалось; но я всегда переулочки любилъ, глухіе и темные закоулочки, за площадью,—тамъ приключенія, тамъ неожиданности, тамъ самородки въ грязи. Я, братъ, аллегорически говорю. У насъ въ городишкѣ такихъ переулковъ вещественныхъ не было, но нравственные были. Но если бы ты былъ то что̀ я, ты понялъ бы что̀ эти значатъ. Любилъ развратъ, любилъ и срамъ разврата. Любилъ жестокость: развѣ я не клопъ, не злое насѣкомое? Сказа-

но — Карамазовъ! Разъ пикникъ всѣмъ городомъ былъ, поѣхали на семи тройкахъ; въ темнотѣ, зимой, въ саняхъ, сталъ я жать одну сосѣдскую дѣвичью ручку, и принудилъ къ поцѣлуямъ эту дѣвочку, дочку чиновника, бѣдную, милую, кроткую, безотвѣтную. Позволила, многое позволила въ темнотѣ. Думала, бѣдняжка, что я завтра за ней пріѣду, и предложеніе сдѣлаю (меня вѣдь, главное, за жениха цѣнили); а я съ ней послѣ того ни слова, пять мѣсяцевъ ни полслова. Видѣлъ, какъ слѣдили за мной изъ угла залы, когда бывало танцуютъ (а у насъ то и дѣло что танцуютъ), ея глазки, видѣлъ какъ горѣли огонькомъ — огонькомъ кроткаго негодованія. Забавляла эта игра только мое сладострастіе насѣкомаго, которое я въ себѣ кормилъ. Чрезъ пять мѣсяцевъ она за чиновника вышла и уѣхала... сердясь и все еще любя, можетъ быть. Теперь они счастливо живутъ. Замѣть, что я никому не сказалъ, не ославилъ; я хоть и низокъ желаніями, и низость люблю, но я не безчестенъ. Ты краснѣешь, у тебя глаза сверкнули. Довольно съ тебя этой грязи. И все это еще только такъ, цвѣточки польдекоковскіе, хотя жестокое насѣкомое уже росло, уже разрасталось въ душѣ. Тутъ, братъ, цѣлый альбомъ воспоминаній. Пусть имъ Богъ, миленькимъ, здоровья пошлетъ. Я, разрывая, любилъ не ссориться. И никогда не выдавалъ, никогда ни одну не ославилъ. Но довольно. Неужели ты думалъ, что я тебя для этой только дряни зазвалъ сюда? Нѣтъ, я тебѣ любопытнѣе вещь разскажу; но не удивляйся, что не стыжусь тебя, а какъ будто даже и радъ.

— Это ты оттого, что я покраснѣлъ, вдругъ замѣтилъ Алеша.—Я не отъ твоихъ рѣчей покраснѣлъ и не за твои дѣла, а за то, что я то же самое что и ты.

— Ты-то? Ну хватилъ немного далеко.

— Нѣтъ, не далеко, съ жаромъ проговорилъ Алеша. (Видимо эта мысль давно уже въ немъ была).—Все однѣ и тѣ же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, гдѣ-нибудь на тридцатой. Я такъ смотрю на это дѣло, но это все одно и то же, совершенно однородное. Кто ступилъ на нижнюю ступеньку, тотъ все равно непремѣнно вступитъ и на верхнюю.

— Стало быть, совсѣмъ не вступать?

— Кому можно—совсѣмъ не вступать.

— А тебѣ—можно?

— Кажется, нѣтъ.

— Молчи, Алеша, молчи, милый, хочется мнѣ ручку твою поцѣловать, такъ, изъ умиленія. Эта шельма Грушенька знатокъ въ человѣкахъ, она мнѣ говорила однажды, что она когда-нибудь тебя съѣстъ! Молчу, молчу! Изъ мерзостей, съ поля, загаженнаго мухами, перейдемъ на мою трагедію, тоже на поле, загаженное мухами, то-есть всякою низостью. Дѣло-то вѣдь въ томъ, что старикашка хоть и совралъ объ обольщеніи невинностей, но, въ сущности, въ трагедіи моей, это такъ вѣдь и было, хотя разъ только было, да и то не состоялось. Старикъ, который меня же корилъ небылицей, этой-то штуки и не знаетъ: я никому никогда не разсказывалъ, тебѣ первому сейчасъ разскажу, конечно, Ивана исключая, Иванъ все знаетъ. Раньше тебя давно знаетъ. Но Иванъ—могила.

— Иванъ—могила?

— Да.

Алеша слушалъ чрезвычайно внимательно.

— Я вѣдь въ этомъ баталіонѣ, въ линейномъ, хоть и прапорщикомъ состоялъ, но все равно какъ бы подъ надзоромъ, въ родѣ какъ ссыльный какой. А городишко принималъ меня страшно хорошо. Денегъ я бросалъ много, вѣрили, что я богатъ, я и самъ тому вѣрилъ. А, впрочемъ, чѣмъ-то и другимъ я имъ, должно быть, угодилъ. Хоть и головами покивали, а, право, любили. Мой подполковникъ, старикъ уже, не взлюбилъ меня вдругъ. Придирался ко мнѣ; да рука у меня была, къ тому же весь городъ за меня стоялъ, придираться нельзя было очень-то. Виноватъ былъ я и самъ, самъ нарочно почтенія не отдавалъ надлежащаго. Гордился. У этого стараго упрямца, недурного очень человѣка и добродушнѣйшаго хлѣбосола, были когда-то двѣ жены, обѣ померли. Одна, первая, была изъ какихъ-то простыхъ и оставила ему дочь, тоже простую. Была уже при мнѣ дѣвою лѣтъ двадцати-четырехъ и жила съ отцомъ вмѣстѣ съ теткой, сестрой покойной матери. Тетка—безсловесная простота, а племянница, старшая дочь подполковника,—бойкая простота. Люблю, вспоминая, хорошее слово сказать: никогда-то, голубчикъ, я прелестнѣе характера женскаго не зналъ, какъ этой дѣвицы, Агаѳьей звали ее, представь себѣ, Агаѳьей Ивановной. Да и не дурна она вовсе была, въ русскомъ вкусѣ—высокая, дебелая, полнотѣлая, съ глазками прекрасными, лицо, положимъ, грубоватое. Не выходила замужъ, хотя двое сватались, отказала и веселости не теряла. Сошелся я съ ней—не этакимъ образомъ,

нѣтъ, тутъ было чисто, а такъ, по-дружески. Я вѣдь часто съ женщинами сходился совершенно безгрѣшно, по-дружески. Болтаю съ ней такія откровенныя вещи, что ухъ! а она только смѣется. Многія женщины откровенности любятъ, замѣть себѣ, а она къ тому же была дѣвушка, что̀ очень меня веселило. И вотъ еще что̀: никакъ бы ее барышней нельзя было назвать. Жили онѣ у отца съ теткой какъ-то добровольно принижая себя, со всѣмъ другимъ обществомъ не равняясь. Ее всѣ любили и нуждались въ ней, потому что портниха была знатная: былъ талантъ, денегъ за услуги не требовала, дѣлала изъ любезности, но когда дарили— не отказывалась принять. Подполковникъ-же тотъ—куда! Подполковникъ былъ одно изъ самыхъ первыхъ лицъ по нашему мѣсту. Жилъ широко, принималъ весь городъ, ужины, танцы. Когда я пріѣхалъ и въ баталіонъ поступилъ, заговорили во всемъ городишкѣ, что вскорѣ пожалуетъ къ намъ изъ столицы вторая дочь подполковника, раскрасавица изъ красавицъ, а теперь только что-де вышла изъ аристократическаго столичнаго одного института. Это вторая дочь—вотъ эта самая Катерина Ивановна и есть, и уже отъ второй жены подполковника. А вторая эта жена, уже покойница, была изъ знатнаго, какого-то большого генеральскаго дома, хотя, впрочемъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, денегъ подполковнику тоже никакихъ не принесла. Значитъ, была съ родней, да и только, развѣ тамъ какія надежды, а въ наличности ничего. И, однако, когда пріѣхала институтка (погостить, а не навсегда) весь городишко у насъ точно обновился, самыя знатныя наши дамы,— двѣ превосходительныя, одна полковница, да и всѣ, всѣ за ними, тотчасъ же приняли участіе, расхватали ее, веселить начали, царица баловъ, пикниковъ, живыя картины состряпали въ пользу какихъ-то гувернантокъ. Я молчу, я кучу, я одну штуку именно тогда удралъ такую, что весь городъ тогда загалдѣлъ. Вижу, она меня разъ обмѣрила взглядомъ, у батарейнаго командира это было, да я тогда не подошелъ: пренебрегаю, дескать, знакомиться. Подошелъ я къ ней уже нѣсколько спустя, тоже на вечерѣ, заговорилъ, еле поглядѣла, презрительныя губки сложила, а думаю, подожди, отомщу! Бурбонъ я былъ ужаснѣйшій въ большинствѣ тогдашнихъ случаевъ, и самъ это чувствовалъ. Главное, то чувствовалъ, что „Катенька" не то чтобы невинная институтка такая, а особа съ характеромъ, гордая и въ самомъ дѣлѣ добродѣтельная, а пуще всего съ умомъ

и образованіемъ, а у меня ни того, ни другого. Ты думаешь, я предложеніе хотѣлъ сдѣлать? Нимало, просто отомстить хотѣлъ за то, что я такой молодецъ, а она не чувствуетъ. А пока кутежъ и погромъ. Меня, наконецъ, подполковникъ на три дня подъ арестъ посадилъ. Вотъ къ этому-то времени какъ разъ отецъ мнѣ шесть тысячъ прислалъ, послѣ того какъ я послалъ ему форменное отреченіе отъ всѣхъ и вся, то-есть мы, дескать, „въ расчетѣ“ и требовать больше ничего не буду. Не понималъ я тогда ничего; я, братъ, до самаго сюда пріѣзда, и даже до самыхъ послѣднихъ теперешнихъ дней, и даже, можетъ быть, до сего дня, не понималъ ничего объ этихъ всѣхъ нашихъ съ отцомъ денежныхъ пререканіяхъ. Но это къ чорту, это потомъ. А тогда, получивъ эти шесть, узналъ я вдругъ завѣдомо по одному письмецу отъ пріятеля про одну любопытнѣйшую вещь для себя, именно, что подполковникомъ нашимъ недовольны, что подозрѣваютъ его не въ порядкѣ, однимъ словомъ, что враги его готовятъ ему закуску. И впрямь пріѣхалъ начальникъ дивизіи и распекъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Затѣмъ, немного спустя, велѣно въ отставку подать. Я тебѣ разсказывать не буду какъ это все вышло въ подробности, были у него враги дѣйствительно, только вдругъ въ городѣ чрезмѣрное охлажденіе къ нему и ко всей фамиліи, всѣ вдругъ точно отхлынули. Вотъ и вышла тогда первая моя шутка: встрѣчаю я Агаѳью Ивановну, съ которой всегда дружбу хранилъ, и говорю: „А вѣдь у папаши казенныхъ-то денегъ четырехъ тысячъ пятисотъ рублей нѣтъ“. „Что̀ вы это, почему говорите? Недавно генералъ былъ, всѣ налицо были“... „Тогда были, а теперь нѣтъ“. Испугалась ужасно: „не пугайте, пожалуйста, отъ кого вы слышали?“ „Не безпокойтесь, говорю, никому не скажу, а вы знаете, что я на сей счетъ могила, а вотъ что̀ хотѣлъ я вамъ только на сей счетъ тоже въ видѣ, такъ сказать, „всякаго случая“ присовокупить: когда потребуютъ у папаши четыре-то тысячки пятьсотъ, а у него не окажется, такъ чѣмъ подъ судъ-то, а потомъ въ солдаты на старости лѣтъ угодить, пришлите мнѣ тогда лучше вашу институтку секретно, мнѣ какъ разъ деньги выслали, я ей четыре-то тысячки, пожалуй, и отвалю, и въ святости секретъ сохраню“. „Ахъ, какой вы, говоритъ, подлецъ! (такъ и сказала),—какой вы злой, говоритъ, подлецъ! Да какъ вы смѣете!“ Ушла въ негодованіи страшномъ, а я ей вслѣдъ еще разъ крикнулъ,

что секретъ сохраненъ будетъ свято и нерушимо. Эти обѣ бабы, то-есть Агаѳья и тетка ея, скажу впередъ, оказались во всей этой исторіи чистыми ангелами, а сестру эту гордячку, Катю, воистину обожали, принижали себя предъ нею, горничными ея были. Только Агаѳья эту штуку, то-есть разговоръ-то нашъ, ей тогда и передай. Я это потомъ какъ пять пальцевъ узналъ. Не скрыла, ну, а мнѣ, разумѣется, того было и надо.

Вдругъ пріѣзжаетъ новый майоръ принимать баталіонъ. Принимаетъ. Старый подполковникъ вдругъ заболѣваетъ, двинуться не можетъ, двое сутокъ дома сидитъ, суммы казенной не сдаетъ. Докторъ нашъ Кравченко увѣрялъ, что дѣйствительно боленъ былъ. Только я вотъ что̀ досконально зналъ по секрету и даже давно: что сумма, когда отсмотритъ ее начальство, каждый разъ послѣ того, и это уже года четыре сряду, исчезала на время. Ссужалъ ее подполковникъ вѣрнѣйшему одному человѣку, купцу нашему, старому вдовцу, Трифонову, бородачу въ золотыхъ очкахъ. Тотъ съѣздитъ на ярмарку, сдѣлаетъ какой надо ему тамъ оборотъ и возвращаетъ тотчасъ подполковнику деньги въ цѣлости, а съ тѣмъ вмѣстѣ привозитъ съ ярмарки гостинцу, а съ гостинцами и процентики. Только въ этотъ разъ (я тогда узналъ все это совершенно случайно отъ подростка, слюняваго сынишки Трифонова, сына его и наслѣдника, развратнѣйшаго мальчишки, какого свѣтъ не производилъ), въ этотъ разъ, говорю, Трифоновъ, возвратясь съ ярмарки, ничего не возвратилъ. Подполковникъ бросился къ нему: „Никогда я отъ васъ ничего не получалъ, да и получать не могъ“,—вотъ отвѣтъ. Ну, такъ и сидитъ нашъ подполковникъ дома, голову себѣ обвязалъ полотенцемъ, ему онѣ всѣ три льду къ темени прикладываютъ: вдругъ вѣстовой съ книгою и съ приказомъ: „Сдать казенную сумму, тотчасъ же, немедленно, черезъ два часа“. Онъ расписался, я эту подпись въ книгѣ потомъ видѣлъ,— всталъ, сказалъ, что одѣваться въ мундиръ идетъ, прибѣжалъ въ свою спальню, взялъ двухствольное охотничье свое ружье, зарядилъ, вкатилъ солдатскую пулю, снялъ съ правой ноги сапогъ, ружье уперъ въ грудь, а ногой сталъ курокъ искать. А Агаѳья уже подозрѣвала, мои тогдашнія слова запомнила, подкралась и во-время подсмотрѣла: ворвалась, бросилась на него сзади, обняла, ружье выстрѣлило вверхъ въ потолокъ; никого не ранило: вбѣжали остальныя, схватили его, отняли ружье, за руки

держать... Все это я потомъ узналъ до черты. Сидѣлъ я тогда дома, были сумерки, и только что хотѣлъ выходить, одѣлся, причесался, платокъ надушилъ, фуражку взялъ, какъ вдругъ отворяется дверь и—предо мною, у меня на квартирѣ, Катерина Ивановна.

Бываютъ же странности: никто-то не замѣтилъ тогда на улицѣ, какъ она ко мнѣ прошла, такъ что въ городѣ такъ это и кануло. Я же нанималъ квартиру у двухъ чиновницъ, древнѣйшихъ старухъ, онѣ мнѣ прислуживали, бабы почтительныя, слушались меня во всемъ, и по моему приказу, замолчали потомъ обѣ какъ чугунныя тумбы. Конечно, я все тотчасъ понялъ. Она вошла и прямо глядитъ на меня, темныя глаза смотрятъ рѣшительно, дерзко даже, но въ губахъ и около губъ, вижу, есть нерѣшительность.

— Мнѣ сестра сказала, что вы дадите четыре тысячи пятьсотъ рублей, если я приду за ними... къ вамъ сама. Я пришла... дайте деньги!.. не выдержала, задохлась, испугалась, голосъ пресѣкся, а концы губъ и линіи около губъ задрожали. Алешка, слушаешь или спишь?

— Митя, я знаю, что ты всю правду скажешь, произнесъ въ волненіи Алеша.

— Ее самую и скажу. Если всю правду, то вотъ какъ было, себя не пощажу. Первая мысль была — Карамазовская. Разъ, братъ, меня фаланга укусила, я двѣ недѣли отъ нея въ жару пролежалъ; ну такъ вотъ и теперь вдругъ за сердце слышу укусила фаланга, злое-то насѣкомое, понимаешь? Обмѣрилъ я ее глазомъ. Видѣлъ ты ее? Вѣдь красавица. Да не тѣмъ она красива тогда была. Красива была она тѣмъ въ ту минуту, что она благородная, а я подлецъ, что она въ величіи своего великодушія и жертвы своей за отца, а я клопъ. И вотъ отъ меня, клопа и подлеца, она *вся* зависитъ, вся, вся кругомъ и съ душой и съ тѣломъ. Очерчена. Я тебѣ прямо скажу: эта мысль, мысль фаланги, до такой степени захватила мнѣ сердце, что оно чуть не истекло отъ одного томленія. Казалось бы и борьбы не могло уже быть никакой: именно бы поступить какъ клопу, какъ злому тарантулу, безо всякаго сожалѣнія... Пересѣкло у меня духъ даже. Слушай вѣдь я, разумѣется, завтра же пріѣхалъ бы руки просить, чтобы все это благороднѣйшимъ, такъ сказать, образомъ завершить и чтобы никто, стало быть, этого не зналъ и не могъ бы знать. Потому что вѣдь я человѣкъ

хоть и низкихъ желаній, но честный. И вотъ вдругъ мнѣ тогда въ ту же секунду кто-то и шепни на ухо: „Да вѣдь завтра-то этакая, какъ пріѣдешь съ предложеніемъ руки, и не выйдетъ къ тебѣ, а велитъ кучеру со двора тебя вытолкать. Ославляй, дескать, по всему городу, не боюсь тебя!“ Взглянулъ я на дѣвицу, не созралъ мой голосъ: такъ, конечно, такъ оно и будетъ. Меня выгонятъ въ шею, по теперешнему лицу уже судить можно. Закипѣла во мнѣ злость, захотѣлось подлѣйшую, поросячью, купеческую штучку выкинуть: поглядѣть это на нее съ насмѣшкой, и тутъ же, пока стоитъ передъ тобой, и огорошить ее съ интонаціей, съ какою только купчикъ умѣетъ сказать.

— Это четыре-то тысячи! Да я пошутилъ-съ, что̀ вы это? Слишкомъ легковѣрно, сударыня, сосчитали. Сотенки двѣ я, пожалуй, съ моимъ даже удовольствіемъ и охотою, а четыре тысячи это деньги не такія, барышня, чтобъ ихъ на такое легкомысліе кидать. Обезпокоить себя напрасно изволили.

Видишь, я бы, конечно, все потерялъ; она бы убѣжала, но зато инфернально, мстительно вышло бы, всего остального стоило бы. Вылъ бы потомъ всю жизнь отъ раскаянія, но только чтобы теперь эту штучку отмочить! Вѣришь ли, никогда этого у меня ни съ какой не бывало, ни съ единою женщиной, чтобы въ этакую минуту я на нее глядѣлъ съ ненавистью, — и вотъ крестъ кладу: я на эту глядѣлъ тогда секунды три или пять со страшною ненавистью,—съ тою самою ненавистью, отъ которой до любви, до безумнѣйшей любви—одинъ волосокъ! Я подошелъ къ окну, приложилъ лобъ къ мерзлому стеклу и, помню, что мнѣ лобъ обожгло льдомъ какъ огнемъ. Долго не задержалъ, не безпокойся, обернулся, подошелъ къ столу, отворикъ ящикъ и досталъ пятитысячный пятипроцентный безъимянный билетъ (въ лексиконѣ французскомъ лежалъ у меня). Затѣмъ молча ей показалъ, сложилъ, отдалъ, самъ отворилъ ей дверь въ сѣни, и, отступя шагъ, поклонился ей въ поясъ почтительнѣйшимъ, проникновеннѣйшимъ поклономъ, вѣрь тому! Она вся вздрогнула, посмотрѣла пристально секунду, страшно поблѣднѣла, ну, какъ скатерть, и вдругъ, тоже ни слова не говоря, не съ порывомъ, а мягко такъ, глубоко, тихо склонилась вся и прямо мнѣ въ ноги—лбомъ до земли, не по-институтски, по-русски! Вскочила и побѣжала. Когда она выбѣжала, я былъ при шпагѣ, я выпулъ шпагу и хотѣлъ-было тутъ же заколоть

для чего—не знаю, глупость была бы страшная, ко-
но, должно быть, отъ восторга. Понимаешь ли ты,
ъ иного восторга можно убить себя: но я не закол-
ся, а только поцѣловалъ шпагу и вложилъ ее опять
въ ножны,—о чемъ, впрочемъ, могъ бы тебѣ и не упоми-
нать. И даже, кажется, я сейчасъ-то, разсказывая обо
всѣхъ борьбахъ, немножко размазалъ, чтобы себя похвалить.
Но пусть, пусть такъ и будетъ и чортъ дери всѣхъ шпіо-
новъ сердца человѣческаго! Вотъ весь мой этотъ бывшій
„случай" съ Катериной Ивановной. Теперь, значитъ, братъ
Иванъ о немъ знаетъ, да ты—и только.

Дмитрій Ѳедоровичъ всталъ, въ волненіи шагнулъ шагъ и другой, вынулъ платокъ, обтеръ со лба потъ, затѣмъ сѣлъ опять, но не на то мѣсто, гдѣ прежде сидѣлъ, а на другое, на скамью напротивъ, у другой стѣны, такъ что Алеша долженъ былъ совсѣмъ къ нему повернуться.

V.

Исповѣдь горячаго сердца. „Вверхъ пятами".

— Теперь, сказалъ Алеша,— я первую половину этого дѣла знаю.

— Первую половину ты понимаешь: это драма, и произошла она тамъ. Вторая же половина есть трагедія, и произойдетъ она здѣсь.

— Изо второй половины я до сихъ поръ ничего не понимаю, сказалъ Алеша.

— А я-то? Я-то развѣ понимаю?

— Постой, Дмитрій, тутъ есть одно главное слово. Скажи мнѣ: вѣдь ты женихъ, женихъ и теперь?

— Женихомъ я сталъ не сейчасъ, а всего три мѣсяца лишь спустя послѣ тогдашняго-то. На другой же день, какъ это тогда случилось, я сказалъ себѣ, что случай исчерпанъ и конченъ, продолженія не будетъ. Притти съ предложеніемъ руки казалось мнѣ низостью. Съ своей стороны и она всѣ шесть недѣль потомъ какъ у насъ въ городѣ прожила—ни словечкомъ о себѣ знать не дала. Кромѣ одного, вправду, случая: на другой день послѣ ея посѣщенія прошмыгнула ко мнѣ ихъ горничная, и, ни слова не говоря, пакетъ передала. На пакетѣ адресъ: такому-то. Вскрываю — сдача съ билета въ 5000. Надо было всего четыре тысячи пятьсотъ, да на продажѣ пятитысячнаго билета потеря рублей въ двѣсти слишкомъ произошла. Прислала мнѣ всего двѣсти шестьдесятъ, кажется, рубли-

ковъ, не помню хорошенько, и только однѣ деньги, — ни записки, ни словечка, ни объясненія. Я въ пакетѣ искалъ знака какого-нибудь карандашомъ — н-ничего! Что-жъ, я закутилъ пока на мои остальные рубли, такъ что и новый майоръ мнѣ выговоръ, наконецъ, принужденъ былъ сдѣлать. Ну, а подполковникъ казенную сумму сдалъ — благополучно и всѣмъ на удивленіе, потому что никто уже у него денегъ въ цѣлости не предполагалъ. Сдалъ, да и захворалъ, слегъ, лежалъ недѣли три, затѣмъ, вдругъ размягченіе въ мозгу произошло и въ пять дней скончался. Похоронили съ воинскими почестями, еще не успѣлъ отставку получить. Катерина Ивановна, сестра и тетка, только что похоронивъ отца, дней черезъ десять двинулись въ Москву. И вотъ предъ отъѣздомъ только, въ самый тотъ день, когда уѣхали (я ихъ не видалъ и не провожалъ), получаю крошечный пакетикъ, синенькій, кружевная бумажка, а на ней одна только строчка карандашомъ: „Я вамъ напишу, ждите. К.“. Вотъ и все.

Поясню тебѣ теперь въ двухъ словахъ. Въ Москвѣ у нихъ дѣла обернулись съ быстротою молніи и съ неожиданностью арабскихъ сказокъ. Эта генеральша, ея главная родственница, вдругъ разомъ лишается своихъ двухъ ближайшихъ наслѣдницъ, своихъ двухъ ближайшихъ племянницъ,—обѣ на одной и той же недѣлѣ помираютъ отъ оспы. Потрясенная старуха Катѣ обрадовалась, какъ родной дочери, какъ звѣздѣ спасенія, накинулась на нее, передѣлала тотчасъ завѣщаніе въ ея пользу, но это въ будущемъ, а пока теперь, прямо въ руки — восемьдесятъ тысячъ, вотъ тебѣ, молъ, приданое, дѣлай съ нимъ, что хочешь. Истерическая женщина, я ее въ Москвѣ потомъ наблюдалъ. Ну, вотъ, вдругъ я тогда и получаю по почтѣ четыре тысячи пятьсотъ рублей, разумѣется, недоумѣваю и удивленъ какъ безсловесный. Три дня спустя приходитъ и обѣщанное письмо. Оно и теперь у меня, оно всегда со мной и умру я съ нимъ,—хочешь покажу? Непремѣнно прочти: предлагается въ невѣсты, сама себя предлагаетъ, „люблю, дескать, безумно, пусть вы меня не любите — все равно, будьте только моимъ мужемъ. Не пугайтесь— ни въ чемъ васъ стѣснять не буду, буду ваша мебель, буду тотъ коверъ, по которому вы ходите... Хочу любить васъ вѣчно, хочу спасти васъ отъ самого себя“... Алеша, я недостоинъ даже пересказывать эти строки моими подлыми словами и моимъ подлымъ тономъ, всегдашнимъ

моимъ подлымъ тономъ, отъ котораго я никогда не могъ исправиться! Пронзило это письмо меня до сегодня, и развѣ мнѣ теперь легко, развѣ мнѣ сегодня легко? Тогда я тотчасъ же ей написалъ отвѣтъ (я никакъ не могъ самъ пріѣхать въ Москву). Слезами писалъ его; одного стыжусь вѣчно: упомянулъ, что она теперь богатая и съ приданымъ, а я только нищій бурбонъ—про деньги упомянулъ! Я бы долженъ былъ это перенести, да съ пера сорвалось. Тогда же, тотчасъ написалъ, въ Москву, Ивану и все ему объяснилъ въ письмѣ по возможности, въ шесть листовъ письмо было, и послалъ Ивана къ ней. Что̀ ты смотришь, что̀ ты глядишь на меня? Ну да, Иванъ влюбился въ нее, влюбленъ и теперь, я это знаю, я глупость сдѣлалъ, по-вашему, по-свѣтскому, но, можетъ быть, вотъ эта-то глупость одна теперь и спасетъ насъ всѣхъ! Ухъ! Развѣ ты не видишь, какъ она его почитаетъ, какъ она его уважаетъ? Развѣ она можетъ, сравнивъ насъ обоихъ, любить такого какъ я, да еще послѣ всего того, что̀ здѣсь произошло?

— А я увѣренъ, что она любитъ такого какъ ты, а не такого какъ онъ.

— Она свою добродѣтель любитъ, а не меня, невольно, но почти злобно вырвалось вдругъ у Дмитрія Ѳедоровича. Онъ засмѣялся, но черезъ секунду глаза его сверкнули, онъ весь покраснѣлъ и съ силой ударилъ кулакомъ по столу.

— Клянусь, Алеша, воскликнулъ онъ со страшнымъ и искреннимъ гнѣвомъ на себя, — вѣрь—не вѣрь, но вотъ, какъ Богъ святъ, и что Христосъ есть Господь, клянусь, что я, хоть и усмѣхнулся сейчасъ ея высшимъ чувствамъ, но знаю, что я въ милліонъ разъ ничтожнѣе душой, чѣмъ она, и что эти лучшія чувства ея—искренни какъ у небеснаго ангела! Въ томъ и трагедія, что я знаю это навѣрно. Что̀ въ томъ, что человѣкъ капельку декламируетъ? Развѣ я не декламирую? А вѣдь искрененъ же я, искрененъ. Что̀ же касается Ивана, то вѣдь я же понимаю съ какимъ проклятіемъ долженъ онъ смотрѣть теперь на природу, да еще при его-то умѣ! Кому, чему отдано предпочтеніе? Отдано извергу, который и здѣсь, уже женихомъ будучи, и когда на него всѣ глядѣли, удержать свои дебоширства не могъ,—и это при невѣстѣ-то, при невѣстѣ-то! И вотъ такой, какъ я, предпочтенъ, а онъ отвергается. Но для чего же? А для того, что дѣвица изъ благодар-

ности жизнь и судьбу свою изнасиловать хочетъ! Нелѣпость! Я Ивану въ этомъ смыслѣ ничего и никогда не говорилъ, Иванъ, разумѣется, мнѣ тоже объ этомъ никогда ни полслова, ни малѣйшаго намека; но судьба свершится и достойный станетъ на мѣсто, а недостойный скроется въ переулокъ навѣки — въ грязный свой переулокъ, въ возлюбленный и свойственный ему переулокъ, и тамъ, въ грязи и вони, погибнетъ добровольно и съ наслажденіемъ. Завралася я что-то, слова у меня всѣ износились, точно наобумъ ставлю, по такъ какъ я опредѣлилъ, такъ тому и быть. Потому въ переулкѣ, а она выйдетъ за Ивана.

— Братъ, постой, съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ опять прерваль Алеша,—вѣдь тутъ все-таки одно дѣло ты мнѣ до сихъ поръ не разъяснилъ: вѣдь ты женихъ, вѣдь ты все-таки женихъ? Какъ же ты хочешь порвать, если она, невѣста, не хочетъ?

— Я женихъ, формальный и благословенный, произошло все въ Москвѣ, по моемъ пріѣздѣ, съ парадомъ, съ образами, и въ лучшемъ видѣ. Генеральша благословила и—вѣришь ли, поздравила даже Катю: ты выбрала, говоритъ, хорошо, я вижу его насквозь. И вѣришь ли, Ивана она не взлюбила и не поздравила. Въ Москвѣ же я много и съ Катей переговорилъ, я ей всего себя расписалъ, благородно, въ точности, въ искренности. Все выслушала:

«Было милое смущенье,
Были нѣжныя слова»...

Ну, слова-то были и гордыя. Она вынудила у меня тогда великое обѣщаніе исправиться. Я далъ обѣщаніе. И вотъ...

— Что же?

— И вотъ я тебя кликнулъ и перетащилъ сюда сегодня, сегодняшняго числа, — запомни! — съ тѣмъ, чтобы послать тебя, и опять-таки сегодня же, къ Катеринѣ Ивановнѣ, и...

— Что?

— Сказать ей, что я больше къ ней не приду никогда, приказалъ, дескать, кланяться.

— Да развѣ это возможно?

— Да я потому-то тебя и посылаю вмѣсто себя, что это невозможно, а то какъ же я самъ-то ей это скажу?

— Да куда же ты пойдешь?

— Въ переулокъ.

— Такъ это къ Грушенькѣ? горестно воскликнулъ Алеша, всплеснувъ руками.— Да неужто же Ракитинъ въ са-

момъ дѣлѣ правду сказалъ? А я думалъ, что ты только такъ къ ней походилъ и кончилъ.

— Это жениху-то ходить? Да развѣ это возможно, да еще при такой невѣстѣ, и на глазахъ у людей? Вѣдь честь-то у меня есть, небось. Только что я сталъ ходить къ Грушенькѣ, такъ тотчасъ же и пересталъ быть женихомъ и честнымъ человѣкомъ, вѣдь я это понимаю же. Что̀ ты смотришь? Я, видишь ли, сперва всего пошелъ ее бить. Я узналъ и знаю теперь достовѣрно, что Грушенькѣ этой былъ этимъ штабсъ-капитаномъ, отцовскимъ повѣреннымъ, вексель на меня переданъ, чтобы взыскала, чтобъ я упялся и кончилъ. Испугать хотѣли. Я Грушеньку и двинулся бить. Видалъ я ее и прежде мелькомъ. Она не поражаетъ. Про старика купца зналъ, который теперь вдобавокъ и боленъ, разслабленъ лежитъ, но ей кушъ все-таки оставитъ знатный. Зналъ тоже, что деньгу нажить любитъ, наживаетъ, на злые проценты даетъ, пройдоха, шельма, безъ жалости. Пошелъ я бить ее, да у ней и остался. Грянула гроза, ударила чума, заразился и зараженъ доселѣ, и знаю, что ужъ все кончено, что ничего другого никогда и не будетъ. Циклъ временъ совершенъ. Вотъ мое дѣло. А тогда вдругъ какъ нарочно у меня въ карманѣ, у нищаго, очутились три тысячи. Мы отсюда съ ней въ Мокрое, это двадцать пять отсюда верстъ, цыганъ туда добылъ, цыганокъ, шампанскаго, всѣхъ мужиковъ тамъ шампанскимъ перепоилъ, всѣхъ бабъ и дѣвокъ, двинулъ тысячами. Черезъ три дня голъ, по соколъ. Ты думалъ достигъ чего соколъ-то? Даже издали не показала. Я говорю тебѣ: изгибъ. У Грушеньки, шельмы, есть такой одинъ изгибъ тѣла, онъ и на ножкѣ у ней отразился, даже въ пальчикѣ-мизинчикѣ на лѣвой ножкѣ отозвался. Видѣлъ и цѣловалъ, но и только — клянусь! Говоритъ: „хочешь выйду замужъ, вѣдь ты нищій. Скажи, что бить не будешь и позволишь все мнѣ дѣлать, что̀ я захочу, тогда, можетъ, и выйду“; — смѣется. И теперь смѣется!

Дмитрій Ѳедоровичъ почти съ какою-то яростью поднялся съ мѣста, онъ вдругъ сталъ какъ пьяный. Глаза его вдругъ налились кровью.

— И ты въ самомъ дѣлѣ хочешь на ней жениться?

— Коль захочетъ, какъ тотчасъ же, а не захочетъ, и такъ останусь; у нея на дворѣ буду дворникомъ. Ты... ты, Алеша... остановился онъ вдругъ предъ нимъ и, схвативъ

его за плечи, сталъ вдругъ съ силою трясти его: — да знаешь ли ты, невинный ты мальчикъ, что все это бредъ, немыслимый бредъ, ибо тутъ трагедія! Узнай же, Алексѣй, что я могу быть низкимъ человѣкомъ, со страстями низкими и погибшими, но воромъ, карманнымъ воромъ, воришкой по переднимъ, Дмитрій Карамазовъ не можетъ быть никогда. Ну, такъ узнай же теперь, что я воришка, я воръ по карманамъ и по переднимъ! Какъ разъ предъ тѣмъ какъ я Грушеньку пошелъ бить, призываетъ меня въ то самое утро Катерина Ивановна, и въ ужасномъ секретѣ, чтобы покамѣстъ никто не зналъ (для чего, не знаю, видно такъ ей было нужно), проситъ меня съѣздить въ губернскій городъ и тамъ по почтѣ послать три тысячи Агаѳьѣ Ивановнѣ, въ Москву, потому въ городъ, чтобъ здѣсь и не знали. Вотъ съ этими-то тремя тысячами въ карманѣ я и очутился тогда у Грушеньки, на нихъ и въ Мокрое съѣздили. Потомъ я сдѣлалъ видъ, что слеталъ въ городъ, но расписки почтовой ей не представилъ, сказалъ, что послалъ, расписку принесу, и до сихъ поръ не несу, забылъ-съ. Теперь, какъ ты думаешь, вотъ ты сегодня пойдешь и ей скажешь: „приказали вамъ кланяться", а она тебѣ: „А деньги?" Ты еще могъ бы сказать ей: „это низкій сладострастникъ, и съ неудержимыми чувствами подлое существо. Онъ тогда не послалъ ваши деньги, а растратилъ, потому что удержаться не могъ, какъ низкое животное, но все-таки ты могъ бы прибавить: зато онъ не воръ, вотъ ваши три тысячи, посылаетъ обратно, пошлите сами Агаѳьѣ Ивановнѣ, а самъ велѣлъ кланяться." А теперь вдругъ она: „а гдѣ деньги?"

— Митя, ты несчастенъ, да! Но все же не столько сколько ты думаешь, — не убивай себя отчаяніемъ, не убивай!

— А что ты думаешь, застрѣлюсь, какъ не достану трехъ тысячъ отдать? Въ томъ-то и дѣло, что не застрѣлюсь. Не въ силахъ теперь, потомъ, можетъ быть, а теперь я къ Грушенькѣ пойду... Пропадай мое сало!

— А у ней?

— Буду мужемъ ея, въ супруги удостоюсь, а коли придетъ любовникъ, выйду въ другую комнату. У ея пріятелей буду калоши грязныя обчищать, самоваръ раздувать, на посылкахъ бѣгать...

— Катерина Ивановна все пойметъ, торжественно проговорилъ вдругъ Алеша, — пойметъ всю глубину во всемъ

этомъ горѣ и примирится. У нея высшій умъ, потому что нельзя быть несчастнѣе тебя, она увидитъ сама.

— Не помирится она совсѣмъ, осклабился Митя.—Тутъ, братъ, есть нѣчто, съ чѣмъ нельзя никакой женщинѣ примириться. А знаешь что̀ всего лучше сдѣлать?

— Что̀?

— Три тысячи ей отдать.

— Гдѣ же взять-то? Слушай, у меня есть двѣ тысячи, Иванъ дастъ тоже тысячу, вотъ и три, возьми и отдай.

— А когда онѣ прибудутъ, твои три тысячи? Ты еще и несовершеннолѣтній вдобавокъ, а надо непремѣнно, непремѣнно, чтобы ты сегодня уже ей откланялся, съ деньгами или безъ денегъ, потому что я дальше тянуть не могу, дѣло на такой точкѣ стало. Завтра уже поздно, поздно. Я тебя къ отцу пошлю.

— Къ отцу?

— Да, къ отцу прежде нея. У него три тысячи и спроси.

— Да вѣдь онъ, Митя, не дастъ.

— Еще бы далъ, знаю, что не дастъ. Знаешь ты, Алексѣй, что̀ значитъ отчаяніе?

— Знаю.

— Слушай: юридически онъ мнѣ ничего не долженъ. Все я у него выбралъ, все, я это знаю. Но вѣдь нравственно-то долженъ онъ мнѣ, такъ иль не такъ? Вѣдь онъ съ материныхъ двадцати восьми тысячъ пошелъ и сто тысячъ нажилъ. Пусть онъ мнѣ дастъ только три тысячи изъ двадцати восьми, только три, и душу мою изъ ада извлечетъ, и зачтется это ему за многіе грѣхи! Я же на этихъ трехъ тысячахъ, вотъ тебѣ великое слово,—покончу, и не услышитъ онъ ничего обо мнѣ болѣе вовсе. Въ послѣдній разъ случай ему даю быть отцомъ. Скажи ему, что самъ Богъ ему этотъ случай посылаетъ.

— Митя, онъ ни за что̀ не дастъ.

— Знаю, что не дастъ, въ совершенствѣ знаю. А теперь особенно. Мало того, я вотъ что̀ еще знаю: теперь, надняхъ только, всего только, можетъ быть, вчера, онъ въ первый разъ узналъ *серьезно* (подчеркни серьезно), что Грушенька-то въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не шутитъ и за меня замужъ захочетъ прыгнуть. Знаетъ онъ этотъ характеръ, знаетъ эту кошку. Ну, такъ неужто жъ онъ мнѣ вдобавокъ и деньги дастъ, чтобъ этакому случаю способствовать, тогда какъ самъ онъ отъ нея безъ памяти? Но и этого еще мало, я еще больше тебѣ могу привесть: я

знаю, что у него ужъ дней пять какъ вынуты три тысячи рублей, размѣнены въ сотенныя кредитки и упакованы въ большой пакетъ, подъ пятью печатями, а сверху красною тесемочкой на-крестъ перевязаны. Видишь, какъ подробно знаю! На пакетѣ же надписано: „Ангелу моему, Грушенькѣ, коли захочетъ придти“, самъ нацарапалъ, въ тишинѣ и въ тайнѣ, и никто-то не знаетъ, что у него деньги лежатъ, кромѣ лакея Смердякова, въ честность котораго онъ вѣритъ какъ въ себя самого. Вотъ онъ ужъ третій аль четвертый день Грушеньку ждетъ, надѣется, что придетъ за пакетомъ, далъ онъ ей знать, а та знать дала, что „можетъ-де и приду“. Такъ вѣдь если она придетъ къ старику, развѣ я могу тогда жениться на ней? Понимаешь теперь зачѣмъ, значитъ, я здѣсь на секретѣ сижу и что́ именно сторожу?

— Ее?

— Ее. У этихъ шлюхъ, здѣшнихъ хозяекъ, нанимаетъ каморку Ѳома. Ѳома изъ нашихъ мѣстъ, нашъ бывшій солдатъ. Онъ у нихъ прислуживаетъ, ночью сторожитъ, а днемъ тетеревей ходитъ стрѣлять, да тѣмъ и живетъ. Я у него тутъ и засѣлъ; ни ему, ни хозяйкамъ, секретъ неизвѣстенъ, то-есть что̀ я здѣсь сторожу.

— Одинъ Смердяковъ знаетъ?

— Онъ одинъ. Онъ мнѣ и знать дастъ, коль та къ старику придетъ.

— Это онъ тебѣ про пакетъ разсказалъ?

— Онъ. Величайшій секретъ. Даже Иванъ не знаетъ ни о деньгахъ, ни о чемъ. А старикъ Ивана въ Чермашню посылаетъ на два, на три дня прокатиться: объявился покупщикъ на рощу, срубить ее за восемь тысячъ, вотъ и упрашиваетъ старикъ Ивана: „помоги, дескать, съѣзди самъ“ денька на два, на три, значитъ. Это онъ хочетъ, чтобы Грушенька безъ него пришла.

— Стало быть, онъ и сегодня ждетъ Грушеньку?

— Нѣтъ, сегодня она не придетъ, есть примѣты. Навѣрно не придетъ! крикнулъ вдругъ Митя.—Такъ и Смердяковъ полагаетъ. Отецъ теперь пьянствуетъ, сидитъ за столомъ съ братомъ Иваномъ. Сходи, Алексѣй, спроси у него эти три тысячи...

— Митя, милый, что̀ съ тобой! воскликнулъ Алеша, вскакивая съ мѣста и всматриваясь въ изступленнаго Дмитрія Ѳедоровича. Одно мгновеніе онъ думалъ, что тотъ помѣшался.

— Что ты? Я не помѣшанъ въ умѣ, пристально и даже какъ-то торжественно смотря, произнесъ Дмитрій Ѳедоровичъ.—Небось, я тебя посылаю къ отцу и знаю что говорю: я чуду вѣрю.

— Чуду?

— Чуду Промысла Божьяго. Богу извѣстно мое сердце. Онъ видитъ все мое отчаяніе. Онъ всю эту картину видитъ. Неужели Онъ попуститъ совершиться ужасу? Алеша, я чуду вѣрю, иди!

— Я пойду. Скажи, ты здѣсь будешь ждать?

— Буду, понимаю, что не скоро, что нельзя этакъ придти и прямо бухъ! Онъ теперь пьянъ. Буду ждать и три часа, и четыре, и пять, и шесть, и семь, но только знай, что сегодня, хотя бы даже и въ полночь, ты явишься къ Катеринѣ Ивановнѣ, *съ деньгами или безъ денегъ*, и скажешь: „велѣлъ вамъ кланяться". Я именно хочу, чтобъ ты этотъ стихъ сказалъ: „велѣлъ, дескать, кланяться".

— Митя! А вдругъ Грушенька придетъ сегодня... не сегодня, такъ завтра, аль послѣзавтра?

— Грушенька? Посмотрю, ворвусь и помѣшаю...

— А если...

— А коль если, такъ убью. Такъ не переживу.

— Кого убьешь?

— Старика. Ее не убью.

— Братъ, что ты говоришь!

— Я вѣдь не знаю, не знаю... Можетъ быть, не убью, а можетъ убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ станетъ своимъ лицомъ въ ту самую минуту. Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь. Вотъ и не удержусь...

— Я пойду, Митя. Я вѣрю, что Богъ устроитъ какъ знаетъ лучше, чтобы не было ужаса.

— А я буду сидѣть и чуда ждать. Но если не свершится, то...

Алеша, задумчивый, направился къ отцу.

VI.

Смердяковъ.

Онъ и вправду засталъ еще отца за столомъ. Столъ же былъ по всегдашнему обыкновенію накрытъ въ залѣ, хотя въ домѣ находилась и настоящая столовая. Эта зала была самая большая въ домѣ комната, съ какою-то старинною

претензіей меблированная. Мебель была древнѣйшая, бѣлая, съ красною, ветхою, полушелковою обивкой. Въ простѣнкахъ между оконъ вставлены были зеркала въ вычурныхъ рамахъ старинной рѣзьбы, тоже бѣлыхъ съ золотомъ. На стѣнахъ, обитыхъ бѣлыми бумажными и во многихъ мѣстахъ уже треснувшими обоями, красовались два большіе портрета,—одного какого-то князя, лѣтъ тридцать назадъ бывшаго генералъ-губернаторомъ мѣстнаго края, и какого-то архіерея, давно уже тоже почившаго. Въ переднемъ углу помѣщалось нѣсколько иконъ, предъ которыми на ночь зажигалась лампадка... не столько изъ благоговѣнія, сколько для того, чтобы комната на ночь была освѣщена. Ѳедоръ Павловичъ ложился по ночамъ очень поздно, часа въ три, въ четыре утра, а до тѣхъ поръ все, бывало, ходитъ по комнатѣ или сидитъ въ креслахъ и думаетъ. Такую привычку сдѣлалъ. Ночевалъ онъ нерѣдко совсѣмъ одинъ въ домѣ, отсылая слугъ во флигель, но большею частью съ нимъ оставался по ночамъ слуга Смердяковъ, спавшій въ передней на залавкѣ. Когда вошелъ Алеша, весь обѣдъ былъ уже покончень, но подано было варенье и кофе. Ѳедоръ Павловичъ любилъ послѣ обѣда сладости съ коньячкомъ. Иванъ Ѳедоровичъ находился тутъ же за столомъ и тоже кушалъ кофе. Слуги, Григорій и Смердяковъ, стояли у стола. И господа, и слуги были въ видимомъ и необыкновенно веселомъ одушевленіи. Ѳедоръ Павловичъ громко хохоталъ и смѣялся; Алеша еще изъ сѣней услышалъ его визгливый, столь знакомый ему прежде смѣхъ, и тотчасъ же заключилъ, по звукамъ смѣха, что отецъ еще далеко не пьянъ, а пока лишь всего благодушествуетъ.

— Вотъ и онъ, вотъ и онъ! завопилъ Ѳедоръ Павловичъ, вдругъ страшно обрадовавшись Алешѣ. —Присоединяйся къ намъ, садись, кофейку,—постный, вѣдь, постный, да горячій, да славный! Коньячку не приглашаю, ты постникъ, а хочешь, хочешь? Нѣтъ, я лучше тебѣ ликеру дамъ, знатный!—Смердяковъ, сходи въ шканъ, на второй полкѣ направо, вотъ ключи, живѣй!

Алеша сталъ было отъ ликера отказываться.

— Все равно подадутъ, не для тебя, такъ для насъ, сіялъ Ѳедоръ Павловичъ.—Да постой, ты обѣдалъ аль нѣтъ?

— Обѣдалъ, сказалъ Алеша, съѣвшій, по правдѣ, всего только ломоть хлѣба и выпившій стаканъ квасу на игуменской кухнѣ.—Вотъ я кофе горячаго выпью съ охотой.

— Милый! Молодецъ! Онъ кофейку выпьетъ. Не подогрѣть ли? Да нѣтъ, и теперь кипитъ. Кофе знатный, Смердяковскій. На кофе да на кулебяки Смердяковъ у меня артистъ, да на уху еще, правда. Когда-нибудь на уху приходи, заранѣе дай знать... Да постой, постой, вѣдь я тебѣ давеча совсѣмъ велѣлъ сегодня же переселиться съ тюфякомъ и подушками? Тюфякъ-то притащилъ? хе-хе-хе!..

— Нѣтъ, не принесъ, усмѣхнулся и Алеша.

— А, испугался, испугался-таки давеча, испугался? Ахъ ты, голубчикъ, да я-ль тебя обидѣть могу. Слушай, Иванъ, не могу я видѣть какъ онъ этакъ смотритъ въ глаза и смѣется, не могу. Утроба у меня вся начинаетъ на него смѣяться, люблю его! Алешка, дай я тебѣ благословеніе родительское дамъ.

Алешка всталъ, но Ѳедоръ Павловичъ успѣлъ одуматься.

— Нѣтъ, нѣтъ, я только теперь перекрещу тебя, вотъ такъ, садись. Ну, теперь тебѣ удовольствіе будетъ, и именно на твою тему. Насмѣешься. У насъ Валаамова ослица заговорила, да какъ говоритъ-то, какъ говоритъ!

Валаамовою ослицей оказался лакей Смердяковъ. Человѣкъ еще молодой, всего лѣтъ двадцати-четырехъ, онъ былъ страшно нелюдимъ и молчаливъ. Не то, чтобы дикъ или чего-нибудь стыдился, нѣтъ, характеромъ онъ былъ, напротивъ, надмененъ и какъ будто всѣхъ презиралъ. Но вотъ и нельзя миновать, чтобы не сказать о немъ хотя двухъ словъ, и именно теперь. Воспитали его Марѳа Игнатьевна и Григорій Васильевичъ, но мальчикъ росъ „безо всякой благодарности", какъ выражался о немъ Григорій, мальчикомъ дикимъ и смотря на всѣхъ изъ угла. Въ дѣтствѣ онъ очень любилъ вѣшать кошекъ и потомъ хоронить ихъ съ церемоніей. Онъ надѣвалъ для этого простыню, что составляло въ родѣ какъ бы ризы, и пѣлъ и махалъ чѣмъ-нибудь надъ мертвою кошкой, какъ будто кадилъ. Все это потихоньку, въ величайшей тайнѣ. Григорій поймалъ его однажды на этомъ упражненіи и больно наказалъ розгой. Тотъ ушелъ въ уголъ и косился оттуда съ недѣлю. „Не любитъ онъ насъ съ тобой, этотъ извергъ", говорилъ Григорій Марѳѣ Игнатьевнѣ, „да и никого не любитъ. Ты развѣ человѣкъ", обращался онъ вдругъ прямо къ Смердякову,—„ты не человѣкъ, ты изъ банной мокроты завелся, вотъ ты кто"... Смердяковъ, какъ оказалось впослѣдствіи, никогда не могъ простить ему этихъ словъ. Григорій выучилъ его грамотѣ и, когда минуло ему лѣтъ

двѣнадцать, сталъ учить Священной Исторіи. Но дѣло кончилось тотчасъ же ничѣмъ. Какъ-то однажды, всего только на второмъ иль на третьемъ урокѣ, мальчикъ вдругъ усмѣхнулся.

— Чего ты? спросилъ Григорій, грозно выглядывая на него изъ-подъ очковъ.

— Ничего-съ. Свѣтъ создалъ Господь Богъ въ первый день, а солнце, луну и звѣзды на четвертый день. Откуда-же свѣтъ-то сіялъ въ первый день?

Григорій остолбенѣлъ. Мальчикъ насмѣшливо глядѣлъ на учителя. Даже было во взглядѣ его что-то высокомѣрное. Григорій не выдержалъ. „А вотъ откуда!“ крикнулъ онъ и неистово ударилъ ученика по щекѣ. Мальчикъ вынесъ пощечину, не возразивъ ни слова, но забился опять въ уголъ на нѣсколько дней. Какъ разъ случилось такъ, что черезъ недѣлю у него объявилась падучая болѣзнь въ первый разъ въ жизни, не покидавшая его потомъ на всю жизнь. Узнавъ объ этомъ, Ѳедоръ Павловичъ какъ будто вдругъ измѣнилъ на мальчика свой взглядъ. Прежде онъ какъ-то равнодушно глядѣлъ на него, хотя никогда не бранилъ и, встрѣчая, всегда давалъ копеечку. Въ благодушномъ настроеніи иногда посылалъ со стола мальчишкѣ чего-нибудь сладенькаго. Но тутъ, узнавъ о болѣзни, рѣшительно сталъ о немъ заботиться, пригласилъ доктора, сталъ было лѣчить, но оказалось, что вылѣчить невозможно. Среднимъ числомъ припадки приходили по разу въ мѣсяцъ и въ разные сроки. Припадки тоже бывали разной силы,—иногда легкіе, другіе очень жестокіе. Ѳедоръ Павловичъ запретилъ наистрожайше Григорію наказывать мальчишку тѣлесно и сталъ пускать его къ себѣ на верхъ. Учить его чему бы то ни было тоже пока запретилъ. Но разъ, когда мальчику было уже лѣтъ пятнадцать, замѣтилъ Ѳедоръ Павловичъ, что тотъ бродитъ около шкапа съ книгами, и сквозь стекло читаетъ ихъ названія. У Ѳедора Павловича водилось книгъ довольно, томовъ сотня слишкомъ, но никто никогда не видалъ его самого за книгой. Онъ тотчасъ же передалъ ключъ отъ шкапа Смердякову. „Ну, и читай, будешь библіотекаремъ, чѣмъ по двору шляться, садись да читай. Вотъ прочти эту“,—и Ѳедоръ Павловичъ вынулъ ему *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*.

Малый прочелъ, но остался недоволенъ, ни разу не усмѣхнулся, напротивъ, кончилъ нахмурившись.

— Что жъ? Не смѣшно? спросилъ Ѳедоръ Павловичъ.

Смердяковъ молчалъ.

— Отвѣчай, дуракъ.

— Про неправду все написано, — ухмыляясь, прошамкалъ Смердяковъ.

— Ну, и убирайся къ чорту, лакейская ты душа. Стой, вотъ тебѣ *Всеобщая Исторія* Смарагдова, тутъ ужъ все правда, читай.

Но Смердяковъ не прочелъ и десяти страницъ изъ Смарагдова, показалось скучно. Такъ и закрылся опять шкапъ съ книгами. Въ скорости Марѳа и Григорій доложили Ѳедору Павловичу, что въ Смердяковѣ мало-по-малу проявилась вдругъ ужасная какая-то брезгливость: сидитъ за супомъ, возьметъ ложку и ищетъ-ищетъ въ супѣ, нагибается, высматриваетъ, почерпнетъ ложку и подыметъ на свѣтъ.

— Тараканъ, что ли? спроситъ, бывало, Григорій,

— Муха, можетъ, замѣтитъ Марѳа.

Чистоплотный юноша никогда не отвѣчалъ, но и съ хлѣбомъ, и съ мясомъ, и со всѣми кушаньями оказалось то же самое: подыметъ, бывало, кусокъ на вилкѣ на свѣтъ, разсматриваетъ точно въ микроскопъ, долго, бывало, рѣшается и, наконецъ-то, рѣшится въ ротъ отправить. „Вишь барченокъ какой объявился“, бормоталъ на него глядя Григорій. Ѳедоръ Павловичъ, услышавъ о новомъ качествѣ Смердякова, рѣшилъ немедленно, что быть ему поваромъ, и отдалъ его въ ученье въ Москву. Въ ученьи онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ и воротился сильно перемѣнившись лицомъ. Онъ вдругъ какъ-то необычайно постарѣлъ, совсѣмъ даже несоразмѣрно съ возрастомъ, сморщился, пожелтѣлъ, сталъ походить на скопца. Нравственно же воротился почти тѣмъ же самымъ, какъ и до отъѣзда въ Москву: все такъ же былъ нелюдимъ и ни въ чьемъ обществѣ не ощущалъ ни малѣйшей надобности. Онъ и въ Москвѣ, какъ передавли потомъ, все молчалъ; сама же Москва его какъ-то чрезвычайно мало заинтересовала, такъ что онъ узналъ въ ней развѣ кое-что, на все остальное и вниманія не обратилъ. Былъ даже разъ въ театрѣ, но молча и съ неудовольствіемъ воротился. Зато прибылъ къ намъ изъ Москвы въ хорошемъ платьѣ, въ чистомъ сюртукѣ и бѣльѣ, очень тщательно вычищалъ самъ щеткой свое платье неизмѣнно по два раза въ день, а сапоги свои опойковые, щегольскіе, ужасно любилъ чистить особенною англійскою

ваксой такъ, чтобъ они сверкали какъ зеркало. Поваромъ онъ оказался превосходнымъ. Ѳедоръ Павловичъ положилъ ему жалованье, и это жалованье Смердяковъ употреблялъ чуть не въ цѣлости на платье, на помаду, на духи и проч. Но женскій полъ онъ, кажется, такъ же презиралъ, какъ и мужской, держалъ себя съ нимъ степенно, почти недоступно. Ѳедоръ Павловичъ сталъ поглядывать на него и съ нѣкоторой другой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что припадки его падучей болѣзни усилились, и въ тѣ дни кушанье готовилось уже Марѳой Игнатьевной, что̀ было Ѳедору Павловичу вовсе не на руку.

— Съ чего у тебя припадки-то чаще? косился онъ иногда на новаго повара, всматриваясь въ его лицо.—Хоть бы ты женился на какой-нибудь, хочешь женю?

Но Смердяковъ на эти рѣчи только блѣднѣлъ отъ досады, но ничего не отвѣчалъ. Ѳедоръ Павловичъ отходилъ, махнувъ рукой. Главное, въ честности его онъ былъ увѣренъ, и это разъ навсегда, въ томъ, что онъ не возьметъ ничего и не украдетъ. Разъ случилось, что Ѳедоръ Павловичъ, пьяненькій, обронилъ на собственномъ дворѣ, въ грязи, три радужныя бумажки, которыя только что получилъ, и хватился ихъ на другой только день; только что бросился искать по карманамъ, а радужныя вдругъ уже лежатъ у него всѣ три на столѣ. Откуда? Смердяковъ поднялъ и еще вчера принесъ. „Ну, братъ, я такихъ какъ ты не видывалъ“—отрѣзалъ тогда Ѳедоръ Павловичъ и подарилъ ему десять рублей. Надо прибавить, что не только въ честности его онъ былъ увѣренъ, но почему-то даже и любилъ его, хотя малый и на него глядѣлъ такъ же косо, какъ и на другихъ, и все молчалъ. Рѣдко, бывало, заговоритъ. Если бы въ то время кому-нибудь вздумалось спросить, глядя на него: чѣмъ этотъ парень интересуется и что̀ всего чаще у него на умѣ, то, право, невозможно было бы рѣшить это, на него глядя. А между тѣмъ, онъ иногда въ домѣ же, аль хоть на дворѣ или на улицѣ, случалось, останавливался, задумывался и стоялъ такъ по десятку даже минутъ. Физіономистъ, вглядѣвшись въ него, сказалъ бы, что тутъ ни думы, ни мысли нѣтъ, а такъ какое-то созерцаніе. У живописца Крамского есть одна замѣчательная картина, подъ названіемъ „Созерцатель“: изображенъ лѣсъ зимой, и въ лѣсу, на дорогѣ, въ оборванномъ кафтанишкѣ и лаптишкахъ стоитъ одинъ-одинёшенекъ, въ глубочайшемъ уединеніи, забред-

шій мужиченка, стоитъ и какъ бы задумался, но онъ не думаетъ, а что-то „созерцаетъ“. Если бъ его толкнуть, онъ вздрогнулъ бы и посмотрѣлъ на васъ точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчасъ бы и очнулся, а спросили бы его, о чемъ онъ это стоялъ и думалъ, то навѣрно бы ничего не припомнилъ, но зато навѣрно бы затаилъ въ себѣ то впечатлѣніе, подъ которымъ находился во время своего созерцанія. Впечатлѣнія же эти ему дороги и онъ навѣрно ихъ копитъ, непримѣтно и даже не сознавая,—для чего и зачѣмъ, конечно, тоже не знаетъ: можетъ, вдругъ, накопивъ впечатлѣній за многіе годы, броситъ все и уйдетъ въ Іерусалимъ, скитаться и спасаться, а, можетъ, и село родное вдругъ спалитъ, а можетъ быть, случится и то, и другое вмѣстѣ. Созерцателей въ народѣ довольно. Вотъ однимъ изъ такихъ созерцателей былъ навѣрно и Смердяковъ, и навѣрно тоже копилъ впечатлѣнія свои съ жадностью, почти самъ еще не зная зачѣмъ.

VII.

Контроверза.

Но Валаамова ослица вдругъ заговорила. Тема случилась странная: Григорій, поутру, забирая въ лавкѣ у купца Лукьянова товаръ, услышалъ отъ него объ одномъ русскомъ солдатѣ, что тотъ, гдѣ-то далеко на границѣ, у азіятовъ, попавъ къ нимъ въ плѣнъ и будучи принуждаемъ ими, подъ страхомъ мучительной и немедленной смерти, отказаться отъ христіанства и перейти въ исламъ, не согласился измѣнить своей вѣрѣ и принялъ муки, далъ содрать съ себя кожу и умеръ, славя и хваля Христа,— о каковомъ подвигѣ и было напечатано какъ разъ въ полученной въ тотъ день газетѣ. Объ этомъ вотъ и заговорилъ за столомъ Григорій. Ѳедоръ Павловичъ любилъ и прежде, каждый разъ послѣ стола, за десертомъ, посмѣяться и поговорить хотя бы даже съ Григоріемъ. Въ этотъ же разъ былъ въ легкомъ и пріятно раскидывающемся настроеніи. Попивая коньячокъ и выслушавъ сообщенное извѣстіе, онъ замѣтилъ, что такого солдата слѣдовало бы произвести сейчасъ же во святые, и снятую кожу его препроводить въ какой-нибудь монастырь: „Тото народу повалитъ и денегъ“. Григорій поморщился, видя, что Ѳедоръ Павловичъ нисколько не умилился, а по всегдашней привычкѣ своей начинаетъ кощунствовать. Какъ

вдругъ Смердяковъ, стоявшій у двери, усмѣхнулся. Смердяковъ весьма часто и прежде допускался стоять у стола, то-есть подъ конецъ обѣда. Съ самаго же прибытія въ нашъ городъ Ивана Ѳедоровича, сталъ являться къ обѣду почти каждый разъ.

— Ты чего? спросилъ Ѳедоръ Павловичъ, мигомъ замѣтивъ усмѣшку и понявъ, конечно, что относится она къ Григорію.

— А я насчетъ того-съ, заговорилъ вдругъ громко и неожиданно Смердяковъ,—что если этого похвальнаго солдата подвигъ былъ и очень великъ-съ, то никакого опять-таки, по-моему, не было бы грѣха и въ томъ, если бъ и отказаться при этой случайности отъ Христова, примѣрно, имени и отъ собственнаго крещенія своего, чтобы спасти тѣмъ самымъ свою жизнь для добрыхъ дѣлъ, коими въ теченіе лѣтъ и искупить малодушіе.

— Это какъ же не будетъ грѣха? Врешь, за это тебя прямо въ адъ и тамъ какъ баранину поджаривать станутъ, подхватилъ Ѳедоръ Павловичъ.

И вотъ тутъ-то и вошелъ Алеша. Ѳедоръ Павловичъ, какъ мы видѣли, ужасно обрадовался Алешѣ.

— На твою тему, на твою тему! радостно хихикалъ онъ, усаживая Алешу слушать.

— Насчетъ баранины это не такъ-съ, да и ничего тамъ за это не будетъ-съ, да и не должно быть такого, если по всей справедливости, солидно замѣтилъ Смердяковъ.

— Какъ такъ по всей справедливости, крикнулъ еще веселѣй Ѳедоръ Павловичъ, подталкивая колѣномъ Алешу.

— Подлецъ онъ, вотъ онъ кто! вырвалось вдругъ у Григорія. Гнѣвно посмотрѣлъ онъ Смердякову прямо въ глаза.

— Насчетъ подлеца повремените-съ, Григорій Васильевичъ, спокойно и сдержанно отразилъ Смердяковъ, — а лучше разсудите сами, что разъ я попалъ къ мучителямъ рода христіанскаго въ плѣнъ, и требуютъ они отъ меня имя Божіе проклять и отъ святого крещенія своего отказаться, то я вполнѣ уполномоченъ въ томъ собственнымъ разсудкомъ, ибо никакого тутъ и грѣха не будетъ.

— Да ты ужъ это говорилъ, ты не расписывай, а докажи! кричалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Бульонщикъ! прошепталъ Григорій презрительно.

— Насчетъ бульонщика тоже повремените-съ, а, не

ругаясь, разсудите сами, Григорій Васильевичъ. Ибо едва только я скажу мучителямъ: „Нѣтъ, я не христіанинъ и истиннаго Бога моего проклинаю“, какъ тотчасъ же я самымъ высшимъ Божьимъ судомъ немедленно и спеціально становлюсь анаѳема проклятъ и отъ церкви святой отлученъ, совершенно какъ бы иноязычникомъ, такъ даже, что въ тотъ же мигъ-съ,—не то что какъ только произнесу, а только что помыслю произнести, такъ что даже самой четверти секунды тутъ не пройдетъ-съ, какъ я отлученъ,—такъ или не такъ, Григорій Васильевичъ?

Онъ съ видимымъ удовольствіемъ обращался къ Григорію, отвѣчая въ сущности на одни лишь вопросы Ѳедора Павловича и очень хорошо понимая это, но нарочно дѣлая видъ, что вопросы эти какъ будто задаетъ ему Григорій.

— Иванъ! крикнулъ вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, — нагнись ко мнѣ къ самому уху. Это онъ для тебя все это устроилъ, хочетъ, чтобы ты его похвалилъ. Ты похвали.

Иванъ Ѳедоровичъ выслушалъ совершенно серьезно восторженное сообщеніе папаши.

— Стой, Смердяковъ, помолчи на время, крикнулъ опять Ѳедоръ Павловичъ. — Иванъ, опять ко мнѣ къ самому уху нагнись.

Иванъ Ѳедоровичъ вновь съ самымъ серьезнѣйшимъ видомъ нагнулся.

— Люблю тебя такъ же, какъ и Алешку. Ты не думай, что я тебя не люблю. Коньячку?

— Дайте. „Однако, самъ-то ты порядочно нагрузился“, пристально поглядѣлъ на отца Иванъ Ѳедоровичъ. Смердякова же онъ наблюдалъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

— Анаѳема ты проклятъ и теперь, разразился вдругъ Григорій, — и какъ же ты послѣ того, подлецъ, разсуждать смѣешь, если...

— Не бранись, Григорій, не бранись! прервалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— Вы переждите, Григорій Васильевичъ, хотя бы самое даже малое время-съ, и прослушайте дальше, потому что я всего не окончилъ. Потому, въ самое то время, какъ я Богомъ стану немедленно проклятъ-съ, въ самый, тотъ самый высшій моментъ-съ, я уже сталъ все равно какъ бы иноязычникомъ, и крещеніе мое съ меня снимается и ни во что̀ вмѣняется,—такъ ли хоть это-съ?

— Заключай, братъ, скорѣй, заключай, поторопилъ Ѳедоръ Павловичъ, съ наслажденіемъ хлебнувъ изъ рюмки.

— А коли я ужъ не христіанинъ, то, значитъ, я и не солгалъ мучителямъ, когда они спрашивали: „Христіанинъ я или не христіанинъ“, ибо я уже былъ самимъ Богомъ совлеченъ моего христіанства, по причинѣ одного лишь замысла, и прежде чѣмъ даже слово успѣлъ мое молвить мучителямъ. А коли я уже разжалованъ, то какимъ же манеромъ и по какой справедливости станутъ спрашивать съ меня на томъ свѣтѣ, какъ съ христіанина, за то, что я отрекся Христа, тогда какъ я за помышленіе только одно, еще до отреченія, былъ уже крещенія моего совлеченъ? Коли я ужъ не христіанинъ, значитъ, я и не могу отъ Христа отрекнуться, ибо не отъ чего тогда мнѣ и отрекаться будетъ. Съ татарина поганаго кто же станетъ спрашивать, Григорій Васильевичъ, хотя бы и въ небесахъ, за то, что онъ не христіаниномъ родился, и кто же станетъ его за это наказывать, разсуждая, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. Да и самъ Богъ Вседержитель съ татарина если и будетъ спрашивать, когда тотъ помретъ, то полагаю какимъ-нибудь самымъ малымъ наказаніемъ (такъ какъ нельзя же совсѣмъ не наказать его), разсудивъ, что вѣдь не повиненъ же онъ въ томъ, если отъ поганыхъ родителей поганымъ на свѣтъ произошелъ. Не можетъ же Господь Богъ насильно взять татарина и говорить про него, что и онъ былъ христіаниномъ? Вѣдь значило бы тогда, что Господь Вседержитель скажетъ сущую неправду. А развѣ можетъ Господь Вседержитель неба и земли произнести ложь хотя бы въ одномъ только какомъ-нибудь словѣ-съ?

Григорій остолбенѣлъ и смотрѣлъ на оратора, выпучивъ глаза. Онъ хоть и не понималъ хорошо что говорятъ, но что-то изъ всей этой дребедени вдругъ понялъ, и остановился съ видомъ человѣка вдругъ стукнувшагося лбомъ объ стѣну. Ѳедоръ Павловичъ допилъ рюмку и залился визгливымъ смѣхомъ.

— Алешка, Алешка, каково! Ахъ ты, казуистъ! Это онъ былъ у іезуитовъ гдѣ-нибудь, Иванъ. Ахъ ты, іезуитъ смердящій, да кто же тебя научилъ? Но только ты врешь, казуистъ, врешь, врешь и врешь. Не плачь, Григорій, мы его сію же минутой разобьемъ въ дымъ и прахъ. Ты мнѣ вотъ что скажи, ослица: пусть ты предъ мучителями правъ, но вѣдь ты самъ-то въ себѣ все же отрекся отъ вѣры

своей и самъ же говоришь, что въ тотъ же часъ былъ анаѳема проклятъ, а коли разъ ужъ анаѳема, такъ тебя за эту анаѳему по головкѣ въ аду не погладятъ. Объ этомъ ты какъ полагаешь, іезуитъ ты мой прекрасный?

— Это сумлѣнія нѣтъ-съ, что самъ въ себѣ я отрекся, а все же никакого и тутъ спеціально грѣха не было-съ, а коли былъ грѣшокъ, то самый обыкновенный весьма-съ.

— Какъ такъ обыкновенный весьма-съ!

— Врешь пр-р-роклятый, прошипѣлъ Григорій.

— Разсудите сами, Григорій Васильевичъ; —ровно и степенно, сознавая побѣду, но какъ-бы и великодушничая съ разбитымъ противникомъ, продолжалъ Смердяковъ, — разсудите сами, Григорій Васильевичъ, вѣдь сказано же въ Писаніи, что коли имѣете вѣру хотя бы на самое малое даже зерно и притомъ скажете сей горѣ, чтобы съѣхала въ море, то и съѣдетъ, нимало не медля, по первому же вашему приказанію. Что̀ же, Григорій Васильевичъ, коли я не вѣрующій, а вы столь вѣрующій что меня безпрерывно даже ругаете, то попробуйте сами-съ сказать сей горѣ, чтобы не то чтобы въ море (потому что до моря отсюда далеко-съ), но даже хоть въ рѣчку нашу вонючую съѣхала, вотъ что̀ у насъ за садомъ течетъ: то и увидите сами въ тотъ же моментъ, что ничего не съѣдетъ-съ, а все останется въ прежнемъ порядкѣ и цѣлости, сколько бы вы не кричали-съ. А это означаетъ, что и вы не вѣруете, Григорій Васильевичъ, надлежащимъ манеромъ, а лишь другихъ за то всячески ругаете. Опять-таки и то взямши, что никто въ наше время, не только вы-съ, но и рѣшительно никто, начиная съ самыхъ даже высокихъ лицъ до самаго послѣдняго мужика-съ, не сможетъ спихнуть горы въ море, кромѣ развѣ какого-нибудь человѣка на всей землѣ, много—двухъ, да и то, можетъ, гдѣ-нибудь тамъ въ пустынѣ египетской въ секретѣ спасаются, такъ что ихъ и не найдешь вовсе,—то коли такъ-съ, коли всѣ остальные выходятъ невѣрующіе, то неужели же всѣхъ сихъ остальныхъ, то-есть населеніе всей земли-съ, кромѣ какихъ-нибудь тѣхъ двухъ пустынниковъ, проклянетъ Господь и при милосердіи Своемъ, столь извѣстномъ, никому изъ нихъ не проститъ? А потому и я уповаю, что, разъ усомнившись, буду прощенъ, когда раскаянія слезы пролью.

— Стой! завизжалъ Ѳедоръ Павловичъ въ апоѳеозѣ восторга:—такъ двухъ-то такихъ, что̀ горы могутъ сдвигать,

ты все-таки полагаешь, что есть они? Иванъ, заруби черту, запиши: весь русскій человѣкъ тутъ сказался!

— Вы совершенно вѣрно замѣтили, что это народная въ вѣрѣ черта, съ одобрительною улыбкой согласился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Соглашаешься! Значитъ, такъ, коли ужъ ты соглашаешься! Алешка, вѣдь правда? Вѣдь совершенно русская вѣра такая?

— Нѣтъ, у Смердякова совсѣмъ не русская вѣра, серьезно и твердо проговорилъ Алеша.

— Я не про вѣру его, я про эту черту, про этихъ двухъ пустынниковъ, про эту одну только черточку: вѣдь это же по-русски, по-русски.

— Да, черта эта совсѣмъ русская, улыбнулся Алеша.

— Червонца стоитъ твое слово, ослица, и пришлю тебѣ его сегодня же, но въ остальномъ ты все-таки врешь, врешь и врешь: знай, дуракъ, что здѣсь мы всѣ отъ легкомыслія лишь не вѣруемъ, потому что намъ некогда: во-первыхъ, дѣла одолѣли, а во-вторыхъ, времени Богъ мало далъ, всего во дню опредѣлилъ только двадцать четыре часа, такъ что некогда и выспаться, не только покаяться. А ты-то тамъ предъ мучителями отрекся, когда больше не о чемъ и думать-то было тебѣ, какъ о вѣрѣ, и когда именно надо было вѣру свою показать! Такъ вѣдь это, братъ, составляетъ, я думаю?

— Составляетъ-то оно составляетъ, но разсудите сами, Григорій Васильевичъ, что вѣдь тѣмъ болѣе и облегчаетъ, что составляетъ. Вѣдь коли бы я тогда вѣровалъ въ самую во истину, какъ вѣровать надлежитъ, то тогда дѣйствительно было бы грѣшно, если бы муки за свою вѣру не принялъ и въ поганую Магометову вѣру перешелъ. Но вѣдь до мукъ и не дошло бы тогда-съ, потому стоило бы мнѣ въ тотъ же мигъ сказать сей горѣ: двинься и подави мучителя, то она бы двинулась и въ тотъ же мигъ его придавила какъ таракана, и пошелъ бы я какъ ни въ чемъ не бывало прочь, воспѣвая и славя Бога. А коли я именно въ тотъ же самый моментъ это все и испробовалъ и нарочно уже кричалъ сей горѣ: подави сихъ мучителей, и та не давила, то какъ же, скажите, я бы въ то время не усомнился, да еще въ такой страшный часъ смертнаго, великаго страха? И безъ того ужъ знаю, что царствія небеснаго въ полнотѣ не достигну (ибо не двинулась же по слову моему гора, значитъ, не очень-то вѣрѣ

моей тамъ вѣрятъ, и не очень ужъ большая награда меня на томъ свѣтѣ ждетъ), для чего же я еще сверхъ того и безо всякой уже пользы кожу съ себя дамъ содрать? Ибо если бы даже кожу мою уже до половины содрали со спины, то и тогда по слову моему или крику не двинулась бы сія гора. Да въ этакую минуту не только что сумлѣніе можетъ найти, но даже отъ страха и самаго разсудка рѣшиться можно, такъ что и разсуждать-то будетъ совсѣмъ невозможно. А, стало быть, чѣмъ я тутъ выйду особенно виноватъ, если, не видя ни тамъ, ни тутъ своей выгоды, ни награды, хоть кожу-то, по крайней мѣрѣ, свою сберегу? А потому, на милость Господню весьма уповая, питаюсь надеждой, что и совсѣмъ прощенъ буду-съ...

VIII.

За коньячкомъ.

Споръ кончился, но странное дѣло, столь развеселившійся Ѳедоръ Павловичъ подъ конецъ вдругъ нахмурился. Нахмурился и хлопнулъ коньячку, и это уже была совсѣмъ лишняя рюмка.

— А убирайтесь вы, іезуиты, вонъ, крикнулъ онъ на слугъ.—Пошелъ, Смердяковъ. Сегодня обѣщанный червонецъ пришлю, а ты пошелъ. Не плачь, Григорій, ступай къ Марѳѣ, она утѣшитъ, спать уложитъ. Не даютъ, канальи, послѣ обѣда въ тишинѣ посидѣть, досадливо отрѣзалъ онъ вдругъ, когда тотчасъ же, по приказу его, удалились слуги.— Смердяковъ за обѣдомъ теперь каждый разъ сюда лѣзетъ, это ты ему столь любопытенъ, чѣмъ ты его такъ заласкалъ? прибавилъ онъ Ивану Ѳедоровичу.

— Ровно ничѣмъ, отвѣтилъ тотъ,—уважать меня вздумалъ; это лакей и хамъ. Передовое мясо, впрочемъ, когда срокъ наступитъ.

— Передовое?

— Будутъ другіе и получше, но будутъ и такіе. Сперва будутъ такіе, а за ними получше.

— А когда срокъ наступитъ?

— Загорится ракета, да и не догоритъ, можетъ быть. Народъ этихъ бульонщиковъ пока не очень-то любитъ слушать.

— То-то, братъ, вотъ этакая Валаамова ослица думаетъ-думаетъ, да и чортъ знаетъ про себя тамъ до чего додумается.

— Мыслей накопитъ,—усмѣхнулся Иванъ.

— Видишь, я вотъ знаю, что онъ и меня терпѣть не можетъ, равно какъ и всѣхъ, и тебя точно такъ же, хотя тебѣ и кажется, что онъ тебя „уважать вздумалъ". Алешку подавно, Алешку онъ презираетъ. Да не украдетъ онъ, вотъ что, не сплетникъ онъ, молчитъ, изъ дому сору не вынесетъ, кулебяки славно печетъ, да къ тому же ко всему и чортъ съ нимъ, по правдѣ-то, такъ стòитъ ли объ немъ говорить?

— Конечно, не стòитъ.

— А что до того, чтò онъ тамъ про себя надумаетъ, то русскаго мужика, вообще говоря, надо пороть. Я это всегда утверждалъ. Мужикъ нашъ мошенникъ, его жалѣть не стòитъ, и хорошо еще, что дерутъ его иной разъ и теперь. Русская земля крѣпка березой. Истребятъ лѣса, пропадетъ земля русская. Я за умныхъ людей стою. Мужиковъ мы драть перестали, съ большого ума, а тѣ сами себя пороть продолжаютъ. И хорошо дѣлаютъ. Въ ту же мѣру мѣрится, въ ту же и возмѣрится, или какъ это тамъ... Однимъ словомъ, возмѣрится. А Россія—свинство. Другъ мой, если бы ты зналъ, какъ я ненавижу Россію... то-есть не Россію, а всѣ эти пороки... а, пожалуй, что и Россію. Tout cela c'est de la cochonnerie. Знаешь, чтò люблю? Я люблю остроуміе.

— Вы опять рюмку выпили. Довольно бы вамъ.

— Подожди, я еще одну, и еще одну, а тамъ и покончу. Нѣтъ, постой, ты меня перебилъ. Въ Мокромъ я проѣздомъ спрашиваю старика, а онъ мнѣ: „Мы оченно, говоритъ, любимъ пуще всего дѣвокъ по приговору пороть, и пороть даемъ все парнямъ. Послѣ эту же, которую понѣ поролъ, завтра парень въ невѣсты беретъ, такъ что оно самимъ дѣвкамъ, говоритъ, у насъ повадно". Каковы маркизы де-Сады, а? А какъ хочешь, оно остроумно. Съѣздить бы и намъ поглядѣть, а? Алешка, ты покраснѣлъ? Не стыдись, дѣтка. Жаль, что давеча я у игумена за обѣдъ не сѣлъ, да монахамъ про Мокрыхъ дѣвокъ не разсказалъ. Алешка, не сердись, что я твоего игумена давеча разобидѣлъ. Меня, братъ, зло беретъ. Вѣдь коли Богъ есть, существуетъ, — ну, конечно, я тогда виноватъ и отвѣчу, а коли нѣтъ Его вовсе-то, такъ ли ихъ еще надо, твоихъ отцовъ-то? Вѣдь съ нихъ мало тогда головы срѣзать, потому что они развитіе задерживаютъ. Вѣришь ли, Иванъ, что это меня въ моихъ чувствахъ терзаетъ. Нѣтъ, ты не вѣришь, потому я вижу по твоимъ глазамъ.

Ты вѣришь людямъ, что я всего только шутъ. Алеша, вѣришь, что я не всего только шутъ.

— Вѣрю, что не всего только шутъ.

— И вѣрю, что вѣришь, и искренно говоришь. Искренно смотришь и искренно говоришь. А Иванъ нѣтъ. Иванъ высокомѣренъ... А все-таки я бы съ твоимъ монастырькомъ покончилъ. Взять бы всю эту мистику да разомъ по всей русской землѣ и упразднить, чтобъ окончательно всѣхъ дураковъ обрезонить. А серебра-то, золота сколько бы на монетный дворъ поступило!

— Да зачѣмъ упразднять? сказалъ Иванъ.

— А чтобъ истина скорѣе возсіяла, вотъ зачѣмъ.

— Да вѣдь коль эта истина возсіяетъ, такъ васъ же перваго сначала ограбятъ, а потомъ... упразднятъ.

— Ба! А вѣдь, пожалуй, ты правъ. Ахъ, я ослица, вскинулся вдругъ Ѳедоръ Павловичъ, слегка ударивъ себя по лбу. — Ну, такъ пусть стоитъ твой монастырекъ, Алешка, коли такъ. А мы, умные люди, будемъ въ теплѣ сидѣть, да коньячкомъ пользоваться. Знаешь ли, Иванъ, что это самимъ Богомъ, должно быть, непремѣнно нарочно такъ устроено? Иванъ, говори: есть Богъ или нѣтъ? Стой: навѣрно говори, серьезно говори! Чего опять смѣешься?

— Смѣюсь я тому, какъ вы сами давеча остроумно замѣтили о вѣрѣ Смердякова въ существованіе двухъ старцевъ, которые могутъ горы сдвигать.

— Такъ развѣ теперь похоже?

— Очень.

— Ну, такъ, значитъ, и я русскій человѣкъ, и у меня русская черта, и тебя, философа, можно тоже на своей чертѣ поймать въ этомъ же родѣ. Хочешь, поймаю. Побьемся объ закладъ, что завтра же поймаю. А все-таки говори, есть Богъ или нѣтъ? Только серьезно! Мнѣ надо теперь серьезно.

— Нѣтъ, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

— Иванъ, а безсмертіе есть, ну, тамъ какое-нибудь, ну, хоть маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— То-есть совершеннѣйшій нуль или нѣчто. Можетъ-быть, нѣчто какое-нибудь есть? Все же вѣдь не ничто!

— Совершенный нуль.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

— А Богъ и безсмертіе?

— И Богъ, и безсмертіе.

— Гм! Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ. Господи, подумать только о томъ, сколько отдалъ человѣкъ вѣры, сколько всякихъ силъ даромъ на эту мечту, и это столько ужъ тысячъ лѣтъ! Кто же это такъ смѣется надъ человѣкомъ, Иванъ? Въ послѣдній разъ и рѣшительно: есть Богъ или нѣтъ? Я въ послѣдній разъ!

— И въ послѣдній разъ нѣтъ.

— Кто же смѣется надъ людьми, Иванъ?

— Чортъ, должно быть, усмѣхнулся Иванъ Ѳедоровичъ.

— А чортъ есть?

— Нѣтъ, и чорта нѣтъ.

— Жаль. Чортъ возьми, что̀ бъ я послѣ того сдѣлалъ съ тѣмъ, кто первый выдумалъ Бога! Повѣсить его мало на горькой осинѣ.

— Цивилизаціи бы тогда совсѣмъ не было, если бы не выдумали Бога.

— Не было бы? Это безъ Бога-то?

— Да. И коньячку бы не было. А коньякъ все-таки у васъ взять придется.

— Постой, постой, постой, милый, еще одну рюмочку. Я Алешу оскорбилъ. Ты не сердишься, Алексѣй? Милый Алексѣйчикъ ты мой, Алексѣйчикъ!

— Нѣтъ, не сержусь. Я ваши мысли знаю. Сердце у васъ лучше головы.

— У меня-то сердце лучше головы? Господи, да еще кто это говоритъ? Иванъ, любишь ты Алешку?

— Люблю.

— Люби (Ѳедоръ Павловичъ сильно хмѣлѣлъ). — Слушай, Алеша, я старцу твоему давеча грубость сдѣлалъ. Но я былъ въ волненіи. А вѣдь въ старцѣ этомъ есть остроуміе, какъ ты думаешь, Иванъ?

— Пожалуй, что и есть.

— Есть, есть, il y a du Piron là-dedans. Это іезуитъ, русскій то-есть. Какъ у благороднаго существа, въ немъ это затаенное негодованіе кипитъ на то, что надо представляться... святыню на себя натягивать.

— Да вѣдь онъ же вѣруетъ въ Бога.

— Ни на грошъ. А ты не зналъ? Да онъ всѣмъ гово-

ритъ это самъ, то-есть не всѣмъ, а всѣмъ умнымъ людямъ, которые пріѣзжаютъ. Губернатору Шульцу онъ прямо отрѣзалъ: „credo, да не знаю во что̀“.

— Неужто?

— Именно такъ. Но я его уважаю. Есть въ немъ что-то Мефистофельское или лучше изъ *Героя нашего времени*... Арбенинъ, али какъ тамъ... то-есть, видишь, онъ сладострастникъ; онъ до того сладострастникъ, что я бы и теперь за дочь мою побоялся, аль за жену, если бы къ нему исповѣдываться пошла. Знаешь, какъ начнетъ разсказывать... Третьяго года онъ насъ зазвалъ къ себѣ на чаекъ, да съ ликерцемъ (барыни ему ликеръ присылаютъ), да какъ пустился расписывать старину, такъ мы животики надорвали... Особенно какъ онъ одну разслабленную излѣчилъ. „Если бы ноги не болѣли, я бы вамъ, говоритъ, протанцовалъ одинъ танецъ“. А, каковъ? „Наавонилъ я, говоритъ, на своемъ вѣку не мало“. Онъ у Демидова купца шестьдесятъ тысячъ тяпнулъ.

— Какъ, укралъ?

— Тотъ ему какъ доброму человѣку привезъ: „сохрани, братъ, у меня на завтра обыскъ“. А тотъ и сохранилъ. „Ты вѣдь на церковь, говоритъ, пожертвовалъ“. Я ему говорю: подлецъ ты, говорю. Нѣтъ, говоритъ, не подлецъ, а я широкъ... А, впрочемъ, это не онъ... Это другой. Я про другого сбился... и не замѣчаю. Ну, вотъ еще рюмочку и довольно, убери бутылку, Иванъ. Я вралъ, отчего ты не остановилъ меня, Иванъ... и не сказалъ, что вру?

— Я зналъ, что вы сами остановитесь.

— Врешь, это ты по злобѣ на меня, по единственной злобѣ. Ты меня презираешь. Ты пріѣхалъ ко мнѣ и меня въ домѣ моемъ презираешь.

— Я и уѣду; васъ коньякъ разбираетъ.

— Я тебя просилъ Христомъ-Богомъ въ Чермашню съѣздить... на день, на два, а ты не ѣдешь.

— Завтра поѣду, коли вы такъ настаиваете.

— Не поѣдешь. Тебѣ подсматривать здѣсь за мной хочется, вотъ тебѣ чего хочется, злая душа, оттого ты и не поѣдешь?

Старикъ не унимался. Онъ дошелъ до той черточки пьянства, когда инымъ пьянымъ, дотолѣ смирнымъ, непремѣнно вдругъ захочется разозлиться и себя показать.

— Что ты глядишь на меня? Какіе твои глаза? Твои глаза глядятъ на меня и говорятъ мнѣ: „Пьяная ты

харя". Подозрительные твои глаза, презрительные твои глаза... Ты себѣ на умѣ пріѣхалъ. Вотъ Алешка смотритъ и глаза его сіяютъ. Не презираетъ меня Алеша. Алексѣй, не люби Ивана.

— Не сердитесь на брата! Перестаньте его обижать, вдругъ настойчиво произнесъ Алеша.

— Ну, что жъ, я, пожалуй. Ухъ, голова болитъ. Убери коньякъ, Иванъ, третій разъ говорю. Онъ задумался и вдругъ длинно и хитро улыбнулся.— Не сердись, Иванъ, на стараго мозгляка. Я знаю, что ты не любишь меня, только все-таки не сердись. Не за что̀ меня и любить-то. Въ Чермашню съѣздишь, я къ тебѣ самъ пріѣду, гостинцу привезу. Я тебѣ тамъ одну дѣвчонку укажу, я ее тамъ давно насмотрѣлъ. Пока она еще босоножка. Не пугайся босоножекъ, не презирай — перлы!..

И онъ чмокнулъ себя въ ручку.

— Для меня, оживился онъ вдругъ весь, какъ будто на мгновеніе отрезвѣвъ, только что попалъ на любимую тему,—для меня... Эхъ вы, ребята! Дѣточки, поросяточки вы маленькіе, для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вотъ мое правило! Можете вы это понять? Да гдѣ же вамъ это понять: у васъ еще вмѣсто крови молочко течетъ, не вылупились! По моему правилу во всякой женщинѣ можно найти чрезвычайно, чортъ возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь,—только надобно умѣть находить, вотъ гдѣ штука! Это талантъ! Для меня мовешекъ не существовало: ужъ одно то, что она женщина, ужъ это одно половина всего... да гдѣ вамъ это понять! Даже вьельфильки и въ тѣхъ иногда отыщешь такое, что только диву дашься на прочихъ дураковъ, какъ это ей состариться дали и до сихъ поръ не замѣтили! Босоножку и мовешку надо сперва наперво удивить—вотъ какъ надо за нее браться. А ты не зналъ? Удивить ее надо до восхищенія, до пронзенія, до стыда, что въ такую чернявку, какъ она, такой баринъ влюбился. Истинно славно, что всегда есть и будутъ хамы да баре на свѣтѣ, всегда тогда будетъ и такая полоумоечка, и всегда ея господинъ, а вѣдь того только и надо для счастья жизни! Постой... слушай, Алешка, я твою мать покойницу всегда удивлялъ, только въ другомъ выходило родѣ. Никогда, бывало, ее не ласкаю, а вдругъ какъ минутка-то наступитъ,—вдругъ предъ нею такъ весь и разсыплюсь, на колѣняхъ ползаю, ножки цѣлую и до-

веду ее всегда, всегда,—помню это какъ вотъ сейчасъ,— до этакого маленькаго такого смѣшка, разсыпчатаго, звонкаго, не громкаго, нервнаго, особеннаго. У ней только онъ и былъ. Знаю, бывало, что такъ у ней всегда болѣзнь начиналась, что завтра же она кликушей выкликать начнетъ, и что смѣшокъ этотъ теперешній, маленькій, никакого восторга не означаетъ, ну, да вѣдь хоть и обманъ да восторгъ. Вотъ оно что̀ значитъ свою черточку во всемъ умѣть находить! Разъ Бѣлявскій,—красавчикъ одинъ тутъ былъ и богачъ, за ней волочился и ко мнѣ наладилъ ѣздить, — вдругъ у меня же и дай мнѣ пощечину, да при ней. Такъ она, этакая овца — да я думалъ она изобьетъ меня за эту пощечину, вѣдь какъ напала: „Ты, говоритъ, теперь битый, битый, ты пощечину отъ него получилъ! Ты меня, говоритъ, ему продавалъ... Да какъ онъ смѣлъ тебя ударить при мнѣ! И не смѣй ко мнѣ приходить никогда, никогда! Сейчасъ бѣги, вызови его на дуэль“... Такъ я ее тогда въ монастырь для смиренія возилъ, отцы святые ее отчитывали. Но, вотъ тебѣ Богъ, Алеша, не обижалъ я никогда мою кликушечку! Разъ только, развѣ одинъ, еще въ первый годъ: молилась ужъ она тогда очень, особенно Богородичные праздники наблюдала и меня тогда отъ себя въ кабинетъ гнала. Думаю, дай-ка выбью я изъ нея эту мистику! „Видишь, говорю, видишь, вотъ твой образъ, вотъ онъ, вотъ я его сниму: смотри же, ты его за чудотворный считаешь, а я вотъ сейчасъ на него при тебѣ плюну и мнѣ ничего за это не будетъ!..“ Какъ она увидѣла, Господи, думаю: убьетъ она меня теперь, а она только вскочила, всплеснула руками, потомъ вдругъ закрыла руками лицо, вся затряслась и пала на полъ... такъ и опустилась... Алеша, Алеша! Что̀ съ тобой, что̀ съ тобой!

Старикъ вскочилъ въ испугѣ. Алеша съ самаго того времени, какъ онъ заговорилъ о его матери, мало-по-малу сталъ измѣняться въ лицѣ. Онъ покраснѣлъ, глаза его загорѣлись, губы вздрогнули... Пьяный старикашка брызгался слюной и ничего не замѣчалъ до той самой минуты, когда съ Алешей вдругъ произошло нѣчто очень странное, а именно съ нимъ вдругъ повторилось точь-въ-точь то же самое, что̀ сейчасъ только онъ разсказывалъ про „кликушу“. Алеша вдругъ вскочилъ изъ-за стола, точь-въ-точь какъ,—по разсказу, мать его, всплеснулъ руками, потомъ закрылъ ими лицо, упалъ, какъ подкошенный, на

стулъ и такъ затрясся вдругъ весь отъ истерическаго припадка внезапныхъ, сотрясающихъ и неслышныхъ слезъ. Необычайное сходство съ матерью особенно поразило старика.

— Иванъ, Иванъ! Скорѣй ему воды. Это какъ она, точь-въ-точь какъ она, какъ тогда его мать! Вспрысни его изо рта водой, я такъ съ той дѣлалъ. Это онъ за мать свою, за мать свою... бормоталъ онъ Ивану.

— Да вѣдь и моя, я думаю, мать, его мать была, какъ вы полагаете? вдругъ съ неудержимымъ гнѣвнымъ презрѣніемъ прорвался Иванъ.

Старикъ вздрогнулъ отъ его засверкавшаго взгляда. Но тутъ случилось нѣчто очень странное, правда, на одну секунду: у старика дѣйствительно, кажется, выскочило изъ ума соображеніе, что мать Алеши была и матерью Ивана...

— Какъ такъ твоя мать? пробормоталъ онъ, не понимая.—Ты за что̀ это? Ты про какую мать?.. да развѣ она... Ахъ, чортъ! Да вѣдь она и твоя! Ахъ, чортъ! Ну, это, братъ, затменіе, какъ никогда, извини, а я думалъ, Иванъ... Хе-хе-хе!

Онъ остановился. Длинная, пьяная, полубезмысленная усмѣшка раздвинула его лицо. И вотъ вдругъ въ это самое мгновеніе раздался въ сѣняхъ страшный шумъ и громъ, послышались неистовые крики, дверь распахнулась и въ залу влетѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ. Старикъ бросился къ Ивану въ испугѣ:

— Убьетъ, убьетъ! Не давай меня, не давай! выкрикивалъ онъ, вцѣпившись въ полу сюртука Ивана Ѳедоровича.

IX.

Сладострастники.

Сейчасъ вслѣдъ за Дмитріемъ Ѳедоровичемъ вбѣжали въ залу и Григорій со Смердяковымъ. Они же въ сѣняхъ и боролись съ нимъ, не впускали его (вслѣдствіе инструкціи самого Ѳедора Павловича, данной уже нѣсколько дней назадъ). Воспользовавшись тѣмъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ, ворвавшись въ залу, на минуту остановился, чтобъ осмотрѣться, Григорій обѣжалъ столъ, затворилъ на обѣ половинки противоположныя входнымъ двери залы, ведущія во внутреннiе покои, и сталъ предъ затворенною дверью, раздвинувъ обѣ руки крестомъ и готовый защищать входъ, такъ сказать, до послѣдней капли. Увидавъ это, Дмитрій

не вскрикнулъ, а даже какъ бы взвизгнулъ и бросился на Григорія.

— Значитъ, она тамъ! Ее спрятали тамъ! Прочь, подлецъ!

Онъ рванулъ было Григорія, но тотъ оттолкнулъ его. Внѣ себя отъ ярости, Дмитрій размахнулся и изо всей силы ударилъ Григорія. Старикъ рухнулся, какъ подкошенный, а Дмитрій, перескочивъ черезъ него, вломился въ дверь. Смердяковъ оставался въ залѣ, на другомъ концѣ, блѣдный и дрожащій, тѣсно прижимаясь къ Ѳедору Павловичу.

— Она здѣсь! кричалъ Дмитрій Ѳедоровичъ. — Я сейчасъ самъ видѣлъ, какъ она повернула къ дому, только я не догналъ. Гдѣ она? Гдѣ она?

Непостижимое впечатлѣніе произвелъ на Ѳедора Павловича этотъ крикъ: „Она здѣсь!“ Весь испугъ соскочилъ съ него.

— Держи, держи его! завопилъ онъ и ринулся вслѣдъ за Дмитріемъ Ѳедоровичемъ.

Григорій межъ тѣмъ поднялся съ полу, но былъ еще какъ бы внѣ себя. Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша побѣжали вдогонку за отцомъ. Въ третьей комнатѣ послышалось какъ вдругъ что-то упало объ полъ, разбилось и зазвенѣло: это была большая стеклянная ваза (не изъ дорогихъ) на мраморномъ пьедесталѣ, которую, пробѣгая мимо, задѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ату его! завопилъ старикъ.—Караулъ!

Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша догнали-таки старика и силою воротили въ залу.

— Чего гонитесь за нимъ! Онъ васъ и впрямь тамъ убьетъ! гнѣвно крикнулъ на отца Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ванечка, Лешечка, она, стало-быть, здѣсь, Грушенька здѣсь; самъ, говоритъ, видѣлъ, что пробѣжала...

Онъ заклебывался. Онъ не ждалъ въ этотъ разъ Грушеньки и вдругъ извѣстіе, что она здѣсь, разомъ вывело его изъ ума. Онъ весь дрожалъ, онъ какъ бы обезумѣлъ.

— Да вѣдь вы видѣли сами, что она не приходила! кричалъ Иванъ.

— А можетъ черезъ тотъ входъ?

— Да вѣдь онъ запертъ, тотъ входъ, а ключъ у васъ...

Дмитрій вдругъ появился опять въ залѣ. Онъ, конечно, нашелъ тотъ входъ запертымъ, да и дѣйствительно ключъ отъ запертаго входа былъ въ карманѣ у Ѳедора Павло-

вича. Всѣ окна во всѣхъ комнатахъ были тоже заперты: ни откуда, стало-быть, не могла пройти Грушенька и ни откуда не могла выскочить.

— Держи его! завизжалъ Ѳедоръ Павловичъ, только что завидѣлъ опять Дмитрія.—Онъ тамъ въ спальнѣ у меня деньги укралъ!

И, вырвавшись отъ Ивана, онъ опять бросился на Дмитрія. Но тотъ поднялъ обѣ руки и вдругъ схватилъ старика за обѣ послѣднія космы волосъ его, уцѣлѣвшія на вискахъ, дернулъ его и съ грохотомъ ударилъ объ полъ. Онъ успѣлъ еще два или три раза ударить лежащаго каблукомъ по лицу. Старикъ пронзительно застоналъ. Иванъ Ѳедоровичъ, хоть и не столь сильный, какъ братъ Дмитрій, обхватилъ того руками и изо всей силы оторвалъ отъ старика. Алеша всею своею силенкой тоже помогъ ему, обхвативъ брата спереди.

— Сумасшедшій, вѣдь ты убилъ его! крикнулъ Иванъ.

— Такъ ему и надо! задыхаясь, воскликнулъ Дмитрій.— А не убилъ, такъ приду еще убить. Не устережете.

— Дмитрій! Иди отсюда вонъ сейчасъ! властно вскрикнулъ Алеша.

— Алексѣй! Скажи ты мнѣ одинъ, тебѣ одному повѣрю: была здѣсь сейчасъ она или не была? Я ее самъ видѣлъ, какъ она сейчасъ мимо плетня изъ переулка въ эту сторону проскользнула. Я крикнулъ, она убѣжала...

— Клянусь тебѣ, она здѣсь не была, и никто здѣсь не ждалъ ея вовсе!

— Но я ее видѣлъ... Стало быть, она... Я узнаю сейчасъ, гдѣ она... Прощай, Алексѣй! Езопу теперь о деньгахъ ни слова, а къ Катеринѣ Ивановнѣ сейчасъ же и непремѣнно: „кланяться велѣлъ, кланяться! Именно кланяться и раскланяться!“ Опиши ей сцену.

Тѣмъ временемъ Иванъ и Григорій подняли старика и усадили въ кресла. Лицо его было окровавлено, но самъ онъ былъ въ памяти и съ жадностью прислушивался къ крикамъ Дмитрія. Ему все еще казалось, что Грушенька вправду гдѣ-нибудь въ домѣ. Дмитрій Ѳедоровичъ ненавистно взглянулъ на него, уходя.

— Не раскаиваюсь за твою кровь! воскликнулъ онъ,— берегись, старикъ, береги мечту, потому что и у меня мечта! Проклинаю тебя самъ и отрекаюсь отъ тебя совсѣмъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Она здѣсь, она вѣрно здѣсь! Смердяковъ, Смердяковъ, чуть слышно хрипѣлъ старикъ, пальчикомъ маня Смердякова.

— Нѣтъ ея здѣсь, нѣтъ, безумный вы старикъ, злобно закричалъ на него Иванъ.—Ну, съ нимъ обморокъ! Воды, полотенце. Поворачивайся, Смердяковъ!

Смердяковъ бросился за водой. Старика, наконецъ, раздѣли, снесли въ спальню и уложили въ постель. Голову обвязали ему мокрымъ полотенцемъ. Ослабѣвъ отъ коньяку, отъ сильныхъ ощущеній и отъ побоевъ, онъ мигомъ, только что коснулся подушки, завелъ глаза и забылся. Иванъ Ѳедоровичъ и Алеша вернулись въ залу. Смердяковъ выносилъ черепки разбитой вазы, а Григорій стоялъ у стола, мрачно потупившись.

— Не помочить ли и тебѣ голову и не лечь ли тебѣ тоже въ постель, обратился къ Григорію Алеша. — Мы здѣсь за нимъ посмотримъ; братъ ужасно больно ударилъ тебя... по головѣ.

— Онъ меня дерзнулъ! мрачно и раздѣльно произнесъ Григорій.

-- Онъ и отца „дерзнулъ“ не то что тебя! замѣтилъ, кривя ротъ, Иванъ Ѳедоровичъ.

— Я его въ корытѣ мылъ... онъ меня дерзнулъ! повторялъ Григорій.

— Чортъ возьми, если бъ я не оторвалъ его, пожалуй, онъ бы такъ и убилъ. Много ли надо Езопу? прошепталъ Иванъ Ѳедоровичъ Алешѣ.

— Боже сохрани! воскликнулъ Алеша.

— А зачѣмъ сохрани, все тѣмъ же шопотомъ продолжалъ Иванъ, злобно скрививъ лицо.—Одинъ гадъ съѣстъ другую гадину, обоимъ туда и дорога!

Алеша вздрогнулъ.

— Я, разумѣется, не дамъ совершиться убійству, какъ не далъ и сейчасъ. Останься тутъ, Алеша, я выйду походить по двору, у меня голова начала болѣть.

Алеша пошелъ въ спальню къ отцу и просидѣлъ у его изголовья за ширмами около часа. Старикъ вдругъ открылъ глаза, и долго молча смотрѣлъ на Алешу, видимо припоминая и соображая. Вдругъ необыкновенное волненіе изобразилось въ его лицѣ.

— Алеша, шепталъ онъ опасливо,—гдѣ Иванъ?

— На дворѣ, у него голова болитъ. Онъ насъ стережетъ.

— Подай зеркальце, вонъ тамъ стоитъ!

Алеша подалъ ему маленькое складное кругленькое зеркальце, стоявшее на комодѣ. Старикъ поглядѣлся въ него: распухъ довольно сильно носъ и на лбу надъ лѣвою бровью былъ значительный багровый подтекъ.

— Что̀ говоритъ Иванъ? Алеша, милый, единственный сынъ мой, я Ивана боюсь, я Ивана больше чѣмъ того боюсь. Я только тебя одного не боюсь...

— Не бойтесь и Ивана, Иванъ сердится, но онъ васъ защититъ.

— Алеша, а тотъ-то? Къ Грушенькѣ побѣжалъ! Милый ангелъ, скажи правду: была давеча Грушенька, али нѣтъ?

— Никто ея не видалъ. Это обманъ, не была!

— Вѣдь Митька-то на ней жениться хочетъ, жениться!

— Она за него не пойдетъ.

— Не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, не пойдетъ, ни за что̀ не пойдетъ!.. радостно, такъ весь и встрепенулся старикъ, точно ничего ему не могли сказать въ эту минуту отраднѣе. Въ восхищеніи онъ схватилъ руку Алеши и крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу. Даже слезы засвѣтились въ глазахъ его.—Образокъ-то, Божіей то Матери, вотъ про которой я давеча разсказалъ, возьми ужъ себѣ, унеси съ собой. И въ монастырь воротиться позволяю... давеча пошутилъ, не сердись. Голова болитъ, Алеша... Леша, утоли ты мое сердце, будь ангеломъ, скажи правду!

— Вы все про то, была ли она или не была? горестно проговорилъ Алеша.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ вѣрю, а вотъ что̀: сходи ты къ Грушенькѣ самъ, аль повидай ее какъ; разспроси ты ее скорѣй, какъ можно скорѣй, угадай ты самъ своимъ глазомъ: къ кому она хочетъ, ко мнѣ аль къ нему? Ась? Что? Можешь, аль не можешь?

— Коль ее увижу, то спрошу, пробормоталъ было Алеша въ смущеніи.

— Нѣтъ, она тебѣ не скажетъ, перебилъ старикъ,— она егоза. Она тебя цѣловать начнетъ и скажетъ, что за тебя хочетъ. Она обманщица, она безстыдница, нѣтъ, тебѣ нельзя къ ней идти, нельзя!

— Да и не хорошо, батюшка, будетъ, не хорошо совсѣмъ.

— Куда онъ посылалъ-то тебя давеча, кричалъ „сходи“, когда убѣжалъ?

— Къ Катеринѣ Ивановнѣ посылалъ?

— За деньгами? Денегъ просить?

— Нѣтъ, не за деньгами.

— У него денегъ нѣтъ, нѣтъ ни капли. Слушай, Алеша, я полежу ночь и обдумаю, а ты пока ступай. Можетъ, и ее встрѣтишь... Только зайди ты ко мнѣ завтра навѣрно поутру; навѣрно. Я тебѣ завтра одно словечко такое скажу; зайдешь?

— Зайду.

— Коль придешь, сдѣлай видъ, что самъ пришелъ, навѣстить пришелъ. Никому не говори, что я звалъ. Ивану ни слова не говори.

— Хорошо.

— Прощай, ангелъ, давеча ты за меня заступился, вѣкъ не забуду. Я тебѣ одно словечко завтра скажу... только еще подумать надо.

— А какъ вы теперь себя чувствуете?

— Завтра же, завтра встану и пойду, совсѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ, совсѣмъ здоровъ!..

Проходя по двору, Алеша встрѣтилъ брата Ивана на скамьѣ у воротъ: тотъ сидѣлъ и вписывалъ что-то въ свою записную книжку карандашомъ. Алеша передалъ Ивану, что старикъ проснулся и въ памяти, а его отпустилъ ночевать въ монастырь.

— Алеша, я съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился бы съ тобой завтра поутру,—привставъ, привѣтливо проговорилъ Иванъ,—привѣтливость даже совсѣмъ для Алеши неожиданная.

— Я завтра буду у Хохлаковыхъ, отвѣтилъ Алеша.— Я у Катерины Ивановны, можетъ, завтра тоже буду, если теперь не застану...

— А теперь все-таки къ Катеринѣ Ивановнѣ? Это „раскланяться то, раскланяться“? улыбнулся вдругъ Иванъ. Алеша смутился.

— Я, кажется, все понялъ изъ давешнихъ восклицаній и кой изъ чего прежняго. Дмитрій навѣрно просилъ тебя сходить къ ней и передать, что онъ... ну... ну, однимъ словомъ „откланивается“?

— Братъ! чѣмъ весь этотъ ужасъ кончится у отца и Дмитрія? воскликнулъ Алеша.

— Нельзя навѣрно угадать. Ничѣмъ, можетъ быть: расплывется дѣло. Эта женщина — звѣрь. Во всякомъ слу-

чаѣ старика надо въ домѣ держать, а Дмитрія въ домъ не пускать.

— Братъ, позволь еще спросить: неужели имѣетъ право всякій человѣкъ рѣшать, смотря на остальныхъ людей: кто изъ нихъ достоинъ жить и кто болѣе не достоинъ?

— Къ чему же тутъ вмѣшивать рѣшеніе по достоинству? Этотъ вопросъ всего чаще рѣшается въ сердцахъ людей совсѣмъ не на основаніи достоинствъ, а по другимъ причинамъ, гораздо болѣе натуральнымъ. А насчетъ права, такъ кто же не имѣетъ права желать?

— Не смерти же другого?

— А хотя бы даже и смерти? Къ чему же лгать предъ собою, когда всѣ люди такъ живутъ, а, пожалуй, такъ и не могутъ иначе жить. Ты это насчетъ давешнихъ моихъ словъ о томъ, что „два гада поѣдятъ другъ друга“? Позволь и тебя спросить въ такомъ случаѣ: считаешь ты и меня, какъ Дмитрія, способнымъ пролить кровь Езопа, ну, убить его, а?

— Что̀ ты, Иванъ! Никогда и въ мысляхъ этого у меня не было! Да и Дмитрія я не считаю...

— Спасибо хоть за это, усмѣхнулся Иванъ.—Знай, что я его всегда защищу. Но въ желаніяхъ моихъ я оставляю за собою въ данномъ случаѣ полный просторъ. До свиданія завтра. Не осуждай и не смотри на меня какъ на злодѣя, прибавилъ онъ съ улыбкою.

Они крѣпко пожали другъ другу руки, какъ никогда еще прежде. Алеша почувствовалъ, что братъ самъ первый шагнулъ къ нему шагъ и что сдѣлалъ онъ это для чего-то, непремѣнно съ какимъ-то намѣреніемъ.

X.

Обѣ вмѣстѣ.

Вышелъ же Алеша изъ дома отца въ состояніи духа разбитомъ и подавленномъ, еще больше чѣмъ давеча, когда входилъ къ отцу. Умъ его былъ тоже какъ бы раздробленъ и разбросанъ, тогда какъ самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что боится соединить разбросанное и снять общую идею со всѣхъ мучительныхъ противорѣчій, пережитыхъ имъ въ этотъ день. Что-то граничило почти съ отчаяніемъ, чего никогда не бывало въ сердцѣ Алеши. Надо всѣмъ стоялъ какъ гора главный, роковой и неразрѣшимый вопросъ: чѣмъ кончится у отца съ братомъ Дмитріемъ предъ этою страшною женщиной? Теперь

ужъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Онъ самъ тутъ присутствовалъ и видѣлъ ихъ другъ передъ другомъ. Впрочемъ, несчастнымъ, вполнѣ и страшно несчастнымъ, могъ оказаться лишь братъ Дмитрій: его сторожила несомнѣнная бѣда. Оказались тоже и другіе люди, до которыхъ все это касалось, и, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ могло казаться Алешѣ прежде. Выходило что-то даже загадочное. Братъ Иванъ сдѣлалъ къ нему шагъ, чего такъ давно желалъ Алеша, и вотъ самъ онъ отчего-то чувствуетъ теперь, что его испугалъ этотъ шагъ сближенія. А тѣ женщины? Странное дѣло: давеча онъ направлялся къ Катеринѣ Ивановнѣ въ чрезвычайномъ смущеніи, теперь же не чувствовалъ никакого; напротивъ, спѣшилъ къ ней самъ, словно ожидая найти у ней указанія. А однако передать ей порученіе было видимо теперь тяжелѣе, чѣмъ давеча: дѣло о трехъ тысячахъ было рѣшено окончательно, и братъ Дмитрій, почувствовавъ теперь себя безчестнымъ и уже безо всякой надежды, конечно, не остановится болѣе и ни предъ какимъ паденіемъ. Къ тому же еще велѣлъ передать Катеринѣ Ивановнѣ и только что происшедшую сцену.

Было уже семь часовъ и смеркалось, когда Алеша вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, занимавшей одинъ очень просторный и удобный домъ на Большой улицѣ. Алеша зналъ, что она живетъ съ двумя тетками. Одна изъ нихъ приходилась, впрочемъ, теткой лишь сестрѣ Агаѳьѣ Ивановнѣ; это была та безсловесная особа въ домѣ ея отца, которая ухаживала за нею тамъ вмѣстѣ съ сестрой, когда она пріѣхала къ нимъ туда изъ института. Другая же тетка была тонная и важная московская барыня, хотя и изъ бѣдныхъ. Слышно было, что обѣ онѣ подчинялись во всемъ Катеринѣ Ивановнѣ и состояли при ней единственно для этикета. Катерина же Ивановна подчинялась лишь своей благодѣтельницѣ, генеральшѣ, оставшейся за болѣзнію въ Москвѣ, и къ которой она обязана была посылать по два письма съ подробными извѣстіями о себѣ каждую недѣлю.

Когда Алеша вошелъ въ переднюю и попросилъ о себѣ доложить отворившей ему горничной, въ залѣ очевидно уже знали о его прибытіи (можетъ быть, замѣтили его изъ окна), но только Алеша вдругъ услышалъ какой-то шумъ, послышались чьи-то бѣгущіе женскіе шаги, шумящія платья, можетъ быть, выбѣжали двѣ или три жен-

щины. Алешѣ показалось страннымъ, что онъ могъ произвести своимъ прибытіемъ такое волненіе. Его, однако, тотчасъ же ввели въ залу. Это была большая комната, уставленная элегантною и обильною мебелью, совсѣмъ не по-провинціальному. Было много дивановъ и кушетокъ, диванчиковъ, большихъ и маленькихъ столиковъ; были картины на стѣнахъ, вазы и лампы на столахъ, было много цвѣтовъ, былъ даже аквариумъ у окна. Отъ сумерекъ въ комнатѣ было нѣсколько темновато. Алеша разглядѣлъ на диванѣ, на которомъ, очевидно, сейчасъ сидѣли, брошенную шелковую мантилью, а на столѣ передъ диваномъ двѣ недопитыя чашки шоколаду, бисквиты, хрустальную тарелку съ синимъ изюмомъ и другую съ конфетами. Кого-то угощали. Алеша догадался, что попалъ на гостей и поморщился. Но въ тотъ же мигъ поднялась портьера и быстрыми спѣшными шагами вошла Катерина Ивановна, съ радостною, восхищенною улыбкой протягивая обѣ руки Алешѣ. Въ ту же минуту служанка внесла и поставила на столъ двѣ зажженныя свѣчи.

— Слава Богу, наконецъ-то и вы! Я одного только васъ и молила у Бога весь день! Садитесь.

Красота Катерины Ивановны еще и прежде поразила Алешу, когда братъ Дмитрій, недѣли три тому назадъ, привозилъ его къ ней въ первый разъ представить и познакомить, по собственному чрезвычайному желанію Катерины Ивановны. Разговоръ между ними въ то свиданіе, впрочемъ, не завязался. Полагая, что Алеша очень сконфузился, Катерина Ивановна какъ бы щадила его и все время проговорила въ тотъ разъ съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ. Алеша молчалъ, но многое очень хорошо разглядѣлъ. Его поразила властность, гордая развязность, самоувѣренность надменной дѣвушки. И все это было несомнѣнно, Алеша чувствовалъ, что онъ не преувеличиваетъ. Онъ нашелъ, что большіе черные горящіе глаза ея прекрасны, и особенно идутъ къ ея блѣдному, даже нѣсколько блѣдно-желтому продолговатому лицу. Но въ этихъ глазахъ, равно какъ и въ очертаніи прелестныхъ губъ, было нѣчто такое, во что̀, конечно, можно было брату его влюбиться ужасно, но что̀, можетъ быть, нельзя было долго любить. Онъ почти прямо высказалъ свою мысль Дмитрію, когда тотъ послѣ визита присталъ къ нему, умоляя его не утаить, какое онъ вынесъ впечатлѣніе, повидавъ его невѣсту.

— Ты будешь съ нею счастливъ, но, можетъ быть... не спокойно счастливъ.

— То-то, братъ, такія такими и остаются, онѣ не смиряются предъ судьбой. Такъ ты думаешь, что я не буду ее вѣчно любить?

— Нѣтъ, можетъ быть, ты будешь ее вѣчно любить, но, можетъ быть, не будешь съ нею всегда счастливъ...

Алеша произнесъ тогда свое мнѣніе краснѣя и досадуя на себя, что, поддавшись просьбамъ брата, высказалъ такія „глупыя“ мысли. Потому что ему самому его мнѣніе показалось ужасно какъ глупымъ тотчасъ же какъ онъ его высказалъ. Да и стыдно стало ему высказывать такъ властно мнѣніе о женщинѣ. Тѣмъ съ бо́льшимъ изумленіемъ почувствовалъ онъ теперь, при первомъ взглядѣ на выбѣжавшую къ нему Катерину Ивановну, что, можетъ быть, тогда онъ очень ошибся. Въ этотъ разъ лицо ея сіяло неподдѣльною простодушной добротой, прямою и пылкою искренностью. Изо всей прежней „гордости и надменности“, столь поразившихъ тогда Алешу, замѣчалась теперь лишь одна смѣлая, благородная энергія и какая-то ясная, могучая вѣра въ себя. Алеша понялъ съ перваго взгляда на нее, съ первыхъ словъ, что весь трагизмъ ея положенія относительно столь любимаго ею человѣка для нея вовсе не тайна, что она, можетъ быть, уже знаетъ все, рѣшительно все. И однакоже, несмотря на то, было столько свѣта въ лицѣ ея, столько вѣры въ будущее. Алеша почувствовалъ себя предъ нею вдругъ серьезно и умышленно виноватымъ. Онъ былъ побѣжденъ и привлеченъ сразу. Кромѣ всего этого, онъ замѣтилъ съ первыхъ же словъ ея, что она въ какомъ-то сильномъ возбужденіи, можетъ быть, очень въ ней необычайномъ,—возбужденіи, похожемъ почти даже на какой-то восторгъ.

— Я потому такъ ждала васъ, что отъ васъ отъ одного могу теперь узнать всю правду,—ни отъ кого больше!

— Я пришелъ... пробормоталъ Алеша, путаясь, — я... онъ послалъ меня...

— А, онъ послалъ васъ, ну, такъ я и предчувствовала. Теперь все знаю, все! воскликнула Катерина Ивановна съ засверкавшими вдругъ глазами. — Постойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, я вамъ заранѣе скажу, зачѣмъ я васъ такъ ожидала. Видите, я, можетъ быть, гораздо болѣе знаю, чѣмъ даже вы сами; мнѣ не извѣстій отъ васъ нужно. Мнѣ вотъ что̀ отъ васъ нужно: мнѣ надо знать ваше

собственное, личное послѣднее впечатлѣніе о немъ, мнѣ нужно, чтобы вы мнѣ разсказали въ самомъ прямомъ, неприкрашенномъ, въ грубомъ даже (о, во сколько хотите грубомъ!) видѣ—какъ вы сами смотрите на него сейчасъ и на его положеніе послѣ вашей съ нимъ встрѣчи сегодня? Это будетъ, можетъ быть, лучше чѣмъ если бъ я сама, къ которой онъ не хочетъ больше ходить, объяснилась съ нимъ лично. Поняли вы, чего я отъ васъ хочу? Теперь, съ чѣмъ же онъ васъ послалъ ко мнѣ (я такъ и знала, что онъ васъ пошлетъ!)—говорите просто, самое послѣднее слово говорите!..

— Онъ приказалъ вамъ... кланяться, и что больше не придетъ никогда... а вамъ кланяться.

— Кланяться? Онъ такъ и сказалъ, такъ и выразился?

— Да.

— Мелькомъ, можетъ быть, нечаянно, ошибся въ словѣ, не то слово поставилъ, какое надо?

— Нѣтъ, онъ велѣлъ именно, чтобъ я передалъ это слово: „кланяться". Просилъ раза три, чтобъ я не забылъ передать.

Катерина Ивановна вспыхнула.

— Помогите мнѣ теперь, Алексѣй Ѳедоровичъ, теперь-то мнѣ и нужна ваша помощь: я вамъ скажу мою мысль, а вы мнѣ только скажите на нее, вѣрно или нѣтъ я думаю? Слушайте, если бъ онъ велѣлъ мнѣ кланяться мелькомъ, не настаивая на передачѣ слова, не подчеркивая слова, то это было бы все... Тутъ былъ бы конецъ!.. Но если онъ особенно настаивалъ на этомъ словѣ, если особенно поручалъ вамъ не забыть передать мнѣ этотъ *поклонъ*, — то, стало-быть, онъ былъ въ возбужденіи, внѣ себя, можетъ быть? Рѣшился, и рѣшенія своего испугался! Не ушелъ отъ меня твердымъ шагомъ, а полетѣлъ съ горы. Подчеркиваніе этого слова можетъ означать одну браваду...

— Такъ, такъ! горячо подтвердилъ Алеша, — мнѣ самому такъ теперь кажется.

— А коли такъ, то онъ еще не погибъ! Онъ только въ отчаяніи, но я еще могу спасти его. Стойте: не передавалъ ли онъ вамъ что-нибудь о деньгахъ, о трехъ тысячахъ?

— Не только говорилъ, но это, можетъ быть, всего сильнѣе убивало его. Онъ говорилъ, что лишенъ теперь чести и что теперь уже все равно, съ жаромъ отвѣтилъ

Алеша, чувствуя всѣмъ сердцемъ своимъ, какъ надежда вливается въ его сердце, и что въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, есть выходъ и спасеніе для его брата.—Но развѣ вы... про эти деньги знаете? прибавилъ онъ и вдругъ осѣкся.

— Давно знаю, и знаю навѣрно. Я въ Москвѣ телеграммой спрашивала и давно знаю, что деньги не получены. Онъ деньги не послалъ, но я молчала. Въ послѣднюю недѣлю я узнала, какъ ему были и еще нужны деньги... Я поставила во всемъ этомъ одну только цѣль: чтобъ онъ зналъ къ кому воротиться и кто его самый вѣрный другъ. Нѣтъ, онъ не хочетъ вѣрить, что я ему самый вѣрный другъ, не захотѣлъ узнать меня, онъ смотритъ на меня только какъ на женщину. Меня всю недѣлю мучила страшная забота: какъ бы сдѣлать, чтобъ онъ не постыдился предо мною этой растраты трехъ тысячъ? То-есть пусть стыдится и всѣхъ и себя самого, но пусть меня не стыдится. Вѣдь Богу онъ говоритъ же все, не стыдясь. Зачѣмъ же не знаетъ до сихъ поръ сколько я могу для него вынести? Зачѣмъ, зачѣмъ не знаетъ меня, какъ онъ смѣетъ не знать меня послѣ всего что̀ было? Я хочу его спасти навѣки. Пусть онъ забудетъ меня, какъ свою невѣсту! И вотъ онъ боится предо мной за честь свою! Вѣдь вамъ же, Алексѣй Ѳедоровичъ, онъ не побоялся открыться? Отчего я до сихъ поръ не заслужила того же?

Послѣднія слова она произнесла въ слезахъ; слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Я долженъ вамъ сообщить, произнесъ тоже дрожащимъ голосомъ Алеша,—о томъ, что̀ сейчасъ было у него съ отцомъ. И онъ разсказалъ всю сцену, разсказалъ, что былъ посланъ за деньгами, что тотъ ворвался, избилъ отца и послѣ того особенно и настоятельно еще разъ подтвердилъ ему, Алешѣ, идти „кланяться"... — Онъ пошелъ къ этой женщинѣ... тихо прибавилъ Алеша.

— А вы думаете, что я эту женщину не перенесу? Онъ думаетъ, что я не перенесу? Но онъ на ней не женится, — нервно разсмѣялась она вдругъ; — развѣ Карамазовъ можетъ горѣть такою страстью вѣчно? Это страсть, а не любовь. Онъ не женится, потому что она и не выйдетъ за него... опять странно усмѣхнулась вдругъ Катерина Ивановна.

— Онъ, можетъ быть, женится, грустно проговорилъ Алеша, потупивъ глаза.

— Онъ не женится, говорю вамъ! Эта дѣвушка — это ангелъ, знаете вы это? Знаете вы это! воскликнула вдругъ съ необыкновеннымъ жаромъ Катерина Ивановна. — Это самое фантастическое изъ фантастическихъ созданій! Я знаю какъ она обольстительна, но я знаю, какъ она и добра, тверда и благородна. Чего вы смотрите такъ на меня, Алексѣй Ѳедоровичъ? Можетъ быть, удивляетесь моимъ словамъ, можетъ быть, не вѣрите мнѣ? Аграфена Александровна, ангелъ мой! крикнула она вдругъ кому-то, смотря въ другую комнату,—подите къ намъ, это милый человѣкъ, это Алеша, онъ про наши дѣла все знаетъ, покажитесь ему!

— А я только и ждала за занавѣской, что вы позовете, произнесъ нѣжный, нѣсколько слащавый даже, женскій голосъ.

Поднялась портьера и... сама Грушенька, смѣясь и радуясь, подошла къ столу. Въ Алешѣ какъ будто что̀ передернулось. Онъ приковался къ ней взглядомъ, глазъ отвести не могъ. Вотъ она, эта ужасная женщина,— „звѣрь“, какъ полчаса назадъ вырвалось про нее у брата Ивана. И однакоже предъ нимъ стояло, казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взглядъ,— добрая, милая женщина, положимъ, красивая, но такъ похожая на всѣхъ другихъ красивыхъ, но „обыкновенныхъ“ женщинъ! Правда, хороша она была очень, очень даже,—русская красота, такъ многими до страсти любимая. Это была довольно высокаго роста женщина, нѣсколько пониже, однако, Катерины Ивановны (та была уже совсѣмъ высокаго роста), — полная, съ мягкими, какъ бы неслышными даже движеніями тѣла, какъ бы тоже изнѣженными до какой-то особенной слащавой выдѣлки, какъ и голосъ ея. Она подошла не какъ Екатерина Ивановна—мощною бодрою походкой; напротивъ, неслышно. Поги ея на полу совсѣмъ не было слышно. Мягко опустилась она въ кресло, мягко прошумѣвъ своимъ пышнымъ, чернымъ шелковымъ платьемъ, и изнѣженно кутая свою бѣлую какъ кипень полную шею и широкія плечи въ дорогую, черную, шерстяную шаль. Ей было двадцать два года и лицо ея выражало точь-въ-точь этотъ возрастъ. Она была очень бѣла лицомъ, съ высокимъ блѣдноорозовымъ оттѣнкомъ румянца. Очертаніе лица ея было какъ бы слишкомъ широко, а нижняя челюсть выходила даже капельку впередъ. Верхняя губа была тонка,

а нижняя, нѣсколько выдавшаяся, была вдвое полнѣе и какъ бы припухла. Но чуднѣйшіе, обильнѣйшіе темнорусые волосы, темныя соболиныя брови и прелестные сѣроголубые глаза съ длинными рѣсницами—заставили бы непремѣнно самаго равнодушнаго и разсѣяннаго человѣка, даже гдѣ-нибудь въ толпѣ, на гуляньи, въ давкѣ, вдругъ остановиться предъ этимъ лицомъ и надолго запомнить его. Алешу поразило всего болѣе въ этомъ лицѣ его дѣтское, простодушное выраженіе. Она глядѣла какъ дитя, радовалась чему-то какъ дитя, она именно подошла къ столу „радуясь" и какъ бы сейчасъ чего-то ожидая съ самымъ дѣтскимъ нетерпѣливымъ и довѣрчивымъ любопытствомъ. Взглядъ ея веселилъ душу, — Алеша это почувствовалъ. Было и еще что-то въ ней, о чемъ онъ не могъ или не сумѣлъ бы дать отчетъ, но что, можетъ быть, и ему сказалось безсознательно, именно опять-таки эта мягкость, нѣжность движеній тѣла, эта кошачья неслышность этихъ движеній. И однакожъ это было мощное и обильное тѣло. Подъ шалью сказывались широкія полныя плечи, высокая, еще совсѣмъ юношеская грудь. Это тѣло, можетъ быть, обѣщало формы Венеры Милосской, хотя непремѣнно и теперь уже въ нѣсколько утрированной пропорціи,—это предчувствовалось. Знатоки русской женской красоты могли бы безошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта свѣжая, еще юношеская красота къ тридцати годамъ потеряетъ гармонію, расплывется, самое лицо обрюзгнетъ, около глазъ и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвѣтъ лица огрубѣетъ, побагровѣетъ, можетъ быть, — однимъ словомъ, красота на мгновеніе, красота летучая, которая такъ часто встрѣчается именно у русской женщины. Алеша, разумѣется, не думалъ объ этомъ, но хоть и очарованный, онъ съ непріятнымъ какимъ-то ощущеніемъ, и какъ бы жалѣя, спрашивалъ себя: зачѣмъ это она такъ тянетъ слова и не можетъ говорить натурально? Она дѣлала это, очевидно находя въ этомъ растягиваніи и въ усиленно-слащавомъ оттѣненіи слоговъ и звуковъ красоту. Это была, конечно, лишь дурная привычка дурного тона, свидѣтельствовавшая о низкомъ воспитаніи, о пошло усвоенномъ съ дѣтства пониманіи приличнаго. И однакоже этотъ выговоръ и интонація словъ представлялась Алешѣ почти невозможнымъ какимъ-то противорѣчіемъ этому дѣтски-простодушному и радостному выраженію лица,

этому тихому, счастливому, какъ у младенца, сіянію глазъ! Катерина Ивановна мигомъ усадила ее въ кресло противъ Алеши и съ восторгомъ поцѣловала ее нѣсколько разъ въ ея смѣющіяся губки. Она точно была влюблена въ нее.

— Мы въ первый разъ видимся, Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорила она въ упоеніи;—я захотѣла узнать ее, увидать ее, я хотѣла идти къ ней, но она по первому желанію моему пришла сама. Я такъ и знала, что мы съ ней все рѣшимъ, все! Такъ сердце предчувствовало... Меня упрашивали оставить этотъ шагъ, но я предчувствовала исходъ и не ошиблась. Грушенька все разъяснила мнѣ, всѣ свои намѣренія; она какъ ангелъ добрый слетѣла сюда и принесла покой и радость...

— Не погнушались мной, милая, достойная барышня, нараспѣвъ протянула Грушенька все съ тою же милою, радостною улыбкой.

— И не смѣйте говорить мнѣ такія слова, обаятельница, волшебница! Вами-то гнушаться! Вотъ я нижнюю губку вашу еще разъ поцѣлую. Она у васъ точно припухла, такъ вотъ чтобъ она еще больше припухла, и еще, еще... Посмотрите, какъ она смѣется, Алексѣй Ѳедоровичъ, сердце веселится, глядя на этого ангела... Алеша краснѣлъ и дрожалъ незамѣтною малою дрожью.

— Нѣжите вы меня, милая барышня, а я, можетъ, и вовсе не стою ласки вашей.

— Не стоитъ! Она-то этого не стоитъ! воскликнула опять съ тѣмъ же жаромъ Катерина Ивановна,—знайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, что мы фантастическая головка, что мы своевольное, но гордое-прегордое сердечко! Мы благородны, Алексѣй Ѳедоровичъ, мы великодушны, знаете ли вы это? Мы были лишь несчастны. Мы слишкомъ скоро готовы были принести всякую жертву недостойному, можетъ быть, или легкомысленному человѣку. Былъ одинъ, одинъ тоже офицеръ, мы его полюбили, мы ему все принесли, давно это было, пять лѣтъ назадъ, а онъ насъ забылъ, онъ женился. Теперь онъ овдовѣлъ, писалъ, онъ ѣдетъ сюда — и знайте, что мы одного его, одного его только любимъ до сихъ поръ и любили всю жизнь! Онъ пріѣдетъ и Грушенька опять будетъ счастлива, а всѣ пять лѣтъ эти она была несчастна. Но кто же попрекнетъ ее, кто можетъ похвалиться ея благосклонностью! Одинъ этотъ старикъ безногій, купецъ,—но онъ былъ скорѣй нашимъ отцомъ, другомъ нашимъ, оберегателемъ.

Онъ засталъ насъ тогда въ отчаяніи, въ мукахъ, оставленную тѣмъ, кого мы такъ любили... да вѣдь она утопиться тогда хотѣла, вѣдь старикъ этотъ спасъ ее, спасъ ее!

— Очень ужъ вы защищаете меня, милая барышня, очень ужъ вы во всемъ поспѣшаете, протянула опять Грушенька.

— Защищаю? Да намъ ли защищать, да еще смѣемъ ли мы тутъ защищать? Грушенька, ангелъ, дайте мнѣ вашу ручку; посмотрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку, Алексѣй Ѳедоровичъ; видите ли вы ее, она мнѣ счастье принесла и воскресила меня, и я вотъ цѣловать ее сейчасъ буду, и сверху, и въ ладошку, вотъ, вотъ и вотъ! И она три раза какъ бы въ упоеніи поцѣловала дѣйствительно прелестную, слишкомъ, можетъ быть, пухлую ручку Грушеньки. Та же, протянувъ эту ручку, съ нервнымъ, звонкимъ прелестнымъ смѣшкомъ слѣдила за „милою барышней", и ей видимо было пріятно, что ея ручку такъ цѣлуютъ. „Можетъ быть, слишкомъ ужъ много восторга",—мелькнуло въ головѣ Алеши. Онъ покраснѣлъ. Сердце его было все время какъ-то особенно неспокойно.

— Не устыдите вѣдь вы меня, милая барышня, что ручку мою при Алексѣѣ Ѳедоровичѣ такъ цѣловали.

— Да развѣ я васъ тѣмъ устыдить хотѣла? промолвила нѣсколько удивленно Катерина Ивановна, — ахъ, милая, какъ вы меня дурно понимаете!

— Да вы-то меня, можетъ, тоже не такъ совсѣмъ понимаете, милая барышня, я, можетъ, гораздо дурнѣе того, чѣмъ у васъ на виду. Я сердцемъ дурная, я своевольная. Я Дмитрія Ѳедоровича бѣднаго изъ-за насмѣшки одной тогда заполонила.

— Но вѣдь теперь вы же его и спасаете. Вы дали слово. Вы вразумите его, вы откроете ему, что любите другого, давно, и который теперь вамъ руку свою предлагаетъ...

— Ахъ нѣтъ, я вамъ не давала такого слова. Вы это сами мнѣ все говорили, а я не давала.

— Я васъ не такъ, стало быть, поняла, тихо и какъ-бы капельку поблѣднѣвъ проговорила Катерина Ивановна.—Вы обѣщали...

— Ахъ нѣтъ, ангелъ-барышня, ничего я вамъ не обѣщала,—тихо и ровно, все съ тѣмъ-же веселымъ и невиннымъ выраженіемъ перебила Грушенька. — Вотъ и видно сейчасъ, достойная барышня, какая я предъ вами скверная и самовластная. Мнѣ что̀ захочется, такъ я такъ и

поступлю. Давеча я, можетъ, вамъ и пообѣщала что̀, а вотъ сейчасъ опять думаю: вдругъ онъ опять мнѣ понравится, Митя-то, — разъ ужъ мнѣ вѣдь онъ очень понравился, цѣлый часъ почти даже нравился. Вотъ я, можетъ быть, пойду да и скажу ему сейчасъ, чтобъ онъ у меня съ сего же дня остался... Вотъ я какая непостоянная...

— Давеча вы говорили... совсѣмъ не то... едва прошептала Катерина Ивановна.

— Ахъ давеча! А вѣдь я сердцемъ нѣжная, глупая. Вѣдь подуматъ только, что̀ онъ изъ-за меня перенесъ! А вдругъ домой приду да и пожалѣю его,—тогда что?

— Я не ожидала...

— Эхъ, барышня, какая вы предо мной добрая, благородная выходите. Вотъ вы теперь, пожалуй, меня, этакую дуру, и разлюбите за мой характеръ. Дайте мнѣ вашу милую ручку, ангелъ-барышня, нѣжно попросила она и какъ-бы съ благоговѣніемъ взяла ручку Катерины Ивановны. — Вотъ я, милая барышня, вашу ручку возьму и такъ же, какъ вы мнѣ, поцѣлую. Вы мнѣ три раза поцѣловали, а мнѣ бы вамъ надо триста разъ за это поцѣловать, чтобы сквитаться. Да такъ ужъ и быть, а затѣмъ пусть какъ Богъ пошлетъ, можетъ, я вамъ полная раба буду и во всемъ пожелаю вамъ рабски угодить. Какъ Богъ положитъ, пусть такъ оно и будетъ, безо всякихъ между собой сговоровъ и обѣщаній. Ручка-то, ручка-то у васъ милая, ручка-то! Барышня вы милая, раскрасавица вы моя невозможная!

Она тихо поднесла эту ручку къ губамъ своимъ, правда, съ странною цѣлью: „сквитаться“ поцѣлуями. Катерина Ивановна не отняла руки: она съ робкою надеждой выслушала послѣднее, хотя тоже очень странно выраженное обѣщаніе Грушеньки „рабски“ угодить ей; она напряженно смотрѣла ей въ глаза: она видѣла въ этихъ глазахъ все то же простодушное, довѣрчивое выраженіе, все ту же ясную веселость... „Она, можетъ быть, слишкомъ наивна!“— промелькнуло надеждой въ сердцѣ Катерины Ивановны. Грушенька межъ тѣмъ какъ бы въ восхищеніи отъ „милой ручки“, медленно поднимала ее къ губамъ своимъ. Но у самыхъ губъ она вдругъ ручку задержала на два, на три мгновенія, какъ бы раздумывая о чемъ-то.

— А знаете что̀, ангелъ-барышня, вдругъ протянула она самымъ уже нѣжнымъ и слащавѣйшимъ голоскомъ,—

знаете что̀: возьму я да вашу ручку и не поцѣлую. И она засмѣялась маленькимъ развеселымъ смѣшкомъ.

— Какъ хотите... Что̀ съ вами? вздрогнула вдругъ Катерина Ивановна.

— А такъ и оставайтесь съ тѣмъ на память, что вы-то у меня ручку цѣловали, а я у васъ нѣтъ. — Что-то сверкнуло вдругъ въ ея глазахъ. Она ужасно пристально глядѣла на Катерину Ивановну.

— Наглая! проговорила вдругъ Катерина Ивановна, какъ-бы вдругъ что-то поняв, вся вспыхнула и вскочила съ мѣста. Не спѣша поднялась и Грушенька.

— Такъ я и Митѣ сейчасъ перескажу, какъ вы мнѣ цѣловали ручку, а я-то у васъ совсѣмъ нѣтъ. А ужъ какъ онъ будетъ смѣяться!

— Мерзавка, вонъ!

— Ахъ, какъ стыдно, барышня, ахъ, какъ стыдно, это вамъ даже и непристойно совсѣмъ, такія слова, милая барышня.

— Вонъ, продажная тварь! завопила Катерина Ивановна.—Всякая черточка дрожала въ ея совсѣмъ исказившемся лицѣ.

— Ну ужъ и продажная. Сами вы дѣвицей къ кавалерамъ за деньгами въ сумерки хаживали, свою красоту продавать приносили, вѣдь я же знаю.

Катерина Ивановна вскрикнула и бросилась было на нее, но ее удержалъ всею силой Алеша:

— Ни шагу, ни слова! Не говорите, не отвѣчайте ничего, она уйдетъ, сейчасъ уйдетъ!

Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжали на крикъ обѣ родственницы Катерины Ивановны, вбѣжала и горничная. Всѣ бросились къ ней.

— И уйду, проговорила Грушенька, подхвативъ съ дивана мантилью.—Алеша, милый, проводи-ка меня!

— Уйдите, уйдите поскорѣй! сложилъ предъ нею, умоляя, руки Алеша.

— Милый Алешенька, проводи! Я тебѣ дорогой, хорошенькое-хорошенькое одно словцо скажу! Я это для тебя, Алешенька, сцену продѣлала. Проводи, голубчикъ, послѣ понравится.

Алеша отвернулся, ломая руки. Грушенька, звонко смѣясь, выбѣжала изъ дому.

Съ Катериной Ивановной сдѣлался припадокъ. Она рыдала, спазмы душили ее. Всѣ около нея суетились.

— Я васъ предупреждала, говорила ей старшая тетка,— я васъ удерживала отъ этого шага... вы слишкомъ пылки... развѣ можно было рѣшиться на такой шагъ! Вы этихъ тварей не знаете, а про эту говорятъ, что она хуже всѣхъ... Нѣтъ, вы слишкомъ своевольны!

— Это тигръ! завопила Катерина Ивановна. — Зачѣмъ вы удержали меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, я бы избила ее, избила.

Она не въ силахъ была сдерживать себя предъ Алешей, можетъ быть, и не хотѣла сдерживаться.

— Ее нужно плетью, на эшафотѣ, чрезъ палача, при народѣ!...

Алеша попятился къ дверямъ.

— Но, Боже! вскрикнула вдругъ Катерина Ивановна, всплеснувъ руками,—онъ-то! Онъ могъ быть такъ безчестенъ, такъ безчеловѣченъ! Вѣдь онъ разсказалъ этой твари о томъ, что̀ было тамъ, въ тогдашній роковой, вѣчно проклятый, проклятый день! „Приходили красу продавать, милая барышня!“ Она знаетъ! Вашъ братъ подлецъ, Алексѣй Ѳедоровичъ!

Алешѣ хотѣлось что-то сказать, но онъ не находилъ ни одного слова. Сердце его сжималось до боли.

— Уходите, Алексѣй Ѳедоровичъ! Мнѣ стыдно, мнѣ ужасно! Завтра... умоляю васъ на колѣняхъ, придите завтра. Не осудите, простите, я не знаю что̀ съ собой еще сдѣлаю!

Алеша вышелъ на улицу, какъ бы шатаясь. Ему тоже хотѣлось плакать, какъ и ей. Вдругъ его догнала служанка.

— Барыня забыла вамъ передать это письмецо отъ госпожи Хохлаковой, оно у нихъ съ обѣда лежитъ.

Алеша машинально принялъ маленькій розовый конвертикъ и сунулъ его, почти не сознавая, въ карманъ.

XI.

Еще одна погибшая репутація.

Отъ города до монастыря было не болѣе версты съ небольшимъ. Алеша спѣшно пошелъ по пустынной въ этотъ часъ дорогѣ. Почти уже стала ночь, въ тридцати шагахъ трудно уже было различать предметы. На половинѣ дороги приходился перекрестокъ. На перекресткѣ, подъ уединенною ракитой, завидѣлась какая-то фигура. Только что Алеша вступилъ на перекрестокъ, какъ фи-

гура сорвалась съ мѣста, бросилась на него и неистовымъ голосомъ прокричала:

— Кошелекъ или жизнь!

— Такъ это ты, Митя! удивился сильно вздрогнувшій, однако, Алеша.

— Ха-ха-ха! Ты не ожидалъ? Я думаю: гдѣ тебя подождать? У ея дома? Оттуда три дороги и я могу тебя прозѣвать. Надумалъ, наконецъ, дождаться здѣсь, потому что здѣсь-то онъ пройдетъ непремѣнно, другого пути въ монастырь не имѣется. Ну, объявляй правду, дави меня какъ таракана... Да что̀ съ тобой?

— Ничего, братъ... я такъ, съ испугу. Ахъ, Дмитрій! Давеча эта кровь отца (Алеша заплакалъ, ему давно хотѣлось заплакать, а теперь у него вдругъ какъ бы что-то порвалось въ душѣ).—Ты чуть не убилъ его... проклялъ его... и вотъ теперь... здѣсь... сейчасъ... ты шутишь шутки... кошелекъ или жизнь!

— А, да, что жъ? Неприлично, что ли? Не идетъ къ положенію?

— Да нѣтъ... я такъ...

— Стой. Посмотри на ночь: видишь, какая мрачная ночь, облака-то, вѣтеръ какой поднялся? Спрятался я здѣсь, подъ ракитой, тебя жду, и вдругъ, подумалъ (вотъ тебѣ Богъ!): да чего же больше маяться, чего ждать? Вотъ ракита, платокъ есть, рубашка есть, веревку сейчасъ можно свить, помочи въ придачу и—не бременить ужъ болѣе землю, не безчестить низкимъ своимъ присутствіемъ! И вотъ слышу ты идешь,—Господи, точно слетѣло что̀ на меня вдругъ: да вѣдь есть же, стало-быть, человѣкъ, котораго и я люблю, вѣдь вотъ онъ, вотъ тотъ человѣчекъ, братишка мой милый, кого я всѣхъ больше на свѣтѣ люблю и кого я единственно люблю! И такъ я тебя полюбилъ, такъ въ эту минуту любилъ, что подумалъ: брошусь сейчасъ къ нему на шею? Да глупая мысль пришла: „повеселю его, испугаю“. Я и закричалъ какъ дуракъ: „кошелекъ!“ Прости дурачеству—это только вздоръ, а на душѣ у меня... тоже прилично... Ну, да чортъ, говори однако, что̀ тамъ? Что̀ она сказала? Дави меня, рази меня, не щади! Въ изступленіе пришла?

— Нѣтъ, не то... Тамъ было совсѣмъ не то, Митя. Тамъ... Я тамъ сейчасъ ихъ обѣихъ засталъ.

— Какихъ обѣихъ?

— Грушеньку у Катерины Ивановны.

Дмитрій Ѳедоровичъ остолбенѣлъ.

— Невозможно! вскричалъ онъ, — ты бредишь! Грушенька у ней?

Алеша разсказалъ все, что̀ случилось съ нимъ съ самой той минуты, какъ вошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ. Онъ разсказывалъ минутъ десять, нельзя сказать, чтобы плавно и складно, но, кажется, передалъ ясно, схватывая самыя главныя слова, самыя главныя движенія и ярко передавая, часто одною чертою, собственныя чувства. Братъ Дмитрій слушалъ молча, глядѣлъ въ упоръ со странною неподвижностью, но Алешѣ ясно было, что онъ уже все понялъ, осмыслилъ весь фактъ. Но лицо его, чѣмъ дальше подвигался разсказъ, становилось не то что мрачнымъ, а какъ бы грознымъ. Онъ нахмурилъ брови, стиснулъ зубы, неподвижный взглядъ его сталъ какъ бы еще неподвижнѣе, упорнѣе, ужаснѣе... Тѣмъ неожиданнѣе было, когда вдругъ, съ непостижимою быстротой, измѣнилось разомъ все лицо его, доселѣ гнѣвное и свирѣпое, сжатыя губы раздвинулись и Дмитрій Ѳедоровичъ залился вдругъ самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ смѣхомъ. Онъ буквально залился смѣхомъ, онъ долгое время даже не могъ говорить отъ смѣха.

— Такъ и не поцѣловала ручку! Такъ и не поцѣловала, такъ и убѣжала! выкрикивалъ онъ въ болѣзненномъ какомъ-то восторгѣ,—въ нагломъ восторгѣ можно бы тоже сказать, если бы восторгъ этотъ не былъ столь безыскусственъ.—Такъ та кричала, что это тигръ! Тигръ и есть! Такъ ее на эшафотъ надо? Да, да, надо бы, надо, я самъ того мнѣнія, что надо, давно надо! Видишь ли, братъ, пусть эшафотъ, но надо еще сперва выздоровѣть. Понимаю царицу наглости, вся она тутъ, вся она въ этой ручкѣ высказалась, инфернальница? Это царица всѣхъ инфернальницъ, какихъ можно только вообразить на свѣтѣ! Въ своемъ родѣ восторгъ! Такъ она домой побѣжала? Сейчасъ я... ахъ... Побѣгу-ка я къ ней! Алешка, не вини меня, я вѣдь согласенъ, что ее придушить мало...

— А Катерина Ивановна! печально воскликнулъ Алеша.

— И ту вижу, всю насквозь и ту вижу, и такъ вижу, какъ никогда! Тутъ цѣлое открытіе всѣхъ четырехъ странъ свѣта, пяти то-есть! Этакій шагъ! Это именно та самая Катенька, институточка, которая къ нелѣпому грубому офицеру не побоялась изъ великодушной идеи спасти отца прибѣжать, рискуя страшно быть оскорбленною! Но гор-

дость наша, но потребность риска, но вызовъ судьбѣ, вызовъ въ безпредѣльность! Ты говоришь, ее эта тетка останавливала? Эта тетка, знаешь, сама самовластная, это вѣдь родная сестра московской той генеральши, она поднимала еще больше той носъ, да мужъ былъ уличенъ въ казнокрадствѣ, лишился всего, и имѣнія, и всего, и гордая супруга вдругъ понизила тонъ, да съ тѣхъ поръ и не поднялась. Такъ она удерживала Катю, а та не послушалась. „Все, дескать, могу побѣдить, все мнѣ подвластно; захочу и Грушеньку околдую“ и — сама вѣдь себѣ вѣрила, сама надъ собой форсила, кто жъ виноватъ? Ты думаешь, она нарочно эту ручку первая поцѣловала у Грушеньки, съ расчетомъ хитрымъ? Нѣтъ, она взаправду, она взаправду влюбилась въ Грушеньку, то-есть не въ Грушеньку, а въ свою же мечту, въ свой бредъ,— потому-де, что это *моя* мечта, *мой* бредъ! Голубчикъ, Алеша, да какъ ты отъ нихъ, отъ этакихъ, спасся? Убѣжалъ что ли, подобравъ подрясникъ? Ха-ха-ха!

— Братъ, а ты, кажется, и не обратилъ вниманія, какъ ты обидѣлъ Катерину Ивановну тѣмъ, что разсказалъ Грушенькѣ о томъ днѣ, а та сейчасъ ей бросила въ глаза, что вы сами „къ кавалерамъ красу тайкомъ продавать ходили!“ Братъ, что̀ же больше этой обиды? Алешу всего болѣе мучила мысль, что братъ точно радъ униженію Катерины Ивановны, хотя, конечно, того быть не могло.

— Ба! страшно вдругъ нахмурился Дмитрій Ѳедоровичъ и ударилъ себя ладонью по лбу. Онъ только что теперь обратилъ вниманіе, хотя Алеша разсказалъ все давеча за разъ, и обиду, и крикъ Катерины Ивановны:— „Вашъ братъ подлецъ!“—Да, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, я и разсказалъ Грушенькѣ о томъ „роковомъ днѣ“, какъ говоритъ Катя. Да, это такъ, разсказалъ, припоминаю! Это было тогда же, въ Мокромъ, я былъ пьянъ, цыганки цѣли... Но вѣдь я рыдалъ, рыдалъ тогда самъ, я стоялъ на колѣнкахъ, я молился на образъ Кати, и Грушенька это понимала. Она тогда все поняла, я припоминаю, она сама плакала... А, чортъ! да могло ли иначе быть теперь? Тогда плакала, а теперь. Теперь „кинжалъ въ сердце!“ Такъ у бабъ.

Онъ потупился и задумался.

— Да, я подлецъ! Несомнѣнный подлецъ, произнесъ онъ вдругъ мрачнымъ голосомъ.—Все равно, плакалъ или

нѣтъ, все равно подлецъ! Передай тамъ, что принимаю наименованіе, если это можетъ утѣшить. Ну и довольно, прощай, что̀ болтать-то! Веселаго нѣтъ. Ты своею дорогой, а я своею. Да и видѣться больше не хочу, до какой-нибудь самой послѣдней минуты. Прощай, Алексѣй! Онъ крѣпко сжалъ руку Алеши и, все еще потупившись и не поднимая головы, точно сорвавшись, быстро зашагалъ къ городу. Алеша смотрѣлъ ему вслѣдъ, не вѣря, чтобъ онъ совсѣмъ вдругъ ушелъ.

— Стой, Алексѣй, еще одно признаніе, тебѣ одному! вдругъ воротился Дмитрій Ѳедоровичъ назадъ. — Смотри на меня, пристально смотри: видишь, вотъ тутъ, вотъ тутъ—готовится страшное безчестье. (Говоря „вотъ тутъ“ Дмитрій Ѳедоровичъ ударялъ себя кулакомъ по груди и съ такимъ страннымъ видомъ, какъ будто безчестье лежало и сохранялось именно тутъ на груди его, въ какомъ-то мѣстѣ, въ карманѣ, можетъ быть, или на шеѣ висѣло зашитое). Ты уже знаешь меня: подлецъ, подлецъ признанный! Но знай, что̀ бы я ни сдѣлалъ прежде, теперь или впереди,—ничто, ничто не можетъ сравниться въ подлости съ тѣмъ безчестьемъ, которое именно теперь, именно въ эту минуту ношу вотъ здѣсь на груди моей, вотъ тутъ, тутъ,—которое дѣйствуетъ и совершается, и которое я полный хозяинъ остановить, могу остановить или совершить, замѣть это себѣ! Ну, такъ знай же, что я его совершу, а не остановлю. Я давеча тебѣ все разсказалъ, а этого не разсказалъ, потому что даже и у меня на то мѣднаго лба не хватило! Я могу еще остановиться; остановясь, я могу завтра же цѣлую половину потерянной чести воротить, но я не остановлюсь, я совершу подлый замыселъ, и будь ты впередъ свидѣтелемъ, что я заранѣе и зазнамо говорю это! Гибель и мракъ! Объяснять нечего, въ свое время узнаешь. Смрадный переулокъ и инфернальница! Прощай. Не молись обо мнѣ, не стою, да и не нужно совсѣмъ, совсѣмъ не нужно... не нуждаюсь вовсе! Прочь!..

И онъ вдругъ удалился, на этотъ разъ уже совсѣмъ. Алеша пошелъ къ монастырю: „Какъ же, какъ же я никогда его не увижу, что̀ онъ говоритъ?“ дико представлялось ему,—„да завтра же непремѣнно увижу и разыщу его, нарочно разыщу, что̀ онъ такое говоритъ!..“

Монастырь онъ обошелъ кругомъ и черезъ сосновую

рощу прошелъ прямо въ скитъ. Тамъ ему отворили, хотя въ этотъ часъ никого уже не впускали. Сердце у него дрожало, когда онъ вошелъ въ келью старца: „Зачѣмъ, зачѣмъ онъ выходилъ, зачѣмъ тотъ послалъ его „въ міръ“? Здѣсь тишина, здѣсь святыня, а тамъ—смущенье, тамъ мракъ, въ которомъ сразу потеряешься и заблудишься“...

Въ кельѣ находились послушникъ Порфирій и іеромонахъ отецъ Паисій, весь день каждый часъ заходившій узнать о здоровьѣ отца Зосимы, которому, какъ со страхомъ узналъ Алеша, становилось все хуже и хуже. Даже обычной вечерней бесѣды съ братіей на сей разъ не могло состояться. Обыкновенно по вечеру, послѣ службы, ежедневно, на сонъ грядущій стекалась монастырская братія въ келью старца и всякій вслухъ исповѣдывалъ ему сегодняшнія прегрѣшенія свои, грѣшныя мечты, мысли, соблазны, даже ссоры между собой, если таковыя случались. Иные исповѣдывались на колѣняхъ. Старецъ разрѣшалъ, мирилъ, наставлялъ, налагалъ покаяніе, благословлялъ и отпускалъ. Вотъ противъ этихъ-то братскихъ „исповѣдей“ и возставали противники старчества, говоря, что это профанація исповѣди, какъ таинства, почти кощунство, хотя тутъ было совсѣмъ иное. Выставляли даже епархіальному начальству, что такія исповѣди не только не достигаютъ доброй цѣли, но дѣйствительно и нарочито вводятъ въ грѣхъ и соблазнъ. Многіе-де изъ братіи тяготятся ходить къ старцу, а приходятъ поневолѣ, потому что всѣ идутъ, такъ чтобы не приняли ихъ за гордыхъ и бунтующихъ помысломъ. Разсказывали, что нѣкоторые изъ братіи, отправляясь на вечернюю исповѣдь, условливались между собою заранѣе: „я, дескать, скажу, что я на тебя утромъ озлился, а ты подтверди“,—это чтобы было что̀ сказать, чтобы только отдѣлаться. Алеша зналъ, что это дѣйствительно иногда такъ и происходило. Онъ зналъ тоже, что есть изъ братіи весьма негодующіе и на то, что, по обычаю, даже письма отъ родныхъ, получаемыя скитниками, приносились сначала къ старцу, чтобъ онъ распечатывалъ и прочитывалъ ихъ прежде получателей. Предполагалось, разумѣется, что все это должно совершаться свободно и искренно, отъ всей души, во имя вольнаго смиренія и спасительнаго назиданія, но на дѣлѣ, какъ оказывалось, происходило иногда и весьма неискренно, а, напротивъ, выдѣланно и фальшиво. Но старшіе и опытнѣйшіе изъ

братіи стояли на своемъ, разсуждая, что „кто искренно вошелъ въ эти стѣны, чтобы спастись, для тѣхъ всѣ эти послушанія и подвиги окажутся несомнѣнно спасительными и принесутъ имъ великую пользу; кто же, напротивъ, тяготится и ропщетъ, тотъ все равно какъ бы и не инокъ и напрасно только пришелъ въ монастырь, такому мѣсто въ міру. Отъ грѣха же и отъ діавола не только въ міру, но и въ храмѣ не убережешься, а, стало быть, и нечего грѣху потакать".

— Ослабѣлъ, сонливость напала, шопотомъ сообщилъ Алешѣ отецъ Паисій, благословивъ его.—Разбудить даже трудно. Но и не надо будить. Минутъ на пять просыпался, просилъ снести братіи это благословеніе, а у братіи просилъ о немъ ночныхъ молитвъ. Заутра намѣренъ еще разъ причаститься. О тебѣ вспоминалъ, Алексѣй, спрашивалъ, ушелъ ли ты, отвѣчали, что въ городѣ. „На то и я благословилъ его: тамъ его мѣсто, а пока не здѣсь",—вотъ что изрекъ о тебѣ. Любовно о тебѣ вспоминалъ, съ заботой, смыслишь ли ты, чего удостоился? Только какъ же это опредѣлилъ онъ тебѣ, пока быть срокъ въ міру? Значитъ, предвидитъ нѣчто въ судьбѣ твоей! Пойми, Алексѣй, что если и возвратишься въ міръ, то какъ бы на возложенное на тя послушаніе старцемъ твоимъ, а не на суетное легкомысліе и не на мірское веселіе...

Отецъ Паисій вышелъ. Что старецъ отходилъ, въ томъ не было сомнѣнія для Алеши, хотя могъ прожить еще и день, и два. Алеша твердо и горячо рѣшилъ, что, несмотря на обѣщаніе данное имъ видѣться съ отцомъ, Хохлаковыми, братомъ и Катериной Ивановной — завтра онъ не выйдетъ изъ монастыря совсѣмъ и останется при старцѣ своемъ до самой кончины его. Сердце его загорѣлось любовью и онъ горько упрекнулъ себя, что могъ на мгновеніе тамъ, въ городѣ, даже забыть о томъ, кого оставилъ въ монастырѣ на одрѣ смерти и кого чтилъ выше всѣхъ на свѣтѣ. Онъ прошелъ въ спаленку старца, сталъ на колѣни и поклонился спящему до земли. Тотъ тихо, недвижно спалъ, чуть дыша, ровно и почти непримѣтно. Лицо его было спокойно.

Воротясь въ другую комнату,—въ ту самую, въ которой поутру старецъ принималъ гостей, Алеша, почти не раздѣваясь и снявъ лишь сапоги, улегся на кожаномъ, жесткомъ и узкомъ диванчикѣ, на которомъ онъ и всегда

спалъ, давно уже, каждую ночь, принося лишь подушку. Тюфякъ же, о которомъ кричалъ давеча отецъ его, онъ уже давно забылъ постилать себѣ. Онъ снималъ лишь свой подрясникъ, и имъ накрывался вмѣсто одѣяла. Но передъ сномъ онъ бросился на колѣни и долго молился. Въ горячей молитвѣ своей онъ не просилъ Бога разъяснить ему смущеніе его, а лишь жаждалъ радостнаго умиленія, прежняго умиленія, всегда посѣщавшаго его душу, послѣ хвалы и славы Богу, въ которыхъ и состояла обыкновенно вся на сонъ грядущій молитва его. Эта радость, посѣщавшая его, вела за собой легкій и спокойный сонъ. Молясь и теперь, онъ вдругъ, случайно нащупалъ въ карманѣ тотъ розовый, маленькій пакетикъ, который передала ему догнавшая его на дорогѣ служанка Катерины Ивановны. Онъ смутился, но докончилъ молитву. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, вскрылъ пакетъ. Въ немъ было къ нему письмецо, подписанное Lise, — тою самою молоденькою дочерью госпожи Хохлаковой, которая утромъ такъ смѣялась надъ нимъ при старцѣ.

„Алексѣй Ѳедоровичъ, писала она, пишу вамъ отъ всѣхъ секретно, и отъ мамаши, и знаю, какъ это не хорошо. Но я не могу больше жить, если не скажу вамъ того, что̀ родилось въ моемъ сердцѣ, а этого никто, кромѣ насъ двоихъ, не долженъ до времени знать. Но, какъ я вамъ скажу то, что̀ я такъ хочу вамъ сказать? Бумага, говорятъ, не краснѣетъ, увѣряю васъ, что это неправда и что краснѣетъ она такъ же точно, какъ и я теперь вся. Милый Алеша, я васъ люблю, люблю еще съ дѣтства, съ Москвы, когда вы были совсѣмъ не такой, какъ теперь, и люблю на всю жизнь. Я васъ избрала сердцемъ моимъ, чтобы съ вами соединиться, а въ старости кончить вмѣстѣ нашу жизнь. Конечно съ тѣмъ условіемъ, что вы выйдете изъ монастыря. Насчетъ же лѣтъ нашихъ мы подождемъ, сколько приказано закономъ. Къ тому времени я непремѣнно выздоровлю, буду ходить и танцовать. Объ этомъ не можетъ быть слова.

„Видите какъ я все обдумала, одного только не могу придумать: что̀ подумаете вы обо мнѣ, когда прочтете? Я все смѣюсь и шалю, я давеча васъ разсердила, но увѣряю васъ, что сейчасъ, передъ тѣмъ какъ взяла перо, я помолилась на образъ Богородицы, да и теперь молюсь, и чуть не плачу.

„Мой секретъ у васъ въ рукахъ, завтра, какъ придете,

не знаю какъ и взгляну на васъ. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, что если я опять не удержусь, какъ дура, и засмѣюсь какъ давеча, на васъ глядя? Вѣдь вы меня примете за скверную насмѣшницу и письму моему не повѣрите. А потому умоляю васъ, милый, если у васъ есть состраданіе ко мнѣ, когда вы войдете завтра, то не глядите мнѣ слишкомъ прямо въ глаза, потому что я, встрѣтясь съ вашими, можетъ быть, непремѣнно вдругъ разсмѣюсь, а къ тому же вы будете въ этомъ длинномъ платьѣ... Даже теперь я вся холодѣю, когда объ этомъ подумаю, а потому какъ войдете, не смотрите на меня нѣкоторое время совсѣмъ, а смотрите на маменьку или на окошко...

„Вотъ я написала вамъ любовное письмо, Боже мой, что̀ я сдѣлала! Алеша, не презирайте меня, и если я что̀ сдѣлала очень дурное и васъ огорчила, то извините меня. Теперь тайна моей, погибшей навѣки, можетъ быть, репутаціи въ вашихъ рукахъ.

„Я сегодня непремѣнно буду плакать. До свиданья, до *ужаснаго* свиданья. Lise“.

„P. S. Алеша, только вы непремѣнно, непремѣнно, непремѣнно придите! Lise“.

Алеша прочелъ съ удивленіемъ, прочелъ два раза, подумалъ и вдругъ тихо, сладко засмѣялся. Онъ было вздрогнулъ, смѣхъ этотъ показался ему грѣховнымъ. Но мгновеніе спустя, онъ опять разсмѣялся такъ же тихо и такъ же счастливо. Медленно вложилъ онъ письмо въ конвертикъ, перекрестился и легъ. Смятеніе души его вдругъ прошло. „Господи, помилуй ихъ всѣхъ, давешнихъ, сохрани ихъ несчастныхъ и бурныхъ, и направь. У Тебя пути: ими же вѣси путями спаси ихъ. Ты любовь, Ты всѣмъ пошлешь и радость!“ бормоталъ крестясь, засыпая безмятежнымъ сномъ, Алеша.

Часть вторая.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надрывы.

I.

Отецъ Ѳерапонтъ.

Рано утромъ, еще до свѣта, былъ пробужденъ Алеша. Старецъ проснулся и почувствовалъ себя весьма слабымъ, хотя и пожелалъ съ постели пересѣсть въ кресло. Онъ былъ въ полной памяти; лицо же его было хотя и весьма утомленное, но ясное, почти радостное, а взглядъ веселый, привѣтливый, зовущій. „Можетъ, и не переживу наступившаго дня сего“, сказалъ онъ Алешѣ; затѣмъ возжелалъ исповѣдаться и причаститься немедленно. Духовникомъ его всегда былъ отецъ Паисій. По совершеніи обоихъ таинствъ, началось соборованіе. Собрались іеромонахи, келья мало-по-малу наполнилась скитниками. Наступилъ межъ тѣмъ день. Стали приходить и изъ монастыря. Когда кончилась служба, старецъ со всѣми возжелалъ проститься и всѣхъ цѣловалъ. По тѣснотѣ кельи, приходившіе прежде выходили и уступали другимъ. Алеша стоялъ подлѣ старца, который опять пересѣлъ въ кресло. Онъ говорилъ и училъ сколько могъ, голосъ его, хоть и слабый, былъ еще довольно твердъ. „Столько лѣтъ училъ васъ и, стало-быть, столько лѣтъ вслухъ говорилъ, что какъ бы и привычку взялъ говорить, а говоря васъ учить, и до того сіе, что молчать мнѣ почти и труднѣе было бы,

чѣмъ говорить, отцы и братія милые, даже и теперь, при слабости моей",—пошутилъ онъ, умиленно взирая на толпившихся около него. Алеша упомнилъ потомъ кое-что изъ того, что̀ онъ тогда сказалъ. Но хоть и внятно говорилъ, и хоть и голосомъ достаточно твердымъ, но рѣчь его была довольно несвязна. Говорилъ онъ о многомъ, казалось, хотѣлъ бы все сказать, все высказать еще разъ, предъ смертною минутой, изо всего недосказаннаго въ жизни, и не поученія лишь одного ради, а какъ бы жаждая подѣлиться радостью и восторгомъ своимъ со всѣми и вся, излиться еще разъ въ жизни сердцемъ своимъ...

„Любите другъ друга, отцы, училъ старецъ (сколько запомнилъ потомъ Алеша). Любите народъ Божій. Не святѣй же мы мірскихъ за то, что сюда пришли и въ сихъ стѣнахъ затворились, а, напротивъ, всякій сюда пришедшій, уже тѣмъ самымъ, что пришелъ сюда, позналъ про себя, что онъ хуже всѣхъ мірскихъ и всѣхъ и вся на землѣ... И чѣмъ долѣе потомъ будетъ жить инокъ въ стѣнахъ своихъ, тѣмъ чувствительнѣе долженъ и сознавать сіе. Ибо въ противномъ случаѣ не зачѣмъ ему было и приходить сюда. Когда же познаетъ, что не только онъ хуже всѣхъ мірскихъ, но и предъ всѣми людьми за всѣхъ и за вся виноватъ, за всѣ грѣхи людскіе, міровые и единоличные, то тогда лишь цѣль нашего единенія достигнется. Ибо знайте, милые, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ. Сіе сознаніе есть вѣнецъ пути иноческаго, да и всякаго на землѣ человѣка. Ибо иноки не иные суть человѣки, а лишь только такіе, какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало бы. Тогда лишь и умилилось бы сердце наше въ любовь безконечную, вселенскую, не знающую насыщенія. Тогда каждый изъ васъ будетъ въ силахъ весь міръ любовію пріобрѣсти и слезами своими міровые грѣхи омыть... Всякъ ходи около сердца своего, всякъ себѣ исповѣдайся неустанно. Грѣха своего не бойтесь, даже и сознавъ его, лишь бы покаяніе было, по условій съ Богомъ не дѣлайте. Паки говорю—не гордитесь. Не гордитесь предъ малыми, не гордитесь и предъ великими. Не ненавидьте и отвергающихъ васъ, поносящихъ васъ, поносящихъ васъ и на васъ клевещущихъ. Не ненавидьте атеистовъ, злоучителей, матеріалистовъ, даже злыхъ изъ

нихъ, не токмо добрыхъ, ибо и изъ нихъ много добрыхъ, наипаче въ наше время. Поминайте ихъ на молитвѣ тако: спаси всѣхъ, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тѣхъ, кто не хочетъ Тебѣ молиться. И прибавьте тутъ же: не по гордости моей молю о семъ, Господи, ибо и самъ мерзокъ есмь паче всѣхъ и вся... Народъ Божій любите, не отдавайте стада отбивать пришельцамъ, ибо если заснете въ лѣни и въ брезгливой гордости вашей, а пуще въ корыстолюбіи, то придутъ со всѣхъ странъ и отобьютъ у васъ стадо ваше. Толкуйте народу Евангеліе неустанно... Не лихоимствуйте... Серебра и золота не любите, не держите... Вѣруйте и знамя держите. Высоко возносите его"...

Старецъ, впрочемъ, говорилъ отрывочнѣе, чѣмъ здѣсь было изложено и какъ записалъ потомъ Алеша. Иногда онъ пресѣкалъ говорить совсѣмъ, какъ бы собираясь съ силами, задыхался, но былъ какъ бы въ восторгѣ. Слушали его съ умиленіемъ, хотя многіе и дивились словамъ его и видѣли въ нихъ темноту... Потомъ всѣ эти слова вспомнили. Когда Алешѣ случилось на минуту отлучиться изъ кельи, то онъ былъ пораженъ всеобщимъ волненіемъ и ожиданіемъ толпившейся въ кельѣ и около кельи братіи. Ожиданіе было между иными почти тревожное, у другихъ торжественное. Всѣ ожидали чего-то немедленнаго и великаго тотчасъ по успеніи старца. Ожиданіе это съ одной точки зрѣнія было почти какъ бы и легкомысленное, но даже и самые строгіе старцы подвергались сему. Всего строже было лицо старца іеромонаха Паисія. Алеша отлучился изъ кельи лишь потому, что былъ таинственно вызванъ, чрезъ одного монаха, прибывшимъ изъ города Ракитинымъ со страннымъ письмомъ къ Алешѣ отъ госпожи Хохлаковой. Та сообщала Алешѣ одно любопытное, чрезвычайно кстати пришедшее извѣстіе. Дѣло состояло въ томъ, что вчера между вѣрующими простонародными женщинами, приходившими поклониться старцу и благословиться у него, была одна городская старушка, Прохоровна, унтеръ-офицерская вдова. Спрашивала она старца: можно ли ей помянуть сыночка своего Васеньку, заѣхавшаго по службѣ далеко въ Сибирь, въ Иркутскъ, и отъ котораго она уже годъ не получала никакого извѣстія, вмѣсто покойника, въ церкви за упокой? На что̀ старецъ отвѣтилъ ей со строгостью, запретивъ и назвавъ такого рода поминаніе подобнымъ колдовству. Но затѣмъ.

простивъ ей по невѣдѣнію, прибавилъ, „какъ бы смотря въ книгу будущаго“ (выражалась госпожа Хохлакова въ письмѣ своемъ) и утѣшеніе: „что сынъ ея Вася живъ несомнѣнно, и что или самъ пріѣдетъ къ ней въ скорости, или письмо пришлетъ, и чтобъ она шла въ свой домъ и ждала сего.“ И что̀ же? прибавляла въ восторгѣ госпожа Хохлакова:—„пророчество совершилось даже буквально, и даже болѣе того“. Едва лишь старушка вернулась домой, какъ ей тотчасъ же передали уже ожидавшее ее письмо изъ Сибири. Но этого еще мало: въ письмѣ этомъ, писанномъ съ дороги, изъ Екатеринбурга, Вася увѣдомлялъ свою мать, что ѣдетъ самъ въ Россію, возвращается съ однимъ чиновникомъ, и что недѣли черезъ три по полученіи письма сего „онъ надѣется обнять свою мать“. Госпожа Хохлакова настоятельно и горячо умоляла Алешу немедленно передать это свершившееся вновь „чудо предсказанія“ игумену и всей братіи: „Это должно быть всѣмъ, всѣмъ извѣстно!“ восклицала она, заключая письмо свое. Письмо ея было написано на-скоро, поспѣшно, волненіе писавшей отзывалось въ каждой строчкѣ его. Но Алешѣ уже и нечего было сообщать братіи, ибо всѣ уже все знали: Ракитинъ, пославъ за нимъ монаха, поручилъ тому, кромѣ того, „почтительнѣйше донести и его высокопреподобію отцу Паисію, что имѣетъ до него онъ, Ракитинъ, нѣкое дѣло, но такой важности, что и минуты не смѣетъ отложить для сообщенія ему, за дерзость же свою земно проситъ простить его“. Такъ какъ отцу Паисію монашекъ сообщилъ просьбу Ракитина раньше, чѣмъ Алешѣ, то Алешѣ, придя на мѣсто, оставалось лишь, прочтя письмецо, сообщить его тотчасъ же отцу Паисію въ видѣ лишь документа. И вотъ даже этотъ суровый и недовѣрчивый человѣкъ, прочтя, нахмурившись, извѣстіе о „чудѣ“, не могъ удержать вполнѣ нѣкотораго внутренняго чувства своего. Глаза его сверкнули, уста важно и проникновенно вдругъ улыбнулись.

— То ли узримъ? какъ бы вырвалось у него вдругъ.

— То ли еще узримъ, то ли еще узримъ! повторили кругомъ монахи, но отецъ Паисій, снова нахмурившись, попросилъ всѣхъ хотя бы до времени вслухъ о семъ не сообщать никому, „пока еще болѣе подтвердится, ибо много въ свѣтскихъ легкомыслія, да и случай сей могъ произойти естественно“, прибавилъ онъ осторожно, какъ бы для очистки совѣсти, но почти самъ не вѣруя своей

оговоркѣ, что̀ очень хорошо усмотрѣли и слушавшіе. Въ тотъ же часъ, конечно, „чудо“ стало извѣстно всему монастырю и многимъ даже пришедшимъ въ монастырь къ литургіи свѣтскимъ. Всѣхъ же болѣе, казалось, былъ пораженъ совершившимся чудомъ вчерашній захожій въ обитель монашекъ „отъ святаго Сильвестра“, изъ одной малой обители Обдорской на дальнемъ Сѣверѣ. Онъ поклонился вчера старцу, стоя около г-жи Хохлаковой и, указывая ему на „исцѣлѣвшую“ дочь этой дамы, проникновенно спросилъ его: „Какъ дерзаете вы дѣлать такія дѣла?“

Дѣло въ томъ, что теперь онъ былъ уже въ нѣкоторомъ недоумѣніи и почти не зналъ чему вѣрить. Еще вчера, ввечеру, посѣтилъ онъ монастырскаго отца Ѳерапонта, въ особой кельѣ его за пасѣкой, и былъ пораженъ этою встрѣчей, которая произвела на него чрезвычайное и ужасающее впечатлѣніе. Старецъ этотъ, отецъ Ѳерапонтъ, былъ тотъ самый престарѣлый монахъ, великій постникъ и молчальникъ, о которомъ мы уже и упоминали, какъ о противникѣ старца Зосимы, и главное— старчества, которое и считалъ онъ вреднымъ и легкомысленнымъ новшествомъ. Противникъ этотъ былъ чрезвычайно опасный, несмотря на то, что онъ, какъ молчальникъ, почти и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. Опасенъ же онъ, главное, былъ тѣмъ, что множество братіи вполнѣ сочувствовало ему, а изъ приходящихъ мірскихъ очень многіе чтили его, какъ великаго праведника и подвижника, несмотря на то, что видѣли въ немъ несомнѣнно юродиваго. Но юродство-то и плѣняло. Къ старцу Зосимѣ этотъ отецъ Ѳерапонтъ никогда не ходилъ. Хотя онъ и проживалъ въ скиту, но его не очень-то безпокоили скитскими правилами, потому опять-таки, что держалъ онъ себя прямо юродивымъ. Было ему лѣтъ семьдесятъ пять, если не болѣе, а проживалъ онъ за скитскою пасѣкой, въ углу стѣны, въ старой, почти развалившейся деревянной кельѣ, поставленной тутъ еще въ древнѣйшія времена, еще въ прошломъ столѣтіи, для одного тоже величайшаго постника и молчальника, отца Іоны, прожившаго до ста пяти лѣтъ, и о подвигахъ котораго даже до сихъ поръ ходили въ монастырѣ и въ окрестностяхъ его многіе любопытнѣйшіе разсказы. Отецъ Ѳерапонтъ добился того, что и его, наконецъ, поселили, лѣтъ семь тому назадъ, въ этой самой уединенной келійкѣ, то-

есть просто въ избѣ, но которая весьма похожа была на часовню, ибо заключала въ себѣ чрезвычайно много жертвованныхъ образовъ съ теплившимися вѣковѣчно передъ ними жертвованными лампадками, какъ бы смотрѣть за которыми и возжигать ихъ и приставленъ былъ отецъ Ѳерапонтъ. Ѣлъ онъ, какъ говорили (да оно и правда было), всего лишь по два фунта хлѣба въ три дня, не болѣе; приносилъ ему ихъ каждые три дня, жившій тутъ же на пасѣкѣ пасѣчникъ, но даже и съ этимъ прислуживавшимъ ему пасѣчникомъ отецъ Ѳерапонтъ тоже рѣдко когда молвилъ слово. Эти четыре фунта хлѣба, вмѣстѣ съ воскресною просвиркой, послѣ поздней обѣдни, аккуратно присылаемой блаженному игуменомъ, и составляли все его недѣльное пропитаніе. Воду же въ кружкѣ перемѣняли ему на каждый день. У обѣдни онъ рѣдко появлялся. Приходившіе поклонники видѣли, какъ онъ простаивалъ иногда весь день на молитвѣ, не вставая съ колѣнъ и не озираясь. Если же и вступалъ когда съ ними въ бесѣду, то былъ кратокъ, отрывистъ, страненъ и всегда почти грубъ. Бывали, однако, очень рѣдкіе случаи, что и онъ разговорится съ прибывшими, но большею частію произносилъ одно лишь какое-нибудь странное слово, задававшее всегда посѣтителю большую загадку, и затѣмъ уже, несмотря ни на какія просьбы, не произносилъ ничего въ объясненіе. Чина священническаго не имѣлъ, былъ простой лишь монахъ. Ходилъ очень странный слухъ, между самыми, впрочемъ, темными людьми, что отецъ Ѳерапонтъ имѣетъ сообщеніе съ небесными духами и съ ними только ведетъ бесѣду, вотъ почему съ людьми и молчитъ. Обдорскій монашекъ, пробравшись на пасѣку по указанію пасѣчника, тоже весьма молчаливаго и угрюмаго монаха, пошелъ въ уголокъ, гдѣ стояла келійка отца Ѳерапонта. „Можетъ и заговоритъ, какъ съ пришельцемъ, а, можетъ, и ничего отъ него не добьешься", предупредилъ его пасѣчникъ. Подходилъ монашекъ, какъ и самъ передавалъ онъ потомъ, съ величайшимъ страхомъ. Часъ былъ уже довольно поздній. Отецъ Ѳерапонтъ сидѣлъ въ этотъ разъ у дверей келійки, на низенькой скамеечкѣ. Надъ нимъ слегка шумѣлъ огромный старый вязъ. Пахнулъ вечерній холодокъ. Обдорскій монашекъ поклонился ницъ передъ блаженнымъ и попросилъ благословенія.

— Хочешь, чтобъ и я передъ тобой, монахъ, ницъ упалъ? проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ.—Возстани!

Монашекъ всталъ:

— Благословляя да благословишися, садись подлѣ. Откулева занесло?

Что всего болѣе поразило бѣднаго монашка, такъ это, что отецъ Ѳерапонтъ, при несомнѣнномъ, великомъ постничествѣ его, и будучи въ столь преклонныхъ лѣтахъ, былъ еще на видъ старикъ сильный, высокій, держащій себя прямо, несогбенно, съ лицомъ свѣжимъ, хоть и худымъ, но здоровымъ. Несомнѣнно тоже сохранилась въ немъ еще и значительная сила. Сложенія же былъ атлетическаго. Несмотря на столь великія лѣта его, былъ онъ даже и не вполнѣ сѣдъ, съ весьма еще густыми, прежде совсѣмъ черными волосами на головѣ и бородѣ. Глаза его были сѣрые, большіе, свѣтящіеся, но чрезвычайно вылупившіеся, что даже поражало. Говорилъ съ сильнымъ удареніемъ на *о*. Одѣтъ же былъ въ рыжеватый длинный армякъ, грубаго арестантскаго, попрежнему именованію, сукна и подпоясанъ толстою веревкой. Шея и грудь обнажены. Толстѣйшаго холста, почти совсѣмъ почернѣвшая рубаха, по мѣсяцамъ не снимавшаяся, выглядывала изъ-подъ армяка. Говорили, что носитъ онъ на себѣ, подъ армякомъ, тридцати-фунтовыя вериги. Обутъ же былъ въ старые, почти развалившіеся башмаки на босу ногу.

— Изъ малой Обдорской обители, отъ святаго Селивестра, смиренно отвѣтилъ захожій монашекъ, быстрыми, любопытными своими глазками, хотя нѣсколько и испуганными, наблюдая отшельника.

— Бывалъ у твоего Селивестра. Живалъ. Здоровъ ли Селивестръ-отъ?

Монашекъ замялся.

— Безтолковые вы человѣки! Како соблюдаете постъ?

— Трапезникъ нашъ, по древлему скитскому, тако устроенъ: О Четыредесятницѣ въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ, трапезы не поставляютъ. Во вторникъ и четвертокъ, на братію хлѣбы бѣлые, взваръ съ медомъ, ягода морошка или капуста соленая, да толокно мѣшано. Въ субботу шти бѣлыя, лапша гороховая, каша соковая, все съ масломъ. Въ недѣлю ко штямъ сухая рыба да каша. Въ Страстную же седмицу отъ понедѣльника, даже до субботняго вечера, дней шесть, хлѣбъ съ водою, точію ясти и зеліе не варено, и се съ воздержаніемъ; аще есть можно и не на всякъ день пріимати, по яко же речено

бысть о первой седьмицѣ. Во святый же Великій Пятокъ, ничесо же ясти, такожде и Великую Субботу поститися намъ до третіяго часа и тогда вкусити мало хлѣба съ водой и по единой чашѣ вина испити. Во святый же Великій Четвертокъ ядимъ варенія безъ масла, піемъ же вино и ино сухояденіемъ. Ибо иже въ Лаодикіи соборъ о Велицѣмъ Четверткѣ тако глаголетъ: „Яко не достоитъ въ Четыредесятницу послѣдней недѣли четвертокъ разрѣшити и всю Четыредесятницу безчестити". Вотъ какъ у насъ. Но что̀ сіе сравнительно съ вами, великій отче, ободрившись прибавилъ монашекъ,—ибо и круглый годъ, даже и во Святую Пасху, лишь хлѣбомъ съ водою питаетесь, и что у насъ хлѣба на два дня, то у васъ на всю седмицу идетъ. Воистину дивно таковое великое воздержаніе ваше.

— А грузди? спросилъ вдругъ отецъ Ѳерапонтъ, произнося букву г придыхательно, почти какъ херъ.

— Грузди? переспросилъ удивленный монашекъ.

— То-то. Я-то отъ ихъ хлѣба уйду, не нуждаясь въ немъ вовсе, хотя бы и въ лѣсъ, и тамъ груздемъ проживу, или ягодой, а они здѣсь не уйдутъ отъ своего хлѣба, стало быть, чорту связаны. Нынѣ поганцы рекутъ, что поститься столь нечего. Надменное и поганое сіе есть разсужденіе ихъ.

— Охъ, правда, вздохнулъ монашекъ.

— А чертей у тѣхъ видѣлъ? спросилъ отецъ Ѳерапонтъ.

— У кого же у тѣхъ? робко освѣдомился монашекъ.

— Я къ игумену прошлаго года во святую Пятидесятницу восходилъ, а съ тѣхъ поръ и не былъ. Видѣлъ, у котораго на персяхъ сидитъ, подъ рясу прячется, токмо рожки выглядываютъ; у котораго изъ кармана высматриваетъ, глаза быстрые, меня-то боится; у котораго во чревѣ поселился, въ самомъ нечистомъ брюхѣ его, а у нѣкоего такъ на шеѣ виситъ, уцѣпился, такъ и носитъ, а его не видитъ.

— Вы... видите? освѣдомился монашекъ.

— Говорю вижу, наскрось вижу. Какъ сталъ отъ игумена выходить, смотрю—одинъ за дверь отъ меня прячется, да матерой такой, аршина въ полтора али больше росту, хвостище же толстый, бурый, длинный, да концомъ хвоста въ щель дверную и попади, а я не будь глупъ, дверь-то вдругъ и прихлопнулъ, да хвостъ-то ему и за-

щемилъ. Какъ завизжитъ, началъ биться, а я его крестнымъ знаменіемъ, да трижды,—и закрестилъ. Тутъ и подохъ, какъ паукъ давленый. Теперь, надоть быть, погнилъ въ углу-то, смердитъ, а они-то не видятъ, не чухаютъ. Годъ не хожу. Тебѣ лишь, какъ иностранцу, открываю.

— Страшныя словеса ваши! А что, великій и блаженный отче, осмѣливался все больше и больше монашекъ,— правда ли, про васъ великая слава идетъ; даже до отдаленныхъ земель, будто со Святымъ Духомъ безпрерывное общеніе имѣете?

— Слетаетъ. Бываетъ.

— Какъ же слетаетъ? Въ какомъ же видѣ?

— Птицею.

— Святой Духъ въ видѣ голубинѣ?

— То святый Духъ, а то Святодухъ. Святодухъ иное, тотъ можетъ и другою птицею снизойти: ино ласточкой, ино щегломъ, а ино и синицею.

— Какъ же вы узнаете его отъ синицы-то?

— Говоритъ.

— Какъ же говоритъ, какимъ языкомъ?

— Человѣчьимъ.

— А что же онъ вамъ говоритъ?

— Вотъ сегодня возвѣстилъ, что дуракъ посѣтитъ и спрашивать будетъ негожее. Много, инокъ, знать хочеши.

— Ужасны словеса ваши, блаженнѣйшій и святѣйшій отче, качалъ головою монашекъ. Въ пугливыхъ глазкахъ его завидѣлась, впрочемъ, и недовѣрчивость.

— А видишь ли древо сіе? спросилъ, помолчавъ, отецъ Ѳерапонтъ.

— Вижу, блаженнѣйшій отче.

— По-твоему вязъ, а по-моему иная картина.

— Какая же? помолчалъ въ тщетномъ ожиданіи монашекъ.

— Бываетъ въ нощи. Видишь сіи два сука? Въ нощи же и се Христосъ руцѣ ко мнѣ простираетъ и руками тѣми ищетъ меня, явно вижу и трепещу. Страшно, о, страшно!

— Что же страшнаго, коли самъ бы Христосъ?

— А захватитъ и вознесетъ.

— Живого-то?

— А въ духѣ и славѣ Иліи, не слыхалъ, что ли? Обыметъ и унесетъ...

Хотя обдорскій монашекъ послѣ сего разговора воро-

тился въ указанную ему келійку, у одного изъ братій, даже въ довольно сильномъ недоумѣніи, но сердце его несомнѣнно все же лежало больше къ отцу Ѳерапонту, чѣмъ къ отцу Зосимѣ. Монашекъ обдорскій былъ прежде всего за постъ, а такому великому постнику, какъ отецъ Ѳерапонтъ, не дивно было и „чудная видѣти". Слова его, конечно, были какъ бы и нелѣпыя, но вѣдь Господь знаетъ, что̀ въ нихъ заключалось-то, въ этихъ словахъ, а у всѣхъ Христа ради юродивыхъ и не такіе еще бываютъ слова и поступки. Защемленному же чортову хвосту онъ не только въ иносказательномъ, но и въ прямомъ смыслѣ душевно и съ удовольствіемъ готовъ былъ повѣрить. Кромѣ сего, онъ и прежде, еще до прихода въ монастырь, былъ въ большомъ предубѣжденіи противъ старчества, которое зналъ доселѣ лишь по разсказамъ и принималъ его вслѣдъ за многими другими рѣшительно за вредное новшество. Ободнявъ уже въ монастырѣ, успѣлъ отмѣтить и тайный ропотъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ и несогласныхъ на старчество братій. Былъ онъ къ тому же по натурѣ своей инокъ шныряющій и проворный, съ превеликимъ ко всему любопытствомъ. Вотъ почему великое извѣстіе о новомъ „чудѣ", совершенномъ старцемъ Зосимою, повергло его въ чрезвычайное недоумѣніе. Алеша припомнилъ потомъ, какъ въ числѣ тѣснившихся къ старцу и около кельи его иноковъ мелькала много разъ предъ нимъ шныряющая вездѣ по всѣмъ кучкамъ фигура любопытнаго обдорскаго гостя, ко всему прислушивающагося и всѣхъ вопрошающаго. Но тогда онъ мало обратилъ вниманія на него и только потомъ все припомнилъ... Да и не до того ему было: старецъ Зосима, почувствовавшій вновь усталость и улегшійся опять въ постель, вдругъ, заводя уже очи, вспомнилъ о немъ и потребовалъ его къ себѣ. Алеша немедленно прибѣжалъ. Около старца находились тогда всего лишь отецъ Паисій, отецъ іеромонахъ Іосифъ, да Порфирій послушникъ. Старецъ, раскрывъ утомленныя очи и пристально глянувъ на Алешу, вдругъ спросилъ его:

— Ждутъ ли тебя твои, сынокъ?

Алеша замялся.

— Не имѣютъ ли нужды въ тебѣ? Обѣщалъ ли кому вчера на сегодня быти?

— Обѣщался... отцу... братьямъ... другимъ тоже...

— Видишь. Непремѣнно иди. Не печалься. Знай, что не умру безъ того, чтобы не сказать при тебѣ послѣднее

мое на землѣ слово. Тебѣ скажу это слово, сынокъ, тебѣ и завѣщаю его. Тебѣ, сынокъ милый, ибо любишь меня. А теперь пока иди къ тѣмъ, кому обѣщалъ.

Алеша немедленно покорился, хотя и тяжело ему было уходить. Но обѣщаніе слышать послѣднее слово его на землѣ и, главное, какъ бы ему, Алешѣ, завѣщанное, потрясло его душу восторгомъ. Онъ заспѣшилъ, чтобъ, окончивъ все въ городѣ, поскорѣй воротиться. Какъ разъ и отецъ Паисій молвилъ ему напутственное слово, произведшее на него весьма сильное и неожиданное впечатлѣніе. Это когда уже они оба вышли изъ кельи старца.

— Помни, юный, неустанно (такъ прямо и безо всякаго предисловія началъ отецъ Паисій), что мірская наука, соединившись въ великую силу, разобрала, въ послѣдній вѣкъ особенно, все что̀ завѣщано въ книгахъ святыхъ намъ небеснаго и послѣ жестокаго анализа у ученыхъ міра сего не осталось изо всей прежней святыни рѣшительно ничего. Но разбирали они по частямъ, а цѣлое просмотрѣли, и даже удивленія достойно, до какой слѣпоты. Тогда какъ цѣлое стоитъ предъ ихъ же глазами незыблемо какъ и прежде, и врата адовы не одолѣваютъ его. Развѣ не жило оно девятнадцать вѣковъ, развѣ не живетъ и теперь въ движеніяхъ единичныхъ душъ и въ движеніяхъ народныхъ массъ? Даже въ движеніяхъ душъ тѣхъ же самыхъ, все разрушившихъ, атеистовъ живетъ оно какъ прежде незыблемо! Ибо и отрекшіеся отъ христіанства и бунтующіе противъ него, въ существѣ своемъ сами того же самаго Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ сердца ихъ не въ силахъ были создать иного высшаго образа человѣку и достоинству его, какъ образъ, указанный древле Христомъ. А что было попытокъ, то выходили однѣ лишь уродливости. Запомни сіе особенно, юный, ибо въ міръ назначаешься отходящимъ старцемъ твоимъ. Можетъ, вспоминая сей день великій, не забудешь и словъ моихъ, ради сердечнаго тебѣ напутствія данныхъ, ибо младъ еси, а соблазны въ мірѣ тяжелые и не твоимъ силамъ вынести ихъ. Ну, теперь ступай, сирота.

Съ этимъ словомъ отецъ Паисій благословилъ его. Выходя изъ монастыря и обдумывая всѣ эти внезапныя слова, Алеша вдругъ понялъ, что въ этомъ строгомъ и суровомъ доселѣ къ нему монахѣ онъ встрѣчаетъ теперь новаго неожиданнаго друга и горячо любящаго его новаго руко-

водителя,—точно какъ бы старецъ Зосима завѣщалъ ему его, умирая. „А, можетъ быть, такъ оно и впрямь между ними произошло“, подумалъ вдругъ Алеша. Неожиданное же и ученое разсужденіе его, которое онъ сейчасъ выслушалъ, именно это, а не другое какое-нибудь, свидѣтельствовало лишь о горячности сердца отца Паисія: онъ уже спѣшилъ какъ можно скорѣе вооружить юный умъ для борьбы съ соблазнами и огородить юную душу, ему завѣщанную, оградой, какой крѣпче и самъ не могъ представить себѣ.

II.

У отца.

Прежде всего Алеша пошелъ къ отцу. Подходя, онъ вспомнилъ, что отецъ очень настаивалъ наканунѣ, чтобъ онъ какъ-нибудь вошелъ потихоньку отъ брата Ивана. „Почему жъ? подумалось вдругъ теперь Алешѣ. Если отецъ хочетъ что-нибудь мнѣ сказать одному, потихоньку, то зачѣмъ же мнѣ входить потихоньку? Вѣрно онъ вчера въ волненіи хотѣлъ что-то другое сказать, да не успѣлъ“, рѣшилъ онъ. Тѣмъ не менѣе очень былъ радъ, когда отворившая ему калитку Марѳа Игнатьевна (Григорій, оказалось, расхворался и лежалъ во флигелѣ) сообщила ему на его вопросъ, что Иванъ Ѳедоровичъ уже два часа какъ вышелъ-съ.

— А батюшка?

— Всталъ, кофе кушаетъ, какъ-то сухо отвѣтила Марѳа Игнатьевна.

Алеша вошелъ. Старикъ сидѣлъ одинъ за столомъ, въ туфляхъ и въ старомъ пальтишкѣ, и просматривалъ для развлеченія, безъ большого однако вниманія, какіе-то счеты. Онъ былъ совсѣмъ одинъ во всемъ домѣ (Смердяковъ тоже ушелъ за провизіей къ обѣду). Но не счеты его занимали. Хоть онъ и всталъ поутру рано съ постели и бодрился, а видъ все-таки имѣлъ усталый и слабый. Лобъ его, на которомъ за ночь разрослись огромные багровые подтеки, обвязанъ былъ краснымъ платкомъ. Носъ тоже за ночь сильно припухъ и на немъ тоже образовалось нѣсколько хоть и незначительныхъ подтековъ пятнами, но рѣшительно придавшихъ всему лицу какой-то особенно злобный и раздраженный видъ. Старикъ зналъ про это самъ и недружелюбно поглядѣлъ на входившаго Алешу.

— Кофе холодный, крикнулъ онъ рѣзко, — не потчую.

Я, братъ, самъ сегодня на одной постной ухѣ сижу и никого не приглашаю. Зачѣмъ пожаловалъ?

— Узнать о вашемъ здоровьѣ, проговорилъ Алеша.

— Да. И кромѣ того, я тебѣ вчера самъ велѣлъ придти. Вздоръ все это. Напрасно изволилъ потревожиться. Я такъ, впрочемъ, и зналъ, что ты тотчасъ притащишься...

Онъ проговорилъ это съ самымъ непріязненнымъ чувствомъ. Тѣмъ временемъ всталъ съ мѣста и озабоченно посмотрѣлъ въ зеркало (можетъ быть, въ сороковой разъ съ утра) на свой носъ. Началъ тоже прилаживать покрасивѣе на лбу свой красный платокъ.

— Красный-то лучше, а въ бѣломъ на больницу похоже, сентенціозно замѣтилъ онъ.—Ну, что̀ тамъ у тебя? Что̀ твой старецъ?

— Ему очень худо; онъ, можетъ быть, сегодня умретъ, отвѣтилъ Алеша, но отецъ даже и не разслышалъ, да и вопросъ свой тотчасъ забылъ.

— Иванъ ушелъ, сказалъ онъ вдругъ.—Онъ у Митьки изо всѣхъ силъ невѣсту его отбиваетъ, для того здѣсь и живетъ, прибавилъ онъ злобно и, скрививъ ротъ, посмотрѣлъ на Алешу.

— Неужто жъ онъ вамъ самъ такъ сказалъ? спросилъ Алеша.

— Да и давно еще сказалъ. Какъ ты думаешь: недѣли съ три, какъ сказалъ. Не зарѣзать же меня тайкомъ и онъ пріѣхалъ сюда? Для чего-нибудь да пріѣхалъ же?

— Что̀ вы! Чего вы это такъ говорите? смутился ужасно Алеша.

— Денегъ онъ не проситъ, правда, а все же отъ меня ни шиша не получитъ. Я, милѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ можно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было бы вамъ это извѣстно, а потому мнѣ каждая копейка нужна, и чѣмъ дольше буду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе, продолжалъ онъ, похаживая по комнатѣ изъ угла въ уголъ, держа руки по карманамъ своего широкаго, засаленнаго, изъ желтой лѣтней каламянки, пальто. — Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу и еще лѣтъ двадцать на линіи мужчины состоять, такъ вѣдь состарѣюсь — поганъ стану, не пойдутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю волей, ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного себя-съ, милый сынъ мой Алексѣй Ѳедоровичъ, было бы вамъ извѣстно, потому что я въ

скверне моей до конца хочу прожить, было бы вамъ это извѣстно. Въ скверне-то слаще: всѣ ее ругаютъ, а всѣ въ ней живутъ, только всѣ тайкомъ, а я открыто. Вотъ за простодушіе-то это мое на меня всѣ сквернавцы и накинулись. А въ рай твой, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не хочу, это было бы тебѣ извѣстно, да порядочному человѣку оно даже въ рай-то твой и неприлично, если даже тамъ и есть онъ. По-моему, заснулъ и не проснулся, и нѣтъ ничего, поминайте меня коли хотите, а не хотите, такъ и чортъ васъ дери. Вотъ моя философія. Вчера Иванъ здѣсь хорошо говорилъ, хотя и были мы всѣ пьяны. Иванъ хвастунъ, да и никакой у него такой учености нѣтъ... да и особеннаго образованія даже нѣтъ никакого, молчитъ, да усмѣхается на тебя молча, — вотъ на чемъ только и выѣзжаетъ.

Алеша его слушалъ и молчалъ.

— Зачѣмъ онъ не говоритъ со мной? А и говоритъ такъ ломается; подлецъ твой Иванъ! А на Грушкѣ сейчасъ женюсь, только захочу. Потому что съ деньгами стòитъ только захотѣть-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, все и будетъ. Вотъ Иванъ-то этого самаго и боится и сторожитъ меня, чтобъ я не женился, а для того наталкиваетъ Митьку, чтобы тотъ на Грушкѣ женился: такимъ образомъ хочетъ и меня отъ Грушки уберечь (будто бы я ему денегъ оставлю, если на Грушкѣ не женюсь!), а съ другой стороны, если Митька на Грушкѣ женится, такъ Иванъ его невѣсту богатую себѣ возьметъ, вотъ у него расчетъ какой! Подлецъ твой Иванъ!

— Какъ вы раздражительны. Это вы со вчерашняго; пошли бы вы да легли, сказалъ Алеша.

— Вотъ ты говоришь это, вдругъ замѣтилъ старикъ, точно это ему въ первый разъ только въ голову вошло,— говоришь, а я на тебя не сержусь, а на Ивана, если бъ онъ мнѣ это самое сказалъ, я бы разсердился. Съ тобой только однимъ бывали у меня добренькія минутки, а то я вѣдь злой человѣкъ.

— Не злой вы человѣкъ, а исковерканный, улыбнулся Алеша.

— Слушай, я разбойника Митьку хотѣлъ сегодня было засадить, да и теперь еще не знаю какъ рѣшу. Конечно, въ теперешнее модное время принято отцовъ да матерей за предразсудокъ считать, но вѣдь по законамъ-то, кажется, и въ наше время не позволено стариковъ отцовъ

за волосы таскать, да по рожѣ каблуками на полу бить, въ ихъ собственномъ домѣ, да похваляться придти и совсѣмъ убить—все при свидѣтеляхъ-съ. Я бы, если бы захотѣлъ, скрючилъ его и могъ бы за вчерашнее сейчасъ засадить.

— Такъ вы не хотите жаловаться, нѣтъ?

— Иванъ отговорилъ. Я бы наплевалъ на Ивана, да я самъ одну штуку знаю...

И, нагнувшись къ Алешѣ, онъ продолжалъ конфиденціальнымъ полушопотомъ.

— Засади я его, подлеца, она услышитъ, что я его засадилъ и тотчасъ къ нему побѣжитъ. А услышитъ, если сегодня, что тотъ меня до полусмерти, слабаго старика, избилъ, такъ, пожалуй, броситъ его, да ко мнѣ придетъ навѣстить... Вотъ вѣдь мы какими характерами одарены—только чтобы насупротивъ дѣлать. Я ее насквозь знаю! А что, коньячку не выпьешь? Возьми-ка кофейку холодненькаго, да я тебѣ и прилью четверть рюмочки, хорошо это, братъ, для вкуса.

— Нѣтъ, не надо, благодарю. Вотъ этотъ хлѣбецъ возьму съ собой, коли дадите, сказалъ Алеша, и, взявъ трехкопеечную французскую булку, положилъ ее въ карманъ подрясника.—А коньяку и вамъ бы не пить, опасливо посовѣтовалъ онъ, взглядываясь въ лицо старика.

— Правда твоя, раздражаетъ, а спокою не даетъ. А вѣдь только одну рюмочку... Я вѣдь изъ шкапика...

Онъ отворилъ ключомъ „шкапикъ", налилъ рюмочку, выпилъ, потомъ шкапикъ заперъ и ключъ опять въ карманъ положилъ.

— И довольно, съ рюмки не околѣю.

— Вотъ вы теперь и добрѣе стали, улыбнулся Алеша.

— Гм! Я тебя и безъ коньяку люблю, а съ подлецами и я подлецъ. Ванька не ѣдетъ въ Чермашню — почему? Шпіонить ему надо: много ль я Грушенькѣ дамъ, коли она придетъ. Всѣ подлецы! Да я Ивана не признаю совсѣмъ, не знаю я его совсѣмъ. Откуда такой появился! Не наша совсѣмъ душа. И точно я ему что̀ оставлю? Да я и завѣщанія-то не оставлю, было бы это вамъ извѣстно. А Митьку я раздавлю какъ таракана. Я черныхъ тараканов ночью туфлей давлю: такъ и щелкнетъ какъ наступишь. Щелкнетъ и Митька твой. *Твой* Митька, потому что ты его любишь. Вотъ ты его любишь, а я не боюсь, что ты его любишь. А кабы Иванъ его любилъ, я бы за

себя боялся того, что онъ его любитъ. Но Иванъ никого не любитъ, Иванъ на нашъ человѣкъ, эти люди, какъ Иванъ, это, братъ, не наши люди, это пыль поднявшаяся... Подуетъ вѣтеръ и пыль пройдетъ... Вчера было глупость мнѣ въ голову пришла, когда я тебѣ на сегодня велѣлъ приходить; хотѣлъ было я черезъ тебя узнать насчетъ Митьки-то, если бъ ему тысячку, ну другую, я бы теперь отсчиталъ, согласился ли бы онъ, нищій и мерзавецъ, отселева убраться совсѣмъ, лѣтъ на пять, а лучше на тридцать пять, да безъ Грушки, и уже отъ нея совсѣмъ отказаться, а?

— Я... я спрошу его... пробормоталъ Алеша.—Если всѣ три тысячи, такъ, можетъ быть, онъ...

— Врешь! Не надо теперь спрашивать, ничего не надо! Я передумалъ. Это вчера глупость въ башку мнѣ сглупу влѣзла. Ничего не дамъ, ничевошеньки, мнѣ денежки мои нужны самому, замахалъ рукою старикъ. — Я его и безъ того какъ таракана придавлю. Ничего не говори ему, а то еще будетъ надѣяться. Да и тебѣ совсѣмъ нечего у меня дѣлать, ступай-ка. Невѣста-то эта, Катерина-то Ивановна, которую онъ такъ тщательно отъ меня все время пряталъ, за него идетъ али нѣтъ? Ты вчера ходилъ къ ней, кажется?

— Она его ни за что не хочетъ оставить.

— Вотъ такихъ-то эти нѣжныя барышни и любятъ, кутилъ да подлецовъ! Дрянь, я тебѣ скажу, эти барышни блѣдныя; то-ли дѣло... Ну! кабы мнѣ его молодость, да тогдашнее мое лицо (потому что я лучше его былъ собой въ двадцать восемь-то лѣтъ), такъ я бы точно такъ же какъ и онъ побѣждалъ. Каналья онъ! А Грушеньку все-таки не получитъ-съ, не получитъ-съ... Въ грязь обращу!

Онъ снова разсвирѣпѣлъ съ послѣднихъ словъ.

— Ступай и ты, нечего тебѣ у меня дѣлать сегодня, рѣзко отрѣзалъ онъ.

Алеша подошелъ проститься и поцѣловалъ его въ плечо.

— Ты чего это? удивился немного старикъ.—Еще увидимся вѣдь. Аль думаешь не увидимся?

— Совсѣмъ нѣтъ, я только такъ, нечаянно.

— Да ничего и я, и я только такъ... глядѣлъ на него старикъ.—Слышь ты, слышь, крикнулъ онъ ему вслѣдъ,— приходи когда-нибудь поскорѣй, и на уху, уху сварю, особенную, не сегодняшнюю, непремѣнно приходи! Да завтра, слышишь, завтра приходи!

И только что Алеша вышелъ за дверь, подошелъ опять къ шкапику и хлопнулъ еще полрюмочки.

— Больше не буду! пробормоталъ онъ, крякнувъ, опять заперъ шкапикъ, опять положилъ ключъ въ карманъ, затѣмъ пошелъ въ спальню, въ безсиліи прилегъ на постель и въ одинъ мигъ заснулъ.

III.

Связался со школьниками.

„Слава Богу, что онъ меня про Грушеньку не спросилъ“, подумалъ въ свою очередь Алеша, выходя отъ отца и направляясь въ домъ г-жи Хохлаковой, „а то бы пришлось, пожалуй, про вчерашнюю встрѣчу съ Грушенькой разсказать“. Алеша больно почувствовалъ, что за ночь бойцы собрались съ новыми силами, а сердца ихъ съ наступившимъ днемъ опять окаменѣли: „Отецъ раздраженъ и золъ, онъ выдумалъ что-то и сталъ на томъ; а что̀ Дмитрій? Тотъ тоже за ночь укрѣпился, тоже, надо быть, раздраженъ и золъ, и тоже что-нибудь, конечно, надумалъ... О, непремѣнно надо сегодня его успѣть разыскать во что̀ бы ни стало“...

Но Алешѣ не удалось долго думать: съ нимъ вдругъ случилось дорогой одно происшествіе, на видъ хоть и не очень важное, но сильно его поразившее. Какъ только онъ прошелъ площадь и свернулъ въ переулокъ, чтобы выйти въ Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отдѣлявшуюся отъ нея лишь канавкой (весь городъ нашъ пронизанъ канавками), онъ увидѣлъ внизу предъ мостикомъ маленькую кучку школьниковъ, все малолѣтнихъ дѣтокъ, отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ не больше. Они расходились по домамъ изъ класса со своими ранчиками за плечами, другіе съ кожаными мѣшечками на ремняхъ черезъ плечо, одни просто въ курточкахъ, другіе въ пальтишкахъ, а иные и въ высокихъ сапогахъ со складками на голенищахъ, въ какихъ особенно любятъ щеголять маленькія дѣтки, которыхъ балуютъ зажиточные отцы. Вся группа оживленно о чемъ-то толковала, повидимому, совѣщалась. Алеша никогда не могъ безучастно проходить мимо ребятокъ, въ Москвѣ тоже это бывало съ нимъ, и хоть онъ больше всего любилъ трехлѣтнихъ дѣтей или около того, но и школьники лѣтъ десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому, какъ ни озабоченъ онъ былъ теперь, но ему вдругъ захотѣлось свер-

нуть къ нимъ и вступить въ разговоръ. Подходя, онъ вглядывался въ ихъ румяныя, оживленныя личики и вдругъ увидалъ, что у всѣхъ мальчиковъ было въ рукахъ по камню, у другихъ такъ по два. За канавкой же, примѣрно шагахъ въ тридцати отъ группы, стоялъ у забора и еще мальчикъ, тоже школьникъ, тоже съ мѣшечкомъ на боку, по росту лѣтъ десяти не больше или даже меньше того, — блѣдненькій, болѣзненный и со сверкавшими черными глазками. Онъ внимательно и пытливо наблюдалъ группу шести школьниковъ, очевидно, его же товарищей, съ нимъ же вышедшихъ сейчасъ изъ школы, но съ которыми онъ видимо былъ во враждѣ. Алеша подошелъ и, обратясь къ одному курчавому, бѣлокурому, румяному мальчику въ черной курточкѣ, замѣтилъ, оглядѣвъ его:

— Когда я носилъ вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ у насъ носили на лѣвомъ боку, чтобы правою рукой тотчасъ достать; а у васъ вашъ мѣшокъ на правомъ боку, вамъ неловко доставать.

Алеша безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо съ этого дѣлового замѣчанія, а между тѣмъ взрослому и нельзя начинать иначе, если надо войти прямо въ довѣренность ребенка и особенно цѣлой группы дѣтей. Надо именно начинать серьезно и дѣловито и такъ, чтобы было совсѣмъ на равной ногѣ; Алеша понималъ это инстинктомъ.

— Да онъ лѣвша, отвѣтилъ тотчасъ же другой мальчикъ, молодцоватый и здоровый, лѣтъ одиннадцати.

Всѣ остальные пять мальчиковъ уперлись глазами въ Алешу.

— Онъ и камни лѣвшой бросаетъ, замѣтилъ третій мальчикъ.

Въ это мгновеніе въ группу какъ разъ влетѣлъ камень, задѣлъ слегка мальчика-лѣвшу, но пролетѣлъ мимо, хотя пущенъ былъ ловко и энергически. Пустилъ же его мальчикъ за канавкой.

— Лупи его, сажай въ него, Смуровъ! закричали всѣ.

Но Смуровъ (лѣвша) и безъ того не заставилъ ждать себя и тотчасъ отплатилъ: онъ бросилъ камнемъ въ мальчика за канавкой, но неудачно: камень ударился въ землю. Мальчикъ за канавкой тотчасъ же пустилъ еще въ группу камень, на этотъ разъ прямо въ Алешу и довольно больно ударилъ его въ плечо. У мальчишки за канавкой весь

карманъ былъ полонъ заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шаговъ по отдувшимся карманамъ его пальтишка.

— Это онъ въ васъ, въ васъ, онъ нарочно въ васъ мѣтилъ. Вѣдь вы Карамазовъ, Карамазовъ? закричали, хохоча, мальчики.—Ну, всѣ разомъ въ него, пали!

И шесть камней разомъ вылетѣли изъ группы. Одинъ угодилъ мальчику въ голову и тотъ упалъ, но мигомъ вскочилъ и съ остервенѣніемъ началъ отвѣчать въ группу камнями. Съ обѣихъ сторонъ началась непрерывная перестрѣлка, у многихъ въ группѣ тоже оказались въ карманѣ заготовленные камни.

— Что̀ вы это! Не стыдно ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его! закричалъ Алеша.

Онъ выскочилъ и сталъ навстрѣчу летящимъ камнямъ, чтобы загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо на минутку унялись.

— Онъ самъ первый началъ! закричалъ мальчикъ въ красной рубашкѣ раздраженнымъ дѣтскимъ голосомъ,—онъ подлецъ, онъ давеча въ классѣ Красоткина перочиннымъ ножикомъ пырнулъ, кровь потекла. Красоткинъ только фискалить не хотѣлъ, а этого надо избить...

— Да за что̀? Вы вѣрно сами его дразните?

— А вотъ онъ опять вамъ камень въ спину прислалъ. Онъ васъ знаетъ, закричали дѣти.—Это онъ въ васъ теперь кидаетъ, а не въ насъ. Ну, всѣ, опять въ него, не промахивайся, Смуровъ!

И опять началась перестрѣлка, на этотъ разъ очень злая. Мальчику за канавкой ударило камнемъ въ грудь; онъ вскрикнулъ, заплакалъ и побѣжалъ вверхъ въ гору, на Михайловскую улицу. Въ группѣ загалдѣли: „Ага, струсилъ, бѣжалъ, мочалка!“

— Вы еще не знаете, Карамазовъ, какой онъ подлый, его убить мало, повторилъ мальчикъ въ курточкѣ, съ горящими глазенками, старше всѣхъ, повидимому.

— А какой онъ? спросилъ Алеша.—Фискалъ, что ли?

Мальчики переглянулись какъ будто съ усмѣшкой.

— Вы туда же идете, въ Михайловскую? продолжалъ тотъ же мальчикъ.—Такъ вотъ догоните-ка его... Вонъ, видите, онъ остановился опять, ждетъ и на васъ глядитъ.

— На васъ глядитъ, на васъ глядитъ! подхватили мальчики.

— Такъ вотъ и спросите его, любитъ ли онъ банную мочалку, растрепанную. Слышите, такъ и спросите.

Раздался общій хохотъ. Алеша смотрѣлъ на нихъ, а они на него.

— Не ходите, онъ васъ зашибетъ, закричалъ предупредительно Смуровъ.

— Господа, я его спрашивать о мочалкѣ не буду, потому что вы вѣрно его этимъ какъ-нибудь дразните, но я узнаю отъ него, за что̀ вы его такъ ненавидите...

— Узнайте-ка, узнайте-ка, засмѣялись мальчики.

Алеша перешелъ мостикъ и пошелъ въ горку мимо забора, прямо къ опальному мальчику.

— Смотрите, кричали ему вслѣдъ предупредительно,— онъ васъ не побоится, онъ вдругъ пырнетъ, исподтишка... какъ Красоткина.

Мальчикъ ждалъ его, не двигаясь съ мѣста. Подойдя совсѣмъ, Алеша увидѣлъ предъ собою ребенка не болѣе девяти лѣтъ отъ роду, изъ слабыхъ и малорослыхъ, съ блѣдненькимъ, худенькимъ продолговатымъ личикомъ, съ большими, темными и злобно смотрѣвшими на него глазами. Одѣтъ онъ былъ въ довольно ветхое старенькое пальтишко, изъ котораго уродливо выросъ. Голыя руки торчали изъ рукавовъ. На правомъ колѣнкѣ панталонъ была большая заплатка, а на правомъ сапогѣ, на носкѣ, гдѣ большой палецъ, большая дырка, видно что сильно замазанная чернилами. Въ оба отдувшіеся карманика его пальто были набраны камни. Алеша остановился предъ нимъ въ двухъ шагахъ, вопросительно смотря на него. Мальчикъ, догадавшись тотчасъ по глазамъ Алеши, что тотъ его бить не хочетъ, тоже спустилъ куражу и самъ даже заговорилъ:

— Я одинъ, а ихъ шесть... Я ихъ всѣхъ перебью одинъ, сказалъ онъ вдругъ, сверкнувъ глазами.

— Васъ одинъ камень должно быть очень больно ударилъ, замѣтилъ Алеша.

— А я Смурову въ голову попалъ! вскрикнулъ мальчикъ.

— Они мнѣ тамъ сказали, что вы меня знаете и за что-то въ меня камнемъ бросили? спросилъ Алеша.

Мальчикъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю. Развѣ вы меня знаете? допрашивалъ Алеша.

— Не приставайте! вдругъ раздражительно вскрикнулъ

мальчикъ, самъ, однакожъ, не двигаясь съ мѣста, какъ бы все чего-то выжидая и опять злобно засверкавъ глазенками.

— Хорошо, я пойду, сказалъ Алеша, — только я васъ не знаю и не дразню. Они мнѣ сказали, какъ васъ дразнять, но я васъ не хочу дразнить, прощайте!

— Монахъ въ гарнитуровыхъ штанахъ! крикнулъ мальчикъ, все тѣмъ же злобнымъ и вызывающимъ взглядомъ слѣдя за Алешей, да кстати и вставъ въ позу, разсчитывая, что Алеша непремѣнно бросится на него теперь, но Алеша повернулся, поглядѣлъ на него и пошелъ прочь. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ въ спину его больно ударился пущенный мальчикомъ самый большой булыжникъ, который только былъ у него въ карманѣ.

— Такъ вы сзади? Они правду, стало-быть, говорятъ про васъ, что вы нападаете исподтишка? обернулся опять Алеша, но на этотъ разъ мальчишка съ остервенѣніемъ опять пустилъ въ Алешу камнемъ и уже прямо въ лицо, но Алеша успѣлъ заслониться во время и камень ударилъ его въ локоть.

— Какъ вамъ не стыдно! Что̀ я вамъ сдѣлалъ? вскричалъ онъ.

Мальчикъ молча и задорно ждалъ лишь одного, что вотъ теперь Алеша ужъ несомнѣнно на него бросится; видя же, что тотъ даже и теперь не бросается, совершенно озлился какъ звѣренокъ: онъ сорвался съ мѣста и кинулся самъ на Алешу, и не успѣлъ тотъ шевельнуться, какъ злой мальчишка, нагнувъ голову и схвативъ обѣими руками его лѣвую руку, больно укусилъ ему средній ея палецъ. Онъ впился въ него зубами и секундъ десять не выпускалъ его. Алеша закричалъ отъ боли, дергая изо всей силы палецъ. Мальчикъ выпустилъ его, наконецъ, и отскочилъ на прежнюю дистанцію. Палецъ былъ больно прокушенъ, у самаго ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь, Алеша вынулъ платокъ и крѣпко обернулъ въ него раненую руку. Обертывалъ онъ почти цѣлую минуту. Мальчишка все это время стоялъ и ждалъ. Наконецъ, Алеша поднялъ на него свой тихій взоръ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — видите, какъ вы меня больно укусили, ну и довольно вѣдь, такъ ли? Теперь скажите, что̀ я вамъ сдѣлалъ?

Мальчикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Я хоть васъ совсѣмъ не знаю и въ первый разъ вижу, все такъ же спокойно продолжалъ Алеша,—но не можетъ быть, чтобъ я вамъ ничего не сдѣлалъ,—не стали бы вы меня такъ мучить даромъ. Такъ что же я сдѣлалъ и чѣмъ я виноватъ предъ вами, скажите?

Вмѣсто отвѣта мальчикъ вдругъ громко заплакалъ, въ голосъ, и вдругъ побѣжалъ отъ Алеши. Алеша пошелъ тихо вслѣдъ за нимъ на Михайловскую улицу, и долго еще видѣлъ онъ, какъ бѣжалъ вдали мальчикъ, не умаляя шагу, не оглядываясь и вѣрно все такъ же въ голосъ плача. Онъ положилъ непремѣнно, какъ только найдется время, разыскать его и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку. Теперь же ему было некогда.

IV.

У Хохлаковыхъ.

Скоро подошелъ онъ къ дому госпожи Хохлаковой, къ дому каменному, собственному, двухъэтажному, красивому, изъ лучшихъ домовъ въ нашемъ городкѣ. Хотя госпожа Хохлакова проживала большею частью въ другой губерніи, гдѣ имѣла помѣстье, или въ Москвѣ, гдѣ имѣла собственный домъ, но и въ нашемъ городкѣ у нея былъ свой домъ, доставшійся отъ отцовъ и дѣдовъ. Да и помѣстье ея, которое имѣла она въ нашемъ уѣздѣ, было самое большое изо всѣхъ трехъ ея помѣстій, а между тѣмъ пріѣзжала она доселѣ въ нашу губернію весьма рѣдко. Она выбѣжала къ Алешѣ еще въ прихожую.

— Получили, получили письмо о новомъ чудѣ? быстро, нервно заговорила она.

— Да, получилъ.

— Распространили, показали всѣмъ? Онъ матери сына возвратилъ!

— Онъ сегодня умретъ, сказалъ Алеша.

— Слышала, знаю, о, какъ я желаю съ вами говорить! Съ вами или съ кѣмъ-нибудь обо всемъ этомъ. Нѣтъ, съ вами, съ вами! И какъ жаль, что мнѣ никакъ нельзя его видѣть! Весь городъ возбужденъ, всѣ въ ожиданіи. Но теперь... знаете ли что у насъ теперь сидитъ Катерина Ивановна?

— Ахъ, это счастливо! воскликнулъ Алеша.—Вотъ я съ ней и увижусь у васъ, она вчера велѣла мнѣ непремѣнно придти къ ней сегодня.

— Я все знаю, все знаю. Я слышала все до подробности о томъ, что̀ было у ней вчера... и обо всѣхъ этихъ ужасахъ съ этою... тварью. C'est tragique и я бы на ея мѣстѣ,—я не знаю что̀ бъ я сдѣлала на ея мѣстѣ! Но и братъ-то вашъ, Дмитрій-то Ѳедоровичъ вашъ, каковъ—о, Боже, Алексѣй Ѳедоровичъ, я сбиваюсь, представьте: тамъ теперь сидитъ вашъ братъ, то-есть не тотъ, не ужасный вчерашній, а другой, Иванъ Ѳедоровичъ, сидитъ и съ ней говоритъ: разговоръ у нихъ торжественный... И если бы вы только повѣрили, что̀ между ними теперь происходитъ,—то это ужасно, это я вамъ скажу надрывъ, это ужасная сказка, которой повѣрить ни за что̀ нельзя: оба губятъ себя неизвѣстно для чего, сами знаютъ про это и сами наслаждаются этимъ. Я васъ ждала! Я васъ жаждала! Я, главное, этого вынести не могу. Я сейчасъ вамъ все разскажу, но теперь другое и уже самое главное, — ахъ, вѣдь я даже и забыла, что это самое главное: Скажите, почему съ Lise истерика? Только что она услыхала, что вы подходите, и съ ней тотчасъ же началась истерика.

— Maman, это съ вами теперь истерика, а не со мной, прощебеталъ вдругъ въ щелочку голосокъ Lise изъ боковой комнаты. Щелочка была самая маленькая, а голосокъ надрывчатый, точь въ точь такой, когда ужасно хочется засмѣяться, но изо всѣхъ силъ перемогаешь смѣхъ. Алеша тотчасъ же замѣтилъ эту щелочку и навѣрно Lise со своихъ креселъ на него изъ нея выглядывала, но этого ужъ онъ разглядѣть не могъ.

— Не мудрено, Lise, не мудрено... отъ твоихъ же капризовъ и со мной истерика будетъ, а, впрочемъ, она такъ больна, Алексѣй Ѳедоровичъ, она всю ночь была такъ больна, въ жару, стонала! Я насилу дождалась утра и Герценштубе. Онъ говоритъ, что ничего не можетъ понять и что надо обождать. Этотъ Герценштубе всегда придетъ и говоритъ, что ничего не можетъ понять. Какъ только вы подошли къ дому, она вскрикнула и съ ней случился припадокъ, и приказала себя сюда въ свою прежнюю комнату перевезть...

— Мама, я совсѣмъ не знала, что онъ подходитъ, я вовсе не отъ него въ эту комнату захотѣла переѣхать.

— Это ужъ неправда, Lise, тебѣ Юлія прибѣжала сказать, что Алексѣй Ѳедоровичъ идетъ, она у тебя на сторожахъ стояла.

— Милый голубчикъ мама, что ужасно не остроумно

съ вашей стороны. А если хотите поправиться и сказать сейчасъ что-нибудь очень умное, то скажите, милая мама, милостивому государю вошедшему Алексѣю Ѳедоровичу, что онъ уже тѣмъ однимъ доказалъ, что не обладаетъ остроуміемъ, что рѣшился придти къ намъ сегодня послѣ вчерашняго и несмотря на то, что надъ нимъ смѣются.

— Lise, ты слишкомъ много себѣ позволяешь и увѣряю тебя, что я, наконецъ, прибѣгну къ мѣрамъ строгости. Кто жъ надъ нимъ смѣется, я такъ рада, что онъ пришелъ, онъ мнѣ нуженъ, совсѣмъ необходимъ. Охъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, я чрезвычайно несчастна!

— Да что жъ такое съ вами, мама-голубчикъ?

— Ахъ, эти твои капризы, Lise, непостоянство, твоя болѣзнь, эта ужасная ночь въ жару, этотъ ужасный и вѣчный Герценштубе, главное, вѣчный, вѣчный и вѣчный! И наконецъ, все, все... И наконецъ, даже это чудо! О, какъ поразило, какъ потрясло меня это чудо, милый Алексѣй Ѳедоровичъ! И тамъ эта трагедія теперь въ гостиной, которую я не могу перенести, не могу, я вамъ заранѣе объявляю, что не могу. Комедія, можетъ быть, а не трагедія. Скажите, старикъ Зосима еще проживетъ до завтра, проживетъ? О, Боже той! Что со мной дѣлается, я поминутно закрываю глаза и вижу, что все вздоръ, все вздоръ.

— Я бы очень васъ попросилъ, перебилъ вдругъ Алеша,—дать мнѣ какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палецъ. Я очень поранилъ его, и онъ у меня мучительно теперь болитъ.

Алеша развернулъ свой укушенный палецъ. Платокъ былъ густо замаранъ кровью. Госпожа Хохлакова вскрикнула и зажмурила глаза.

— Боже, какая рана, это ужасно!

Но Lise какъ только увидѣла въ щелку палецъ Алеши, тотчасъ со всего розмаха отворила дверь.

— Войдите, войдите ко мнѣ сюда, настойчиво и повелительно закричала она,—теперь ужъ безъ глупостей! О, Господи, что жъ вы стояли и молчали такое время? Онъ могъ истечь кровью, мама! Гдѣ это вы, какъ это вы? Прежде всего воды, воды! Надо рану промыть, просто опустить въ холодную воду, чтобы боль перестала, и держать, все держать... Скорѣй, скорѣй воды, мама, въ полоскательную чашку. Да скорѣе же, нервно закончила она. Она была въ совершенномъ испугѣ; рана Алеши страшно поразила ее.

— Не послать ли за Герценштубе? воскликнула было госпожа Хохлакова.

— Мама, вы меня убьете. Вашъ Герценштубе пріѣдетъ и скажетъ, что не можетъ понять! Воды, воды! Мама, ради Бога сходите сами, поторопите Юлію, которая гдѣ-то тамъ завязла и никогда не можетъ скоро придти! Да скорѣе же, мама, иначе я умру...

— Да это жъ пустяки! воскликнулъ Алеша, испугавшись ихъ испуга.

Юлія прибѣжала съ водой. Алеша опустилъ въ воду палецъ.

— Мама, ради Бога, принесите корпію, корпію и этой ѣдкой мутной воды для порѣзовъ, ну, какъ ее зовутъ! У насъ есть, есть, есть... Мама, вы сами знаете гдѣ склянка, въ спальнѣ вашей въ шкапикѣ направо, тамъ большая склянка и корпія...

— Сейчасъ принесу все, Lise, только не кричи и не безпокойся. Видишь, какъ твердо Алексѣй Ѳедоровичъ переноситъ свое несчастье. И гдѣ это вы такъ ужасно могли поранить себя, Алексѣй Ѳедоровичъ?

Г-жа Хохлакова поспѣшно вышла. Lise того только и ждала.

— Прежде всего отвѣчайте на вопросъ, быстро заговорила она Алешѣ:—гдѣ это вы такъ себя изволили поранить? А потомъ ужъ я съ вами буду говорить совсѣмъ о другомъ. Ну!

Алеша, инстинктомъ чувствуя, что для нея время до возвращенія мамаши дорого, — поспѣшно, много выпустивъ и сокративъ, но, однако, точно и ясно, передалъ ей о загадочной встрѣчѣ своей со школьниками. Выслушавъ его, Lise всплеснула руками:

— Ну можно ли, можно ли вамъ, да еще въ этомъ платьѣ, связываться съ мальчишками! гнѣвно вскричала она, какъ будто даже имѣя какое-то право надъ нимъ,— да вы сами послѣ того мальчикъ, самый маленькій мальчикъ, какой только можетъ быть! Однако, вы непремѣнно разузнайте мнѣ какъ-нибудь про этого сквернаго мальчишку и мнѣ все разскажите, потому что тутъ какой-то секретъ. Теперь второе, но прежде вопросъ? можете ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, несмотря на страданіе отъ боли, говорить о совершенныхъ пустякахъ, но говорить разсудительно?

— Совершенно могу, да и боли я такой уже теперь не чувствую.

— Это оттого, что вашъ палецъ въ водѣ. Ее нужно сейчасъ же перемѣнить, потому что она мигомъ нагрѣется. Юлія, мигомъ принеси кусокъ льду изъ погреба и новую полоскательную чашку съ водой. Ну, теперь она ушла, я о дѣлѣ: мигомъ, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, извольте отдать мнѣ мое письмо, которое я вамъ прислала вчера,— мигомъ, потому что сейчасъ можетъ придти маменька, а я не хочу...

— Со мной нѣтъ письма.

— Неправда, оно съ вами. Я такъ и знала, что вы такъ отвѣтите. Оно у васъ въ этомъ карманѣ. Я такъ раскаивалась въ этой глупой шуткѣ всю ночь. Воротите же письмо сейчасъ, отдайте!

— Оно тамъ осталось.

— Но вы не можете же меня не считать за дѣвочку, за маленькую-маленькую дѣвочку, послѣ моего письма съ такою глупою шуткой! Я прошу у васъ прощенія за глупую шутку, но письмо вы непремѣнно мнѣ принесите, если ужъ его нѣтъ у васъ въ самомъ дѣлѣ,—сегодня же принесите, непремѣнно, непремѣнно!

— Сегодня никакъ нельзя, потому что я уйду въ монастырь и не приду къ вамъ дня два-три, четыре, можетъ-быть, потому что старецъ Зосима...

— Четыре дня, экой вздоръ! Послушайте, вы очень надо мной смѣялись?

— Я ни капли не смѣялся.

— Почему же?

— Потому что я совершенно всему повѣрилъ.

— Вы меня оскорбляете!

— Нисколько. Я какъ прочелъ, то тотчасъ и подумалъ, что этакъ все и будетъ, потому что я, какъ только умретъ старецъ Зосима, сейчасъ долженъ буду выйти изъ монастыря. Затѣмъ, я буду продолжать курсъ и сдамъ экзаменъ, а какъ придетъ законный срокъ, мы и женимся. Я васъ буду любить. Хоть мнѣ и некогда было еще думать, но я подумалъ, что лучше васъ жены не найду, а мнѣ старецъ велитъ жениться...

— Да вѣдь я уродъ, меня на креслахъ возятъ! засмѣялась Лиза съ зардѣвшимся на щекахъ румянцемъ.

— Я васъ самъ буду въ креслѣ возить, но я увѣренъ, что вы къ тому сроку выздоровѣете.

— Но вы сумасшедшій, нервно проговорила Лиза,—изъ такой шутки и вдругъ вывели такой вздоръ!.. Ахъ, вотъ и мамаша, можетъ-быть, очень кстати. Мама, какъ вы всегда запоздаете, можно ли такъ долго! Вотъ ужъ Юлія ледъ несетъ!

— Ахъ, Lise, не кричи, главное—ты не кричи. У меня отъ этого крику.. Что жъ дѣлать, коли ты сама корпію въ другое мѣсто засунула... Я искала, искала... Я подозрѣваю, что ты это нарочно сдѣлала.

— Да вѣдь не могла же я знать, что онъ придетъ съ укушеннымъ пальцемъ, а то, можетъ-быть, вправду нарочно бы сдѣлала. Ангелъ, мама, вы начинаете говорить чрезвычайно остроумныя вещи.

— Пусть остроумныя, но какія чувства, Lise, насчетъ пальца Алексѣя Ѳедоровича и всего этого! Охъ, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, меня убиваютъ не частности, не Герценштубе какой-нибудь, а все вмѣстѣ, все въ цѣломъ, вотъ чего я не могу вынести.

— Довольно, мама, довольно о Герценштубе, весело смѣялась Лиза,—давайте же скорѣй корпію, мама, и воду. Это просто свинцовая примочка, Алексѣй Ѳедоровичъ, я теперь вспомнила имя, но это прекрасная примочка. Мама, вообразите себѣ, онъ съ мальчишками дорогой подрался на улицѣ, и это мальчишка ему укусилъ, ну, не маленькій ли, не маленькій ли онъ самъ человѣкъ, и можно ли ему, мама, послѣ этого жениться, потому что онъ, вообразите себѣ, онъ хочетъ жениться, мама. Представьте себѣ, что онъ женатъ, ну, не смѣхъ ли, не ужасно ли это?

И Lise все смѣялась своимъ нервнымъ мелкимъ смѣшкомъ, лукаво смотря на Алешу.

— Ну, какъ же жениться, Lise, и съ какой стати это, и совсѣмъ это тебѣ некстати... тогда какъ этотъ мальчикъ, можетъ-быть, бѣшеный.

— Ахъ, мама! Развѣ бываютъ бѣшеные мальчики?

— Почему жъ не бываютъ, Lise, точно я глупость сказала. Вашего мальчика укусила бѣшеная собака и онъ сталъ бѣшеный мальчикъ и вотъ кого-нибудь и укуситъ около себя въ свою очередь. Какъ она вамъ хорошо перевязала, Алексѣй Ѳедоровичъ, я бы никогда такъ не сумѣла. Чувствуете вы теперь боль?

— Теперь очень небольшую.

— А не боитесь ли вы воды? спросила Lise.

— Ну, довольно, Lise, я, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ

очень поспѣшно сказала про бѣшенаго мальчика, а ты ужъ сейчасъ и вывела. Катерина Ивановна только что узнала, что вы пришли, Алексѣй Ѳедоровичъ, такъ и бросилась ко мнѣ, она васъ жаждетъ, жаждетъ.

— Ахъ, мама! Подите одна туда, а онъ не можетъ пойти сейчасъ, онъ слишкомъ страдаетъ.

— Совсѣмъ не страдаю, я очень могу пойти... сказалъ Алеша.

— Какъ! Вы уходите? Такъ-то вы? Такъ-то вы?

— Что жъ? Вѣдь я когда кончу тамъ, то опять приду и мы опять можемъ говорить сколько вамъ будетъ угодно. А мнѣ очень хотѣлось бы видѣть поскорѣе Катерину Ивановну, потому что я во всякомъ случаѣ очень хочу какъ можно скорѣе воротиться сегодня въ монастырь.

— Мама, возьмите его и скорѣе уведите. Алексѣй Ѳедоровичъ, не трудитесь заходить ко мнѣ послѣ Катерины Ивановны, а ступайте прямо въ вашъ монастырь, туда вамъ и дорога! А я спать хочу, я всю ночь не спала.

— Ахъ, Lise, это только шутки съ твоей стороны, но что̀, если бы ты въ самомъ дѣлѣ заснула! воскликнула г-жа Хохлакова.

— Я не знаю, чѣмъ я... Я останусь еще минуты три, если хотите, даже пять, пробормоталъ Алеша.

— Даже пять! Да уведите же его скорѣе, мама, это монстръ!

— Lise, ты съ ума сошла. Уйдемте, Алексѣй Ѳедоровичъ, она слишкомъ капризна сегодня, я ее раздражать боюсь. О, горе съ нервною женщиной, Алексѣй Ѳедоровичъ! А вѣдь въ самомъ дѣлѣ она, можетъ-быть, при васъ спать захотѣла. Какъ это вы такъ скоро нагнали на нее сонъ, и такъ это счастливо!

— Ахъ, мама, какъ вы мило стали говорить, цѣлую васъ, мамочка, за это.

— И я тебя тоже, Lise. Послушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, таинственно и важно, быстрымъ шопотомъ заговорила г-жа Хохлакова, уходя съ Алешей,—я вамъ ничего не хочу внушать, ни подымать этой завѣсы, но вы войдете и сами увидите все, что̀ тамъ происходитъ,—это ужасъ, это самая фантастическая комедія: она любитъ вашего брата Ивана Ѳедоровича и увѣряетъ себя изо всѣхъ силъ, что любитъ вашего брата Дмитрія Ѳедоровича. Это ужасно! Я войду вмѣстѣ съ вами и, если не прогонятъ меня, дождусь конца.

V.

Надрывъ въ гостиной.

Но въ гостиной бесѣда уже оканчивалась; Катерина Ивановна была въ большомъ возбужденіи, хотя и имѣла видъ рѣшительный. Въ минуту, когда вошли Алеша и г-жа Хохлакова, Иванъ Ѳедоровичъ вставалъ, чтобъ уходить. Лицо его было нѣсколько блѣдно и Алеша съ безпокойствомъ поглядѣлъ на него. Дѣло въ томъ, что тутъ для Алеши разрѣшалось теперь одно изъ его сомнѣній, одна безпокойная загадка, съ нѣкотораго времени его мучившая. Еще съ мѣсяцъ назадъ ему уже нѣсколько разъ, и съ разныхъ сторонъ, внушали, что братъ Иванъ любитъ Катерину Ивановну и, главное, дѣйствительно намѣренъ „отбить“ ее у Мити. До самаго послѣдняго времени это казалось Алешѣ чудовищнымъ, хотя и безпокоило его очень. Онъ любилъ обоихъ братьевъ и страшился между ними такого соперничества. Между тѣмъ, самъ Дмитрій Ѳедоровичъ вдругъ прямо объявилъ ему вчера, что даже радъ соперничеству брата Ивана и что это ему же, Дмитрію, во многомъ поможетъ. Чему же поможетъ? Жениться ему на Грушенькѣ? Но дѣло это считалъ Алеша отчаяннымъ и послѣднимъ. Кромѣ всего этого Алеша несомнѣнно вѣрилъ до самаго вчерашняго вечера, что Катерина Ивановна сама до страсти и упорно любитъ брата его Дмитрія,—но лишь до вчерашняго вечера вѣрилъ. Сверхъ того, ему почему-то все мерещилось, что она не можетъ любить такого, какъ Иванъ, а любитъ его брата Дмитрія, и именно такимъ, какимъ онъ есть, несмотря на всю чудовищность такой любви. Вчера же въ сценѣ съ Грушенькой ему вдругъ какъ бы померещилось иное. Слово „надрывъ“, только что произнесенное г-жей Хохлаковой, заставило его почти вздрогнуть, потому что именно въ эту ночь, полупроснувшись на разсвѣтѣ, онъ вдругъ, вѣроятно, отвѣчая своему сновидѣнію, произнесъ: „Надрывъ, надрывъ!“ Снилась же ему всю ночь вчерашняя сцена у Катерины Ивановны. Теперь вдругъ прямое и упорное увѣреніе г-жи Хохлаковой, что Катерина Ивановна любитъ брата Ивана и только сама, нарочно, изъ какой-то игры, изъ „надрыва“, обманываетъ себя и сама себя мучитъ напускною любовью своею къ Дмитрію изъ какой-то будто бы благодарности,—поразило Алешу: „Да, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ полная правда именно

въ этихъ словахъ!“ Но въ такомъ случаѣ каково же положеніе брата Ивана? Алеша чувствовалъ какимъ-то инстинктомъ, что такому характеру, какъ Катерина Ивановна, надо было властвовать, а властвовать она могла бы лишь надъ такимъ, какъ Дмитрій, и отнюдь не надъ такимъ, какъ Иванъ. Ибо Дмитрій только (положимъ, хоть въ долгій срокъ) могъ бы смириться, наконецъ, предъ нею „къ своему же счастію“ (чего даже желалъ бы Алеша), но Иванъ нѣтъ, Иванъ не могъ бы предъ нею смириться, да и смиреніе это не дало бы ему счастія. Такое ужъ понятіе Алеша почему-то невольно составилъ себѣ объ Иванѣ. И вотъ всѣ эти колебанія и соображенія пролетѣли и мелькнули въ его умѣ въ тотъ мигъ, когда онъ вступалъ теперь въ гостиную. Промелькнула и еще одна мысль, вдругъ и неудержимо: „А что̀, если она и никого не любитъ, ни того, ни другого?“ Замѣчу, что Алеша какъ бы стыдился такихъ своихъ мыслей и упрекалъ себя въ нихъ, когда онѣ въ послѣдній мѣсяцъ, случалось, приходили ему: „Ну, что̀ я понимаю въ любви и въ женщинахъ и какъ могу я заключать такія рѣшенія“, съ упрекомъ себѣ думалъ онъ послѣ каждой подобной своей мысли или догадки. А между тѣмъ нельзя было не думать. Онъ понималъ инстинктомъ, что теперь, напримѣръ, въ судьбѣ двухъ братьевъ его это соперничество слишкомъ важный вопросъ и отъ котораго слишкомъ много зависитъ. „Одинъ гадъ съѣстъ другую гадину“, произнесъ вчера братъ Иванъ, говоря въ раздраженіи про отца и брата Дмитрія. Стало быть, братъ Дмитрій въ глазахъ его гадъ и, можетъ быть, давно уже гадъ? Не съ тѣхъ ли поръ, какъ узналъ братъ Иванъ Катерину Ивановну? Слова эти, конечно, вырвались у Ивана вчера невольно, но тѣмъ важнѣе, что невольно. Если такъ, то какой же тутъ миръ? Не новые ли, напротивъ, поводы къ ненависти и враждѣ въ ихъ семействѣ? А главное, кого ему, Алешѣ, жалѣть? И что̀ каждому пожелать? Онъ любитъ ихъ обоихъ, но что̀ каждому изъ нихъ пожелать среди такихъ страшныхъ противорѣчій? Въ этой путаницѣ можно было совсѣмъ потеряться, а сердце Алеши не могло выносить неизвѣстности, потому что характеръ любви его былъ всегда дѣятельный. Любить пассивно онъ не могъ, возлюбивъ, онъ тотчасъ же принимался и помогать. А для этого надо было поставить цѣль, надо твердо было знать, что̀ каждому изъ нихъ хорошо и нужно, а утвердившись въ вѣрности цѣли—

естественно каждому изъ нихъ и помочь. Но вмѣсто твердой цѣли во всемъ была лишь неясность и путаница. „Надрывъ“ произнесено теперь! Но что онъ могъ понять хотя бы даже въ этомъ надрывѣ? Перваго даже слова во всей этой путаницѣ онъ не понимаетъ!

Увидавъ Алешу, Катерина Ивановна быстро и съ радостью проговорила Ивану Ѳедоровичу, уже вставшему съ своего мѣста, чтобъ уходить:

— На минутку! Останьтесь еще на одну минуту. Я хочу услышать мнѣніе вотъ этого человѣка, которому я всѣмъ существомъ моимъ довѣряю. Катерина Осиповна, не уходите и вы, прибавила она, обращаясь къ г-жѣ Хохлаковой. Она усадила Алешу подлѣ себя, а Хохлакова сѣла напротивъ, рядомъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ.

— Здѣсь всѣ друзья мои, всѣ, кого я имѣю въ мірѣ, милые друзья мои, горячо начала она голосомъ, въ которомъ дрожали искреннія страдальческія слезы, и сердце Алеши опять разомъ повернулось къ ней.—Вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы были вчера свидѣтелемъ этого... ужаса и видѣли, какова я была. Вы не видѣли этого, Иванъ Ѳедоровичъ, онъ видѣлъ. Что онъ подумалъ обо мнѣ вчера—не знаю, знаю только одно, что повторись то же самое сегодня, сейчасъ, и я высказала бы такія же чувства, такія же слова и такія же движенія. Вы помните мои движенія, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы сами удержали меня въ одномъ изъ нихъ... (Говоря это, она покраснѣла и глаза ея засверкали). Объявляю вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, что я не могу ни съ чѣмъ примириться. Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, я даже не знаю, люблю ли я *его* теперь. Онъ мнѣ сталъ *жалокъ*, это плохое свидѣтельство любви. Если бъ я любила его, продолжала любить, то я, можетъ быть, не жалѣла бы его теперь, а, напротивъ, ненавидѣла...

Голосъ ея задрожалъ и слезинки блеснули на ея рѣсницахъ. Алеша вздрогнулъ внутри себя: эта дѣвушка правдива и искренна, подумалъ онъ, — и... и она болѣе не любитъ Дмитрія!

— Это такъ! Такъ! воскликнула было г-жа Хохлакова.

— Подождите, милая Катерина Осиповна, я не сказала главнаго, не сказала окончательно, что рѣшила въ эту ночь. Я чувствую, что, можетъ быть, рѣшеніе мое ужасно,—для меня, но предчувствую, что я уже не перемѣню его ни за что, ни за что, во всю жизнь мою, такъ

и будетъ. Мой милый, мой добрый, мой всегдашній и великодушный совѣтникъ и глубокій сердцевѣдъ, и единственный другъ мой, какого я только имѣю въ мірѣ, Иванъ Ѳедоровичъ, одобряетъ меня во всемъ и хвалитъ мое рѣшеніе... Онъ его знаетъ.

— Да, я одобряю его, тихимъ, но твердымъ голосомъ произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Но я желаю, чтобъ и Алеша (ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, простите, что я васъ назвала Алешей просто), — я желаю, чтобъ и Алексѣй Ѳедоровичъ сказалъ мнѣ теперь же, при обоихъ друзьяхъ моихъ, — права я или нѣтъ? У меня инстинктивное предчувствіе, что вы, Алеша, братъ мой милый (потому что вы братъ мой милый), восторженно проговорила она опять, схвативъ его холодную руку своею горячею рукой, — я предчувствую, что ваше рѣшеніе, ваше одобреніе, несмотря на всѣ муки мои, подастъ мнѣ спокойствіе, потому что послѣ вашихъ словъ я затихну и примирюсь,—я это предчувствую!

— Я не знаю о чемъ вы спросите меня, выговорилъ съ зардѣвшимся лицомъ Алеша, — я только знаю, что я васъ люблю и желаю вамъ въ эту минуту счастья больше чѣмъ себѣ самому!.. Но вѣдь я ничего не знаю въ этихъ дѣлахъ... вдругъ зачѣмъ-то поспѣшилъ онъ прибавить...

— Въ этихъ дѣлахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ этихъ дѣлахъ теперь главное — честь и долгъ, и не знаю что̀ еще, но нѣчто высшее, даже, можетъ быть, высшее самаго долга. Мнѣ сердце сказываетъ про это непреодолимое чувство и оно непреодолимо влечетъ меня. Все, впрочемъ, въ двухъ словахъ, я уже рѣшилась: Если даже онъ и женится на той... твари (начала она торжественно), которой я никогда, никогда простить не могу, то *я все-таки не оставлю его!* Отъ этихъ поръ я уже никогда, никогда не оставлю его! произнесла она съ какимъ-то надрывомъ какого-то блѣднаго, вымученнаго восторга. То-есть не то, чтобъ я таскалась за нимъ, попадалась ему поминутно на глаза, мучила его, — о, нѣтъ, я уѣду въ другой городъ, куда хотите, но я всю жизнь, всю жизнь мою буду слѣдить за нимъ, не уставая. Когда же онъ станетъ съ тою несчастенъ, а это непремѣнно и сейчасъ же будетъ, то пусть придетъ ко мнѣ и онъ встрѣтитъ друга, сестру... Только сестру, конечно, и это навѣки такъ, но онъ убѣдится, наконецъ, что эта сестра—дѣйствительно сестра его, любящая и всю жизнь ему пожертвовав-

шая. Я добьюсь того, я настою на томъ, что, наконецъ, онъ узнаетъ меня и будетъ передавать мнѣ все не стыдясь! воскликнула она какъ бы въ изступленіи.—Я буду Богомъ его, которому онъ будетъ молиться,—и это, по меньшей мѣрѣ, онъ долженъ мнѣ за измѣну свою и за то, что̀ я перенесла чрезъ него вчера. И пусть же онъ видитъ во всю жизнь свою, что я всю жизнь мою буду вѣрна ему и моему данному ему разъ слову, несмотря на то, что онъ былъ невѣренъ и измѣнилъ. Я буду... Я обращусь лишь въ средство для его счастія (или какъ это сказать), въ инструментъ, въ машину для его счастія, и это на всю жизнь, на всю жизнь, и чтобъ онъ видѣлъ это впредь всю жизнь свою! Вотъ все мое рѣшеніе! Иванъ Ѳедоровичъ въ высшей степени одобряетъ меня.

Она задыхалась. Она, можетъ быть, гораздо достойнѣе, искуснѣе и натуральнѣе хотѣла бы выразить свою мысль, но вышло слишкомъ поспѣшно и слишкомъ обнажено. Много было молодой невыдержки, многое отзывалось лишь вчерашнимъ раздраженіемъ, потребностью погордиться, это она почувствовала сама. Лицо ея какъ-то вдругъ омрачилось, выраженіе глазъ стало нехорошо. Алеша тотчасъ же замѣтилъ все это и въ сердце его шевельнулось состраданіе. А тутъ какъ разъ подбавилъ и братъ Иванъ.

— Я высказалъ только мою мысль, сказалъ онъ. — У всякой другой вышло бы все это надломлено, вымучено, а у васъ — нѣтъ. Другая была бы неправа, а вы правы. Я не знаю какъ это мотивировать, но я вижу, что вы искренни въ высшей степени, а потому вы и правы...

— Но вѣдь это только въ эту минуту... А что̀ такое эта минута? Всего лишь вчерашнее оскорбленіе, — вотъ что̀ значитъ эта минута! не выдержала вдругъ г-жа Хохлакова, очевидно, не желавшая вмѣшиваться, но не удержавшаяся и вдругъ сказавшая очень вѣрную мысль.

— Такъ, такъ, перебилъ Иванъ, съ какимъ-то вдругъ азартомъ и видимо озлясь, что его перебили, — такъ, но у другой эта минута лишь вчерашнее впечатлѣніе, и только минута, а съ характеромъ Катерины Ивановны эта минута—протянется всю ея жизнь. Что̀ для другихъ лишь обѣщаніе, то для нея вѣковѣчный, тяжелый, угрюмый, можетъ быть, но неустанный долгъ. И она будетъ питаться чувствомъ этого исполненнаго долга! Ваша жизнь, Катерина Ивановна, будетъ проходить теперь въ страдальческомъ созерцаніи собственныхъ чувствъ, соб-

ственнаго подвига и собственнаго горя, но впослѣдствіи страданіе это смягчится, и жизнь ваша обратится уже въ сладкое созерцаніе разъ навсегда исполненнаго твердаго и гордаго замысла, дѣйствительно въ своемъ родѣ гордаго, во всякомъ случаѣ отчаяннаго, но побѣжденнаго вами, и это сознаніе доставитъ вамъ, наконецъ, самое полное удовлетвореніе и примиритъ васъ со всѣмъ остальнымъ...

Проговорилъ онъ это рѣшительно съ какою-то злобой, видимо нарочно, и даже, можетъ быть, не желая скрыть своего намѣренія, то-есть что говоритъ нарочно и въ насмѣшку.

— О, Боже, какъ это все не такъ! воскликнула опять г-жа Хохлакова.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, скажите же вы? Мнѣ мучительно надо знать, что́ вы мнѣ скажете! воскликнула Катерина Ивановна и вдругъ залилась слезами. Алеша всталъ съ дивана.

— Это ничего, ничего! съ плачемъ продолжала она,— это отъ разстройства, отъ сегодняшней ночи, но подлѣ такихъ двухъ друзей, какъ вы и братъ вашъ, я еще чувствую себя крѣпкою... потому что знаю... вы оба меня никогда не оставите.

— Къ несчастью, я завтра же, можетъ быть, долженъ уѣхать въ Москву и надолго оставить васъ... И это, къ несчастію, неизмѣнимо... проговорилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Завтра, въ Москву! перекосилось вдругъ все лицо Катерины Ивановны,—но... но Боже мой, какъ это счастливо! вскричала она въ одинъ мигъ совсѣмъ измѣнившимся голосомъ, и въ одинъ мигъ прогнавъ свои слезы, такъ что и слѣда не осталось. Именно въ одинъ мигъ произошла въ ней удивительная перемѣна, чрезвычайно изумившая Алешу: вмѣсто плакавшей сейчасъ въ какомъ-то надрывѣ своего чувства бѣдной оскорбленной дѣвушки, явилась вдругъ женщина совершенно владѣющая собой и даже чѣмъ-то чрезвычайно довольная, точно вдругъ чему-то обрадовавшаяся.

— О, не то счастливо, что я васъ покидаю, ужъ разумѣется нѣтъ, какъ бы поправилась она вдругъ съ милою свѣтскою улыбкой, — такой другъ, какъ вы, не можетъ этого подумать; я слишкомъ, напротивъ, несчастна, что васъ лишусь (она вдругъ стремительно бросилась къ Ивану

Ѳедоровичу и, схвативъ его за обѣ руки, съ горячимъ чувствомъ пожала ихъ); но вотъ что̀ счастливо, это то, что вы сами, лично, въ состояніи будете передать теперь въ Москвѣ, тетушкѣ и Агашѣ, все мое положеніе, весь теперешній ужасъ мой, въ полной откровенности съ Агашей и щадя милую тетушку, такъ, какъ сами сумѣете это сдѣлать. Вы не можете себѣ представить, какъ я была вчера и сегодня утромъ несчастна, недоумѣвая, какъ я напишу имъ это ужасное письмо... потому что въ письмѣ этого никакъ ни за что не передашь... Теперь же мнѣ легко будетъ написать, потому что вы тамъ у нихъ будете налицо и все объясните. О, какъ я рада! Но я только этому рада, опять-таки повѣрьте мнѣ. Сами вы мнѣ, конечно, незамѣнимы... Сейчасъ же бѣгу напишу письмо, заключила она вдругъ и даже шагнула уже, чтобы выйти изъ комнаты.

— А Алеша-то? А мнѣніе-то Алексѣя Ѳедоровича, которое вамъ такъ непремѣнно желалось выслушать? вскричала г-жа Хохлакова. Язвительная и гнѣвливая нотка прозвучала въ ея словахъ.

— Я не забыла этого, пріостановилась вдругъ Катерина Ивановна,—и почему вы такъ враждебны ко мнѣ въ такую минуту, Катерина Осиповна? съ горькимъ, горячимъ упрекомъ произнесла она. — Что̀ я сказала, то я подтерждаю. Мнѣ необходимо мнѣніе его, мало того: мнѣ надо рѣшеніе его! Что̀ онъ скажетъ, такъ и будетъ — вотъ до какой степени, напротивъ, я жажду вашихъ словъ, Алексѣй Ѳедоровичъ... Но что̀ съ вами?

— Я никогда не думалъ, я не могу этого представить! воскликнулъ вдругъ Алеша горестно.

— Чего, чего̀?

— Онъ ѣдетъ въ Москву, а вы вскрикнули, что рады— это вы нарочно вскрикнули! А потомъ тотчасъ стали объяснять, что вы не тому рады, а что, напротивъ, жалѣете, что... теряете друга,—но и это вы нарочно сыграли... какъ на театрѣ въ комедіи сыграли!..

— На театрѣ? Какъ?.. Что̀ это такое? воскликнула Катерина Ивановна въ глубокомъ изумленіи, вся вспыхнувъ и нахмуривъ брови.

— Да какъ ни увѣряйте его, что вамъ жалко въ немъ друга, а все-таки вы настаиваете ему въ глаза, что счастье въ томъ, что онъ уѣзжаетъ... проговорилъ какъ-то совсѣмъ уже задыхаясь Алеша. Онъ стоялъ за столомъ и не садился.

— О чемъ вы, я не понимаю...

— Да я и самъ не знаю... У меня вдругъ какъ будто озареніе... Я знаю, что я не хорошо это говорю, но я все-таки все скажу, продолжалъ Алеша тѣмъ же дрожащимъ и пересѣкающимся голосомъ:—озареніе мое въ томъ, что вы брата Дмитрія, можетъ быть, совсѣмъ не любите... съ самаго начала... Да и Дмитрій, можетъ быть, не любитъ васъ тоже вовсе... съ самаго начала... а только чтитъ... Я, право, не знаю, какъ я все это теперь смѣю, но надо же кому-нибудь правду сказать... потому что никто здѣсь правды не хочетъ сказать.

— Какой правды? вскричала Катерина Ивановна, и что-то истерическое зазвенѣло въ ея голосѣ.

— А вотъ какой, прошепталъ Алеша, какъ будто полетѣвъ съ крыши, — позовите сейчасъ Дмитрія — я его найду, — и пусть онъ придетъ сюда и возьметъ васъ за руку, потомъ возьметъ за руку брата Ивана и соединитъ ваши руки. Потому что вы мучаете Ивана, потому только, что его любите... а мучаете потому, что Дмитрія надрывомъ любите... въ неправду любите... потому что увѣрили себя такъ...

Алеша оборвался и замолчалъ.

— Вы... вы... вы маленькій юродивый, вотъ вы кто! съ поблѣднѣвшимъ уже лицомъ и съ кривившимися отъ злобы губами отрѣзала вдругъ Катерина Ивановна. Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ засмѣялся и всталъ съ мѣста. Шляпа была въ рукахъ его.

— Ты ошибся, мой добрый Алеша, проговорилъ онъ съ выраженіемъ лица, котораго никогда еще Алеша у него не видѣлъ,—съ выраженіемъ какой-то молодой искренности и сильнаго, неудержимо откровеннаго чувства,— никогда Катерина Ивановна не любила меня! Она знала все время, что я ее люблю, хоть я и никогда не говорилъ ей ни слова о моей любви, — знала, но меня не любила. Другомъ тоже я ея не былъ ни разу, ни одного дня: гордая женщина въ моей дружбѣ не нуждалась. Она держала меня при себѣ для безпрерывнаго мщенія. Она мстила мнѣ и на мнѣ за всѣ оскорбленія, которыя постоянно и всякую минуту выносила во весь этотъ срокъ отъ Дмитрія, оскорбленія съ первой встрѣчи ихъ. Потому что и самая первая встрѣча ихъ осталась у ней на сердцѣ какъ оскорбленіе. Вотъ каково ея сердце! Я все время только и дѣлалъ, что выслушивалъ о любви ея къ нему. Я те-

перь ѣду, но знайте, Катерина Ивановна, что вы дѣйствительно любите только его. И, по мѣрѣ оскорбленія его, все больше и больше. Вотъ это и есть вашъ надрывъ. Вы именно любите его такимъ, какимъ онъ есть, васъ оскорбляющимъ его любите. Если бъ онъ исправился, вы его тотчасъ забросили бы и разлюбили вовсе. Но вамъ онъ нуженъ, чтобы созерцать безпрерывно вашъ подвигъ вѣрности и упрекать его въ невѣрности. И все это отъ вашей гордости. О, тутъ много приниженности и униженія, но все это отъ гордости... Я слишкомъ молодъ и слишкомъ сильно любилъ васъ. Я знаю, что это бы не надо мнѣ вамъ говорить, что было бы больше достоинства съ моей стороны просто выйти отъ васъ; было бы и не такъ для васъ оскорбительно. Но вѣдь я ѣду далеко и не пріѣду никогда. Это вѣдь навѣки... Я не хочу сидѣть подлѣ надрыва... Впрочемъ, я уже не умѣю говорить, все сказалъ... Прощайте, Катерина Ивановна, вамъ нельзя на меня сердиться, потому что я во сто разъ болѣе васъ наказанъ: наказанъ уже тѣмъ однимъ, что никогда васъ не увижу. Прощайте. Мнѣ не надобно руки вашей. Вы слишкомъ сознательно меня мучили, чтобъ я вамъ въ эту минуту могъ простить. Потомъ прощу, а теперь не надо руки.

Den Dank, Dame, begehr ich nicht!

прибавилъ онъ съ искривленною улыбкой, доказавъ, впрочемъ, совершенно неожиданно, что и онъ можетъ читать Шиллера до заучиванія наизусть, чему прежде не повѣрилъ бы Алеша. Онъ вышелъ изъ комнаты, даже не простившись и съ хозяйкой, г-жей Хохлаковой. Алеша всплеснулъ руками.

— Иванъ, крикнулъ онъ ему, какъ потерянный, вслѣдъ,— воротись, Иванъ! Нѣтъ, нѣтъ, онъ теперь ни за что не воротится! воскликнулъ онъ опять въ горестномъ озареніи, — но это я, я виноватъ, я началъ! Иванъ говорилъ злобно, не хорошо. Несправедливо и злобно... Онъ долженъ опять придти сюда, воротиться, воротиться... Алеша восклицалъ, какъ полоумный.

Катерина Ивановна вдругъ вышла въ другую комнату.

— Вы ничего не надѣлали, вы дѣйствовали прелестно, какъ ангелъ, — быстро и восторженно зашептала горестному Алешѣ г-жа Хохлакова. — Я употреблю всѣ усилія, чтобъ Иванъ Ѳедоровичъ не уѣхалъ...

Радость сіяла на ея лицѣ къ величайшему огорченію

Алеши; но Катерина Ивановна вдругъ вернулась. Въ рукахъ ея были два радужные кредитные билета.

— Я имѣю къ вамъ одну большую просьбу, Алексѣй Ѳедоровичъ, начала она, прямо обращаясь къ Алешѣ, повидимому, спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, точно и въ самомъ дѣлѣ ничего сейчасъ не случилось. — Недѣлю, — да, кажется, недѣлю назадъ, — Дмитрій Ѳедоровичъ сдѣлалъ одинъ горячій и несправедливый поступокъ, очень безобразный. Тутъ есть одно нехорошее мѣсто, одинъ трактиръ. Въ немъ онъ встрѣтилъ этого отставного офицева, штабсъ-капитана этого, котораго вашъ батюшка употреблялъ по какимъ-то своимъ дѣламъ. Разсердившись почему-то на этого штабсъ-капитана, Дмитрій Ѳедоровичъ схватилъ его за бороду и при всѣхъ вывелъ въ этомъ унизительномъ видѣ на улицу, и на улицѣ еще долго велъ, и, говорятъ, что мальчикъ, сынъ этого штабсъ-капитана, который учится въ здѣшнемъ училищѣ, еще ребенокъ, увидавъ это, бѣжалъ все подлѣ и плакалъ вслухъ и просилъ за отца и бросался ко всѣмъ и просилъ, чтобы защитили, а всѣ смѣялись. Простите, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не могу вспомнить безъ негодованія этого позорнаго *его* поступка... одного изъ такихъ поступковъ, на которые можетъ рѣшиться только одинъ Дмитрій Ѳедоровичъ въ своемъ гнѣвѣ... и въ страстяхъ своихъ! Я и разсказать этого не могу, не въ состояніи... Я сбиваюсь въ словахъ. Я справлялась объ этомъ обиженномъ и узнала, что онъ очень бѣдный человѣкъ. Фамилія его Снѣгиревъ. Онъ за что-то провинился на службѣ, его выключили, я не умѣю вамъ это разсказать, и теперь онъ съ своимъ семействомъ, съ несчастнымъ семействомъ больныхъ дѣтей и жены, сумасшедшей, кажется, впалъ въ страшную нищету. Онъ уже давно здѣсь въ городѣ, онъ что-то дѣлаетъ, писаремъ гдѣ-то былъ, а ему вдругъ теперь ничего не платятъ! Я бросила взглядъ на васъ... то-есть я думала, — я не знаю, я какъ-то путаюсь, — видите, я хотѣла васъ просить, Алексѣй Ѳедоровичъ, — добрѣйшій мой Алексѣй Ѳедоровичъ, сходить къ нему, отыскать предлогъ, войти къ нимъ, то-есть къ этому штабсъ-капитану, — о, Боже! какъ я сбиваюсь, — и деликатно, осторожно, — именно, какъ только вы одинъ сумѣете сдѣлать (Алеша вдругъ покраснѣлъ) — сумѣть отдать ему это вспоможеніе, вотъ, двѣсти рублей. Онъ навѣрно приметъ... то-есть уговорить его принять... Или нѣтъ, какъ это? Видите ли, это не то, что плата ему за примиреніе, чтобъ онъ не

жаловался (потому что онъ, кажется, хотѣлъ жаловаться), а просто сочувствіе, желаніе помочь; отъ меня, отъ меня, отъ невѣсты Дмитрія Ѳедоровича, а не отъ него самого... Однимъ словомъ, вы сумѣете... Я бы сама поѣхала, но вы сумѣете гораздо лучше меня. Онъ живетъ въ Озерной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Калмыковой... Ради Бога, Алексѣй Ѳедоровичъ, сдѣлайте мнѣ это, а теперь... теперь я нѣсколько... устала. До свиданья...

Она вдругъ такъ быстро повернулась и скрылась опять за портьеру, что Алеша не успѣлъ и слова сказать, — а ему хотѣлось сказать. Ему хотѣлось просить прощенія, обвинить себя—ну, что-нибудь сказать, потому что сердце его было полно, и выйти изъ комнаты онъ рѣшительно не хотѣлъ безъ этого. Но г-жа Хохлакова схватила его за руку и вывела сама. Въ прихожей она остановила его, какъ и давеча.

— Гордая, себя боретъ, но добрая, прелестная, великодушная!—полушопотомъ восклицала г-жа Хохлакова.— О, какъ я ее люблю, особенно иногда, и какъ я всему, всему теперь вновь опять рада! Милый Алексѣй Ѳедоровичъ, вы вѣдь не знали этого: знайте же, что мы всѣ, всѣ—я, обѣ ея тетки,—ну всѣ, даже Lise, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ мы только того и желаемъ, и молимъ, чтобъ она разошлась съ вашимъ любимцемъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, который ее знать не хочетъ и нисколько не любитъ, и вышла бы за Ивана Ѳедоровича, образованнаго и превосходнаго молодого человѣка, который ее любитъ больше всего на свѣтѣ. Мы вѣдь цѣлый заговоръ тутъ составили, и я даже, можетъ быть, не уѣзжаю лишь изъ-за этого...

— Но вѣдь она же плакала, опять оскорбленная! вскричалъ Алеша.

— Не вѣрьте слезамъ женщины, Алексѣй Ѳедоровичъ,— я всегда противъ женщинъ въ этомъ случаѣ, я за мужчинъ.

— Мама, вы его портите и губите, послышался тоненькій голосокъ Lise изъ-за двери.

— Нѣтъ, это я всему причиной, я ужасно виноватъ! повторялъ неутѣшный Алеша въ порывѣ мучительнаго стыда за свою выходку и даже закрывая руками лицо отъ стыда.

— Напротивъ, вы поступили какъ ангелъ, какъ ангелъ, я это тысячи тысячъ разъ повторить готова.

— Мама, почему онъ поступилъ какъ ангелъ, послышался опять голосъ Lise.

— Мнѣ вдругъ почему-то вообразилось, на все это глядя, продолжалъ Алеша, какъ бы и не слыхавъ Лизы,— что она любитъ Ивана, вотъ я и сказалъ эту глупость... и что̀ теперь будетъ!

— Да съ кѣмъ, съ кѣмъ! воскликнула Lise,—мама, вы вѣрно хотите умертвить меня. Я васъ спрашиваю—вы мнѣ не отвѣчаете.

Въ эту минуту вбѣжала горничная.

— Съ Катериной Ивановной худо... Онѣ плачутъ... истерика, бьются.

— Что̀ такое, закричала Lise, уже тревожнымъ голосомъ.—Мама, это со мной будетъ истерика, а не съ ней!

— Lise, ради Бога не кричи, не убивай меня. Ты еще въ такихъ лѣтахъ, что тебѣ нельзя всего знать, что̀ большіе знаютъ, прибѣгу все разскажу, что̀ можно тебѣ сообщить. О, Боже мой! Я бѣгу, бѣгу... Истерика — это добрый знакъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, это превосходно, что съ ней истерика. Это именно такъ и надо. Я въ этомъ случаѣ всегда противъ женщинъ, противъ всѣхъ этихъ истерикъ и женскихъ слезъ. Юлія, бѣги и скажи, что я лечу. А что Иванъ Ѳедоровичъ такъ вышелъ, такъ она сама виновата. Но онъ не уѣдетъ. Lise, ради Бога не кричи! Ахъ да, ты не кричишь, это я кричу, прости свою мамашу, но я въ восторгѣ, въ восторгѣ, въ восторгѣ! А замѣтили вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, какимъ молодымъ, молодымъ человѣкомъ Иванъ Ѳедоровичъ давеча вышелъ, сказалъ это все и вышелъ! Я думала, онъ такой ученый, академикъ, а онъ вдругъ такъ горячо-горячо, откровенно и молодо, неопытно и молодо, и такъ это все прекрасно-прекрасно, точно вы... И этотъ стишокъ нѣмецкій сказалъ, ну, точно какъ вы! Но бѣгу, бѣгу. Алексѣй Ѳедоровичъ, спѣшите скорѣй по этому порученію и поскорѣй вернитесь. Lise, не надобно ли тебѣ чего? Ради Бога не задерживай ни минуты Алексѣя Ѳедоровича, онъ сейчасъ къ тебѣ вернется.

Г-жа Хохлакова, наконецъ, убѣжала. Алеша, прежде чѣмъ идти, хотѣлъ было отворить дверь къ Lise.

— Ни за что̀! вскричала Lise,—теперь ужъ ни за что̀! Говорите такъ, сквозь дверь. За что̀ вы въ ангелы попали! Я только это одно и хочу знать.

— За ужасную глупость, Lise! Прощайте!

— Не смѣйте такъ уходить! вскричала было Lise.

— Lise, у меня серьезное горе! Я сейчасъ ворочусь, но у меня большое-большое горе!

И онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

VI.

Надрывъ въ избѣ.

У него было дѣйствительно серьезное горе, изъ такихъ, какія онъ доселѣ рѣдко испытывалъ. Онъ выскочилъ и „наглупилъ",—въ какомъ же дѣлѣ: въ любовныхъ чувствахъ! „Но что̀ я въ этомъ понимаю, что я въ этихъ дѣлахъ разбирать могу?" въ сотый разъ повторялъ онъ про себя, краснѣя,—„охъ, стыдъ бы ничего, стыдъ только должное мнѣ наказаніе,—бѣда въ томъ, что несомнѣнно теперь я буду причиною новыхъ несчастій... А старецъ посылалъ меня чтобы примирить и соединить. Такъ ли соединяютъ?" Тутъ онъ вдругъ опять припомнилъ, какъ онъ „соединилъ руки" и страшно стыдно стало ему опять. „Хоть я сдѣлалъ это все и искренно, но впередъ надо быть умнѣе", заключилъ онъ вдругъ и даже не улыбнулся своему заключенію.

Порученіе Катерины Ивановны было дано въ Озерную улицу, а братъ Дмитрій жилъ какъ разъ тутъ по дорогѣ, недалеко отъ Озерной улицы въ переулкѣ. Алеша рѣшилъ зайти къ нему во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ къ штабсъ-капитану, хотя и предчувствовалъ, что не застанетъ брата. Онъ подозрѣвалъ, что тотъ, можетъ быть, какъ-нибудь нарочно будетъ прятаться отъ него теперь,—но во что̀ бы то ни стало надо было его разыскать. Время же уходило: мысль объ отходившемъ старцѣ ни на минуту, ни на секунду не оставляла его съ того часа, какъ онъ вышелъ изъ монастыря.

Въ порученіи Катерины Ивановны промелькнуло одно обстоятельство, чрезвычайно тоже его заинтересовавшее: когда Катерина Ивановна упомянула о маленькомъ мальчикѣ, школьникѣ, сынѣ того штабсъ-капитана, который бѣжалъ, плача въ голосъ, подлѣ отца,—то у Алеши, и тогда уже, вдругъ мелькнула мысль, что этотъ мальчикъ есть навѣрное тотъ давешній школьникъ, укусившій его за палецъ, когда онъ, Алеша, допрашивалъ его, чѣмъ онъ его обидѣлъ. Теперь ужъ Алеша былъ почти увѣренъ въ этомъ, самъ не зная еще почему. Такимъ образомъ, увлекшись посторонними соображеніями, онъ развлекся и рѣшилъ не „думать"

о сейчасъ надѣланной имъ „бѣдѣ“, не мучитъ себя раскаяніемъ, а дѣлать дѣло, а тамъ что будетъ, то и выйдетъ. На этой мысли онъ окончательно ободрился. Кстати, завернувъ въ переулокъ къ брату Дмитрію и чувствуя голодъ, онъ вынулъ изъ кармана взятую у отца булку и съѣлъ дорогой. Это подкрѣпило его силы.

Дмитрія дома не оказалось. Хозяева домишка—старикъ столяръ, его сынъ и старушка жена его—даже подозрительно посмотрѣли на Алешу. „Ужъ третій день, какъ не ночуетъ, можетъ, куда и выбылъ“, отвѣтилъ старикъ на усиленные вопросы Алеши. Алеша понялъ, что онъ отвѣчаетъ по данной инструкціи. На вопросъ его: „Не у Грушеньки ли онъ, и не у Ѳомы ли опять прячется“ (Алеша нарочно пустилъ въ ходъ эти откровенности), всѣ хозяева даже пугливо на него посмотрѣли. „Любятъ его, стало-быть, руку его держатъ“, подумалъ Алеша, „это хорошо“.

Наконецъ, онъ разыскалъ въ Озерной улицѣ домъ мѣщанки Калмыковой, ветхій домишко, перекосившійся, всего въ три окна на улицу, съ грязнымъ дворомъ, посреди котораго уединенно стояла корова. Входъ былъ со двора въ сѣни—налѣво изъ сѣней жила старая хозяйка со старухою дочерью и, кажется, обѣ глухія. На вопросъ его о штабсъ-капитанѣ, нѣсколько разъ повторенный, одна изъ нихъ, понявъ, наконецъ, что спрашиваютъ жильцовъ, ткнула ему пальцемъ чрезъ сѣни, указывая на дверь въ чистую избу. Квартира штабсъ-капитана дѣйствительно оказалась только простою избой. Алеша взялся было рукой за желѣзную скобу, чтобъ отворить дверь, какъ вдругъ необыкновенная тишина за дверями поразила его. Онъ зналъ, однако, со словъ Катерины Ивановны, что отставной штабсъ-капитанъ человѣкъ семейный: „Или спятъ всѣ они, или, можетъ-быть, услыхали, что я пришелъ и ждутъ, пока я отворю; лучше я сперва постучусь къ нимъ“,—и онъ постучалъ. Отвѣтъ послышался, но не сейчасъ, а секундъ даже, можетъ-быть, десять спустя.

— Кто таковъ? прокричалъ кто-то громкимъ и усиленно сердитымъ голосомъ.

Алеша отворилъ тогда дверь, и шагнулъ черезъ порогъ. Онъ очутился въ избѣ, хотя и довольно просторной, но чрезвычайно загроможденной и людьми, и всякимъ домашнимъ скарбомъ. Налѣво была большая русская печь. Отъ печи къ лѣвому окну чрезъ всю комнату была протянута

веревка, на которой было развѣшано разное тряпье. По обѣимъ стѣнамъ налѣво и направо помѣщалось по кровати, покрытыхъ вязаными одѣялами. На одной изъ нихъ, на лѣвой, была воздвигнута горка изъ четырехъ ситцевыхъ подушекъ, одна другой меньше. На другой же кровати, справа, виднѣлась лишь одна очень маленькая подушечка. Далѣе въ переднемъ углу было небольшое мѣсто, отгороженное занавѣской или простыней, тоже перекинутою чрезъ веревку, протянутую поперекъ угла. За этою занавѣской тоже примѣчалась сбоку устроенная на лавкѣ и на приставленномъ къ ней стулѣ постель. Простой деревянный, четыреугольный мужицкій столъ былъ отодвинутъ изъ передняго угла къ серединному окошку. Всѣ три окна, каждое въ четыре мелкія, зеленыя заплѣснѣвшія стекла, были очень тусклы и на-глухо заперты, такъ что въ комнатѣ было довольно душно и не такъ свѣтло. На столѣ стояла сковорода съ остатками глазной яичницы, лежалъ надъѣденный ломоть хлѣба и сверхъ того находился полуштофъ со слабыми остатками земныхъ благъ лишь на донышкѣ. Возлѣ лѣвой кровати на стулѣ помѣщалась женщина, похожая на даму, одѣтая въ ситцевое платье. Она была очень худа лицомъ, желтая; чрезвычайно впалыя щеки ея свидѣтельствовали съ перваго раза о ея болѣзненномъ состояніи. Но всего болѣе поразилъ Алешу взглядъ бѣдной дамы,—взглядъ чрезвычайно вопросительный и въ то же время ужасно надменный. И до тѣхъ поръ, пока дама не заговорила сама и пока объяснялся Алеша съ хозяиномъ, она все время такъ же надменно и вопросительно переводила свои большіе каріе глаза съ одного говорившаго на другого. Подлѣ этой дамы, у лѣваго окошка, стояла молодая дѣвушка съ довольно некрасивымъ лицомъ, съ рыженькими жиденькими волосами, бѣдно, хотя и весьма опрятно, одѣтая. Она брезгливо осмотрѣла вошедшаго Алешу. Направо, тоже у постели, сидѣло и еще одно женское существо. Это было очень жалкое созданіе, молодая тоже дѣвушка, лѣтъ двадцати, но горбатая и безногая, съ отсохшими, какъ сказали потомъ Алешѣ, ногами. Костыли ея стояли подлѣ, въ углу, между кроватью и стѣной. Замѣчательно прекрасные и добрые глаза бѣдной дѣвушки съ какою-то спокойною кротостью поглядѣли на Алешу. За столомъ, кончая яичницу, сидѣлъ господинъ лѣтъ сорока пяти, невысокаго роста, сухощавый, слабаго сложенія, рыжеватый, съ ры-

женькою рѣдкою бородкой, весьма похожею на растрепанную мочалку (это сравненіе и особенно слово „мочалка“ такъ и сверкнули почему-то съ перваго же взгляда въ умѣ Алеши, онъ это потомъ припомнилъ). Очевидно, этотъ самый господинъ и крикнулъ изъ-за двери: „кто таковъ!“ такъ какъ другого мужчины въ комнатѣ не было. Но когда Алеша вошелъ, онъ словно сорвался со скамьи, на которой сидѣлъ за столомъ, и, наскоро обтираясь дырявою салфеткой, подлетѣлъ къ Алешѣ.

— Монахъ на монастырь проситъ, зналъ къ кому придти! громко между тѣмъ проговорила стоявшая въ лѣвомъ углу дѣвица.

Но господинъ, подбѣжавшій къ Алешѣ, мигомъ повернулся къ ней на каблукахъ, и взволнованнымъ, срывающимся какимъ-то голосомъ ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, Варвара Николаевна, это не то-съ, не угадали-съ! Позвольте спросить въ свою очередь, вдругъ опять повернулся онъ къ Алешѣ, — что побудило васъ-съ посѣтить... эти нѣдра-съ?

Алеша внимательно смотрѣлъ на него, онъ въ первый разъ этого человѣка видѣлъ. Было въ немъ что-то угловатое, спѣшащее и раздражительное. Хотя онъ, очевидно, сейчасъ выпилъ, но пьянъ не былъ. Лицо его изображало какую-то крайнюю наглость и въ то же время,—странно это было,—видимую трусость. Онъ похожъ былъ на человѣка долгое время подчинявшагося и натерпѣвшагося, но который бы вдругъ вскочилъ и захотѣлъ заявить себя. Или, еще лучше, на человѣка, которому ужасно бы хотѣлось васъ ударить, но который ужасно боится, что вы его ударите. Въ рѣчахъ его и въ интонаціи довольно пронзительнаго голоса слышался какой-то юродливый юморъ, то злой, то робѣющій, не выдерживающій тона и срывающійся. Вопросъ о „нѣдрахъ“ задалъ онъ какъ бы весь дрожа, выпучивъ глаза и подскочивъ къ Алешѣ до того въ упоръ, что тотъ машинально сдѣлалъ шагъ назадъ. Одѣтъ былъ господинъ въ темное, весьма плохое, какое-то нанковое пальто, заштопанное и въ пятнахъ. Панталоны на немъ были чрезвычайно какія-то свѣтлыя, такія, что никто давно и не носитъ, клѣтчатыя и изъ очень тоненькой какой-то матеріи, смятыя снизу и сбившіяся оттого наверхъ, точно онъ изъ нихъ какъ маленькій мальчикъ выросъ.

— Я... Алексѣй Карамазовъ... проговорилъ было въ отвѣтъ Алеша.

— Отмѣнно умѣю понимать-съ, тотчасъ же отрѣзалъ господинъ, давая знать, что ему и безъ того извѣстно, кто онъ такой.—Штабсъ я капитанъ-съ Снѣгиревъ-съ, въ свою очередь, но все же желательно узнать, что̀ именно побудило...

— Да я такъ только зашелъ. Мнѣ въ сущности отъ себя хотѣлось бы вамъ сказать одно слово... Если только позволите...

— Въ такомъ случаѣ вотъ и стулъ-съ, извольте взять мѣсто-съ. Это въ древнихъ комедіяхъ говорили: „извольте взять мѣсто“... и штабсъ-капитанъ быстрымъ жестомъ схватилъ порожній стулъ (простой мужицкій, весь деревянный и ничѣмъ не обитый) и поставилъ его чуть не по срединѣ комнаты; затѣмъ, схвативъ другой такой же стулъ для себя, сѣлъ напротивъ Алеши, попрежнему къ нему въ упоръ и такъ, что колѣни ихъ почти соприкасались вмѣстѣ.

— Николай Ильичъ Снѣгиревъ-съ, русской пѣхоты бывшій штабсъ-капитанъ-съ, хоть и посрамленный своими пороками, но все же штабсъ-капитанъ. Скорѣе бы надо сказать: штабсъ-капитанъ Словоерсовъ, а не Снѣгиревъ, ибо лишь со второй половины жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-еръ-съ пріобрѣтается въ униженіи.

— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольно пріобрѣтается или нарочно?

— Видитъ Богъ, невольно. Все не говорилъ, цѣлую жизнь не говорилъ словоерсами, вдругъ упалъ и всталъ съ словоерсами. Это дѣлается высшею силой. Вижу, что интересуетесь современными вопросами. Чѣмъ, однако, могъ возбудить столь любопытства, ибо живу въ обстановкѣ невозможной для гостепріимства.

— Я пришелъ... по тому самому дѣлу...

— По тому самому дѣлу? нетерпѣливо перервалъ штабсъ-капитанъ.

— По поводу той встрѣчи вашей съ братомъ моимъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, неловко отрѣзалъ Алеша.

— Какой же это встрѣчи-съ? Это ужъ не той ли самой-съ? Значитъ, насчетъ мочалки, банной мочалки? надвинулся онъ вдругъ такъ, что въ этотъ разъ положительно стукнулся колѣнками въ Алешу.

Губы его какъ-то особенно сжались въ ниточку.

— Какая это мочалка? пробормоталъ Алеша.

— Это онъ на меня тебѣ, папа, жаловаться пришелъ!

крикнулъ знакомый уже Алешѣ голосокъ давешняго мальчика изъ-за занавѣски въ углу. — Это я ему давеча палецъ укусилъ!

Занавѣска отдернулась, и Алеша увидѣлъ давешняго врага своего, въ углу подъ образами, на прилаженной на лавкѣ и на стулѣ постелькѣ. Мальчикъ лежалъ накрытый своимъ пальтишкомъ и еще старенькимъ ватнымъ одѣяльцемъ. Очевидно, былъ нездоровъ и, судя по горящимъ глазамъ, въ лихорадочномъ жару. Онъ безстрашно, не подавешнему, глядѣлъ теперь на Алешу: „Дома, дескать, теперь не достанешь“.

— Какой-такой палецъ укусилъ? привскочилъ со стула штабсъ-капитанъ. — Это вамъ онъ палецъ укусилъ-съ?

— Да, мнѣ. Давеча онъ на улицѣ съ мальчиками камнями перебрасывался; они въ него шестеро кидаютъ, а онъ одинъ. Я подошелъ къ нему, а онъ и въ меня камень бросилъ, потомъ другой мнѣ въ голову. Я спросилъ: что̀ я ему сдѣлалъ? Онъ вдругъ бросился и больно укусилъ мнѣ палецъ, не знаю за что?

— Сейчасъ высѣку-съ! Сею минутой высѣку-съ! совсѣмъ уже вскочилъ со стула штабсъ-капитанъ.

— Да я вѣдь вовсе не жалуюсь, я только разсказалъ... Я вовсе не хочу, чтобы вы его высѣкли! Да онъ, кажется, теперь и боленъ...

— А вы думали я высѣку-съ? Что я Илюшечку возьму да сейчасъ и высѣку предъ вами, для вашего полнаго удовлетворенія? Скоро вамъ это надо-съ? проговорилъ штабсъ-капитанъ, вдругъ повернувшись къ Алешѣ съ такимъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ на него броситься. — Жалѣю, сударь, о вашемъ пальчикѣ, но не хотите ли я, прежде чѣмъ Илюшечку сѣчь, свои четыре пальца, сейчасъ же, на вашихъ глазахъ, для вашего справедливаго удовлетворенія, вотъ этимъ самымъ ножомъ оттяпаю. Четырехъ-то пальцевъ, я думаю, вамъ будетъ довольно-съ, для утоленія жажды мщенія-съ, пятаго не потребуете?..

Онъ вдругъ остановился и какъ бы задохся. Каждая черточка на его лицѣ ходила и дергалась, глядѣлъ же съ чрезвычайнымъ вызовомъ. Онъ былъ какъ бы въ изступленіи.

— Я, кажется, теперь все понялъ, тихо и грустно отвѣтилъ Алеша, продолжая сидѣть. — Значитъ, вашъ мальчикъ — добрый мальчикъ, любитъ отца и бросился на меня, какъ на брата вашего обидчика... Это я теперь понимаю,

повторилъ онъ, раздумывая.—Но братъ мой, Дмитрій Ѳедоровичъ, раскаивается въ своемъ поступкѣ, я знаю это, и если только ему возможно будетъ придти къ вамъ, или всего лучше свидѣться съ вами опять въ томъ самомъ мѣстѣ, то онъ попроситъ у васъ при всѣхъ прощенія... если вы пожелаете.

— То-есть вырвалъ бороденку и попросилъ извиненія... Все, дескать, закончилъ и удовлетворилъ, такъ ли-съ?

— О, нѣтъ, напротивъ, онъ сдѣлаетъ все, что̀ будетъ угодно и какъ вамъ будетъ угодно!

— Такъ что если бъ я попросилъ его свѣтлость стать на колѣнки предо мной въ этомъ самомъ трактирѣ-съ,— „Столичный городъ“ ему наименованіе,—или на площади-съ, такъ онъ и сталъ бы?

— Да, онъ станетъ на колѣни.

— Пронзили-съ. Прослезили меня и пронзили-съ. Слишкомъ наклоненъ чувствовать великодушіе вашего братца. Позвольте же отрекомендоваться вполнѣ: моя семья, мои двѣ дочери и мой сынъ,—мой пометъ-съ. Умру я, кто-то ихъ возлюбитъ-съ? А пока живу я, кто-то меня, скверненькаго, кромѣ нихъ возлюбитъ? Великое это дѣло устроилъ Господь для каждаго человѣка въ моемъ родѣ-съ. Ибо надобно, чтобъ и человѣка въ моемъ родѣ могъ кто-нибудь возлюбить-съ...

— Ахъ, это совершенная правда! воскликнулъ Алеша.

— Да полноте, наконецъ, паясничать, какой-нибудь дуракъ придетъ, а вы срамите! воскликнула неожиданно дѣвушка у окна, обращаясь къ отцу съ брезгливою и презрительною миной.

— Повремените немного, Варвара Николаевна, позвольте выдержать направленіе, крикнулъ ей отецъ хотя и повелительнымъ тономъ, но однако весьма одобрительно смотря на нее.—Это ужъ у насъ такой характеръ-съ, повернулся онъ опять къ Алешѣ.

«И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ».

То-есть надо бы въ женскомъ родѣ: благословить она не хотѣла-съ. Но теперь позвольте васъ представить и моей супругѣ: вотъ-съ Арина Петровна, дама безъ ногъ-съ, лѣтъ сорока трехъ, ноги ходятъ да немножко-съ. Изъ простыхъ-съ. Арина Петровна, разгладьте черты ваши: вотъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ. Встаньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, онъ взялъ его за руку и съ силой, которой

даже нельзя было ожидать отъ него, вдругъ его приподнялъ:—вы дамѣ представляетесь, надо встать-съ. Не тотъ-съ Карамазовъ, маменька, который... гм! и такъ далѣе, а братъ его, блистающій смиренными добродѣтелями. Позвольте, Арина Петровна, позвольте, маменька, позвольте, вашу ручку предварительно поцѣловать.

И онъ почтительно, нѣжно даже, поцѣловалъ у супруги ручку. Дѣвица у окна съ негодованіемъ повернулась къ сценѣ спиной; надменно-вопросительное лицо супруги вдругъ выразило необыкновенную ласковость.

— Здравствуйте, садитесь, г. Черномазовъ, проговорила она.

— Карамазовъ, маменька, Карамазовъ (мы изъ простыхъ-съ), подшепнулъ онъ снова.

— Ну Карамазовъ, или какъ тамъ, а я всегда Черномазовъ... Садитесь же, и зачѣмъ онъ васъ поднялъ? Дама безъ ногъ, онъ говоритъ, ноги-то есть, да распухли какъ ведра, а я сама высохла. Прежде-то я куда была толстая, а теперь вонъ словно иглу проглотила...

— Мы изъ простыхъ-съ, изъ простыхъ-съ, подсказалъ еще разъ капитанъ.

— Папа, ахъ, папа! проговорила вдругъ горбатая дѣвушка, доселѣ молчавшая на своемъ стулѣ, и вдругъ закрыла глаза платкомъ.

— Шутъ! брякнула дѣвица у окна.

— Видите у насъ какія извѣстія, разставила руки мамаша, указывая на дочерей,—точно облака идутъ; пройдутъ облака и опять наша музыка. Прежде, когда мы военными были, къ намъ много приходило такихъ гостей. Я, батюшка, это къ дѣлу не приравниваю. Кто любитъ кого, тотъ и люби того. Дьяконица тогда приходитъ и говоритъ: Александръ Александровичъ превосходнѣйшей души человѣкъ, а Настасья, говоритъ, Петровна—это исчадіе ада. Ну, отвѣчаю, это, какъ кто кого обожаетъ, а ты и мала куча да вонюча.—А тебя, говоритъ, надо въ повиновеніи держать.—Ахъ ты, черная ты, говорю ей, шпага, ну и кого ты учить пришла?—Я, говоритъ она, воздухъ чистый впускаю, а ты нечистый.—А спроси, отвѣчаю ей, всѣхъ господъ офицеровъ, нечистый ли во мнѣ воздухъ, али другой какой? И такъ это у меня съ того самаго времени на душѣ сидитъ, что намедни́сь, сижу я вотъ здѣсь, какъ теперь, и вижу тотъ самый генералъ вошелъ, что на Святую сюда пріѣзжалъ: что, говорю ему, ваше

превосходительство, можно ли благородной дамѣ воздухъ свободный впускать?—Да, отвѣчаетъ, надо бы у васъ форточку, али дверь отворить, потому самому, что у васъ воздухъ не свѣжій. Ну и всѣ-то такъ! А и что̀ имъ мой воздухъ дался? Отъ мертвыхъ и того хуже пахнетъ. Я, говорю, воздуху вашего не порчу, а башмаки закажу и уйду. Батюшки, голубчики, не попрекайте мать родную! Николай Ильичъ, батюшка, я-ль тебѣ не угодила, только вѣдь у меня и есть, что Илюшечка изъ класса придетъ и любитъ. Вчера яблочко принесъ. Простите, батюшки, простите, голубчики, мать родную, простите меня совсѣмъ одинокую, а и чего вамъ мой воздухъ противенъ сталъ!

И бѣдная помѣшанная вдругъ разрыдалась, слезы брызнули ручьемъ. Штабсъ-капитанъ стремительно подскочилъ къ ней.

— Маменька, маменька, голубчикъ, полно, полно! Не одинокая ты. Всѣ-то тебя любятъ, всѣ обожаютъ! И онъ началъ опять цѣловать у нея обѣ руки и нѣжно сталъ гладить по ея лицу своими ладонями; схвативъ же салфетку, началъ вдругъ обтирать съ лица ея слезы. Алешѣ показалось даже, что у него и у самого засверкали слезы.—Ну-съ, видѣли-съ? Слышали-съ? какъ-то вдругъ яростно обернулся онъ къ нему, показывая рукой на бѣдную слабоумную.

— Вижу и слышу, пробормоталъ Алеша.

— Папа, папа! Неужели ты съ нимъ... Брось ты его, папа! крикнулъ вдругъ мальчикъ, привставъ на своей постелькѣ и горящимъ взглядомъ смотря на отца.

— Да полноте вы, наконецъ, паясничать, ваши выверты глупые показывать, которые ни къ чему никогда не ведутъ!.. совсѣмъ уже озлившись, крикнула все изъ того угла Варвара Николаевна, даже ногой топнула.

— Совершенно справедливо на этотъ разъ изволите изъ себя выходить, Варвара Николаевна, и я васъ стремительно удовлетворю. Ну-съ, шапочку вашу надѣньте, Алексѣй Ѳедоровичъ, а я вотъ картузъ возьму — и пойдемте-съ. Надобно вамъ одно серьезное словечко сказать, только внѣ этихъ стѣнъ. Эта вотъ сидящая дѣвица—это дочка моя-съ, Нина Николаевна-съ, забылъ я вамъ ее представить,—ангелъ Божій во плоти... къ смертнымъ слетѣвшій... если можете только это понять...

— Весь вѣдь такъ и сотрясается, словно судорогой

его сводитъ, продолжала въ негодованіи Варвара Николаевна.

— А эта вотъ, что̀ теперь на меня ножкой топаетъ и пальцомъ меня давеча обличила,—это тоже ангелъ Божій во плоти-съ, и справедливо меня обозвала-съ. Пойдемте же, Алексѣй Ѳедоровичъ, покончить надо-съ...

И, схвативъ Алешу за руку, онъ вывелъ его изъ комнаты прямо на улицу.

VII.

И на чистомъ воздухѣ.

— Воздухъ чистый-съ, а въ хоромахъ-то у меня и впрямь не свѣжо; во всѣхъ даже смыслахъ. Пройдемте, сударь, шажкомъ. Очень бы хотѣлось мнѣ васъ заинтересовать-съ.

— Я и самъ къ вамъ имѣю одно чрезвычайное дѣло... замѣтилъ Алеша,—и только не знаю, какъ мнѣ начать.

— Какъ не узнать, что у васъ до меня дѣло-съ? Безъ дѣла-то вы бы никогда ко мнѣ и не заглянули. Али въ самомъ дѣлѣ только жаловаться на мальчика приходились? Такъ вѣдь это невѣроятно-съ. А кстати, о мальчикѣ-съ: я вамъ тамъ всего изъяснить не могъ-съ, а здѣсь теперь сцену эту вамъ опишу-съ. Видите ли, мочалка-то была гуще-съ, еще всего недѣлю назадъ, — я про бороденку мою говорю-съ; это вѣдь бороденку мою мочалкой прозвали, школьники главное-съ. Ну-съ, вотъ-съ, тянетъ меня тогда вашъ братецъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, за мою бороденку, за ничто-съ, забуянилъ, а я подвернулся, вытянулъ изъ трактира на площадь, а какъ разъ школьники изъ школы выходятъ, а съ ними и Илюша. Какъ увидалъ онъ меня въ такомъ видѣ-съ,—бросился ко мнѣ: „Папа, кричитъ, папа!“ Хватается за меня, обнимаетъ меня, хочетъ меня вырвать, кричитъ моему обидчику: „Пустите, пустите, это папа мой, папа, простите его“,— такъ вѣдь и кричитъ: „простите“: ручонками-то тоже его схватилъ, да руку-то ему, эту самую-то руку его, и цѣлуетъ-съ... Помню я въ ту минуту, какое у него было личико-съ, не забылъ-съ и не забуду-съ!..

— Клянусь, воскликнулъ Алеша,—братъ вамъ самымъ искреннимъ образомъ, самымъ полнымъ, выразитъ раскаяніе, хотя бы даже на колѣняхъ на той самой площади... Я заставлю его, иначе онъ мнѣ не братъ!

— Ага, такъ это еще въ прожектѣ находится. Не прямо

отъ него, а отъ благородства лишь вашего сердца исходитъ пылкаго-съ. Такъ бы и сказали-съ. Нѣтъ, ужъ въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ и о высочайшемъ рыцарскомъ и офицерскомъ благородствѣ вашего братца досказать, ибо онъ его тогда выразилъ-съ. Кончилъ онъ это меня за мочалку тащить, пустилъ на волю-съ: „Ты, говоритъ, офицеръ и я офицеръ, если можешь найти секунданта, порядочнаго человѣка, то присылай—дамъ удовлетвореніе, хотя бы ты и мерзавецъ!“ Вотъ что сказалъ-съ. Воистину рыцарскій духъ! Удалились мы тогда съ Илюшей, а родословная фамильная картина навѣки у Илюши въ памяти душевной отпечатлѣлась. Нѣтъ, гдѣ ужъ намъ дворянами оставаться-съ. Да и посудите сами-съ, изволили сами быть сейчасъ у меня въ хоромахъ,—что̀ видѣли-съ? Три дамы сидятъ-съ, одна безъ ногъ слабоумная, другая безъ ногъ горбатая, а третья съ ногами, да слишкомъ ужъ умная, курсистка-съ, въ Петербургъ снова рвется, тамъ на берегахъ Невы права женщины русской отыскивать. Про Илюшу не говорю-съ, всего девять лѣтъ-съ, одинъ какъ перстъ, ибо умри я—и что̀ со всѣми этими нѣдрами станется, я только про это одно васъ спрошу-съ? А если такъ, то вызови я его на дуэль, а ну какъ онъ меня тотчасъ же и убьетъ, ну что же тогда? Съ ними-то тогда со всѣми что̀ станется-съ? Еще хуже того если онъ не убьетъ-съ, а лишь только меня искалѣчитъ: работать нельзя, а ротъ-то все-таки остается, кто жъ его накормитъ тогда, мой ротъ, и кто жъ ихъ-то всѣхъ тогда накормитъ-съ? Аль Илюшу, вмѣсто школы, милостыню просить высылать ежедневно? Такъ вотъ что̀ оно для меня значитъ-съ на дуэль-то его вызвать-съ, глупое это слово-съ и больше ничего-съ.

— Онъ будетъ у васъ просить прощенія, онъ посреди площади вамъ въ ноги поклонится, вскричалъ опять Алеша съ загорѣвшимся взоромъ.

— Хотѣлъ я его въ судъ позвать, продолжалъ штабсъ-капитанъ,—но разверните нашъ кодексъ, много-ль мнѣ придется удовлетворенія за личную обиду мою съ обидчика получить-съ? А тутъ вдругъ Аграфена Александровна призываетъ меня и кричитъ: „Думать не смѣй! Если въ судъ его позовешь, такъ подведу такъ, что всему свѣту публично обнаружится, что билъ онъ тебя за твое же мошенничество, тогда самого тебя подъ судъ упекутъ“. А Господь одинъ видитъ отъ кого мошенничество-то это вышло-съ, и по

чьему приказу я какъ мелкая сошка тутъ дѣйствовалъ-съ— не по ея ли самой распоряженію, да Ѳедора Павловича? „А къ тому же, прибавляетъ, навѣки тебя прогоню, и ничего ты у меня впредь не заработаешь. Купцу моему тоже скажу (она его такъ и называетъ, старика-то: купецъ мой), такъ и тотъ тебя сгонитъ“. Вотъ и думаю, если ужъ и купецъ меня сгонитъ, то что тогда, у кого заработаю? Вѣдь они только двое мнѣ остались, такъ какъ батюшка вашъ Ѳедоръ Павловичъ не только мнѣ довѣрять пересталъ, по одной посторонней причинѣ-съ, но еще самъ, заручившись моими расписками, въ судъ меня тащить хочетъ. Вслѣдствіе сего я и притихъ-съ и вы нѣдра видѣли-съ. А теперь позвольте спросить: больно онъ вамъ пальчикъ давеча укусилъ, Илюша-то? Въ хоромахъ-то я при немъ войти въ сію подробность не рѣшился.

— Да очень больно, и онъ очень былъ раздраженъ. Онъ мнѣ какъ Карамазову за васъ отомстилъ, мнѣ это ясно теперь. Но если бы вы видѣли какъ онъ съ товарищами школьниками камнями перекидывался? Это очень опасно, они могутъ его убить, они дѣти, глупы, камень летитъ и можетъ голову проломить.

— Да ужъ и попало-съ, не въ голову, такъ въ грудь-съ повыше сердца-съ сегодня ударъ камнемъ, спинякъ-съ, пришелъ плачетъ, охаетъ, а вотъ и заболѣлъ.

— И знаете, вѣдь онъ тамъ самъ первый и нападаетъ на всѣхъ, онъ озлился за васъ, они говорятъ, что онъ одному мальчику, Красоткину, давеча въ бокъ перочиннымъ ножикомъ пырнулъ...

— Слышалъ и про это, опасно-съ: Красоткинъ это чиновникъ здѣшній, еще, можетъ быть, хлопоты выйдутъ-съ...

— Я бы вамъ совѣтовалъ, съ жаромъ продолжалъ Алеша,—нѣкоторое время не посылать его вовсе въ школу, пока онъ уймется... и гнѣвъ этотъ въ немъ пройдетъ...

— Гнѣвъ-съ! подхватилъ штабсъ-капитанъ, — именно гнѣвъ-съ. Въ маленькомъ существѣ, а великій гнѣвъ-съ. Вы этого всего не знаете-съ. Позвольте мнѣ пояснить эту повѣсть особенно. Дѣло въ томъ, что послѣ того событія всѣ школьники въ школѣ стали его мочалкой дразнить. Дѣти въ школахъ народъ безжалостный: порознь ангелы Божіи, а вмѣстѣ, особенно въ школахъ, весьма часто безжалостны. Начали они его дразнить, воспрянулъ въ Илюшѣ благородный духъ. Обыкновенный мальчикъ, слабый сынъ,— тотъ бы смирился, отца своего застыдился, а этотъ одинъ

противъ всѣхъ возсталъ за отца. За отца и за истину-съ, за правду-съ. Ибо, что онъ тогда вынесъ, какъ вашему братцу руки цѣловалъ и кричалъ ему: „Простите папочку, простите папочку",—то это только Богъ одинъ знаетъ да я-съ. И вотъ такъ-то дѣтки наши—то-есть не ваши, а наши-съ, дѣтки презрѣнныхъ, но благородныхъ нищихъ-съ, правду на землѣ еще въ девять лѣтъ отъ роду узнаютъ-съ. Богатымъ гдѣ: тѣ всю жизнь такой глубины не изслѣдуютъ, а мой Илюша въ ту самую минуту на площади-то-съ, какъ руки то его цѣловалъ, въ ту самую минуту всю истину произошелъ-съ. Вошла въ него эта истина-съ и пришибла его навѣки-съ, горячо и опять какъ бы въ изступленіи произнесъ штабсъ-капитанъ и при этомъ ударилъ правымъ своимъ кулакомъ въ лѣвую ладонь, какъ бы желая наяву выразить какъ пришибла его Илюшу „истина".—Въ тотъ самый день онъ у меня въ лихорадкѣ былъ-съ, всю ночь бредилъ. Весь тотъ день мало со мной говорилъ, совсѣмъ молчалъ даже, только замѣтилъ я: глядитъ, глядитъ на меня изъ угла, а все больше къ окну припадаетъ и дѣлаетъ видъ, будто бы уроки учитъ, а я вижу, что не уроки у него на умѣ. На другой день я выпилъ-съ и многаго не помню-съ, грѣшный человѣкъ, съ горя-съ. Маменька тоже тутъ плакать начала-съ,—маменьку-то я очень люблю-съ,—ну, съ горя и клюкнулъ, на послѣднія-съ. Вы, сударь, не презирайте меня: въ Россіи пьяные люди у насъ самые добрые. Самые добрые люди у насъ и самые пьяные. Лежу это я и Илюшу въ тотъ день не очень запомнилъ, а въ тотъ-то именно день мальчишки и подняли его на смѣхъ въ школѣ съ утра-съ: „Мочалка, кричатъ ему, отца твоего за мочалку изъ трактира тащили, а ты подлѣ бѣжалъ и прощенія просилъ". На третій это день пришелъ онъ опять изъ школы, смотрю, лица на немъ нѣтъ, поблѣднѣлъ. Что ты, говорю? Молчитъ. Ну, въ хоромахъ-то нечего было разговаривать, а то сейчасъ маменька и дѣвицы участіе примутъ—дѣвицы-то къ тому же узнали, даже еще въ первый день. Варвара-то Николаевна уже стала ворчать: „Шуты, паяцы, развѣ можетъ у васъ что разумное быть."—Такъ точно, говорю, Варвара Николаевна, развѣ можетъ у насъ что разумное быть? Тѣмъ на тотъ разъ и отдѣлался. Вотъ-съ къ вечеру я и вывелъ мальчика погулять. А ты съ нимъ, надо вамъ знать-съ, каждый вечеръ и допрежь того гулять выходили, ровно по тому самому пути, по которому съ вами теперь

идемъ, отъ самой нашей калитки до вонъ того камня большущаго, который вонъ тамъ на дорогѣ сироткой лежитъ у плетня, и гдѣ выгонъ городской начинается: мѣсто пустынное и прекрасное-съ. Идемъ мы съ Илюшей, ручка его въ моей рукѣ, по обыкновенію; махонькая у него ручка, пальчики тоненькіе, холодненькіе—грудкой вѣдь онъ у меня страдаетъ.—„Папа, говоритъ, папа!"—Что̀, говорю ему—глазенки вижу у него сверкаютъ.—„Папа, какъ онъ тебя тогда, папа!"—Что̀ дѣлать, Илюша, говорю.—„Не мирись съ нимъ, папа, не мирись. Школьники говорятъ, что онъ тебѣ десять рублей за это далъ".—Нѣтъ, говорю, Илюша, я денегъ отъ него не возьму теперь ни за что̀. Такъ онъ и затрясся весь, схватилъ мою руку въ свои обѣ ручки, опять цѣлуетъ.—„Папа, говоритъ, папа, вызови его на дуэль, въ школѣ дразнятъ, что ты трусъ и не вызовешь его на дуэль, а десять рублей у него возьмешь".—На дуэль, Илюша, мнѣ нельзя его вызвать, отвѣчаю я, и излагаю ему вкратцѣ все то, что̀ и вамъ на сей счетъ сейчасъ изложилъ. Выслушалъ онъ:—„Папа, говоритъ, папа, все-таки не мирись: я вырасту, я вызову его самъ и убью его!" Глазенки-то сверкаютъ и горятъ. Ну, при всемъ томъ вѣдь я и отецъ, надобно-жъ было ему слово правды сказать: грѣшно, говорю я ему, убивать, хотя бы и на поединкѣ.—„Папа, говоритъ, папа, я его повалю, какъ большой буду, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, замахнусь на него саблей и скажу ему: могъ бы тебя сейчасъ убить, но прощаю тебя, вотъ тебѣ!"—Видите, видите, сударь, какой процессикъ въ головкѣ-то его произошелъ въ эти два дня, это онъ день и ночь объ этомъ именно мщеніи съ саблей думалъ и ночью, должно быть, объ этомъ бредилъ-съ. Только сталъ онъ изъ школы приходить больно битый, это третьяго дня я все узналъ, и вы правы-съ; больше ужъ въ школу эту я его не пошлю-съ. Узнаю я, что онъ противъ всего класса одинъ идетъ и всѣхъ самъ вызываетъ, самъ озлился, сердце въ немъ зажглось,—испугался я тогда за него. Опять ходимъ гуляемъ.—„Папа, спрашиваетъ, папа, вѣдь богатые всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ?"—Да, говорю, Илюша, нѣтъ на свѣтѣ сильнѣе богатаго.—„Папа, говоритъ, я разбогатѣю, я въ офицеры пойду и всѣхъ разобью, меня царь наградитъ, я пріѣду и тогда никто не посмѣетъ"... Потомъ помолчалъ да и говоритъ,—губенки-то у него все попрежнему вздрагиваютъ.—„Папа,

говоритъ, какой это нехорошій городъ нашъ, папа!"—Да, говорю, Илюшечка, не очень-таки хорошъ нашъ городъ.— „Папа, переѣдемъ въ другой городъ, въ хорошій, говоритъ, городъ, гдѣ про насъ и не знаютъ."—Переѣдемъ, говорю, переѣдемъ, Плюша,—вотъ только денегъ скоплю. Обрадовался я случаю отвлечь его отъ мыслей темныхъ, и стали мы мечтать съ нимъ, какъ мы въ другой городъ переѣдемъ, лошадку свою купимъ да телѣжку. Маменьку да сестрицъ усадимъ, закроемъ ихъ, а сами сбоку пойдемъ, изрѣдка тебя подсажу, а я тутъ подлѣ пойду, потому, лошадку свою поберечь надо, не всѣмъ же садиться, такъ и отправимся. Восхитился онъ этимъ, а главное, что своя лошадка будетъ и самъ на ней поѣдетъ. А ужъ извѣстно, что русскій мальчикъ такъ и родится вмѣстѣ съ лошадкой. Болтали мы долго; славу Богу, думаю, развлекъ я его, утѣшилъ. Это третьяго дня вечеромъ было, а вчера вечеромъ уже другое оказалось. Опять онъ утромъ въ эту школу пошелъ, мрачный вернулся, очень ужъ мраченъ. Вечеромъ взялъ я его за ручку, вывелъ гулять, молчитъ, не говоритъ. Вѣтерокъ тогда начался, солнце затмилось, осенью повѣяло, да и смеркалось ужъ,—идемъ, обоимъ намъ грустно.—Ну, мальчикъ, какъ же мы, говорю, съ тобой въ дорогу-то соберемся,—думаю, на вчерашній-то разговоръ навести. Молчитъ. Только пальчики его слышу въ моей рукѣ вздрогнули. Э, думаю, плохо, новое есть. Дошли мы вотъ, какъ теперь, до этого самаго камня, сѣлъ я на камень этотъ, а на небесахъ все змѣи запущены, гудятъ и трещатъ, змѣевъ тридцать видно. Вѣдь нынѣ змѣиный сезонъ-съ. Вотъ говорю, Илюша, пора бы и намъ змѣекъ прошлогодній запустить. Починю-ка я его, гдѣ онъ у тебя тамъ спрятанъ? Молчитъ мой мальчикъ, глядитъ въ сторону, стоитъ ко мнѣ бокомъ. А тутъ вѣтеръ вдругъ загудѣлъ, понесло пескомъ... Бросился онъ вдругъ ко мнѣ весь, обнялъ мнѣ обѣими ручонками шею, стиснулъ меня. Знаете, дѣтки коли молчаливыя да гордыя, да слезы долго перемогаютъ въ себѣ, да какъ вдругъ прорвутся, если горе большое придетъ, такъ вѣдь не то что слезы потекутъ-съ, а брызнутъ словно ручьи-съ. Теплыми-то брызгами этими такъ вдругъ и обмочилъ онъ мнѣ все лицо. Зарыдалъ, какъ въ судорогѣ, затрясся, прижимаетъ меня къ себѣ, я сижу на камнѣ.—„Папочка, вскрикиваетъ, папочка, милый папочка, какъ онъ тебя унизилъ!" Зарыдалъ тутъ и я-съ, сидимъ и сотрясаемся обнявшись.—„Папочка, говоритъ,

папочка!"—Илюша, говорю ему, Илюшечка! Никто-то насъ тогда не видалъ-съ, Богъ одинъ видѣлъ, авось мнѣ въ формуляръ занесетъ-съ. Поблагодарите вашего братца, Алексѣй Ѳедоровичъ. Нѣтъ-съ, я моего мальчика для вашего удовлетворенія не высѣку-съ!

Кончилъ онъ опять со своимъ давешнимъ злымъ и юродливымъ вывертомъ. Алеша почувствовалъ, однако, что ему ужъ онъ довѣряетъ и что будь на его мѣстѣ другой, то съ другимъ этотъ человѣкъ не сталъ бы такъ „разговаривать" и не сообщилъ бы ему того, что̀ сейчасъ ему сообщилъ. Это ободрило Алешу, у котораго душа дрожала отъ слезъ.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось помириться съ вашимъ мальчикомъ! воскликнулъ онъ.—Если бы вы это устроили...

— Точно такъ-съ, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.

— Но теперь не про то, совсѣмъ не про то, слушайте, продолжалъ восклицать Алеша, — слушайте! Я имѣю къ вамъ порученіе: этотъ самый мой братъ, этотъ Дмитрій, оскорбилъ и свою невѣсту, благороднѣйшую дѣвушку, и о которой вы вѣрно слышали. Я имѣю право вамъ открыть про ея оскорбленіе, я даже долженъ такъ сдѣлать, потому что она, узнавъ про вашу обиду, и узнавъ все про ваше несчастное положеніе, поручила мнѣ сейчасъ... давеча... снести вамъ это вспоможеніе отъ нея... но только отъ нея одной, не отъ Дмитрія, который и ее бросилъ, отнюдь нѣтъ, и не отъ меня, отъ брата его, и не отъ кого-нибудь, а отъ нея, только отъ нея одной! Она васъ умоляетъ принять ея помощь... вы оба обижены однимъ и тѣмъ же человѣкомъ... Она и вспомнила-то о васъ лишь тогда, когда вынесла отъ него такую же обиду (по силѣ обиды),—какъ и вы отъ него! Это значитъ сестра идетъ къ брату съ помощью... Она именно поручила мнѣ уговорить васъ принять отъ нея вотъ эти двѣсти рублей, какъ отъ сестры, зная, что вы такъ нуждаетесь. Никто-то объ этомъ не узнаетъ, никакихъ несправедливыхъ сплетенъ не можетъ произойти... вотъ эти двѣсти рублей и, кляпусь,—вы должны принять ихъ, иначе... иначе, стало быть, всѣ должны быть врагами другъ другу на свѣтѣ! Но вѣдь есть же и на свѣтѣ братья... У васъ благородная душа... вы должны это понять, должны!

И Алеша протянулъ ему двѣ новенькія радужныя сторублевыя кредитки. Оба они стояли тогда именно у большого камня, у забора, и никого кругомъ не было. Кре-

дитки произвели, казалось, на штабсъ-капитана страшное впечатлѣніе: онъ вздрогнулъ, но сначала какъ бы отъ одного удивленія: ничего подобного ему и не мерещилось и такого исхода онъ не ожидалъ вовсе. Помощь отъ кого-нибудь, да еще такая значительная, ему и не мечталась даже и во снѣ. Онъ взялъ кредитки и съ минуту почти и отвѣчать не могъ, совсѣмъ что-то новое промелькнуло въ лицѣ его.

— Это мнѣ-то, мнѣ-съ, это столько денегъ, двѣсти рублей! Батюшки! Да я ужъ четыре года не видалъ такихъ денегъ,—Господи! И говоритъ, что сестра... и вправду это, вправду?

— Клянусь вамъ, что все, что̀ я вамъ сказалъ, правда! вскричалъ Алеша. Штабсъ-капитанъ покраснѣлъ.

— Послушайте-съ, голубчикъ мой, послушайте-съ, вѣдь если я и приму, то вѣдь не буду же я подлецомъ? Въ глазахъ-то вашихъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь не буду, не буду подлецомъ? Нѣтъ-съ, Алексѣй Ѳедоровичъ, вы выслушайте, выслушайте-съ, торопился онъ поминутно, дотрогиваясь до Алеши обѣими руками,—вы вотъ уговариваете меня тѣмъ, что „сестра“ посылаетъ, а внутри-то, про себя-то,—не восчувствуете ко мнѣ презрѣнія, если я приму-съ, а?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Спасеніемъ моимъ клянусь вамъ, что нѣтъ! И никто не узнаетъ никогда, только мы: я, вы, да она, да еще одна дама, ея большой другъ...

— Что дама! Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, выслушайте-съ, вѣдь ужъ минута такая пришла-съ, что надо выслушать, ибо вы и понять не можете, что̀ могутъ значить для меня теперь эти двѣсти рублей, продолжалъ бѣднякъ, приходя постепенно въ какой-то безпорядочный, почти дикій восторгъ. Онъ былъ какъ бы сбитъ съ толку, говорилъ же чрезвычайно спѣша и торопясь, точно опасаясь, что ему не дадутъ всего высказать. — Кромѣ того, что это честно пріобрѣтено, отъ столь уважаемой и святой „сестры-съ“, знаете ли вы, что я маменьку и Ниночку, — горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, полѣчить теперь могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ своего сердца, осматривалъ ихъ обѣихъ цѣлый часъ: „Не понимаю, говоритъ, ничего“, а однакожъ, минеральная вода, которая въ аптекѣ здѣшней есть (прописалъ онъ ее), несомнѣнную пользу ей принесетъ, да ванны ножныя изъ лѣкарствъ тоже ей прописалъ. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копеекъ, а кувшиновъ-то надо выпить, можетъ быть, сорокъ. Такъ я взялъ да

рецептъ и положилъ на полку подъ образа, да тамъ и лежитъ. А Ниночку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ, да ежедневно утромъ и вечеромъ, такъ гдѣ жъ намъ было сочинить такое лѣченье-съ у насъ-то, въ хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и безъ воды-съ? А Ниночка-то вся въ ревматизмѣ, я вамъ это еще и не говорилъ, по ночамъ ноетъ у нея вся правая половина, мучается, и вѣрите ли, ангелъ Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не стонетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы что̀ попало, что̀ добудется; такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, что̀ собакѣ только можно выкинуть: „Не сто̀ю я, дескать, этого куска, я у васъ отнимаю, вамъ бременемъ сижу". Вотъ что̀ ея взглядъ ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это тягостно: „Не сто̀ю я этого, не сто̀ю, недостойная я калѣка, безполезная", — а еще бы она не стоила-съ, когда она всѣхъ насъ своею ангельскою кротостью у Бога вымолила, безъ нея, безъ ея тихаго слова, у насъ былъ бы адъ-съ, даже Варю и ту смягчила. А Варвару-то Николаевну тоже не осуждайте-съ, тоже ангелъ она, тоже обиженная. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было съ ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила ихъ на отъѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, то-есть теперь-то, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожили и не на что̀ ей теперь воротиться, вотъ какъ-съ. Да и нельзя воротиться-то, потому, на насъ какъ каторжная работаетъ, вѣдь мы ее какъ клячу запрягли-осѣдлали, за всѣми ходитъ, чинитъ, моетъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а маменька сумасшедшая-съ, а маменька слезливая-съ, а маменька сумасшедшая-съ!.. Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей служанку нанять могу-съ, понимаете ли вы, Алексѣй Ѳедоровичъ, лѣченіе милыхъ существъ предпринять могу-съ, курсистку въ Петербургъ направлю-съ, говядины куплю-съ, діэту новую заведу-съ. Господи, да вѣдь это мечта!

Алеша былъ ужасно радъ, что доставилъ столько счастія и что бѣднякъ согласился быть осчастливленнымъ.

— Стойте, Алексѣй Ѳедоровичъ, стойте, схватился опять за новую, вдругъ представившуюся ему мечту штабсъ-капитанъ и опять затараторилъ изступленною скороговоркой, — да знаете ли вы, что мы съ Илюшкой, пожалуй, и впрямь теперь мечту осуществимъ: купимъ лошадку да

кибитку, да лошадку-то вороненькую, онъ просилъ непремѣнно чтобы вороненькую, да и отправимся, какъ третьяго дня расписывали. У меня въ К—ской губерніи адвокатъ есть знакомый-съ, съ дѣтства пріятель-съ, передавали мнѣ чрезъ вѣрнаго человѣка, что если пріѣду, то онъ мнѣ у себя на конторѣ мѣсто письмоводителя будто бы дастъ-съ, такъ вѣдь кто его знаетъ, можетъ, и дастъ... Ну, такъ посадить бы маменьку, посадить бы Нипочку, Плюшечку править посажу, а я бы пѣшечкомъ, пѣшечкомъ, да всѣхъ бы и повезъ-съ... Господи, да если бы только одинъ должокъ пропащій здѣсь получить, такъ, можетъ, достанетъ даже и на это-съ!

— Достанетъ, достанетъ! воскликнулъ Алеша, — Катерина Ивановна вамъ пришлетъ еще, сколько угодно, и, знаете ли, у меня тоже есть деньги, возьмите сколько вамъ надо, какъ отъ брата, какъ отъ друга, потомъ отдадите... (Вы разбогатѣете, разбогатѣете!). И знаете, что никогда вы ничего лучше даже и придумать не въ состояніи, какъ этотъ переѣздъ въ другую губернію! Въ этомъ ваше спасеніе, а главное, для вашего мальчика,—и знаете, поскорѣе бы, до зимы бы, до холодовъ, и написали бы намъ оттуда, и остались бы мы братьями... Нѣтъ, это не мечта!

Алеша хотѣлъ было обнять его, до того онъ былъ доволенъ. Но взглянувъ на него, онъ вдругъ остановился: тотъ стоялъ вытянувъ шею, вытянувъ губы, съ изступленнымъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ, и что-то шепталъ губами, какъ будто желая что-то выговорить; звуковъ не было, а онъ все шепталъ губами, было какъ-то странно.

— Чего вы! вздрогнулъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Алексѣй Ѳедоровичъ... я... вы... бормоталъ и срывался штабсъ-капитанъ, странно и дико смотря на него въ упоръ съ видомъ рѣшившагося полетѣть съ горы, и въ то же время губами какъ бы улыбаясь,—я-съ... вы-съ... А не хотите ли я вамъ одинъ фокусикъ сейчасъ покажу-съ! вдругъ прошепталъ онъ быстрымъ, твердымъ шопотомъ, рѣчь ужъ не срывалась болѣе.

— Какой фокусъ?

— Фокусикъ, фокусъ-покусъ такой, все шепталъ штабсъ-капитанъ; ротъ его скривился на лѣвую сторону, лѣвый глазъ прищурился, онъ не отрываясь все смотрѣлъ на Алешу, точно приковался къ нему.

— Да что съ вами, какой фокусъ? прокричалъ тотъ ужъ совсѣмъ въ испугѣ.

— А вотъ какой, глядите! взвизгнулъ вдругъ штабсъ-капитанъ.

И, показавъ ему обѣ радужныя кредитки, которыя все время, въ продолженіе всего разговора, держалъ обѣ вмѣстѣ за уголокъ большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, онъ вдругъ съ какимъ-то остервенѣніемъ схватилъ ихъ, смялъ и крѣпко зажалъ въ кулакѣ правой руки.

— Видѣли-съ, видѣли-съ! взвизгнулъ онъ Алешѣ, блѣдный и изступленный, и вдругъ, поднявъ вверхъ кулакъ, со всего размаху бросилъ обѣ смятыя кредитки на песокъ, — видѣли-съ? взвизгнулъ онъ опять, показывая на нихъ пальцемъ,—ну, такъ вотъ-же-съ!..

И вдругъ поднявъ правую ногу, онъ съ дикою злобой бросился ихъ топтать каблукомъ, восклицая и задыхаясь съ каждымъ ударомъ ноги.

— Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вотъ ваши деньги-съ! Вдругъ онъ отскочилъ назадъ и выпрямился передъ Алешей. Весь видъ его изобразилъ собой неизъяснимую гордость.

— Доложите пославшимъ васъ, что мочалка чести своей не продаетъ-съ! вскричалъ онъ, простирая на воздухъ руки. Затѣмъ быстро повернулся и бросился бѣжать; но онъ не пробѣжалъ и пяти шаговъ, какъ, весь повернувшись опять, вдругъ сдѣлалъ Алешѣ ручкой. Но и опять не пробѣжавъ пяти шаговъ, онъ въ послѣдній уже разъ обернулся, на этотъ разъ безъ искривленнаго смѣха въ лицѣ, а, напротивъ, все оно сотрясалось слезами. Плачущею, срывающеюся, захлебывающеюся скороговоркой прокричалъ онъ:

— А что̀ жъ бы я моему мальчику-то сказалъ, если бъ у васъ деньги за позоръ нашъ взялъ? и, проговоривъ это, бросился бѣжать, на сей разъ уже не оборачиваясь. Алеша глядѣлъ ему вслѣдъ съ невыразимою грустью. О, онъ понималъ, что тотъ до самаго послѣдняго мгновенія самъ не зналъ, что скомкаетъ и швырнетъ кредитки. Бѣжавшій ни разу не обернулся, такъ и зналъ Алеша, что не обернется. Послѣдовать и звать его онъ не захотѣлъ, онъ зналъ почему? Когда же тотъ исчезъ изъ виду, Алеша поднялъ обѣ кредитки. Онѣ были лишь очень смяты, сплюснуты и вдавлены въ песокъ, и совершенно цѣлы и даже захрустѣли, какъ новенькія, когда Алеша развертывалъ ихъ и разглаживалъ. Разгладивъ, онъ сложилъ ихъ, сунулъ въ карманъ и пошелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ докладывать объ успѣхѣ ея порученія.

КНИГА ПЯТАЯ.

Pro и contra.

I.

Сговоръ.

Г-жа Хохлакова опять встрѣтила Алешу первая. Она торопилась: случилось нѣчто важное; истерика Катерины Ивановны кончилась обморокомъ, затѣмъ наступила „ужасная, страшная слабость, она легла, завела глаза и стала бредить. Теперь жаръ, послали за Герценштубе, послали за тетками. Тетки ужъ здѣсь, а Герценштубе еще нѣтъ. Всѣ сидятъ въ ея комнатѣ и ждутъ. Что-то будетъ, а она безъ памяти. А ну, если горячка!"

Восклицая это, г-жа Хохлакова имѣла видъ серьезно испуганный: „это ужъ серьезно, серьезно!" прибавляла она къ каждому слову, какъ будто все что̀ случалось съ ней прежде, было не серьезно. Алеша выслушалъ ее съ горестью; началъ было излагать ей и свои приключенія; но она его съ первыхъ же словъ прервала; ей было некогда, она просила посидѣть у Lise и у Lise подождать ее.

— Lise, милѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, зашептала она ему почти на ухо,—Lise меня странно удивила сейчасъ, но и умилила, а потому сердце мое ей все прощаетъ. Представьте, только что вы ушли, она вдругъ искренно стала раскаиваться, что надъ вами будто бы смѣялась вчера и сегодня. Но вѣдь она не смѣялась, она лишь шутила. Но такъ серьезно раскаивалась, почти до слезъ, такъ что я удивилась. Никогда она прежде серьезно не раскаивалась, когда надо мною смѣялась, а все въ шутку. А вы знаете, она поминутно надо мною смѣется. А вотъ

теперь она серьезно, теперь все пошло серьезно. Она чрезвычайно цѣнитъ ваше мнѣніе, Алексѣй Ѳедоровичъ, и если можете, то не обижайтесь на нее, и не имѣйте претензіи. Я сама только и дѣлаю, что щажу ее, потому что она такая умненькая,—вѣрите ли вы? Она говорила сейчасъ, что вы были другомъ ея дѣтства,—„самымъ серьезнымъ другомъ моего дѣтства,—представьте себѣ это, самымъ серьезнымъ, а я-то?“ У ней на этотъ счетъ чрезвычайно серьезныя чувства, и даже воспоминанія, а главное эти фразы, и словечки, самыя неожиданныя эти словечки, такъ что никакъ не ожидаешь, а вдругъ оно и выскочитъ. Вотъ недавно о соснѣ, напримѣръ: Стояла у насъ въ саду, въ ея первомъ дѣтствѣ, сосна, можетъ, и теперь стоитъ, такъ что нечего говорить въ прошедшемъ времени. Сосны не люди, онѣ долго не измѣняются, Алексѣй Ѳедоровичъ. „Мама, говоритъ, я помню эту сосну какъ со сна,—то-есть „сосну, какъ со сна“—это какъ-то она иначе выразилась, потому что тутъ путаница, сосна слово глупое, но только она мнѣ наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное, что̀ я рѣшительно не возьмусь передать. Да и все забыла. Ну, до свиданья, я очень потрясена и навѣрно съ ума схожу. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, я два раза въ жизни съ ума сходила и меня лѣчили. Ступайте къ Lise. Ободрите ее, какъ вы всегда прелестно это сумѣете сдѣлать. Lise, крикнула она, подходя къ ея двери,—вотъ я привела къ тебѣ столь оскорбленнаго тобою Алексѣя Ѳедоровича, и онъ нисколько не сердится, увѣряю тебя, напротивъ, удивляется, какъ ты могла подумать!

— Merci, maman, войдите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша вошелъ. Lise смотрѣла какъ-то сконфуженно и вдругъ вся покраснѣла. Она видимо чего-то стыдилась, и какъ всегда при этомъ бываетъ, быстро-быстро заговорила совсѣмъ о постороннемъ, точно этимъ только постороннимъ она и интересовалась въ эту минуту.

— Мама мнѣ вдругъ передала сейчасъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, всю исторію объ этихъ двухстахъ рубляхъ, и объ этомъ вамъ порученіи... къ этому бѣдному офицеру... и разсказала всю эту ужасную исторію, какъ его обидѣли, и, знаете, хоть мама разсказываетъ очень не толково... она все перескакиваетъ... но я слушала и плакала. Что̀ же, какъ же, отдали вы эти деньги, и какъ же теперь этотъ несчастный?..

— То-то и есть, что не отдалъ, и тутъ цѣлая исторія, отвѣтилъ Алеша, съ своей стороны какъ бы именно болѣе всего озабоченный тѣмъ, что деньги не отдалъ, а между тѣмъ Lise отлично замѣтила, что и онъ смотритъ въ сторону, и тоже видимо старается говорить о постороннемъ. Алеша присѣлъ къ столу и сталъ разсказывать, но съ первыхъ же словъ онъ совершенно пересталъ конфузиться и увлекъ въ свою очередь Lise. Онъ говорилъ подъ вліяніемъ сильнаго чувства и недавняго чрезвычайнаго впечатлѣнія, и разсказать ему удалось хорошо и обстоятельно. Онъ и прежде, еще въ Москвѣ, еще въ дѣтствѣ Lise, любилъ приходить къ ней, и разсказывать то изъ случившагося съ нимъ сейчасъ, то изъ прочитаннаго, то вспоминать изъ прожитаго имъ дѣтства. Иногда даже оба мечтали вмѣстѣ и сочиняли цѣлыя повѣсти вдвоемъ, но большею частью веселыя и смѣшныя. Теперь они оба какъ бы вдругъ перенеслись въ прежнее московское время, два года назадъ. Lise была чрезвычайно растрогана его разсказомъ. Алеша съ горячимъ чувствомъ сумѣлъ нарисовать передъ ней образъ „Илюшечки". Когда же кончилъ во всей подробности сцену о томъ, какъ тотъ несчастный человѣкъ топталъ деньги, то Lise всплеснула руками и вскричала въ неудержимомъ чувствѣ:

— Такъ вы не отдали денегъ, такъ вы такъ и дали ему убѣжать! Боже мой, да вы хоть бы побѣжали за нимъ сами и догнали его...

— Нѣтъ, Lise, этакъ лучше, что я не побѣжалъ, сказалъ Алеша, всталъ со стола, и озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Какъ лучше, чѣмъ лучше? Теперь они безъ хлѣба, и погибнутъ!

— Не погибнутъ, потому что эти двѣсти рублей ихъ все-таки не минуютъ. Онъ все равно возьметъ ихъ завтра. Завтра-то ужъ навѣрно возьметъ, проговорилъ Алеша, шагая въ раздумьи.—Видите ли, Lise, продолжалъ онъ, вдругъ остановясь предъ ней,—я самъ тутъ сдѣлалъ одну ошибку, но и ошибка-то вышла къ лучшему.

— Какая ошибка, и почему къ лучшему?

— А вотъ почему, это человѣкъ трусливый и слабый характеромъ. Онъ такой измученный и очень добрый. Я вотъ теперь все думаю: чѣмъ это онъ такъ вдругъ обидѣлся и деньги растопталъ, потому что, увѣряю васъ, онъ до самаго послѣдняго мгновенія не зналъ, что разстопчетъ ихъ. И вотъ мнѣ кажется, что онъ многимъ тутъ

обидѣлся... да и не могло быть иначе въ его положеніи... Во-первыхъ, онъ ужъ тѣмъ обидѣлся, что слишкомъ при мнѣ деньгамъ обрадовался и предо мною этого не скрылъ. Если бъ обрадовался, да не очень, не показалъ этого, фасоны бы сталъ дѣлать, какъ другіе, принимая деньги, кривляться, ну, тогда бы еще могъ снести и принять, а то онъ ужъ слишкомъ правдиво обрадовался, а это-то и обидно. Ахъ, Lise, онъ правдивый и добрый человѣкъ, вотъ въ этомъ-то и вся бѣда въ этихъ случаяхъ! У него все время, пока онъ тогда говорилъ, голосъ былъ такой слабый, ослабленный, и говорилъ онъ такъ скоро-скоро, все какъ-то хихикалъ такимъ смѣшкомъ, или уже плакалъ... право, онъ плакалъ, до того онъ былъ въ восхищеніи... и про дочерей своихъ говорилъ... и про мѣсто, что ему въ другомъ городѣ дадутъ... И чуть только излилъ душу, вотъ вдругъ ему и стыдно стало за то, что онъ такъ всю душу мнѣ показалъ. Вотъ онъ меня сейчасъ и возненавидѣлъ. А онъ изъ ужасно стыдливыхъ бѣдныхъ. Главное же обидѣлся тѣмъ, что слишкомъ скоро меня за своего друга принялъ и скоро мнѣ сдался; то бросался на меня, пугалъ, а тутъ, вдругъ только что увидѣлъ деньги, и сталъ меня обнимать. Потому что онъ меня обнималъ, все руками трогалъ. Это именно вотъ въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ все это униженіе почувствовать, а тутъ какъ разъ я эту ошибку сдѣлалъ, очень важную: Я вдругъ и скажи ему, что если денегъ у него не достанетъ на переѣздъ въ другой городъ, то ему еще дадутъ, и даже я самъ ему дамъ изъ моихъ денегъ сколько угодно. Вотъ это вдругъ его и поразило: зачѣмъ, дескать, и я выскочилъ ему помогать? Знаете, Lise, это ужасно какъ тяжело для обиженнаго человѣка, когда всѣ на него станутъ смотрѣть его благодѣтелями... я это слышалъ, мнѣ это старецъ говорилъ. Я не знаю какъ это выразить, но я это часто и самъ видѣлъ. Да я вѣдь и самъ точно такъ же чувствую. А главное, то, что хоть онъ и не зналъ до самаго послѣдняго мгновенія, что растопчетъ кредитки, но все-таки это предчувствовалъ, это ужъ непремѣнно. Потому-то и восторгъ у него былъ такой сильный, что онъ предчувствовалъ... И вотъ хоть все это такъ скверно, но все-таки къ лучшему. Я такъ даже думаю, что къ самому лучшему, лучше и быть не могло...

— Почему, почему лучше и быть не могло? воскликнула Lise, съ большимъ удивленіемъ смотря на Алешу.

— Потому, Lise, что если бъ онъ не растопталъ, а взялъ эти деньги, то, придя домой, чрезъ часъ какой-нибудь и заплакалъ бы о своемъ униженіи, вотъ что̀ вышло бы непремѣнно. Заплакалъ бы и, пожалуй, завтра пришелъ бы ко мнѣ чѣмъ свѣтъ и бросилъ бы, можетъ быть, мнѣ кредитки и растопталъ бы какъ давеча. А теперь онъ ушелъ ужасно гордый и съ торжествомъ, хоть и знаетъ, что „погубилъ себя". А, стало-быть, теперь ужъ ничего нѣтъ легче, какъ заставить его принять эти же двѣсти рублей не далѣе какъ завтра, потому что онъ ужъ свою честь доказалъ, деньги швырнулъ, растопталъ... Не могъ же онъ знать, когда топталъ, что я завтра ихъ ему опять принесу. А между тѣмъ деньги-то эти ему ужасно какъ вѣдь нужны. Хоть онъ теперь и гордъ, а все-таки вѣдь даже сегодня будетъ думать о томъ, какой помощи онъ лишился. Ночью будетъ еще сильнѣе думать, во снѣ будетъ видѣть, а къ завтрашнему утру, пожалуй, готовъ будетъ ко мнѣ бѣжать и прощенья просить. А я-то вотъ тутъ и явлюсь: „Вотъ, дескать, вы гордый человѣкъ, вы доказали, ну, теперь возьмите, простите насъ". Вотъ тутъ-то онъ и возьметъ!

Алеша съ какимъ-то упоеніемъ произнесъ: „Вотъ тутъ-то онъ и возьметъ!" Lise захлопала въ ладошки.

— Ахъ, это правда, ахъ, я это ужасно вдругъ поняла! Ахъ, Алеша, какъ вы это все знаете? Такой молодой и ужъ знаетъ, что̀ въ душѣ... Я бы никогда этого не выдумала...

— Его, главное, надо теперь убѣдить въ томъ, что онъ со всѣми нами на равной ногѣ, несмотря на то, что онъ у насъ деньги беретъ, продолжалъ въ своемъ упоеніи Алеша, — и не только на равной, но даже на высшей ногѣ...

— „На высшей ногѣ" — прелестно, Алексѣй Ѳедоровичъ, но говорите, говорите!

— То-есть я не такъ выразился... про высшую ногу... но это ничего, потому что...

— Ахъ, ничего, ничего, конечно, ничего! Простите, Алеша, милый... Знаете, я васъ до сихъ поръ почти не уважала... то-есть уважала, да на равной ногѣ, а теперь буду на высшей уважать... Милый, не сердитесь, что я „острю", подхватила она тотчасъ же съ сильнымъ чувствомъ. — Я смѣшная и маленькая, но вы, вы!.. Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, нѣтъ ли тутъ во всемъ этомъ раз-

сужденіи нашемъ, то-есть вашемъ... нѣтъ ужъ лучше нашемъ... нѣтъ ли тутъ презрѣнія къ нему, къ этому несчастному... въ томъ, что мы такъ его душу теперь разбираемъ, свысока точно, а? Въ томъ, что такъ навѣрно рѣшили теперь, что онъ деньги приметъ, а?

— Нѣтъ, Lise, нѣтъ презрѣнія, твердо отвѣтилъ Алеша, какъ будто уже приготовленный къ этому вопросу,—я ужъ объ этомъ самъ думалъ, идя сюда. Разсудите, какое ужъ тутъ презрѣніе, когда мы сами такіе же какъ онъ, когда всѣ такіе же какъ онъ. Потому что вѣдь и мы такіе же, не лучше. А если бъ и лучше были, то были бы все-таки такіе же на его мѣстѣ... Я не знаю, какъ вы, Lise, но я считаю про себя, что у меня во многомъ мелкая душа. А у него и не мелкая, напротивъ, очень деликатная... Нѣтъ, Lise, нѣтъ тутъ никакого презрѣнія къ нему! Знаете, Lise, мой старецъ сказалъ одинъ разъ: за людьми сплошь надо какъ за дѣтьми ходить, а за иными какъ за больными въ больницахъ...

— Ахъ, Алексѣй Ѳедровичъ, ахъ, голубчикъ, давайте за людьми какъ за больными ходить!

— Давайте, Lise, я готовъ, только я самъ не совсѣмъ готовъ; я иной разъ очень нетерпѣливъ, а въ другой разъ и глазу у меня нѣтъ. Вотъ у васъ другое дѣло.

— Ахъ, не вѣрю! Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ я счастлива!

— Какъ хорошо, что вы это говорите, Lise.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, вы удивительно хороши, но вы иногда какъ будто педантъ... а между тѣмъ, смотришь, вовсе не педантъ. Подите, посмотрите у дверей, отворите ихъ тихонько и посмотрите, не подслушиваетъ ли маменька, прошептала вдругъ Lise какимъ-то нервнымъ, торопливымъ шопотомъ.

Алеша пошелъ, пріотворилъ двери и доложилъ, что никто не подслушиваетъ.

— Подойдите сюда, Алексѣй Ѳедоровичъ, продолжала Lise, краснѣя все болѣе и болѣе,—дайте вашу руку, вотъ такъ. Слушайте, я вамъ должна большое признаніе сдѣлать: вчерашнее письмо я вамъ не въ шутку написала, а серьезно...

И она закрыла рукой свои глаза. Видно было, что ей очень стыдно сдѣлать это признаніе. Вдругъ она схватила его руку и стремительно поцѣловала ее три раза.

— Ахъ, Lise, вотъ и прекрасно, радостно воскликнулъ

Алеша.—А я вѣдь былъ совершенно увѣренъ, что вы написали серьезно.

— Увѣренъ, представьте себѣ! отвела вдругъ она его руку, не выпуская ее, однако, изъ своей руки, краснѣя ужасно и смѣясь маленькимъ, счастливымъ смѣшкомъ,—я ему руку поцѣловала, а онъ говоритъ: „и прекрасно".

Но упрекала она несправедливо: Алеша тоже былъ въ большомъ смятеніи.

— Я бы желалъ вамъ всегда нравиться, Lise, но не знаю какъ это сдѣлать, пробормоталъ онъ кое-какъ, и тоже краснѣя.

— Алеша, милый, вы холодны и дерзки. Видите ли-съ. Онъ изволилъ меня выбрать въ свои супруги и на томъ успокоился! Онъ былъ уже увѣренъ, что я написала серьезно, каково! Но вѣдь это дерзость—вотъ что̀!

— Да развѣ это худо, что я былъ увѣренъ? засмѣялся вдругъ Алеша.

— Ахъ, Алеша, напротивъ, ужасно какъ хорошо, нѣжно и со счастьемъ посмотрѣла на него Lise.

Алеша стоялъ все еще держа свою руку въ ея рукѣ. Вдругъ онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ самыя губки.

— Это что̀ еще? Что̀ съ вами? вскрикнула Lise.

Алеша совсѣмъ потерялся.

— Ну, простите, если не такъ... Я, можетъ быть, ужасно глупо... Вы сказали, что я холоденъ, я взялъ и поцѣловалъ... Только я вижу, что вышло глупо...

Lise засмѣялась и закрыла лицо руками.

— И въ этомъ платьѣ! вырвалось у ней между смѣхомъ.

Но вдругъ она перестала смѣяться и стала вся серьезная, почти строгая.

— Ну, Алеша, мы еще подождемъ съ поцѣлуями, потому что мы этого еще оба не умѣемъ, а ждать намъ еще очень долго, заключила она вдругъ.—Скажите лучше, за что̀ вы берете меня, такую дуру, больную дурочку, вы, такой умный, такой мыслящій, такой замѣчающій? Ахъ, Алеша, я ужасно счастлива, потому что я васъ совсѣмъ не стою!

— Стойте, Lise. Я на-дняхъ выйду изъ монастыря совсѣмъ. Выйдя въ свѣтъ, надо жениться, это-то я знаю. Такъ и *онъ* мнѣ велѣлъ. Кого-жъ я лучше васъ возьму... и кто меня, кромѣ васъ, возьметъ? Я ужъ это обдумывалъ. Во-первыхъ, вы меня съ дѣтства знаете, а во-вто-

рыхъ, въ васъ очень много способностей, какихъ во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. У васъ душа веселѣе, чѣмъ у меня; вы, главное, невиннѣе меня, а ужъ я до многаго, до многаго прикоснулся... Ахъ, вы не знаете, вѣдь и я Карамазовъ! Что въ томъ, что вы смѣетесь и шутите, и надо мной тоже, напротивъ, смѣйтесь, и шутите, я такъ этому радъ... Но вы смѣетесь, какъ маленькая дѣвочка, а про себя думаете, какъ мученица...

— Какъ мученица? Какъ это?

— Да, Lise, вотъ давеча вашъ вопросъ: нѣтъ ли въ насъ презрѣнія къ тому несчастному, что мы такъ душу его анатомируемъ,—этотъ вопросъ мученическій... видите, я никакъ не умѣю это выразить, но у кого такіе вопросы являются, тотъ самъ способенъ страдать. Сидя въ креслахъ, вы ужъ и теперь должны были много передумать...

— Алеша, дайте мнѣ вашу руку, что вы ее отнимаете, промолвила Lise ослабленнымъ отъ счастья, упавшимъ какимъ-то голоскомъ.—Послушайте, Алеша, во что вы одѣнетесь, какъ выйдете изъ монастыря, въ какой костюмъ? Не смѣйтесь, не сердитесь, это очень, очень для меня важно.

— Про костюмъ, Lise, я еще не думалъ, но въ какой хотите, въ такой и одѣнусь.

— Я хочу, чтобъ у васъ былъ темносиній, бархатный пиджакъ, бѣлый пикейный жилетъ и пуховая сѣрая мягкая шляпа... Скажите, вы такъ и повѣрили давеча, что я васъ не люблю, когда я отъ письма вчерашняго отреклась?

— Нѣтъ, не повѣрилъ.

— О, несносный человѣкъ, неисправимый!

— Видите, я зналъ, что вы меня... кажется, любите, но я сдѣлалъ видъ, что вамъ вѣрю, что вы не любите, чтобы вамъ было... удобнѣе...

— Еще того хуже! И хуже и лучше всего. Алеша, я васъ ужасно люблю. Я давеча, какъ вамъ прійти, загадала: спрошу у него вчерашнее письмо, и если онъ мнѣ спокойно вынетъ и отдастъ его (какъ и ожидать отъ него всегда можно),—то значитъ, что онъ совсѣмъ меня не любитъ, ничего не чувствуетъ, а просто глупый и недостойный мальчикъ, а я погибла. Но вы оставили письмо въ кельѣ и это меня ободрило: не правда ли, вы потому оставили въ кельѣ, что предчувствовали, что я буду требовать назадъ письмо, такъ чтобы не отдавать его? Такъ ли? Вѣдь такъ?

— Охъ, Lise, совсѣмъ не такъ, вѣдь письмо-то со мной и теперь, и давеча было тоже, вотъ въ этомъ карманѣ, вотъ оно.

Алеша вынулъ, смѣясь, письмо и показалъ ей издали.

— Только я вамъ не отдамъ его, смотрите изъ рукъ.

— Какъ? Такъ вы давеча солгали, вы, монахъ, и солгали?

— Пожалуй, солгалъ, смѣялся и Алеша,—чтобы вамъ не отдавать письма солгалъ. Оно очень мнѣ дорого, прибавилъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ и опять покраснѣвъ, — это ужъ навѣки и я его никому никогда не отдамъ!

Lise смотрѣла на него въ восхищеніи.

— Алеша, залепетала она опять,—посмотрите у дверей, не подслушиваетъ ли мамаша?

— Хорошо, Lise, я посмотрю, только не лучше ли не смотрѣть, а? Зачѣмъ подозрѣвать въ такой низости вашу мать?

— Какъ низости? Въ какой низости? Это то, что она подслушиваетъ за дочерью, такъ это ея право, а не низость, вспыхнула Lise. — Будьте увѣрены, Алексѣй Ѳедоровичъ, что когда я сама буду матерью и у меня будетъ такая же дочь, какъ я, то я непремѣнно буду за нею подслушивать.

— Неужели, Lise? Это не хорошо.

— Ахъ, Боже мой, какая тутъ низость? Если бъ обыкновенный свѣтскій разговоръ какой-нибудь подслушивала, то это низость, а тутъ родная дочь заперлась съ молодымъ человѣкомъ... Слушайте, Алеша, знайте, я за вами тоже буду подсматривать, только что мы обвѣнчаемся, и знайте еще, что я всѣ письма ваши буду распечатывать и все читать... Это ужъ вы будьте предувѣдомлены...

— Да, конечно, если такъ... бормоталъ Алеша,—только это не хорошо...

— Ахъ, какое презрѣніе! Алеша, милый, не будемъ ссориться съ самаго перваго раза, — я вамъ лучше всю правду скажу: это, конечно, очень дурно подслушивать и ужъ конечно, я не права, а вы правы, но только я все-таки буду подслушивать.

— Дѣлайте. Ничего за мной такого не подглядите, засмѣялся Алеша.

— Алеша, а будете ли вы мнѣ подчиняться? Это тоже надо заранѣе рѣшить.

— Съ большою охотой, Lise, и непремѣнно, только не въ самомъ главномъ. Въ самомъ главномъ, если вы будете со мной несогласны, то я все-таки сдѣлаю, какъ мнѣ долгъ велитъ.

— Такъ и нужно. Такъ знайте, что и я, напротивъ, не только въ самомъ главномъ подчиняться готова, но и во всемъ уступлю вамъ и вамъ теперь же въ этомъ клятву даю, — во всемъ и на всю жизнь, вскричала пламенно Lise,—и это со счастьемъ, со счастьемъ! Мало того, клянусь вамъ, что я никогда не буду за вами подслушивать, ни разу и никогда, ни одного письма вашего не прочту, потому что вы правы, а я нѣтъ. И хоть мнѣ ужасно будетъ хотѣться подслушивать, я это знаю, но я все-таки не буду, потому что вы считаете это неблагороднымъ. Вы теперь какъ мое провидѣніе... Слушайте, Алексѣй Ѳедоровичъ, почему вы такой грустный всѣ эти дни, и вчера и сегодня; я знаю, что у васъ есть хлопоты, бѣдствія, но я вижу, кромѣ того, что у васъ есть особенная какая-то грусть,—секретная, можетъ быть, а?

— Да, Lise, есть и секретная, грустно произнесъ Алеша.— Вижу, что меня любите, коли угадали это.

— Какая же грусть? О чемъ? Можно сказать? съ робкой мольбой произнесла Lise.

— Потомъ скажу, Lise... послѣ... смутился Алеша.— Теперь, пожалуй, и непонятно будетъ. Да я, пожалуй, и самъ не сумѣю сказать.

— Я знаю, кромѣ того, что васъ мучаютъ ваши братья, отецъ?

— Да, и братья, проговорилъ Алеша какъ бы въ раздумьи.

— Я вашего брата, Ивана Ѳедоровича, не люблю, Алеша, вдругъ замѣтила Lise.

Алеша замѣчаніе это отмѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но не поднялъ его.

— Братья губятъ себя, продолжалъ онъ,—отецъ тоже. И другихъ губятъ вмѣстѣ съ собою. Тутъ „земляная карамазовская сила“, какъ отецъ Паисій, намедни, выразился,—земляная и неистовая, необдѣланная... Даже носится ли Духъ Божій вверху этой силы—и того не знаю. Знаю только, что и самъ я Карамазовъ... Я монахъ, монахъ? Монахъ я, Lise? Вы какъ-то сказали сію минуту, что я монахъ?

— Да, сказала.

— А я въ Бога-то вотъ, можетъ быть, и не вѣрую.

— Вы не вѣруете, что̀ съ вами? тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не отвѣтилъ на это. Было тутъ, въ этихъ слишкомъ внезапныхъ словахъ его нѣчто слишкомъ таинственное и слишкомъ субъективное, можетъ быть, и ему самому неясное, но уже несомнѣнно его мучившее.

— И вотъ теперь, кромѣ всего, мой другъ уходитъ, первый въ мірѣ человѣкъ землю покидаетъ. Если бы вы знали, если бы вы знали, Lise, какъ я спаянъ душевно съ этимъ человѣкомъ! И вотъ я останусь одинъ... Я къ вамъ приду, Lise... Впредь будемъ вмѣстѣ...

— Да, вмѣстѣ, вмѣстѣ! Отнынѣ всегда вмѣстѣ на всю жизнь. Слушайте, поцѣлуйте меня, я позволяю.

Алеша поцѣловалъ ее.

— Ну, теперь ступайте, Христосъ съ вами! (и она перекрестила его). Ступайте скорѣе *къ нему*, пока живъ. Я вижу, что жестоко васъ задержала. Я буду сегодня молиться за него и за васъ. Алеша, мы будемъ счастливы! Будемъ мы счастливы, будемъ?

— Кажется, будемъ, Lise.

Выйдя отъ Lise, Алеша не заблагоразсудилъ пройти къ госпожѣ Хохлаковой и, не простясь съ нею, направился было изъ дому. Но только что отворилъ дверь и вышелъ на лѣстницу, откуда ни возьмись предъ нимъ сама госпожа Хохлакова. Съ перваго слова Алеша догадался, что она поджидала его тутъ нарочно.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, это ужасно. Это дѣтскіе пустяки и все вздоръ. Надѣюсь, вы не вздумаете мечтать... Глупости, глупости и глупости! накинулась она на него.

— Только не говорите этого ей, сказалъ Алеша,—а то она будетъ взволнована, а это ей теперь вредно.

— Слышу благоразумное слово благоразумнаго молодого человѣка. Понимать ли мнѣ такъ, что вы сами только потому соглашались съ ней, что не хотѣли, изъ состраданія къ ея болѣзненному состоянію, противорѣчіемъ разсердить ее.

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, я совершенно серьезно съ нею говорилъ, твердо заявилъ Алеша.

— Серьезность тутъ невозможна, немыслима, и во-первыхъ, я васъ теперь совсѣмъ не приму ни разу, а во-вторыхъ, я уѣду и ее увезу, знайте это.

— Да зачѣмъ же, сказалъ Алеша,—вѣдь это такъ еще

не близко, года полтора еще, можетъ быть, ждать придется.

— Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, это, конечно, правда, и въ полтора года вы тысячу разъ съ ней поссоритесь и разойдетесь. Но я такъ несчастна, такъ несчастна! Пусть это все пустяки, но это меня сразило. Теперь я какъ Фамусовъ въ послѣдней сценѣ, вы Чацкій, она Софья, и, представьте, я нарочно убѣжала сюда на лѣстницу, чтобы васъ встрѣтить, а вѣдь и тамъ все роковое произошло на лѣстницѣ. Я все слышала, я едва устояла. Такъ вотъ гдѣ объясненіе ужасовъ всей этой ночи и всѣхъ давешнихъ истерикъ! Дочкѣ любовь, а матери смерть. Ложись въ гробъ. Теперь второе и самое главное: что это за письмо, которое она вамъ написала, покажите мнѣ его сейчасъ, сейчасъ!

— Нѣтъ, не надо. Скажите, какъ здоровье Катерины Ивановны, мнѣ очень надо знать.

— Продолжаетъ лежать въ бреду, она не очнулась; ея тетки здѣсь и только ахаютъ и надо мной гордятся, а Герценштубе пріѣхалъ и такъ испугался, что я не знала что съ нимъ и дѣлать и чѣмъ его спасти, хотѣла даже послать за докторомъ. Его увезли въ моей каретѣ. И вдругъ, въ довершеніе всего, вы вдругъ съ этимъ письмомъ. Правда, все это еще черезъ полтора года. Именемъ всего великаго и святаго, именемъ умирающаго старца вашего покажите мнѣ это письмо, Алексѣй Ѳедоровичъ, мнѣ, матери! Если хотите, то держите его пальцами, а я буду читать изъ вашихъ рукъ.

— Нѣтъ не покажу, Катерина Осиповна, хоть бы и она позволила, я не покажу. Я завтра приду и, если хотите, я съ вами о многомъ переговорю, а теперь — прощайте!

И Алеша выбѣжалъ съ лѣстницы на улицу.

II.

Смердяковъ съ гитарой.

Да и некогда было ему. У него блеснула мысль еще когда онъ прощался съ Lise. Мысль о томъ: какъ бы самымъ хитрѣйшимъ образомъ поймать сейчасъ брата Дмитрія, отъ него очевидно скрывающагося? Было уже не рано, былъ часъ третій пополудни. Всѣмъ существомъ своимъ Алеша стремился въ монастырь къ своему „великому" умирающему, но потребность видѣть брата Дмитрія пересилила все: въ умѣ Алеши съ каждымъ часомъ на-

растало убѣжденіе о неминуемой ужасной катастрофѣ, готовой совершиться. Въ чемъ именно состояла катастрофа и что̀ хотѣлъ бы онъ сказать сію минуту брату, можетъ быть, онъ и самъ бы не опредѣлилъ. „Пусть благодѣтель мой умретъ безъ меня, но, по крайней мѣрѣ, я не буду укорять себя всю жизнь, что, можетъ быть, могъ бы что̀ спасти и не спасъ, прошелъ мимо, торопился въ свой домъ. Дѣлая такъ, по его великому слову сдѣлаю“...

Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы захватить брата Дмитрія нечаянно, а именно: перелѣзть, какъ вчера, черезъ тотъ плетень, войти въ садъ и засѣсть въ ту бесѣдку. „Если же его тамъ нѣтъ, думалъ Алеша, то, не сказавшись ни Ѳомѣ, ни хозяйкамъ, притаиться и ждать въ бесѣдкѣ, хотя бы до вечера. Если онъ попрежнему караулитъ приходъ Грушеньки, то, очень можетъ быть, что и придетъ въ бесѣдку“... Алеша, впрочемъ, не разсуждалъ слишкомъ много о подробностяхъ плана, но онъ рѣшилъ его исполнить, хотя бы пришлось и въ монастырь не попасть сегодня...

Все произошло безъ помѣхи: онъ перелѣзъ черезъ плетень почти въ томъ самомъ мѣстѣ какъ вчера и скрытно пробрался въ бесѣдку. Ему не хотѣлось, чтобъ его замѣтили: и хозяйка, и Ѳома (если онъ тутъ), могли держать сторону брата и слушаться его приказаній, а, стало быть, или въ садъ Алешу не пустить, или брата предувѣдомить во-время, что его ищутъ и спрашиваютъ. Въ бесѣдкѣ никого не было. Алеша сѣлъ на свое вчерашнее мѣсто и началъ ждать. Онъ оглядѣлъ бесѣдку, она показалась ему почему-то гораздо болѣе ветхою, чѣмъ вчера; дрянною такою показалась ему въ этотъ разъ. День былъ, впрочемъ, такой же ясный, какъ и вчера. На зеленомъ столѣ отпечатался кружокъ отъ вчерашней, должно быть расплескавшейся рюмки съ коньякомъ. Пустыя и непригодныя къ дѣлу мысли, какъ и всегда во время скучнаго ожиданія, лѣзли ему въ голову: напримѣръ, почему онъ, войдя теперь сюда, сѣлъ именно точь въ точь на то самое мѣсто, на которомъ вчера сидѣлъ, и почему не на другое? Наконецъ, ему стало очень грустно, грустно отъ тревожной неизвѣстности. Но не просидѣлъ онъ и четверти часа, какъ вдругъ, очень гдѣ-то вблизи, послышался аккордъ гитары. Сидѣли или только сейчасъ усѣлся кто-то шагахъ отъ него въ двадцати, никакъ не дальше, гдѣ-нибудь въ кустахъ. У Алеши вдругъ мелькнуло воспоми-

наніе, что, уходя вчера отъ брата изъ бесѣдки, онъ увидѣлъ, или какъ бы мелькнула передъ нимъ влѣво у забора садовая, зеленая, низенькая старая скамейка между кустами. На ней-то, стало-быть, и усѣлись теперь гости. Кто же? Одинъ мужской голосъ вдругъ запѣлъ сладенькою фистулой куплетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ:

Непобѣдимой силой
Привержен я къ милой.
Господи пом-и-луй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

Голосъ остановился. Лакейскій теноръ и вывертъ пѣсни лакейскій. Другой, женскій уже голосъ, вдругъ произнесъ ласкательно и какъ бы робко съ небольшимъ, однако, жеманствомъ.

— Что̀ вы къ намъ долго не ходите, Павелъ Ѳедоровичъ. — Что̀ вы насъ все презираете?

— Ничего-съ, отвѣтилъ мужской голосъ, хотя и вѣжливо, но прежде всего съ настойчивымъ и твердымъ достоинствомъ.

Видимо преобладалъ мужчина, а заигрывала женщина.

„Мужчина—это, кажется, Смердяковъ“, подумалъ Алеша, — „по крайней мѣрѣ, по голосу, а дама, это, вѣрно хозяйки здѣшняго домика дочь, которая изъ Москвы пріѣхала, платье со шлейфомъ носитъ и за супомъ къ Марѳѣ Игнатьевнѣ ходитъ“...

— Ужасно я всякій стихъ люблю, если складно, продолжалъ женскій голосъ. — Что̀ же вы не продолжаете?

Голосъ запѣлъ: снова:

Царская корона
Была бы моя милая здорова.
Господи пом-и-луй
Ее и меня!
Ее и меня!
Ее и меня!

— Въ прошлый разъ еще лучше выходило, замѣтилъ женскій голосъ. — Вы спѣли про корону: „была бы моя милочка здорова“. Этакъ нѣжнѣе выходило, вы вѣрно сегодня позабыли.

— Стихи вздоръ-съ, отрѣзалъ Смердяковъ.

— Ахъ, нѣтъ, я очень стишокъ люблю.

— Это чтобы стихъ-съ, то это существенный вздоръ-съ. Разсудите сами: кто же на свѣтѣ въ риѳму говоритъ? И

если бы мы стали въ риѳму говорить, хотя бы даже по приказанію начальства, то много ли бы мы насказали-съ? Стихи не дѣло, Марья Кондратьевна.

— Какъ вы во всемъ столь умны, какъ это вы во всемъ произошли? ласкался все болѣе и болѣе женскій голосъ.

— Я бы не то еще могъ-съ, я бы и не то еще зналъ-съ, если бы не жребій мой съ самаго моего сыздѣтства. Я бы на дуэли изъ пистолета того убилъ, который бы мнѣ произнесъ, что я подлецъ, потому что безъ отца отъ смердящей произошелъ, а они и въ Москвѣ это мнѣ въ глаза тыкали, отсюда благодаря Григорію Васильевичу переползло-съ. Григорій Васильевичъ попрекаетъ, что я противъ рождества бунтую; „ты, дескать, ей ложесна разверзъ". Оно пусть ложесна, но я бы дозволилъ убить себя еще во чревѣ съ тѣмъ чтобы лишь на свѣтъ не происходить вовсе-съ. На базарѣ говорили, а ваша маменька тоже разсказывать мнѣ пустилась, по великой своей неделикатности, что ходила она съ колтуномъ на головѣ, а росту была всего двухъ аршинъ съ *малымъ*. Для чего же съ *малымъ*, когда можно просто съ малымъ сказать, какъ всѣ люди произносятъ. Слезно выговорить захотѣлось, такъ вѣдь это мужицкая такъ сказать слеза-съ, мужицкія самыя чувства. Можетъ ли русскій мужикъ противъ образованнаго человѣка чувство имѣть? По необразованности своей онъ никакого чувства не можетъ имѣть. Я съ самаго сыздѣтства, какъ услышу, бывало, „съ малымъ", такъ точно на стѣну бы бросился. Я всю Россію ненавижу, Марья Кондратьевна.

— Когда бы вы были военнымъ юнкерочкомъ, али гусарикомъ молоденькимъ, вы бы не такъ говорили, а саблю бы вынули и всю Россію стали бы защищать.

— Я не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, Марья Кондратьевна, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ солдатъ-съ.

— А когда непріятель придетъ, кто же насъ защищать будетъ?

— Да и не надо вовсе-съ. Въ двѣнадцатомъ году было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго, отца нынѣшнему, и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила бы весьма глупую-съ и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были бы другіе порядки-съ.

— Да будто они тамъ у себя такъ ужъ лучше нашихъ?

Я иного нашего щеголечка на трехъ молодыхъ самыхъ англичанъ не промѣняю, нѣжно проговорила Марья Кондратьевна, должно быть, сопровождая въ эту минуту слова свои самыми томными глазками.

— Это какъ кто обожаетъ-съ.

— А вы и сами точно иностранецъ, точно благородный самый иностранецъ, ужъ это я вамъ чрезъ стыдъ говорю.

— Если вы желаете знать, то по разврату и тамошніе, и наши всѣ похожи. Всѣ шельмы-съ, но съ тѣмъ, что тамошній въ лакированныхъ сапогахъ ходитъ, а нашъ подлецъ въ своей нищетѣ смердитъ, и ничего въ этомъ дурного не находитъ. Русскій народъ надо пороть-съ, какъ правильно говорилъ вчера Ѳедоръ Павловичъ, хотя и сумасшедшій онъ человѣкъ со всѣми своими дѣтьми-съ.

— Вы Ивана Ѳедоровича, говорили сами, такъ уважаете.

— А они про меня отнеслись, что я вонючій лакей. Они меня считаютъ, что я бунтовать могу; это они ошибаются-съ. Была бы въ карманѣ моемъ такая сумма и меня бы здѣсь давно не было. Дмитрій Ѳедоровичъ хуже всякаго лакея и поведеніемъ, и умомъ, и нищетой своею-съ, и ничего-то онъ не умѣетъ дѣлать, а, напротивъ, отъ всѣхъ почтенъ. Я, положимъ, только бульйонщикъ, но я, при счастьи, могу въ Москвѣ кафе-ресторанъ открыть на Петровкѣ. Потому что я готовлю спеціально, а ни одинъ изъ нихъ въ Москвѣ, кромѣ иностранцевъ, не можетъ подать спеціально. Дмитрій Ѳедоровичъ голоштанникъ-съ, а вызови онъ на дуэль самаго первѣйшаго графскаго сына, и тотъ съ нимъ пойдетъ-съ, а чѣмъ онъ лучше меня-съ? Потому что онъ не въ примѣръ меня глупѣе. Сколько денегъ просвисталъ безъ всякаго употребленія-съ.

— На дуэли очень, я думаю, хорошо, замѣтила вдругъ Марья Кондратьевна.

— Чѣмъ же это-съ?

— Страшно такъ и храбро, особенно коли молодые офицерики съ пистолетами въ рукахъ одинъ противъ другого палятъ за которую-нибудь. Просто картинка. Ахъ, кабы дѣвицъ пускали смотрѣть, я ужасно какъ хотѣла бы посмотрѣть.

— Хорошо, коли самъ наводитъ, а коли ему самому въ самое рыло наводятъ, такъ оно тогда самое глупое чувство-съ. Убѣжите съ мѣста, Марья Кондратьевна.

— Неужто вы побѣжали бы?

Но Смердяковъ не удостоилъ отвѣтить. Послѣ минутнаго молчанія раздался опять аккордъ и фистула залилась послѣднимъ куплетомъ:

„Сколько ни стараться
Стану удаляться,
Жизнью наслажда-а-аться
И въ столицѣ жить!
Не буду тужить!
Совсѣмъ не буду тужить,
Совсѣмъ даже не намѣренъ тужить!“

Тутъ случилась неожиданность: Алеша вдругъ чихнулъ; на скамейкѣ мигомъ притихли. Алеша всталъ и пошелъ въ ихъ сторону. Это былъ дѣйствительно Смердяковъ, разодѣтый, напомаженный и чуть ли не завитой, въ лакированныхъ ботинкахъ. Гитара лежала на скамейкѣ. Дама же была Марья Кондратьевна, хозяйкина дочка; платье на ней было свѣтло-голубое, съ двухъ-аршиннымъ хвостомъ; дѣвушка была еще молоденькая и не дурная бы собой, но съ очень ужъ круглымъ лицомъ и со страшными веснушками.

— Братъ Дмитрій скоро воротится? сказалъ Алеша какъ можно спокойнѣе.

Смердяковъ медленно приподнялся со скамейки; приподнялась и Марья Кондратьевна.

— Почему жъ бы я могъ быть извѣстенъ про Дмитрія Ѳедоровича; другое дѣло, кабы я при нихъ сторожемъ состоялъ! тихо, раздѣльно и пренебрежительно отвѣтилъ Смердяковъ.

— Да я просто спросилъ, не знаете ли? объяснилъ Алеша.

— Ничего я про ихнее пребываніе не знаю, да и знать не желаю-съ.

— А братъ мнѣ именно говорилъ, что вы-то и даете ему знать обо всемъ, что̀ въ домѣ дѣлается, и обѣщались дать знать когда придетъ Аграфена Александровна.

Смердяковъ медленно и невозмутимо вскинулъ на него глазами.

— А вы какъ изволили на сей разъ пройти, такъ какъ ворота здѣшнія уже часъ какъ на щеколду затворены? спросилъ онъ, пристально смотря на Алешу.

— А я прошелъ съ переулка черезъ заборъ прямо въ бесѣдку. Вы, надѣюсь, извините меня въ этомъ, обратился онъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ,—мнѣ надо было захватить скорѣе брата.

— Ахъ, можемъ ли мы на васъ обижаться, протянула Марья Кондратьевна, польщенная извиненіемъ Алеши, — такъ какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ часто этимъ манеромъ въ бесѣдку ходятъ, мы и не знаемъ, а онъ ужъ въ бесѣдкѣ сидитъ.

— Я его теперь очень ищу, я очень бы желалъ его видѣть или отъ васъ узнать, гдѣ онъ теперь находится. Повѣрьте, что по очень важному для него же самого дѣлу.

— Они намъ не сказываются, пролепетала Марья Кондратьевна.

— Хотя бы я и по знакомству сюда приходилъ, началъ вновь Смердяковъ, — но они и здѣсь меня безчеловѣчно стѣснили безпрестаннымъ спросомъ про барина: что, дескать, да какъ у нихъ, кто приходитъ и кто таковъ уходитъ, и не могу ли я что̀ иное имъ сообщить? Два раза грозили мнѣ даже смертью.

— Какъ это смертью? удивился Алеша.

— А для нихъ развѣ это что̀ составляетъ, по ихнему характеру, который сами вчера изволили наблюдать-съ. Если, говорятъ, Аграфену Александровну пропущу и она здѣсь переночуетъ—не быть тебѣ первому живому. Боюсь я ихъ очень-съ, и кабы не боялся еще пуще того, то заявить бы долженъ на нихъ городскому начальству. Даже Богъ знаетъ что̀ произвести могутъ-съ.

— Намедни, сказали имъ: „въ ступѣ тебя истолку“, прибавила Марья Кондратьевна.

— Ну, если въ ступѣ, то это только, можетъ быть, разговоръ... замѣтилъ Алеша. — Если бъ я его могъ сейчасъ встрѣтить, я бы могъ ему что-нибудь и объ этомъ сказать...

— Вотъ что̀ единственно могу сообщить, какъ бы надумался вдругъ Смердяковъ. — Бываю я здѣсь по всегдашнему сосѣдскому знакомству, и какъ же бы я не ходилъ-съ? Съ другой стороны, Иванъ Ѳедоровичъ чѣмъ свѣтъ сегодня послали меня къ нимъ на квартиру въ ихнюю Озерную улицу, безъ письма-съ, съ тѣмъ, чтобы Дмитрій Ѳедоровичъ на словахъ непремѣнно пришли въ здѣшній трактиръ-съ на площади, чтобы вмѣстѣ обѣдать. Я пошелъ-съ, но Дмитрія Ѳедоровича я на квартирѣ ихней не засталъ-съ, а было ужъ восемь часовъ: „Былъ, говорятъ, да весь вышелъ“,—этими самыми словами ихъ хозяева сообщили. Тутъ точно у нихъ заговоръ какой-съ, обоюдный-съ. Теперь же, можетъ быть, они въ эту самую минуту въ трак-

тирѣ этомъ сидятъ съ братцемъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, такъ какъ Иванъ Ѳедоровичъ домой обѣдать не приходили, а Ѳедоръ Павловичъ отобѣдали часъ тому назадъ одни и теперь почивать легли. Убѣдительнѣйше, однако, прошу, чтобы вы имъ про меня и про то что я сообщилъ ничего не говорили-съ, ибо они ни за что убьютъ-съ.

— Братъ Иванъ звалъ Дмитрія сегодня въ трактиръ? быстро переспросилъ Алеша.

— Это точно такъ-съ.

— Въ трактиръ *Столичный городъ*, на площади?

— Въ этотъ самый-съ.

— Это очень возможно! воскликнулъ Алеша въ большомъ волненіи. — Благодарю васъ, Смердяковъ, извѣстіе важное, сейчасъ пойду туда.

— Не выдавайте-съ, проговорилъ ему вслѣдъ Смердяковъ.

— О, нѣтъ, я въ трактиръ явлюсь какъ бы нечаянно, будьте покойны.

— Да куда же вы, я вамъ калитку отопру, крикнула было Марья Кондратьевна.

— Нѣтъ, здѣсь ближе, я опять чрезъ плетень.

Извѣстіе страшно потрясло Алешу. Онъ пустился къ трактиру. Въ трактиръ ему входить было въ его одеждѣ неприлично, но освѣдомиться на лѣстницѣ и вызвать ихъ, это было возможно. Но только что онъ подошелъ къ трактиру, какъ вдругъ отворилось одно окно и самъ братъ Иванъ закричалъ ему изъ окна внизъ:

— Алеша, можешь ты ко мнѣ сейчасъ войти сюда или нѣтъ? Одолжишь ужасно.

— Очень могу, только не знаю какъ мнѣ въ моемъ платьѣ.

— А я какъ разъ въ отдѣльной комнатѣ, ступай на крыльцо, я сбѣгу навстрѣчу...

Черезъ минуту Алеша сидѣлъ рядомъ съ братомъ. Иванъ былъ одинъ и обѣдалъ.

III.

Братья знакомятся.

Находился Иванъ, однако, не въ отдѣльной комнатѣ. Это было только мѣсто у окна, отгороженное ширмами, но сидѣвшихъ за ширмами все-таки не могли видѣть посторонніе. Комната эта была входная, первая, съ буфетомъ у боковой стѣны. По ней поминутно шмыгали половые. Изъ посѣтителей былъ одинъ лишь старичокъ отставной военный, и пилъ въ уголку чай. Зато въ остальныхъ ком-

натахъ трактира происходила вся обыкновенная трактирная возня, слышались призывные крики, откупориваніе пивныхъ бутылокъ, стукъ бильярдныхъ шаровъ, гудѣлъ органъ. Алеша зналъ, что Иванъ въ этотъ трактиръ почти никогда не ходилъ и до трактировъ вообще не охотникъ: стало быть, именно потому только и очутился здѣсь, подумалъ онъ, — чтобы сойтись по условію съ братомъ Дмитріемъ. И, однако, брата Дмитрія не было.

— Прикажу я тебѣ ухи аль чего-нибудь, не чаемъ же вѣдь ты однимъ живешь, крикнулъ Иванъ, повидимому, ужасно довольный, что залучилъ Алешу. Самъ онъ ужъ кончилъ обѣдъ и пилъ чай.

— Ухи давай, давай потомъ и чаю, я проголодался, весело проговорилъ Алеша.

— А варенья вишневаго? Здѣсь есть. Помнишь, какъ ты маленькій у Полѣнова вишневое варенье любилъ?

— А ты это помнишь? Давай и варенья, я и теперь люблю.

Иванъ позвонилъ полового и приказалъ уху, чай и варенье.

— Я все помню, Алеша, я помню тебя до одиннадцати лѣтъ, мнѣ былъ тогда пятнадцатый годъ. Пятнадцать и одиннадцать, это такая разница, что братья въ эти годы никогда не бываютъ товарищами. Не знаю, любилъ ли я тебя даже: когда я уѣхалъ въ Москву, то въ первые годы я даже и не вспоминалъ объ тебѣ вовсе. Потомъ, когда ты самъ попалъ въ Москву, мы разъ только, кажется, и встрѣтились гдѣ-то. А вотъ здѣсь я уже четвертый мѣсяцъ живу и до сихъ поръ мы съ тобой не сказали слова. Завтра я уѣзжаю, и думалъ сейчасъ, здѣсь сидя: какъ бы мнѣ его увидать, чтобы проститься, а ты и идешь мимо.

— А ты очень желалъ меня увидать?

— Очень, я хочу съ тобой познакомиться разъ навсегда и тебя съ собой познакомить. Да съ тѣмъ и проститься. По-моему, всего лучше знакомиться предъ разлукой. Я видѣлъ, какъ ты на меня смотрѣлъ всѣ эти три мѣсяца, въ глазахъ твоихъ было какое-то безпрерывное ожиданіе, а вотъ этого-то я и не терплю, оттого и не подошелъ къ тебѣ. Но въ концѣ я тебя научился уважать: твердо, дескать, стоитъ человѣчекъ. Замѣть, я хоть и смѣюсь теперь, но говорю серьезно. Вѣдь ты твердо стоишь, да? Я такихъ твердыхъ люблю, на чемъ бы тамъ они ни стояли, и будь они такіе маленькіе мальчуганы, какъ ты. Жи-

дающій взглядъ твой сталъ мнѣ вовсе подъ конецъ не противенъ; напротивъ, полюбилъ я, наконецъ, твой ожидающій взглядъ. Ты, кажется, почему-то любишь меня, Алеша?

— Люблю, Иванъ. Братъ Дмитрій говоритъ про тебя: Иванъ—могила! Я говорю про тебя: Иванъ—загадка. Ты и теперь для меня загадка, но нѣчто я уже осмыслилъ въ тебѣ, и всего только съ сегодняшняго утра!

— Что-жъ это такое? засмѣялся Иванъ.

— А не разсердишься? засмѣялся и Алеша.

— Ну?

— А то, что ты такой же точно молодой человѣкъ, какъ и всѣ остальные двадцатитрехлѣтніе молодые люди, такой же молодой, молоденькій, свѣжій и славный мальчикъ, ну желторотый, наконецъ, мальчикъ! Что̀, не очень тебя обидѣлъ?

— Напротивъ, поразилъ совпаденіемъ! весело и съ жаромъ вскричалъ Иванъ.—Вѣришь ли, что я, послѣ давешняго нашего свиданія у ней, только объ этомъ про себя и думалъ, объ этой двадцатитрехлѣтней моей желторотости, а ты вдругъ теперь точно угадалъ и съ этого самаго начинаешь. Я сейчасъ здѣсь сидѣлъ и, знаешь, что̀ говорилъ себѣ: не вѣруй я въ жизнь, разувѣрься я въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорядочный, проклятый и, можетъ-быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осилю! Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не допью всего, и отойду... не знаю куда. Но до тридцати моихъ лѣтъ, знаю это твердо, все побѣдитъ моя молодость,—всякое разочарованіе, всякое отвращеніе къ жизни. Я спрашивалъ себя много разъ: есть ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ-быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что, кажется, нѣтъ такого, то-есть опять-таки до тридцати этихъ лѣтъ, а тамъ ужъ самъ не захочу, мнѣ такъ кажется. Эту жажду жизни иные чахоточные сопляки-моралисты называютъ часто подлою, особенно поэты. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то эта жизни, несмотря ни на что, въ тебѣ она тоже непремѣнно сидитъ, но почему жъ она подлая? Центростремительной силы еще страшно

много на нашей планетѣ, Алеша. Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ, повѣришь ли, не знаешь за что и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ-быть, пересталъ и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтишь его сердцемъ. Вотъ тебѣ уху принесли, кушай на здоровье. Уха славная, хорошо готовятъ. Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша, отсюда и поѣду; и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними,— въ то же время убѣжденный всѣмъ сердцемъ моимъ, что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе. И не отъ отчаянія буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастливъ пролитыми слезами моими. Собственнымъ умиленіемъ упьюсь. Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь, первыя свои молодыя силы любишь... Понимаешь ты что-нибудь въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ? засмѣялся вдругъ Иванъ.

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется любить,—прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется, воскликнулъ Алеша.— Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена: ты жить любишь. Теперь надо постараться тебѣ о второй твоей половинѣ, и ты спасенъ.

— Ужъ ты и спасаешь, да я и не погибалъ, можетъ-быть! А въ чемъ она—вторая твоя половина?

— Въ томъ, что надо воскресить твоихъ мертвецовъ, которые, можетъ-быть, никогда и не умирали. Ну, давай чаю. Я радъ, что мы говоримъ, Иванъ.

— Ты, я вижу, въ какомъ-то вдохновеніи. Ужасно я люблю такія professions de foi вотъ отъ такихъ... послушниковъ. Твердый ты человѣкъ, Алексѣй. Правда, что ты изъ монастыря хочешь выйти?

— Правда. Мой старецъ меня въ міръ посылаетъ.

— Увидимся еще, стало-быть, въ міру-то, встрѣтимся до тридцати-то лѣтъ, когда я отъ кубка-то начну отрываться. Отецъ вотъ не хочетъ отрываться отъ своего кубка до семидесяти лѣтъ, до восьмидесяти даже мечтаетъ, самъ говорилъ, у него это слишкомъ серьезно, хоть онъ и шутъ. Сталъ на сладострастіи своемъ и тоже будто на камнѣ... хотя послѣ тридцати-то лѣтъ, правда, и не на чемъ, пожалуй, стать, кромѣ какъ на этомъ... Но до семидесяти подло, лучше до тридцати: можно сохранить „оттѣнокъ благородства", себя надувая. Не видалъ сегодня Дмитрія?

— Нѣтъ, не видалъ, но я Смердякова видѣлъ.

И Алеша разсказалъ брату на-скоро и подробно о своей встрѣчѣ со Смердяковымъ. Иванъ сталъ вдругъ очень озабоченно слушать, кое-что даже переспросилъ.

— Только онъ просилъ меня брату Дмитрію не сказывать о томъ, что онъ о немъ говорилъ, прибавилъ Алеша.

Иванъ нахмурился и задумался.

— Ты это изъ-за Смердякова нахмурился? спросилъ Алеша.

— Да, изъ-за него. Къ чорту его, Дмитрія я дѣйствительно хотѣлъ было видѣть, но теперь не надо... неохотно проговорилъ Иванъ.

— А ты въ самомъ дѣлѣ такъ скоро уѣзжаешь, братъ?

— Да.

— Что же Дмитрій и отецъ? Чѣмъ это у нихъ кончится? тревожно промолвилъ Алеша.

— А ты все свою канитель! Да я-то тутъ что? Сторожъ я, что ли, моему брату Дмитрію? раздражительно отрѣзалъ было Иванъ, но вдругъ какъ-то горько улыбнулся.— Каиновъ отвѣтъ Богу объ убитомъ братѣ, а? Можетъ-быть, ты это думаешь въ эту минуту? Но, чортъ возьми, не могу же я въ самомъ дѣлѣ оставаться тутъ у нихъ сторожемъ? Дѣла кончилъ, и ѣду. Ужъ не думаешь ли ты, что я ревную къ Дмитрію, что я отбивалъ у него всѣ эти три мѣсяца его красавицу Катерину Ивановну. Э, чортъ, у меня свои дѣла были. Дѣла кончилъ, и ѣду. Дѣла давеча кончилъ, ты былъ свидѣтелемъ.

— Это давеча у Катерины Ивановны?

— Да, у ней, и разомъ развязался. И что жъ такое? Какое мнѣ дѣло до Дмитрія? Дмитрій тутъ ни при чемъ! У меня были только собственныя дѣла съ Катериною Ивановною. Самъ ты знаешь, напротивъ, что Дмитрій велъ себя такъ, какъ будто былъ въ заговорѣ со мной. Я вѣдь не просилъ его нисколько, а онъ самъ мнѣ торжественно ее передалъ, и благословилъ. Это все смѣху подобно. Нѣтъ, Алеша, нѣтъ, если бы ты зналъ, какъ я себя теперь легко чувствую! Я вотъ здѣсь сидѣлъ и обѣдалъ, и, вѣришь ли, хотѣлъ было спросить шампанскаго, чтобъ отпраздновать первый мой часъ свободы. Тьфу, полгода почти,—и вдругъ разомъ, все разомъ снялъ. Ну, подозрѣвалъ ли я даже вчера, что это, если захотѣть, то ничего не стоитъ кончить!

— Ты про любовь свою говоришь, Иванъ?

— Любовь, если хочешь, да, я влюбился въ барышню, въ институтку. Мучился съ ней, и она меня мучила. Сидѣлъ надъ ней... и вдругъ все слетѣло. Давеча я говорилъ вдохновенно, а вышелъ и расхохотался, — вѣришь этому. Нѣтъ, я буквально говорю.

— Ты и теперь такъ это весело говоришь, замѣтилъ Алеша, вглядываясь въ его въ самомъ дѣлѣ повеселѣвшее вдругъ лицо.

— Да почемъ же я зналъ, что я ее вовсе не люблю! Хе-хе! Вотъ и оказалось, что нѣтъ. А вѣдь какъ она мнѣ нравилась! Какъ она мнѣ даже давеча нравилась, когда я рѣчь читалъ. И, знаешь ли, и теперь нравится ужасно,—а между тѣмъ какъ легко отъ нея уѣхать. Ты думаешь, я фанфароню?

— Нѣтъ. Только это, можетъ, не любовь была.

— Алешка, засмѣялся Иванъ,—не пускайся въ разсужденія о любви! Тебѣ неприлично. Давеча-то, давеча-то ты выскочилъ, ай! Я еще и забылъ поцѣловать тебя за это... А мучила-то она меня какъ! Воистину у надрыва сидѣлъ. Охъ, она знала, что я ее люблю! Любила меня, а не Дмитрія, весело настаивалъ Иванъ.—Дмитрій только надрывъ. Все, что я давеча ей говорилъ, истинная правда. Но только въ томъ дѣло, самое главное, что ей нужно, можетъ-быть, лѣтъ пятнадцать, аль двадцать, чтобы догадаться, что Дмитрія она вовсе не любитъ, а любитъ только меня, котораго мучаетъ. Да, пожалуй, и не догадается она никогда, несмотря даже на сегодняшній урокъ. Ну, и лучше: всталъ да и ушелъ навѣки. Кстати, что она теперь? Что тамъ было, когда я ушелъ?

Алеша разсказалъ ему объ истерикѣ, и о томъ, что она, кажется, теперь въ безпамятствѣ и въ бреду.

— А не вретъ Хохлакова?

— Кажется, нѣтъ.

— Надо справиться. Отъ истерики, впрочемъ, никогда и никто не умиралъ. Да и пусть истерика, Богъ женщинѣ послалъ истерику любя. Не пойду я туда вовсе. Къ чему лѣзть опять.

— Ты, однакоже, давеча ей сказалъ, что она никогда тебя не любила.

— Это я нарочно. Алешка, прикажу-ка я шампанскаго, выпьемъ за мою свободу. Нѣтъ, если бы ты зналъ, какъ я радъ!

— Нѣтъ, братъ, не будемъ лучше пить, сказалъ вдругъ Алеша,—къ тому же мнѣ какъ-то грустно.

— Да, тебѣ давно грустно, я это давно вижу.

— Такъ ты непремѣнно завтра утромъ поѣдешь?

— Утромъ? Я не говорилъ, что утромъ... А, впрочемъ, можетъ, и утромъ. Вѣришь ли, я вѣдь здѣсь обѣдалъ сегодня единственно чтобы не обѣдать со старикомъ, до того онъ мнѣ сталъ противенъ. Я отъ него отъ одного давно бы уѣхалъ. А ты что̀ такъ безпокоишься, что я уѣзжаю. У насъ съ тобой еще Богъ знаетъ сколько времени до отъѣзда. Цѣлая вѣчность времени, безсмертіе!

— Если ты завтра уѣзжаешь, какая же вѣчность?

— Да насъ-то съ тобой чѣмъ это касается? засмѣялся Иванъ.—Вѣдь свое-то мы успѣемъ все-таки переговорить, свое-то, для чего мы пришли сюда? Чего ты глядишь съ удивленіемъ? Отвѣчай: мы для чего здѣсь сошлись? Чтобы говорить о любви къ Катеринѣ Ивановнѣ, о старикѣ и о Дмитріи? О за-границѣ? О роковомъ положеніи Россіи? Объ императорѣ Наполеонѣ? Такъ ли, для этого ли?

— Нѣтъ, не для этого.

— Самъ понимаешь, значитъ, для чего. Другимъ одно, а намъ, желторотымъ, другое, намъ прежде всего надо предвѣчные вопросы разрѣшить, вотъ наша забота. Вся молодая Россія только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ теперь и толкуетъ. Именно теперь, какъ старики всѣ полѣзли вдругъ практическими вопросами заниматься. Ты изъ-за чего всѣ три мѣсяца глядѣлъ на меня въ ожиданіи? Чтобы допросить меня: „како вѣруеши, али вовсе не вѣруеши“, — вотъ вѣдь къ чему сводились ваши трехмѣсячные взгляды, Алексѣй Ѳедоровичъ, вѣдь такъ?

— Пожалуй, что и такъ, улыбнулся Алеша.—Ты вѣдь не смѣешься теперь надо мною, братъ?

— Я-то смѣюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три мѣсяца глядѣлъ на меня въ такомъ ожиданіи. Алеша, взгляни прямо: я вѣдь самъ точь въ точь такой же маленькій мальчикъ, какъ и ты, развѣ только вотъ не послушникъ. Вѣдь русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ? Иные то-есть? Вотъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ-друга, ну и что жъ, о чемъ они будутъ разсуждать, пока поймали минутку въ трактирѣ-то? О міровыхъ вопросахъ, не иначе: если ли Богъ, если ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну, тѣ о соціализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, такъ вѣдь это одинъ же чортъ выйдетъ, всѣ тѣ же вопросы, только съ другого конца. И множество, множество самыхъ оригинальныхъ русскихъ мальчиковъ только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?

— Да, настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть ли Богъ и есть ли безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да такъ и надо, проговорилъ Алеша все съ тою же тихою и испытующею улыбкой вглядываясь въ брата.

— Вотъ что̀, Алеша, быть русскимъ человѣкомъ иногда вовсе не умно, но все-таки глупѣе того, чѣмъ теперь занимаются русскіе мальчики, и представить нельзя себѣ. Но я одного русскаго мальчика, Алешу, ужасно люблю.

— Какъ ты это славно подвелъ, засмѣялся вдругъ Алеша.

— Ну, говори же, съ чего начинать, приказывай самъ. Съ Бога? Существуетъ ли Богъ, что ли?

— Съ чего хочешь, съ того и начинай, хоть съ „другого конца“. Вѣдь ты вчера у отца провозгласилъ, что нѣтъ Бога, пытливо поглядѣлъ на брата Алеша.

— Я вчера за обѣдомъ у старика тебя этимъ нарочно дразнилъ и видѣлъ какъ у тебя разгорѣлись глазки. Но теперь я вовсе не прочь съ тобой переговорить и говорю это очень серьезно. И съ тобой хочу сойтись, Алеша, по-

тому что у меня нѣтъ друзей, попробовать хочу. Ну, представь же себѣ, можетъ-быть, и я принимаю Бога, засмѣялся Иванъ,—для тебя это неожиданно, а?

— Да, конечно, если ты только и теперь не шутишь.

— Шутишь. Это вчера у старца сказали, что я шучу. Видишь, голубчикъ, былъ одинъ старый грѣшникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, который изрекъ, что если бы не было Бога, то слѣдовало бы его выдумать, s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer. И дѣйствительно человѣкъ выдумалъ Бога. И не то странно, не то было бы дивно, что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но то дивно, что такая мысль—мысль о необходимости Бога—могла залѣзть въ голову такому дикому и злому животному, каковъ человѣкъ, до того она свята, до того трогательна, до того премудра и до того она дѣлаетъ честь человѣку. Что же до меня, то я давно уже положилъ не думать о томъ: человѣкъ ли создалъ Бога или Богъ человѣка? Не стану я, разумѣется, тоже перебирать на этотъ счетъ всѣ современныя аксіомы русскихъ мальчиковъ, всѣ сплошь выведенныя изъ европейскихъ гипотезъ; потому что, что тамъ гипотеза, то у русскаго мальчика тотчасъ же аксіома, и не только у мальчиковъ, но, пожалуй, и у ихнихъ профессоровъ, потому что и профессора русскіе весьма часто у насъ теперь тѣ же русскіе мальчики. А потому обхожу всѣ гипотезы. Вѣдь у насъ съ тобой какая теперь задача? Задача въ томъ, чтобъ я какъ можно скорѣе могъ объяснить тебѣ мою суть, то-есть, что я за человѣкъ, во что вѣрую и на что надѣюсь, вѣдь такъ, такъ? А потому и объясняю, что принимаю Бога прямо и просто. Но вотъ, однако, что надо отмѣтить: если Богъ есть и если Онъ дѣйствительно создалъ землю, то, какъ намъ совершенно извѣстно, создалъ Онъ ее по эвклидовой геометріи, а умъ человѣческій съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ пространства. Между тѣмъ находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже изъ замѣчательнѣйшихъ, которые сомнѣваются въ томъ, чтобы вся вселенная, или еще обширнѣе,—все бытіе было создано лишь по эвклидовой геометріи, осмѣливаются даже мечтать, что двѣ параллельныя линіи, которыя по Эвклиду ни за что не могутъ сойтись на землѣ, можетъ-быть, и сошлись бы гдѣ-нибудь въ безконечности. Я, голубчикъ, рѣшилъ такъ, что если я даже этого не могу понять, то гдѣ жъ мнѣ про Бога понять. Я смиренно сознаюсь, что у меня нѣтъ

никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы, у меня умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о томъ, что не отъ міра сего. Да и тебѣ совѣтую объ этомъ никогда не думать, другъ Алеша, а пуще всего насчетъ Бога: есть ли Онъ или нѣтъ? Все это вопросы совершенно несвойственные ему, созданному съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ. Итакъ, принимаю Бога и не только съ охотой, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цѣль Его,—намъ совершенно ужъ неизвѣстныя, вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонію, въ которой мы будто бы всѣ сольемся, вѣрую въ слово, къ которому стремится вселенная и которое само „бѣ къ Богу“ и которое есть само Богъ, ну, и прочее, и прочее, и т. д. въ безконечность. Словъ-то много на этотъ счетъ надѣлано. Кажется, ужъ я на хорошей дорогѣ—а? Ну, такъ представь же себѣ, что въ окончательномъ результатѣ я міра этого Божьяго — не принимаю, и хоть и знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я міра Имъ созданнаго, міра-то Божьяго не принимаю и не могу согласиться принять. Оговорюсь: я убѣжденъ какъ младенецъ, что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнусненькое измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ человѣческаго эвклидовскаго ума, что, наконецъ, въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватитъ его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей, всей пролитой ими ихъ крови, хватитъ чтобы не только было возможно простить, но у оправдать все что случилось съ людьми, — пусть, пусть это все будетъ и явится, но я-то этого не принимаю и не хочу принять! Пусть даже параллельныя линіи сойдутся и я это самъ увижу: увижу и скажу, что сошлись, а все-таки не приму. Вотъ моя суть, Алеша, вотъ мой тезисъ. Это ужъ я серьезно тебѣ высказалъ. Я нарочно началъ этотъ нашъ съ тобой разговоръ какъ глупѣе нельзя начать, но довелъ до моей исповѣди, потому, что ее только тебѣ и надо. Не о Богѣ тебѣ нужно было, а лишь нужно было узнать, чѣмъ живетъ твой любимый тобою братъ. Я и сказалъ.

Иванъ заключилъ свою длинную тираду вдругъ съ какимъ-то особеннымъ неожиданнымъ чувствомъ.

— А для чего ты началъ такъ, какъ „глупѣе нельзя начать“? спросилъ Алеша, задумчиво смотря на него.

— Да, во-первыхъ, хоть для русизма: русскіе разговоры на эти темы всѣ ведутся какъ глупѣе нельзя вести. А во-вторыхъ, опять-таки, чѣмъ глупѣе, тѣмъ ближе къ дѣлу. Чѣмъ глупѣе, тѣмъ и яснѣе. Глупость коротка и не хитра, а умъ виляетъ и прячется. Умъ подлецъ, а глупость пряма и честна. Я довелъ дѣло до моего отчаянія, и чѣмъ глупѣе я его выставилъ, тѣмъ для меня же выгоднѣе.

— Ты мнѣ объяснишь, для чего „міра не принимаешь“? проговорилъ Алеша.

— Ужъ, конечно, объясню, не секретъ, къ тому и велъ. Братишка ты мой, не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ твоего устоя, я, можетъ быть, себя хотѣлъ бы исцѣлить тобою, улыбнулся вдругъ Иванъ совсѣмъ какъ маленькій кроткій мальчикъ. Никогда еще Алеша не видалъ у него такой улыбки.

IV.

Бунтъ.

— Я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе, началъ Иванъ:—я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по-моему, и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ. Я читалъ вотъ какъ-то и гдѣ-то про „Іоанна Милостиваго“ (одного святого), что онъ, когда къ нему пришелъ голодный и обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его, легъ съ нимъ вмѣстѣ въ постель, обнялъ его и началъ дышать ему въ гноящійся и зловонный отъ какой-то ужасной болѣзни ротъ его. Я убѣжденъ, что онъ это сдѣлалъ съ надрывомъ, съ надрывомъ лжи, изъ-за заказанной долгомъ любви, изъ-за натащенной на себя эпитиміи. Чтобы полюбить человѣка надо чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое—пропала любовь.

— Объ этомъ не разъ говорилъ старецъ Зосима, замѣтилъ Алеша,—онъ тоже говорилъ, что лицо человѣка часто многимъ еще неопытнымъ въ любви людямъ мѣшаетъ любить. Но вѣдь есть и много любви въ человѣчествѣ, и почти подобной Христовой любви, это я самъ знаю, Иванъ...

— Ну, я-то пока еще этого не знаю и понять не могу, и безчисленное множество людей со мною тоже.

Вопросъ вѣдь въ томъ, отъ дурныхъ ли качествъ людей это происходитъ, или ужъ оттого, что такова ихъ натура. По-моему, Христова любовь къ людямъ есть въ своемъ родѣ невозможное на землѣ чудо. Правда, Онъ былъ Богъ. Но мы-то не боги. Положимъ, я, напримѣръ, глубоко могу страдать, но другой никогда вѣдь не можетъ узнать, до какой степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и сверхъ того, рѣдко человѣкъ согласится признать другого за страдальца (точно будто это чинъ). Почему не согласится, какъ ты думаешь? Потому, напримѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ, что у меня глупое лицо, потому что я разъ, когда-то, отдавилъ ему ногу. Къ тому же страданіе и страданіе: унизительное страданіе, унижающее меня, голодъ, напримѣръ, еще допуститъ во мнѣ мой благодѣтель, но чуть повыше страданіе, за идею, напримѣръ, нѣтъ онъ это въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ допуститъ, потому что онъ, напримѣръ, посмотритъ на меня и вдругъ увидитъ, что у меня вовсе не то лицо, какое по его фантазіи должно бы быть у человѣка, страдающаго за такую-то, напримѣръ, идею. Вотъ онъ и лишаетъ меня сейчасъ же своихъ благодѣяній и даже вовсе не отъ злого сердца. Нищіе, особенно благородные нищіе, должны бы были наружу никогда не показываться, а просить милостыню чрезъ газеты. Отвлеченно еще можно любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти никогда. Если бы все было какъ на сценѣ, въ балетѣ, гдѣ нищіе, когда они появляются, приходятъ въ шелковыхъ лохмотьяхъ и рваныхъ кружевахъ и просятъ милостыню, граціозно танцуя, ну, тогда еще можно любоваться ими. Любоваться, но все-таки не любить. Но довольно объ этомъ. Мнѣ надо было лишь поставить тебя на мою точку. Я хотѣлъ заговорить о страданіи человѣчества вообще, но лучше ужъ остановимся на страданіяхъ однихъ дѣтей. Это уменьшитъ размѣры моей аргументаціи разъ въ десять, но лучше ужъ про однихъ дѣтей. Тѣмъ не выгоднѣе для меня, разумѣется. Но, во-первыхъ, дѣтокъ можно любить даже и вблизи, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ, однакоже, кажется, что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ). Во-вторыхъ, о большихъ я и потому еще говорить не буду, что кромѣ того что они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у нихъ есть и возмездіе: они съѣли яблоко и познали добро и зло, и стали „яко бози“. Продолжаютъ и теперь ѣсть его.

Но дѣточки ничего не съѣли и пока еще ни въ чемъ невиновны. Любишь ты дѣтокъ, Алеша? Знаю, что любишь, и тебѣ будетъ понятно, для чего я про нихъ однихъ хочу теперь говорить. Если они на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужъ, конечно, за отцовъ своихъ, наказаны за отцовъ своихъ, съѣвшихъ яблоко;—но вѣдь это разсужденіе изъ другого міра, сердцу же человѣческому здѣсь на землѣ непонятное. Нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному! Подивись на меня, Алеша, я тоже ужасно люблю дѣточекъ. И замѣть себѣ, жестокіе люди, страстные, плотоядные, карамазовцы, иногда очень любятъ дѣтей. Дѣти, пока дѣти, до семи лѣтъ, напримѣръ, страшно отстоятъ отъ людей: совсѣмъ будто другое существо и съ другою природой. Я зналъ одного разбойника въ острогѣ: ему случалось въ свою карьеру, избивая цѣлыя семейства въ домахъ, въ которые забирался по ночамъ для грабежа, зарѣзать заодно нѣсколько и дѣтей. Но, сидя въ острогѣ, онъ ихъ до странности любилъ. Изъ окна острога онъ только и дѣлалъ, что смотрѣлъ на играющихъ на тюремномъ дворѣ дѣтей. Одного маленькаго мальчика онъ пріучилъ приходить къ нему подъ окно и тотъ очень сдружился съ нимъ... Ты не знаешь, для чего я это все говорю, Алеша? У меня какъ-то голова болитъ и мнѣ грустно.

— Ты говоришь съ страннымъ видомъ, съ безпокойствомъ замѣтилъ Алеша,—точно ты въ какомъ безуміи.

— Кстати, мнѣ недавно разсказывалъ одинъ болгаринъ въ Москвѣ,—продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, какъ бы и не слушая брата,—какъ турки и черкесы тамъ у нихъ въ Болгаріи повсемѣстно злодѣйствуютъ, опасаясь поголовнаго возстанія славянъ,—то-есть жгутъ, рѣжутъ, насилуютъ женщинъ и дѣтей, прибиваютъ арестантамъ уши къ забору гвоздями и оставляютъ такъ до утра, а поутру вѣшаютъ—и проч., всего и вообразить невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, выражаются иногда про „звѣрскую“ жестокость человѣка, но это страшно несправедливо и обидно для звѣрей: звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ, какъ человѣкъ, такъ артистически, такъ художественно жестокъ. Тигръ просто грызетъ, рветъ и только это и умѣетъ. Ему и въ голову не вошло бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если бъ онъ даже и могъ это сдѣлать. Эти турки, между прочимъ, съ сладострастіемъ мучили и дѣтей, начиная съ вырѣзыванія ихъ кинжаломъ

изъ чрева матери, до бросанія вверхъ грудныхъ младенцевъ и подхватыванія ихъ на штыкъ въ глазахъ матерей. На глазахъ-то матерей и составляло главную сладость. Но вотъ, однако, одна меня сильно заинтересовавшая картинка. Представь: грудной младенчикъ на рукахъ трепещущей матери, кругомъ вошедшіе турки. У нихъ затѣялась веселая штучка: они ласкаютъ младенца, смѣются, чтобъ его разсмѣшить, имъ удается, младенецъ разсмѣялся. Въ эту минуту турокъ наводитъ на него пистолетъ въ четырехъ вершкахъ разстоянія отъ его лица. Мальчикъ радостно хохочетъ, тянется ручонками чтобъ схватить пистолетъ, и вдругъ артистъ спускаетъ курокъ прямо ему въ лицо и раздробляетъ ему головку... Художественно, не правда ли? Кстати, турки, говорятъ, очень любятъ сладкое.

— Братъ, къ чему это все? спросилъ Алеша.

— Я думаю, что если дьяволъ не существуетъ и, стало быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію.

— Въ такомъ случаѣ, равно какъ и Бога.

— А ты удивительно какъ умѣешь оборачивать словечки, какъ говоритъ Полоній въ *Гамлетѣ*, засмѣялся Иванъ.—Ты поймалъ меня на словѣ; пусть, я радъ. Хорошъ же твой Богъ, коль его создалъ человѣкъ по образу своему и подобію. Ты спросилъ сейчасъ, для чего я это все: я, видишь ли, любитель и собиратель нѣкоторыхъ фактиковъ и, вѣришь ли, записываю и собираю изъ газетъ и разсказовъ, откуда попало, нѣкотораго рода анекдотики, и у меня уже хорошая коллекція. Турки, конечно, вошли въ коллекцію, но это все иностранцы. У меня есть и родныя штучки и даже получше турецкихъ. Знаешь, у насъ больше битье, больше розга и плеть, и это національно: у насъ прибитые гвоздями уши немыслимы, мы все-таки европейцы, но розги, но плеть, это нѣчто уже наше и не можетъ быть у насъ отнято. За границей теперь какъ будто и не бьютъ совсѣмъ, нравы что-ли очистились, али ужъ законы такіе устроились, что человѣкъ человѣка какъ будто ужъ и не смѣетъ посѣчь, но зато они вознаграждали себя другимъ и тоже чисто національнымъ, какъ и у насъ, и до того національнымъ, что у насъ оно какъ будто и невозможно, хотя, впрочемъ, кажется, и у насъ прививается, особенно со времени религіознаго движенія въ нашемъ высшемъ обще-

ствѣ. Есть у меня одна прелестная брошюрка, переводъ съ французскаго, о томъ какъ въ Женевѣ, очень недавно, всего лѣтъ пять тому, казнили одного злодѣя и убійцу, Ришара, двадцатитрехлѣтняго, кажется, малаго, раскаявшагося и обратившагося къ христіанской вѣрѣ предъ самымъ эшафотомъ. Этотъ Ришаръ былъ чей-то незаконнорожденный, котораго еще младенцемъ, лѣтъ шести, *подарили* родители какимъ-то горнымъ швейцарскимъ пастухамъ и тѣ его взрастили, чтобъ употреблять въ работу. Росъ онъ у нихъ какъ дикій звѣренокъ, не научили его пастухи ничему, напротивъ, семи лѣтъ уже посылали пасти стадо, въ мокреть и въ холодъ, почти безъ одежды и почти не кормя его. И ужъ конечно, такъ дѣлая, никто изъ нихъ не задумывался и не раскаивался, напротивъ, считалъ себя въ полномъ правѣ, ибо Ришаръ подаренъ имъ былъ какъ вещь и они даже не находили необходимымъ кормить его. Самъ Ришаръ свидѣтельствуетъ, что въ тѣ годы онъ, какъ блудный сынъ въ Евангеліи, желалъ ужасно поѣсть хоть того мѣсива, которое давали откармливаемымъ на продажу свиньямъ, но ему не давали даже и этого и били, когда онъ кралъ у свиней, и такъ провелъ онъ все дѣтство свое и всю юность, до тѣхъ поръ, пока возросъ и, укрѣпившись въ силахъ, пошелъ самъ воровать. Дикарь сталъ добывать деньги поденною работой въ Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ и кончилъ тѣмъ, что убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его схватили, судили и присудили къ смерти. Тамъ вѣдь не сентиментальничаютъ. И вотъ, въ тюрьмѣ, его немедленно окружаютъ пасторы и члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительныя дамы и проч. Научили они его въ тюрьмѣ читать и писать, стали толковать ему Евангеліе, усовѣщевали, убѣждали, напирали, пилили, давили, и вотъ онъ самъ торжественно сознается, наконецъ, въ своемъ преступленіи. Онъ обратился, онъ самъ написалъ суду, что онъ извергъ и что, наконецъ-таки, онъ удостоился того, что и его озарилъ Господь и послалъ ему благодать. Все взволновалось въ Женевѣ, вся благотворительная и благочестивая Женева. Все, что было высшаго и благовоспитаннаго, ринулось къ нему въ тюрьму; Ришара цѣлуютъ, обнимаютъ: „ты братъ нашъ, на тебя сошла благодать!“ А самъ Ришаръ только плачетъ въ умиленіи: „да, на меня сошла благодать! Прежде я все дѣтство и юность мою радъ былъ корму свиней, а

теперь сошла и на меня благодать, умираю во Господѣ!“— „Да, да, Ришаръ, умри во Господѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть во Господѣ. Пусть ты невиновенъ, что не зналъ совсѣмъ Господа, когда завидовалъ корму свиней и когда тебя били за то, что ты кралъ у нихъ кормъ (что̀ ты дѣлалъ очень не хорошо, ибо красть не позволено),—но ты пролилъ кровь и долженъ умереть“. И вотъ наступаетъ послѣдній день. Разслабленный Ришаръ плачетъ и только и дѣлаетъ, что повторяетъ ежеминутно: „Это лучшій изъ дней моихъ, я иду къ Господу!“—„Да“, кричатъ пасторы, судьи и благотворительныя дамы, „это счастливѣйшій день твой, ибо ты идешь къ Господу!“ Все это двигается къ эшафоту, вслѣдъ за позорною колесницей, въ которой везутъ Ришара, въ экипажахъ, пѣшкомъ. Вотъ достигли эшафота: „умри, братъ нашъ, кричатъ Ришару, умри во Господѣ, ибо и на тебя сошла благодать!“ И вотъ, покрытаго поцѣлуями братьевъ, брата Ришара втащили на эшафотъ, положили на гильйотину и оттяпали-таки ему, по-братски, голову за то, что и на него сошла благодать. Нѣтъ, это характерно. Брошюрка эта переведена по-русски, какими-то русскими лютерапствующими благотворителями высшаго общества, и разослана для просвѣщенія народа русскаго при газетахъ и другихъ изданіяхъ даромъ. Шутка съ Ришаромъ хороша тѣмъ, что національна. У насъ хоть нелѣпо рубить голову брата потому только, что онъ сталъ намъ братъ, и что на него сошла благодать, но, повторяю, у насъ есть свое, почти что не хуже. У насъ историческое, непосредственное и ближайшее наслажденіе истязаніемъ битья. У Некрасова есть стихи о томъ, какъ мужикъ сѣчетъ лошадь кнутомъ по глазамъ, „по кроткимъ глазамъ“. Этого кто жъ не видалъ, это руссизмъ. Онъ описываетъ, какъ безсильная лошаденка, на которую навалили слишкомъ, завязла съ возомъ и не можетъ вытащить. Мужикъ бьетъ ее, бьетъ съ остервенѣніемъ, бьетъ, наконецъ, не понимая что̀ дѣлаетъ, въ опьянѣніи битья сѣчетъ больно, безчисленно: „Хоть ты и не въ силахъ, а вези, умри, да вези!“ Кляченка рвется и вотъ онъ начинаетъ сѣчь ее, беззащитную, по плачущимъ, но „кроткимъ глазамъ“. Внѣ себя, она рванула и вывезла, и пошла вся дрожа, не дыша, какъ-то бокомъ, съ какою-то припрыжкой, какъ-то неестественно и позорно,—у Некрасова это ужасно. Но вѣдь это всего только лошадь, лошадей и самъ Богъ далъ, чтобъ ихъ

сѣчь. Такъ татары намъ растолковали и кнутъ на память подарили. Но можно вѣдь сѣчь и людей. И вотъ интеллигентный образованный господинъ и его дама сѣкутъ собственную дочку, младенца семи лѣтъ, розгами, — объ этомъ у меня подробно записано. Папенька радъ, что прутья съ сучками, „садче будетъ“, говоритъ онъ, и вотъ начинаетъ „сажать“ родную дочь. Я знаю навѣрно, есть такіе сѣкущіе, которые разгорячаются съ каждымъ ударомъ до сладострастія, до буквальнаго сладострастія, съ каждымъ послѣдующимъ ударомъ все больше и больше, все прогрессивнѣе. Сѣкутъ минуту, сѣкутъ, наконецъ, пять минутъ, сѣкутъ десять минутъ, дальше, больше, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ, наконецъ, не можетъ кричать, задыхается: „папа, папа, папочка, папочка!“ Дѣло какимъ-то чортовымъ неприличнымъ случаемъ доходитъ до суда. Нанимается адвокатъ. Русскій народъ давно уже назвалъ у насъ адвоката—„аблакатъ—нанятая совѣсть“. Адвокатъ кричитъ въ защиту своего кліента. „Дѣло, дескать, такое простое, семейное и обыкновенное, отецъ посѣкъ дочку и вотъ, къ стыду нашихъ дней, дошло до суда!“ Убѣжденные присяжные удаляются и выносятъ оправдательный приговоръ. Публика реветъ отъ счастья, что оправдали мучителя.—Э-эхъ, меня не было тамъ, я бы рявкнулъ предложеніе учредить стипендію въ честь имени истязателя!.. Картинки прелестныя. Но о дѣткахъ есть у меня и еще получше, у меня очень, очень много собрано о русскихъ дѣткахъ, Алеша. Дѣвчоночку маленькую, пятилѣтнюю, возненавидѣли отецъ и мать „почтеннѣйшіе и чиновные люди, образованные и воспитанные“. Видишь, я еще разъ положительно утверждаю, что есть особенное свойство у многихъ въ человѣчествѣ—это любовь къ истязанію дѣтей, но однихъ дѣтей. Ко всѣмъ другимъ субъектамъ человѣческаго рода эти же самые истязатели относятся даже благосклонно и кротко, какъ образованные и гуманные европейскіе люди, но очень любятъ мучить дѣтей, любятъ даже самихъ дѣтей въ этомъ смыслѣ. Тутъ именно незащищенность-то этихъ созданій и соблазняетъ мучителей, ангельская довѣрчивость дитяти, которому некуда дѣться и не къ кому идти,—вотъ это-то и распаляетъ гадкую кровь истязателя. Во всякомъ человѣкѣ, конечно, таится звѣрь, — звѣрь гнѣвливости, звѣрь сладострастной распаляемости отъ криковъ истязуемой жертвы, звѣрь безъ удержу спущеннаго съ цѣпи,

звѣрь нажитыхъ въ развратѣ болѣзней, подагръ, больныхъ печенокъ и проч. Эту бѣдную пятилѣтнюю дѣвочку эти образованные родители подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Они били, сѣкли, пинали ее ногами, не зная сами за что, обратили все тѣло ея въ синяки; наконецъ, дошли и до высшей утонченности: въ холодъ, въ морозъ запирали ее на всю ночь въ отхожее мѣсто, и за то, что она не просилась ночью (какъ будто пятилѣтній ребенокъ, спящій своимъ ангельскимъ крѣпкимъ сномъ, еще можетъ въ эти лѣта научиться проситься)—за это обмазывали ей все лицо ея же каломъ и заставляли ее ѣсть этотъ калъ, и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бѣднаго ребеночка, запертаго въ подломъ мѣстѣ! Понимаешь ли ты это, когда маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить, что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ подломъ мѣстѣ, и въ темнотѣ и въ холодѣ, крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку, и плачетъ своими незлобивыми, кроткими слезками къ „Боженькѣ", чтобы тотъ защитилъ его,— понимаешь ли ты эту ахинею, другъ мой и братъ мой, послушникъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь ли ты, для чего эта ахинея такъ нужна и создана! Безъ нея, говорятъ, и пробыть бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это столькаго стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда этихъ слезокъ ребеночка къ „Боженькѣ". Я не говорю про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и пусть бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя, Алешка, ты какъ будто бы не въ себѣ. Я перестану, если хочешь.

— Ничего, я тоже хочу мучиться, пробормоталъ Алеша.

— Одну, только одну еще картинку, и то изъ любопытства, очень ужъ характерная и, главное, только что прочелъ въ одномъ изъ сборниковъ нашихъ древностей, въ *Архивѣ*, въ *Старинѣ*, что ли, надо справиться, забылъ даже, гдѣ и прочелъ. Это было въ самое мрачное время крѣпостного права, еще въ началѣ столѣтія, и да здравствуетъ Освободитель народа! Былъ тогда въ началѣ столѣтія одинъ генералъ, генералъ со связями большими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ (правда, и тогда уже, кажется, очень не многихъ), которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не бывали увѣрены, что выслужили себѣ право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ.

Такіе тогда бывали. Ну, вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьи въ двѣ тысячи душъ, чванится, третируетъ мелкихъ сосѣдей, какъ приживальщиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть не сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ какъ-то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гончей. „Почему собака моя любимая охромѣла?“ Докладываютъ ему, что вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ и ногу ей зашибъ. „А, это ты, оглядѣлъ его генералъ,—взять его!“ Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ, на утро, чѣмъ свѣтъ, выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на охоту, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальщики, собаки, псари, ловчіе, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный для охоты. Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣваютъ всего до нага, онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть... „Гони его!“ командуетъ генералъ, „бѣги, бѣги!“ кричатъ ему псари, мальчикъ бѣжитъ... „Ату его!“ вопитъ генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ глазахъ матери и псы растерзали ребенка въ клочки!.. Генерала, кажется, въ опеку взяли. Ну... что же его? Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства разстрѣлять? Говори, Алешка!

— Разстрѣлять! тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною, перекосившеюся какою-то улыбкой, поднявъ взоръ на брата.

— Браво! завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ,— ужъ коли ты сказалъ, значитъ... Ай да схимникъ! Такъ вотъ какой у тебя бѣсенокъ въ сердечкѣ сидитъ, Алешка Карамазовъ!

— Я сказалъ нелѣпость, но...

— То-то и есть, что но... кричалъ Иванъ. — Знай, послушникъ, что нелѣпости слишкомъ нужны на землѣ. На нелѣпостяхъ міръ стоитъ и безъ нихъ, можетъ быть, въ немъ совсѣмъ ничего не произошло. Мы знаемъ что знаемъ!

— Что̀ ты знаешь?

— Я ничего не понимаю, продолжалъ Иванъ, какъ бы въ бреду,—я и не хочу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при фактѣ. Я давно рѣшилъ не понимать. Если

я захочу что-нибудь понимать, то тотчасъ же измѣню факты, а я рѣшилъ оставаться при фактѣ.

— Для чего ты меня испытуешь? съ надрывомъ горестно воскликнулъ Алеша,—скажешь ли мнѣ, наконецъ?

— Конечно, скажу, къ тому и велъ, чтобъ сказать. Ты мнѣ дорогъ, я тебя упустить не хочу, и не уступлю твоему Зосимѣ.

Иванъ помолчалъ съ минуту, лицо его стало вдругъ очень грустно.

— Слушай меня: я взялъ однихъ дѣтокъ, для того, чтобы вышло очевиднѣе. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля, отъ коры до центра—я ужъ ни слова не говорю, я тему мою нарочно сузилъ. Я клопъ и признаю со всѣмъ приниженіемъ, что ничего не могу понять, для чего все такъ устроено. Люди сами, значитъ, виноваты: имъ данъ былъ рай, они захотѣли свободы и похитили огонь въ небеси, сами зная, что станутъ несчастны, значитъ, нечего ихъ жалѣть. О, по-моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается,—но вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю же это, вѣдь жить по ней я не могу же согласиться! Что̀ мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что все прямо и просто одно изъ другого выходитъ, и что я это знаю — мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя. И возмездіе не въ безконечности гдѣ-нибудь и когда-нибудь, а здѣсь уже на землѣ, и чтобъ я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я хочу самъ и видѣть, а если къ тому часу буду уже мертвъ, то пусть воскресятъ меня, ибо если все безъ меня произойдетъ, то будетъ слишкомъ обидно. Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонію. Я хочу видѣть своими глазами какъ лань ляжетъ подлѣ льва и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. Я хочу быть тутъ, когда всѣ вдругъ узнаютъ для чего все такъ было. На этомъ желаніи зиждутся всѣ религіи на землѣ, а я вѣрую. Но вотъ, однакоже, дѣтки, и что̀ я съ ними стану тогда дѣлать? Это вопросъ, который я не могу рѣшить. Въ сотый разъ повторяю,—вопросовъ множество, но я взялъ однихъ дѣтокъ, потому что тутъ неотразимо ясно то, что мнѣ надо сказать. Слушай: если всѣ должны страдать, чтобы стра-

даніемъ купить вѣчную гармонію, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ, пожалуйста? Совсѣмъ не понятно, для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то, ужъ конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна. Иной шутникъ скажетъ, пожалуй, что все равно дитя вырастетъ и успѣетъ нагрѣшить, но вотъ же онъ не выросъ, его восьмилѣтняго затравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: „Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!“ Ужъ когда мать обнимется съ мучителемъ, растерзавшимъ псами сына ея и всѣ трое возгласятъ со слезами: „Правъ Ты, Господи“, то, ужъ конечно, настанетъ вѣнецъ познанія и все объяснится. Но вотъ тутъ-то и запятая, этого-то я и не могу принять. И пока я на землѣ, я спѣшу взять свои мѣры. Видишь ли, Алеша, вѣдь, можетъ быть, и дѣйствительно такъ случится, что когда я самъ доживу до того момента, али воскресну, чтобъ увидать его, то и самъ я, пожалуй, воскликну со всѣми, смотря на мать, обнявшуюся съ мучителемъ ея дитяти: „Правъ Ты, Господи,“ но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спѣшу оградить себя, а потому отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стóитъ она слезинки хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулачкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ „Боженькѣ“! Не стóитъ, потому что слезки его остались неискупленными. Онѣ должны быть искуплены, иначе не можетъ быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, чтó тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ уже замучены? И какая же гармонія если адъ: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необ-

ходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны. Не хочу я, наконецъ, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ же гармонія? Есть ли во всемъ мірѣ существо, которое могло бы и имѣло право простить? Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными. Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя бы я былъ и не правъ*. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю.

— Это бунтъ, тихо и потупившись проговорилъ Алеша.

— Бунтъ? Я бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова, проникновенно сказалъ Иванъ.—Можно ли жить бунтомъ, а я хочу жить. Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя, — отвѣчай: представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь, и на неотомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги!

— Нѣтъ, не согласился бы, тихо проговорилъ Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастіе на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остаться навѣки счастливыми?

— Нѣтъ, не могу допустить. Братъ, проговорилъ вдругъ съ засверкавшими глазами Алеша, — ты сказалъ сейчасъ: есть ли во всемъ мірѣ Существо, Которое могло бы и имѣло

право простить? Но Существо это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся *и за все*, потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всѣхъ и за все. Ты забылъ о Немъ, а на Немъ-то и созиждется зданіе и это Ему воскликнутъ: „Правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои".

— А, это „Единый безгрѣшный" и Его кровь! Нѣтъ, не забылъ о Немъ и удивлялся, напротивъ, все время, какъ ты Его долго не выводишь, ибо обыкновенно въ спорахъ всѣ ваши Его выставляютъ прежде всего. Знаешь, Алеша, ты не смѣйся, я когда-то сочинилъ поэму, съ годъ назадъ. Если можешь потерять со мной еще минутъ десять, то я бъ ее тебѣ разсказалъ?

— Ты написалъ поэму?

— О, нѣтъ, не написалъ, засмѣялся Иванъ,—и никогда въ жизни я не сочинилъ даже двухъ стиховъ. Но я поэму эту выдумалъ и запомнилъ. Съ жаромъ выдумалъ. Ты будешь первый мой читатель, то-есть слушатель. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, автору терять хоть единаго слушателя, усмѣхнулся Иванъ.—Разсказывать или нѣтъ?

— Я очень слушаю, произнесъ Алеша.

— Поэма моя называется „Великій Инквизиторъ", — вещь нелѣпая, но мнѣ хочется ее тебѣ сообщить.

V.

Великій Инквизиторъ.

Вѣдь вотъ и тутъ безъ предисловія невозможно, — то-есть безъ литературнаго предисловія, тьфу! засмѣялся Иванъ,—а какой ужъ я сочинитель! Видишь, дѣйствіе у меня происходитъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, а тогда,—тебѣ, впрочемъ, это должно быть извѣстно еще изъ классовъ, — тогда какъ разъ было въ обычаѣ сводить въ поэтическихъ произведеніяхъ на землю горнія силы. Я ужъ про Данта не говорю. Во Франціи судейскіе клерки, а тоже и по монастырямъ монахи давали цѣлыя представленія, въ которыхъ выводили на сцену Мадонну, ангеловъ, святыхъ, Христа и самого Бога. Тогда все это было очень простодушно. Въ Notre Dame de Paris у Виктора Гюго въ честь рожденія французскаго дофина, въ Парижѣ, при Людовикѣ XI, въ залѣ ратуши дается назидательное и даровое представленіе народу подъ заглавіемъ: „Le bon jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie", гдѣ и является Она сама лично и произноситъ свой bon jugement. У насъ въ Москвѣ, въ до-Петровскую старину,

такія-же почти драматическія представленія, изъ Ветхаго Завѣта особенно, тоже совершались во временамъ; во время драматическихъ представленій по всему міру ходило тогда много повѣстей и „стиховъ“, въ которыхъ дѣйствовали, по надобности, святые, ангелы и вся сила небесная. У насъ по монастырямъ занимались тоже переводами, списываніемъ и даже сочиненіемъ такихъ поэмъ, да еще когда—въ татарщину. Есть, напримѣръ, одна монастырская поэмка (конечно, съ греческаго): *Хожденіе Богородицы по мукамъ*, съ картинами и со смѣлостью, не ниже Дантовскихъ. Богоматерь посѣщаетъ адъ и руководитъ ее „по мукамъ“ архангелъ Михаилъ. Она видитъ грѣшниковъ и мученія ихъ. Тамъ есть, между прочимъ, одинъ презанимательный разрядъ грѣшниковъ въ горящемъ озерѣ: которые изъ нихъ погружаются въ это озеро такъ, что ужъ и выплыть болѣе не могутъ, то „тѣхъ уже забываетъ Богъ“—выраженіе чрезвычайной глубины и силы. И вотъ, пораженная и плачущая Богоматерь падаетъ предъ престоломъ Божіимъ и проситъ всѣмъ во адѣ помилованія, всѣмъ, которыхъ Она видѣла тамъ, безъ различія. Разговоръ ея съ Богомъ колоссально интересенъ. Она умоляетъ, Она не отходитъ, и когда Богъ указываетъ Ей на пригвожденныя руки и ноги Ея Сына и спрашиваетъ: какъ Я прощу Его мучителей, то Она велитъ всѣмъ святымъ, всѣмъ мученикамъ, всѣмъ ангеламъ и архангеламъ пасть вмѣстѣ съ Нею и молить о помилованіи всѣхъ безъ разбора. Кончается тѣмъ, что Она вымаливаетъ у Бога остановку мукъ на всякій годъ отъ великой пятницы до Троицына дня, а грѣшники изъ ада тутъ же благодарятъ Господа и вопіютъ къ Нему: „Правъ Ты, Господи, что такъ судилъ“. Ну вотъ и моя поэмка была бы въ томъ же родѣ, если бъ явилась въ то время. У меня на сценѣ является Онъ; правда, Онъ ничего и не говоритъ въ поэмѣ, а только появляется и проходитъ. Пятнадцать вѣковъ уже минуло тому, какъ Онъ далъ обѣтованіе придти во царствіи своемъ, пятнадцать вѣковъ, какъ пророкъ Его писалъ: „Се гряду скоро и о днѣ же семъ и часѣ не знаетъ даже и Сынъ, токмо лишь Отецъ Мой небесный“, какъ изрекъ Онъ и самъ еще на землѣ. Но человѣчество ждетъ Его съ прежнею вѣрою и съ прежнимъ умиленіемъ. О, съ бо́льшею даже вѣрой, ибо пятнадцать вѣковъ уже минуло съ тѣхъ поръ, какъ прекратились залоги съ небесь человѣку:

Вѣрь тому, что̀ сердце скажетъ:
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ.

И только одна лишь вѣра въ сказанное сердцемъ! Правда, было тогда и много чудесъ. Были святые, производившіе чудесныя исцѣленія; къ инымъ праведникамъ, по жизнеописаніямъ ихъ, сходила сама Царица Небесная. Но дьяволъ не дремлетъ, и въ человѣчествѣ началось уже сомнѣніе въ правдивости этихъ чудесъ. Какъ разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страшная новая ересь. Огромная звѣзда, „подобная свѣтильнику“ (то-есть церкви), „пала на источники водъ и стали они горьки“. Эти ереси стали богохульно отрицать чудеса. Но тѣмъ пламеннѣе вѣрятъ оставшіеся вѣрными. Слезы человѣчества восходятъ къ Нему попрежнему, ждутъ Его, любятъ Его, надѣются на Него, какъ и прежде... И вотъ столько вѣковъ молило человѣчество съ вѣрой и пламенемъ: „Богъ Господи явися намъ“, столько вѣковъ взывало къ Нему, что Онъ, въ неизмѣримомъ состраданіи Своемъ, возжелалъ снизойти къ молящимъ. Снисходилъ, посѣщалъ Онъ и до этого иныхъ праведниковъ, мучениковъ и святыхъ отшельниковъ еще на землѣ, какъ и записано въ ихъ „житіяхъ“. У насъ Тютчевъ, глубоко вѣровавшій въ правду словъ своихъ, возвѣстилъ, что

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Что̀ непремѣнно и было такъ, это я тебѣ скажу. И вотъ Онъ возжелалъ появиться хоть на мгновеніе къ народу,— къ мучающемуся, страдающему, смрадно-грѣшному, но младенчески любящему Его народу. Дѣйствіе у меня въ Испаніи, въ Севильѣ, въ самое страшное время инквизиціи, когда во славу Божію въ странѣ ежедневно горѣли костры и

Въ великолѣпныхъ автодафе
Сжигали злыхъ еретиковъ.

О, это конечно было не то сошествіе, въ которомъ явится Онъ, по обѣщанію Своему, въ концѣ временъ, во всей славѣ небесной и которое будетъ внезапно „какъ молнія блистающая отъ востока до запада“. Нѣтъ, Онъ возжелалъ хоть на мгновенье посѣтить дѣтей Своихъ и именно тамъ, гдѣ какъ разъ затрещали костры еретиковъ. По безмѣрному милосердію Своему, Онъ проходитъ еще разъ

между людей въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ тридцать три года между людьми пятнадцать вѣковъ назадъ. Онъ снисходитъ на „стогны жаркіе“ южнаго города, какъ разъ въ которомъ всего лишь наканунѣ въ „великолѣпномъ автодафе“, въ присутствіи короля, двора, рыцарей, кардиналовъ и прелестнѣйшихъ придворныхъ дамъ, при многочисленномъ населеніи всей Севильи, была сожжена кардиналомъ, великимъ инквизиторомъ, разомъ чуть не цѣлая сотня еретиковъ ad majorem gloriam Dei. Онъ появился тихо, незамѣтно, и вотъ всѣ—странно это—узнаютъ Его. Это могло бы быть однимъ изъ лучшихъ мѣстъ поэмы,—то-есть почему именно узнаютъ Его. Народъ непобѣдимою силою стремится къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди ихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила. Вотъ изъ толпы восклицаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: „Господи, исцѣли меня, да и я Тебя узрю“, и вотъ какъ бы чешуя сходитъ съ глазъ его и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіютъ Ему: „Осанна!“ „Это Онъ, это самъ Онъ, повторяютъ всѣ, это долженъ быть Онъ, это никто, какъ Онъ“. Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда во храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь въ цвѣтахъ. „Онъ воскреситъ твое дитя“, кричатъ изъ толпы плачущей матери. Вышедшій на встрѣчу гроба соборный патеръ смотритъ въ недоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль матери умершаго ребенка. Она повергается къ ногамъ Его: „Если это Ты, то воскреси дитя мое?“ восклицаетъ она, простирая къ Нему руки. Процессія останавливается, гробикъ опускаютъ на паперть къ ногамъ Его. Онъ глядитъ съ состраданіемъ и уста Его тихо и еще разъ произносятъ: „Талифа куми“—„и возста дѣвица“. Дѣвочка подымается въ гробѣ, садится и смотритъ, улыбаясь удивленными

раскрытыми глазками кругомъ. Въ рукахъ ея букетъ бѣлыхъ розъ, съ которымъ она лежала въ гробу. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ, въ эту самую минуту вдругъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ, великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокій и прямой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но изъ которыхъ еще свѣтится, какъ огненная искорка, блескъ. О, онъ не въ великолѣпныхъ кардинальскихъ одеждахъ своихъ, въ какихъ красовался вчера предъ народомъ, когда сжигали враговъ Римской вѣры,— нѣтъ, въ эту минуту онъ лишь въ старой, грубой монашеской своей рясѣ. За нимъ въ извѣстномъ разстояніи слѣдуютъ мрачные помощники и рабы его и „священная“ стража. Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ какъ поставили гробъ у ногъ Его, видѣлъ какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдыя густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ зловѣщимъ огнемъ. Онъ простираетъ перстъ свой и велитъ стражамъ взять Его. И вотъ, такова его сила и до того уже пріученъ, покоренъ и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немедленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробового молчанія, вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ Его. Толпа моментально, вся какъ одинъ человѣкъ, склоняется головами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ; тотъ молча благословляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ Плѣнника въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ зданіи Святого Судилища и запираетъ въ нее. Проходитъ день, настаетъ темная, горячая и „бездыханная севильская ночь“. Воздухъ „лавромъ и лимономъ пахнетъ“. Среди глубокаго мрака вдругъ отворяется желѣзная дверь тюрьмы и самъ старикъ великій инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукѣ медленно входитъ въ тюрьму. Онъ одинъ, дверь за нимъ тотчасъ же запирается. Онъ останавливается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается въ лицо Его. Наконецъ, тихо подходитъ, ставитъ свѣтильникъ на столъ и говоритъ Ему:

— Это Ты? Ты?—Но, не получая отвѣта, быстро прибавляетъ:—Не отвѣчай, молчи. Да и что̀ бы Ты могъ сказать? Я слишкомъ знаю, что̀ Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавлять къ тому, что̀ уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать?

Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и самъ это знаешь. Но знаешь ли, что̀ будетъ завтра? Я не знаю, кто Ты и знать не хочу: Ты ли это или только подобіе Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію, бросится подгребать къ Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, можетъ быть, это знаешь, прибавилъ онъ въ проникновенномъ раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ своего Плѣнника.

— Я не совсѣмъ понимаю, Иванъ, что̀ это такое? улыбнулся, все время молча слушавшій, Алеша, — прямо ли безбрежная фантазія или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное qui pro quo?

— Прими хоть послѣднее, разсмѣялся Иванъ, — если ужъ тебя такъ разбаловалъ современный реализмъ, и ты не можешь вынести ничего фантастическаго—хочешь qui pro quo, то пусть такъ и будетъ. Оно правда, разсмѣялся онъ опять, — старику девяносто лѣтъ и онъ давно могъ сойти съ ума на своей идеѣ. Плѣнникъ же могъ поразить его своею наружностью. Это могъ быть, наконецъ, просто бредъ, видѣніе девяностолѣтняго старика предъ смертью, да еще разгоряченнаго вчерашнимъ автодафе во сто сожженныхъ еретиковъ. Но не все ли равно намъ съ тобою, что̀ qui pro quo, что̀ безбрежная фантазія? Тутъ дѣло въ томъ только, что старику надо высказаться, что, наконецъ, за всѣ девяносто лѣтъ онъ высказывается и говоритъ вслухъ то, о чемъ всѣ девяносто лѣтъ молчалъ.

— А Плѣнникъ тоже молчитъ? Глядитъ на него и не говоритъ ни слова?

— Да такъ и должно быть, во всѣхъ даже случаяхъ, опять засмѣялся Иванъ.—Самъ старикъ замѣчаетъ Ему, что Онъ и права не имѣетъ ничего прибавлять къ тому, что̀ уже прежде сказано. Если хочешь, такъ въ этомъ и есть самая основная черта римскаго католичества, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ: „все, дескать, передано Тобою папѣ и все, стало быть, теперь у папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мѣшай до времени, по крайней мѣрѣ“. Въ этомъ смыслѣ они не только говорятъ, но и пишутъ, іезуиты, по крайней мѣрѣ. Это я самъ читалъ у ихъ богослововъ. „Имѣешь ли Ты право возвѣстить намъ хоть одну изъ тайнъ того міра, изъ котораго Ты пришелъ?“—спрашиваетъ Его мой старикъ и самъ отвѣчаетъ

Ему за Него,—„нѣтъ, не имѣешь, чтобы не прибавлять къ тому, что̀ уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты такъ стоялъ, когда былъ на землѣ. Все, что̀ Ты вновь возвѣстишь, посягнетъ на свободу вѣры людей, ибо явится какъ чудо, а свобода ихъ вѣры Тебѣ была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лѣтъ назадъ. Не Ты ли такъ часто тогда говорилъ: „Хочу сдѣлать васъ свободными“. Но вотъ Ты теперь увидѣлъ этихъ „свободныхъ“ людей, прибавляетъ вдругъ старикъ со вдумчивою усмѣшкой. — „Да, это дѣло намъ дорого стоило, продолжаетъ онъ, строго смотря на Него,— но мы докончили, наконецъ, это дѣло, во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ мучились мы съ этой свободой, но теперь это кончено и кончено крѣпко. Ты не вѣришь, что кончено крѣпко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодованія? Но знай, что теперь, и именно нынѣ, эти люди увѣрены болѣе чѣмъ когда-нибудь, что свободны вполнѣ, а между тѣмъ, сами же они принесли намъ свободу свою и покорно положили ее къ ногамъ нашимъ. Но это сдѣлали мы, а того ль Ты желалъ, такой ли свободы?“

— Я опять не понимаю, перервалъ Алеша,—онъ иронизируетъ, смѣется?

— Нимало. Онъ именно ставитъ въ заслугу себѣ и своимъ, что, наконецъ-то, они побороли свободу, и сдѣлали такъ для того, чтобы сдѣлать людей счастливыми. „Ибо теперь только (то-есть онъ, конечно, говоритъ про инквизицію) стало возможнымъ помыслить въ первый разъ о счастіи людей. Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми? Тебя предупреждали, говоритъ онъ Ему,—Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ предупрежденій, Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми, но, къ счастію, уходя, Ты передалъ дѣло намъ. Ты обѣщалъ, Ты утвердилъ своимъ словомъ, Ты далъ намъ право связывать и развязывать, и, ужъ кончено, не можешь и думать отнять у насъ это право теперь. Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать?“

— А что̀ значитъ: не имѣлъ недостатка въ предупрежденіи и указаніи? спросилъ Алеша.

— А въ этомъ-то и состоитъ главное, что̀ старику надо высказать.

— „Страшный и умный духъ, духъ самоуничтоженія и небытія, продолжаетъ старикъ,—великій духъ говорилъ съ Тобой въ пустынѣ и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто бы „искушалъ“ Тебя. Такъ ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что̀ онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ, и что̀ Ты отвергъ, и что̀ въ книгахъ названо „искушеніями“? А между тѣмъ, если было когда-нибудь на землѣ совершено настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать и сочинить, чтобъ внести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ—правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ, и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того, что соотвѣтствовали бы размѣру событія, но и выражали бы сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ только фразахъ человѣческихъ, всю будущую исторію міра и человѣчества—то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ? Ужъ по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ. Тогда это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо, но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ, мы видимъ, что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе.

„Рѣши же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ; хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ

свободы, котораго они, въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся,—ибо ничего и никогда не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы! А видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благородное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: „Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси!“ Знаешь ли Ты, что пройдутъ вѣка и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а, стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“ вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все же Ты бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей,—ибо къ намъ же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ со своею башней! Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся (ибо мы будемъ вновь гонимы и мучимы), найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небеси, его не дали“. И тогда уже мы и достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: „лучше поработите насъ, но накормите насъ“. Поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ не мыслимы, ибо никогда, никогда, не сумѣютъ они раздѣлиться между собою! Убѣ-

дятся тоже, что не могутъ быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагороднаго людского племени съ земнымъ? И если за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что станется съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго? Иль Тебѣ дороги лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ, а остальные милліоны, многочисленные, какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, должны лишь послужить матеріаломъ для великихъ и сильныхъ? Нѣтъ, намъ дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но подъ конецъ они-то станутъ и послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать,—такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы ужъ не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны будемъ лгать. Вотъ что значилъ этотъ первый вопросъ въ пустынѣ, и вотъ что Ты отвергъ во имя свободы, которую поставилъ выше всего. А между тѣмъ, въ вопросѣ этомъ заключалась великая тайна міра сего. Принявъ „хлѣбы", Ты бы отвѣтилъ на всеобщую и вѣковѣчную тоску человѣческую, какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ—это: „предъ кѣмъ преклониться?" Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ, оставшись свободнымъ, сыскать поскорѣе того, предъ кѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобъ и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непремѣнно *всѣ вмѣстѣ*. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единолично и какъ цѣлаго человѣчества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга

мечомъ. Они созидали боговъ и взывали другъ къ другу: „Бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ!“ И такъ будетъ до скончанія міра, даже и тогда, когда исчезнутъ въ мірѣ и боги: все равно, падутъ предъ идолами. Ты зналъ, Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣческой, но Ты отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою безспорно,—знамя хлѣба земного, и отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Взгляни же, что̀ сдѣлалъ Ты далѣе. И все опять во имя свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть. Съ хлѣбомъ Тебѣ давалось безспорное знамя: дашь хлѣбъ, и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣба, но если въ то же время кто-нибудь овладѣетъ его совѣстью помимо Тебя,—о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за тѣмъ, который обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ. Ибо тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ для чего ему жить, человѣкъ не согласится жить и скорѣй истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы. Это такъ, но что̀ же вышло: вмѣсто того, чтобъ овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ, что спокойствіе и даже смерть человѣку дороже свободнаго выбора въ познаніи добра и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. И вотъ вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти человѣческой разъ навсегда—Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что̀ было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе,—и это кто же: Тотъ, Который пришелъ отдать за нихъ жизнь Свою! Вмѣсто того, чтобъ овладѣть людской свободой, Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка, вовѣки. Ты возжелалъ свободной любви человѣка, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою. Вмѣсто твердаго древняго закона,—свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что̀ добро

и что зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою,—но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же, наконецъ, и оспоритъ даже и Твой образъ и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, Самъ ты положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства и не вини никого въ этомъ болѣе. А между тѣмъ, то ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія навѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ, для ихъ счастія,—эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то и другое и третье и самъ подалъ примѣръ тому. Когда страшный и премудрый духъ поставилъ Тебя на вершинѣ храма и сказалъ Тебѣ: „Если хочешь узнать Сынъ ли ты Божій, то вершись внизъ, ибо сказано про Того, что ангелы подхватятъ и понесутъ Его и не упадетъ и не разшибется, и узнаешь тогда Сынъ ли Ты Божій и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ отца Твоего“, но Ты, выслушавъ, отвергъ предложеніе и не поддался и не бросился внизъ. О, конечно, Ты поступилъ тутъ гордо и великолѣпно, какъ Богъ, но люди-то, но слабое бунтующее племя это—они-то боги ли? О, Ты понялъ тогда, что, сдѣлавъ лишь шагъ, лишь движеніе броситься внизъ, Ты тотчасъ бы и искусилъ Господа и вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился бы о землю, которую спасать пришелъ, и возрадовался бы умный духъ, искушавшій Тебя. Но, повторяю, много ли такихъ, какъ Ты? И неужели Ты въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и людямъ будетъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ ли создана природа человѣческая, чтобъ отвергнуть чудо, и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ своихъ оставаться лишь со свободнымъ рѣшеніемъ сердца? О, Ты зналъ, что подвигъ Твой сохранится въ книгахъ, достигнетъ глубины временъ и послѣднихъ предѣловъ земли, и понадѣялся, что, слѣдуя Тебѣ, и человѣкъ останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергнетъ и Бога, ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ

оставаться безъ чуда не въ силахъ, то насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы онъ сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ. Ты не сошелъ со креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: „Сойди со креста и увѣруемъ, что это Ты". Ты не сошелъ потому, что, опять-таки, не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до себя? Клянусь, человѣкъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ Ты о немъ думалъ! Можетъ ли, можетъ ли онъ исполнить то, что̀ и Ты? Столь уважая его, Ты поступилъ какъ бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него и потребовалъ,—и это кто же, Тотъ, Который возлюбилъ его болѣе самого Себя! Уважая его менѣе, менѣе бы отъ него и потребовалъ, а это было бы ближе къ любви, ибо легче была бы ноша его. Онъ слабъ и подлъ. Что̀ въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти и гордится, что онъ бунтуетъ? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіяся въ классѣ и выгнавшія учителя. Но придетъ конецъ и восторгу ребятишекъ, онъ будетъ дорого сто̀итъ имъ. Они ниспровергнутъ храмы и зальютъ кровью землю. Но догадаются, наконецъ, глупыя дѣти, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего не выдерживающіе. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ посмѣяться надъ ними. Скажутъ это они въ отчаяніи и сказанное ими будетъ богохульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе, ибо природа человѣческая не выноситъ богохульства, и, въ концѣ концовъ, сама же себѣ всегда и отмститъ за него. Итакъ неспокойство, смятеніе и несчастіе — вотъ теперешній удѣлъ людей послѣ того, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великій пророкъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что видѣлъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ изъ каждаго колѣна по двѣнадцати

тысячъ. Но если было ихъ столько, то были и они какъ бы не люди, а боги. Они вытерпѣли крестъ Твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, — и, ужъ конечно, Ты можешь съ гордостью указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое. Но вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что̀ могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ? Да неужто же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ, то тутъ тайна и намъ не понять ея. А если тайна, то и мы въ правѣ были проповѣдывать тайну и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердецъ ихъ важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слѣпо, даже мимо ихъ совѣсти. Такъ мы и сдѣлали. Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ*, *тайнѣ* и *авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели какъ стадо, и что съ сердецъ ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки. Правы мы были, уча и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовію облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильной природѣ его, хотя бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія? Къ чему же теперь пришелъ намъ мѣшать? И что̀ Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя. И что̀ мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю съ кѣмъ говорю? То, что̀ имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: Мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ него то, что̀ Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донынѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Но кто виноватъ? О, дѣло это до сихъ поръ лишь въ на-

чалѣ, но оно началось. Долго еще ждать завершенія его и еще много выстрадаетъ земля, но мы достигнемъ и будемъ кесарями, и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастіи людей. А между тѣмъ Ты бы могъ еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго духа, Ты восполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то-есть: предъ кѣмъ преклониться, кому вручить совѣсть и какимъ образомъ соединиться, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій и согласный муравейникъ, ибо потребность всемірнаго соединенія есть третье и послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисъ-ханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему единенію. Принявъ міръ и порфиру Кесаря, основалъ бы всемірное царство и далъ всемірный покой. Ибо кому же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ. Мы и взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя и пошли за *нимъ*. О, пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума, ихъ науки и антропофагіи, потому что, начавъ возводить свою Вавилонскую башню безъ насъ, они кончатъ антропофагіей. Но тогда-то и приползетъ къ намъ звѣрь и будетъ лизать ноги наши и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ глазъ своихъ. И мы сядемъ на звѣря и воздвигнемъ чашу и на ней будетъ написано: „Тайна!“ Но тогда лишь и тогда настанетъ для людей царство покоя и счастія. Ты гордишься Твоими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ. Да и такъ ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ могучихъ, которые могли бы стать избранниками, устали, наконецъ, ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа своего и жаръ сердца своего на иную ниву и кончатъ тѣмъ, что на Тебя же и воздвигнутъ *свободное* знамя свое. Но Ты самъ воздвигъ это знамя. У насъ же всѣ будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей, повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они

тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей для насъ и намъ покорятся. И что же, правы мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы, ибо вспомнятъ до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри, и поставятъ предъ такими чудами и неразрѣшимыми тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ, другіе непокорные, но малосильные, истребятъ другъ друга, а третьи оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ, и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ, спасите насъ отъ себя самихъ". Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ же раздать, безо всякаго чуда, увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но воистину болѣе чѣмъ самому хлѣбу рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы. Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что́ значитъ разъ навсегда подчиниться! И пока люди не поймутъ сего, они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и разсыпалъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже разъ навсегда. Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы. О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ двигаться, и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и къ смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣ-

сенкѣ. Да, мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хоромъ, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя. И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи предъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей, — все судя по ихъ послушанію, — и они будутъ намъ покоряться съ весельемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти, — все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостію, потому, что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго. И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны. Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое, и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ же счастія будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчною. Ибо если бъ и было что̀ на томъ свѣтѣ, то, ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они. Говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь, и вновь побѣдишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажемъ, что они спасли лишь самихъ себя, а мы спасли всѣхъ. Говорятъ, что опозорена будетъ блудница, сидящая на звѣрѣ и держащая въ рукахъ своихъ *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея, и обнажатъ ея „гадкое“ тѣло. Но я тогда встану, и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ, для счастья ихъ, на себя, мы станемъ предъ Тобой и скажемъ: „Суди насъ, если можешь и смѣешь“. Знай, что я не боюсь Тебя. Знай,

что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которою Ты благословилъ людей, и я готовился стать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили подвигъ Твой*. Я ушелъ отъ гордыхъ, и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То, что̀ я говорю Тебѣ, сбудется и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгребать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi“.

Иванъ остановился. Онъ разгорячился, говоря, и говорилъ съ увлеченіемъ; когда же кончилъ, то вдругъ улыбнулся.

Алеша, все слушавшій его молча, подъ конецъ же, въ чрезвычайномъ волненіи, много разъ пытавшійся перебить рѣчь брата, но видимо себя сдерживавшій, вдругъ заговорилъ, точно сорвался съ мѣста.

— Но... это нелѣпость! вскричалъ онъ, краснѣя.—Поэма твоя есть хвала Іисусу, а не хула... какъ ты хотѣлъ того. И кто тебѣ повѣритъ о свободѣ? Такъ ли, такъ ли надо ее понимать! То ли понятіе въ православіи... Это Римъ, да и Римъ не весь, это неправда,—это худшіе изъ католичества, инквизиторы, іезуиты!.. Да и совсѣмъ не можетъ быть такого фантастическаго лица, какъ твой инквизиторъ. Какіе это грѣхи людей, взятые на себя? Какіе это носители тайны, взявшіе на себя какое-то проклятіе для счастія людей? Когда они виданы? Мы знаемъ іезуитовъ, про нихъ говорятъ дурно, но то̀ ли они что̀ у тебя? Совсѣмъ они не то̀, вовсе не то̀... Они просто римская армія для будущаго всемірнаго земного царства, съ императоромъ—римскимъ первосвященникомъ во главѣ... вотъ ихъ идеалъ, но безо всякихъ тайнъ и возвышенной грусти... Самое простое желаніе власти, земныхъ грязныхъ благъ, порабощенія... въ родѣ будущаго крѣпостного права, съ тѣмъ, что они станутъ помѣщиками... вотъ и все у нихъ. Они и въ Бога не вѣруютъ, можетъ быть. Твой страдающій инквизиторъ—одна фантазія...

— Да стой, стой, смѣялся Иванъ,—какъ ты разгоря-

чился. Фантазія, говоришь ты, пусть! Конечно, фантазія. Но позволь, однако: неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что все это католическое движеніе послѣднихъ вѣковъ есть и въ самомъ дѣлѣ одно лишь желаніе власти для однихъ только грязныхъ благъ. Ужъ не отецъ ли Паисій такъ тебя учитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, отецъ Паисій говорилъ однажды что-то въ родѣ даже твоего... но, конечно, не то, совсѣмъ не то, спохватился вдругъ Алеша.

— Драгоцѣнное, однакоже, свѣдѣніе, несмотря на твое „совсѣмъ не то". Я именно спрашиваю тебя, почему твои іезуиты и инквизиторы совокупились для однихъ только матеріальныхъ скверныхъ благъ? Почему среди нихъ не можетъ случиться ни одного страдальца, мучимаго великою скорбью и любящаго человѣчество? Видишь: предположи, что нашелся хотя одинъ изъ всѣхъ этихъ желающихъ однихъ только матеріальныхъ и грязныхъ благъ— хоть одинъ только такой, какъ мой старикъ инквизиторъ, который самъ ѣлъ коренья въ пустынѣ, и бѣсновался, побѣждая плоть свою, чтобы сдѣлать себя свободнымъ и совершеннымъ, но, однакоже, всю жизнь свою любившій человѣчество и вдругъ прозрѣвшій и увидавшій, что не велико нравственное блаженство достигнуть совершенства воли съ тѣмъ, чтобы въ то же время убѣдиться, что милліоны остальныхъ существъ Божіихъ остались устроенными лишь въ насмѣшку, что никогда не въ силахъ они будутъ справиться со своею свободой, что изъ жалкихъ бунтовщиковъ никогда не выйдетъ великановъ для завершенія башни, что не для такихъ гусей великій идеалистъ мечталъ о своей гармоніи. Понявъ все это, онъ воротился и примкнулъ... къ умнымъ людямъ. Неужели этого не могло случиться?

— Къ кому примкнулъ, къ какимъ умнымъ людямъ? почти въ азартѣ воскликнулъ Алеша.—Никакого у нихъ нѣтъ такого ума, и никакихъ такихъ тайнъ и секретовъ... Одно только развѣ безбожіе, вотъ и весь ихъ секретъ. Инквизиторъ твой не вѣруетъ въ Бога, вотъ и весь его секретъ!

— Хотя бы и такъ! Наконецъ-то ты догадался. И дѣйствительно такъ, дѣйствительно только въ этомъ и весь секретъ, но развѣ это не страданіе, хотя бы для такого, какъ онъ, человѣка, который всю жизнь свою убилъ на подвигъ въ пустынѣ и не излѣчился отъ любви къ чело-

вѣчеству? На закатѣ дней своихъ, онъ убѣждается ясно, что лишь совѣты великаго страшнаго духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить въ сносномъ порядкѣ малосильныхъ бунтовщиковъ, „недодѣланныя пробныя существа, созданныя въ насмѣшку". И вотъ, убѣдясь въ этомъ, онъ видитъ, что надо идти по указанію умнаго духа, страшнаго духа смерти и разрушенія, а для того принять ложь и обманъ, и вести людей уже сознательно къ смерти и разрушенію и притомъ обманывать ихъ всю дорогу, чтобъ они какъ-нибудь не замѣтили, куда ихъ ведутъ, для того, чтобы хоть въ дорогѣ-то жалкіе эти слѣпцы считали себя счастливыми. И замѣть себѣ, обманъ во имя Того, въ идеалъ Котораго столь страстно вѣровалъ старикъ во всю свою жизнь! Развѣ это не несчастье! И если бы хоть одинъ такой очутился во главѣ всей этой арміи, „жаждущей власти для однихъ только грязныхъ благъ",—то неужели же не довольно хоть одного такого, чтобы вышла трагедія? Мало того, довольно и одного такого, стоящаго во главѣ, чтобы нашлась, наконецъ, настоящая руководящая идея всего римскаго дѣла, со всѣми его арміями и іезуитами, высшая идея этого дѣла. Я тебѣ прямо говорю, что я твердо вѣрую, что этотъ единый человѣкъ и не оскудѣвалъ никогда между стоящими во главѣ движенія. Кто знаетъ, можетъ-быть, случались и между римскими первосвященниками эти единые. Кто знаетъ, можетъ-быть, этотъ проклятый старикъ, столь упорно и столь по-своему любящій человѣчество, существуетъ и теперь въ видѣ цѣлаго сонма многихъ таковыхъ единыхъ стариковъ и не случайно вовсе, а существуетъ какъ согласіе, какъ тайный союзъ, давно уже устроенный для храненія тайны, для храненія ея отъ несчастныхъ и малосильныхъ людей, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Это непремѣнно есть, да и должно такъ быть. Мнѣ мерещится, что даже у масоновъ есть что-нибудь въ родѣ этой же тайны въ основѣ ихъ, и что потому католики такъ и ненавидятъ масоновъ, что видятъ въ нихъ конкурентовъ, раздробленіе единства идеи, тогда какъ должно быть едино стадо и единъ пастырь... Впрочемъ, защищая мою мысль, я имѣю видъ сочинителя, не выдержавшаго твоей критики. Довольно объ этомъ.

— Ты, можетъ-быть, самъ масонъ! вырвалось вдругъ у Алеши.—Ты не вѣришь въ Бога, прибавилъ онъ, но уже съ чрезвычайною скорбью.

Ему показалось къ тому же, что братъ смотритъ на него съ насмѣшкой.

— Чѣмъ же кончается твоя поэма? спросилъ онъ вдругъ, смотря въ землю.—Или ужъ она кончена?

— Я хотѣлъ ее кончить такъ: когда инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ его ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ, какъ Узникъ все время слушалъ его, проникновенно и тихо смотря ему въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старику хотѣлось бы, чтобы Тотъ сказалъ ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Вотъ и весь отвѣтъ. Старикъ вздрагиваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ губъ его; онъ идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда! И выпускаетъ Его на „темныя стогна града". Плѣнникъ уходитъ.

— А старикъ?

— Поцѣлуй горитъ на его сердцѣ, но старикъ остается въ прежней идеѣ.

— И ты вмѣстѣ съ нимъ, и ты? горестно воскликнулъ Алеша.

Иванъ засмѣялся.

— Да вѣдь это же вздоръ, Алеша, вѣдь это только безтолковая поэма безтолковаго студента, который никогда двухъ стиховъ не написалъ. Къ чему ты въ такой серьезъ берешь? Ужъ не думаешь ли ты, что я прямо поѣду теперь туда, къ іезуитамъ, чтобы стать въ сонмѣ людей, поправляющихъ Его подвигъ? О, Господи, какое мнѣ дѣло! Я вѣдь тебѣ сказалъ: мнѣ бы только до тридцати лѣтъ дотянуть, а тамъ—кубокъ объ полъ!

— А клейкіе листочки, а дорогія могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Какъ же жить-то будешь, чѣмъ ты любить-то ихъ будешь? горестно восклицалъ Алеша.— Съ такимъ адомъ въ груди и въ головѣ развѣ это возможно? Нѣтъ, именно ты ѣдешь, чтобы къ нимъ примкнуть... а если нѣтъ, то убьешь себя самъ, а не выдержишь!

— Есть такая сила, что все выдержитъ! съ холодною уже усмѣшкою проговорилъ Иванъ.

— Какая сила?

— Карамазовская... сила низости Карамазовской.

— Это потонуть въ развратѣ, задавить душу въ растлѣніи, да, да?

— Пожалуй, и это... только до тридцати лѣтъ, можетъ-быть, и избѣгну, а тамъ...

— Какъ же избѣгнешь? Чѣмъ избѣгнешь? Это невозможно съ твоими мыслями.

— Опять-таки по-Карамазовски.

— Это, чтобы „все позволено“? Все позволено, такъ ли, такъ ли?

Иванъ нахмурился и вдругъ странно какъ-то поблѣднѣлъ.

— А, это ты подхватилъ вчерашнее словцо, которымъ такъ обидѣлся Міусовъ... и что̀ такъ наивно выскочилъ и переговорилъ братъ Дмитрій? криво усмѣхнулся онъ. — Да, пожалуй: „все позволено“, если ужъ слово произнесено. Не отрекаюсь. Да и редакція Митенькина не дурна.

Алеша молча глядѣлъ на него.

— Я, братъ, уѣзжая, думалъ, что имѣю на всемъ свѣтѣ хоть тебя, съ неожиданнымъ чувствомъ проговорилъ вдругъ Иванъ, — а теперь вижу, что и въ твоемъ сердцѣ мнѣ нѣтъ мѣста, мой милый отшельникъ. Отъ формулы: „все позволено“ я не отрекусь, ну, и что̀ же, за это ты отъ меня отречешься, да, да?

Алеша всталъ, подошелъ къ нему, и молча тихо поцѣловалъ его въ губы.

— Литературное воровство! вскричалъ Иванъ, переходя вдругъ въ какой-то восторгъ. — Это ты укралъ изъ моей поэмы! Спасибо, однако. Вставай, Алеша, идемъ, пора и мнѣ, и тебѣ.

Они вышли, но остановились у крыльца трактира.

— Вотъ что̀, Алеша, проговорилъ Иванъ твердымъ голосомъ,—если въ самомъ дѣлѣ хватитъ меня на клейкіе листочки, то любить ихъ буду лишь тебя вспоминая. Довольно мнѣ того, что ты тутъ гдѣ-то есть, и жить еще не расхочу. Довольно этого тебѣ? Если хочешь, прими хоть за объясненіе въ любви. А теперь, ты направо, я налѣво—и довольно, слышишь, довольно. То-есть, если я бы завтра и не уѣхалъ (кажется, уѣду навѣрно) и мы бы еще опять какъ-нибудь встрѣтились, то уже на всѣ эти темы ты больше со мной ни слова. Настоятельно прошу. И насчетъ брата Дмитрія тоже, особенно прошу тебя, даже и не заговаривай со мной никогда больше, прибавилъ онъ вдругъ раздражительно, — все исчерпано, все

переговорено, такъ ли? А я тебѣ, съ своей стороны, за это тоже одно обѣщаніе дамъ: когда къ тридцати годамъ я захочу „бросить кубокъ объ полъ“, то, гдѣ бъ ты ни былъ, я таки приду еще разъ переговорить съ тобою... хотя бы даже изъ Америки, это ты знай. Нарочно пріѣду. Очень интересно будетъ и на тебя поглядѣть къ тому времени, каковъ-то ты тогда будешь? Видишь, довольно торжественное обѣщаніе. А въ самомъ дѣлѣ, мы, можетъ-быть, лѣтъ на семь, на десять прощаемся. Ну, иди теперь къ твоему Pater Seraphicus, вѣдь онъ умираетъ; умретъ безъ тебя, такъ еще, пожалуй, на меня разсердишься, что я тебя задержалъ. До свиданія, цѣлуй меня еще разъ, вотъ такъ, и ступай...

Иванъ вдругъ повернулся и пошелъ своею дорогой, уже не оборачиваясь. Похоже было на то, какъ вчера ушелъ отъ Алеши братъ Дмитрій, хотя вчера было совсѣмъ въ другомъ родѣ. Странное это замѣчаньице промелькнуло какъ стрѣлка въ печальномъ умѣ Алеши, печальномъ и скорбномъ въ эту минуту. Онъ немного подождалъ, глядя вслѣдъ брату. Почему-то запримѣтилъ вдругъ, что братъ Иванъ идетъ какъ-то раскачиваясь, и что у него правое плечо, если сзади глядѣть, кажется ниже лѣваго. Никогда онъ этого не замѣчалъ прежде. Но вдругъ онъ тоже повернулся и почти побѣжалъ къ монастырю. Уже сильно смеркалось и ему было почти страшно; что-то нарастало въ немъ новое, на что̀ онъ не могъ бы дать отвѣта. Поднялся опять, какъ вчера, вѣтеръ и вѣковыя сосны мрачно зашумѣли кругомъ него, когда онъ вошелъ въ скитскій лѣсокъ. Онъ почти бѣжалъ. „Pater Seraphicus“—это имя онъ откуда-то взялъ — откуда? промелькнуло у Алеши. Иванъ, бѣдный Иванъ, и когда же я теперь тебя увижу... Вотъ и скитъ, Господи! Да, да, это онъ, это Pater Seraphicus, онъ спасетъ меня... отъ него и навѣки!“

Потомъ онъ съ великимъ недоумѣніемъ припоминалъ нѣсколько разъ въ своей жизни, какъ могъ онъ вдругъ, послѣ того какъ разстался съ Иваномъ, такъ совсѣмъ забыть о братѣ Дмитріи, котораго утромъ, всего только нѣсколько часовъ назадъ, положилъ непремѣнно разыскать и не уходить безъ того, хотя бы пришлось даже не воротиться на эту ночь въ монастырь.

VI.

Пока еще очень не ясная.

А Иванъ Ѳедоровичъ, разставшись съ Алешей, пошелъ домой, въ домъ Ѳедора Павловича. Но, странное дѣло, на него напала вдругъ тоска нестерпимая и, главное, съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ приближенія къ дому, все болѣе и болѣе нараставшая. Не въ тоскѣ была странность, а въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ никакъ не могъ опредѣлить, въ чемъ тоска состояла. Тосковать ему случалось часто и прежде и не диво бы, что пришла она въ такую минуту, когда онъ, завтра же, порвавъ вдругъ со всѣмъ, что̀ его сюда привлекло, готовился вновь повернуть круто въ сторону и вступить на новый, совершенно невѣдомый путь, и опять совсѣмъ одинокимъ какъ прежде, много надѣясь, но не знаю на что̀, многаго, слишкомъ многаго ожидая отъ жизни, но ничего не умѣя самъ опредѣлить, ни въ ожиданіяхъ, ни даже въ желаніяхъ своихъ. И все-таки въ эту минуту, хотя тоска новаго и невѣдомаго дѣйствительно была въ душѣ его, мучило его вовсе не то. „Ужъ не отвращеніе ли къ родительскому дому?“ подумалъ онъ про себя,—„похоже на то, до того опротивѣлъ, и хоть сегодня въ послѣдній разъ войду за этотъ скверный порогъ, а все-таки противно... Но нѣтъ, и это не то. Ужъ не прощаніе ли съ Алешей и бывшій съ нимъ разговоръ: „Столько лѣтъ молчалъ со всѣмъ свѣтомъ и не удостоивалъ говорить, и вдругъ наговорилъ столько ахинеи“. Въ самомъ дѣлѣ, это могла быть молодая досада молодой неопытности и молодого тщеславія, досада на то, что не сумѣлъ высказаться, да еще съ такимъ существомъ, какъ Алеша, на котораго въ сердцѣ его несомнѣнно существовали большіе расчеты. Конечно, и это было, то-есть эта досада, даже непремѣнно должна была быть, но и это было не то, все не то. „Тоска до тошноты, а опредѣлить не въ силахъ чего хочу. Не думать развѣ“...

Иванъ Ѳедоровичъ попробовалъ было „не думать“, но и тѣмъ не могъ пособить. Главное, тѣмъ она была досадна, эта тоска, и тѣмъ раздражала, что имѣла какой-то случайный, совершенно внѣшній видъ; это чувствовалось. Стояло и торчало гдѣ-то какое-то существо или предметъ, въ родѣ какъ торчитъ что-нибудь иногда предъ глазомъ, и долго, за дѣломъ или въ горячемъ разговорѣ, не замѣ-

чаешь его, а между тѣмъ, видимо раздражаешься, почти мучаешься, и, наконецъ-то, догадаешься отстранить негодный предметъ, часто очень пустой и смѣшной, какую-нибудь вещь, забытую не на своемъ мѣстѣ, платокъ, упавшій на полъ, книгу, не убранную въ шкапъ, и пр., и пр. Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, въ самомъ скверномъ и раздраженномъ состояніи духа, достигъ родительскаго дома, и вдругъ, примѣрно, шаговъ за пятнадцать отъ калитки, взглянувъ на ворота, разомъ догадался о томъ, что̀ его такъ мучило и тревожило.

На скамейкѣ у воротъ сидѣлъ и прохлаждался вечернимъ воздухомъ лакей Смердяковъ, и Иванъ Ѳедоровичъ съ перваго взгляда на него понялъ, что и въ душѣ его сидѣлъ лакей Смердяковъ и что именно этого-то человѣка и не можетъ вынести его душа. Все вдругъ озарилось и стало ясно. Давеча еще съ разсказа Алеши о его встрѣчѣ со Смердяковымъ, что-то мрачное и противное вдругъ вонзилось въ сердце его и вызвало въ немъ тотчасъ же отвѣтную злобу. Потомъ, за разговоромъ, Смердяковъ на время позабылся, но однакоже остался въ его душѣ, и только что Иванъ Ѳедоровичъ разстался съ Алешей и пошелъ одинъ къ дому, какъ тотчасъ же забытое ощущеніе вдругъ быстро стало опять выходить наружу. „Да неужели же этотъ дрянной негодяй до такой степени можетъ меня безпокоить!“ подумалось ему съ нестерпимою злобой.

Дѣло въ томъ, что Иванъ Ѳедоровичъ дѣйствительно очень не взлюбилъ этого человѣка въ послѣднее время, и особенно въ самые послѣдніе дни. Онъ даже началъ самъ замѣчать эту нараставшую почти ненависть къ этому существу. Можетъ быть, процессъ ненависти такъ обострился именно потому, что вначалѣ, когда только что пріѣхалъ къ намъ Иванъ Ѳедоровичъ, происходило совсѣмъ другое. Тогда Иванъ Ѳедоровичъ принялъ было въ Смердяковѣ какое-то особенное вдругъ участіе, нашелъ его даже очень оригинальнымъ. Самъ пріучилъ его говорить съ собою, всегда, однако, дивясь нѣкоторой безтолковости или, лучше сказать, нѣкоторому безпокойству его ума и не понимая, что̀ такое „этого созерцателя“ могло бы такъ постоянно и неотвязно безпокоить. Они говорили и о философскихъ вопросахъ, и даже о томъ, почему свѣтилъ свѣтъ въ первый день, когда солнце, луна и звѣзды устроены были лишь на четвертый день,

и какъ это понимать слѣдуетъ; но Иванъ Ѳедоровичъ скоро убѣдился, что дѣло вовсе не въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, что солнце, луна и звѣзды предметъ хотя и любопытный, но для Смердякова совершенно третьестепенный и что ему надо чего-то совсѣмъ другого. Такъ или этакъ, но во всякомъ случаѣ начало высказываться и обличаться самолюбіе необъятное и притомъ самолюбіе оскорбленное. Ивану Ѳедоровичу это очень не понравилось. Съ этого и началось его отвращеніе. Впослѣдствіи начались въ домѣ неурядицы, явилась Грушенька, начались исторіи съ братомъ Дмитріемъ, пошли хлопоты, — говорили они и объ этомъ, но хотя Смердяковъ велъ всегда объ этомъ разговоръ съ большимъ волненіемъ, а опять-таки никакъ нельзя было добиться, чего самому-то ему тутъ желается. Даже подивиться можно было нелогичности и безпорядку иныхъ желаній его, поневолѣ выходившихъ наружу и всегда одинаково неясныхъ. Смердяковъ все выспрашивалъ, задавалъ какіе-то косвенные, очевидно, надуманные вопросы, но для чего—не объяснялъ того, и обыкновенно въ самую горячую минуту своихъ же разспросовъ вдругъ умолкалъ или переходилъ совсѣмъ на иное. Но главное, что̀ раздражило, наконецъ, Ивана Ѳедоровича окончательно и вселило въ него такое отвращеніе—была какая-то отвратительная и особая фамильярность, которую сильно сталъ выказывать къ нему Смердяковъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Не то, чтобъ онъ позволялъ себѣ быть невѣжливымъ, напротивъ, говорилъ онъ всегда чрезвычайно почтительно, но такъ поставилось, однакожъ, дѣло, что Смердяковъ видимо сталъ считать себя, Богъ знаетъ почему, въ чемъ-то, наконецъ, съ Иваномъ Ѳедоровичемъ какъ бы солидарнымъ, говорилъ всегда въ такомъ тонѣ, будто между ними вдвоемъ было уже что-то условленное и какъ бы секретное, что-то когда-то произнесенное съ обѣихъ сторонъ, лишь имъ обоимъ только извѣстное, а другимъ около нихъ копошившимся смертнымъ такъ даже и непонятное. Иванъ Ѳедоровичъ, однако, и тутъ долго не понималъ этой настоящей причины своего нараставшаго отвращенія и, наконецъ, только лишь въ самое послѣднее время, успѣлъ догадаться въ чемъ дѣло. Съ брезгливымъ и раздражительнымъ ощущеніемъ хотѣлъ было онъ пройти теперь молча и не глядя на Смердякова въ калитку, но Смердяковъ всталъ со скамейки, и ужъ по одному этому жесту Иванъ Ѳедоровичъ вмигъ догадался, что тотъ

желаетъ имѣть съ нимъ особенный разговоръ. Иванъ Ѳедоровичъ поглядѣлъ на него и остановился, и то, что онъ такъ вдругъ остановился и не прошелъ мимо, какъ желалъ того еще минуту назадъ, озлило его до сотрясенія. Съ гнѣвомъ и отвращеніемъ глядѣлъ онъ на скопческую испитую физіономію Смердякова съ зачесанными гребешкомъ височками и со взбитымъ маленькимъ хохолкомъ. Лѣвый, чуть прищуренный глазокъ его мигалъ и усмѣхался, точно выговаривая: „чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоимъ намъ, умнымъ людямъ, переговорить есть чего". Иванъ Ѳедоровичъ затрясся.

„Прочь, негодяй, какая я тебѣ компанія, дуракъ!" полетѣло было съ языка его, но, къ величайшему удивленію его, слетѣло съ языка совсѣмъ другое:

— Что̀ батюшка спитъ или проснулся? тихо и смиренно проговорилъ онъ, себѣ самому неожиданно, и вдругъ, тоже совсѣмъ неожиданно, сѣлъ на скамейку. На мгновеніе ему стало чуть не страшно, онъ вспомнилъ объ этомъ потомъ. Смердяковъ стоялъ противъ него, закинувъ руки за спину, и глядѣлъ съ увѣренностью, почти строго.

— Еще почиваютъ-съ, выговорилъ онъ неторопливо. („Самъ, дескать, первый заговорилъ, а не я"). Удивлюсь я на васъ, сударь, прибавилъ онъ, помолчавъ, какъ-то жеманно опустивъ глаза, выставивъ правую ножку впередъ и поигрывая носочкомъ лакированной ботинки.

— Съ чего ты на меня удивляешься? отрывисто и сурово произнесъ Иванъ Ѳедоровичъ, изо всѣхъ силъ себя сдерживая, и вдругъ съ отвращеніемъ понялъ, что чувствуетъ сильнѣйшее любопытство и что ни за что̀ не уйдетъ отсюда, не удовлетворивъ его.

— Зачѣмъ вы, сударь, въ Чермашню не ѣдете-съ? вдругъ вскинулъ глазками Смердяковъ и фамильярно улыбнулся. „А чему я улыбнулся, самъ, дескать, долженъ понять, если умный человѣкъ", — какъ бы говорилъ его прищуренный лѣвый глазокъ.

— Зачѣмъ я въ Чермашню поѣду? удивился Иванъ Ѳедоровичъ.

Смердяковъ опять помолчалъ.

— Сами даже Ѳедоръ Павловичъ такъ васъ объ томъ умоляли-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, не спѣша и какъ бы самъ не цѣня своего отвѣта: третьестепенною, дескать, причиной отдѣлываюсь, только чтобы что-нибудь сказать.

— Э, чортъ, говори яснѣй, чего тебѣ надобно? вскри-

чалъ, наконецъ, гнѣвливо Иванъ Ѳедоровичъ, со смиренія переходя на грубость.

Смердяковъ приставилъ правую ножку къ лѣвой, вытянулся прямѣй, но продолжалъ глядѣть съ тѣмъ же спокойствіемъ и съ тою же улыбочкой.

— Существеннаго ничего нѣтъ-съ... а такъ-съ, къ разговору...

Наступило опять молчаніе. Промолчали чуть не съ минуту. Иванъ Ѳедоровичъ зналъ, что онъ долженъ былъ сейчасъ встать и разсердиться, а Смердяковъ стоялъ предъ нимъ и какъ бы ждалъ: „А вотъ посмотрю я, разсердишься ты или нѣтъ?“ Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось Ивану Ѳедоровичу. Наконецъ, онъ качнулся чтобы встать. Смердяковъ точно поймалъ мгновенье.

— Ужасное мое положеніе-съ, Иванъ Ѳедоровичъ, не знаю даже какъ и помочь себѣ, проговорилъ онъ вдругъ твердо и раздѣльно, и съ послѣднимъ словомъ своимъ вздохнулъ. Иванъ Ѳедоровичъ тотчасъ же опять усѣлся.

— Оба совсѣмъ блажные-съ, оба дошли до самаго малаго ребячества-съ, продолжалъ Смердяковъ.— Я про вашего родителя и про вашего братца-съ, Дмитрія Ѳедоровича. Вотъ они встанутъ теперь, Ѳедоръ Павловичъ, и начнутъ сейчасъ приставать ко мнѣ каждую минуту: „Что̀ не пришла? Зачѣмъ не пришла?“—и такъ вплоть до полуночи, даже и за полночь. А коль Аграфена Александровна не придетъ (потому что онѣ, пожалуй, совсѣмъ и не намѣрены вовсе никогда придти-съ), то накинутся на меня опять завтра поутру: „Зачѣмъ не пришла? Отчего не пришла? Когда придетъ?“ — точно я въ этомъ въ чемъ предъ ними выхожу виноватъ. Съ другой стороны, такая статья-съ, какъ только сейчасъ смеркнется, да и раньше того, братецъ вашъ съ оружьемъ въ рукахъ явится по сосѣдству: „Смотри, дескать, шельма, бульйонщикъ: проглядишь ее у меня и не дашь мнѣ знать, что пришла— убью тебя прежде всякаго“. Пройдетъ ночь, на утро и они тоже, какъ и Ѳедоръ Павловичъ, мучительски мучить меня начнутъ: „зачѣмъ не пришла, скоро-ль покажется“,— и точно я опять-таки и предъ ними виноватъ выхожу-съ, въ томъ, что ихняя госпожа не явилась. И до того съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ все дальше серчаютъ оба-съ, что думаю, иной часъ, отъ страху самъ жизни себя лишить-съ. Я, сударь, на нихъ не надѣюсь-съ.

— А зачѣмъ ввязался? Зачѣмъ Дмитрію Ѳедоровичу

сталъ переносить? раздражительно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— А какъ бы я не ввязался-съ? Да я и не ввязывался вовсе, если хотите знать въ полной точности-съ. Я съ самаго начала все молчалъ, возражать не смѣя, а они сами опредѣлили мнѣ своимъ слугой—Личардой при нихъ состоять. Только и знаютъ съ тѣхъ поръ одно слово: „Убью тебя, шельму, если пропустишь!“ Навѣрно полагаю, сударь, что со мной завтра длинная падучая приключится.

— Какая такая длинная падучая?

— Длинный припадокъ такой-съ, чрезвычайно длинный-съ. Нѣсколько часовъ-съ, али, пожалуй, день и другой продолжается-съ. Разъ со мной продолжалось это дня три, упалъ съ чердака тогда. Перестанетъ бить, а потомъ зачнетъ опять; и я всѣ три дня не могъ въ разумъ войти. За Герценштубе, за здѣшнимъ докторомъ, тогда Ѳедоръ Павловичъ посылали-съ, такъ тотъ льду къ темени прикладывалъ, да еще одно средство употребилъ... Помереть бы могъ-съ.

— Да вѣдь, говорятъ, падучую нельзя заранѣе предузнать, что вотъ въ такой-то часъ будетъ. Какъ же ты говоришь, что завтра придетъ? съ особеннымъ и раздражительнымъ любопытствомъ освѣдомился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Это точно, что нельзя предузнать-съ.

— Къ тому же ты тогда упалъ съ чердака.

— На чердакъ каждый день лазаю-съ, могу и завтра упасть съ чердака. А не съ чердака, такъ въ погребъ упаду-съ, въ погребъ тоже каждый день хожу-съ, по своей надобности-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ длинно посмотрѣлъ на него.

— Плетешь ты, я вижу, и я тебя что-то не понимаю, тихо, но какъ-то грозно проговорилъ онъ:—притвориться, что-ли, ты хочешь завтра на три дня въ падучей? А?

Смердяковъ, смотрѣвшій въ землю и игравшій опять носочкомъ правой ноги, поставилъ правую ногу на мѣсто, вмѣсто нея выставилъ впередъ лѣвую, поднялъ голову и, усмѣхнувшись, произнесъ:

— Если бы я даже эту самую штуку и могъ-съ, то-есть чтобы притвориться-съ, и такъ какъ ее сдѣлать совсѣмъ не трудно опытному человѣку, то и тутъ я въ полномъ правѣ моемъ это средство употребить для спасенія жизни моей отъ смерти; ибо когда я въ болѣзни лежу, то хотя бы Аграфена Александровна пришла къ ихнему родителю,

не могутъ они тогда съ больного человѣка спросить: „зачѣмъ не донесъ“. Сами постыдятся.

— Э, чортъ! вскинулся вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ съ перекосившимся отъ злобы лицомъ.—Что̀ ты все объ своей жизни трусишь! Всѣ эти угрозы брата Дмитрія только азартныя слова и больше ничего. Не убьетъ онъ тебя; убьетъ, да не тебя!

— Убьетъ какъ муху-съ, и прежде всего меня-съ. А пуще того я другого боюсь: чтобы меня въ ихъ сообществѣ не сочли, когда что̀ нелѣпое надъ родителемъ своимъ учинятъ.

— Почему тебя сочтутъ сообщникомъ?

— Потому сочтутъ сообщникомъ, что я имъ эти самые знаки въ секретѣ большомъ сообщилъ-съ.

— Какіе знаки? Кому сообщилъ? Чортъ тебя побери, говори яснѣе!

— Долженъ совершенно признаться, съ педантскимъ спокойствіемъ тянулъ Смердяковъ,—что тутъ есть одинъ секретъ у меня съ Ѳедоромъ Павловичемъ. Они, какъ сами изволите знать (если только изволите это знать), уже нѣсколько дней, какъ, то-есть, ночь али даже вечеръ, такъ тотчасъ сызнутри и запрутся! Вы каждый разъ стали подъ конецъ возвращаться рано къ себѣ на верхъ, а вчера такъ и совсѣмъ никуда не выходили-съ, а потому, можетъ, и не знаете, какъ они старательно начали теперь запираться на ночь. И приди хоть самъ Григорій Васильевичъ, такъ они, развѣ что по голосу убѣдясь, ему отопрутъ-съ. Но Григорій Васильевичъ не приходитъ-съ, потому служу имъ теперь въ комнатахъ одинъ я-съ, — такъ они сами опредѣлили съ той самой минуты, какъ начали эту затѣю съ Аграфеной Александровной, а на ночь такъ и я теперь, по ихнему распоряженію, удаляюсь и ночую во флигелѣ, съ тѣмъ, чтобы до полночи мнѣ не спать, а дежурить, вставать и дворъ обходить, и ждать, когда Аграфена Александровна придутъ-съ, такъ какъ они вотъ уже нѣсколько дней ея ждутъ, словно какъ помѣшанные. Разсуждаютъ же они такъ-съ: она, говорятъ, его боится, Дмитрія-то Ѳедоровича (они его Митькой зовутъ-съ), а потому ночью попозже задами ко мнѣ пройдетъ; ты же, говоритъ, ее сторожи до самой полночи и больше. И если она придетъ, то ты къ дверямъ подбѣги и постучи мнѣ въ дверь, аль въ окно изъ саду рукой два первые раза потише, этакъ: разъ-два, а потомъ сейчасъ три раза по-

скорѣе: тукъ-тукъ-тукъ. Вотъ, говорятъ, я и пойму сейчасъ, что это она пришла, и отопру тебѣ дверь потихоньку. Другой знакъ сообщили мнѣ на тотъ случай, если что̀ экстренное произойдетъ: сначала два раза скоро: тукъ-тукъ, а потомъ, обождавъ, еще одинъ разъ гораздо крѣпче. Вотъ они и поймутъ, что нѣчто случилось внезапное и что оченно надо мнѣ ихъ видѣть, и тоже мнѣ отопрутъ, а я пойду и доложу. Все на тотъ случай, что Аграфена Александровна можетъ сама не придти, а пришлетъ о чемъ-нибудь извѣстить; окромя того, Дмитрій Ѳедоровичъ тоже могутъ придти, такъ и о немъ извѣстить, что онъ близко. Оченно боятся они Дмитрія Ѳедоровича, такъ что если бы даже Аграфена Александровна уже пришла и они бы съ ней заперлись, а Дмитрій Ѳедоровичъ, тѣмъ временемъ гдѣ появится близко, такъ и тутъ безпремѣнно обязанъ я имъ тотчасъ о томъ доложить, постучавши три раза, такъ что первый-то знакъ въ пять стуковъ означаетъ: „Аграфена Александровна пришли“, а второй знакъ въ три стука — „оченно дескать надоть“; такъ сами по нѣскольку разъ на примѣрѣ меня учили и разъяснили. А такъ какъ во всей вселенной о знакахъ этихъ знаютъ всего лишь я да они-съ, такъ они безо всякаго уже сумлѣнія и нисколько не окликая (вслухъ окликать они очень боятся) и отопрутъ. Вотъ эти самые знаки Дмитрію Ѳедоровичу теперь и стали извѣстны.

— Почему извѣстны? Передалъ ты? Какъ же ты смѣлъ передать?

— Отъ этого самаго страху-съ. И какъ же бы я смѣлъ умолчать предъ ними-съ? Дмитрій Ѳедоровичъ каждый день напирали: „Ты меня обманываешь, ты отъ меня что̀ скрываешь? Я тебѣ обѣ ноги сломаю!“ Тутъ я имъ эти самые секретные знаки и сообщилъ, чтобы видѣли, по крайности, мое раболѣпіе и тѣмъ самымъ удостовѣрились, что ихъ не обманываю, а всячески имъ доношу.

— Если думаешь, что онъ этими знаками воспользуется и захочетъ войти, то ты его не пускай.

— А коли я самъ въ припадкѣ буду лежать-съ, какъ же я тогда не пущу-съ, если бъ я даже и могъ осмѣлиться ихъ не пустить-съ, зная ихъ столь отчаянными-съ.

— Э, чортъ возьми! Почему ты такъ увѣренъ, что придетъ падучая, чортъ тебя побери? Смѣешься ты надо мной, али нѣтъ?

— Какъ же бы я посмѣлъ надъ вами смѣяться, и до

смѣху ли, когда такой страхъ? Предчувствую, что будетъ падучая, предчувствіе такое имѣю, отъ страху отъ одного и придетъ-съ.

— Э, чортъ! Коли ты будешь лежать, то сторожить будетъ Григорій. Предупреди заранѣе Григорія, ужъ онъ-то его не пуститъ.

— Про знаки я Григорію Васильевичу безъ приказанія барина не смѣю никоимъ образомъ сообщить-съ. А касательно того, что Григорій Васильевичъ ихъ услышитъ и не пуститъ, такъ они какъ разъ сегодня со вчерашняго расхворались, а Мароа Игнатьевна ихъ завтра лѣчить намѣреваются. Такъ давеча и условились. А лѣченіе это у нихъ весьма любопытное-съ: настойку такую Мароа Игнатьевна знаютъ-съ и постоянно держатъ; крѣпкую, на какой-то травѣ, секретомъ такимъ обладаютъ-съ. А лѣчатъ они этимъ секретнымъ лѣкарствомъ Григорія Васильевича раза по три въ годъ-съ, когда у того поясница отнимается вся-съ, въ родѣ какъ бы съ нимъ параличъ-съ, раза по три въ годъ-съ. Тогда онѣ берутъ полотенце-съ, мочатъ въ этотъ настой и всю-то ему спину Мароа Игнатьевна третъ полчаса-съ, до суха-съ, совсѣмъ даже покраснѣетъ и вспухнетъ-съ, а затѣмъ остальное, что въ склянкѣ, даютъ ему выпить-съ съ нѣкоторою молитвою-съ, не все, однакожъ, потому что часть малую при семъ рѣдкомъ случаѣ и себѣ оставляютъ-съ и тоже выпиваютъ-съ. И оба, я вамъ скажу, какъ не пьющіе, такъ тутъ и свалятся-съ и спятъ очень долгое время крѣпко-съ; и какъ проснется Григорій Васильевичъ, то всегда почти послѣ того здоровъ-съ, а Мароа Игнатьевна проснется и у нея всегда послѣ того голова болитъ-съ. Такъ вотъ, если завтра Мароа Игнатьевна свое это намѣреніе исполнитъ-съ, такъ врядъ ли имъ что услыхать-съ и Дмитрія Ѳедоровича не допуститъ-съ. Спать будутъ-съ.

— Что за ахинея! И все это какъ нарочно такъ сразу и сойдется: и у тебя падучая, и тѣ оба безъ памяти! прокричалъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Да ты самъ ужъ не хочешь ли такъ подвести, чтобы сошлось? вырвалось у него вдругъ, и онъ грозно нахмурилъ брови.

— Какъ же бы я такъ подвелъ-съ... и для чего подводить, когда все тутъ отъ Дмитрія Ѳедоровича одного и зависитъ-съ, и отъ однѣхъ его мыслей-съ... Захотятъ они что учинить—учинятъ-съ, а нѣтъ, такъ не я же нарочно ихъ приведу, чтобы къ родителю ихъ втолкнуть.

— А зачѣмъ ему къ отцу приходить, да еще потихоньку, если, какъ ты самъ говоришь, Аграфена Александровна и совсѣмъ не придетъ, продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ, блѣднѣя отъ злобы.—Самъ же ты это говоришь, да и я все время, тутъ живя, былъ увѣренъ, что старикъ только фантазируетъ и что не придетъ къ нему эта тварь. Зачѣмъ же Дмитрію врываться къ старику, если та не придетъ? Говори! Я хочу твои мысли знать.

— Сами изволите знать зачѣмъ придутъ, къ чему же тутъ мои мысли? Придутъ по единой ихней злобѣ, али по своей мнительности, въ случаѣ, примѣрно, моей болѣзни, усомнятся и пойдутъ съ нетерпѣнія искать въ комнаты, какъ вчерашній разъ: не прошла ли, дескать, она какъ-нибудь отъ нихъ потихоньку. Имъ совершенно тоже извѣстно, что у Ѳедора Павловича конвертъ большой приготовленъ, а въ немъ три тысячи запечатаны, подъ тремя печатями-съ, обвязано ленточкою и надписано собственною ихъ рукой: „ангелу моему, Грушенькѣ, если захочетъ прійти", а потомъ, дня три спустя, подписали еще „и цыпленочку". Такъ вотъ это-то и сомнительно-съ.

— Вздоръ! крикнулъ Иванъ Ѳедоровичъ, почти въ изступленіи. — Дмитрій не пойдетъ грабить деньги, да еще убивать при этомъ отца. Онъ могъ вчера убить его за Грушеньку, какъ изступленный злобный дуракъ, но грабить не пойдетъ!

— Имъ очень теперь нужны деньги-съ, до послѣдней крайности нужны, Иванъ Ѳедоровичъ. Вы даже не знаете сколь нужны, чрезвычайно спокойно и съ замѣчательною отчетливостью изъяснилъ Смердяковъ. — Эти самыя три тысячи-съ они къ тому же считаютъ какъ бы за свои собственныя и такъ сами мнѣ изъяснили: „мнѣ, говорятъ, родитель остается еще три тысячи ровно долженъ". А ко всему тому разсудите, Иванъ Ѳедоровичъ, и нѣкоторую чистую правду-съ: вѣдь это почти что навѣрно такъ, надо сказать-съ, что Аграфена Александровна, если только захотятъ онѣ того сами, то непремѣнно заставятъ ихъ на себѣ жениться, самого барина то-есть, Ѳедора Павловича-съ, если только захотятъ-съ,—ну, а вѣдь они можетъ быть и захотятъ-съ. Вѣдь я только такъ говорю, что она не придетъ, а она, можетъ быть, и болѣе того захочетъ-съ, то-есть прямо барыней сдѣлаться. Я самъ знаю, что ихъ купецъ Самсоновъ говорили ей самой со всею откровен-

ностью, что это дѣло будетъ весьма неглупое, и притомъ смѣялись. А онѣ сами умомъ очень не глупыя-съ. Имъ за голыша, каковъ есть Дмитрій Ѳедоровичъ, выходить не стать-съ. Такъ вотъ теперь это взямши, разсудите сами, Иванъ Ѳедоровичъ, что тогда ни Дмитрію Ѳедоровичу, ни даже вамъ-съ съ братцемъ вашимъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, ужъ ничего-то ровно послѣ смерти родителя не останется, ни рубля-съ, потому что Аграфена Александровна для того и выйдутъ за нихъ, чтобы все на себя отписать и какіе ни на есть капиталы на себя перевести-съ. А помри вашъ родитель теперь, пока еще этого нѣтъ ничего-съ, то всякому изъ васъ по сорока тысячъ вѣрныхъ придется тотчасъ-съ, даже и Дмитрію Ѳедоровичу, котораго они такъ ненавидятъ-съ, такъ какъ завѣщанія у нихъ вѣдь не сдѣлано-съ... Это все отмѣнно Дмитрію Ѳедоровичу извѣстно.

Что-то какъ бы перекосилось и дрогнуло въ лицѣ Ивана Ѳедоровича. Онъ вдругъ покраснѣлъ.

— Такъ зачѣмъ же ты, перебилъ онъ вдругъ Смердякова,—послѣ всего этого въ Чермашню мнѣ совѣтуешь ѣхать? Что̀ ты этимъ хотѣлъ сказать? Я ѣду, и у васъ вотъ что̀ произойдетъ.

Иванъ Ѳедоровичъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Совершенно вѣрно-съ, тихо и разсудительно проговорилъ Смердяковъ, пристально, однакоже, слѣдя за Иваномъ Ѳедоровичемъ.

— Какъ совершенно вѣрно? переспросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, съ усиліемъ сдерживая себя и грозно сверкая глазами.

— Я говорилъ васъ жалѣючи. На вашемъ мѣстѣ, если бы только тутъ я, такъ все бы это тутъ же бросилъ... чѣмъ у такого дѣла сидѣть-съ... отвѣтилъ Смердяковъ, съ самымъ открытымъ видомъ смотря на сверкающіе глаза Ивана Ѳедоровича.

Оба помолчали.

— Ты, кажется, большой идіотъ и, ужъ, конечно... страшный мерзавецъ! всталъ вдругъ со скамейки Иванъ Ѳедоровичъ.

Затѣмъ тотчасъ же хотѣлъ было пройти въ калитку, но вдругъ остановился и повернулся къ Смердякову. Произошло что-то странное: Иванъ Ѳедоровичъ внезапно, какъ бы въ судорогѣ, закусилъ губу, сжалъ кулаки и— еще мгновеніе, конечно, бросился бы на Смердякова.

Тотъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтилъ въ тотъ же мигъ, вздрогнулъ и отдернулся всѣмъ тѣломъ назадъ. Но мгновеніе прошло для Смердякова благополучно и Иванъ Ѳедоровичъ молча, но какъ бы въ какомъ-то недоумѣніи, повернулъ въ калитку.

— Я завтра въ Москву уѣзжаю, если хочешь это знать,—завтра рано утромъ,—вотъ и все! со злобою, раздѣльно и громко вдругъ проговорилъ онъ, самъ себѣ потомъ удивляясь, какимъ образомъ понадобилось ему тогда это сказать Смердякову.

— Самое это лучшее-съ, подхватилъ тотъ, точно и ждалъ того,—только развѣ то, что изъ Москвы васъ могутъ по телеграфу отсюда обезпокоить-съ, въ какомъ-либо такомъ случаѣ-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ опять остановился и опять быстро повернулся къ Смердякову. Но и съ тѣмъ точно что̀ случилось. Вся фамильярность и небрежность его соскочили мгновенно; все лицо его выразило чрезвычайное вниманіе и ожиданіе, но уже робкое и подобострастное: „Не скажешь-ли, дескать, еще чего, не прибавишь-ли“, такъ и читалось въ его пристальномъ, такъ и впившемся въ Ивана Ѳедоровича, взглядѣ.

— А изъ Чермашни развѣ не вызвали бы тоже... въ какомъ-нибудь такомъ случаѣ? завопилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ, неизвѣстно для чего вдругъ ужасно возвысивъ голосъ.

— Тоже-съ и изъ Чермашни-съ... обезпокоятъ-съ... пробормоталъ Смердяковъ почти шопотомъ, точно какъ бы потерявшись, но пристально-пристально продолжая смотрѣть Ивану Ѳедоровичу прямо въ глаза.

— Только Москва дальше, а Чермашня ближе, такъ ты о прогонныхъ деньгахъ жалѣешь, что-ли, настаивая въ Чермашню, аль меня жалѣешь, что я крюкъ большой сдѣлаю?

— Совершенно вѣрно-съ... пробормоталъ уже пресѣкшимся голосомъ Смердяковъ, гнусно улыбаясь и опять судорожно приготовившись во-время отпрыгнуть назадъ.

Но Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ, къ удивленію Смердякова, засмѣялся и быстро прошелъ въ калитку, продолжая смѣяться. Кто взглянулъ бы на его лицо, тотъ навѣрно заключилъ бы, что засмѣялся онъ вовсе не оттого, что было такъ весело. Да и самъ онъ ни за что̀ не объяснилъ бы, что̀ было тогда съ нимъ, въ ту минуту. Двигался и шелъ онъ точно судорогой.

VII.

„Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно“.

Да и говорилъ тоже. Встрѣтивъ Ѳедора Павловича въ залѣ, только что войдя, онъ вдругъ закричалъ ему, махая руками: „Я къ себѣ на верхъ, а не къ вамъ, до свиданія“, и прошелъ мимо, даже стараясь не взглянуть на отца. Очень можетъ быть, что старикъ слишкомъ былъ ему въ эту минуту ненавистенъ, но такое безцеремонное проявленіе враждебнаго чувства даже и для Ѳедора Павловича было неожиданнымъ. А старикъ и впрямь видно хотѣлъ ему что-то поскорѣй сообщить, для чего нарочно и вышелъ встрѣтить его въ залу; услышавъ же такую любезность, остановился молча и съ насмѣшливымъ видомъ прослѣдилъ сынка глазами на лѣстницу въ мезонинъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ скрылся изъ виду.

— Чего это онъ? быстро спросилъ онъ вошедшаго вслѣдъ за Иваномъ Ѳедоровичемъ Смердякова.

— Сердятся на что-то-съ, кто ихъ разберетъ, пробормоталъ тотъ уклончиво.

— А и чортъ! Пусть сердится. Подавай самоваръ и скорѣй самъ убирайся, живо. Нѣтъ ли чего новаго?

Тутъ начались разспросы именно изъ такихъ, на которые Смердяковъ сейчасъ жаловался Ивану Ѳедоровичу, то-есть все насчетъ ожидаемой посѣтительницы, и мы эти разспросы здѣсь опустимъ. Чрезъ полчаса домъ былъ запертъ и помѣшанный старикашка похаживалъ одинъ по комнатамъ, въ трепетномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ раздадутся пять условныхъ стуковъ, изрѣдка заглядывая въ темныя окна и ничего въ нихъ не видя, кромѣ ночи.

Было уже очень поздно, а Иванъ Ѳедоровичъ все не спалъ и соображалъ. Поздно онъ легъ въ эту ночь, часа въ два. Но мы не станемъ передавать все теченіе его мыслей, да и не время намъ входить въ эту душу: этой душѣ свой чередъ. И даже если бъ и попробовали что передать, то было бы очень мудрено это сдѣлать, потому что были не мысли, а было что-то очень неопредѣленное, а главное—слишкомъ взволнованное. Самъ онъ чувствовалъ, что потерялъ всѣ свои концы. Мучили его тоже разныя странныя и почти неожиданныя совсѣмъ желанія, напримѣръ: ужъ послѣ полночи ему вдругъ настоятельно и нестерпимо хотѣлось сойти внизъ, отпереть дверь, пройти во флигель и избить Смердякова, но спро-

сили бы вы за что̀, и самъ онъ рѣшительно не сумѣлъ бы изложить ни одной причины въ точности, кромѣ той развѣ, что сталъ ему этотъ лакей ненавистенъ, какъ самый тяжкій обидчикъ, какого только можно пріискать на свѣтѣ. Съ другой стороны, не разъ охватывала въ эту ночь его душу какая-то необъяснимая и унизительная робость, отъ которой онъ,—онъ это чувствовалъ,—даже какъ бы терялъ вдругъ физическія силы. Голова его болѣла и кружилась. Что-то ненавистное щемило его душу, точно онъ собирался мстить кому. Ненавидѣлъ онъ даже Алешу, вспоминая давешній съ нимъ разговоръ, ненавидѣлъ очень минутами и себя. О Катеринѣ Ивановнѣ онъ почти что и думать забылъ, и много этому потомъ удивлялся, тѣмъ болѣе, что самъ твердо помнилъ, какъ еще вчера утромъ, когда онъ такъ размашисто похвалился у Катерины Ивановны, что завтра уѣдетъ въ Москву,—въ душѣ своей тогда же шепнулъ про себя: „а вѣдь вздоръ, не поѣдешь, и не такъ тебѣ будетъ легко оторваться, какъ ты теперь фанфаронишь“. Припоминая потомъ, долго спустя, эту ночь, Иванъ Ѳедоровичъ съ особеннымъ отвращеніемъ вспоминалъ, какъ онъ вдругъ, бывало, вставалъ съ дивана и тихонько, какъ бы страшно боясь, чтобы не подглядѣли за нимъ, отворялъ двери, выходилъ на лѣстницу и слушалъ внизъ, въ нижнія комнаты, какъ шевелился и похаживалъ тамъ внизу Ѳедоръ Павловичъ, слушалъ—подолгу, минутъ по пяти, со страннымъ какимъ-то любопытствомъ, затаивъ духъ, и съ біеніемъ сердца, а для чего онъ все это продѣлывалъ, для чего слушалъ—конечно, и самъ не зналъ. Этотъ „поступокъ“ онъ всю жизнь свою потомъ называлъ „мерзкимъ“ и всю жизнь свою считалъ, глубоко про себя, въ тайникахъ души своей—самымъ подлымъ поступкомъ изо всей своей жизни. Къ самому же Ѳедору Павловичу онъ не чувствовалъ въ тѣ минуты никакой даже ненависти, а лишь любопытствовалъ почему-то изо всѣхъ силъ: какъ онъ тамъ внизу ходитъ, что̀ онъ, примѣрно, тамъ у себя теперь долженъ дѣлать, предугадывалъ и соображалъ, какъ онъ долженъ былъ тамъ внизу заглядывать въ темныя окна и вдругъ останавливаться среди комнаты и ждать, ждать—не стучитъ ли кто. Выходилъ Иванъ Ѳедоровичъ для этого занятія на лѣстницу раза два. Когда все затихло и уже улегся и Ѳедоръ Павловичъ, часовъ около двухъ, улегся и Иванъ Ѳедоровичъ съ твердымъ

желаніемъ поскорѣе заснуть, такъ какъ чувствовалъ себя страшно измученнымъ. И впрямь: заснулъ онъ вдругъ крѣпко и спалъ безъ сновъ, но проснулся рано, часовъ въ семь, когда уже разсвѣло. Раскрывъ глаза, къ изумленію своему, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ приливъ какой-то необычайной энергіи, быстро вскочилъ и быстро одѣлся, затѣмъ вытащилъ свой чемоданъ и, не медля, поспѣшно началъ его укладывать. Бѣлье какъ разъ еще вчера утромъ получилось все отъ прачки. Иванъ Ѳедоровичъ даже усмѣхнулся при мысли, что такъ все оно сошлось, что нѣтъ никакой задержки внезапному отъѣзду. А отъѣздъ выходилъ дѣйствительно внезапный. Хотя Иванъ Ѳедоровичъ и говорилъ вчера (Катеринѣ Ивановнѣ, Алешѣ и потомъ Смердякову), что завтра уѣдетъ, но, ложась вчера спать, онъ очень хорошо помнилъ, что въ ту минуту и не думалъ объ отъѣздѣ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не мыслилъ, что поутру, проснувшись, первымъ движеніемъ бросится укладывать чемоданъ. Наконецъ, чемоданъ и сакъ были готовы: было уже около девяти часовъ, когда Марѳа Игнатьевна взошла къ нему съ обычнымъ ежедневнымъ вопросомъ: „Гдѣ изволите чай кушать, у себя, аль сойдете внизъ?“ Иванъ Ѳедоровичъ сошелъ внизъ, видъ имѣлъ почти что веселый, хотя было въ немъ, въ словахъ и въ жестахъ его, нѣчто какъ бы раскидывающееся и торопливое. Привѣтливо поздоровавшись съ отцомъ, и даже особенно навѣдавшись о здоровьѣ, онъ, не дождавшись, впрочемъ, окончанія отвѣта родителя, разомъ объявилъ, что чрезъ часъ уѣзжаетъ въ Москву, совсѣмъ, и проситъ послать за лошадьми. Старикъ выслушалъ сообщеніе безъ малѣйшаго удивленія, пренеприлично позабывъ поскорбѣть объ отъѣздѣ сынка; вмѣсто того, вдругъ чрезвычайно захлопоталъ, вспомнивъ какъ разъ кстати одно насущное собственное дѣло.

— Ахъ ты! Экой! Не сказалъ вчера... ну, да все равно, и сейчасъ уладимъ. Сдѣлай ты мнѣ милость великую, отецъ ты мой родной, заѣзжай въ Чермашню. Вѣдь тебѣ съ Воловьей станціи всего только влѣво свернуть, всего двѣнадцать какихъ-нибудь версточекъ, и вотъ она, Чермашня.

— Помилуйте, не могу: до желѣзной дороги восемьдесятъ верстъ, а машина уходитъ со станціи въ Москву въ семь часовъ вечера — ровно только чтобъ поспѣть.

— Поспѣешь завтра, не то послѣ-завтра, а сегодня сверни въ Чермашню. Чего тебѣ стоитъ родителя успокоить! Если бы здѣсь не дѣла, я самъ давно слеталъ бы, потому что штука-то тамъ спѣшная и чрезвычайная, а здѣсь у меня... время теперь не такое... Видишь, тамъ эта роща моя, въ двухъ участкахъ въ Бегичевѣ, да въ Дячкинѣ, въ пустошахъ. Масловы, старикъ съ сыномъ, купцы, всего восемь тысячъ даютъ на срубъ, а всего только прошлаго года покупщикъ нарывался, такъ двѣнадцать давалъ, да не здѣшній, вотъ гдѣ черта. Потому, у здѣшнихъ теперь сбыту нѣтъ: кулачатъ Масловы стецъ съ сыномъ стотысячники: что положатъ, то и бери, а изъ здѣшнихъ никто и не смѣетъ противъ нихъ тягаться. А Ильинскій батюшка вдругъ отписалъ сюда въ прошлый четвергъ, что пріѣхалъ Горсткинъ, тоже купчишка, знаю я его, только драгоцѣнность-то въ томъ, что не здѣшній, а изъ Погребова, значитъ, не боится онъ Масловыхъ, потому, не здѣшній. Одиннадцать тысячъ, говоритъ, за рощу дамъ, слышишь? А пробудетъ онъ здѣсь, пишетъ батюшка, еще-то всего лишь недѣлю. Такъ вотъ бы ты поѣхалъ, да съ нимъ и сговорился...

— Такъ вы напишите батюшкѣ, тотъ и сговорится.

— Не умѣетъ онъ, тутъ штука. Этотъ батюшка смотрѣть не умѣетъ. Золото человѣкъ, я ему сейчасъ двадцать тысячъ вручу безъ расписки на сохраненіе, а смотрѣть ничего не умѣетъ, какъ бы и не человѣкъ вовсе, ворона обманетъ. А вѣдь ученый человѣкъ, представь себѣ это. Этотъ Горсткинъ на видъ мужикъ, въ синей поддевкѣ, только характеромъ онъ совершенный подлецъ, въ этомъ-то и бѣда наша общая: онъ лжетъ, вотъ черта. Иной разъ такъ налжетъ, что только дивишься, зачѣмъ это онъ. Налгалъ третьяго года, что жена у него умерла и что онъ уже женатъ на другой, и ничего этого не было, представь себѣ: никогда жена его не умирала, живетъ и теперь и его бьетъ каждые три дня по разу. Такъ вотъ и теперь надо узнать: лжетъ аль правду говоритъ, что хочетъ купить и одиннадцать тысячъ дать?

— Такъ вѣдь и я тутъ ничего не сдѣлаю, у меня тоже глазу нѣтъ.

— Стой, подожди, годишься и ты, потому я тебѣ всѣ примѣты его сообщу, Горсткина-то, я съ нимъ дѣла уже давно имѣю. Видишь: ему на бороду надо глядѣть: бороденка у него рыженькая, гаденькая, тоненькая. Коли

бороденка трясется, а самъ онъ говоритъ да сердится — значитъ, ладно, правду говоритъ, хочетъ дѣло дѣлать; а коли бороду гладитъ лѣвою рукой, а самъ посмѣивается,— ну, значитъ, надуть хочетъ, плутуетъ. Въ глаза ему никогда не гляди, по глазамъ ничего не разберешь, темна вода, плутъ,—гляди на бороду. Я тебѣ къ нему записку дамъ, а ты покажи. Онъ Горсткинъ, только онъ не Горсткинъ, а Лягавый, такъ ты ему не говори, что онъ Лягавый, обидится. Коли сговоришься съ нимъ и увидишь, что ладно, тотчасъ и отпиши сюда. Только это и напиши: „не лжетъ, дескать". Стой на одиннадцати, одну тысячку можешь спустить, больше не спускай. Подумай: восемь и одиннадцать — три тысячи разницы. Эти я три тысячи ровно какъ нашелъ, скоро ли покупщика достанешь, а деньги до зарѣзу нужны. Дашь знать, что серьезно, тогда я самъ ужъ отсюда слетаю и кончу, какъ-нибудь урву время. А теперь чего я туда поскачу, если все это батька выдумалъ? Ну, ѣдешь или нѣтъ?

— Э, некогда, избавьте.

— Эхъ, одолжи отца, припомню! Безъ сердца вы всѣ, вотъ что́! Чего тебѣ день или два? Куда ты теперь, въ Венецію? Не развалится твоя Венеція въ два-то дня. Я Алешку послалъ бы, да вѣдь что̀ Алешка въ этихъ дѣлахъ? Я вѣдь единственно потому, что ты умный человѣкъ, развѣ я не вижу. Лѣсомъ не торгуешь, а глазъ имѣешь. Тутъ только чтобы видѣть: въ-серьезъ или нѣтъ человѣкъ говоритъ. Говорю, гляди на бороду: трясется бороденка — значитъ, въ-серьезъ.

— Сами жъ вы меня въ Чермашню эту проклятую толкаете, а? вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, злобно усмѣхнувшись.

Ѳедоръ Павловичъ злобы не разглядѣлъ или не хотѣлъ разглядѣть, а усмѣшку подхватилъ:

— Значитъ, ѣдешь, ѣдешь? Сейчасъ тебѣ записку настрочу.

— Не знаю, поѣду ли, не знаю, дорогой рѣшу.

— Что̀ дорогой, рѣши сейчасъ. Голубчикъ, рѣши! Сговоришься, напиши мнѣ двѣ строчки, вручи батюшкѣ и онъ мнѣ мигомъ свою цидулку пришлетъ. А затѣмъ и не держу тебя, ступай въ Венецію. Тебя обратно на Воловью станцію батюшка на своихъ доставитъ...

Старикъ былъ просто въ восторгѣ, записку настрочилъ, послали за лошадьми, подали закуску, коньякъ. Когда

старикъ бывалъ радъ, то всегда начиналъ экспансивничать, но на этотъ разъ онъ какъ бы сдерживался. Про Дмитрія Ѳедоровича, напримѣръ, не произнесъ ни единаго словечка. Разлукой же совсѣмъ не былъ тронутъ. Даже какъ бы и не находилъ о чемъ говорить; и Иванъ Ѳедоровичъ это очень замѣтилъ:

„Надоѣлъ же я ему, однако", подумалъ онъ про себя.

Только провожая сына уже съ крыльца, старикъ немного какъ бы заметался, полѣзъ было лобызаться. Но Иванъ Ѳедоровичъ поскорѣе протянулъ ему для пожатія руку, видимо отстраняя лобзанія. Старикъ тотчасъ понялъ и вмигъ осадилъ себя.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ! повторялъ онъ съ крыльца. — Вѣдь пріѣдешь еще когда въ жизни-то? Ну, и пріѣзжай, всегда буду радъ. Ну, Христосъ съ тобою!

Иванъ Ѳедоровичъ влѣзъ въ тарантасъ.

— Прощай, Иванъ, очень-то не брани! крикнулъ въ послѣдній разъ отецъ.

Провожать вышли всѣ домашніе: Смердяковъ, Марѳа и Григорій. Иванъ Ѳедоровичъ подарилъ всѣмъ по десяти рублей. Когда уже онъ усѣлся въ тарантасъ, Смердяковъ подскочилъ поправить коверъ.

— Видишь... въ Чермашню ѣду... какъ-то вдругъ вырвалось у Ивана Ѳедоровича, опять какъ вчера, такъ само собою слетѣло, да еще съ какимъ-то нервнымъ смѣшкомъ.

Долго онъ это вспоминалъ потомъ.

— Значитъ, правду говорятъ люди, что съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно, твердо отвѣтилъ Смердяковъ, проникновенно глянувъ на Ивана Ѳедоровича.

Тарантасъ тронулся и помчался. Въ душѣ путешественника было смутно, но онъ жадно глядѣлъ кругомъ на поля, на холмы, на деревья, на стаю гусей, пролетавшую надъ нимъ высоко по ясному небу. И вдругъ ему стало такъ хорошо. Онъ попробовалъ заговорить съ извозчикомъ и его ужасно что-то заинтересовало изъ того, что̀ отвѣтилъ ему мужикъ, но чрезъ минуту сообразилъ, что все мимо ушей пролетѣло и что онъ, по правдѣ, и не понялъ того, что̀ мужикъ отвѣтилъ. Онъ замолчалъ, хорошо было и такъ: воздухъ чистый, свѣжій, холодноватый, небо ясное. Мелькнули было въ умѣ его образы Алеши и Катерины Ивановны: но онъ тихо усмѣхнулся и тихо дунулъ на милые призраки, и они отлетѣли.

„Будетъ еще ихъ время", подумалъ онъ.

Станцію отмахали быстро, перемѣнили лошадей и помчались на Воловью.

„Почему съ умнымъ человѣкомъ поговорить любопытно, что̀ онъ этимъ хотѣлъ сказать?“ вдругъ такъ и захватило ему духъ. — „А я зачѣмъ доложилъ ему, что въ Чермашню ѣду?“

Доскакали до Воловьей станціи. Иванъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ тарантаса и ямщики его обступили. Рядились въ Чермашню, двѣнадцать верстъ проселкомъ, на вольныхъ. Онъ велѣлъ впрягать. Вошелъ было въ станціонный домъ, оглядѣлся кругомъ, взглянулъ было на смотрительшу и вдругъ вышелъ обратно на крыльцо.

— Не надо въ Чермашню. Не опоздаю, братцы, къ семи часамъ на желѣзную дорогу?

— Какъ разъ потрафимъ. Запрягать, что ли?

— Впрягай мигомъ. Не будетъ ли кто завтра изъ васъ въ городѣ?

— Какъ не быть, вотъ Митрій будетъ.

— Не можешь ли, Митрій, услугу оказать? Зайди ты къ отцу моему, Ѳедору Павловичу Карамазову, и скажи ты ему, что я въ Чермашню не поѣхалъ. Можешь, аль нѣтъ?

— Почему не зайти, зайдемъ; Ѳедора Павловича очень давно знаемъ.

— А вотъ тебѣ и на чай, потому онъ тебѣ, пожалуй, не дастъ... весело засмѣялся Иванъ Ѳедоровичъ.

— А и впрямь не дадутъ, засмѣялся и Митрій.—Спасибо, сударь, непремѣнно выполнимъ...

Въ семь часовъ вечера Иванъ Ѳедоровичъ вошелъ въ вагонъ и полетѣлъ въ Москву.

„Прочь все прежнее, кончено съ прежнимъ міромъ навѣки, и чтобы не было изъ него ни вѣсти, ни отзыва; въ новый міръ, въ новыя мѣста и безъ оглядки!“

Но вмѣсто восторга на душу его сошелъ вдругъ такой мракъ, а въ сердцѣ заныла такая скорбь, какой никогда онъ не ощущалъ прежде во всю свою жизнь. Онъ продумалъ всю ночь; вагонъ летѣлъ, и только на разсвѣтѣ, уже въѣзжая въ Москву, онъ вдругъ какъ бы очнулся.

— Я подлецъ! прошепталъ онъ про себя.

А Ѳедоръ Павловичъ, проводивъ сынка, остался очень доволенъ. Цѣлые два часа чувствовалъ онъ себя почти счастливымъ и попивалъ коньячокъ; но вдругъ въ домѣ

произошло одно предосадное и пренепріятное для всѣхъ обстоятельство, мигомъ повергшее Ѳедора Павловича въ большое смятеніе: Смердяковъ пошелъ зачѣмъ-то въ погребъ и упалъ внизъ съ верхней ступеньки. Хорошо еще, что на дворѣ случилась въ то время Марѳа Игнатьевна и во-время услышала. Паденія она не видѣла, но зато услышала крикъ, крикъ, особенный, странный, но ей уже давно извѣстный,—крикъ эпилептика, падающаго въ припадкѣ. Приключился ли съ нимъ припадокъ въ эту минуту, когда онъ сходилъ по ступенькамъ внизъ, такъ что онъ, конечно, тотчасъ же и долженъ былъ слетѣть внизъ въ безчувствіи, или, напротивъ, уже отъ паденія и отъ сотрясенія произошелъ у Смердякова, извѣстнаго эпилептика, его припадокъ,—разобрать нельзя было, но нашли его уже на днѣ погреба, въ корчахъ и судорогахъ, бьющимся и съ пѣной у рта. Думали сначала, что онъ навѣрно сломалъ себѣ что-нибудь, руку или ногу, и расшибся, но, однако, „сберегъ Господь", какъ выразилась Марѳа Игнатьевна: ничего такого не случилось, а только трудно было достать его и вынести изъ погреба на свѣтъ Божій. Но попросили у сосѣдей помощи и кое-какъ это совершили. Находился при всей этой церемоніи и самъ Ѳедоръ Павловичъ, самъ помогалъ, видимо перепуганный и какъ бы потерявшійся. Больной, однако, въ чувство не входилъ: припадки хоть и прекращались на время, но зато возобновлялись опять, и всѣ заключили, что произойдетъ то же самое, что̀ и въ прошломъ году, когда онъ тоже упалъ нечаянно съ чердака. Вспомнили, что тогда прикладывали ему къ темени льду. Ледокъ въ погребѣ еще нашелся и Марѳа Игнатьевна распорядилась, а Ѳедоръ Павловичъ подъ вечеръ послалъ за докторомъ Герценштубе, который и прибылъ немедленно. Осмотрѣвъ больного тщательно (это былъ самый тщательный и внимательный докторъ во всей губерніи, пожилой и почтеннѣйшій старичокъ), онъ заключилъ, что припадокъ чрезвычайный и „можетъ грозить опасностью", что покамѣстъ онъ, Герценштубе, еще не понимаетъ всего, но что завтра утромъ, если не помогутъ теперешнія средства, онъ рѣшится принять другія. Больного уложили во флигелѣ, въ комнатѣ рядомъ съ помѣщеніемъ Григорія и Марѳы Игнатьевны. Затѣмъ Ѳедоръ Павловичъ уже весь день претерпѣвалъ лишь несчастіе за несчастіемъ: обѣдъ составила Марѳа Игнатьевна и супъ, сравнительно съ при-

готовленіемъ Смердякова, вышелъ „словно помои", а курица оказалась до того пересушенною, что и прожевать ее не было никакой возможности. Марѳа Игнатьевна на горькіе, хотя и справедливые, упреки барина возражала, что курица и безъ того была уже очень старая, а что сама она въ поварахъ не училась. Къ вечеру вышла другая забота: доложили Ѳедору Павловичу, что Григорій, который съ третьяго дня расхворался, какъ разъ совсѣмъ почти слегъ, отнялась поясница. Ѳедоръ Павловичъ окончилъ свой чай какъ можно пораньше и заперся одинъ въ домѣ. Былъ онъ въ страшномъ и тревожномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ этотъ вечеръ ждалъ онъ прибытія Грушеньки уже почти навѣрно; по крайней мѣрѣ, получилъ онъ отъ Смердякова, еще рано поутру, почти завѣреніе, что „онѣ ужъ несомнѣнно обѣщали прибыть-съ". Сердце неугомоннаго старика билось тревожно, онъ ходилъ по пустымъ своимъ комнатамъ и прислушивался. Надо было держать ухо востро: могъ гдѣ-нибудь сторожить ее Дмитрій Ѳедоровичъ, а какъ она постучится въ окно (Смердяковъ еще третьяго дня увѣрилъ Ѳедора Павловича, что передалъ ей гдѣ и куда постучаться), то надо было отпереть двери какъ можно скорѣе и отнюдь не задерживать ее ни секунды напрасно въ сѣняхъ, чтобы чего, Боже сохрани, не испугалась и не убѣжала. Хлопотливо было Ѳедору Павловичу, но никогда еще сердце его не купалось въ болѣе сладкой надеждѣ: почти вѣдь навѣрно можно было сказать, что въ этотъ разъ она уже непремѣнно придетъ!..

КНИГА ШЕСТАЯ.

Русскій инокъ.

I.

Старецъ Зосима и его гости.

Когда Алеша съ тревогой и съ болью въ сердцѣ вошелъ въ келью старца, то остановился почти въ изумленіи; вмѣсто отходящаго больного, можетъ быть, уже безъ памяти, какимъ боялся найти его, онъ вдругъ его увидалъ сидящимъ въ креслѣ, хотя съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и веселымъ лицомъ, окруженнаго гостями и ведущаго съ ними тихую и свѣтлую бесѣду. Впрочемъ, всталъ онъ съ постели не болѣе какъ за четверть часа до прихода Алеши: гости уже собрались въ его келью раньше и ждали, пока онъ проснется, по твердому завѣренію отца Паисія, что „учитель встанетъ несомнѣнно, чтобъ еще разъ побесѣдовать съ милыми сердцу его, какъ самъ изрекъ и какъ самъ пообѣщалъ еще утромъ". Обѣщанію же этому, да и всякому слову отходящаго старца, отецъ Паисій вѣровалъ твердо, до того, что если бы видѣлъ его и совсѣмъ уже безъ сознанія и даже безъ дыханія, но имѣлъ бы его обѣщаніе, что еще разъ возстанетъ и простится съ нимъ, то не повѣрилъ бы, можетъ быть, и самой смерти, все ожидая, что умирающій очнется и исполнитъ обѣтованное. Поутру же старецъ Зосима положительно изрекъ ему, отходя ко сну: „Не умру, прежде чѣмъ еще разъ не упьюсь бесѣдою съ вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, душу мою вамъ еще разъ изолью". Собравшіеся на эту послѣднюю, вѣроятно, бесѣду старца,

были самые преданные ему друзья съ давнихъ лѣтъ. Ихъ было четверо: іеромонахи отецъ Іосифъ и отецъ Паисій, іеромонахъ отецъ Михаилъ, настоятель скита, человѣкъ не весьма еще старый, далеко не столь ученый, изъ званія простого, но духомъ твердый, нерушимо и просто вѣрующій, съ виду суровый, но проникновенный глубокимъ умиленіемъ въ сердцѣ своемъ, хотя видимо скрывалъ свое умиленіе до какого-то даже стыда. Четвертый гость былъ совсѣмъ уже старенькій, простенькій монашекъ, изъ бѣднѣйшаго крестьянскаго званія, братъ Анѳимъ, чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихій, рѣдко даже съ кѣмъ говорившій, между самыми смиренными смиреннѣйшій и имѣвшій видъ человѣка какъ бы навѣки испуганнаго чѣмъ-то великимъ и страшнымъ, не въ подъемъ уму его. Этого какъ бы трепещущаго человѣка старецъ Зосима весьма любилъ и во всю жизнь свою относился къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ, хотя, можетъ быть, ни съ кѣмъ во всю жизнь свою не сказалъ менѣе словъ какъ съ нимъ, несмотря на то, что когда-то многіе годы провелъ въ странствованіяхъ съ нимъ вдвоемъ по всей святой Руси. Было это уже очень давно, лѣтъ предъ тѣмъ уже сорокъ, когда старецъ Зосима впервые началъ иноческій подвигъ свой въ одномъ бѣдномъ, мало извѣстномъ Костромскомъ монастырѣ, и когда, вскорѣ послѣ того, пошелъ сопутствовать отцу Анѳиму въ странствіяхъ его для сбора пожертвованій на ихъ бѣдный Костромской монастырекъ. Всѣ, и хозяинъ, и гости расположились во второй комнатѣ старца, въ которой стояла постель его, комнатѣ, какъ и было указано прежде, весьма тѣсной, такъ что всѣ четверо (кромѣ Порфирія послушника, пребывшаго стоя) едва размѣстились вокругъ креселъ старца на принесенныхъ изъ первой комнаты стульяхъ. Начало уже смеркаться, комната освѣщалась отъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ предъ иконами. Увидавъ Алешу, смутившагося при входѣ и ставшаго въ дверяхъ, старецъ радостно улыбнулся ему и протянулъ руку:

— Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ и ты. И зналъ, что прибудешь.

Алеша подошелъ къ нему, склонился предъ нимъ до земли и заплакалъ. Что-то рвалось изъ его сердца, душа его трепетала, ему хотѣлось рыдать.

— Что ты, подожди оплакивать, улыбнулся старецъ, положивъ правую руку свою на его голову, — видишь,

сижу и бесѣдую, можетъ, и двадцать лѣтъ еще проживу, какъ пожелала мнѣ вчера та добрая, милая, изъ Вышегорья, съ дѣвочкой Лизаветой на рукахъ. Помяни Господи и мать и дѣвочку Лизавету! (Онъ перекрестился). Порфирій, даръ-то ея снесъ, куда я сказалъ?

Это онъ припомнилъ о вчерашнихъ шести гривнахъ, пожертвованныхъ веселою поклонницей, чтобы отдать „той, которая меня бѣднѣй". Такія жертвы происходятъ какъ эпитеміи добровольно на себя почему-либо наложенныя, и непремѣнно изъ денегъ, собственнымъ трудомъ добытыхъ. Старецъ послалъ Порфирія еще съ вечера къ одной, недавно еще погорѣвшей нашей мѣщанкѣ, вдовѣ съ дѣтьми, пошедшей послѣ пожара нищенствовать. Порфирій поспѣшилъ донести, что дѣло уже сдѣлано и что подалъ, какъ приказано ему было, „отъ неизвѣстной благотворительницы".

— Встань, милый, продолжалъ старикъ Алешѣ, — дай посмотрю на тебя. Былъ ли у своихъ и видѣлъ ли брата?

Алешѣ странно показалось, что онъ спрашиваетъ такъ твердо и точно, объ одномъ только изъ братьевъ, — но о которомъ же: значитъ, для этого-то брата, можетъ быть, и отсылалъ его отъ себя и вчера, и сегодня.

— Одного изъ братьевъ видѣлъ, отвѣчалъ Алеша.

— Я про того, вчерашняго, старшаго, которому я до земли поклонился.

— Того я вчера лишь видѣлъ, а сегодня никакъ не могъ найти, сказалъ Алеша.

— Поспѣши найти, завтра опять ступай и поспѣши, все оставь и поспѣши. Можетъ, еще успѣешь что-либо ужасное предупредить. Я вчера великому будущему страданію его поклонился.

Онъ вдругъ умолкъ и какъ бы задумался. Слова были странныя. Отецъ Іосифъ, свидѣтель вчерашняго земного поклона старца, переглянулся съ отцемъ Паисіемъ. Алеша не вытерпѣлъ:

— Отецъ и учитель, проговорилъ онъ въ чрезвычайномъ волненіи, — слишкомъ неясны слова ваши... Какое это страданіе ожидаетъ его?

— Не любопытствуй. Показалось мнѣ вчера нѣчто страшное... словно всю судьбу его выразилъ вчера его взглядъ. Былъ такой у него одинъ взглядъ... такъ что ужаснулся я въ сердцѣ моемъ мгновенно тому что̀ уготовляетъ этотъ человѣкъ для себя. Разъ или два въ жизни

видѣлъ я у нѣкоторыхъ такое же выраженіе лица... какъ бы выражавшее всю судьбу тѣхъ людей, и судьба ихъ, увы, сбылась. Послалъ я тебя къ нему, Алексѣй, ибо думалъ, что братскій ликъ твой поможетъ ему. Но все отъ Господа и всѣ судьбы наши. „Если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода". Запомни сіе. А тебя, Алексѣй, много разъ благословлялъ я мысленно въ жизни моей за ликъ твой, узнай сіе, проговорилъ старецъ съ тихою улыбкой.—Мыслю о тебѣ такъ: изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь, какъ инокъ. Много будешь имѣть противниковъ, но и самые враги твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но мимо ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь, — что̀ важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ. Отцы и учители мои, умиленно улыбаясь, обратился онъ къ гостямъ своимъ, — никогда до сего дня не говорилъ я, даже и ему, за что былъ столь милымъ душѣ моей ликъ сего юноши. Теперь лишь скажу: былъ мнѣ ликъ его какъ бы напоминаніемъ и пророчествомъ. На зарѣ дней моихъ, еще малымъ ребенкомъ, имѣлъ я старшаго брата, умершаго юношей, на глазахъ моихъ, всего только семнадцати лѣтъ. И потомъ, проходя жизнь мою, убѣдился я постепенно, что былъ этотъ братъ мой въ судьбѣ моей какъ бы указаніемъ и предназначеніемъ свыше, ибо не явись онъ въ жизни моей, не будь его вовсе, и никогда-то, можетъ быть, я такъ мыслю, не принялъ бы я иноческаго сана и не вступилъ на драгоцѣнный путь сей. То первое явленіе было еще въ дѣтствѣ моемъ, и вотъ уже на склонѣ пути моего явилось мнѣ воочію какъ бы повтореніе его. Чудно это, отцы и учители, что не бывъ столь похожъ на него лицомъ, а лишь нѣсколько, Алексѣй казался мнѣ до того схожимъ съ тѣмъ духовно, что много разъ считалъ я его, какъ бы прямо за того юношу, брата моего, пришедшаго ко мнѣ на концѣ пути моего таинственно, для нѣкоего воспоминанія и проникновенія, такъ что даже удивлялся себѣ самому и таковой странной мечтѣ моей. Слышишь ли сіе, Порфирій, обратился онъ къ прислуживавшему ему послушнику. — Много разъ видѣлъ я на лицѣ твоемъ какъ бы огорченіе, что я Алексѣя больше люблю, чѣмъ тебя. Теперь знаешьно чему такъ было, но и тебя люблю, знай это, и много разъ горевалъ, что ты огорчаешься. Вамъ

же, милые гости, хочу я повѣдать о семъ юношѣ, братѣ моемъ, ибо не было въ жизни моей явленія драгоцѣннѣе сего, болѣе пророческаго и трогательнаго. Умилилось сердце мое и созерцаю всю жизнь мою въ сію минуту, какъ бы вновь ее всю изживая...

Здѣсь я долженъ замѣтить, что эта послѣдняя бесѣда старца съ посѣтившими его въ послѣдній день его жизни его гостями сохранилась отчасти записанною. Записалъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ нѣкоторое время спустя по смерти старца на память. Но была ли это вполнѣ тогдашняя бесѣда или онъ присовокупилъ къ ней въ запискѣ своей и изъ прежнихъ бесѣдъ съ учителемъ своимъ, этого уже я не могу рѣшить, къ тому же вся рѣчь старца въ запискѣ этой ведется какъ бы безпрерывно, словно какъ бы онъ излагалъ жизнь свою въ видѣ повѣсти, обращаясь къ друзьямъ своимъ, тогда какъ, безъ сомнѣнія, по послѣдовавшимъ разсказамъ, на дѣлѣ, происходило нѣсколько иначе, ибо велась бесѣда въ тотъ вечеръ общая и хотя гости хозяина своего мало перебивали, но все же говорили и отъ себя, вмѣшиваясь въ разговоръ, можетъ быть, даже и отъ себя повѣдали и разсказали что-либо, къ тому же и безпрерывности такой въ повѣствованіи семъ быть не могло, ибо старецъ иногда задыхался, терялъ голосъ и даже ложился отдохнуть на постель свою, хотя и не засыпалъ, а гости не покидали мѣстъ своихъ. Разъ или два бесѣда прерывалась чтеніемъ Евангелія, читалъ отецъ Паисій. Замѣчательно тоже, что никто изъ нихъ, однакоже, не полагалъ, что умретъ онъ въ самую эту же ночь, тѣмъ болѣе, что въ этотъ послѣдній вечеръ жизни своей онъ, послѣ глубокаго дневного сна, вдругъ какъ бы обрѣлъ въ себѣ новую силу, поддерживавшую его во всю длинную эту бесѣду съ друзьями. Это было какъ бы послѣднимъ умиленіемъ, поддержавшимъ въ немъ неимовѣрное оживленіе, но на малый лишь срокъ, ибо жизнь его пресѣклась вдругъ... Но объ этомъ послѣ. Теперь же хочу увѣдомить, что предпочелъ, не излагая всѣхъ подробностей бесѣды, ограничиться лишь разсказомъ старца по рукописи Алексѣя Ѳедоровича Карамазова. Будетъ оно короче, да и не столь утомительно, хотя, конечно, повторяю это, многое Алеша взялъ и изъ прежнихъ бесѣдъ и совокупилъ вмѣстѣ.

II.

Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ.

Свѣдѣнія біографическія.

а) О юношѣ братѣ старца Зосимы.

Возлюбленные отцы и учители, родился я въ далекой губерніи сѣверной, въ городѣ В., отъ родителя дворянина, но не знатнаго и не весьма чиновнаго. Скончался онъ, когда было мнѣ всего лишь два года отъ роду, и не помню я его вовсе. Оставилъ онъ матушкѣ моей деревянный домъ небольшой и нѣкоторый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы прожить съ дѣтьми не нуждаясь. А было насъ всего у матушки двое: я, Зиновій, и старшій братъ мой, Маркелъ. Былъ онъ старше меня годовъ на восемь, характера вспыльчиваго и раздражительнаго, но добрый, не насмѣшливый и странно молчаливый, особенно въ своемъ домѣ, со мной, съ матерью и съ прислугой. Учился въ гимназіи хорошо, но съ товарищами своими не сходился, хотя и не ссорился, такъ, по крайней мѣрѣ, запомнила о немъ матушка. За полгода до кончины своей, когда уже минуло ему семнадцать лѣтъ, повадился онъ ходить къ одному уединенному въ нашемъ городѣ человѣку, какъ бы политическому ссыльному, высланному изъ Москвы въ нашъ городъ за вольнодумство. Былъ же этотъ ссыльный не малый ученый и знатный философъ въ университетѣ. Почему-то онъ полюбилъ Маркела и сталъ принимать его. Просиживалъ у него юноша цѣлые вечера, и такъ во всю зиму, доколѣ не потребовали обратно ссыльнаго на государственную службу въ Петербургъ, по собственной просьбѣ его, ибо имѣлъ покровителей. Начался Великій постъ, а Маркелъ не хочетъ поститься, бранится и надъ этимъ смѣется: „все это бредни, говоритъ, и нѣтъ никакого Бога“, такъ что въ ужасъ привелъ и мать и прислугу, да и меня малаго, ибо хотя былъ и я девяти лѣтъ всего, но, услышавъ слова сіи, испугался очень и я. Прислуга же была у насъ вся крѣпостная, четверо человѣкъ, всѣ купленные на имя знакомаго намъ помѣщика. Еще помню, какъ изъ сихъ четверыхъ продала матушка одну, кухарку Афимью, хромую

и пожилую, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями, а на мѣсто ея наняла вольную. И вотъ на шестой недѣли поста стало вдругъ брату худо, а былъ онъ и всегда нездоровый, грудной, сложенія слабаго и наклонный къ чахоткѣ; роста же не малаго, но тонкій и хилый, лицомъ же весьма благообразенъ. Простудился онъ, что ли, но докторъ прибылъ и вскорѣ шепнулъ матушкѣ, что чахотка скоротечная, и что весны не переживетъ. Стала мать плакать, стала просить брата съ осторожностію (болѣе для того, чтобы не испугать его), чтобы поговѣлъ и причастился Святыхъ Божіихъ Таинъ, ибо былъ онъ тогда еще на ногахъ. Услышавъ, разсердился и выбранилъ храмъ Божій, однако, задумался: догадался сразу, что боленъ опасно и что потому-то родительница и посылаетъ его, пока силы есть, поговѣть и причаститься. Впрочемъ, и самъ уже зналъ, что давно нездоровъ и еще за годъ предъ тѣмъ проговорилъ разъ за столомъ мнѣ и матери хладнокровно: „не жилецъ я на свѣтѣ межъ вами, можетъ, и года не проживу“, и вотъ словно и напророчилъ. Прошло дня три и настала Страстная недѣля. И вотъ братъ со вторника утра пошелъ говѣть. „Я это, матушка, собственно для васъ дѣлаю, чтобъ обрадовать васъ и успокоить“, сказалъ онъ ей. Заплакала мать отъ радости, да и съ горя: „знать близка кончина его, коли такая въ немъ вдругъ перемѣна“. Но не долго походилъ онъ въ церковь, слегъ, такъ что исповѣдывали и причастили его уже дома. Дни наступили свѣтлые, ясные, благоуханные, Пасха была поздняя. Всю-то ночь онъ, я помню, кашляетъ, худо спитъ, а на утро всегда одѣнется и попробуетъ сѣсть въ мягкія кресла. Такъ и запомню его: сидитъ тихій, кроткій, улыбается, самъ больной, а ликъ веселый, радостный. Измѣнился онъ весь душевно — такая дивная началась въ немъ вдругъ перемѣна! Войдетъ къ нему въ комнату старая нянька: „позволь, голубчикъ, я и у тебя лампадку зажгу передъ образомъ“. А онъ прежде не допускалъ, задувалъ даже. — „Зажигай, милая, зажигай, извергъ я былъ, что претилъ вамъ прежде. Ты Богу лампадку зажигая молишься, а я на тебя радуясь молюсь. Значитъ, одному Богу и молимся“. Странными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ себѣ и все плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и принимала веселый видъ. „Матушка, не плачь, голубушка, говоритъ, бывало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а

жизнь-то, жизнь-то веселая, радостная!“ — „Ахъ, милый, ну, какое тебѣ веселье, когда ночь горишь въ жару да кашляешь, такъ что грудь тебѣ чуть не разорветъ“. — „Мама, отвѣчаетъ ей, не плачь, жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай“. И дивились всѣ словамъ его, такъ онъ это странно и такъ рѣшительно говорилъ; умилялись и плакали. Приходили къ намъ знакомые: „милые, говоритъ, дорогіе, и чѣмъ я заслужилъ, что вы меня любите, за что̀ вы меня такого любите и какъ я того прежде не зналъ, не цѣнилъ“. Входящимъ слугамъ говорилъ поминутно: „Милые мои, дорогіе, за что̀ вы мнѣ служите, да и стою ли я того, чтобы служить-то мнѣ. Если бы помиловалъ Богъ и оставилъ въ живыхъ, сталъ бы самъ служить вамъ, ибо всѣ должны одинъ другому служить“. Матушка, слушая, качала головой: „дорогой ты мой, отъ болѣзни ты такъ говоришь!“ — „Мама, радость моя, говоритъ, нельзя чтобы не было господъ и слугъ, но пусть же и я буду слугой моихъ слугъ, такимъ же какимъ и они мнѣ. Да еще скажу тебѣ, матушка, что всякій изъ насъ предъ всѣми во всемъ виноватъ, а я болѣе всѣхъ“. Матушка такъ даже тутъ усмѣхнулась; плачетъ и усмѣхается: — „Ну, и чѣмъ это ты, говоритъ, предъ всѣми больше всѣхъ виноватъ. Тамъ убійцы, разбойники, а ты чего такого успѣлъ нагрѣшить, что себя больше всѣхъ обвиняешь?“ — „Матушка, кровинушка ты моя, говоритъ (сталъ онъ такія любезныя слова тогда говорить, неожиданныя), кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что воистину всякій предъ всѣми и за все виноватъ. Не знаю я какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія. И какъ это мы жили, сердились и ничего не знали тогда?“ Такъ онъ вставалъ со сна, каждый день все больше и больше умиляясь и радуясь и весь трепеща любовью. Пріѣдетъ, бывало, докторъ, старикъ, нѣмецъ Эйзеншмидтъ ѣздилъ: „Ну, что, докторъ, проживу еще денекъ-то на свѣтѣ?“ шутитъ, бывало, съ нимъ. — „Не то что день и много дней проживете, отвѣтитъ, бывало, докторъ, — и мѣсяцы, и годы еще проживете“. — „Да чего годы, чего мѣсяцы! воскликнетъ, бывало, — что тутъ дни-то считать, и одного дня довольно человѣку, чтобы все счастіе узнать. Милые мои, чего мы ссоримся, другъ предъ другомъ хвалимся, одинъ на другомъ обиды помнимъ: прямо въ садъ пойдемъ и

станемъ гулять и рѣзвиться, другъ друга любить и восхвалять, и цѣловать, и жизнь нашу благословлять".—„Не жилецъ онъ на свѣтѣ, вашъ сынъ", промолвилъ докторъ матушкѣ, когда провожала она его до крыльца,—„онъ отъ болѣзни впадаетъ въ помѣшательство". Выходили окна его комнаты въ садъ, а садъ у насъ былъ тѣнистый, съ деревьями старыми, на деревьяхъ завязались весеннія почки, прилетѣли раннія птички, гогочутъ, поютъ ему въ окна. И сталъ онъ вдругъ, глядя на нихъ и любуясь, просить и у нихъ прощенія: „Птички Божіи, птички радостныя, простите и вы меня, потому что и предъ вами я согрѣшилъ". Этого ужъ никто тогда у насъ не могъ понять, а онъ отъ радости плачетъ: „Да, говоритъ, была такая Божія слава кругомъ меня: птички, деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все обезчестилъ, а красы и славы не примѣтилъ вовсе".—„Ужъ много ты на себя грѣховъ берешь", плачетъ, бывало, матушка.—„Матушка, радость моя, я вѣдь отъ веселья, а не отъ горя это плачу; мнѣ вѣдь самому хочется предъ ними виноватымъ быть, растолковать только тебѣ не могу, ибо не знаю какъ ихъ и любить. Пусть я грѣшенъ предъ всѣми, да зато и меня всѣ простятъ, вотъ и рай. Развѣ я теперь не въ раю?"

И много еще было чего и не припомнить и не вписать. Помню, однажды вошелъ я къ нему одинъ, когда никого у него не было. Часъ былъ вечерній, ясный, солнце закатывалось и всю комнату освѣтило косымъ лучомъ. Поманилъ онъ меня увидавъ, подошелъ я къ нему; взялъ онъ обѣими руками за плечи, глядитъ мнѣ въ лицо умиленно, любовно; ничего не сказалъ, только поглядѣлъ такъ съ минуту: „Ну, говоритъ, ступай теперь, играй, живи за меня!" Вышелъ я тогда и пошелъ играть. А въ жизни потомъ много разъ припоминалъ уже со слезами, какъ онъ велѣлъ мнѣ жить за себя. Много еще говорилъ онъ такихъ дивныхъ и прекрасныхъ, хотя и непонятныхъ намъ тогда словъ. Скончался же на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи, въ памяти, и хотя и говорить уже пересталъ, но не измѣнился до самаго послѣдняго своего часа: смотритъ радостно, въ очахъ веселье, взглядами насъ ищетъ, улыбается намъ, насъ зоветъ. Даже въ городѣ много говорили о его кончинѣ. Потрясло меня все это тогда, но не слишкомъ, хоть и плакалъ я очень, когда его хоронили. Юнъ былъ, ребенокъ, но на сердцѣ осталось все неизгла-

димо, затаилось чувство. Въ свое время должно было все возстать и откликнуться. Такъ оно и случилось.

б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посовѣтовали ей скоро добрые знакомые, что вотъ, дескать, остался всего одинъ у васъ сынокъ, и не бѣдные вы, капиталъ имѣете, такъ по примѣру прочихъ, почему бы сына вашего не отправить вамъ въ Петербургъ, а оставшись здѣсь, знатной, можетъ-быть, участи его лишите. И надоумили матушку меня въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ свезти, чтобы въ императорскую гвардію потомъ поступить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ сыномъ разстаться, но, однако, рѣшилась, хотя и не безъ многихъ слезъ, думая счастію моему способствовать. Свезла она меня въ Петербургъ, да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ея и не видалъ вовсе; ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три года по насъ обоихъ грустила и трепетала. Изъ дома родительскаго вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже въ семействѣ хоть только чуть-чуть любовь да союзъ. Да и отъ самаго дурного семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнныя, если только сама душа твоя способна искать драгоцѣнное. Къ воспоминаніямъ же домашнимъ причитаю и воспоминанія о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: „Сто четыре священныя исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта“, и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одного (не помню, гдѣ былъ тогда братъ), во храмъ Господень, въ Страстную недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣднѣ. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила ѳиміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху, въ куполѣ, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь Божьи лучи и, восходя къ нимъ волнами,

какъ бы таялъ въ нихъ ѳиміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду принялъ я тогда въ душу первое сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на середину храма отрокъ съ большою книгой, такою большою, что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и несъ ее, и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, въ первый разъ въ жизни понялъ, что̀ во храмѣ Божіемъ читаютъ. Былъ мужъ въ землѣ Унъ, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и ословъ, и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень и молилъ за нихъ Бога: можетъ, согрѣшили они, веселясь. И вотъ восходитъ къ Богу діаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими и говоритъ Господу, что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. А видѣлъ ли раба Моего Іова? спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ діаволу, указавъ на великаго святого раба Своего. И усмѣхнулся діаволъ на слова Божіи: „предай его мнѣ и увидишь, что возропщетъ рабъ Твой и проклянетъ Твое имя“. И предалъ Богъ Своего праведника, столь Имъ любимаго, діаволу и поразилъ діаволъ дѣтей его, и скотъ его, и разметалъ богатство его, все вдругъ, какъ Божіимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои и бросился на землю, и возопилъ: „нагъ вышелъ изъ чрева матери, нагъ и возвращусь въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!“ Отцы и учители, пощадите теперешнія слезы мои,—ибо все младенчество мое какъ бы вновь возстаетъ предо мною, и дышу теперь какъ дышалъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею, и чувствую, какъ тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба Своего на погибель, и рабъ Его восклицающій: „Буди имя Твое благословенно, несмотря на то, что казнишь меня“,—а затѣмъ тихое и сладостное пѣніе во храмѣ: „Да исправится молитва моя“, и снова ѳиміамъ отъ кадила священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ тѣхъ поръ, — даже вчера еще взялъ ее, и не могу читать эту пресвятую повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, невообразимаго! Слышалъ я потомъ слова насмѣшниковъ и хулителей, слова гордыя: „какъ это могъ Господь отдать любимаго изъ святыхъ Своихъ на потѣху діаволу, отнять отъ него дѣтей,

поразить его самого болѣзнью и язвами такъ, что черепкомъ счищалъ съ себя гной своихъ ранъ, и для чего: чтобы только похвалиться передъ сатаной: „Вотъ что, дескать, можетъ вытерпѣть святой Мой ради Меня!“ Но въ томъ и великое, что тутъ тайна, — что мимоидущій ликъ земной и вѣчная истина соприкоснулись тутъ вмѣстѣ. Предъ правдой земною совершается дѣйствіе вѣчной правды. Тутъ Творецъ, какъ и въ первые дни творенія, завершая каждый день похвалою: „хорошо то, что я сотворилъ“, смотритъ на Іова и вновь хвалится созданіемъ Своимъ. А Іовъ, хваля Господа, служитъ не только Ему, но послужитъ и всему созданію Его въ роды и роды и во-вѣки вѣковъ, ибо къ тому и предназначенъ былъ. Господи, что̀ это за книга и какіе уроки! Что̀ за книга это Священное Писаніе, какое чудо и какая сила данныя съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано на вѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровенныхъ: возстановляетъ Богъ снова Іова, даетъ ему вновь богатство, проходятъ опять многіе годы, и вотъ у него уже новыя дѣти, другія, и любитъ онъ ихъ.—Господи: „Да какъ могъ бы онъ, казалось, возлюбить этихъ новыхъ, когда тѣхъ прежнихъ нѣтъ, когда тѣхъ лишился? Вспоминая тѣхъ, развѣ можно быть счастливымъ въ полнотѣ, какъ прежде, съ новыми, какъ бы новыя ни были ему милы? Но можно, можно: старое горе, великою тайной жизни человѣческой, переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость; вмѣсто юной кипучей крови наступаетъ кроткая ясная старость: благословляю восходъ солнца ежедневный, и сердце мое попрежнему поетъ ему, но уже болѣе люблю закатъ его, длинные косые лучи его, а съ ними тихія, кроткія, умиленныя воспоминанія, милые образы изо всей долгой и благословенной жизни,— а надо всѣмъ-то правда Божія умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшійся день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уже съ новою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею жизнью, отъ предчувствія которой восторгомъ трепещетъ душа моя, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце... Други и учители, слышалъ я не разъ, а теперь, въ послѣднее время, еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ іереи Божіи, а пуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое

содержаніе и на униженіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно,—читалъ сіе самъ,—что не могутъ они уже теперь будто бы толковать народу Писаніе, ибо мало у нихъ содержанія, и если приходятъ уже лютеране, и еретики начинаютъ отбивать стадо, то и пусть отбиваютъ, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣннаго для нихъ содержанія (ибо справедлива и ихъ жалоба), но воистину говорю: если кто виноватъ сему, то на половину мы сами! Ибо пусть нѣтъ времени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетаетъ все время работой и требами, но не все же вѣдь время, вѣдь есть же и у него хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ вспомнить. Да и не круглый же годъ работа. Собери онъ у себя разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ,—прослышатъ отцы, и отцы приходить начнутъ. Да и не хоромы же строить для сего дѣла, а просто къ себѣ въ избу прими; не страшись, не изгадятъ они твою избу, вѣдь всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни-ка онъ имъ эту книгу и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сіи, изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о томъ какъ Іаковъ пошелъ въ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: „Страшно мѣсто сіе“, и поразишь благочестивый умъ простолюдина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ какъ братья продали въ рабство родного брата своего, отрока милаго, Іосифа, сновидца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ, и Іосифъ, уже царедворецъ великій, ими не узнанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя: „Люблю васъ и любя мучаю“. Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ стольких лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ

ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: „Братья, я Іосифъ, братъ вашъ!“ Пусть прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ въ чужой землѣ, изрекши на вѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ короткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учители, простите и не сердитесь, что какъ малый младенецъ толкую о томъ, что̀ давно уже знаете и о чемъ меня же научите, стократъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю сіе и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное: брось онъ его въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь, таиться въ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не надо, не надо много толковать и учить, все пойметъ онъ просто. Думаете ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умилительную, о прекрасной Эсѳири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непремѣнно, непремѣнно!), а наконецъ, и изъ Четьи-Миней хотя бы житіе Алексѣя Человѣка Божія и великой изъ великихъ радостной страдалицы, Боговидицы и Христоносицы матери Маріи Египтяныни—и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаніями, и всего-то лишь часъ въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, одинъ часокъ. И увидитъ самъ, что милостивъ народъ нашъ и благодаренъ, отблагодаритъ во сто кратъ; помня радѣніе іерея и умиленныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровольно, поможетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему бо̀льшимъ прежняго,—вотъ уже и увеличится содержаніе его. Дѣло столь простодушное, что иной разъ боимся даже и

высказать, ибо надъ тобою же засмѣются, а между тѣмъ, сколь оно вѣрное! Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ. Кто же увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню Его, хотя бы и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе. Лишь народъ и духовная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихся отъ родной земли атеистовъ нашихъ. И что̀ за слово Христово безъ примѣра? Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. Въ юности моей, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ Анѳимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заночевали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянинъ, лѣтъ уже восемнадцати на видъ, поспѣшалъ онъ къ своему мѣсту на завтра купеческую барку бичевою тянуть. И вижу я, смотритъ онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжитъ насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ мы только оба, я да юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь свой не имѣя ума, тайну Божію свидѣтельствуютъ, безпрерывно совершаютъ ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце милаго юноши. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣсъ любитъ, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того какъ въ лѣсу ничего я, говоритъ, не знаю, да и все хорошо. „Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, животное великое, близъ человѣка стоящее, али на вола, его питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязанность къ человѣку часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ его ликѣ. Трогательно даже это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христосъ еще раньше нашего“. „Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христосъ?“ — „Какъ же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ Слову, Богу

славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный". И разсказалъ я ему, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба кусокъ: „Ступай, дескать, Христосъ съ тобой", и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что и съ нимъ Христосъ. „Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!" Сидитъ, задумался тихо и сладко. Вижу, что понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!

в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ.

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, пробылъ я долго, почти восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ изъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ того принялъ столько новыхъ привычекъ, и даже мнѣній, что преобразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое. Лоскъ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ пріобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ считали мы всѣ какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, можетъ быть, больше всѣхъ, ибо изо всѣхъ товарищей былъ на все воспріимчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что̀ она такое есть, а узналъ бы, такъ осмѣялъ бы ее тотчасъ же самъ первый. Пьянствомъ, дебоширствомъ и ухарствомъ чуть не гордились. Не скажу чтобы были скверные; всѣ эти молодые люди были хорошіе, да вели-то себя скверно, а пуще всѣхъ я. Главное то, что у меня объявился свой капиталъ, а потому и пустился я жить въ свое удовольствіе, со всѣмъ юнымъ стремленіемъ, безъ удержу, поплылъ на всѣхъ парусахъ. Но вотъ что̀ дивно: читалъ я тогда и книги, и даже съ большимъ удовольствіемъ; Библію же одну никогда почти въ то время не развертывалъ, но ни-

когда и не разставался съ нею, а возилъ ее повсюду съ собой: воистину берегъ эту книгу, самъ того не вѣдая, „на день и часъ, на мѣсяцъ и годъ“. Прослуживъ этакъ года четыре, очутился я, наконецъ, въ городѣ К., гдѣ стоялъ тогда нашъ полкъ. Общество городское было разнообразное, многолюдное и веселое, гостепріимное и богатое, принимали же меня вездѣ хорошо, ибо былъ я отъ роду нрава веселаго, да къ тому же и слылъ не за бѣднаго, что въ свѣтѣ значитъ не мало. Вотъ и случилось одно обстоятельство, послужившее началомъ всему. Привязался я къ одной молодой и прекрасной дѣвицѣ, умной и достойной, характера свѣтлаго, благороднаго, дочери почтенныхъ родителей. Люди были не малые, имѣли богатство, вліяніе и силу, меня принимали ласково и радушно. И вотъ покажись мнѣ, что дѣвица расположена ко мнѣ сердечно, — разгорѣлось мое сердце при таковой мечтѣ. Потомъ ужъ самъ постигъ, и вполнѣ догадался, что, можетъ быть, вовсе я ея и не любилъ съ такою силой, а только чтилъ ея умъ и характеръ возвышенный, чего не могло не быть. Себялюбіе, однакоже, помѣшало мнѣ сдѣлать предложеніе руки въ то время: тяжело и страшно показалось разстаться съ соблазнами развратной, холостой и вольной жизни въ такихъ юныхъ лѣтахъ, имѣя вдобавокъ и деньги. Намеки, однакожъ, я сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ отложилъ на малое время всякій рѣшительный шагъ. А тутъ вдругъ случись командировка въ другой уѣздъ на два мѣсяца. Возвращаюсь я черезъ два мѣсяца, и вдругъ узнаю, что дѣвица уже замужемъ, за богатымъ пригороднымъ помѣщикомъ, человѣкомъ хоть и старѣе меня годами, но еще молодымъ, имѣвшимъ связи въ столицѣ и въ лучшемъ обществѣ, чего я не имѣлъ, человѣкомъ весьма любезнымъ и сверхъ того образованнымъ, а ужъ образованія-то я не имѣлъ вовсе. Такъ я былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ случаемъ, что даже умъ во мнѣ помутился. Главное же въ томъ заключалось, что, какъ узналъ я тогда же, былъ этотъ молодой помѣщикъ женихомъ ея уже давно, и что самъ же я встрѣчалъ его множество разъ въ ихнемъ домѣ, но не примѣчалъ ничего, ослѣпленный своими достоинствами. Но вотъ это-то по преимуществу меня и обидѣло: какъ же это, всѣ почти знали, а я одинъ ничего не зналъ? И почувствовалъ я вдругъ злобу нестерпимую. Съ краской въ лицѣ началъ вспоминать, какъ много разъ почти выска-

зывалъ ей любовь мою, а такъ какъ она меня не останавливала, и не предупредила, то, стало-быть, выбелъ я, надо мною смѣялась. Потомъ, конечно, сообразилъ и припомнилъ, что нисколько она не смѣялась, сама же напротивъ разговоры такіе шутливо прерывала, и зачинала на мѣсто ихъ другіе,—но тогда сообразить этого я не смогъ, и запылалъ отмщеніемъ. Вспоминаю съ удивленіемъ, что отмщеніе сіе и гнѣвъ мой были мнѣ самому до крайности тяжелы и противны, потому что, имѣя характеръ легкій, не могъ подолгу ни на кого сердиться, а потому какъ бы самъ искусственно разжигалъ себя, и сталъ, наконецъ, безобразенъ и нелѣпъ. Выждалъ я время, и разъ въ большомъ обществѣ удалось мнѣ вдругъ „соперника" моего оскорбить будто бы изъ-за самой посторонней причины, подсмѣяться надъ однимъ мнѣніемъ его объ одномъ важномъ тогда событіи, — въ двадцать шестомъ году дѣло было,—и подсмѣяться, говорили люди, удалось остроумно и ловко. Затѣмъ вынудилъ у него объясненіе, и уже до того обошелся при объясненіи грубо, что вызовъ мой онъ принялъ, несмотря на огромную разницу между нами, ибо былъ я и моложе его, незначителенъ и чина малаго. Потомъ ужъ я твердо узналъ, что принялъ онъ вызовъ мой какъ бы тоже изъ ревниваго ко мнѣ чувства: ревновалъ онъ меня и прежде, немножко, къ женѣ своей, еще тогда невѣстѣ; теперь же подумалъ, что если та узнаетъ, что онъ оскорбленіе отъ меня перенесъ, а вызвать на поединокъ не рѣшился, то чтобы не стала она невольно презирать его и не поколебалась любовь ея. Секунданта я досталъ скоро, товарища, нашего же полка поручика. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была на нихъ какъ бы даже мода между военными, — до того дикіе нарастаютъ и укрѣпляются иногда предразсудки. Былъ въ исходѣ іюнь, и вотъ встрѣча наша на завтра, за городомъ, въ семь часовъ утра, — и воистину случилось тутъ со мной нѣчто какъ бы роковое. Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего денщика Аѳанасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что окровавилъ ему лицо. Служилъ онъ у меня уже давно и случалось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже на-

чинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, подошелъ къ окну, отворилъ, — отпиралось у меня въ садъ, вижу, восходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что же это, думаю, ощущаю я въ душѣ моей какъ бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ даже не то... И вдругъ сейчасъ же и догадался въ чемъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось точно вновь повторилось: стоитъ онъ предо мной, а я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смѣетъ,—и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я тутъ моего брата Маркела и слова его предъ смертью слугамъ: „Милые мои, дорогіе, за что̀ вы мнѣ служите, за что̀ меня любите, да и сто̀ю ли я чтобы служить-то мнѣ?“ „Да, сто̀ю ли“, вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я такъ сто̀ю, чтобы другой человѣкъ, такой же какъ *я*, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и вонзился мнѣ въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ вопросъ. „Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а если бъ узнали—сейчасъ былъ бы рай!“ „Господи, да неужто же и это неправда“, плачу я и думаю, — „воистину я за всѣхъ, можетъ быть, всѣхъ виновнѣе, да и хуже всѣхъ на свѣтѣ людей!“ И представилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи своемъ: что̀ я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умнаго, благороднаго, ни въ чемъ предо мной неповиннаго, а супругу его тѣмъ навѣки счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ я такъ на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку и не замѣтилъ вовсе, какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ поручикъ, за мной, съ пистолетами: „А, говоритъ, вотъ это хорошо, что ты уже всталъ, пора, идемъ“. Заметался я тутъ,

совсѣмъ потерялся, вышли мы, однакоже, садиться въ коляску: „Погоди здѣсь время, говорю ему,—я въ одинъ мигъ сбѣгаю, кошелекъ забылъ“. И вбѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прямо въ каморку къ Аѳанасію: „Аѳанасій, говорю, — я вчера тебя ударилъ два раза по лицу, прости ты меня“, говорю. Онъ такъ и вздрогнулъ, точно испугался, глядитъ, — и вижу я, что этого мало, мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ ноги, лбомъ до земли: „Прости меня!“ говорю. Тутъ ужъ онъ и совсѣмъ обомлѣлъ: „Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да какъ вы... да стою ли я“... и заплакалъ вдругъ самъ, точно какъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ окну и весь отъ слезъ такъ и затрясся, я же выбѣжалъ къ товарищу, влетѣлъ въ коляску, „вези“ кричу: „Видалъ, кричу ему,— побѣдителя, — вотъ онъ предъ тобою!“ Восторгъ во мнѣ такой, смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, не помню ужъ что̀ и говорилъ. Смотритъ онъ на меня: „Ну, братъ, молодецъ же ты, вижу, что поддержишь мундиръ“. Такъ пріѣхали мы на мѣсто, а они уже тамъ, насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнадцати шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣлъ, — стою я предъ ними веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, любя на него гляжу, знаю что̀ сдѣлаю. Выстрѣлилъ онъ, капельку лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо задѣло, — „слава Богу, кричу, не убили человѣка!“ да свой-то пистолетъ схватилъ, оборотился назадъ, да шпиркомъ, вверхъ, въ лѣсъ и пустилъ: „Туда, кричу, — тебѣ и дорога!“ Оборотился къ противнику: „Милостивый государь, говорю,—простите меня, глупаго молодого человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь стрѣлять въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять кратъ, а пожалуй еще и того больше. Передайте это той особѣ, которую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ“. Только что я это проговорилъ, — такъ всѣ трое они и закричали: „Помилуйте, говоритъ мой противникъ, — разсердился даже, — если вы не хотѣли драться, къ чему же безпокоили?“ — „Вчера, говорю ему,— еще глупъ былъ, а сегодня поумнѣлъ“, весело такъ ему отвѣчаю.—„Вѣрю про вчерашнее, говоритъ,—но про сегодняшнее трудно заключить по вашему мнѣнію“.—„Браво, кричу ему, въ ладоши захлопалъ,—я съ вами и въ этомъ согласенъ, заслужилъ!“—„Будете ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ?“ — „Не буду, говорю, — а вы, если

хотите, стрѣляйте еще разъ, только лучше бы вамъ не стрѣлять". Кричатъ и секунданты, особенно мой: „Какъ это срамить полкъ, на барьерѣ стоя прощенія просить; если бы только я это зналъ!" Сталъ я тутъ предъ ними предъ всѣми и уже не смѣюсь: „Господа мои, говорю,— неужели такъ теперь для нашего времени удивительно встрѣтить человѣка, который бы самъ покаялся въ своей глупости и повинился въ чемъ самъ виноватъ публично?"— „Да не на барьерѣ же", кричитъ мой секундантъ опять.— „То-то вотъ и есть, отвѣчаю имъ,—это-то вотъ и удивительно, потому, слѣдовало бы мнѣ повиниться только что прибыли сюда, еще прежде ихняго выстрѣла, и не вводить ихъ въ великій и смертный грѣхъ, но до того безобразно, говорю,—мы сами себя въ свѣтѣ устроили, что поступить такъ было почти и невозможно, ибо только послѣ того какъ я выдержалъ ихъ выстрѣлъ въ двѣнадцати шагахъ, слова мои могутъ что-нибудь теперь для нихъ значить, а если бы до выстрѣла, какъ прибыли сюда, то сказали бы просто: трусъ, пистолета испугался и нечего его слушать. Господа, воскликнулъ я вдругъ отъ всего сердца, посмотрите кругомъ на дары Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣжная, птички, природа прекрасная и безгрѣшная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаемъ, что жизнь есть рай, ибо стоитъ только намъ захотѣть понять и тотчасъ же онъ настанетъ во всей красѣ своей, обнимемся мы и заплачемъ"... Хотѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ даже у меня захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ такое счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь. „Благоразумно все это и благочестиво, говоритъ мнѣ противникъ, — и во всякомъ случаѣ, человѣкъ вы оригинальный".—„Смѣйтесь, смѣюсь и я ему,— а потомъ сами похвалите".—„Да я готовъ и теперь, говоритъ, похвалить, извольте, я протяну вамъ руку, потому, кажется, вы дѣйствительно искренній человѣкъ".— „Нѣтъ, говорю, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучше сдѣлаюсь и уваженіе ваше заслужу, тогда протяните,— хорошо сдѣлаете". Воротились мы домой, секундантъ мой всю-то дорогу бранится, а я-то его цѣлую. Тотчасъ всѣ товарищи прослышали, собрались меня судить въ тотъ же день: „мундиръ, дескать, замаралъ, пусть въ отставку подаетъ". Явились и защитники: „выстрѣлъ все же, говорятъ, онъ выдержалъ". — „Да, но побоялся другихъ вы-

стрѣловъ и попросилъ на барьерѣ прощенія". — „А кабы побоялся выстрѣловъ, возражаютъ защитники, такъ изъ своего бы пистолета сначала выстрѣлилъ, прежде чѣмъ прощенія просить, а онъ въ лѣсъ его еще заряженный бросилъ, нѣтъ, тутъ что-то другое вышло, оригинальное". Слушаю я, весело мнѣ на нихъ глядя: „Любезнѣйшіе мои, говорю я, друзья и товарищи, не безпокойтесь, чтобъ я въ отставку подалъ, потому что это я уже и сдѣлалъ, я уже подалъ сегодня же въ канцеляріи, утромъ, и когда получу отставку, тогда тотчасъ же въ монастырь пойду, для того и въ отставку подаю". Какъ только я это сказалъ, расхохотались всѣ до единаго: „Да ты бъ съ самаго начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя", смѣются, не унимаются, да и не насмѣшливо вовсе, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ всѣ, даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣсяцъ, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня носятъ: „ахъ ты, монахъ", говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое слово скажетъ, отговаривать начали, жалѣть даже: „что̀ ты надъ собой дѣлаешь?" — „Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, онъ выстрѣлъ выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить могъ, а это ему сонъ наканунѣ приснился, чтобъ онъ въ монахи пошелъ, вотъ онъ отчего". Точно то же почти произошло и въ городскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали меня, а только принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всѣ наперерывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной, а меня же любятъ. Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ всѣ вслухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло, ибо противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родственникомъ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ бы въ шутку, да и я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули дѣйствительно въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбоязненно говорить, несмотря на ихъ смѣхъ, потому что все же былъ смѣхъ не злобный, а добрый. Происходили же всѣ эти разговоры больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, женщины больше тогда полюбили меня слушать, и мужчинъ заставляли. „Да какъ же это можно, чтобъ я за всѣхъ виноватъ былъ, смѣется мнѣ всякій въ глаза,—ну, развѣ я могу быть за васъ, напримѣръ, виноватъ?" — „Да гдѣ, отвѣчаю имъ, — вамъ это и познать, когда весь міръ давно уже на другую дорогу

вышелъ, и когда сущую ложь за правду считаемъ да и отъ другихъ такой же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ да и поступилъ искренно, и что же, сталъ для всѣхъ васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, говорю,—смѣетесь".—„Да какъ васъ такого не любить?"—смѣется мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюдное. Вдругъ, смотрю, подымается изъ среды дамъ та самая молодая особа, изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ и которую столь недавно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не замѣтилъ, какъ она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла ко мнѣ, протянула руку: „Позвольте мнѣ, говорить, изъяснить вамъ, что я первая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со слезами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за тогдашній поступокъ вашъ". Подошелъ тутъ и мужъ ея, а затѣмъ вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цѣлуютъ. Радостно мнѣ такъ стало, но пуще всѣхъ замѣтилъ я вдругъ тогда одного господина, человѣка уже пожилого, тоже ко мнѣ подходившаго, котораго я хотя прежде и зналъ по имени, но никогда съ нимъ знакомъ не былъ и до сего вечера даже и слова съ нимъ не сказалъ.

г) Таинственный посѣтитель.

Былъ онъ въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно, мѣсто занималъ видное, человѣкъ былъ уважаемый всѣми, богатый, славился благотворительностью, пожертвовалъ значительный капиталъ на богадѣльню и на сиротскій домъ, и много кромѣ того дѣлалъ благодѣяній тайно, безъ огласки, что все потомъ, по смерти его, и обнаружилось. Лѣтъ былъ около пятидесяти, и видъ имѣлъ почти строгій, былъ малорѣчивъ; женатъ же былъ не болѣе десяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣлъ трехъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой вечеръ сижу у себя дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входитъ ко мнѣ этотъ самый господинъ.

А надо замѣтить, что жилъ я тогда уже не на прежней квартирѣ; какъ только подалъ въ отставку, съѣхалъ на другую и нанялъ у одной старой женщины, вдовы чиновницы, и съ ея прислугой, ибо и переѣздъ-то мой на сію квартиру произошелъ лишь потому только, что я Аѳанасія въ тотъ же день, какъ съ поединка воротился, обратно въ роту препроводилъ, ибо стыдно было въ глаза

ему глядѣть послѣ давешняго моего съ нимъ поступка,— до того наклоненъ стыдиться неприготовленный мірской человѣкъ даже иного справедливѣйшаго своего дѣла.

„Я, говоритъ мнѣ вошедшій ко мнѣ господинъ,—слушаю васъ уже нѣсколько дней въ разныхъ домахъ съ большимъ любопытствомъ и пожелалъ, наконецъ, познакомиться лично, чтобы поговорить съ вами еще подробнѣе. Можете вы оказать мнѣ, милостивый государь, таковую великую услугу?“ — „Могу, говорю, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ и почту за особую честь“, говорю это ему, а самъ почти испугался, до того онъ меня съ перваго разу тогда поразилъ. Ибо хоть и слушали меня и любопытствовали, но никто еще съ такимъ серьезнымъ и строгимъ внутреннимъ видомъ ко мнѣ не подходилъ. А этотъ еще самъ въ квартиру ко мнѣ пришелъ. Сѣлъ онъ. „Великую, продолжаетъ онъ,— вижу въ васъ силу характера, ибо не побоялись истинѣ послужить въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ рисковали, за свою правду, общее презрѣніе отъ всѣхъ понести“.—„Вы, можетъ-быть, очень меня преувеличенно хвалите“, говорю ему. „Нѣтъ, не преувеличенно, отвѣчаетъ мнѣ, повѣрьте, что совершить таковой поступокъ гораздо труднѣе, чѣмъ вы думаете. Я, собственно, продолжаетъ онъ, этимъ только и поразился, и за этимъ къ вамъ пришелъ. Опишите мнѣ, если не побрезгаете столь непристойнымъ, можетъ-быть, моимъ любопытствомъ, что̀ именно ощущали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ рѣшились просить прощенія, если только запомните? Не сочтите вопросъ мой за легкомысліе; напротивъ, имѣю, задавая таковой вопросъ, свою тайную цѣль, которую вѣроятно и объясню вамъ впослѣдствіи, если угодно будетъ Богу сблизить насъ еще короче“.

Все время, какъ онъ говорилъ это, глядѣлъ я ему прямо въ глаза, и вдругъ ощутилъ къ нему сильнѣйшую довѣренность, а кромѣ того, и необычайное и съ моей стороны любопытство, ибо почувствовалъ, что есть у него въ душѣ какая-то своя особая тайна.

— Вы спрашиваете, что̀ я именно ощущалъ въ ту минуту, когда у противника прощенія просилъ, отвѣчаю я ему,—но я вамъ лучше съ самаго начала разскажу, чего другимъ еще не разсказывалъ, и разсказалъ ему все, что̀ произошло у меня съ Аѳанасіемъ и какъ поклонился ему до земли. „Изъ сего сами можете видѣть, заключилъ я

ему, что уже во время поединка мнѣ легче было, ибо началъ я еще дома, и разъ только на эту дорогу вступилъ, то все дальнѣйшее пошло не только не трудно, а даже радостно и весело".

Выслушалъ онъ, смотритъ такъ хорошо на меня: „Все это, говоритъ, чрезвычайно какъ любопытно, я къ вамъ еще и еще приду". И сталъ съ тѣхъ поръ ко мнѣ ходить чуть не каждый вечеръ. И сдружились бы мы очень, если бъ онъ мнѣ и о себѣ говорилъ. Но о себѣ онъ не говорилъ почти ни слова, а все меня обо мнѣ же разспрашивалъ. Несмотря на то, я очень его полюбилъ и совершенно ему довѣрился во всѣхъ моихъ чувствахъ, ибо мыслю: на что̀ мнѣ тайны его, вижу и безъ сего, что праведенъ человѣкъ. Къ тому же, еще человѣкъ столь серьезный и неравный мнѣ лѣтами, а ходитъ ко мнѣ, юношѣ, и мною не брезгаетъ. И многому я отъ него научился полезному, ибо высокаго ума былъ человѣкъ. „Что жизнь есть рай, говоритъ вдругъ мнѣ,—объ этомъ я давно уже думаю", и вдругъ прибавилъ: „Только вѣдь объ этомъ и думаю". Смотритъ на меня и улыбается. „Я больше вашего въ этомъ, говоритъ, убѣжденъ, потомъ узнаете почему". Слушаю я это и думаю про себя: „Это онъ навѣрно хочетъ мнѣ нѣчто открыть". „Рай, говоритъ, въ каждомъ изъ насъ затаенъ, вотъ онъ теперь и во мнѣ кроется, и, захочу,—завтра же настанетъ онъ для меня въ самомъ дѣлѣ и уже на всю мою жизнь". Гляжу: съ умиленіемъ говоритъ и таинственно на меня смотритъ, точно вопрошаетъ меня. „А о томъ, продолжаетъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и за вся виноватъ, помимо своихъ грѣховъ, о томъ вы совершенно правильно разсудили и удивительно какъ вы вдругъ въ такой полнотѣ могли сію мысль обнять. И воистину вѣрно, что когда люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ царствіе небесное уже не въ мечтѣ, а въ самомъ дѣлѣ".—„А когда, воскликнулъ я ему тутъ съ горестію, сіе сбудется, и сбудется ли еще когда-нибудь? Не мечта ли сіе лишь только?"—„А вотъ ужъ вы, говоритъ, не вѣруете, проповѣдуете и сами не вѣруете. Знайте же, что несомнѣнно сія мечта, какъ вы говорите, сбудется, тому вѣрьте, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свой законъ. Дѣло это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать міръ по-новому, надо чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чѣмъ

не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала долженъ заключиться періодъ человѣческаго *уединенія*" —„Какого это уединенія?" спрашиваю его.—„А такого, какое теперь вездѣ царствуетъ, и особенно въ нашемъ вѣкѣ, но не заключился еще весь и не пришелъ еще срокъ ему. Ибо всякій-то теперь стремится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изо всѣхъ его усилій, вмѣсто полноты жизни, лишь полное самоубійство, ибо, вмѣсто полноты опредѣленія существа своего, впадаютъ въ совершенное уединеніе. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другого отдаляется, прячется и что̀ имѣетъ прячетъ, и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копитъ уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ, безумный, что чѣмъ болѣе копитъ, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, пріучилъ свою душу не вѣрить въ людскую помощь, въ людей и въ человѣчество, и только трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его. Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ насмѣшливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ не въ личномъ уединенномъ его усиліи, а въ людской общей цѣлостности. Но непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другого. Таково уже будетъ вѣяніе времени, и удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли. Тогда и явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси... Но до тѣхъ поръ надо все-таки знамя беречь, и нѣтъ-нѣтъ, а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ единенія на подвигъ братолюбиваго общенія, хотя бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это чтобы не умирала великая мысль".

Вотъ въ такихъ-то пламенныхъ и восторгающихъ бесѣ-

дахъ проходили вечера наши одинъ за другимъ. Я даже и общество бросилъ и гораздо рѣже сталъ появляться въ гостяхъ, кромѣ того, что и мода на меня начала проходить. Говорю сіе не въ осужденіе, ибо продолжали меня любить и весело ко мнѣ относиться; но въ томъ, что мода дѣйствительно въ свѣтѣ царила не малая, въ этомъ все же надо сознаться. На таинственнаго же посѣтителя моего сталъ я, наконецъ, смотрѣть въ восхищеніи, ибо кромѣ наслажденія умомъ его, началъ предчувствовать, что питаетъ онъ въ себѣ нѣкій замыселъ и готовится къ великому, можетъ-быть, подвигу. Можетъ, и это ему правилось, что я наружно не любопытствовалъ о секретѣ его, ни прямо, ни намекомъ не разспрашивалъ. Но замѣтилъ я, наконецъ, что и самъ онъ какъ бы началъ уже томиться желаніемъ открыть мнѣ нѣчто. По крайней мѣрѣ, это уже очень стало видно, примѣрно, мѣсяцъ спустя, какъ онъ сталъ посѣщать меня. „Знаете ли вы, спросилъ онъ меня однажды,—что въ городѣ очень о насъ обоихъ любопытствуютъ и дивятся тому, что я къ вамъ столь часто хожу; но пусть ихъ, ибо *скоро все объяснится*". Иногда вдругъ нападало на него чрезвычайное волненіе, и почти всегда въ такихъ случаяхъ онъ вставалъ и уходилъ. Иногда же долго и какъ бы пронзительно смотритъ на меня,—думаю: „Что-нибудь сейчасъ да и скажетъ", а онъ вдругъ перебьетъ и заговоритъ о чемъ-нибудь извѣстномъ и обыкновенномъ. Сталъ тоже часто жаловаться на головную боль. И вотъ однажды, совсѣмъ даже неожиданно, послѣ того, какъ онъ долго и пламенно говорилъ, вижу, что онъ вдругъ поблѣднѣлъ, лицо совсѣмъ перекосилось, самъ же на меня глядитъ какъ въ упоръ.

— Что̀ съ вами, говорю, ужъ не дурно ли вамъ?

А онъ именно на головную боль жаловался.

— Я... знаете ли вы... я... человѣка убилъ.

Проговорилъ, да улыбается, и самъ бѣлый какъ мѣлъ. Зачѣмъ это онъ улыбается,—пронзила мнѣ мысль эта вдругъ сердце, прежде чѣмъ я еще что-либо сообразилъ. Самъ я поблѣднѣлъ.

— Что̀ вы это? кричу ему.

— Видите ли, отвѣчаетъ мнѣ все съ блѣдною усмѣшкой,—какъ дорого мнѣ стоило сказать первое слово. Теперь сказалъ и, кажется, сталъ на дорогу. Поѣду.

Долго я ему не вѣрилъ, да и не въ одинъ разъ повѣрилъ, а лишь послѣ того, какъ онъ три дня ходилъ ко

мнѣ и все мнѣ въ подробности разсказалъ. Считалъ его за помѣшаннаго, но кончилъ тѣмъ, что убѣдился, наконецъ, явно съ превеликою горестью и удивленіемъ. Было имъ совершено великое и страшное преступленіе, четырнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, надъ одною богатою госпожей, молодою и прекрасною особой, вдовой-помѣщицей, имѣвшею въ городѣ нашемъ для пріѣзда собственный домъ. Почувствовавъ къ ней любовь великую, сдѣлалъ онъ ей изъясненіе въ любви и началъ склонять ее выйти за него замужъ. Но она отдала уже свое сердце другому, одному знатному, не малаго чина военному, бывшему въ то время въ походѣ, и котораго ожидала она, однако, скоро къ себѣ. Предложеніе его она отвергла, а его попросила къ себѣ не ходить. Переставъ ходить, онъ, зная расположеніе ея дома, пробрался къ ней ночью изъ сада черезъ крышу, съ превеликою дерзостью, рискуя быть обнаруженнымъ. Но какъ весьма часто бываетъ, всѣ съ необыкновенною дерзостью совершаемыя преступленія чаще другихъ и удаются. Чрезъ слуховое окно войдя на чердакъ дома, онъ спустился къ ней внизъ, въ жилыя комнаты, по лѣсенкѣ съ чердака, зная, что дверь, бывшая въ концѣ лѣсенки, не всегда, по небрежности слугъ, запиралась на замокъ. Понадѣялся на оплошность сію и въ сей разъ, и какъ разъ засталъ. Пробравшись въ жилые покои, онъ, въ темнотѣ, прошелъ въ ея спальню, въ которой горѣла лампада. И, какъ нарочно, обѣ горничныя ея дѣвушки ушли потихоньку безъ спросу, по сосѣдству, на именинную пирушку, случившуюся въ той же улицѣ. Остальные же слуги и служанки спали въ людскихъ и въ кухнѣ, въ нижнемъ этажѣ. При видѣ спящей, разгорѣлась въ немъ страсть, а затѣмъ схватила его сердце мстительная, ревнивая злоба, и, не помня себя, какъ пьяный, подошелъ и вонзилъ ей ножъ прямо въ сердце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ и съ преступнѣйшимъ расчетомъ устроилъ такъ, чтобы подумали на слугъ: не побрезгалъ взять ея кошелекъ, отворилъ ключами, которые вынулъ изъ-подъ подушки, ея комодъ и захватилъ изъ него нѣкоторыя вещи, именно такъ, какъ бы сдѣлалъ невѣжа-слуга, то-есть цѣнныя бумаги оставилъ, а взялъ однѣ деньги, взялъ нѣсколько золотыхъ вещей покрупнѣе, а драгоцѣннѣйшими въ десять разъ, по малыми вещами пренебрегъ. Захватилъ и еще кое-что себѣ на память, но о семъ послѣ. Совершивъ сіе ужасное

дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ. Ни на другой день, когда поднялась тревога, и никогда потомъ во всю жизнь, никому и въ голову не пришло заподозрить настоящаго злодѣя! Да и о любви его къ ней никто не зналъ, ибо былъ и всегда характера молчаливаго и несообщительнаго, и друга, которому повѣрялъ бы душу свою, не имѣлъ. Считали же его просто знакомымъ убитой и даже не столь близкимъ, ибо въ послѣднія двѣ недѣли онъ и не посѣщалъ ее. Заподозрили же тотчасъ крѣпостного слугу ея Петра, и какъ разъ сошлись всѣ обстоятельства, чтобъ утвердить сіе подозрѣніе, ибо слуга этотъ зналъ, и покойница сама не скрывала, что намѣрена его въ солдаты отдать, въ зачетъ слѣдуемаго съ ея крестьянъ рекрута, такъ какъ былъ одинокъ и дурного, сверхъ того, поведенія. Слышали, какъ онъ въ злобѣ, пьяный, грозился въ питейномъ домѣ убить ее. За два же дня до ея кончины, сбѣжалъ и проживалъ гдѣ-то въ городѣ, въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. На другой же день послѣ убійства нашли его на дорогѣ, при выѣздѣ изъ города, мертво-пьянаго, имѣвшаго въ карманѣ своемъ ножъ, да еще съ запачканною почему-то въ крови правою ладонью. Утверждалъ, что кровь шла изъ носу, но ему не повѣрили. Служанки же повинились, что были на пирушкѣ, и что входныя двери съ крыльца оставались незапертыми до ихъ возвращенія. Да и множество сверхъ того явилось подобныхъ сему признаковъ, по которымъ неповиннаго слугу и захватили. Арестовали его и начали судъ, но какъ разъ черезъ недѣлю арестованный заболѣлъ въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣло и кончилось, предали волѣ Божіей, и всѣ, и судьи, и начальство, и все общество, остались убѣждены, что совершилъ преступленіе никто какъ умершій слуга. А за симъ началось наказаніе.

Таинственный гость, а теперь уже другъ мой, повѣдалъ мнѣ, что вначалѣ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями совѣсти. Мучился долго, но не тѣмъ, а лишь сожалѣніемъ, что убилъ любимую женщину, что ея нѣтъ уже болѣе, что, убивъ ее, убилъ любовь свою, тогда какъ огонь страсти оставался въ крови его. Но о пролитой неповинной крови, объ убійствѣ человѣка, онъ почти тогда и не мыслилъ. Мысль же о томъ, что жертва его могла стать супругой другому, казалась ему невозможною, а потому долгое время убѣжденъ былъ въ совѣсти своей, что и не могъ поступить иначе. Томилъ его нѣсколько вна-

чалѣ арестъ слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть арестанта успокоили его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (разсуждалъ онъ тогда), не отъ ареста или испуга, а отъ простудной болѣзни, пріобрѣтенной именно въ дни его бѣговъ, когда онъ, мертво-пьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденыя же вещи и деньги мало смущали его, ибо (все такъ же разсуждалъ онъ) сдѣлана кража не для корысти, а для отвода подозрѣній въ другую сторону. Сумма же краденаго была незначительная, и онъ въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо бо̀льшую, пожертвовалъ на учредившуюся у насъ въ городѣ богадѣльню. Нарочно сдѣлалъ сіе для успокоенія совѣсти насчетъ кражи и, замѣчательно, на время, и даже долгое, дѣйствительно успокоился,—самъ передавалъ мнѣ это. Пустился онъ тогда въ большую служебную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое и трудное порученіе, занимавшее его года два, и, будучи характера сильнаго, почти забывалъ происшедшее; когда же вспоминалъ, то старался не думать о немъ вовсе. Пустился и въ благотворительность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ городѣ, заявилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ. Но все же сталъ, наконецъ, задумываться съ мученіемъ, не въ подъемъ своимъ силамъ. Тутъ понравилась ему одна прекрасная и благоразумная дѣвица, и онъ въ скорости женился на ней, мечтая, что женитьбой прогонитъ уединенную тоску свою, а вступивъ на новую дорогу и исполняя ревностно долгъ свой относительно жены и дѣтей, удалится отъ старыхъ воспоминаній вовсе. Но какъ разъ случилось противное сему ожиданію. Еще въ первый мѣсяцъ брака, стала его смущать безпрерывная мысль: „Вотъ жена любитъ меня, ну что̀ если бъ она узнала?“ Когда стала беременна первымъ ребенкомъ и повѣдала ему это, онъ вдругъ смутился: „Даю жизнь, а самъ отнялъ жизнь“. Пошли дѣти: „Какъ я смѣю любить, учить и воспитать ихъ, какъ буду про добродѣтель имъ говорить: я кровь пролилъ“. Дѣти растутъ прекрасныя, хочется ихъ ласкать: „А я не могу смотрѣть на ихъ невинные, ясные лики; не достоинъ того“. Наконецъ, начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погубленная молодая жизнь ея, кровь, вопіющая объ отмщеніи. Сталъ онъ видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ му̀ку долго. „Искуплю

все сею тайною мукой моею". Но напрасная была и сія надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становилось страданіе. Въ обществѣ за благотворительную дѣятельность стали его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго характера его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ становилось ему невыносимѣе. Признавался мнѣ, что думалъ было убить себя. Но вмѣсто того начала мерещиться ему иная мечта, — мечта, которую считалъ онъ вначалѣ невозможною и безумною, но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его сердцу, что и оторвать нельзя было. Мечталъ онъ такъ: возстать, выйти передъ народомъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три онъ проходилъ съ этою мечтой, мерещилась она ему все въ разныхъ видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что, объявивъ свое преступленіе, излѣчитъ душу свою несомнѣнно и успокоится разъ навсегда. Но, увѣровавъ, почувствовалъ въ сердцѣ ужасъ, ибо какъ исполнить? И вдругъ произошелъ этотъ случай на моемъ поединкѣ. „Глядя на васъ, я теперь рѣшился". Я смотрю на него.

— И неужели, воскликнулъ я ему, всплеснувъ руками,—такой малый случай могъ рѣшимость такую въ васъ породить?

— Рѣшимость моя три года рождалась, отвѣчаетъ мнѣ,—а случай вашъ далъ ей только толчокъ. Глядя на васъ, упрекнулъ себя и вамъ позавидовалъ, проговорилъ онъ мнѣ это даже съ суровостью.

— Да вамъ и не повѣрятъ, замѣтилъ я ему, — четырнадцать лѣтъ прошло.

— Доказательства имѣю, великія. Представлю.

И заплакалъ я тогда, облобызалъ его.

— Одно рѣшите мнѣ, одно! сказалъ онъ мнѣ (точно отъ меня теперь все и зависѣло): — жена, дѣти! Жена умретъ, можетъ быть, съ горя, а дѣти хоть и не лишатся дворянства и имѣнія, — но дѣти варнака, и навѣкъ. А память-то, память какую въ сердцахъ ихъ по себѣ оставлю!

Молчу я.

— А разстаться-то съ ними, оставить навѣки? Вѣдь навѣкъ, навѣкъ!

Сижу я, молча про себя молитву шепчу. Всталъ я, наконецъ, страшно мнѣ стало.

— Что же? смотритъ на меня.

— Идите, говорю, объявите людямъ. Все минется, одна правда останется. Дѣти поймутъ, когда вырастутъ, сколько въ великой рѣшимости вашей было великодушія.

Ушелъ онъ тогда отъ меня какъ бы и впрямь рѣшившись. Но все же болѣе двухъ недѣль потомъ ко мнѣ ходилъ, каждый вечеръ сряду, все приготовлялся, все не могъ рѣшиться. Измучилъ онъ мое сердце. То приходитъ твердъ и говоритъ съ умиленіемъ:

— Знаю, что наступитъ рай для меня, тотчасъ же и наступитъ, какъ объявлю. Четырнадцать лѣтъ былъ во адѣ. Пострадать хочу. Приму страданіе и жить начну. Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Теперь не только ближняго моего, но и дѣтей моихъ любить не смѣю. Господи, да вѣдь поймутъ же дѣти, можетъ быть, чего стоило мнѣ страданіе мое, и не осудятъ меня! Господь не въ силѣ, а въ правдѣ.

— Поймутъ всѣ подвигъ вашъ, говорю ему, — не сейчасъ, такъ потомъ поймутъ, ибо правдѣ послужили, высшей правдѣ, неземной...

И уйдетъ онъ отъ меня какъ бы утѣшенный; а на завтра вдругъ опять приходитъ злобный, блѣдный, говоритъ насмѣшливо.

— Каждый разъ, какъ вхожу къ вамъ, вы смотрите съ такимъ любопытствомъ: „Опять, дескать, не объявилъ?" Подождите, не презирайте очень. Не такъ вѣдь оно легко сдѣлать, какъ вамъ кажется. Я, можетъ быть, еще и не сдѣлаю вовсе. Не пойдете же вы на меня доносить тогда, а?

А я, бывало, не только что смотрѣть съ любопытствомъ неразумнымъ, я и взглянуть-то на него боялся. Измученъ былъ я до болѣзни, и душа моя была полна слезъ. Ночной даже сонъ потерялъ.

— Я сейчасъ, продолжаетъ,—отъ жены. Понимаете ли вы, что̀ такое жена? Дѣтки, когда я уходилъ, прокричали мнѣ: „Прощайте, папа, приходите скорѣе съ нами *Дѣтское Чтеніе* читать". Нѣтъ, вы этого не понимаете! Чужая бѣда не даетъ ума.

Самъ засверкалъ глазами, губы запрыгали. Вдругъ стукнулъ о столъ кулакомъ, такъ что вещи на столѣ вспрыгнули,—такой мягкій человѣкъ, въ первый разъ съ нимъ случилось.

— Да нужно ли? воскликнулъ,—да надо ли? Вѣдь никто осужденъ не былъ, никого въ каторгу изъ-за меня

не сослали, слуга отъ болѣзни померъ. А за кровь проліянную я мученіями былъ наказанъ. Да и не повѣрятъ мнѣ вовсе, никакимъ доказательствамъ моимъ не повѣрятъ. Надо ли объявлять, надо ли? За кровь пролитую я всю жизнь готовъ еще мучиться, только чтобы жену и дѣтей не поразить. Будетъ ли справедливо ихъ погубить съ собою? Не ошибаемся ли мы? Гдѣ тутъ правда? Да и познаютъ ли правду эти люди, оцѣнятъ ли, почтутъ ли ее?

„Господи! мыслю про себя, о почтеніи людей думаетъ въ такую минуту!“ И до того жалко мнѣ стало его тогда, что, кажись, самъ бы раздѣлилъ его участь, лишь бы облегчить его. Вижу, онъ какъ изступленный. Ужаснулся я, понявъ уже не умомъ однимъ, а живою душой, чего стоитъ такая рѣшимость.

— Рѣшайте же судьбу! воскликнулъ опять.

— Идите и объявите, прошепталъ я ему. Голосу во мнѣ не хватило, но прошепталъ я твердо. Взялъ я тутъ со стола Евангеліе, русскій переводъ, показалъ ему отъ Іоанна, глава XII, стихъ 24.

„Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно падши въ землю не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода“. Я этотъ стихъ только что прочиталъ предъ его приходомъ.

Прочелъ онъ: „Правда“, говоритъ, но усмѣхнулся горько: „Да, въ этихъ книгахъ, говоритъ, помолчавъ,—ужасъ что̀ такое встрѣтишь. Подъ носъ-то ихъ легко совать. И кто это ихъ писалъ, неужели люди?“

— Духъ Святый писалъ, говорю.

— Болтать-то вамъ легко, усмѣхнулся онъ еще, но уже почти ненавистно. Взялъ я книгу опять, развернулъ въ другомъ мѣстѣ и показалъ ему къ Евреямъ, глава X, стихъ 31. Прочелъ онъ:

— „Страшно впасть въ руки Бога живаго“.

Прочелъ онъ, да такъ и отбросилъ книгу. Задрожалъ онъ даже.

— Страшный стихъ, говоритъ,—нечего сказать, подобрали. Всталъ со стула:—Ну, говоритъ,—прощайте, можетъ больше и не приду... въ раю увидимся. Значитъ, четырнадцать лѣтъ, какъ уже „впалъ я въ руки Бога живаго“,—вотъ какъ эти четырнадцать лѣтъ, стало быть, называются. Завтра попрошу эти руки, чтобы меня отпустили.

Хотѣлъ было я обнять и облобызать его, да не посмѣлъ,—

искривленно такъ лицо у него было и смотрѣлъ тяжело. Вышелъ онъ. „Господи“, подумалъ я, „куда пошелъ человѣкъ!“ Бросился я тутъ на колѣни предъ иконой и заплакалъ о немъ Пресвятой Богородицѣ, скорой Заступницѣ и Помощницѣ. Съ полчаса прошло, какъ я въ слезахъ на молитвѣ стоялъ, а была уже поздняя ночь, часовъ около двѣнадцати. Вдругъ, смотрю, отворяется дверь и онъ входитъ снова. Я изумился.

— Гдѣ же вы были? спрашиваю его.

— Я, говоритъ,—я, кажется, что-то забылъ... платокъ, кажется... Ну, хоть ничего не забылъ, дайте присѣсть-то...

Сѣлъ на стулъ. Я стою надъ нимъ. „Сядьте, говоритъ, и вы“. Я сѣлъ. Просидѣли минуты съ двѣ, смотритъ на меня пристально и вдругъ усмѣхнулся, запомнилъ я это, затѣмъ всталъ, крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Попомни, говоритъ,—какъ я къ тебѣ въ другой разъ приходилъ. Слышишь, попомни это!

Въ первый разъ мнѣ *ты* сказалъ. И ушелъ. „Завтра“, подумалъ я.

Такъ оно и сбылось. И не зналъ я въ сей вечеръ, что на завтра какъ разъ приходится день рожденія его. Самъ я въ послѣдніе дни никуда не выходилъ, а потому и узнать не могъ ни отъ кого. Въ этотъ же день у него каждогодно бывало большое собраніе, съѣзжался весь городъ. Съѣхались и теперь. И вотъ, послѣ обѣденной трапезы, выходитъ онъ на средину, а въ рукахъ бумага—форменное донесеніе по начальству. А такъ какъ начальство его было тутъ же, то тутъ же и прочелъ бумагу вслухъ всѣмъ собравшимся, а въ ней полное описаніе всего преступленія во всей подробности! „Какъ изверга себя извергаю изъ среды людей, Богъ посѣтилъ меня“,—заключилъ бумагу,—„пострадать хочу!“ Тутъ же вынесъ и выложилъ на столъ все, чѣмъ мнилъ доказать свое преступленіе и что̀ четырнадцать лѣтъ сохранялъ: золотыя вещи убитой, которыя похитилъ, думая отвлечь отъ себя подозрѣніе, медальонъ и крестъ ея, снятые съ шеи,—въ медальонѣ портретъ ея жениха, записную ея книжку и, наконецъ, два письма: письмо жениха ея къ ней съ извѣщеніемъ о скоромъ прибытіи, и отвѣтъ ея на сіе письмо, который начала и не дописала, оставила на столѣ, чтобы завтра отослать на почту. Оба письма захватилъ онъ съ собою,—для чего? Для чего потомъ сохранялъ четырнадцать лѣтъ вмѣсто того, чтобъ истребить, какъ улики? И

вотъ, что же случилось: всѣ пришли въ удивленіе и въ ужасъ и никто не захотѣлъ повѣрить, хотя всѣ выслушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, но какъ отъ больного, а нѣсколько дней спустя уже совсѣмъ рѣшено было во всѣхъ домахъ и приговорено, что несчастный человѣкъ помѣшался. Начальство и судъ не могли не дать хода дѣлу, но пріостановились и они: хотя представленныя вещи и письма и заставили размышлять, но рѣшено было и тутъ, что если сіи документы и оказались бы вѣрными, то все же окончательное обвиненіе не могло бы быть произнесено на основаніи только сихъ документовъ. Да и вещи всѣ онъ могъ имѣть отъ нея самой, какъ знакомый ея, и по довѣренности. Слышалъ я, впрочемъ, что подлинность вещей была потомъ провѣрена чрезъ многихъ знакомыхъ и родныхъ убитой, и что сомнѣнія въ томъ не было. Но дѣлу сему опять не суждено было завершиться. Дней черезъ пять всѣ узнали, что страдалецъ заболѣлъ и что опасаются за жизнь его. Какою болѣзнію онъ заболѣлъ,—не могу объяснить, говорили, что разстройствомъ сердцебіенія, но извѣстно стало, что совѣтъ докторовъ, по настоянію супруги его, свидѣтельствовалъ и душевное его состояніе, и что вынесли заключеніе, что помѣшательство уже есть. Я ничего не выдалъ, хотя и бросились разспрашивать меня, но когда пожелалъ его навѣстить, то долго мнѣ возбраняли, главное, супруга его: „Это вы, говоритъ мнѣ, его разстроили, онъ и прежде былъ мраченъ, а въ послѣдній годъ всѣ замѣчали въ немъ необыкновенное волненіе и странные поступки, а тутъ какъ разъ вы его погубили, это вы его зачитали, не выходилъ онъ отъ васъ цѣлый мѣсяцъ“. И что же, не только супруга, но и всѣ въ городѣ накинулись на меня и меня обвинили: „Это все вы“, говорятъ. Я молчу, да и радъ въ душѣ, ибо узрѣлъ несомнѣнную милость Божію къ возставшему на себя и казнившему себя. А помѣшательству его я вѣрить не могъ. Допустили, наконецъ, и меня къ нему, самъ потребовалъ того настоятельно, чтобы проститься со мной. Вошелъ я, и какъ разъ увидѣлъ, что не только дни, но и часы его сочтены. Былъ онъ слабъ, желтъ, руки трепещутъ, самъ задыхается, но смотритъ умиленно и радостно.

— Совершилось!—проговорилъ мнѣ,—давно жажду видѣть тебя, что не приходилъ?

Я ему не объявилъ, что меня не допускали къ нему.

— Богъ сжалился надо мной и зоветъ къ Себѣ. Знаю, что умираю, но радость чувствую и миръ послѣ столькихъ лѣтъ впервые. Разомъ ощутилъ въ душѣ моей рай, только лишь исполнилъ, что̀ надо было. Теперь уже смѣю любить дѣтей моихъ и лобызать ихъ. Мнѣ не вѣрятъ и никто не повѣрилъ, ни жена, ни судьи мои; не повѣрятъ никогда и дѣти. Милость Божію вижу въ семъ къ дѣтямъ моимъ. Умру и имя мое будетъ для нихъ незапятнано. А теперь предчувствую Бога, сердце какъ въ раю веселится... долгъ исполнилъ...

Говорить не можетъ, задыхается, горячо мнѣ руку жметъ, пламенно глядитъ на меня. Но недолго мы бесѣдовали, супруга его безпрерывно къ намъ заглядывала. Но успѣлъ-таки шепнуть мнѣ:

— А помнишь ли, какъ я къ тебѣ тогда въ другой разъ пришелъ, въ полночь? Еще запомнить тебѣ велѣлъ? Знаешь ли, для чего я входилъ? Я вѣдь убить тебя приходилъ!

Я такъ и вздрогнулъ.

— Вышелъ я тогда отъ тебя во мракъ, бродилъ по улицамъ и боролся съ собою. И вдругъ возненавидѣлъ тебя до того, что едва сердце вынесло. „Теперь, думаю, онъ единый связалъ меня, и судія мой, не могу уже отказаться отъ завтрашней казни моей, ибо онъ все знаетъ“. И не то чтобъ я боялся, что ты донесешь (не было и мысли о семъ), но думаю: „Какъ я стану глядѣть на него, если не донесу на себя?“ И хотя бы ты былъ за тридевять земель, но живъ, все равно, невыносима эта мысль, что ты живъ и все знаешь, и меня судишь. Возненавидѣлъ я тебя, будто ты всему причиной и всему виноватъ. Воротился я къ тебѣ тогда, помню, что у тебя на столѣ лежитъ кинжалъ. Я сѣлъ и тебя сѣсть попросилъ, и цѣлую минуту думалъ. Если бъ я убилъ тебя, то все равно бы погибъ за это убійство, хотя бы и не объявилъ о прежнемъ преступленіи. Но о семъ я не думалъ вовсе, и думать не хотѣлъ въ эту минуту. Я только тебя ненавидѣлъ и отомстить тебѣ желалъ изо всѣхъ силъ за все. Но Господь мой поборолъ діавола въ моемъ сердцѣ. Знай, однако, что никогда ты не былъ ближе отъ смерти.

Черезъ недѣлю онъ померъ. Гробъ его до могилы провожалъ весь городъ. Протоіерей сказалъ прочувствованное слово. Оплакивали страшную болѣзнь, прекратившую дни его. Но весь городъ возсталъ на меня, когда похоронили его, и даже принимать меня перестали. Правда, нѣкото-

рые, вначалѣ немногіе, а потомъ все больше и больше стали вѣровать въ истину его показаній и очень начали посѣщать меня и разспрашивать съ большимъ любопытствомъ и радостью: ибо любитъ человѣкъ паденіе праведнаго и позоръ его. Но я замолчалъ и въ скорости изъ города совсѣмъ выбылъ, а черезъ пять мѣсяцевъ удостоился Господомъ Богомъ стать на путь твердый и благолѣпный, благословляя перстъ невидимый мнѣ, столь явно сей путь указавшій. А многострадальнаго раба Божія Михаила памятую въ молитвахъ моихъ и до сего дня на каждый день.

III.

Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.

д) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его.

Отцы и учители, что̀ есть инокъ? Въ просвѣщенномъ мірѣ слово сіе произносится въ наши дни у иныхъ уже съ насмѣшкой, а у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, охъ правда, много и въ монашествѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: „Вы, дескать, лѣнтяи и безполезные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные нищіе“. А между тѣмъ, сколь много въ монашествѣ смиренныхъ и кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы. На сихъ меньше указываютъ, и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли Русской! Ибо воистину приготовлены въ тишинѣ „на день и часъ, и мѣсяцъ, и годъ“. Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неискаженно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра. Сія мысль великая. Отъ востока звѣзда сія возсіяетъ.

Такъ мыслю объ инокѣ и неужели ложно, неужели надменно? Посмотрите у мірскихъ и во всемъ превозносящемся надъ народомъ Божіимъ мірѣ, не исказился ли въ немъ ликъ Божій и правда Его? У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что̀ подвержено чувствамъ. Міръ же духовный, высшая половина существа человѣческаго отвергнута вовсе, изгнана съ нѣкіимъ торжествомъ, даже съ не-

навистью. Провозгласилъ міръ свободу, въ послѣднее время особенно, и что̀ же видимъ въ этой свободѣ ихней: одно лишь рабство и самоубійство! Ибо міръ говоритъ: „Имѣешь потребности, а потому и насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать ихъ, но даже пріумножай“,—вотъ нынѣшнее ученіе міра. Въ этомъ и видятъ свободу. И что̀ же выходитъ изъ сего права на пріумноженіе потребностей? У богатыхъ *уединеніе* и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ — зависть и убійство, ибо права-то дали, а средствъ насытить потребности еще не указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе единится, слагается въ братское общеніе, тѣмъ что сокращаетъ разстояніе, передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрьте такому единенію людей. Понимая свободу какъ пріумноженіе и скорое утоленіе потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождаютъ въ себѣ много безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства. Имѣть обѣды, выѣзды, экипажи, чины и рабовъ-прислужниковъ—считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ даже жизнью, честью и человѣколюбіемъ, чтобъ утолить эту необходимость, и даже убиваютъ себя, если не могутъ утолить ее. У тѣхъ, которые не богаты, то же самое видимъ, а у бѣдныхъ неутоленіе потребностей и зависть пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью, къ тому ихъ ведутъ. Спрашиваю я васъ: свободенъ ли такой человѣкъ? Я зналъ одного „борца за идею“, который самъ разсказывалъ мнѣ, что, когда лишили его въ тюрьмѣ табаку, то онъ до того былъ измученъ лишеніемъ симъ, что чуть не пошелъ и не предалъ свою „идею“, чтобы только дали ему табаку. А вѣдь этакой говоритъ: „за человѣчество боротьcя иду“. Ну, куда такой пойдетъ и на что̀ онъ способенъ? На скорый поступокъ развѣ, а долго не вытерпитъ. И не дивно, что вмѣсто свободы впали въ рабство, а вмѣсто служенія братолюбію и человѣческому единенію впали, напротивъ, въ *отъединеніе* и уединеніе, какъ говорилъ мнѣ въ юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому въ мірѣ все болѣе и болѣе угасаетъ мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей и воистину встрѣчается мысль сія даже уже съ насмѣшкой, ибо какъ отстать отъ привычекъ своихъ, куда пойдетъ сей неволь-

никъ, если столь привыкъ утолять безчисленныя потребности свои, которыя самъ же навыдумалъ? Въ уединеніи онъ и какое ему дѣло до цѣлаго. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше.

Другое дѣло путь иноческій. Надъ послушаніемъ, постомъ и молитвой даже смѣются, а между тѣмъ лишь въ нихъ заключается путь къ настоящей, истинной уже свободѣ: отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ помощію Божіей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго! Кто же изъ нихъ способнѣе вознести великую мысль и пойти ей служить,— уединенный ли богачъ или сей *освобожденный* отъ тиранства вещей и привычекъ? Инока корятъ его уединеніемъ: „Уединился ты, чтобъ себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а братское служеніе человѣчеству забылъ". Но посмотримъ еще, кто болѣе братолюбію поусердствуетъ? Ибо уединеніе не у насъ, а у нихъ, но не видятъ сего. А отъ насъ и издревле дѣятели народные выходили, отчего же не можетъ ихъ быть и теперь? Тѣ же смиренные и кроткіе постники и молчальники возстанутъ и пойдутъ на великое дѣло. Отъ народа спасеніе Руси. Русскій же монастырь искони былъ съ народомъ. Если же народъ въ уединеніи, то и мы въ уединеніи. Народъ вѣритъ по-нашему, а не вѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ. Это помните. Народъ встрѣтитъ атеиста и поборетъ его, и станетъ единая православная Русь. Берегите же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ.

е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями.

Боже, кто говоритъ, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія умножается даже видно, ежечасно, сверху идетъ. Наступаетъ и въ народѣ уединеніе: начинаются кулаки и міроѣды; уже купецъ все больше и больше желаетъ почестей, стремится показать себя образованнымъ, образованія не имѣя нимало, а для сего гнусно пренебрегаетъ древнимъ обычаемъ и стыдится даже вѣры отцовъ. Ѣздитъ ко князьямъ, а всего-то самъ мужикъ порченый. Народъ загноился отъ пьянства и не можетъ уже отстать отъ него. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, къ

дѣтямъ даже; отъ пьянства все. Видалъ я на фабрикахъ девятилѣтнихъ даже дѣтей: хилыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ и уже развратныхъ. Душная палата, стучащая машина, весь Божій день работы, развратныя слова и вино, вино, а то ли надо душѣ такого малаго еще дитяти? Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду свѣтлый примѣръ и хоть каплю любви къ нему. Да не будетъ же сего, иноки, да не будетъ истязанія дѣтей, возстаньте и проповѣдуйте сіе скорѣе, скорѣе. Но спасетъ Богъ Россію, ибо хоть и развратенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ во смрадномъ грѣхѣ, но все же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду, Бога признаетъ, умилительно плачетъ. Не то у высшихъ. Тѣ во слѣдъ наукѣ хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нѣтъ у тебя Бога, то какое же тогда преступленіе? Въ Европѣ возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народные вожаки повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣвъ его. Но „проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ". А Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его. Отцы и учители, берегите вѣру народа. и не мечта сіе: поражало меня всю жизнь въ великомъ народѣ нашемъ его достоинство благолѣпное и истинное, самъ видѣлъ, самъ свидѣтельствовать могу, видѣлъ и удивлялся, видѣлъ, несмотря даже на смрадъ грѣховъ и нищій видъ народа нашего. Не раболѣпенъ онъ, и это послѣ рабства двухъ вѣковъ. Свободенъ видомъ и обращеніемъ, но безо всякой обиды. И не мстителенъ и не завистливъ. „Ты знатенъ, ты богатъ, ты уменъ и талантливъ,—и пусть, благослови тебя Богъ. Чту тебя, но знаю, что и я человѣкъ. Тѣмъ, что безъ зависти чту тебя, тѣмъ-то и достоинство мое являю предъ тобой человѣческое". Воистину, если не говорятъ сего (ибо не умѣютъ еще сказать сего), то такъ *поступаютъ*, самъ видѣлъ, самъ испытывалъ, и вѣрите ли: чѣмъ бѣднѣе и ниже человѣкъ нашъ русскій, тѣмъ и болѣе въ немъ сей благолѣпной правды замѣтно, ибо богатые изъ нихъ кулаки и міроѣды во множествѣ уже развращены, и много, много тутъ отъ нерадѣнія и несмотрѣнія нашего вышло! Но спасетъ Богъ лю-

дей своихъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ. Были бы братья, будетъ и братство, а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ какъ драгоцѣнный алмазъ всему міру... Бу̀ди, бу̀ди!

Отцы и учители, произошло разъ со мною умилительное дѣло. Странствуя, встрѣтилъ я однажды, въ губернскомъ городѣ К., бывшаго моего денщика, Аѳанасія, а съ тѣхъ поръ какъ я разстался съ нимъ, прошло уже тогда восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ меня на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и, Боже, сколь обрадовался, такъ и кинулся ко мнѣ: „Батюшка, баринъ, вы ли это? Да неужто васъ вижу?“ Повелъ меня къ себѣ. Былъ уже онъ въ отставкѣ, женился, двухъ дѣтей, младенцевъ, уже прижилъ. Проживалъ съ супругой своею мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ лотка. Комната у него бѣдная, но чистенькая, радостная. Усадилъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я праздникъ какой ему сдѣлалъ, у него появившись. Подвелъ ко мнѣ дѣтокъ: „благословите, батюшка“. „Мнѣ ли благословлять, отвѣчаю ему, инокъ я простой и смиренный, Бога о нихъ помолю, а о тебѣ, Аѳанасій Павловичъ, и всегда, на всякъ день, съ того самаго дня, Бога молю, ибо съ тебя, говорю, все и вышло“. И объяснилъ ему я это, какъ умѣлъ. Такъ что̀ же человѣкъ: смотритъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній баринъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ такой одеждѣ: заплакалъ даже. „Чего же ты плачешь, говорю ему, незабвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой“. Многаго не говорилъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. „Гдѣ же ваше, спрашиваетъ, богатство?“ Отвѣчаю ему: „Въ монастырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи“. Послѣ чаю сталъ я прощаться съ ними и вдругъ вынесъ онъ мнѣ полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, суетъ мнѣ въ руку, торопится: „это ужъ вамъ, говоритъ,

странному, путешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка". Принялъ я его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ обрадованный, и думаю дорогой: „вотъ мы теперь оба, и онъ у себя и я, идущій, охаемъ, должно быть, да усмѣхаемся радостно, въ веселіи сердца нашего покивая головой и вспоминая, какъ Богъ привелъ встрѣтиться". И больше я уже съ тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Былъ я ему господинъ, а онъ мнѣ слуга, а теперь, какъ облобызались мы съ нимъ любовно и въ духовномъ умиленіи, межъ нами великое человѣческое единеніе произошло. Думалъ я о семъ много, а теперь мыслю такъ: неужели такъ недоступно уму, что сіе великое и простодушное единеніе могло бы въ свой срокъ и повсемѣстно произойти межъ нашихъ русскихъ людей? Вѣрую, что произойдетъ и сроки близки.

А про слугъ прибавлю слѣдующее: сердился я прежде, юношею, на слугъ много: „кухарка горячо подала, денщикъ платье не вычистилъ". Но озарила меня тогда вдругъ мысль моего милаго брата, которую слышалъ отъ него въ дѣтствѣ моемъ: „стою ли я того и весь-то, чтобы мнѣ другой служилъ, а чтобъ я, за нищету и темноту его, имъ помыкалъ?" И подивился я тогда же, сколь самыя простыя мысли, воочію ясныя, поздно появляются въ умѣ нашемъ. Безъ слугъ невозможно въ міру, но такъ сдѣлай, чтобы былъ у тебя твой слуга свободнѣе духомъ, чѣмъ если бы былъ не слугой. И почему я не могу быть слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это и ужъ безо всякой гордости съ моей стороны, а съ его— невѣрія? Почему не быть слугѣ моему какъ бы мнѣ роднымъ, такъ что приму его, наконецъ, въ семью свою и возрадуюсь сему! Даже и теперь еще это такъ исполнимо, но послужитъ основаніемъ къ будущему уже великолѣпному единенію людей, когда не слугъ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугъ пожелаетъ обращать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а, напротивъ, изо всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугой, по Евангелію. И неужели сіе мечта, чтобы подъ конецъ человѣкъ находилъ свои радости лишь въ подвигахъ просвѣщенія и милосердія, а не въ радостяхъ жестокихъ, какъ нынѣ,—въ объяденіи, блудѣ, чванствѣ, хвастовствѣ и завистливомъ превышеніи одного надъ другимъ? Твердо вѣрую, что нѣтъ и что время близко. Смѣются и спрашиваютъ: когда же сіе время наступитъ и похоже ли на то, что наступитъ?

Я же мыслю, что мы со Христомъ это великое дѣло рѣшимъ. И сколько же было идей на землѣ, въ исторіи человѣческой, которыя даже за десять лѣтъ немыслимы были и которыя вдругъ появлялись, когда приходилъ для нихъ таинственный срокъ ихъ, и проносились по всей землѣ? Такъ и у насъ будетъ и возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: „камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла". А насмѣшниковъ вопросить бы самихъ: если у насъ мечта, то когда же вы-то воздвигнете зданіе свое и устроитесь справедливо лишь умомъ своимъ, безъ Христа? Если же и утверждаютъ сами, что они-то, напротивъ, и идутъ къ единенію, то воистину вѣруютъ въ сіе лишь самые изъ нихъ простодушные, такъ что удивиться даже можно сему простодушію. Воистину у нихъ мечтательной фантазіи болѣе, чѣмъ у насъ! Мыслятъ устроиться справедливо, но, отвергнувъ Христа, кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью, ибо кровь зоветъ кровь, а извлекшій мечъ погибнетъ мечомъ. И если бы не обѣтованіе Христово, то такъ и истребили бы другъ-друга даже до послѣднихъ двухъ человѣкъ на землѣ. Да и сіи два послѣдніе не сумѣли бы въ гордости своей удержать другъ-друга, такъ что послѣдній истребилъ бы предпослѣдняго, а потомъ и себя самого. И сбылось бы, если бы не обѣтованіе Христово, что ради кроткихъ и смиренныхъ сократится дѣло сіе. Сталъ я тогда, еще въ офицерскомъ мундирѣ, послѣ поединка моего, говорить про слугъ въ обществѣ, и всѣ-то, помню, на меня дивились: „что же намъ, говорятъ, посадить слугу на диванъ да ему чай подносить?" А я тогда имъ въ отвѣтъ: „почему же и не такъ, хотя бы только иногда". Всѣ тогда засмѣялись. Вопросъ ихъ былъ легкомысленный, а отвѣтъ мой неясный, но мыслю, что была въ немъ и пѣкая правда.

ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мирамъ инымъ.

Юноша, не забывай молитвы. Каждый разъ въ молитвѣ твоей, если искренна, мелькнетъ новое чувство, а въ немъ и новая мысль, которую ты прежде не зналъ, и которая вновь ободритъ тебя, и поймешь, что молитва есть воспитаніе. Запомни еще: на каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: „Господи, помилуй всѣхъ днесь предъ тобою представшихъ". Ибо въ каждый часъ и каж-

дое мгновеніе тысячи людей покидаютъ жизнь свою на сей землѣ и души ихъ становятся предъ Господомъ, — и сколь многіе изъ нихъ разстались съ землею отъединенно, никому невѣдомо, въ грусти и тоскѣ, что никто-то не пожалѣетъ о нихъ и даже не знаетъ о нихъ вовсе: жили-ль они или нѣтъ. И вотъ, можетъ-быть, съ другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не зналъ его вовсе, а онъ тебя. Сколь умиленно душѣ его, ставшей въ страхѣ предъ Господомъ, почувствовать въ тотъ мигъ, что есть и за него молельщикъ, что осталось на землѣ человѣческое существо и его любящее. Да и Богъ милостивѣе воззритъ на обоихъ васъ, ибо если уже ты столь пожалѣлъ его, то кольми паче пожалѣетъ Онъ, безконечно болѣе милосердый и любезный, чѣмъ ты. И проститъ его тебя ради.

Братья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужъ подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ любите: имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возносись надъ животными: они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ гноишь землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный оставляешь послѣ себя,—увы, почти всякъ изъ насъ! — Дѣтокъ любите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердецъ нашихъ и какъ нѣкое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца. А меня отецъ Анѳимъ училъ дѣтокъ любить: онъ милый и молчащій, во странствіяхъ нашихъ, на подаянные грошики имъ пряничковъ и леденцу, бывало, купитъ и раздастъ; проходить не могъ мимо дѣтокъ безъ сотрясенія душевнаго: таковъ человѣкъ.

Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя: „взять ли силой али смиренною любовью?“ Всегда рѣшай: „возьму сми-

ренною любовью". Рѣшишься такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить возможешь. Смиреніе любовное—страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего. На всякъ день и часъ, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ благолѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный, со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливою душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а, можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потому, что ты не уберегся передъ дитятей, потому что любви осмотрительной, дѣятельной не воспиталъ въ себѣ. Братья, любовь учительница, но нужно умѣть ее пріобрѣсти, ибо она трудно пріобрѣтается, дорого покупается, долгою работой и черезъ долгій срокъ, ибо не на мгновеніе лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. А случайно-то и всякъ полюбить можетъ, и злодѣй полюбитъ. Юноша, братъ мой, у птичекъ прощенія просилъ: оно какъ бы и безсмысленно, а вѣдь правда, ибо все какъ океанъ, все течетъ и соприкасается, въ одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается. Пусть безуміе у птичекъ прощенія просить, но вѣдь и птичкамъ было бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если бы ты самъ былъ благолѣпнѣе, чѣмъ ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы. Все какъ океанъ, говорю вамъ. Тогда и птичкамъ сталъ бы молиться, всецѣлою любовію мучимый, какъ бы въ восторгѣ какомъ, и молить, чтобъ и онѣ грѣхъ твой отпустили тебѣ. Восторгомъ же симъ дорожи, какъ бы ни казался онъ людямъ безсмысленнымъ.

Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться, не говорите: „силенъ грѣхъ, сильно нечестіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію". Бѣгите, дѣти, сего унынія! Одно тутъ спасеніе себѣ: возьми себя и сдѣлай себя же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чуть только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтчикомъ искренно, то тотчасъ

же увидишь, что оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ. А скидывая свою же лѣнь и свое безсиліе на людей, кончишь тѣмъ, что гордости сатанинской пріобщишься и на Бога возропщешь. О гордости же сатанинской мыслю такъ: трудно намъ на землѣ ее и постичь, а потому сколь легко впасть въ ошибку и пріобщиться ей, да еще полагая, что нѣчто великое и прекрасное дѣлаемъ. Да и многое изъ самыхъ сильныхъ чувствъ и движеній природы нашей мы пока на землѣ не можемъ постичь, не соблазняйся и симъ и не думай, что сіе въ чемъ-либо можетъ тебѣ служить оправданіемъ, ибо спроситъ съ тебя Судія вѣчный то, что̀ ты могъ постичь, а не то, чего не могъ, самъ убѣдишься въ томъ, ибо тогда все узришь правильно и спорить уже не станешь. На землѣ же воистину мы какъ бы блуждаемъ, и не было бы драгоцѣннаго Христова образа предъ нами, то погибли бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣческій предъ потопомъ. Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущности вещей нельзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взрастилъ садъ Свой, и взошло все, что̀ могло взойти, но взращенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее. Мыслю такъ.

3) Можно ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до конца.

Помни особенно, что не можешь ничьимъ судіею быти. Ибо не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ самъ судья не познаетъ, что и онъ такой же точно преступникъ, какъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступленіе стоящаго предъ нимъ, можетъ, прежде всѣхъ и виноватъ. Когда же постигнетъ сіе, то возможетъ стать и судіею. Какъ ни безумно на видъ, но правда сіе. Ибо былъ бы я самъ праведенъ, можетъ, и преступника, стоящаго предо мною, не было бы. Если возможешь принять на себя преступленіе стоящаго предъ тобою и

судимаго сердцемъ твоимъ преступника, то немедленно пріими и пострадай за него самъ, его же безъ укора отпусти. И даже если бъ и самый законъ поставилъ тебя его судіею, то сколь лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори и тогда въ духѣ семъ, ибо уйдетъ и осудитъ себя самъ еще горше суда твоего. Если же отойдетъ съ цѣлованіемъ твоимъ безчувственный и смѣясь надъ тобою же, то не соблазняйся и симъ: значитъ, срокъ его еще не пришелъ, но придетъ въ свое время; а не придетъ, все равно: не онъ, такъ другой за него познаетъ и пострадаетъ, и осудитъ, и обвинитъ себя самъ и правда будетъ восполнена. Вѣрь сему, несомнѣнно вѣрь, ибо въ семъ самомъ и лежитъ все упованіе и вся вѣра святыхъ.

Дѣлай неустанно. Если вспомнишь въ нощи, отходя ко сну: „я не исполнилъ, что̀ надо было“, то немедленно возстань и исполни. Если кругомъ тебя люди злобные и безчувственные и не захотятъ тебя слушать, то пади предъ ними и у нихъ прощенія проси, ибо воистину и ты въ томъ виноватъ, что не хотятъ тебя слушать. А если уже не можешь говорить съ озлобленными, то служи имъ молча и въ униженіи, никогда не теряя надежды. Если же всѣ оставятъ тебя и уже изгонятъ тебя силой, то, оставшись одинъ, пади на землю и цѣлуй ее, омочи ее слезами твоими, и дастъ плодъ отъ слезъ твоихъ земля, хотя бы и не видалъ и не слыхалъ тебя никто въ уединеніи твоемъ. Вѣрь до конца, хотя бы даже и случилось такъ, что всѣ бы на землѣ совратились, а ты лишь единый вѣренъ остался; принеси и тогда жертву и восхвали Бога ты, единый оставшійся. А если васъ такихъ двое сойдутся, — то вотъ ужъ и весь міръ, міръ живой любви, обнимите другъ друга въ умиленіи и восхвалите Господа: ибо хотя и въ васъ двоихъ, но восполнилась правда Его.

Если самъ согрѣшишь и будешь скорбенъ даже до смерти о грѣхахъ твоихъ, или о грѣхѣ твоемъ внезапномъ, то возрадуйся за другого, возрадуйся за праведнаго, возрадуйся тому, что если ты согрѣшилъ, то онъ зато праведенъ и не согрѣшилъ.

Если же злодѣйство людей возмутитъ тебя негодованіемъ и скорбью уже необоримою, даже до желанія отмщенія злодѣямъ, то болѣе всего страшись сего чувства; тотчасъ же иди и ищи себѣ мукъ такъ, какъ бы самъ былъ виновенъ въ семъ злодѣйствѣ людей. Пріими сіи муки и вытерпи, и утолится сердце твое и поймешь, что и самъ

виновенъ, ибо могъ свѣтить злодѣямъ даже какъ единый безгрѣшный и не свѣтилъ. Если бы свѣтилъ, то свѣтомъ своимъ озарилъ бы и другимъ путь, и тотъ, который совершилъ злодѣйство, можетъ-быть, не совершилъ бы его при свѣтѣ твоемъ. И даже если ты и свѣтилъ, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свѣтѣ твоемъ, то пребудь твердъ и не усомнись въ силѣ свѣта небеснаго; вѣрь тому, что если теперь не спаслись, то потомъ спасутся. А не спасутся и потомъ, то сыны ихъ спасутся, ибо не умретъ свѣтъ твой, хотя бы и ты уже умеръ. Праведникъ отходитъ, а свѣтъ его остается. Спасаются же и всегда по смерти спасающаго. Не принимаетъ родъ людской пророковъ своихъ и избиваетъ ихъ, но любятъ люди мучениковъ своихъ и чтятъ тѣхъ, коихъ замучили. Ты же для цѣлаго работаешь, для грядущаго дѣлаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и безъ того уже велика тебѣ награда на сей землѣ: духовная радость твоя, которую лишь праведный обрѣтаетъ. Не бойся ни знатныхъ, ни сильныхъ, но будь премудръ и всегда благолѣпенъ. Знай мѣру, знай сроки, научись сему. Въ уединеніи же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступленія же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, великій, да и не многимъ дается, а избраннымъ.

и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое.

Отцы и учители, мыслю: „что̀ есть адъ?“ Разсуждаю такъ: „Страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить“. Разъ, въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ, способность сказать себѣ: „я есмь и я люблю“. Разъ, только разъ, дано было ему мгновеніе любви дѣятельной, *живой*, а для того дана была земная жизнь, а съ нею времена и сроки, и что̀ же: отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный, не оцѣнило его, не возлюбило, взглянуло насмѣшливо и осталось безчувственнымъ. Таковой, уже отошедшій съ земли, видитъ и лоно Авраамово, и бесѣдуетъ съ Авраамомъ какъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ намъ указано, и рай созерцаетъ, и ко Господу восходить можетъ, но именно

тѣмъ-то и мучается, что ко Господу взойдетъ онъ не любившій, соприкоснется съ любившими, любовью ихъ пренебрегшій. Ибо зритъ ясно и говоритъ себѣ уже самъ: „нынѣ уже знаніе имѣю и хоть возжаждалъ любить, но уже подвига не будетъ въ любви моей, не будетъ и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придетъ Авраамъ хоть каплею воды живой (то-есть вновь даромъ земной жизни, прежней и дѣятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенѣю теперь, на землѣ ее пренебрегши; нѣтъ уже жизни и времени болѣе не будетъ! Хоть бы и жизнь свою радъ былъ отдать за другихъ, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было въ жертву любви принесть, и теперь бездна между тою жизнью и симъ бытіемъ". Говорятъ о пламени адскомъ матеріальномъ: не изслѣдую тайну сію и страшусь, но мыслю, что если бы и былъ пламень матеріальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю такъ, въ мученіи матеріальномъ хоть на мигъ позабылась бы ими страшнѣйшая сего мука духовная. Да и отнять у нихъ эту муку духовную невозможно, ибо мученіе сіе не внѣшнее, а внутри ихъ. А если бъ и возможно было отнять, то, мыслю, стали бы оттого еще горше несчастными. Ибо хоть и простили бы ихъ праведные изъ рая, созерцая муки ихъ, и призвали бы ихъ къ себѣ, любя безконечно, но тѣмъ самымъ имъ еще болѣе бы пріумножили мукъ, ибо возбудили бы въ нихъ еще сильнѣе пламень жажды отвѣтной, дѣятельной и благодарной любви, которая уже невозможна. Въ робости сердца моего мыслю, однакоже, что самое сознаніе сей невозможности послужило бы имъ, наконецъ, и къ облегченію, ибо, принявъ любовь праведныхъ съ невозможностью воздать за нее, въ покорности сей и въ дѣйствіи смиренія сего, обрящутъ, наконецъ, какъ бы нѣкій образъ той дѣятельной любви, которою пренебрегли на землѣ, и какъ бы нѣкое дѣйствіе съ нею сходное... Сожалѣю, братья и други мои, что не умѣю сказать сего ясно, но горе самимъ истребившимъ себя на землѣ, горе самоубійцамъ! Мыслю, что уже несчастнѣе сихъ и не можетъ быть никого. Грѣхъ, рекутъ намъ, о сихъ Бога молить, и церковь наружно ихъ какъ бы и отвергаетъ, но мыслю въ тайнѣ души моей, что можно бы и за сихъ помолиться. За любовь не осердится вѣдь Христосъ. О таковыхъ я внутренно во всю жизнь молился, исповѣдуюсь вамъ въ томъ, отцы и учители, да и нынѣ на всякъ день молюсь.

О, есть и во адѣ пребывшіе гордыми и свирѣпыми, несмотря уже на знаніе безспорное и на созерцаніе правды неотразимой, есть страшные, пріобщившіеся сатанѣ и гордому духу его всецѣло. Для тѣхъ адъ уже добровольный и ненасытимый; тѣ уже доброхотные мученики. Ибо сами прокляли себя, проклявъ Бога и жизнь. Злобною гордостью своею питаются, какъ если бы голодный въ пустынѣ кровь собственную свою сосать изъ своего же тѣла началъ. Но ненасытимы во вѣки вѣковъ и прощеніе отвергаютъ, Бога, зовущаго ихъ, проклинаютъ. Бога живаго безъ ненависти созерцать не могутъ и требуютъ, чтобы не было Бога жизни, чтобъ уничтожилъ Себя Богъ и все созданіе Свое. И будутъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и небытія. Но не получатъ смерти...

Здѣсь оканчивается рукопись Алексѣя Ѳедоровича Карамазова. Повторяю: она не полна и отрывочна. Біографическія свѣдѣнія, напримѣръ, обнимаютъ лишь первую молодость старца. Изъ поученій же его и мнѣній сведено вмѣстѣ, какъ бы въ единое цѣлое, сказанное очевидно въ разные сроки и вслѣдствіе побужденій различныхъ. Все же то, что̀ изречено было старцемъ собственно въ сіи послѣдніе часы жизни его, не опредѣлено въ точности, а дано лишь понятіе о духѣ и характерѣ и сей бесѣды, если сопоставить съ тѣмъ, что̀ приведено въ рукописи Алексѣя Ѳедоровича изъ прежнихъ поученій. Кончина же старца произошла воистину совсѣмъ неожиданно. Ибо хотя всѣ собравшіеся къ нему въ тотъ послѣдній вечеръ и понимали вполнѣ, что смерть его близка, но все же нельзя было представить, что наступитъ она столь внезапно; напротивъ, друзья его, какъ уже и замѣтилъ я выше, видя его въ ту ночь столь, казалось бы, бодрымъ и словоохотливымъ, убѣждены были даже, что въ здоровьѣ его произошло замѣтное улучшеніе, хотя бы и на малое лишь время. Даже за пять минутъ до кончины, какъ съ удивленіемъ передавали потомъ, нельзя было еще ничего предвидѣть. Онъ вдругъ почувствовалъ какъ бы сильнѣйшую боль въ груди, поблѣднѣлъ и крѣпко прижалъ руки къ сердцу. Всѣ тогда встали съ мѣстъ своихъ и устремились къ нему; но онъ, хоть и страдающій, по все еще съ улыбкой взирая на нихъ, тихо опустился съ креселъ на полъ и сталъ на колѣни, затѣмъ склонился лицомъ ницъ къ землѣ, распростеръ свои руки и, какъ

бы въ радостномъ восторгѣ, цѣлуя землю и молясь (какъ самъ училъ), тихо и радостно отдалъ душу Богу. Извѣстіе о кончинѣ его немедленно пронеслось въ скитѣ и достигло монастыря. Ближайшіе къ новопреставленному и кому слѣдовало по чину стали убирать по древнему обряду тѣло его, а вся братія собралась въ соборную церковь. И еще до разсвѣта, какъ передавалось потомъ по слухамъ, вѣсть о новопреставленномъ достигла города. Къ утру чуть не весь городъ говорилъ о событіи, и множество гражданъ потекло въ монастырь. Но о семъ скажемъ въ слѣдующей книгѣ, а теперь лишь прибавимъ впередъ, что не прошелъ еще и день, какъ совершилось нѣчто до того для всѣхъ неожиданное, а по впечатлѣнію, произведенному въ средѣ монастыря и въ городѣ, до того какъ бы странное, тревожное и сбивчивое, что и до сихъ поръ, послѣ столькихъ лѣтъ, сохраняется въ городѣ нашемъ самое живое воспоминаніе о томъ столь для многихъ тревожномъ днѣ...

Часть третья.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

АЛЕША.

I.

Тлетворный духъ.

Тѣло усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили къ погребенію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и схимниковъ, какъ извѣстно, не омываютъ. „Егда кто отъ монаховъ ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ), то учиненный монахъ (то-есть для сего назначенный) отираетъ тѣло его теплою водой, творя прежде губою (то-есть греческою губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на рукахъ и на ногахъ и на колѣнахъ, вящше же ничто же". Все это и исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ отиранія, одѣлъ его въ монашенское одѣяніе и обвилъ мантіею; для чего, по правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее, чтобъ обвить крестообразно. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крестомъ. Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ же усопшаго закрыли чернымъ воздухомъ. Въ руки ему положили икону Спасителя. Въ такомъ видѣ къ утру переложили его въ гробъ (уже прежде давно заготовленный). Гробъ же вознамѣрились оставить въ кельѣ (въ первой большой комнатѣ, въ той самой, въ которой покойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на весь

день. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахъ, то надъ нимъ слѣдовало іеромонахамъ же и іеродіаконамъ читать не Псалтирь, а Евангеліе. Началъ чтеніе, сейчасъ послѣ панихиды, отецъ Іосифъ; отецъ же Паисій, самъ пожелавшій читать потомъ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень занятъ и озабоченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, ибо вдругъ стало обнаруживаться, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, и въ монастырской братіи, и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ гостиницъ и изъ города толпами мірскихъ нѣчто необычайное, какое-то неслыханное и „неподобающее“ даже волненіе и нетерпѣливое ожиданіе. И настоятель, и отецъ Паисій прилагали всѣ старанія по возможности успокоить столь суетливо волнующихся. Когда уже достаточно ободняло, то изъ города начали прибывать нѣкоторые даже такіе, кои захватили съ собою больныхъ своихъ, особенно дѣтей, — точно ждали для сего нарочно сей минуты, видимо уповая на немедленную силу исцѣленія, какая, по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И вотъ тутъ только обнаружилось, до какой степени всѣ у насъ пріобвыкли считать усопшаго старца, еще при жизни его, за несомнѣннаго и великаго святого. И между прибывающими были далеко не изъ одного лишь простонародья. Это великое ожиданіе вѣрующихъ, столь поспѣшно и обнаженно высказываемое и даже съ нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу Паисію несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя еще и задолго имъ предчувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превысившимъ его ожиданія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ иноковъ, отецъ Паисій сталъ даже выговаривать имъ: „Таковое и столь немедленное ожиданіе чего-то великаго“, говорилъ онъ, „есть легкомысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ же неподобающее“. Но его мало слушали, и отецъ Паисій съ безпокойствомъ замѣчалъ это, несмотря на то, что даже и самъ (если ужъ все вспоминать правдиво), хотя и возмущался слишкомъ нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легкомысліе и суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей, ждалъ почти того же, чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ себѣ не могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно непріятны были иныя встрѣчи, возбуждавшія въ немъ, по нѣкоему предчувствію, большія сомнѣнія. Въ тѣснившейся въ кельѣ усопшаго толпѣ замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за которое самъ

себя тутъ же и попрекнулъ) присутствіе, напримѣръ, Ракитина, или далекаго гостя обдорскаго, инока, все еще пребывавшаго въ монастырѣ, и обоихъ ихъ отецъ Паисій вдругъ почему-то счелъ подозрительными,—хотя и не ихъ однихъ можно было замѣтить въ этомъ же смыслѣ. Инокъ обдорскій изо всѣхъ волновавшихся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно было всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ, вездѣ прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ видомъ. Выраженіе же лица имѣлъ самое нетерпѣливое и какъ бы уже раздраженное тѣмъ, что ожидаемое столь долго не совершается. А что̀ до Ракитина, то тотъ, какъ оказалось потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому порученію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная женщина, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть лишь проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ прониклась столь стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отрядила вмѣсто себя въ скитъ Ракитина, съ тѣмъ, чтобы тотъ все наблюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно въ каждые полчаса, о *всемъ что̀ произойдетъ*. Ракитина же считала она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодого человѣка — до того онъ умѣлъ со всѣми обойтись и каждому представиться сообразно съ желаніемъ того, если только усматривалъ въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный и свѣтлый, и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились около скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма, равно какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ Паисій вдругъ вспомянулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ его не видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ о немъ, какъ тотчасъ же и примѣтилъ его въ самомъ отдаленномъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ одного древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ инока. Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и какъ бы прятался за памятникъ. Подойдя вплоть, отецъ Паисій увидѣлъ, что онъ, закрывъ обѣими ладонями лицо, хотя и безгласно, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ рыданій. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.

— Полно, сыне милый, полно, другъ, прочувствованно произнесъ онъ, наконецъ,—чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не знаешь, что сей день есть величайшій изъ дней

его? Гдѣ онъ теперь, въ минуту сію, воспомни-ка лишь о томъ!

Алеша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ слезъ какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ же, ни слова не вымолвивъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.

— А, пожалуй, что и такъ, произнесъ отецъ Паисій вдумчиво,—пожалуй, и плачь, Христосъ тебѣ эти слезы послалъ. „Умилительныя слезки твои лишь отдыхъ душевный и къ веселію сердца твоего милаго послужатъ“, прибавилъ онъ уже про себя, отходя отъ Алеши и любовно о немъ думая. Отошелъ онъ, впрочемъ, поскорѣе, ибо почувствовалъ, что и самъ, пожалуй, глядя на него, заплачетъ. Время между тѣмъ шло, монастырскія службы и панихиды по усопшемъ продолжались въ порядкѣ. Отецъ Паисій снова замѣтилъ отца Іосифа у гроба и снова принялъ отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло и трехъ часовъ пополудни, какъ совершилось нѣчто, о чемъ упомянулъ я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто до того никѣмъ у насъ неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему упованію, что, повторяю, подробная и суетная повѣсть о семъ происшествіи даже до сихъ поръ чрезвычайною живостію воспоминается въ нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ прибавлю еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоминать объ этомъ суетномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущности же самомъ пустомъ и естественномъ, и я, конечно, выпустилъ бы его въ разсказѣ моемъ вовсе безъ упоминовенія, если бы не повліяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на душу и сердце главнаго, *хотя и будущаго* героя разсказа моего, Алеши, составивъ въ душѣ его какъ бы переломъ и переворотъ, потрясшій, но и укрѣпившій его разумъ уже окончательно, на всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ къ разсказу: Когда еще до свѣту положили уготованное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли его въ первую, бывшую пріемную, комнату, то возникъ было между находившимися у гроба вопросъ: надо ли отворить въ комнатѣ окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимоходомъ и мелькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ,—развѣ лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкоторые изъ присутствующихъ лишь въ томъ смыслѣ, что ожиданіе тлѣнія и тлетворнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая нелѣпость, достойная даже

сожалѣнія (если не усмѣшки), относительно малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопросъ сей. Ибо ждали совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости послѣ полудня началось нѣчто, сначала принимаемое входившими и выходившими лишь молча и про себя и даже съ видимою боязнью каждаго сообщить кому-либо начинающую мысль свою, но къ тремъ часамъ пополудни обнаружившееся уже столь ясно и неопровержимо, что извѣстіе о семъ мигомъ облетѣло весь скитъ и всѣхъ богомольцевъ-посѣтителей скита, тотчасъ же проникло и въ монастырь и повергло въ удивленіе всѣхъ монастырскихъ, а наконецъ, чрезъ самый малый срокъ, достигло и города и взволновало въ немъ всѣхъ, и вѣрующихъ и невѣрующихъ. Невѣрующіе возрадовались, а что до вѣрующихъ, то нашлись иные изъ нихъ возрадовавшіеся даже болѣе самихъ невѣрующихъ, ибо „любятъ люди паденіе праведнаго и позоръ его", какъ изрекъ самъ покойный старецъ въ одномъ изъ поученій своихъ. Дѣло въ томъ, что отъ гроба сталъ исходить мало-по-малу, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ, къ тремъ же часамъ пополудни уже слишкомъ явственно обнаружившійся и все постепенно усиливавшійся. И давно уже не бывало и даже припомнить невозможно было изъ всей прошлой жизни монастыря нашего такого соблазна, грубо разнузданнаго, а въ другомъ какомъ случаѣ такъ даже и невозможнаго, какой обнаружился тотчасъ же вслѣдъ за симъ событіемъ между самими даже иноками. Потомъ уже, и послѣ многихъ даже лѣтъ, иные разумные иноки наши, припоминая весь тотъ день въ подробности, удивлялись и ужасались тому, какимъ это образомъ соблазнъ могъ достигнуть тогда такой степени. Ибо и прежде сего случалось, что умирали иноки весьма праведной жизни и праведность коихъ была у всѣхъ на виду, старцы богобоязненные, а между тѣмъ и отъ ихъ смиренныхъ гробовъ исходилъ духъ тлетворный, естественно какъ и у всѣхъ мертвецовъ появившійся, но сіе не производило же соблазна и даже малѣйшаго какого-либо волненія. Конечно, были нѣкіе и у насъ изъ древле преставившихся, воспоминаніе о коихъ сохранилось еще живо въ монастырѣ, и останки коихъ, по преданію, не обнаружили тлѣнія, что умилительно и таинственно повліяло на братію и сохранилось въ памяти ея, какъ нѣчто благолѣпное и чудесное и какъ обѣтованіе въ будущемъ еще

бо́льшей славы отъ ихъ гробницъ, если только волею Божіей придетъ тому время. Изъ таковыхъ особенно сохранялась память о дожившемъ до ста пяти лѣтъ старцѣ Іовѣ, знаменитомъ подвижникѣ, великомъ постникѣ и молчальникѣ, преставившемся уже давно, еще въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и могилу котораго съ особымъ и чрезвычайнымъ уваженіемъ показывали всѣмъ впервые прибывающимъ богомольцамъ, таинственно упоминая при семъ о нѣкіихъ великихъ надеждахъ. (Это та самая могила, на которой отецъ Паисій засталъ утромъ сидящимъ Алешу). Кромѣ сего древле-почившаго старца, жива была таковая же память и о преставившемся сравнительно уже недавно великомъ отцѣ іеросхимонахѣ, старцѣ Варсонофіи,—томъ самомъ, отъ котораго отецъ Зосима и принялъ старчество, и котораго, при жизни его, всѣ приходившіе въ монастырь богомольцы считали прямо за юродиваго. О сихъ обоихъ сохранилось въ преданіи, что лежали они въ гробахъ своихъ какъ живые и погребены были совсѣмъ нетлѣнными и что даже лики ихъ какъ бы просвѣтлѣли въ гробу. А нѣкіе такъ даже воспоминали настоятельно, что отъ тѣлесъ ихъ осязалось явственно благоуханіе. Но несмотря даже и на столь внушительныя воспоминанія сіи, все же трудно было бы объяснить ту прямую причину, по которой у гроба старца Зосимы могло произойти столь легкомысленное, нелѣпное и злобное явленіе. Что́ до меня лично, то полагаю, что тутъ одновременно сошлось и много другого, много разныхъ причинъ заодно повліявшихъ. Изъ таковыхъ, напримѣръ, была даже самая эта закоренѣлая вражда къ старчеству, какъ къ зловредному новшеству, глубоко таившаяся въ монастырѣ, въ умахъ еще многихъ иноковъ. А потомъ, конечно, и главное, была зависть къ святости усопшаго, столь сильно установившейся при жизни его, что и возражать какъ будто было воспрещено. Ибо хотя покойный старецъ и привлекъ къ себѣ многихъ, и не столько чудесами, сколько любовью, и воздвигъ кругомъ себя какъ бы цѣлый міръ его любящихъ, тѣмъ не менѣе, и даже тѣмъ болѣе, симъ же самымъ породилъ къ себѣ и завистниковъ, а вслѣдъ затѣмъ ожесточенныхъ враговъ, и явныхъ, и тайныхъ, и не только между монастырскими, но даже и между свѣтскими. Никому-то, напримѣръ, онъ не сдѣлалъ вреда, но вотъ: „Зачѣмъ-де его считаютъ столь святымъ?“ И одинъ лишь сей вопросъ, повторяясь постепенно, породилъ, наконецъ,

цѣлую бездну самой ненасытимой злобы. Вотъ почему и думаю я, что многіе, заслышавъ тлетворный духъ отъ тѣла его, да еще въ такой скорости,—ибо не прошло еще и дня со смерти его,—были безмѣрно обрадованы; равно какъ изъ преданныхъ старцу и доселѣ чтившихъ его, нашлись тотчасъ же таковые, что̀ были симъ событіемъ чуть не оскорблены и обижены лично. Постепенность же дѣла происходила слѣдующимъ образомъ:

Лишь только начало обнаруживаться тлѣніе, то уже по одному виду входившихъ въ келью усопшаго иноковъ можно было заключить, зачѣмъ они приходятъ. Войдетъ, постоитъ недолго, и выходитъ подтвердить скорѣе вѣсть другимъ, толпою ожидающимъ извнѣ. Иные изъ сихъ ожидавшихъ скорбно покивали главами, но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, явно сіявшей въ озлобленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не укорялъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, что̀ было даже и чудно, ибо преданныхъ усопшему старцу было въ монастырѣ все же большинство: но ужъ такъ видно самъ Господь допустилъ, чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало верхъ. Въ скорости стали являться въ келью такими же соглядатаями и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простого же народу входило мало, хотя и столпилось много его у воротъ скитскихъ. Несомнѣнно то, что именно послѣ трехъ часовъ приливъ посѣтителей свѣтскихъ весьма усилился, и именно вслѣдствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ, кои бы, можетъ, и не прибыли въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь нарочно пріѣхали; между ними нѣкоторыя значительнаго чина особы. Впрочемъ, благочиніе наружно еще не нарушалось, и отецъ Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продолжалъ читать Евангеліе въ голосъ, какъ бы не замѣчая совершившагося, хотя давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но вотъ и до него стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но постепенно твердѣвшіе и ободрявшіеся. „Знать судъ-то Божій не то что̀ человѣческій!“ заслышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вымолвилъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, человѣкъ уже пожилой и, сколь извѣстно было о немъ, весьма набожный, но, вымолвивъ вслухъ, повторилъ лишь то, что̀ давно промежъ себя повторяли иноки другъ другу на ухо. Тѣ давно уже вымолвили сіе безнадежное слово, и хуже всего было то, что съ каждою почти ми-

нутой обнаруживалось и возрастало при этомъ словѣ нѣкое торжество. Вскорѣ, однако, и самое даже благочиніе начало нарушаться и вотъ точно всѣ почувствовали себя въ какомъ-то даже правѣ его нарушить. „И почему бы *сіе* могло случиться“, говорили нѣкоторые изъ иноковъ, сначала какъ бы и сожалѣя, — „тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ костямъ присохшее, откуда бы тутъ духу быть?“ „Значитъ, нарочно хотѣлъ Богъ указать“, поспѣшно прибавляли другіе и мнѣніе ихъ принималось безспорно и тотчасъ же, ибо опять-таки указывали, что если бъ и быть духу естественно, какъ отъ всякаго усопшаго грѣшнаго, то все же изошелъ бы позднѣе, не съ такою столь явною поспѣшностью, по крайности, чрезъ сутки бы, а „этотъ естество предупредилъ“, стало быть, тутъ никто какъ Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе сіе поражало неотразимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ, библіотекарь, любимецъ покойнаго, сталъ было возражать нѣкоторымъ изъ злословниковъ, что „не вездѣ вѣдь это и такъ“ и что не догматъ же какой въ православіи сія необходимость нетлѣнія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ самыхъ даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ, напримѣръ, духомъ тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣніе тѣлесное считается тамъ главнымъ признакомъ прославленія спасенныхъ, а цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежатъ уже многіе годы въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, и „если обрящутся кости желты какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ, что прославилъ Господь усопшаго праведнаго; если же не желты, а черны обрящутся, то значитъ не удостоилъ такого Господь славы,—вотъ какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле нерушимо и въ свѣтлѣйшей чистотѣ сохраняется православіе“, заключилъ отецъ Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ внушенія и даже вызвали отпоръ насмѣшливый: „это все ученость и новшества, нечего и слушать“—порѣшили про себя иноки. „У насъ по-старому; мали ли новшествъ теперь выходитъ, всѣмъ и подражать?“ прибавляли другіе. „У насъ не менѣе ихняго святыхъ отцовъ было. Они тамъ подъ туркой сидятъ и все перезабыли. У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколовъ у нихъ нѣтъ“, присоединяли самые насмѣшливые. Отецъ Іосифъ отошелъ съ горестью, тѣмъ болѣе, что и самъ-то высказалъ свое мнѣніе не весьма твердо, а какъ бы и самъ ему мало вѣруя. Но со смуще-

ніемъ провидѣлъ, что начинается нѣчто очень неблаговидное и что возвышаетъ главу даже самое непослушаніе. Мало-по-малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ голоса разсудительные. И какъ-то такъ сошлось, что всѣ любившіе покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ принимавшіе установленіе старчества, страшно чего-то вдругъ испугались и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывали одинъ другому въ лицо. Враги же старчества, яко новшества, гордо подняли голову. „Отъ покойнаго старца Варсонофія не только духу не было, но точилось благоуханіе“, злорадно напоминали они, „но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ, что и самъ праведенъ былъ“. А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося старца посыпались уже осужденія и самыя даже обвиненія: „несправедливо училъ; училъ, что жизнь есть великая радость, а не смиреніе слезное“, говорили одни изъ наиболѣе безтолковыхъ. „По модному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не признавалъ“ — присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣе. „Къ посту былъ не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, вареніе вишневое ѣлъ съ чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику ли чаи распивать?“ слышалось отъ иныхъ завистующихъ. „Возгордясь сидѣлъ, съ жестокостью припоминали самые злорадные,—за святого себя почиталъ, на колѣнки предъ нимъ повергались, яко должное ему принималъ“. „Таинствомъ исповѣди злоупотреблялъ“, злобнымъ шопотомъ прибавляли самые ярые противники старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ и суровыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ и молчальниковъ, замолчавшихъ при жизни усопшаго, но вдругъ теперь отверзшихъ уста свои, что̀ было уже ужасно, ибо сильно вліяли словеса ихъ на молодыхъ и еще неустановившихся иноковъ. Весьма выслушивалъ все сіе и обдорскій гость, монашекъ отъ святого Сильвестра, глубоко воздыхая и покивая главою: „Нѣтъ, видно отецъ-то Ѳерапонтъ справедливо вчера судилъ“, подумывалъ онъ про себя, а тутъ какъ разъ и показался отецъ Ѳерапонтъ; какъ бы именно чтобъ усугубить потрясеніе вышелъ.

Упомянулъ уже я прежде, что выходилъ онъ изъ своеи деревянной келійки на пасѣкѣ рѣдко, даже въ церковь подолгу не являлся и что попущали ему это якобы юродивому, не связывая его правиломъ общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей правдѣ, то попущалось ему все

сіе даже и по нѣкоторой необходимости. Ибо столь великаго постника и молчальника, дни и ночи молящагося (даже и засыпалъ на колѣнкахъ стоя), какъ-то даже и зазорно было настоятельно обременять общимъ уставомъ, если онъ самъ не хотѣлъ подчиниться. „Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и исполняетъ труднѣйшее чѣмъ по уставу“, сказали бы тогда иноки, „а что въ церковь не ходитъ, то, значитъ, самъ знаетъ, когда ему ходить, у него свой уставъ“. Ради сего-то вѣроятнаго ропота и соблазна и оставляли отца Ѳерапонта въ покоѣ. Старца Зосиму, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сіе, не любилъ отецъ Ѳерапонтъ чрезвычайно; и вотъ и къ нему въ его келійку донеслась вдругъ вѣсть о томъ, что „судъ-то Божій, значитъ, не тотъ, что̀ у человѣковъ, и что естество даже предупредилъ“. Надо полагать, что изъ первыхъ сбѣгалъ ему передать извѣстіе обдорскій гость, вчера посѣщавшій его и въ ужасѣ отъ него вчера отшедшій. Упомянулъ я тоже, что отецъ Паисій, твердо и незыблемо стоявшій и читавшій надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать и видѣть что̀ происходило внѣ кельи, но въ сердцѣ своемъ все главное безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь. Смущенъ же не былъ, а ожидалъ всего, что̀ еще могло произойти, безъ страха, пронзающимъ взглядомъ слѣдя за будущимъ исходомъ волненія, уже представлявшимся умственному взору его. Какъ вдругъ необычайный и уже явно нарушавшій благочиніе шумъ въ сѣняхъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась настежь и на порогѣ показался отецъ Ѳерапонтъ. За нимъ, какъ примѣчалось, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось внизу у крылечка много монаховъ, сопровождавшихъ его, а между ними и свѣтскихъ. Сопровождавшіе, однако, не вошли, и на крылечко не поднялись, но, остановясь, ждали что̀ скажетъ и сдѣлаетъ отецъ Ѳерапонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣкоторымъ страхомъ, несмотря на все дерзновеніе свое, что пришелъ онъ не даромъ. Остановясь на порогѣ, отецъ Ѳерапонтъ воздѣлъ руки и изъ-подъ правой руки его выглянули острые и любопытные глазки обдорскаго гостя, единаго не утерпѣвшаго и взбѣжавшаго вослѣдъ отцу Ѳерапонту по лѣсенкѣ изъ-за превеликаго своего любопытства. Прочіе же кромѣ него, только что съ шумомъ отворилась настежь дверь, напротивъ, потѣснились еще болѣе назадъ отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горѣ, отецъ Ѳерапонтъ вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! и тотчасъ же началъ, обращаясь во всѣ четыре стороны попеременно, крестить стѣны и всѣ четыре угла кельи рукой. Это дѣйствіе отца Ѳерапонта тотчасъ же поняли сопровождавшіе его; ибо знали, что и всегда такъ дѣлалъ, куда ни входилъ, и что и не сядетъ и слова не скажетъ, прежде чѣмъ не изгонитъ нечистую силу.

— Сатана, изыди, сатана, изыди! повторялъ онъ съ каждымъ крестомъ. — Извергая извергну! возопилъ онъ опять. Былъ онъ въ своей грубой рясѣ, подпоясанный вервіемъ. Изъ-подъ посконной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, обросшая сѣдыми волосами. Ноги же совсѣмъ были босы. Какъ только сталъ онъ махать руками, стали сотрясаться и звенѣть жестокія вериги, которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ Паисій прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ нимъ въ ожиданіи.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочиніе нарушаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? проговорилъ онъ, наконецъ, строго смотря на него.

— Чесо ради пришелъ еси? Чесо просиши? Како вѣруеши? прокричалъ отецъ Ѳерапонтъ, юродствуя, — притекъ здѣшнихъ вашихъ гостей изгонять, чертей поганыхъ. Смотрю, много-ль ихъ безъ меня накопили. Вѣникомъ ихъ березовымъ выметать хочу.

— Нечистаго изгоняешь, а, можетъ, самъ ему же и служишь, безбоязненно продолжалъ отецъ Паисій, — и кто про себя сказать можетъ: „святъ есть?“ Не ты ли, отче?

— Поганъ есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхощу себѣ, аки идолу, поклоненія! загремѣлъ отецъ Ѳерапонтъ.—Нынѣ людіе вѣру святую губятъ. Покойникъ, святой-то вашъ,—обернулся онъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ,—чертей отвергалъ. Пурганцу отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у васъ, какъ пауки по угламъ. А днесь и самъ провонялъ. Въ семъ указаніе Господне великое видимъ.

А это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни отца Зосимы. Единому отъ иноковъ стала спиться, а подъ конецъ и наяву представляться нечистая сила. Когда же онъ, въ величайшемъ страхѣ, открылъ сіе старцу, тотъ посовѣтовалъ ему непрерывную молитву и усиленный постъ. Но когда и это не помогло, посовѣтовалъ, не

оставляя поста и молитвы, принять одного лѣкарства. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ собой, покивая главами,—пуще же всѣхъ отецъ Ѳерапонтъ, которому тотчасъ же тогда поспѣшили передать нѣкоторые хулители о семъ „необычайномъ“ въ такомъ особливомъ случаѣ распоряженіи старца.

— Изыди, отче! повелительно произнесъ отецъ Паисій,— не человѣки судятъ, а Богъ. Можетъ, здѣсь „указаніе“ видимъ такое, коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди, отче, и стадо не возмущай! повторилъ онъ настойчиво.

— Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и указаніе вышло. Сіе ясно есть, а скрывать грѣхъ! не унимался расходившійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣръ.—Конфетою прельщался, барыни ему въ карманахъ привозили, чаемъ сладобился, чреву жертвовалъ, сладостями его наполняя, а умъ помышленіемъ надменнымъ... Потому и срамъ потерпѣлъ...

— Легкомысленны словеса твои, отче! возвысилъ голосъ и отецъ Паисій, — посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но легкомысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непостоянный и младоумный. Изыди же, отче, повелѣваю тебѣ, прогремѣлъ въ заключеніе отецъ Паисій.

— Я-то изыду! проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ, какъ бы нѣсколько и смутившись, но не покидая озлобленія своего,—ученые вы! Отъ большого разума вознеслись надъ моимъ ничтожествомъ. Притекъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь что̀ и зналъ забылъ, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня маленькаго защитилъ...

Отецъ Паисій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. Отецъ Ѳерапонтъ помолчалъ и вдругъ, пригорюнившись и приложивъ правую ладонь къ щекѣ, произнесъ нараспѣвъ, взирая на гробъ усопшаго старца:

— Надъ нимъ заутра „Помощника и Покровителя“ станутъ пѣть—канонъ преславный, а надо мною, когда подохну, всего-то лишь „Кая житейская сладость“—стихирчикъ малый *), проговорилъ онъ слезно и сожалительно.— Возгордились и вознеслись, пусто мѣсто сіе! завопилъ онъ

*) При выносѣ тѣла (изъ келіи въ церковь и послѣ отпѣванія, изъ церкви на кладбище) монаха и схимонаха, поются стихиры: „Кая житейская сладость“... Если же почившій былъ іеросхимонахомъ, то поютъ канонъ „Помощникъ и Покровитель“...

вдругъ, какъ безумный и, махнувъ рукою, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенькамъ съ крылечка внизъ. Ожидавшая внизу толпа заколебалась; иные пошли за нимъ тотчасъ же, но иные замедлили, ибо келья все еще была отперта, а отецъ Паисій, выйдя вслѣдъ за отцомъ Ѳерапонтомъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся старикъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ двадцать, онъ вдругъ обратился въ сторону заходящаго солнца, воздѣлъ надъ собою обѣ руки и, — какъ бы кто подкосилъ его,—рухнулся на землю съ превеликимъ крикомъ:

— Мой Господь побѣдилъ! Христосъ побѣдилъ заходящу солнцу! неистово прокричалъ онъ, воздѣвая къ солнцу руки, и павъ лицомъ ницъ на землю, зарыдалъ въ голосъ, какъ малое дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая по землѣ руки.

Тутъ ужъ всѣ бросились къ нему, раздались восклицанія, отвѣтное рыданіе... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! Вотъ кто праведенъ! раздавались возгласы уже не боязненно,—вотъ кому въ старцахъ сидѣть, прибавляли другіе уже озлобленно.

— Не сядетъ онъ въ старцахъ... Самъ отвергнетъ... не послужитъ проклятому повшеству... не станетъ ихнимъ дурачествамъ подражать, тотчасъ же подхватили другіе голоса, и до чего бы это дошло, трудно и представить себѣ, но какъ разъ ударилъ въ ту минуту колоколъ, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали креститься. Поднялся и отецъ Ѳерапонтъ и, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, пошелъ къ своей кельѣ, не оглядываясь, все еще продолжая восклицать, но уже нѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ потекли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало расходиться, поспѣшая къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе отцу Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ онъ поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загрустило и затосковало о чемъ-то особливо, и онъ почувствовалъ это. Онъ остановился и вдругъ спросилъ себя: „Отчего сія грусть моя даже до упадка духа?“ и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ же, что сія внезапная грусть его происходитъ, повидимому, отъ самой малой и особливой причины: дѣло въ томъ, что въ толпѣ, тѣснившейся сейчасъ у входа

въ келью, запримѣтилъ онъ между прочими волнующимися и Алешу, и вспомнилъ онъ, что, увидавъ его, тотчасъ же почувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ бы нѣкую боль. „Да неужто же сей младый столь много значитъ нынѣ въ сердцѣ моемъ?“ вдругъ съ удивленіемъ вопросилъ онъ себя. Въ эту минуту Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ бы поспѣшая куда-то, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша быстро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю, и уже по одному виду юноши отецъ Паисій догадался, какая въ минуту сію происходитъ въ немъ сильная перемѣна.

— Или и ты соблазнился? воскликнулъ вдругъ отецъ Паисій,—да неужто же и ты съ маловѣрными! прибавилъ онъ горестно.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на отца Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ къ землѣ. Стоялъ же бокомъ и не повернулся лицомъ къ вопрошавшему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда же поспѣшаешь? Къ службѣ благовѣстятъ, вопросилъ онъ вновь.

Но Алеша опять отвѣта не далъ.

— Али изъ скита уходишь? Какъ же не спросясь-то, не благословясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно, очень странно вскинулъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того, кому ввѣрилъ его, умирая, бывшій руководитель его, бывшій владыка сердца и ума его, возлюбленный старецъ его. и вдругъ, все попрежнему, безъ отвѣта, махнулъ рукой, какъ бы не заботясь даже и о почтительности, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ вонъ изъ скита.

— Возвратишься еще! прошепталъ отецъ Паисій, смотря вослѣдъ ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II.

Такая минутка.

Отецъ Паисій, конечно, не ошибся, рѣшивъ, что его „милый мальчикъ“ снова воротится, и даже, можетъ быть (хотя и не вполнѣ, но все же прозорливо), проникъ въ истинный смыслъ душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе, признаюсь откровенно, что самому мнѣ очень было бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой

странной и неопредѣленной минуты въ жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разсказа. На горестный вопросъ отца Паисія, устремленный къ Алешѣ: „Или и ты съ маловѣрными?“—я, конечно, могъ бы съ твердостью отвѣтить за Алешу: „Нѣтъ, онъ не съ маловѣрными“. Мало того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное: все смущеніе его произошло именно оттого, что онъ много вѣровалъ. Но смущеніе все же было, все же произошло и было столь мучительно, что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считалъ этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если же спросятъ прямо: „Неужели же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ произойти лишь потому, что тѣло его старца, вмѣсто того, чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось, напротивъ того, раннему тлѣнію“,—то отвѣчу на это не обинуясь: „Да, дѣйствительно было такъ“. Попросилъ бы только читателя не спѣшить еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ же я не только не намѣренъ просить за него прощенія, или извинять и оправдывать простодушную его вѣру его юнымъ возрастомъ, напримѣръ, или малыми успѣхами въ пройденныхъ имъ прежде наукахъ и пр., и пр., но сдѣлаю даже напротивъ и твердо заявлю, что чувствую искреннее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія, иной юноша, принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣющій любить не горячо, а лишь тепло, съ умомъ хотя и вѣрнымъ, но слишкомъ ужъ, судя по возрасту, разсудительнымъ (а потому дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ бы того, что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ, право, почтеніе поддаться иному увлеченію, хотя бы и неразумному, но все же отъ великой любви происшедшему, чѣмъ вовсе не поддаться ему. А въ юности тѣмъ паче, ибо неблагонадеженъ слишкомъ ужъ постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна ему — вотъ мое мнѣніе! „Но,—воскликнутъ тутъ, пожалуй, разумные люди, — нельзя же всякому юношѣ вѣровать въ такой предразсудокъ, и вашъ юноша не указъ остальнымъ“. На это я отвѣчу опять-таки: да, мой юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и нерушимо, но я все-таки не прошу за него прощенія.

Видите ли: хоть я и заявилъ выше (и, можетъ-быть слишкомъ поспѣшно), что объясняться, извиняться и оправ-

дывать героя моего не стану, но вижу, что нѣчто все же необходимо уяснить для дальнѣйшаго пониманія разсказа. Вотъ что̀ скажу: тутъ не то, чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ нетерпѣніи было тутъ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣжденій какихъ-либо понадобились тогда чудеса Алешѣ (это-то уже вовсе нѣтъ), не для идеи какой-либо прежней, предвзятой, которая бы восторжествовала поскорѣй надъ другою,—о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: тутъ во всемъ этомъ и прежде всего, на первомъ мѣстѣ, стояло предъ нимъ лицо, и только лицо, — лицо возлюбленнаго старца его, лицо того праведника, котораго онъ до такого обожанія чтилъ. То-то и есть, что вся любовь, таившаяся въ молодомъ и чистомъ сердцѣ его ко „всѣмъ и вся", въ то время и во весь предшествовавшій тому годъ, какъ бы вся временами сосредоточивалась, и, можетъ-быть, даже неправильно, лишь на одномъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ, въ сильнѣйшихъ порывахъ сердца его,— на возлюбленномъ старцѣ его, теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго стояло предъ нимъ какъ идеалъ безспорный, что всѣ юныя силы его и все стремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ этому идеалу исключительно, а минутами такъ даже и до забвенія „всѣхъ и вся". (Онъ вспоминалъ потомъ самъ, что въ тяжелый день этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ такъ заботился и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже снести отцу Илюшечки двѣсти рублей, что̀ съ такимъ жаромъ намѣревался исполнить тоже наканунѣ). Но не чудесъ опять-таки ему нужно было, а лишь „высшей справедливости", которая была, по вѣрованію его, нарушена и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было поранено сердце его. И что̀ въ томъ, что „справедливость" эта, въ ожиданіяхъ Алеши, самимъ даже ходомъ дѣла, приняла форму чудесъ, немедленно ожидаемыхъ отъ праха обожаемаго имъ бывшаго руководителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и всѣ въ монастырѣ, тѣ даже, предъ умомъ которыхъ преклонялся Алеша, самъ отецъ Паисій, напримѣръ, и вотъ Алеша, не тревожа себя никакими сомнѣніями, облекъ и свои мечты въ ту же форму, въ какую и всѣ облекли. Да и давно уже это такъ устроилось въ сердцѣ его, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его, и сердце его взяло уже привычку такъ ожидать. По справедливости жаждалъ, справедливости, а не токмо лишь чудесъ! И вотъ тотъ, который долженъ бы былъ, по упованіямъ

его, быть вознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ, — тотъ самый, вмѣсто славы ему подобавшей, вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто судилъ? Кто могъ такъ разсудить — вотъ вопросы, которые тотчасъ же измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ онъ вынести безъ оскорбленія, безъ озлобленія даже сердечнаго, что праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшливое и злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпѣ. Ну, и пусть бы не было чудесъ вовсе, пусть бы ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немедленно ожидаемое, — но зачѣмъ же объявилось безславіе, зачѣмъ попустился позоръ, зачѣмъ это поспѣшное тлѣніе, „предупредившее естество", какъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это „указаніе", которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ теперь вмѣстѣ съ отцомъ Ѳерапонтомъ, и зачѣмъ они вѣрятъ, что получили даже право такъ выводить? Гдѣ же Провидѣніе и перстъ Его? Къ чему сокрыло Оно Свой перстъ „въ самую нужную минуту" (думалъ Алеша) и какъ бы Само захотѣло подчинить Себя слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ.

Вотъ отчего точилось кровью сердце Алеши, и ужъ, конечно, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо возлюбленное имъ болѣе всего въ мірѣ и оно же „опозоренное", оно же и „обезславленное"! Пусть этотъ ропотъ юноши моего былъ легкомысленъ и безразсуденъ, но опять-таки, въ третій разъ повторяю (и согласенъ впередъ, что, можетъ-быть, тоже съ легкомысліемъ): я радъ, что мой юноша оказался не столь разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда придетъ время у человѣка неглупаго, а если ужъ и въ такую исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ юноши, то когда же придетъ она? Не захочу, однакоже, умолчать при семъ случаѣ и о нѣкоторомъ странномъ явленіи, хотя и мгновенно, но все же обнаружившемся въ эту роковую и сбивчивую для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и мелькнувшее *нѣчто* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ впечатлѣніи отъ неустанно припоминавшагося теперь Алешей вчерашняго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно теперь. О, не то, чтобы что-нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основныхъ, стихійныхъ, такъ сказать, ея вѣрованій. Бога своего онъ любилъ и вѣровалъ въ Него незыблемо, хотя и возроп-

талъ было на Него внезапно. Но все же какое-то смутное, но мучительное и злое впечатлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ братомъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ его и все болѣе и болѣе просилось выйти наверхъ ея. Когда уже стало сильно смеркаться, проходившій сосновою рощей изъ скита къ монастырю Ракитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу, лежавшаго подъ деревомъ, лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ бы спящаго. Онъ подошелъ и окликнулъ его.

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто же ты... произнесъ было онъ удивленный, но, не докончивъ, остановился.

Онъ хотѣлъ сказать: „неужто же ты *до того дошелъ?*“ Алеша не взглянулъ на него, но по нѣкоторому движенію его Ракитинъ сейчасъ догадался, что онъ его слышитъ и понимаетъ.

— Да что̀ съ тобой? продолжалъ онъ удивляться.

Но удивленіе уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею все болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя ищу уже больше двухъ часовъ. Ты вдругъ пропалъ оттудова. Да что̀ ты тутъ дѣлаешь? Какія это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на меня-то...

Алеша поднялъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ дереву. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во взорѣ виднѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ, впрочемъ, не на Ракитина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой кротости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого, что ли? Обидѣли?

— Отстань! проговорилъ вдругъ Алеша, все попрежнему не глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные стали покрикивать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Алешка, удивилъ ты меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему здѣсь не удивляюсь. Вѣдь я все же тебя за образованнаго человѣка почиталъ...

Алеша, наконецъ, поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно, точно все еще мало его понимая.

— Да неужель ты только оттого, что твой старикъ провонялъ? Да неужели же ты вѣрилъ серьезно, что онъ чудеса отмачивать начнетъ? воскликнулъ Ракитинъ, опять переходя въ самое искреннее изумленіе.

— Вѣрилъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣровать, ну, чего тебѣ еще! раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу, чортъ, да этому тринадцатилѣтній школьникъ теперь не вѣритъ. А, впрочемъ, чортъ... Такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего, взбунтовался: чиномъ, дескать, обошли, къ празднику ордена не дали! Эхъ, вы!

Алеша длинно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣлъ на Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло... но не озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только „міра Его не принимаю", криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это міра не принимаешь? капельку подумалъ надъ его отвѣтомъ Ракитинъ. — Что̀ за билиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну, довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: ѣлъ ты сегодня?

— Не помню... ѣлъ, кажется.

— Тебѣ надо подкрѣпиться, судя по лицу-то. Состраданіе вѣдь на тебя глядя беретъ. Вѣдь ты и ночь не спалъ, я слышалъ, засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и мазня. Всего-то антидорцу кусочекъ, надо быть, пожевалъ. Есть у меня съ собою въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захватилъ на всякій случай, сюда направляясь, только вѣдь ты колбасы не станешь...

— Давай колбасы.

— Эге! Такъ ты вотъ какъ! Значитъ, совсѣмъ ужъ бунтъ, баррикады! Ну, братъ, этимъ дѣломъ пренебрегать нечего. Зайдемъ ко мнѣ... Я бы водочки самъ теперь тяпнулъ, смерть усталъ. Водки-то небось не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно, братъ! дико посмотрѣлъ Ракитинъ.— Ну, да такъ или этакъ, водка иль колбаса, а дѣло это лихое, хорошее и упускать невозможно. Идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракитинымъ.

— Видѣлъ бы это братъ Ваничка, такъ какъ бы изумился! Кстати, братецъ твой, Иванъ Ѳедоровичъ, сегодня утромъ въ Москву укатилъ, знаешь ты это?

— Знаю, безучастно произнесъ Алеша.

И вдругъ мелькнулъ у него въ умѣ образъ брата Дмитрія, но только мелькнулъ, и хоть напомнилъ что-то,

какое-то дѣло спѣшное, котораго уже нельзя болѣе ни на минуту откладывать, какой-то долгъ, обязанность страшную, но и это воспоминаніе не произвело никакого на него впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ же мигъ вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспоминалъ объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ваничка изрекъ про меня единожды, что я „бездарный либеральный мѣшокъ". Ты же одинъ разикъ тоже не утерпѣлъ и далъ мнѣ понять, что я „безчестенъ"... Пусть! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (окончилъ это Ракитинъ уже про себя, шопотомъ). Тьфу, слушай! заговорилъ онъ снова громко, — минуемъ-ка монастырь, пойдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм! Мнѣ бы кстати надо къ Хохлаковой зайти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся и, представь, она мнѣ мигомъ отвѣчаетъ запиской, карандашомъ (ужасно любитъ записки писать эта дама), что „никакъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца, какъ отецъ Зосима,—*такого поступка!*" Такъ вѣдь и написала: „поступка"! Тоже вѣдь озлилась; эхъ вы всѣ! Постой! внезапно прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и, придержавъ Алешу за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь, Алешка, пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, весь подъ впечатлѣніемъ внезапной новой мысли, вдругъ его осѣнившей, и хоть самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь выговорить вслухъ эту новую внезапную мысль свою, до того онъ все еще не могъ повѣрить чудному для него и никакъ неожиданному настроенію, въ которомъ видѣлъ теперь Алешу, — Алешка, знаешь куда мы всего лучше бы теперь пошли? выговорилъ онъ, наконецъ, робко и искательно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? весь даже дрожа отъ робкаго ожиданія, изрекъ, наконецъ, Ракитинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, спокойно и тотчасъ же отвѣтилъ Алеша.

И ужъ это было до того неожиданно для Ракитина, то-есть такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не отпрыгнулъ назадъ.

— Ну-ну!.. Вотъ! прокричалъ было онъ въ изумленіи, но вдругъ, крѣпко подхвативъ Алешу подъ руку, быстро повлекъ его по тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь, что

въ томъ исчезнетъ рѣшимость. Шли молча, Ракитинъ даже заговорить боялся.

— А рада-то какъ она будетъ, рада-то... пробормоталъ было онъ, но опять примолкъ.

Да и вовсе не для радости Грушенькиной онъ влекъ къ ней Алешу; былъ онъ человѣкъ серьезный и безъ выгодной для себя цѣли ничего не предпринималъ. Цѣль же у него теперь была двоякая, во-первыхъ, мстительная, то-есть увидѣть „позоръ праведнаго“ и вѣроятно „паденіе“ Алеши „изъ святыхъ во грѣшники“, чѣмъ онъ уже заранѣе упивался, а, во-вторыхъ, была у него тутъ въ виду и нѣкоторая матеріальная, весьма для него выгодная цѣль, о которой будетъ сказано ниже.

„Значитъ, такая минута вышла“, думалъ онъ про себя весело и злобно, „вотъ мы, стало-быть, и изловимъ ее за шиворотъ, минутку-то эту, ибо она намъ весьма подобающая“.

III.

Луковка.

Грушенька жила въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города, близъ соборной площади, въ домѣ купеческой вдовы Морозовой, у которой нанимала на дворѣ небольшой, деревянный флигель. Домъ же Морозовой былъ большой, каменный, двухъэтажный, старый и очень неприглядный на видъ; въ немъ проживала уединенно сама хозяйка, старая женщина, съ двумя своими племянницами, тоже весьма пожилыми дѣвицами. Отдавать въ наемъ свой флигель на дворѣ она не нуждалась, но всѣ знали, что пустила къ себѣ жилицей Грушеньку (еще года четыре назадъ) единственно въ угоду родственнику своему купцу Самсонову, Грушенькиному открытому покровителю. Говорили, что ревнивый старикъ, помѣщая къ Морозовой свою „фаворитку“, имѣлъ первоначально въ виду зоркій глазъ старухи, чтобы наблюдать за поведеніемъ новой жилицы. Но зоркій глазъ весьма скоро оказался ненужнымъ и кончилось тѣмъ, что Морозова даже рѣдко встрѣчалась съ Грушенькой и совсѣмъ уже не надоѣдала ей подъ конецъ никакимъ надзоромъ. Правда, прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ, какъ старикъ привезъ въ этотъ домъ изъ губернскаго города восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, робкую, застѣнчивую, тоненькую, худенькую, задумчивую и грустную, и съ тѣхъ поръ много утекло воды. Біографію этой

дѣвочки знали, впрочемъ, у насъ въ городѣ мало и сбивчиво; не узнали больше и въ послѣднее время, и это даже тогда, когда уже очень многіе стали интересоваться такою „раскрасавицей“, въ какую превратилась въ четыре года Аграфена Александровна. Были только слухи, что семнадцатилѣтнею еще дѣвочкой была она кѣмъ-то обманута, какимъ-то будто бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ же имъ брошена. Офицеръ-де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а Грушенька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили, впрочемъ, что хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ старикомъ изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила какъ-то изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго діакона или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ, въ четыре года, изъ чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотѣлая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, гордая и наглая, понимавшая толкъ въ деньгахъ, пріобрѣтательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить свой собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣждены: что къ Грушенькѣ доступъ труденъ, и что кромѣ старика, ея покровителя, не было ни единаго еще человѣка, во всѣ четыре года, который бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ былъ твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности выскакивало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два года. Но всѣ попытки оказались втуне, а иные изъ искателей принуждены были отретироваться даже съ комическою и зазорною развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со стороны характерной молодой особы. Знали еще, что молодая особа, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то, что̀ называется „гешефтомъ“, и что съ этой стороны она оказалась съ чрезвычайными способностями, такъ что подъ конецъ многіе прозвали ее сущею жидовкой. Не то чтобъ она давала деньги въ ростъ, но извѣстно было, напримѣръ, что въ компаніи съ Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ она нѣкоторое время дѣйствительно занималась скупкою векселей за безцѣнокъ, по гривеннику за рубль, а потомъ пріобрѣла на иныхъ изъ этихъ векселей по рублю на гривенникъ. Больной Самсоновъ, въ послѣдній годъ лишившійся употребленія своихъ распухшихъ ногъ, вдовецъ, тиранъ своихъ взрослыхъ сыновей, большой стотысячникъ,

человѣкъ скаредный и неумолимый, подпалъ, однакоже, подъ сильное вліяніе своей протеже, которую сначала было держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ, „на постномъ маслѣ“, какъ говорили тогда зубоскалы. Но Грушенька успѣла эмансипироваться, внушивъ, однакоже, ему безграничное довѣріе касательно своей ему вѣрности. Этотъ старикъ, большой дѣлецъ (теперь давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательнаго, главное, скупъ и твердъ какъ кремень, и хоть Грушенька поразила его, такъ что онъ и жить безъ нея не могъ (въ послѣдніе два года, напримѣръ, это такъ и было), но капиталу большого, значительнаго, онъ все-таки ей не отдѣлилъ, и даже если бъ она пригрозила ему совсѣмъ его бросить, то и тогда бы остался неумолимъ. Но отдѣлилъ зато капиталъ малый, и когда узналось это, то и это стало всѣмъ на удивленіе. „Ты сама баба не промахъ“, сказалъ онъ ей, отдѣляя ей тысячъ съ восемь, „сама и орудуй, но знай, что, кромѣ ежегоднаго содержанія по-прежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ меня не получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдѣлю“. Такъ и сдержалъ слово: умеръ и все оставилъ сыновьямъ, которыхъ всю жизнь держалъ при себѣ, наравнѣ какъ слугъ, съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенькѣ даже и не упомянулъ въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно впослѣдствіи. Совѣтами же, какъ орудовать „своимъ собственнымъ капиталомъ“, онъ Грушенькѣ помогалъ не мало и указывалъ ей „дѣла“. Когда Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально съ Грушенькой по поводу одного случайнаго „гешефта“, кончилъ совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ, что влюбился въ нее безъ памяти, и какъ бы даже умъ потерявъ, то старикъ Самсоновъ, уже дышавшій въ то время на ладанъ, сильно подсмѣивался. Замѣчательно, что Грушенька была со своимъ старикомъ за все время ихъ знакомства вполнѣ и даже какъ бы сердечно откровенна, и это, кажется, съ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ со своею любовью и Дмитрій Ѳедоровичъ, старикъ пересталъ смѣяться. Напротивъ, однажды серьезно и строго посовѣтовалъ Грушенькѣ: „Если ужъ выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбирай старика, но съ тѣмъ, однакоже, чтобы старый подлецъ безпремѣнно на тебѣ женился, а предварительно хоть нѣкоторый капиталъ отписалъ. А съ капитаномъ не

якшайся, пути не будетъ". Вотъ были собственныя слова Грушенькѣ стараго сластолюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть свою, и впрямь чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Замѣчу еще мелькомъ, что хотя у насъ въ городѣ даже многіе знали тогда про нелѣпое и уродливое соперничество Карамазовыхъ, отца съ сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, но настоящаго смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, къ старику и къ сыну, мало кто тогда понималъ. Даже обѣ служанки Грушеньки (послѣ уже разразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) показали потомъ на судѣ, что Дмитрія Ѳедоровича принимала Аграфена Александровна изъ одного лишь страху, потому, будто бы, что „убить грозился". Служанокъ у нея было двѣ, одна очень старая кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, больная и почти оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ двадцати, Грушенькина горничная. Жила же Грушенька очень скупо и въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во флигелѣ всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки древнею, краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда вошли къ ней Ракитинъ и Алеша, были уже полныя сумерки, но комнаты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у себя въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со спинкой подъ красное дерево, жесткомъ и обитомъ кожей, давно уже истершеюся и продырившеюся. Подъ головой у ней были двѣ бѣлыя пуховыя подушки съ ея постели. Она лежала навзничь, неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову. Была она пріодѣта, будто ждала кого, въ шелковомъ черномъ платьѣ и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая очень къ ней шла; на плечи была наброшена кружевная косынка, приколотая массивною золотою брошкой. Именно она кого-то ждала, лежала какъ бы въ тоскѣ и въ нетерпѣніи, съ нѣсколько поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами, кончикомъ правой ноги нетерпѣливо постукивая по ручкѣ дивана. Чуть только появились Ракитинъ и Алеша, какъ произошелъ было маленькій переполохъ: слышно было изъ передней, какъ Грушенька быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно прокричала: „Кто тамъ?" Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ же откликнулась барынѣ:

— Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.

— Что бы у ней такое? пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу за руку въ гостиную.

Грушенька стояла у дивана, какъ бы все еще въ испугѣ. Густая прядь темнорусой косы ея выбилась вдругъ изъ-подъ наколки и упала на ея правое плечо, но она не замѣтила и не поправила, пока не вглядѣлась въ гостей и не узнала ихъ.

— Ахъ, это ты, Ракитка? Испугалъ было меня всю. Съ кѣмъ ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привелъ! воскликнула она, разглядѣвъ Алешу.

— Да вели подать свѣчей-то! проговорилъ Ракитинъ съ развязнымъ видомъ самаго короткаго знакомаго и близкаго человѣка, имѣющаго даже право распоряжаться въ домѣ.

— Свѣчей... конечно, свѣчей... Ѳеня, принеси ему свѣчку... Ну, нашелъ время его привести! воскликнула она опять, кивнувъ на Алешу, и, оборотясь къ зеркалу, быстро начала обѣими руками вправлять свою косу.

Она какъ будто была недовольна.

— Аль не потрафилъ? спросилъ Ракитинъ, мигомъ почти обидѣвшись.

— Испугалъ ты меня, Ракитка, вотъ что, обернулась Грушенька съ улыбкой къ Алешѣ.—Не бойся ты меня, голубчикъ Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданный. А ты меня, Ракитка, испугалъ: Я вѣдь думала, Митя ломится. Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово взяла, чтобы мнѣ вѣрилъ, а я налгала. Сказала ему, что къ Кузьмѣ Кузьмичу, къ старику моему, на весь вечеръ уйду и буду съ нимъ до ночи деньги считать. Я вѣдь каждую недѣлю къ нему ухожу на весь вечеръ счеты сводить. На замокъ запремся: онъ на счетахъ постукиваетъ, а я сижу—въ книги вписываю—одной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ, что я тамъ, а я вотъ дома заперлась—сижу, одной вѣсти жду. Какъ это васъ Ѳеня впустила! Ѳеня, Ѳеня! Бѣги къ воротамъ, отвори и огляди кругомъ, нѣтъ ли гдѣ капитана-то? Можетъ, спрятался и высматриваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ, Аграфена Александровна, сейчасъ кругомъ оглянула, я и въ щелку подхожу гляжу поминутно, сама въ страхѣ-трепетѣ.

— Ставни заперты ли, Ѳеня, да занавѣсъ бы опустить — вотъ такъ! — она сама опустила тяжелые запа-

вѣсы.—А то на огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Митю, братца твоего, Алеша, сегодня боюсь.

Грушенька говорила громко, хотя и въ тревогѣ, но и какъ будто въ какомъ-то почти восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? освѣдомился Ракитинъ.—Кажется, съ нимъ не пуглива, по твоей дудкѣ пляшетъ.

— Говорю тебѣ, вѣсти жду, золотой одной такой вѣсточки, такъ что Митеньки-то и не надо бы теперь вовсе. Да и не повѣрилъ онъ мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу пошла. Должно-быть, сидитъ теперь тамъ у себя, у Ѳедора Павловича на задахъ въ саду, меня сторожитъ. А коли тамъ засѣлъ, значитъ, сюда не придетъ, тѣмъ и лучше! А вѣдь къ Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь сбѣгала, Митя же меня и проводилъ, сказала—до полночи просижу и чтобъ онъ же меня безпремѣнно пришелъ въ полночь домой проводить. Онъ ушелъ, а я минутъ десять у старика просидѣла, да и опять сюда, ухъ, боялась—бѣжала, чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Ишь вѣдь какой чепецъ на тебѣ любопытный?

— И ужъ какой же ты самъ любопытный, Ракитинъ! Говорю тебѣ, такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскочу—полечу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась, чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много знать будешь—скоро состаришься.

— Ишь вѣдь. Вся въ радости... Никогда еще я тебя не видѣлъ такую. Разодѣлась какъ на балъ, оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ-то понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго года Кузьма Кузьмичъ сына женилъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Что̀ жъ мнѣ, Ракитка, съ тобой что ли разговаривать, когда тутъ такой князь стоитъ. Вотъ такъ гость! Алеша, голубчикъ, гляжу я на тебя и не вѣрю; Господи, какъ это ты у меня появился! По правдѣ тебѣ сказать, не ждала, не гадала, да и прежде никогда тому не вѣрила, чтобы ты могъ придти. Хоть и не та минутка теперь, а я страхъ тебѣ рада! Садись на диванъ, вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяцъ ты мой молодой. Право, я еще какъ будто и не соображусь... Эхъ ты, Ракитка, если бы ты его вчера, али

третьяго дня привелъ!.. Ну, да рада и такъ. Можетъ, и лучше, что теперь, подъ такую минуту, а не третьяго дня...

Она рѣзво подсѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ рядомъ, и глядѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. И дѣйствительно была рада, не лгала, говоря это. Глаза ея горѣли, губы смѣялись, но добродушно, весело смѣялись. Алеша даже и не ожидалъ отъ нея такого добраго выраженія въ лицѣ... Онъ встрѣчалъ ее до вчерашняго дня мало, составилъ объ ней устрашающее понятіе, а вчера такъ страшно былъ потрясенъ ея злобною и коварною выходкой противъ Катерины Ивановны и былъ очень удивленъ, что теперь вдругъ увидалъ въ ней совсѣмъ какъ бы иное и неожиданное существо. И какъ ни былъ онъ придавленъ своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно остановились на ней со вниманіемъ. Всѣ манеры ея какъ бы измѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ къ лучшему: не было этой вчерашней слащавости въ выговорѣ почти вовсе, этихъ изнѣженныхъ и манерныхъ движеній... все было просто, простодушно, движенія ея были скорыя, прямыя, довѣрчивыя, но была она очень возбуждена.

— Господи, экія все вещи сегодня сбываются, право, залепетала она опять.—И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, сама не знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

— Ну, ужъ и не знаешь чему рада? усмѣхнулся Ракитинъ.—Прежде-то за чѣмъ-нибудь приставала же ко мнѣ: приведи, да приведи его, имѣла же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь то прошло, не такая минута. Потчивать я васъ стану, вотъ что. Я теперь подобрѣла, Ракитка. Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь? Аль ты ужъ сѣлъ? Небось, Ракитушка себя не забудетъ. Вотъ онъ теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ насъ, да и обижается: зачѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться. Ухъ, обидчивъ у меня Ракитка, обидчивъ! засмѣялась Грушенька. — Не злись, Ракитка, нынѣ я добрая. Да чего ты грустенъ сидишь, Алешечка, аль меня боишься? съ веселою насмѣшкой заглянула она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, пробасилъ Ракитинъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пропахъ.

— Какъ пропахъ? Вздоръ ты какой-нибудь мелешь, скверность какую-нибудь хочешь сказать. Молчи, дуракъ.

Пустишь меня, Алеша, на колѣни къ себѣ посидѣть, вотъ такъ!—И вдругъ она мигомъ привскочила и прыгнула смѣясь ему на колѣни, какъ ласкающаяся кошечка, нѣжно правою рукой охвативъ ему шею. — Развеселю я тебя, мальчикъ ты мой богомольный! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣнкахъ у тебя посидѣть, не осердишься? Прикажешь—я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ, боясь шевельнуться, онъ слышалъ ея слова: „прикажешь—я соскочу“, но не отвѣтилъ, какъ будто замеръ. Но не то въ немъ было, чего могъ бы ждать и что могъ бы вообразить въ немъ теперь, напримѣръ, хоть Ракитинъ, плотоядно наблюдавшій со своего мѣста. Великое горе души его поглощало всѣ ощущенія, какія только могли зародиться въ сердцѣ его, и если только могъ бы онъ въ сію минуту дать себѣ полный отчетъ, то и самъ бы догадался, что онъ теперь въ крѣпчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и искушенія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю смутную безотчетность его душевнаго состоянія и на все угнетавшее его горе, онъ все же дивился невольно одному новому и странному ощущенію, рождавшемуся въ его сердцѣ: эта женщина, эта „страшная“ женщина не только не пугала его теперь прежнимъ страхомъ, страхомъ, зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о женщинѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но, напротивъ, эта женщина, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него на колѣняхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ теперь совсѣмъ иное, неожиданное и особливое чувство, чувство какого-то необыкновеннаго, величайшаго и чистосердечнѣйшаго къ ней любопытства, и все это уже безо всякой боязни, безъ малѣйшаго прежняго ужаса,—вотъ что было главное и что невольно удивляло его.

— Да полно вздоръ-то вамъ болтать, закричалъ Ракитинъ, — а лучше шампанскаго подавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

— Вправду долгъ. Вѣдь я, Алеша, ему за тебя шампанскаго, сверхъ всего, обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шампанскаго и я стану пить! Ѳеня, Ѳеня, неси намъ шампанскаго, ту бутылку, которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хоть и скупая, а бутылку подамъ, не тебѣ, Ракитка, ты грибъ, а онъ князь! И хоть не тѣмъ душа моя теперь полна, а, такъ и быть, выпью и я съ вами, дебоширить хочется!

— Да что̀ это у тебя за минута, и какая такая тамъ „вѣсть“, можно спросить, аль секретъ? съ любопытствомъ ввернулъ опять Ракитинъ, изо всей силы дѣлая видъ, что и вниманія не обращаетъ на щелчки, которые въ него летѣли безпрерывно.

— Эхъ, не секретъ, да и самъ ты знаешь, озабоченно проговорила вдругъ Грушенька, повернувъ голову къ Ракитину и отклонясь немного отъ Алеши, хотя все еще продолжая сидѣть у него на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею.—Офицеръ ѣдетъ, Ракитинъ, офицеръ мой ѣдетъ!

— Слышалъ я, что ѣдетъ, да развѣ ужъ такъ близко?

— Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда эстафетъ пришлетъ, такъ самъ написалъ, давеча письмо получила? Сижу и жду эстафета.

— Вона! Почему въ Мокромъ?

— Долго разсказывать, да и довольно съ тебя.

— То-то Митенька-то теперь,—уй, уй! Онъ-то знаетъ, аль не знаетъ?

— Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ, такъ убилъ бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я теперь его ножа. Молчи, Ракитка, не поминай мнѣ о Дмитріи Ѳедоровичѣ: сердце онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хочу я ни о чемъ объ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ объ Алешечкѣ могу думать, я на Алешечку гляжу... Да усмѣхнись ты на меня, голубчикъ, развеселись, на глупость-то мою, на радость-то мою усмѣхнись... А вѣдь улыбнулся, улыбнулся! Ишь ласково какъ смотритъ. Я, знаешь, Алеша, все думала, что ты на меня сердишься за третьягодняшнее, за барышню-то. Собака я была, вотъ что̀... Только, все-таки, хорошо оно, что такъ произошло. И дурно оно было, и хорошо оно было, вдумчиво усмѣхнулась вдругъ Грушенька и какая-то жестокая черточка мелькнула вдругъ въ ея усмѣшкѣ.—Митя сказывалъ, что кричала: „Плетьми ее надо!“ Разобидѣла я тогда ее ужъ очень. Зазвала меня, побѣдить хотѣла, шоколадомъ своимъ обольстить... Нѣтъ, оно хорошо, что такъ произошло, усмѣхнулась она опять.—Да вотъ боюсь все, что ты осердился...

— А вѣдь и впрямь, съ серьезнымъ удивленіемъ ввернулъ вдругъ Ракитинъ. — Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ дѣлѣ боится, цыпленка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, онъ цыпленокъ, вотъ что̀... потому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что̀! Я, видишь, я

люблю его душой, вотъ что̀! Вѣришь, Алеша, что я люблю тебя всею душой?

— Ахъ ты безстыдница! Это она въ любви тебѣ, Алексѣй, объясняется!

— А что̀-жъ, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокраго?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по-бабьему выходитъ!

— Не зли меня, Ракитка, горячо подхватила Грушенька,—одно, а это другое. Я Алешу по-иному люблю. Правда, Алеша, была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я низкая, я вѣдь неистовая, ну, а въ другую минуту я, бывало, Алеша, на тебя какъ на совѣсть мою смотрю. Все думаю: „вѣдь ужъ какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ". И третьяго дня это думала, какъ отъ барышни сюда бѣжала. Давно я тебя замѣтила такъ, Алеша, и Митя знаетъ, ему говорила. Вотъ Митя такъ понимаетъ. Вѣришь ли, иной разъ, право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, всё себя стыжусь... И какъ это я объ тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не помню...

Вошла Ѳеня и поставила на столъ подносъ, на немъ откупоренную бутылку и три налитые бокала.

— Шампанское принесли! прокричалъ Ракитинъ,—возбуждена ты, Аграфена Александровна, и внѣ себя. Бокалъ выпьешь, танцовать пойдешь. Э-эхъ, и того не сумѣли сдѣлать, прибавилъ онъ, разглядывая шампанское. — Въ кухнѣ старуха разлила, и бутылку безъ пробки принесли, и теплое. Ну, давай хоть такъ.

Онъ подошелъ къ столу, взялъ бокалъ, выпилъ залпомъ и налилъ себѣ другой.

— На шампанское-то не часто нарвешься, проговорилъ онъ, облизываясь, — нутка, Алеша, бери бокалъ, покажи себя. За что̀ же намъ пить? За райскія двери? Бери, Груша, бокалъ, пей и ты за райскія двери?

— За какія это райскія двери?

Она взяла бокалъ, Алеша взялъ свой, отпилъ глотокъ и поставилъ бокалъ назадъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше не надо! улыбнулся онъ тихо.

— А хвалился! крикнулъ Ракитинъ.

— Ну и я, коли такъ, не буду, подхватила Грушенька,—да и не хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выпьетъ Алеша, и я тогда выпью.

— Телячьи нѣжности пошли! поддразнилъ Ракитинъ.— А сама на колѣнкахъ у него сидитъ! У него, положимъ, горе, а у тебя что? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу собирался жрать...

— Что такъ?

— Старецъ его померъ сегодня, старецъ Зосима, святой.

— Такъ умеръ старецъ Зосима, воскликнула Грушенька,—Господи, а я того и не знала!—Она набожно перекрестилась.—Господи, да что же я, а я-то у него на колѣнкахъ теперь сижу! вскинулась она вдругъ, какъ въ испугѣ, мигомъ соскочила съ колѣнъ и пересѣла на диванъ.

Алеша длинно съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее и на лицѣ его какъ будто что засвѣтилось.

— Ракитинъ, проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо,—не дразни ты меня, что я противъ Бога моего взбунтовался. Не хочу я злобы противъ тебя имѣть, а потому будь и ты добрѣе. Я потерялъ такое сокровище, какого ты никогда не имѣлъ, и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на нее: видѣлъ, какъ она меня пощадила? Я шелъ сюда злую душу найти — такъ влекло меня самого къ тому, потому что я былъ подлъ и золъ, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище— душу любящую... Она сейчасъ пощадила меня... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою душу сейчасъ возстановила.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ остановился.

— Будто ужъ такъ и спасла тебя! засмѣялся Ракитинъ злобно.—А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! вскочила вдругъ Грушенька, — молчите вы оба. Теперь я все скажу: ты, Алеша, молчи, потому что отъ твоихъ такихъ словъ меня стыдъ беретъ, потому что я злая, а не добрая, — вотъ я какая. А ты, Ракитка, молчи потому, что ты лжешь. Была такая подлая мысль, что хотѣла его проглотить, а теперь ты лжешь, теперь вовсе не то... и чтобъ я тебя больше совсѣмъ не слыхала, Ракитка!

Все это Грушенька проговорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! прошипѣлъ Ракитинъ, съ удивленіемъ разсматривая ихъ обоихъ, — какъ помѣшанные, точно я въ сумасшедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоюдно, плакать сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать, и начну плакать! приговаривала Грушенька, — онъ меня сестрой своей назвалъ, и я никогда того впредь не забуду! Только вотъ что̀, Ракитка, я хоть и злая, а все-таки я луковку подала.

— Каку таку луковку? Фу, чортъ, да и впрямь помѣшались!

Ракитинъ удивлялся на ихъ восторженность и обидчиво злился, хотя и могъ бы сообразить, что у обоихъ какъ разъ сошлось все, что̀ могло потрясти ихъ души такъ, какъ случается это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій весьма чувствительно понимать все, что̀ касалось его самого, былъ очень грубъ въ пониманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ своихъ, — отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и по великому своему эгоизму.

— Видишь, Алешечка, нервно разсмѣялась вдругъ Грушенька, обращаясь къ нему, — это я Ракиткѣ похвалилась, что луковку подала, а тебѣ не похвалюсь, я тебѣ съ иной цѣлью это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, отъ моей Матрены, что̀ теперь у меня въ кухаркахъ служитъ, слышала. Видишь какъ это. „Жила была одна баба, злющая-презлющая, и померла. И не осталось послѣ нея ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули въ огненное озеро. А Ангелъ-хранитель ея стоитъ да и думаетъ: какую бы мнѣ такую добродѣтель ея припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнилъ, и говоритъ Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку выдернула и нищенкѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми жъ ты, говоритъ, эту самую луковку, протяни ей въ озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то пусть въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оставаться бабѣ, гдѣ теперь. Побѣжалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей луковку: на, говоритъ, баба, схватись и тянись. И сталъ онъ ее осторожно тянуть, и ужъ всю было вытянулъ, да грѣшники прочіе въ озерѣ, какъ увидали, что ее тянутъ вонъ, и стали всѣ за нее хвататься, чтобъ и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала она ихъ ногами брыкать: „Меня тянутъ, а не васъ; моя луковка, а не ваша“. Только что она это выговорила, луковка-то и прорвалась. И упала баба въ озеро и горитъ по сей день. А Ангелъ заплакалъ и отошелъ“. Вотъ она эта басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я и есть эта самая баба злющая. Ракиткѣ я похвалилась,

что луковку подала, а тебѣ иначе скажу: *всего-то* я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть добродѣтели. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай меня доброю, злая я, злющая-презлющая, а будешь хвалить въ стыдъ введешь. Эхъ, да ужъ покаюсь совсѣмъ. Слушай, Алеша: я тебя столь желала къ себѣ залучить и столь приставала къ Ракиткѣ, что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко мнѣ приведетъ. Стой, Ракитка, жди! Она быстрыми шагами подошла къ столу, отворила ящикъ, вынула портмонэ, а изъ него двадцати-пятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! восклицалъ озадаченный Ракитинъ.

— Принимай, Ракитка, долгъ, небось не откажешься, самъ просилъ.—И швырнула ему кредитку.

— Еще бъ отказаться, пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфузившись, но молодцовато прикрывая стыдъ, — это намъ вельми на руку будетъ, дураки и существуютъ въ профитъ умному человѣку.

— А теперь молчи, Ракитка, теперь все что̀ буду говорить, не для твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголъ и молчи, не любишь ты насъ, и молчи.

— Да за что̀ мнѣ любить-то васъ? не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракитинъ. Двадцати-пятирублевую кредитку онъ сунулъ въ карманъ и предъ Алешей ему было рѣшительно стыдно. Онъ разсчитывалъ получить плату послѣ, такъ чтобы тотъ и не узналъ, а теперь отъ стыда озлился. До сей минуты онъ находилъ весьма политичнымъ не очень противорѣчить Грушенькѣ, несмотря на всѣ ея щелчки, ибо видно было, что она имѣла надъ нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердился:

— Любятъ за что-нибудь, а вы что̀ мнѣ сдѣлали оба?

— А ты ни за что люби, вотъ какъ Алеша любитъ.

— А чѣмъ онъ тебя любитъ, и что̀ онъ тебѣ такого показалъ, что ты носишься?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаромъ и въ голосѣ ея слышались истерическія нотки.

— Молчи, Ракитка, не понимаешь ты ничего у насъ! И не смѣй ты мнѣ впредь *ты* говорить, не хочу тебѣ позволять и съ чего ты такую смѣлость взялъ, вотъ что! Садись въ уголъ и молчи какъ мой лакей! А теперь, Алеша, всю правду чистую тебѣ одному скажу, чтобы ты видѣлъ какая я тварь! Не Ракиткѣ, а тебѣ говорю. Хо-

тѣла я тебя погубить, Алеша, правда это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла, что Ракитку деньгами подкупила, чтобы тебя привелъ. И изъ чего такого я такъ захотѣла? Ты, Алеша, и не зналъ ничего, отъ меня отворачивался, пройдешь — глаза опустишь, а я на тебя сто разъ до сего глядѣла, всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Лицо твое у меня въ сердцѣ осталось: „Презираетъ онъ меня, думаю, посмотрѣть даже на меня не захочетъ". И такое меня чувство взяло подъ конецъ, что сама себѣ удивляюсь; чего я такого мальчика боюсь? Проглочу его всего и смѣяться буду. Обозлилась совсѣмъ. Вѣришь ли тому; никто-то здѣсь не смѣетъ сказать и подумать, чтобъ къ Аграфенѣ Александровнѣ за худымъ этимъ дѣломъ придти; старикъ одинъ только тутъ у меня, связана я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, зато изъ другихъ—никто. Но на тебя глядя, положила: его проглочу. Проглочу и смѣяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую ты сестрой своей назвалъ! Вотъ теперь пріѣхалъ этотъ обидчикъ мой, сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь, чѣмъ былъ мнѣ этотъ обидчикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма, — такъ я сижу, бывало, отъ людей хоронюсь, чтобъ меня не видали и не слыхали, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, ночей напролетъ не сплю—думаю: „И ужъ гдѣ жъ онъ теперь, мой обидчикъ? Смѣется, должно быть, съ другою надо мной, и ужъ я жъ его, думаю, только бы увидѣть его, встрѣтить когда; то ужъ я жъ ему отплачу, ужъ я жъ ему отплачу!" Ночью въ темнотѣ рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю: „Ужъ я жъ ему, ужъ я жъ ему отплачу!" Такъ, бывало, и закричу въ темнотѣ. Да какъ вспомню вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мной смѣется теперь, а, можетъ, и совсѣмъ забылъ и не помнитъ, такъ кинусь съ постели на полъ, залью безсильною слезой и трясусь-трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ что̀ жъ ты думаешь: стала я капиталъ копить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣла,—поумнѣла ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ же, никто того не видитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ ночной, все такъ же какъ и дѣвчонкой, пять лѣтъ тому, лежу иной разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: „Ужъ я жъ ему, да ужъ я жъ ему!" думаю. Слышалъ ты это все?

Ну такъ какъ же ты теперь понимаешь меня: мѣсяцъ тому приходитъ ко мнѣ вдругъ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной повидаться хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да вдругъ и подумала: а пріѣдетъ да свистнетъ мнѣ, позоветъ меня, такъ я какъ собачонка къ нему поползу битая, виноватая! Думаю это и сама себѣ не вѣрю: „Подлая я, аль не подлая, побѣгу я къ нему, аль не побѣгу?“ И такая меня злость взяла теперь на самоё себя во весь этотъ мѣсяцъ, что хуже еще чѣмъ пять лѣтъ тому. Видишь ли теперь, Алеша, какая я неистовая, какая я яростная, всю тебѣ правду выразила! Митей забавлялась, чтобы къ тому не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала, думала, судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узнать, что̀ у меня въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алеша, скажи своей барышнѣ, чтобъ она за третьеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ свѣтѣ, каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я, можетъ быть, сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила...

И вымолвивъ это „жалкое“ слово, Грушенька вдругъ не выдержала, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на диванъ въ подушки и зарыдала какъ малое дитя. Алеша всталъ съ мѣста и подошелъ къ Ракитину.

— Миша, проговорилъ онъ,—не сердись. Ты обиженъ ею, но не сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души человѣка столько спрашивать, надо быть милосерднѣе.

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца Ему надо было высказаться, и онъ обратился къ Ракитину. Если бъ не было Ракитина, онъ сталъ бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ поглядѣлъ насмѣшливо, и Алеша вдругъ остановился.

— Это тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили и теперь ты своимъ старцемъ въ меня и выпалилъ, Алешенька Божій человѣчекъ, съ ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ.

— Не смѣйся, Ракитинъ, не усмѣхайся, не говори про покойника: онъ выше всѣхъ кто былъ на землѣ! съ плачемъ въ голосѣ прокричалъ Алеша. — Я не какъ судья тебѣ сталъ говорить, а самъ какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я передъ нею? Я шелъ сюда чтобы погибнуть и говорилъ: „пусть, пусть!“ и это изъ-за моего мало-

душія; а она, черезъ пять лѣтъ муки, только что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказалъ — все простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зоветъ ее, и она все прощаетъ ему и спѣшитъ къ нему въ радости, и не возьметъ ножа, не возьметъ! Нѣтъ, я не таковъ. Я не знаю, таковъ ли ты, Миша, но я не таковъ. Я сегодня, сейчасъ, этотъ урокъ получилъ... Она выше любовью чѣмъ мы... Слышалъ ли ты отъ нея прежде то, что̀ она разсказала теперь? Нѣтъ, не слышалъ; если бы слышалъ, то давно бы все понялъ... и другая обиженная третьяго дня, и та пусть проститъ ее! И проститъ коль узнаетъ... и узнаетъ... Эта душа еще не примиренная, надо щадить ее... въ душѣ этой можетъ быть сокровище...

Алеша замолкъ, потому что ему пересѣкло дыханіе. Ракитинъ, несмотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіемъ. Никогда не ожидалъ онъ отъ тихаго Алеши такой тирады.

— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее, что ли? Аграфена Александровна, вѣдь постникъ-то нашъ и впрямь въ тебя влюбился, побѣдила! прокричалъ онъ, съ наглымъ смѣхомъ.

Грушенька подняла съ подушки голову и поглядѣла на Алешу съ умильною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то вдругъ распухшемъ отъ сейчашнихъ слезъ лицѣ.

— Оставь ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь, онъ какой, нашелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ, обратилась она къ Ракитину, — хотѣла было у тебя прощенія попросить за то, что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Алеша, поди ко мнѣ, сядь сюда, манила она его съ радостною улыбкой, вотъ такъ, вотъ садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла его за руку и заглядывала ему, улыбаясь, въ лицо), — скажи ты мнѣ: люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или нѣтъ? Лежала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала сердце: люблю я того или нѣтъ? Разрѣши ты меня, Алеша, время пришло, что̀ положишь, такъ и будетъ. Простить мнѣ его, или нѣтъ?

— Да вѣдь ужъ простила, улыбаясь, проговорилъ Алеша.

— А и впрямь простила, вдумчиво произнесла Грушенька.—Экое вѣдь подлое сердце! За подлое сердце мое! схватила она вдругъ со стола бокалъ, разомъ выпила, подняла его и съ размаха бросила на полъ. Бокалъ раз-

бился и зазвенѣлъ. Какая-то жестокая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.

— А вѣдь, можетъ, еще и не простила, какъ-то грозно проговорила она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна сама съ собой говорила.—Можетъ, еще только собирается сердце простить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь, Алеша, слезы мои пятилѣтнія страхъ полюбила... Я, можетъ, только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!

— Ну, не хотѣлъ бы я быть въ его кожѣ! прошипѣлъ Ракитинъ.

— И не будешь, Ракитка, никогда въ его кожѣ не будешь. Ты мнѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое дѣло употреблю, а такой, какъ я, тебѣ никогда не видать... Да и ему, можетъ, не увидать...

— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? ехидно поддразнилъ Ракитинъ.

— Не кори меня нарядомъ, Ракитка, не знаешь еще ты всего моего сердца! Захочу и сорву нарядъ, сейчасъ сорву, сію минуту, звонко прокричала она.—Не знаешь ты для чего этотъ нарядъ, Ракитка! Можетъ, выйду къ нему и скажу: „Видалъ ты меня такую, аль нѣтъ еще?"—Вѣдь онъ меня семнадцатилѣтнюю, тоненькую, чахоточную плаксу оставилъ. Да подсяду къ нему, да обольщу, да разожгу его: „Видалъ ты, какова я теперь, скажу, ну такъ и оставался при томъ, милостивый государь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!"—вотъ вѣдь къ чему, можетъ, этотъ нарядъ, Ракитка, закончила Грушенька со злобнымъ смѣшкомъ.—Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и разрѣжу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь никуда и ни къ кому, захочу завтра же отошлю Кузьмѣ все, что онъ мнѣ подарилъ и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.. Думаешь, не сдѣлаю я того, Ракитка, не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣлать, не раздражайте только меня... а того прогоню, тому лишь покажу, тому меня не видать!

Послѣднія слова она истерически прокричала, но не выдержала опять, закрыла руками лицо, бросилась въ подушку и опять затряслась отъ рыданій. Ракитинъ всталъ съ мѣста:

— Пора, сказалъ онъ,—поздно, въ монастырь не пропустятъ.

Грушенька такъ и вскочила съ мѣста.

— Да неужто жъ ты уходить, Алеша, хочешь! воскликнула она въ горестномъ изумленіи: — да что̀ жъ ты надо мной теперь дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ночь, опять мнѣ одной оставаться!

— Не ночевать же ему у тебя? А коли хочешь—пусть! Я и одинъ уйду! язвительно подшутилъ Ракитинъ.

— Молчи, злая душа, яростно крикнула ему Грушенька,—никогда ты мнѣ такихъ словъ не говорилъ, какія онъ мнѣ пришелъ сказать.

— Что̀ онъ такое тебѣ сказалъ? раздражительно проворчалъ Ракитинъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что̀ онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ... Пожалѣлъ онъ меня первый, единый, вотъ что! Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде, упала вдругъ она предъ нимъ на колѣни, какъ бы въ изступленіи.—Я всю жизнь такого, какъ ты, ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня проститъ. Вѣрила, что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только срамъ!..

— Что̀ я тебѣ такого сдѣлалъ, умиленно улыбаясь, отвѣтилъ Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки,—луковку я тебѣ подалъ, одну самую малую луковку, только, только!..

И, проговоривъ, самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ сѣняхъ вдругъ раздался шумъ, кто-то вошелъ въ переднюю, Грушенька вскочила какъ бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ шумомъ и крикомъ вбѣжала Ѳеня.

— Барыня, голубушка, барыня, эстафетъ прискакалъ! восклицала она весело и запыхавшись. — Тарантасъ изъ Мокраго за вами, Тимоѳей ямщикъ на тройкѣ, сейчасъ новыхъ лошадей переложатъ... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ и она все время, пока кричала, махала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея письмо и поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, нѣсколько строкъ, въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнулъ! прокричала она вся блѣдная, съ перекосившимся отъ болѣзненной улыбки лицомъ, — свистнулъ! Ползи, собачонка!

Но только мигъ одинъ простояла какъ бы въ нерѣшимости; вдругъ, кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки огнемъ.

— Ѣду! воскликнула она вдругъ. — Пять моихъ лѣтъ! Прощайте! Прощай, Алеша, рѣшена судьба... Ступайте, ступайте, ступайте отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!.. Полетѣла Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лихомъ и ты, Ракитка. Можетъ, на смерть иду! Ухъ! Словно пьяная!

Она вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.

— Ну, ей теперь не до насъ! проворчалъ Ракитинъ.— Идемъ, а то, пожалуй, опять этотъ бабій крикъ пойдетъ, надоѣли ужъ мнѣ эти слезные крики...

Алеша далъ себя машинально вывести. На дворѣ стоялъ тарантасъ, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ отворенныя ворота вводили свѣжую тройку. Но только что сошли Алеша и Ракитинъ съ крыльца, какъ вдругъ отворилось окно изъ спальни Грушеньки и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ Алешѣ:

— Алешечка, поклонись своему братцу Митенькѣ, да скажи ему, чтобы не поминалъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да передай ему тоже моими словами: „Подлецу досталась Грушенька, а не тебѣ, благородному!“ Да прибавь ему тоже, что любила его Грушенька одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и любила, — такъ чтобъ онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева помнилъ, такъ, дескать, Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!..

Она закончила голосомъ полнымъ рыданій. Окно захлопнулось.

— Гм! Гм! промычалъ Ракитинъ, смѣясь, — зарѣзала братца Митеньку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое плотоядіе!

Алеша ничего не отвѣтилъ, точно и не слышалъ; онъ шелъ подлѣ Ракитина скоро, какъ бы ужасно спѣша; онъ былъ какъ бы въ забытьи, шелъ машинально. Ракитина вдругъ что-то укололо, точно ранку его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того ждалъ онъ давеча, когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ иное случилось, а не то, чего бы ему очень хотѣлось.

— Полякъ онъ, ея офицеръ этотъ, заговорилъ онъ опять, сдерживаясь,—да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ таможнѣ чиновникомъ въ Сибири служилъ, гдѣ-то

тамъ на китайской границѣ, должно быть, какой поличеночекъ мозглявенькій. Мѣсто, говорятъ, потерялъ. Прослышалъ теперь, что у Грушеньки капиталъ завелся, вотъ и вернулся,—въ томъ и всѣ чудеса.

Алеша опять точно не слыхалъ. Ракитинъ не выдержалъ:

— Что жъ, обратилъ грѣшницу? злобно засмѣялся онъ Алешѣ.—Блудницу на путь истины обратилъ? Семь бѣсовъ изгналъ, а? Вотъ они гдѣ, наши чудеса-то давешнія, ожидаемыя, совершились!

— Перестань, Ракитинъ, со страданіемъ въ душѣ отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешнихъ „презираешь"? Продалъ, дескать, истиннаго друга. Да вѣдь ты не Христосъ, а я не Іуда.

— Ахъ, Ракитинъ, увѣряю тебя, я и забылъ объ этомъ, воскликнулъ Алеша,—самъ ты сейчасъ напомнилъ...

Но Ракитинъ озлился уже окончательно.

— Да чортъ васъ дери всѣхъ и каждаго! завопилъ онъ вдругъ,—и зачѣмъ я, чортъ, съ тобою связался! Знать я тебя не хочу больше отселева. Пошелъ одинъ, вонъ твоя дорога!

И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ Алешу одного во мракѣ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ полемъ къ монастырю.

IV.

Кана Галилейская.

Было уже очень поздно по-монастырскому, когда Алеша пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особымъ путемъ. Пробило уже девять часовъ,—часъ общаго отдыха и покоя послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша робко отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ которой теперь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паисія, уединенно читавшаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши-послушника Порфирія, утомленнаго вчерашнею почною бесѣдой и сегодняшнею суетой, и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, въ кельѣ никого не было. Отецъ Паисій, хоть и слышалъ, что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣлъ въ его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была переполнена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не

выдѣлялось слишкомъ сказываясь, напротивъ, одно вытѣсняло другое въ какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу было сладко и странно. Алеша не удивлялся тому. Опять видѣлъ онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ драгоцѣннаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было въ душѣ его, какъ давеча утромъ. Предъ гробомъ, сейчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но радость, радость сіяла въ умѣ его и въ сердцѣ его. Одно окно кельи было отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый,—„значитъ, духъ сталъ еще сильнѣе, коли рѣшились отворить окно", подумалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ, казавшаяся ему еще только давеча столь ужасною и безславною, не подняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго негодованія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ почувствовалъ, что молится почти машинально. Обрывки мыслей мелькали въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ же гасли, смѣняясь другими, но зато царило въ душѣ что-то цѣлое, твердое, утоляющее, и онъ сознавалъ это самъ. Иногда онъ пламенно начиналъ молитву, ему такъ хотѣлось благодарить и любить... Но, начавъ молитву, переходилъ вдругъ на что-нибудь другое, задумывался, забывалъ и молитву, и то чѣмъ прерывалъ ее. Сталъ было слушать, что̀ читалъ отецъ Паисій, но, утомленный очень, мало-по-малу началъ дремать...

„*И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣй*, читалъ отецъ Паисій, *и бѣ Мати Іисусова ту. Званъ же бысть Іисусъ и ученицы Его на бракъ*".

— Бракъ? Что это... бракъ... неслось какъ вихрь въ умѣ Алеши,—у ней тоже счастье... поѣхала на пиръ... Нѣтъ, она не взяла ножа, не взяла ножа... Это было только „жалкое" слово... Ну... жалкія слова надо прощать, непремѣнно. Жалкія слова тѣшатъ душу... безъ нихъ горе было бы слишкомъ тяжело у людей. Ракитинъ ушелъ въ переулокъ. Пока Ракитинъ будетъ думать о своихъ обидахъ, онъ будетъ всегда уходить въ переулокъ... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая, хрустальная и солнце въ концѣ ея... А?.. что̀ читаютъ?

„...*И не доставшу віну, глаголе Мати Іисусова къ Нему: віна не имутъ*"... слышалось Алешѣ.

— Ахъ, да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю. Это Кана Галилейская, пер-

вое чудо... Ахъ, это чудо, ахъ, это милое чудо. Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ... „Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ“... Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя, говоритъ Митя... Да, Митя... Все, что̀ истинно и прекрасно, всегда полно всепрощенія, — это опять-таки онъ говорилъ...

„...Глагола ей Іисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ, жено; не у пріиде часъ Мой. Глагола Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите“...

— Сотворите... Радость, радость какихъ-нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей... Ужъ, конечно, бѣдныхъ, коли даже на свадьбу вина не достало... Вонъ пишутъ историки, что около озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другого великаго существа, бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе какихъ-нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. „Не пришелъ еще часъ мой“, Онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, чтобъ умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ, сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ же по Ея просьбѣ... Ахъ, онъ опять читаетъ:

„...Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха.

„И глагола имъ: почерпните нынѣ и принесите архітріклінови, и принесоша.

„Якоже вкуси архітріклінъ віна бывшаго отъ воды, и не вѣдяше откуду есть: слуги же вѣдяху почерпшіи воду, приласи жениха архітріклінъ:

„И глагола ему: всякъ человѣкъ прежде доброе віно полагаетъ, и егда упіются, тогда хуждшее: ты же соблюлъ еси доброе віно досемъ“.

— Но что̀ это, что̀ это? Почему раздвигается комната... Ахъ, да... вѣдь это бракъ, свадьба... да, конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ, и веселая толпа и... гдѣ же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большого

стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда... Господи!..

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющійся. Гроба ужъ нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ, какъ и вчера сидѣлъ съ ними, когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ же это, онъ, стало-быть, тоже на пирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается надъ нимъ тихій голосъ. — Зачѣмъ сюда схоронился, что не видать тебя... пойдемъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ же не онъ, коль зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ.

— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичокъ, — пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вотъ и женихъ, и невѣста, вотъ и премудрый Архитриклинъ вино новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я луковку подалъ, вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій, и ты, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку сумѣлъ подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое!.. А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошепталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высотою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь, сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ до боли, слезы восторга рвались изъ души его.. Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся...

Опять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ, что читаютъ. Странно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ вплотъ ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Паисія и не замѣ-

тилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на него глаза отъ книги, но тотчасъ же отвелъ ихъ опять, понявъ, что съ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ полминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ, круто повернувшись, вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои“... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и „не стыдился изступленія сего“. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала, „соприкасаясь мірамъ инымъ“. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просятъ“, прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его — и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ, и почувство-

валъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ“, говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что̀ согласовалось и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему „пребывать въ міру“.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Ѳ. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Братья Карамазовы.

РОМАНЪ

въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1895.

Дозволено цензурою. СПБ. 16 октября 1895 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подьяческая, д. № 1.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Митя.

I.

Кузьма Самсоновъ.

А Дмитрій Ѳедоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую жизнь, „велѣла" передать свой послѣдній привѣтъ и заказала помнить навѣки часокъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего не вѣдая о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи и хлопотахъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невообразимомъ состояніи, что дѣйствительно могъ заболѣть воспаленіемъ въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Алеша наканунѣ не могъ разыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ же день не могъ устроить съ нимъ свиданія въ трактирѣ. Хозяева квартирки, въ которой онъ квартировалъ, скрыли по его приказу слѣды его. Онъ же въ эти два дня буквально метался во всѣ стороны, „борясь со своею судьбой и спасая себя", какъ онъ самъ потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слеталъ по одному горячему дѣлу вонъ изъ города, несмотря на то, что страшно было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку безъ глаза надъ нею. Все это впослѣдствіи выяснилось въ самомъ подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы намѣтимъ фактически лишь самое необходимое изъ исторіи этихъ ужасныхъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страшной катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его.

Грушенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно, это правда, но и мучила же его въ то же время

иной разъ дѣйствительно жестоко и безпощадно. Главное въ томъ, что ничего-то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить же лаской или силой не было тоже возможности: не далась бы ни за что, а только бы разсердилась и отвернулась отъ него вовсе, это онъ ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма вѣрно, что она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-то необычайной нерѣшительности, на что-то рѣшается и все рѣшиться не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ, замирая сердцемъ, что минутами она должна была просто ненавидѣть его съ его страстью. Такъ, можетъ-быть, и было, но объ чемъ именно тосковала Грушенька, того онъ все-таки не понималъ. Собственно для него весь вопросъ, его мучившій, складывался лишь въ два опредѣленія: „или онъ, Митя, или Ѳедоръ Павловичъ". Тутъ, кстати, нужно обозначить одинъ твердый фактъ: онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Ѳедоръ Павловичъ непремѣнно предложитъ (если ужъ не предложилъ) Грушенькѣ законный бракъ, и не вѣрилъ ни минуты, что старый сластолюбецъ надѣется отдѣлаться лишь тремя тысячами. Это вывелъ Митя, зная Грушеньку и ея характеръ. Вотъ почему ему и могло казаться временами, что вся мука Грушеньки и вся ея нерѣшимость происходитъ тоже лишь оттого, что она не знаетъ кого изъ нихъ выбрать и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ же возвращеніи „офицера", то-есть того рокового человѣка въ жизни Грушеньки, прибытія котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и страхомъ, онъ — странно это — въ тѣ дни даже и не думалъ думать. Правда, что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе дни очень молчала. Однако, ему было вполнѣ извѣстно отъ нея же самой о письмѣ, полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого бывшаго ея обольстителя, было извѣстно отчасти и содержаніе письма. Тогда, въ одну злую минутку, Грушенька ему это письмо показала, но, къ ея удивленію, письму этому онъ не придалъ почти никакой цѣны. И очень было бы трудно объяснить почему: можетъ-быть, просто потому, что самъ, угнетенный всѣмъ безобразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ за эту женщину, онъ уже и предположить не могъ для себя ничего страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ, въ то время. Жениху же, вдругъ выскочившему откуда-то послѣ пятилѣтняго исчезновенія, онъ просто даже не вѣрилъ, и

особенно тому, что тотъ скоро пріѣдетъ. Да и въ самомъ этомъ первомъ письмѣ „офицера, которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣздѣ этого новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было очень туманное, очень высокопарное и наполнено лишь чувствительностью. Надо замѣтить, что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ него послѣднія строчки письма, въ которыхъ говорилось нѣсколько опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому же Митенька вспоминалъ потомъ, что въ ту минуту уловилъ какъ бы нѣкоторое невольное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири въ лицѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ уже ничего не сообщала. Такимъ образомъ и мало-по-малу онъ совсѣмъ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ, что что̀ бы тамъ ни вышло и какъ бы дѣло ни обернулось, а надвигавшаяся окончательная сшибка его съ Ѳедоромъ Павловичемъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего другого. Замирая душой, онъ ежеминутно ждалъ рѣшенія Грушеньки и все вѣрилъ, что оно произойдетъ какъ бы внезапно, по вдохновенію. Вдругъ она скажетъ ему: „Возьми меня, я навѣки твоя“—и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край свѣта тотчасъ же. О, тотчасъ же увезетъ какъ можно, какъ можно дальше, если не на край свѣта, то куда-нибудь на край Россіи, женится тамъ на ней и поселится съ ней incognito, такъ чтобъ ужъ никто не зналъ объ нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ и нигдѣ. Тогда, о, тогда, начнется, тотчасъ же совсѣмъ новая жизнь! Объ этой другой, обновленной и уже „добродѣтельной“ жизни („непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной“) онъ мечталъ поминутно и изступленно. Онъ жаждалъ этого воскресенія и обновленія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самъ своею волей, слишкомъ тяготилъ его и онъ, какъ и очень многіе въ такихъ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только бы не эти люди, только бы не эти обстоятельства, только бы улетѣть изъ этого проклятаго мѣста и—все возродится, пойдетъ по-новому! Вотъ во что̀ онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

Но это было лишь въ случаѣ перваго, *счастливаго* рѣшенія вопроса. Было и другое рѣшеніе, представлялся и другой, но ужасный уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: „ступай, я порѣшила сейчасъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, и выхожу за него замужъ, а тебя не надо“—и тогда... но

тогда... Митя, впрочемъ, не зналъ что̀ будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу не зналъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣленныхъ у него не было, преступленіе обдумано не было. Онъ только слѣдилъ, шпіонилъ и мучился, но готовился все-таки лишь къ первому счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ всякую другую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая мука, вставало одно совсѣмъ новое и постороннее, но тоже роковое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ, если она скажетъ ему: „я твоя, увези меня“, то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то средства, деньги? У него какъ разъ къ этому сроку изсякли всѣ, до сихъ поръ не прерывавшіеся въ продолженіе столькихъ лѣтъ, его доходы отъ подачекъ Ѳедора Павловича. Конечно, у Грушеньки были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ оказалось страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать съ ней новую жизнь на свои средства, а не на ея, онъ вообразить даже не могъ, что возьметъ у нея ея деньги, и страдалъ отъ этой мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяюсь здѣсь объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчаю: таковъ былъ складъ души его въ ту минуту. Могло все это происходить косвенно и какъ бы безсознательно даже отъ тайныхъ мукъ его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катерины Ивановны: „предъ одной подлецъ и предъ другой тотчасъ же выйду опять подлецъ“, думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ признавался: „да Грушенька, коли узнаетъ, такъ и сама не захочетъ такого подлеца.“ Итакъ, гдѣ же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не состоится, „и единственно потому, что не хватило денегъ, о, позоръ!“

Забѣгаю впередъ: то-то и есть, что онъ, можетъ быть, и зналъ, гдѣ достать эти деньги, зналъ, можетъ быть, гдѣ и лежатъ онѣ. Подробнѣе на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ все объяснится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда, и хотя неясно, но я это выскажу: чтобы взять эти лежащія гдѣ-то средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было предварительно возвратить три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ—иначе „я карманный воръ, я подлецъ, а новую жизнь я не хочу начинать подлецомъ“, рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ перевернуть весь міръ, если надо, но непремѣнно эти три тысячи отдать Катеринѣ Ивановнѣ во что̀ бы то ни стало

и *прежде всего*. Окончательный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ нимъ, такъ сказать, въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ послѣдняго свиданія съ Алешей, два дня тому назадъ вечеромъ, на дорогѣ, послѣ того какъ Грушенька оскорбила Катерину Ивановну, а Митя, выслушавъ разсказъ о томъ отъ Алеши, сознался, что онъ подлецъ и велѣлъ передать это Катеринѣ Ивановнѣ, „если это можетъ сколько-нибудь ее облегчить". Тогда же, въ ту ночь, разставшись съ братомъ, почувствовалъ онъ въ изступленіи своемъ, что лучше ему даже „убить и ограбить кого-нибудь, по долгъ Катѣ возвратить". „Пусть ужъ лучше я предъ тѣмъ, убитымъ и ограбленнымъ—убійцей и воромъ выйду, и предъ всѣми людьми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ будетъ сказать, что я ей измѣнилъ и у нея же деньги укралъ, и на ея же деньги съ Грушенькой убѣжалъ добродѣтельную жизнь начинать! Этого не могу!" Такъ со скрежетомъ зубовъ изрекъ Митя и дѣйствительно могъ представлять себѣ временами, что кончитъ воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся...

Странное дѣло: казалось бы, что тутъ, при такомъ рѣшеніи, кромѣ отчаянія, ничего уже болѣе для него не оставалось: ибо гдѣ взять вдругъ такія деньги, да еще такому голышу, какъ онъ? А между тѣмъ онъ до конца все то время надѣялся, что доставетъ эти три тысячи, что онѣ придутъ, слетятъ къ нему какъ-нибудь сами, даже хоть съ неба. Но такъ именно бываетъ съ тѣми, которые, какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ, всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого понятія. Самый фантастическій вихрь поднялся въ головѣ его сейчасъ послѣ того, какъ онъ третьяго дня разстался съ Алешей, и спуталъ всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло, что началъ онъ съ самаго дикаго предпріятія. Да, можетъ быть, именно въ этакихъ положеніяхъ у этакихъ людей самыя невозможныя и фантастическія предпріятія представляются первыми, возможнѣйшими. Онъ вдругъ порѣшилъ пойти къ купцу Самсонову, покровителю Грушеньки, и предложить ему одинъ „планъ", достать отъ него подъ этотъ „планъ" разомъ всю искомую сумму: въ планѣ своемъ съ коммерческой стороны онъ не сомнѣвался нисколько, а сомнѣвался лишь въ томъ, какъ посмотритъ на его выходку

самъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной только коммерческой стороны. Митя хоть и зналъ этого купца въ лицо, но знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не говорилъ съ нимъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основалось убѣжденіе, что этотъ старый развратитель, дышащій теперь на ладанъ, можетъ быть, вовсе не будетъ въ настоящую минуту противиться, если Грушенька устроитъ какъ-нибудь свою жизнь честно и выйдетъ за „благонадежнаго человѣка“ замужъ. И что не только не будетъ противиться, но что и самъ желаетъ того и, навернись только случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ ли какимъ, или изъ какихъ-нибудь словъ Грушеньки, но онъ заключилъ тоже, что старикъ, можетъ быть, предпочелъ бы его для Грушеньки Ѳедору Павловичу. Можетъ быть, многимъ изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ расчетъ на подобную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту, такъ сказать, изъ рукъ ея покровителя слишкомъ ужъ грубымъ и небрезгливымъ со стороны Дмитрія Ѳедоровича. Могу замѣтить лишь то что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окончательно прошедшимъ. Онъ глядѣлъ на это прошлое съ безконечнымъ состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей страсти, что разъ Грушенька выговоритъ ему, что его любитъ и за него идетъ, то тотчасъ же и начнется совсѣмъ новая Грушенька, а вмѣстѣ съ нею и совсѣмъ новый Дмитрій Ѳедоровичъ, безо всякихъ уже пороковъ, а лишь съ однѣми добродѣтелями: оба они другъ другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже совсѣмъ поновому. Что же до Кузьмы Самсонова, то считалъ онъ его въ этомъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки за человѣка въ жизни ея рокового, котораго она, однако, никогда не любила и который, это главное, уже тоже „прошелъ“, кончился, такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. Да къ тому же Митя его даже и за человѣка теперь считать не могъ, ибо извѣстно было всѣмъ и каждому въ городѣ, что это лишь больная развалина, сохранившая отношенія съ Грушенькой, такъ сказать, лишь отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, какъ прежде, и что это уже давно такъ, уже почти годъ какъ такъ. Во всякомъ случаѣ тутъ было много и простодушія со стороны Мити, ибо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень простодушный человѣкъ. Вслѣдствіе этого-то простодушія своего онъ, между прочимъ, былъ серьезно убѣ-

жденъ, что старый Кузьма, собираясь отходить въ другой міръ, чувствуетъ искреннее раскаяніе за свое прошлое съ Грушенькой, и что нѣтъ теперь у нея покровителя и друга болѣе преданнаго, какъ этотъ безвредный уже старикъ.

На другой же день послѣ разговора своего съ Алешей въ полѣ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, онъ явился въ домъ Самсонова около десяти часовъ утра и велѣлъ о себѣ доложить. Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень обширный, двухъэтажный, съ надворными строеніями и съ флигелемъ. Въ нижнемъ этажѣ проживали два женатые сына Самсонова съ своими семействами, престарѣлая сестра его и одна незамужняя дочь. Во флигелѣ же помѣщались два его приказчика, изъ которыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И дѣти, и приказчики тѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ дома занималъ старикъ одинъ и не пускалъ къ себѣ жить даже дочь, ухаживавшую за нимъ, и которая въ опредѣленные часы и въ неопредѣленные зовы его должна была каждый разъ взбѣгать къ нему наверхъ снизу, несмотря на давнишнюю одышку свою. Этотъ „верхъ“ стоялъ изъ множества большихъ парадныхъ комнатъ, меблированныхъ по купеческой старинѣ, съ длинными скучными рядами неуклюжихъ креселъ и стульевъ краснаго дерева по стѣнамъ, съ хрустальными люстрами въ чехлахъ, съ угрюмыми зеркалами въ простѣнкахъ. Всѣ эти комнаты стояли совсѣмъ пустыми и необитаемыми, потому что больной старикъ жался лишь въ одной комнаткѣ, въ отдаленной маленькой своей спаленкѣ, гдѣ прислуживала ему старуха-служанка, съ волосами въ платочкѣ, да „малый“, пребывавшій на залавкѣ въ передней. Ходить старикъ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ почти совсѣмъ уже не могъ и только изрѣдка поднимался со своихъ кожаныхъ креселъ, и старуха, придерживая его подъ руки, проводила его разъ-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и неразговорчивъ даже съ этою старухой. Когда доложили ему о приходѣ „капитана“, онъ тотчасъ же велѣлъ отказать. Но Митя настаивалъ и доложился еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ подробно малаго: что̀, дескать, каковъ съ виду, не пьянъ ли? Не буянитъ ли? И получилъ въ отвѣтъ, что „тверезъ“, но уходить не хочетъ“. Старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все это предвидѣвшій и нарочно на сей случай захватившій съ собой бумагу и карандашъ, четко

написалъ на клочкѣ бумаги одну строчку: „По самонужнѣйшему дѣлу, близко касающемуся Аграфены Александровны“, и послалъ это старику. Подумавъ нѣсколько, старикъ велѣлъ малому ввести посѣтителя въ залу, а старуху послалъ внизъ съ приказаніемъ къ младшему сыну сейчасъ же явиться къ нему наверхъ. Этотъ младшій сынъ, мужчина вершковъ двѣнадцати и силы непомѣрной, брившій лицо и одѣвавшійся по-нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ кафтанѣ и съ бородой), явился немедленно и безмолвно. Всѣ они предъ отцомъ трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца не то чтобъ изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ весьма не робкаго, а такъ, лишь на всякій случай, болѣе чтобъ имѣть свидѣтеля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ руку, и малаго, онъ выплылъ, наконецъ, въ залу. Надо думать, что ощущалъ онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство. Зала эта, въ которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, въ два свѣта, съ хорами, со стѣнами „подъ мраморъ“ и съ тремя огромными хрустальными люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у входной двери и въ нервномъ нетерпѣніи ждалъ своей участи. Когда старикъ появился у противоположнаго входа, сажень за десять отъ стула Мити, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими твердыми, фронтовыми, аршинными шагами пошелъ къ нему навстрѣчу. Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ круглою шляпой въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ, точь въ точь какъ былъ дня три тому назадъ въ монастырѣ, у старца, на семейномъ свиданіи съ Ѳедоромъ Павловичемъ и съ братьями. Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя и Митя разомъ почувствовалъ, что, пока онъ подходилъ, тотъ его всего разсмотрѣлъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно опухшее за послѣднее время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толстая губа его казалась теперь какою-то отвисшею лепешкой. Важно и молча поклонился онъ гостю, указалъ ему на кресло подлѣ дивана, а самъ медленно, опираясь на руку сына и болѣзненно кряхтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ, такъ что тотъ, видя болѣзненныя усилія его, немедленно почувствовалъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и деликатный стыдъ за свое теперешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезпокоеннымъ лицомъ.

— Что̀ вамъ, сударь, отъ меня угодно? проговорилъ,

усѣвшись, наконецъ, старикъ, медленно, раздѣльно, строго, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Затѣмъ тотчасъ же сталъ говорить громко, быстро, нервно, съ жестами, и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было, что человѣкъ дошелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не удастся, то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ вѣроятно понялъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось неизмѣннымъ и холоднымъ, какъ у истукана.

„Благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слыхалъ уже не разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ, ограбившимъ меня по наслѣдству послѣ родной моей матери... такъ какъ весь городъ уже трещитъ объ этомъ... потому что здѣсь всѣ трещатъ объ томъ, чего не надо... А кромѣ того, могло дойти и отъ Грушеньки... виноватъ: отъ Аграфены Александровны... отъ многоуважаемой и многочтимой мною Аграфены Александровны“... такъ началъ и оборвался съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приводить дословно всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло, дескать, заключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца назадъ, нарочито совѣтовался (онъ именно проговорилъ „нарочито“, а не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, „со знаменитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Павловичемъ Корнеплодовымъ, изволили вѣроятно слышать? Лобъ обширный, почти государственный умъ... васъ тоже знаетъ... отзывался въ лучшемъ видѣ“... оборвался въ другой разъ Митя. Но обрывы его не останавливали, онъ тотчасъ же чрезъ нихъ перескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ-де самый Корнеплодовъ, опросивъ подробно и разсмотрѣвъ документы, какіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выразился неясно и особенно спѣша въ этомъ мѣстѣ), отнесся, что насчетъ деревни Чермашни, которая должна бы, дескать, была принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно можно бы было начать искъ и тѣмъ старика-безобразника огорошить... „потому что не всѣ же двери заперты, а юстиція ужъ знаетъ куда пролѣзть“. Однимъ словомъ, можно бы было надѣяться даже-де тысячъ на шесть додачи отъ Ѳедора Павловича, на семь даже, такъ какъ Чермашня все же стоитъ не менѣе двадцати пяти тысячъ, то-есть навѣрно двадцати восьми,—„тридцати, тридцати, Кузьма

Кузьмичъ, а я, представьте себѣ, и семнадцати отъ этого жестокаго человѣка не выбралъ!..“ Такъ вотъ я, дескать, Митя, тогда это дѣло бросилъ, ибо не умѣю съ юстиціей, а пріѣхавъ сюда, поставленъ былъ въ столбнякъ встрѣчнымъ искомъ (здѣсь Митя опять запутался и опять круто перескочилъ): такъ вотъ, дескать, не пожелаете ли вы, благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изверга, а сами мнѣ дайте три только тысячи... Вы ни въ какомъ случаѣ проиграть вѣдь не можете, въ этомъ честью клянусь, а совсѣмъ напротивъ, можете нажить тысячъ шесть или семь, вмѣсто трехъ... А главное дѣло, чтобъ это кончить „даже сегодня же“. „Я тамъ вамъ у нотаріуса, что-ли, или какъ тамъ... Однимъ словомъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы, какіе потребуете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ же и совершили бы, и если бы можно, если бы только можно, то сегодня же бы утромъ... Вы бы мнѣ эти три тысячи выдали... Такъ какъ кто же противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и тѣмъ спасли бы меня отъ... однимъ словомъ, спасли бы мою бѣдную голову для благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннаго дѣла, можно сказать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ извѣстной особѣ, которую слишкомъ знаете и о которой печетесь отечески. Иначе бы и не пришелъ, если бы не отечески. И, если хотите, тутъ трое состукнулись лбами, ибо судьба—это страшилище, Кузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Кузьма Кузьмичъ, реализмъ! А такъ как давно уже надо исключить, то останутся два лба, какъ и выразился, можетъ быть, не ловко, но я не литераторъ. То-есть одинъ лобъ мой, а другой — этого изверга. Итакъ, выбирайте: или я, или извергъ? Все теперь въ вашихъ рукахъ—три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но вы понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ, что вы поняли... А если не поняли, то сегодня же въ воду, вотъ!“

Митя оборвалъ свою нелѣпую рѣчь этимъ „вотъ“ и, вскочивъ съ мѣста, ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. Съ послѣднею фразой онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ, что все лопнуло, а, главное, что онъ нагородилъ страшной ахинеи. „Странное дѣло, пока шелъ сюда, все казалось хорошо, а теперь вотъ и ахинея!“ вдругъ пронеслось въ его безнадежной головѣ. Все время, пока онъ говорилъ, старикъ сидѣлъ неподвижно и съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выдер-

жавъ его, однако, съ минуту въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изрекъ, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ и безотраднымъ тономъ:

— Извините-съ, мы этакими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ слабѣютъ ноги.

— Какъ же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, пробормоталъ онъ, блѣдно улыбаясь.—Вѣдь я теперь пропалъ, какъ вы думаете?

— Извините-съ...

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ, и вдругъ замѣтилъ, что что-то двинулось въ лицѣ старика. Онъ вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла — несподручны, медленно промолвилъ старикъ,—суды пойдутъ, адвокаты, сущая бѣда! А если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему и обратитесь...

— Боже мой, кто же это!.. Вы воскрешаете меня, Кузьма Кузьмичъ, залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его теперь не находится. Онъ по крестьянству, лѣсомъ торгуетъ, прозвищемъ Лягавый. У Ѳедора Павловича вотъ ужъ годъ какъ торгуетъ въ Чермашнѣ этой вашей рощу, да за цѣной расходятся, можетъ, слышали. Теперь онъ какъ разъ пріѣхалъ опять и стоитъ теперь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловьей станціи верстъ двѣнадцать, что ли, будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ сюда и ко мнѣ по этому дѣлу, то-есть насчетъ этой рощи, совѣта просилъ. Ѳедоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ если бы вы Ѳедора Павловича предупредили, да Лягавому предложили вотъ то самое, что̀ мнѣ говорили, то онъ можетъ статься...

— Геніальная мысль! восторженно перебилъ Митя. — Именно онъ, именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого просятъ, а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха! И Митя вдругъ захохоталъ своимъ короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ дрогнулъ головой.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, кипѣлъ Митя.

— Ничего-съ, склонилъ голову Самсоновъ.

— Но вы не знаете, вы спасли меня, о, меня влекло къ вамъ предчувствіе... Итакъ, къ этому попу!

— Не стоитъ благодарности-съ.

— Спѣшу и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Вѣкъ не забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузьмичъ, р-русскій человѣкъ!

— Тэ-эксъ.

Митя схватилъ было старика за руку, чтобы потрясть ее, но что-то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнялъ руку, но тотчасъ же упрекнулъ себя во мнительности. „Это онъ усталъ“... мелькнуло въ умѣ его.

— Для нея! Для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете, что это для нея! рявкнулъ онъ вдругъ на всю залу, поклонился, круто повернулся и тѣми же скорыми, аршинными шагами, не оборачиваясь, устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга. „Все вѣдь ужъ погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ“, неслось въ умѣ его. „И ужъ если такой дѣлецъ, какъ этотъ старикъ (благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!) указалъ этотъ путь, то... то ужъ, конечно, выигранъ путь. Сейчасъ и летѣть. До ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели же старикъ могъ надо мной насмѣяться?“ Такъ восклицалъ Митя, шагая въ свою квартиру, и ужъ, конечно, иначе и не могло представляться уму его, то-есть: или дѣльный совѣтъ (отъ такого-то дѣльца)—со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягаваго (странная фамилія!) или—или старикъ надъ нимъ посмѣялся! Увы! послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ, уже долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, старикъ Самсоновъ самъ сознавался, смѣясь, что тогда осмѣялъ „капитана“. Это былъ злобный, холодный и насмѣшливый человѣкъ, къ тому же съ болѣзненными антипатіями. Восторженный ли видъ капитана, глупое ли убѣжденіе этого „мота и расточителя“, что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую дичь, какъ его „планъ“, ревнивое ли чувство насчетъ Грушеньки, во имя которой „этотъ сорванецъ“, пришелъ къ нему съ какою-то дичью за деньгами,— не знаю что̀ именно побудило тогда старика, но въ ту минуту, когда Митя стоялъ передъ нимъ, чувствуя, что слабѣютъ его ноги, и безмысленно восклицалъ, что онъ пропалъ—въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ безконечною злобой и придумалъ надъ нимъ посмѣяться. Когда Митя вышелъ, Кузьма Кузьмичъ, блѣдный отъ злобы, обратился къ сыну и велѣлъ распорядиться, чтобы впредь этого оборванца и духу не было, и на дворъ не впускать, не то...

Онъ не договорилъ того чѣмъ угрожалъ, но даже сынъ, часто видавшій его во гнѣвѣ, вздрогнулъ отъ страху. Цѣлый часъ спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру заболѣлъ и послалъ за „лѣкаремъ“.

II.

Лягавый.

Итакъ, надо было „скакать“, а денегъ на лошадей все-таки не было ни копейки, то-есть были два двугривенныхъ, и это все, что̀ оставалось отъ столькихъ лѣтъ прежняго благосостоянія. Но у него лежали дома старые серебряные часы, давно уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и снесъ къ еврею-часовщику, помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ. Тотъ далъ за нихъ шесть рублей. „И того не ожидалъ!“ вскричалъ восхищенный Митя (онъ все продолжалъ быть въ восхищеніи), схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома онъ дополнилъ сумму, взявъ взаймы три рубля отъ хозяевъ, которые дали ему съ удовольствіемъ, несмотря на то, что отдавали послѣднія свои деньги, до того любили его. Митя въ восторженномъ состояніи своемъ открылъ имъ тутъ же, что рѣшается судьба его, и разсказалъ имъ, ужасно спѣша, разумѣется, почти весь свой „планъ“, который только что представилъ Самсонову, затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои, и проч., и проч. Хозяева и допрежь сего были посвящены во многія его тайны, потому-то и смотрѣли на него, какъ на *своего* человѣка, совсѣмъ не гордаго барина. Совокупивъ такимъ образомъ девять рублей, Митя послалъ за почтовыми лошадьми до Воловьей станціи. Но такимъ образомъ запомнился и обозначился фактъ, что „наканунѣ нѣкотораго событія, въ полдень, у Мити не было ни копейки и что онъ, чтобы достать денегъ, продалъ часы и занялъ три рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ“.

Отмѣчаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится, для чего такъ дѣлаю.

Поскакавъ на Воловью станцію, Митя, хоть и сіялъ отъ радостнаго предчувствія, что, наконецъ-то, кончитъ и развяжетъ „всѣ эти дѣла“, тѣмъ не менѣе трепеталъ и отъ страху: что̀ станется теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну, какъ разъ сегодня-то и рѣшится, наконецъ, пойти къ Федору Павловичу? Вотъ почему онъ уѣхалъ, ей не сказавшись и заказавъ хозяевамъ отнюдь не откры-

вать, куда онъ дѣлся, если откуда-нибудь придутъ его спрашивать. „Непремѣнно, непремѣнно сегодня къ вечеру надо вернуться“, повторялъ онъ, трясясь въ телѣгѣ, „а этого Лягаваго, пожалуй, и сюда притащить... для совершенія этого акта“... такъ, замирая душою, мечталъ Митя, но, увы, мечтаніямъ его слишкомъ не суждено было совершиться по его „плану“.

Во-первыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ Воловьей станціи проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ восемнадцать верстъ. Во-вторыхъ, Ильинскаго „батюшки“ онъ не засталъ дома, тотъ отлучился въ сосѣднюю деревню. Пока разыскалъ тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣднюю деревню все на тѣхъ же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти уже ночь. „Батюшка“, робкій и ласковый на видъ человѣчекъ, разъяснилъ ему немедленно, что этотъ Лягавый, хоть и остановился было у него спервоначалу, но теперь находится въ Сухомъ Поселкѣ, тамъ у лѣсного сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ, потому что и тамъ тоже лѣсъ торгуетъ. На усиленныя просьбы Мити сводить его къ Лягавому сейчасъ же и „тѣмъ, такъ сказать, спасти его“, батюшка хоть и заколебался вначалѣ, но согласился, однако, проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо почувствовавъ любопытство; но на грѣхъ посовѣтовалъ дойти „пѣшечкомъ“, такъ какъ тутъ всего какая-нибудь верста „съ небольшимъ излишкомъ“ будетъ. Митя, разумѣется, согласился и зашагалъ своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка почти бѣжалъ за нимъ. Это былъ еще не старый и очень осторожный человѣкъ. Митя и съ нимъ тотчасъ же заговорилъ о своихъ планахъ, горячо, нервно требовалъ совѣтовъ насчетъ Лягаваго и проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внимательно, но посовѣтовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: „не знаю, охъ, не знаю, гдѣ же мнѣ это знать“ и т. д. Когда Митя заговорилъ о своихъ контрахъ съ отцомъ насчетъ наслѣдства, то батюшка даже испугался, потому что состоялъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ въ какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удивленіемъ, впрочемъ, освѣдомился, почему онъ называетъ этого торгующаго крестьянина Горсткина Лягавымъ, и разъяснилъ обязательно Митѣ, что хоть тотъ и впрямь Лягавый, но что онъ и не Лягавый, потому что именемъ этимъ жестоко обижается, и что называть его надо непремѣнно Горсткинымъ, „иначе ничего съ нимъ не совершите, да и слу-

шать не станетъ", заключилъ батюшка. Митя нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ, что такъ называлъ его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство, батюшка тотчасъ же этотъ разговоръ замялъ, хотя и хорошо бы сдѣлалъ, если бы разъяснилъ тогда же Дмитрію Ѳедоровичу догадку свою: что если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку, какъ къ Лягавому, то не сдѣлалъ ли сего почему-либо на смѣхъ, и что нѣтъ ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было останавливаться „на такихъ мелочахъ". Онъ спѣшилъ, шагалъ, и только придя въ Сухой Поселокъ догадался, что прошли они не версту и не полторы, а навѣрное три; это его раздосадовало, но онъ стерпѣлъ. Вошли въ избу. Лѣсникъ, знакомый батюшки, помѣщался въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой половинѣ, черезъ сѣни, расположился Горсткинъ. Вошли въ эту чистую избу и засвѣтили сальную свѣчку. Изба была сильно натоплена. На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ же подносъ съ чашками, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допитый штофъ водки и объѣдки пшеничнаго хлѣба. Самъ же пріѣзжій лежалъ протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одеженкой подъ головами вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя сталъ въ недоумѣніи. „Конечно, надо будить: мое дѣло слишкомъ важное, я такъ спѣшилъ, я спѣшу сегодня же воротиться", затревожился Митя; но батюшка и сторожъ стояли молча, не высказывая своего мнѣнія. Митя подошелъ и принялся будить самъ, принялся энергически, но спящій не пробуждался. „Онъ пьянъ, рѣшилъ Митя, но что̀ же мнѣ дѣлать, Господи, что̀ же мнѣ дѣлать!" И вдругъ въ страшномъ нетерпѣніи принялся дергать спящаго за руки, за ноги, раскачивать его за голову, приподымать и садить на лавку, и все-таки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь того, что тотъ началъ нелѣпо мычать и крѣпко, хотя и неясно выговаривая, ругаться.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше повремените, изрекъ, наконецъ, батюшка,—потому, онъ, видимо, не въ состояніи.

— Весь день пилъ, отозвался сторожъ.

— Боже! вскрикивалъ Митя,—если бы вы только знали, какъ мнѣ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяніи!

— Нѣтъ, ужъ лучше бы вамъ повременить до утра, повторилъ батюшка.

— До утра? Помилосердуйте, это невозможно! И въ отчаяніи онъ чуть было опять не бросился будить пья-

ницу, но тотчасъ оставилъ, понявъ всю безполезность усилій. Батюшка молчалъ, заспанный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагедіи устраиваетъ съ людьми реализмъ! проговорилъ Митя въ совершенномъ отчаяніи. Потъ лился съ его лица. Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изложилъ, что хотя бы и удалось разбудить спящаго, но, будучи пьянымъ, онъ все же не способенъ ни къ какому разговору, „а у васъ дѣло важное, такъ ужъ вѣрнѣе бы оставить до утреца“... Митя развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить мгновеніе. Пробудится и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ заплачу, обратился онъ къ сторожу, — за постой тоже, будешь помнить Дмитрія Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не знаю теперь какъ быть: гдѣ же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужъ къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкѣ и доѣду, показалъ онъ на сторожа.—За симъ прощайте-съ, желаю вамъ полное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкѣ, обрадованный, что, наконецъ, отвязался, но все же смятенно покачивая головой и раздумывая: не надо ли будетъ завтра заблаговременно увѣдомить о семъ любопытномъ случаѣ благодѣтеля Ѳедора Павловича, „а то, неравенъ часъ, узнаетъ, осердится и милости прекратитъ“. Сторожъ, почесавшись, молча отправился въ свою избу, а Митя сѣлъ на лавку ловить, какъ онъ выразился, мгновеніе. Глубокая тоска облегла, какъ тяжелый туманъ, его душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но обдумать ничего не могъ. Свѣчка нагорала, затрещалъ сверчокъ, въ натопленной комнатѣ становилось нестерпимо душно. Ему вдругъ представился садъ, ходъ за садомъ, у отца въ домѣ таинственно отворяется дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Грушенька... Онъ вскочилъ съ лавки.

— Трагедія! проговорилъ онъ, скрежеща зубами, машинально подошелъ къ спящему и сталъ смотрѣть на его лицо. Это былъ сухопарый, еще не старый мужикъ, съ весьма продолговатымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною тоненькою рыжеватою бородкой, въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ жилетѣ, изъ кармана котораго выглядывала цѣпочка отъ серебряныхъ часовъ. Митя разсматривалъ эту физіономію со страшною ненавистью, и

ему почему-то особенно ненавистно было, что онъ въ кудряхъ. Главное, то было нестерпимо обидно, что вотъ онъ, Митя, стоитъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, столько пожертвовавъ, столько бросивъ, весь измученный, а этотъ тунеядецъ, „отъ котораго зависитъ теперь вся судьба моя, храпитъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно съ другой планеты". „О, иронія судьбы!" воскликнулъ Митя и вдругъ, совсѣмъ потерявъ голову, бросился опять будить пьянаго мужика. Онъ будилъ его съ какимъ-то остервенѣніемъ, рвалъ его, толкалъ, даже билъ, но, провозившись минутъ пять и опять ничего не добившись, въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою лавку и сѣлъ.

— Глупо, глупо! восклицалъ Митя,—и... какъ это все безчестно! прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно начала болѣть голова: „бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ", мелькнуло въ умѣ его. „Нѣтъ, ужъ до утра. Вотъ нарочно же останусь, нарочно! Зачѣмъ же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхать не на чемъ, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, безсмыслица!"

Голова его, однако, разбаливалась все больше и больше. Неподвижно сидѣлъ онъ и уже не помнилъ какъ задремалъ и вдругъ, сидя, заснулъ. Повидимому, онъ спалъ часа два или больше. Очнулся же отъ нестерпимой головной боли, нестерпимой до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло; очнувшись, онъ долго еще не могъ войти въ себя совершенно и осмыслить, что̀ съ нимъ такое произошло. Наконецъ-то догадался, что въ натопленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ, можетъ быть, могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и храпѣлъ; свѣчка оплыла и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бросился, шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро проснулся, но, услыхавъ, что въ другой избѣ угаръ, хотя и пошелъ распорядиться, но принялъ фактъ до странности равнодушно, что̀ обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда... что̀ тогда? восклицалъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.

Двери растворили, отворили окно, открыли трубу, Митя притащилъ изъ сѣней ведро съ водой, сперва намочилъ голову себѣ, а затѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и приложилъ къ головѣ Лягаваго. Сторожъ же продолжалъ относиться ко всему событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно, произнесъ угрюмо: „ладно и такъ", и пошелъ опять спать, оставивъ Митѣ зажжен-

ный желѣзный фонарь. Митя провозился съ угорѣвшимъ пьяницей съ полчаса, все намачивая ему голову, и серьезно уже намѣревался не спать всю ночь, но, измучившись, присѣлъ какъ-то на одну минутку, чтобы перевести духъ, и мгновенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ же безсознательно протянулся на лавкѣ и заснулъ какъ убитый.

Проснулся онъ ужасно поздно. Было, примѣрно, уже часовъ девять утра. Солнце ярко сіяло въ два оконца избушки. Вчерашній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ уже одѣтый въ поддевку. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ. Старый, вчерашній, былъ уже допитъ, а новый опорожненъ болѣе чѣмъ на половину. Митя вскочилъ и мигомъ догадался, что проклятый мужикъ пьянъ опять, пьянъ глубоко и невозвратимо. Онъ глядѣлъ на него съ минуту, выпучивъ глаза. Мужикъ же поглядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ спокойствіемъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомѣріемъ, какъ показалось Митѣ. Онъ бросился къ нему.

— Позвольте, видите... я... вы вѣроятно слышали отъ здѣшняго сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ, сынъ старика Карамазова, у котораго вы изволите рощу торговать.

— Это ты врешь! вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ мужикъ.

— Какъ вру? Ѳедора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Ѳедора Павловича не изволю знать, какъ-то грузно ворочая языкомъ, проговорилъ мужикъ.

— Рощу, рощу вы у него торгуете: да проснитесь, опомнитесь. Отецъ Павелъ Ильинскій меня проводилъ сюда... Вы къ Самсонову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... задыхался Митя.

— В-врешь! отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли ноги.

— Помилосердуйте, вѣдь это не шутка! Вы, можетъ быть, хмѣльны. Вы можете же, наконецъ, говорить, понимать... иначе... иначе я ничего не понимаю!

— Ты красильщикъ!

— Помилосердуйте, я Карамазовъ, Дмитрій Карамазовъ, имѣю къ вамъ предложеніе... выгодное предложеніе... весьма выгодное... именно по поводу рощи.

Мужикъ важно поглаживалъ бороду.

— Нѣтъ, ты подрядъ снималъ и подлецъ вышелъ. Ты подлецъ!

— Увѣряю же васъ, что вы ошибаетесь! въ отчаяніи ломалъ руки Митя. Мужикъ все гладилъ бороду и вдругъ лукаво прищурилъ глаза.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что̀ укажи: укажи ты мнѣ такой законъ, чтобы позволено было пакости строить, слышишь ты! Ты подлецъ, понимаешь ты это?

Митя мрачно отступилъ и вдругъ его какъ бы „что-то ударило по лбу“, какъ онъ самъ потомъ выразился. Въ одинъ мигъ произошло какое-то озареніе въ умѣ его, „загорѣлся свѣточъ, и я все постигъ“. Въ остолбенѣніи стоялъ онъ, недоумѣвая, какъ могъ онъ, человѣкъ все же умный, поддаться на такую глупость, втюриться въ этакое приключеніе и продолжать все это почти цѣлыя сутки, возиться съ этимъ Лягавымъ, мочить ему голову... „Ну, пьянъ человѣкъ, пьянъ до чертиковъ и будетъ пить запоемъ еще недѣлю,—чего же тутъ ждать? А что̀, если Самсоновъ меня нарочно прислалъ сюда? А что̀, если она... О, Боже, что̀ я надѣлалъ!..“

Мужикъ сидѣлъ, глядѣлъ на него и посмѣивался. Будь другой случай, и Митя, можетъ быть, убилъ бы этого дурака со злости, но теперь онъ весь самъ ослабѣлъ какъ ребенокъ. Тихо подошелъ онъ къ лавкѣ, взялъ свое пальто, молча надѣлъ его и вышелъ изъ избы. Въ другой избѣ сторожа онъ не нашелъ, никого не было. Онъ вынулъ изъ кармана мелочью пятьдесятъ копеекъ и положилъ на столъ, за ночлегъ, за свѣчку и за безпокойство. Выйдя изъ избы, онъ увидалъ, что кругомъ только лѣсъ и ничего больше. Онъ пошелъ наугадъ, даже не помня, куда поворотить изъ избы—направо или налѣво; вчера ночью, спѣша сюда съ батюшкой, онъ дороги не замѣтилъ. Никакой мести ни къ кому не было въ душѣ его, даже къ Самсонову. Онъ шагалъ по узенькой лѣсной дорожкѣ безсмысленно, потерянно, съ „потерянною идеей“ и совсѣмъ не заботясь о томъ, куда идетъ. Его могъ побороть встрѣчный ребенокъ, до того онъ вдругъ обезсилѣлъ душой и тѣломъ. Кое-какъ онъ, однако, изъ лѣсу выбрался: предстали вдругъ сжатыя обнаженныя поля на необозримомъ пространствѣ: „Какое отчаяніе, какая смерть кругомъ!“ повторялъ онъ, все шагая впередъ и впередъ.

Его спасли проѣзжіе: извозчикъ везъ по проселку какого-то старичка-купца. Когда поровнялись, Митя спросилъ про дорогу и оказалось, что тѣ тоже ѣдутъ на Воловью. Вступили въ переговоры и посадили Митю попут-

чикомъ. Часа черезъ три доѣхали. На Воловьей станціи Митя тотчасъ же заказалъ почтовыхъ въ городъ, а самъ вдругъ догадался, что до невозможности голоденъ. Пока впрягали лошадей, ему смастерили яичницу. Онъ мигомъ съѣлъ ее всю, съѣлъ весь большой ломоть хлѣба, съѣлъ нашедшуюся колбасу и выпилъ три рюмки водки. Подкрѣпившись, онъ ободрился и на душѣ его опять прояснѣло. Онъ летѣлъ по дорогѣ, погонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый и уже „непреложный" планъ, какъ достать еще сегодня же до вечера „эти проклятыя деньги". „И подумать, только подумать, что изъ-за этихъ ничтожныхъ трехъ тысячъ пропадаетъ судьба человѣческая!" воскликнулъ онъ презрительно. „Сегодня же порѣшу!" И если бы только не безпрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ, не случилось ли съ ней чего, то онъ сталъ бы, можетъ быть, опять совсѣмъ веселъ. Но мысль о ней вонзалась въ его душу поминутно какъ острый ножъ. Наконецъ, пріѣхали и Митя тотчасъ же побѣжалъ къ Грушенькѣ.

III.

Золотые пріиски.

Это было именно то посѣщеніе Мити, про которое Грушенька съ такимъ страхомъ разсказывала Ракитину. Она тогда ожидала своей „эстафеты" и очень рада была, что Митя ни вчера, ни сегодня не приходилъ, надѣялась, что, авось Богъ дастъ, не придетъ до ея отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрянулъ. Дальнѣйшее намъ извѣстно: чтобы сбыть его съ рукъ, она мигомъ уговорила его проводить ее къ Кузьмѣ Самсонову, куда будто бы ей ужасно надо было идти „деньги считать", и когда Митя ее тотчасъ же проводилъ, то, прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ него обѣщаніе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу, чтобы проводить ее обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ радъ: „Просидитъ у Кузьмы, значитъ, не пойдетъ къ Ѳедору Павловичу... если только не лжетъ", прибавилъ онъ тотчасъ же. Но на его глазъ, кажется, не лгала. Онъ былъ именно такого свойства ревнивецъ, что въ разлукѣ съ любимою женщиной тотчасъ же навыдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о томъ, что съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ „измѣняетъ", но, прибѣжавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣренный уже безвозвратно, что она успѣла таки ему измѣнить, съ

перваго же взгляда на ея лицо, на смѣющееся, веселое и ласковое лицо этой женщины—тотчасъ же возрождался духомъ, тотчасъ же терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ бранилъ себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ бросился къ себѣ домой. О, ему столько еще надо было успѣть сегодня сдѣлать! Но, по крайней мѣрѣ, отъ сердца отлегло. „Вотъ только надо бы поскорѣе узнать отъ Смердякова, не было ли чего тамъ вчера вечеромъ, не приходила ли она, чего добраго, къ Ѳедору Павловичу, ухъ!“ пронеслось въ его головѣ. Такъ что не успѣлъ онъ еще добѣжать къ себѣ на квартиру, какъ ревность уже опять закопошилась въ неугомонномъ сердцѣ его.

Ревность! „Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ“, замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о необычайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто размозжена душа и помутилось все міровоззрѣніе его, потому что *погибъ его идеалъ*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпіонить, подглядывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было наводить, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями, чтобъ онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ. Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравственнаго паденія, съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ безо всякихъ угрызеній совѣсти. И вѣдь не то чтобъ это были все пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ, съ любовью чистою, полною самопожертвованія, можно въ то же время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей и уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушиванія. Отелло не могъ бы ни за что̀ примириться съ измѣной, — не простить не могъ бы, а примириться,—хотя душа его незлобива и невинна, какъ душа младенца. Не то съ настоящимъ ревнивцемъ: трудно представить себѣ, съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что̀ можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется, послѣ страшной сцены вначалѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже доказанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ объятія и поцѣлуи, если бы, напримѣръ, онъ въ то же время могъ какъ-нибудь увѣриться, что это было „въ послѣдній разъ“ и что соперникъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на

край земли, или что самъ онъ увезетъ ее куда-нибудь въ такое мѣсто, куда ужъ больше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется, примиреніе произойдетъ лишь на часъ, потому что если бы даже и въ самомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра же онъ изобрѣтетъ другого, новаго и приревнуетъ къ новому. И казалось бы, что̀ въ той любви, за которою надо такъ подсматривать, и чего сто̀итъ любовь, которую надобно столь усиленно сторожить? Но вотъ этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ, а между тѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ сердцами высокими. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ высокими сердцами, стоя въ какой-нибудь каморкѣ, подслушивая и шпіоня, хоть и понимаютъ ясно „высокими сердцами своими“ весь срамъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но однако, въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, пока стоятъ въ этой каморкѣ, никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти. У Мити, при видѣ Грушеньки, пропадала ревность и на мгновеніе онъ становился довѣрчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя за дурныя чувства. Но это значило только, что въ любви его къ этой женщинѣ заключалось нѣчто гораздо высшее, чѣмъ онъ самъ предполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь „изгибъ тѣла“, о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но зато, когда исчезала Грушенька, Митя тотчасъ же начиналъ опять подозрѣвать въ ней всѣ низости и коварства измѣны. Угрызеній же совѣсти никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

Итакъ ревность закипѣла въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ надо было спѣшить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть капельку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять рублей почти всѣ ушли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, никуда шагу ступить нельзя. Но онъ, вмѣстѣ съ новымъ планомъ своимъ, обдумалъ гдѣ достать и на перехватку, еще давеча на телѣгѣ. У него была пара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ патронами, и если до сихъ поръ онъ ея не заложилъ, то потому, что любилъ эту вещь больше всего что̀ имѣлъ. Въ трактирѣ „Столичный городъ“ онъ уже давно слегка познакомился съ однимъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трактирѣ же, что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ до страсти любитъ оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы, кинжалы, развѣшиваетъ у себя по стѣнамъ, показываетъ знакомымъ, хвалится, мастеръ

растолковать систему револьвера, какъ его зарядить, какъ выстрѣлить и проч. Долго не думая, Митя тотчасъ къ нему отправился и предложилъ ему взять въ закладъ пистолеты за десять рублей. Чиновникъ съ радостью сталъ уговаривать его совсѣмъ продать, но Митя не согласился, и тотъ выдалъ ему десять рублей, заявивъ, что процентовъ не возьметъ ни за что̀. Разстались пріятелями. Митя спѣшилъ, онъ устремился къ Ѳедору Павловичу на зады, въ свою бесѣдку, чтобы вызвать поскорѣе Смердякова. Но такимъ образомъ опять получился фактъ, что всего за три, за четыре часа до нѣкотораго приключенія, о которомъ будетъ мною говорено ниже, у Мити не было ни копейки денегъ и онъ за десять рублей заложилъ любимую вещь, тогда какъ вдругъ, черезъ три часа, оказались въ рукахъ его тысячи... Но я забѣгаю впередъ.

У Маріи Кондратьевны (сосѣдки Ѳедора Павловича) его ожидало чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣстіе о болѣзни Смердякова. Онъ выслушалъ исторію о паденіи въ погребъ, затѣмъ о падучей, пріѣздѣ доктора, заботахъ Ѳедора Павловича; съ любопытствомъ узналъ о томъ, что братъ Иванъ Ѳедоровичъ уже укатилъ давеча утромъ въ Москву. „Должно быть, раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью“, подумалъ Дмитрій Ѳедоровичъ, но Смердяковъ его безпокоилъ ужасно: „какъ же теперь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ? Съ жадностью началъ онъ разспрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили ль онѣ чего вчера вечеромъ? Тѣ очень хорошо понимали, о чемъ онъ разузнаетъ, и разувѣрили его вполнѣ: никого не было, ночевалъ Иванъ Ѳедоровичъ, „все было въ совершенномъ порядкѣ“. Митя задумался. Безъ сомнѣнія, надо и сегодня караулить, но гдѣ: здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ, что и здѣсь и тамъ, все по усмотрѣнію, а пока, пока... Дѣло въ томъ, что теперь стоялъ передъ нимъ этотъ „планъ“, давешній, новый и уже вѣрный планъ, выдуманный имъ на телѣгѣ, и откладывать исполненіе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ пожертвовать на это часъ: „въ часъ все порѣшу, все узнаю и тогда, тогда, во-первыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь, тамъ ли Грушенька, и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати часовъ здѣсь, а потомъ опять за ней къ Самсонову, чтобы проводить ее обратно домой“. Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ полетѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ

платье, одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохлаковой. Увы, „планъ“ его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у этой дамы. И главное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необыкновенная увѣренность, что она ему не откажетъ. Можетъ быть, подивятся тому, что если была такая увѣренность, то почему же онъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ сказать, въ свое общество, а направился къ Самсонову, человѣку склада чужого, съ которымъ онъ даже и не зналъ какъ говорить. Но дѣло въ томъ, что съ Хохлаковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти раззнакомился, да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень зналъ, что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта дама возненавидѣла его съ самаго начала просто за то, что онъ женихъ Катерины Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось, чтобы Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за „милаго, рыцарски образованнаго Ивана Ѳедоровича, у котораго такія прекрасныя манеры“. Манеры же Мити она ненавидѣла. Митя даже смѣялся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее, что эта дама „настолько жива и развязна, насколько необразована“. И вотъ, давеча утромъ, на телѣгѣ, его озарила самая яркая мысль: „Да если ужъ она такъ не хочетъ, чтобъ я женился на Катеринѣ Ивановнѣ, и не хочетъ до такой степени (онъ зналъ, что почти до истерики), то почему бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ трехъ тысячахъ, именно для того, чтобъ я на эти деньги могъ, оставивъ Катю, укатить навѣки отсюдова? Эти избалованныя высшія дамы, если ужъ захотятъ чего до капризу, то ужъ ничего не щадятъ, чтобы вышло по-ихнему. Она же къ тому такъ богата“, разсуждалъ Митя. Что же касается собственно до „плана“, то было все то же самое, что и прежде, то-есть предложеніе правъ своихъ на Чермашню, но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ вчера Самсонову, не прельщая эту даму, какъ вчера Самсонова, возможностью стяпать вмѣсто трехъ тысячъ кушъ вдвое, тысячъ въ шесть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ. Развивая эту новую свою мысль, Митя доходилъ до восторга, но такъ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ, при всѣхъ его внезапныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей онъ отдавался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда ступилъ на крыльцо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на спинѣ своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду

онъ созналъ вполнѣ и уже математически ясно, что тутъ вѣдь послѣдняя уже надежда его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если тутъ оборвется, „развѣ зарѣзать и ограбить кого-нибудь изъ-за трехъ тысячъ, а болѣе ничего“... Было часовъ семь съ половиною, когда онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Сначала дѣло какъ бы улыбнулось: только что онъ доложился, его тотчасъ же приняли съ необыкновенною быстротой. „Точно вѣдь ждала меня“, мелькнуло на умѣ Мити, а затѣмъ, вдругъ, только что ввели его въ гостиную, почти вбѣжала хозяйка и прямо объявила ему, что ждала его...

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать, что вы ко мнѣ придете, согласитесь сами, и, однако, я васъ ждала, подивитесь моему инстинкту, Дмитрій Ѳедоровичъ, я все утро была увѣрена, что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, произнесъ Митя, мѣшковато усаживаясь,—но... я пришелъ по чрезвычайно важному дѣлу... наиважнѣйшему изъ важнѣйшихъ, для меня, то-есть, сударыня, для меня одного, и спѣшу...

— Знаю, что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Ѳедоровичъ, тутъ не предчувствія какія-нибудь, не ретроградныя поползновенія на чудеса (слышали про старца Зосиму?), тутъ, тутъ математика: вы не могли не придти, послѣ того какъ произошло все это съ Катериной Ивановной, вы не могли, не могли; это математика.

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ что̀ это такое! Но позвольте, однакожъ, изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я теперь вся за реализмъ, я слишкомъ проучена насчетъ чудесъ. Вы слышали, что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, удивился немного Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, прервалъ Митя,—я представляю себѣ только то, что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы мнѣ не поможете, то все провалится, и я провалюсь первый. Простите за тривіальность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю, что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не можете быть въ другомъ состояніи духа, и что̀ бы вы ни сказали, я все знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу

въ соображеніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее... О, повѣрьте, что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я зато опытный больной, слюбезничалъ черезъ силу Митя, — и предчувствую, что если вы ужъ такъ слѣдите за судьбой моею, то и поможете ей въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ, наконецъ, изложить предъ вами тотъ планъ, съ которымъ я рискнулъ явиться... и то, чего отъ васъ ожидаю... Я пришелъ, сударыня...

— Не излагайте, это второстепенность. А насчетъ помощи, я не первому вамъ помогаю, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы вѣроятно слышали о моей кузинѣ Бельмесовой, ея мужъ погибалъ, провалился, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Ѳедоровичъ, и что̀ же, я указала ему на коннозаводство, и онъ теперь процвѣтаетъ. Вы имѣете понятіе о коннозаводствѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Ни малѣйшаго, сударыня,—охъ, сударыня, ни малѣйшаго! вскричалъ въ нервномъ нетерпѣніи Митя и даже поднялся было съ мѣста.—Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, дайте мнѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ сперва изложить вамъ все, весь проектъ, съ которымъ пришелъ. Къ тому же мнѣ нужно время, я ужасно спѣшу!.. прокричалъ истерически Митя, почувствовавъ, что она сейчасъ опять начнетъ говорить и въ надеждѣ перекричать ее:—Я пришелъ въ отчаяніи... въ послѣдней степени отчаянія, чтобы просить у васъ взаймы денегъ три тысячи, взаймы, но подъ вѣрный, подъ вѣрнѣйшій залогъ, сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только изложить...

— Это вы все потомъ, потомъ! замахала на него рукой въ свою очередь госпожа Хохлакова,—да и все что̀ бы вы ни сказали, я знаю все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите какой-то суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, безмѣрно больше, я васъ спасу, Дмитрій Ѳедоровичъ, но надо, чтобы вы меня послушались!

Митя такъ и прянулъ опять съ мѣста.

— Сударыня, неужто вы такъ добры! вскричалъ онъ съ чрезвычайнымъ чувствомъ.—Господи, вы спасли меня. Вы спасаете человѣка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ пистолета... Вѣчная благодарность моя...

— Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше, чѣмъ

три тысячи! прокричала госпожа Хохлакова, съ сіяющею улыбкой смотря на восторгъ Мити.

— Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только эти роковыя для меня три тысячи, а я съ своей стороны пришелъ гарантировать вамъ эту сумму съ безконечною благодарностью и предлагаю вамъ планъ, который...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сказано и сдѣлано, отрѣзала госпожа Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодѣтельницы.—Я обѣщала васъ спасти, и спасу. Я васъ спасу, какъ и Бельмесова. Что̀ думаете вы о золотыхъ пріискахъ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— О золотыхъ пріискахъ, сударыня! Я никогда ничего о нихъ не думалъ.

— А зато я за васъ думала! Думала и передумала! Я уже цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлью. Я сто разъ смотрѣла на васъ, когда вы проходили, и повторяла себѣ: вотъ энергическій человѣкъ, которому надо на пріиски. Я изучила даже походку вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много пріисковъ.

— По походкѣ, сударыня? улыбнулся Митя.

— А что̀ жъ, и по походкѣ. Что же, неужели вы отрицаете, что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Ѳедоровичъ? Естественныя науки подтверждаютъ то же самое. О, я теперь реалистка, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я съ сегодняшняго дня, послѣ всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ разстроила, совершенная реалистка и хочу броситься въ практическую дѣятельность. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургеневъ.

— Но, сударыня, эти три тысячи, которыми вы такъ великодушно меня обѣщали ссудить...

— Васъ не минуютъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ же перерѣзала госпожа Хохлакова,—эти три тысячи все равно что у васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу идею: вы отыщете пріиски, наживете милліоны, воротитесь и станете дѣятелемъ, будете и насъ двигать, направлять къ добру. Неужели же все предоставить жидамъ? Вы будете строить зданія и разныя предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣ васъ благословлять. Нынче вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы станете извѣстны и необходимы министерству финансовъ, которое теперь такъ нуждается. Паденіе нашего

кредитнаго рубля не дастъ мнѣ спать. Дмитрій Ѳедоровичъ, съ этой стороны меня мало знаютъ...

— Сударыня, сударыня! въ какомъ-то безпокойномъ предчувствіи прервалъ опять Дмитрій Ѳедоровичъ, — я весьма и весьма, можетъ быть, послѣдую вашему совѣту,— умному совѣту вашему, сударыня,—и я отправлюсь, можетъ быть, туда... на эти пріиски... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ... даже много разъ... но теперь эти три тысячи, которыя вы такъ великодушно... О, онѣ бы развязали меня, и если можно сегодня... То-есть, видите ли, у меня теперь ни часу, ни часу времени...

— Довольно, Дмитрій Ѳодоровичъ, довольно! настойчиво прервала госпожа Хохлакова; — вопросъ: ѣдете вы на пріиски или нѣтъ, рѣшились ли вы вполнѣ, отвѣчайте математически?

— Ѣду, сударыня, потомъ... Я поѣду куда хотите, сударыня... но теперь...

— Подождите же! крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и бросилась къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ящиками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то отыскивая и ужасно торопясь.

„Три тысячи!“ подумалъ, замирая, Митя,—„и это сейчасъ, безо всякихъ бумагъ, безъ акта... о, это по-джентльменски! Великолѣпная женщина, и если бы только не такъ разговорчива“...

— Вотъ! вскрикнула въ радости госпожа Хохлакова, возвращаясь къ Митѣ,—вотъ что̀ я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ тѣхъ, какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ благоговѣніемъ продолжала она,—отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте мнѣ самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на новую жизнь и на новые подвиги.

И она дѣйствительно накинула ему образокъ на шею и стала было вправлять его. Митя въ большомъ смущеніи принагнулся и сталъ ей помогать и, наконецъ, вправилъ себѣ образокъ чрезъ галстукъ и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! произнесла госпожа Хохлакова, торжественно садясь опять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронутъ... и не знаю, какъ даже благодарить... за такія чувства, но... если бы вы знали какъ мнѣ дорого теперь время!.. Эта сумма, которую я

столь жду отъ вашего великодушія... О, сударыня, если вы ужъ такъ добры, такъ трогательно великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдохновеніи Митя),—то позвольте мнѣ вамъ открыть... что̀, впрочемъ, вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... Я измѣнилъ Катѣ... Катеринѣ Ивановнѣ, я хочу сказать... О, я былъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь полюбилъ другую... одну женщину, сударыня, можетъ быть, презираемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никакъ не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

— Оставьте все, Дмитрій Ѳедоровичъ! самымъ рѣшительнымъ тономъ перебила госпожа Хохлакова.—Оставьте, и особенно женщинъ. Ваша цѣль—пріиски, а женщинъ туда незачѣмъ везти. Потомъ, когда вы возвратитесь въ богатствѣ и славѣ, вы найдете себѣ подругу сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это будетъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предразсудковъ. Къ тому времени какъ разъ созрѣетъ теперь начавшійся женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... сложилъ было, умоляя, руки Дмитрій Ѳедоровичъ.

— То̀ самое, Дмитрій Ѳедоровичъ, именно то̀, что̀ вамъ надо, чего вы жаждете, сами не зная того. Я вовсе не прочь отъ теперешняго женскаго вопроса, Дмитрій Ѳедоровичъ. Женское развитіе и даже политическая роль женщины въ самомъ ближайшемъ будущемъ—вотъ мой идеалъ. У меня у самой дочь, Дмитрій Ѳедоровичъ, и съ этой стороны меня мало знаютъ. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писатель мнѣ столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины, что я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ двѣ строки: „Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте“. И подписалась: „мать“. Я хотѣла было подписаться „современная мать“, и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрій Ѳедоровичъ, да и слово „современная“ напомнила бы имъ „*Современникъ*“,—воспоминаніе для нихъ горькое въ виду нынѣшней цензуры... Ахъ, Боже мой, что̀ съ вами?

— Сударыня, вскочилъ, наконецъ, Митя, складывая предъ ней руки ладонями въ безсильной мольбѣ, — вы меня заставите заплакать, сударыня, если будете откладывать то̀, что̀ такъ великодушно...

— И поплачьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, поплачьте! Это прекрасныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы облегчатъ васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно прискачете ко мнѣ изъ Сибири, чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте же и мнѣ, завопилъ вдругъ Митя,—въ послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить отъ васъ сегодня эту обѣщанную сумму? Если же нѣтъ, то когда именно мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Обѣщанныя вами три тысячи... которыя вы такъ великодушно...

— Три тысячи? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ трехъ тысячъ, съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ произнесла госпожа Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какъ же вы... сейчасъ... вы сказали... вы выразились даже, что онѣ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Ѳедоровичъ. Если такъ, то вы не поняли меня. Я говорила про пріиски... Правда, я вамъ обѣщала больше, безконечно больше, чѣмъ три тысячи, я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни пріиски.

— А деньги? А три тысячи? нелѣпо воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня теперь совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я какъ разъ воюю теперь съ моимъ управляющимъ и сама на-дняхъ заняла пятьсотъ рублей у Міусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. И знаете, Дмитрій Ѳедоровичъ, если бъ у меня даже и были, я бы вамъ не дала. Во-первыхъ, я никому не даю взаймы. Дать взаймы, значитъ, поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно бы не дала, любя васъ не дала бы, чтобы спасти васъ не дала бы, потому что вамъ нужно только одно: пріиски, пріиски и пріиски!..

— О, чтобы чортъ!.. взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Ай, ай! закричала Хохлакова въ испугѣ и отлетѣла въ другой конецъ гостиной.

Митя плюнулъ и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ дому, на улицу, въ темноту! Онъ шелъ какъ помѣшанный, ударяя себя по груди, по тому самому мѣсту груди, по которому ударялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ

вечеромъ, въ темнотѣ, на дорогѣ. Что̀ означало это битье себя по груди *по этому мѣсту* и на что̀ онъ тѣмъ хотѣлъ указать, — это была пока еще тайна, которую не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда даже Алешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ позоръ, заключались гибель и самоубійство, онъ такъ уже рѣшилъ, если не достанетъ тѣхъ трехъ тысячъ, чтобъ уплатить Катеринѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, *„съ того мѣста груди“* позоръ, который онъ носилъ на ней, и который такъ давилъ его совѣсть. Все это вполнѣ объяснится читателю впослѣдствіи, но теперь, послѣ того какъ исчезла послѣдняя надежда его, этотъ столь сильный физически человѣкъ, только что прошелъ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ залился слезами, какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и, въ забытьи, утиралъ кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ почувствовалъ, что наткнулся на что-то всѣмъ тѣломъ. Раздался пискливый вой какой-то старушонки, которую онъ чуть не опрокинулъ.

— Господи, чуть не убилъ! Чего зря шагаешь, сорванецъ!

— Какъ, это вы? вскричалъ Митя, разглядѣвъ въ темнотѣ старушонку. Это была та самая старая служанка, которая прислуживала Кузьмѣ Самсонову, и которую слишкомъ замѣтилъ вчера Митя.

— А вы сами кто таковы, батюшка? совсѣмъ другимъ голосомъ проговорила старушка,—не признать мнѣ васъ въ темнотѣ-то.

— Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?

— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Прохорычу сбѣгала... Да чтой-то я васъ все признать не могу?

— Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ теперь? внѣ себя отъ ожиданія произнесъ Митя.—Давеча я ее самъ проводилъ.

— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.

— Какъ? Ушла? вскричалъ Митя.—Когда ушла?

— Да въ ту пору и ушла же, минутку только и побыла у насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну разсказала, разсмѣшила его, да и убѣжала.

— Врешь, проклятая! завопилъ Митя.

— А-ай! закричала старушонка, но Митя и слѣдъ простылъ; онъ побѣжалъ что̀ было силы въ домъ Морозовой. Это именно было то время, когда Грушенька укатила въ

Мокрое, прошло не болѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Ѳеня сидѣла со своею бабушкой, кухаркой Матреной, въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжалъ „капитанъ“. Увидавъ его, Ѳеня закричала благимъ матомъ.

— Кричишь? завопилъ Митя:—гдѣ она? Но не давъ отвѣтить еще слова обомлѣвшей отъ страху Ѳенѣ, онъ вдругъ повалился ей въ ноги:

— Ѳеня, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?

— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю, заклялась-забожилась Ѳеня,—сами вы давеча съ ней пошли...

— Она назадъ пришла!..

— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь, не приходила!

— Врешь, вскричалъ Митя,—ужъ по одному твоему испугу знаю, гдѣ она!..

Онъ бросился вонъ. Испуганная Ѳеня рада была, что дешево отдѣлалась, но очень хорошо поняла, что ему было только некогда, а то бы ей, можетъ, не сдобровать. Но, убѣгая, онъ все же удивилъ и Ѳеню, и старуху Матрену одною самою неожиданною выходкой: на столѣ стояла мѣдная ступка, а въ ней пестикъ, небольшой мѣдный пестикъ въ четверть аршина всего длиною. Митя, выбѣгая и уже отворивъ одною рукой дверь, другою вдругъ на лету выхватилъ пестикъ изъ ступки и сунулъ себѣ въ боковой карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ, Господи, онъ убить кого хочетъ! всплеснула руками Ѳеня.

IV.

Въ темнотѣ.

Куда побѣжалъ онъ? Извѣстно: „гдѣ же она могла быть, какъ не у Ѳедора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжала къ нему, теперь-то ужъ это ясно. Вся интрига, весь обманъ теперь очевидны“... Все это летѣло какъ вихрь въ головѣ его. На дворъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не забѣжалъ: „Туда не надо, отнюдь не надо... чтобы ни малѣйшей тревоги... тотчасъ передадутъ и предадутъ... Марья Кондратьевна, очевидно, въ заговорѣ. Смердяковъ тоже, тоже, всѣ подкуплены!“ У него создалось другое намѣреніе: онъ обѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ переулокъ, домъ Ѳедора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую

улицу, перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо попалъ въ уединенный переулокъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный съ одной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой крѣпкимъ высокимъ заборомъ, обходившимъ кругомъ сада Ѳедора Павловича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и, кажется, то самое, гдѣ, по преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла когда-то заборъ. „Если ужъ та смогла перелѣзть“, Богъ знаетъ почему мелькнуло въ его головѣ,—„то какъ же бы я-то не перелѣзъ?“ И дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ споровилъ схватиться рукой за верхъ забора, затѣмъ энергически приподнялся, разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборѣ верхомъ. Тутъ вблизи, въ саду, стояла банька, но съ забора видны были и освѣщенныя окна дома. „Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено, она тамъ!“ и онъ прыгнулъ съ забора въ садъ. Хоть онъ и зналъ, что Григорій боленъ, а, можетъ-быть, и Смердяковъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, и что услышать его некому, но инстинктивно притаился, замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но всюду было мертвое молчаніе и, какъ нарочно, полное затишье, ни малѣйшаго вѣтерка.

„И только шепчетъ тишина“, мелькнулъ почему-то этотъ стишокъ въ головѣ его, — „вотъ только не услышалъ бы кто, какъ я перескочилъ: кажется, нѣтъ“. Постоявъ минутку, онъ тихонько пошелъ по саду, по травѣ; обходя деревья и кусты, шелъ долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу своему самъ прислушиваясь. Минутъ съ пять добирался онъ до освѣщеннаго окна. Онъ помнилъ, что тамъ, подъ самыми окнами, есть нѣсколько большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ бузины и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ въ лѣвой сторонѣ фасада была заперта, и онъ это нарочно и тщательно высмотрѣлъ, проходя. Наконецъ, достигъ и кустовъ, и притаился за ними. Онъ не дышалъ. „Переждать теперь надо“, подумалъ онъ, „если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются, то, чтобы разувѣрились... какъ бы только не кашлянуть, не чихнуть“...

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось ужасно и мгновеніями онъ почти задыхался. „Нѣтъ, не пройдетъ сердцебіеніе“, подумалъ онъ,—„не могу дольше ждать“. Онъ стоялъ за кустомъ въ тѣни, передняя половина куста была освѣщена изъ окна. „Калина, ягоды, какія красныя!“ прошепталъ онъ, не зная зачѣмъ. Тихо,

раздѣльными неслышными шагами подошелъ онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся спаленка Ѳедора Павловича предстала предъ нимъ, какъ на ладони. Это была небольшая комната, вся раздѣленная поперекъ красными ширмочками, „китайскими“, какъ называлъ ихъ Ѳедоръ Павловичъ. „Китайскія“, пронеслось въ умѣ Мити, „а за ширмами Грушенька“. Онъ сталъ разглядывать Ѳедора Павловича. Тотъ былъ въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, котораго никогда еще не видалъ у него Митя, подпоясанномъ шелковымъ же шнуркомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выглядывало чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка съ золотыми запонками. На головѣ у Ѳедора Павловича была та же красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. „Разодѣлся“, подумалъ Митя. Ѳедоръ Павловичъ стоялъ близъ окна, повидимому, въ задумчивости, вдругъ онъ вздернулъ голову, чуть-чуть прислушался и, ничего не услышавъ, подошелъ къ столу, налилъ изъ графина полрюмочки коньяку и выпилъ. Затѣмъ вздохнулъ всею грудью, опять постоялъ, разсѣянно подошелъ къ зеркалу въ простѣнкѣ, правою рукой приподнялъ немного красную повязку со лба и сталъ разглядывать свои синяки и болячки, которые еще не прошли. „Онъ одинъ“, подумалъ Митя, „по всѣмъ вѣроятностямъ одинъ“. Ѳедоръ Павловичъ отошелъ отъ зеркала, вдругъ повернулся къ окну и глянулъ въ него. Митя мигомъ отскочилъ въ тѣнь.

„Она, можетъ-быть, у него за ширмами, можетъ-быть, уже спитъ“, кольнуло его въ сердце. Ѳедоръ Павловичъ отъ окна отошелъ. „Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало-быть, ея нѣтъ: чего ему въ темноту смотрѣть?.. нетерпѣніе, значитъ, пожираетъ“... Митя тотчасъ подскочилъ и опять сталъ глядѣть въ окно. Старикъ уже сидѣлъ предъ столикомъ, видимо пригорюнившись. Наконецъ, облокотился и приложилъ правую ладонь къ щекѣ. Митя жадно вглядывался.

„Одинъ, одинъ!“ твердилъ онъ опять. „Если бъ она была тутъ, у него было бы другое лицо“. Странное дѣло: въ его сердцѣ вдругъ закипѣла какая-то безсмысленная и чудная досада на то, что ея тутъ нѣтъ. „Не на то, что ея тутъ нѣтъ“ осмыслилъ и самъ отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ же, — „а на то, что никакъ навѣрно узнать не могу, тутъ она или нѣтъ“. Митя припоминалъ потомъ самъ, что умъ его былъ въ ту минуту ясенъ необыкно-

венно и соображалъ все до послѣдней подробности, схватывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣшимости нарастала въ сердцѣ его съ быстротой непомѣрною. „Здѣсь она, наконецъ, или не здѣсь?“ злобно закипѣло у него въ сердцѣ. И онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и потихоньку постучалъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со Смердяковымъ: два первые раза потише, а потомъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ, — знакъ, обозначавшій, что „Грушенька пришла“. Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вскочилъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ въ тѣнь. Ѳедоръ Павловичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.

— Грушенька, ты? Ты, что ли? проговорилъ онъ какимъ-то дрожащимъ полушопотомъ. — Гдѣ ты, маточка, ангелочикъ, гдѣ ты?

Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.

„Одинъ!“ рѣшилъ Митя.

— Гдѣ же ты? крикнулъ опять старикъ и высунулъ еще больше голову, высунулъ ее съ плечами, озираясь на всѣ стороны, направо и налѣво.—Иди сюда, я гостинчику приготовилъ, иди, покажу!..

„Это онъ про пакетъ съ тремя тысячами“, мелькнуло у Мити.

— Да гдѣ же?.. Аля у дверей? Сейчасъ отворю...

И старикъ чуть не вылѣзъ изъ окна, заглядывая направо въ сторону, гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ темнотѣ. Черезъ секунду онъ непремѣнно побѣжалъ бы отпирать двери, не дождавшись отвѣта Грушеньки. Митя смотрѣлъ сбоку и не шевелился. Весь столь противный ему профиль старика, весь отвисшій кадыкъ его, носъ крючкомъ, улыбающійся въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко было освѣщено косымъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. Страшная, неистовая злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: „Вотъ онъ, его соперникъ, его мучитель, мучитель его жизни!“ Это былъ приливъ той самой внезапной, мстительной и неистовой злобы, про которую, какъ бы предчувствуя ее, возвѣстилъ онъ Алешѣ, въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назадъ, когда отвѣтилъ на вопросъ Алеши: „какъ можешь ты говорить, что убьешь отца?“

„Я вѣдь не знаю, не знаю, сказалъ онъ тогда; можетъ, не убью, а, можетъ, убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ

вдругъ мнѣ станетъ *„своимъ лицомъ въ ту самую минуту“*. Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и не удержусь“.

Личное омерзѣніе нарастало нестерпимо. Митя уже не помнилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ кармана...

. . . . . .

„Богъ“, какъ самъ Митя говорилъ потомъ, „сторожилъ меня тогда“: какъ разъ въ то самое время проснулся на одрѣ своемъ больной Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того же дня онъ совершилъ надъ собою извѣстное лѣченіе, о которомъ Смердяковъ разсказывалъ Ивану Ѳедоровичу, то-есть вытерся весь съ помощію супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ крѣпчайшимъ настоемъ, а остальное выпилъ съ „нѣкоторою молитвой“, прошептанною надъ нимъ супругой, и залегъ спать. Марѳа Игнатьевна вкусила тоже и, какъ не пьющая, заснула подлѣ супруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно Григорій вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хоть тотчасъ же опять почувствовалъ сильную боль въ поясницѣ, но поднялся на постели. Затѣмъ опять что-то обдумалъ, всталъ и наскоро одѣлся. Можетъ-быть, угрызеніе совѣсти кольнуло его за то, что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа „въ такое опасное время“. Разбитый падучею Смердяковъ лежалъ въ другой каморкѣ безъ движенія. Марѳа Игнатьевна не шевелилась: „ослабѣла баба“, подумалъ, глянувъ на нее, Григорій Васильевичъ и кряхтя вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ только глянуть съ крылечка, потому что ходить былъ не въ силахъ, боль въ поясницѣ и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ вдругъ припомнилъ, что калитку въ садъ онъ съ вечера на замокъ не заперъ. Это былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и точнѣйшій, человѣкъ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ привычекъ. Хромая и корчась отъ боли, сошелъ онъ съ крылечка и направился къ саду. Такъ и есть, калитка совсѣмъ настежь. Машинально ступилъ онъ въ садъ: можетъ-быть, ему что̀ померещилось, можетъ, услыхалъ какой-нибудь звукъ, но, глянувъ налѣво, увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже окошко, никто уже изъ него не выглядывалъ.

„Почему отворено, теперь не лѣто!“ подумалъ Григорій. И вдругъ, какъ разъ въ то самое мгновеніе, прямо

предъ нимъ въ саду замелькало что-то необычайное. Шагахъ въ сорока предъ нимъ какъ бы пробѣгалъ въ темнотѣ человѣкъ, очень быстро двигалась какая-то тѣнь.

— Господи! проговорилъ Григорій и, не помня себя, забывъ про свою боль въ поясницѣ, пустился наперерѣзъ бѣгущему.

Онъ взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣе, чѣмъ бѣгущему; тотъ же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню, бросился къ стѣнѣ... Григорій слѣдилъ его, не теряя изъ виду, и бѣжалъ не помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ ту минуту, когда бѣглецъ уже перелѣзалъ заборъ. Внѣ себя завопилъ Григорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его ногу.

Такъ и есть, предчувствіе не обмануло его; онъ узналъ его, это былъ онъ „извергъ-отцеубивецъ"!

— Отцеубивецъ! прокричалъ старикъ на всю окрестность.

Но только это и успѣлъ прокричать; онъ вдругъ упалъ, какъ пораженный громомъ. Митя соскочилъ опять въ садъ и нагнулся надъ поверженнымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ и онъ машинально отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Григорія, но не на траву, а на тропинку, на самое видное мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ лежащаго предъ нимъ. Голова старика была вся въ крови; Митя протянулъ руку и сталъ ее ощупывать. Онъ припомнилъ потомъ ясно, что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту „вполнѣ убѣдиться". проломилъ онъ черепъ старику или только „огорошилъ" его пестикомъ по темени? Но кровь лилась, лилась ужасно и мигомъ облила горячею струей дрожащіе пальцы Мити. Онъ помнилъ, что выхватилъ изъ кармана свой бѣлый новый платокъ, которымъ запасся идя къ Хохлаковой, и приложилъ къ головѣ старика, безсмысленно стараясь отереть кровь со лба и съ лица. Но и платокъ мигомъ весь намокъ кровью.

„Господи, да для чего это я?" очнулся вдругъ Митя,— „коли ужъ проломилъ, то какъ теперь узнать... Да и не все ли теперь равно!" прибавилъ онъ вдругъ безнадежно, — „убилъ, такъ убилъ... Попался старикъ и лежи!" громко проговорилъ онъ, и вдругъ кинулся на заборъ, перепрыгнулъ въ переулокъ и пустился бѣжать.

Намокшій кровью платокъ былъ скомканъ у него въ правомъ кулакѣ и онъ на бѣгу сунулъ его въ задній кар-

манъ сюртука. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣсколько рѣдкихъ прохожихъ, повстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, на улицахъ города, запомнили потомъ, какъ встрѣтили они въ ту ночь неистово бѣгущаго человѣка. Летѣлъ онъ опять въ домъ Морозовой. Давеча Ѳеня, тотчасъ по уходѣ его, бросилась къ старшему дворнику Назару Ивановичу и „Христомъ-Богомъ“ начала молить его, чтобъ онъ „не впускалъ ужъ больше капитана ни сегодня, ни завтра“. Назаръ Ивановичъ, выслушавъ, согласился, но на грѣхъ отлучился наверхъ къ барынѣ, куда его внезапно позвали, и на ходу, встрѣтивъ своего племянника, парня лѣтъ двадцати, недавно только прибывшаго изъ деревни, приказалъ ему побыть на дворѣ, но забылъ приказать о капитанѣ. Добѣжавъ до воротъ, Митя постучался. Парень мигомъ узналъ его: Митя не разъ уже давалъ ему на чай. Тотчасъ же отворилъ ему калитку, впустилъ и, весело улыбаясь, предупредительно поспѣшилъ увѣдомить, что „вѣдь Аграфены Александровны теперь дома-то и нѣтъ-съ“.

— Гдѣ же она, Прохоръ? вдругъ остановился Митя.

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимоѳеемъ, въ Мокрое.

— Зачѣмъ? крикнулъ Митя.

— Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то, кто-то ихъ позвалъ, оттудова и лошадей прислали...

Митя бросилъ его и какъ полоумный вбѣжалъ къ Ѳенѣ.

V.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, обѣ собирались ложиться спать. Надѣясь на Назара Ивановича, они изнутри опять-таки не заперлись. Митя вбѣжалъ, кинулся на Ѳеню и крѣпко схватилъ ее за горло.

— Говоря сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? завопилъ онъ въ изступленіи.

Обѣ женщины взвизгнули.

— Ай, скажу, ай, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, сейчасъ все скажу, ничего не потаю, прокричала скороговоркой на смерть испуганная Ѳеня,—она въ Мокрое къ офицеру поѣхала.

— Къ какому офицеру? вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ преж-

нему своему, пять лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, тою же скороговоркой протрещала Ѳеня.

Дмитрій Ѳедоровичъ отнялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный какъ мертвецъ и безгласный, но по глазамъ его было видно, что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ догадался. Не бѣдной Ѳенѣ, конечно, было наблюдать въ ту секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными, расширенными отъ страха зрачками глазъ впилась она въ него неподвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были запачканы въ крови. Дорогой, когда бѣжалъ, онъ, должно-быть, дотрогивался ими до своего лба, вытирая съ лица потъ, такъ что и на лбу, и на правой щекѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Ѳеней могла сейчасъ начаться истерика, старуха же кухарка вскочила и глядѣла какъ сумасшедшая, почти потерявъ сознаніе. Дмитрій Ѳедоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально опустился возлѣ Ѳени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно какъ день: этотъ офицеръ — онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой же Грушеньки, зналъ, что мѣсяцъ назадъ онъ письмо прислалъ. Значитъ, мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ это дѣло велось въ глубокой отъ него тайнѣ до самаго теперешняго пріѣзда этого новаго человѣка, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ-таки и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ же какъ узналъ про него? Вотъ вопросъ, который стоялъ предъ нимъ какъ какое-то чудище. И онъ созерцалъ это чудище дѣйствительно въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и кротко, какъ тихій и ласковый ребенокъ, заговорилъ съ Ѳеней, совсѣмъ точно и забывъ, что сейчасъ ее такъ перепугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдругъ съ чрезвычайною и даже удивительною въ его положеніи точностью принялся распрашивать Ѳеню. А Ѳеня хоть и дико смотрѣла на окровавленныя руки его, но тоже съ удивительною готовностью и поспѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый вопросъ, даже

какъ бы спѣша выложить ему всю „правду правдинскую“. Мало-по-малу, даже съ какою-то радостью начала излагать всѣ подробности, и вовсе не желая мучить, а какъ бы спѣша изо всѣхъ силъ отъ сердца услужить ему. До послѣдней подробности разсказала она ему и весь сегодняшній день, посѣщеніе Ракитина и Алеши, какъ она, Ѳеня, стояла на сторожахъ, какъ барыня поѣхала и что она прокричала въ окошко Алешѣ поклонъ ему, Митенькѣ, и чтобы „вѣчно помнилъ какъ любила она его часочекъ“. Выслушавъ о поклонѣ, Митя вдругъ усмѣхнулся и на блѣдныхъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ. Ѳеня въ ту же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боясь за свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, всѣ-то въ крови!

— Да, отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотрѣлъ на свои руки, и тотчасъ забылъ про нихъ, и про вопросъ Ѳени.

Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ какъ вбѣжалъ онъ, прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его прошелъ, но видимо имъ уже овладѣла вполнѣ какая-то новая непреклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и задумчиво улыбнулся.

— Баринъ, что̀ съ вами это такое было? проговорила Ѳеня, опять показывая ему на его руки, — проговорила съ сожалѣніемъ, точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Ѳеня, проговорилъ онъ, со страннымъ выраженіемъ смотря на нее, — это кровь человѣческая и, Боже, зачѣмъ она пролилась! Но... Ѳеня... тутъ одинъ заборъ (онъ глядѣлъ на нее какъ бы загадывая ей загадку), одинъ высокій заборъ и страшный на видъ, но... завтра на разсвѣтѣ, когда „взлетитъ солнце“, Митенька черезъ этотъ заборъ перескочитъ... Не понимаешь, Ѳеня, какой заборъ, ну, да ничего... все равно, завтра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помѣшаю и устранюсь, сумѣю устраниться. Живи, моя радость... любила меня часокъ, такъ и помни навѣки Митеньку Карамазова... Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Ѳеня выхода этого испугалась чуть не больше еще, чѣмъ когда онъ давеча вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя, Дмитрій Ѳедоровичъ вошелъ къ тому молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину, которому давеча заложилъ пистолеты. Было уже половина девятаго и Петръ Ильичъ, напившись дома чаю, только что облекся снова въ сюртукъ, чтобъ отправиться въ трактиръ „Столичный Городъ“ поиграть на бильярдѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ, увидѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ.

— Господи! Да что́ это съ вами?

— А вотъ, быстро проговорилъ Митя,—за пистолетами моими пришелъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностію. Торопнюсь, Петръ Ильичъ, пожалуйста, поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ Мити онъ вдругъ разсмотрѣлъ кучу денегъ, а, главное, онъ держалъ эту кучу и вошелъ съ нею, какъ никто деньги не держитъ и никто съ ними не входитъ: всѣ кредитки несъ въ правой рукѣ, точно напоказъ, прямо держа руку предъ собою. Мальчикъ, слуга чиновника, встрѣтившій Митю въ передней, сказывалъ потомъ, что онъ такъ и въ переднюю вошелъ съ деньгами въ рукахъ, стало быть, и по улицѣ все такъ же несъ ихъ предъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевыя, радужныя, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами. Петръ Ильичъ, потомъ, на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся лицъ: сколько было денегъ, заявлялъ, что тогда сосчитать на глазъ трудно было, можетъ быть, двѣ тысячи, можетъ быть, три, но пачка была большая, „плотненькая“. Самъ же Дмитрій Ѳедоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потомъ, „былъ какъ бы тоже совсѣмъ не въ себѣ, но не пьянъ, а точно въ какомъ-то восторгѣ, очень разсѣянъ, а въ то же время какъ будто и сосредоточенъ, точно объ чемъ-то думалъ и добивался, и рѣшить не могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко, очень странно, мгновеніями же былъ какъ будто вовсе не въ горѣ, а даже веселъ“.

— Да съ вами-то что̀, съ вами-то что̀ теперь? прокричалъ опять Петръ Ильичъ, дико разсматривая гостя.— Какъ это вы такъ раскровенились, упали, что ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя, увидавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно нахмурился.

— Э, чортъ! Этого недоставало, пробормоталъ онъ со

злобой, быстро переложилъ изъ правой руки кредитки въ лѣвую и судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но и платокъ оказался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ онъ вытиралъ голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка не было бѣлаго, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузъ въ комкѣ и не хотѣлъ развернуться.

Митя злобно шваркнулъ его объ полъ.

— Э, чортъ! Нѣтъ ли у васъ какой тряпки... обтереться бы...

— Такъ вы только запачкались, а не ранены? Такъ ужъ лучше вымойтесь, отвѣтилъ Петръ Ильичъ. — Вотъ рукомойникъ, я вамъ подамъ.

— Рукомойникъ? Это хорошо... только куда же я это дѣну? въ какомъ-то совсѣмъ ужъ странномъ недоумѣніи указалъ онъ Петру Ильичу на свою пачку сторублевыхъ, вопросительно глядя на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣвать свои собственныя деньги.

— Въ карманъ суньте, али на столъ вотъ здѣсь положите, не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо... Нѣтъ, видите ли, это все вздоръ! вскричалъ онъ, какъ бы вдругъ выходя изъ разсѣянности.—Видите: мы сперва это дѣло кончимъ, пистолеты-то, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги... потому что мнѣ очень, очень нужно... и времени, времени ни капли...

И, снявъ съ пачки верхнюю сторублевую, онъ протянулъ ее чиновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, замѣтилъ тотъ:—у васъ мельче нѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на пачку, и какъ бы неувѣренный въ словахъ своихъ, попробовалъ пальцами двѣ-три бумажки сверху, — нѣтъ, все такія же, прибавилъ онъ и опять вопросительно поглядѣлъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатѣли? спросилъ тотъ.— Постойте, я мальчика своего пошлю сбѣгать къ Плотниковымъ. Они запираютъ поздно,—вотъ не размѣняютъ ли. Эй, Миша! крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ—великолѣпнѣйшее дѣло! крикнулъ и Митя, какъ бы осѣненный какою-то мыслью.— Миша, обернулся онъ къ вошедшему мальчику,—видишь, бѣги къ Плотниковымъ и скажи, что Дмитрій Ѳедоро-

вичъ велѣлъ кланяться и сейчасъ самъ будетъ... Да слушай, слушай: чтобы къ его приходу приготовили шампанскаго, этакъ дюжинки три, да уложили какъ тогда, когда въ Мокрое ѣздилъ... Я тогда четыре дюжины у нихъ взялъ (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу)—они ужъ знаютъ, не безпокойся, Миша, повернулся онъ опять къ мальчику.—Да слушай: чтобы сыру тамъ, пироговъ страсбургскихъ, сиговъ копченыхъ, ветчины, икры, ну и всего, всего, что только есть у нихъ, рублей этакъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде было... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфетъ, грушъ, арбуза два или три, аль четыре,—ну нѣтъ, арбуза-то одного довольно, а шоколаду, леденцовъ, монпансье, тягушекъ—ну всего, что тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей на триста чтобы было... Ну, вотъ и теперь чтобы такъ же точно. Да вспомни ты, Миша, если ты Миша... Вѣдь его Мишей зовутъ? опять обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постойте, перебилъ Петръ Ильичъ, съ безпокойствомъ его слушая и разсматривая,—вы лучше сами пойдете, тогда и скажите, а онъ перевретъ.

— Перевретъ, вижу, что перевретъ! Эхъ, Миша, а я было тебя поцѣловать хотѣлъ за комиссію... Коли не переврешь, десять рублей тебѣ, скачи скорѣй... Шампанское, главное, шампанское чтобы выкатили, да и коньячку, да и краснаго, и бѣлаго, и всего этого, какъ тогда... Они ужъ знаютъ, какъ тогда было.

— Да слушайте вы! съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ Ильичъ.—Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ размѣнять, да прикажетъ, чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете... Давайте вашу кредитку, маршъ, Миша, одна нога тамъ, другая тутъ!

Петръ Ильичъ, кажется, нарочно поскорѣй прогналъ Мишу, потому что тотъ какъ сталъ предъ гостемъ, выпуча глаза на его кровавое лицо и окровавленныя руки съ пучкомъ денегъ въ дрожащихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разиня ротъ отъ удивленія и страха и, вѣроятно, мало понялъ изъ всего того, что ему наказывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдемте мыться, сурово сказалъ Петръ Ильичъ.—Положите деньги на столъ, али суньте въ карманъ... Вотъ такъ, идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять вскрикнулъ.

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава... А это вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана просочилось. Я на платокъ-то у Ѳени сѣлъ, кровь-то и просочилась, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ же объяснилъ Митя.

Петръ Ильичъ выслушалъ нахмурившись.

— Угораздило же васъ; подрались, должно быть, съ кѣмъ, пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и подливалъ воду. Митя торопился и плохо было намылилъ руки (Руки у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ). Петръ Ильичъ тотчасъ же велѣлъ намылить больше и тереть больше. Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ эту минуту, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Замѣтимъ кстати: молодой человѣкъ былъ характера не робкаго.

— Смотрите, не отмыли подъ ногтями; ну, теперь трите лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой рубашкѣ и поѣдете? Куда это вы ѣдете? Смотрите, весь обшлагъ праваго рукава въ крови.

— Да, въ крови, замѣтилъ Митя, разсматривая обшлагъ рубашки.

— Такъ перемѣните бѣлье.

— Некогда. А я вотъ, вотъ видите... продолжалъ съ тою же довѣрчивостью Митя, уже вытирая полотенцемъ лицо и руки и надѣвая сюртукъ,—я вотъ здѣсь край рукава загну, его и не видно будетъ подъ сюртукомъ... Видите!

— Говорите теперь, гдѣ это васъ угораздило? Подрались, что ли, съ кѣмъ? Не въ трактирѣ ли опять, какъ тогда? Не опять ли съ капитаномъ, какъ тогда, били его и таскали? какъ бы съ укоризною припомнилъ Петръ Ильичъ.—Кого еще прибили... али убили, пожалуй?

— Вздоръ! проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся.—Это я старушонку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушонку?

— Старика! крикнулъ Митя, смотря Петру Ильичу прямо въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чортъ возьми, старика, старушонку... Убили, что ли, кого?

— Помирились. Сцѣпились—и помирились. Въ одномъ мѣстѣ. Разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... онъ мнѣ простилъ... теперь ужъ навѣрно простилъ... Если бы всталъ, такъ не простилъ бы, подмигнулъ вдругъ Митя,—только знаете, къ чорту его, слышите, Петръ Ильичъ, къ чорту, не надо! Въ сію минуту не хочу! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому, что охота же вамъ со всякимъ связываться... какъ тогда изъ пустяковъ съ этимъ штабсъ-капитаномъ... подрались и кутить теперь мчитесь — весь вашъ характеръ! Три дюжины шампанскаго,—это куда же столько!

— Браво! Давайте теперь пистолеты. Ей-Богу, нѣтъ времени. И хотѣлъ бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ. Да и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ же деньги, куда я ихъ дѣлъ? вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежатъ. Забыли? Подлинно деньги у васъ точно соръ аль вода. Вотъ ваши пистолеты. Странно, въ шестомъ часу давеча заложилъ ихъ за десять рублей, а теперь эвона у васъ, тысячъ-то. Двѣ или три, небось?

— Три небось, засмѣялся Митя, суя деньги въ боковой карманъ панталонъ.

— Потеряете этакъ-то. Золотые пріиски у васъ, что ли?

— Пріиски? Золотые пріиски! изо всей силы закричалъ Митя и закатился смѣхомъ.—Хотите, Перхотинъ, на пріиски? Тотчасъ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсыплетъ, чтобы только ѣхали. Мнѣ отсыпала, ужъ такъ она пріиски любитъ! Хохлакову знаете?

— Незнакомъ, а слыхалъ и видалъ. Неужто эта она вамъ три тысячи дала? Такъ и отсыпала? недовѣрчиво глядѣлъ Петръ Ильичъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Фебъ какъ взлетитъ, хваля и славя Бога, вы завтра пойдите къ ней, къ Хохлаковой-то, и спросите у ней сами: отсыпала она мнѣ три тысячи, али нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утвердительно говорите, значитъ дала... А вы денежки-то въ лапки, да, вмѣсто Сибири-то, по всѣмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ дѣлѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ! проговорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами, да ни въ чемъ?

— Я не про тысячи. Къ чорту тысячи! Я про женскій нравъ говорю:

«Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ, и порочень».

Я съ Улиссомъ согласенъ, это онъ говоритъ.

— Не понимаю я васъ?

— Пьянъ что ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ, и довольно, довольно.

— Что это вы, пистолетъ заряжаете?

— Пистолетъ заряжаю.

Митя, дѣйствительно, раскрывъ ящикъ съ пистолетами, отомкнулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно всыпалъ и забилъ зарядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, передъ тѣмъ какъ вкатить ее, поднялъ ее въ двухъ пальцахъ предъ собою надъ свѣчкой.

— Чего это вы на пулю смотрите? съ безпокойнымъ любопытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ если бы ты вздумалъ эту пулю всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолетъ, посмотрѣлъ бы на нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее взглянуть, какова она есть... А впрочемъ вздоръ, минутный вздоръ. Вотъ и кончено, прибавилъ онъ, вкативъ пулю и заколотивъ ее паклей.—Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ и если бы ты зналъ, до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бумажки кусочекъ.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Вотъ такъ.

И Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на бумажкѣ двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ жилетный карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, заперъ ключикомъ и взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣлъ на Петра Иильича и длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постойте... Это вы, пожалуй, себѣ въ мозгъ ее хотите послать, пулю-то... съ безпокойствомъ произнесъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, я жизнь люблю! Знай ты это. Я златокудраго Феба и свѣтъ его горячій люблю... Милый Петръ Ильичъ, умѣешь ты устраниться?

— Какъ это устраниться?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному дать дорогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало,—вотъ какъ дать дорогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите мимо, а я...

— А вы?

— Довольно, идемъ.

— Ей-Богу скажу кому-нибудь (глядѣлъ на него Петръ Ильичъ), чтобы васъ не пустить туда. Зачѣмъ вамъ теперь въ Мокрое?

— Женщина тамъ, женщина, и довольно съ тебя, Петръ Ильичъ, и шабашъ!

— Послушайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то нравились... я вотъ и безпокоюсь.

— Спасибо тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, дикари! Я одно только и твержу: дикари! А, да вотъ Миша, а я-то его и забылъ.

Вошелъ впопыхахъ Миша съ пачкой размѣненныхъ денегъ и отрапортовалъ, что у Плотниковыхъ „всѣ заходили“, и бутылки волокутъ, и рыбу, и чай—сейчасъ все готово будетъ. Митя схватилъ десятирублевую и подалъ Петру Ильичу, а другую десятирублевую кинулъ Мишѣ.

— Не смѣть! вскричалъ Петръ Ильичъ.—У меня дома нельзя, да и дурное баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда положите, что ихъ сорить-то? Завтра же пригодятся, ко мнѣ же вѣдь и придете десять рублей просить. Что это вы въ боковой карманъ все суете? Эй, потеряете!

— Слушай, милый человѣкъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?

— Мнѣ-то зачѣмъ туда?

— Слушай, хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выпьемъ за жизнь! Мнѣ хочется выпить, а пуще всего съ тобою выпить. Никогда я съ тобою не пилъ, а?

— Пожалуй, въ трактирѣ можно, пойдемъ, я туда самъ сейчасъ отправлюсь.

— Некогда въ трактирѣ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ задней комнатѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.

— Загадай.

Митя вынулъ изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и показалъ. Четкимъ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:

„Казню себя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую!“

— Право, скажу кому-нибудь, пойду сейчасъ и скажу, проговорилъ, прочитавъ бумажку, Петръ Ильичъ.

— Не успѣешь, голубчикъ, идемъ и выпьемъ, маршъ!

Лавка Плотниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только домъ отъ Петра Ильича, на углу улицы. Это былъ самый главный бакалейный магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торговцевъ, и самъ по себѣ весьма не дурной. Было все, что̀ и въ любомъ магазинѣ въ столицѣ, всякая бакалея: вина „розлива братьевъ Елисѣевыхъ“, фрукты, сигары, чай, сахаръ, кофе и проч. Всегда сидѣли три приказчика и бѣгали два разсыльныхъ мальчика. Хотя край нашъ и обѣднѣлъ, помѣщики разъѣхались, торговля затихла, а бакалея процвѣтала попрежнему и даже все лучше и лучше съ каждымъ годомъ: на эти предметы не переводились покупатели. Митю ждали въ лавкѣ съ нетерпѣніемъ. Слишкомъ помнили, какъ онъ недѣли три-четыре назадъ забралъ точно такъ же разомъ всякаго товару и винъ на нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами (въ кредитъ-то бы ему ничего, конечно, не повѣрили), помнили, что такъ же какъ и теперь въ рукахъ его торчала цѣлая пачка радужныхъ, и онъ разбрасывалъ ихъ зря, не торгуясь, не соображая и не желая соображать, на что̀ ему столько товару, вина и проч.? Во всемъ городѣ потомъ говорили, что онъ тогда, укативъ съ Грушенькой въ Мокрое, „просадилъ въ одну ночь и слѣдующій затѣмъ день три тысячи разомъ, и воротился съ кутежа безъ гроша, въ чемъ мать родила“. Поднялъ тогда цыганъ цѣлый таборъ (въ то время у насъ закочевавшій), которые въ два дня вытащили-де у него, у пьянаго, безъ счету денегъ и выпили безъ счету дорогого вина. Разсказывали, смѣясь надъ Митей, что въ Мокромъ онъ запоилъ шампанскимъ сиволаныхъ мужиковъ, деревенскихъ дѣвокъ и бабъ закормилъ конфетами и страсбургскими пирогами. Смѣялись тоже у насъ, въ трактирѣ особенно, надъ собственнымъ откровеннымъ и публичнымъ тогдашнимъ признаніемъ Мити (не въ глаза ему, конечно, смѣялись, въ глаза ему смѣяться было нѣсколько опасно), что отъ Грушеньки онъ за всю ту „эскападу“ только и полу-

чилъ, что „позволила ему свою ножку поцѣловать, а болѣе ничего не позволила“.

Когда Митя съ Петромъ Ильичемъ подошли къ лавкѣ, то у входа нашли уже готовую тройку, въ телѣгѣ, покрытой ковромъ, съ колокольчиками и бубенчиками и съ ямщикомъ Андреемъ, ожидавшимъ Митю. Въ лавкѣ почти совсѣмъ успѣли „сладить“ одинъ ящикъ съ товаромъ и ждали только появленія Мити, чтобы заколотить и уложить его на телѣгу. Петръ Ильичъ удивился.

— Да откуда поспѣла у тебя тройка? спросилъ онъ Митю.

— Къ тебѣ бѣжалъ, вотъ его, Андрея, встрѣтилъ и велѣлъ ему прямо сюда къ лавкѣ и подъѣзжать. Времени терять нечего! Въ прошлый разъ съ Тимоѳеемъ ѣздилъ, да Тимоѳей теперь тю-тю-тю, впередъ меня съ волшебницей одной укатилъ. Андрей, опоздаемъ очень?

— Часомъ только развѣ прежде нашего прибудутъ, да и того не будетъ, часомъ всего упредятъ! поспѣшно отозвался Андрей. — Я Тимоѳея и снарядилъ, знаю, какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда—не наша ѣзда, Дмитрій Ѳедоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не потрафятъ раньше! съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый ямщикъ, рыжеватый, сухощавый парень въ поддевкѣ и съ армякомъ на лѣвой рукѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отстанешь.

— За часъ времени ручаемся, Дмитрій Ѳедоровичъ, эхъ, получасомъ не упредятъ, не то что часомъ.

Митя хоть и засуетился распоряжаясь, но говорилъ и приказывалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Начиналъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ нашелъ необходимымъ ввязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе, какъ на четыреста, чтобы точь-въ-точь по-тогдашнему, командовалъ Митя.—Четыре дюжины шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! завопилъ Петръ Ильичъ.—Это что за ящикъ? Съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыреста рублей?

Ему тотчасъ же объяснили суетившіеся приказчики, сладкою рѣчью, что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь полдюжины шампанскаго и „всякіе необходимые на первый случай предметы“ изъ закусокъ, конфетъ,

монпансье и проч. Но что главное „потребленіе“ уложится и отправится сей же часъ особо, какъ и въ тогдашній разъ, въ особой телѣгѣ и тоже тройкой, и потрафитъ къ сроку, „развѣ всего только часомъ позже Дмитрія Ѳедоровича къ мѣсту прибудетъ“.

— Не болѣе часу, чтобъ не болѣе часу, и какъ можно больше монпансье и тягушекъ положите; это тамъ дѣвки любятъ, съ жаромъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ—пусть. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? Одной довольно! почти осердился уже Петръ Ильичъ.

Онъ сталъ торговаться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ успокоиться. Спасъ, однако, всего одну сотню рублей. Остановились на томъ, чтобы всего товару доставлено было не болѣе какъ на триста рублей.

— А, чортъ васъ подери! вскричалъ Петръ Ильичъ, какъ бы вдругъ одумавшись.—Да мнѣ-то тутъ что̀? Бросай свои деньги, коли даромъ нажилъ!

— Сюда, экономъ, сюда, не сердись, потащилъ его Митя въ заднюю комнату лавки.—Вотъ здѣсь намъ бутылку сейчасъ подадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ вмѣстѣ, потому что ты человѣкъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ передъ крошечнымъ столикомъ, накрытымъ грязнѣйшею салфеткой. Петръ Ильичъ примостился напротивъ него и мигомъ явилось шампанское. Предложили, не пожелаютъ ли господа устрицъ, „первѣйшихъ устрицъ, самаго послѣдняго полученія“.

— Къ чорту устрицъ, я не ѣмъ, да и ничего не надо, почти злобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устрицъ, замѣтилъ Митя,—да и аппетита нѣтъ. Знаешь, другъ, проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ,—не любилъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто жъ его любитъ! Три дюжины, помилуй, на мужиковъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку во мнѣ нѣтъ, высшаго порядка... Но... все это закончено, горевать нечего. Поздно, и къ чорту! Вся жизнь моя была безпорядокъ и надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ!

Этотъ стишокъ у меня изъ души вырвался когда-то, не стихъ, а слеза... самъ сочинилъ... не тогда, однако, когда штабсъ-капитана за бороденку тащилъ...

— Чего это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, все равняется, черта—и итогъ.

— Право, мнѣ все твои пистолеты мерещатся.

— И пистолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь люблю, слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ, что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчикъ, за жизнь выпьемъ, за жизнь предлагаю тостъ! Почему я доволенъ собой? Я подлъ, но доволенъ собой. И, однакожъ, я мучусь тѣмъ, что я подлъ, но доволенъ собой. Благословляю твореніе, сейчасъ готовъ Бога благословить и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное насѣкомое, чтобы не ползло, другимъ жизни не портило... Выпьемъ за жизнь, милый братъ! Чтó можетъ быть дороже жизни! Ничего, ничего! За жизнь и за одну царицу изъ царицъ.

— Выпьемъ за жизнь, а, пожалуй, за твою царицу.

Выпили по стакану. Митя былъ хотя и восторженъ, и раскидчивъ, но какъ-то грустенъ. Точно какая-то непреодолимая и тяжелая забота стояла за нимъ.

— Миша... это твой Миша вошелъ? Миша, голубчикъ, Миша, поди сюда, выпей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Феба златокудраго, завтрашняго...

— Да зачѣмъ ты ему! крикнулъ Петръ Ильичъ раздражительно.

— Ну, позволь, ну, такъ, ну, я хочу.

— Э-эхъ!

Миша выпилъ стаканъ, поклонился и убѣжалъ.

— Запомнитъ дольше, замѣтилъ Митя.—Женщину я люблю, женщину! Чтò есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно, Петръ Ильичъ. Помнишь Гамлета: „Мнѣ такъ грустно, такъ грустно, Горацiо... Ахъ, бѣдный Iорикъ!“ Это я, можетъ быть, Iорикъ и есть. Именно теперь я Iорикъ, а черепъ потомъ.

Петръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.

— Это какая у васъ собачка? спросилъ онъ вдругъ разсѣянно приказчика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую болоночку съ черными глазками.

— Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей, болоночка, отвѣтилъ приказчикъ,—сами занесли давеча, да и забыли у насъ. Отнести надо будетъ обратно.

— Я одну такую же видѣлъ... въ полку... вдумчиво произнесъ Митя,—только у той задняя ножка была сломана... Петръ Ильичъ, хотѣлъ я спросить тебя, кстати: кралъ ты когда что въ своей жизни, аль нѣтъ?

— Это что за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ дерутъ, и ты, конечно, тоже...

— Убирайся къ чорту.

— Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?

— Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, со стола. Взялъ тихонько и зажалъ въ руку.

— Ну, и что же?

— Ну, и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, признался и отдалъ.

— Ну, и что же?

— Натурально, высѣкли. Да ты чего ужъ, ты самъ не укралъ ли?

— Укралъ, хитро подмигнулъ Митя.

— Что укралъ? залюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.

— У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, черезъ три дня отдалъ.

Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, не поспѣшить ли? крикнулъ вдругъ у дверей лавки Андрей.

— Готово? Идемъ! всполохнулся Митя.—Еще послѣднее сказанье и... Андрею стаканъ водки на дорогу, сейчасъ! Да коньяку ему, кромѣ водки, рюмку! Этотъ ящикъ (съ пистолетами) мнѣ подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не поминай лихомъ!

— Да вѣдь завтра воротишься?

— Непремѣнно.

— Расчетецъ теперь изволите покончить? подскочилъ приказчикъ.

— А, да, расчетъ! Непремѣнно!

Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою пачку кредитокъ, снялъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и спѣша вышелъ изъ лавки. Всѣ за нимъ послѣдовали и, кланяясь, провожали съ привѣтствіями и пожеланіями. Андрей крякнулъ отъ только что выпитаго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва только Митя началъ садиться, какъ вдругъ передъ нимъ совсѣмъ неожиданно очутилась Ѳеня. Она прибѣжала вся запыхавшись, съ

крикомъ сложила предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, голубчикъ, не погубите барыню! А я-то вамъ все разсказала!.. И его не погубите, прежній вѣдь онъ, ихній! Замужъ теперь Аграфену Александровну возьметъ, съ тѣмъ и изъ Сибири вернулся... Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, не загубите чужой жизни!

— Те-те-те, вотъ оно что́! Ну, надѣлаешь ты теперь тамъ дѣлъ! пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ.—Теперь все понятно, теперь какъ не понять. Дмитрій Ѳедоровичъ, отдай-ка мнѣ сейчасъ пистолеты, если хочешь быть человѣкомъ, воскликнулъ онъ громко Митѣ,—слышишь, Дмитрій!

— Пистолеты? Подожди, голубчикъ, я ихъ дорогой въ лужу выброшу, отвѣтилъ Митя.—Ѳеня, встань, не лежи ты предо мной. Не погубитъ Митя, впредь никого ужъ не погубитъ этотъ глупый человѣкъ. Да вотъ что̀, Ѳеня, крикнулъ онъ ей уже усѣвшись,—обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и помилуй, прости подлеца... А не простишь, все равно! Потому что теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!..

„Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею поретъ!“ подумалъ вслѣдъ ему Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ, какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ же) съ остальными припасами и винами, предчувствуя, что надуютъ и обсчитаютъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, плюнулъ и пошелъ въ свой трактиръ играть на бильярдѣ.

— Дуракъ, хоть и хорошій малый... бормоталъ онъ про себя дорогой.—Про этого какого-то офицера „прежняго“ Грушенькинова я слыхалъ. Ну, если прибылъ, то... Эхъ, пистолеты эти! А, чортъ, что̀ я его дядька, что ли? Пусть ихъ! Да и ничего не будетъ. Горланы и больше ничего. Напьются и подерутся, подерутся и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что̀ это за „устранюсь, казню себя“—ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ этимъ слогомъ пьяный въ трактирѣ. Теперь-то не пьянъ. „Пьянъ духомъ“ — слогъ любятъ, подлецы. Дядька я ему, что ли? И не могъ не подраться, вся харя въ крови. Съ кѣмъ бы это? Въ трактирѣ узнаю. И платокъ въ крови... Фу, чортъ, у меня на полу остался... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ скверн҃йшемъ расположеніи духа и тотчасъ же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ другую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ, что у Дмитрія Карамазова опять деньги появились, тысячъ до трехъ, самъ видѣлъ, и что онъ опять укатилъ кутить въ Мокрое съ Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнымъ любопытствомъ слушателями. И всѣ они заговорили не смѣясь, а какъ-то странно серьезно. Даже игру прервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ?

Стали разспрашивать дальше. Извѣстіе о Хохлаковой приняли сомнительно.

— А не ограбилъ ли старика, вотъ что̀?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвалялся же убить отца вслухъ, всѣ здѣсь слышали. Именно про три тысячи говорилъ...

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы сухо и скупо. Про кровь, которая была на лицѣ и на рукахъ Мити, не упомянулъ ни слова, а когда шелъ сюда, хотѣлъ было разсказать. Начали третью партію, мало-по-малу разговоръ о Митѣ затихъ; но, докончивъ третью партію, Петръ Ильичъ больше играть не пожелалъ, положилъ кій и, не поужинавъ, какъ собирался, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь, онъ сталъ въ недоумѣніи и даже дивясь на себя. Онъ вдругъ сообразилъ, что вѣдь онъ хотѣлъ сейчасъ идти въ домъ Ѳедора Павловича, узнать, не произошло ли чего. „Изъ-за вздора, который окажется, разбужу чужой домъ и надѣлаю скандала. Фу, чортъ, дядька я имъ, что ли?“

Въ скверн҃йшемъ расположеніи духа, направился онъ прямо къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Ѳеню: „Э, чортъ, вотъ бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ, все бы и зналъ“. И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое нетерпѣливое и упрямое желаніе поговорить съ нею и разузнать, что съ полдороги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которомъ квартировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ, онъ постучался, и раздавшійся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ бы вдругъ отрезвилъ и обозлилъ его. Къ тому же никто не откликнулся, всѣ въ домѣ спали. „И тутъ скандалу надѣлаю!“ подумалъ онъ съ какимъ-то уже страданіемъ въ душѣ, но вмѣсто того, чтобъ уйти окончательно, принялся вдругъ стучать снова и изо всей уже силы. Поднялся гамъ на

всю улицу. „Такъ вотъ, нѣтъ же, достучусь, достучусь!“ бормоталъ онъ, съ каждымъ звукомъ злясь на себя до остервенѣнія, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ ворота.

VI.

Самъ ѣду!

А Дмитрій Ѳедоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокраго было двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скакала такъ, что могла поспѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда какъ бы вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холодноватый, на чистомъ небѣ сіяли крупныя здѣзды. Это была та самая ночь, а, можетъ, и тотъ самый часъ, когда Алеша, упавъ на землю, „изступленно клялся любить ее во вѣки вѣковъ“. Но смутно, очень смутно было въ душѣ Мити, и хоть многое терзало теперь его душу, но въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремилось лишь къ ней, къ его царицѣ, къ которой летѣлъ онъ, чтобы взглянуть на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не спорило сердце его ни минуты. Не повѣрятъ мнѣ, можетъ быть, если скажу, что этотъ ревнивецъ не ощущалъ къ этому новому человѣку, новому сопернику, выскочившему изъ-подъ земли, къ этому „офицеру“ ни малѣйшей ревности. Ко всякому другому, явись такой, приревновалъ бы тотчасъ же и, можетъ, вновь бы намочилъ свои страшныя руки кровью, — а къ этому, къ этому „ея первому“, не ощущалъ онъ теперь, летя на своей тройкѣ, не только ревнивой ненависти, но даже враждебнаго чувства,—правда, еще не видалъ его. „Тутъ ужъ безспорно, тутъ право ея и его; тутъ ея первая любовь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значитъ, только его и любила въ эти пять лѣтъ, а я-то, я зачѣмъ тутъ подвернулся? Что я-то тутъ и при чемъ? Отстранись, Митя, и дай дорогу! Да и что я теперь? Теперь ужъ и безъ офицера все кончено, хотя бы и не явился онъ вовсе, то все равно все было бы кончено“...

Вотъ въ какихъ словахъ онъ могъ бы приблизительно изложить свои ощущенія, если бы только могъ разсуждать. Но онъ уже не могъ тогда разсуждать. Вся теперешняя рѣшимость его родилась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почувствована и принята цѣликомъ со всѣми послѣдствіями еще давеча, у Ѳени, съ первыхъ словъ ея.

И все-таки, несмотря на всю принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до страданія: не дала и рѣшимость спокойствія. Слишкомъ многое стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновеніями: вѣдь ужъ написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ перомъ на бумагѣ: „казню себя и наказую“; и бумажка лежала тутъ, въ карманѣ его, приготовленная; вѣдь ужъ заряженъ пистолетъ, вѣдь ужъ рѣшилъ же онъ, какъ встрѣтитъ онъ завтра первый горячій лучъ „Феба златокудраго“, а между тѣмъ съ прежнимъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, все-таки нельзя было разсчитаться, чувствовалъ онъ это до мученія и мысль о томъ впилась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгновеніе въ пути, что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея, выскочить изъ телѣги, достать свой заряженный пистолетъ и покончить все, не дождавшись и разсвѣта. Но мгновеніе это пролетѣло какъ искорка. Да и тройка летѣла, „пожирая пространство“, и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, опять-таки мысль о ней, о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ и отгоняла всѣ остальные страшные признаки отъ его сердца. О, ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее хоть мелькомъ, хоть издали! „Она теперь съ *нимъ*, ну вотъ и погляжу, какъ она теперь съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ, и только этого мнѣ и надо“. И никогда еще не подымалось изъ груди его столько любви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго, неиспытаннаго имъ еще никогда чувства, чувства неожиданнаго даже для него самого, чувства нѣжнаго до моленія, до исчезновенія предъ ней. „И исчезну!“ проговорилъ онъ вдругъ въ припадкѣ какого-то истерическаго восторга.

Скакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей, хотя и словоохотливый былъ мужикъ, тоже не вымолвилъ еще ни слова, точно опасаясь заговорить, и только живо погонялъ своихъ „одровъ“, свою гнѣдую, сухопарую, но рѣзвую тройку. Какъ вдругъ Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А что̀ если спятъ?

Ему это вдругъ вспало на умъ, а до сихъ поръ онъ о томъ и не подумалъ.

— Надо думать, что ужъ легли, Дмитрій Ѳедоровичъ.

Митя болѣзненно нахмурился: что̀, въ самомъ дѣлѣ, онъ прилетитъ... съ такими чувствами... а они спятъ... спитъ

и она, можетъ быть, тутъ же... Злое чувство закипѣло въ его сердцѣ.

— Погоняй, Андрей, катай, Андрей, живо! закричалъ онъ въ изступленіи.

— А, можетъ, еще и не полегли, разсудилъ, помолчавъ, Андрей.—Даве Тимоѳей сказывалъ, что тамъ много ихъ собралось...

— На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластуновыхъ, на постояломъ дворѣ, вольная, значитъ, станція.

— Знаю; такъ какъ же ты говоришь, что много? Гдѣ же много? Кто такіе? вскинулся Митя въ страшной тревогѣ при неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимоѳей, все господа: изъ города двое, кто таковы — не знаю, только, сказывалъ Тимоѳей, двое изъ здѣшнихъ господъ, да тѣхъ двое, будто бы пріѣзжихъ, а, можетъ, и еще кто есть, не спросилъ я его толково. Въ карты, говорилъ, стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ, можетъ, и не спятъ, коли въ карты зачали. Думать надо, теперь всего одиннадцатый часъ въ исходѣ, не болѣе того.

— Погоняй, Андрей, погоняй! нервно вскричалъ опять Митя.

— Что̀ это, я васъ спрошу, сударь, помолчавъ, началъ снова Андрей, — вотъ только бы не осердить мнѣ васъ, боюсь, баринъ.

— Чего тебѣ?

— Давеча Ѳедосья Марковна легла вамъ въ ноги, молила барыню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ, сударь, что везу-то я васъ туда... Простите, сударь, меня, такъ, отъ совѣсти, можетъ, глупо что̀ сказалъ.

Митя вдругъ схватилъ его сзади за плечи.

— Ты ямщикъ? Ямщикъ? началъ онъ изступленно.

— Ямщикъ...

— Знаешь ты, что надо дорогу давать? Что ямщикъ, такъ ужъ никому и дороги не дать, дави, дескать, я ѣду! Нѣтъ, ямщикъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь портить; а коли испортилъ жизнь— наказуй себя... если только испортилъ, если только загубилъ кому жизнь—казни себя и уйди.

Все это вырвалось у Мити какъ бы въ совершенной

истерикѣ. Андрей хоть и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.

— Правда это, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, это вы правы, что не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ и всякую тварь, потому, всякая тварь—она тварь созданная, вотъ хоть бы лошадь, потому другой ломитъ зря, хоша бы и нашъ ямщикъ... И удержу ему нѣтъ, такъ онъ и претъ, прямо тебѣ такъ и претъ.

— Во адъ? перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неожиданнымъ короткимъ смѣхомъ. — Андрей, простая душа,—схватилъ онъ опять его крѣпко за плечи,—говори: попадетъ Дмитрій Ѳедоровичъ Карамазовъ во адъ, али нѣтъ, какъ по-твоему?

— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависитъ, потому, вы у насъ.. Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ распятъ и померъ, то сошелъ Онъ со креста прямо во адъ и освободилъ всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И застоналъ адъ объ томъ, что ужъ больше, думалъ, къ нему никто теперь не придетъ, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: „Не стони, аде, ибо пріидутъ къ тебѣ отселева всякіе вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь восполненъ такъ же точно, какъ былъ во вѣки вѣковъ, до того времени, пока снова приду“. Это точно, это было такое слово...

— Народная легенда, великолѣпно! Стегни лѣвую, Андрей!

— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначенъ,—стегнулъ Андрей лѣвую,—а вы у насъ, сударь, все одно какъ малый ребенокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хоть гнѣвливы вы, сударь, это есть, но за простодушіе ваше проститъ Господь.

— А ты, ты простишь меня, Андрей?

— Мнѣ что же васъ прощать, вы мнѣ ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперь, сейчасъ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа простолюдина!

— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, странный какой-то вашъ разговоръ...

Но Митя не разслышалъ. Онъ изступленно молился и дико шепталъ про себя.

— Господи, прими меня во всемъ моемъ беззаконіи, но не суди меня. Пропусти мимо безъ суда Твоего... Не суди,

потому что я самъ осудилъ себя, не суди, потому что люблю Тебя, Господи! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлешь, и тамъ любить буду, и оттуда буду кричать, что люблю Тебя во вѣки вѣковъ... Но дай и мнѣ долюбить... здѣсь, теперь долюбить, всего пять часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу души моей. Люблю и не могу не любить. Самъ видишь меня всего. Прискачу, паду предъ нею: права ты, что мимо меня прошла... Прощай и забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! крикнулъ Андрей, указывая впередъ кнутомъ.

Сквозь блѣдный мракъ ночи зачернѣлась вдругъ твердая масса строеній, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Село Мокрое было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно уже спало и лишь кое-гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкіе огоньки.

— Гони, гони, Андрей, ѣду! воскликнулъ какъ бы въ горячкѣ Митя.

— Не спятъ! проговорилъ опять Андрей, указывая кнутомъ на постоялый дворъ Пластуновыхъ, стоявшій сейчасъ же на въѣздѣ, и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣщены.

— Не спятъ! радостно подхватилъ Митя.—Греми, Андрей; гони вскачь, звени, подкати съ трескомъ. Чтобы знали всѣ, кто пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду! изступленно восклицалъ Митя.

Андрей пустилъ измученную тройку вскачь и дѣйствительно съ трескомъ подкатилъ къ высокому крылечку и осадилъ своихъ запаренныхъ, полузадохшихся коней. Митя соскочилъ съ телѣги и какъ разъ хозяинъ двора, правда, уходившій уже спать, полюбопытствовалъ взглянуть съ крылечка, кто это таковъ такъ подкатилъ.

— Трифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, вглядѣлся, стремглавъ сбѣжалъ съ крылечка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гостю.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедорычъ! Васъ ли вновь видимъ?

Этотъ Трифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый мужикъ, средняго роста, съ нѣсколько толстоватымъ лицомъ, виду строгаго и непримиримаго, съ Мокринскими мужиками особенно, но имѣвшій даръ быстро измѣнять лицо свое на самое подобострастное выраженіе, когда

чуялъ взять выгоду. Ходилъ по-русски, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ поддевкѣ, имѣлъ деньжонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустанно. Половина слишкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были ему должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и самъ покупалъ, а обработывали ему мужики эту землю за долгъ, изъ котораго никогда не могли выйти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ четырехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него съ двумя малолѣтками, ему внучками, и работала на него, какъ поденщица. Другая дочка-мужичка была замужемъ за чиновникомъ, какимъ-то выслужившимся писаречкомъ, и въ одной изъ комнатъ постоялаго двора на стѣнкѣ можно было видѣть въ числѣ семейныхъ фотографій, миніатюрнѣйшаго размѣра, фотографію и этого чиновничка въ мундирѣ и въ чиновныхъ погонахъ. Двѣ младшія дочери, въ храмовой праздникъ, али отправляясь куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, сшитыя по-модному, съ обтяжкою сзади и съ аршиннымъ хвостомъ, но на другой же день утромъ, какъ и во всякій день, подымались чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣниками въ рукахъ выметали горницы, выносили помои и убирали соръ послѣ постояльцевъ. Несмотря на пріобрѣтенныя уже тысячки, Трифонъ Борисычъ очень любилъ сорвать съ постояльца кутящаго и, помня, что еще мѣсяца не прошло, какъ онъ въ однѣ сутки поживился отъ Дмитрія Ѳедоровича во время кутежа его съ Грушенькой двумя сотнями рубликовъ слишкомъ, если не всѣми тремя, встрѣтилъ его теперь радостно и стремительно уже по тому одному, какъ подкатилъ ко крыльцу его Митя, почуявъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, васъ ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ, началъ Митя, — прежде всего самое главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна? тотчасъ понялъ хозяинъ, зорко вглядываясь въ лицо Мити. — Да здѣсь и она... пребываетъ...

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости проѣзжіе-съ... Одинъ-то чиновникъ, надоть быть изъ поляковъ, по разговору судя, онъ-то за ней и послалъ лошадей отсюдова; а другой съ нимъ товарищъ его, али попутчикъ, кто разберетъ: по-штатски одѣты...

— Что̀ же, кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ! Небольшая величина, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Небольшая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господъ... Изъ Черней возвращались, да и остались. Одинъ-то, молодой, надоть быть родственникъ господину Міусову, вотъ только какъ звать забылъ... а другого, надо полагать, вы тоже знаете: помѣщикъ Максимовъ, на богомолье, говоритъ, заѣхалъ въ монастырь нашъ тамъ, да вотъ съ родственникомъ этимъ молодымъ господина Міусова и ѣздитъ...

— Только и всѣхъ?

— Только.

— Стой, молчи, Трифонъ Борисычъ, говори теперь самое главное: что̀ она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ ними.

— Весела? Смѣется?

— Нѣтъ, кажись, не очень смѣется... Даже скучная совсѣмъ сидитъ, молодому человѣку волосы расчесывала.

— Это поляку, офицеру?

— Да какой же онъ молодой, да и не офицеръ онъ вовсе; нѣтъ, сударь, не ему, а Міусовскому племяннику этому, молодому-то... вотъ только ими забылъ.

— Калгановъ?

— Именно Калгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли да перестали, чай отпили, наливки чиновникъ потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой, душа, самъ рѣшу. Теперь отвѣчай самое главное: нѣтъ цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Ѳедоровичъ, согнало начальство, а вотъ жиды здѣсь есть, на цымбалахъ играютъ и на скрипкахъ, въ Рождественской, такъ это можно бы за ними хоша и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непремѣнно послать! вскричалъ Митя.—А дѣвокъ можно поднять, какъ тогда, Марью особенно, Степаниду тоже, Арину. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этакія деньги я все село тебѣ подыму, хоть и полегли теперь дрыхнуть. Да и стоятъ ли, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ дѣвки? Этакой подлости да грубости такую сумму опредѣлять! Ему ли, нашему мужику, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Вѣдь отъ него смердитъ, отъ разбойника.

А дѣвки всѣ, сколько ихъ ни есть, вшивыя. Да я своихъ дочерей тебѣ даромъ подыму, не то что за такую сумму, полегли только спать теперь, такъ я ихъ ногой въ спину напинаю, да для тебя пѣть заставлю. Мужиковъ намедни шампанскимъ поили, э-эхъ!

Трифонъ Борисычъ напрасно сожалѣлъ Митю: онъ тогда у него самъ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго утаилъ, и подъ столомъ сторублевую бумажку поднялъ и зажалъ себѣ въ кулакъ. Такъ и осталась она у него въ кулакѣ.

— Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь тысячку. Помнишь?

— Растрясли, голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три тысячки у насъ, небось, оставили.

— Ну, такъ и теперь съ тѣмъ пріѣхалъ, видишь.

И онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку кредитокъ.

— Теперь слушай и понимай: черезъ часъ вино придетъ, закуски, пироги и конфеты, — все тотчасъ же туда на верхъ. Этотъ ящикъ, что̀ у Андрея, туда тоже сейчасъ на верхъ, раскрыть и тотчасъ же шампанское подавать... А, главное,—дѣвокъ, дѣвокъ, и Марью чтобы непремѣнно...

Онъ повернулся къ телѣгѣ и вытащилъ изъ-подъ сидѣнья свой ящикъ съ пистолетами.

— Расчетъ, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ пятнадцать рублей за тройку, а вотъ пятьдесятъ на водку... за готовность, за любовь твою... Помни барина Карамазова!

— Боюсь я, баринъ!.. заколебался Андрей,—пять рублей на чай пожалуйте, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ свидѣтелемъ. Ужъ простите глупое слово мое...

— Чего боишься, обмѣрилъ его взглядомъ Митя, — ну, и чортъ съ тобой, коли такъ! крикнулъ онъ, бросая ему пять рублей.—Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай мнѣ на нихъ на всѣхъ перво-наперво глазкомъ глянуть, такъ, чтобъ они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ?

Трифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тотчасъ же послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его въ сѣни, самъ вошелъ въ большую первую комнату, сосѣднюю съ той, въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ потихоньку ввелъ Митю и поставилъ его въ углу, въ темнотѣ, откуда бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ, ими невидимый. Но

Митя не долго глядѣлъ, да и не могъ разглядывать: онъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ помутилось. Она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ, а рядомъ съ нею, на диванѣ, хорошенькій собою и еще очень молодой Калгановъ; она держала его за руку и, кажется, смѣялась, а тотъ, не глядя на нее, что-то громко говорилъ, какъ будто съ досадой, сидѣвшему черезъ столъ напротивъ Грушеньки Максимову. Максимовъ же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ *онъ*, а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой незнакомецъ. Тотъ, который сидѣлъ на диванѣ развалясь, курилъ трубку, и у Мити лишь промелькнуло, что это какой-то толстоватый и широколицый человѣчекъ, ростомъ, должно быть, невысокій и какъ будто на что-то сердитый. Товарищъ же его, другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужъ чрезвычайно высокаго роста; но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣть. Духъ у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, поставилъ ящикъ на комодъ и прямо, холодѣя и замирая, направился въ голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! взвизгнула въ испугѣ Грушенька, замѣтивъ его первая.

VII.

Прежній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступилъ вплоть къ столу.

— Господа, началъ онъ громко, почти крича, но заикаясь на каждомъ словѣ,—я... я ничего! Не бойтесь! воскликнулъ онъ,—я вѣдь ничего, ничего,—повернулся онъ вдругъ къ Грушенькѣ, которая отклонилась на креслѣ въ сторону Калганова и крѣпко удѣпилась за его руку.— Я... Я тоже ѣду. Я до утра. Господа, проѣзжему путешественнику... можно съ вами до утра? Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой комнатѣ?

Это ужъ онъ докончилъ, обращаясь къ толстенькому человѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отнялъ отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пане, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покои.

— Да это вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, да чего это вы? отозвался вдругъ Калгановъ:—да садитесь съ нами, здравствуйте!

— Здравствуйте, дорогой человѣкъ... и безцѣнный! Я

всегда уважалъ васъ... радостно и стремительно отозвался Митя, тотчасъ же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали пальцы, засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ, весело отозвалась, еще робко улыбаясь, Грушенька, кажется, вдругъ убѣдившаяся по виду Мити, что тотъ не будетъ буянить, съ ужаснымъ любопытствомъ и все еще съ безпокойствомъ въ него вглядываясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее поразившее, да и вовсе не ожидала она отъ него, что въ такую минуту онъ такъ войдетъ и такъ заговоритъ.

— Здравствуйте-съ, сладко отозвался слѣва и помѣщикъ Максимовъ. Митя бросился и къ нему.

— Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ, что и вы тутъ! Господа, господа, я... (Онъ снова обратился къ пану съ трубкой, видимо принимая его за главнаго здѣсь человѣка). Я летѣлъ... Я хотѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой комнатѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожалъ... мою царицу!.. Прости, пане! крикнулъ онъ изступленно,—я летѣлъ и далъ клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выпьемъ, пане, мировую! Сейчасъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это. (Онъ вдругъ для чего-то вытащилъ свою пачку кредитокъ).—Позволь, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что̀ прежде... Но червь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не будетъ! День моей радости помяну въ послѣднюю ночь мою!..

Онъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но выскочили одни странныя восклицанія. Панъ неподвижно смотрѣлъ на него, на пачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку и былъ въ видимомъ недоумѣніи.

— Ежели позволитъ моя королева... началъ было онъ.

— Да что̀ королева, это королева, что ли? перебила вдругъ Грушенька.—И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы всѣ говорите. Садись, Митя, и что̀ это ты говоришь? Не пугай, пожалуйста. Не будешь пугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ рада...

— Мнѣ, мнѣ пугать? вскричалъ вдругъ Митя, вскинувъ вверхъ свои руки.—О, идите мимо, проходите, не помѣшаю!.. И вдругъ онъ, совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и, ужъ конечно, для себя самого, бросился на стулъ и залился слезами, отвернувъ къ противоположной стѣнѣ свою

голову, а руками крѣпко обхвативъ спинку стула, точно обнимая ее.

— Ну вотъ, ну вотъ, экой ты! укоризненно воскликнула Грушенька.—Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ,— вдругъ заговоритъ, а я ничего не понимаю. А одинъ разъ также заплакалъ, а теперь вотъ въ другой—экой стыдъ! Съ чего ты плачешь-то? *Было бы еще съ чего!* прибавила она вдругъ загадочно и съ какимъ-то раздраженіемъ напирая на свое словечко.

— Я... я не плачу... Ну, здравствуйте! повернулся онъ въ одинъ мигъ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не деревяннымъ своимъ отрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то неслышнымъ длиннымъ, нервознымъ и сотрясающимся смѣхомъ.

— Ну, вотъ опять... Ну, развеселись, развеселись! уговаривала его Грушенька.—Я очень рада, что ты пріѣхалъ, очень рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу, чтобъ онъ сидѣлъ съ нами, повелительно обратилась она какъ бы ко всѣмъ, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему на диванѣ.—Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйду, вотъ что! прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что̀ изволитъ моя царица—то законъ! произнесъ панъ, галантно поцѣловавъ ручку Грушеньки.—Прошу пана до нашей компаньи! обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя опять привскочилъ было съ видимымъ намѣреніемъ снова разразиться тирадой, но вышло другое.

— Выпьемъ, пане! оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто рѣчи. Всѣ разсмѣялись.

— Господи! А я думала, онъ опять говорить хочетъ, нервозно воскликнула Грушенька.—Слышишь, Митя, настойчиво прибавила она,—больше не вскакивай, а что шампанскаго привезъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а наливки я терпѣть не могу. А лучше всего, что самъ прикатилъ, а то скучища... Да ты кутить, что ли, пріѣхалъ опять? Да спрячь деньги-то въ карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще скомканы были кредитки, очень всѣми и особенно панами замѣченныя, быстро и конфузливо сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую минуту хозяинъ принесъ откупоренную бутылку шампанскаго на подносѣ и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растерялся, что забылъ,

что съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже Калгановъ и розлилъ за него вино.

— Да еще, еще бутылку! закричалъ Митя хозяину и, забывъ чокнуться съ паномъ, котораго такъ торжественно приглашалъ выпить съ нимъ мировую, вдругъ выпилъ весь свой стаканъ одинъ, никого не дожидавшись. Все лицо его вдругъ измѣнилось. Вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ которымъ онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ бы что-то младенческое. Онъ вдругъ какъ бы весь смирился и принизился. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикая, съ благодарнымъ видомъ виноватой собачонки, которую опять приласкали и опять впустили. Онъ какъ будто все забылъ и оглядывалъ всѣхъ съ восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушеньку смотрѣлъ безпрерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ вплоть къ самому ея креслу. Помаленьку разглядѣлъ и обоихъ пановъ, хотя еще мало осмысливъ ихъ. Панъ на диванѣ поражалъ его своею осанкой, польскимъ акцентомъ, а главное—трубкой. „Ну, что же такое, ну, и хорошо, что онъ куритъ трубку“, созерцалъ Митя. Нѣсколько обрюзглое, почти уже сорокалѣтнее лицо пана, съ очень маленькимъ носикомъ, подъ которымъ виднѣлись два претоненькіе востренькіе усика, нафабренные и нахальные, не возбудило въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень дрянненькій паричокъ пана, сдѣланный въ Сибири, съ преглупо зачесанными впередъ височками, не поразилъ особенно Митю: „значитъ, такъ и надо, коли парикъ“, блаженно продолжалъ онъ созерцать. Другой же панъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой, чѣмъ панъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дерзко и задорно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшій общій разговоръ, опять-таки поразилъ Митю только очень высокимъ своимъ ростомъ, ужасно непропорціональнымъ съ паномъ сидѣвшимъ на диванѣ. „Коли встанетъ на ноги, будетъ вершковъ одиннадцати“, мелькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже, что этотъ высокій панъ, вѣроятно, другъ и приспѣшникъ пану на диванѣ, какъ бы „тѣлохранитель его“, и что маленькій панъ съ трубкой, конечно, командуетъ паномъ высокимъ. Но и это все казалось Митѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ замерло всякое соперничество. Въ Грушенькѣ и въ загадочномъ тонѣ нѣсколькихъ фразъ ея онъ еще ничего не понялъ, а понималъ лишь, сотрясаясь всѣмъ сердцемъ

своимъ, что она къ нему ласкова, что она его „простила“, и подлѣ себя посадила. Онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, увидѣвъ, какъ она хлебнула изъ стакана вино. Молчаніе компаніи какъ бы вдругъ, однако, поразило его и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то глазами: „что̀ же мы, однако, сидимъ, что̀ же вы ничего не начинаете, господа?“ какъ бы говорилъ осклабленный взоръ его.

— Да вотъ онъ все вретъ, и мы тутъ все смѣялись, началъ вдругъ Калгановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на Максимова.

Митя стремительно уставился на Калганова и потомъ тотчасъ же на Максимова.

— Вретъ? разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ смѣхомъ, тотчасъ же чему-то обрадовавшись,—ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ, что будто бы вся наша кавалерія въ двадцатыхъ годахъ переженилась на полькахъ; но это ужасный вздоръ, не правда ли?

— На полькахъ? подхватилъ опять Митя и уже въ рѣшительномъ восхищеніи.

Калгановъ очень хорошо понималъ отношенія Мити къ Грушенькѣ, догадывался и о панѣ, но его вовсе это не такъ занимало, даже, можетъ быть, вовсе не занимало, а занималъ его всего болѣе Максимовъ. Попалъ онъ сюда съ Максимовымъ случайно и пановъ встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ въ первый разъ въ жизни. Грушеньку же зналъ прежде и разъ даже былъ у нея съ кѣмъ-то: тогда онъ ей не понравился. Но здѣсь она очень ласково на него поглядывала: до пріѣзда Мити даже ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственнымъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ не болѣе двадцати, щегольски одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ прекрасными густыми русыми волосами. Но на этомъ бѣломъ личикѣ были прелестные свѣтло-голубые глаза, съ умнымъ, а иногда и глубокимъ выраженіемъ, не по возрасту даже, несмотря на то, что молодой человѣкъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣмъ какъ дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это сознавая. Вообще, онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ, хотя всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькало что-то неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, а самъ какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То становился вялъ и лѣнивъ,

то вдругъ начиналъ волноваться иногда, повидимому, отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня вожу съ собою, продолжалъ онъ, немного какъ бы растягивая лѣниво слова, но безо всякаго фатовства, а совершенно натурально.—Помните, съ тѣхъ поръ, какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски вытолкнулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ заинтересовалъ и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь вретъ, такъ что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Панъ польской пани не видзѣлъ и муви что̀ быть не мо́гло, замѣтилъ панъ съ трубкой Максимову.

Панъ съ трубкой говорилъ по-русски порядочно, по крайней мѣрѣ, гораздо лучше чѣмъ представлялся. Русскія слова, если и употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій ладъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ женатъ на польской пани-съ, отхихикнулся въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь это вы про кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? ввязался сейчасъ Калгановъ.

— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? Ха-ха! крикнулъ Митя, жадно слушавшій и быстро переводившій свой вопросительный взглядъ на каждаго кто заговоритъ, точно Богъ знаетъ что̀ ожидалъ отъ каждаго услышать.

— Нѣтъ-съ, видите-съ, повернулся къ нему Максимовъ, — я про то-съ, что эти тамъ панѐнки... хорошенькія-съ... какъ оттанцуютъ съ нашимъ уланомъ мазурку... какъ оттанцовала она съ нимъ мазурку, такъ тотчасъ и вскочитъ къ нему на колѣнки, какъ кошечка-съ... бѣленькая-съ... а панъ-ойцъ и пани-матка видятъ и позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уланъ-то на завтра пойдетъ и руку предложитъ... вотъ-съ... и предложитъ руку, хихи! хихикнулъ Максимовъ.

— Панъ лайдакъ! проворчалъ вдругъ высокій панъ на стулѣ и переложилъ ногу на ногу. Митѣ только бросился въ глаза огромный смазной сапогъ его съ толстою и грязною подошвой. Да и вообще оба пана были одѣты довольно засаленно.

— Ну, вотъ и лайдакъ! Чего онъ бранится? разсердилась вдругъ Грушенька.

— Пани Агриппина, панъ видзѣлъ въ польскомъ краю

хлопокъ, а не шляхетныхъ паней, замѣтилъ панъ съ трубкой Грушенькѣ.

— Можешь на то раховацъ! презрительно отрѣзалъ высокій панъ на стулѣ.

— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего мѣшать! Съ ними весело, огрызнулась Грушенька.

— Я не мѣшаю, пани, значительно замѣтилъ панъ въ паричкѣ съ продолжительнымъ взглядомъ на Грушеньку и, важно замолчавъ, снова началъ сосать свою трубку.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это панъ теперь правду сказалъ, загорячился опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло дѣло.—Вѣдь онъ въ Польшѣ не былъ, какъ же онъ говоритъ про Польшу? Вѣдь вы же не въ Польшѣ женились, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ еще прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ, и съ пани-маткой, и съ тантой, и еще съ одною родственницей со взрослымъ сыномъ, это ужъ изъ самой Польши, изъ самой... а мнѣ уступилъ. Это одинъ поручикъ, очень хорошій молодой человѣкъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая...

— Такъ вы на хромой женились! воскликнулъ Калгановъ.

— На хромой-съ. Это ужъ они меня оба тогда немножечко обманули и скрыли. Я думалъ, что она подпрыгиваетъ... она все подпрыгивала, я и думалъ, что она это отъ веселости...

— Отъ радости, что за васъ идетъ? завопилъ какимъ-то дѣтски звонкимъ голосомъ Калгановъ.

— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло, что совсѣмъ отъ иной причины-съ. Потомъ, когда мы обвѣнчались, она мнѣ послѣ вѣнца въ тотъ же вечеръ и призналась, и очень чувствительно извиненія просила, чрезъ лужу, говоритъ, въ молодыхъ годахъ однажды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!

Калгановъ такъ и залился самымъ дѣтскимъ смѣхомъ и почти упалъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя же былъ наверху счастья.

— Знаете, знаете, это онъ теперь уже правду, это онъ теперь не лжетъ, восклицалъ, обращаясь къ Митѣ, Калгановъ. — И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ,— это онъ про первую жену говоритъ,—а вторая жена его, знаете, сбѣжала и жива до сихъ поръ, знаете вы это?

— Неужто! быстро повернулся къ Максимову Митя, выразивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.

— Да-съ, сбѣжала-съ, я имѣлъ эту непріятность, скромно подтвердилъ Максимовъ.—Съ однимъ мусью-съ. А главное, всю деревушку мою перво-на-перво на одну себя предварительно отписала. Ты, говоритъ, человѣкъ образованный, ты и самъ найдешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ одинъ почтенный архіерей и замѣтилъ: „у тебя одна супруга была хромая, а другая ужъ черезчуръ легконогая“, хи-хи!

— Послушайте, послушайте! такъ и кипѣлъ Калгановъ,—если онъ и лжетъ,—а онъ часто лжетъ,—то онъ лжетъ единственно чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь не подло, не подло! Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень подлъ, но онъ натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подличаетъ изъ-за чего-нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, онъ отъ натуры... Вообразите, напримѣръ, онъ претендуетъ (вчера всю дорогу спорилъ), что Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ* это про него сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, котораго высѣкъ Ноздревъ и былъ преданъ суду: „за нанесеніе помѣщику Максимому личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ“,—ну, помните! Такъ что жъ, представьте, онъ претендуетъ, что это онъ и былъ, и что это его высѣкли! Ну, можетъ ли это быть? Чичиковъ ѣздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ, такъ что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчь. Вѣдь не могли, не могли?

Трудно было представить изъ-за чего такъ горячился Калгановъ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входилъ въ его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! крикнулъ онъ, хохоча.

— Не то чтобы высѣкли-съ, а такъ, вставилъ вдругъ Максимовъ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Ктура годзина, пане? (который часъ?) обратился со скучающимъ видомъ панъ съ трубкой къ высокому пану на стулѣ.

Тотъ вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоихъ не было.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ говорить. Коли вамъ скучно, такъ другіе и не говори, вскинулась опять Грушенька, видимо нарочно привязываясь.

У Мити какъ бы въ первый разъ что-то промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ панъ отвѣтилъ уже съ видимою раздражительностью:

— Пани, я ницъ не мувѣнъ противъ, ницъ не повѣдзелемъ. (Я не противорѣчу, я ничего не сказалъ).

— Ну, да хорошо, а ты разсказывай, крикнула Грушенька Максимову. — Что жъ вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и разсказывать-то нечего-съ, потому все это однѣ глупости, подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удовольствіемъ и капельку жеманясь, — да и у Гоголя все это только въ видѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставилъ аллегорическія? Ноздревъ-то вѣдь былъ не Ноздревъ, а Носовъ, а Кувшинниковъ—это уже совсѣмъ даже и не похоже, потому что онъ былъ Пкворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, только не итальянецъ, а русскій, Петровъ-съ, и мамзель Фенарди была хорошенькая-съ, и ножки въ трико, хорошенькія-съ, юбочка коротенькая въ блесткахъ, и это она вертѣлась, да только не четыре часа, а всего только четыре минутки-съ... и всѣхъ обольстила ..

— Да за что̀ высѣкли-то, высѣкли-то тебя за что̀? вопилъ Калгановъ.

— За Пирона-съ, отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-съ. Мы тогда всѣ вино пили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, на этой самой ярмаркѣ. Они меня и пригласили, а я, перво-на-перво, сталъ эпиграммы говорить: „Ты ль это, Буало, какой смѣшной нарядъ". А Буало-то отвѣчаетъ, что онъ въ маскарадъ собирается, то-есть въ баню-съ, хи-хи, они и приняли на свой счетъ. А я поскорѣй другую сказалъ, очень извѣстную всѣмъ образованнымъ людямъ, ѣдкую-съ:

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

Они еще пуще обидѣлись и начали меня неприлично за это ругать, а я какъ разъ, на бѣду себѣ, чтобы поправить обстоятельства, тутъ и разсказалъ очень образованный анекдотъ про Пирона, какъ его не приняли во французскую академію, а онъ, чтобъ отмстить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камня:

Ci-gît Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.

Они взяли да меня и высѣкли.

— Да за что̀ же, за что̀?

— За образованіе мое. Мало ли изъ-за чего люди могутъ человѣка высѣчь, кротко и нравоучительно заключилъ Максимовъ.

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, я думала, что веселое будетъ, оборвала вдругъ Грушенька.

Митя всполохнулся и тотчасъ же пересталъ смѣяться. Высокій панъ поднялся съ мѣста и, съ высокомѣрнымъ видомъ скучающаго не въ своей компаніи человѣка, началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину руки.

— Ишь зашагалъ! презрительно поглядѣла на него Грушенька.

Митя забезпокоился, къ тому же замѣтилъ, что панъ на диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на него.

— Панъ, крикнулъ Митя,— выпьемъ, пане! И съ другимъ паномъ тоже: выпьемъ, панове!

Онъ мигомъ сдвинулъ три стакана и розлилъ въ нихъ шампанское.

— За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польскій край! воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, пане, выпіемъ (это мнѣ очень пріятно, пане, выпьемъ), важно и благосклонно проговорилъ панъ на диванѣ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, ей, ясновельможный, бери стаканъ! хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, подсказалъ панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и стоя принялъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, *ура*! прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ.

Всѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ же налилъ опять три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Налей и намъ, сказала Грушенька,— за Россію и я хочу пить.

— И я, сказалъ Калгановъ.

— Да и я бы тоже-съ... за Россеюшку, старую бабусеньку, подхихикнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! восклицалъ Митя. — Хозяинъ, еще бутылокъ!

Принесли всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ Митей. Митя розлилъ.

— За Россію, *ура!* провозгласилъ онъ снова.

Всѣ, кромѣ пановъ, выпили, а Грушенька выпила разомъ весь свой стаканъ. Панове же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ же вы, панове? воскликнулъ Митя.—Такъ вы такъ-то?

Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и зычнымъ голосомъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ второго года!

— Ото бардзо пѣнкне! (Вотъ такъ хорошо!) крикнулъ другой панъ, и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье же вы, панове! сорвалось вдругъ у Мити.

— Па-не!! прокричали оба пана съ угрозою, наставившись на Митю какъ пѣтухи.

Особенно вскипѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣць слабосьци до своего краю? возгласилъ онъ. (Развѣ можно не любить своей стороны?)

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоръ! крикнула повелительно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ.

Лицо ея загорѣлось, глаза засверкали. Только что выпитый стаканъ сказался. Митя страшно испугался.

— Панове, простите! Это я виноватъ, я не буду. Врублевскій, панъ Врублевскій, я не буду!..

— Да молчи хоть ты-то, садись, экой глупый! со злобною досадой огрызнулась на него Грушенька.

Всѣ усѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! началъ опять Митя, ничего не понявшій въ возгласѣ Грушеньки; — ну, чего же мы сидимъ? Ну, чѣмъ же намъ заняться... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, лѣниво промямлилъ Калгановъ.

— Въ банчикъ бы-съ сыграть-съ, какъ давеча... хихикнулъ вдругъ Максимовъ.

— Банкъ? Великолѣпно! подхватилъ Митя,—если только панове...

— Пузьно, пане! какъ бы нехотя отозвался панъ на диванѣ.

— Тò правда, поддакнулъ и панъ Врублевскій.

— Пузьно? Это чтò такое пузьно? спросила Грушенька.

— То значи поздно, пани, поздно, часъ поздній, разъяснилъ панъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя! почти взвизгнула въ досадѣ Грушенька.—Сами скучные сидятъ, такъ и другимъ чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вотъ этакъ молчали и надо мной фуфырились...

— Богиня моя! крикнулъ панъ на диванѣ,—цо мувишь, то сень стане. Видзенъ неласкенъ, и естемъ смутны. (Вижу нерасположеніе, оттого я и печальный). Естемъ готувъ (я готовъ), пане, докончилъ онъ, обращаясь къ Митѣ.

— Начинай, пане, подхватилъ Митя, выхватывая изъ кармана свои кредитки и выкладывая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на столъ.

— Я тебѣ много, панъ, хочу проиграть. Бери карты, закладывай банкъ!

— Карты чтобъ отъ хозяина, пане, настойчиво и серьезно произнесъ маленькій панъ.

— Тò найлѣпши спосубъ (самый лучшій способъ), поддакнулъ панъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, понимаю, пусть отъ хозяина, это вы хорошо, панове! Карты! скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ принесъ нераспечатанную игру картъ и объявилъ Митѣ, что ужъ сбираются дѣвки, жидки съ цимбалами прибудутъ тоже вѣроятно скоро, а что тройка съ припасами еще не успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату сейчасъ же распорядиться. Но дѣвокъ всего пришло только три, да и Марьи еще не было. Да и самъ онъ не зналъ, какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ выбѣжалъ: велѣлъ только достать изъ ящика гостинцевъ, леденцовъ и тягушекъ и одѣлить дѣвокъ.

— Да Андрею водки, водки Андрею! приказалъ онъ на-скоро, — я обидѣлъ Андрея!

Тутъ его вдругъ тронулъ за плечо прибѣжавшій вслѣдъ за нимъ Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, прошепталъ онъ Митѣ, — я бы тоже въ банчикъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ!

Онъ вытащилъ опять всѣ кредитки изъ кармана и отыскалъ десять рублей.

— А проиграешь, еще приходи, еще приходи...

— Хорошо-съ, радостно прошепталъ Максимовъ и побѣжалъ въ залу.

Воротился тотчасъ и Митя и извинился, что заставилъ ждать себя. Паны уже усѣлись и распечатали игру. Смотрѣли же гораздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ новую трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась даже нѣкая торжественность.

— На мѣйсца, панове! провозгласилъ панъ Врублевскій.

— Нѣтъ, я не стану больше играть, отозвался Калгановъ,—я давеча ужъ имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.

— Панъ былъ нещенсливый, панъ можетъ быть опять щенсливымъ, замѣтилъ въ его сторону панъ на диванѣ.

— Сколько въ банкѣ? Отвѣтный? горячился Митя.

— Слухамъ, пане, можетъ сто, може двѣсьцѣ, сколько ставить будешь.

— Милліонъ! захохоталъ Митя.

— Панъ капитанъ, можетъ, слышалъ про пана Подвысоцкего?

— Какого Подвысоцкаго?

— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтный ставитъ кто идетъ. Приходитъ Подвысоцкій, видитъ тысенцъ злотыхъ, ставитъ: ва-банкъ. Банкеръ муви: „пане Подвысоцки, ставишь злото, чи на гоноръ?“ — На гоноръ, пане, муви Подвысоцкій. — „Тѣмъ лѣпѣй, пане“. Банкеръ мечетъ талью, Подвысоцкій беретъ тысенцъ злотыхъ.—„Почекай, пане“, муви банкеръ, выпулъ ящикъ и даетъ милліонъ, „бери, пане, ото есть твой рахунекъ“ (вотъ твой счетъ!). Банкъ былъ милліоннымъ. — Я не зналъ того, муви Подвысоцкій.—„Пане Подвысоцки, муви банкеръ, ты ставилэсь на гоноръ, и мы на гоноръ“. Подвысоцкій взялъ милліонъ.

— Это не правда, сказалъ Калгановъ.

— Пане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць не пржистои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).

— Такъ и отдастъ тебѣ польскій игрокъ милліонъ! воскликнулъ Митя, но тотчасъ спохватился: — прости, пане, виновенъ, вновь виновенъ, отдастъ, отдастъ милліонъ на гоноръ, на польскую честь! Видишь, какъ я говорю по-польски, ха-ха! Вотъ ставлю десять рублей, идетъ—валетъ.

— А я рубликъ на дамочку, на червонную, на хорошенькую, на паненочку, хи-хи! прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ свою даму и, какъ бы желая скрыть отъ всѣхъ, придвинулся вплотную къ столу и наскоро перекрестился подъ столомъ. Митя выигралъ. Выигралъ и рубликъ.

— Уголъ! крикнулъ Митя.

— А я опять рубликъ, я семпелечкомъ, я маленькимъ, маленькимъ семпелечкомъ, блаженно бормоталъ Максимовъ въ страшной радости, что выигралъ рубликъ.

— Бита! крикнулъ Митя.—Семерку на *пе!*

Убили и на *пе*.

— Перестаньте, сказалъ вдругъ Калгановъ.

— На *пе*, на *пе*, удваивалъ ставки Митя, и что̀ ни ставилъ на *пе*—все убивалось. А рублики выигрывали.

— На *пе!* рявкнулъ въ ярости Митя.

— Двѣсьцѣ проигралъ, пане. Еще ставишь двѣсьцѣ? освѣдомился панъ на диванѣ.

— Какъ, двѣсти ужъ проигралъ? Такъ еще двѣсти! Всѣ двѣсти на *пе*! И выхвативъ изъ кармана деньги, Митя бросилъ было двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ ее рукой:

— Довольно! крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что̀ вы это? уставился на него Митя.

— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

— Почему?

— А потому. Плюньте и уйдите, вотъ почему. Не дамъ больше играть!

Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Брось, Митя, онъ, можетъ, правду говоритъ; и безъ того много проигралъ, со странною ноткой въ голосѣ произнесла и Грушенька.

Оба пана вдругъ поднялись съ мѣста со страшно обиженнымъ видомъ.

— Жартуешь (шутишь), пане? проговорилъ маленькій панъ, строго осматривая Калганова.

— Якъ сѣнъ повожашь то робиць, пане! (Какъ вы смѣете это дѣлать!) рявкнулъ на Калганова и панъ Врублевскій.

— Не смѣть, не смѣть кричать! крикнула Грушенька.— Ахъ, пѣтухи индѣйскіе!

Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но что-то вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ же мигъ что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его,— странная новая мысль!

— Пани Агриппина! началъ было маленькій панъ, весь красный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, хлопнулъ его по плечу.

— Ясневельможный, на два слова.

— Чего хцешь, пане? (Что угодно?)

— Въ ту комнату, въ тотъ покой, два словечка скажу тебѣ хорошихъ, самыхъ лучшихъ, останешься доволенъ.

Маленькій панъ удивился и опасливо поглядѣлъ на Митю. Тотчасъ же, однако, согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ шелъ съ нимъ и панъ Врублевскій.

— Тѣлохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже непремѣнно! воскликнулъ Митя.—Маршъ, панове!

— Куда это вы? тревожно спросила Грушенька.

— Въ одинъ мигъ вернемся, отвѣтилъ Митя.

Какая-то смѣлость, какая-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его; совсѣмъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту комнату. Онъ провелъ пановъ въ комнату направо, не въ ту, въ большую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался столъ, а въ спальную, въ которой помѣщались сундуки, укладки и двѣ большія кровати съ ситцевыми подушками горой на каждой. Тутъ на маленькомъ тесовомъ столикѣ, въ самомъ углу, горѣла свѣчка. Панъ и Митя расположились у этого столика другъ противъ друга, а огромный панъ Врублевскій сбоку ихъ, заложивъ руки за спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ любопытствомъ.

— Чемъ могенъ служиць пану? пролепеталъ маленькій панъ.

— А вотъ чѣмъ, пане, я много говорить не буду: вотъ тебѣ деньги,—онъ вытащилъ свои кредитки,—хочешь три тысячи, бери и уѣзжай куда знаешь.

Панъ смотрѣлъ пытливо, во всѣ глаза, такъ и впился взглядомъ въ лицо Мити.

— Тржи тысенцы, пане?

Онъ переглянулся съ Врублевскимъ.

— Тржи, панове, тржи! Слушай, пане, вижу, что ты человѣкъ разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всѣмъ чертямъ, да и Врублевскаго съ собой захвати—слышишь это? Но сейчасъ же, сію же минуту, и это навѣки, понимаешь, пане, навѣки, вотъ въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто, шуба? Я тебѣ вынесу. Сію же секунду тройку тебѣ заложатъ и — до видзѣнья, пане! А!

Митя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрезвычайно рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.

— А рубли, пане?

— Рубли-то, вотъ какъ, пане: пятьсотъ рублей сію минуту тебѣ на извозчика и въ задатокъ, а двѣ тысячи пятьсотъ завтра въ городѣ—честью клянусь, будутъ, достану изъ-подъ земли! крикнулъ Митя.

Поляки переглянулись опять. Лицо пана стало измѣняться къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, сію минуту въ руки! надбавилъ Митя, почувствовавъ нѣчто нехорошее. — Чего ты, панъ? Не вѣришь? Не всѣ же три тысячи дать тебѣ сразу. Я дамъ, а ты и воротишься къ ней завтра же... Да теперь и нѣтъ у меня всѣхъ трехъ тысячъ, у меня въ городѣ дома лежатъ, лепеталъ Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ своимъ словомъ,—ей-Богу лежатъ, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственнаго достоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чего? спросилъ онъ иронически.—Пфе! А пфе! (стыдъ, срамъ!) И онъ плюнулъ.

Плюнулъ и панъ Врублевскій.

— Это ты оттого плюешься, пане, проговорилъ Митя, какъ отчаянный, понявъ, что все кончилось,—оттого, что отъ Грушеньки думаешь больше тянуть. Каплуны вы оба, вотъ что̀!

— Естемъ до живего доткнентнымъ! (Я оскорбленъ до послѣдней степени!) раскраснѣлся вдругъ маленькій панъ, какъ ракъ, и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ бы не желая больше ничего слушать, вышелъ изъ комнаты.

За нимъ, раскачиваясь, послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужъ и Митя, сконфуженный и опѣшенный. Онъ боялся Грушеньки, онъ предчувствовалъ, что панъ сейчасъ раскричится. Такъ и случилось. Панъ вошелъ въ залу и театрально всталъ передъ Грушенькой.

— Пани Агрипина, естемъ до живого доткнентнымъ! воскликнулъ было онъ, но Грушенька какъ бы вдругъ потеряла всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному мѣсту.

— По-русски, говори по-русски, чтобы ни одного слова польскаго не было! закричала она на него.—Говорилъ же прежде по-русски, неужели забылъ въ пять лѣтъ!

Она вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Пани Агриппина...

— Я—Аграфена, я—Грушенька, говори по-русски или слушать не хочу!

Панъ запыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русскую рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я пшіѣхалъ забыть старое и простить его, забыть, что̀ было допрежъ сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты пріѣхалъ простить? перебила Грушенька и вскочила съ мѣста.

— Такъ есть, пани (точно такъ, пани), я не малодушны, я великодушны. Но я былемъ здзивёны (былъ удивленъ), когда видѣлъ твоихъ любовниковъ. Панъ Митя въ томъ покоѣ давалъ мнѣ тржи тысёнцы, чтобъ я отбылъ. Я плюнулъ пану въ физію.

— Какъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? истерически вскричала Грушенька.—Правда, Митя? Да какъ ты смѣлъ? Развѣ я продажная?

— Пане, пане, возопилъ Митя,—она чиста и сіяетъ, и никогда я не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...

— Какъ смѣешь ты меня предъ нимъ защищать? вопила Грушенька.—Не изъ добродѣтели я чиста была, и не потому, что Кузьмы боялась, а чтобы передъ нимъ гордой быть и чтобы право имѣть ему подлеца сказать, когда встрѣчу. Да неужто жъ онъ съ тебя денегъ не взялъ?

— Да бралъ же, бралъ! воскликнулъ Митя.—Да только всѣ три тысячи разомъ захотѣлъ, а я всего семьсотъ задатку давалъ.

— Ну, и понятно: прослышалъ, что у меня деньги есть, а потому и пріѣхалъ вѣнчаться!

— Пани Агриппина, закричалъ панъ,—я—рыцарь, я—шляхтичъ, а не лайдакъ! Я пшибылъ взять тебя въ супругу, а вижу нову пани, не ту, что̀ прежде, а упарту и безъ встыду (своенравную и безстыдную).

— А и убирайся откуда пріѣхалъ! Велю сейчасъ прогнать, и прогонятъ! крикнула въ изступленіи Грушенька.—Дура, дура была я, что пять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила вовсе, я со злобы себя мучила! Да и не онъ это вовсе! Развѣ онъ былъ такой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ ты парикъ-то себѣ заказалъ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ пѣсни пѣлъ... А я-то, я-то пять лѣтъ слезами заливалась, проклятая я дура, низкая я, безстыжая!

Она упала на свое кресло и закрыла лицо ладонями.

Въ эту минуту вдругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ слѣва хоръ собравшихся, наконецъ, мокринскихъ дѣвокъ,—залихватская плясовая пѣсня.

— То̀ есть Со̀домъ! взревѣлъ вдругъ панъ Врублевскій.—Хозяинъ, прогони безстыжихъ!

Хозяинъ, который давно уже съ любопытствомъ заглядывалъ въ дверь, слыша крикъ и чуя, что гости перессорились, тотчасъ явился въ комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь? обратился онъ къ Врублевскому съ какою-то непонятною даже невѣжливостью.

— Скотина! заоралъ было панъ Врублевскій.

— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я подалъ тебѣ колоду, а ты мои спряталъ! Ты въ поддѣльныя карты игралъ! Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу упрятать, знаешь ты это, потому, оно все одно, что бумажки поддѣльныя...

И, подойдя къ дивану, онъ засунулъ пальцы между спинкою и подушкой дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную колоду картъ.

— Вотъ она моя колода, не распечатана! Онъ поднялъ ее и показалъ всѣмъ кругомъ.—Я вѣдь видѣлъ оттелева, какъ онъ мою колоду сунулъ въ щель, а своей подмѣнилъ,—шильникъ ты этакой, а не панъ!

— А я видѣлъ, какъ тотъ панъ два раза передернулъ! крикнулъ Калгановъ.

— Ахъ, какъ стыдно, ахъ, какъ стыдно! воскликнула Грушенька, всплеснувъ руками, и воистину покраснѣла отъ стыда.—Господи, экой, экой сталъ человѣкъ!

— И я это думалъ! крикнулъ Митя.

Но не успѣлъ онъ это выговорить, какъ панъ Врублевскій, сконфуженный и взбѣшенный, обратясь къ Грушенькѣ и грозя ей кулакомъ, закричалъ:

— Публична шельма!

Но не успѣлъ онъ и воскликнуть, какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими руками, поднялъ на воздухъ и въ одинъ мигъ вынесъ его изъ залы въ комнату направо, въ которую сейчасъ только водилъ ихъ обоихъ.

— Я его тамъ на полъ положилъ! возвѣстилъ онъ, тотчасъ же возвратившись и задыхаясь отъ волненія.— Дерется, каналья, небось не придетъ оттуда!..

Онъ заперъ одну половинку двери и, держа настежь другую, воскликнулъ къ маленькому пану:

— Ясневельможный, не угодно ли туда же? Пшепрошамъ!

— Батюшка, Митрій Ѳедоровичъ, возгласилъ Трифонъ Борисычъ,—да отбери ты у нихъ деньги-то, тò, чтò имъ проигралъ! Вѣдь все равно, что воровствомъ съ тебя взяли.

— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, отозвался вдругъ Калгановъ.

— И я свои двѣсти, и я не хочу! воскликнулъ Митя.— Ни за чтò не отберу, пусть ему въ утѣшеніе останутся.

— Славно, Митя! Молодецъ, Митя! крикнула Грушенька, и страшно-злобная нотка прозвенѣла въ ея восклицаніи.

Маленькій панъ, багровый отъ ярости, но нисколько не потерявшій своей сановитости, направился было къ двери, но остановился и вдругъ проговорилъ, обращаясь къ Грушенькѣ:

— Пани, ежели хчешь ешь за мною, идзьмы, если не—бывай здрова! (Пани, если хочешь идти за мной— пойдемъ, а если нѣтъ—то прощай!).

И важно, пыхтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ дверь. Человѣкъ былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего происшедшаго не терялъ надежды, что пани пойдетъ за нимъ—до того цѣнилъ себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.

— Заприте ихъ на ключъ, сказалъ Калгановъ.

Но замокъ щелкнулъ съ ихъ стороны, они заперлись сами.

— Славно! злобно и безпощадно крикнула опять Грушенька.—Славно! Туда и дорога!

VIII.

Бредъ.

Началась почти оргія, пиръ на весь міръ. Грушенька закричала первая, чтобъ ей дали вина: „Пить хочу, совсѣмъ пьяная хочу напиться, чтобы какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь, какъ мы здѣсь тогда спознавались!“ Самъ же Митя былъ какъ въ бреду и предчувствовалъ „свое счастье“. Грушенька его, впрочемъ, безпрерывно отгоняла: „Ступай, веселись, скажи имъ, чтобы плясали, чтобы всѣ веселились, „ходи изба, ходи печь“, какъ тогда, какъ тогда!“ продолжала она восклицать. Была она ужасно возбуждена. И Митя бросался распоряжаться. Хоръ собрался въ сосѣдней комнатѣ. Та же комната, въ которой до сихъ поръ сидѣли, была къ тому же и тѣсна,

разгорожена на-двое ситцевою занавѣской, за которою опять-таки помѣщалась огромная кровать съ пухлою периной и съ такими же ситцевыми подушками горкой. Да и во всѣхъ четырехъ „чистыхъ“ комнатахъ этого дома вездѣ были кровати. Грушенька расположилась въ самыхъ дверяхъ. Митя ей принесъ сюда кресло: такъ же точно сидѣла она и „тогда“, въ день ихъ перваго здѣсь кутежа, и смотрѣла отсюда на хоръ и на пляску. Дѣвки собрались всѣ тогдашнія же. Жидки со скрипками и цитрами тоже прибыли, а, наконецъ-то, прибылъ и столь ожидаемый возъ на тройкѣ съ винами и припасами. Митя суетился. Въ комнату входили глядѣть и посторонніе, мужики и бабы, уже спавшіе, по пробудившіеся и почуявшіе небывалое угощеніе, какъ и мѣсяцъ назадъ. Митя здоровался и обнимался со знакомыми, припоминалъ лица, откупоривалъ бутылки и наливалъ всѣмъ, кому попало. На шампанское зарились очень только дѣвки, мужикамъ же нравился больше ромъ и коньякъ, и особенно горячій пуншъ. Митя распорядился, чтобы былъ сваренъ шоколадъ на всѣхъ дѣвокъ и чтобы не переводились всю ночь и кипѣли три самовара для чаю и пунша на всякаго приходящаго: кто хочетъ пусть и угощается. Однимъ словомъ, началось нѣчто безпорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ бы въ своемъ родномъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось, тѣмъ больше онъ оживлялся духомъ. Попроси у него какой-нибудь мужикъ въ тѣ минуты денегъ, онъ тотчасъ же вытащилъ бы всю свою пачку и сталъ бы раздавать направо и налѣво безъ счету. Вотъ почему, вѣроятно, чтобъ уберечь Митю, сповалъ кругомъ его почти безотлучно хозяинъ, Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ ужъ, кажется, раздумавшій ложиться спать въ эту ночь, пившій, однако, мало (всего только выкушалъ одинъ стаканчикъ пуншу) и зорко наблюдавшій по-своему за интересами Мити. Въ нужныя минуты онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговаривалъ, не давалъ ему одѣлять, какъ „тогда“, мужиковъ „цыгарками и ренскимъ виномъ“ и, Боже сохрани, деньгами, и очень негодовалъ на то, что дѣвки пьютъ ликеръ и ѣдятъ конфеты: „Вшивость лишь одна, Митрій Ѳедоровичъ, говорилъ онъ;—я ихъ колѣнкомъ всякую напинаю, да еще за честь почитать прикажу,—вотъ онѣ какія!“ Митя еще разъ вспомянулъ про Андрея и велѣлъ послать ему пуншу:—„Я его давеча

обидѣлъ", повторялъ онъ ослабѣвшимъ и умиленнымъ голосомъ. Калгановъ не хотѣлъ было пить и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень, но, выпивъ еще бокала два шампанскаго, страшно развеселился, шагалъ по комнатамъ, смѣялся и все и всѣхъ хвалилъ, и пѣсни, и музыку. Максимовъ, блаженный и пьяненькій, не покидалъ его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на Калганова Митѣ: „Какой онъ миленькій, какой чудесный мальчикъ!" И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цѣловаться съ Калгановымъ и Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ: ничего еще она ему не сказала такого, и даже, видимо, нарочно задерживала сказать, изрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но горячимъ глазкомъ. Наконецъ, она вдругъ схватила его крѣпко за руку и съ силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тогда въ креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то!.. я такъ испугалась. Какъ же ты меня ему уступить-то хотѣлъ, а? Неужто хотѣлъ?

— Счастье твое губить не хотѣлъ! въ блаженствѣ лепеталъ ей Митя. Но ей и не надо было его отвѣта:

— Ну, ступай... веселись, отгоняла она его опять,— да не плачь, опять позову.

И онъ убѣгалъ, а она принималась опять слушать пѣсни и глядѣть на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, но черезъ четверть часа опять подзывала его и онъ опять прибѣгалъ.

— Ну, садись теперь подлѣ, разсказывай, какъ ты вчера обо мнѣ услышалъ, что я сюда пріѣхала; отъ кого отъ перваго узналъ?

И Митя начиналъ все разсказывать, безсвязно, безпорядочно, горячо, но странно однакоже разсказывалъ, часто вдругъ хмурилъ брови и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? спрашивала она.

— Ничего... одного больного тамъ оставилъ. Кабы выздоровѣлъ, кабы зналъ, что выздоровѣетъ, десять бы лѣтъ сейчасъ моихъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хотѣлъ завтра застрѣлить себя, экой глупый, да изъ-за чего? Я вотъ этакихъ какъ ты, безразсудныхъ, люблю, лепетала она ему немного отяжелѣвшимъ языкомъ.—Такъ ты для меня на все пойдешь? А? И неужто жъ ты, дурачокъ, вправду хотѣлъ завтра застрѣлиться! Нѣтъ, погоди

пока, завтра я тебѣ, можетъ, одно словечко скажу... не сегодня скажу, а завтра. А ты бы хотѣлъ сегодня? Нѣтъ, я сегодня не хочу... Ну, ступай, ступай теперь, веселись.

Разъ, однако, она подозвала его какъ бы въ недоумѣніи и озабоченно.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно... Нѣтъ, ужъ я вижу, прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза.—Хоть ты тамъ и цѣлуешься съ мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нѣтъ, ты веселись, я весела и ты веселись... Я кого-то здѣсь люблю, угадай кого?.. Ай, посмотри: мальчикъ-то мой заснулъ, охмѣлѣлъ, сердечный.

Она говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлѣлъ и заснулъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля заснулъ, ему стало вдругъ отчего-то грустно, или, какъ онъ говорилъ, „скучно". Сильно обезкуражили его подъ конецъ и пѣсни дѣвокъ, начинавшія переходить, постепенно съ попойкой, въ нѣчто слишкомъ уже скоромное и разнузданное. Да и пляски ихъ тоже: двѣ дѣвки переодѣлись въ медвѣдей, а Степанида, бойкая дѣвка съ палкой въ рукѣ, представляя вожака, стала ихъ „показывать". „Веселѣй, Марья, кричала она,—не то палкой!" Медвѣди, наконецъ, повалились на полъ какъ-то совсѣмъ ужъ неприлично, при громкомъ хохотѣ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой публики бабъ и мужиковъ. — „Ну, и пусть ихъ, ну и пусть ихъ, говорила сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ въ лицѣ,—кой-то денекъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться людямъ?" Калгановъ же смотрѣлъ такъ, какъ будто чѣмъ запачкался:—„Свинство это все, эта вся народность", замѣтилъ онъ, отходя, — „это у нихъ весеннія игры, когда они солнце берегутъ во всю лѣтнюю ночь". Но особенно не понравилась ему одна „новая" пѣсенка съ бойкимъ плясовымъ напѣвомъ, пропѣтая о томъ, какъ ѣхалъ баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но дѣвкамъ показалось, что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его не любить.

Ѣхалъ потомъ цыганъ (произносилось цыганъ) и этотъ тоже:

Цыганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но и цыгана нельзя любить,

Цыганъ любитъ воровать,
А я буду горевать.

И много проѣхало такъ людей, которые пытали дѣвушекъ, даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Солдатъ будетъ ранецъ несть,
А я за нимъ...

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стишокъ, пропѣтый совершенно откровенно и произведшій фуроръ въ слушавшей публикѣ. Кончилось, наконецъ, дѣло на купцѣ:

Купчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

И оказалось, что очень любятъ, потому, дескать, что

Купчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озлился:

— Это совсѣмъ вчерашняя пѣсня, замѣтилъ онъ вслухъ, — и кто это имъ сочиняетъ! Недостаетъ, чтобы желѣзнодорожникъ аль жидъ проѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ бы побѣдили. И, почти обидѣвшись, онъ тутъ же и объявилъ, что ему скучно, сѣлъ на диванъ и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько поблѣднѣло и откинулось на подушку дивана.

— Посмотри, какой онъ хорошенькій, говорила Грушенька, подводя къ нему Митю: — я ему давеча головку расчесывала; волоски точно ленъ и густые...

И, нагнувшись надъ нимъ въ умиленіи, она поцѣловала его лобъ. Калгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, привсталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ:

— Гдѣ Максимовъ?

— Вотъ ему кого надо, засмѣялась Грушенька: — да посиди со мной минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось, что Максимовъ ужъ и не отходилъ отъ дѣвокъ, изрѣдка только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколаду же выпилъ двѣ чашки. Личико его раскраснѣлось, а носъ побагровѣлъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объявилъ, что сейчасъ „подъ одинъ мотивчикъ" хочетъ протанцовать танецъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всѣмъ этимъ благовоспитаннымъ свѣтскимъ танцамъ обучали-съ...

— Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю, какъ онъ тамъ танцовать будетъ.

— Нѣтъ, и я, и я пойду смотрѣть, воскликнулъ Калгановъ, самымъ наивнымъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки посидѣть съ нимъ. И всѣ направились смотрѣть. Максимовъ дѣйствительно свой танецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ комъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь танецъ состоялъ въ какихъ-то подпрыгиваніяхъ съ вывертываніемъ въ стороны ногъ, подошвами кверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ ударялъ ладонью по подошвѣ. Калганову совсѣмъ не понравилось, а Митя даже облобызалъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ, можетъ, что̀ глядишь сюда: конфетку хочешь, а? Цыгарочку, можетъ, хочешь?

— Папиросочку-съ.

— Выпить не хочешь ли?

— Я тутъ ликерцу-съ... А шоколадныхъ конфеточекъ у васъ нѣтъ-съ?

— Да вотъ на столѣ цѣлый возъ, выбирай любую, голубиная ты душа!

— Нѣтъ-съ, я такую-съ, чтобы съ ванилью... для старичковъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! нагнулся вдругъ старичокъ къ самому уху Мити, — эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи! Какъ бы мнѣ, если бы можно, съ нею познакомиться, по добротѣ вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, врешь.

— Я никому вѣдь зла не дѣлаю-съ, уныло прошепталъ Максимовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь, братъ, только поютъ и пляшутъ, а, впрочемъ, чортъ! Подожди... Кушай пока, ѣшь, пей, веселись. Денегъ не надо ли?

— Потомъ бы развѣ-съ, улыбнулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на деревянную верхнюю галлерейку, обходившую и внутри, со двора, часть всего строенія. Свѣжій воздухъ оживилъ его. Онъ стоялъ одинъ, въ темнотѣ, въ углу, и вдругъ схватилъ себя обѣими руками за голову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ощущенія слились воедино и

все дало свѣтъ. Страшный, ужасный свѣтъ! „Вотъ, если застрѣлиться, такъ когда же, какъ не теперь?“ пронеслось въ умѣ его. „Сходить за пистолетомъ, принести его сюда и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу, и покончить“. Почти съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, какъ летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣянное уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было легче, о, легче! Вѣдь ужъ все тогда было покончено: ее онъ потерялъ, уступилъ, она погибла для него, исчезла,—о, приговоръ тогда былъ легче ему, по крайней мѣрѣ, казался неминуемымъ, необходимымъ, ибо для чего же было оставаться на свѣтѣ? А теперь! Теперь развѣ то что̀ тогда? Теперь съ однимъ, по крайней мѣрѣ, привидѣніемъ, страшилищемъ, покончено: этотъ ея „прежній“, ея безспорный, фатальный человѣкъ этотъ исчезъ, не оставивъ слѣда. Страшное привидѣніе обратилось вдругъ во что-то такое маленькое, такое комическое; его снесли руками въ спальню, и заперли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно, и изъ глазъ ея онъ уже видитъ теперь ясно, кого она любитъ. Ну, вотъ теперь бы только и жить, и... нельзя жить, нельзя, о, проклятіе! „Боже, оживи поверженнаго у забора! Пронеси эту страшную чашу мимо меня! Вѣдь дѣлалъ же Ты чудеса, Господи, для такихъ же грѣшниковъ, какъ и я! Ну что̀, ну что̀, если старикъ живъ? О, тогда срамъ остального позора я уничтожу, я ворочу украденныя деньги, я отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли... Слѣдовъ позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ навѣки! Но нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! О, проклятіе!“

Но все же какъ бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ ему во тьмѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты — къ ней, къ ней опять, къ царицѣ его навѣки! „Да неужели одинъ часъ, одна минута ея любви не сто̀ятъ всей остальной жизни, хотя бы и въ мукахъ позора?“ Этотъ дикій вопросъ захватилъ его сердце. „Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать и ни о чемъ не думать, обо всемъ забыть, хотя бы только на эту ночь, на часъ, на мгновеніе!“ Предъ самымъ входомъ въ сѣни, еще на галлерейкѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Трифономъ Борисычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и озабоченнымъ и, кажется, шелъ его разыскивать.

— Что̀ ты, Борисычъ, не меня ли искалъ?

— Нѣтъ-съ, не васъ, какъ бы опѣшилъ вдругъ хозяинъ,—зачѣмъ мнѣ васъ разыскивать? А вы... гдѣ были-съ?

— Что̀ ты такой скучный? Не сердишься ли? Погоди, скоро спать пойдешь... Который часъ-то?

— Да ужъ три часа будетъ. Надо быть, даже четвертый.

— Кончимъ, кончимъ.

— Помилуйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ...

„Что̀ съ нимъ?“ мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ комнату, гдѣ плясали дѣвки. Но ея тамъ не было. Въ голубой комнатѣ тоже не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ. Митя глянулъ за занавѣсы — она была тамъ. Она сидѣла въ углу, на сундукѣ, и, склонившись съ руками и съ головой на подлѣ стоявшую кровать, горько плакала, изо всѣхъ силъ крѣпясь и скрадывая голосъ, чтобы не услышали. Увидавъ Митю, она поманила его къ себѣ и, когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила его за руку.

— Митя, Митя, я вѣдь любила его! начала она ему шопотомъ,—такъ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время. Его ли любила, аи только злобу мою? Нѣтъ, его! Охъ, его! Я вѣдь лгу, что любила только злобу мою, а не его! Митя, вѣдь я была всего семнадцати лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой со мной ласковый, такой развеселый, мнѣ пѣсни пѣлъ... Иль ужъ показался тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвчонкѣ... А теперь, Господи, да это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ, не онъ вовсе. Я и съ лица его не узнала. Ѣхала я сюда съ Тимоѳеемъ и все-то думала, всю дорогу думала: „какъ встрѣчу его, что-то скажу, какъ глядѣть-то мы другъ на друга будемъ?..“ Вся душа замирала, и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки помоями окатилъ. Точно учитель говоритъ: все такое ученое, важное, встрѣтилъ такъ важно, такъ я и стала втупикъ. Слова некуда ввернуть. Я сначала думала, что онъ этого своего длиннаго поляка-то стыдится. Сижу, смотрю на нихъ и думаю: почему это я такъ ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это его жена испортила, вотъ на которой онъ, бросилъ меня тогда, да женился... Это она его тамъ передѣлала. Митя, стыдъ-то какой! Охъ, стыдно мнѣ, Митя, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Прокляты, прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты! И она опять залилась слезами, но Митину руку не выпускала, крѣпко держалась за нее.

— Митя, голубчикъ, постой, не уходи, я тебѣ одно словечко хочу сказать, прошептала она и вдругъ подняла къ нему лицо. — Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я здѣсь одного человѣка люблю. Который это человѣкъ? вотъ что̀ скажи ты мнѣ. На распухшемъ отъ слезъ лицѣ ея засвѣтилась улыбка, глаза сіяли въ полутьмѣ.—Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и упало во мнѣ: „Дура ты, вотъ вѣдь кого ты любишь“,—такъ сразу и шепнуло сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. Да чего онъ боится? думаю. А вѣдь ты забоялся, совсѣмъ забоялся, говорить не умѣлъ. Не ихъ же, думаю, онъ боится,—развѣ ты кого испугаться можешь? Это меня онъ боится. думаю, только меня. Такъ вѣдь разсказала же тебѣ, дурачку, Ѳеня, какъ я Алешѣ въ окно прокричала, что любила часочекъ Митеньку, а теперь ѣду любить... другого. Митя, Митя, какъ это я могла, дура, подумать, что люблю другого, послѣ тебя! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня или нѣтъ? Любишь? Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плечи. Митя, нѣмой отъ восторга, глядѣлъ ей въ глаза, въ лицо, на улыбку ея, и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее цѣловать.

— А простишь, что мучила? Я вѣдь со злобы всѣхъ васъ измучила. Я вѣдь старикашку того нарочно со злобы съ ума свела... Помнишь, какъ ты разъ у меня пилъ и бокалъ разбилъ? Запомнила я это и сегодня тоже разбила бокалъ, за „подлое сердце мое“ пила, Митя, соколъ, что̀ жъ ты меня не цѣлуешь? Разъ поцѣловалъ и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Что̀ меня слушать! Цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче, вотъ такъ. Любить, такъ ужъ любить! Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Цѣлуй! Прибей меня, мучай меня, сдѣлай что̀ надо мной... Охъ, да и впрямь меня надо мучить... Стой! Подожди, потомъ, не хочу такъ... оттолкнула она его вдругъ.—Ступай прочь, Митька, пойду теперь вина напьюсь, пьяна хочу быть, сейчасъ пьяная плясать пойду, хочу, хочу!

Она вырвалась отъ него изъ-за занавѣсокъ. Митя вышелъ за ней, какъ пьяный. „Да пусть же, пусть, что̀ бы теперь ни случилось—за минуту одну весь міръ отдамъ“, промелькнуло въ его головѣ. Грушенька въ самомъ дѣлѣ выпила залпомъ еще стаканъ шампанскаго и очень вдругъ охмѣлѣла. Она усѣлась въ креслѣ, на прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея запылали, губы разго-

рѣлись, сверкавшіе глаза посоловѣли, страстный взглядъ манилъ. Даже Калганова какъ будто укусило что-то за сердце и онъ подошелъ къ ней.

— А ты слышалъ, какъ я тебя давеча поцѣловала, когда ты спалъ? пролепетала она ему. — Опьянѣла я теперь, вотъ что̀... А ты не опьянѣлъ? А Митя чего не пьетъ? Что жъ ты не пьешь, Митя, я выпила, а ты не пьешь...

— Пьянъ! И такъ пьянъ... отъ тебя пьянъ, а теперь и отъ вина хочу.

Онъ выпилъ еще стаканъ и — странно это ему показалось самому—только отъ этого послѣдняго стакана и охмѣлѣлъ, вдругъ охмѣлѣлъ, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ, самъ помнилъ это. Съ этой минуты все завертѣлось кругомъ него какъ въ бреду. Онъ ходилъ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ бы ужъ не помня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство сказывалось въ немъ поминутно, „точно горячій уголь въ душѣ“, вспомнилъ онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ нея, глядѣлъ на нее, слушалъ ее... Она же стала ужасно какъ словоохотлива, всѣхъ къ себѣ подзывала, манила вдругъ къ себѣ какую-нибудь дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цѣловала ее и отпускала, или иногда крестила ее рукой. Еще минутку и она могла заплакать. Развеселялъ ее очень „старикашка“, какъ называла она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цѣловать у нея ручки, „и всякій пальчикъ“, а подъ конецъ проплясалъ еще одинъ танецъ подъ одну старую пѣсенку, которую самъ же и пропѣлъ. Въ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвомъ:

Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусынька га-га, га-га.
Курочка по сѣнюшкамъ похаживала,
Тюрю-рю, рю-рю выговаривала,
Ай, ай выговаривала!

— Дай ему что-нибудь, Митя, говорила Грушенька,— подари ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ бѣдные, обиженные!.. Знаешь, Митя, я въ монастырь пойду. Нѣтъ, вправду, когда-нибудь пойду. Мнѣ Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А сегодня ужъ пусть поплящемъ. Завтра въ монастырь, а сегодня поплящемъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что̀ жъ такое, Богъ проститъ.

Кабы Богомъ была, всѣхъ бы людей простила: „милые мои грѣшнички, съ этого дня прощаю всѣхъ“. А я пойду прощенія просить: „Простите, добрые люди, бабу глупую, вотъ что“. „Звѣрь я, вотъ что“. А молиться хочу. Я луковку подала. Злодѣйкѣ такой, какъ я, молиться хочется! Митя, пусть пляшутъ, не мѣшай. Всѣ люди на свѣтѣ хороши, всѣ до единаго. Хорошо на свѣтѣ. Хоть и скверные мы, а хорошо на свѣтѣ. Скверные мы и хорошіе, и скверные и хорошіе... Нѣтъ, скажите, я васъ спрошу, всѣ подойдите и я спрошу: скажите мнѣ всѣ вотъ что: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну, такъ вотъ: почему я такая хорошая? Такъ лепетала Грушенька, хмѣлѣя всѣ больше и больше, и, наконецъ, прямо объявила, что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ креселъ и пошатнулась.—Митя, не давай мнѣ больше вина, просить буду—не давай. Вино спокойствія не даетъ. И все кружится, и печка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть всѣ смотрятъ, какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу...

Намѣреніе было серьезное: она вынула изъ кармана бѣленькій батистовый платочекъ и взяла его за кончикъ, въ правую ручку, чтобы махать имъ въ пляскѣ. Митя захлопоталъ, дѣвки затихли, приготовляясь грянуть хоромъ плясовую по первому мановенію. Максимовъ, узнавъ, что Грушенька хочетъ сама плясать, завизжалъ отъ восторга и пошелъ было предъ ней подпрыгивать, припѣвая:

Ножки тонки, бока звонки,
Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его.

— Ш-шь! Митя, что жъ нейдутъ? Пусть всѣ придутъ... смотрѣть. Позови и тѣхъ, запертыхъ... За что ты ихъ заперъ? Скажи имъ, что я пляшу, пусть и они смотрятъ, какъ я пляшу...

Митя съ пьянымъ размахомъ подошелъ къ запертой двери и началъ стучать къ панамъ кулакомъ.

— Эй, вы... Подвысоцкіе! Выходите, она плясать хочетъ, васъ зоветъ.

— Лайдакъ! прокричалъ въ отвѣтъ который-то изъ пановъ.

— А ты подлайдакъ! Мелкій ты подлеченочекъ; вотъ ты кто.

— Перестали бы вы надъ Польшей-то насмѣхаться,

сентенціозно замѣтилъ Калгановъ, тоже не подъ силу себѣ охмѣлѣвшій.

— Молчи, мальчикъ! Если я ему сказалъ подлеца, не значитъ, что я всей Польшѣ сказалъ подлеца. Не составляетъ одинъ лайдакъ Польши. Молчи, хорошенькій мальчикъ, конфетку кушай.

— Ахъ, какіе! Точно они не люди. Чего они не хотятъ мириться? сказала Грушенька и вышла плясать.

Хоръ грянулъ: „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни". Грушенька закинула было головку, полуоткрыла губки, улыбнулась, махнула было платочкомъ и вдругъ, сильно покачнувшись на мѣстѣ, стала посреди комнаты въ недоумѣніи.

— Слаба... проговорила она измученнымъ какимъ-то голосомъ,—простите, слаба, не могу... Виновата...

Она поклонилась хору, затѣмъ принялась кланяться на всѣ четыре стороны поочередно:

— Виновата... Простите...

— Подпила, барынька, подпила, хорошенькая барынька, раздавались голоса.

— Онѣ напились-съ, разъяснилъ, хихикая, дѣвушкамъ Максимовъ.

— Митя, отведи меня... возьми меня, Митя, въ безсиліи проговорила Грушенька.

Митя кинулся къ ней, схватилъ ее за руки и побѣжалъ со своею драгоцѣнною добычей за занавѣски. „Ну, ужъ я теперь уйду", подумалъ Калгановъ, и, выйдя изъ голубой комнаты, притворилъ за собою обѣ половинки дверей. Но пиръ въ залѣ гремѣлъ и продолжался, загремѣлъ еще пуще. Митя положилъ Грушеньку на кровать и впился въ ея губы поцѣлуемъ.

— Не трогай меня... молящимъ голосомъ пролепетала она ему. — Не трогай, пока не твоя... Сказала, что твоя, а ты не трогай... пощади... При тѣхъ, подлѣ тѣхъ нельзя. Онъ тутъ. Гнусно здѣсь...

— Послушенъ!.. Не мыслю... благоговѣю!.. бормоталъ Митя.—Да, гнусно здѣсь, о, презрѣнно.

И, не выпуская ее изъ объятій, онъ опустился подлѣ кровати на полъ, на колѣни.

— Я знаю, ты хоть и звѣрь, а ты благородный, тяжело выговаривала Грушенька.—Надо, чтобъ это честно... впредь будетъ честно... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы были добрые, не звѣри, а добрые... Увези меня, увези далеко, слышишь... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко...

— О, да, да, непремѣнно! сжималъ ее въ объятіяхъ Митя.—Увезу тебя, улетимъ... О, всю жизнь за одинъ годъ отдамъ сейчасъ, чтобы только знать про эту кровь!

— Какая кровь? въ недоумѣніи переговорила Грушенька.

— Ничего! проскрежеталъ Митя.—Груша, ты хочешь, чтобы честно, а я воръ. Я у Катьки деньги укралъ... Позоръ, позоръ!

— У Катьки? Это у барышни? Нѣтъ, ты не укралъ. Отдай ей, у меня возьми... Что̀ кричишь? Теперь все мое—твое. Что̀ намъ деньги? Мы ихъ и безъ того прокутимъ... Таковскіе, чтобы не прокутили. А мы пойдемъ съ тобою лучше землю пахать. Я землю вотъ этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказалъ. Я не любовница тебѣ буду, я тебѣ вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы къ барышнѣ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила, и уѣдемъ. А не проститъ, мы и такъ уѣдемъ. А ты деньги ей снеси, а меня люби... А ее не люби. Больше ее не люби. А полюбишь, я ее задушу... Я ей оба глаза иголкой выколю...

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить...

— Зачѣмъ въ Сибирь? А что̀ жъ, и въ Сибирь, коли хочешь, все равно... работать будемъ... въ Сибири снѣгъ... Я по снѣгу люблю ѣхать... и чтобы колокольчикъ былъ... Слышишь, звенитъ колокольчикъ... Гдѣ это звенитъ колокольчикъ? Ѣдутъ какіе-то... вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ бы заснула на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ гдѣ-то въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя склонился головою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ, какъ пересталъ звенѣть колокольчикъ, но не замѣтилъ и того, какъ вдругъ перестали и пѣсни, и на мѣсто пѣсенъ и пьянаго гама во всемъ домѣ воцарилась какъ бы внезапно мертвая тишина. Грушенька открыла глаза.

— Что̀ это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и сонъ видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенитъ, а я дремлю. Съ милымъ человѣкомъ, съ тобою ѣду будто. И далеко-далеко. Обнимала-цѣловала тебя, прижималась къ тебѣ, холодно будто мнѣ, а снѣгъ-то блеститъ... Знаешь, коли ночью снѣгъ блеститъ, а мѣсяцъ глядитъ, и точно я гдѣ не на землѣ... Проснулась, а милый-то подлѣ, какъ хорошо...

— Подлѣ, бормоталъ Митя, цѣлуя ея платье, грудь, руки.

И вдругъ ему показалось что-то странное: показалось ему, что она глядитъ прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а поверхъ его головы, пристально и до странности неподвижно. Удивленіе вдругъ выразилось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Митя, кто это оттуда глядитъ сюда къ намъ? прошептала она вдругъ.

Митя обернулся и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ кто-то раздвинулъ занавѣску и ихъ какъ бы высматриваетъ. Да и не одинъ какъ будто. Онъ вскочилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйте къ намъ сюда, не громко, но твердо и настойчиво проговорилъ ему чей-то голосъ.

Митя выступилъ изъ-за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся комната была полна людьми, но не давешними, а совсѣмъ новыми. Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его и онъ вздрогнулъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ высокій и дебелый старикъ, въ пальто и съ фуражкой съ кокардой—это исправникъ, Михаилъ Макарычъ. А этотъ „чахоточный“ опрятный щеголь, „всегда въ такихъ вычищенныхъ сапогахъ“—это товарищъ прокурора. „У него хронометръ въ четыреста рублей есть, онъ показывалъ“. А этотъ молоденькій, маленькій, въ очкахъ... Митя вотъ только фамилію его позабылъ, но онъ знаетъ и его, видѣлъ: это слѣдователь, судебный слѣдователь, „изъ правовѣдѣнія“, недавно пріѣхалъ. А этотъ вотъ — становой, Маврикій Маврикичъ, этого-то ужъ онъ знаетъ, знакомый человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ же? И еще двое какихъ-то, мужики... А вотъ тамъ въ дверяхъ Калгановъ и Трифонъ Борисычъ...

— Господа... Что̀ это вы, господа? проговорилъ было Митя, но вдругъ, какъ бы внѣ себя, какъ бы не самъ собой, воскликнулъ громко, во весь голосъ:

— По-ни-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и, подступивъ къ Митѣ, началъ, хоть и осанисто, но немного какъ бы торопясь:

— Мы имѣемъ къ вамъ... однимъ словомъ, я васъ попрошу сюда, вотъ сюда, къ дивану... Существуетъ настоятельная необходимость съ вами объясниться.

— Старикъ! вскричалъ Митя въ изступленіи.—Старикъ и его кровь!.. По-ни-маю!

И, какъ подкошенный, сѣлъ, словно упалъ, на подлѣ стоявшій стулъ.

— Понимаешь? Понялъ! Отцеубійца и извергъ, кровь старика отца твоего вопіетъ за тобою! заревѣлъ внезапно, подступая къ Митѣ, старикъ исправникъ.

Онъ былъ внѣ себя, побагровѣлъ и весь такъ и трясся.

— Но это невозможно! вскричалъ маленькій молодой человѣчекъ. — Михаилъ Макарычъ, Михаилъ Макарычъ! Это не такъ, не такъ-съ!.. Прошу позволить мнѣ одному говорить. Я никакъ не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода...

— Но вѣдь это же бредъ, господа, бредъ! восклицалъ исправникъ.—Посмотрите на него: ночью, пьяный, съ безпутною дѣвкой и въ крови отца своего... Бредъ, бредъ!

— Я васъ изо всѣхъ силъ попрошу, голубчикъ, Михаилъ Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, зашепталъ было скороговоркой старику товарищъ прокурора, — иначе я принужденъ буду принять...

Но маленькій слѣдователь не далъ докончить; онъ обратился къ Митѣ и твердо, громко и важно произнесъ:

— Господинъ отставной поручикъ Карамазовъ, я долженъ вамъ объявить, что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца вашего, Ѳедора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ночь...

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ будто что-то ввернулъ, но Митя хоть и слушалъ, но уже не понималъ ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Предварительное слѣдствіе.

I.

Начало карьеры чиковника Перхотина.

Петръ Ильичъ Перхотинъ, котораго мы оставили стучащимся изо всей силы въ крѣпкія запертыя ворота дома купчихи Морозовой, кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что, наконецъ, достучался. Заслышавъ такой неистовый стукъ въ ворота, Ѳеня, столь напуганная часа два назадъ и все еще, отъ волненія и „думы", не рѣшавшаяся лечь спать, была испугана теперь вновь почти до истерики: ей вообразилось, что стучится опять Дмитрій Ѳедоровичъ (несмотря на то, что сама же видѣла какъ онъ уѣхалъ), потому что стучаться такъ „дерзко" никто не могъ, кромѣ него. Она бросилась къ проснувшемуся дворнику, уже шедшему на стукъ къ воротамъ, и стала-было молить его, чтобы не впускалъ. Но дворникъ опросилъ стучавшагося, и узнавъ кто онъ и что хочетъ онъ видѣть Ѳедосью Марковну по весьма важному дѣлу, отпереть ему, наконецъ, рѣшился. Войдя къ Ѳедосьѣ Марковнѣ все въ ту же кухню, при чемъ „для сумленія" она упросила Петра Ильича, чтобы позволилъ войти и дворнику. Петръ Ильичъ началъ ее разспрашивать и вмигъ попалъ на самое главное: то-есть, что Дмитрій Ѳедоровичъ, убѣгая искать Грушеньку, захватилъ изъ ступки пестикъ, а воротился уже безъ пестика, но съ руками окровавленными: „И кровь еще капала, такъ и каплетъ съ нихъ, такъ и каплетъ!" восклицала Ѳеня, очевидно, сама создавшая этотъ ужасный фактъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи. Но

окровавленныя руки видѣлъ и самъ Петръ Ильичъ, хотя съ нихъ и не капало, и самъ ихъ помогалъ отмывать, да и не въ томъ былъ вопросъ, скоро ль они высохли, а въ томъ, куда именно бѣгалъ съ пестикомъ Дмитрій Ѳедоровичъ, то-есть навѣрно ли къ Ѳедору Павловичу, и изъ чего это можно столь рѣшительно заключить? На этомъ пунктѣ Петръ Ильичъ настаивалъ обстоятельно и хотя въ результатѣ ничего не узналъ, но все же вынесъ почти убѣжденіе, что никуда Дмитрій Ѳедоровичъ и бѣгать не могъ, какъ въ домъ родителя, и что, стало быть, тамъ непремѣнно должно было *нѣчто* произойти. „А когда онъ воротился, съ волненіемъ прибавила Ѳеня, — и я призналась ему во всемъ, то стала я его разспрашивать: отчего у васъ, голубчикъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ крови обѣ руки, то онъ будто бы ей такъ и отвѣтилъ: что эта кровь человѣческая и что онъ только что сейчасъ человѣка убилъ, — такъ и признался, такъ мнѣ во всемъ тутъ и покаялся, да вдругъ и выбѣжалъ, какъ сумасшедшій. Я сѣла да и стала думать: куда это онъ, теперь, какъ сумасшедшій побѣжалъ? Поѣдетъ въ Мокрое, думаю, и убьетъ тамъ барыню. Выбѣжала я этта его молить, чтобы барыню не убивалъ, къ нему на квартиру, да у Плотниковыхъ лавки смотрю и вижу, что онъ ужъ отъѣзжаетъ и что руки ужъ у него не въ крови (Ѳеня это замѣтила и запомнила)“. Старуха, бабушка Ѳени, сколько могла, подтвердила всѣ показанія своей внучки. Разспросивъ еще кой-о чемъ, Петръ Ильичъ вышелъ изъ дома еще въ бо̀льшемъ волненіи и безпокойствѣ, чѣмъ какъ вошелъ въ него.

Казалось бы, что всего прямѣе и ближе было бы ему теперь отправиться въ домъ Ѳедора Павловича, узнать не случилось ли тамъ чего, а если случилось, то что̀ именно, и уже убѣдившись неоспоримо, тогда только идти къ исправнику, какъ твердо уже положилъ Петръ Ильичъ. Но ночь была темная, ворота у Ѳедора Павловича крѣпкія, надо опять стучать, съ Ѳедоромъ же Павловичемъ знакомъ онъ былъ отдаленно—и вотъ онъ достучится, ему отворятъ, и вдругъ тамъ ничего не случилось, а насмѣшливый Ѳедоръ Павловичъ пойдетъ завтра разсказывать по городу анекдотъ, какъ въ полночь ломился къ нему незнакомый чиновникъ Перхотинъ, чтобъ узнать, не убилъ ли его кто-нибудь. Скандалъ! Скандала же Петръ Ильичъ боялся пуще всего на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе чувство,

увлекавшее его, было столь сильно, что онъ, злобно топнувъ ногой въ землю и опять себя выбранивъ, немедленно бросился въ новый путь, но уже не къ Ѳедору Павловичу, а къ госпожѣ Хохлаковой. Если та, думалъ онъ, отвѣтитъ на вопросъ: она ли дала три тысячи давеча, въ такомъ-то часу, Дмитрію Ѳедоровичу, то, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, онъ тутъ же и пойдетъ къ исправнику, не заходя къ Ѳедору Павловичу; въ противномъ же случаѣ, отложитъ все до завтра и воротится къ себѣ домой. Тутъ, конечно, прямо представляется, что въ рѣшеніи молодого человѣка идти ночью, почти въ одиннадцать часовъ, въ домъ къ совершенно незнакомой ему свѣтской барынѣ, поднять ее, можетъ-быть, съ постели съ тѣмъ, чтобы задать ей удивительный по своей обстановкѣ вопросъ, заключалось, можетъ-быть, гораздо еще больше шансовъ произвести скандалъ, чѣмъ идти къ Ѳедору Павловичу. Но такъ случается иногда, особенно въ подобныхъ настоящему случаяхъ, съ рѣшеніями самыхъ точнѣйшихъ и флегматическихъ людей. Петръ же Ильичъ, въ ту минуту, былъ уже совсѣмъ не флегматикомъ! Онъ всю жизнь потомъ вспоминалъ, какъ непреоборимое безпокойство, овладѣвшее имъ постепенно, дошло, наконецъ, въ немъ до муки и увлекало его даже противъ воли. Разумѣется, онъ все-таки ругалъ себя всю дорогу за то, что идетъ къ этой дамѣ, но „доведу, доведу до конца!“ повторялъ онъ въ десятый разъ, скрежеща зубами, и исполнилъ свое намѣреніе — довелъ.

Было ровно одиннадцать часовъ, когда онъ вступилъ въ домъ госпожи Хохлаковой. Впустили его во дворъ довольно скоро, но на вопросъ: почиваетъ ли уже барыня, или еще не ложилась — дворникъ не могъ отвѣтить въ точности, кромѣ того, что въ эту пору обыкновенно ложатся. — „Тамъ, наверху, доложитесь: захотятъ васъ принять, то примутъ, а не захотятъ — не примутъ“. Петръ Ильичъ поднялся наверхъ, но тутъ пошло потруднѣе. Лакей докладывать не захотѣлъ, вызвалъ, наконецъ, дѣвушку. Петръ Ильичъ вѣжливо, но настоятельно попросилъ ее доложить барынѣ, что вотъ, дескать, пришелъ здѣшній одинъ чиновникъ Перхотинъ, по особому дѣлу, и если бъ не важное такое дѣло, то и не посмѣлъ бы придти: — „именно, именно въ этихъ словахъ доложите“, попросилъ онъ дѣвушку. Та ушла. Онъ остался ждать въ передней. Сама госпожа Хохлакова, хотя еще не започи-

вала, но была уже въ своей спальнѣ. Была она разстроена съ самаго давешняго посѣщенія Мити и уже предчувствовала, что въ ночь ей не миновать обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ съ нею мигреня. Выслушавъ докладъ дѣвушки и удивившись, она, однако, раздражительно велѣла отказать, несмотря на то, что неожиданное посѣщеніе въ такой часъ незнакомаго ей „здѣшняго чиновника“ чрезвычайно заинтересовало ея дамское любопытство. Но Петръ Ильичъ на этотъ разъ уперся какъ мулъ; выслушавъ отказъ, онъ чрезвычайно настойчиво попросилъ еще разъ доложить и передать именно „въ этихъ самыхъ словахъ“, что онъ „по чрезвычайно важному дѣлу, и онѣ, можетъ-быть, сами будутъ потомъ сожалѣть, если теперь не примутъ его“. „Я точно съ горы тогда летѣлъ“, разсказывалъ онъ потомъ самъ. Горничная, удивленно оглядѣвъ его, пошла другой разъ докладывать. Госпожа Хохлакова была поражена, подумала, разспросила, каковъ онъ съ виду, и узнала, что „очень прилично одѣты-съ, молодые и такіе вѣжливые“. Замѣтимъ въ скобкахъ и мелькомъ, что Петръ Иличъ былъ довольно-таки красивый молодой человѣкъ и самъ это зналъ о себѣ. Госпожа Хохлакова рѣшилась выйти. Была она уже въ своемъ домашнемъ шлафрокѣ и въ туфляхъ, но на плечи она накинула черную шаль. „Чиновника“ попросили войти въ гостиную, въ ту самую, въ которой давеча принимали Митю. Хозяйка вышла къ гостю съ строго вопросительнымъ видомъ и, не пригласивъ сѣсть, прямо начала съ вопроса:

— Что̀ угодно?

— Я рѣшился обезпокоить васъ, сударыня, по поводу общаго знакомаго нашего, Дмитрія Федоровича Карамазова, началъ было Перхотинъ, но только что произнесъ это имя, какъ вдругъ въ лицѣ хозяйки изобразилось сильнѣйшее раздраженіе.

Она чуть не взвизгнула и съ яростью прервала его.

— Долго ли, долго ли будутъ меня мучить этимъ ужаснымъ человѣкомъ! вскричала она изступленно.—Какъ вы смѣли, милостивый государь, какъ рѣшились обезпокоить незнакомую вамъ даму въ ея домѣ и въ такой часъ... и явиться къ ней говорить о человѣкѣ, который здѣсь же, въ этой самой гостиной, всего три часа тому, приходилъ убить меня, стучалъ ногами и вышелъ какъ никто не выходитъ изъ порядочнаго дома. Знайте, милостивый госу-

дарь, что я на васъ буду жаловаться, что я не спущу вамъ, извольте сей же часъ оставить меня... Я мать, я сейчасъ же... я... я...

— Убить! Такъ онъ и васъ хотѣлъ убить?

— А развѣ онъ кого-нибудь уже убилъ? стремительно спросила госпожа Хохлакова.

— Соблаговолите выслушать, сударыня, только полминуты и я въ двухъ словахъ разъясню вамъ все, съ твердостью отвѣтилъ Перхотинъ. — Сегодня, въ пять часовъ пополудни, господинъ Карамазовъ занялъ у меня, по-товарищески, десять рублей, и я положительно знаю, что у него денегъ не было, а сегодня же въ девять часовъ онъ вошелъ ко мнѣ, неся въ рукахъ на виду пачку сторублевыхъ бумажекъ, примѣрно въ двѣ или даже въ три тысячи рублей. Руки же у него и лицо были всѣ окровавлены, самъ же казался какъ бы помѣшаннымъ. На вопросъ мой, откуда взялъ столько денегъ, онъ съ точностью отвѣтилъ, что взялъ ихъ сейчасъ предъ тѣмъ отъ васъ и что вы ссудили его суммою въ три тысячи, чтобъ ѣхать будто бы на золотые пріиски...

Въ лицѣ госпожи Хохлаковой вдругъ выразилось необычайное и болѣзненное волненіе.

— Боже! Это онъ старика-отца своего убилъ! вскричала она, всплеснувъ руками. — Никакихъ я ему денегъ не давала, никакихъ! О, бѣгите, бѣгите!.. Не говорите больше ни слова! Спасайте старика, бѣгите къ отцу его, бѣгите!

— Позвольте, сударыня, итакъ вы не давали ему денегъ? Вы твердо помните, что не давали ему никакой суммы?

— Не давала, не давала! Я ему отказала, потому что онъ не умѣлъ оцѣнить. Онъ вышелъ въ бѣшенствѣ и затопалъ ногами. Онъ на меня бросился, а я отскочила... И я вамъ скажу еще, какъ человѣку, отъ котораго теперь ужъ ничего скрывать не намѣрена, что онъ даже въ меня плюнулъ, можете это себѣ представить? Но что̀ же мы стоимъ? Ахъ, сядьте... Извините, я... Или лучше бѣгите, бѣгите, вамъ надо бѣжать и спасти несчастнаго старика отъ ужасной смерти!

— Но если ужъ онъ убилъ его?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ! Такъ что̀ же мы теперь будемъ дѣлать? Какъ вы думаете, что̀ теперь надо дѣлать?

Между тѣмъ она усадила Петра Ильича и сѣла сама противъ него. Петръ Ильичъ вкратцѣ, но довольно ясно изложилъ ей исторію дѣла, по крайней мѣрѣ, ту часть исторіи, которой самъ сегодня былъ свидѣтелемъ, разсказалъ и о сейчашнемъ своемъ посѣщеніи Ѳеми, и сообщилъ извѣстіе о пестикѣ. Всѣ эти подробности до-нельзя потрясли возбужденную даму, которая вскрикивала и закрывала глаза руками...

— Представьте, я все это предчувствовала! Я одарена этимъ свойствомъ, все что я себѣ ни представлю, то и случится. И сколько, сколько разъ я смотрѣла на этого ужаснаго человѣка и всегда думала: вотъ человѣкъ, который кончитъ тѣмъ, что убьетъ меня. И вотъ такъ и случилось... То-есть, если онъ убилъ теперь не меня, а только отца своего, то навѣрное потому, что тутъ видимый перстъ Божій, меня охранявшій, да и сверхъ того, самъ онъ постыдился убить, потому что я ему сама, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, надѣла на шею образокъ съ мощей Варвары Великомученицы... И какъ же я была близка въ ту минуту отъ смерти, я вѣдь совсѣмъ подошла къ нему, вплоть, и онъ всю свою шею мнѣ вытянулъ! Знаете, Петръ Ильичъ... (извините, васъ, кажется, вы сказали, зовутъ Петромъ Ильичемъ), знаете, я не вѣрю въ чудеса, но этотъ образокъ и это явное чудо со мною теперь—это меня потрясаетъ и я начинаю опять вѣрить во все что угодно. Слыхали вы о старцѣ Зосимѣ?.. А, впрочемъ, я не знаю что говорю... И представьте, вѣдь онъ и съ образкомъ на шеѣ въ меня плюнулъ... Конечно, только плюнулъ, а не убилъ, и... и вонъ куда поскакалъ! Но куда жъ мы-то, намъ-то теперь куда, какъ вы думаете?

Петръ Ильичъ всталъ и объявилъ, что пойдетъ теперь прямо къ исправнику и все ему разскажетъ, а тамъ ужъ какъ тотъ самъ знаетъ.

— Ахъ, это прекрасный, прекрасный человѣкъ, я знакома съ Михаиломъ Макаровичемъ. Непремѣнно, именно къ нему. Какъ вы находчивы, Петръ Ильичъ, и какъ хорошо это вы все придумали; знаете, я бы никакъ на вашемъ мѣстѣ этого не придумала!

— Тѣмъ болѣе, что я и самъ хорошій знакомый исправнику, замѣтилъ Петръ Ильичъ, все еще стоя и видимо желая какъ-нибудь поскорѣе вырваться отъ стремительной дамы, которая никакъ не давала ему проститься съ ней и отправиться.

— И знаете, знаете, лепетала она, — придите сказать мнѣ, что тамъ увидите и узнаете... и что обнаружится... и какъ его рѣшатъ и куда осудятъ... Скажите, вѣдь у насъ нѣтъ смертной казни? Но непремѣнно придите, хоть въ три часа ночи, хоть въ четыре, даже въ половинѣ пятаго... Велите меня разбудить, растолкать, если вставать не буду... О, Боже, да я и не засну даже. Знаете, не поѣхать ли мнѣ самой съ вами?..

— Н-нѣтъ-съ, а вотъ если бы вы написали вашею рукой сейчасъ три строки, на всякій случай, о томъ, что денегъ Дмитрію Ѳедоровичу никакихъ не давали, то было бы, можетъ быть, не лишнее... на всякій случай...

— Непремѣнно! восторженно прыгнула къ своему бюро госпожа Хохлакова. — И знаете, вы меня поражаете, вы меня просто потрясаете вашею находчивостью и вашимъ умѣніемъ въ этихъ дѣлахъ... Вы здѣсь служите? Какъ это пріятно услышать, что вы здѣсь служите...

И, еще говоря это, она быстро начертала на полулистѣ почтовой бумаги три крупныя слѣдующія строчки:

„Никогда въ жизни моей я не давала взаймы несчастному Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову (такъ какъ онъ все же теперь несчастенъ) трехъ тысячъ рублей сегодня, да и никакихъ другихъ денегъ никогда, никогда! Въ томъ клянусь всѣмъ, что есть святого въ нашемъ мірѣ.

„Хохлакова“.

— Вотъ эта записка! быстро обернулась она къ Петру Ильичу. — Идите же, спасайте. Это великій подвигъ съ вашей стороны.

И она три раза его перекрестила. Она выбѣжала провожать его даже до передней.

— Какъ я вамъ благодарна! Вы не повѣрите, какъ я вамъ теперь благодарна за то, что вы зашли ко мнѣ, къ первой. Какъ это мы съ вами не встрѣчались? Мнѣ очень лестно бы было васъ принимать и впредь въ моемъ домѣ. И какъ это пріятно слышать, что вы здѣсь служите... и съ такою точностью, съ такою находчивостью... Но васъ они должны цѣнить, васъ должны, наконецъ, понять, и все что я бы могла для васъ сдѣлать, то повѣрьте... О, я такъ люблю молодежь! Я влюблена въ молодежь. Молодые люди—это основаніе всей теперешней страждущей нашей Россіи, вся надежда ея... О, идите, идите...

Но Петръ Ильичъ уже выбѣжалъ, а то бы она его такъ скоро не выпустила. Впрочемъ, госпожа Хохлакова произ-

вела на него довольно пріятное впечатлѣніе, даже нѣсколько смягчившее тревогу его о томъ, что онъ втянулся въ такое скверное дѣло. Вкусы бываютъ чрезвычайно многоразличны, это извѣстно. „И вовсе она не такая пожилая“, подумалъ онъ съ пріятностью,—„напротивъ, я бы принялъ ее за ея дочь“.

Что же до самой госпожи Хохлаковой, то она была просто очарована молодымъ человѣкомъ. „Столько умѣнья, столько аккуратности и въ такомъ молодомъ человѣкѣ въ наше время, и все это при такихъ манерахъ и наружности. Вотъ говорятъ про современныхъ молодыхъ людей, что они ничего не умѣютъ, вотъ вамъ примѣръ, и т. д., и т. д.“ Такъ что объ этомъ „ужасномъ происшествіи“ она просто даже позабыла, и только ужъ ложась въ постель и вдругъ вновь вспомнивъ о томъ, „какъ близка была отъ смерти“, она проговорила: „ахъ, это ужасно, ужасно!“ Но тотчасъ же заснула самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Я бы, впрочемъ, и не сталъ распространяться о такихъ мелочныхъ и эпизодныхъ подробностяхъ, если бы эта сейчасъ лишь описанная мною эксцентрическая встрѣча молодого чиновника съ вовсе не старою еще вдовицей не послужила впослѣдствіи основаніемъ всей жизненной карьеры этого точнаго и аккуратнаго молодого человѣка, о чемъ съ изумленіемъ вспоминаютъ до сихъ поръ въ нашемъ городкѣ и о чемъ, можетъ быть, и мы скажемъ особое словечко, когда заключимъ нашъ длинный разсказъ о братьяхъ Карамазовыхъ.

II.

Тревога.

Исправникъ нашъ Михаилъ Макаровичъ Макаровъ, отставной подполковникъ, переименованный въ надворные совѣтники, былъ человѣкъ вдовый и хорошій. Пожаловалъ же къ намъ всего назадъ лишь три года, но уже заслужилъ общее сочувствіе тѣмъ, главное, что „умѣлъ соединить общество“. Гости у него не переводились и, казалось, безъ нихъ онъ бы и самъ прожить не могъ. Непремѣнно кто-нибудь ежедневно у него обѣдалъ, хоть два, хоть одинъ только гость, но безъ гостей и за столъ не садились. Бывали и званые обѣды, подъ всякими, иногда даже неожиданными предлогами. Кушанье подавалось хоть и неизысканное, но обильное, кулебяки готовились превосходныя, а вина хоть и не блистали каче-

ствомъ, зато брали количествомъ. Во входной комнатѣ стоялъ бильярдъ съ весьма приличною обстановкой, то-есть даже съ изображеніями скаковыхъ, англійскихъ лошадей въ черныхъ рамкахъ по стѣнамъ, что̀, какъ извѣстно, составляетъ необходимое украшеніе всякой бильярдной у холостого человѣка. Каждый вечеръ играли въ карты, хотя бы на одномъ столикѣ. Но весьма часто собиралось и все лучшее общество нашего города, съ маменьками и дѣвицами, потанцовать. Михаилъ Макаровичъ хотя и вдовствовалъ, но жилъ семейно, имѣя при себѣ свою давно уже овдовѣвшую дочь, въ свою очередь мать двухъ дѣвицъ, внучекъ Михаилу Макаровичу. Дѣвицы были уже взрослыя и окончившія свое воспитаніе, наружности не непріятной, веселаго нрава, и, хотя всѣ знали, что за ними ничего не дадутъ, все-таки привлекавшія въ домъ дѣдушки нашу свѣтскую молодежь. Въ дѣлахъ Михаилъ Макаровичъ былъ не совсѣмъ далекъ, но должность свою исполнялъ не хуже многихъ другихъ. Если прямо сказать, то былъ онъ человѣкъ довольно-таки необразованный и даже безпечный въ ясномъ пониманіи предѣловъ своей административной власти. Иныхъ реформъ современнаго царствованія онъ не то что не могъ вполнѣ осмыслить, но понималъ ихъ съ нѣкоторыми, иногда весьма замѣтными ошибками и вовсе не по особенной какой-нибудь своей неспособности, а просто по безпечности своего характера, потому что все некогда было вникнуть. „Души я, господа, болѣе военной, чѣмъ гражданской“, выражался онъ самъ о себѣ. Даже о точныхъ основаніяхъ крестьянской реформы онъ все еще какъ бы не пріобрѣлъ окончательнаго и твердаго понятія, и узнавалъ о нихъ, такъ сказать, изъ года въ годъ, пріумножая свои знанія практически и невольно, а между тѣмъ самъ былъ помѣщикомъ. Петръ Ильичъ съ точностью зналъ, что въ этотъ вечеръ онъ непремѣнно у Михаила Макаровича встрѣтитъ кого-нибудь изъ гостей, но лишь не зналъ, кого именно. А между тѣмъ, какъ разъ у него сидѣли въ эту минуту за ералашемъ прокуроръ и нашъ земскій врачъ, Варвинскій, молодой человѣкъ, только что къ намъ прибывшій изъ Петербурга, одинъ изъ блистательно окончившихъ курсъ въ петербургской медицинской академіи. Прокуроръ же, то-есть товарищъ прокурора, но котораго у насъ всѣ звали прокуроромъ, Ипполитъ Кирилловичъ, былъ у насъ человѣкъ особенный, не старый, всего лишь лѣтъ тридцати пяти, но сильно наклонный

къ чахоткѣ, при семъ женатый на весьма толстой и бездѣтной дамѣ, самолюбивый и раздражительный, при весьма солидномъ, однако, умѣ и даже доброй душѣ. Кажется, вся бѣда его характера заключалась въ томъ, что думалъ онъ о себѣ нѣсколько выше, чѣмъ позволяли его истинныя достоинства. И вотъ почему онъ постоянно казался безпокойнымъ. Были въ немъ къ тому же нѣкоторыя высшія и художественныя даже поползновенія, напримѣръ, на психологичность, на особенное знаніе души человѣческой, на особенный даръ познаванія преступника и его преступленія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ себя нѣсколько обиженнымъ и обойденнымъ по службѣ и всегда увѣренъ былъ, что тамъ, въ высшихъ сферахъ, его не сумѣли оцѣнить и что у него есть враги. Въ мрачныя минуты грозился даже перебѣжать въ адвокаты по дѣламъ уголовнымъ. Неожиданное дѣло Карамазовыхъ объ отцеубійствѣ какъ бы встряхнуло его всего: „Дѣло такое, что всей Россіи могло стать извѣстно". Но это ужъ я говорю забѣгая впередъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, съ барышнями, сидѣлъ и нашъ молодой судебный слѣдователь, Николай Парѳеновичъ Нелюдовъ, всего два мѣсяца тому прибывшій къ намъ изъ Петербурга. Потомъ у насъ говорили и даже дивились тому, что всѣ эти лица какъ будто нарочно соединились въ вечеръ „преступленія" вмѣстѣ въ домѣ исполнительной власти. А между тѣмъ, дѣло было гораздо проще и произошло крайне естественно: у супруги Ипполита Кирилловича другой день какъ болѣли зубы и ему надо же было куда-нибудь убѣжать отъ ея стоновъ; врачъ же по существу своему не могъ быть вечеромъ нигдѣ иначе, какъ за картами. Николай же Парѳеновичъ Нелюдовъ даже еще за три дня разсчитывалъ прибыть въ этотъ вечеръ къ Михаилу Макаровичу, такъ сказать, нечаянно, чтобы вдругъ и коварно поразить его старшую дѣвицу, Ольгу Михайловну, тѣмъ, что ему извѣстенъ ея секретъ, что онъ знаетъ, что сегодня день ея рожденія и что она нарочно пожелала скрыть его отъ нашего общества, съ тѣмъ, чтобы не созывать городъ на танцы. Предстояло много смѣху и намековъ на ея лѣта, что она будто бы боится ихъ обнаружить, что теперь, такъ какъ онъ владѣтель ея секрета, то завтра же всѣмъ разскажетъ, и проч., и проч. Милый, молоденькій человѣкъ былъ на этотъ счетъ большой шалунъ, его такъ и прозвали у насъ дамы

шалуномъ, и ему, кажется, это очень нравилось. Впрочемъ, онъ былъ весьма хорошаго общества, хорошей фамиліи, хорошаго воспитанія и хорошихъ чувствъ, и хотя жуиръ, но весьма невинный и всегда приличный. Съ виду онъ былъ маленькаго роста, слабаго и нѣжнаго сложенія. На тоненькихъ и блѣдненькихъ пальчикахъ его всегда сверкали нѣсколько чрезвычайно крупныхъ перстней. Когда же исполнялъ свою должность, то становился необыкновенно важенъ, какъ бы до святыни понимая свое значеніе и свои обязанности. Особенно умѣлъ онъ озадачивать при допросахъ убійцъ и прочихъ злодѣевъ изъ простонародья и дѣйствительно возбуждалъ въ нихъ если не уваженіе къ себѣ, то все же нѣкоторое удивленіе.

Петръ Ильичъ, войдя къ исправнику, былъ просто ошеломленъ: онъ вдругъ увидалъ, что тамъ все уже знаютъ. Дѣйствительно, карты бросили, всѣ стояли и разсуждали и даже Николай Парѳеновичъ прибѣжалъ отъ барышень и имѣлъ самый боевой и стремительный видъ. Петра Ильича встрѣтило ошеломляющее извѣстіе, что старикъ Ѳедоръ Павловичъ дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ убитъ въ этотъ вечеръ въ своемъ домѣ, убитъ и ограбленъ. Узналось же это только сейчасъ предъ тѣмъ слѣдующимъ образомъ.

Марѳа Игнатьевна, супруга поверженнаго у забора Григорія, хотя и спала крѣпкимъ сномъ на своей постели и могла бы такъ проспать еще до утра, вдругъ, однакоже, пробудилась. Способствовалъ тому страшный эпилептическій вопль Смердякова, лежавшаго въ сосѣдней комнаткѣ безъ сознанія,—тотъ вопль, которымъ всегда начинались его припадки падучей и которые всегда, во всю жизнь, страшно пугали Марѳу Игнатьевну и дѣйствовали на нее болѣзненно. Не могла она къ нимъ никогда привыкнуть. Съ просонья она вскочила и почти безъ памяти бросилась въ каморку къ Смердякову. Но тамъ было темно; слышно было только, что больной началъ страшно храпѣть и биться. Тутъ Марѳа Игнатьевна закричала сама и начала было звать мужа, но вдругъ сообразила, что вѣдь Григорія-то на кровати, когда она вставала, какъ бы и не было. Она подбѣжала къ кровати и ощупала ее вновь, но кровать была въ самомъ дѣлѣ пуста. Стало-быть, онъ ушелъ, куда же? Она выбѣжала на крылечко и робко позвала его съ крыльца. Отвѣта, конечно, не получила, но зато услышала среди ночной тишины откуда-то, какъ бы далеко

изъ сада, какіе-то стоны. Она прислушалась: стоны повторились опять, и ясно стало, что они въ самомъ дѣлѣ изъ саду. „Господи, словно какъ тогда Лизавета Смердящая!“ пронеслось въ ея разстроенной головѣ. Робко сошла она со ступенекъ и разглядѣла, что калитка въ садъ отворена: „Вѣрно онъ, сердечный, тамъ“, подумала она, подошла къ калиткѣ и вдругъ явственно услышала, что ее зоветъ Григорій, кличетъ: „Мареа, Мареа!“ слабымъ, стенящимъ, страшнымъ голосомъ. „Господи, сохрани насъ отъ бѣды“, прошептала Мареа Игнатьевна и бросилась на зовъ, и вотъ такимъ-то образомъ и нашла Григорія. Но нашла не у забора, не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поверженъ, а шаговъ уже за двадцать отъ забора. Потомъ оказалось, что, очнувшись, онъ поползъ и, вѣроятно, ползъ долго, теряя по нѣскольку разъ сознаніе и вновь впадая въ безпамятство. Она тотчасъ замѣтила, что онъ весь въ крови, и тутъ ужъ закричала благимъ матомъ. Григорій же лепеталъ тихо и безсвязно: „убилъ... отца убилъ... чего кричишь, дура... бѣги, зови...“ Но Мареа Игнатьевна не унималась и все кричала и вдругъ, завидѣвъ, что у барина отворено окно и въ окнѣ свѣтъ, побѣжала къ нему и начала звать Ѳедора Павловича. Но, взглянувъ въ окно, увидала страшное зрѣлище: баринъ лежалъ навзничь на полу, безъ движенія. Свѣтлый халатъ и бѣлая рубашка на груди были залиты кровью. Свѣчка на столѣ ярко освѣщала кровь и неподвижное, мертвое лицо Ѳедора Павловича. Тутъ ужъ въ послѣдней степени ужаса Мареа Игнатьевна бросилась отъ окна, выбѣжала изъ сада, отворила воротный запоръ и побѣжала, сломя голову, на зады, къ сосѣдкѣ Марьѣ Кондратьевнѣ. Обѣ сосѣдки, мать и дочь, тогда уже започивали, но на усиленный и неистовый стукъ въ ставни и крики Мареы Игнатьевны проснулись и подскочили къ окну. Мареа Игнатьевна безсвязно, визжа и крича, передала, однако, главное и звала на помощь. Какъ разъ въ эту ночь заночевалъ у нихъ скитающійся Ѳома. Мигомъ подняли его и всѣ трое побѣжали на мѣсто преступленія. Дорогою Марья Кондратьевна успѣла припомнить, что давеча, въ девятомъ часу, слышала страшный и пронзительный вопль на всю окрестность изъ ихъ сада — и это именно былъ, конечно, тотъ самый крикъ Григорія, когда онъ, вцѣпившись руками въ ногу сидѣвшаго уже на заборѣ Дмитрія Ѳедоровича, прокричалъ: „Отцеубивецъ!“ „Завопилъ кто-то одинъ и

вдругъ пересталъ", показывала, бѣжа, Марья Кондратьевна. Прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ лежалъ Григорій, обѣ женщины съ помощью Ѳомы перенесли его во флигель. Зажгли огонь и увидали, что Смердяковъ все еще не унимается и бьется въ своей каморкѣ, скосилъ глаза, а съ губъ его текла пѣна. Голову Григорія обмыли водой съ уксусомъ и отъ воды онъ совсѣмъ уже опамятовался и тотчасъ спросилъ: „убитъ аль нѣтъ баринъ?" Обѣ женщины и Ѳома пошли тогда къ барину и, войдя въ садъ, увидали на этотъ разъ, что не только окно, но и дверь изъ дома въ садъ стояла настежь отпертою, тогда какъ баринъ на-крѣпко запирался самъ съ вечера каждую ночь вотъ уже всю недѣлю и даже Григорію ни подъ какимъ видомъ не позволялъ стучать къ себѣ. Увидавъ отворенную эту дверь, всѣ они тотчасъ же, обѣ женщины и Ѳома, забоялись идти къ барину, „чтобы не вышло чего потомъ". А Григорій, когда воротились онѣ, велѣлъ тотчасъ же бѣжать къ самому исправнику. Тутъ-то Марья Кондратьевна и побѣжала и всполошила всѣхъ у исправника. Прибытіе же Петра Ильича упредила всего только пятью минутами, такъ что тотъ явился уже не съ однѣми своими догадками и заключеніями, а какъ очевидный свидѣтель, еще болѣе разсказомъ своимъ подтвердившій общую догадку о томъ, кто преступникъ (чему, впрочемъ, онъ въ глубинѣ души, до самой этой послѣдней минуты, все еще отказывался вѣрить).

Рѣшили дѣйствовать энергически. Помощнику городового пристава тотчасъ же поручили набрать штукъ до четырехъ понятыхъ и по всѣмъ правиламъ, которыхъ уже я здѣсь не описываю, проникли въ домъ Ѳедора Павловича и слѣдствіе произвели на мѣстѣ. Земскій врачъ, человѣкъ горячій и новый, самъ почти напросился сопровождать исправника, прокурора и слѣдователя. Намѣчу лишь вкратцѣ: Ѳедоръ Павловичъ оказался убитымъ вполнѣ, съ проломленною головой, но чѣмъ? вѣроятнѣе всего тѣмъ же самымъ оружіемъ, которымъ пораженъ былъ потомъ и Григорій. И вотъ какъ разъ отыскали и оружіе, выслушавъ отъ Григорія, которому подана была возможная медицинская помощь, довольно связный, хотя слабымъ и прерывающимся голосомъ переданный разсказъ о томъ, какъ онъ былъ поверженъ. Стали искать съ фонаремъ у забора и нашли брошенный прямо на садовую дорожку, на самомъ виду, мѣдный пестикъ. Въ комнатѣ, въ кото-

рой лежалъ Ѳедоръ Павловичъ, никакого особеннаго безпорядка не замѣтили, но за ширмами, у кровати его, подняли съ полу большой, изъ толстой бумаги, канцелярскихъ размѣровъ конвертъ съ надписью: „Гостинчикъ въ три тысячи рублей ангелу моему Грушенькѣ, если захочетъ придти“, а внизу было приписано, вѣроятно, уже потомъ, самимъ Ѳедоромъ Павловичемъ: „и цыпленочку“. На конвертѣ были три большія печати краснаго сургуча, но конвертъ былъ уже разорванъ и пустъ: деньги были унесены. Нашли на полу и тоненькую розовую ленточку, которою былъ обвязанъ конвертъ. Въ показаніяхъ Петра Ильича, одно обстоятельство, между прочимъ, произвело чрезвычайное впечатлѣніе на прокурора и слѣдователя, а именно: догадка о томъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ непремѣнно къ разсвѣту застрѣлится, что онъ самъ порѣшилъ это, самъ говорилъ объ этомъ Петру Ильичу, пистолетъ зарядилъ при немъ, записочку написалъ, въ карманъ положилъ и проч., и проч. Когда же-де Петръ Ильичъ, все еще не хотѣвшій вѣрить ему, пригрозилъ, что онъ пойдетъ и кому-нибудь разскажетъ, чтобы пресѣчь самоубійство, то самъ-де Митя, осклабляясь, отвѣтилъ ему: „не успѣешь“. Стало быть, надо было спѣшить на мѣсто, въ Мокрое, чтобы накрыть преступника прежде, чѣмъ онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ бы застрѣлиться. „Это ясно, это ясно!“ повторялъ прокуроръ въ чрезвычайномъ возбужденіи, „это точь-въ-точь у подобныхъ сорванцовъ такъ и дѣлается: завтра убью себя, а предъ смертью кутежъ“. Исторія, какъ онъ забралъ въ лавкѣ вина и товару, только разгорячила еще больше прокурора. „Помните того парня, господа, что̀ убилъ купца Олсуфьева, ограбилъ на полторы тысячи и тотчасъ же пошелъ, завился, а потомъ, не припрятавъ даже хорошенько денегъ, тоже почти въ рукахъ неся, отправился къ дѣвицамъ“. Задерживало, однако, всѣхъ слѣдствіе, обыскъ въ домѣ Ѳедора Павловича, формы и проч. Все это требовало времени, а потому и отправили часа за два прежде себя въ Мокрое станового Маврикія Маврикіевича Шмерцова, какъ разъ наканунѣ поутру прибывшаго въ городъ за жалованьемъ. Маврикію Маврикіевичу дали инструкцію: прибывъ въ Мокрое и, не поднимая никакой тревоги, слѣдить за „преступникомъ“ неустанно до прибытія надлежащихъ властей, равно какъ изготовить понятыхъ, сотскихъ и проч., и проч. Такъ Маврикій Маврикіевичъ и поступилъ, со-

хранилъ incognito и лишь одного только Трифона Борисовича, стараго своего знакомаго, отчасти лишь посвятилъ въ тайну дѣла. Время это именно совпадало съ тѣмъ, когда Митя встрѣтилъ въ темнотѣ на галлерейкѣ разыскивавшаго его хозяина, при чемъ тутъ же замѣтилъ, что у Трифона Борисовича какая-то въ лицѣ и въ рѣчахъ вдругъ перемѣна. Такимъ образомъ ни Митя и никто не знали, что за ними наблюдаютъ; ящикъ же его съ пистолетами былъ давно уже похищенъ Трифономъ Борисовичемъ и припрятанъ въ укромное мѣсто. И только уже въ пятомъ часу утра, почти на разсвѣтѣ, прибыло все начальство, исправникъ, прокуроръ и слѣдователь въ двухъ экипажахъ и на двухъ тройкахъ. Докторъ же остался въ домѣ Ѳедора Павловича, имѣя въ предметѣ сдѣлать на утро вскрытіе трупа убитаго, но, главное, заинтересовался именно состояніемъ больного слуги Смердякова: „Такіе ожесточенные и такіе длинные припадки падучей, повторяющіеся безпрерывно въ теченіе двухъ сутокъ, рѣдко встрѣтишь и это принадлежитъ наукѣ“, проговорилъ онъ въ возбужденіи отъѣзжавшимъ своимъ партнерамъ, и тѣ его поздравили, смѣясь, съ находкой. При семъ прокуроръ и слѣдователь очень хорошо запомнили, что докторъ прибавилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Смердяковъ до утра не доживетъ.

Теперь, послѣ долгаго, но, кажется, необходимаго объясненія, мы возвратились именно къ тому моменту нашего разсказа, на которомъ остановили его въ предыдущей книгѣ.

III.

Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое.

Итакъ Митя сидѣлъ и дикимъ взглядомъ озиралъ присутствующихъ, не понимая, что̀ ему говорятъ. Вдругъ онъ поднялся, вскинулъ вверхъ руки и громко прокричалъ:

— Не повиненъ! Въ этой крови не повиненъ! Въ крови отца моего не повиненъ... Хотѣлъ убить, но не повиненъ! Не я!

Но только что онъ успѣлъ прокричать это, какъ изъ-за занавѣсокъ выскочила Грушенька и такъ и рухнулась исправнику прямо въ ноги.

— Это я, я, окаянная, я виновата! прокричала она раздирающимъ душу воплемъ, вся въ слезахъ, простирая ко

всѣмъ руки,—это изъ-за меня онъ убилъ! Это я его измучила и до того довела. Я и того старичка-покойничка бѣднаго измучила, со злобы моей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая!

— Да, ты виноватая! Ты главная преступница! Ты неистовая, ты развратная, ты главная виноватая, завопилъ, грозя ей рукой, исправникъ.

Но тутъ ужъ его быстро и рѣшительно уняли. Прокуроръ даже обхватилъ его руками.

— Это ужъ совсѣмъ безпорядокъ будетъ, Михаилъ Макаровичъ, вскричалъ онъ, — вы положительно мѣшаете слѣдствію... дѣло портите... почти задыхался онъ.

— Мѣры принять, мѣры принять, мѣры принять! страшно закипятился и Николай Парѳеновичъ,—иначе положительно невозможно!..

— Вмѣстѣ судите насъ! продолжала изступленно восклицать Грушенька, все еще на колѣняхъ,—вмѣстѣ казните насъ, пойду съ нимъ теперь хоть на смертную казнь!

— Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! бросился подлѣ нея на колѣни и Митя и крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ.—Не вѣрьте ей, кричалъ онъ,—не виновата она ни въ чемъ, ни въ какой крови и ни въ чемъ!

Онъ помнилъ потомъ, что его оттащили отъ нея силой нѣсколько человѣкъ, а что ее вдругъ увели, и что опамятовался онъ уже сидя за столомъ. Подлѣ и сзади него стояли люди съ бляхами. Напротивъ него, черезъ столъ, на диванѣ сидѣлъ Николай Парѳеновичъ, судебный слѣдователь, и все уговаривалъ его отпить изъ стоявшаго на столѣ стакана немного воды: „Это освѣжитъ васъ, это васъ успокоитъ, не бойтесь, не безпокойтесь“, прибавлялъ онъ чрезвычайно вѣжливо. Митѣ же вдругъ, онъ помнилъ это, ужасно любопытны стали его большіе перстни, одинъ аметистовый, а другой какой-то ярко-желтый, прозрачный и такого прекраснаго блеска. И долго еще онъ потомъ съ удивленіемъ вспоминалъ, что эти перстни привлекали его взглядъ неотразимо даже во все время этихъ страшныхъ часовъ допроса, такъ что онъ почему-то все не могъ отъ нихъ оторваться и ихъ забыть, какъ совершенно неподходящую къ его положенію вещь. Налѣво, сбоку отъ Мити, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ въ началѣ вечера Максимовъ, усѣлся теперь прокуроръ, а по правую руку Мити, на мѣстѣ, гдѣ была тогда Грушенька, расположился одинъ румяный молодой человѣкъ, въ какомъ-то охотни-

чьемъ какъ бы пиджакѣ и весьма поношенномъ, предъ которымъ очутилась чернильница и бумага. Оказалось, что это былъ письмоводитель слѣдователя, котораго привезъ тотъ съ собою. Исправникъ же стоялъ теперь у окна, въ другомъ концѣ комнаты, подлѣ Калганова, который тоже усѣлся на стулѣ у того же окна.

— Выпейте воды! мягко повторилъ въ десятый разъ слѣдователь.

— Выпилъ, господа, выпилъ... но... что̀ жъ, господа, давите, казните, рѣшайте судьбу! воскликнулъ Митя со страшно неподвижнымъ, выпучившимся взглядомъ на слѣдователя.

— Итакъ, вы положительно утверждаете, что въ смерти отца вашего, Ѳедора Павловича, вы не виновны? мягко, но настойчиво спросилъ слѣдователь.

— Невиновенъ! Виновенъ въ другой крови, въ крови другого старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убилъ, убилъ старика, убилъ и повергъ... Но тяжело отвѣчать за эту кровь другою кровью, страшною кровью, въ которой не повиненъ... Страшное обвиненіе, господа, точно по лбу огорошили! Но кто же убилъ отца, кто же убилъ? Кто же могъ убить если не я? Чудо, нелѣпость, невозможность!..

— Да, вотъ кто могъ убить... началъ было слѣдователь, но прокуроръ Ипполитъ Кирилловичъ (товарищъ прокурора, но и мы будемъ его называть для краткости прокуроромъ), переглянувшись со слѣдователемъ, произнесъ, обращаясь къ Митѣ:

— Вы напрасно безпокоитесь за старика, слугу Григорія Васильева. Узнайте, что онъ живъ, очнулся и, несмотря на тяжкіе побои, причиненные ему вами, по его и вашему теперь показанію, кажется, останется живъ несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, по отзыву доктора.

— Живъ? Такъ онъ живъ! завопилъ вдругъ Митя, всплеснувъ руками. Все лицо его просіяло.—Господи, благодарю Тебя за величайшее чудо, содѣянное Тобою мнѣ, грѣшному и злодѣю, по молитвѣ моей!.. Да, да, это по молитвѣ моей, я молился всю ночь!..

И онъ три раза перекрестился. Онъ почти задыхался.

— Такъ вотъ отъ этого-то самаго Григорія мы и получили столь значительныя показанія на вашъ счетъ, что... сталъ было продолжать прокуроръ.

Но Митя вдругъ вскочилъ со стула.

— Одну минуту, господа, ради Бога, одну лишь минутку; я сбѣгаю къ ней...

— Позвольте! Въ эту минуту никакъ нельзя! даже чуть не взвизгнулъ Николай Парѳеновичъ и тоже вскочилъ на ноги. Митю обхватили люди съ бляхами на груди, впрочемъ, онъ и самъ сѣлъ на стулъ...

— Господа, какъ жаль! Я хотѣлъ къ ней на одно лишь мгновеніе... хотѣлъ возвѣстить ей, что смыта, исчезла эта кровь, которая всю ночь сосала мнѣ сердце, и что я уже не убійца! Господа, вѣдь она невѣста моя! восторженно и благоговѣйно проговорилъ онъ вдругъ, обводя всѣхъ глазами.—О, благодарю васъ, господа! О, какъ вы возродили, какъ вы воскресили меня въ одно мгновеніе!.. Этотъ старикъ—вѣдь онъ носилъ меня на рукахъ, господа, мылъ меня въ корытѣ, когда меня, трехлѣтняго ребенка, всѣ покинули, былъ отцомъ роднымъ!..

— Итакъ, вы... началъ было слѣдователь.

— Позвольте, господа, позвольте еще одну минутку, прервалъ Митя, поставивъ оба локтя на столъ и закрывъ лицо ладонями,—дайте же чуточку сообразиться, дайте вздохнуть, господа. Все это ужасно потрясаетъ, ужасно, не барабанная же шкура человѣкъ, господа!

— Вы бы опять водицы... пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

Митя отнялъ отъ лица руки и разсмѣялся. Взглядъ его былъ бодръ, онъ весь какъ бы измѣнился въ одно мгновеніе. Измѣнился и весь тонъ его: это сидѣлъ уже опять равный всѣмъ этимъ людямъ человѣкъ, всѣмъ этимъ прежнимъ знакомымъ его, вотъ точно такъ, какъ если бы всѣ они сошлись вчера, когда еще ничего не случилось, гдѣ-нибудь въ свѣтскомъ обществѣ. Замѣтимъ, однако, кстати, что у исправника Митя, въ началѣ его прибытія къ намъ, былъ принятъ радушно, но потомъ, въ послѣдній мѣсяцъ особенно, Митя почти не посѣщалъ его, а исправникъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, напримѣръ, сильно хмурился и только лишь изъ вѣжливости отдавалъ поклонъ, что очень хорошо запримѣтилъ Митя. Съ прокуроромъ былъ знакомъ еще отдаленнѣе, но къ супругѣ прокурора, нервной и фантастической дамѣ, иногда хаживалъ съ самыми почтительными, однако, визитами, и даже самъ не совсѣмъ понимая, зачѣмъ къ ней ходитъ, и она всегда ласково его принимала, почему-то интересуясь имъ до самаго послѣдняго времени. Со слѣдовате-

лемъ же познакомиться еще не успѣлъ, но, однако, встрѣчалъ и его и даже говорилъ съ нимъ разъ или два, оба раза о женскомъ полѣ.

— Вы, Николай Пароенычъ, искуснѣйшій, какъ я вижу, слѣдователь, весело разсмѣялся вдругъ Митя,—но я вамъ теперь самъ помогу. О, господа, я воскрешенъ... и не претендуйте на меня, что я такъ запросто и такъ прямо къ вамъ обращаюсь. Къ тому же я немного пьянъ, я это вамъ скажу откровенно. Я, кажется, имѣлъ честь... честь и удовольствіе встрѣчать васъ, Николай Пароенычъ, у родственника моего Міусова... Господа, господа, я не претендую на равенство, я вѣдь понимаю же кто я такой теперь передъ вами сижу. На мнѣ лежитъ... если только показанія на меня далъ Григорій... то лежитъ,—о, конечно, ужъ лежитъ—страшное подозрѣніе! Ужасъ, ужасъ—я вѣдь понимаю же это! Но къ дѣлу, господа, я готовъ и мы это въ одинъ мигъ теперь и покончимъ, потому что, послушайте, послушайте, господа. Вѣдь если я знаю, что я не виновенъ, то ужъ, конечно, въ одинъ мигъ покончимъ! Такъ ли? Такъ ли?

Митя говорилъ скоро и много, нервно и экспансивно и какъ бы рѣшительно принимая своихъ слушателей за лучшихъ друзей своихъ.

— Итакъ, мы пока запишемъ, что вы отвергаете взводимое на васъ обвиненіе радикально, внушительно проговорилъ Николай Пароеновичъ и, повернувшись къ писарю, вполголоса продиктовалъ ему что надо записать.

— Записывать? Вы хотите это записывать? Что жъ, записывайте, я согласенъ, даю полное мое согласіе, господа... Только видите... Стойте, стойте, запишите такъ: „Въ буйствѣ онъ виновенъ, въ тяжкихъ побояхъ, нанесенныхъ бѣдному старику, виновенъ. Ну, тамъ еще про себя, внутри, въ глубинѣ сердца своего виновенъ,—но это ужъ не надо писать (повернулся онъ вдругъ къ писарю), это уже моя частная жизнь, господа, это уже васъ не касается, эти глубины-то сердца, то-есть... Но въ убійствѣ старика отца—не виновенъ! Это дикая мысль! Это совершенно дикая мысль!.. Я вамъ докажу и вы убѣдитесь мгновенно. Вы будете смѣяться, господа, сами будете хохотать надъ вашимъ подозрѣніемъ!...

— Успокойтесь, Дмитрій Ѳедоровичъ, напомнилъ слѣдователь, какъ бы видимо желая побѣдить изступленнаго своимъ спокойствіемъ.—Прежде чѣмъ будемъ продолжать

допросъ, я бы желалъ, если вы только согласитесь отвѣтить, слышать отъ васъ подтвержденіе того факта, что, кажется, вы не любили покойнаго Ѳедора Павловича, были съ нимъ въ какой-то постоянной ссорѣ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа назадъ, вы, кажется, изволили произнести, что даже хотѣли убить его. „Не убилъ, воскликнули вы, но хотѣлъ убить!“

— Я это воскликнулъ? Охъ, это можетъ быть, господа! Да, къ несчастію, я хотѣлъ убить его, много разъ хотѣлъ... къ несчастію, къ несчастію!

— Хотѣли. Не согласитесь ли вы объяснить, какіе собственно принципы руководствовали васъ въ такой ненависти къ личности вашего родителя?

— Что жъ объяснять, господа! угрюмо вскинулъ плечами Митя, потупясь.—Я вѣдь не скрывалъ моихъ чувствъ, весь городъ объ этомъ знаетъ,—знаютъ всѣ въ трактирѣ. Еще недавно въ монастырѣ заявилъ въ кельѣ старца Зосимы... Въ тотъ же день, вечеромъ, билъ и чуть не убилъ отца и поклялся, что опять приду и убью, при свидѣтеляхъ... О, тысяча свидѣтелей! Весь мѣсяцъ кричалъ, всѣ свидѣтели!.. Фактъ на лицо, фактъ говоритъ, кричитъ, но—чувства, господа, чувства, это ужъ другое. Видите, господа (нахмурился Митя), мнѣ кажется, что про чувства вы не имѣете права меня спрашивать. Вы хоть и облечены, я понимаю это, но это дѣло мое, мое внутреннее дѣло, интимное, но... такъ какъ я уже не скрывалъ моихъ чувствъ прежде... въ трактирѣ, напримѣръ, и говорилъ всѣмъ и каждому, то... то не сдѣлаю и теперь изъ этого тайны... Видите, господа, я вѣдь понимаю, что въ этомъ случаѣ на меня улики страшныя: всѣмъ говорилъ, что его убью, а вдругъ его и убили: какъ же не я въ такомъ случаѣ? Ха-ха! Я васъ извиняю, господа, вполнѣ извиняю. Я вѣдь и самъ пораженъ до эпидермы, потому что кто жъ его убилъ, наконецъ, въ такомъ случаѣ, если не я? Вѣдь не правда ли? Если не я, такъ кто же, кто же? Господа,—вдругъ воскликнулъ онъ,—я хочу знать, я даже требую отъ васъ, господа: гдѣ онъ убитъ? Какъ онъ убитъ, чѣмъ и какъ? Скажите мнѣ, быстро спросилъ онъ, обводя прокурора и слѣдователя глазами.

— Мы нашли его лежащимъ на полу, навзничь, въ своемъ кабинетѣ, съ проломленною головой, проговорилъ прокуроръ.

— Страшно это, господа! вздрогнулъ вдругъ Митя и, облокотившись на столъ, закрылъ лицо правою рукой.

— Мы будемъ продолжать, прервалъ Николай Парѳеновичъ.—Итакъ, что же тогда руководило васъ въ вашихъ чувствахъ ненависти? Вы, кажется, заявляли публично, что чувство ревности?

— Ну да, ревность, и не одна только ревность.

— Споры изъ-за денегъ?

— Ну да, и изъ-за денегъ.

— Кажется, споръ былъ въ трехъ тысячахъ, будто бы не доданныхъ вамъ по наслѣдству.

— Какое трехъ! Больше, больше, вскинулся Митя,— больше шести, больше десяти, можетъ быть. Я всѣмъ говорилъ, всѣмъ кричалъ! Но я рѣшился ужъ, такъ и быть, помириться на трехъ тысячахъ. Мнѣ до зарѣзу нужны были эти три тысячи... такъ что тотъ пакетъ съ тремя тысячами, который, я зналъ, у него подъ подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считалъ рѣшительно какъ бы у меня украденнымъ, вотъ что, господа, считалъ своимъ, все равно какъ моею собственностью...

Прокуроръ значительно переглянулся со слѣдователемъ и успѣлъ незамѣтно мигнуть ему.

— Мы къ этому предмету еще возвратимся, проговорилъ тотчасъ слѣдователь,—вы же позволите намъ теперь отмѣтить и записать именно этотъ пунктикъ: что вы считали эти деньги, въ томъ конвертѣ, какъ бы за свою собственность.

— Пишите, господа, я вѣдь понимаю же, что это опять-таки на меня улика, но я не боюсь уликъ и самъ говорю на себя. Слышите, самъ! Видите, господа, вы, кажется, принимаете меня совсѣмъ за иного человѣка, чѣмъ я есть, прибавилъ онъ вдругъ мрачно и грустно.—Съ вами говоритъ благородный человѣкъ, благороднѣйшее лицо, главное—этого не упускайте изъ виду—человѣкъ надѣлавшій бездну подлостей, но всегда бывшій и остававшійся благороднѣйшимъ существомъ, какъ существо, внутри, въ глубинѣ, ну, однимъ словомъ, я не умѣю выразиться... Именно тѣмъ-то и мучился всю жизнь, что жаждалъ благородства, былъ, такъ сказать, страдальцемъ благородства и искателемъ его съ фонаремъ, съ Діогеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ всю жизнь дѣлалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа... то-есть, какъ я одинъ, господа, не всѣ, а я одинъ, я ошибся, одинъ, одинъ!.. Господа, у меня голова болитъ,—страдальчески поморщился онъ,— видите, господа, мнѣ не нравилась его наружность, что-то

безчестное, похвальба и попираніе всякой святыни, насмѣшка и безвѣріе, гадко, гадко! Но теперь, когда ужъ онъ умеръ, я думаю иначе.

— Какъ это иначе?

— Не иначе, но я жалѣю, что такъ его ненавидѣлъ.

— Чувствуете раскаяніе?

— Нѣтъ, не то чтобы раскаяніе, этого не записывайте. Самъ-то я не хорошъ, господа, вотъ что̀, самъ-то я не очень красивъ, а потому права не имѣлъ и его считать отвратительнымъ, вотъ что̀! Это, пожалуй, запишите.

Проговоривъ это, Митя сталъ вдругъ чрезвычайно грустенъ. Уже давно, постепенно съ отвѣтами на вопросы слѣдователя, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. И вдругъ какъ разъ въ это мгновеніе разразилась опять неожиданная сцена. Дѣло въ томъ, что Грушеньку хоть давеча и удалили, но увели не очень далеко, всего только въ третью комнату отъ той голубой комнаты, въ которой происходилъ теперь допросъ. Это была маленькая комнатка въ одно окно, сейчасъ за тою большою комнатой, въ которой ночью танцовали и шелъ пиръ горой. Тамъ сидѣла она, а съ ней пока одинъ только Максимовъ, ужасно пораженный, ужасно струсившій и къ ней прилѣпившійся, какъ бы ища около нея спасенія. У ихней двери стоялъ какой-то мужикъ съ бляхой на груди. Грушенька плакала, и вотъ вдругъ, когда горе ужъ слишкомъ подступило къ душѣ ея, она вскочила, всплеснула руками и, прокричавъ громкимъ воплемъ: „горе мое, горе!“ бросилась вонъ изъ комнаты къ нему, къ своему Митѣ, и такъ неожиданно, что ее никто не успѣлъ остановить. Митя же, заслышавъ вопль ея, такъ и задрожалъ, вскочилъ, завопилъ и стремглавъ бросился къ ней навстрѣчу, какъ бы не помня себя. Но имъ опять сойтись не дали, хотя они уже увидѣли другъ друга. Его крѣпко схватили за руки: онъ бился, рвался, понадобилось троихъ или четверыхъ, чтобы удержать его. Схватили и ее, и онъ видѣлъ, какъ она съ крикомъ простирала къ нему руки, когда ее увлекали. Когда кончилась сцена, онъ опомнился опять на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, противъ слѣдователя, и выкрикивалъ, обращаясь къ нимъ:

— Что̀ вамъ въ ней? Зачѣмъ вы ее мучаете? Она невинна, невинна!..

Его уговаривали прокуроръ и слѣдователь. Такъ прошло нѣкоторое время, минутъ десять; наконецъ, въ ком-

нату поспѣшно вошелъ отлучившійся было Михаилъ Макаровичъ, и громко, въ возбужденіи, проговорилъ прокурору:

— Она удалена, она внизу, не позволите ли мнѣ сказать, господа, всего одно слово этому несчастному человѣку? При васъ, господа, при васъ!

— Сдѣлайте милость, Михаилъ Макаровичъ, отвѣтилъ слѣдователь,—въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ ничего сказать противъ.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, слушай, батюшка, началъ, обращаясь къ Митѣ, Михаилъ Макаровичъ, и все взволнованное лицо его выражало горячее, отеческое почти состраданіе къ несчастному,—я твою Аграфену Александровну отвелъ внизъ самъ и передалъ хозяйскимъ дочерямъ и съ ней тамъ теперь безотлучно этотъ старичокъ Максимовъ, и я ее уговорилъ, слышь ты? уговорилъ и успокоилъ, внушилъ, что тебѣ надо же оправдаться, такъ чтобъ она не мѣшала, чтобъ не нагоняла на тебя тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправильно показать, понимаешь? Ну, однимъ словомъ, говорилъ и она поняла. Она, братъ, умница, она добрая, она руки у меня, стараго, полѣзла было цѣловать, за тебя просила. Сама послала меня сюда сказать тебѣ, чтобъ ты за нее былъ спокоенъ, да и надо, голубчикъ, надо, чтобъ я пошелъ и сказалъ ей, что ты спокоенъ и за нее утѣшенъ. И такъ успокойся, пойми ты это. Я предъ ней виноватъ, она христіанская душа, да, господа, это кроткая душа и ни въ чемъ неповинная. Такъ какъ же ей сказать, Дмитрій Ѳедоровичъ, будешь сидѣть спокоенъ аль нѣтъ?

Добрякъ наговорилъ много лишняго, но горе Грушеньки, горе человѣческое, проникло въ его добрую душу и даже слезы стояли на глазахъ его. Митя вскочилъ и бросился къ нему.

— Простите, господа, позвольте, о, позвольте! вскричалъ онъ, — ангельская, ангельская вы душа, Михаилъ Макаровичъ, благодарю за нее! Буду, буду спокоенъ, веселъ буду, передайте ей по безмѣрной добротѣ души вашей, что я веселъ, веселъ, смѣяться даже начну сейчасъ, зная, что съ ней такой ангелъ-хранитель, какъ вы. Сейчасъ все покончу и только что освобожусь, сейчасъ и къ ней, она увидитъ, пусть ждетъ! Господа,—оборотился онъ вдругъ къ прокурору и слѣдователю, — теперь всю вамъ душу мою открою, всю изолью, мы это мигомъ покончимъ,

весело покончимъ—подъ конецъ вѣдь будемъ же смѣяться, будемъ? Но, господа, эта женщина — царица души моей! О, позвольте мнѣ это сказать, это-то я ужъ вамъ открою... Я вѣдь вижу же, что я съ благороднѣйшими людьми: это свѣтъ, это святыня моя, и если бъ вы только знали! Слышали ея крики: „съ тобой хоть на казнь!“ А что я ей далъ, я, нищій, голякъ, за что такая любовь ко мнѣ, стою ли я, неуклюжая, позорная тварь и съ позорнымъ лицомъ, такой любви, чтобъ со мной ей въ каторгу идти? За меня въ ногахъ у васъ давеча валялась, она, гордая и ни въ чемъ не повинная! Какъ же мнѣ не обожать ея, не вопить, не стремиться къ ней, какъ сейчасъ? О, господа, просите! Но, теперь, теперь я утѣшенъ!

И онъ упалъ на стулъ и, закрывъ обѣими ладонями лицо, навзрыдъ заплакалъ. Но это были уже счастливыя слезы. Онъ мигомъ опомнился. Старикъ-исправникъ былъ очень доволенъ, да, кажется, и юристы тоже: они почувствовали, что допросъ вступитъ сейчасъ въ новый фазисъ. Проводивъ исправника, Митя просто повеселѣлъ.

— Ну, господа, теперь вашъ, вашъ вполнѣ. И... Если бъ только не всѣ эти мелочи, то мы бы сейчасъ же и сговорились. Я опять про мелочи. Я вашъ, господа, но, клянусь, нужно взаимное довѣріе, — ваше ко мнѣ и мое къ вамъ,—иначе мы никогда не покончимъ. Для васъ же говорю. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу, и, главное, не ройтесь вы такъ въ душѣ моей, не терзайте ее пустяками, а спрашивайте одно только дѣло и факты, и я васъ сейчасъ же удовлетворю. А мелочи къ чорту!

Такъ восклицалъ Митя. Допросъ начался вновь.

IV.

Мытарство второе.

— Вы не повѣрите, какъ вы насъ самихъ ободряете, Дмитрій Ѳедоровичъ, вашею этою готовностью... заговорилъ Николай Парѳеновичъ, съ оживленнымъ видомъ и съ видимымъ удовольствіемъ, засіявшимъ въ большихъ свѣтлосѣрыхъ, на выкатѣ, очень близорукихъ, впрочемъ, глазахъ его, съ которыхъ онъ, за минуту передъ тѣмъ, снялъ очки. — И вы справедливо сейчасъ замѣтили насчетъ этой взаимной нашей довѣренности, безъ которой иногда даже и невозможно въ подобной важности дѣлахъ, въ томъ случаѣ и смыслѣ, если подозрѣваемое лицо дѣйствительно желаетъ, надѣется и можетъ оправдать себя.

Съ нашей стороны мы употребимъ все, что отъ насъ зависитъ, и вы сами могли видѣть даже и теперь, какъ мы ведемъ это дѣло... Вы одобряете, Ипполитъ Кирилловичъ? обратился онъ вдругъ къ прокурору.

— О, безъ сомнѣнія, одобрилъ прокуроръ, хотя и нѣсколько суховато сравнительно съ порывомъ Николая Парѳеновича.

Замѣчу разъ навсегда: новоприбывшій къ намъ Николай Парѳеновичъ, съ самаго начала своего у насъ поприща, почувствовалъ къ нашему Ипполиту Кирилловичу, прокурору, необыкновенное уваженіе, и почти сердцемъ сошелся съ нимъ. Это былъ почти единственный человѣкъ, который безусловно повѣрилъ въ необычайный психологическій и ораторскій талантъ нашего „обиженнаго по службѣ" Ипполита Кирилловича и вполнѣ вѣрилъ и въ то, что тотъ обиженъ. О немъ слышалъ онъ еще въ Петербургѣ. Зато, въ свою очередь, молоденькій Николай Парѳеновичъ оказался единственнымъ тоже человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, котораго искренно полюбилъ нашъ „обиженный" прокуроръ. Дорогой сюда они успѣли кой въ чемъ сговориться и условиться насчетъ предстоящаго дѣла и теперь, за столомъ, востренькій умъ Николая Парѳеновича схватывалъ на лету и понималъ всякое указаніе, всякое движеніе въ лицѣ своего стариаго сотоварища, съ полуслова, со взгляда, съ подмига глазкомъ.

— Господа, предоставьте мнѣ только самому разсказать и не перебивайте пустяками, и я вамъ мигомъ все изложу, кипятился Митя.

— Прекрасно-съ. Благодарю васъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ выслушанію вашего сообщенія, вы бы позволили мнѣ только констатировать еще одинъ фактикъ, для насъ очень любопытный, именно о тѣхъ десяти рубляхъ, которые вы вчера, около пяти часовъ, взяли взайны подъ закладъ пистолетовъ вашихъ у пріятеля вашего Петра Ильича Перхотина.

— Заложилъ, господа, заложилъ, за десять рублей, и что жъ дальше? Вотъ и все, какъ только воротился въ городъ съ дороги, такъ и заложилъ.

— А вы воротились съ дороги? Вы ѣздили за городъ?

— Ѣздилъ, господа, за сорокъ верстъ ѣздилъ, а вы и не знали?

Прокуроръ и Николай Парѳеновичъ переглянулись.

— И вообще, если бы вы начали вашу повѣсть съ спе-

тематическаго описанія всего вашего вчерашняго дня съ самаго утра? Позвольте, напримѣръ, узнать: зачѣмъ вы отлучались изъ города и когда именно уѣхали и пріѣхали... и всѣ эти факты...

— Такъ вы бы такъ и спросили съ самаго начала, громко разсмѣялся Митя,—и если хотите, то дѣло надо начать не со вчерашняго, а съ третьягодняшняго дня, съ самаго утра, тогда и поймете куда, какъ и почему я пошелъ и поѣхалъ. Пошелъ я, господа, третьяго дня утромъ къ здѣшнему купчинѣ Самсонову, занимать у него три тысячи денегъ подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе,—это вдругъ приспичило, господа, вдругъ приспичило...

— Позвольте прервать васъ, вѣжливо перебилъ прокуроръ,—почему вамъ такъ вдругъ понадобилась и именно такая сумма, то-есть въ три тысячи рублей?

— Э, господа, не надо бы мелочи: какъ, когда и почему, и почему именно денегъ столько, а не столько, и вся эта гамазня... вѣдь этакъ въ трехъ томахъ не упишешь, да еще эпилогъ потребуется!

Все это проговорилъ Митя съ добродушною, но нетерпѣливою фамильярностью человѣка, желающаго сказать всю истину и исполненнаго самыми добрыми намѣреніями.

— Господа, какъ бы спохватился онъ вдругъ,—вы на меня не ропщите за мою брыкливость, опять прошу: повѣрьте еще разъ, что я чувствую полную почтительность и понимаю настоящее положеніе дѣла. Не думайте, что я пьянъ. Я ужъ теперь отрезвился. Да и что пьянъ, не мѣшало бы вовсе. У меня вѣдь какъ:

Отрезвѣлъ, поумнѣлъ—сталъ глупъ,
Напился, оглупѣлъ—сталъ уменъ.

Ха-ха! А, впрочемъ, я вижу, господа, что мнѣ пока еще неприлично острить передъ вами, пока, то-есть, не объяснимся. Позвольте паблюсти и собственное достоинство. Понимаю же я теперешнюю разницу: вѣдь я все-таки предъ вами преступникъ сижу, вамъ, стало быть, въ высшей степени не ровня, а вамъ поручено меня наблюдать: не погладите же вы меня по головкѣ за Григорія, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безнаказанно головы ломать старикамъ, вѣдь упрячете же вы меня за него по суду, ну, на полгода, ну, на годъ въ смирительный, не знаю, какъ тамъ у васъ присудятъ, хотя и безъ лишенія правъ, прокуроръ? Ну, такъ вотъ, господа, понимаю же я это различіе... Но, согласитесь и въ томъ, что вѣдь вы можете самого

Бога сбить съ толку такими вопросами: гдѣ ступилъ, какъ ступилъ, когда ступилъ и во что̀ ступилъ? Вѣдь я собьюсь если такъ, а вы сейчасъ лыко въ строку и запишете, и что̀-жъ выйдетъ? Ничего не выйдетъ! Да, наконецъ, если ужъ я началъ теперь врать, то и докончу, а вы, господа, какъ высшаго образованія и благороднѣйшіе люди, меня простите. Именно закончу просьбой: разучитесь вы, господа, этой казенщинѣ допроса, то-есть сперва-де, видите ли, начинай съ чего-нибудь мизернаго, съ ничтожнаго: какъ, дескать, всталъ, что̀ съѣлъ, какъ плюнулъ, куда плюнулъ, и „усыпивъ вниманіе преступника“, вдругъ накрывай его ошеломляющимъ вопросомъ: „кого убилъ, кого обокралъ?“ Ха-ха! Вѣдь вотъ ваша казенщина, это вѣдь у васъ правило, вотъ на чемъ вся ваша хитрость-то зиждется! Да вѣдь это вы мужиковъ усыпляйте подобными хитростями, а не меня. Я вѣдь понимаю дѣло, самъ служилъ, ха-ха-ха! Не сердитесь, господа, прощаете дерзость? крикнулъ онъ, смотря на нихъ съ удивительнымъ почти добродушіемъ.— Вѣдь Митька Карамазовъ сказалъ, стало быть, можно и извинить, потому, умному человѣку не извинительно, а Митькѣ извинительно! Ха-ха!

Николай Парѳеновичъ слушалъ и тоже смѣялся. Прокуроръ хоть и не смѣялся, но зорко, не спуская глазъ, разглядывалъ Митю, какъ бы не желая упустить ни малѣйшаго словечка, ни малѣйшаго движенія его, ни малѣйшаго сотрясенія малѣйшей черточки въ лицѣ его.

— Мы, однако, такъ и начали съ вами первоначально, отозвался, все продолжая смѣяться, Николай Парѳеновичъ,—что не стали сбивать васъ вопросами: какъ вы встали поутру и что̀ скушали, а начали даже со слишкомъ существеннаго.

— Понимаю, понялъ и оцѣнилъ, и еще болѣе цѣню настоящую вашу доброту со мной, безпримѣрную, достойную благороднѣйшихъ душъ. Мы тутъ трое сошлись люди благородные и пусть все у насъ такъ и будетъ на взаимномъ довѣріи образованныхъ и свѣтскихъ людей, связанныхъ дворянствомъ и честью. Во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ считать васъ за лучшихъ друзей моихъ въ эту минуту жизни моей, въ эту минуту униженія чести моей! Вѣдь не обидно это вамъ, господа, не обидно?

— Напротивъ, вы все это такъ прекрасно выразили, Дмитрій Ѳедоровичъ, важно и одобрительно согласился Николай Парѳеновичъ.

— А мелочи, господа, всѣ эти крючкотворныя мелочи прочь, восторженно воскликнулъ Митя,—а то это просто выйдетъ чортъ знаетъ что̀, вѣдь не правда ли?

— Вполнѣ послѣдую вашимъ благоразумнымъ совѣтамъ, ввязался вдругъ прокуроръ, обращаясь къ Митѣ,— но отъ вопроса моего, однако, не откажусь. Намъ слишкомъ существенно необходимо узнать, для чего именно вамъ понадобилась такая сумма, то-есть именно въ три тысячи?

— Для чего понадобилось? Ну, для того, для сего... ну, долгъ отдать.

— Кому именно?

— Это положительно отказываюсь сказать, господа! Видите, не потому, чтобъ не могъ сказать, али не смѣлъ, али опасался, потому что все это плевое дѣло и совершенные пустяки, а—потому не скажу, что тутъ принципъ: это моя частная жизнь и я не позволю вторгаться въ мою частную жизнь. Вотъ мой принципъ. Вашъ вопросъ до дѣла не относится, а все, что̀ до дѣла не относится, есть моя частная жизнь! Долгъ хотѣлъ отдать, долгъ чести хотѣлъ отдать, а кому—не скажу.

— Позвольте намъ записать это, сказалъ прокуроръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Такъ и записывайте: что не скажу и не скажу. Пишите, господа, что считаю даже безчестнымъ это сказать. Экъ у васъ времени-то много записывать!

— Позвольте васъ, милостивый государь, предупредить и еще разъ вамъ напомнить, если вы только не знали того, съ особеннымъ и весьма строгимъ внушеніемъ проговорилъ прокуроръ,—что вы имѣете полное право не отвѣчать на предлагаемые вамъ теперь вопросы, а мы, обратно, никакого не имѣемъ права вымогать у васъ отвѣты, если вы сами уклоняетесь отвѣчать по той или другой причинѣ. Это дѣло личнаго соображенія вашего. Но наше дѣло состоитъ опять-таки въ томъ, чтобы вамъ въ подобномъ теперешнему случаѣ представить на видъ и разъяснить всю ту степень вреда, который вы сами же себѣ производите, отказываясь дать то или другое показаніе. Затѣмъ прошу продолжать.

— Господа, я вѣдь не сержусь... я... забормоталъ было Митя, нѣсколько скопфуженный внушеніемъ,—вотъ-съ, видите, господа, этотъ самый Самсоновъ, къ которому я тогда пошелъ...

Мы, конечно, не станемъ приводить разсказъ его въ подробности о томъ, что уже извѣстно читателю. Расказчикъ нетерпѣливо хотѣлъ разсказать все до малѣйшей черточки и въ то же время, чтобы вышло поскорѣй. Но по мѣрѣ показаній ихъ записывали, а, стало быть, необходимо его останавливали. Дмитрій Ѳедоровичъ осуждалъ это, но подчинялся, сердился, но пока еще добродушно. Правда, вскрикивалъ иногда: „господа, это самого Господа Бога взбѣситъ“ или: „господа, знаете ли вы, что вы только напрасно меня раздражаете?“, но все еще, восклицая это, своего дружески экспансивнаго настроенія пока не измѣнялъ. Такимъ образомъ онъ разсказалъ, какъ „надулъ“ его третьяго дня Самсоновъ. (Онъ уже догадывался теперь вполнѣ, что его тогда надули). Продажа часовъ за шесть рублей, чтобы добыть на дорогу денегъ, совсѣмъ еще неизвѣстная слѣдователю и прокурору, возбудила тотчасъ же все чрезвычайное ихъ вниманіе и, уже къ безмѣрному негодованію Мити, нашли нужнымъ фактъ этотъ въ подробности записать, въ виду вторичнаго подтвержденія того обстоятельства, что у него и наканунѣ не было уже ни гроша почти денегъ. Мало-по-малу Митя началъ становиться угрюмымъ. Затѣмъ, описавъ путешествіе къ Лягавому и проведенную въ угарной избѣ ночь и проч., довелъ свой разсказъ и до возвращенія въ городъ, и тутъ началъ самъ, безъ особенной уже просьбы, подробно описывать ревнивыя муки свои съ Грушенькой. Его слушали молча и внимательно, особенно вникли въ то обстоятельство, что у него давно уже завелся наблюдательный пунктъ за Грушенькой у Ѳедора Павловича „на задахъ“, въ домѣ Марьи Кондратьевны, и о томъ, что ему свѣдѣнія переносилъ Смердяковъ: это очень отмѣтили и записали. О ревности своей говорилъ онъ горячо и обширно, и хоть и внутренно стыдясь того, что выставляетъ свои интимнѣйшія чувства, такъ сказать, на „всеобщій позоръ“, но видимо пересиливалъ стыдъ, чтобы быть правдивымъ. Безучастная строгость устремленныхъ пристально на него, во время разсказа, взглядовъ слѣдователя и особенно прокурора, смутили его, наконецъ, довольно сильно: „Этотъ мальчикъ Николай Парѳеновичъ, съ которымъ я еще всего только нѣсколько дней тому говорилъ глупости про женщинъ, и этотъ больной прокуроръ не стоятъ того, чтобъ я имъ это разсказывалъ“, грустно мелькнуло у него въ умѣ, „позоръ!“ „Терпи, сми-

рыйся и молчи", заключилъ онъ свою думу стихомъ, но опять-таки скрѣпился вновь, чтобы продолжать далѣе. Перейдя къ разсказу о Хохлаковой, даже вновь разсердился и даже хотѣлъ было разсказать объ этой барынькѣ особый недавній анекдотикъ, не подходящій къ дѣлу; но слѣдователь остановилъ его и вѣжливо предложилъ перейти „къ болѣе существенному". Наконецъ, описавъ свое отчаяніе и разсказавъ о той минутѣ, когда, выйдя отъ Хохлаковой, онъ даже подумалъ „скорѣе зарѣзать кого-нибудь, а достать три тысячи", его вновь остановили, и о томъ, что „зарѣзать хотѣлъ", записали. Митя безмолвно далъ записать. Наконецъ, дѣло дошло до той точки въ разсказѣ, когда онъ вдругъ узналъ, что Грушенька его обманула и ушла отъ Самсонова тотчасъ же, какъ онъ привелъ ее, тогда какъ сама сказала, что просидитъ у старика до полуночи: „Если я тогда не убилъ, господа, эту Ѳеню, то потому только, что мнѣ было некогда", вырвалось вдругъ у него въ этомъ мѣстѣ разсказа. И это тщательно записали. Митя мрачно подождалъ и сталъ было повѣствовать о томъ, какъ онъ побѣжалъ къ отцу въ садъ,—какъ вдругъ его остановилъ слѣдователь и, раскрывъ свой большой портфель, лежавшій подлѣ него на диванѣ, вынулъ изъ него мѣдный пестикъ.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? показалъ онъ его Митѣ.

— Ахъ, да! мрачно усмѣхнулся онъ, — какъ не знакомъ! Дайте-ка посмотрѣть... А, чортъ, не надо!

— Вы о немъ упомянуть забыли, замѣтилъ слѣдователь.

— А, чортъ! Не скрылъ бы отъ васъ, небось, безъ него бы не обошлось, какъ вы думаете? Изъ памяти только вылетѣло.

— Благоволите же разсказать обстоятельно, какъ вы имъ вооружились.

— Извольте, благоволю, господа.

И Митя разсказалъ, какъ онъ взялъ пестикъ и побѣжалъ.

— Но какую же цѣль имѣли вы въ предметѣ, вооружаясь такимъ орудіемъ?

— Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣжалъ.

— Зачѣмъ же, если безъ цѣли?

Въ Митѣ кипѣла досада. Онъ пристально посмотрѣлъ на „мальчика" и мрачно и злобно усмѣхнулся. Дѣло въ

томъ, что ему все стыднѣе и стыднѣе становилось за то, что онъ сейчасъ такъ искренно и съ такими изліяніями разсказалъ „такимъ людямъ“ исторію своей ревности.

— Наплевать на пестикъ! вырвалось вдругъ у него.

— Однакоже-съ.

— Ну, отъ собакъ схватилъ. Ну, темнота... Ну, на всякій случай.

— А прежде вы тоже брали, выходя ночью со двора, какое-нибудь оружіе, если боялись такъ темноты?

— Э, чортъ, тьфу! Господа, съ вами буквально нельзя говорить! вскрикнулъ Митя въ послѣдней степени раздраженія и, обернувшись къ писарю, весь покраснѣвъ отъ злобы, съ какою-то изступленной ноткой въ голосѣ, быстро проговорилъ ему:—Запиши сейчасъ... сейчасъ... „что схватилъ съ собой пестикъ, чтобы бѣжать убить отца моего... Ѳедора Павловича... ударомъ по головѣ!“ Ну, довольны ли вы теперь, господа? Отвели душу? проговорилъ онъ, уставясь съ вызовомъ на слѣдователя и прокурора.

— Мы слишкомъ понимаемъ, что подобное показаніе вы дали сейчасъ въ раздраженіи на насъ и въ досадѣ на вопросы, которые мы вамъ представляемъ, которые вы считаете мелочными и которые въ сущности весьма существенны, сухо проговорилъ ему въ отвѣтъ прокуроръ.

— Да помилуйте же, господа! Ну, взялъ пестикъ... Ну, для чего берутъ въ такихъ случаяхъ что-нибудь въ руку? Я не знаю для чего. Схватилъ и побѣжалъ. Вотъ и все. Стыдно, господа, passons, а то, клянусь, я перестану разсказывать!

Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Онъ сидѣлъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ на стѣну, пересиливая въ себѣ дурное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, ему ужасно какъ хотѣлось встать и объявить, что болѣе не скажетъ ни слова, „хоть ведите на смертную казнь“.

— Видите, господа, проговорилъ онъ вдругъ, съ трудомъ пересиливая себя, — видите. Слушаю я васъ и мнѣ мерещится... я, видите, вижу иногда во снѣ одинъ сонъ... одинъ такой сонъ, и онъ мнѣ часто снится, повторяется, что кто-то за мной гонится, кто-то такой, котораго я ужасно боюсь, гонится въ темнотѣ, ночью, ищетъ меня, а я прячусь куда-нибудь отъ него за дверь, или за шкапъ, прячусь унизительно, а главное, что ему отлично извѣстно, куда я отъ него спрятался, но что онъ будто бы нарочно притворяется, что не знаетъ, гдѣ я сижу, чтобы дольше

промучить меня, чтобы страхомъ моимъ насладиться... Вотъ это и вы теперь дѣлаете! На то похоже!

— Это вы такіе видите сны? освѣдомился прокуроръ.

— Да, такіе вижу сны... А вы ужъ не хотите ли записать? криво усмѣхнулся Митя.

— Нѣтъ-съ, не записать, но все же любопытные у васъ сны.

— Теперь ужъ не сонъ! Реализмъ, господа, реализмъ дѣйствительной жизни! Я волкъ, а вы охотники, ну, и травите волка.

— Вы напрасно взяли такое сравненіе... началъ было чрезвычайно мягко Николай Парѳеновичъ.

— Не напрасно, господа, не напрасно! вскипѣлъ опять Митя, хотя и, видимо облегчивъ душу выходкой внезапнаго гнѣва, началъ уже опять добрѣть съ каждымъ словомъ. — Вы можете не вѣрить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими вопросами, но благороднѣйшему человѣку, господа, благороднѣйшимъ порывамъ души (смѣло это кричу!)—нѣтъ!—этому вамъ нельзя не вѣрить... права даже не имѣете... но—

молчи сердце,
Терпи, смиряйся и молчи!

Ну, что же, продолжать? мрачно оборвалъ онъ.

— Какъ же, сдѣлайте одолженіе, отвѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

V.

Третье мытарство.

Митя хоть и заговорилъ сурово, но видимо еще болѣе сталъ стараться не забыть и не упустить ни одной черточки изъ передаваемаго. Онъ разсказалъ, какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ въ садъ отца, какъ шелъ до окна, и обо всемъ, наконецъ, что было подъ окномъ. Ясно, точно, какъ бы отчеканивая, передалъ онъ о чувствахъ, волновавшихъ его въ тѣ мгновенія въ саду, когда ему такъ ужасно хотѣлось узнать: у отца ли Грушенька или нѣтъ? Но, странно это: и прокуроръ, и слѣдователь слушали на этотъ разъ какъ-то ужасно сдержанно, смотрѣли сухо, вопросовъ дѣлали гораздо меньше. Митя ничего не могъ заключить по ихъ лицамъ. „Разсердились и обидѣлись, подумалъ онъ, ну, и чортъ!“ Когда же разсказалъ, какъ онъ рѣшился, наконецъ, дать отцу *знакъ*, что пришла Грушенька и чтобы тотъ отворилъ окно, то прокуроръ и

слѣдователь совсѣмъ не обратили вниманія на слово „знакъ“, какъ бы не понявъ вовсе, какое значеніе имѣетъ тутъ это слово, такъ что Митя это даже замѣтилъ. Дойдя, наконецъ, до того мгновенія, когда, увидѣвъ высунувшагося изъ окна отца, онъ вскипѣлъ ненавистью и выхватилъ изъ кармана пестикъ, онъ вдругъ какъ бы нарочно остановился. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ стѣну и зналъ, что тѣ такъ и впились въ него глазами.

— Ну-съ, сказалъ слѣдователь,—вы выхватили оружіе и... и что же произошло затѣмъ?

— Затѣмъ? А затѣмъ убилъ... хватилъ его въ темя и раскроилъ ему черепъ... Вѣдь такъ, по-вашему, такъ! засверкалъ онъ вдругъ глазами.

Весь потухшій было гнѣвъ его вдругъ поднялся въ его душѣ съ необычайною силой.

— По-нашему, переговорилъ Николай Парѳеновичъ,— ну, а по-вашему?

Митя опустилъ глаза и долго молчалъ.

— По-моему, господа, по-моему, вотъ какъ было, тихо заговорилъ онъ: — слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, духъ ли свѣтлый облобызалъ меня въ то мгновеніе— не знаю, но чортъ былъ побѣжденъ. Я бросился отъ окна и побѣжалъ къ забору... Отецъ испугался, и въ первый разъ тутъ меня разсмотрѣлъ, вскрикнулъ и отскочилъ отъ окна,—я это очень помню. А я черезъ садъ къ забору... вотъ тутъ-то и настигъ меня Григорій, когда уже я сидѣлъ на заборѣ...

Тутъ онъ поднялъ, наконецъ, глаза на слушателей. Тѣ, казалось, съ совершенно безмятежнымъ вниманіемъ глядѣли на него. Какая-то судорога негодованія прошла въ душѣ Мити.

— А вѣдь вы, господа, въ эту минуту надо мной насмѣхаетесь! прервалъ онъ вдругъ.

— Почему вы такъ заключаете? замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Ни одному слову не вѣрите, вотъ почему! Вѣдь понимаю же я, что до главной точки дошелъ: старикъ теперь тамъ лежитъ съ проломленною головой, а я — трагически описавъ, какъ хотѣлъ убить и какъ уже пестикъ выхватилъ, я вдругъ отъ окна убѣгаю... Поэма! Въ стихахъ! Можно повѣрить на слово молодцу! Ха-ха! Насмѣшники вы, господа!

И онъ всѣмъ корпусомъ повернулся на стулѣ, такъ что стулъ затрещалъ.

— А не замѣтили ли вы, началъ вдругъ прокуроръ, какъ будто и вниманія не обративъ на волненіе Мити,— не замѣтили ли вы, когда отбѣгали отъ окна: была ли дверь въ садъ, находящаяся въ другомъ концѣ флигеля, отперта или нѣтъ?

— Нѣтъ, не была отперта.

— Не была?

— Была заперта, напротивъ, и кто жъ могъ ее отворить? Ба, дверь, постойте! какъ бы опомнился онъ вдругъ и чуть не вздрогнулъ,—а развѣ вы нашли дверь отпертою?

— Отпертою.

— Такъ кто жъ ее могъ отворить, если не сами вы ее отворили? страшно удивился вдругъ Митя.

— Дверь стояла отпертою и убійца вашего родителя несомнѣнно вошелъ въ эту дверь и, совершивъ убійство, этою же дверью и вышелъ, какъ бы отчеканивая, медленно и раздѣльно произнесъ прокуроръ. — Это намъ совершенно ясно. Убійство произошло, очевидно, въ комнатѣ, *а не черезъ окно*, что положительно ясно изъ произведеннаго акта осмотра, изъ положенія тѣла и по всему. Сомнѣній въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть никакихъ.

Митя былъ страшно пораженъ.

— Да это же невозможно, господа! вскричалъ онъ, совершенно потерявшись, — я... я не входилъ... я положительно, я съ точностью вамъ говорю, что дверь была заперта все время, пока я былъ въ саду и когда я убѣгалъ изъ сада. Я только подъ окномъ стоялъ и въ окно его видѣлъ, и только, только... До послѣдней минуты помню. Да хоть бы и не помнилъ, то все равно знаю, потому что *знаки* только и извѣстны были, что мнѣ да Смердякову, да ему, покойнику, а онъ, безъ знаковъ, никому бы въ мірѣ не отворилъ!

— Знаки? Какіе же это знаки? съ жаднымъ, почти истерическимъ любопытствомъ проговорилъ прокуроръ, и вмигъ потерялъ всю сдержанную свою осанку.

Онъ спросилъ, какъ бы робко подползая. Онъ почуялъ важный фактъ, ему еще неизвѣстный, и тотчасъ же почувствовалъ величайшій страхъ, что Митя, можетъ-быть, не захочетъ открыть его въ полнотѣ.

— А вы и не знали! подмигнулъ ему Митя, насмѣш-

ливо и злобно улыбнувшись.—А что, коль не скажу? Отъ кого тогда узнать? Знали вѣдь о знакахъ-то покойникъ, я, да Смердяковъ, вотъ и всѣ, да еще небо знало, да оно вѣдь вамъ не скажетъ. А фактикъ-то любопытный, чортъ знаетъ что на немъ можно соорудить, ха-ха! Утѣшьтесь, господа, открою, глупости у васъ на умѣ. Не знаете вы, съ кѣмъ имѣете дѣло! Вы имѣете дѣло съ такимъ подсудимымъ, который самъ на себя показываетъ, во вредъ себѣ показываетъ! Да-съ, ибо я рыцарь чести, а вы—нѣтъ!

Прокуроръ скушалъ всѣ пилюли, онъ лишь дрожалъ отъ нетерпѣнія узнать про новый фактъ. Митя точно и пространно изложилъ имъ все, что касалось знаковъ, изобрѣтенныхъ Ѳедоромъ Павловичемъ для Смердякова, разсказалъ, что именно означалъ каждый стукъ въ окно, простучалъ даже эти знаки по столу и на вопросъ Николая Парѳеновича: что, стало-быть, и онъ, Митя, когда стучалъ старику въ окно, то простучалъ именно тотъ знакъ, который означалъ: „Грушенька пришла"—отвѣтилъ съ точностью, что именно точно такъ и простучалъ, что, дескать, „Грушенька пришла".

— Вотъ вамъ, теперь сооружайте башню! оборвалъ Митя и съ презрѣніемъ опять отъ нихъ отвернулся.

— И знали про эти знаки только покойный родитель вашъ, вы и слуга Смердяковъ? И никто болѣе? еще разъ освѣдомился Николай Парѳеновичъ.

— Да, слуга Смердяковъ и еще небо. Запишите и про небо; это будетъ не лишнимъ записать. Да и вамъ самимъ Богъ понадобится.

И ужъ, конечно, стали записывать, но когда записывали, то прокуроръ вдругъ, какъ бы совсѣмъ внезапно наткнувшись на новую мысль, проговорилъ:

— А вѣдь если зналъ про эти знаки и Смердяковъ, а вы радикально отвергаете всякое на себя обвиненіе въ смерти вашего родителя, то вотъ не онъ ли, простучавъ условленные знаки, заставилъ вашего отца отпереть себѣ, а затѣмъ и... совершилъ преступленіе?

Митя глубоко-насмѣшливымъ, но въ то же время и страшно ненавистнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ долго и молча, такъ что у прокурора глаза замигали.

— Опять поймали лисицу! проговорилъ, наконецъ, Митя. — Прищемили мерзавку за хвостъ, хе-хе! Я вижу

васъ насквозь, прокуроръ! Вы вѣдь такъ и думали, что я сейчасъ вскочу, уцѣплюсь за то, что вы мнѣ подсказываете и закричу во все горло: „Ай, это Смердяковъ, вотъ убійца!“ Признайтесь, что вы это думали, признайтесь, тогда буду продолжать.

Но прокуроръ не признался. Онъ молчалъ и ждалъ.

— Ошиблись, не закричу на Смердякова! сказалъ Митя.

— И даже не подозрѣваете его вовсе?

— А вы подозрѣваете?

— Подозрѣвали и его.

Митя уткнулся глазами въ полъ.

— Шутки въ сторону, проговорилъ онъ мрачно,—слушайте: съ самаго начала, вотъ почти еще тогда, когда я выбѣжалъ къ вамъ давеча изъ-за этой занавѣски, у меня мелькнула ужъ эта мысль: „Смердяковъ!“ Здѣсь я сидѣлъ за столомъ и кричалъ, что невиновенъ въ крови, а самъ все думаю: „Смердяковъ!“ И не отставалъ Смердяковъ отъ души. Наконецъ, теперь подумалъ вдругъ тоже: „Смердяковъ“, но лишь на секунду: тотчасъ же рядомъ подумалъ: „Нѣтъ, не Смердяковъ!“ Не его это дѣло, господа!

— Не подозрѣваете ли вы такомъ случаѣ и еще какое другое лицо? осторожно спросилъ было Николай Парѳеновичъ.

— Не знаю, кто или какое лицо, рука небесъ или сатана, но... не Смердяковъ! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Но почему же вы такъ твердо и съ такою настойчивостью утверждаете, что не онъ?

— По убѣжденію. По впечатлѣнію. Потому что Смердяковъ человѣкъ нижайшей натуры и трусъ. Это не трусъ, это совокупленіе всѣхъ трусостей въ мірѣ, вмѣстѣ взятыхъ, ходящее на двухъ ногахъ. Онъ родился отъ курицы. Говоря со мной, онъ трепеталъ каждый разъ, чтобъ я не убилъ его, тогда какъ я и руки не подымалъ. Онъ падалъ мнѣ въ ноги и плакалъ, онъ цѣловалъ мнѣ вотъ эти самые сапоги, буквально, умоляя, чтобъ я его „не пугалъ“. Слышите: „не пугалъ“—что это за слово такое? А я его даже дарилъ. Это болѣзненная курица въ падучей болѣзни, со слабымъ умомъ и которую прибьетъ восьмилѣтній мальчишка. Развѣ это натура? Не Смердяковъ, господа, да и денегъ не любитъ, подарковъ отъ меня вовсе не бралъ... Да и за что ему убивать старика? Вѣдь онъ, можетъ-быть, сынъ его, побочный сынъ, знаете вы это?

— Мы слышали эту легенду. Но вѣдь вотъ и вы же сынъ отца вашего, а вѣдь говорили же всѣмъ сами же вы, что хотѣли убить его.

— Камень въ огородъ! И камень низкій, скверный! Не боюсь! О, господа, можетъ-быть, вамъ слишкомъ подло мнѣ же въ глаза говорить это! Потому подло, что я это самъ говорилъ вамъ. Не только хотѣлъ, но и могъ убить, да еще на себя добровольно натащилъ, что чуть не убилъ! Но вѣдь не убилъ же его, вѣдь спасъ же меня ангелъ-хранитель мой!—вотъ этого-то вы и не взяли въ соображеніе... А потому вамъ и подло, подло! Потому что я не убилъ, не убилъ! Слышите, прокуроръ: не убилъ!

Онъ чуть не задохся. Во все время допроса онъ еще ни разу не былъ въ такомъ волненіи.

— А что̀ онъ вамъ сказалъ, господа, Смердяковъ-то? заключилъ онъ вдругъ, помолчавъ.—Могу я про это спросить у васъ?

— Вы обо всемъ насъ можете спрашивать, съ холоднымъ и строгимъ видомъ отвѣтилъ прокуроръ,—обо всемъ, что̀ касается фактической стороны дѣла, а мы, повторяю это, даже обязаны удовлетворять васъ на каждый вопросъ. Мы нашли слугу Смердякова, о которомъ вы спрашиваете, лежащимъ безъ памяти на своей постели, въ чрезвычайно сильномъ, можетъ-быть, въ десятый разъ сряду повторявшемся припадкѣ падучей болѣзни. Медикъ, бывшій съ нами, освидѣтельствовавъ больного, сказалъ даже намъ, что онъ не доживетъ, можетъ-быть, и до утра.

— Ну, въ такомъ случаѣ отца чортъ убилъ! сорвалось вдругъ у Мити, какъ будто онъ даже до сей минуты спрашивалъ все себя: „Смердяковъ или не Смердяковъ?“

— Мы еще къ этому факту воротимся, порѣшилъ Николай Парѳеновичъ,—теперь же не пожелаете ли вы продолжать ваше показаніе далѣе.

Митя попросилъ отдохнуть. Ему вѣжливо позволили. Отдохнувъ, онъ сталъ продолжать. Но было ему видимо тяжело. Онъ былъ измученъ, оскорбленъ и потрясенъ нравственно. Къ тому же прокуроръ, теперь уже точно нарочно, сталъ поминутно раздражать его прицѣпкой къ „мелочамъ“. Едва только Митя описалъ, какъ онъ, сидя верхомъ на заборѣ, ударилъ по головѣ пестикомъ вцѣпившагося въ его лѣвую ногу Григорія и затѣмъ тотчасъ же соскочилъ къ поверженному, какъ прокуроръ остановилъ

его и попросилъ описать подробнѣе, какъ онъ сидѣлъ на заборѣ. Митя удивился.

— Ну, вотъ такъ сидѣлъ, верхомъ сидѣлъ, одна нога тамъ, другая тутъ...

— А пестикъ?

— Пестикъ въ рукахъ.

— Не въ карманѣ? Вы это такъ подробно помните? Что жъ, вы сильно размахнулись рукой?

— Должно-быть что сильно, а вамъ это зачѣмъ?

— Если бъ вы сѣли на стулъ точно такъ, какъ тогда на заборѣ, и представили бы намъ наглядно, для уясненія, какъ и куда размахнулись, въ какую сторону?

— Да ужъ вы не насмѣхаетесь ли надо мной, спросилъ Митя, высокомѣрно глянувъ на допросчика, но тотъ не мигнулъ даже глазомъ.

Митя судорожно повернулся, сѣлъ верхомъ на стулъ и размахнулся рукой.

— Вотъ какъ ударилъ! Вотъ какъ убилъ! Чего вамъ еще?

— Благодарю васъ. Не потрудитесь ли вы теперь объяснить: для чего собственно соскочили внизъ, съ какою цѣлью, и что̀ собственно имѣя въ виду?

— Ну, чортъ... къ поверженному соскочилъ... Не знаю для чего!

— Бывши въ такомъ волненіи? И убѣгая?

— Да, въ волненіи и убѣгая.

— Помочь ему хотѣли?

— Какое помочь... Да, можетъ, и помочь, не помню.

— Не помнили себя? То-есть были даже въ нѣкоторомъ безпамятствѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ безпамятствѣ, все помню. Все до нитки. Соскочилъ поглядѣть и платкомъ кровь ему обтиралъ.

— Мы видѣли вашъ платокъ. Надѣялись возвратить поверженнаго вами къ жизни?

— Не знаю, надѣялся ли? Просто убѣдиться хотѣлъ, живъ или нѣтъ.

— А, такъ хотѣли убѣдиться? Ну, и что жъ?

— Я не медикъ, рѣшить не могъ. Убѣжалъ, думая, что убилъ, а вотъ онъ очнулся.

— Прекрасно-съ, закончилъ прокуроръ. — Благодарю васъ. Мнѣ только и нужно было. Потрудитесь продолжать далѣе.

Увы, Митѣ и въ голову не пришло разсказать, хотя онъ и помнилъ это, что соскочилъ онъ изъ жалости, и, ставъ надъ убитымъ, произнесъ даже нѣсколько жалкихъ словъ: „попался старикъ, нечего дѣлать, ну и лежи“. Прокуроръ же вывелъ лишь одно заключеніе, что соскакивалъ человѣкъ, „въ такой моментъ и въ такомъ волненіи“ лишь для того только, чтобы навѣрное убѣдиться: живъ или нѣтъ *единственный* свидѣтель его преступленія. И что, стало-быть, какова же была сила, рѣшимость, хладнокровіе и разсчетливость человѣка даже въ такой моментъ и... проч., и проч. Прокуроръ былъ доволенъ: „раздражалъ де болѣзненнаго человѣка „мелочами“, онъ и проговорился“.

Митя съ мученіемъ продолжалъ далѣе. Но тотчасъ же остановилъ его опять уже Николай Парѳеновичъ:

— Какимъ же образомъ могли вы вбѣжать къ служанкѣ Ѳедосьѣ Марковой, имѣя столь окровавленныя руки, и, какъ оказалось потомъ, лицо?

— Да я вовсе тогда и не замѣтилъ, что я въ крови! отвѣтилъ Митя.

— Это они правдоподобно, это такъ и бываетъ, перегляпулся прокуроръ съ Николаемъ Парѳеновичемъ.

— Именно не замѣтилъ, это вы прекрасно, прокуроръ, одобрилъ вдругъ и Митя. Но далѣе пошла исторія внезапнаго рѣшенія Мити „устраниться“ и „пропустить счастливыхъ мимо себя“. И онъ уже никакъ не могъ, какъ давеча, рѣшиться вновь разоблачать свое сердце и разсказывать про „царицу души своей“. Ему претило предъ этими холодными, „впивающимися въ него какъ клопы“ людьми. А потому на повторенные вопросы заявилъ кратко и рѣзко:

— Ну, и рѣшился убить себя. Зачѣмъ было оставаться жить: это само собой въ вопросъ вскакивало. Явился ея прежній, безспорный, ея обидчикъ, но пріѣхавшій съ любовью послѣ пяти лѣтъ завершить законнымъ бракомъ обиду. Ну и понялъ, что все для меня пропало... А сзади позоръ, и вотъ эта кровь, кровь Григорія... Зачѣмъ же жить? Ну, и пошелъ выкупать заложенные пистолеты, чтобы зарядить и къ разсвѣту себѣ пулю въ башку всадить...

— А ночью пиръ горой?

— Ночью пиръ горой. Э, чортъ, господа кончайте скорѣй. Застрѣлиться я хотѣлъ навѣрно, вотъ тутъ недалеко,

за околицей, и распорядился бы съ собою часовъ въ пять утра, а въ карманѣ бумажку приготовилъ, у Перхотина написалъ, когда пистолеты зарядилъ. Вотъ она бумажка, читайте. Не для васъ разсказываю! прибавилъ онъ вдругъ презрительно. Онъ выбросилъ имъ на столъ бумажку изъ жилетнаго своего кармана; слѣдователи прочли съ любопытствомъ и, какъ водится, пріобщили къ дѣлу.

— А руки все еще не подумали вымыть, даже и входя къ господину Перхотину? Не опасались, стало-быть, подозрѣній.

— Какихъ такихъ подозрѣній? Подозрѣвай—хоть нѣтъ, все равно, я бы сюда ускакалъ и въ пять часовъ застрѣлился, и ничего бы не успѣли сдѣлать. Вѣдь если бы не случай съ отцомъ, вѣдь вы бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это чортъ сдѣлалъ, чортъ отца убилъ, черезъ чорта и вы такъ скоро узнали! Какъ сюда-то такъ скоро поспѣли? Диво, фантазія!

— Господинъ Перхотинъ передалъ намъ, что вы, войдя къ нему, держали въ рукахъ... въ окровавленныхъ рукахъ... ваши деньги... большія деньги... пачку сторублевыхъ бумажекъ, и что видѣлъ это и служившій ему мальчикъ!

— Такъ, господа, помнится, что такъ.

— Теперь встрѣчается одинъ вопросикъ. Не можете ли вы сообщить, чрезвычайно мягко началъ Николай Парѳеновичъ,—откуда вы взяли вдругъ столько денегъ, тогда какъ изъ дѣла оказывается, по расчету времени даже, что вы не заходили домой?

Прокуроръ немножко поморщился отъ вопроса поставленнаго такъ ребромъ, но не прервалъ Николая Парѳеновича.

— Нѣтъ, не заходилъ домой, отвѣтилъ Митя, повидимому, очень спокойно, но глядя въ землю.

— Позвольте же повторить вопросъ въ такомъ случаѣ, какъ-то подползая продолжалъ Николай Парѳеновичъ. — Откуда же вы могли разомъ достать такую сумму, когда, по собственному признанію вашему, еще въ пять часовъ того дня...

— Нуждался въ десяти рубляхъ и заложилъ пистолеты у Перхотина, потомъ ходилъ къ Хохлаковой за тремя тысячами, а та не дала, и проч. и всякая эта всячина, рѣзко прервалъ Митя,—да, вотъ, господа, нуждался, а тутъ вдругъ тысячи появились, а? Знаете, господа, вѣдь

вы оба теперь трусите: а что̀ какъ не скажетъ откуда взялъ? Такъ и есть: не скажу, господа, угадали, не узнаете, отчеканилъ вдругъ Митя съ чрезвычайною рѣшимостью.

Слѣдователи капельку помолчали.

— Поймите, господинъ Карамазовъ, что намъ это знать существенно необходимо, тихо и смиренно проговорилъ Николай Парѳеновичъ.

— Понимаю, а все-таки не скажу.

Ввязался и прокуроръ и опять напомнилъ, что допрашиваемый, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, если считаетъ для себя это выгоднѣйшимъ и т. д., но въ видахъ того, какой ущербъ подозрѣваемый можетъ самъ нанести себѣ своимъ умолчаніемъ и особенно въ виду вопросовъ такой важности, которая...

— И такъ далѣе, господа, и такъ далѣе. Довольно, слышалъ эту рацею и прежде! опять оборвалъ Митя.— Самъ понимаю, какой важности дѣло, и что тутъ самый существенный пунктъ, а все-таки не скажу.

— Вѣдь намъ что̀-съ, это вѣдь не наше дѣло, а ваше, сами себѣ повредите, нервно замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Видите, господа, шутки въ сторону, вскинулся глазами Митя и твердо посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.—Я съ самаго начала уже предчувствовалъ, что мы на этомъ пунктѣ сшибемся лбами. Но вначалѣ, когда я давеча началъ показывать, все это было въ дальнѣйшемъ туманѣ, все плавало, и я даже былъ такъ простъ, что началъ съ предложенія „взаимнаго между нами довѣрія". Теперь самъ вижу, что довѣрія этого и быть не могло, потому что все же бы мы пришли къ этому проклятому забору! Ну, вотъ и пришли! Нельзя, и кончено! Впрочемъ, я вѣдь васъ не виню, нельзя же и вамъ мнѣ вѣрить на слово, я вѣдь это понимаю!

Онъ мрачно замолчалъ.

— А не могли ли бы вы, не нарушая нисколько вашей рѣшимости умолчать о главнѣйшемъ, не могли ли бы вы въ то же время дать намъ хоть малѣйшій намекъ на то: какіе именно столь сильные мотивы могли бы привести васъ къ умолчанію въ столь опасный для васъ моментъ настоящихъ показаній?

Митя грустно и какъ-то задумчиво усмѣхнулся.

— Я гораздо добрѣе, чѣмъ вы думаете, господа, я вамъ сообщу почему, и дамъ этотъ намекъ, хотя вы того и не

стòите. Потому, господа, умалчиваю, что тутъ для меня позоръ. Въ отвѣтѣ на вопросъ: откуда взялъ эти деньги, заключенъ для меня такой вопросъ, съ которымъ не могло бы сравняться даже и убійство, и ограбленіе отца, если бъ я его убилъ и ограбилъ. Вотъ почему не могу говорить. Отъ позора не могу. Чтò вы это, господа, записывать хотите?

— Да, мы запишемъ, пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

— Вамъ бы не слѣдовало это записывать, про „позоръ-то". Это я вамъ по добротѣ только души показалъ, а могъ и не показывать, я вамъ, такъ сказать, подарилъ, а вы сейчасъ лыко въ строку. Ну, пишите, пишите, чтò хотите, презрительно и брезгливо заключилъ онъ, — не боюсь я васъ и... горжусь предъ вами.

— А не скажете ли вы, какого бы рода этотъ позоръ? пролепеталъ было Николай Парѳеновичъ.

Прокуроръ ужасно наморщился.

— Ни-ни, c'est fini, не трудитесь. Да и не стòитъ мараться. Ужъ и такъ объ васъ замарался. Не стòите вы, ни вы и никто... Довольно, господа, обрываю.

Проговорено было слишкомъ рѣшительно. Николай Парѳеновичъ пересталъ настаивать, но изъ взглядовъ Ипполита Кирилловича мигомъ успѣлъ усмотрѣть, что тотъ еще не теряетъ надежды.

— Не можете ли, по крайней мѣрѣ, объяснить: какой величины была сумма въ рукахъ вашихъ, когда вы вошли съ ней къ господину Перхотину, то-есть сколько именно рублей?

— Не могу я этого объявить.

— Господину Перхотину вы, кажется, заявляли о трехъ тысячахъ, будто бы полученныхъ вами отъ госпожи Хохлаковой?

— Можетъ быть, и заявилъ. Довольно, господа, не скажу сколько.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ описать, какъ вы сюда поѣхали и все, чтò вы сдѣлали, сюда пріѣхавъ?

— Охъ, объ этомъ спросите всѣхъ здѣшнихъ. А, впрочемъ, пожалуй, и я разскажу.

Онъ разсказалъ, но мы уже приводить разсказа не будемъ. Разсказывалъ сухо, бѣгло. О восторгахъ любви своей не говорилъ вовсе. Разсказалъ, однако, какъ рѣшимость застрѣлиться въ немъ прошла „въ виду новыхъ

фактовъ". Онъ разсказывалъ не мотивируя, не вдаваясь въ подробности. Да и слѣдователи не очень его на этотъ разъ безпокоили: ясно было, что и для нихъ не въ томъ состоитъ теперь главный пунктъ.

— Мы это все провѣримъ, ко всему еще возвратимся при допросѣ свидѣтелей, который будетъ, конечно, происходить въ вашемъ присутствіи, заключилъ допросъ Николай Парѳеновичъ.—Теперь же позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, выложить сюда на столъ всѣ ваши вещи, находящіяся при васъ, а, главное, всѣ деньги, какія только теперь имѣете.

— Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь даже, какъ раньше не полюбопытствовали. Правда, никуда бы не ушелъ, на виду сижу. Ну, вотъ онѣ, мои деньги, вотъ считайте, берите, всѣ, кажется.

Онъ вынулъ все изъ кармановъ, даже мелочь, два двугривенныхъ вытащилъ изъ бокового жилетнаго кармана. Сосчитали деньги, оказалось восемьсотъ тридцать шесть рублей сорокъ копеекъ.

— И это все? спросилъ слѣдователь.

— Все.

— Вы изволили сказать сейчасъ, дѣлая показанія ваши, что въ лавкѣ Плотниковыхъ оставили триста рублей. Перхотину дали десять, ямщику двадцать, здѣсь проиграли двѣсти, потомъ...

Николай Парѳеновичъ пересчиталъ все. Митя помогъ охотно. Припомнили и включили въ счетъ всякую копейку. Николай Парѳеновичъ бѣгло свелъ итогъ.

— Съ этими восьмьюстами было, стало быть, всего у васъ первоначально около полутора тысячъ?

— Стало быть, отрѣзалъ Митя.

— Какъ же всѣ утверждаютъ, что было гораздо болѣе.

— Пусть утверждаютъ.

— Да и вы сами утверждали.

— И я самъ утверждалъ.

— Мы еще провѣримъ все это свидѣтельствами еще не спрошенныхъ другихъ лицъ; о деньгахъ вашихъ не безпокойтесь, онѣ сохранятся гдѣ слѣдуетъ и окажутся къ вашимъ услугамъ по окончаніи всего... начавшагося... если окажется или, такъ сказать, докажется, что вы имѣете на нихъ неоспоримое право. Ну-съ, а теперь...

Николай Парѳеновичъ вдругъ всталъ и твердо объявилъ Митѣ, что „принужденъ и долженъ" учинить самый по-

дробный и точнѣйшій осмотръ „какъ платья вашего, такъ и всего“...

— Извольте, господа, всѣ карманы выверну, если хотите.

И онъ дѣйствительно принялся было вывертывать карманы.

— Необходимо даже снять одежду.

— Какъ? Раздѣться? Фу, чортъ! Да обыщите такъ? Нельзя ли такъ?

— Ни за что̀ нельзя, Дмитрій Ѳедоровичъ. Надо одежду снять.

— Какъ хотите, мрачно подчинился Митя, — только, пожалуйста, не здѣсь, а за занавѣсками. Кто будетъ осматривать?

— Конечно, за занавѣсками, въ знакъ согласія наклонилъ голову Николай Парѳеновичъ. Личико его изобразило особенную даже важность.

VI.

Прокуроръ поймалъ Митю.

Началось нѣчто совсѣмъ для Мити неожиданное и удивительное. Онъ ни за что̀ бы не могъ прежде, даже за минуту предъ симъ, предположить, чтобы такъ могъ кто-нибудь обойтись съ нимъ, съ Митей Карамазовымъ! Главное, явилось нѣчто унизительное, а съ ихъ стороны „высокомѣрное и къ нему презрительное“. Еще ничего бы снять сюртукъ, но его попросили раздѣться и далѣе. И не то что попросили, а въ сущности приказали; онъ это отлично понялъ. Изъ гордости и презрѣнія онъ подчинился вполнѣ, безъ словъ. За занавѣску вошли, кромѣ Николая Парѳеновича, и прокуроръ, присутствовали и нѣсколько мужиковъ, „конечно для силы“, подумалъ Митя, „а, можетъ, и еще для чего-нибудь“.

— Что̀ жъ, неужели и рубашку снимать? рѣзко спросилъ было онъ, но Николай Парѳеновичъ ему не отвѣтилъ: онъ вмѣстѣ съ прокуроромъ былъ углубленъ въ разсматриваніе сюртука, панталонъ, жилета и фуражки, и видно было, что оба они очень заинтересовались осмотромъ: „Совсѣмъ не церемонятся“, мелькнуло у Мити, „даже вѣжливости необходимой не наблюдаютъ“.

— Я васъ спрашиваю во второй разъ: надо или нѣтъ снимать рубашку? проговорилъ онъ еще рѣзче и раздражительнѣе.

— Не безпокойтесь, мы васъ увѣдомимъ, какъ-то на-

чальственно даже отвѣтилъ Николай Парѳеновичъ. По крайней мѣрѣ, Митѣ такъ показалось.

Между слѣдователемъ и прокуроромъ шло между тѣмъ заботливое совѣщаніе вполголоса. Оказались на сюртукѣ, особенно на лѣвой полѣ, сзади, огромныя пятна крови, засохшія, заскорузлыя и не очень еще размятыя. На панталонахъ тоже. Николай Парѳеновичъ, кромѣ того, собственноручно, въ присутствіи понятыхъ, прошелъ пальцами по воротнику, по обшлагамъ и по всѣмъ швамъ сюртука и панталонъ, очевидно, чего-то отыскивая,—конечно, денегъ. Главное, не скрывали отъ Мити подозрѣній, что онъ могъ и способенъ былъ зашить деньги въ платье. „Это ужъ прямо какъ съ воромъ, а не какъ съ офицеромъ“, проворчалъ онъ про себя. Сообщали же другъ другу мысли свои при немъ до странности откровенно. Напримѣръ, письмоводитель, очутившійся тоже за занавѣской, суетившійся и прислуживавшій, обратилъ вниманіе Николая Парѳеновича на фуражку, которую тоже ощупали: „Помните Гриденку писаря-съ, замѣтилъ письмоводитель: лѣтомъ жалованье ѣздилъ получать на всю канцелярію, а вернувшись, заявилъ, что потерялъ въ пьяномъ видѣ,—такъ гдѣ же нашли? Вотъ въ этихъ самыхъ кантикахъ, въ фуражкѣ-съ, сторублевыя были свернуты трубочками-съ и въ кантики зашиты“. Фактъ съ Гриденкой очень помнили и слѣдователь, и прокуроръ, а потому и Митину фуражку отложили и рѣшили, что все это надо будетъ потомъ пересмотрѣть серьезно, да и все платье.

— Позвольте, вскрикнулъ вдругъ Николай Парѳеновичъ, замѣтивъ ввернутый внутрь правый обшлагъ праваго рукава рубашки Мити, весь залитый кровью,—позвольте-съ, это какъ же, кровь?

— Кровь, отрѣзалъ Митя.

— То-есть это какая же-съ... и почему ввернуто внутрь рукава?

Митя разсказалъ, какъ онъ запачкалъ обшлагъ, возясь съ Григоріемъ, и ввернулъ его внутрь еще у Перхотина, когда мылъ у него руки.

— Рубашку вашу тоже придется взять, это очень важно... для вещественныхъ доказательствъ. Митя покраснѣлъ и разсвирѣпѣлъ.

— Что жъ мнѣ голымъ оставаться! крикнулъ онъ.

— Не безпокойтесь... мы какъ-нибудь поправимъ это, а пока потрудитесь снять и носки.

— Вы не шутите? Это дѣйствительно такъ необходимо? сверкнулъ глазами Митя.

— Намъ не до шутокъ! строго отпарировалъ Николай Парѳеновичъ.

— Что жъ, если надо... я... забормоталъ Митя и, сѣвъ на кровать, началъ снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: всѣ одѣты, а онъ раздѣтъ и, странно это,— раздѣтый, онъ какъ бы и самъ почувствовалъ себя предъ ними виноватымъ, и, главное, самъ былъ почти согласенъ, что дѣйствительно вдругъ сталъ всѣхъ ихъ ниже и что теперь они уже имѣютъ полное право его презирать. „Коли всѣ раздѣты, такъ не стыдно, а одинъ раздѣтъ, а всѣ смотрятъ—позоръ!“ мелькало опять и опять у него въ умѣ! „Точно во снѣ, я во снѣ иногда такіе позоры надъ собою видывалъ“. Но снять носки ему было даже мучительно; они были очень не чисты, да и нижнее бѣлье тоже, и теперь это всѣ увидали. А главное, онъ самъ не любилъ свои ноги, почему-то всю жизнь находилъ свои большіе пальцы на обѣихъ ногахъ уродливыми, особенно одинъ грубый, плоскій, какъ-то загнувшійся внизъ ноготь на правой ногѣ, и вотъ теперь всѣ они увидятъ. Отъ нестерпимаго стыда онъ вдругъ сталъ еще болѣе и уже нарочно грубъ. Онъ самъ сорвалъ съ себя рубашку.

— Не хотите ли и еще гдѣ поискать, если вамъ не стыдно?

— Нѣтъ-съ, пока не надо.

— Что жъ, мнѣ такъ и оставаться голымъ? свирѣпо прибавилъ онъ.

— Да, это пока необходимо... Потрудитесь пока здѣсь присѣсть, можете взять съ кровати одѣло и завернуться, а я... я это все улажу.

Всѣ вещи показали понятымъ, составили актъ осмотра и, наконецъ, Николай Парѳеновичъ вышелъ, а платье вынесли за нимъ. Ипполитъ Кирилловичъ тоже вышелъ. Остались съ Митей одни мужики и стояли молча, не спуская съ него глазъ. Митя завернулся въ одѣяло, ему стало холодно. Голыя ноги его торчали наружу и онъ все никакъ не могъ такъ напялить на нихъ одѣяло, чтобъ ихъ закрыть. Николай Парѳеновичъ что-то долго не возвращался, „истязательно долго“, „за щепка меня почитаетъ“, скрежеталъ зубами Митя. „Эта дрянь прокуроръ тоже ушелъ, вѣрно изъ презрѣнія, гадко стало смотрѣть на голаго“. Митя все-таки полагалъ, что платье

его тамъ гдѣ-то осмотрятъ и принесутъ обратно. Но каково же было его негодованіе, когда Николай Парѳеновичъ вдругъ воротился совсѣмъ съ другимъ платьемъ, которое несъ за нимъ мужикъ.

— Ну, вотъ вамъ и платье, развязно проговорилъ онъ, повидимому, очень довольный успѣхомъ своего хожденія. Это господинъ Калгановъ жертвуетъ на сей любопытный случай, равно какъ и чистую вамъ рубашку. Съ нимъ все это, къ счастію, какъ разъ оказалось въ чемоданѣ. Нижнее бѣлье и носки можете сохранить свои.

Митя страшно вскипѣлъ:

— Не хочу чужого платья! грозно закричалъ онъ,— давайте мое!

— Невозможно.

— Давайте мое, къ чорту Калганова, и его платье, и его самого!

Его долго уговаривали. Кое-какъ, однако, успокоили. Ему внушили, что платье его, какъ запачканное кровью, должно „примкнуть къ собранію вещественныхъ доказательствъ“, оставить же его на немъ они теперь „не имѣютъ даже и права... въ видахъ того, чѣмъ можетъ окончиться дѣло“. Митя кое-какъ, наконецъ, это понялъ. Онъ мрачно замолчалъ и сталъ, однако, одѣваться. Замѣтилъ только, надѣвая платье, что оно богаче его стараго платья и что онъ бы не хотѣлъ „пользоваться“. Кромѣ того „унизительно узко. Шута, что ли, я гороховаго долженъ въ немъ разыгрывать... къ вашему наслажденію?“

Ему опять внушили, что онъ и тутъ преувеличиваетъ, что господинъ Калгановъ, хотя и выше его ростомъ, но лишь немного, и развѣ только вотъ панталоны выйдутъ длинноваты. Но сюртукъ оказался дѣйствительно узокъ въ плечахъ.

— Чортъ возьми, и застегнуться трудно, заворчалъ Митя, — сдѣлайте одолженіе, извольте отъ меня сей же часъ передать господину Калганову, что не я просилъ у него его платья, и что меня самого перерядили въ шута.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ и сожалѣетъ... то-есть не о платьѣ своемъ сожалѣетъ, а собственно обо всемъ этомъ случаѣ, промямлилъ было Николай Парѳеновичъ.

— Наплевать на его сожалѣніе! Ну, куда теперь? Или все здѣсь сидѣть?

Его попросили выйти опять въ „ту комнату“. Митя

вышелъ хмурый отъ злобы и стараясь ни на кого не глядѣть. Въ чужомъ платьѣ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ опозореннымъ, даже предъ этими мужиками и Трифономъ Борисовичемъ, лицо котораго вдругъ зачѣмъ-то мелькнуло въ дверяхъ и исчезло. „На ряженаго взглянуть приходилъ“, подумалъ Митя. Онъ усѣлся на своемъ прежнемъ стулѣ. Мерещилось ему что-то кошмарное и нелѣпое, казалось ему, что онъ не въ своемъ умѣ.

— Ну, что жъ теперь, пороть розгами, что ли, меня начнете, вѣдь больше-то ничего не осталось, заскрежеталъ онъ, обращаясь къ прокурору.

Къ Николаю Парѳеновичу онъ и повернуться уже не хотѣлъ, какъ бы и говорить съ нимъ не удостоивая. „Слишкомъ ужъ пристально мои носки осматривалъ, да еще велѣлъ, подлецъ, выворотить, это онъ нарочно, чтобы выставить всѣмъ, какое у меня грязное бѣлье“.

— Да вотъ придется теперь перейти къ допросу свидѣтелей, произнесъ Николай Парѳеновичъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Да-съ, вдумчиво проговорилъ прокуроръ, тоже какъ бы что-то соображая.

— Мы, Дмитрій Ѳедоровичъ, сдѣлали что̀ могли въ вашихъ же интересахъ, продолжалъ Николай Парѳеновичъ,—но, получивъ столь радикальный съ вашей стороны отказъ разъяснить намъ насчетъ происхожденія находившейся при васъ суммы, мы, въ данную минуту...

— Это изъ чего у васъ перстень? перебилъ вдругъ Митя, какъ бы выходя изъ какой-то задумчивости и указывая пальцемъ на одинъ изъ трехъ большихъ перстней, украшавшихъ правую руку Николая Парѳеновича.

— Перстень? переспросилъ съ удивленіемъ Николай Парѳеновичъ.

— Да, вотъ этотъ... вотъ на среднемъ пальцѣ, съ жилочками, какой это камень? какъ-то раздражительно, словно упрямый ребенокъ, настаивалъ Митя.

— Это дымчатый топазъ, улыбнулся Николай Парѳеновичъ, — хотите посмотрѣть, я сниму...

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте! свирѣпо крикнулъ Митя, вдругъ опомнившись и озлившись на себя самого, — не снимайте, не надо... Чортъ... Господа, вы угадали мою душу! Неужели вы думаете, что я сталъ бы скрывать отъ васъ, если бы въ самомъ дѣлѣ убилъ отца, вилять, лгать и прятаться! Нѣтъ, не таковъ Дмитрій Карамазовъ, онъ бы

этого не вынесъ, и если бъ я былъ виновенъ, клянусь, не ждалъ бы вашего сюда прибытія и восхода солнца, какъ намѣревался сначала, а истребилъ бы себя еще прежде, еще не дожидаясь разсвѣта! Я чувствую это теперь по себѣ. Я въ двадцать лѣтъ жизни не научился бы столькому, сколько узналъ въ эту проклятую ночь!.. И таковъ ли, таковъ ли былъ бы я въ эту ночь, и въ эту минуту теперь, сидя съ вами, — такъ ли бы я говорилъ, такъ ли двигался, такъ ли бы смотрѣлъ на васъ и на міръ, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ отцеубійцей, когда даже нечаянное это убійство Григорія не давало мнѣ покоя всю ночь, — не отъ страха, о! не отъ одного только страха вашего наказанія! Позоръ! И вы хотите, чтобъ я такимъ насмѣшникамъ какъ вы, ничего не видящимъ и ничему не вѣрящимъ, слѣпымъ кротамъ и насмѣшникамъ, сталъ открывать и разсказывать еще новую подлость мою, еще новый позоръ, хотя бы это и спасло меня отъ вашего обвиненія? Да лучше въ каторгу! Тотъ, который отперъ къ отцу дверь и вошелъ этою дверью, тотъ и убилъ его, тотъ и обокралъ. Кто онъ — я теряюсь и мучаюсь, но это не Дмитрій Карамазовъ, знайте это, — и вотъ все, что я могу вамъ сказать, и довольно, довольно, не приставайте... Ссылайте, казните, но не раздражайте меня больше. Я замолчалъ. Зовите вашихъ свидѣтелей!

Митя проговорилъ свой внезапный монологъ, какъ бы совсѣмъ уже рѣшившись впредь окончательно замолчать. Прокуроръ все время слѣдилъ за нимъ и, только что онъ замолчалъ, съ самымъ холоднымъ и съ самымъ спокойнымъ видомъ вдругъ проговорилъ точно самую обыкновенную вещь:

— Вотъ именно по поводу этой отворенной двери, о которой вы сейчасъ упомянули, мы, и какъ разъ кстати, можемъ сообщить вамъ, именно теперь, одно чрезвычайно любопытное и въ высшей степени важное, для васъ и для насъ, показаніе раненаго вами старика Григорія Васильевича. Онъ ясно и настойчиво передалъ намъ очнувшись, на разспросы наши, что въ то еще время, когда, выйдя на крыльцо и заслышавъ въ саду нѣкоторый шумъ, онъ рѣшился войти въ садъ чрезъ калитку, стоявшую отпертою, то, войдя въ садъ, еще прежде чѣмъ замѣтилъ васъ въ темнотѣ убѣгающаго, какъ вы сообщили уже намъ, отъ отвореннаго окошка, въ которомъ видѣли вашего родителя, онъ, Григорій, бросивъ взглядъ налѣво и замѣ-

тивъ дѣйствительно это отворенное окошко, замѣтилъ въ то же время, гораздо ближе къ себѣ, и настежь отворенную дверь, про которую вы заявили, что она все время, какъ вы были въ саду, оставалась запертою. Не скрою отъ васъ, что самъ Васильевъ твердо заключаетъ и свидѣтельствуетъ, что вы должны были выбѣжать изъ двери, хотя, конечно, онъ своими глазами и не видалъ, какъ вы выбѣгали, запримѣтивъ васъ въ первый моментъ уже въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, среди сада, убѣгающаго къ сторонѣ забора...

Митя еще съ половины рѣчи вскочилъ со стула.

— Вздоръ! завопилъ онъ вдругъ въ изступленіи,—наглый обманъ! Онъ не могъ видѣть отворенную дверь, потому что она была тогда заперта... Онъ лжетъ.

— Долгомъ считаю вамъ повторить, что показаніе его твердое. Онъ не колеблется. Онъ стоитъ на немъ. Мы нѣсколько разъ его переспрашивали.

— Именно, я нѣсколько разъ переспрашивалъ! съ жаромъ подтвердилъ и Николай Парѳеновичъ.

— Неправда, неправда! Это или клевета на меня, или галлюцинація сумасшедшаго, продолжалъ кричать Митя,— просто-запросто въ бреду, въ крови, отъ раны, ему померещилось, когда очнулся... Вотъ онъ и бредитъ.

— Да-съ, но вѣдь замѣтилъ онъ отпертую дверь не когда очнулся отъ раны, а еще прежде того, когда только онъ входилъ въ садъ изъ флигеля.

— Да неправда же, неправда, это не можетъ быть! Это онъ со злобы на меня клевещетъ... Онъ не могъ видѣть... Я не выбѣгалъ изъ двери, задыхался Митя.

Прокуроръ повернулся къ Николаю Парѳеновичу и внушительно проговорилъ ему:

— Предъявите.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? выложилъ вдругъ Николай Парѳеновичъ на столъ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскаго размѣра конвертъ, на которомъ виднѣлись еще три сохранившіяся печати.

Самый же конвертъ былъ пустъ и съ одного бока разорванъ. Митя выпучилъ на него глаза.

— Это... это отцовскій, стало-быть, конвертъ, пробормоталъ онъ, — тотъ самый, въ которомъ лежали эти три тысячи... и, если надпись, позвольте: „Цыпленочку"... вотъ: три тысячи, вскричалъ онъ, — три тысячи, видите?

— Какъ же-съ, видимъ, но мы денегъ уже въ немъ не

нашли, онъ былъ пустой и валялся на полу, у кровати за ширмами.

Нѣсколько секундъ Митя стоялъ какъ ошеломленный.

— Господа, это Смердяковъ! закричалъ онъ вдругъ изо всей силы, — это онъ убилъ, онъ ограбилъ! Только онъ одинъ и зналъ, гдѣ спрятанъ у старика конвертъ... Это онъ, теперь ясно!

— Но вѣдь и вы же знали про конвертъ и о томъ, что онъ лежитъ подъ подушкой.

— Никогда не зналъ; я и не видѣлъ никогда его вовсе, въ первый разъ теперь вижу, а прежде только отъ Смердякова слышалъ... Онъ одинъ зналъ, гдѣ у старика спрятано, а я не зналъ... совсѣмъ задыхался Митя.

— И, однакоже, вы сами показали намъ давеча, что конвертъ лежалъ у покойнаго родителя подъ подушкой. Вы именно сказали, что подъ подушкой, стало-быть, знали же, гдѣ лежалъ.

— Мы такъ и записали! подтвердилъ Николай Парѳеновичъ.

— Вздоръ, нелѣпость! Я совсѣмъ не зналъ, что подъ подушкой. Да, можетъ быть, вовсе и не подъ подушкой... Я наобумъ сказалъ, что подъ подушкой... Что̀ Смердяковъ говоритъ? Вы его спрашивали, гдѣ лежалъ? Что̀ Смердяковъ говоритъ? Это главное... А я нарочно налгалъ на себя... Я вамъ совралъ, не думавши, что лежалъ подъ подушкой, а вы теперь... Ну, знаете, сорвется съ языка и соврешь. А зналъ одинъ Смердяковъ, только одинъ Смердяковъ и никто больше!.. Онъ и мнѣ не открылъ, гдѣ лежитъ! Но это онъ, это онъ; это несомнѣнно онъ убилъ, это мнѣ теперь ясно какъ свѣтъ, восклицалъ все болѣе и болѣе въ изступленіи Митя, безсвязно повторяясь, горячась и ожесточаясь.—Поймите вы это и арестуйте его скорѣе, скорѣй... Онъ именно убилъ, когда я убѣжалъ и когда Григорій лежалъ безъ чувствъ, это теперь ясно... Онъ подалъ знаки и отецъ ему отперъ... Потому что только онъ одинъ и зналъ знаки, а безъ знаковъ отецъ бы никому не отперъ...

— Но опять вы забываете то обстоятельство, все такъ же сдержанно, но какъ бы уже торжествуя, замѣтилъ прокуроръ,—что знаковъ и подавать было не надо, если дверь уже стояла отпертою, еще при васъ, еще, когда вы находились въ саду...

— Дверь, дверь! бормоталъ Митя и безмолвно уста-

вился на прокурора: онъ въ безсиліи опустился опять на стулъ.

Всѣ замолчали.

— Да, дверь!.. Это фантомъ! Богъ противъ меня! воскликнулъ онъ, совсѣмъ уже безъ мысли глядя предъ собою.

— Вотъ видите, важно проговорилъ прокуроръ, — и посудите теперь сами, Дмитрій Ѳедоровичъ: съ одной стороны, это показаніе объ отворенной двери, изъ которой вы выбѣжали, подавляющее васъ и насъ. Съ другой стороны—непонятное, упорное и почти ожесточенное умолчаніе ваше насчетъ происхожденія денегъ, вдругъ появившихся въ вашихъ рукахъ, тогда какъ еще за три часа до этой суммы вы, по собственному показанію, заложили пистолеты ваши, чтобы получить только десять рублей! Въ виду всего этого рѣшите сами: чему же намъ вѣрить и на чемъ остановиться? И не претендуйте на насъ, что мы „холодные циники и насмѣшливые люди", которые не въ состояніи вѣрить благороднымъ порывамъ вашей души... Вникните, напротивъ, и въ наше положеніе...

Митя былъ въ невообразимомъ волненіи, онъ поблѣднѣлъ.

— Хорошо! воскликнулъ онъ вдругъ,—я открою вамъ мою тайну, открою, откуда взялъ деньги!.. Открою позоръ, чтобы не винить потомъ ни васъ, ни себя.

— И повѣрьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, какимъ-то умиленно радостнымъ голосомъ подхватилъ Николай Парѳеновичъ,—что всякое искреннее и полное сознаніе ваше, сдѣланное именно въ теперешнюю минуту, можетъ впослѣдствіи повліять къ безмѣрному облегченію участи вашей и даже, кромѣ того...

Но прокуроръ слегка толкнулъ его подъ столомъ и тотъ успѣлъ во-время остановиться. Митя, правда, его и не слушалъ.

VII.

Великая тайна Мити. Освистали.

— Господа, началъ онъ все въ томъ же волненіи,— эти деньги... я хочу признаться вполнѣ... эти деньги были *мои*.

У прокурора и слѣдователя даже лица вытянулись, не того совсѣмъ они ожидали.

— Какъ же ваши, пролепеталъ Николай Парѳено-

вичъ,—тогда какъ еще въ пять часовъ дня, по собственному признанію вашему...

— Э, къ чорту пять часовъ того дня и собственное признаніе мое, не въ томъ теперь дѣло! Эти деньги были мои, мои, то-есть краденыя мои... не мои, то-есть, а краденыя, мною украденныя, и ихъ было полторы тысячи, и онѣ были со мной, все время со мной...

— Да откуда же вы ихъ взяли?

— Съ шеи, господа, взялъ, съ шеи, вотъ съ этой самой моей шеи... здѣсь онѣ были, у меня на шеѣ, зашиты въ тряпку и висѣли на шеѣ, уже давно, уже мѣсяцъ, какъ я ихъ на шеѣ со стыдомъ и съ позоромъ носилъ!

— Но у кого же вы ихъ... присвоили?

— Вы хотѣли сказать: „украли"? Говорите теперь слова прямо. Да, я считаю, что я ихъ все равно, что укралъ, а если хотите, дѣйствительно „присвоилъ". Но, по-моему, укралъ. А вчера, вечеромъ, такъ ужъ совсѣмъ укралъ.

— Вчера вечеромъ? Но вы сейчасъ сказали, что ужъ мѣсяцъ, какъ ихъ... достали!

— Да, но не у отца, не у отца, не безпокойтесь, не у отца укралъ, а у ней. Дайте разсказать и не перебивайте. Это вѣдь тяжело. Видите: мѣсяцъ назадъ призываетъ меня Катерина Ивановна Верховцева, бывшая невѣста моя... Знаете вы ее?

— Какъ же-съ, помилуйте.

— Знаю, что знаете. Благороднѣйшая душа, благороднѣйшая изъ благородныхъ, но меня ненавидѣвшая давно уже, о, давно, давно... и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!

— Катерина Ивановна? съ удивленіемъ переспросилъ слѣдователь.

Прокуроръ тоже ужасно уставился.

— О, не произносите имени ея всуе! Я подлецъ, что ее вывожу. Да, я видѣлъ, что она меня ненавидѣла... давно, съ самаго перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ... Но, довольно, довольно, это вы даже и знать недостойны, это не надо вовсе... А надо лишь то, что она призвала меня мѣсяцъ назадъ, выдала мнѣ три тысячи, чтобъ отослать своей сестрѣ и еще одной родственницѣ въ Москву (и какъ будто сама не могла послать!), а я... это было именно въ тотъ роковой часъ моей жизни, когда я... ну, однимъ словомъ, когда

я только что полюбилъ другую, *ее*, теперешнюю, вонъ она у васъ теперь тамъ внизу сидитъ, Грушеньку... я схватилъ ее тогда сюда, въ Мокрое, и прокутилъ здѣсь въ два дня половину этихъ проклятыхъ трехъ тысячъ, то-есть полторы тысячи, а другую половину удержалъ на себѣ. Ну, вотъ эти полторы тысячи, которыя я удержалъ, я и носилъ съ собой на шеѣ, вмѣсто ладонки, а вчера распечаталъ и прокутилъ. Сдача въ восемьсотъ рублей у васъ теперь въ рукахъ, Николай Парѳеновичъ, это сдача со вчерашнихъ полутора тысячъ.

— Позвольте, какъ же это, вѣдь вы прокутили тогда здѣсь, мѣсяцъ назадъ, три тысячи, а не полторы, всѣ это знаютъ?

— Кто жъ это знаетъ? Кто считалъ? Кому я давалъ считать?

— Помилуйте, да вы сами говорили всѣмъ, что прокутили тогда ровно три тысячи.

— Правда, говорилъ, всему городу говорилъ и весь городъ говорилъ, и всѣ такъ считали, и здѣсь, въ Мокромъ, также всѣ считали, что три тысячи. Только все-таки я прокутилъ не три, а полторы тысячи, а другія полторы зашилъ въ ладонку; вотъ какъ было, господа, вотъ откуда эти вчерашнія деньги...

— Это почти чудесно... пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

— Позвольте спросить, проговорилъ, наконецъ, прокуроръ,—не объявили ли вы хоть кому-нибудь объ этомъ обстоятельствѣ прежде... то-есть, что полторы эти тысячи оставили тогда же, мѣсяцъ назадъ, при себѣ?

— Никому не говорилъ.

— Это странно. Неужели такъ-таки совсѣмъ никому?

— Совсѣмъ никому. Никому и никому.

— Но почему же такое умолчаніе? Что побудило васъ сдѣлать изъ этого такой секретъ! Я объяснюсь точнѣе: вы объявили намъ, наконецъ, вашу тайну, по словамъ вашимъ, столь „позорную“, хотя, въ сущности—то-есть, конечно, лишь относительно говоря—этотъ поступокъ, то-есть именно присвоеніе чужихъ трехъ тысячъ рублей, и, безъ сомнѣнія, лишь временное, поступокъ этотъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, есть лишь въ высшей степени поступокъ легкомысленный, но не столь позорный, принимая, кромѣ того, во вниманіе и вашъ характеръ... Ну, положимъ, даже и зазорный въ высшей сте-

пени поступокъ, я согласенъ, но зазорный—все же не позорный... То-есть я веду собственно къ тому, что про растраченныя вами эти три тысячи отъ госпожи Верховцевой уже многіе догадывались въ этотъ мѣсяцъ и безъ вашего признанія, я слышалъ эту легенду самъ... Михаилъ Макаровичъ, напримѣръ, тоже слышалъ. Такъ что, наконецъ, это почти уже не легенда, а сплетня всего города. Къ тому же есть слѣды, что и вы сами, если не ошибаюсь, кому-то признавались въ этомъ, то-есть именно что деньги эти отъ госпожи Верховцевой... А потому и удивляетъ меня слишкомъ, что вы придавали до сихъ поръ, то-есть до самой настоящей минуты, такую необычайную тайну этимъ отложеннымъ, по вашимъ словамъ, полутора тысячамъ, сопрягая съ вашею тайною этою какой-то даже ужасъ... Невѣроятно, что подобная тайна могла стóить вамъ столькихъ мученій къ признанію... потому что вы кричали сейчасъ даже, что лучше на каторгу, чѣмъ признаться...

Прокуроръ замолкъ. Онъ разгорячился. Онъ не скрывалъ своей досады, почти злобы, и выложилъ все накопившееся, даже не заботясь о красотѣ слога, то-есть безсвязно и почти сбивчиво.

— Не въ полутора тысячахъ заключался позоръ, а въ томъ, что эти полторы тысячи я отдѣлилъ отъ тѣхъ трехъ тысячъ, твердо произнесъ Митя.

— Но чтò же, раздражительно усмѣхнулся прокуроръ,—чтò именно въ томъ позорнаго, что уже отъ взятыхъ зазорно, или, если сами желаете, то и позорно, трехъ тысячъ вы отдѣлили половину по своему усмотрѣнію? Важнѣе то, что вы три тысячи присвоили, а не то, какъ съ ними распорядились. Кстати, почему вы именно такъ распорядились, то-есть отдѣлили эту половину? Для чего, для какой цѣли такъ сдѣлали, можете это намъ объяснить?

— О, господа, да въ цѣли-то и вся сила! воскликнулъ Митя.—Отдѣлилъ по подлости, то-есть по расчету, ибо расчетъ въ этомъ случаѣ и есть подлость... И цѣлый мѣсяцъ продолжалась эта подлость!

— Непонятно.

— Удивляюсь вамъ. А, впрочемъ, объясняюсь еще, дѣйствительно, можетъ быть, непонятно. Видите, слѣдите за мной: я присвояю три тысячи, ввѣренныя моей чести, кучу на нихъ, прокутилъ всѣ, на утро являюсь къ ней и говорю: „Катя, виноватъ, я прокутилъ твои три тысячи“,—

ну что, хорошо? Нѣтъ, не хорошо, — безчестно и малодушно, звѣрь и до звѣрства не умѣющій сдержать себя человѣкъ, такъ ли, такъ ли? Но все же не воръ? Не прямой же вѣдь воръ, не прямой, согласитесь! Прокутилъ, но не укралъ! Теперь второй, еще выгоднѣйшій случай; слѣдите за мной, а то я, пожалуй, опять собьюсь,—какъ-то голова кружится,—итакъ, второй случай: прокучиваю я здѣсь только полторы тысячи изъ трехъ, то-есть половину. На другой день прихожу къ ней и приношу эту половину: „Катя, возьми отъ меня, мерзавца и легкомысленнаго подлеца, эту половину, потому что половину я прокутилъ, прокучу, стало быть, и эту, такъ чтобы отъ грѣха долой!“ Ну, какъ въ такомъ случаѣ? Все что угодно, и звѣрь и подлецъ, но уже не воръ, не воръ окончательно, ибо, если бъ воръ, то навѣрно бы не принесъ назадъ половину сдачи, а присвоилъ бы и ее. Тутъ же она видитъ, что коль скоро принесъ половину, то донесетъ и остальныя, то-есть прокученныя, всю жизнь искать будетъ, работать будетъ, но найдетъ и отдастъ. Такимъ образомъ, подлецъ, но не воръ, не воръ, какъ хотите, не воръ!

— Положимъ, что есть нѣкоторая разница, холодно усмѣхнулся прокуроръ.—Но странно все-таки, что вы видите въ этомъ такую роковую уже разницу.

— Да, вижу такую роковую разницу! Подлецомъ можетъ быть всякій, да и есть, пожалуй, всякій, но воромъ можетъ быть не всякій, а только архиподлецъ. Ну, да я тамъ этимъ тонкостямъ не умѣю... А только воръ подлѣе подлеца, вотъ мое убѣжденіе. Слушайте: я ношу деньги цѣлый мѣсяцъ на себѣ, завтра же я могу рѣшиться ихъ отдать, и я уже не подлецъ, но рѣшиться-то я не могу, вотъ что, хотя и каждый день рѣшаюсь, хотя и каждый день толкаю себя: „рѣшись, рѣшись, подлецъ“, и вотъ весь мѣсяцъ не могу рѣшиться, вотъ что! Что, хорошо по-вашему, хорошо?

— Положимъ, не такъ хорошо, это я отлично могу понять и въ этомъ я не спорю, сдержанно отвѣтилъ прокуроръ. — Да и вообще отложимъ всякое препираніе объ этихъ тонкостяхъ и различіяхъ, а вотъ опять-таки если бы вамъ угодно было перейти къ дѣлу. А дѣло именно въ томъ, что вы еще не изволили намъ объяснить, хотя мы и спрашивали: для чего первоначально сдѣлали такое раздѣленіе въ этихъ трехъ тысячахъ, то-есть одну половину прокутили, а другую припрятали? Именно для чего

собственно припрятали, на что хотѣли собственно эти отдѣльныя полторы тысячи употребить? Я на этомъ вопросѣ настаиваю, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Митя, ударивъ себя по лбу,—простите, я васъ мучаю, а главнаго и не объясню, а то бы вы вмигъ поняли, ибо въ цѣли-то, въ цѣли-то этой и позоръ! Видите, тутъ все этотъ старикъ, покойникъ, онъ все Аграфену Александровну смущалъ, а я ревновалъ, думалъ тогда, что она колеблется между мною и имъ; вотъ и думаю каждый день: что если вдругъ съ ея стороны рѣшеніе, что если она устанетъ меня мучить, и вдругъ скажетъ мнѣ: „тебя люблю, а не его, увози меня на край свѣта". А у меня всего два двугривенныхъ; съ чѣмъ увезешь, что тогда дѣлать,—вотъ и пропалъ. Я вѣдь ее тогда не зналъ и не понималъ, я думалъ, что ей денегъ надо и что нищеты моей она мнѣ не проститъ. И вотъ я ехидно отсчитываю половину отъ трехъ тысячъ и зашиваю иглой хладнокровно, зашиваю съ расчетомъ, еще до пьянства зашиваю, а потомъ, какъ ужъ зашилъ, на остальную половину ѣду пьянствовать! Нѣтъ-съ, это подлость! Поняли теперь?

Прокуроръ громко разсмѣялся, слѣдователь тоже.

— По-моему, даже благоразумно и нравственно, что удержались и не всѣ прокутили, прохихикалъ Николай Парѳеновичъ;—потому что, что же тутъ такого-съ?

— Да то, что укралъ, вотъ что! О, Боже, вы меня ужасаете непониманіемъ! Все время, пока я носилъ эти полторы тысячи зашитыя на груди, я каждый день и каждый часъ говорилъ себѣ: „ты воръ, ты воръ!" Да я оттого и свирѣпствовалъ въ этотъ мѣсяцъ, оттого и дрался въ трактирѣ, оттого и отца избилъ, что чувствовалъ себя воромъ! Я даже Алешѣ, брату моему, не рѣшился и не посмѣлъ открыть про эти полторы тысячи: до того чувствовалъ, что подлецъ и мазурикъ! Но знайте, что пока я носилъ, я въ то же время каждый день и каждый часъ мой говорилъ себѣ: „Нѣтъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, ты, можетъ быть, еще и не воръ". Почему? А именно потому, что ты можешь завтра пойти и отдать эти полторы тысячи Катѣ. И вотъ вчера только я рѣшился сорвать мою ладонку съ шеи, идя отъ Ѳени къ Перхотину, а до той минуты не рѣшался, и только что сорвалъ, въ ту же минуту сталъ уже окончательный и безспорный воръ, воръ и безчестный человѣкъ на всю жизнь. Почему? Потому что вмѣ-

стѣ съ ладонкой и мечту мою пойти къ Катѣ и сказать: „Я подлецъ, а не воръ“ разорвалъ! Понимаете теперь, понимаете?

— Почему же вы именно вчера вечеромъ на это рѣшились? прервалъ было Николай Пароеновичъ.

— Почему? Смѣшно спрашивать: потому что осудилъ себя на смерть, въ пять часовъ утра, здѣсь, на разсвѣтѣ: „Вѣдь все равно, подумалъ, умирать подлецомъ или благороднымъ!“ Такъ вотъ нѣтъ же, не все равно оказалось! Вѣрите ли, господа, не то, не то меня мучило больше всего въ эту ночь, что я старика-слугу убилъ, и что грозила Сибирь, и еще когда? когда увѣнчалась любовь моя и небо открылось мнѣ снова! О, это мучило, но не такъ; все же не такъ, какъ это проклятое сознаніе, что я сорвалъ, наконецъ, съ груди эти проклятыя деньги и ихъ растратилъ, а, стало быть, теперь уже воръ окончательный! О, господа, повторяю вамъ съ кровью сердца: много я узналъ въ эту ночь! Узналъ я, что не только жить подлецомъ невозможно, но и умирать подлецомъ невозможно... Нѣтъ, господа, умирать надо честно!..

Митя былъ блѣденъ. Лицо его имѣло изможденный и измученный видъ, несмотря на то, что онъ былъ до крайности разгоряченъ.

— Я начинаю васъ понимать, Дмитрій Ѳедоровичъ, мягко и даже какъ бы сострадательно протянулъ прокуроръ,—но все это, воля ваша, по-моему лишь нервы... болѣзненные нервы ваши, вотъ что̀-съ. И почему бы, напримѣръ, вамъ, чтобъ избавить себя отъ столькихъ мукъ, почти цѣлаго мѣсяца, не пойти и не отдать эти полторы тысячи той особѣ, которая вамъ ихъ довѣрила, и, уже объяснившись съ нею, почему бы вамъ, въ виду вашего тогдашняго положенія, столь ужаснаго, какъ вы его рисуете, не испробовать комбинацію, столь естественно представляющуюся уму, то-есть послѣ благороднаго признанія ей въ вашихъ ошибкахъ, почему бы вамъ у ней же и не попросить потребную на ваши расходы сумму, въ которой она, при великодушномъ сердцѣ своемъ и видя ваше разстройство, ужъ конечно бы, вамъ не отказала, особенно, если бы подъ документъ, или, наконецъ, хотя бы подъ такое же обезпеченіе, которое вы предлагали купцу Самсонову и госпожѣ Хохлаковой? Вѣдь считаете же вы даже до сихъ поръ это обезпеченіе цѣннымъ?

Митя вдругъ покраснѣлъ:

— Неужто же вы меня считаете даже до такой ужъ степени подлецомъ? Не можетъ быть, чтобы вы это серьезно! проговорилъ онъ съ негодованіемъ, смотря въ глаза прокурору и какъ бы не вѣря, что отъ него слышалъ.

— Увѣряю васъ, что серьезно... Почему вы думаете, что не серьезно? удивился въ свою очередь и прокуроръ.

— О, какъ это было бы подло! Господа, знаете ли вы, что вы меня мучаете! Извольте, я вамъ все скажу, такъ и быть, я вамъ теперь уже во всей моей инфернальности признаюсь, но, чтобы васъ же устыдить, и вы сами удивитесь, до какой подлости можетъ дойти комбинація чувствъ человѣческихъ. Знайте же, что я уже имѣлъ эту комбинацію самъ, вотъ эту самую, про которую вы сейчасъ говорили, прокуроръ! Да, господа, и у меня была эта мысль, въ этотъ проклятый мѣсяцъ, такъ что почти уже рѣшался идти къ Катѣ, до того былъ подлъ! Но идти къ ней, объявить ей мою измѣну, и на эту же измѣну, для исполненія же этой измѣны, для предстоящихъ расходовъ на эту измѣну, у ней же, у Кати же, просить денегъ (просить, слышите, просить!) и тотчасъ отъ нея же убѣжать съ другою, съ ея соперницей, съ ея ненавистницей и обидчицей,—помилуйте, да вы съ ума сошли, прокуроръ!

— Съ ума не съ ума, но, конечно, я сгоряча не сообразилъ... насчетъ этой самой вотъ женской ревности... если тутъ, дѣйствительно, могла быть ревность, какъ вы утверждаете... да, пожалуй, тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ, усмѣхнулся прокуроръ.

— Но это была бы ужъ такая мерзость, свирѣпо ударилъ Митя кулакомъ по столу,—это такъ бы воняло, что ужъ я и не знаю! Да знаете ли вы, что она могла бы мнѣ дать эти деньги, да и дала бы, навѣрно дала бы, изъ отмщенія мнѣ дала бы, изъ наслажденія мщеніемъ, изъ презрѣнія ко мнѣ дала бы, потому что это тоже инфернальная душа и великаго гнѣва женщина! Я-то бы деньги взялъ, о, взялъ бы, взялъ, и тогда всю жизнь... о, Боже! Простите, господа, я потому такъ кричу, что у меня была эта мысль еще такъ недавно, еще всего только третьяго дня, именно когда я ночью съ Лягавымъ возился, и потомъ вчера, да и вчера, весь день вчера, я помню это, до самаго этого случая...

— До какого случая? ввернулъ было Николай Парѳеновичъ съ любопытствомъ, но Митя не разслышалъ.

— Я сдѣлалъ вамъ страшное признаніе, мрачно заключилъ онъ.—Оцѣните же его, господа. Да мало того, мало оцѣнить, не оцѣните, а цѣните его, а если нѣтъ, если и это пройдетъ мимо вашихъ душъ: то тогда уже вы прямо не уважаете меня, господа, вотъ что̀ я вамъ говорю, и я умру отъ стыда, что признался такимъ, какъ вы! О, я застрѣлюсь! Да, я уже вижу, вижу, что вы мнѣ не вѣрите! Какъ, такъ вы и это хотите записывать? вскричалъ онъ уже въ испугѣ.

— Да вотъ что̀ вы сейчасъ сказали, въ удивленіи смотрѣлъ на него Николай Парѳеновичъ, — то-есть, что вы до самаго послѣдняго часа все еще располагали идти къ госпожѣ Верховцевой просить у нея эту сумму... Увѣряю васъ, что это очень важное для насъ показаніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, то-есть про весь этотъ случай... и особенно для васъ, особенно для васъ важное.

— Помилосердуйте, господа, всплеснулъ руками Митя,— хоть этого-то не пишите, постыдитесь! Вѣдь я, такъ сказать, душу мою разорвалъ пополамъ предъ вами, а вы воспользовались и роетесь пальцами по разорванному мѣсту въ обѣихъ половинахъ... О, Боже!

Онъ закрылся въ отчаяніи руками.

— Не безпокойтесь такъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, заключилъ прокуроръ,—все теперь записанное вы потомъ прослушаете сами и съ чѣмъ не согласитесь, мы по вашимъ словамъ измѣнимъ, а теперь я вамъ одинъ вопросикъ еще въ третій разъ повторю: неужто въ самомъ дѣлѣ никто, такъ-таки вовсе никто, не слыхалъ отъ васъ объ этихъ зашитыхъ вами въ ладонку деньгахъ? Это, я вамъ скажу, почти невозможно представить.

— Никто, никто, я сказалъ, иначе вы ничего не поняли! Оставьте меня въ покоѣ.

— Извольте-съ, это дѣло должно объясниться и еще много къ тому времени впереди, но пока разсудите: у насъ, можетъ быть, десятки свидѣтельствъ о томъ, что вы именно сами распространяли, и даже кричали вездѣ о трехъ тысячахъ, истраченныхъ вами, о трехъ, а не о полутора, да и теперь, при появленіи вчерашнихъ денегъ, тоже многимъ успѣли дать знать, что денегъ опять привезли съ собою три тысячи...

— Не десятки, а сотни свидѣтельствъ у васъ въ рукахъ, двѣ сотни свидѣтельствъ, двѣ сотни человѣкъ слышали, тысяча слышала! воскликнулъ Митя.

— Ну, вотъ видите-съ, всѣ, всѣ свидѣтельствуютъ. Такъ вѣдь значитъ же что-нибудь слово *всѣ*.

— Ничего не значитъ, я совралъ, а за мной и всѣ стали врать.

— Да зачѣмъ же вамъ-то такъ надо было „врать", какъ вы изъясняетесь?

— А чортъ знаетъ. Изъ похвальбы, можетъ быть... такъ... что вотъ такъ много денегъ прокутилъ... Изъ того, можетъ, чтобъ объ этихъ зашитыхъ деньгахъ забыть... да, это именно оттого... чортъ... который разъ вы задаете этотъ вопросъ? Ну, совралъ и кончено, разъ совралъ и не хотѣлъ ужъ переправлять. Изъ-за чего иной разъ вретъ человѣкъ?

— Это очень трудно рѣшить, Дмитрій Ѳедоровичъ, изъ-за чего вретъ человѣкъ, внушительно проговорилъ прокуроръ.—Скажите, однако, велика ли была эта, какъ вы называете ее, ладонка, на вашей шеѣ?

— Нѣтъ, не велика.

— А какой, напримѣръ, величины?

— Бумажку сторублевую пополамъ сложить, вотъ и величина.

— А лучше бы вы намъ показали лоскутки? Вѣдь они гдѣ-нибудь при васъ.

— Э, чортъ... какія глупости... я не знаю, гдѣ они.

— Но позвольте, однако: гдѣ же и когда вы ее сняли съ шеи? Вѣдь вы, какъ сами показываете, домой не заходили?

— А вотъ какъ отъ Ѳени вышелъ и шелъ къ Перхотину, дорогой и сорвалъ съ шеи и вынулъ деньги.

— Въ темнотѣ?

— Для чего тутъ свѣчка? Я это пальцемъ въ одинъ мигъ сдѣлалъ.

— Безъ ножницъ, на улицѣ?

— На площади, кажется; зачѣмъ ножницы? Ветхая тряпка, сейчасъ разодралась.

— Куда же вы ее потомъ дѣли?

— Тамъ же и бросилъ.

— Гдѣ именно?

— Да на площади же, вообще на площади! Чортъ ее знаетъ, гдѣ на площади. Да для чего вамъ это?

— Это чрезвычайно важно, Дмитрій Ѳедоровичъ: вещественныя доказательства въ вашу же пользу, и какъ это вы не хотите понять? Кто же вамъ помогалъ зашивать мѣсяцъ назадъ?

— Никто не помогалъ, самъ зашилъ.

— Вы умѣете шить?

— Солдатъ долженъ умѣть шить, а тутъ и умѣнья никакого не надо.

— Гдѣ же вы взяли матеріалъ, то-есть эту тряпку, въ которую зашили?

— Неужто вы не смѣетесь?

— Отнюдь нѣтъ, и намъ вовсе не до смѣха, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Не помню, гдѣ взялъ тряпку, гдѣ-нибудь взялъ.

— Какъ бы, кажется, этого-то ужъ не запомнить.

— Да ей-Богу же не помню, можетъ, что-нибудь разодралъ изъ бѣлья.

— Это очень интересно: въ вашей квартирѣ могла бы завтра отыскаться эта вещь, рубашка, можетъ быть, отъ которой вы оторвали кусокъ. Изъ чего эта тряпка была, изъ холста, изъ полотна?

— Чортъ ее знаетъ изъ чего. Постойте... Я, кажется, ни отъ чего не отрывалъ. Она была коленкоровая... Я, кажется, въ хозяйкинъ чепчикъ зашилъ.

— Въ хозяйкинъ чепчикъ?

— Да, я у ней утащилъ.

— Какъ это утащили?

— Видите, я дѣйствительно, помнится, какъ-то утащилъ одинъ чепчикъ на тряпки, а, можетъ, перо обтирать. Взялъ тихонько, потому никуда негодная тряпка, лоскутки у меня валялись, а тутъ эти полторы тысячи, я взялъ и зашилъ... Кажется, именно, въ эти тряпки зашилъ. Старая коленкоровая дрянь, тысячу разъ мытая.

— И вы это твердо помните?

— Не знаю, твердо ли. Кажется, въ чепчикъ. Ну, да наплевать.

— Въ такомъ случаѣ, ваша хозяйка могла бы, по крайней мѣрѣ, припомнить, что у нея пропала эта вещь?

— Вовсе нѣтъ, она и не хватилась. Старая тряпка, говорю вамъ, старая тряпка, гроша не стоитъ.

— А иголку откуда взяли, нитки?

— Я прекращаю, больше не хочу. Довольно! разсердился, наконецъ, Митя.

— И странно опять-таки, что вы такъ совсѣмъ ужъ забыли, въ какомъ именно мѣстѣ бросили на площади эту... ладонку.

— Да велите завтра площадь выместь, можетъ, найдете,

усмѣхнулся Митя.—Довольно, господа, довольно, измученнымъ голосомъ порѣшилъ онъ. — Вижу ясно: вы мнѣ не повѣрили! Ни въ чемъ и ни на грошъ. Вина моя, а не ваша, не надо было соваться. Зачѣмъ, зачѣмъ я омерзилъ себя признаніемъ въ тайнѣ моей! А вамъ это смѣхъ, я по глазамъ вашимъ вижу. Это вы меня, прокуроръ, довели! Пойте себѣ гимнъ, если можете... Будьте вы прокляты, истязатели!

Онъ склонился головой и закрылъ лицо руками. Прокуроръ и слѣдователь молчали. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и какъ-то безъ мысли поглядѣлъ на нихъ. Лицо его выражало уже совершившееся, уже безвозвратное отчаяніе и онъ какъ-то тихо замолкъ, сидѣлъ и какъ будто себя не помнилъ. Между тѣмъ, надо было оканчивать дѣло: слѣдовало неотложно перейти къ допросу свидѣтелей. Было уже часовъ восемь утра. Свѣчи давно уже какъ потушили. Михаилъ Макаровичъ и Калгановъ, все время допроса входившіе и уходившіе изъ комнаты, на этотъ разъ оба опять вышли. Прокуроръ и слѣдователь имѣли тоже чрезвычайно усталый видъ. Наставшее утро было ненастное, все небо затянулось облаками и дождь лилъ какъ изъ ведра. Митя безъ мысли смотрѣлъ на окна.

— А можно мнѣ въ окно поглядѣть? спросилъ онъ вдругъ Николая Парѳеновича.

— О, сколько вамъ угодно, отвѣчалъ тотъ.

Митя всталъ и подошелъ къ окну. Дождь такъ и сѣкъ въ маленькія зеленоватыя стекла окошекъ. Виднѣлась прямо подъ окномъ грязная дорога, а тамъ дальше, въ дождевой мглѣ, черные, бѣдные, неприглядные ряды избъ, еще болѣе, казалось, почернѣвшихъ и побѣднѣвшихъ отъ дождя. Митя вспомнилъ про „Феба златокудраго“ и какъ онъ хотѣлъ застрѣлиться съ первымъ лучомъ его: „пожалуй, въ такое утро было бы и лучше“, усмѣхнулся онъ, и вдругъ, махнувъ сверху внизъ рукой, повернулся къ „истязателямъ“:

— Господа! воскликнулъ онъ, — я вѣдь вижу, что я пропалъ. Но она? Скажите мнѣ про нее, умоляю васъ, неужели и она пропадетъ со мной? Вѣдь она невинна, вѣдь она вчера кричала не въ умѣ, что „во всемъ виновата“. Она ни въ чемъ, ни въ чемъ не виновата! Я всю ночь скорбѣлъ, съ вами сидя... Нельзя ли, не можете ли мнѣ сказать, что вы съ нею теперь сдѣлаете?

— Рѣшительно успокойтесь на этотъ счетъ, Дмитрій

Ѳедоровичъ, тотчасъ же и съ видимою поспѣшностью отвѣтилъ прокуроръ,—мы не имѣемъ пока никакихъ значительныхъ мотивовъ хоть въ чемъ-нибудь обезпокоить особу, которою вы такъ интересуетесь. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, надѣюсь, окажется тоже... Напротивъ, сдѣлаемъ въ этомъ смыслѣ все, что только можно съ нашей стороны. Будьте совершенно спокойны.

— Господа, благодарю васъ, я вѣдь такъ и зналъ, что вы все-таки же честные и справедливые люди, несмотря ни на что. Вы сняли бремя съ души... Ну, что̀ же мы теперь будемъ дѣлать? Я готовъ.

— Да вотъ-съ, поспѣшить бы надо. Нужно неотложно перейти къ допросу свидѣтелей. Все это должно произойти непремѣнно въ вашемъ присутствіи, а потому...

— А не выпить ли сперва чайку? перебилъ Николай Парѳеновичъ,—вѣдь ужъ, кажется, заслужили?

Порѣшили, что если есть готовый чай внизу (въ виду того, что Михаилъ Макаровичъ навѣрно ушелъ „почаевать"), то выпить по стаканчику и затѣмъ „продолжать и продолжать". Настоящій же чай и „закусочку" отложить до болѣе свободнаго часа. Чай дѣйствительно нашелся внизу и его въ скорости доставили наверхъ. Митя сначала отказался отъ стакана, который ему любезно предложилъ Николай Парѳеновичъ, но потомъ самъ попросилъ и выпилъ съ жадностью. Вообще же имѣлъ какой-то даже удивительно измученный видъ. Казалось бы, при его богатырскихъ силахъ, что̀ могла значить одна ночь кутежа и хотя бы самыхъ сильныхъ при томъ ощущеній? Но онъ самъ чувствовалъ, что едва сидитъ, а по временамъ такъ всѣ предметы начинали какъ бы ходить и вертѣться у него предъ глазами. „Еще немного и, пожалуй, бредить начну", подумалъ онъ про себя.

VIII.

Показаніе свидѣтелей. Дитё.

Допросъ свидѣтелей начался. Но мы уже не станемъ продолжать нашъ разсказъ въ такой подробности, въ какой вели его до сихъ поръ. А потому и опустимъ о томъ, какъ Николай Парѳеновичъ впушалъ каждому призываемому свидѣтелю, что тотъ долженъ показывать по правдѣ и совѣсти и что впослѣдствіи долженъ будетъ повторить это показаніе свое подъ присягой. Какъ, наконецъ, отъ каждаго свидѣтеля требовалось, чтобъ онъ подписалъ про-

токолъ своихъ показаній и проч., и проч. Отмѣтимъ лишь одно, что главнѣйшій пунктъ, на который обращалось все вниманіе допрашивавшихъ, преимущественно былъ все тотъ же самый вопросъ о трехъ тысячахъ, то-есть было ли ихъ три или полторы въ первый разъ, то-есть въ первый кутежъ Дмитрія Ѳедоровича здѣсь въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, и было ли ихъ три или полторы тысячи вчера, во второй кутежъ Дмитрія Ѳедоровича. Увы, всѣ свидѣтельства, всѣ до единаго, оказались противъ Мити и ни одного въ его пользу, а иные изъ свидѣтельствъ такъ даже внесли новые, почти ошеломляющіе факты въ опроверженіе показаній его. Первымъ спрошеннымъ былъ Трифонъ Борисычъ. Онъ предсталъ предъ допрашивающими безъ малѣйшаго страха, напротивъ, съ видомъ строгаго и суроваго негодованія противъ обвиняемаго, и тѣмъ несомнѣнно придалъ себѣ видъ чрезвычайной правдивости и собственнаго достоинства. Говорилъ мало, сдержанно, ждалъ вопросовъ, отвѣчалъ точно и обдуманно. Твердо и не обмнуясь показалъ, что мѣсяцъ назадъ не могло быть истрачено менѣе трехъ тысячъ, что здѣсь всѣ мужики покажутъ, что слышали о трехъ тысячахъ отъ самого „Митрія Ѳедорыча“: „Однѣмъ цыганкамъ сколько денегъ перебросали. Имъ однѣмъ небось за тысячу перевалило“.

— И пятисотъ, можетъ, не далъ, мрачно замѣтилъ на это Митя,—вотъ только не считалъ тогда, пьянъ былъ, а жалъ...

Митя сидѣлъ на этотъ разъ сбоку, спиной къ занавѣскамъ, слушалъ мрачно, имѣлъ видъ грустный и усталый, какъ бы говорившій: „Э, показывайте, что̀ хотите, теперь все равно!“

— Больше тысячи пошло на нихъ, Митрій Ѳедоровичъ, твердо опровергъ Трифонъ Борисовичъ,—бросали зря, а онѣ подымали. Народъ-то вѣдь этотъ воръ и мошенникъ, конокрады они, угнали ихъ отселева, а то они сами, можетъ, показали бы сколькимъ отъ васъ поживились. Самъ я въ рукахъ у васъ тогда сумму видѣлъ,—считать не считалъ, вы мнѣ не давали, это справедливо,—а на глазъ, помню, многимъ больше было, чѣмъ полторы тысячи... Куды полторы! Видывали и мы деньги, могимъ судить...

Насчетъ вчерашней же суммы Трифонъ Борисовичъ прямо показалъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ, самъ ему, только что всталъ съ лошадей, объявилъ, что привезъ три тысячи.

— Полно, такъ ли, Трифонъ Борисычъ, возразилъ было Митя, — неужто такъ-таки положительно объявилъ, что привезъ три тысячи?

— Говорили, Митрій Ѳедоровичъ. При Андреѣ говорили. Вотъ онъ тутъ самъ Андрей, еще не уѣхалъ, призовите его. А тамъ въ залѣ, когда хоръ потчивали, такъ прямо закричали, что шестую тысячу здѣсь оставляете,— съ прежними, то-есть, оно такъ понимать надо. Степанъ да Семенъ слышали, да Петръ Ѳомичъ Калгановъ съ вами тогда рядомъ стоялъ, можетъ, и они тоже запомнили...

Показаніе о шестой тысячѣ принято было съ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ допрашивающими. Понравилась новая редакція: три да три, значитъ, шесть, стало-быть, три тысячи тогда, да три тысячи теперь, вотъ онѣ и всѣ шесть, выходило ясно.

Опросили всѣхъ указанныхъ Трифономъ Борисовичемъ мужиковъ, Степана и Семена, ямщика Андрея и Петра Ѳомича Калганова. Мужики и ямщикъ не обинуясь подтвердили показаніе Трифона Борисыча. Кромѣ того особенно записали, со словъ Андрея, о разговорѣ его съ Митей дорогой насчетъ того „куда, дескать, я, Дмитрій Ѳедоровичъ, попаду: на небо аль въ адъ, и простятъ ли мнѣ на томъ свѣтѣ аль нѣтъ?“ „Психологъ“ Ипполитъ Кирилловичъ выслушалъ все это съ тонкою улыбкой и кончилъ тѣмъ, что и это показаніе о томъ, куда Дмитрій Ѳедоровичъ попадетъ, порекомендовалъ „пріобщить къ дѣлу“.

Спрошенный Калгановъ вошелъ нехотя, хмурый, капризный, и разговаривалъ съ прокуроромъ и съ Николаемъ Парѳеновичемъ такъ, какъ бы въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ жизни, тогда какъ былъ давній и ежедневный ихъ знакомый. Онъ началъ съ того, что „ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ“. Но о шестой тысячѣ, оказалось, слышалъ, и онъ признался, что въ ту минуту подлѣ стоялъ. На его взглядъ денегъ было у Мити въ рукахъ „не знаю сколько“. Насчетъ того, что поляки въ картахъ передернули, показалъ утвердительно. Объяснилъ тоже, на повторенные разспросы, что по изгнаніи поляковъ дѣйствительно дѣла Мити у Аграфены Александровны поправились и что она сама сказала, что его любитъ. Объ Аграфенѣ Александровнѣ изъяснялся сдержанно и почтительно, какъ будто она была самаго лучшаго обще-

ства барыня, и даже ни разу не позволилъ себѣ назвать ее „Грушенькой“. Несмотря на видимое отвращеніе молодого человѣка показывать, Ипполитъ Кирилловичъ разспрашивалъ его долго и лишь отъ него узналъ всѣ подробности того, что̀ составляло, такъ сказать, „романъ“ Мити въ эту ночь. Митя ни разу не остановилъ Калганова. Наконецъ, юношу отпустили и онъ удалился съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Допросили и поляковъ. Они въ своей комнатѣ хоть и легли было спать, но во всю ночь не заснули, а съ прибытіемъ властей поскорѣй одѣлись и прибрались, сами понимая, что ихъ непремѣнно потребуютъ. Явились они съ достоинствомъ, хотя и не безъ нѣкотораго страху. Главный, то-есть маленькій панъ, оказался чиновникомъ двѣнадцатаго класса въ отставкѣ, служилъ въ Сибири ветеринаромъ, по фамиліи же былъ панъ Муссяловичъ. Панъ же Врублевскій оказался вольнопрактикующимъ дантистомъ, по-русски зубнымъ врачомъ. Оба они какъ вошли въ комнату, такъ тотчасъ же, несмотря на вопросы Николая Парѳеновича, стали обращаться съ отвѣтами къ стоявшему въ сторонѣ Михаилу Макаровичу, принимая его, по невѣдѣнію, за главный чинъ и начальствующее здѣсь лицо и называя его съ каждымъ словомъ: „пане пулковнику“. И только послѣ нѣсколькихъ разовъ и наставленія самого Михаила Макаровича, догадались, что надобно обращаться съ отвѣтами лишь къ Николаю Парѳеновичу. Оказалось, что по-русски они умѣли даже весьма и весьма правильно говорить, кромѣ развѣ выговора иныхъ словъ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Грушенькѣ, прежнихъ и теперешнихъ, панъ Муссяловичъ сталъ было заявлять горячо и гордо, такъ что Митя сразу вышелъ изъ себя и закричалъ, что не позволитъ „подлецу“ при себѣ такъ говорить! Панъ Муссяловичъ тотчасъ же обратилъ вниманіе на слово „подлецъ“ и попросилъ внести въ протоколъ. Митя закипѣлъ отъ ярости.

— И подлецъ, подлецъ! Внесите это, и внесите тоже, что, несмотря на протоколъ, я все-таки кричу, что подлецъ! прокричалъ онъ.

Николай Парѳеновичъ, хоть и внесъ въ протоколъ, но проявилъ при семъ непріятномъ случаѣ самую похвальную дѣловитость и умѣніе распорядиться: послѣ строгаго внушенія Митѣ, онъ самъ тотчасъ же прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разспросы касательно романической стороны

дѣла и поскорѣе перешелъ къ существенному. Въ существенномъ же явилось одно показаніе пановъ, возбудившее необыкновенное любопытство слѣдователей: это именно о томъ, какъ подкупалъ Митя, въ той комнаткѣ, пана Муссяловича и предлагалъ ему три тысячи отступного, съ тѣмъ, что семьсотъ рублей въ руки, а остальныя двѣ тысячи триста „завтра же утромъ въ городѣ", при чемъ клялся честнымъ словомъ, объявляя, что здѣсь, въ Мокромъ, съ нимъ и нѣтъ пока такихъ денегъ, а что деньги въ городѣ. Митя замѣтилъ было сгоряча, что не говорилъ, что навѣрно отдастъ завтра въ городѣ, но панъ Врублевскій подтвердилъ показаніе, да и самъ Митя, подумавъ съ минуту, нахмуренно согласился, что должно быть такъ и было, какъ паны говорятъ, что онъ былъ тогда разгоряченъ, а потому дѣйствительно могъ такъ сказать. Прокуроръ такъ и впился въ показаніе: оказывалось для слѣдствія яснымъ (какъ и впрямь потомъ вывели), что половина или часть трехъ тысячъ, доставшихся въ руки Митѣ, дѣйствительно могла оставаться гдѣ-нибудь припрятанною въ городѣ, а пожалуй такъ даже гдѣ-нибудь и тутъ, въ Мокромъ, такъ что выяснилось, такимъ образомъ, и то щекотливое для слѣдствія обстоятельство, что у Мити нашли въ рукахъ всего только восемьсотъ рублей,—обстоятельство, бывшее до сихъ поръ хотя единственнымъ и довольно ничтожнымъ, но все же нѣкоторымъ свидѣтельствомъ въ пользу Мити. Теперь же и это единственное свидѣтельство въ его пользу разрушалось. На вопросъ прокурора: гдѣ же бы онъ взялъ остальныя двѣ тысячи триста, чтобъ отдать завтру пану, коли самъ утверждаетъ, что у него было всего только полторы тысячи, а между тѣмъ завѣрялъ пана своимъ честнымъ словомъ, Митя твердо отвѣтилъ, что хотѣлъ предложить „полячишкѣ" на завтра не деньги, а формальный актъ на права свои по имѣнію Чермашнѣ, тѣ самыя права, которыя предлагалъ Самсонову и Хохлаковой. Прокуроръ даже усмѣхнулся „невинности выверта".

— И вы думаете, что онъ бы согласился взять эти „права" вмѣсто наличныхъ двухъ тысячъ трехсотъ рублей?

— Непремѣнно согласился бы, горячо отрѣзалъ Митя.— Помилуйте, да тутъ не только двѣ, тутъ четыре, тутъ шесть даже тысячъ онъ могъ бы на этомъ тяпнуть! Онъ бы тотчасъ набралъ своихъ адвокатишекъ, полячковъ да жидковъ, и не то что три тысячи, а всю бы Чермашню отъ старика оттягали.

Разумѣется, показаніе пана Муссяловича внесли въ протоколъ въ самой полной подробности. На томъ пановъ и отпустили. О фактѣ же передержки въ картахъ почти и не упомянули; Николай Парѳеновичъ имъ слишкомъ былъ и безъ того благодаренъ и пустяками не хотѣлъ безпокоить; тѣмъ болѣе, что все это пустая ссора въ пьяномъ видѣ за картами и болѣе ничего. Мало ли было кутежа и безобразій въ ту ночь... Такъ что деньги, двѣсти рублей, такъ и остались у пановъ въ карманѣ.

Призвали затѣмъ старичка Максимова. Онъ явился робѣя, подошелъ мелкими шажками, видъ имѣлъ растрепанный и очень грустный. Все время онъ ютился тамъ внизу, подлѣ Грушеньки, сидѣлъ съ нею молча и „нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ надъ нею хныкать, а глаза утираетъ синимъ клѣтчатымъ платочкомъ“, какъ разсказывалъ потомъ Михаилъ Макаровичъ. Такъ что она сама уже унимала и утѣшала его. Старичокъ тотчасъ же и со слезами признался, что виноватъ, что взялъ у Дмитрія Ѳедоровича взаймы „десять рублей-съ, по моей бѣдности-съ“ и что готовъ возвратить... На прямой вопросъ Николая Парѳеновича: не замѣтилъ ли, онъ сколько же именно денегъ было въ рукахъ у Дмитрія Ѳедоровича, такъ какъ онъ ближе всѣхъ могъ видѣть у него въ рукахъ деньги, когда получалъ отъ него взаймы, — Максимовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что денегъ было „двадцать тысячъ-съ“.

— А вы видѣли когда-нибудь двадцать тысячъ гдѣ-нибудь прежде? спросилъ, улыбнувшись, Николай Парѳеновичъ.

— Какъ же-съ, видѣлъ-съ, только не двадцать-съ, а семь-съ, когда супруга моя деревеньку мою заложила. Дала мнѣ только издали поглядѣть, похвалилась предо мной. Очень крупная была пачка-съ, все радужныя. И у Дмитрія Ѳедоровича были все радужныя...

Его скоро отпустили. Наконецъ, дошла очередь и до Грушеньки. Слѣдователи видимо опасались того впечатлѣнія, которое могло произвести ея появленіе на Дмитрія Ѳедоровича, и Николай Парѳеновичъ пробормоталъ даже нѣсколько словъ ему въ увѣщаніе, но Митя, въ отвѣтъ ему, молча склонилъ голову, давая тѣмъ знать, что „безпорядка не произойдетъ“. Ввелъ Грушеньку самъ Михаилъ Макаровичъ. Она вошла со строгимъ и угрюмымъ лицомъ, съ виду почти спокойнымъ, и тихо сѣла на указанный ей

стулъ напротивъ Николая Парѳеновича. Была она очень блѣдна, казалось, что ей холодно и она плотно закутывалась въ свою прекрасную черную шаль. Дѣйствительно съ ней начинался тогда легкій лихорадочный ознобъ — начало длинной болѣзни, которую она потомъ съ этой ночи перенесла. Строгій видъ ея, прямой и серьезный взглядъ и спокойная манера произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Николай Парѳеновичъ даже сразу нѣсколько „увлекся". Онъ признавался самъ, разсказывая кое-гдѣ потомъ, что только съ этого разу постигъ, какъ эта женщина „хороша собой", а прежде хоть и видывалъ ее, но всегда считалъ чѣмъ-то въ родѣ „уѣздной Гетеры". „У ней манеры какъ у самаго высшаго общества", восторженно сболтнулъ онъ какъ-то въ одномъ дамскомъ кружкѣ. Но его выслушали съ самымъ полнымъ негодованіемъ и тотчасъ назвали за это „шалуномъ", чѣмъ онъ и остался очень доволенъ. Входя въ комнату, Грушенька лишь какъ бы мелькомъ глянула на Митю, въ свою очередь съ безпокойствомъ на нее поглядѣвшаго, но видъ ея въ ту же минуту и его успокоилъ. Послѣ первыхъ необходимыхъ вопросовъ и увѣщаній, Николай Парѳеновичъ, хоть и нѣсколько запинаясь, но сохраняя самый вѣжливый, однакоже, видъ, спросилъ ее: „Въ какихъ отношеніяхъ состояла она къ отставному поручику Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову?" На что Грушенька тихо и твердо произнесла:

— Знакомый мой былъ, какъ знакомаго его въ послѣдній мѣсяцъ принимала.

На дальнѣйшіе любопытствующіе вопросы прямо и съ полною откровенностью заявила, что хотя онъ ей „часами" и нравился, но что она не любила его, но завлекала изъ „гнусной злобы моей", равно какъ и того „старичка", видѣла, что Митя ее очень ревновалъ къ Ѳедору Павловичу и ко всѣмъ, но тѣмъ лишь тѣшилась. Къ Ѳедору же Павловичу совсѣмъ никогда не хотѣла итти, а только смѣялась надъ нимъ. „Въ тотъ весь мѣсяцъ не до нихъ мнѣ обоихъ было; я ждала другого человѣка, предо мной виновнаго... Только, думаю, заключила она, что вамъ нечего объ этомъ любопытствовать, а мнѣ нечего вамъ отвѣчать, потому это особливое мое дѣло".

Такъ немедленно и поступилъ Николай Парѳеновичъ: на „романическихъ" пунктахъ онъ опять пересталъ настаивать, а прямо перешелъ къ серьезному, то-есть все

къ тому же и главнѣйшему вопросу о трехъ тысячахъ. Грушенька подтвердила, что въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, дѣйствительно истрачены были три тысячи рублей, и хоть денегъ сама и не считала, но слышала отъ самого Дмитрія Ѳедоровича, что три тысячи рублей.

— Наединѣ онъ вамъ это говорилъ или при комъ-нибудь, или вы только слышали, какъ онъ съ другими при васъ говорилъ? освѣдомился тотъ же прокуроръ.

На что Грушенька объявила, что слышала и при людяхъ, слышала какъ и съ другими говорилъ, слышала и наединѣ отъ него самого.

— Однажды слышали отъ него наединѣ или неоднократно? освѣдомился опять прокуроръ и узналъ, что Грушенька слышала неоднократно.

Ипполитъ Кириллычъ остался очень доволенъ этимъ показаніемъ. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось тоже, что Грушенькѣ было извѣстно, откуда эти деньги, и что взялъ ихъ де Дмитрій Ѳедоровичъ отъ Катерины Ивановны.

— А не слыхали ли вы хоть однажды, что денегъ было промотано мѣсяцъ назадъ не три тысячи, а меньше, и что Дмитрій Ѳедоровичъ уберегъ изъ нихъ цѣлую половину для себя?

— Нѣтъ, никогда этого не слыхала, показала Грушенька.

Дальше выяснилось даже, что Митя, напротивъ, часто говорилъ ей во весь этотъ мѣсяцъ, что денегъ у него нѣтъ ни копейки. „Съ родителя своего все ждалъ получить", заключила Грушенька.

— А не говорилъ ли когда при васъ... или какъ-нибудь мелькомъ, или въ раздраженіи, хватилъ вдругъ Николай Парѳеновичъ,—что намѣренъ посягнуть на жизнь своего отца?

— Охъ, говорилъ! вздохнула Грушенька.

— Однажды или нѣсколько разъ?

— Нѣсколько разъ поминалъ, всегда въ сердцахъ.

— И вы вѣрили, что онъ это исполнитъ?

— Нѣтъ, никогда не вѣрила! твердо отвѣтила она. — На благородство его надѣялась.

— Господа, позвольте, вскричалъ вдругъ Митя, — позвольте сказать при васъ Аграфенѣ Александровнѣ лишь одно только слово.

— Скажите, разрѣшилъ Николай Парѳеновичъ.

— Аграфена Александровна, привсталъ со стула Митя,— вѣрь Богу и мнѣ: въ крови убитаго вчера отца моего я не повиненъ!

Произнеся это, Митя опять сѣлъ на стулъ. Грушенька привстала и набожно перекрестилась на икону.

— Слава Тебѣ Господи! проговорила она горячимъ, проникновеннымъ голосомъ и, еще не садясь на мѣсто и обратившись къ Николаю Парѳеновичу, прибавила:—Какъ онъ теперь сказалъ, тому и вѣрьте! Знаю его: сболтнуть что̀ сболтнетъ, али для смѣху, али съ упрямства, но если противъ совѣсти, то никогда не обманетъ. Прямо правду скажетъ, тому вѣрьте!

— Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу! дрожащимъ голосомъ отозвался Митя.

На вопросы о вчерашнихъ деньгахъ она заявила, что не знаетъ сколько ихъ было, но слышала, какъ людямъ онъ много разъ говорилъ вчера, что привезъ съ собой три тысячи. А насчетъ того: откуда деньги взялъ, то сказалъ ей одной, что у Катерины Ивановны „укралъ", а что она ему на то отвѣтила, что онъ не укралъ и что деньги надо завтра же отдать. На настойчивый вопросъ прокурора: о какихъ деньгахъ говорилъ, что укралъ у Катерины Ивановны: о вчерашнихъ или о тѣхъ трехъ тысячахъ, которыя были истрачены здѣсь мѣсяцъ назадъ, объявила, что говорилъ о тѣхъ, которыя были мѣсяцъ назадъ, и что она такъ его поняла.

Грушеньку, наконецъ, отпустили, при чемъ Николай Парѳеновичъ стремительно заявилъ ей, что она можетъ хоть сейчасъ же воротиться въ городъ, и что если онъ— со своей стороны чѣмъ-нибудь можетъ способствовать, напримѣръ, насчетъ лошадей, или, напримѣръ, пожелаетъ она провожатаго, то онъ... со своей стороны...

— Покорно благодарю васъ, поклонилась ему Грушенька,—я съ тѣмъ старичкомъ отправлюсь, съ помѣщикомъ, его довезу, а пока подожду внизу, коль позволите, какъ вы тутъ Дмитрія Ѳедоровича порѣшите.

Она вышла. Митя былъ спокоенъ и даже имѣлъ совсѣмъ ободрившійся видъ, но лишь на минуту. Все какое-то странное физическое безсиліе одолѣвало его, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Глаза его закрывались отъ усталости. Допросъ свидѣтелей, наконецъ, окончился. Приступили къ окончательной редакціи протокола. Митя всталъ и перешелъ съ своего стула въ уголъ, къ зана-

вѣскѣ, прилегъ на большой накрытый ковромъ хозяйскій сундукъ и мигомъ заснулъ. Приснился ему какой-то странный сонъ, какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту и не ко времени. Вотъ онъ будто бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ, гдѣ служилъ давно, еще прежде, и везетъ его въ слякоть на телѣгѣ, на парѣ, мужикъ. Только холодно будто бы Митѣ, въ началѣ ноябрь, и снѣгъ валитъ крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю тотчасъ таетъ. И бойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ, русая, длинная такая у него борода, и не то, что старикъ, а такъ лѣтъ будетъ пятидесяти, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ одни обгорѣлыя бревна. А при въѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ особенно одна съ краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется, ей лѣтъ сорокъ, а, можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то, должно-быть, у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, отъ холоду совсѣмъ какія-то сизыя.

— Что̀ они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ, лихо пролетая мимо нихъ, Митя.

— Дитё, отвѣчаетъ ему ямщикъ,—дитё плачетъ.

И поражаетъ Митю то̀, что онъ сказалъ по-своему, по-мужицки: „дитё“, а не дитя. И ему нравится, что мужикъ сказалъ дитё: жалости будто больше.

— Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый, Митя.—Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ?

— А иззябло дитё, промерзла одежонка, вотъ и не грѣетъ.

— Да почему это такъ? Почему? все не отстаетъ глупый Митя.

— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, на погорѣлое мѣсто просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все будто еще не понимаетъ Митя,— ты скажи: почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно̀ дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ дитё?

И чувствуетъ онъ про себя, что хоть онъ и безумно спрашиваетъ, и безъ толку, но непремѣнно хочется ему именно такъ спросить, и что именно такъ и надо спросить. И чувствуетъ онъ еще, что подымается въ сердцѣ его какое-то никогда еще небывалое въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется, что хочетъ онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная, изсохшая мать дити, чтобъ не было вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сейчасъ же, сейчасъ же это сдѣлать, не отлагая и несмотря ни на что́, со всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ.

— А я съ тобой, я теперь тебя не оставлю, на всю жизнь съ тобой иду, раздаются подлѣ него милыя, проникновенныя чувствомъ слова Грушеньки.

И вотъ загорѣлось все сердце его и устремилось къ какому-то свѣту, и хочется ему жить и жить, идти и идти въ какой-то путь, къ новому зовущему свѣту, и скорѣе, скорѣе, теперь же, сейчасъ!

— Что̀? Куда? восклицаетъ онъ, открывая глаза и садясь на свой сундукъ, совсѣмъ какъ бы очнувшись отъ обморока, а самъ свѣтло улыбаясь.

Надъ нимъ стоитъ Николай Парѳеновичъ и приглашаетъ его выслушать и подписать протоколъ. Догадался Митя, что спалъ онъ часъ или болѣе, но онъ Николая Парѳеновича не слушалъ. Его вдругъ поразило, что подъ головой у него очутилась подушка, которой не было, однако, когда онъ склонился въ безсиліи на сундукъ.

— Кто это мнѣ подъ голову подушку принесъ? Кто былъ такой добрый человѣкъ! воскликнулъ онъ съ какимъ-то восторженнымъ, благодарнымъ чувствомъ и плачущимъ какимъ-то голосомъ, будто и Богъ знаетъ какое благодѣяніе оказали ему.

Добрый человѣкъ такъ потомъ и остался въ неизвѣстности; кто-нибудь изъ понятыхъ, а, можетъ быть, и писарекъ Николая Парѳеновича распорядились подложить ему подушку изъ состраданія, но вся душа его какъ бы сотряслась отъ слезъ. Онъ подошелъ къ столу и объявилъ, что подпишетъ все, что́ угодно.

— Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, странно какъ-то произнесъ онъ, съ какимъ-то новымъ, словно радостью озареннымъ лицомъ.

IX.

Увезли Митю.

Когда подписанъ былъ протоколъ, Николай Парѳеновичъ торжественно обратился къ обвиняемому и прочелъ ему „Постановленіе“, гласившее, что такого-то года и такого-то дня, тамъ-то, судебный слѣдователь такого-то окружного суда, допросивъ такого-то (то-есть Митю) въ качествѣ обвиняемаго въ томъ-то и въ томъ-то (всѣ вины были тщательно прописаны) и принимая во вниманіе, что обвиняемый, не признавая себя виновнымъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, ничего въ оправданіе свое не представилъ, а между тѣмъ свидѣтели (такіе-то) и обстоятельства (такія-то) его вполнѣ уличаютъ, руководствуясь такими-то и такими-то статьями Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д., постановилъ: для пресѣченія такому-то (Митѣ) способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, заключить его въ такой-то тюремный замокъ, о чемъ обвиняемому объявить, а копію съ сего постановленія товарищу прокурора сообщить и т. д., и т. д. Словомъ, Митѣ объявили, что онъ отъ сей минуты арестантъ, и что повезутъ его сейчасъ въ городъ, гдѣ и заключатъ въ одно очень непріятное мѣсто. Митя, внимательно выслушавъ, вскинулъ только плечами.

— Что-жъ, господа, я васъ не виню, я готовъ... Понимаю, что вамъ ничего болѣе не остается.

Николай Парѳеновичъ мягко изъяснилъ ему, что свезетъ его тотчасъ же становой приставъ, Маврикій Маврикіевичъ, который какъ разъ теперь тутъ случился...

— Стойте! перебилъ вдругъ Митя и съ какимъ-то неудержимымъ чувствомъ произнесъ, обращаясь ко всѣмъ въ комнатѣ.—Господа, всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть! Каждый день моей жизни я, бія себя въ грудь, обѣщалъ исправиться и каждый день творилъ все тѣ же пакости. Понимаю теперь, что на такихъ, какъ я, нуженъ ударъ, ударъ судьбы, чтобъ захватить его какъ въ арканъ и скрутить внѣшнею силой. Никогда, никогда не поднялся бы я самъ собой! Но громъ грянулъ. Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь! Вѣдь, можетъ быть, и очищусь, господа,

а? Но услышьте, однако, въ послѣдній разъ: въ крови отца моего не повиненъ! Принимаю казнь не за то, что убилъ его, а за то, что хотѣлъ убить и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ убилъ бы... Но все-таки я намѣренъ съ вами бороться и это вамъ возвѣщаю. Буду бороться съ вами до послѣдняго конца, а тамъ, рѣшитъ Богъ! Прощайте, господа, не сердитесь, что я за допросомъ кричалъ на васъ, о, я былъ тогда еще такъ глупъ... Чрезъ минуту я арестантъ, и теперь, въ послѣдній разъ, Дмитрій Карамазовъ, какъ свободный еще человѣкъ, протягиваетъ вамъ свою руку. Прощаясь съ вами, съ людьми прощусь!..

Голосъ его задрожалъ и онъ дѣйствительно протянулъ было руку, но Николай Парѳеновичъ, всѣхъ ближе къ нему находившійся, какъ-то вдругъ, почти судорожнымъ какимъ-то жестомъ, припряталъ свои руки назадъ. Митя мигомъ замѣтилъ это и вздрогнулъ. Протянутую руку свою тотчасъ же опустилъ.

— Слѣдствіе еще не заключилось, залепеталъ Николай Парѳеновичъ, нѣсколько сконфузясь,—продолжать будемъ еще въ городѣ, и я, конечно, съ моей стороны, готовъ вамъ пожелать всякой удачи... къ вашему оправданію... Собственно же васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я всегда наклоненъ считать за человѣка, такъ сказать, болѣ несчастнаго, чѣмъ виновнаго... Мы васъ всѣ здѣсь, если только осмѣлюсь выразиться отъ лица всѣхъ, всѣ мы готовы признать васъ за благороднаго въ основѣ своей молодого человѣка, но, увы, увлеченнаго нѣкоторыми страстями въ степени нѣсколько излишней...

Маленькая фигурка Николая Парѳеновича выразила подъ конецъ рѣчи самую полную сановитость. У Мити мелькнуло было вдругъ, что вотъ этотъ „мальчикъ“ сейчасъ возьметъ его подъ руку, уведетъ въ другой уголъ и тамъ возобновитъ съ нимъ недавній еще разговоръ ихъ о „дѣвочкахъ“. Но мало ли мелькаетъ совсѣмъ постороннихъ и неидущихъ къ дѣлу мыслей иной разъ даже у преступника, ведомаго на смертную казнь.

— Господа, вы добры, вы гуманны,—могу я видѣть *ее*, проститься въ послѣдній разъ? спросилъ Митя.

— Безъ сомнѣнія, но въ видахъ... однимъ словомъ, теперь ужъ нельзя не въ присутствіи...

— Пожалуй, присутствуйте!

Привели Грушеньку, но прощаніе состоялось короткое,

малословное и Николая Пароеновича не удовлетворившее. Грушенька глубоко поклонилась Митѣ.

— Сказала тебѣ, что твоя, и буду твоя, пойду съ тобой навѣкъ, куда бы тебя ни рѣшили. Прощай, безвинно погубившій себя человѣкъ!

Губки ея вздрогнули, слезы потекли изъ глазъ.

— Прости, Груша, меня за любовь мою, за то, что любовью моею и тебя сгубилъ.

Митя хотѣлъ и еще что-то сказать, но вдругъ самъ прервалъ и вышелъ. Кругомъ него тотчасъ же очутились люди, не спускавшіе съ него глазъ. Внизу, у крылечка, къ которому онъ съ такимъ громомъ подкатилъ вчера на Андреевой тройкѣ, стояли уже готовыя двѣ телѣги. Маврикій Маврикіевичъ, приземистый плотный человѣкъ, съ обрюзглымъ лицомъ, былъ чѣмъ-то раздраженъ, какимъ-то внезапно случившимся безпорядкомъ, сердился и кричалъ. Какъ-то слишкомъ уже сурово пригласилъ онъ Митю взлѣзть на телѣгу. „Прежде, какъ я въ трактирѣ поилъ его, совсѣмъ было другое лицо у человѣка“, подумалъ Митя, влѣзая. Съ крылечка спустился внизъ и Трифонъ Борисовичъ. У воротъ столпились люди, мужики, бабы, ямщики, всѣ уставились на Митю.

— Прощайте, Божьи люди! крикнулъ имъ вдругъ съ телѣги Митя.

— И насъ прости, раздались два-три голоса.

— Прощай и ты, Трифонъ Борисычъ!

Но Трифонъ Борисычъ даже не обернулся, можетъ быть, ужъ очень былъ занятъ. Онъ тоже чего-то кричалъ и суетился. Оказалось, что на второй телѣгѣ, на которой должны были сопровождать Маврикія Маврикіевича двое сотскихъ, еще не все было въ исправности. Мужиченко, котораго нарядили было на вторую тройку, натягивалъ зипунишко и крѣпко спорилъ, что ѣхать не ему, а Акиму. Но Акима не было; за нимъ побѣжали; мужиченко настаивалъ и молилъ обождать.

— Вѣдь это народъ-то у насъ, Маврикій Маврикіевичъ, совсѣмъ безъ стыда! восклицалъ Трифонъ Борисычъ.— Тебѣ Акимъ третьяго дня далъ четвертакъ денегъ, ты ихъ пропилъ, а теперь кричишь. Добротѣ только вашей удивляюсь съ нашимъ подлымъ народомъ, Маврикій Маврикіевичъ, только это одно скажу!

— Да зачѣмъ намъ вторую тройку? вступился было Митя, — поѣдемъ на одной, Маврикій Маврикіевичъ, не-

бось, не взбунтуюсь, не убѣгу отъ тебя, къ чему конвой?

— А извольте, сударь, умѣть со мной говорить, если еще не научены, я вамъ не *ты*, не извольте тыкать-съ, да и совѣты на другой разъ сберегите... свирѣпо отрѣзалъ вдругъ Митѣ Маврикій Маврикіевичъ, точно обрадовался сердце сорвать.

Митя примолкъ. Онъ весь покраснѣлъ. Черезъ мгновеніе ему стало вдругъ очень холодно. Дождь пересталъ, но мутное небо все было обтянуто облаками, дулъ рѣзкій вѣтеръ прямо въ лицо. „Ознобъ, что ли, со мной", подумалъ Митя, передернувъ плечами. Наконецъ, влѣзъ въ телѣгу и Маврикій Маврикіевичъ, усѣлся грузно, широко и, какъ бы не замѣтивъ, крѣпко потѣснивъ собою Митю. Правда, онъ былъ не въ духѣ и ему сильно не нравилось возложенное на него порученіе.

— Прощай, Трифонъ Борисычъ! крикнулъ опять Митя, и самъ почувствовалъ, что не отъ добродушія теперь закричалъ, а со злости, противъ воли крикнулъ.

Но Трифонъ Борисычъ стоялъ гордо, заложивъ назадъ обѣ руки и прямо уставясь на Митю, глядѣлъ строго и сердито и Митѣ ничего не отвѣтилъ.

— Прощайте, Дмитрій Ѳедоровичъ, прощайте! раздался вдругъ голосъ Калганова, вдругъ откуда-то выскочившаго.

Подбѣжавъ къ телѣгѣ, онъ протянулъ Митѣ руку. Былъ онъ безъ фуражки. Митя успѣлъ еще схватить и пожать его руку.

— Прощай, милый человѣкъ, не забуду великодушія! горячо воскликнулъ онъ.

Но телѣга тронулась и руки ихъ разнялись. Зазвенѣлъ колокольчикъ—увезли Митю.

А Калгановъ забѣжалъ въ сѣни, сѣлъ въ углу, нагнулъ голову, закрылъ руками лицо и заплакалъ; долго онъ такъ сидѣлъ и плакалъ, — плакалъ точно былъ еще маленькій мальчикъ, а не двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ. О, онъ вѣрилъ въ виновность Мити почти вполнѣ! „Что же это за люди, какіе же послѣ того могутъ быть люди!" безсвязно восклицалъ онъ въ горькомъ уныніи, почти въ отчаяніи. Не хотѣлось даже и жить ему въ ту минуту на свѣтѣ. „Стоитъ ли, стоитъ ли!" восклицалъ огорченный юноша.

Часть четвертая.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Мальчики.

I.

Коля Красоткинъ.

Ноябрь въ началѣ. У насъ сталъ морозъ градусовъ въ одиннадцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало въ ночь немного сухого снѣгу, и вѣтеръ „сухой и острый“ подымаетъ его и мететъ по скучнымъ улицамъ нашего городка и особенно по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пересталъ. Недалеко отъ площади, поблизости отъ лавки Плотниковыхъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи, и снутри домикъ вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секретарь Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти четырнадцать лѣтъ, но вдова его, тридцатилѣтняя и до сихъ поръ еще весьма смазливая собою дамочка, жива и живетъ въ своемъ чистенькомъ домикѣ „своимъ капиталомъ“. Живетъ она честно и робко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Осталась она послѣ мужа лѣтъ восемнадцати, проживъ съ нимъ всего лишь около году и только что родивъ ему сына. Съ тѣхъ поръ, съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію этого своего нещечка мальчика Коли, и хоть любила его всѣ четырнадцать лѣтъ безъ памяти, но ужъ, конечно, перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила ра-

достей, трепеща и умирая отъ страха чуть не каждый день, что онъ заболѣетъ, простудится, нашалитъ, полѣзетъ на стулъ и свалится и проч., и проч. Когда же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ нашу прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки, чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже товарищей Коли, школьниковъ, и лисила предъ ними, чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали дразнить его тѣмъ, что онъ маменькинъ сынокъ. Но мальчикъ сумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, „ужасно сильный", какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предпріимчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва, что онъ и изъ ариѳметики, и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьниковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдержать себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и замѣтной черты, за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и въ беззаконіе. И, однако, онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить, сколько что-нибудь намудрить, начудесить, задать „экстрафеферу", шику, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ. Даже свою маму сумѣлъ поставить къ себѣ въ отношенія подчиненныя, дѣйствуя на нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла ни за чтó перенести одной только мысли, что мальчикъ ее „мало любитъ". Ей безпрерывно казалось, что Коля къ ней „безчувственъ", и бывали случаи, что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ изліяній, тѣмъ какъ бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно,— таковъ ужъ былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою

онъ очень любилъ, а не любилъ только „телячьихъ нѣжностей“, какъ выражался онъ на своемъ школьническомъ языкѣ. Послѣ отца остался шкапъ, въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда, какъ это мальчикъ, вмѣсто того чтобъ идти играть, простаивалъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что, чего бы ему нельзя еще было давать читать въ его возрастѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время хотя мальчикъ и не любилъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но начались шалости, испугавшія мать не на шутку, — правда, не безнравственныя какія-нибудь, зато отчаянныя, головорѣзныя. Какъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, случилось такъ, что маменька съ сынкомъ отправились погостить на недѣльку въ другой уѣздъ, за семьдесятъ верстъ, къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги (той самой, ближайшей отъ нашего города станціи, съ которой Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ, мѣсяцъ спустя, отправился въ Москву). Тамъ Коля началъ съ того, что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая, что новыми знаніями своими можетъ блеснуть, возвратясь домой, между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ какъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству,— всего молодого народа, отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчики вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно пренеповозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изо всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ самолюбія или изъ безпардонной отваги, предложилъ, что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ котораго оказалось, что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ, конечно, пронесется и не задѣнетъ лежащаго,

но, однакоже, каково пролежать! Коля стоялъ твердо, что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфарономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ „маленькаго“, что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ, снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчишки собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ, державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ страхѣ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги, въ кустахъ. Наконецъ, загремѣлъ вдали поѣздъ, снявшійся со станціи. Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. „Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!“ закричали Колѣ изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ наскакалъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колѣ: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теребить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ, слава „отчаяннаго“ за нимъ укрѣпилась навѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервною лихорадкой, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласилось не сейчасъ, а уже въ нашемъ городѣ, проникло въ прогимназію и достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бросилась молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ, что его отстоялъ и упросилъ за него уважаемый и вліятельный учитель Дарданеловъ, и дѣло оставили втуне, какъ не бывшее вовсе. Этотъ Дарданеловъ, человѣкъ холостой и не старый, былъ страстно и уже многолѣтне влюбленъ въ госпожу Красоткину, и уже разъ, назадъ тому съ годъ, почтительнѣйше и замирая отъ страха и деликатности, рискнулъ было предложить ей свою руку; но она наотрѣзъ отказала, считая согласіе измѣной своему мальчику, хотя Дарданеловъ, по нѣкоторымъ таинственнымъ признакамъ, даже, можетъ

быть, имѣлъ бы нѣкоторое право мечтать, что онъ не совсѣмъ противенъ прелестной, но уже слишкомъ цѣломудренной и нѣжной вдовицѣ. Сумасшедшая шалость Коли, кажется, пробила ледъ, и Дарданелову, за его заступничество, сдѣланъ былъ намекъ о надеждѣ, правда, отдаленный, но и самъ Дарданеловъ былъ феноменомъ чистоты и деликатности, а потому съ него и того было покамѣстъ довольно для полноты его счастія. Мальчика онъ любилъ, хотя считалъ бы унизительнымъ предъ нимъ заискивать, и относился къ нему въ классахъ строго и требовательно. Но Коля и самъ держалъ его на почтительномъ разстояніи, уроки готовилъ отлично, былъ въ классѣ вторымъ ученикомъ, обращался къ Дарданелову сухо, и весь классъ твердо вѣрилъ, что во всемірной исторіи Коля такъ силенъ, что „собьетъ“ самого Дарданелова. И дѣйствительно, Коля задалъ ему разъ вопросъ: кто основалъ Трою?—на что̀ Дарданеловъ отвѣчалъ лишь вообще про народы, ихъ движенія и переселенія, про глубину временъ, про баснословіе, но на то, кто именно основалъ Трою, то-есть какія именно лица, отвѣтить не могъ, и даже вопросъ нашелъ почему-то празднымъ и несостоятельнымъ. Но мальчики такъ и остались въ увѣренности, что Дарданеловъ не знаетъ, кто основалъ Трою. Коля же вычиталъ объ основателяхъ Трои у Смарагдова, хранившагося въ шкапѣ съ книгами, который остался послѣ родителя. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ даже мальчиковъ стало, наконецъ, интересовать: кто жъ именно основалъ Трою, но Красоткинъ своего секрета не открывалъ и слава знанія оставалась за нимъ незыблемо.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ къ матери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Ѳедоровна (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сынка, то чуть не сошла съ ума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные истерическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣсколько дней, что испуганный уже серьезно Коля далъ ей честное и благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда не повторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и поклялся памятью отца, какъ потребовала сама госпожа Красоткина, при чемъ „мужественный“ Коля самъ расплакался какъ шестилѣтній мальчикъ отъ „чувствъ“, и мать, и сынъ во весь тотъ день бросались другъ другу въ объятія и плакали сотрясаясь. На другой день Коля

проснулся попрежнему „безчувственнымъ“, однако, сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задумчивѣе. Правда, мѣсяца черезъ полтора онъ опять было попался въ одной шалости, и имя его сдѣлалось даже извѣстнымъ нашему мировому судьѣ, но шалость была уже совсѣмъ въ другомъ родѣ, даже смѣшная и глупенькая, да и не самъ онъ, какъ оказалось, совершилъ ее, а только очутился въ нее замѣшаннымъ. Но объ этомъ какъ-нибудь послѣ. Мать продолжала трепетать и мучиться, а Дарданеловъ по мѣрѣ тревогъ ея все болѣе и болѣе воспринималъ надежду. Надо замѣтить, что Коля понималъ и разгадывалъ съ этой стороны Дарданелова и ужъ, разумѣется, глубоко презиралъ его за его „чувства“; прежде даже имѣлъ неделикатность выказывать это презрѣніе свое предъ матерью, отдаленно намекая ей, что понимаетъ, чего добивается Дарданеловъ. Но послѣ случая на желѣзной дорогѣ онъ и на этотъ счетъ измѣнилъ свое поведеніе: намековъ себѣ уже болѣе не позволялъ, даже самыхъ отдаленныхъ, а о Дарданеловѣ при матери сталъ отзываться почтительнѣе, что̀ тотчасъ же съ безпредѣльною благодарностью въ сердцѣ своемъ поняла чуткая Анна Ѳедоровна, но зато при малѣйшемъ, самомъ нечаянномъ словѣ даже отъ посторонняго какого-нибудь гостя о Дарданеловѣ, если при этомъ находился Коля, вдругъ вся вспыхивала отъ стыда, какъ роза. Коля же въ эти мгновенія или смотрѣлъ нахмуренно въ окно, или разглядывалъ, не просятъ ли у него сапоги каши, или свирѣпо звалъ „Перезвона“, лохматую, довольно большую и паршивую собаку, которую съ мѣсяцъ вдругъ откуда-то пріобрѣлъ, втащилъ въ домъ и держалъ почему-то въ секретѣ, въ комнатахъ, никому ее не показывая изъ товарищей. Тиранилъ же ужасно, обучая ее всякимъ шуткамъ и наукамъ, и довелъ бѣдную собаку до того, что та выла безъ него, когда онъ отлучался въ классы, а когда приходилъ, визжала отъ восторга, скакала какъ полоумная, служила, валилась на землю и притворялась мертвою и проч., словомъ, показывала всѣ штуки, которымъ ее обучили, уже не по требованію, а единственно отъ пылкости своихъ восторженныхъ чувствъ и благодарнаго сердца.

Кстати: я и забылъ упомянуть, что Коля Красоткинъ былъ тотъ самый мальчикъ, котораго знакомый уже читателю мальчикъ Илюша, сынъ отставного штабсъ-капитана Снѣгирева, пырнулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро,

заступаясь за отца, котораго школьники задразнили „мочалкой“.

II.

Дѣтвора.

Итакъ, въ то морозное и сиверкое ноябрьское утро, мальчикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и классовъ не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему непремѣнно надо было идти со двора „по одному весьма важному дѣлу“, а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣшительно какъ хранитель его, потому что такъ случилось, что всѣ его старшіе обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному обстоятельству, отлучились со двора. Въ домѣ вдовы Красоткиной, чрезъ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась еще одна и единственная въ домѣ квартирка изъ двухъ маленькихъ комнатъ внаймы, и занимала ее докторша съ двумя малолѣтними дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной Ѳедоровной и большая ея пріятельница, самъ же докторъ вотъ уже съ годъ заѣхалъ куда-то сперва въ Оренбургъ, а потомъ въ Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни слуху, ни духу, такъ что если бы не дружба съ госпожею Красоткиной, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то она рѣшительно бы истекла отъ этого горя слезами. И вотъ, надобно же было такъ случиться, къ довершенію всѣхъ угнетеній судьбы, что въ эту же самую ночь, съ субботы на воскресенье, Катерина, единственная служанка докторши, вдругъ и совсѣмъ неожиданно для своей барыни объявила ей, что намѣрена родить къ утру ребеночка. Какъ случилось, что никто этого не замѣтилъ заранѣе, было для всѣхъ почти чудомъ. Пораженная докторша разсудила, пока есть еще время, свезти Катерину въ одно приспособленное къ подобнымъ случаямъ въ нашемъ городкѣ заведеніе у повивальной бабушки. Такъ какъ служанкою этой она очень дорожила, то немедленно и исполнила свой проектъ, отвезла ее, и сверхъ того осталась тамъ при ней. Затѣмъ уже утромъ понадобилось почему-то все дружеское участіе и помощь самой г-жи Красоткиной, которая при этомъ случаѣ могла кого-то о чемъ-то попросить и оказать какое-то покровительство. Такимъ образомъ обѣ дамы были въ отлучкѣ, служанка

же самой г-жи Красоткиной, баба Агаѳья, ушла на базаръ, и Коля очутился такимъ образомъ, на время, хранителемъ и караульщикомъ „пузырей“, то-есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся одинёшенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ тому же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ въ передней подъ лавкой „безъ движеній“, и который именно поэтому каждый разъ, какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій по комнатамъ Коля, вздрагивалъ головой и давалъ два твердые и заискивающіе удара хвостомъ по полу, но, увы, призывного свиста не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго пса, и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если что̀ смущало Колю, то единственно „пузыри“. На нечаянное приключеніе съ Катериной онъ, разумѣется, смотрѣлъ съ самымъ глубокимъ презрѣніемъ, но осиротѣвшихъ пузырей онъ очень любилъ и уже снесъ имъ какую-то дѣтскую книжку. Настя, старшая дѣвочка, восьми уже лѣтъ, умѣла читать, а младшій пузырь, семилѣтній мальчикъ Костя, очень любилъ слушать, когда Настя ему читаетъ. Разумѣется, Красоткинъ могъ бы ихъ занять интереснѣе, то-есть поставить обоихъ рядомъ и начать съ ними играть въ солдаты, или прятаться по всему дому. Это онъ не разъ уже дѣлалъ прежде и не брезгалъ дѣлать, такъ что даже въ классѣ у нихъ разнеслось было разъ, что Красоткинъ у себя дома играетъ съ маленькими жильцами своими въ лошадки, прыгаетъ за пристяжную и гнетъ голову, но Красоткинъ гордо отпарировалъ это обвиненіе, выставивъ на видъ, что со сверстниками, съ тринадцатилѣтними, дѣйствительно было бы позорно играть „въ нашъ вѣкъ“ въ лошадки, но что онъ дѣлаетъ это для „пузырей“, потому что ихъ любитъ, а въ чувствахъ его никто не смѣетъ у него спрашивать отчета. Зато и обожали же его оба „пузыря“. Но на сей разъ было не до игрушекъ. Ему предстояло одно очень важное собственное дѣло, и на видъ какое-то почти даже таинственное, между тѣмъ время уходило, а Агаѳья, на которую можно бы было оставить дѣтей, все еще не хотѣла возвратиться съ базара. Онъ нѣсколько разъ уже переходилъ чрезъ сѣни, отворялъ дверь къ докторшѣ и озабоченно оглядывалъ „пузырей“, которые, по его приказанію, сидѣли за книжкой, и каждый разъ, какъ онъ отворялъ дверь, молча улыбались ему во весь ротъ, ожидая, что вотъ онъ вой-

детъ и сдѣлаетъ что-нибудь прекрасное и забавное. Но Коля былъ въ душевной тревогѣ и не входилъ. Наконецъ, пробило одиннадцать, и онъ твердо и окончательно рѣшилъ, что если черезъ десять минутъ „проклятая“ Агаѳья не воротится, то онъ уйдетъ со двора, ея не дождавшись, разумѣется, взявъ съ „пузырей“ слово, что они безъ него не струсятъ, не напугаютъ и не будутъ отъ страха плакать. Въ этихъ мысляхъ онъ одѣлся въ свое ватное зимнее пальтишко съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то котика, навѣсилъ черезъ плечо свою сумку и, несмотря на прежнія неоднократныя мольбы матери, чтобъ онъ по „такому холоду“, выходя со двора, всегда надѣвалъ галошки, только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ, проходя черезъ переднюю, и вышелъ въ однихъ сапогахъ. Перезвонъ, завидя его одѣтымъ, началъ было усиленно стучать хвостомъ по полу, нервно подергиваясь всѣмъ тѣломъ, и даже испустилъ было жалобный вой, но Коля, при видѣ такой страстной стремительности своего пса, заключилъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хоть минуту, а выдержалъ его еще подъ лавкой, и, уже отворивъ только дверь въ сѣни, вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, и бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, Коля отворилъ дверь къ „пузырямъ“. Оба попрежнему сидѣли за столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили. Эти дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вызывающихъ житейскихъ предметахъ, при чемъ Настя, какъ старшая, всегда одерживала верхъ; Костя же, если не соглашался съ нею, то всегда почти шелъ апеллировать къ Колѣ Красоткину, и ужъ какъ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ абсолютнаго приговора для всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ споръ „пузырей“ нѣсколько заинтересовалъ Красоткина, и онъ остановился въ дверяхъ послушать. Дѣтки видѣли, что онъ слушаетъ, и тѣмъ еще съ большимъ азартомъ продолжали свое препираніе.

— Никогда, никогда я не повѣрю, горячо лепетала Настя, — что маленькихъ дѣтокъ повивальныя бабушки находятъ въ огородѣ между грядками съ капустой. Теперь ужъ зима, и никакихъ грядокъ нѣтъ, и бабушка не могла принести Катеринѣ дочку.

— Фью! присвистнулъ про себя Коля.

— Или вотъ какъ: онѣ приносятъ откуда-нибудь, но только тѣмъ, которыя замужъ выходятъ.

Костя пристально смотрѣлъ на Настю, глубокомысленно слушалъ и соображалъ.

— Настя, какая ты дура, произнесъ онъ, наконецъ, твердо и не горячась, — какой же можетъ быть у Катерины ребеночекъ, когда она не замужемъ?

Настя ужасно загорячилась.

— Ты ничего не понимаешь, раздражительно оборвала она, — можетъ, у нея мужъ былъ, но только въ тюрьмѣ сидитъ, а она вотъ и родила.

— Да развѣ у нея мужъ въ тюрьмѣ сидитъ? важно освѣдомился положительный Костя.

— Или вотъ что̀, стремительно перебила Настя, совершенно бросивъ и забывъ свою первую гипотезу: у нея нѣтъ мужа, это ты правъ, но она хочетъ выйти замужъ, вотъ и стала думать, какъ выйдетъ замужъ, и все думала, все думала, и до тѣхъ поръ думала, что вотъ онъ у ней и сталъ, не мужъ, а ребеночекъ.

— Ну, развѣ такъ, согласился совершенно побѣжденный Костя,—а ты этого раньше не сказала, такъ какъ же я могъ знать.

— Ну, дѣтвора̀, произнесъ Коля, шагнувъ къ нимъ въ комнату,—опасный вы, я вижу, народъ!

— И Перезвонъ съ вами? осклабился Костя и началъ прищелкивать пальцами и звать Перезвона.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткинъ,—и вы должны мнѣ помочь: Агаѳья, конечно, ногу сломала, потому что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, мнѣ же необходимо со двора. Отпустите вы меня али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, осклабившіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они, впрочемъ, еще не понимали вполнѣ, чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на шкапъ, не сломаете ногъ? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я бы вамъ зато могъ вещицу одну показать, пушечку мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ.

Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь просіявшій проговорилъ Костя.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и, вынувъ

изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то покажите! Смотри, на колескахъ,—прокатилъ онъ игрушку по столу, — и стрѣлять можно. Дробью зарядить и стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стоитъ навести.

И Красоткинъ растолковалъ, куда положить порохъ, куда вкатить дробинку, показалъ на дырочку въ видѣ затравки и разсказалъ, что бываетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ любопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ.

— А у васъ есть порохъ? освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ, протянула она съ просящею улыбкою.

Красоткинъ опять слазилъ въ сумку и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было насыпано нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ оказалось нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороху на ладонь.

— Вотъ, только не было бы гдѣ огня, а то такъ и взорветъ и насъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, еще усилившимъ наслажденіе. Но Костѣ больше понравилась дробь.

— А дробь не горитъ? освѣдомился онъ

— Дробь не горитъ.

— Подарите мнѣ немножко дроби, проговорилъ онъ умоляющимъ голоскомъ.

— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей до меня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ, что это порохъ и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ же замѣтила Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы никогда не обманывайте, но на этотъ разъ—пока я приду. Итакъ, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ меня отъ страха?

— За-пла-чемъ, протянулъ Костя, уже приготовляясь плакать.

— Заплачемъ, непремѣнно заплачемъ! подхватила пугливою скороговоркой и Настя.

— Охъ, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать, птенцы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-то, время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попросилъ Костя.

— Да ужъ нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Ісі, Перезвонъ!

И Коля началъ повелѣвать собакѣ, а та представлять все, что̀ знала. Это была лохматая собака, величиной съ обыкновенную дворняжку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, бросалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія, какъ мертвая. Во время этой послѣдней шутки отворилась дверь, и Агаѳья, толстая служанка г-жи Красоткиной, рябая баба лѣтъ сорока, показалась на порогѣ, возвратясь съ базара съ кулькомъ накупленной провизіи въ рукѣ. Она стала и, держа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаѳьи, представленія не прервалъ и, выдержавъ Перезвона опредѣленное время мертвымъ, наконецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости, что исполнила свой долгъ.

— Вишь, песъ! проговорила назидательно Агаѳья.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно Красоткинъ.

— Женскій полъ, ишь, пупырь!

— Пупырь?

— И пупырь. Что̀ тебѣ, что я опоздала, значитъ такъ надо, коли опоздала, бормотала Агаѳья, принимаясь возиться около печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ голосомъ, а, напротивъ, очень довольнымъ, какъ будто радуясь случаю позубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ, вставая съ дивана, Красоткинъ, — можешь ты мнѣ поклясться всѣмъ, что есть святого въ этомъ мірѣ и сверхъ того

чѣмъ-нибудь еще, что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неустанно? Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ клястись стану? засмѣялась Агаѳья.—И такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе, какъ поклявшись вѣчнымъ спасеніемъ души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ како дѣло, на дворѣ морозъ, сиди дома.

— Пузыри, обратился Коля къ дѣткамъ,—эта женщина останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей мамы, потому что и той давно бы воротиться надо. Сверхъ того, дастъ вамъ позавтракать. Дашь чего-нибудь имъ, Агаѳья?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, ухожу со спокойнымъ сердцемъ. А ты, бабуся, вполголоса и важно проговорилъ онъ, проходя мимо Агаѳьи,—надѣюсь, не станешь имъ врать обычныя ваши бабьи глупости про Катерину, пощадишь дѣтскій возрастъ. Ісі, Перезвонъ!

— И ну тебя къ Богу, огрызнулась уже съ сердцемъ Агаѳья. — Смѣшной! Выпороть самого-то, вотъ что̀, за такія слова.

III.

Школьники.

Но Коля уже не слышалъ. Наконецъ-то онъ могъ уйти. Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечиками и, проговоривъ: „морозъ!“ направился прямо по улицѣ и потомъ направо по переулку къ базарной площади. Не доходя одного дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ изъ кармана свистульку и свистнулъ изъ всей силы, какъ бы подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе минуты: изъ калитки вдругъ выскочилъ къ нему румяненькій мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже щегольское пальтецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ приготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ уже двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и которому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ, какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ что Смуровъ, очевидно, выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, если не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, кото-

рые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву въ Илюшу, и который разсказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ, и мальчики зашагали къ площади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ.—Есть обстоятельства. Тебя не выпорютъ, что ты со мной?

— Ну, полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ, кабы Жучка!

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла во мракѣ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя ли бы такъ, пріостановился вдругъ Смуровъ,—вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ,—нельзя ли сказать, что это та самая Жучка и есть, онъ, можетъ быть, и повѣритъ?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дѣла, два. А главное, надѣюсь, ты тамъ не объявлялъ ничего о моемъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю же. Но Перезвономъ его не утѣшишь, вздохнулъ Смуровъ.—Знаешь что: отецъ этотъ, капитанъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему принесетъ, настоящаго меделянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ думаетъ, что этимъ утѣшитъ Илюшу, только врядъ ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю, у него чахотка. Онъ весь въ памяти, только такъ дышитъ-дышитъ, нехорошо онъ дышитъ. Намедни попросилъ, чтобъ его поводили; обули его въ сапожки, пошелъ было, да и валится. „Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ, папа, что это у меня дурные сапожки, прежніе, въ нихъ и прежде было неловко ходить". Это онъ думалъ, что онъ отъ сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости. Недѣли не проживетъ. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять богаты, у нихъ много денегъ.

— Шельмы.

— Кто шельмы?

— Доктора, и вся медицинская сволочь, говоря вообще, и ужъ, разумѣется, въ частности. Я отрицаю медицину. Безполезное учрежденіе. Я, впрочемъ, все это изслѣдую. Что̀ это у васъ тамъ за сентиментальности, однако, завелись? Вы тамъ всѣмъ классомъ, кажется, пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходитъ туда, всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя Карамазова: брата его завтра или послѣзавтра судятъ за такое преступленіе, а у него столько времени на сентиментальничанье съ мальчиками?

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья. Самъ же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться! Смѣшное выраженіе. Я, впрочемъ, никому не позволю анализировать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не воображаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не хотѣлъ идти? воскликнулъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду самъ по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ притащилъ туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ, разница. И почемъ ты знаешь, я, можетъ, вовсе не мириться иду? Глупое выраженіе.

— Вовсе не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто наши сами туда стали ходить, конечно, сперва съ Карамазовымъ. И ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала одинъ, потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты знаешь, онъ просто съ ума сойдетъ, коль умретъ Илюша. Онъ видитъ, что Илюша умретъ. А самъ-то какъ радъ, что мы съ Илюшей помирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ, ничего больше не прибавилъ. Спроситъ и замолчитъ. А отецъ съ ума сойдетъ или повѣсится. Онъ вѣдь и прежде держалъ себя какъ помѣшанный. Знаешь, онъ благородный человѣкъ, и тогда вышла ошибка. Все этотъ отцеубійца виноватъ, что избилъ его тогда.

— А все-таки Карамазовъ для меня загадка. Я могъ бы и давно съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю быть гордымъ. Притомъ, я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, которое надо еще провѣрить и разъяснить.

Коля важно примолкъ, Смуровъ тоже. Смуровъ, разумѣется, благоговѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и не смѣлъ и думать равняться съ нимъ. Теперь же былъ

ужасно заинтересованъ, потому что Коля объяснилъ, что идетъ „самъ по себѣ“, и была тутъ, стало-быть, непремѣнно какая-то загадка въ томъ, что Коля вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли по базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много пріѣзжихъ возовъ и было много пригнанной птицы. Городскія бабы торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и проч. Такіе воскресные съѣзды наивно называются у насъ въ городкѣ ярмарками, и такихъ ярмарокъ бываетъ много въ году. Перезвонъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь безпрестанно направо и налѣво, гдѣ-нибудь что-нибудь понюхать. Встрѣчаясь съ другими собачонками, съ необыкновенною охотой съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.

— Я люблю наблюдать реализмъ, Смуровъ, заговорилъ вдругъ Коля.—Замѣтилъ ты, какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются? Тутъ какой-то общій у нихъ законъ природы.

— Да, какой-то смѣшной.

— То-есть не смѣшной, это ты неправильно. Въ природѣ ничего нѣтъ смѣшного, какъ бы тамъ ни казалось человѣку съ его предразсудками. Если бы собаки могли разсуждать и критиковать, то навѣрно бы нашли столько же для себя смѣшного, если не гораздо больше, въ соціальныхъ отношеніяхъ между собою людей, ихъ повелителей,—если не гораздо больше; это я повторяю потому, что я твердо увѣренъ, что глупостей у насъ гораздо больше. Это мысль Ракитина, мысль замѣчательная. Я соціалистъ, Смуровъ.

— А что̀ такое соціалистъ? спросилъ Смуровъ.

— Это коли всѣ равны, у всѣхъ одно общее мнѣніе, нѣтъ браковъ, а религія и всѣ законы, какъ кому угодно, ну и тамъ все остальное. Ты еще не доросъ до этого, тебѣ рано... Холодно, однако.

— Да. Двѣнадцать градусовъ. Давеча отецъ смотрѣлъ на термометрѣ.

— И замѣтилъ ты, Смуровъ, что въ срединѣ зимы, если градусовъ пятнадцать или даже восемнадцать, то кажется не такъ холодно, какъ, напримѣръ, теперь, въ началѣ зимы, когда вдругъ нечаянно ударитъ морозъ, какъ теперь, въ двѣнадцать градусовъ, да еще когда снѣгу мало. Это значитъ люди еще не привыкли. У людей все привычка, во всемъ, даже въ государственныхъ и политиче-

скихъ отношеніяхъ. Привычка—главный двигатель. Какой смѣшной, однако, мужикъ.

Коля указалъ на рослаго мужика въ тулупѣ, съ добродушною физіономіей, который у своего воза похлопывалъ отъ холода ладонями въ рукавицахъ. Длинная русая борода его вся заиндивѣла отъ мороза.

— У мужика борода замерзла! громко и задумчиво крикнулъ Коля, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно и сентенціозно промолвилъ въ отвѣтъ мужикъ.

— Не задирай его, замѣтилъ Смуровъ.

— Ничего, не осердится, онъ хорошій. Прощай, Матвѣй.

— Прощай.

— А ты развѣ Матвѣй?

— Матвѣй. А ты не зналъ?

— Не зналъ; я наугадъ сказалъ.

— Ишь вѣдь. Въ школьникахъ небось?

— Въ школьникахъ.

— Что̀ жъ тебя порютъ?

— Не то чтобы, а такъ.

— Больно?

— Не безъ того!

— Эхъ, жисть! вздохнулъ мужикъ отъ всего сердца.

— Прощай, Матвѣй.

— Прощай. Парнишка ты милый, вотъ что̀.

Мальчики пошли дальше.

— Это хорошій мужикъ, заговорилъ Коля Смурову.— Я люблю поговорить съ народомъ и всегда радъ отдать ему справедливость.

— Зачѣмъ ты ему совралъ, что у насъ сѣкутъ? спросилъ Смуровъ.

— Надо же было его утѣшить!

— Чѣмъ это?

— Видишь, Смуровъ, не люблю я, когда переспрашиваютъ, если не понимаютъ съ перваго слова. Иного и растолковать нельзя. По идеѣ мужика, школьника порютъ и должны пороть: что̀, дескать, за школьникъ, если его не порютъ? И вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ, вѣдь онъ этимъ огорчится. А, впрочемъ, ты этого не понимаешь. Съ народомъ надо умѣючи говорить.

— Только не задирай, пожалуйста, а то опять выйдетъ исторія, какъ тогда съ этимъ гусемъ.

— А ты боишься?

— Не смѣйся, Коля, ей-Богу боюсь. Отецъ ужасно разсердится. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.

— Не безпокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ. Здравствуй, Наташа, крикнулъ онъ одной изъ торговокъ подъ навѣсомъ.

— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, крикливо отвѣтила торговка, далеко еще не старая женщина.

— Это хорошо, что Марья, прощай.

— Ахъ ты, пострѣленокъ, отъ земли не видать, а туда же!

— Некогда, некогда мнѣ съ тобой, въ будущее воскресенье разскажешь, замахалъ руками Коля, точно она къ нему приставала, а не онъ къ ней.

— А что̀ мнѣ тебѣ разсказывать въ воскресенье? Самъ привязался, а не я къ тебѣ, озорникъ, раскричалась Марья,—выпороть тебя, вотъ что̀, обидчикъ ты извѣстный, вотъ что̀!

Между другими торговками, торговавшими на своихъ лоткахъ рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ-подъ аркады городскихъ лавокъ выскочилъ, ни съ того, ни съ сего, одинъ раздраженный человѣкъ въ родѣ купеческаго приказчика, и не нашъ торговецъ, а изъ пріѣзжихъ, въ длиннополомъ синемъ кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ темнорусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, блѣднымъ, рябоватымъ лицомъ. Онъ былъ въ какомъ-то глупомъ волненіи и тотчасъ принялся грозить Колѣ кулакомъ.

— Я тебя знаю, восклицалъ онъ раздраженно,—я тебя знаю!

Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ припомнить, когда онъ съ этимъ человѣкомъ могъ имѣть какую-нибудь схватку. Но мало ли у него было схватокъ на улицахъ, всѣхъ и припомнить было нельзя.

— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.

— Я тебя знаю! Я тебя знаю! наладилъ, какъ дуракъ, мѣщанинъ.

— Тебѣ же лучше. Ну, некогда мнѣ, прощай!

— Чего озоричаешь? закричалъ мѣщанинъ.—Ты опять озоричать? Я тебя знаю! Ты опять озоричать?

— Это, братъ, не твое теперь дѣло, что я озоричаю, произнесъ Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Такъ, не твое.

— А чье же? Чье же? Ну, чье же?

— Это, братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а не твое.

— Какого такого Трифона Никитича? съ дурацкимъ удивленіемъ, хотя все такъ же горячась, уставился на Колю парень. Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Къ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вдругъ спросилъ онъ его.

— Къ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходилъ, опѣшилъ немного парень.

— Сабанѣева знаешь? еще настойчивѣе и еще строже продолжалъ Коля.

— Какого тѣ Сабанѣева? Нѣтъ, не знаю.

— Ну, и чортъ съ тобой послѣ этого! отрѣзалъ вдругъ Коля и, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своею дорогой, какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, который Сабанѣева даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого тѣ Сабанѣева? опомнился парень, весь опять заволновавшись.—Это онъ чего такого говорилъ? повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глупо смотря на нихъ.

Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣева? все неистово повторялъ парень, махая правою рукой.

— А это, надоть быть, Сабанѣева, который у Кузмичевыхъ служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ одна баба.

Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми-чева? переговорила другая баба,—да какой онъ Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Трифономъ Никитичемъ называлъ, стало, не онъ.

— Это, вишь, не Трифонъ и не Сабанѣевъ, это Чижовъ, подхватила вдругъ третья баба, доселѣ молчавшая и серьезно слушавшая,—Алексѣй Иванычемъ звать его. Чижовъ, Алексѣй Ивановичъ.

— Это такъ и есть что Чижовъ, настойчиво подтвердила четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на другую.

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ зачѣмъ, люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи:—„Сабанѣева знаешь?“ А чортъ его знаетъ, какой онъ есть таковъ Сабанѣевъ?

— Безтолковый ты человѣкъ, говорятъ тѣ не Сабанѣевъ, а Чижовъ, Алексѣй Ивановичъ Чижовъ, вотъ кто! внушительно крикнула ему одна торговка.

— Какой Чижовъ? Ну, какой? Говори, коли знаешь.

— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.

— А на кой лядъ мнѣ твово Чижова, люди добрые, а?

— А я почемъ знаю на кой тѣ лядъ Чижова

— А кто тебя знаетъ, на что̀ онъ тебѣ, подхватила другая, — самъ долженъ знать, на что̀ его тебѣ надо, коли галдишь. Вѣдь онъ тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человѣкъ. Аль вправду не знаешь?

— Кого?

— Чижова.

— А чортъ его дери Чижова, съ тобой вмѣстѣ! Отколочу его, вотъ что̀! Смѣялся онъ надо мной!

— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуракъ ты, вотъ что̀!

— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку отколочу, вотъ что̀! Давайте его, давайте его сюда, смѣялся онъ надо мной!

Бабы хохотали. А Коля шагалъ уже далеко съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кричавшую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ все еще опасался какъ бы не попасть съ Колей въ исторію.

— Про какого ты его спросилъ Сабанѣева? спросилъ онъ Колю, предчувствуя отвѣтъ.

— А почему я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера крику будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ во всѣхъ слояхъ общества. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣть себѣ, говорятъ: „Ничего нѣтъ глупѣе глупаго француза“, но и русская физіономія выдаетъ себя. Ну, не написано ль у этого на лицѣ, что онъ дуракъ, вотъ у этого мужика, а?

— Оставь его, Коля, пойдемъ мимо.

— Ни за что̀ не оставлю, я теперь поѣхалъ. Эй! здравствуй, мужикъ!

Дюжій мужикъ, медленно проходившій мимо и уже, должно быть, выпившій, съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бородой съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, не торопливо проговорилъ онъ въ отвѣтъ.

— А коль шучу? засмѣялся Коля.

— А шутишь, такъ и шути, Богъ съ тобой. Ничего, это можно. Это всегда возможно чтобъ пошутить.

— Виноватъ, братъ, пошутилъ.

— Ну и Богъ тѣ прости.

— Ты-то прощаешь ли?

— Оченно прощаю. Ступай.

— Вишь вѣдь ты, да ты, пожалуй, мужикъ умный.

— Умнѣй тебя, неожиданно и попрежнему важно отвѣтилъ мужикъ.

— Врядъ ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.

— Вѣрно говорю.

— А пожалуй, что и такъ.

— То-то, братъ.

— Прощай, мужикъ.

— Прощай.

— Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смурову послѣ нѣкотораго молчанія. — Почемъ же я зналъ, что нарвусь на умника. Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половина двѣнадцатаго. Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинный путь до жилища штабсъ-капитана Снѣгирева прошли быстро и почти уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля остановился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему сюда Карамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ Смурову.

— Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ,— войди и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А что̀ же на морозѣ знакомиться?

— Это ужъ я знаю, зачѣмъ мнѣ его надо сюда на морозъ, деспотически отрѣзалъ Коля (что̀ ужасно любилъ дѣлать съ этими „маленькими“), и Смуровъ побѣжалъ исполнять приказаніе.

IV.

Жучка.

Коля съ важною миной въ лицѣ прислонился къ забору и сталъ ожидать появленія Алеши. Да, съ нимъ ему давно уже хотѣлось встрѣтиться. Онъ много наслышался о немъ отъ мальчиковъ, но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презрительно-равнодушный видъ, когда ему о

немъ говорили, даже „критиковалъ“ Алешу, выслушивая то, что̀ о немъ ему передавали. Но про себя очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ выслушанныхъ имъ разсказахъ объ Алешѣ симпатическое и влекущее. Такимъ образомъ теперешняя минута была важная; во-первыхъ, надо было себя въ грязь лицомъ не ударить, показать независимость: „А то подумаетъ, что мнѣ тринадцать лѣтъ и приметъ меня за такого же мальчишку, какъ и эти. И что̀ ему эти мальчишки? Спрошу его когда сойдусь? Скверно однакоже то, что я такого маленькаго росту. Тузиковъ моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочемъ, умное; я не хорошъ, я знаю, что я мерзокъ лицомъ, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу-то съ объятіями, онъ и подумаетъ... Тьфу, какая будетъ мерзость, если подумаетъ!..“

Такъ волновался Коля, изо всѣхъ силъ стараясь принять самый независимый видъ. Главное, его мучилъ маленькій его ростъ, не столько „мерзкое“ лицо, сколько ростъ. У него дома, въ углу на стѣнѣ, еще съ прошлаго года была сдѣлана карандашомъ черточка, которою онъ отмѣтилъ свой ростъ, и съ тѣхъ поръ каждые два мѣсяца онъ съ волненіемъ подходилъ опять мѣриться: на сколько успѣлъ вырасти? Но, увы! вырасталъ онъ ужасно мало, и это приводило его порой просто въ отчаяніе. Что же до лица, то было оно вовсе не „мерзкое“, напротивъ, довольно миловидное, бѣленькое, блѣдненькое, съ веснушками. Сѣрые, небольшіе, но живые глазки смотрѣли смѣло и часто загорались чувствомъ. Скулы были нѣсколько широки, губы маленькія, не очень толстыя, но очень красныя; носъ маленькій и рѣшительно вздернутый: „совсѣмъ курносый, совсѣмъ курносый!“ бормоталъ про себя Коля, когда смотрѣлся въ зеркало, и всегда отходилъ отъ зеркала съ негодованіемъ. „Да врядъ ли и лицо умное?“ подумывалъ онъ иногда, даже сомнѣваясь и въ этомъ. Впрочемъ, не надо полагать, что забота о лицѣ и о ростѣ поглощала всю его душу. Напротивъ, какъ ни язвительны были минуты предъ зеркаломъ, но онъ быстро забывалъ о нихъ и даже надолго, „весь отдаваясь идеямъ и дѣйствительной жизни“, какъ опредѣлялъ онъ самъ свою дѣятельность.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ; за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ, что у Алеши

было какое-то совсѣмъ радостное лицо. „Неужели такъ радъ мнѣ?“ съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что Алеша очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы его оставили: онъ сбросилъ подрясникъ и носилъ теперь прекрасно сшитый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко остриженные волосы. Все это очень его скрасило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчикомъ. Миловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли, Алеша вышелъ къ нему въ томъ, въ чемъ сидѣлъ въ комнатѣ, безъ пальто, видно, что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Колѣ руку.

— Вотъ и вы, наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины, о которыхъ сейчасъ узнаете. Во всякомъ случаѣ радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и много слышалъ, пробормоталъ, немного задыхаясь, Коля.

— Да мы съ вами и безъ того бы познакомились, я самъ о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то, вы запоздали.

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непремѣнно умретъ.

— Что̀ вы! Согласитесь, что медицина подлость, Карамазовъ, съ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, даже, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно, что вы ему очень, очень были дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есть и еще причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза Колѣ.—Та уже такъ и пропала?

— Знаю, что вамъ хотѣлось бы всѣмъ Жучку, слышалъ все-съ, загадочно усмѣхнулся Коля. — Слушайте, Карамазовъ, я вамъ объясню все дѣло, я, главное, съ тѣмъ и пришелъ, для этого васъ и вызвалъ, чтобы вамъ предварительно объяснить весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ онъ. — Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ приготовительный классъ. Ну, извѣстно, нашъ приготовительный классъ: мальчишки, дѣтвора̀. Илюшу тотчасъ же начали задирать. Я двумя классами выше и, разумѣется, смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчикъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже съ ними дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А они-то его пуще. Главное,

у него тогда было платьишко скверное, штанишки наверхъ лѣзутъ, а сапоги каши просятъ. Они его и за это. Унижаютъ. Нѣтъ, этого ужъ я не люблю, тотчасъ же заступился и экстрафеферу задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ, вы знаете ли это, Карамазовъ?—экспансивно похвастался Коля. — Да и вообще люблю дѣтвору. У меня и теперь на шеѣ дома два птенца сидятъ, даже сегодня меня задержали. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ его подъ мою протекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю, что гордый, но кончилъ тѣмъ, что предался мнѣ рабски, исполняетъ малѣйшія мои повелѣнія, слушаетъ меня какъ Бога, лѣзетъ мнѣ подражать. Въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. У насъ въ гимназіи смѣются, когда старшій сходится на такую ногу съ маленькимъ, но это предразсудокъ. Такова моя фантазія, и баста, не правда ли? Я его учу, развиваю,—почему, скажите, я не могу его развивать, если онъ мнѣ нравится? Вѣдь вотъ вы же, Карамазовъ, сошлись со всѣми этими птенцами, значитъ, хотите дѣйствовать на молодое поколѣніе, развивать, быть полезнымъ? И, признаюсь, эта черта въ вашемъ характерѣ, которую я узналъ по наслышкѣ, всего болѣе заинтересовала меня. Впрочемъ, къ дѣлу: примѣчаю, что въ мальчикѣ развивается какая-то чувствительность, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ всякихъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ тому же противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски,—преданъ рабски, а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хочетъ даже соглашаться со мной, споритъ, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ иногда разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а просто вижу, что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что я на его нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ, чтобъ его выдержать, я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокровнѣе, нарочно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ виду вышколить характеръ, выровнять, создать человѣка... ну и тамъ... вы, разумѣется, меня съ полслова понимаете. Вдругъ замѣчаю, онъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужъ не о нѣжностяхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, высшемъ. Думаю, что за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: какимъ-то онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца вашего (который то-

гда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а тотъ и научи его, дурачка, глупой шуткѣ, то-есть звѣрской шуткѣ, подлой шуткѣ,—взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть въ него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ такихъ, которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотаютъ, и посмотрѣть, что́ изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой кусокъ и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой теперь такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора, гдѣ ее просто не кормили, а она-то весь день на вѣтеръ лаетъ. (Любите вы этотъ глупый лай, Карамазовъ? Я терпѣть не могу). Такъ и бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пустилась бѣжать, бѣжитъ и все визжитъ, и исчезла,—такъ мнѣ описывалъ самъ Илюша. Признается мнѣ, а самъ плачетъ—плачетъ, обнимаетъ меня, сотрясается. „Бѣжитъ и визжитъ, бѣжитъ и визжитъ“—только это и повторяетъ, поразила его эта картина. Ну, вижу, угрызенія совѣсти. Я принялъ серьезно. Мнѣ, главное, и за прежнее хотѣлось его пришколить, такъ что, признаюсь, я тутъ схитрилъ, притворился, что въ такомъ негодованіи, какого, можетъ, и не было у меня вовсе: „Ты, говорю, сдѣлалъ низкій поступокъ, ты подлецъ, я, конечно, не разглашу, но пока прерываю съ тобою сношенія. Дѣло это обдумаю, и дамъ тебѣ знать черезъ Смурова (вотъ этого самаго мальчика, который теперь со мной пришелъ и который всегда мнѣ былъ преданъ): буду ли продолжать съ тобою впредь отношенія или брошу тебя навѣки, какъ подлеца“. Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда же почувствовалъ, что, можетъ быть, слишкомъ строго отнесся, но что́ дѣлать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя, посылаю къ нему Смурова и чрезъ него передаю, что я съ нимъ больше „не говорю“, то-есть это такъ у насъ называется, когда два товарища прерываютъ между собой сношенія. Тайна въ томъ, что я хотѣлъ его выдержать на фербантѣ всего только нѣсколько дней, а тамъ, видя раскаяніе, опять протянуть ему руку. Это было твердое мое намѣреніе. Но что́ же вы думаете: выслушалъ отъ Смурова, и вдругъ у него засверкали глаза: „Передай, закричалъ онъ,—отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ!“ „А, думаю, вольный душокъ завелся, его надо выкурить“, и сталъ ему выказывать полное презрѣніе, при всякой встрѣчѣ отвертываюсь или иронически улыбаюсь. И вдругъ

тутъ происходитъ этотъ случай съ его отцомъ, помните, мочалка-то? Поймите, что онъ такимъ образомъ уже предварительно приготовленъ былъ къ страшному раздраженію. Мальчики, видя, что я его оставилъ, накинулись на него, дразнятъ: „мочалка, мочалка". Вотъ тутъ-то у нихъ и начались баталіи, о которыхъ я страшно сожалѣю, потому что его, кажется, очень больно тогда разъ избили. Вотъ разъ онъ бросился на всѣхъ на дворѣ, когда выходили изъ классовъ, а я какъ разъ стою въ десяти шагахъ и смотрю на него. И, клянусь, я не помню, чтобъ я тогда смѣялся, напротивъ, мнѣ тогда очень, очень стало жалко его, и еще мигъ, и я бы бросился его защищать. Но онъ вдругъ встрѣтилъ мой взглядъ: что́ ему показалось—не знаю, но онъ выхватилъ перочинный ножикъ, бросился на меня и ткнулъ мнѣ его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся, я, признаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только посмотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ бы говоря взглядомъ: „Не хочешь ли, молъ, еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ услугамъ". Но онъ другой разъ не пырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, заплакалъ въ голосъ и пустился бѣжать. Я, разумѣется, не фискалилъ и приказалъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказалъ, только когда все зажило, да и ранка была пустая, царапина. Потомъ, слышу, въ тотъ же день бросался камнями и вамъ палецъ укусилъ,—но, понимаете, въ какомъ онъ былъ состояніи! Ну, что̀ дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я не пошелъ его простить, то-есть помириться, теперь раскаиваюсь. Но тутъ ужъ у меня явились особыя цѣли. Ну, вотъ и вся эта исторія... только, кажется, я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ, какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша,—что я не зналъ вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а то бы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойти къ нему со мной вмѣстѣ. Вѣрите ли, въ жару, въ болѣзни, онъ бредилъ вами. Я и не зналъ, какъ вы ему дороги! И неужели, неужели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчики по всему городу разыскивали. Вѣрите ли, онъ, больной, въ слезахъ, три раза при мнѣ ужъ повторялъ: „Это оттого я боленъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ": не собьешь его съ этой мысли! И если бы только достали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая,

то, кажется, онъ бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ надѣялись.

— Скажите, съ какой же стати надѣялись, что я отыщу Жучку, то-есть, что именно я отыщу?—съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля,—почему именно на меня разсчитывали, а не на другого?

— Какой-то слухъ былъ, что вы ее отыскиваете, и что когда отыщете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ родѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить, что Жучка жива, что ее гдѣ-то видѣли. Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ, чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, тоже досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже еще, кажется, вышло...

— Еще скажите, Карамазовъ: что̀ такое этотъ отецъ? Я его знаю, но что̀ онъ такое по вашему опредѣленію: шутъ, паяцъ?

— Ахъ, нѣтъ, есть люди глубоко чувствующіе, но какъ-то придавленные. Шутовство у нихъ въ родѣ злобной ироніи на тѣхъ, которымъ въ глаза они не смѣютъ сказать правды отъ долговременной унизительной робости предъ ними. Повѣрьте, Красоткинъ, что такое шутовство чрезвычайно иногда трагично. У него все теперь, все на землѣ совокупилось въ Илюшѣ, и умри Илюша, онъ или съ ума сойдетъ съ горя, или лишитъ себя жизни. Я почти убѣжденъ въ этомъ, когда теперь на него смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ, я вижу, вы знаете человѣка, прибавилъ проникновенно Коля.

— А я какъ увидалъ васъ съ собакой, такъ и подумалъ, что вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, можетъ быть, мы ее и отыщемъ, а эта—это Перезвонъ. Я впущу ее теперь въ комнату и, можетъ быть, развеселю Илюшу побольше, чѣмъ меделянскимъ щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, вы кой-что сейчасъ узнаете. Ахъ, Боже мой, что̀-жъ я васъ держу!—вскричалъ вдругъ стремительно Коля.—Вы въ одномъ сюртучкѣ на такомъ холодѣ, а я васъ задерживаю; видите, видите, какой я эгоистъ! О, всѣ мы эгоисты, Карамазовъ!

— Не безпокойтесь, правда, холодно, но я не простудливъ. Пойдемте однакоже. Кстати: какъ ваше имя, я знаю, что Коля, а дальше?

— Николай, Николай Ивановъ Красоткинъ, или, какъ говорятъ по-казенному: сынъ Красоткинъ,—чему-то засмѣялся Коля, но вдругъ прибавилъ:

— Я, разумѣется, ненавижу мое имя Николай.

— Почему же?

— Тривіально, казенно...

— Вамъ тринадцатый годъ? спросилъ Алеша.

— То-есть четырнадцатый, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, весьма скоро. Признаюсь предъ вами заранѣе въ одной слабости, Карамазовъ, это ужъ такъ предъ вами, для перваго знакомства, чтобы вы сразу увидѣли всю мою натуру: я ненавижу, когда меня спрашиваютъ про мои года, болѣе чѣмъ ненавижу... и, наконецъ... про меня, напримѣръ, есть клевета, что я на прошлой недѣлѣ съ приготовительными въ разбойники игралъ. То, что я игралъ— это дѣйствительность, но что я для себя игралъ, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣшительно клевета. Я имѣю основанія думать, что до васъ это дошло, но я не для себя игралъ, а для дѣтворы игралъ, потому что они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у насъ всегда вздоръ распустятъ. Это городъ сплетенъ, увѣряю васъ.

— А хоть бы и для своего удовольствія играли, что-жъ тутъ такого?

— Ну, для себя... Не станете же вы въ лошадки играть?

— А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша: — въ театръ, напримѣръ, ѣздятъ же взрослые, а въ театрѣ тоже представляютъ приключенія всякихъ героевъ, иногда даже съ разбойниками и съ войной,—такъ развѣ это не то же самое, въ своемъ, разумѣется, родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ рекреаціонное время, или тамъ въ разбойники, — это вѣдь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства въ юной душѣ, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе, чѣмъ представленія на театрѣ, только въ томъ разница, что въ театръ ѣздятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры. Но это только естественно.

— Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально смотрѣлъ на него Коля. — Знаете, вы довольно любопытную мысль сказали; я теперь приду домой и шевельну мозгами на этотъ счетъ. Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно кой-чему поучиться. Я при-

шелъ у васъ учиться, Карамазовъ, проникновеннымъ и экспансивнымъ голосомъ заключилъ Коля.

— А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку.

Коля былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то, что съ нимъ онъ въ высшей степени на ровной ногѣ и что тотъ говоритъ съ нимъ какъ „съ самымъ большимъ“.

— Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ тоже одно театральное представленіе, нервно засмѣялся онъ,—я съ тѣмъ и пришелъ.

— Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши свои пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

— О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и просижу въ пальто. Перезвонъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: „иси, Перезвонъ, кушъ и умри!“—видите, онъ и умеръ. А я сначала войду, посмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ, свистну: „иси Перезвонъ!“ и вы увидите, онъ тотчасъ же влетитъ, какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не забылъ отворить въ то мгновеніе дверь. Ужъ я распоряжусь, и вы увидите фортель...

V.

У Илюшиной постельки.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обитало семейство извѣстнаго намъ отставного штабсъ-капитана Снѣгирева, было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленной набравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ этотъ разъ у Илюши, и хоть всѣ они готовы были, какъ и Смуровъ, отрицать, что помирилъ и свелъ ихъ съ Илюшей Алеша, но это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что свелъ онъ ихъ съ Илюшей, одного за другимъ, безъ „телячьихъ нѣжностей“, а совсѣмъ какъ бы не нарочно и нечаянно. Илюшѣ же это принесло огромное облегченіе въ его страданіяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ всѣхъ этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ очень тронутъ. Одного только Красоткина недоставало, и это лежало на его сердцѣ страшнымъ гнетомъ. Если было въ горькихъ воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горьчайшее, то это именно весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ, бывшимъ единственнымъ другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился тогда съ ножикомъ.

Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуровъ (первый пришедшій помириться съ Илюшей). Но самъ Красоткинъ, когда Смуровъ отдаленно сообщилъ ему, что Алеша хочетъ къ нему придти „по одному дѣлу“, тотчасъ же оборвалъ и отрѣзалъ подходъ, поручивъ Смурову немедленно сообщить „Карамазову“, что онъ самъ знаетъ какъ поступать, что совѣтовъ ни отъ кого не проситъ, и что, если пойдетъ къ больному, то самъ знаетъ когда пойти, потому что у него „свой разсчетъ“. Это было еще недѣли за двѣ до этого воскресенья. Вотъ почему Алеша и не пошелъ къ нему самъ, какъ намѣревался. Впрочемъ, онъ хоть и подождалъ, но, однакоже, послалъ Смурова къ Красоткину еще разъ и еще разъ. Но въ оба эти раза Красоткинъ отвѣтилъ уже самымъ нетерпѣливымъ и рѣзкимъ отказомъ, передавъ Алешѣ, что, если тотъ придетъ за нимъ самъ, то онъ за это никогда не пойдетъ къ Илюшѣ, и чтобъ ему больше не надоѣдали. Даже до самаго этого послѣдняго дня самъ Смуровъ не зналъ, что Коля рѣшилъ отправиться къ Илюшѣ въ это утро, и только наканунѣ вечеромъ, прощаясь со Смуровымъ, Коля вдругъ рѣзко объявилъ ему, чтобъ онъ ждалъ его завтра утромъ дома, потому что пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ Снѣгиревымъ, но чтобы не смѣлъ, однакоже, никого увѣдомлять о его прибытіи, такъ какъ онъ хочетъ придти нечаянно. Смуровъ послушался. Мечта же о томъ, что онъ приведетъ пропавшую Жучку, явилась у Смурова на основаніи разъ брошенныхъ мелькомъ словъ Красоткинымъ, что „ослы они всѣ, коли не могутъ отыскать собаку, если только она жива“. Когда же Смуровъ робко, выждавъ время, намекнулъ о своей догадкѣ насчетъ собаки Красоткину, тотъ вдругъ ужасно озлился: „что̀ я за оселъ, чтобъ искать чужихъ собакъ по всему городу, когда у меня свой Перезвонъ? И можно ли мечтать, чтобы собака, проглотившая булавку, осталась жива? Телячьи нѣжности, больше ничего!“

Между тѣмъ Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы же не ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и укусилъ ему палецъ. Впрочемъ, онъ съ того же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяцъ могъ кое-какъ ходить изрѣдка по комнатѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ, совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двигаться. Отецъ трепе-

талъ надъ нимъ, пересталъ даже совсѣмъ пить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умретъ его мальчикъ, и часто, особенно послѣ того, какъ проведетъ, бывало, его по комнатѣ подъ руку и уложитъ опять въ постельку,—вдругъ выбѣгалъ въ сѣни, въ темный уголъ, и, прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то заливчатымъ, сотрясающимся плачемъ, давя свой голосъ, чтобы рыданій его не было слышно у Илюшечки.

Возвращаясь же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ-нибудь развлекать и утѣшать своего дорогого мальчика, разсказывалъ ему сказки, смѣшные анекдоты, или представлялъ изъ себя разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣчать, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ или кричатъ. Но Илюша очень не любилъ, когда отецъ коверкался и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хоть и старался не показывать, что ему это непріятно, но съ болью сердца сознавалъ, что отецъ въ обществѣ униженъ, и всегда, неотвязно, вспоминалъ о „мочалкѣ“ и о томъ „страшномъ днѣ“. Ниночка, безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тоже не любила, когда отецъ коверкался (что же до Варвары Николаевны, то она давно уже отправилась въ Петербургъ слушать курсы), зато полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего сердца смѣялась, когда ея супругъ начнетъ, бывало, что-нибудь представлять или выдѣлывать какіе-нибудь смѣшные жесты. Этимъ только ее и можно было утѣшить, во все же остальное время она безпрерывно брюзжала и плакалась, что теперь всѣ ее забыли, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и проч., и проч. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ бы вся перемѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на Илюшу и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, притихла и, если принималась плакать, то тихо, чтобы не слыхали. Штабсъ-капитанъ съ горькимъ недоумѣніемъ замѣтилъ эту въ ней перемѣну. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились и только сердили ее, но потомъ веселые крики и разсказы дѣтей стали развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравились, что перестань ходить эти мальчики, она бы затосковала ужасно. Когда дѣти что разсказывали или начинали играть, она смѣялась и хлопала въ ладошки. Иныхъ подзывала къ себѣ и цѣловала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что же до штабсъ-капитана, то появленіе въ его квар-

тирѣ дѣтей, приходившихъ веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанетъ теперь тосковать и, можетъ быть, отъ того скорѣе выздоровѣетъ. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго времени, не сомнѣвался, несмотря на весь свой страхъ за Илюшу, что его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ маленькихъ гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услуживалъ, готовъ былъ ихъ на себѣ возить, и даже впрямь началъ было возить, но Илюшѣ эти игры не понравились и были оставлены. Сталъ для нихъ покупать гостинцевъ, пряничковъ, орѣшковъ, устраивалъ чай, намазывалъ бутерброды. Надо замѣтить, что во все это время деньги у него не переводились. Тогдашніе двѣсти рублей отъ Катерины Ивановны онъ принялъ точь въ точь по предсказанію Алеши. А потомъ Катерина Ивановна, разузнавъ подробнѣе объ ихъ обстоятельствахъ и о болѣзни Илюши, сама посѣтила ихъ квартиру, познакомилась со всѣмъ семействомъ и даже сумѣла очаровать полоумную штабсъ-капитаншу. Съ тѣхъ поръ рука ея не оскудѣвала, а самъ штабсъ-капитанъ, подавленный ужасомъ при мысли, что умретъ его мальчикъ, забылъ свой прежній гоноръ и смиренно принималъ подаяніе. Все это время докторъ Герценштубе, по приглашенію Катерины Ивановны, ѣздилъ постоянно и аккуратно черезъ день къ больному, но толку отъ его посѣщеній выходило мало, а пичкалъ онъ его лѣкарствами ужасно. Но зато въ этотъ день, то-есть въ это воскресенье утромъ, у штабсъ-капитана ждали одного новаго доктора, пріѣзжаго изъ Москвы и считавшагося въ Москвѣ знаменитостью. Его нарочно выписала и пригласила изъ Москвы Катерина Ивановна за большія деньги,—не для Илюшечки, а для другой одной цѣли, о которой будетъ сказано ниже и въ своемъ мѣстѣ, но ужъ такъ какъ онъ прибылъ, то и попросила его навѣстить и Илюшечку, о чемъ штабсъ-капитанъ былъ заранѣе предувѣдомленъ. О прибытіи же Коли Красоткина онъ не имѣлъ никакого предчувствія, хотя уже давно желалъ, чтобы пришелъ, наконецъ, этотъ мальчикъ, по которомъ такъ мучился его Илюшечка. Въ то самое мгновеніе, когда Красоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики, столпились около постельки больного и разсматривали только что принесеннаго крошечнаго меделянскаго щенка,

вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ, чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все тосковавшаго объ исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучкѣ. Но Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня, что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую меделянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывалъ изъ тонкаго и деликатнаго чувства, что радъ подарку, но всѣ, и отецъ и мальчики, ясно увидѣли, что новая собачка, можетъ быть, только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной, имъ замученной, Жучкѣ. Щеночекъ лежалъ и копошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его своею тоненькою, блѣдненькою, высохшею ручкой: даже видно было, что собачка ему понравилась, но... Жучки все же не было, все же это не Жучка, а вотъ если бы Жучка и щеночекъ вмѣстѣ, тогда бы было полное счастіе!

— Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, первый завидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видимое волненіе, мальчики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ что вдругъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стремительно бросился навстрѣчу Колѣ.

— Пожалуйте, пожалуйте... дорогой гость! залепеталъ онъ ему.—Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ пожаловалъ...

Но Красоткинъ, наскоро подавъ ему руку, мигомъ высказалъ и чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчасъ же и прежде всего обратился къ сидѣвшей въ своемъ креслѣ супругѣ штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была ужасно какъ недовольна и брюзжала на то, что мальчики заслонили собою постельку Илюши и не даютъ ей поглядѣть на новую собачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнулъ предъ нею ножкой, а затѣмъ, повернувшись къ Ниночкѣ, отдалъ и ей, какъ дамѣ, такой же поклонъ. Этотъ вѣжливый поступокъ произвелъ на больную даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго молодого человѣка, громко произнесла она, разводя руками,—а то что̀ прочіе-то наши гости: одинъ на другомъ пріѣзжаютъ.

— Какъ же, мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ это такъ? хотя и ласково, но опасаясь немного за „мамочку“, пролепеталъ штабсъ-капитанъ.

— А такъ и въѣзжаютъ. Сядетъ въ сѣняхъ одинъ другому верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и въѣдетъ, сидя верхомъ. Какой же это гость?

— Да кто же, кто же, мамочка, такъ въѣзжалъ, кто же?

— Да вотъ этотъ мальчикъ на этомъ мальчикѣ сегодня въѣхалъ, а вотъ тотъ на томъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной видимо поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кроваткѣ и пристально-пристально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего прежняго маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился предъ нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ, что увидитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горящіе въ лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся глаза, такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматривался онъ, что Илюша такъ глубоко и часто дышитъ и что у него такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и, почти совсѣмъ потерявшись, проговорилъ:

— Ну что̀, старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣкся, развязности не хватило, лицо какъ-то вдругъ передернулось и что-то задрожало около его губъ. Илюша болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказать слова. Коля вдругъ поднялъ руку и провелъ для чего-то своею ладонью по волосамъ Илюши.

— Ни-че-го! пролепеталъ онъ ему тихо,—не то ободряя его, не то самъ не зная зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять помолчали.

— Что̀ это, у тебя новый щенокъ? вдругъ самымъ безчувственнымъ голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а! отвѣтилъ Илюша длиннымъ шопотомъ, задыхаясь.

— Черный носъ, значитъ изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ, важно и твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ щенкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что онъ все еще изо всѣхъ силъ старался побороть въ себѣ чувство, чтобы не заплакать какъ „маленькій“, и все еще не могъ побороть.—Подрастетъ, придется посадить на цѣпь, ужъ я знаю.

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчикъ изъ толпы.

— Извѣстно, меделянскій, огромный, вотъ этакій, съ теленка, раздалось вдругъ нѣсколько голосковъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ

штабсъ-капитанъ,—я нарочно отыскалъ такого, самаго-самаго злющаго, и родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ этакіе отъ полу ростомъ... Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши, а не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданый... Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ изволили прибыть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ хоть, можетъ быть, и приготовилъ дорогой, съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ... я съ Перезвономъ... У меня такая собака теперь, Перезвонъ. Славянское имя. Тамъ ждетъ... свистну и влетитъ. Я тоже съ собакой,—оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ,—помнишь, старикъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перекосилось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кивнулъ было Колѣ украдкой, чтобъ не заговаривалъ про Жучку, но тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ же... Жучка? надорваннымъ голоскомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка—фью! Пропала твоя Жучка.

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо всѣхъ силъ опять закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ, что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда-нибудь и пропала. Какъ не пропасть послѣ такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ, самъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.—У меня зато Перезвонъ... Славянское имя... Я къ тебѣ привелъ...

— Не надо! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, непремѣнно посмотри... Ты развлечешься. Я нарочно привелъ... такая же лохматая, какъ и та... Вы позволите, сударыни, позвать сюда мою собаку? обратился онъ вдругъ къ г-жѣ Снѣгиревой въ какомъ-то совсѣмъ ужъ непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ въ голосѣ воскликнулъ Илюша. Укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы бы-съ... рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣнки, на которомъ было присѣлъ,—вы бы-съ... въ другое бы время-съ... пролепеталъ онъ, но Коля, не-

удержимо настаивая и спѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: „Смуровъ, отвори дверь!“ и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистульку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо передъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто никѣмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся весь впередъ, нагнулся къ Перезвону и, какъ бы замирая, смотрѣлъ на него:

— Это... Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастія голоскомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ, счастливымъ голосомъ изо всей силы завопилъ Красоткинъ, и, нагнувшись къ собакѣ, обхватилъ ее и приподнялъ къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь, глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь въ точь тѣ примѣты, какъ ты мнѣ разсказалъ. Я его по этимъ примѣтамъ и разыскалъ. Тогда же разыскалъ, въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья!—пояснялъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Алешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ,—она была у Ѳедотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая изъ деревни... Я ее и разыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ, значитъ, не проглотила. Если бы проглотила, такъ ужъ, конечно бы, померла, вѣдь ужъ конечно! Значитъ, успѣла выплюнуть, коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула, а языкъ себѣ все-таки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. Бѣжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нѣжная кожа во рту... нѣжнѣе, чѣмъ у человѣка, гораздо нѣжнѣе! восклицалъ неистово Коля, съ разгорѣвшимся и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ ртомъ и поблѣднѣвъ какъ полотно. И если бы только зналъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ, какъ мучительно и убійственно могла вліять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что бы не рѣшился выкинуть такую штуку, какую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это, можетъ быть, лишь

одинъ Алеша. Что же до штабсъ-капитана, то онъ весь какъ бы обратился въ самаго маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? вскрикивалъ онъ блаженнымъ голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, вѣдь это Жучка!

Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался, горестно воскликнулъ Смуровъ.—Ай да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ и нашелъ.

— Вотъ и нашелъ! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ, Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали аплодировать.

— Да стойте, стойте, силился всѣхъ перекричать Красоткинъ, — я вамъ разскажу, какъ это было, штука въ тамъ, какъ это было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его разыскалъ, затащилъ къ себѣ и тотчасъ же спряталъ, и домъ на замокъ, и никому не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это Перезвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку всѣмъ наукамъ; вы посмотрите, посмотрите только, какія онъ штуки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужъ привесть къ тебѣ, старикъ, обученнаго, гладкаго: „Вотъ, дескать, старикъ, какая твоя Жучка теперь!“ Да нѣтъ ли у васъ какого-нибудь кусочка говядинки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете,—говядинки, кусочекъ, ну, неужели же у васъ нѣтъ?

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ избу къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье. Коля же, чтобъ не терять драгоцѣннаго времени, отчаянно спѣша, крикнулъ Перезвону: „Умри!“ И тотъ вдругъ завертѣлся, легъ на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапками вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею страдальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше нравилось, что умеръ Перезвонъ, „маменькѣ“. Она расхохоталась на собаку и принялась щелкать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подымется, ни за что, побѣдоносно и справедливо гордясь, прокричалъ Коля,—хоть весь свѣтъ кричи, а вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочитъ! Іси, Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать, визжа отъ радости. Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча? торопливо и дѣловито освѣдомился Коля, принимая кусокъ.—Нѣтъ, не горяча, а то собаки не любятъ горячаго. Смотрите же всѣ... Илюшечка, смотри, да смотри же, смотри, старикъ, что̀ же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ не смотритъ!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящей и протянувшей свой носъ собакѣ, положить на самый носъ лакомый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, долженъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велитъ хозяинъ, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Перезвона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль! крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона.

Публика, разумѣется, выразила восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ-за того только, чтобъ обучить собаку, все время не приходили? воскликнулъ съ невольнымъ укоромъ Алеша.

— Именно для того! прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля.—Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ.

— Перезвонъ! Перезвонъ! защелкалъ вдругъ своими худенькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вскочитъ. Іси, Перезвонъ! стукнулъ ладонью по постели Коля.

И Перезвонъ, какъ стрѣла, влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизалъ ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся на постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! восклицалъ штабсъ-капитанъ.

Коля присѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пушечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пушечку, а ты сказалъ: „Ахъ, какъ бы и мнѣ ее посмотрѣть!“ Ну, вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, не торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужъ самъ былъ очень счастливъ: въ другое время такъ выждалъ бы, когда пройдетъ эффектъ, произведенный Перезвономъ, но

теперь поспѣшилъ, презирая всякую выдержку: „ужъ и такъ счастливы, такъ вотъ вамъ и еще счастья!“ Самъ ужъ онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядѣлъ,—для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, отъ брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ папина шкапа: *Родственникъ Магомета или цѣлительное дурачество*. Сто лѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла, когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Еще поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая правою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ же и выстрѣлить, „если это только не обезпокоитъ дамъ“. „Маменька“ немедленно попросила, чтобы ей дали поближе посмотрѣть на игрушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на колескахъ ей ужасно понравилась и она принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая, впрочемъ, о чемъ ее спрашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, какъ бывшій военный человѣкъ, самъ распорядился зарядомъ, всыпавъ самую маленькую порцію пороху, дробь же попросилъ отложить до другого раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ въ пустое мѣсто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли спичкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. „Маменька“ вздрогнула было, но тотчасъ же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ, смотря на Илюшу, штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пушечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ, вмѣстѣ съ дробью и съ порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! Давно приготовилъ, повторилъ онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше мнѣ! вдругъ, точно маленькая, начала просить „маменька“.

Лицо ея изображало горестное безпокойство отъ боязни, что ей не подарятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволновался.

— Мамочка, мамочка! подскочилъ онъ къ ней,—пушечка твоя, твоя, но пусть она будетъ у Илюши, потому что ему подарили, но она все равно, что твоя. Илюшечка всегда тебѣ дастъ поиграть, она у васъ пусть будетъ общая, общая...

— Нѣтъ, не хочу, чтобъ общая, нѣтъ, чтобы совсѣмъ моя была, а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляясь уже совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ, возьми себѣ! крикнулъ вдругъ Илюша.—Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обратился онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ бы боясь, чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому даритъ.

— Совершенно возможно! тотчасъ же согласился Красоткинъ, и, взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ и передалъ ее съ самымъ вѣжливымъ поклономъ „маменькѣ".

Та даже расплакалась отъ умиленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любитъ! умиленно воскликнула она, и немедленно опять принялась катать пушечку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай я тебѣ ручку поцѣлую, подскочилъ къ ней супругъ и тотчасъ же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человѣкъ, такъ вотъ этотъ добрый мальчикъ! проговорила благородная дама, указывая на Красоткина.

— А пороху я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно буду носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узналъ составъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шесть березоваго угля, все вмѣстѣ столочь, влить воды, смѣшать въ мякоть и протереть черезъ барабанную шкуру—вотъ и порохъ.

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а только папа говоритъ, что это не настоящій порохъ, отозвался Илюша.

— Какъ не настоящій? покраснѣлъ Коля.—У насъ горитъ. Я, впрочемъ, не знаю...

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ виноватымъ видомъ штабсъ-капитанъ.—Я, правда, говорилъ, что настоящій порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и такъ-съ.

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной банкѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая сажа осталась. Но вѣдь это только мя-

коть, а если протереть черезъ шкуру... А, впрочемъ, вы лучше знаете, я не знаю... А Булкина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обратился онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ, отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ интересомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кроватью и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говоритъ, можетъ. Да и высѣкъ его тутъ же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жаловаться. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого не пускаютъ. Смурова тоже не пускаютъ, у всѣхъ прославился,—говорятъ, что я „отчаянный", презрительно усмѣхнулся Коля.—Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Ахъ, мы слышали и про этотъ вашъ пассажъ! воскликнулъ штабсъ-капитанъ.—Какъ это вы тамъ пролежали? И неужели вы такъ ничего совсѣмъ и не испугались, когда лежали подъ поѣздомъ. Страшно вамъ было-съ?

Штабсъ-капитанъ ужасно лисилъ передъ Колей.

— Н-не особенно! небрежно отозвался Коля. — Репутацію мою пуще всего здѣсь этотъ проклятый гусь подкузмилъ,—повернулся онъ опять къ Илюшѣ. Но хоть онъ и корчилъ, разсказывая, небрежный видъ, а все еще не могъ совладать съ собою и продолжалъ какъ бы сбиваться съ тону.

— Ахъ, я и про гуся слышалъ! засмѣялся, весь сіяя, Илюша.—Мнѣ разсказывали, да я не понялъ, неужто тебя у судьи судили?

— Самая безмозглая штука, самая ничтожная, изъ которой цѣлаго слона, по обыкновенію, у насъ сочинили, началъ развязно Коля. — Это я разъ тутъ по площади шелъ, а какъ разъ пригнали гусей. Я остановился и смотрю на гусей. Вдругъ одинъ здѣшній парень, Вишняковъ, онъ теперь у Плотниковыхъ разсыльнымъ служитъ, смотритъ на меня, да и говоритъ: „Ты чего на гусей глядишь?" Я смотрю на него: глупая, круглая харя, парню двадцать лѣтъ, я, знаете, никогда не отвергаю народа. Я люблю съ народомъ... Мы отстали отъ народа—это аксіома—вы, кажется, изволите смѣяться, Карамазовъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани, я васъ очень слушаю, съ самымъ простодушнѣйшимъ видомъ отозвался Алеша, и мнительный Коля мигомъ ободрился.

— Моя теорія, Карамазовъ, ясна и проста, опять радостно заспѣшилъ онъ тотчасъ же. — Я вѣрю въ народъ и всегда радъ отдать ему справедливость, но отнюдь не балуя его, это sine qua... Да, вѣдь я про гуся. Вотъ обращаюсь я къ этому дураку и отвѣчаю ему: „А вотъ думаю, о чемъ гусь думаетъ". Глядитъ онъ на меня совершенно глупо:—„А объ чемъ, говоритъ, гусь думаетъ?"—„А вотъ видишь, говорю, телѣга съ овсомъ стоитъ. Изъ мѣшка овесъ сыплется, а гусь шею протянулъ подъ самое колесо и зерно клюетъ—видишь?"—„Это я оченно вижу", говоритъ. — „Ну, такъ вотъ, говорю, если эту самую телѣгу чуточку теперь тронуть впередъ—перерѣжетъ гусю шею колесомъ или нѣтъ?" — „Безпремѣнно, говоритъ, перерѣжетъ", а самъ ужъ ухмыляется во весь ротъ, такъ весь и растаялъ. — „Ну, такъ пойдемъ, говорю, парень, давай". — „Давай", говоритъ. И не долго намъ пришлось мастерить: онъ этакъ непримѣтно около узды сталъ, а я сбоку, чтобы гуся направить. А мужикъ на ту пору зазѣвался, говорилъ съ кѣмъ-то, такъ что совсѣмъ мнѣ и не пришлось направлять: прямо гусь самъ собой такъ и вытянулъ шею за овсомъ, подъ телѣгу, подъ самое колесо. Я мигнулъ парню, онъ дернулъ и—к-кракъ, такъ и переѣхало гусю шею пополамъ! И вотъ надо жъ такъ, что въ ту жъ секунду всѣ мужики увидали насъ, ну, и загалдѣли разомъ: „Это ты нарочно!"—„Нѣтъ, не нарочно".—„Нѣтъ, нарочно!" Ну, галдятъ: „Къ мировому!" Захватили и меня. „И ты тутъ, дескать, былъ, ты подсоблялъ, тебя весь базаръ знаетъ!" А меня дѣйствительно почему-то весь базаръ знаетъ, прибавилъ самолюбиво Коля.—Потянулись мы всѣ къ мировому, несутъ и гуся. Смотрю, а парень мой струсилъ и заревѣлъ, право, реветъ какъ баба. А гуртовщикъ кричитъ: „Этакимъ манеромъ ихъ, гусей, сколько угодно передавить можно!" Ну, разумѣется, свидѣтели. Мировой мигомъ кончилъ: за гуся отдать гуртовщику рубль, а гуся пусть парень беретъ себѣ. Да впредь чтобы такихъ шутокъ отнюдь не позволять себѣ. А парень все реветъ какъ баба: „Это не я, говоритъ, это онъ меня наустилъ", да на меня и показываетъ. Я отвѣчаю съ полнымъ хладнокровіемъ, что я отнюдь не училъ, что я только выразилъ основную мысль, и говорилъ лишь въ проектѣ. Мировой Нефедовъ усмѣхнулся, да и разсердился сейчасъ на себя за то, что усмѣхнулся: „Я васъ, говоритъ мнѣ, сейчасъ же вашему начальству

аттестую, чтобы вы въ такіе проекты впредь не пускались, вмѣсто того чтобы за книгами сидѣть и уроки ваши учить". Начальству-то онъ меня не аттестовалъ, это шутки, но дѣло дѣйствительно разнеслось и достигло ушей начальства: уши-то вѣдь у насъ длинныя! Особенно поднялся классикъ Колбасниковъ, да Дарданеловъ опять отстоялъ. А Колбасниковъ золъ теперь у насъ на всѣхъ, какъ зеленый оселъ. Ты, Илюша, слышалъ, онъ вѣдь женился, взялъ у Михайловыхъ приданаго тысячу рублей, а невѣста рыловоротъ первой руки и послѣдней степени. Третьеклассники тотчасъ же эпиграмму сочинили:

Поразила вѣсть третьеклассниковъ,
Что женился неряха Колбасниковъ.

Ну и тамъ дальше, очень смѣшно, я тебѣ потомъ принесу. Я про Дарданелова ничего не говорю: человѣкъ съ познаніями, съ рѣшительными познаніями. Этакихъ я уважаю, и вовсе не изъ-за того, что меня отстоялъ...

— Однакожъ ты сбилъ его на томъ, кто основалъ Трою! ввернулъ вдругъ Смуровъ, рѣшительно гордясь въ эту минуту Красоткинымъ. Очень ужъ ему понравился разсказъ про гуся.

— Неужто такъ и сбили-съ? льстиво подхватилъ штабсъ-капитанъ. — Это про то, кто основалъ Трою-съ? Это мы уже слышали, что сбили-съ. Илюшечка мнѣ тогда же и разсказалъ-съ...

— Онъ, папа, все знаетъ, лучше всѣхъ у насъ знаетъ! подхватилъ и Илюшечка, — онъ вѣдь только прикидывается, что онъ такой, а онъ первый у насъ ученикъ по всѣмъ предметамъ...

Илюша съ безпредѣльнымъ счастіемъ смотрѣлъ на Колю.

— Ну, это о Троѣ вздоръ, пустяки. Я самъ этотъ вопросъ считаю пустымъ, съ горделивою скромностью отозвался Коля.

Онъ уже успѣлъ вполнѣ войти въ тонъ, хотя, впрочемъ, былъ и въ нѣкоторомъ безпокойствѣ: онъ чувствовалъ, что находится въ большомъ возбужденіи и что о гусѣ, напримѣръ, разсказалъ слишкомъ ужъ отъ всего сердца, а между тѣмъ Алеша молчалъ все время разсказа и былъ серьезенъ, и вотъ самолюбивому мальчику мало-по-малу начало уже скрести по сердцу: „не оттого ли-де онъ молчитъ, что меня презираетъ, думая, что я его похвалы ищу? Въ такомъ случаѣ, если онъ осмѣливается это думать, то я"...

— Я считаю этотъ вопросъ рѣшительно пустымъ, отрѣзалъ онъ еще разъ горделиво.

— А я знаю, кто основалъ Трою, вдругъ проговорилъ совсѣмъ неожиданно одинъ доселѣ ничего почти еще не сказавшій мальчикъ, молчаливый и видимо застѣнчивый, очень собою хорошенькій, лѣтъ одиннадцати, по фамиліи Карташевъ.

Онъ сидѣлъ у самыхъ дверей. Коля съ удивленіемъ и важностью поглядѣлъ на него. Дѣло въ томъ, что вопросъ: „Кто именно основалъ Трою?“ рѣшительно обратился во всѣхъ классахъ въ секретъ, и чтобы проникнуть его, надо было прочесть у Смарагдова. Но Смарагдова ни у кого кромѣ Коли не было. И вотъ разъ мальчикъ Карташевъ потихоньку, когда Коля отвернулся, поскорѣй развернулъ лежащаго между его книгами Смарагдова и прямо попалъ на то мѣсто, гдѣ говорилось объ основателяхъ Трои. Случилось это довольно уже давно, но онъ все какъ-то конфузился и не рѣшался открыть публично, что и онъ знаетъ, кто основалъ Трою, опасаясь, чтобы не вышло чего-нибудь и чтобы не сконфузилъ его какъ-нибудь за это Коля. А теперь вдругъ почему-то не утерпѣлъ и сказалъ. Да и давно ему хотѣлось.

— Ну, кто же основалъ? надменно и свысока повернулся къ нему Коля, уже по лицу угадавъ, что тотъ дѣйствительно знаетъ, и, разумѣется, тотчасъ же приготовившись ко всѣмъ послѣдствіямъ. Въ общемъ настроеніи произошелъ, что называется, диссонансъ.

— Трою основали Тевкръ, Дарданъ, Иллюсъ и Тросъ, разомъ отчеканилъ мальчикъ и въ одинъ мигъ весь покраснѣлъ, такъ покраснѣлъ, что на него жалко стало смотрѣть. Но мальчики всѣ на него глядѣли въ упоръ, глядѣли цѣлую минуту, и потомъ вдругъ всѣ эти глядящіе въ упоръ глаза разомъ повернулись къ Колѣ. Тотъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ все еще продолжалъ обмѣривать взглядомъ дерзкаго мальчика:

— То-есть какъ же это они основали? удостоилъ онъ, наконецъ, проговорить.—Да и что̀ значитъ вообще основать городъ или государство? Что̀ жъ они: пришли и по кирпичу положили, что ли?

Раздался смѣхъ. Виноватый мальчикъ изъ розоваго сталъ пунцовымъ. Онъ молчалъ, онъ готовъ былъ заплакать. Коля выдержалъ его такъ еще съ минутку.

— Чтобы толковать о такихъ историческихъ событіяхъ,

какъ основаніе національности, надо, прежде всего, понимать, что это значитъ, строго отчеканилъ онъ въ назиданіе. — Я, впрочемъ, не придаю всѣмъ этимъ бабьимъ сказкамъ важности, да и вообще всемірную исторію не весьма уважаю, прибавилъ онъ вдругъ небрежно, обращаясь уже ко всѣмъ вообще.

— Это всемірную-то исторію-съ? съ какимъ-то вдругъ испугомъ освѣдомился штабсъ-капитанъ.

— Да, всемірную исторію. Изученіе ряда глупостей человѣческихъ, и только. Я уважаю одну математику и естественныя, сфорсилъ Коля и мелькомъ глянулъ на Алешу: его только одного мнѣнія онъ здѣсь и боялся.

Но Алеша все молчалъ и былъ все попрежнему серьезенъ. Если бы сказалъ что-нибудь сейчасъ Алеша, на томъ бы оно и покончилось, но Алеша смолчалъ, а „молчаніе его могло быть презрительнымъ", и Коля раздражился уже совсѣмъ.

— Опять эти классическіе теперь у насъ языки: одно сумасшествіе и ничего больше... Вы опять, кажется, не согласны со мной, Карамазовъ.

— Не согласенъ, сдержанно улыбнулся Алеша.

— Классическіе языки, если хотите, все мое о нихъ мнѣніе—это полицейская мѣра, вотъ для чего единственно они заведены, мало-по-малу началъ вдругъ опять задыхаться Коля,—они заведены потому, что скучны и потому что отупляютъ способности. Было скучно, такъ вотъ какъ сдѣлать, чтобъ еще больше было скуки? Было безтолково, такъ какъ сдѣлать, чтобы стало еще безтолковѣе? Вотъ и выдумали классическіе языки. Вотъ мое полное о нихъ мнѣніе, и надѣюсь, что я никогда не измѣню его, рѣзко закончилъ Коля.

На обѣихъ щекахъ его показалось по красной точкѣ румянца.

— Это правда, звонкимъ и убѣжденнымъ голоскомъ согласился вдругъ прилежно слушавшій Смуровъ.

— А самъ первый по латинскому языку! вдругъ крикнулъ изъ толпы одинъ мальчикъ.

— Да, папа, онъ самъ говоритъ, а самъ у насъ первый по латинскому въ классѣ, отозвался и Илюша.

— Что жъ такое? счелъ нужнымъ оборониться Коля, хотя ему очень пріятна была и похвала.—Латынь я зубрю, потому что надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а, по-моему, за что взялся, то ужъ дѣлать хорошо,

но въ душѣ глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость... Не соглашаетесь, Карамазовъ?

— Ну, зачѣмъ же „подлость“? усмѣхнулся опять Алеша.

— Да помилуйте, вѣдь классики всѣ переведены на всѣ языки, стало-быть, вовсе не для изученія классиковъ понадобилась имъ латынь, а единственно для полицейскихъ мѣръ и для отупленія способностей. Какъ же послѣ того не подлость?

— Ну, кто васъ этому всему научилъ? воскликнулъ, удивленный, наконецъ, Алеша.

— Во-первыхъ, я и самъ могу понимать, безъ наученія, а во-вторыхъ, знайте, вотъ это же самое, что̀ я вамъ сейчасъ толковалъ про переведенныхъ классиковъ, говорилъ вслухъ всему третьему классу самъ преподаватель Колбасниковъ...

— Докторъ пріѣхалъ! воскликнула вдругъ все время молчавшая Ниночка.

Дѣйствительно, къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавшая госпожѣ Хохлаковой карета. Штабсъ-капитанъ, ждавшій все утро доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать его. „Маменька“ подобралась и напустила на себя важности. Алеша подошелъ къ Илюшѣ и сталъ оправлять ему подушку. Ниночка изъ своихъ креселъ съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ оправляетъ постельку. Мальчики торопливо стали прощаться, нѣкоторые изъ нихъ пообѣщались зайти вечеромъ. Коля крикнулъ Перезвона, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ впопыхахъ Коля Илюшѣ. — Я пережду въ сѣняхъ и приду опять, когда уѣдетъ докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но ужъ докторъ входилъ — важная фигура въ медвѣжьей шубѣ съ длинными темными бакенбардами и съ глянцовито выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдругъ остановился, какъ бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось, что онъ не туда зашелъ: „Что̀ это? Гдѣ я?“ пробормоталъ онъ, не скидая съ плечъ шубы и не снимая котиковой фуражки съ котиковымъ же козырькомъ съ своей головы. Толпа, бѣдность комнаты, развѣшанное въ углу на веревкѣ бѣлье, сбили его съ толку. Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, бормоталъ онъ подобострастно,—вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ ко мнѣ-съ...

— Снѣ-ги-ревъ? произнесъ важно и громко докторъ.— Господинъ Снѣгиревъ—это вы?

— Это я-съ!

— А!

Докторъ еще разъ брезгливо оглядѣлъ комнату и сбросилъ съ себя шубу. Всѣмъ въ глаза блеснулъ важный орденъ на шеѣ. Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ снялъ фуражку.

— Гдѣ же паціентъ? спросилъ онъ громко и настоятельно.

VI.

Раннее развитіе.

— Какъ вы думаете, что̀ ему скажетъ докторъ? скороговоркой проговорилъ Коля.—Какая отвратительная, однакоже, харя, не правда ли? Терпѣть не могу медицину!

— Илюша умретъ. Это, мнѣ кажется, ужъ навѣрно, грустно отвѣтилъ Алеша.

— Шельмы! Медицина шельма! Я радъ, однако, что узналъ васъ, Карамазовъ. Я давно васъ хотѣлъ узнать. Жаль только, что мы такъ грустно встрѣтились...

Колѣ очень бы хотѣлось что-то сказать еще горячѣе, еще экспансивнѣе, но какъ будто что-то его коробило. Алеша это замѣтилъ, улыбнулся и пожалъ ему руку.

— Я давно научился уважать въ васъ рѣдкое существо, пробормоталъ опять Коля, сбиваясь и путаясь. — Я слышалъ, вы мистикъ и были въ монастырѣ. Я знаю, что вы мистикъ. но... это меня не остановило. Прикосновеніе къ дѣйствительности васъ излѣчитъ... Съ натурами, какъ вы, не бываетъ иначе.

— Что̀ вы называете мистикомъ? Отъ чего излѣчитъ? удивился немного Алеша.

— Ну, тамъ Богъ и прочее.

— Какъ, да развѣ вы въ Бога не вѣруете?

— Напротивъ, я ничего не имѣю противъ Бога. Конечно, Богъ есть только гипотеза... но... я признаю, что Онъ нуженъ, для порядка... для мірового порядка и такъ далѣе... и если бъ Его не было, то надо бы Его выдумать, прибавилъ Коля, начиная краснѣть.

Ему вдругъ вообразилось, что Алеша сейчасъ подумаетъ, что онъ хочетъ выставить свои познанія и показать, какой онъ „большой“. „А я вовсе не хочу выставлять предъ

нимъ мои познанія", съ негодованіемъ подумалъ Коля. И ему вдругъ стало ужасно досадно.

— Я, признаюсь, терпѣть не могу вступать во всѣ эти препиранія, отрѣзалъ онъ, — можно вѣдь и не вѣруя въ Бога любить человѣчество, какъ вы думаете? Вольтеръ же не вѣровалъ въ Бога, а любилъ человѣчество! (Опять, опять! подумалъ онъ про себя).

— Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но, кажется, мало, и, кажется, мало любилъ и человѣчество, тихо, сдержанно и совершенно натурально произнесъ Алеша, какъ бы разговаривая съ себѣ равнымъ по лѣтамъ, или даже со старшимъ лѣтами человѣкомъ.

Колю именно поразила эта какъ бы неувѣренность Алеши въ свое мнѣніе о Вольтерѣ и что онъ какъ будто именно ему, маленькому Колѣ, отдаетъ этотъ вопросъ на рѣшеніе.

— А развѣ вы читали Вольтера? заключилъ Алеша.

— Нѣтъ, не то чтобы читалъ... Я, впрочемъ, *Кандида* читалъ, въ русскомъ переводѣ... въ старомъ, уродливомъ переводѣ, смѣшномъ... (Опять, опять!)

— И поняли?

— О, да, все... то-есть... почему же вы думаете, что я бы не понялъ? Тамъ, конечно, много сальностей... Я, конечно, въ состояніи понять, что это романъ философскій и написанъ, чтобы провести идею... запутался уже совсѣмъ Коля.—Я соціалистъ, Карамазовъ, я неисправимый соціалистъ, вдругъ оборвалъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Соціалистъ? засмѣялся Алеша. — Да когда это вы успѣли? Вѣдь вамъ еще только тринадцать лѣтъ, кажется?

Колю скрючило.

— Во-первыхъ, не тринадцать, а четырнадцать, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, такъ и вспыхнулъ онъ,—а во-вторыхъ, совершенно не понимаю, къ чему тутъ мои лѣта? Дѣло въ томъ, каковы мои убѣжденія, а не который мнѣ годъ, не правда ли?

— Когда вамъ будетъ больше лѣтъ, то вы сами увидите, какое значеніе имѣетъ на убѣжденіе возрастъ. Мнѣ показалось тоже, что вы не свои слова говорите, скромно и спокойно отвѣтилъ Алеша, но Коля горячо его прервалъ.

— Помилуйте, вы хотите послушанія и мистицизма. Согласитесь въ томъ, что, напримѣръ, христіанская вѣра послужила лишь богатымъ и знатнымъ, чтобы держать въ рабствѣ низшій классъ, не правда ли?

— Ахъ, я знаю, гдѣ вы это прочли, и васъ непремѣнно кто-нибудь научилъ! воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, зачѣмъ же непремѣнно прочелъ? И никто ровно не научилъ. Я и самъ могу... И если хотите, я не противъ Христа. Это была вполнѣ гуманная личность, и живи Онъ въ наше время, Онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и, можетъ-быть, игралъ бы видную роль... Это даже непремѣнно.

— Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватались? Съ какимъ это дуракомъ вы связались? воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я, конечно, по одному случаю, часто говорю съ господиномъ Ракитинымъ, но... Это еще старикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.

— Бѣлинскій? Не помню. Онъ этого нигдѣ не написалъ.

— Если не написалъ, то, говорятъ, говорилъ. Я это слышалъ отъ одного... впрочемъ, чортъ...

— А Бѣлинскаго вы читали?

— Видите ли... нѣтъ... я не совсѣмъ читалъ, но... мѣсто о Татьянѣ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ.

— Какъ не пошла съ Онѣгинымъ? Да развѣ вы это ужъ... понимаете?

— Помилуйте, вы, кажется, принимаете меня за мальчика Смурова, раздражительно осклабился Коля.—Впрочемъ, пожалуйста, не думайте, что я ужъ такой революціонеръ. Я очень часто несогласенъ съ господиномъ Ракитинымъ. Если я о Татьянѣ, то я вовсе не за эманципацію женщинъ. Я признаю, что женщина есть существо подчиненное и должна слушаться. Les femmes tricottent, какъ сказалъ Наполеонъ,—усмѣхнулся почему-то Коля,—и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ я совершенно раздѣляю убѣжденіе этого псевдо-великаго человѣка. Я тоже, напримѣръ, считаю, что бѣжать въ Америку изъ отечества—низость, хуже низости—глупость. Зачѣмъ въ Америку, когда и у насъ можно много принести пользы для человѣчества? Именно теперь. Цѣлая масса плодотворной дѣятельности. Такъ я и отвѣчалъ.

— Какъ отвѣчали? Кому? Развѣ васъ кто-нибудь уже приглашалъ въ Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отвергъ. Это, разумѣется, между нами, Карамазовъ, слышите, никому ни слова. Это я вамъ только. Я совсѣмъ не желаю попасть

въ лапки Третьяго Отдѣленія и брать уроки у Цѣпного моста,

Будешь помнить зданіе
У Цѣпного моста!

Помните? Великолѣпно! Чему вы смѣетесь? Ужъ не думаете ли вы, что я вамъ все навралъ? (А что̀ если онъ узнаетъ, что у меня въ отцовскомъ шкапу всего только и есть одинъ этотъ нумеръ *Колокола*, а больше я изъ этого ничего не читалъ? мелькомъ, но съ содроганіемъ подумалъ Коля).

— Охъ, нѣтъ, я не смѣюсь и вовсе не думаю, что вы мнѣ налгали. Вотъ то-то и есть, что этого не думаю, потому что все это, увы, сущая правда! Ну, скажите, а Пушкина-то вы читали, *Онѣгина*-то... Вотъ вы сейчасъ говорили о Татьянѣ?

— Нѣтъ, еще не читалъ, но хочу прочесть. Я безъ предразсудковъ, Карамазовъ. Я хочу выслушать и ту, и другую сторону. Зачѣмъ вы спросили?

— Такъ.

— Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презираете? отрѣзалъ вдругъ Коля и весь вытянулся предъ Алешей, какъ бы ставъ въ позицію.—Сдѣлайте одолженіе, безъ обиняковъ.

— Презираю васъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Алеша.—Да за что̀ же? Мнѣ только грустно, что прелестная натура, какъ ваша, еще и не начавшая жить, уже извращена всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ.

— Объ моей натурѣ не заботьтесь, не безъ самодовольства перебилъ Коля,—а что я мнителенъ, то это такъ. Глупо мнителенъ. Грубо мнителенъ. Вы сейчасъ усмѣхнулись, мнѣ и показалось, что вы какъ-будто...

— Ахъ, я усмѣхнулся совсѣмъ другому. Видите, чему я усмѣхнулся: я недавно прочелъ одинъ отзывъ одного заграничнаго нѣмца, жившаго въ Россіи, объ нашей теперешней учащейся молодежи: „Покажите вы—онъ пишетъ—русскому школьнику карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра же возвратитъ вамъ эту карту исправленною“. Никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе—вотъ что̀ хотѣлъ сказать нѣмецъ про русскаго школьника.

— Ахъ, да вѣдь это совершенно вѣрно! захохоталъ вдругъ Коля,—вѣрнисимо, точь-въ-точь! Браво, нѣмецъ! Однакожъ чухна не разсмотрѣлъ и хорошей стороны, а,

какъ вы думаете? Самомнѣніе—это пусть, это отъ молодости, это исправится, если только надо чтобъ это исправилось, но зато и независимый духъ, съ самаго чуть не дѣтства, зато смѣлость мысли и убѣжденія, а не духъ ихняго колбасническаго раболѣпства предъ авторитетами... Но все-таки нѣмецъ хорошо сказалъ! Браво, нѣмецъ! Хотя все-таки нѣмцевъ надо душить. Пусть они тамъ сильны въ наукахъ, а ихъ все-таки надо душить...

— За что̀ же душить-то? улыбнулся Алеша.

— Ну, я совралъ, можетъ-быть, соглашаюсь. Я иногда ужасный ребенокъ, и когда радъ чему, то не удерживаюсь и готовъ наврать вздору. Слушайте, мы съ вами, однакоже, здѣсь болтаемъ о пустякахъ, а этотъ докторъ тамъ что-то долго застрялъ. Впрочемъ, онъ, можетъ, тамъ и „мамашу“ осмотритъ и эту Ниночку безногую. Знаете, эта Ниночка мнѣ понравилась. Она вдругъ мнѣ прошептала, когда я выходилъ: „Зачѣмъ вы не приходили раньше?“ И такимъ голосомъ, съ укоромъ! Мнѣ кажется, она ужасно добрая и жалкая.

— Да, да! Вотъ вы будете ходить, вы увидите, что̀ это за существо. Вамъ очень полезно узнать вотъ такія существа, чтобъ умѣть цѣнить и еще многое другое, что̀ узнаете изъ знакомства съ этими существами, съ жаромъ замѣтилъ Алеша.—Это лучше всего васъ передѣлаетъ.

— О, какъ я жалѣю и браню всего себя, что не приходилъ раньше! съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ Коля.

— Да, очень жаль. Вы видѣли сами, какое радостное вы произвели впечатлѣніе на бѣднаго малютку. И какъ онъ убивался, васъ ожидая!

— Не говорите мнѣ! Вы меня растравляете. А, впрочемъ, мнѣ подѣломъ: я не приходилъ изъ самолюбія, изъ эгоистическаго самолюбія и подлаго самовластія, отъ котораго всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это вижу, я во многомъ подлецъ, Карамазовъ!

— Нѣтъ, вы прелестная натура, хотя и извращенная, и я слишкомъ понимаю, почему вы могли имѣть такое вліяніе на этого благороднаго и болѣзненно воспріимчиваго мальчика! горячо отвѣтилъ Алеша.

— И это вы говорите мнѣ! вскричалъ Коля,—а я, представьте, я думалъ,—я уже нѣсколько разъ, вотъ теперь какъ я здѣсь, думалъ, что вы меня презираете! Если бъ вы только знали, какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ!

— Но неужели вы вправду такъ мнительны? Въ такихъ лѣтахъ! Ну, представьте же себѣ, я именно подумалъ тамъ въ комнатѣ, глядя на васъ, когда вы разсказывали, что вы должны быть очень мнительны.

— Ужъ и подумали? Какой, однакоже, у васъ глазъ, видите, видите! Бьюсь объ закладъ, что это было на томъ мѣстѣ, когда я про гуся разсказывалъ. Мнѣ именно въ этомъ мѣстѣ вообразилось, что вы меня глубоко презираете за то, что я спѣшу выставиться молодцомъ, и я даже вдругъ возненавидѣлъ васъ за это и началъ нести ахинею. Потомъ мнѣ вообразилось (это уже сейчасъ здѣсь) на томъ мѣстѣ, когда я говорилъ: „Если бы не было Бога, то Его надо выдумать", что я слишкомъ тороплюсь выставить мое образованіе, тѣмъ болѣе, что эту фразу я въ книгѣ прочелъ. Но клянусь вамъ, я торопился выставить не отъ тщеславія, а такъ, не знаю отчего, отъ радости, ей-Богу, какъ будто отъ радости... хотя это глубоко-постыдная черта, когда человѣкъ всѣмъ лѣзетъ на шею отъ радости. Я это знаю. Но я зато убѣжденъ теперь, что вы меня не презираете, а все это я самъ выдумалъ. О, Карамазовъ, я глубоко несчастенъ. Я воображаю иногда Богъ знаетъ что̀, что надо мной всѣ смѣются, весь міръ, и я тогда, я просто готовъ тогда уничтожить весь порядокъ вещей.

— И мучаете окружающихъ, улыбнулся Алеша.

— И мучаю окружающихъ, особенно мать. Карамазовъ, скажите, я очень теперь смѣшонъ?

— Да не думайте же про это, не думайте объ этомъ совсѣмъ! воскликнулъ Алеша.—Да и что̀ такое смѣшонъ? Мало ли, сколько разъ бываетъ или кажется смѣшнымъ человѣкъ? Притомъ же нынче почти всѣ люди со способностями ужасно боятся быть смѣшными и тѣмъ несчастны. Меня только удивляетъ, что вы такъ рано стали ощущать это, хотя, впрочемъ, я давно уже замѣчаю это и не на васъ однихъ. Нынче даже почти дѣти начали ужъ этимъ страдать. Это почти сумасшествіе. Въ это самолюбіе воплотился чортъ и залѣзъ во все поколѣніе, именно чортъ, прибавилъ Алеша, вовсе не усмѣхнувшись, какъ подумалъ было глядѣвшій въ упоръ на него Коля.—Вы, какъ и всѣ,—заключилъ Алеша,—то-есть какъ очень многіе, только не надо быть такимъ, какъ всѣ, вотъ что̀.

— Даже несмотря на то, что всѣ такіе?

— Да, несмотря на то, что всѣ такіе. Одинъ вы и

будьте не такой. Вы и въ самомъ дѣлѣ не такой, какъ всѣ: вы вотъ теперь не постыдились же признаться въ дурномъ и даже въ смѣшномъ. А нынче кто въ этомъ сознается? Никто, да и потребность даже перестали находить въ самоосужденіи. Будьте же не такой какъ всѣ; хотя бы только вы одинъ оставались не такой, а все-таки будьте не такой.

— Великолѣпно! Я въ васъ не ошибся. Вы способны утѣшить. О, какъ я стремился къ вамъ, Карамазовъ, какъ давно уже ищу встрѣчи съ вами! Неужели и вы обо мнѣ тоже думали? Давеча вы говорили, что вы обо мнѣ тоже думали?

— Да, я слышалъ объ васъ и объ васъ тоже думалъ... и если отчасти и самолюбіе заставило васъ теперь это спросить, то это ничего.

— Знаете, Карамазовъ, наше объясненіе похоже на объясненіе въ любви, какимъ-то разслабленнымъ и стыдливымъ голосомъ проговорилъ Коля.—Это не смѣшно, не смѣшно?

— Совсѣмъ не смѣшно, да хоть бы и смѣшно, такъ это ничего, потому что хорошо, свѣтло улыбнулся Алеша.

— А знаете, Карамазовъ, согласитесь, что и вамъ самимъ теперь немного со мною стыдно... Я вижу по глазамъ, какъ-то хитро, но и съ какимъ-то почти счастьемъ усмѣхнулся Коля.

— Чего же это стыдно?

— А зачѣмъ вы покраснѣли?

— Да это вы такъ сдѣлали, что я покраснѣлъ! засмѣялся Алеша, и дѣйствительно весь покраснѣлъ. — Ну да, немного стыдно, Богъ знаетъ отчего, не знаю отчего... бормоталъ онъ, почти даже сконфузившись.

— О, какъ я васъ люблю и цѣню въ эту минуту, именно за то, что и вамъ чего-то стыдно со мной! Потому что и вы точно я! въ рѣшительномъ восторгѣ воскликнулъ Коля.

Щеки его пылали, глаза блестѣли.

— Послушайте, Коля, вы между прочимъ будете и очень несчастный человѣкъ въ жизни, сказалъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Знаю, знаю. Какъ вы это все знаете впередъ! тотчасъ же подтвердилъ Коля.

— Но въ цѣломъ все-таки благословите жизнь.

— Именно! Ура! Вы пророкъ! О, мы сойдемся, Кара-

мазовъ. Знаете, меня всего болѣе восхищаетъ, что вы со мной совершенно какъ съ ровней. А мы не ровня, нѣтъ, не ровня, вы выше! Но мы сойдемся. Знаете, я весь послѣдній мѣсяцъ говорилъ себѣ: „Или мы разомъ съ нимъ сойдемся друзьями навѣки, или съ перваго же разу разойдемся врагами до гроба!“

— И говоря такъ, ужъ, конечно, любили меня! весело смѣялся Алеша.

— Любилъ, ужасно любилъ, любилъ и мечталъ объ васъ! И какъ это вы знаете все напередъ? Ба, вотъ и докторъ. Господи, что-то скажетъ, посмотрите, какое у него лицо!

VII.

Илюша.

Докторъ выходилъ изъ избы опять уже закутанный въ шубу и съ фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брезгливое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мелькомъ окинулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на Алешу и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета, привезшая доктора, подъѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-капитанъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и, согнувшись, почти извиняясь предъ нимъ, остановилъ его для послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, взглядъ испуганный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство... неужели?.. началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь всплеснулъ руками въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбой смотря на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго слова доктора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчикомъ.

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и привычно внушительнымъ голосомъ отвѣтилъ докторъ.

— Докторъ... Ваше превосходительство... и скоро это, скоро?

— При-го-товь-тесь ко всему, отчеканилъ, ударяя по каждому слогу, докторъ и, склонивъ взоръ, самъ приготовился было шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испуганно остановилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ. — Ваше превосходительство!.. такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ ничего теперь не спасетъ?..

— Не отъ меня теперь за-ви-ситъ, нетерпѣливо проговорилъ докторъ, — и однакоже, гм, пріостановился онъ вдругъ, — если бъ вы, напримѣръ, могли... на-править... вашего паціента... сейчасъ и нимало не медля (слова „сейчасъ и нимало не медля“ докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, такъ что штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ку-зы, то... вслѣдствіе новыхъ благо-пріятныхъ кли-ма-ти-ческихъ условій... могло бы, можетъ быть, про-и-зойти...

— Въ Сиракузы! вскричалъ штабсъ-капитанъ, какъ бы ничего еще не понимая.

— Сиракузы—это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ громко Коля, для поясненія.

Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію! Батюшка, ваше превосходительство, потерялся штабсъ-капитанъ, — да вѣдь вы видѣли! обвелъ онъ обѣими руками кругомъ, указывая на свою обстановку,—а маменька-то, а семейство-то?

— Н-нѣтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство ваше на Кавказъ, раннею весной... дочь вашу на Кавказъ, а супругу... продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду ея ревматизмовъ... немедленно послѣ того на-править въ Парижъ, въ лѣчебницу доктора пси-хі-атра Лепель-летье, я бы могъ дать къ нему записку, и тогда... могло бы, можетъ быть, произойти...

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнулъ вдругъ опять руками штабсъ-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя бревенчатыя стѣны сѣней.

— А, это ужъ не мое дѣло, усмѣхнулся докторъ, — я лишь сказалъ то, что̀ могла сказать на-у-ка на вашъ вопросъ о послѣднихъ средствахъ, а остальное... къ сожалѣнію моему...

— Не безпокойтесь, лѣкарь, моя собака васъ не укуситъ, громко отрѣзалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокойный взглядъ доктора на Перезвона, ставшаго на порогѣ.

Гнѣвная нотка прозвенѣла въ голосѣ Коли. Слово же „лѣкарь“, вмѣсто докторъ, онъ сказалъ *нарочно* и, какъ самъ объявилъ потомъ, „для оскорбленія сказалъ“.

— Что̀ та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уставившись на Колю.—Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ, будто спрашивалъ у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣкарь, не безпокойтесь о моей личности, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ, не понявъ, что̀ такое Перезвонъ.

— Да не знаетъ гдѣ онъ. Прощайте, лѣкарь, увидимся въ Сиракузахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ, докторъ, онъ шалунъ, не обращайте вниманія, нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша.—Коля, молчите! крикнулъ онъ Красоткину.—Не надо обращать вниманія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь, надо, выс-сѣчь! затопалъ было ногами слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А знаете, лѣкарь, вѣдь Перезвонъ-то у меня, пожалуй, что и кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голосомъ, поблѣднѣвъ и сверкнувъ глазами.—Ісі, Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ вами разорву навѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣкарь, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, которое можетъ приказывать Николаю Красоткину, это вотъ этотъ человѣкъ (Коля указалъ на Алешу); ему повинуюсь, прощайте!

Онъ сорвался съ мѣста и, отворивъ дверь, быстро прошелъ въ комнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ было еще секундъ пять, какъ бы въ столбнякѣ, смотря на Алешу, потомъ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ къ каретѣ, громко повторяя: „Этта, этта, этта, я не знаю, что̀ этта!“ Штабсъ-капитанъ бросился его подсаживать. Алеша прошелъ въ комнату вслѣдъ за Колей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши. Илюша держалъ его за руку и звалъ папу. Чрезъ минуту воротился и штабсъ-капитанъ.

— Папа, папа, поди сюда... мы... пролепеталъ было Илюша въ чрезвычайномъ возбужденіи, но, видимо, не въ силахъ продолжать, вдругъ бросилъ свои обѣ исхудалыя ручки впередъ и крѣпко, какъ только могъ, обнялъ ихъ обоихъ разомъ, и Колю и папу, соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ нимъ прижавшись.

Штабсъ-капитанъ вдругъ весь такъ и затрясся отъ безмолвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подбородокъ.

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя, папа! горько простоналъ Илюша.

— Илюшечка... голубчикъ... докторъ сказалъ... будешь здоровъ... будемъ счастливы... докторъ... заговорилъ было штабсъ-капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю, что̀ тебѣ новый докторъ про меня сказалъ... Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша и опять крѣпко, изо всей силы, прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ, спрятавъ на плечѣ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь... а какъ я умру, то возьми ты хорошаго мальчика, другого... самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хорошаго, назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня...

— Молчи, старикъ, выздоровѣешь! точно осердившись, крикнулъ Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, продолжалъ Илюша, — ходи ко мнѣ на могилку... да вотъ что̀, папа, похорони ты меня у нашего большого камня, къ которому мы съ тобой гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, вечеромъ... И Перезвонъ... А я буду васъ ждать... Папа, папа!

Его голосъ пресѣкся, всѣ трое стояли обнявшись и уже молчали. Плакала тихо на своемъ креслѣ и Ниночка, и вдругъ, увидавъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! восклицала она.

Красоткинъ вдругъ высвободился изъ объятій Илюши:

— Прощай, старикъ, меня ждетъ мать къ обѣду, проговорилъ онъ скороговоркой. — Какъ жаль, что я ее не предувѣдомилъ! Очень будетъ безпокоиться... Но послѣ обѣда я тотчасъ къ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ разскажу, столько разскажу. И Перезвона приведу, а теперь съ собой уведу, потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать будетъ; до свиданья!

И онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но въ сѣняхъ онъ-таки заплакалъ. Въ этомъ состояніи нашелъ его Алеша.

— Коля, вы должны непремѣнно сдержать слово и придти, а то онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настойчиво проговорилъ Алеша.

— Непремѣнно! О, какъ я кляну себя, что не приходилъ раньше, плача и уже не конфузясь, что плачетъ, пробормоталъ Коля.

Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты штабсъ-капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь.

Лицо его было изступленное, губы дрожали. Онъ сталъ передъ обоими молодыми людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

— Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другого мальчика! прошепталъ онъ дикимъ шопотомъ, скрежеща зубами,—аще забуду тебе, Іерусалиме, да прильпнетъ...

Онъ не договорилъ, какъ бы захлебнувшись, и опустился въ безсиліи предъ деревянною лавкой на колѣни. Стиснувъ обоими кулаками свою голову, онъ началъ рыдать какъ-то нелѣпо взвизгивая, изо всей силы крѣпясь, однако, чтобы не услышали его взвизговъ въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

— Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито крикнулъ онъ Алешѣ.

— Вечеромъ непремѣнно буду.

— Что̀ онъ это такое про Іерусалимъ... Это что̀ еще такое?

— Это изъ Библіи: „Аще забуду тебе, Іерусалиме“,— то-есть если забуду все, что̀ есть самаго у меня драгоцѣннаго, если промѣняю на что̀, то да поразитъ...

— Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Ісі, Перезвонъ! совсѣмъ уже свирѣпо прокричалъ онъ собакѣ, и большими, скорыми шагами зашагалъ домой.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

Братъ Иванъ Ѳедоровичъ.

I.

У Грушеньки.

Алеша направился къ Соборной площади, въ домъ купчихи Морозовой, къ Грушенькѣ. Та еще рано утромъ присылала къ нему Ѳеню съ настоятельною просьбою зайти къ ней. Опросивъ Ѳеню, Алеша узналъ, что барыня въ какой-то большой и особливой тревогѣ еще со вчерашняго дня. Во всѣ эти два мѣсяца послѣ ареста Мити Алеша часто захаживалъ въ домъ Морозовой и по собственному побужденію, и по порученіямъ Мити. Дня три послѣ ареста Мити, Грушенька сильно заболѣла и хворала чуть не пять недѣль. Одну недѣлю изъ этихъ пяти пролежала безъ памяти. Она сильно измѣнилась въ лицѣ, похудѣла и пожелтѣла, хотя вотъ уже почти двѣ недѣли какъ могла выходить со двора. Но на взглядъ Алеши лицо ея стало какъ бы еще привлекательнѣе, и онъ любилъ, входя къ ней, встрѣчать ея взглядъ. Что-то какъ бы укрѣпилось въ ея взглядѣ твердое и осмысленное. Сказывался нѣкоторый переворотъ духовный, являлась какая-то неизмѣнная, смиренная, но благая и безповоротная рѣшимость. Между бровями на лбу появилась небольшая вертикальная морщинка, придававшая милому лицу ея видъ сосредоточенной въ себѣ задумчивости, почти даже суровой на первый взглядъ. Прежней, напримѣръ, вѣтренности не осталось и слѣда. Странно было для Алеши и то, что, несмотря на все несчастіе, постигшее бѣдную женщину, невѣсту жениха, арестованнаго по страшному

преступленію, почти въ томъ самый мигъ, когда она стала его невѣстой, несмотря потомъ на болѣзнь и на угрожающее впереди почти неминуемое рѣшеніе суда, Грушенька все-таки не потеряла прежней своей молодой веселости. Въ гордыхъ прежде глазахъ ея засіяла теперь какая-то тихость, хотя... хотя, впрочемъ, глаза эти изрѣдка опять-таки пламенѣли нѣкоторымъ зловѣщимъ огонькомъ, когда ее посѣщала одна прежняя забота, не только не заглохнувшая, но даже и увеличившаяся въ ея сердцѣ. Предметъ этой заботы былъ все тотъ же: Катерина Ивановна, о которой Грушенька, когда еще лежала больная, поминала даже въ бреду. Алеша понималъ, что она страшно ревнуетъ къ ней Митю, арестанта Митю, несмотря на то, что Катерина Ивановна ни разу не посѣтила того въ заключеніи, хотя бы и могла это сдѣлать когда угодно. Все это обратилось для Алеши въ нѣкоторую трудную задачу, ибо Грушенька только одному ему довѣряла свое сердце и безпрерывно просила у него совѣтовъ; онъ же иногда совсѣмъ ничего не въ силахъ былъ ей сказать.

Озабоченно вступилъ онъ въ ея квартиру. Она была уже дома; съ полчаса какъ воротилась отъ Мити, и уже по тому быстрому движенію, съ которымъ она вскочила съ креселъ изъ-за стола къ нему навстрѣчу, онъ заключилъ, что ждала она его съ большимъ нетерпѣніемъ. На столѣ лежали карты и была сдана игра въ дурачки. На кожаномъ диванѣ съ другой стороны стола была постлана постель и на ней полулежалъ, въ халатѣ и въ бумажномъ колпакѣ, Максимовъ, видимо больной и ослабѣвшій, хотя и сладко улыбавшійся. Этотъ бездомный старичокъ, какъ воротился тогда, еще мѣсяца два тому, съ Грушенькой изъ Мокраго, такъ и остался у ней и при ней съ тѣхъ поръ неотлучно. Пріѣхавъ тогда съ ней въ дождь и слякоть, онъ, промокшій и испуганный, сѣлъ на диванъ и уставился на нее молча, съ робкою просящею улыбкой. Грушенька, бывшая въ страшномъ горѣ и уже въ начинавшейся лихорадкѣ, почти забывшая о немъ въ первые полчаса по пріѣздѣ за разными хлопотами, вдругъ какъ-то пристально посмотрѣла на него: онъ жалко и потерянно хихикнулъ ей въ глаза. Она кликнула Ѳеню и велѣла дать ему покушать. Весь этотъ день онъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ почти не шелохнувшись; когда же стемнѣло и заперли ставни, Ѳеня спросила барыню:

— Что̀ жъ, барыня, развѣ они ночевать останутся?

— Да, постели ему на диванѣ, отвѣтила Грушенька.

Опросивъ его подробнѣе, Грушенька узнала отъ него, что дѣйствительно ему какъ разъ теперь некуда дѣться совсѣмъ, и что „господинъ Калгановъ, благодѣтель мой, прямо мнѣ заявили-съ, что болѣе меня ужъ не примутъ, и пять рублей подарили“. — „Ну, Богъ съ тобой, оставайся ужъ“, рѣшила въ тоскѣ Грушенька, сострадательно ему улыбнувшись. Старика передернуло отъ ея улыбки и губы его задрожали отъ благодарнаго плача. Такъ съ тѣхъ поръ и остался у ней скитающійся приживальщикъ. Даже въ болѣзни ея онъ не ушелъ изъ дома. Ѳеня и ея мать, кухарка Грушеньки, его не прогнали, а продолжали его кормить и стлать ему постель на диванѣ. Впослѣдствіи Грушенька даже привыкла къ нему и, приходя отъ Мити (къ которому, чуть оправившись, тотчасъ же стала ходить, не успѣвъ даже хорошенько выздоровѣть), чтобъ убить тоску, садилась и начинала разговаривать съ „Максимушкой“ о всякихъ пустякахъ, только чтобы не думать о своемъ горѣ. Оказалось, что старичокъ умѣлъ иногда кое-что и поразсказать, такъ что сталъ ей, наконецъ, даже и необходимъ. Кромѣ Алеши, заходившаго, однако, не каждый день, и всегда не надолго, Грушенька никого почти и не принимала. Старикъ же ея, купецъ, лежалъ въ это время уже страшно больной, „отходилъ“, какъ говорили въ городѣ, и дѣйствительно умеръ всего недѣлю спустя послѣ суда надъ Митей. За три недѣли до смерти, почувствовавъ близкій финалъ, онъ кликнулъ къ себѣ, наконецъ, наверхъ сыновей своихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и повелѣлъ имъ уже болѣе не отходить отъ себя. Грушеньку же съ этой минуты строго заказалъ слугамъ не принимать вовсе, а коли придетъ, то говорить ей: „Приказываетъ, дескать, вамъ долго въ веселіи жить, а ихъ совсѣмъ позабыть“. Грушенька, однакожъ, посылала почти каждый день справляться объ его здоровьѣ.

— Наконецъ-то пришелъ! крикнула она, бросивъ карты и радостно здороваясь съ Алешей,—а Максимушка такъ пугалъ, что, пожалуй, ужъ и не придешь. Ахъ, какъ тебя нужно! Садись къ столу; ну, что̀ тебѣ, кофею?

— А, пожалуй, сказалъ Алеша, подсаживаясь къ столу,— очень проголодался.

— То-то; Ѳеня, Ѳеня, кофею! крикнула Грушенька,—

онъ у меня ужъ давно кипитъ, тебя ждетъ, да пирожковъ принеси, да чтобы горячихъ! Нѣтъ, постой, Алеша, у меня съ этими пирогами сегодня громъ вышелъ. Понесла я ихъ къ нему въ острогъ, а онъ, вѣришь ли, назадъ мнѣ ихъ бросилъ, такъ и не ѣлъ. Одинъ пирогъ такъ совсѣмъ на полъ кинулъ и растопталъ. Я и сказала: „сторожу оставлю; коли не съѣшь до вечера, значитъ, тебя злость эхидная кормитъ!“ съ тѣмъ и ушла. Опять вѣдь поссорились, вѣришь тому. Чтó ни приду, такъ и поссоримся.

Грушенька проговорила все это залпомъ, въ волненіи. Максимовъ, тотчасъ же оробѣвъ, улыбался, потупивъ глазки.

— Этотъ-то разъ за чтò же поссорились? спросилъ Алеша.

— Да ужъ совсѣмъ и не ожидала! Представь себѣ, къ „прежнему“ приревновалъ: „Зачѣмъ, дескать, ты его содержишь. Ты его, значитъ, содержать начала?“ Все ревнуетъ, все меня ревнуетъ! И спитъ и ѣстъ—ревнуетъ. Къ Кузьмѣ даже разъ на прошлой недѣлѣ приревновалъ.

— Да вѣдь онъ же зналъ про „прежняго“-то?

— Ну, вотъ поди. Съ самаго начала до самаго сегодня зналъ, а сегодня вдругъ всталъ и началъ ругать. Срамно только сказать чтò говорилъ. Дуракъ! Ракитка къ нему пришелъ, какъ я вышла. Можетъ, Ракитка-то его и уськаетъ, а? Какъ ты думаешь? прибавила она какъ бы разсѣянно.

— Любитъ онъ тебя, вотъ чтò, очень любитъ. А теперь какъ разъ и раздраженъ.

— Еще бы не раздраженъ, завтра судятъ. И шла съ тѣмъ, чтобъ о завтрашнемъ ему мое слово сказать, потому, Алеша, страшно мнѣ даже и подумать, чтò завтра будетъ! Ты вотъ говоришь, что онъ раздраженъ, да я-то какъ раздражена. А онъ о полякѣ! Экой дуракъ! Вотъ къ Максимушкѣ, небось, не ревнуетъ.

— Меня супруга моя очень тоже ревновала-съ, вставилъ свое словцо Максимовъ.

— Ну, ужъ тебя-то, разсмѣялась нехотя Грушенька,— къ кому тебя и ревновать-то?

— Къ горничнымъ дѣвушкамъ-съ.

— Э, молчи, Максимушка, не до смѣху мнѣ теперь, даже злость беретъ. На пирожки-то глазъ не пяль, не дамъ, тебѣ вредно, и бальзамчику тоже не дамъ. Вотъ

съ нимъ тоже возись; точно у меня домъ богадѣльный, право, разсмѣялась она.

— Я вашихъ благодѣяній не стою-съ, я ничтоженъ-съ, проговорилъ слезящимся голоскомъ Максимовъ. — Лучше бы вы расточали благодѣянія ваши тѣмъ, которые нужнѣе меня-съ.

— Эхъ, всякій нуженъ, Максимушка, и почему узнать, кто кого нужнѣй. Хоть бы и не было этого поляка вовсе, Алеша, тоже вѣдь разболѣться сегодня вздумалъ. Была и у него. Такъ вотъ нарочно же и ему пошлю пироговъ, я не посылала, а Митя обвинилъ, что посылаю, такъ вотъ нарочно же теперь пошлю, нарочно! Ахъ, вотъ и Ѳеня съ письмомъ! Ну, такъ и есть, опять отъ поляковъ, опять денегъ просятъ!

Панъ Муссяловичъ дѣйствительно прислалъ чрезвычайно длинное и витіеватое по своему обыкновенію письмо, въ которомъ просилъ ссудить его тремя рублями. Къ письму была приложена расписка въ полученіи съ обязательствомъ уплатить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; подъ распиской подписался и панъ Врублевскій. Такихъ писемъ и все съ такими же расписками Грушенька уже много получила отъ своего „прежняго". Началось это съ самаго выздоровленія Грушеньки, недѣли двѣ назадъ. Она знала, однако, что оба пана и во время болѣзни ея приходили навѣдываться о здоровьѣ. Первое письмо, полученное Грушенькой, было длинное на почтовомъ листѣ большого формата, запечатанное большою фамильною печатью и страшно темное и витіеватое, такъ что Грушенька прочла только половину и бросила, ровно ничего не понявъ. Да и не до писемъ ей тогда было. За этимъ первымъ письмомъ послѣдовало на другой день второе, въ которомъ панъ Муссяловичъ просилъ ссудить его двумя тысячами рублей, на самый короткій срокъ. Грушенька и это письмо оставила безъ отвѣта. Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый рядъ писемъ, по письму въ день, все также важныхъ и витіеватыхъ, но въ которыхъ сумма, просимая взаймы, постепенно спускаясь, дошла до ста рублей, до двадцати пяти, до десяти рублей и, наконецъ, вдругъ Грушенька получила письмо, въ которомъ оба пана просили у ней одинъ только рубль и приложили расписку, на которой оба и подписались. Тогда Грушенькѣ стало вдругъ жалко, и она, въ сумерки, сбѣгала сама къ пану. Нашла она обоихъ поляковъ въ страшной бѣдности, почти

въ нищетѣ, безъ кушанья, безъ дровъ, безъ папиросъ, задолжавшихъ хозяйкѣ. Двѣсти рублей, выигранные въ Мокромъ у Мити, куда-то быстро исчезли. Удивило, однакоже, Грушеньку, что встрѣтили ее оба пана съ заносчивою важностью и независимостью, съ величайшимъ этикетомъ, съ раздутыми рѣчами. Грушенька только разсмѣялась и дала своему „прежнему“ десять рублей. Тогда же, смѣясь, разсказала объ этомъ Митѣ, и тотъ вовсе не приревновалъ. Но съ тѣхъ поръ паны ухватились за Грушеньку и каждый день ее бомбардировали письмами съ просьбой о деньгахъ, а та каждый разъ посылала понемножку. И вотъ вдругъ сегодня Митя вздумалъ жестоко приревновать.

— Я, дура, къ нему тоже забѣжала, всего только на минутку, когда къ Митѣ шла, потому разболѣлся тоже и онъ, панъ-то мой прежній, начала опять Грушенька, суетливо и торопясь, — смѣюсь я это и разсказываю Митѣ-то: представь, говорю, полякъ-то мой на гитарѣ прежнія пѣсни мнѣ вздумалъ пѣть, думаетъ, что я расчувствуюсь и за него пойду. А Митя-то какъ вскочитъ съ ругательствами... Такъ вотъ нѣтъ же, пошлю панамъ пироговъ! Ѳеня, что̀ они тамъ, дѣвчонку эту прислали? Вотъ, отдай ей три рубля, да съ десятокъ пирожковъ въ бумагу имъ уверни и вели снести, а ты, Алеша, непремѣнно разскажи Митѣ, что я имъ пироговъ послала.

— Ни за что̀ не разскажу, проговорилъ, улыбнувшись, Алеша.

— Эхъ, ты думаешь, что онъ мучается; вѣдь онъ это нарочно приревновалъ, а ему самому все равно, горько проговорила Грушенька.

— Какъ такъ нарочно? спросилъ Алеша.

— Глупый ты, Алешенька, вотъ что̀, ничего ты тутъ не понимаешь при всемъ умѣ, вотъ что̀. Мнѣ не то обидно, что онъ меня, такую, приревновалъ, а то стало бы мнѣ обидно, коли бы вовсе не ревновалъ. Я такова. Я за ревность не обижусь, у меня у самой сердце жестокое, я сама приревную. Только мнѣ то обидно, что онъ меня вовсе и не любитъ и теперь *нарочно* приревновалъ, вотъ что̀. Слѣпая я, что ли, не вижу? Онъ мнѣ объ той, объ Катькѣ, вдругъ сейчасъ и говоритъ: такая-де она и сякая, доктора изъ Москвы на судъ для меня выписала, чтобы спасти меня, выписала, адвоката самаго перваго, самаго ученаго тоже выписала. Значитъ ее любитъ, коли

мнѣ въ глаза началъ хвалить, безстыжіе его глаза! Предо мной самъ виноватъ, такъ вотъ ко мнѣ и привязался, чтобы меня прежде себя виноватой сдѣлать, да на меня на одну и свалить: „ты, дескать, прежде меня съ полякомъ была, такъ вотъ мнѣ съ Катькой и позволительно это стало“. Вотъ оно что! на меня на одну всю вину свалить хочетъ. Нарочно онъ привязался, нарочно, говорю тебѣ, только я...

Грушенька не договорила что она сдѣлаетъ, закрыла глаза платкомъ и ужасно разрыдалась.

— Онъ Катерину Ивановну не любитъ, сказалъ твердо Алеша.

— Ну, любитъ не любитъ, это я сама скоро узнаю, съ грозною ноткой въ голосѣ проговорила Грушенька, отнимая отъ глазъ платокъ.

Лицо ея исказилось. Алеша съ горестью увидѣлъ, какъ вдругъ, изъ кроткаго и тихо-веселаго, лицо ея стало угрюмымъ и злымъ.

— Объ этихъ глупостяхъ полно! отрѣзала она вдругъ,— не затѣмъ вовсе я и звала тебя. Алеша, голубчикъ, завтра-то, завтра-то что будетъ? Вотъ вѣдь что меня мучитъ! Одну только меня и мучитъ! Смотрю на всѣхъ, никто-то объ этомъ не думаетъ, никому-то до этого и дѣла нѣтъ никакого. Думаешь ли хоть ты объ этомъ? Завтра вѣдь судятъ! Разскажи ты мнѣ, какъ его тамъ будутъ судить? Вѣдь это лакей, лакей убилъ, лакей! Господи! Неужто жъ его за лакея осудятъ, и никто-то за него не заступится? Вѣдь и не потревожили лакея-то вовсе, а?

— Его строго опрашивали, замѣтилъ Алеша задумчиво, — но всѣ заключили, что не онъ. Теперь онъ очень больной лежитъ. Съ тѣхъ поръ боленъ, съ той падучей. Въ самомъ дѣлѣ боленъ, прибавилъ Алеша.

— Господи, да сходилъ бы ты къ этому адвокату самъ и разсказалъ бы дѣло съ-глазу-на-глазъ. Вѣдь изъ Петербурга за три тысячи, говорятъ, выписали.

— Это мы втроемъ дали три тысячи, я, братъ Иванъ и Катерина Ивановна, а доктора изъ Москвы выписала за двѣ тысячи ужъ она сама. Адвокатъ Ѳетюковичъ больше бы взялъ, да дѣло это получило огласку по всей Россіи, во всѣхъ газетахъ и журналахъ о немъ говорятъ, Ѳетюковичъ и согласился больше для славы пріѣхать, потому что слишкомъ ужъ знаменитое дѣло стало. Я его вчера видѣлъ.

— Ну, и что жъ? Говорилъ ему? воскликнула торопливо Грушенька.

— Онъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Сказалъ, что у него уже составилось опредѣленное мнѣніе. Но обѣщалъ мои слова взять въ соображеніе.

— Какъ это въ соображеніе! Ахъ, они мошенники! Погубятъ они его! Ну, а доктора-то, доктора зачѣмъ та выписала?

— Какъ эксперта. Хотятъ вывести, что братъ сумасшедшій и убилъ въ помѣшательствѣ, себя не помня, тихо улыбнулся Алеша, — только братъ не согласится на это.

— Ахъ, да вѣдь это правда, если бъ онъ убилъ! воскликнула Грушенька. — Помѣшанный онъ былъ тогда, совсѣмъ помѣшанный, и это я, я, подлая, въ томъ виновата! Только вѣдь онъ же не убилъ, не убилъ! И всѣ-то на него, что онъ убилъ, весь городъ. Даже Ѳеня, и та такъ показала, что выходитъ, будто онъ убилъ. А въ лавкѣ-то, а этотъ чиновникъ, а прежде въ трактирѣ слышали! Всѣ, всѣ противъ него, такъ и галдятъ.

— Да, показанія ужасно умножились, угрюмо замѣтилъ Алеша.

— А Григорій-то, Григорій-то Васильичъ, вѣдь стоитъ на своемъ, что дверь была отперта, ломитъ на своемъ, что видѣлъ, не собьешь его, я къ нему бѣгала, сама съ нимъ говорила. Ругается еще!

— Да, это, можетъ-быть, самое сильное показаніе противъ брата, проговорилъ Алеша.

— А про то, что Митя помѣшанный, такъ онъ и теперь точно таковъ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ и таинственнымъ видомъ начала вдругъ Грушенька. — Знаешь, Алешенька, давно я хотѣла тебѣ про это сказать: хожу къ нему каждый день и просто дивлюсь. Скажи ты мнѣ, какъ ты думаешь: объ чемъ это онъ теперь началъ все говорить? Заговоритъ, заговоритъ — ничего понимать не могу, думаю, это онъ объ чемъ умномъ, ну, я глупая, не понять мнѣ, думаю; только сталъ онъ мнѣ вдругъ говорить про дитё, то-есть про дитятю какого-то, „зачѣмъ, дескать, бѣднò дитё? За дитё-то это я теперь и въ Сибирь пойду, я не убилъ, но мнѣ надо въ Сибирь пойти!“ Чтò это такое, какое такое дитё — ничевошеньки не поняла. Только расплакалась, какъ онъ говорилъ, потому очень ужъ онъ хорошо это говорилъ, самъ плачетъ, и я

заплакала, онъ меня вдругъ и поцѣловалъ и рукой перекрестилъ. Что̀ это такое, Алеша, разскажи ты мнѣ, какое это „дитё“?

— Это къ нему Ракитинъ почему-то повадился ходить, улыбнулся Алеша, — впрочемъ... это не отъ Ракитина. Я у него вчера не былъ, сегодня буду.

— Нѣтъ, это не Ракитка, это его братъ Иванъ Ѳедоровичъ смущаетъ, это онъ къ нему ходитъ, вотъ что̀... проговорила Грушенька и вдругъ какъ бы осѣклась.

Алеша уставился на нее какъ пораженный.

— Какъ ходитъ? Да развѣ онъ ходилъ къ нему? Митя мнѣ самъ говорилъ, что Иванъ ни разу не приходилъ.

— Ну... ну, вотъ я какая! Проболталась! воскликнула Грушенька въ смущеніи, вся вдругъ зарумянившись. — Стой, Алеша, молчи, такъ и быть, коль ужъ пробормоталась, всю правду скажу: онъ у него два раза былъ, первый разъ только что онъ тогда пріѣхалъ—тогда же вѣдь онъ сейчасъ изъ Москвы и прискакалъ, я еще и слечь не успѣла, а другой разъ приходилъ недѣлю назадъ. Митѣ-то онъ не велѣлъ объ этомъ тебѣ сказывать, отнюдь не велѣлъ, да и никому не велѣлъ сказывать, потаенно приходилъ.

Алеша сидѣлъ въ глубокой задумчивости и что-то соображалъ. Извѣстіе видимо его поразило.

— Братъ Иванъ объ Митиномъ дѣлѣ со мной не говоритъ, проговорилъ онъ медленно,—да и вообще со мною онъ во всѣ эти два мѣсяца очень мало говорилъ, а когда я приходилъ къ нему, то всегда бывалъ недоволенъ, что я пришелъ, такъ что я три недѣли къ нему уже не хожу. Гм... Если онъ былъ недѣлю назадъ, то... за эту недѣлю въ Митѣ дѣйствительно произошла какая-то перемѣна...

— Перемѣна, перемѣна! быстро подхватила Грушенька. — У нихъ секретъ, у нихъ былъ секретъ! Митя мнѣ самъ сказалъ, что секретъ и, знаешь, такой секретъ, что Митя и успокоиться не можетъ. А вѣдь прежде былъ веселый, да онъ и теперь веселый, только, знаешь, когда начнетъ этакъ головой мотать, да по комнатѣ шагать, а вотъ этимъ правымъ пальцемъ себѣ тутъ на вискѣ волосы теребитъ, то ужъ я и знаю, что у него что-то безпокойное на душѣ... я ужъ знаю!.. А то былъ веселый; да и сегодня веселый!

— А ты сказала: раздраженъ?

— Да онъ и раздраженъ, да веселый. Онъ и все раз-

драженъ, да на минутку, а тамъ веселый, а потомъ вдругъ опять раздраженъ. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впереди такой страхъ, а онъ даже иной разъ такимъ пустякамъ хохочетъ, точно самъ-то дитя.

— И это правда, что онъ мнѣ не велѣлъ говорить про Ивана? Такъ и сказалъ: не говори?

— Такъ и сказалъ: не говори. Тебя-то онъ, главное, и боится, Митя-то. Потому тутъ секретъ, самъ сказалъ, что секретъ... Алеша, голубчикъ, сходи, вывѣдай: какой это такой у нихъ секретъ, да и приходи мнѣ сказать,—вскинулась и взмолилась вдругъ Грушенька,—порѣши ты меня, бѣдную, чтобъ ужъ знала я мою участь проклятую! Съ тѣмъ и звала тебя.

— Ты думаешь, что это про тебя что-нибудь? Такъ вѣдь тогда бы онъ не сказалъ при тебѣ про секретъ.

— Не знаю. Можетъ, мнѣ-то онъ и хочетъ сказать, да не смѣетъ. Предупреждаетъ. Секретъ, дескать, есть, а какой секретъ—не сказалъ.

— Ты сама-то что̀ же думаешь?

— А что̀ думаю? Конецъ мнѣ пришелъ, вотъ что̀ думаю. Конецъ мнѣ они всѣ трое приготовили, потому что тутъ Катька. Все это Катька, отъ нея и идетъ. „Такая она и сякая“, значитъ, это я не такая. Это онъ впередъ говоритъ, впередъ меня предупреждаетъ. Бросить онъ меня замыслилъ, вотъ и весь тутъ секретъ! Втроемъ это и придумали—Митька, Катька, да Иванъ Ѳедоровичъ. Алеша, хотѣла я тебя спросить давно: недѣлю назадъ онъ мнѣ вдругъ и открываетъ, что Иванъ влюбленъ въ Катьку, потому что часто къ той ходитъ. Правду онъ это мнѣ сказалъ или нѣтъ? Говори по совѣсти, рѣжь меня.

— Я тебѣ не солгу. Иванъ въ Катерину Ивановну не влюбленъ, такъ я думаю.

— Ну, такъ и я тогда же подумала! Лжетъ онъ мнѣ, безстыжій, вотъ что̀! И приревновалъ онъ теперь меня, чтобы потомъ на меня свалить. Вѣдь онъ дуракъ, вѣдь онъ не умѣетъ концовъ хоронить, откровенный онъ вѣдь такой... Только я жъ ему, я жъ ему! „Ты, говоритъ, вѣришь, что я убилъ“ — это мнѣ-то онъ говоритъ, мнѣ-то, это меня-то онъ тѣмъ попрекнулъ! Богъ съ нимъ! Ну, постой, плохо этой Катькѣ будетъ отъ меня на судѣ! Я тамъ одно такое словечко скажу... Я тамъ ужъ все скажу!

И опять она горько заплакала.

— Вотъ что̀ я тебѣ могу твердо объявить, Грушенька, сказалъ, вставая съ мѣста, Алеша, — первое то, что онъ тебя любитъ, любитъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и одну тебя, въ этомъ ты мнѣ вѣрь. Я знаю. Ужъ я знаю. Второе то̀ скажу тебѣ, что я секрета выпытывать отъ него не хочу, а если самъ мнѣ скажетъ сегодня, то прямо скажу ему, что тебѣ обѣщался сказать. Тогда приду къ тебѣ сегодня же и скажу. Только... кажется мнѣ... нѣтъ тутъ Катерины Ивановны и въ поминѣ, а это про другое про что-нибудь этотъ секретъ. И это навѣрно такъ. И не похоже совсѣмъ, чтобы про Катерину Ивановну, такъ мнѣ сдается. А пока прощай!

Алеша пожалъ ей руку. Грушенька все еще плакала. Онъ видѣлъ, что она его утѣшеніямъ очень мало повѣрила, но и то ужъ было ей хорошо, что хоть горе сорвала, высказалась. Жалко ему было оставлять ее въ такомъ состояніи, но онъ спѣшилъ. Предстояло ему еще много дѣла.

II.

Больная ножка.

Первое изъ этихъ дѣлъ было въ домѣ г-жи Хохлаковой, и онъ спѣшилъ туда, чтобы покончить тамъ поскорѣе и не опоздать къ Митѣ. Г-жа Хохлакова уже три недѣли какъ прихварывала: у ней отчего-то вспухла нога, и она хоть не лежала въ постели, но все равно, днемъ, въ привлекательномъ, но пристойномъ дезабилье полулежала у себя въ будуарѣ на кушеткѣ. Алеша какъ-то разъ замѣтилъ про себя съ невинною усмѣшкой, что г-жа Хохлакова, несмотря на болѣзнь свою, стала почти щеголять: явились какія-то наколочки, бантики, распашоночки, и онъ смекалъ, почему это такъ, хотя и гналъ эти мысли, какъ праздныя. Въ послѣдніе два мѣсяца г-жу Хохлакову сталъ посѣщать, между прочими ея гостями, молодой человѣкъ Перхотинъ. Алеша не заходилъ уже дня четыре, и, войдя въ домъ, поспѣшилъ было прямо пройти къ Лизѣ, ибо у ней и было его дѣло, такъ какъ Лиза еще вчера прислала къ нему дѣвушку съ настоятельною просьбой немедленно къ ней придти „по очень важному обстоятельству“, что̀, по нѣкоторымъ причинамъ, заинтересовало Алешу. Но пока дѣвушка ходила къ Лизѣ докладывать, г-жа Хохлакова уже узнала отъ кого-то о его прибытіи и немедленно прислала попросить его къ себѣ „на одну

только минутку". Алеша разсудилъ, что лучше ужъ удовлетворить сперва просьбу мамаши, ибо та будетъ поминутно посылать къ Лизѣ, пока онъ будетъ у той сидѣть. Г-жа Хохлакова лежала на кушеткѣ, какъ-то особенно празднично одѣтая и видимо въ чрезвычайно нервическомъ возбужденіи. Алешу встрѣтила криками восторга.

— Вѣка̀, вѣка̀, цѣлые вѣка̀ не видала васъ! Цѣлую недѣлю, помилуйте, ахъ, впрочемъ, вы были всего четыре дня назадъ, въ среду. Вы къ Lise, я увѣрена, что вы хотѣли пройти къ ней прямо на цыпочкахъ, чтобъ я не слыхала. Милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, если бы вы знали, какъ она меня безпокоитъ! Но это потомъ. Это хоть и самое главное, но это потомъ. Милый Алексѣй Ѳедоровичъ, я вамъ довѣряю мою Лизу вполнѣ. Послѣ смерти старца Зосимы — упокой Господи его душу! (она перекрестилась),—послѣ него я смотрю на васъ какъ на схимника, хотя вы и премило носите вашъ новый костюмъ. Гдѣ это вы достали здѣсь такого портного? Но нѣтъ, нѣтъ, это не главное, это потомъ. Простите, что я васъ называю иногда Алешей, я старуха, мнѣ все позволено,— кокетливо улыбнулась она,—но это тоже потомъ. Главное, мнѣ бы не забыть про главное. Пожалуйста, напомните мнѣ сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: „а главное?" Ахъ, почему я знаю, что̀ теперь главное? Съ тѣхъ поръ какъ Lise взяла у васъ назадъ свое обѣщаніе,—свое дѣтское обѣщаніе, Алексѣй Ѳедоровичъ,—выйти за васъ замужъ, то вы, конечно, поняли, что все это была лишь дѣтская игривая фантазія больной дѣвочки, долго просидѣвшей въ креслахъ, — слава Богу, она теперь уже ходитъ. Этотъ новый докторъ, котораго Катя выписала изъ Москвы для этого несчастнаго вашего брата, котораго завтра... Ну, что̀ о завтрашнемъ! Я умираю отъ одной мысли о завтрашнемъ! Главное же отъ любопытства... Однимъ словомъ, этотъ докторъ вчера былъ у насъ и видѣлъ Lise... Я ему пятьдесятъ рублей за визитъ заплатила. Но это все не то, опять не то. Видите, я ужъ совсѣмъ теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Я ужасно перестаю теперь знать. Для меня все смѣшалось въ какой-то комокъ. Я боюсь, что вы возьмете и выпрыгнете отъ меня отъ скуки, и я васъ только и видѣла. Ахъ, Боже мой! Что же мы сидимъ, и во-первыхъ, — кофе, Юлія, Глафира, кофе!

Алеша поспѣшно поблагодарилъ и объявилъ, что онъ сейчасъ только пилъ кофе.

— У кого?

— У Аграфены Александровны.

— Это... это у этой женщины! Ахъ, это она всѣхъ погубила, а, впрочемъ, я не знаю, говорятъ, она стала святая, хотя и поздно. Лучше бы прежде, когда надо было, а теперь что жъ, какая же польза? Молчите, молчите, Алексѣй Ѳедоровичъ, потому что я столько хочу сказать, что, кажется, такъ ничего и не скажу. Этотъ ужасный процессъ... я непремѣнно поѣду, я готовлюсь, меня внесутъ въ креслахъ, и притомъ я могу сидѣть, со мной будутъ люди, и вы знаете вѣдь, я въ свидѣтеляхъ. Какъ я буду говорить, какъ я буду говорить! Я не знаю, что̀ я буду говорить. Надо вѣдь присягу принять, вѣдь такъ, такъ?

— Такъ, но не думаю, чтобы вамъ можно было явиться.

— Я могу сидѣть; ахъ, вы меня сбиваете! Этотъ процессъ, этотъ дикій поступокъ, и потомъ всѣ идутъ въ Сибирь, другіе женятся, и все это быстро, быстро, и все мѣняется, и, наконецъ, ничего, всѣ старики и въ гробъ смотрятъ. Ну, и пусть, я устала. Эта Катя — cette charmante personne, она разбила всѣ мои надежды: теперь она пойдетъ за однимъ вашимъ братомъ въ Сибирь, а другой вашъ братъ поѣдетъ за ней и будетъ жить въ сосѣднемъ городѣ, и всѣ будутъ мучить другъ друга. Меня это съ ума сводитъ, а, главное, эта огласка: во всѣхъ газетахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ милліонъ разъ писали. Ахъ, да, представьте себѣ, и про меня написали, что я была „милымъ другомъ“ вашего брата, я не хочу проговорить гадкое слово, представьте себѣ, ну, представьте себѣ!

— Этого быть не можетъ! Гдѣ же и какъ написали?

— Сейчасъ покажу. Вчера получила—вчера и прочла. Вотъ здѣсь въ газетѣ *Слухи*, въ петербургской. Эти *Слухи* стали издаваться съ нынѣшняго года, я ужасно люблю слухи, и подписалась, и вотъ себѣ на голову: вотъ они какіе оказались слухи. Вотъ здѣсь, вотъ въ этомъ мѣстѣ, читайте.

И она протянула Алешѣ газетный листокъ, лежавшій у ней подъ подушкой.

Она не то что была разстроена, она была какъ-то вся разбита и, дѣйствительно, можетъ-быть, у ней все въ го-

ловѣ свернулось въ комокъ. Газетное извѣстіе было весьма характерное и, конечно, должно было на нее очень щекотливо подѣйствовать, но она, къ своему счастью, можетъ-быть, не способна была въ сію минуту сосредоточиться на одномъ пунктѣ, а потому чрезъ минуту могла забыть даже и о газетѣ и перескочить совсѣмъ на другое. Про то же, что повсемѣстно по всей Россіи уже прошла слава объ ужасномъ процессѣ, Алеша зналъ давно и, Боже, какія дикія извѣстія и корреспонденціи успѣлъ онъ прочесть за эти два мѣсяца, среди другихъ вѣрныхъ извѣстій, о своемъ братѣ, о Карамазовыхъ вообще и даже о себѣ самомъ. Въ одной газетѣ даже сказано было, что онъ отъ страху послѣ преступленія брата посхимился и затворился; въ другой это опровергали и писали, напротивъ, что онъ вмѣстѣ со старцемъ своимъ Зосимой взломали монастырскій ящикъ и „утекли изъ монастыря". Теперешнее же извѣстіе въ газетѣ *Слухи* озаглавлено было: „Изъ Скотопригоньевска (увы, такъ называется нашъ городокъ, я долго скрывалъ его имя), къ процессу Карамазова". Оно было коротенькое, и о г-жѣ Хохлаковой прямо ничего не упоминалось, да и вообще всѣ имена были скрыты. Извѣщалось лишь, что преступникъ, котораго съ такимъ трескомъ собираются теперь судить, отставной армейскій капитанъ, нахальнаго пошиба, лѣнтяй и крѣпостникъ, то и дѣло занимался амурами и особенно вліялъ на нѣкоторыхъ „скучающихъ въ одиночествѣ дамъ". Одна-де такая дама „изъ скучающихъ вдовицъ", молодящаяся, хотя уже имѣющая взрослую дочь, до того имъ прельстилась, что всего только за два часа до преступленія предлагала ему три тысячи рублей съ тѣмъ, чтобъ онъ тотчасъ же бѣжалъ съ нею на золотые пріиски. Но злодѣй предпочелъ-де лучше убить отца и ограбить его именно на три же тысячи, разсчитывая сдѣлать это безнаказанно, чѣмъ тащиться въ Сибирь съ сорокалѣтними прелестями своей скучающей дамы. Игривая корреспонденція эта, какъ и слѣдуетъ, заканчивалась благороднымъ негодованіемъ насчетъ безнравственности отцеубійства и бывшаго крѣпостного права. Прочтя съ любопытствомъ, Алеша свернулъ листокъ и передалъ его обратно г-жѣ Хохлаковой.

— Ну, какъ же не я? залепетала она опять, — вѣдь это я, я почти за часъ предлагала ему золотые пріиски и вдругъ „сорокалѣтнія прелести"! Да развѣ я затѣмъ?

Это онъ нарочно! Прости ему Вѣчный Судья за сорокалѣтнія прелести, какъ и я прощаю, но вѣдь это... вѣдь это знаете кто? Это вашъ другъ, Ракитинъ.

— Можетъ-быть, сказалъ Алеша, — хотя я ничего не слыхалъ.

— Онъ, онъ, а не можетъ-быть! Вѣдь я его выгнала... Вѣдь вы знаете всю эту исторію?

— Я знаю, что вы его пригласили не посѣщать васъ впредь, но за что именно,—этого я... отъ васъ, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ.

— А, стало-быть, отъ него слышали! Что жъ, онъ бранитъ меня, очень бранитъ?

— Да, онъ бранитъ, но вѣдь онъ всѣхъ бранитъ. Но за что вы ему отказали—я и отъ него не слыхалъ. Да и вообще я очень рѣдко съ нимъ теперь встрѣчаюсь. Мы не друзья.

— Ну, такъ я вамъ это все открою и, нечего дѣлать, покаюсь, потому что тутъ есть одна черта, въ которой я, можетъ-быть, сама виновата. Только маленькая, маленькая черточка, самая маленькая, такъ что, можетъ-быть, ея и нѣтъ вовсе. Видите, голубчикъ мой (г-жа Хохлакова вдругъ приняла какой-то игривый видъ и на устахъ ея замелькала милая, хотя и загадочная улыбочка), видите, я подозрѣваю... вы меня простите, Алеша, я вамъ какъ мать... о, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я къ вамъ теперь какъ къ моему отцу... потому что мать тутъ совсѣмъ не идетъ... Ну, все равно какъ къ старцу Зосимѣ на исповѣди, и это самое вѣрное, это очень подходитъ: назвала же я васъ давеча схимникомъ,—ну, такъ вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ, вашъ другъ Ракитинъ (о, Боже, я просто на него не могу сердиться! Я сержусь, я злюсь, но не очень), однимъ словомъ, этотъ легкомысленный молодой человѣкъ, вдругъ, представьте себѣ, кажется, вздумалъ въ меня влюбиться. Я это потомъ, потомъ только вдругъ примѣтила, но вначалѣ, то-есть съ мѣсяцъ назадъ, онъ сталъ бывать у меня чаще, почти каждый день, хотя и прежде мы были знакомы. Я ничего не знаю... и вотъ вдругъ меня какъ бы озарило, и я начинаю, къ удивленію, примѣчать. Вы знаете, я уже два мѣсяца тому назадъ начала принимать этого скромнаго, милаго и достойнаго молодого человѣка, Петра Ильича Перхотина, который здѣсь служитъ. Вы столько разъ его встрѣчали сами. И не правда ли, онъ достойный, серьез-

ный. Приходитъ онъ въ три дня разъ, а не каждый день (хотя пусть бы и каждый день), и всегда такъ хорошо одѣтъ, и вообще я люблю молодежь, Алеша, талантливую, скромную, вотъ какъ вы, а у него почти государственный умъ, онъ такъ мило говоритъ, и я непремѣнно, непремѣнно буду просить за него. Это будущій дипломатъ. Онъ въ тотъ ужасный день меня почти отъ смерти спасъ, придя ко мнѣ ночью. Ну, а вашъ другъ Ракитинъ приходитъ всегда въ такихъ сапогахъ и протянетъ ихъ по ковру... однимъ словомъ, онъ началъ мнѣ даже что-то намекать, а вдругъ одинъ разъ, уходя, пожалъ мнѣ ужасно крѣпко руку. Только что онъ мнѣ пожалъ руку, какъ вдругъ у меня разболѣлась нога. Онъ и прежде встрѣчалъ у меня Петра Ильича, и, вѣрите ли, все шпыняетъ его, все шпыняетъ, такъ и мычитъ на него за что-то. Я только смотрю на нихъ обоихъ, какъ они сойдутся, а внутри смѣюсь. Вотъ вдругъ я сижу одна, то-есть нѣтъ, я тогда ужъ лежала, вдругъ я лежу одна, Михаилъ Ивановичъ и приходитъ и, представьте, приноситъ свои стишки, самые коротенькіе, на мою больную ногу, то-есть описалъ въ стихахъ мою больную ногу. Постойте, какъ это:

Эта ножка, эта ножка,
Разболѣлася немножко...

или какъ тамъ, — вотъ никакъ не могу стиховъ запомнить,—у меня тутъ лежатъ,—ну, я вамъ потомъ покажу, только прелесть, прелесть, и, знаете, не объ одной только ножкѣ, а и нравоучительное, съ прелестною идеей, только я ее забыла, однимъ словомъ, прямо въ альбомъ. Ну, я, разумѣется, поблагодарила, и онъ былъ видимо польщенъ. Не успѣла поблагодарить, какъ вдругъ входитъ и Петръ Ильичъ, а Михаилъ Ивановичъ вдругъ насупился какъ ночь. Я ужъ вижу, что Петръ Ильичъ ему въ чемъ-то помѣшалъ, потому что Михаилъ Ивановичъ непремѣнно что-то хотѣлъ сказать сейчасъ послѣ стиховъ, я ужъ предчувствовала, а Петръ Ильичъ и вошелъ. Я вдругъ Петру Ильичу стихи и показываю, да и не говорю кто сочинилъ. Но я увѣрена, я увѣрена, что онъ сейчасъ догадался, хотя и до сихъ поръ не признается, а говоритъ, что не догадался; но это онъ нарочно. Петръ Ильичъ тотчасъ захохоталъ и началъ критиковать,—дрянные, говоритъ, стишонки, какой-нибудь семинаристъ написалъ, да знаете, съ такимъ азартомъ, съ такимъ азартомъ! Тутъ вашъ другъ, вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, вдругъ со-

всѣмъ и взбѣсился... Господи, я думала, они подерутся: „Это я, говоритъ, написалъ. Я, говоритъ, написалъ въ шутку, потому что считаю за низость писать стихи... Только стихи мои хороши. Вашему Пушкину за женскія ножки монументъ хотятъ ставить, а у меня съ направленіемъ, а вы сами, говоритъ, крѣпостникъ; вы, говоритъ, никакой гуманности не имѣете, вы никакихъ теперешнихъ просвѣщенныхъ чувствъ не чувствуете, васъ не коснулось развитіе, вы, говоритъ, чиновникъ и взятки берете!“ Тутъ ужъ я начала кричать и молить ихъ. А Петръ Ильичъ, вы знаете, такой не робкій, и вдругъ принялъ самый благородный тонъ: смотритъ на него насмѣшливо, слушаетъ и извиняется: „Я, говоритъ, не зналъ. Если бы я зналъ, я бы не сказалъ, я бы, говоритъ, похвалилъ... Поэты, говоритъ, всѣ такъ раздражительны“... Однимъ словомъ, такія насмѣшки подъ видомъ самаго благороднаго тона. Это онъ мнѣ самъ потомъ объяснилъ, что это все были насмѣшки, а я думала, онъ и въ самомъ дѣлѣ. Только вдругъ я лежу, какъ вотъ теперь предъ вами, и думаю: будетъ или не будетъ благородно, если я Михаила Ивановича вдругъ прогоню за то, что неприлично кричитъ у меня въ домѣ на моего гостя? И вотъ, вѣрите ли: лежу, закрыла глаза и думаю: будетъ или не будетъ благородно, и не могу рѣшить, и мучаюсь-мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть, аль не крикнуть? Одинъ голосъ говоритъ: кричи, а другой говоритъ: нѣтъ, не кричи! Только что этотъ другой голосъ сказалъ, я вдругъ и закричала и вдругъ упала въ обморокъ. Ну, тутъ, разумѣется, шумъ. Я вдругъ встаю и говорю Михаилу Ивановичу: мнѣ горько вамъ объявить, но я не желаю васъ болѣе принимать въ моемъ домѣ. Такъ и выгнала. Ахъ, Алексѣй Ѳедоровичъ! Я сама знаю, что скверно сдѣлала, я все лгала, я вовсе на него не сердилась, но мнѣ вдругъ, главное, вдругъ, показалось, что это будетъ такъ хорошо, эта сцена... Только, вѣрите ли, эта сцена все-таки была натуральна, потому что я даже расплакалась, и нѣсколько дней потомъ плакала, а потомъ вдругъ послѣ обѣда все и позабыла. Вотъ онъ и пересталъ ходить уже двѣ недѣли, я и думаю: да неужто жъ онъ совсѣмъ не придетъ? Это еще вчера, а вдругъ къ вечеру приходятъ эти „слухи“. Прочла и ахнула, ну кто же написалъ, это онъ написалъ, пришелъ тогда домой, сѣлъ — и написалъ; послалъ — и напечатали. Вѣдь это двѣ недѣли какъ было. Только, Алеша, ужасъ я что

говорю, а вовсе не говорю объ чемъ надо? Ахъ, само говорится!

— Мнѣ сегодня ужасно какъ нужно поспѣть вò-время къ брату, пролепеталъ было Алеша.

— Именно, именно! Вы мнѣ все напомнили! Послушайте, что̀ такое аффектъ?

— Какой аффектъ? удивился Алеша.

— Судебный аффектъ. Такой аффектъ, за который все прощаютъ. Что̀ бы вы ни сдѣлали — васъ сейчасъ простятъ.

— Да вы про что̀ это?

— А вотъ, про что̀: эта Катя... Ахъ, это милое, милое существо, только я никакъ не знаю, въ кого она влюблена. Недавно сидѣла у меня, и я ничего не могла выпытать. Тѣмъ болѣе, что сама начинаетъ со мною теперь такъ поверхностно, однимъ словомъ, все объ моемъ здоровьѣ и ничего больше, и даже такой тонъ принимаетъ, а я и сказала себѣ: ну, и пусть, ну, и Богъ съ вами... Ахъ, да, ну, такъ вотъ этотъ аффектъ: этотъ докторъ и пріѣхалъ. Вы знаете, что пріѣхалъ докторъ? Ну, какъ вамъ не знать, который узнаетъ сумасшедшихъ, вы же и выписали, то-есть не вы, а Катя! Все Катя! Ну, такъ видите: сидитъ человѣкъ совсѣмъ не сумасшедшій, только вдругъ у него аффектъ. Онъ и помнитъ себя, и знаетъ что̀ дѣлаетъ, а между тѣмъ онъ въ аффектѣ. Ну, такъ вотъ и съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ былъ навѣрно аффектъ. Это какъ новые суды открыли, такъ сейчасъ и узнали про аффектъ. Это благодѣяніе новыхъ судовъ. Докторъ этотъ былъ и разспрашиваетъ меня про тотъ вечеръ, ну, про золотые пріиски: каковъ, дескать, онъ тогда былъ? Какъ же не въ аффектѣ: пришелъ и кричитъ: денегъ, денегъ, три тысячи, давайте три тысячи, а потомъ пошелъ и вдругъ убилъ. Не хочу, говоритъ, не хочу убивать, и вдругъ убилъ. Вотъ за это-то самое его и простятъ, что противился, а убилъ.

— Да вѣдь онъ же не убилъ, немного рѣзко прервалъ Алеша. Безпокойство и нетерпѣніе одолѣвали его все больше и больше.

— Знаю, это убилъ тотъ старикъ Григорій...

— Какъ, Григорій! вскричалъ Алеша.

— Онъ, онъ, это Григорій. Дмитрій Ѳедоровичъ какъ ударилъ его, такъ онъ лежалъ, а потомъ всталъ, видитъ дверь отворена, пошелъ и убилъ Ѳедора Павловича.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?

— А получилъ аффектъ. Какъ Дмитрій Ѳедоровичъ ударилъ его по головѣ, онъ очнулся и получилъ аффектъ, пошелъ и убилъ. А что онъ говоритъ самъ, что не убилъ, такъ этого онъ, можетъ, и не помнитъ. Только видите ли: лучше, гораздо лучше будетъ, если Дмитрій Ѳедоровичъ убилъ. Да это такъ и было, хотя я говорю, что Григорій, но это навѣрно Дмитрій Ѳедоровичъ, и это гораздо, гораздо лучше! Ахъ, не потому лучше, что сынъ отца убилъ, я не хвалю, дѣти, напротивъ, должны почитать родителей, а только все-таки лучше, если это онъ, потому что вамъ тогда и плакать нечего, такъ какъ онъ убилъ себя не помня, или, лучше сказать, все помня, но не зная, какъ это съ нимъ сдѣлалось. Нѣтъ, пусть они его простятъ; это такъ гуманно, и чтобы видѣли благодѣяніе новыхъ судовъ, а я-то и не знала, а, говорятъ, это уже давно, и какъ я вчера узнала, то меня это такъ поразило, что я тотчасъ же хотѣла за вами послать; и потомъ, коли его простятъ, то прямо его изъ суда ко мнѣ обѣдать, а я созову знакомыхъ и мы выпьемъ за новые суды. Я не думаю, чтобъ онъ былъ опасенъ, притомъ я позову очень много гостей, такъ что его можно всегда вывести, если онъ что-нибудь, а потомъ онъ можетъ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ быть мировымъ судьей или чѣмъ-нибудь, потому что тѣ, которые сами перенесли несчастіе, всѣхъ лучше судятъ. А главное, кто жъ теперь не въ аффектѣ,— вы, я, всѣ въ аффектѣ, и сколько примѣровъ: сидитъ человѣкъ, поетъ романсъ, вдругъ ему что-нибудь не понравилось, взялъ пистолетъ и убилъ кого попало, а затѣмъ ему всѣ прощаютъ. Я это недавно читала, и всѣ доктора подтвердили. Доктора теперь подтверждаютъ, все подтверждаютъ. Помилуйте, у меня Lise въ аффектѣ, я еще вчера отъ нея плакала, третьяго дня плакала, а сегодня догадалась, что это у ней просто аффектъ. Охъ, Lise меня такъ огорчаетъ! Я думаю, она совсѣмъ помѣшалась. Зачѣмъ она васъ позвала? Она васъ позвала, или вы сами къ ней пришли?

— Да, она звала, и я пойду сейчасъ къ ней, всталъ было рѣшительно Алеша.

— Ахъ, милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, тутъ-то, можетъ быть, и самое главное, вскрикнула госпожа Хохлакова, вдругъ заплакавъ. — Богъ видитъ, что я вамъ искренно довѣряю Lise, и это ничего, что она васъ тай-

комъ отъ матери позвала. Но Ивану Ѳедоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу довѣрить дочь мою съ такою легкостью, хотя и продолжаю считать его за самаго рыцарскаго молодого человѣка. А представьте, онъ вдругъ и былъ у Lise, а я этого ничего и не знала.

— Какъ? Что? Когда? ужасно удивился Алеша. Онъ ужъ не садился и слушалъ стоя.

— Я вамъ разскажу, я для этого-то, можетъ быть, васъ и позвала, потому что я ужъ и не знаю, для чего васъ позвала. Вотъ что: Иванъ Ѳедоровичъ былъ у меня всего два раза по возвращеніи своемъ изъ Москвы, первый разъ пришелъ какъ знакомый сдѣлать визитъ, а въ другой разъ, это уже недавно, Катя у меня сидѣла, онъ и зашелъ, узнавъ, что она у меня. Я, разумѣется, и не претендовала на его частые визиты, зная, сколько у него теперь и безъ того хлопотъ, vous comprenez, cette affaire et la mort terrible de votre papa, только вдругъ узнаю, что онъ былъ опять, только не у меня, а у Lise, это уже дней шесть тому, пришелъ, просидѣлъ пять минутъ и ушелъ. А узнала я про это цѣлыхъ три дня спустя отъ Глафиры, такъ что это меня вдругъ фрапировало. Тотчасъ призываю Lise, а она смѣется: онъ, дескать, думалъ, что вы спите и зашелъ ко мнѣ спросить о вашемъ здоровьѣ. Конечно, оно такъ и было. Только Lise, Lise, о, Боже, какъ она меня огорчаетъ! Вообразите, вдругъ съ ней въ одну ночь—это четыре дня тому, сейчасъ послѣ того, какъ вы въ послѣдній разъ были и ушли — вдругъ съ ней ночью припадокъ, крикъ, визгъ, истерика! Отчего у меня никогда не бываетъ истерики? Затѣмъ на другой день припадокъ, а потомъ и на третій день, и вчера, и вотъ вчера этотъ аффектъ. А она мнѣ вдругъ кричитъ: „Я ненавижу Ивана Ѳедоровича, я требую, чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали отъ дома!“ Я обомлѣла при такой неожиданности и возражаю ей: съ какой же стати буду я отказывать такому достойному молодому человѣку и притомъ съ такими познаніями и съ такимъ несчастьемъ, потому что все-таки всѣ эти исторіи — вѣдь это несчастье, а не счастіе, не правда ли? Она вдругъ расхохоталась надъ моими словами и такъ, знаете, оскорбительно. Ну, я рада, думаю, что разсмѣшила ее, и припадки теперь пройдутъ, тѣмъ болѣе, что я сама хотѣла отказать Ивану Ѳедоровичу за странные визиты безъ моего согласія и потребовать объясненія. Только вдругъ сегодня

утромъ Лиза проснулась и разсердилась на Юлію и, представьте, ударила ее рукой по лицу. Но вѣдь это монструозно, я съ моими дѣвушками на *вы*. И вдругъ черезъ часъ она обнимаетъ и цѣлуетъ у Юліи ноги. Ко мнѣ же прислала сказать, что не придетъ ко мнѣ вовсе и впредь никогда не хочетъ ходить, а когда я сама къ ней потащилась, то бросилась меня цѣловать и плакать и, цѣлуя, такъ и выпихнула вонъ, ни слова не говоря, такъ что я такъ ничего и не узнала. Теперь, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, на васъ всѣ мои надежды и, конечно, судьба всей моей жизни въ вашихъ рукахъ. Я васъ просто прошу пойти къ Lise, разузнать у ней все, какъ вы только одинъ умѣете это сдѣлать, и придти разсказать мнѣ, мнѣ, матери, потому что, вы понимаете, я умру, я просто умру, если все это будетъ продолжаться, или убѣгу изъ дому. Я больше не могу, у меня есть терпѣніе, но я могу его лишиться, и тогда... и тогда будутъ ужасы. Ахъ, Боже мой, наконецъ-то, Петръ Ильичъ! вскрикнула, вся вдругъ просіявъ, госпожа Хохлакова, завидя входящаго Петра Ильича Перхотина.—Опоздали, опоздали! Ну, что̀, садитесь, говорите, рѣшайте судьбу, ну, что̀ жъ этотъ адвокатъ? Куда же вы, Алексѣй Ѳедоровичъ?

— Я къ Lise.

— Ахъ, да! Такъ вы не забудете, не забудете о чемъ я васъ просила? Тутъ судьба, судьба!

— Конечно, не забуду, если только можно... но я такъ опоздалъ, пробормоталъ, поскорѣе ретируясь, Алеша.

— Нѣтъ навѣрно, навѣрно заходите, а не „если можно“, иначе я умру! прокричала вслѣдъ ему госпожа Хохлакова, но Алеша уже вышелъ изъ комнаты.

III.

Бѣсенокъ.

Войдя къ Лизѣ, онъ засталъ ее полулежащею въ ея прежнемъ креслѣ, въ которомъ ее возили, когда она еще не могла ходить. Она не тронулась къ нему навстрѣчу, но зоркій, острый ея взглядъ такъ и впился въ него. Взглядъ былъ нѣсколько воспаленный, лицо блѣдно-желтое. Алеша изумился тому, какъ она измѣнилась въ три дня, даже похудѣла. Она не протянула ему руки. Онъ самъ притронулся къ ея тонкимъ, длиннымъ пальчикамъ, неподвижно лежавшимъ на ея платьѣ, затѣмъ молча сѣлъ противъ нея.

— Я знаю, что вы спѣшите въ острогъ, рѣзко проговорила Лиза,—а васъ два часа задержала мама, сейчасъ вамъ про меня и про Юлію разсказала.

— Почему вы узнали? спросилъ Алеша.

— Я подслушивала. Чего вы на меня уставились? Хочу подслушивать и подслушиваю, ничего тутъ нѣтъ дурного. Прощенья не прошу.

— Вы чѣмъ-то разстроены?

— Напротивъ, очень рада. Только что сейчасъ разсуждала опять, въ тридцатый разъ: какъ хорошо, что я вамъ отказала и не буду вашею женой. Вы въ мужья не годитесь: я за васъ выйду, и вдругъ дамъ вамъ записку, чтобы снести тому, котораго полюблю послѣ васъ; вы возьмете и непремѣнно отнесете, да еще отвѣтъ принесете. И сорокъ лѣтъ вамъ придетъ, и вы все такъ же будете мои такія записки носить.

Она вдругъ засмѣялась.

— Въ васъ что-то злобное и въ то же время что-то простодушное,—улыбнулся ей Алеша.

— Простодушное это то, что я васъ не стыжусь. Мало того, что не стыжусь, да и не хочу стыдиться, именно предъ вами, именно васъ. Алеша, почему я васъ не уважаю? Я васъ очень люблю, но я васъ не уважаю. Если бъ уважала, вѣдь не говорила бы не стыдясь, вѣдь такъ?

— Такъ.

— А вѣрите вы, что я васъ не стыжусь?

— Нѣтъ, не вѣрю.

Лиза опять нервно засмѣялась; говорила она скоро, быстро.

— Я вашему брату Дмитрію Ѳедоровичу конфетъ въ острогъ послала. Алеша, знаете, какой вы хорошенькій! Я васъ ужасно буду любить за то, что вы такъ скоро позволили мнѣ васъ не любить.

— Вы для чего меня сегодня звали, Lise?

— Мнѣ хотѣлось вамъ сообщить одно мое желаніе. Я хочу, чтобы меня кто-нибудь истерзалъ, женился на мнѣ, а потомъ истерзалъ, обманулъ, ушелъ и уѣхалъ. Я не хочу быть счастливою!

— Полюбили безпорядокъ?

— Ахъ, я хочу безпорядка. Я все хочу зажечь домъ. Я воображаю: какъ это я подойду и зажгу потихоньку, непремѣнно чтобы потихоньку. Они-то тушатъ, а онъ-то горитъ. А я знаю да молчу. Ахъ, глупости! И какъ скучно!

Она съ отвращеніемъ махнула ручкой.

— Богато живете, тихо проговорилъ Алеша.

— Лучше, что ль, бѣдной-то быть?

— Лучше.

— Это вамъ вашъ монахъ покойный наговорилъ. Это неправда. Пусть я богата, а всѣ бѣдные, я буду конфеты ѣсть и сливки пить, а тѣмъ никому не дамъ. Ахъ, не говорите, не говорите ничего (замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не открывалъ), вы мнѣ ужъ прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно. Если я буду бѣдная, я кого-нибудь убью, — да и богата если буду, можетъ быть, убью, — что̀ сидѣть-то! А знаете, я хочу жать, рожь жать. Я за васъ выйду, а вы станьте мужикомъ, настоящимъ мужикомъ; у насъ жеребеночекъ, хотите? Вы Калганова знаете!

— Знаю.

— Онъ все ходитъ и мечтаетъ. Онъ говоритъ: зачѣмъ взаправду жить, лучше мечтать. Намечтать можно самое веселое, а жить скука. А вѣдь самъ скоро женится, онъ ужъ и мнѣ объяснялся въ любви. Вы умѣете кубари спускать?

— Умѣю.

— Вотъ это онъ какъ кубарь: завертѣть его и спустить, и стегать, стегать, стегать кнутикомъ. Выйду за него замужъ, всю жизнь буду спускать. Вамъ не стыдно со мной сидѣть?

— Нѣтъ.

— Вы ужасно сердитесь, что я не про святое говорю. Я не хочу быть святою. Что̀ сдѣлаютъ на томъ свѣтѣ за самый большой грѣхъ? Вамъ это должно быть въ точности извѣстно.

— Богъ осудитъ, пристально вглядывался въ нее Алеша.

— Вотъ такъ я и хочу. Я бы пришла, а меня бы и осудили, а я бы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза. Я ужасно хочу зажечь домъ, Алеша, нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?

— Почему же? Есть даже дѣти, лѣтъ по двѣнадцати, которымъ очень хочется зажечь что-нибудь, и они зажигаютъ. Это въ родѣ болѣзни.

— Неправда, неправда, пусть есть дѣти, но я не про то.

— Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризисъ, въ этомъ ваша прежняя болѣзнь, можетъ быть, виновата.

— А вы-таки меня презираете! Я просто не хочу дѣлать доброе, я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы нигдѣ ничего не осталось. Ахъ, какъ бы хорошо, кабы ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣлать ужасно много зла и всего скверного, и долго буду тихонько дѣлать, и вдругъ всѣ узнаютъ. Всѣ меня обступятъ и будутъ показывать на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотрѣть. Это очень пріятно. Почему это такъ пріятно, Алеша?

— Такъ. Потребность раздавить что-нибудь хорошее, али вотъ, какъ вы говорили, зажечь. Это тоже бываетъ.

— Я вѣдь не то что говорила, я вѣдь и сдѣлаю

— Вѣрю.

— Ахъ, какъ я васъ люблю за то, что вы говорите: вѣрю. И вѣдь вы вовсе, вовсе не лжете. А, можетъ быть, вы думаете, что я вамъ все это нарочно, чтобы васъ дразнить?

— Нѣтъ, не думаю... хотя, можетъ быть, и есть немного этой потребности.

— Немного есть. Никогда предъ вами не солгу, проговорила она со сверкнувшимъ какимъ-то огонькомъ глазами.

Алешу всего болѣе поражала ея серьезность: ни тѣни смѣшливости и шутливости не было теперь въ ея лицѣ, хотя прежде веселость и шутливость не покидали ее въ самыя „серьезныя“ ея минуты.

— Есть минуты, когда люди любятъ преступленіе, задумчиво проговорилъ Алеша.

— Да, да! Вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ любятъ, и всегда любятъ, я не то что „минуты“. Знаете, въ этомъ всѣ какъ будто когда-то условились лгать и всѣ съ тѣхъ поръ лгутъ. Всѣ говорятъ, что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его любятъ.

— А вы все попрежнему дурныя книги читаете?

— Читаю. Мама читаетъ и подъ подушку причетъ, а я краду.

— Какъ вамъ не совѣстно разрушать себя?

— Я хочу себя разрушать. Тутъ есть одинъ мальчикъ, онъ подъ рельсами пролежалъ, когда надъ нимъ вагоны ѣхали. Счастливецъ! Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то, что онъ отца убилъ, и всѣ любятъ, что онъ отца убилъ.

— Любятъ, что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ, что это ужасно, но про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько правды, проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли! взвизгнула въ восторгѣ Лиза, — это у монаха-то! Вы не повѣрите, какъ я васъ уважаю, Алеша, за то, что вы никогда не лжете. Ахъ, я вамъ одинъ мой смѣшной сонъ разскажу: мнѣ иногда во снѣ снятся черти, будто ночь, я въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во всѣхъ углахъ, и подъ столомъ, и двери отворяютъ, а ихъ тамъ за дверями толпа и имъ хочется войти и меня схватить. И ужъ подходятъ, ужъ хватаютъ. А я вдругъ перекрещусь, и они всѣ назадъ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у дверей стоятъ и по угламъ, ждутъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ начать Бога бранить, вотъ и начну бранить, а они-то вдругъ опять толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужъ и хватаютъ меня опять, а я вдругъ опять перекрещусь — а они всѣ назадъ. Ужасно весело, духъ замираетъ.

— И у меня бывалъ этотъ самый сонъ, вдругъ сказалъ Алеша.

— Неужто, вскрикнула Лиза въ удивленіи. — Послушайте, Алеша, не смѣйтесь, это ужасно важно: развѣ можно, чтобы у двухъ разныхъ былъ одинъ и тотъ же сонъ?

— Вѣрно можно.

— Алеша, говорю вамъ, это ужасно важно, въ какомъ-то чрезмѣрномъ уже удивленіи продолжала Лиза. — Не сонъ важенъ, а то, что вы могли видѣть этотъ же самый сонъ, какъ и я. Вы никогда мнѣ не лжете, не лгите и теперь: это правда? Вы не смѣетесь?

— Правда.

Лиза была чѣмъ-то ужасно поражена и на полминутки примолкла.

— Алеша, ходите ко мнѣ, ходите ко мнѣ чаще, проговорила она вдругъ молящимъ голосомъ.

— Я всегда, всю жизнь буду къ вамъ приходить, твердо отвѣтилъ Алеша.

— Я вѣдь одному вамъ говорю, начала опять Лиза.— Я себѣ одной говорю, да еще вамъ. Вамъ одному въ цѣломъ мірѣ. И вамъ охотнѣе, чѣмъ самой себѣ говорю. И

васъ совсѣмъ не стыжусь, совсѣмъ. Алеша, почему я васъ совсѣмъ не стыжусь, совсѣмъ? Алеша, правда ли, что жиды на Пасху дѣтей крадутъ и рѣжутъ?

— Не знаю.

— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой-то гдѣ-то судъ, и что жидъ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣзалъ на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распялъ на стѣнѣ, прибилъ гвоздями и распялъ, и потомъ на судѣ сказалъ, что мальчикъ умеръ скоро, чрезъ четыре часа. Экъ скоро! Говоритъ: стоналъ, все стоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо!

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите?

Алеша молчалъ и смотрѣлъ на нее. Блѣдно-желтое лицо ея вдругъ исказилось, глаза загорѣлись.

— Знаете, я про жида этого какъ прочла, то всю ночь такъ и тряслась въ слезахъ. Воображаю, какъ ребенокъ кричитъ и стонетъ (вѣдь четырехлѣтніе мальчики понимаютъ), а у меня все эта мысль про компотъ не отстаетъ. Утромъ я послала письмо къ одному человѣку, чтобы *непремѣнно* пришелъ ко мнѣ. Онъ пришелъ, а я ему вдругъ разсказала про мальчика и про компотъ, *все* разсказала, *все*, и сказала, что „это хорошо". Онъ вдругъ засмѣялся и сказалъ, что это въ самомъ дѣлѣ хорошо. Затѣмъ всталъ и ушелъ. Всего пять минутъ сидѣлъ. Презиралъ онъ меня, презиралъ? Говорите, говорите, Алеша, презиралъ онъ меня или нѣтъ? выпрямилась она на кушеткѣ, засверкавъ глазами.

— Скажите, проговорилъ въ волненіи Алеша,—вы сами его позвали, этого человѣка?

— Сама.

— Письмо ему послали?

— Письмо.

— Собственно про это спросить, про ребенка?

— Нѣтъ, совсѣмъ не про это, совсѣмъ. А какъ онъ вошелъ, я сейчасъ про это и спросила. Онъ отвѣтилъ, засмѣялся, всталъ и ушелъ.

— Этотъ человѣкъ честно съ вами поступилъ, тихо проговорилъ Алеша.

— А меня презиралъ? Смѣялся?

— Нѣтъ, потому что онъ самъ, можетъ, вѣритъ ананасному компоту. Онъ тоже очень теперь боленъ, Lise.

— Да, вѣритъ! засверкала глазами Лиза.

— Онъ никого не презираетъ, продолжалъ Алеша.— Онъ только никому не вѣритъ. Коль не вѣритъ, то, конечно, и презираетъ.

— Стало-быть, и меня? Меня?

— И васъ.

— Это хорошо, какъ-то проскрежетала Лиза.—Когда онъ вышелъ и засмѣялся, я почувствовала, что въ презрѣніи быть хорошо. И мальчикъ съ отрѣзанными пальчиками хорошо, и въ презрѣніи быть хорошо...

И она какъ-то злобно и воспаленно засмѣялась Алешѣ въ глаза.

— Знаете, Алеша, знаете, я бы хотѣла... Алеша, спасите меня! вскочила она вдругъ съ кушетки, бросилась къ нему и крѣпко обхватила его руками.—Спасите меня, почти простонала она.—Развѣ я кому-нибудь въ мірѣ скажу, что̀ вамъ говорила? А вѣдь я правду, правду, правду говорила! Я убью себя, потому что мнѣ все гадко! Я не хочу жить, потому что мнѣ все гадко! Мнѣ все гадко, все гадко! Алеша, зачѣмъ вы меня совсѣмъ, совсѣмъ не любите! закончила она въ изступленіи.

— Нѣтъ, люблю! горячо отвѣтилъ Алеша.

— А будете обо мнѣ плакать, будете?

— Буду.

— Не за то, что я вашею женой не захотѣла быть, а просто обо мнѣ плакать, просто?

— Буду.

— Спасибо! Мнѣ только вашихъ слезъ и надо. А всѣ остальные пусть казнятъ меня и раздавятъ ногой, всѣ, всѣ, не исключая *никого*! Потому что я не люблю никого. Слышите, ни-ко-го! Напротивъ, ненавижу! Ступайте, Алеша, вамъ пора къ брату! оторвалась она отъ него вдругъ.

— Какъ же вы останетесь? почти въ испугѣ проговорилъ Алеша.

— Ступайте къ брату, острогъ запрутъ, ступайте, вотъ ваша шляпа! Поцѣлуйте Митю, ступайте, ступайте!

И она съ силой почти выпихнула Алешу въ двери. Тотъ смотрѣлъ съ горестнымъ недоумѣніемъ, какъ вдругъ почувствовалъ въ своей правой рукѣ письмо, маленькое письмецо, твердо сложенное и запечатанное. Онъ взглянулъ и мгновенно прочелъ адресъ: „Ивану Ѳедоровичу

Карамазову". Онъ быстро поглядѣлъ на Лизу. Лицо ея сдѣлалось почти грозно.

— Передайте, непремѣнно передайте! изступленно, вся сотрясаясь, приказывала она,—сегодня, сейчасъ! Иначе я отравлюсь! Я васъ затѣмъ и звала!

И быстро захлопнула дверь. Щелкнула щеколда. Алеша положилъ письмо въ карманъ и пошелъ прямо на лѣстницу, не заходя къ госпожѣ Хохлаковой, даже забывъ о ней. А Лиза, только что удалился Алеша, тотчасъ же отвернула щеколду, пріотворила капельку дверь, вложила въ щель свой палецъ и, захлопнувъ дверь, изо всей силы придавила его. Секундъ черезъ десять, высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на свое кресло, сѣла, вся выпрямившись, и стала пристально смотрѣть на свой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся изъ-подъ ногтя кровь. Губы ея дрожали и она быстро-быстро шептала про себя:

— Подлая, подлая, подлая, подлая!

IV.

Гимнъ и секретъ.

Было уже совсѣмъ поздно (да и великъ ли ноябрьскій день), когда Алеша позвонилъ у воротъ острога. Начинало даже смеркаться. Но Алеша зналъ, что его пропустятъ къ Митѣ безпрепятственно. Все это у насъ, въ нашемъ городкѣ, какъ и вездѣ. Сначала, конечно, по заключеніи всего предварительнаго слѣдствія, поступъ къ Митѣ для свиданія съ родственниками и съ нѣкоторыми другими лицами все же былъ обставленъ нѣкоторыми необходимыми формальностями, но впослѣдствіи формальности не то что ослабѣли, но для иныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ, приходившихъ къ Митѣ, какъ-то сами собой установились нѣкоторыя исключенія. До того, что иной разъ даже и свиданія съ заключеннымъ въ назначенной для того комнатѣ происходили почти между четырехъ глазъ. Впрочемъ, такихъ лицъ было очень немного: всего только Грушенька, Алеша и Ракитинъ. Но къ Грушенькѣ очень благоволилъ самъ исправникъ, Михаилъ Макаровичъ. У старика лежалъ на сердцѣ его окрикъ на нее въ Мокромъ. Потомъ, узнавъ всю суть, онъ измѣнилъ совсѣмъ о ней свои мысли. И, странное дѣло, хотя былъ твердо убѣжденъ въ преступленіи Мити, но со времени заклю-

ченія его, все какъ-то болѣе и болѣе смотрѣлъ на него мягче: „съ хорошею, можетъ быть, душой былъ человѣкъ, а вотъ пропалъ, какъ шведъ, отъ пьянства и безпорядка!“ Прежній ужасъ смѣнился въ сердцѣ его какою-то жалостью. Что же до Алеши, то исправникъ очень любилъ его и давно уже былъ съ нимъ знакомъ, а Ракитинъ, повадившійся впослѣдствіи приходить очень часто къ заключенному, былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ „исправничьихъ барышень“, какъ онъ называлъ ихъ, и ежедневно терся въ ихъ домѣ. У смотрителя же острога, благодушнаго старика, хотя и крѣпкаго служаки, онъ давалъ въ домѣ уроки. Алеша же опять-таки былъ особенный и стародавній знакомый смотрителя, любившаго говорить съ нимъ вообще о „премудрости“. Ивана Ѳедоровича, напримѣръ, смотритель не то что уважалъ, а даже боялся, главное, его сужденій, хотя самъ былъ большимъ философомъ, разумѣется „своимъ умомъ дойдя“. Но къ Алешѣ въ немъ была какая-то непобѣдимая симпатія. Въ послѣдній годъ старикъ какъ разъ засѣлъ за апокрифическія евангелія и поминутно сообщалъ о своихъ впечатлѣніяхъ своему молодому другу. Прежде даже заходилъ къ нему въ монастырь и толковалъ съ нимъ и съ іеромонахами по цѣлымъ часамъ. Словомъ, Алешѣ, если бы даже онъ и запоздалъ въ острогъ, стоило пройти къ смотрителю, и дѣло всегда улаживалось. Къ тому же, къ Алешѣ всѣ, до послѣдняго сторожа, въ острогѣ привыкли. Караулъ же, конечно, не стѣснялъ, было бы лишь дозволеніе начальства. Митя изъ своей каморки, когда вызывали его, сходилъ всегда внизъ, въ мѣсто, назначенное для свиданій. Войдя въ комнату, Алеша какъ разъ столкнулся съ Ракитинымъ, уже уходившимъ отъ Мити. Оба они громко говорили. Митя, провожая его, чему-то очень смѣялся, а Ракитинъ какъ будто ворчалъ. Ракитинъ, особенно въ послѣднее время, не любилъ встрѣчаться съ Алешей, почти не говорилъ съ нимъ, даже и раскланивался съ натугой. Завидя теперь входящаго Алешу, онъ особенно нахмурилъ брови и отвелъ глаза въ сторону, какъ бы весь занятый застегиваніемъ своего большого теплаго съ мѣховымъ воротникомъ пальто. Потомъ тотчасъ же принялся искать свой зонтикъ.

— Своего бы не забыть чего, пробормоталъ онъ единственно, чтобы что-нибудь сказать.

— Ты чужого-то чего не забудь! сострилъ Митя и тотчасъ же самъ расхохотался своей остротѣ.

Ракитинъ мигомъ вспылилъ.

— Ты это своимъ Карамазовымъ рекомендуй, крѣпостничье ваше отродье, а не Ракитину! крикнулъ онъ вдругъ, такъ и затрясшись отъ злости.

— Чего ты? Я пошутилъ! вскрикнулъ Митя. — Фу, чортъ! Вотъ они всѣ таковы, обратился онъ къ Алешѣ, кивая на быстро уходившаго Ракитина,—то все сидѣлъ, смѣялся и веселъ былъ, а тутъ вдругъ и вскипѣлъ! Тебѣ даже и головой не кивнулъ; совсѣмъ, что ли, вы разссорились? Что̀ ты такъ поздно? Я тебя не то что ждалъ, а жаждалъ все утро. Ну, да ничего! Наверстаемъ.

— Что̀ онъ къ тебѣ такъ часто повадился? Подружился ты съ нимъ, что ли? спросилъ Алеша, кивая тоже на дверь, въ которую убрался Ракитинъ.

— Съ Михаиломъ-то подружился? Нѣтъ, не то чтобъ... Да и чего, свинья! Считаетъ, что я... подлецъ. Шутки тоже не понимаютъ—вотъ что̀ въ нихъ главное. Никогда не поймутъ шутки. Да и сухо у нихъ въ душѣ, плоско и сухо, точно какъ я тогда къ острогу подъѣзжалъ и на острожныя стѣны смотрѣлъ. Но, умный человѣкъ, умный. Ну, Алексѣй, пропала теперь моя голова!

Онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ съ собою рядомъ Алешу.

— Да, завтра судъ. Что̀ жъ, неужели же ты такъ совсѣмъ не надѣешься, братъ? съ робкимъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Ты это про что̀? какъ-то неопредѣленно глянулъ на него Митя.—Ахъ, ты про судъ! Ну, чортъ! Мы до сихъ поръ все съ тобой о пустякахъ говорили, вотъ все про этотъ судъ, а я объ самомъ главномъ съ тобою молчалъ. Да, завтра судъ, только я не про судъ сказалъ, что пропала моя голова. Голова не пропала, а то, что̀ въ головѣ сидѣло, то пропало. Что̀ ты на меня съ такою критикой въ лицѣ смотришь?

— Про что̀ ты это, Митя?

— Идеи, идеи, вотъ что̀! Эѳика. Это что̀ такое эѳика?

— Эѳика? удивился Алеша.

— Да, наука, что-ли, какая?

— Да, есть такая наука... только... я, признаюсь, не могу тебѣ объяснить, какая наука.

— Ракитинъ знаетъ. Много знаетъ Ракитинъ, чортъ

его дери! Въ монахи не пойдетъ. Въ Петербургъ собирается. Тамъ, говоритъ, въ отдѣленіе критики, но съ благородствомъ направленія. Что жъ, можетъ пользу принесетъ и карьеру устроитъ. Ухъ, карьеру они мастера! Чортъ съ ээпкой. Я-то пропалъ, Алексѣй, я-то, Божій ты человѣкъ! Я тебя больше всѣхъ люблю. Сотрясается у меня сердце на тебя, вотъ что. Какой тамъ былъ Карлъ Бернаръ?

— Карлъ Бернаръ? удивился опять Алеша.

— Нѣтъ, не Карлъ, постой, соврал: Клодъ Бернаръ. Это что такое? Химія, что ли?

— Это, должно быть, ученый одинъ, отвѣтилъ Алеша,— только, признаюсь тебѣ, и о немъ много не сумѣю сказать. Слышалъ только, ученый, а какой,—не знаю.

— Ну, и чортъ его дери, и я не знаю, обругался Митя. — Подлецъ какой-нибудь, всего вѣроятнѣе, да и всѣ подлецы. А Ракитинъ пролѣзетъ. Ракитинъ въ щелку пролѣзетъ, тоже Бернаръ. Ухъ, Бернары! Много ихъ расплодилось!

— Да что съ тобою? настойчиво спросилъ Алеша.

— Хочетъ онъ обо мнѣ, объ моемъ дѣлѣ статью написать, и тѣмъ въ литературѣ свою роль начать, съ тѣмъ и ходитъ, самъ объяснялъ. Съ направленіемъ что-то хочетъ: „дескать, нельзя было ему не убить, заѣденъ средой“ и прочее, объяснялъ мнѣ. Съ оттѣнкомъ соціализма, говоритъ, будетъ. Ну, и чортъ его дери, съ оттѣнкомъ, такъ съ оттѣнкомъ, мнѣ все равно. Брата Ивана не любитъ, ненавидитъ, тебя тоже не жалуетъ. Ну, а я его не гоню, потому что человѣкъ умный. Возносится очень, однако. Я ему сейчасъ вотъ говорилъ: „Карамазовы не подлецы, а философы, потому что всѣ настоящіе русскіе люди философы, а ты хоть и учился, а не философъ, ты смердъ“. Смѣется, злобно такъ. А я ему: де мыслибусъ non est disputandum, хороша острота? По крайней мѣрѣ, и я въ классицизмъ вступилъ, захохоталъ вдругъ Митя.

— Отчего ты пропалъ-то? Вотъ ты сейчасъ сказалъ? перебилъ Алеша.

— Отчего пропалъ? Гм! Въ сущности... если все цѣлое взять—Бога жалко, вотъ отчего!

— Какъ Бога жалко?

— Вообрази себѣ: это тамъ, въ нервахъ, въ головѣ, то-есть тамъ въ мозгу эти нервы... (ну, чортъ ихъ возьми!) есть такіе этакіе хвостики, у нервовъ этихъ хвостики,

ну, и какъ только они тамъ задрожатъ... то-есть, видишь, я посмотрю на что-нибудь глазами, вотъ такъ, и они задрожатъ, хвостики-то... а какъ задрожатъ, то и является образъ, и не сейчасъ является, тамъ какое-то мгновеніе, секунда такая пройдетъ, и является такой будто бы моментъ, то-есть не моментъ,—чортъ его дери моментъ,—а образъ, то-есть предметъ, али происшествіе, ну, тамъ чортъ дери!—вотъ почему я и созерцаю, а потомъ мыслю... потому что хвостикъ, а вовсе не потому, что у меня душа и что я тамъ какой-то образъ и подобіе, все это глупости. Это, братъ, мнѣ Михаилъ еще вчера объяснялъ, и меня точно обожгло. Великолѣпная, Алеша, эта наука! Новый человѣкъ пойдетъ, это-то я понимаю... А все-таки Бога жалко!

— Ну, и то хорошо, сказалъ Алеша.

— Что Бога-то жалко? Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, ваше преподобіе, подвиньтесь немножко, химія идетъ! А не любитъ Бога Ракитинъ, ухъ, не любитъ! Это у нихъ самое больное мѣсто у всѣхъ! Но скрываютъ. Лгутъ. Представляются. „Что же, будешь это проводить въ отдѣленіи критики?“ спрашиваю.—„Ну, явно-то не дадутъ“, говоритъ. Смѣется.—„Только какъ же? спрашиваю, послѣ того человѣкъ-то? Безъ Бога-то и безъ будущей жизни? Вѣдь это, стало-быть, теперь все позволено, все можно дѣлать?“—„А ты и не зналъ?“ говоритъ. Смѣется.—„Умному, говоритъ, человѣку все можно, умный человѣкъ умѣетъ раковъ ловить, ну, а вотъ ты, говоритъ, убилъ и влопался, и въ тюрьмѣ гніешь!“ Это онъ мнѣ-то говоритъ. Свинья естественная! Я этакихъ прежде вонъ вышвыривалъ, ну, а теперь слушаю. Много вѣдь и дѣльнаго говоритъ. Умно тоже пишетъ. Онъ мнѣ съ недѣлю назадъ статью одну началъ читать, я тамъ три строки тогда нарочно выписалъ, вотъ постой, вотъ здѣсь.

Митя, спѣша, вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажку и прочелъ:

„Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо прежде всего поставить свою личность въ разрѣзъ со своею дѣйствительностью“.

— Понимаешь иль нѣтъ?

— Нѣтъ, не понимаю, сказалъ Алеша.

Онъ съ любопытствомъ приглядывался къ Митѣ и слушалъ его.

— И я не понимаю. Темно и не ясно, зато умно. „Всѣ,

говоритъ, такъ теперь пишутъ, потому что такая ужъ среда"... Среды боятся. Стихи тоже пишетъ, подлецъ, Хохлаковой ножку воспѣлъ, ха-ха-ха!

— Я слышалъ, сказалъ Алеша.

— Слышалъ? А стишонки слышалъ?

— Нѣтъ.

— У меня они есть, вотъ, я прочту. Ты не знаешь, я тебѣ не разсказывалъ, тутъ цѣлая исторія. Шельма! Три недѣли назадъ меня дразнить вздумалъ: „Ты, вотъ, говоритъ, влопался какъ дуракъ, изъ-за трехъ тысячъ, а я полтораста ихъ тяпну, на вдовицѣ одной женюсь и каменный домъ въ Петербургѣ куплю". И разсказалъ мнѣ, что строитъ куры Хохлаковой, а та и смолоду умна не была, а въ сорокъ-то лѣтъ и совсѣмъ ума рѣшилась. „Да, чувствительна, говоритъ, ужъ очень, вотъ я ее на томъ и добью. Женюсь, въ Петербургъ ее отвезу, а тамъ газету издавать начну". И такая у него скверная сладострастная слюна на губахъ,—не на Хохлакову слюна, а на полтораста эти тысячъ. И увѣрилъ меня, увѣрилъ, все ко мнѣ ходитъ, каждый день: поддается, говоритъ. Радостью сіялъ. А тутъ вдругъ его и выгнали: Перхотинъ, Петръ Ильичъ, взялъ верхъ, молодецъ! То-есть такъ бы и расцѣловалъ эту дурищу за то, что его прогнала! Вотъ онъ какъ ходилъ-то ко мнѣ тогда и сочинилъ эти стишонки. „Въ первый разъ, говоритъ, руки мараю, стихи пишу, для обольщенія, значитъ, для полезнаго дѣла. Забравъ капиталъ у дурищи, гражданскую пользу потомъ принести могу". У нихъ вѣдь всякой мерзости гражданское оправданіе есть! „А все-таки, говоритъ, лучше твоего Пушкина написалъ, потому что и въ шутовской стишокъ сумѣлъ гражданскую скорбь всучить". Это что̀ про Пушкина-то—я понимаю. Что̀ же если въ самомъ дѣлѣ способный былъ человѣкъ, а только ножки описывалъ. Да вѣдь гордился-то стишонками какъ! Самолюбіе-то у нихъ, самолюбіе! „На выздоровленіе больной ножки моего предмета",—это онъ такое заглавіе придумалъ, — рѣзвый человѣкъ!

Ужъ какая жъ эта ножка,
Ножка, вспухшая немножко!
Доктора къ ней ѣздятъ, лѣчатъ
И бинтуютъ и калѣчатъ.

— —

Не по ножкамъ я тоскую,—
Пусть ихъ Пушкинъ воспѣваетъ:

По головкѣ я тоскую,
Что идей не понимаетъ.

——

Понимала ужъ немножко,
Да вотъ ножка помѣшала!
Пусть же вылѣчится ножка,
Чтобъ головка понимала.

Свинья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло! И дѣйствительно „гражданскую"-то всучилъ. А какъ разсердился, когда его выгнали. Скрежеталъ!

— Онъ ужъ отомстилъ, сказалъ Алеша.—Онъ про Хохлакову корреспонденцію написалъ.

И Алеша разсказалъ ему наскоро о корреспонденціи въ газетѣ *Слухи*.

— Это онъ, онъ! подтвердилъ Митя, нахмурившись,— это онъ! Эти корреспонденціи... я вѣдь знаю... то-есть сколько низостей было уже написано, про Грушу, напримѣръ!.. И про ту тоже, про Катю... Гм!

Онъ озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Братъ, мнѣ нельзя долго оставаться, сказалъ, помолчавъ, Алеша.—Завтра ужасный, великій день для тебя: Божій судъ надъ тобой совершится... и вотъ я удивляюсь, ходишь ты и вмѣсто дѣла говоришь Богъ знаетъ о чемъ...

— Нѣтъ, не удивляйся, горячо перебилъ Митя.—Что же мнѣ о смердящемъ этомъ псѣ говорить, что ли? Объ убійцѣ? Довольно мы съ тобой объ этомъ переговорили. Не хочу больше о смердящемъ, сынѣ Смердящей! Его Богъ убьетъ, вотъ увидишь, молчи!

Онъ въ волненіи подошелъ къ Алешѣ и вдругъ поцѣловалъ его. Глаза его загорѣлись.

— Рапитинъ этого не пойметъ, началъ онъ, весь какъ бы въ какомъ-то восторгѣ,—а ты, ты все поймешь. Оттого и жаждалъ тебя. Видишь, я давно хотѣлъ тебѣ многое здѣсь въ этихъ облѣзлыхъ стѣнахъ выразить, но молчалъ о главнѣйшемъ: время какъ будто все еще не приходило. Дождался теперь послѣдняго срока, чтобы тебѣ душу вылить. Братъ, я въ себѣ въ эти два послѣдніе мѣсяца новаго человѣка ощутилъ, воскресъ во мнѣ новый человѣкъ! Былъ заключенъ во мнѣ, но никогда бы не явился, если бы не этотъ громъ. Страшно! И что мнѣ въ томъ, что въ рудникахъ буду двадцать лѣтъ молоткомъ руду выколачивать,—не боюсь я этого вовсе, а другое мнѣ страшно теперь: чтобы не отошелъ отъ меня воскрес-

шій человѣкъ! Можно найти и тамъ, въ рудникахъ, подъ землею, рядомъ съ собой, въ такомъ же каторжномъ и убійцѣ человѣческое сердце, и сойтись съ нимъ, потому что и тамъ можно жить и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить въ этомъ каторжномъ человѣкѣ замерзшее сердце, можно ухаживать за нимъ годы и выбить, наконецъ, изъ вертепа на свѣтъ уже душу высокую, страдальческое сознаніе, возродить ангела, воскресить героя! А ихъ вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось „дитё“ въ такую минуту? „Отчего бѣдно дитё?“ Это пророчество мнѣ было въ ту минуту! За „дитё“ и пойду. Потому что всѣ за всѣхъ виноваты. За всѣхъ „дитё“, потому что есть малыя дѣти и большія дѣти. Всѣ—„дитё“. За всѣхъ и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всѣхъ пойти. Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойти. Принимаю! Мнѣ это здѣсь все пришло... вотъ въ этихъ облѣзлыхъ стѣнахъ. А ихъ вѣдь много, ихъ тамъ сотни, подземныхъ-то, съ молотками въ рукахъ. О, да, мы будемъ въ цѣпяхъ, и не будетъ воли, но тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой человѣку жить невозможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость, это его привилегія, великая... Господи, истай человѣкъ въ молитвѣ! Какъ я буду тамъ подъ землей безъ Бога? Вретъ Ракитинъ: если Бога съ земли изгонятъ, мы подъ землей его срѣтимъ! Каторжному безъ Бога быть невозможно, невозможнѣе даже, чѣмъ не каторжному? И тогда мы, подземные человѣки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у Котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость! Люблю Его!

Митя, произнося свою дикую рѣчь, почти задыхался. Онъ поблѣднѣлъ, губы его вздрагивали, и изъ глазъ катились слезы.

— Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею! началъ онъ опять.—Ты не повѣришь, Алексѣй, какъ я теперь жить хочу, какая жажда существовать и сознавать, именно въ этихъ облѣзлыхъ стѣнахъ, во мнѣ зародилась! Ракитинъ этого не понимаетъ, ему бы только домъ выстроить, да жильцовъ пустить, но я ждалъ тебя. Да и что̀ такое страданіе? Не боюсь его, хотя бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся. Знаешь, я, можетъ быть, не буду и отвѣчать на судѣ... И, кажется, столько во мнѣ этой силы теперь, что я все поборю, всѣ

страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь—но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце — это уже вся жизнь. Алеша, херувимъ ты мой, меня убиваютъ разныя философіи, чортъ ихъ дери! Братъ Иванъ...

— Что̀ братъ Иванъ? перебилъ было Алеша, но Митя не разслышалъ.

— Видишь, я прежде этихъ всѣхъ сомнѣній никакихъ не имѣлъ, но все во мнѣ это таилось. Именно, можетъ, оттого, что идеи бушевали во мнѣ неизвѣстныя, я и пьянствовалъ, и дрался, и бѣсился. Чтобъ утолить въ себѣ ихъ дрался, чтобъ ихъ усмирить, сдавить. Братъ Иванъ не Ракитинъ, онъ таитъ идею. Братъ Иванъ сфинксъ, и молчитъ, все молчитъ. А меня Богъ мучитъ. Одно только это и мучитъ. А что̀, какъ Его нѣтъ? Что̀, если правъ Ракитинъ, что это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда, если Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земли, мірозданія. Великолѣпно! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога-то? Вопросъ! Я все про это. Ибо кого же онъ будетъ тогда любить, человѣкъ-то? Кому благодаренъ-то будетъ, кому гимнъ-то воспоетъ? Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говоритъ, что можно любить человѣчество и безъ Бога. Ну, это сморчокъ сопливый можетъ только такъ утверждать, а я понять не могу. Легко жить Ракитину: „ты, говоритъ онъ мнѣ сегодня, о расширеніи гражданскихъ правъ человѣка хлопочи лучше, или хоть о томъ, чтобы цѣна на говядину не возвысилась; этимъ проще и ближе человѣчеству любовь окажешь, чѣмъ философіями“. Я ему на это и отмочилъ: „А ты, говорю, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну набьешь, коль подъ руку попадетъ, и наколотишь рубль на копейку“. Разсердился. Ибо что̀ такое добродѣтель? Отвѣчай ты мнѣ, Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у китайца другая — вещь, значитъ, относительная. Или нѣтъ? Или не относительная? Вопросъ коварный! Ты не засмѣешься, если скажу, что я двѣ ночи не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только тому, какъ люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. Суета! У Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ размѣрахъ. Но онъ молчитъ. Я думаю, онъ масонъ. Я его спрашивалъ—молчитъ. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить—молчитъ. Одинъ только разъ одно словечко сказалъ.

— Что̀ сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли такъ? Онъ нахмурился: „Ѳедоръ Павловичъ, говоритъ, папенька нашъ, былъ поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно“. Вотъ вѣдь что̀ отмочилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почище Ракитина.

— Да, горько подтвердилъ Алеша.— Когда онъ у тебя былъ?

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ не говорилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ до конца. Когда эта штука моя здѣсь окончится и скажутъ приговоръ, тогда тебѣ кое-что разскажу, все разскажу. Странное тутъ дѣло одно... А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не начинай объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтрашнемъ, о судѣ, а вѣришь ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Что̀ адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая шельма, столичная, Бернаръ! Только не вѣритъ мнѣ ни на сломанный грошъ. Вѣритъ, что я убилъ, вообрази себѣ,—ужъ я вижу. „Зачѣмъ же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня защищать пріѣхали?“ Наплевать на нихъ. Тоже доктора выписали, сумасшедшимъ хотятъ меня показать. Не позволю! Катерина Ивановна „свой долгъ“ до конца исполнить хочетъ. Съ натуги! (Митя горько усмѣхнулся). Кошка! Жестокое сердце! А вѣдь она знаетъ, что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ, что она: „великаго гнѣва“ женщина! Передали. Да, показанія умножились какъ песокъ морской! Григорій стоитъ на своемъ; Григорій честенъ, но дуракъ. Много людей честныхъ, благодаря тому, что дураки. Это — мысль Ракитина. Григорій мнѣ врагъ. Иного выгоднѣе имѣть въ числѣ враговъ, чѣмъ друзей. Говорю это про Катерину Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь, что она на судѣ разскажетъ про земной поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца отплатитъ, послѣдній кадрантъ. Не хочу ея жертвы! Устыдятъ они меня на судѣ! Какъ-то вытерплю. Сходи къ ней, Алеша, попроси ее, чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да, чортъ, все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. Подѣломъ вору мука. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять горько усмѣхнулся). Только... только Груша-то, Груша-то, Господи! Она-то за что̀ такую муку на себя теперь приметъ? воскликнулъ онъ вдругъ со слезами. —

Убиваетъ меня Груша, мысль о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня...

— Она мнѣ разсказывала. Она очень была сегодня тобою огорчена.

— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ. Отпуская, раскаялся, цѣловалъ ее. Прощенья не попросилъ.

— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.

Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.

— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощенія просить! У любимой особенно, особенно, какъ бы ни былъ ты предъ ней виноватъ! Потому женщина—это, братъ, чортъ знаетъ что̀ такое, ужъ въ нихъ-то я, по крайней мѣрѣ, знаю толкъ! Но попробуй предъ ней сознаться въ винѣ, „виноватъ, дескать, прости, извини“: тутъ-то и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за что̀ не проститъ прямо и просто, а унизитъ тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было, все возьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда ужъ только проститъ. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ! Послѣднія поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложитъ — такая, я тебѣ скажу, живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ до единой, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ невозможно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу: всякій порядочный человѣкъ долженъ быть подъ башмакомъ хоть у какой-нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе; не убѣжденіе, а чувство. Мужчина долженъ быть великодушенъ, и мужчину это не замараетъ. Героя даже не замараетъ, Цезаря не замараетъ! Ну, а прощенія все-таки не проси, никогда и ни за что̀. Помни правило: преподалъ тебѣ его братъ твой Митя, отъ женщинъ погибшій. Нѣтъ, ужъ я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ-нибудь заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю! Не видитъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И томитъ она меня, любовью томитъ. Что̀ прежде! Прежде меня только изгибы инфернальные томили, а теперь я всю ея душу въ свою душу принялъ и черезъ нее самъ человѣкомъ сталъ! Повѣнчаютъ ли насъ? А безъ того я умру отъ ревности. Такъ и снится что-нибудь каждый день... Что̀ она тебѣ обо мнѣ говорила?

Алеша повторилъ всѣ давешнія рѣчи Грушеньки. Митя выслушалъ подробно, многое переспросилъ, и остался доволенъ.

— Такъ не сердитя, что ревную? воскликнулъ онъ. — Прямо женщина! „У меня у самой жестокое сердце“. Ухъ, люблю такихъ жестокихъ-то, хотя и не терплю, когда меня ревнуютъ, не терплю! Драться будемъ. Но любить— любить ее буду безконечно. Повѣнчаютъ ли насъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Вопросъ. А безъ нея я жить не могу...

Митя нахмуренно прошелся по комнатѣ. Въ комнатѣ становилось почти темно. Онъ вдругъ сталъ страшно озабоченъ.

— Такъ секретъ, говоритъ, секретъ? У меня, дескать, втроемъ противъ нея заговоръ, и „Катька“, дескать, замѣшана? Нѣтъ, братъ, Грушенька, это не то. Ты тутъ маху дала, своего глупенькаго женскаго маху! Алеша, голубчикъ, эхъ, куда ни шло! Открою я тебѣ нашъ секретъ!

Онъ оглянулся во всѣ стороны, быстро вплоть подошелъ къ стоявшему предъ нимъ Алешѣ и зашепталъ ему съ таинственнымъ видомъ, хотя по-настоящему ихъ никто не могъ слышать: старикъ-сторожъ дремалъ въ углу на лавкѣ, а до караульныхъ солдатъ ни слова не долетало.

— Я тебѣ всю нашу тайну открою! зашепталъ, спѣша, Митя. — Хотѣлъ потомъ открыть, потому что безъ тебя развѣ могу на что рѣшиться? Ты у меня все. Я хоть и говорю, что Иванъ надъ нами высшій, но ты у меня херувимъ. Только твое рѣшеніе рѣшитъ. Можетъ ты-то и есть высшій человѣкъ, а не Иванъ. Видишь, тутъ дѣло совѣсти, дѣло высшей совѣсти,—тайна, столь важная, что я справиться самъ не смогу и все отложилъ до тебя. А все-таки теперь рано рѣшать, потому, надо ждать приговора: приговоръ выйдетъ, тогда ты и рѣшишь судьбу. Теперь не рѣшай; я тебѣ сейчасъ скажу, ты услышишь, но не рѣшай. Стой и молчи. Я тебѣ не все открою. Я тебѣ только идею скажу, безъ подробностей, а ты молчи. Ни вопроса, ни движенія, согласенъ? А, впрочемъ, Господи, куда я дѣну глаза твои? Боюсь, глаза твои скажутъ рѣшеніе, хотя бы ты и молчалъ. Ухъ, боюсь! Алеша, слушай: братъ Иванъ мнѣ предлагалъ *бѣжать*. Подробностей не говорю: все предупреждено, все можетъ устроиться. Молчи, не рѣшай. Въ Америку съ Грушей. Вѣдь я безъ Груши жить не могу! Ну, какъ ее ко мнѣ тамъ не пустятъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Братъ Иванъ говоритъ, что нѣтъ. А безъ Груши что я тамъ подъ землею

съ молоткомъ-то? Я себѣ только голову раздроблю этимъ молоткомъ! А съ другой стороны, совѣсть-то? Отъ страданія вѣдь убѣжалъ! Было указаніе — отвергъ указаніе, былъ путь очищенія—поворотилъ налѣво кругомъ. Иванъ говоритъ, что въ Америкѣ, „при добрыхъ наклонностяхъ", можно больше пользы принести, чѣмъ подъ землей. Ну, а гимнъ-то нашъ подземный гдѣ состоится? Америка что̀, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже, я думаю, много въ Америкѣ-то. Отъ распятья убѣжалъ! Потому вѣдь говорю тебѣ, Алексѣй, что ты одинъ понять это можешь, а больше никто, для другихъ это глупости, бредъ, вотъ все то, что̀ я тебѣ про гимнъ говорилъ. Скажутъ, съ ума сошелъ, аль дуракъ. А я не сошелъ съ ума, да и не дуракъ. Понимаетъ про гимнъ и Иванъ, ухъ, понимаетъ, только на это не отвѣчаетъ, молчитъ. Гимну не вѣритъ. Не говори, не говори: я вѣдь вижу, какъ ты смотришь. Ты ужъ рѣшилъ! Не рѣшай, пощади меня, я безъ Груши жить не могу, подожди до суда!

Митя кончилъ какъ изступленный. Онъ держалъ Алешу обѣими руками за плечи и такъ и впился въ его глаза своимъ жаждущимъ воспаленнымъ взглядомъ.

— Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? повторилъ онъ въ третій разъ, молящимъ голосомъ.

Алеша слушалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и глубоко былъ потрясенъ.

— Скажи мнѣ одно, проговорилъ онъ, — Иванъ очень настаиваетъ, и кто это выдумалъ первый?

— Онъ, онъ выдумалъ, онъ настаиваетъ! Онъ ко мнѣ все не ходилъ, и вдругъ пришелъ, недѣлю назадъ, и прямо съ этого началъ. Страшно настаиваетъ. Не проситъ, а велитъ. Въ послушаніи не сомнѣвается, хотя я ему все мое сердце, какъ тебѣ, вывернулъ и про гимнъ говорилъ. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ и устроитъ, всѣ свѣдѣнія собралъ, но это потомъ. До истерики хочетъ. Главное, деньги: десять тысячъ, говоритъ, тебѣ на побѣгъ, а двадцать тысячъ на Америку, а на десять тысячъ, говоритъ, мы великолѣпный побѣгъ устроимъ.

— И мнѣ отнюдь не велѣлъ передавать? переспросилъ снова Алеша.

— Отнюдь никому, а главное тебѣ: тебѣ ни за что̀! Боится вѣрно, что ты какъ совѣсть предо мной станешь. Не говори ему, что я тебѣ передалъ. Ухъ, не говори!

— Ты правъ, рѣшилъ Алеша, — рѣшить невозможно

раньше приговора суда. Послѣ суда самъ и рѣшишь; тогда самъ въ себѣ новаго человѣка найдешь, онъ и рѣшитъ.

— Новаго человѣка, аль Бернара, тотъ и рѣшитъ по-Бернаровски! Потому, кажется, я и самъ Бернаръ презрѣнный! горько осклабился Митя.

— Но неужели, неужели, братъ, ты такъ ужъ совсѣмъ не надѣешься оправдаться?

Митя судорожно вскинулъ вверхъ плечами и отрицательно покачалъ головой.

— Алеша, голубчикъ, тебѣ пора! вдругъ заспѣшилъ онъ.—Смотритель закричалъ на дворѣ, сейчасъ сюда будетъ. Намъ поздно, безпорядокъ. Обними меня поскорѣй, поцѣлуй, перекрести меня, голубчикъ, перекрести на завтрашній крестъ...

Они обнялись и поцѣловались.

— А Иванъ-то, проговорилъ вдругъ Митя,—бѣжать-то предложилъ, а самъ вѣдь вѣритъ, что я убилъ!

Грустная насмѣшка выдавилась на его губахъ.

— Ты спрашивалъ его: вѣритъ онъ или нѣтъ? спросилъ Алеша.

— Нѣтъ, не спрашивалъ. Хотѣлъ спросить, да не смогъ, силы не хватило. Да все равно я вѣдь по глазамъ вижу. Ну, прощай!

Еще разъ поцѣловались наскоро, и Алеша уже было вышелъ, какъ вдругъ Митя кликнулъ его опять:

— Становись предо мной, вотъ такъ.

И онъ опять крѣпко схватилъ Алешу обѣими руками за плечи. Лицо его стало вдругъ совсѣмъ блѣдно, такъ что почти въ темнотѣ это было страшно замѣтно. Губы перекосились, взглядъ впился въ Алешу.

— Алеша, говори мнѣ полную правду, какъ предъ Господомъ Богомъ: вѣришь ты, что я убилъ или не вѣришь? Ты-то, самъ-то ты вѣришь или нѣтъ? Полную правду, не лги! крикнулъ онъ ему изступленно.

Алешу какъ бы всего покачнуло, а въ сердцѣ его, онъ слышалъ это, какъ бы прошло что-то острое.

— Полно, что ты... пролепеталъ было онъ какъ потерянный.

— Всю правду, всю, не лги! повторилъ Митя.

— Ни единой минуты не вѣрилъ, что ты убійца! вдругъ вырвалось дрожащимъ голосомъ изъ груди Алеши, и онъ поднялъ правую руку вверхъ, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели своихъ словъ.

Блаженство озарило мгновенно все лицо Мити.

— Спасибо тебѣ! выговорилъ онъ протяжно, точно испуская вздохъ послѣ обморока.—Теперь ты меня возродилъ... Вѣришь ли: до сихъ поръ боялся спросить тебя, это тебя-то, тебя! Ну, иди, иди! Укрѣпилъ ты меня на завтра, благослови тебя Богъ! Ну, ступай, люби Ивана! вырвалось послѣднимъ словомъ у Мити.

Алеша вышелъ весь въ слезахъ. Такая степень мнительности Мити, такая степень недовѣрія его даже къ нему, къ Алешѣ—все это вдругъ раскрыло предъ Алешей такую бездну безвыходнаго горя и отчаянія въ душѣ его несчастнаго брата, какой онъ и не подозрѣвалъ прежде. Глубокое, безконечное состраданіе вдругъ охватило и измучило его мгновенно. Пронзенное сердце его страшно болѣло. „Люби Ивана!“ вспомнились ему вдругъ сейчашнія слова Мити. Да онъ и шелъ къ Ивану. Ему еще утромъ страшно надо было видѣть Ивана. Не менѣе какъ Митя его мучилъ Иванъ, а теперь, послѣ свиданія съ братомъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь.

V.

Не ты, не ты!

По дорогѣ къ Ивану пришлось ему проходить мимо дома, въ которомъ квартировала Катерина Ивановна. Въ окнахъ былъ свѣтъ. Онъ вдругъ остановился и рѣшилъ войти. Катерину Ивановну онъ не видалъ уже болѣе недѣли. Но ему теперь пришло на умъ, что Иванъ, можетъ быть, сейчасъ у ней, особенно наканунѣ такого дня. Позвонивъ и войдя на лѣстницу, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, онъ увидалъ спускавшагося сверху человѣка, въ которомъ, поровнявшись, узналъ брата. Тотъ, стало быть, выходилъ уже отъ Катерины Ивановны.

— Ахъ, это только ты, сказалъ сухо Иванъ Ѳедоровичъ.—Ну, прощай. Ты къ ней?

— Да.

— Не совѣтую, она „въ волненіи“, и ты еще пуще ее разстроишь.

— Нѣтъ, нѣтъ! прокричалъ вдругъ голосъ сверху изъ отворившейся мигомъ двери. — Алексѣй Ѳедоровичъ, вы отъ него?

— Да, я былъ у него.

— Мнѣ что-нибудь прислалъ сказать? Войдите, Алеша,

и вы, Иванъ Ѳедоровичъ, непремѣнно, непремѣнно воротитесь. Слы-ши-те!

Въ голосѣ Кати зазвучала такая повелительная нотка, что Иванъ Ѳедоровичъ, помедливъ одно мгновеніе, рѣшился, однакоже, подняться опять, вмѣстѣ съ Алешей.

— Подслушивала! раздражительно прошепталъ онъ про себя, но Алеша разслышалъ.

— Позвольте мнѣ остаться въ пальто, проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, вступая въ залу. — Я и не сяду. Я болѣе одной минуты не останусь.

— Садитесь, Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорила Катерина Ивановна, сама оставаясь стоя. Она измѣнилась мало за это время, но темные глаза ея сверкали зловѣщимъ огнемъ. Алеша помнилъ потомъ, что она показалась ему чрезвычайно хороша собой въ ту минуту.

— Что̀ жъ онъ велѣлъ передать?

— Только одно, сказалъ Алеша, прямо глядя ей въ лицо:—чтобы вы щадили себя и не показывали ничего на судѣ о томъ (онъ нѣсколько замялся)... что̀ было между вами... во время самаго перваго вашего знакомства... въ томъ городѣ...

— А, это про земной поклонъ за тѣ деньги! подхватила она, горько разсмѣявшись.—Что̀ жъ, онъ за себя или за меня боится—а? Онъ сказалъ, чтобъ я щадила—кого-же? Его иль себя? Говорите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша всматривался пристально, стараясь понять ее.

— И себя, и его, проговорилъ онъ тихо.

— То-то, какъ-то злобно отчеканила она и вдругъ покраснѣла.

— Вы не знаете еще меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, грозно сказала она, — да и я еще не знаю себя. Можетъ быть, вы захотите меня растоптать ногами послѣ завтрашняго допроса.

— Вы покажете честно, сказалъ Алеша,—только этого и надо.

— Женщина часто безчестна, проскрежетала она. — Я еще часъ тому думала, что мнѣ страшно дотронуться до этого изверга... какъ до гада... и вотъ нѣтъ, онъ все еще для меня человѣкъ! Да убилъ ли онъ? Онъ ли убилъ! воскликнула она вдругъ истерически, быстро обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу.

Алеша мигомъ понялъ, что этотъ самый вопросъ она уже задавала Ивану Ѳедоровичу, можетъ, всего за минуту

предъ его приходомъ, и не въ первый разъ, а въ сотый, и что кончили они ссорой.

— Я была у Смердякова... Это ты, ты убѣдилъ меня, что онъ отцеубійца. Я только тебѣ и повѣрила! продолжала она, все обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу.

Тотъ какъ бы съ натуги усмѣхнулся. Алеша вздрогнулъ, услышавъ это *ты*. Онъ и подозрѣвать не могъ такихъ отношеній.

— Ну, однако, довольно, отрѣзалъ Иванъ. — Я пойду. Приду завтра. И тотчасъ же, повернувшись, вышелъ изъ комнаты и прошелъ прямо на лѣстницу.

Катерина Ивановна вдругъ съ какимъ-то повелительнымъ жестомъ схватила Алешу за обѣ руки.

— Ступайте за нимъ! Догоните его! Не оставляйте его одного ни минуты, быстро зашептала она. — Онъ помѣшанный. Вы не знаете, что онъ помѣшался? У него горячка, нервная горячка! Мнѣ докторъ говорилъ, идите, бѣгите за нимъ...

Алеша вскочилъ и бросился за Иваномъ Ѳедоровичемъ. Тотъ не успѣлъ отойти и пятидесяти шаговъ.

— Чего тебѣ? вдругъ обернулся онъ къ Алешѣ, видя, что тотъ его догоняетъ: — велѣла тебѣ бѣжать за мною, потому что я сумасшедшій. Знаю наизусть, раздражительно прибавилъ онъ.

— Она, разумѣется, ошибается, но она права, что ты боленъ, сказалъ Алеша. — Я сейчасъ смотрѣлъ у ней на твое лицо; у тебя очень больное лицо, очень, Иванъ!

Иванъ шелъ не останавливаясь. Алеша за нимъ.

— А ты знаешь, Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ сходятъ съ ума? спросилъ Иванъ совсѣмъ вдругъ тихимъ, совсѣмъ уже не раздражительнымъ голосомъ, въ которомъ внезапно послышалось самое простодушное любопытство.

— Нѣтъ, не знаю; полагаю, что много разныхъ видовъ сумасшествія.

— А надъ самимъ собой можно наблюдать, что сходишь съ ума?

— Я думаю, нельзя ясно слѣдить за собой въ такомъ случаѣ, съ удивленіемъ отвѣчалъ Алеша.

Иванъ на полминутки примолкъ.

— Если ты хочешь со мной о чемъ говорить, то перемѣни, пожалуйста, тему, сказалъ онъ вдругъ.

— А вотъ, чтобы не забыть, къ тебѣ письмо, робко проговорилъ Алеша и, вынувъ изъ кармана, протянулъ

къ нему письмо Лизы. Они какъ разъ подошли къ фонарю. Иванъ тотчасъ же узналъ руку.

— А, это отъ того бѣсенка! разсмѣялся онъ злобно, и, не распечатавъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кусковъ и бросилъ на вѣтеръ. Клочья разлетѣлись.

— Шестнадцати лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и ужъ предлагается! презрительно проговорилъ онъ, опять зашагавъ по улицѣ.

— Какъ предлагается? воскликнулъ Алеша.

— Извѣстно, какъ развратныя женщины предлагаются.

— Что̀ ты, Иванъ, что̀ ты? горестно и горячо заступился Алеша.—Это ребенокъ, ты обижаешь ребенка! Она больна, она сама очень больна, она тоже, можетъ быть, съ ума сходитъ... Я не могъ тебѣ не передать ея письма... Я, напротивъ, отъ тебя хотѣлъ что̀ услышать... чтобы спасти ее.

— Нечего тебѣ отъ меня слышать. Коль она ребенокъ, то я ей не нянька. Молчи, Алексѣй. Не продолжай. Я объ этомъ даже не думаю.

Помолчали опять съ минуту.

— Она теперь всю ночь молить Божію Матерь будетъ, чтобъ указала ей, какъ завтра на судѣ поступить, рѣзко и злобно заговорилъ онъ вдругъ опять.

— Ты... ты объ Катеринѣ Ивановнѣ?

— Да. Спасительницей или губительницей Митеньки ей явиться! О томъ молить будетъ, чтобъ озарило ея душу. Сама еще, видите ли, не знаетъ, приготовиться не успѣла. Тоже меня за няньку принимаетъ, хочетъ чтобъ я ее убаюкалъ.

— Катерина Ивановна любитъ тебя, братъ, съ грустнымъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Можетъ быть. Только я до нея не охотникъ.

— Она страдаетъ. Зачѣмъ же ты ей говоришь... иногда... такія слова, что она надѣется? съ робкимъ упрекомъ продолжалъ Алеша. — Вѣдь я знаю, что ты ей подавалъ надежду, прости, что я такъ говорю, прибавилъ онъ.

— Не могу я тутъ поступить какъ надо, разорвать и ей прямо сказать! раздражительно произнесъ Иванъ.— Надо подождать, пока скажутъ приговоръ убійцѣ. Если я разорву съ ней теперь, она изъ мщенія ко мнѣ завтра же погубитъ этого негодяя на судѣ, потому что его ненавидитъ и знаетъ что ненавидитъ. Тутъ все ложь, ложь на лжи! Теперь же, пока я съ ней не разорвалъ, она

все еще надѣется и не станетъ губить этого изверга, зная, какъ я хочу вытащить его изъ бѣды. И когда только придетъ этотъ проклятый приговоръ!

Слова „убійца“ и „извергъ“ больно отозвались въ сердцѣ Алеши.

— Да чѣмъ такимъ она можетъ погубить брата? спросилъ онъ, вдумываясь въ слова Ивана.—Что̀ она можетъ показать такого, что̀ прямо могло бы сгубить Митю?

— Ты этого еще не знаешь. У нея въ рукахъ одинъ документъ есть, собственноручный, Митенькинъ, математически доказывающій, что онъ убилъ Ѳедора Павловича.

— Этого быть не можетъ! воскликнулъ Алеша.

— Какъ не можетъ? Я самъ читалъ.

— Такого документа быть не можетъ! съ жаромъ повторилъ Алеша. — Не можетъ быть, потому что убійца не онъ. Не онъ убилъ отца, не онъ!

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ остановился.

— Кто же убійца, по-вашему? какъ-то холодно, повидимому, спросилъ онъ, и какая-то даже высокомѣрная нотка прозвучала въ тонѣ вопроса.

— Ты самъ знаешь кто, тихо и проникновенно проговорилъ Алеша.

— Кто? Эта басня-то объ этомъ помѣшанномъ идіотѣ, эпилептикѣ? Объ Смердяковѣ?

Алеша вдругъ почувствовалъ, что весь дрожитъ.

— Ты самъ знаешь кто, безсильно вырвалось у него.

Онъ задыхался.

— Да кто, кто? уже почти свирѣпо вскричалъ Иванъ.

Вся сдержанность вдругъ исчезла.

— Я одно только знаю, все такъ же почти шопотомъ проговорилъ Алеша: — убилъ отца *не ты*.

— „Не ты!“ Что̀ такое не ты? остолбенѣлъ Иванъ.

— Не ты убилъ отца, не ты! твердо повторилъ Алеша.

Съ полминуты длилось молчаніе.

— Да я и самъ знаю, что не я, ты бредишь? блѣдно и искривленно усмѣхнувшись, проговорилъ Иванъ.

Онъ какъ бы впился глазами въ Алешу. Оба опять стояли у фонаря.

— Нѣтъ, Иванъ, ты самъ себѣ нѣсколько разъ говорилъ, что убійца ты.

— Когда я говорилъ? Я въ Москвѣ былъ... Когда я говорилъ? совсѣмъ потерянно пролепеталъ Иванъ.

— Ты говорилъ это себѣ много разъ, когда оставался

одинъ въ эти страшные два мѣсяца, попрежнему тихо и раздѣльно продолжалъ Алеша. Но говорилъ онъ уже какъ бы внѣ себя, какъ бы не своею волей, повинуясь какому-то непреодолимому велѣнію. — Ты обвинялъ себя и признавался себѣ, что убійца никто какъ ты. Но убилъ не ты, ты ошибаешься, не ты убійца, слышишь меня, не ты! Меня Богъ послалъ тебѣ это сказать.

Оба замолчали. Цѣлую длинную минуту протянулось это молчаніе. Оба стояли и все смотрѣли другъ другу въ глаза. Оба были блѣдны. Вдругъ Иванъ весь затрясся и крѣпко схватилъ Алешу за плечо.

— Ты былъ у меня! скрежущимъ шопотомъ проговорилъ онъ. — Ты былъ у меня ночью, когда онъ приходилъ... Признавайся... ты его видѣлъ, видѣлъ?

— Про кого ты говоришь... про Митю? въ недоумѣніи спросилъ Алеша.

— Не про него, къ чорту изверга! изступленно завопилъ Иванъ.—Развѣ ты знаешь, что онъ ко мнѣ ходитъ? Какъ ты узналъ, говори!

— Кто *онъ*? Я не знаю, про кого ты говоришь, пролепеталъ Алеша уже въ испугѣ.

— Нѣтъ, ты знаешь... иначе какъ же бы ты... не можетъ быть, чтобы ты не зналъ...

Но вдругъ онъ какъ бы сдержалъ себя. Онъ стоялъ и какъ бы что-то обдумывалъ. Странная усмѣшка кривила его губы.

— Братъ, дрожащимъ голосомъ началъ опять Алеша,— я сказалъ тебѣ это потому, что ты моему слову повѣришь, я знаю это. Я тебѣ на всю жизнь это слово сказалъ: *не ты*! Слышишь, на всю жизнь. И это Богъ положилъ мнѣ на душу тебѣ это сказать, хотя бы ты съ сего часа навсегда возненавидѣлъ меня...

Но Иванъ Ѳедоровичъ, повидимому, совсѣмъ уже успѣлъ овладѣть собой.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорилъ онъ съ холодною усмѣшкой, — я пророковъ и эпилептиковъ не терплю; посланниковъ Божіихъ особенно, вы это слишкомъ знаете. Съ сей минуты я съ вами разрываю и, кажется, навсегда. Прошу сей же часъ, на этомъ же перекресткѣ, меня оставить. Да вамъ и въ квартиру по этому проулку дорога. Особенно поберегитесь заходить ко мнѣ сегодня! Слышите?

Онъ повернулся и, твердо шагая, пошелъ прямо, не оборачиваясь.

— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша,—если что-нибудь сегодня съ тобой случится, подумай прежде всего обо мнѣ!..

Но Иванъ не отвѣтилъ. Алеша стоялъ на перекресткѣ у фонаря, пока Иванъ не скрылся совсѣмъ во мракѣ. Тогда онъ повернулся и медленно направился къ себѣ по переулку. И онъ, и Иванъ Ѳедоровичъ квартировали особо, на разныхъ квартирахъ: ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ жить въ опустѣвшемъ домѣ Ѳедора Павловича. Алеша нанималъ меблированную комнату въ семействѣ однихъ мѣщанъ; Иванъ же Ѳедоровичъ жилъ довольно отъ него далеко и занималъ просторное и довольно комфортное помѣщеніе во флигелѣ одного хорошаго дома, принадлежавшаго одной небѣдной вдовѣ-чиновницѣ. Но прислуживала ему въ цѣломъ флигелѣ всего только одна древняя, совсѣмъ глухая старушонка, вся въ ревматизмахъ, ложившаяся въ шесть часовъ вечера и встававшая въ шесть часовъ утра. Иванъ Ѳедоровичъ сталъ до странности въ эти два мѣсяца нетребователенъ и очень любилъ оставаться одинъ. Даже комнату, которую занималъ, онъ самъ убиралъ, а въ остальныя комнаты своего помѣщенія даже и заходилъ рѣдко. Дойдя до воротъ своего дома и уже взявшись за ручку звонка, онъ остановился. Онъ почувствовалъ, что весь еще дрожитъ злобною дрожью. Вдругъ онъ бросилъ звонокъ, плюнулъ, повернулъ назадъ и быстро пошелъ опять совсѣмъ на другой, противоположный конецъ города, версты за двѣ отъ своей квартиры, въ одинъ крошечный, скосившійся бревенчатый домикъ, въ которомъ квартировала Марья Кондратьевна, бывшая сосѣдка Ѳедора Павловича, приходившая къ Ѳедору Павловичу на кухню за супомъ и которой Смердяковъ пѣлъ тогда свои пѣсни и игралъ на гитарѣ. Прежній домикъ свой она продала и теперь проживала съ матерью почти въ избѣ, а больной, почти умирающій Смердяковъ, съ самой смерти Ѳедора Павловича поселился у нихъ. Вотъ къ нему-то и направился теперь Иванъ Ѳедоровичъ, влекомый однимъ внезапнымъ и непобѣдимымъ соображеніемъ.

VI.

Первое свиданіе со Смердяковымъ.

Это уже въ третій разъ шелъ Иванъ Ѳедоровичъ говорить со Смердяковымъ по возвращеніи своемъ изъ Мо-

сквы. Въ первый разъ послѣ катастрофы онъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ сейчасъ же въ первый день своего пріѣзда, затѣмъ посѣтилъ его еще разъ, двѣ недѣли спустя. Но послѣ этого второго раза свиданія свои со Смердяковымъ прекратилъ, такъ что теперь слишкомъ мѣсяцъ, какъ онъ уже не видалъ его и почти ничего не слыхалъ о немъ. Воротился же тогда Иванъ Ѳедоровичъ изъ Москвы уже на пятый только день послѣ смерти родителя, такъ что не засталъ и гроба его: погребеніе совершилось какъ разъ наканунѣ его пріѣзда. Причина замедленія Ивана Ѳедоровича заключалась въ томъ, что Алеша, не зная въ точности его московскаго адреса, прибѣгнулъ, для посылки телеграммы, къ Катеринѣ Ивановнѣ, а та, тоже въ невѣдѣніи настоящаго адреса, телеграфировала къ своей сестрѣ и теткѣ, разсчитывая, что Иванъ Ѳедоровичъ сейчасъ же по прибытіи въ Москву къ нимъ зайдетъ. Но онъ къ нимъ зашелъ лишь на четвертый день по пріѣздѣ и, прочтя телеграмму, тотчасъ же, конечно, сломя голову, полетѣлъ къ намъ. У насъ перваго встрѣтилъ Алешу, но, переговоривъ съ нимъ, былъ очень изумленъ, что тотъ даже и подозрѣвать не хочетъ Митю, а прямо указываетъ на Смердякова, какъ на убійцу, что̀ было въ разрѣзъ всѣмъ другимъ мнѣніямъ въ нашемъ городѣ. Повидавъ затѣмъ исправника, прокурора, узнавъ подробности обвиненія и ареста, онъ еще болѣе удивился на Алешу и приписалъ его мнѣніе лишь возбужденному до послѣдней степени братскому чувству и состраданію къ Митѣ, котораго Алеша, какъ и зналъ это Иванъ, очень любилъ. Кстати, промолвимъ лишь два слова разъ навсегда о чувствахъ Ивана къ брату Дмитрію Ѳедоровичу: онъ его рѣшительно не любилъ и много-много что чувствовалъ къ нему иногда состраданіе, но и то смѣшанное съ большимъ презрѣніемъ, доходившимъ до гадливости. Митя весь, даже всею своею фигурою, былъ ему крайне несимпатиченъ. На любовь къ нему Катерины Ивановны Иванъ смотрѣлъ съ негодованіемъ. Съ подсудимымъ Митей онъ, однакоже, увидѣлся тоже въ первый день своего прибытія, и это свиданіе не только не ослабило въ немъ убѣжденія въ его виновности, а даже усилило его. Брата онъ нашелъ тогда въ безпокойствѣ, въ болѣзненномъ волненіи. Митя былъ многорѣчивъ, но разсѣянъ и раскидчивъ, говорилъ очень рѣзко, обвинялъ Смердякова и страшно пугался. Болѣе всего говорилъ про

тѣ же три тысячи, которыя „укралъ“ у него покойникъ. „Деньги мои, онѣ были мои, твердилъ Митя; если бъ я даже укралъ ихъ, то былъ бы правъ“. Всѣ улики, стоявшія противъ него, почти не оспаривалъ, и если толковалъ факты въ свою пользу, то опять-таки сбивчиво и нелѣпо, — вообще какъ будто даже и не желая оправдываться вовсе предъ Иваномъ или кѣмъ-нибудь, напротивъ, сердился, гордо пренебрегалъ обвиненіями, бранился и кипятился. Надъ свидѣтельствомъ Григорія объ отворенной двери лишь презрительно смѣялся и увѣрялъ, что это „чортъ отворилъ“. Но никакихъ связныхъ объясненій этому факту не могъ представить. Онъ даже успѣлъ оскорбить въ это первое свиданіе Ивана Ѳедоровича, рѣзко сказавъ ему, что не тѣмъ его подозрѣвать и допрашивать, которые сами утверждаютъ, что „все позволено“. Вообще на этотъ разъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ очень недружелюбенъ. Сейчасъ послѣ этого свиданія съ Митей, Иванъ Ѳедоровичъ и направился тогда къ Смердякову.

Еще въ вагонѣ, летя изъ Москвы, онъ все думалъ про Смердякова и про послѣдній свой разговоръ съ нимъ вечеромъ наканунѣ отъѣзда. Многое смущало его, многое казалось подозрительнымъ. Но давая свои показанія судебному слѣдователю, Иванъ Ѳедоровичъ до времени умолчалъ о томъ разговорѣ. Все отложилъ до свиданія со Смердяковымъ. Тотъ находился тогда въ городской больницѣ. Докторъ Герценштубе и встрѣтившійся Ивану Ѳедоровичу въ больницѣ врачъ Варвинскій на настойчивые вопросы Ивана Ѳедоровича твердо отвѣчали, что падучая болѣзнь Смердякова несомнѣнна, и даже удивились вопросу: „Не притворялся ли онъ въ день катастрофы?“ Они дали ему понять, что припадокъ этотъ былъ даже необыкновенный, продолжался и повторялся нѣсколько дней, такъ что жизнь паціента была въ рѣшительной опасности, и что только теперь, послѣ принятыхъ мѣръ, можно уже сказать утвердительно, что больной останется въ живыхъ, хотя очень возможно (прибавилъ докторъ Герценштубе), что разсудокъ его останется отчасти разстроенъ, „если не на всю жизнь, то на довольно продолжительное время“. На нетерпѣливый спросъ Ивана Ѳедоровича, что, „стало-быть, онъ теперь сумасшедшій?“ ему отвѣтили, что „этого въ полномъ смыслѣ еще нѣтъ, но что замѣчаются нѣкоторыя ненормальности“. Иванъ

Ѳедоровичъ положилъ самъ узнать, какія это ненормальности. Въ больницѣ его тотчасъ же допустили къ свиданію. Смердяковъ находился въ отдѣльномъ помѣщеніи и лежалъ на койкѣ. Тутъ же подлѣ него была еще койка, которую занималъ одинъ разслабленный городской мѣщанинъ, весь распухшій отъ водяной, видимо готовый завтра или послѣ-завтра умереть; разговору онъ помѣшать не могъ. Смердяковъ осклабился недовѣрчиво, завидѣвъ Ивана Ѳедоровича, и въ первое мгновеніе какъ будто даже сробѣлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мелькнуло у Ивана Ѳедоровича. Но это было лишь мгновеніе, напротивъ, во все остальное время Смердяковъ почти поразилъ его своимъ спокойствіемъ. Съ самаго перваго взгляда на него Иванъ Ѳедоровичъ несомнѣнно убѣдился въ полномъ и чрезвычайномъ болѣзненномъ его состояніи: онъ былъ очень слабъ, говорилъ медленно и какъ бы съ трудомъ ворочая языкомъ; очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Во всѣ минуты двадцать свиданія жаловался на головную боль и на ломъ во всѣхъ членахъ. Скопческое, сухое лицо его стало какъ будто такимъ маленькимъ, височки были всклочены, вмѣсто хохолка торчала вверхъ одна только тоненькая прядка волосиковъ. Но прищуренный и какъ бы на что-то намекающій лѣвый глазокъ выдавалъ прежняго Смердякова. „Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно“, тотчасъ же вспомнилось Ивану Ѳедоровичу. Онъ усѣлся у него въ ногахъ на табуретѣ. Смердяковъ со страданіемъ пошевельнулся всѣмъ тѣломъ на постели, но не заговорилъ первый, молчалъ, да и глядѣлъ уже какъ бы не очень любопытно.

— Можешь со мной говорить? спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — очень не утомлю.

— Очень могу-съ, промямлилъ Смердяковъ слабымъ голосомъ. — Давно пріѣхать изволили? прибавилъ онъ снисходительно, какъ бы поощряя сконфузившагося посѣтителя.

— Да вотъ только сегодня... Кашу вашу здѣшнюю расхлебывать.

Смердяковъ вздохнулъ.

— Чего вздыхаешь, вѣдь ты зналъ? прямо брякнулъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Смердяковъ солидно помолчалъ.

— Какъ же это было не знать-съ? Напередъ ясно было. Только какъ же было и знать-съ, что такъ поведутъ?

— Что̀ поведутъ? Ты не виляй! Вѣдь вотъ ты же предсказалъ, что съ тобой падучая будетъ тотчасъ, какъ въ погребъ полѣзешь? Прямо такъ на погребъ и указалъ.

— Вы это уже въ допросѣ показали? спокойно полюбопытствовалъ Смердяковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ разсердился.

— Нѣтъ, еще не показалъ, но покажу непремѣнно. Ты мнѣ, братъ, многое разъяснить сейчасъ долженъ, и знай, голубчикъ, что я съ собою играть не позволю!

— А зачѣмъ бы мнѣ такая игра-съ, когда на васъ все мое упованіе, единственно какъ на Господа Бога-съ! проговорилъ Смердяковъ, все такъ же совсѣмъ спокойно и только на минутку закрывъ глазки.

— Во-первыхъ, приступилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — я знаю, что падучую нельзя напередъ предсказать. Я справлялся, ты не виляй. День и часъ нельзя предсказать. Какъ же ты мнѣ тогда предсказалъ и день, и часъ, да еще и съ погребомъ? Какъ ты могъ напередъ узнать, что провалишься именно въ этотъ погребъ въ припадкѣ, если не притворился въ падучей нарочно?

— Въ погребъ надлежало и безъ того идти-съ, въ день по нѣскольку даже разъ-съ, не спѣша протянулъ Смердяковъ.—Такъ точно годъ тому назадъ я съ чердака полетѣлъ-съ. Безпремѣнно такъ, что падучую нельзя предсказать впередъ днемъ и часомъ, но предчувствіе всегда можно имѣть.

— А ты предсказалъ день и часъ!

— Насчетъ моей болѣзни падучей-съ освѣдомьтесь всего лучше, сударь, у докторовъ здѣшнихъ: истинная ли была со мной, али не истинная, а мнѣ и говорить вамъ больше на сей предметъ нечего.

— А погребъ? Погребъ-то какъ ты предузналъ?

— Дался вамъ этотъ самый погребъ! Я тогда какъ въ этотъ погребъ полѣзъ, то въ страхѣ былъ и въ сумлѣніи; потому больше въ страхѣ, что былъ васъ лишившись и ни отъ кого уже защиты не жалъ въ цѣломъ мірѣ. Лѣзу я тогда въ этотъ самый погребъ и думаю: „вотъ сейчасъ придетъ, вотъ она ударитъ, провалюсь, али нѣтъ?“ и отъ самаго этого сумлѣнія вдругъ схватила меня въ горлѣ эта самая неминучая спазма-съ... ну, и полетѣлъ. Все это самое и весь разговоръ нашъ предыдущій съ вами-съ, наканунѣ того дня вечеромъ у воротъ-съ, какъ я вамъ тогда мой страхъ сообщилъ, и про погребъ-съ—все это я въ

подробности открылъ господину доктору Герценштубе и слѣдователю Николаю Парѳеновичу, и все они въ протоколъ записали-съ. А здѣшній докторъ, господинъ Варвинскій, такъ предъ всѣми ими особо настаивали, что такъ именно отъ думы оно и произошло, отъ самой, то-есть, той мнительности, „что вотъ, дескать, упаду аль не упаду?“ А она тутъ и подхватила. Такъ и записали-съ, что безпремѣнно этому такъ и надо было произойти, отъ единаго, то-есть, моего страху-съ.

Проговоривъ это, Смердяковъ, какъ бы измученный утомленіемъ, глубоко перевелъ дыханіе.

— Такъ ты ужъ это объявлялъ въ показаніи? спросилъ нѣсколько опѣшенный Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ именно хотѣлъ было пугнуть его тѣмъ, что объявитъ про ихъ тогдашній разговоръ, а оказалось, что тотъ ужъ и самъ объявилъ.

— Чего мнѣ бояться? Пускай всю правду истинную запишутъ, твердо произнесъ Смердяковъ.

— И про нашъ разговоръ съ тобой у воротъ все до слова разсказалъ?

— Нѣтъ, не то чтобы все до слова-съ.

— А что представляться въ падучей умѣешь, какъ хвастался мнѣ тогда, тоже сказалъ?

— Нѣтъ, этого тоже не сказалъ-съ.

— Скажи ты мнѣ теперь, для чего ты меня тогда въ Чермашню посылалъ?

— Боялся, что въ Москву уѣдете, въ Чермашню все же ближе-съ.

— Врешь, ты самъ приглашалъ меня уѣхать: уѣзжайте, говорилъ, отъ грѣха долой!

— Это я тогда по единому къ вамъ дружеству и по сердечной моей преданности, предчувствуя въ домѣ бѣду-съ, васъ жалѣючи. Только себя больше вашего сожалѣлъ-съ. Потому и говорилъ: уѣжайте отъ грѣха, чтобы вы поняли, что дома худо будетъ и остались бы родителя защитить.

— Такъ ты бы прямѣе сказалъ, дуракъ! вспыхнулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какъ же бы я могъ тогда прямѣе сказать-съ? Одинъ лишь страхъ во мнѣ говорилъ-съ, да и вы могли осердиться. Я, конечно, опасаться могъ, чтобы Дмитрій Ѳедоровичъ не сдѣлали какого скандалу, и самыя эти деньги не унесли, такъ какъ ихъ все равно, что за свои почи-

тали, а вотъ кто же зналъ, что такимъ убивствомъ кончится? Думалъ, они просто только похитятъ эти три тысячи рублей, что у барина подъ тюфякомъ лежали-съ, въ пакетѣ-съ, а они вотъ убили-съ. Гдѣ же и вамъ угадать было, сударь?

— Такъ если самъ говоришь, что нельзя было угадать, какъ же я могъ догадаться и остаться? Что ты путаешь? вдумываясь проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— А потому и могли догадаться, что я васъ въ Чермашню направляю вмѣсто этой Москвы-съ.

— Да какъ тутъ догадаться!

Смердяковъ казался очень утомленнымъ и опять помолчалъ съ минуту.

— Тѣмъ самымъ-съ догадаться могли-съ, что коли я васъ отъ Москвы въ Чермашню отклоняю, то, значитъ, присутствія вашего здѣсь желаю ближайшаго, потому что Москва далеко, а Дмитрій Ѳедоровичъ, знамши, что вы недалеко, не столь ободрены будутъ. Да и меня могли въ большей скорости, въ случаѣ чего, пріѣхать и защитить, ибо самъ я вамъ на болѣзнь Григорія Васильича къ тому же указывалъ, да и то, что падучей боюсь. А объяснивъ вамъ про эти стуки, по которымъ къ покойному можно было войти, и что они Дмитрію Ѳедоровичу черезъ меня всѣ извѣстны, думалъ, что вы уже сами тогда догадаетесь, что они что-нибудь непремѣнно совершатъ, и не то что въ Чермашню, а и вовсе останетесь.

„Онъ очень связно говоритъ, подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ, хоть и мямлитъ; про какое же Герценштубе говорилъ разстройство способностей?“

— Хитришь ты со мной, чортъ тебя дери! воскликнулъ онъ, осердившись.

— А я, признаться, тогда подумалъ, что вы ужъ совсѣмъ догадались, съ самымъ простодушнымъ видомъ отпарировалъ Смердяковъ.

— Кабы догадался, такъ остался бы! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, опять вспыхнувъ.

— Ну-съ, а я-то думалъ, что вы обо всемъ догадамшись скорѣе какъ можно уѣзжаете лишь отъ грѣха одного, чтобы только убѣжать куда-нибудь, себя спасая отъ страху-съ.

— Ты думалъ, что всѣ такіе же трусы, какъ ты?

— Простите-съ, подумалъ, что и вы, какъ и я.

— Конечно, надо было догадаться, волновался Иванъ,—

да я и догадывался объ чемъ-нибудь мерзкомъ съ твоей стороны... Только ты врешь, опять врешь, вскричалъ онъ, вдругъ припомнивъ.—Помнишь, какъ ты къ тарантасу тогда подошелъ и мнѣ сказалъ: „съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно“. Значитъ, радъ былъ, что я уѣзжаю, коль похвалилъ?

Смердяковъ еще и еще разъ вздохнулъ. Въ лицѣ его какъ бы показалась краска.

— Если былъ радъ, произнесъ онъ нѣсколько задыхаясь,—то тому единственно, что не въ Москву, а въ Германию согласились. Потому все же ближе; а только я вамъ тѣ самыя слова не въ похвалу тогда произнесъ, а въ попрекъ-съ. Не разобрали вы этого-съ.

— Въ какой попрекъ?

— А то, что, предчувствуя такую бѣду, собственнаго родителя оставляете-съ и насъ защитить не хотите, потому что меня за эти три тысячи всегда могли притянуть, что я ихъ укралъ-съ.

— Чортъ тебя дери! опять обругался Иванъ.—Стой: ты про знаки, про стуки эти, слѣдователю и прокурору объявилъ?

— Все какъ есть объявилъ-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ опять про себя удивился.

— Если я подумалъ тогда объ чемъ, началъ онъ опять,—то это про мерзость какую-нибудь единственно съ твоей стороны. Дмитрій могъ убить, но что онъ украдетъ—я тогда не вѣрилъ... А съ твоей стороны всякой мерзости ждалъ. Самъ же ты мнѣ сказалъ, что притворяться въ падучей умѣешь, для чего ты это сказалъ?

— По единому моему простодушію. Да и никогда я въ жизни не представлялся въ падучей нарочно, а такъ только, чтобъ похвалиться предъ вами, сказалъ. Одна глупость-съ. Полюбилъ я васъ тогда очень и былъ съ вами по всей простотѣ.

— Братъ прямо тебя обвиняетъ, что ты убилъ и что ты укралъ.

— Да имъ что же больше остается? горько осклабился Смердяковъ,—и кто же имъ повѣритъ послѣ всѣхъ тѣхъ уликъ? Дверь-то Григорій Васильевичъ отпертую видѣли-съ, послѣ этого какъ же-съ. Да что ужъ, Богъ съ ними! Себя спасая дрожатъ...

Онъ тихо помолчалъ и вдругъ, какъ бы сообразивъ, прибавилъ:

— Вѣдь вотъ-съ, опять это самое: они на меня свалить желаютъ, что это моихъ рукъ дѣло-съ,—это я уже слышалъ-съ,—а вотъ хоть бы это самое, что я въ падучей представляться мастеръ: ну сказалъ ли бы я вамъ напередъ, что представляться умѣю, если бъ у меня въ самомъ дѣлѣ какой замыселъ тогда былъ на родителя вашего? Коль такое убивство ужъ я замыслилъ, то можно ли быть столь дуракомъ, чтобы впередъ на себя такую улику сказать, да еще сыну родному, помилуйте-съ?! Похоже это на вѣроятіе? Это, чтобъ это могло быть-съ, такъ, напротивъ, совсѣмъ никогда-съ. Вотъ теперь этого нашего съ вами разговору никто не слышитъ, кромѣ самого этого Провидѣнія-съ, а если бы вы сообщили прокурору и Николаю Парѳеновичу, такъ тѣмъ самымъ могли бы меня въ конецъ защитить-съ: ибо что̀ за злодѣй за такой, коли заранѣе столь простодушенъ? Все это разсудить очень могутъ.

— Слушай, всталъ съ мѣста Иванъ Ѳедоровичъ, пораженный послѣднимъ доводомъ Смердякова и прерывая разговоръ,—я тебя вовсе не подозрѣваю и даже считаю смѣшнымъ обвинять... напротивъ, благодаренъ тебѣ, что ты меня успокоилъ. Теперь иду, но опять зайду. Пока прощай, выздоравливай. Не нуждаешься ли въ чемъ?

— Во всемъ благодаренъ-съ. Марѳа Игнатьевна не забываетъ меня-съ и во всемъ способствуетъ, коли что̀ мнѣ надо, по прежней своей добротѣ. Ежедневно навѣщаютъ добрые люди.

— До свиданія. Я, впрочемъ, про то, что ты притвориться умѣешь, не скажу... да и тебѣ совѣтую не показывать, проговорилъ вдругъ почему-то Иванъ.

— Очень понимаю-съ. А коли вы этого не покажете, то и я-съ всего нашего съ вами разговору тогда у воротъ не объявлю...

Тутъ случилось такъ, что Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ вышелъ и, только пройдя уже шаговъ десять по коридору, вдругъ почувствовалъ, что въ послѣдней фразѣ Смердякова заключался какой-то обидный смыслъ. Онъ хотѣлъ было уже вернуться, но это только мелькнуло, и проговоривъ: „глупости!“ — онъ поскорѣе пошелъ изъ больницы. Главное, онъ чувствовалъ, что дѣйствительно былъ успокоенъ, и именно тѣмъ обстоятельствомъ, что виновенъ не Смердяковъ, а братъ его Митя, хотя, казалось бы, должно было выйти напротивъ. Почему такъ

было—онъ не хотѣлъ тогда разбирать, даже чувствовалъ отвращеніе копаться въ своихъ ощущеніяхъ. Ему поскорѣе хотѣлось какъ бы что-то забыть. Затѣмъ, въ слѣдующіе нѣсколько дней, онъ уже совсѣмъ убѣдился въ виновности Мити, когда ближе и основательнѣе ознакомился со всѣми удручавшими того уликами. Были показанія самыхъ ничтожныхъ людей, но почти потрясающія, напримѣръ, Ѳени и ея матери. Про Перхотина, про трактиръ, про лавку Плотниковыхъ, про свидѣтелей въ Мокромъ и говорить было нечего. Главное, удручали подробности. Извѣстіе о тайныхъ „стукахъ" поразило слѣдователя и прокурора почти въ той же степени, какъ и показаніе Григорія объ отворенной двери. Жена Григорія, Марѳа Игнатьевна, на спросъ Ивана Ѳедоровича, прямо заявила ему, что Смердяковъ всю ночь лежалъ у нихъ за перегородкой, „трехъ шаговъ отъ нашей постели не было", и что хоть и спала она сама крѣпко, но много разъ пробуждалась, слыша, какъ онъ тутъ стонетъ: „все время стоналъ, безпрерывно стоналъ". Поговоривъ съ Герценштубе и сообщивъ ему свое мнѣніе о томъ, что Смердяковъ вовсе не кажется ему помѣшаннымъ, а только слабымъ, онъ только вызвалъ у старика тоненькую улыбочку. „А вы знаете, чѣмъ онъ теперь особенно занимается?" спросилъ онъ Ивана Ѳедоровича,—„французскія вокабулы наизусть учитъ; у него подъ подушкой тетрадка лежитъ и французскія слова русскими буквами кѣмъ-то записаны, хе-хе-хе!" Иванъ Ѳедоровичъ оставилъ, наконецъ, всѣ сомнѣнія. О братѣ Дмитріи онъ уже и подумать не могъ безъ омерзѣнія. Одно было все-таки странно: что Алеша упорно продолжалъ стоять на томъ, что убилъ не Дмитрій, а „по всей вѣроятности" Смердяковъ. Иванъ всегда чувствовалъ, что мнѣніе Алеши для него высоко, а потому теперь очень недоумѣвалъ на него. Странно было и то, что Алеша не искалъ съ нимъ разговоровъ о Митѣ и самъ не начиналъ никогда, а лишь отвѣчалъ на вопросы Ивана. Это тоже сильно замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ. Впрочемъ, въ то время онъ очень былъ развлеченъ однимъ совсѣмъ постороннимъ обстоятельствомъ: пріѣхавъ изъ Москвы, онъ въ первые же дни весь и безповоротно отдался пламенной и безумной страсти своей къ Катеринѣ Ивановнѣ. Здѣсь не мѣсто начинать объ этой новой страсти Ивана Ѳедоровича, отразившейся потомъ на всей его жизни: это все могло бы послужить

канвой уже иного разсказа, другого романа, который и не знаю, предприму ли я еще когда-нибудь. Но все же не могу умолчать и теперь о томъ, что когда Иванъ Ѳедоровичъ, идя, какъ уже описалъ я, ночью съ Алешей отъ Катерины Ивановны, сказалъ ему: „я-то до нея не охотникъ",—то страшно лгалъ въ ту минуту: онъ безумно любилъ ее, хотя правда и то, что временами ненавидѣлъ ее до того, что могъ даже убить. Тутъ сходилось много причинъ: вся потрясенная событіемъ съ Митей, она бросилась къ возвратившемуся къ ней опять Ивану Ѳедоровичу какъ бы къ какому своему спасителю. Она была обижена, оскорблена, унижена въ своихъ чувствахъ. И вотъ явился опять человѣкъ, который ее прежде такъ любилъ,—о, она слишкомъ это знала,—и котораго умъ и сердце она всегда ставила столь высоко надъ собой. Но строгая дѣвушка не отдала себя въ жертву всю, несмотря на весь Карамазовскій безудержъ желаній своего возлюбленнаго и на все обаяніе его на нее. Въ то же время мучилась безпрерывно раскаяніемъ, что измѣнила Митѣ, и въ грозныя ссорныя минуты съ Иваномъ (а ихъ было много) прямо высказывала это ему. Это-то и называлъ онъ, говоря съ Алешей, „ложью на лжи". Тутъ, конечно, было и въ самомъ дѣлѣ много лжи, и это всего болѣе раздражало Ивана Ѳедоровича... но все это потомъ. Словомъ, онъ на время почти забылъ о Смердяковѣ. И, однако, двѣ недѣли спустя послѣ перваго къ нему посѣщенія, начали его опять мучить всѣ тѣ же странныя мысли, какъ и прежде. Довольно сказать, что онъ безпрерывно сталъ себя спрашивать: для чего онъ тогда, въ послѣднюю свою ночь, въ домѣ Ѳедора Павловича, предъ отъѣздомъ своимъ, сходилъ тихонько, какъ воръ, на лѣстницу и прислушивался, что дѣлаетъ внизу отецъ? Почему съ отвращеніемъ вспомнилъ это потомъ, почему на другой день утромъ въ дорогѣ такъ вдругъ затосковалъ, а, въѣзжая въ Москву, сказалъ себѣ: „я подлецъ!" И вотъ теперь ему однажды подумалось, что изъ-за всѣхъ этихъ мучительныхъ мыслей онъ, пожалуй, готовъ забыть даже и Катерину Ивановну, до того онѣ сильно имъ вдругъ опять овладѣли! Какъ разъ, подумавъ это, онъ встрѣтилъ Алешу на улицѣ. Онъ тотчасъ остановилъ его и вдругъ задалъ ему вопросъ:

— Помнишь ты, когда послѣ обѣда Дмитрій ворвался въ домъ и избилъ отца, и я потомъ сказалъ тебѣ на

дворѣ, что „право желаній“ оставляю за собой,—скажи, подумалъ ты тогда, что я желаю смерти отца или нѣтъ?

— Подумалъ, тихо отвѣтилъ Алеша.

— Оно, впрочемъ, такъ и было, тутъ и угадывать было нечего. Но не подумалось ли тебѣ тогда и то, что я именно желаю, чтобъ „одинъ гадъ съѣлъ другую гадину“, то-есть чтобъ именно Дмитрій отца убилъ, да еще поскорѣе... и что и самъ я поспособствовать даже не прочь?

Алеша слегка поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ въ глаза брату.

— Говори же! воскликнулъ Иванъ.—Я изо всей силы хочу знать, что̀ ты тогда подумалъ. Мнѣ надо правду, правду!

Онъ тяжело перевелъ духъ, уже заранѣе съ какою-то злобой смотря на Алешу.

— Прости меня, я и это тогда подумалъ, прошепталъ Алеша и замолчалъ, не прибавивъ ни одного „облегчающаго обстоятельства“.

— Спасибо! отрѣзалъ Иванъ и, бросивъ Алешу, быстро пошелъ своею дорогой.

Съ тѣхъ поръ Алеша замѣтилъ, что братъ Иванъ какъ-то рѣзко началъ отъ него отдаляться и даже какъ бы не взлюбилъ его, такъ что потомъ и самъ онъ уже пересталъ ходить къ нему. Но въ ту минуту, сейчасъ послѣ той съ нимъ встрѣчи, Иванъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, вдругъ направился опять къ Смердякову.

VII.

Второй визитъ къ Смердякову.

Смердяковъ къ тому времени выписался изъ больницы. Иванъ Ѳедоровичъ зналъ его новую квартиру: именно въ этомъ перекосившемся бревенчатомъ маленькомъ домикѣ въ двѣ избы, раздѣленныя сѣнями. Въ одной избѣ помѣстилась Марья Кондратьевна съ матерью, а въ другой Смердяковъ, особливо. Богъ знаетъ, на какихъ основаніяхъ онъ у нихъ поселился: даромъ ли проживалъ, или за деньги? Впослѣдствіи полагали, что поселился онъ у нихъ въ качествѣ жениха Марьи Кондратьевны и проживалъ пока даромъ. И мать, и дочь его очень уважали и смотрѣли на него какъ на высшаго передъ ними человѣка. Достучавшись, Иванъ Ѳедоровичъ вступилъ въ сѣни,

и, по указанію Марьи Кондратьевны, прошелъ прямо налѣво въ „бѣлую избу“, занимаемую Смердяковымъ. Въ этой избѣ печь стояла изразцовая и была сильно натоплена. По стѣнамъ красовались голубые обои, правда, всѣ изодранные, а подъ ними въ трещинахъ копошились тараканы - прусаки въ страшномъ количествѣ, такъ что стоялъ неумолкаемый шорохъ. Мебель была ничтожная: двѣ скамьи по обѣимъ стѣнамъ и два стула подлѣ стола. Столъ же, хоть и просто деревянный, былъ накрытъ, однако, скатертью съ розовыми разводами. На двухъ маленькихъ окошкахъ помѣщалось на каждомъ по горшку съ геранями. Въ углу кіотъ съ образами. На столѣ стоялъ небольшой, сильно помятый, мѣдный самоварчикъ и подносъ съ двумя чашками. Но чай Смердяковъ уже отпилъ, и самоваръ погасъ... Самъ онъ сидѣлъ за столомъ на лавкѣ и, смотря въ тетрадь, что-то чертилъ перомъ. Пузырекъ съ чернилами находился подлѣ, равно какъ и чугунный низенькій подсвѣчникъ со стеариновою, впрочемъ, свѣчкой. Иванъ Ѳедоровичъ тотчасъ заключилъ по лицу Смердякова, что оправился онъ отъ болѣзни вполнѣ. Лицо его было свѣжѣе, полнѣе, хохолокъ взбитъ, височки примазаны. Сидѣлъ онъ въ пестромъ ватномъ халатѣ, очень, однако, затасканномъ и порядочно истрепанномъ. На носу его были очки, которыхъ Иванъ Ѳедоровичъ не видывалъ у него прежде. Это пустѣйшее обстоятельство вдругъ какъ бы вдвое даже озлило Ивана Ѳедоровича: „этакая тварь, да еще въ очкахъ!“ Смердяковъ медленно поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ въ очки на вошедшаго; затѣмъ тихо ихъ снялъ и самъ приподнялся на лавкѣ, но какъ-то совсѣмъ не столь почтительно, какъ-то даже лѣниво, единственно чтобы соблюсти только лишь самую необходимѣйшую учтивость, безъ которой уже нельзя почти обойтись. Все это мигомъ мелькнуло Ивану и все это онъ сразу обхватилъ и замѣтилъ, а главное— взглядъ Смердякова, рѣшительно злобный, непривѣтливый и даже надменный: „чего, дескать, шляешься, обо всемъ вѣдь тогда сговорились, зачѣмъ же опять пришелъ?“ Иванъ Ѳедоровичъ едва сдержалъ себя.

— Жарко у тебя, сказалъ онъ, еще стоя, и разстегнулъ пальто.

— Снимите-съ, позволилъ Смердяковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ снялъ пальто и бросилъ его на лавку, дрожащими руками взялъ стулъ, быстро придвинулъ его

къ столу и сѣлъ. Смердяковъ успѣлъ опуститься на свою лавку раньше его.

— Во-первыхъ, одни ли мы? строго и стремительно спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Не услышатъ насъ оттуда?

— Никто ничего не услышитъ-съ. Сами видѣли: сѣни.

— Слушай, голубчикъ: что̀ ты такое тогда сморозилъ, когда я уходилъ отъ тебя изъ больницы, что если я промолчу о томъ, что ты мастеръ представляться въ падучей, то и ты-де не объявишь всего слѣдователю о нашемъ разговорѣ съ тобой у воротъ? Что̀ это такое *всего*? Что̀ ты могъ тогда разумѣть? Угрожалъ ты мнѣ, что̀ ли? Что̀ я въ союзъ, что ли, въ какой съ тобою вступалъ, боюсь тебя, что ли?

Иванъ Ѳедоровичъ проговорилъ это совсѣмъ въ ярости, видимо и нарочно давая знать, что презираетъ всякій обинякъ и всякій подходъ и играетъ въ открытую. Глаза Смердякова злобно сверкнули, лѣвый глазокъ замигалъ, и онъ тотчасъ же, хотя по обычаю своему сдержанно и мѣрно, далъ и свой отвѣтъ: „Хочешь, дескать, на чистоту, такъ вотъ тебѣ и эта самая чистота“:

— А то самое я тогда разумѣлъ и для того я тогда это произносилъ, что вы, знамши напередъ про это убивство родного родителя вашего, въ жертву его тогда оставили, и чтобы не заключили послѣ сего люди чего дурного объ вашихъ чувствахъ, а, можетъ, и объ чемъ иномъ прочемъ,—вотъ что̀ тогда обѣщался я начальству не объявлять.

Проговорилъ Смердяковъ хоть и не спѣша и обладая собою, повидимому, но ужъ въ голосѣ его даже послышалось нѣчто твердое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее. Дерзко уставился онъ въ Ивана Ѳедоровича, а у него въ первую минуту даже въ глазахъ зарябило:

— Какъ? Что? Да ты въ умѣ, али нѣтъ?

— Совершенно въ полномъ своемъ умѣ-съ.

— Да развѣ я *зналъ* тогда про убійство? вскричалъ, наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ и крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу. — Что̀ значитъ: „объ чемъ иномъ прочемъ?“—говори, подлецъ!

Смердяковъ молчалъ и все тѣмъ же наглымъ взглядомъ продолжалъ осматривать Ивана Ѳедоровича.

— Говори, смердящая шельма, объ чемъ „иномъ прочемъ“? завопилъ тотъ.

— А объ томъ „иномъ прочемъ“ я сею минутой раз-

умѣлъ, что вы, пожалуй, и сами очень желали тогда смерти родителя вашего.

Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ и изъ всей силы ударилъ его кулакомъ въ плечо, такъ что тотъ откачнулся къ стѣнѣ. Въ одинъ мигъ все лицо его облилось слезами, проговоривъ: „Стыдно, сударь, слабаго человѣка бить!“ онъ вдругъ закрылъ глаза своимъ бумажнымъ съ синими клѣточками и совершенно засморканнымъ носовымъ платкомъ и погрузился въ тихій слезный плачъ. Прошло съ минуту.

— Довольно! Перестань! повелительно сказалъ, наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, садясь опять на стулъ.—Не выводи меня изъ послѣдняго терпѣнія.

Смердяковъ отнялъ отъ глазъ свою тряпочку. Всякая черточка его сморщеннаго лица выражала только-что перенесенную обиду.

— Такъ ты, подлецъ, подумалъ тогда, что я заодно съ Дмитріемъ хочу отца убить?

— Мыслей вашихъ тогдашнихъ не зналъ-съ, обиженно проговорилъ Смердяковъ, — а потому и остановилъ васъ тогда, какъ вы входили въ ворота, чтобы васъ на этомъ самомъ пунктѣ испытать-съ.

— Что̀ испытать? Что̀?

— А вотъ именно это самое обстоятельство: хочется иль не хочется вамъ, чтобы вашъ родитель былъ поскорѣе убитъ?

Всего болѣе возмущалъ Ивана Ѳедоровича этотъ настойчивый наглый тонъ, отъ котораго упорно не хотѣлъ отступить Смердяковъ.

— Это ты его убилъ! воскликнулъ онъ вдругъ.

Смердяковъ презрительно усмѣхнулся.

— Что не я убилъ, это вы знаете сами доподлинно. И думалъ я, что умному человѣку и говорить о семъ больше нечего.

— Но почему, почему у тебя явилось тогда такое на меня подозрѣніе?

— Какъ ужъ извѣстно вамъ, отъ единаго страху-съ. Ибо въ такомъ былъ тогда положеніи, что, въ страхѣ сотрясаясь, всѣхъ подозрѣвалъ. Васъ тоже положилъ испытать-съ, ибо если и вы, думаю, того же самаго желаете, что и братецъ вашъ, то и конецъ тогда всякому этому дѣлу, а самъ пропаду заодно какъ муха.

— Слушай, ты двѣ недѣли назадъ не то говорилъ.

— То же самое и въ больницѣ, говоря съ вами, разумѣлъ, а только полагалъ, что вы и безъ лишнихъ словъ поймете, и прямого разговора не желаете сами, какъ самый умный человѣкъ-съ.

— Ишь вѣдь! Но отвѣчай, отвѣчай, я настаиваю: съ чего именно, чѣмъ именно я могъ вселить тогда въ твою подлую душу такое низкое для меня подозрѣніе?

— Чтобъ убить—это вы сами ни за что не могли-съ, да и не хотѣли, а чтобы хотѣть, чтобы другой кто убилъ, это вы хотѣли.

— И какъ спокойно, какъ спокойно вѣдь говоритъ! Да съ чего мнѣ хотѣть, на кой лядъ мнѣ было хотѣть?

— Какъ это такъ на кой лядъ-съ? А наслѣдство-то-съ, ядовито и какъ-то даже отмстительно подхватилъ Смердяковъ.—Вѣдь вамъ тогда послѣ родителя вашего на каждаго изъ трехъ братцевъ безъ малаго по сорока тысячъ могло придтись, а, можетъ, и того больше-съ, а женись тогда Ѳедоръ Павловичъ на этой самой госпожѣ-съ, Аграфенѣ Александровнѣ, такъ ужъ та весь бы капиталъ тотчасъ же послѣ вѣнца на себя перевела, ибо онѣ очень не глупыя-съ, такъ что вамъ всѣмъ троимъ братцамъ и двухъ рублей не досталось бы послѣ родителя. А много-ль тогда до вѣнца-то оставалось? Одинъ волосокъ-съ: стоило этой барынѣ вотъ такъ только мизинчикомъ предъ ними сдѣлать и они бы тотчасъ въ церковь за ними высуня языкъ побѣжали.

Иванъ Ѳедоровичъ со страданіемъ сдержалъ себя.

— Хорошо, проговорилъ онъ, наконецъ, — ты видишь, я не вскочилъ, не избилъ тебя, не убилъ тебя. Говори дальше: стало быть, я, по-твоему, брата Дмитрія къ тому и предназначалъ, на него и разсчитывалъ?

— Какъ же вамъ на нихъ не разсчитывать было-съ; вѣдь убей они, то тогда всѣхъ правъ дворянства лишатся, чиновъ и имущества, и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя часть-съ послѣ родителя вамъ съ братцемъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ останется, поровну-съ, значитъ, уже не по сороку, а по шестидесяти тысячъ вамъ пришлось бы каждому-съ. Это вы на Дмитрія Ѳедоровича безпремѣнно тогда разсчитывали!

— Ну, терплю же я отъ тебя! Слушай, негодяй: если бъ я и разсчитывалъ тогда на кого-нибудь, такъ ужъ, конечно бы, на тебя, а не на Дмитрія, и, клянусь, пред-

чувствовалъ даже отъ тебя какой-нибудь мерзости... тогда... я помню мое впечатлѣніе!

— И я тоже подумалъ тогда минутку одну, что и на меня тоже разсчитываете, насмѣшливо осклабился Смердяковъ,—такъ что тѣмъ самымъ еще болѣе тогда себя передо мной обличили, ибо если предчувствовали на меня и въ то же самое время уѣзжали, значитъ, мнѣ тѣмъ самымъ точно какъ бы сказали: это ты можешь убить родителя, а я не препятствую.

— Подлецъ! Ты такъ понялъ.

— А все черезъ эту самую Чермашню-съ. Помилосердуйте! Собираетесь въ Москву и на всѣ просьбы родителя ѣхать въ Чермашню отказались-съ! И по одному только глупому моему слову вдругъ согласились-съ! И на что̀ вамъ было тогда соглашаться на эту Чермашню? Коли не въ Москву, а поѣхали въ Чермашню безъ причины, по единому моему слову, то, стало быть, чего-либо отъ меня ожидали.

— Нѣтъ, клянусь, нѣтъ! завопилъ скрежеща зубами Иванъ.

— Какъ же это нѣтъ-съ? Слѣдовало, напротивъ, за такія мои тогдашнія слова вамъ, сыну родителя вашего, меня первымъ дѣломъ въ часть представить и выдрать-съ... по крайности по мордасамъ тутъ же на мѣстѣ отколотить, а вы, помилуйте-съ, напротивъ, нимало не разсердимшись, тотчасъ дружелюбно исполняете въ точности по моему весьма глупому слову-съ и ѣдете, что̀ было вовсе нелѣпо-съ, ибо вамъ слѣдовало оставаться, чтобы хранить жизнь родителя... Какъ же мнѣ было не заключить?

Иванъ сидѣлъ насупившись, конвульсивно опершись обоими кулаками въ свои колѣна.

— Да, жаль, что не отколотилъ тебя по мордасамъ, горько усмѣхнулся онъ. — Въ часть тогда тебя тащить нельзя было: кто жъ бы мнѣ позѣрилъ и на что̀ я могъ указать, ну, а по мордасамъ... ухъ, жаль не догадался; хоть и запрещены мордасы, а сдѣлалъ бы я изъ твоей хари кашу.

Смердяковъ почти съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него.

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, проговорилъ онъ тѣмъ самодовольно-доктринерскимъ тономъ, съ которымъ спорилъ нѣкогда съ Григоріемъ Васильевичемъ о вѣрѣ и дразнилъ его, стоя за столомъ Ѳедора Павловича,— въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни мордасы нонѣ дѣй-

ствительно запрещены по закону, и всѣ перестали бить-съ, ну, а въ отличительныхъ случаяхъ жизни, такъ не то что у насъ, а и на всемъ свѣтѣ, будь хоша бы самая полная французская республика, все одно продолжаютъ бить, какъ и при Адамѣ и Евѣ-съ, да и никогда того не перестанутъ-съ, а вы и въ отличительномъ случаѣ тогда не посмѣли-съ.

— Что̀ это ты французскія вокабулы учишь? кивнулъ Иванъ на тетрадку, лежавшую на столѣ.

— А почему же бы мнѣ ихъ не учить-съ, чтобы тѣмъ образованію моему способствовать, думая, что и самому мнѣ когда въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы, можетъ, придется быть.

— Слушай, извергъ, засверкалъ глазами Иванъ и весь затрясся, — я не боюсь твоихъ обвиненій, показывай на меня что̀ хочешь, и если не избилъ тебя сейчасъ до смерти, то единственно потому, что подозрѣваю тебя въ этомъ преступленіи и притяну къ суду. Я еще тебя обнаружу.

— А по-моему лучше молчите-съ. Ибо что̀ можете вы на меня объявить въ моей совершенной невинности, и кто вамъ повѣритъ? А только если начнете, то и я все разскажу-съ, ибо какъ же бы мнѣ не защитить себя?

— Ты думаешь, я тебя теперь боюсь?

— Пусть этимъ всѣмъ моимъ словамъ, что̀ вамъ теперь говорилъ, въ судѣ не повѣрятъ-съ, зато въ публикѣ повѣрятъ-съ, и вамъ стыдно станетъ-съ.

— Это значитъ опять-таки что̀: „съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно“,—а? прокрежеталъ Иванъ.

— Въ самую точку изволили-съ. Умнымъ и будьте-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ всталъ, весь дрожа отъ негодованія, надѣлъ пальто, и, не отвѣчая болѣе Смердякову, даже не глядя на него, быстро вышелъ изъ избы. Свѣжій вечерній воздухъ освѣжилъ его. На небѣ ярко свѣтила луна. Страшный кошмаръ мыслей и ощущеній кипѣлъ въ его душѣ. „Идти объявить сейчасъ на Смердякова? Но что̀ же объявить: онъ все-таки невиненъ. Онъ, напротивъ, меня же обвинитъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего я тогда поѣхалъ въ Чермашню? Для чего, для чего? спрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ. Да, конечно, я чего-то ожидалъ, и онъ правъ“... И ему опять въ сотый разъ припомнилось, какъ онъ въ послѣднюю ночь у отца подслушивалъ къ нему съ лѣстницы, но съ такимъ уже страданіемъ теперь припомнилось, что онъ даже остановился на мѣстѣ, какъ пронзенный:

„Да, я этого тогда ждалъ, это правда! Я хотѣлъ, я именно хотѣлъ убійства! Хотѣлъ ли я убійства, хотѣлъ ли? Надо убить Смердякова!.. Если я не смѣю теперь убить Смердякова, то не стоитъ и жить!..“ Иванъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, прошелъ тогда прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ и испугалъ ее своимъ появленіемъ: онъ былъ какъ безумный. Онъ передалъ ей весь свой разговоръ со Смердяковымъ, весь до черточки. Онъ не могъ успокоиться, сколько та ни уговаривала его, все ходилъ по комнатѣ и говорилъ отрывисто, странно. Наконецъ, сѣлъ, облокотился на столъ, уперъ голову въ обѣ руки и вымолвилъ странный афоризмъ:

— Если бъ убилъ не Дмитрій, а Смердяковъ, то, конечно, я тогда съ нимъ солидаренъ, ибо я подбивалъ его. Подбивалъ ли я его—еще не знаю. Но если только онъ убилъ, а не Дмитрій, то, конечно, убійца и я.

Выслушавъ это, Катерина Ивановна молча встала съ мѣста, пошла къ своему письменному столу, отперла стоявшую на немъ шкатулку, вынула какую-то бумажку и положила ее передъ Иваномъ. Эта бумажка была тотъ самый документъ, о которомъ Иванъ Ѳедоровичъ потомъ объявилъ Алешѣ, какъ о „математическомъ доказательствѣ“, что убилъ отца братъ Дмитрій. Это было письмо, написанное Митей въ пьяномъ видѣ къ Катеринѣ Ивановнѣ, въ тотъ самый вечеръ, когда онъ встрѣтился въ полѣ съ Алешей, уходившимъ въ монастырь, послѣ сцены въ домѣ Катерины Ивановны, когда ее оскорбила Грушенька. Тогда, разставшись съ Алешей, Митя бросился было къ Грушенькѣ: неизвѣстно, видѣлъ ли ее, но къ ночи очутился въ трактирѣ „Столичный городъ“, гдѣ какъ слѣдуетъ и напился. Пьяный, онъ потребовалъ перо и бумагу и начерталъ важный на себя документъ. Это было изступленное, многорѣчивое и безсвязное письмо, именно „пьяное“. Похоже было на то, когда пьяный человѣкъ, воротясь домой, начинаетъ съ необычайнымъ жаромъ разсказывать женѣ или кому изъ домашнихъ, какъ его сейчасъ оскорбили, какой подлецъ его оскорбитель, какой онъ самъ, напротивъ, прекрасный человѣкъ и какъ онъ тому подлецу задастъ—и все это длинно-длинно, безсвязно и возбужденно, со стукомъ кулаками по столу, съ пьяными слезами. Бумага для письма, которую ему подали въ трактирѣ, была грязненькій клочокъ обыкновенной письменной бумаги, плохого сорта и на оборотной сторонѣ кото-

раго былъ написанъ какой-то счетъ. Пьяному многорѣчію, очевидно, недостало мѣста, и Митя уписалъ не только всѣ поля, но даже послѣднія строчки были написаны накрестъ уже по написанному. Письмо было слѣдующаго содержанія: „Роковая Катя! Завтра достану деньги и отдамъ тебѣ твои три тысячи, и прощай—великаго гнѣва женщина, но прощай и любовь моя! Кончимъ! Завтра буду доставать у всѣхъ людей, а не достану у людей, то даю тебѣ честное слово, пойду къ отцу и проломлю ему голову и возьму у него подъ подушкой, только бы уѣхалъ Иванъ. Въ каторгу пойду, а три тысячи отдамъ. А сама прощай. Кланяюсь до земли, ибо предъ тобой подлецъ. Прости меня. Нѣтъ, лучше не прощай: легче и мнѣ, и тебѣ! Лучше въ каторгу, чѣмъ твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слишкомъ сегодня узнала, какъ же ты можешь простить? Убью вора моего! Отъ всѣхъ васъ уйду на Востокъ, чтобъ никого не знать. *Ее* тоже, ибо не ты одна мучительница, а и она. Прощай!

„P. S. Проклятіе пишу, а тебя обожаю! Слышу въ груди моей. Осталась струна и звенитъ. Лучше сердце пополамъ. Убью себя, а сначала все-таки пса. Вырву у него три и брошу тебѣ. Хоть подлецъ предъ тобой, а не воръ! Жди трехъ тысячъ. У пса подъ тюфякомъ, розовая ленточка. Не я воръ, а вора моего убью. Катя, не гляди презрительно: Димитрій не воръ, а убійца! Отца убилъ и себя погубилъ, чтобы стоять и гордости твоей не выносить. И тебя не любить.

„PP. S. Ноги твои цѣлую, прощай!

„PP. SS. Катя, моли Бога, чтобы дали люди деньги. Тогда не буду въ крови, а не дадутъ — въ крови! Убей меня!

„Рабъ и врагъ

Д. Карамазовъ“.

Когда Иванъ прочелъ „документъ“, то всталъ убѣжденный. Значитъ, убилъ братъ, а не Смердяковъ. Не Смердяковъ, то, стало-быть, и не онъ, Иванъ. Письмо это вдругъ получило въ глазахъ его смыслъ математическій. Никакихъ сомнѣній въ виновности Мити быть для него не могло уже болѣе. Кстати, подозрѣнія о томъ, что Митя могъ убить вмѣстѣ со Смердяковымъ, у Ивана никогда не было, да это не вязалось и съ фактами. Иванъ былъ вполнѣ успокоенъ. На другое утро онъ лишь съ презрѣніемъ вспоминалъ о Смердяковѣ и о насмѣшкахъ

его. Чрезъ нѣсколько дней даже удивлялся, какъ могъ онъ такъ мучительно обидѣться его подозрѣніями. Онъ рѣшился презрѣть его и забыть. Такъ прошелъ мѣсяцъ. О Смердяковѣ онъ не разспрашивалъ больше ни у кого, но слышалъ мелькомъ, раза два, что тотъ очень боленъ и не въ своемъ разсудкѣ. „Кончитъ сумасшествіемъ", сказалъ разъ про него молодой врачъ Варвинскій, и Иванъ это запомнилъ. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца Иванъ самъ началъ чувствовать себя очень худо. Съ пріѣхавшимъ, предъ самымъ судомъ, докторомъ изъ Москвы, котораго выписала Катерина Ивановна, онъ уже ходилъ совѣтоваться. И именно въ это же время отношенія его къ Катеринѣ Ивановнѣ обострились до крайней степени. Это были какіе-то два влюбленные другъ въ друга врага. Возвраты Катерины Ивановны къ Митѣ, мгновенные, но сильные, уже приводили Ивана въ совершенное изступленіе. Странно, что до самой послѣдней сцены, описанной нами у Катерины Ивановны, когда пришелъ къ ней отъ Мити Алеша, онъ, Иванъ, не слыхалъ отъ нея ни разу во весь мѣсяцъ сомнѣній въ виновности Мити, несмотря на всѣ ея „возвраты" къ нему, которые онъ такъ ненавидѣлъ. Замѣчательно еще и то, что онъ, чувствуя, что ненавидитъ Митю съ каждымъ днемъ все больше и больше, понималъ въ то же время, что не за „возвраты" къ нему Кати ненавидѣлъ его, а именно *за то, что онъ убилъ отца*! Онъ чувствовалъ и сознавалъ это самъ вполнѣ. Тѣмъ не менѣе, дней за десять предъ судомъ онъ ходилъ къ Митѣ и предложилъ ему планъ бѣгства,—планъ, очевидно, еще задолго задуманный. Тутъ, кромѣ главной причины, побудившей его къ такому шагу, виновата была и нѣкоторая незажившая въ сердцѣ его царапина отъ одного словечка Смердякова, что будто бы ему, Ивану, выгодно, чтобъ обвинили брата, ибо сумма по наслѣдству отъ отца возвысится тогда для него съ Алешей съ сорока на шестьдесятъ тысячъ. Онъ рѣшился пожертвовать тридцатью тысячами съ одной своей стороны, чтобъ устроить побѣгъ Мити. Возвращаясь тогда отъ него, онъ былъ страшно грустенъ и смущенъ: ему вдругъ начало чувствоваться, что онъ хочетъ побѣга не для того только, чтобы пожертвовать на это тридцать тысячъ и заживить царапину, а и почему-то другому. „Потому ли, что въ душѣ и я такой же убійца?" спросилъ было онъ себя. Что-то отдаленное, но жгучее

язвило его душу. Главное же, во весь этотъ мѣсяцъ страшно страдала его гордость, но объ этомъ потомъ... Взявшись за звонокъ своей квартиры, послѣ разговора съ Алешей, и порѣшивъ вдругъ идти къ Смердякову, Иванъ Ѳедоровичъ повиновался одному особливому, внезапно вскипѣвшему въ груди его негодованію. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ Катерина Ивановна сейчасъ только воскликнула ему при Алешѣ: „Это ты только одинъ увѣрилъ меня, что онъ (то-есть Митя) убійца!“ Вспомнивъ это, Иванъ даже остолбенѣлъ: никогда въ жизни не увѣрялъ онъ ее, что убійца Митя, напротивъ, еще себя подозрѣвалъ тогда предъ нею, когда воротился отъ Смердякова. Напротивъ, это *она*, она ему выложила тогда „документъ“ и доказала виновность брата! И вдругъ она же теперь восклицаетъ: „Я сама была у Смердякова!“ Когда была? Иванъ ничего не зналъ объ этомъ. Значитъ, она совсѣмъ не такъ увѣрена въ виновности Мити! И что̀ могъ ей сказать Смердяковъ? Что̀, что̀ именно онъ ей сказалъ? Страшный гнѣвъ загорѣлся въ его сердцѣ. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ полчаса назадъ пропустить ей эти слова и не закричать тогда же. Онъ бросилъ звонокъ и пустился къ Смердякову. „Я убью его, можетъ-быть, въ этотъ разъ“, подумалъ онъ дорогой.

VIII.

Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ.

Еще на полпути поднялся острый, сухой вѣтеръ, такой же, какъ былъ въ тотъ день рано утромъ, и посыпалъ мелкій, густой, сухой снѣгъ. Онъ падалъ на землю не прилипая къ ней, вѣтеръ крутилъ его, и вскорѣ поднялась совершенная мятель. Въ той части города, гдѣ жилъ Смердяковъ, у насъ почти и нѣтъ фонарей. Иванъ Ѳедоровичъ шагалъ во мракѣ, не замѣчая мятели, инстинктивно разбирая дорогу. У него болѣла голова и мучительно стучало въ вискахъ. Въ кистяхъ рукъ, онъ чувствовалъ это, были судороги. Нѣсколько не доходя до домишка Марьи Кондратьевны, Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ повстрѣчалъ одинокаго пьянаго, маленькаго ростомъ мужичонка, въ заплатанномъ зипунишкѣ, шагавшаго зигзагами, ворчавшаго и бранившагося и вдругъ бросавшаго браниться и начинавшаго сиплымъ пьянымъ голосомъ пѣсню:

Ахъ, поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
Я не буду его ждать.

Но онъ все прерывалъ на этой второй строчкѣ и опять начиналъ кого-то бранить, затѣмъ опять вдругъ затягивалъ ту же пѣсню. Иванъ Ѳедоровичъ давно уже чувствовалъ страшную къ нему ненависть, объ немъ еще совсѣмъ не думая, и вдругъ его осмыслилъ. Тотчасъ же ему неотразимо захотѣлось пришибить сверху кулакомъ мужичонку. Какъ разъ въ это мгновеніе они поверстались рядомъ, и мужичонко, сильно качнувшись, вдругъ ударился изо всей силы объ Ивана. Тотъ бѣшено оттолкнулъ его. Мужичонко отлетѣлъ и шлепнулся какъ колода объ мерзлую землю, болѣзненно простонавъ только одинъ разъ: о-о! и замолкъ. Иванъ шагнулъ къ нему. Тотъ лежалъ навзничь, совсѣмъ неподвижно, безъ чувствъ: „замерзнетъ!" подумалъ Иванъ и зашагалъ опять къ Смердякову.

Еще въ сѣняхъ Марья Кондратьевна, выбѣжавшая отворить со свѣчкой въ рукахъ, зашептала ему, что Павелъ Ѳедоровичъ (то-есть Смердяковъ) очень больны-съ, не то что лежатъ-съ, а почти какъ не въ своемъ умѣ-съ и даже чай велѣли убрать, пить не захотѣли.

— Что-жъ, онъ буянитъ, что ли? грубо спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Какое, напротивъ, совсѣмъ тихіе-съ, только вы съ ними не очень долго разговаривайте... попросила Марья Кондратьевна.

Иванъ Ѳедоровичъ отворилъ дверь и шагнулъ въ избу.

Натоплено было такъ же, какъ и въ прежній разъ, но въ комнатѣ замѣтны были нѣкоторыя перемѣны: одна изъ боковыхъ лавокъ была вынесена и на мѣсто ея явился большой старый кожаный диванъ подъ красное дерево. На немъ была постлана постель съ довольно чистыми бѣлыми подушками. На постели сидѣлъ Смердяковъ, все въ томъ же своемъ халатѣ. Столъ перенесенъ былъ передъ диванъ, такъ что въ комнатѣ стало очень тѣсно. На столѣ лежала какая-то толстая въ желтой оберткѣ книга, но Смердяковъ не читалъ ея, онъ, кажется, сидѣлъ и ничего не дѣлалъ. Длиннымъ, молчаливымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ Ивана Ѳедоровича и, повидимому, нисколько не удивился его прибытію. Онъ очень измѣнился въ лицѣ, очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Глаза впали, нижнія вѣки посинѣли.

— Да ты и впрямь боленъ? остановился Иванъ Ѳедоровичъ.—Я тебя долго не задержу и пальто даже не сниму. Гдѣ у тебя сѣсть-то?

Онъ зашелъ съ другого конца стола, придвинулъ къ столу стулъ и сѣлъ.

— Что̀ смотришь и молчишь? Я съ однимъ только вопросомъ, и, клянусь, не уйду отъ тебя безъ отвѣта: была у тебя барыня, Катерина Ивановна?

Смердяковъ длинно помолчалъ, попрежнему все тихо смотря на Ивана, но вдругъ махнулъ рукой и отвернулъ отъ него лицо.

— Чего ты? воскликнулъ Иванъ.

— Ничего.

— Что̀ ничего?

— Ну, была, ну, и все вамъ равно. Отстаньте-съ.

— Нѣтъ, не отстану! Говори, когда была?

— Да я и помнить объ ней забылъ, презрительно усмѣхнулся Смердяковъ, и вдругъ опять, оборотя лицо къ Ивану, уставился на него съ какимъ-то изступленно-ненавистнымъ взглядомъ, тѣмъ самымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на него въ то свиданіе, мѣсяцъ назадъ.

— Сами кажись больны, ишь осунулись, лица на васъ нѣтъ, проговорилъ онъ Ивану.

— Оставь мое здоровье, говори объ чемъ спрашиваютъ.

— А чего у васъ глаза пожелтѣли, совсѣмъ бѣлки желтые. Мучаетесь, что ли, очень?

Онъ презрительно усмѣхнулся и вдругъ совсѣмъ ужъ разсмѣялся.

— Слушай, я сказалъ, что не уйду отъ тебя безъ отвѣта! въ страшномъ раздраженіи крикнулъ Иванъ.

— Чего вы ко мнѣ пристаете-съ? Чего меня мучаете? со страданіемъ проговорилъ Смердяковъ.

— Э, чортъ! Мнѣ до тебя нѣтъ и дѣла. Отвѣть на вопросъ и я тотчасъ уйду.

— Нечего мнѣ вамъ отвѣчать! опять потупился Смердяковъ.

— Увѣряю тебя, что я заставлю тебя отвѣчать!

— Чего вы все безпокоитесь! вдругъ уставился на него Смердяковъ, но не то что съ презрѣніемъ, а почти съ какою-то уже гадливостью,—это что судъ-то завтра начнется? Такъ вѣдь ничего вамъ не будетъ, увѣрьтесь же, наконецъ! Ступайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не опасайтесь.

— Не понимаю я тебя... чего мнѣ бояться завтра? удивленно выговорилъ Иванъ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ какой-то испугъ холодомъ пахнулъ на его душу. Смердяковъ обмѣрилъ его глазами.

— Не по-ни-маете? протянулъ онъ укоризненно.—Охота же умному человѣку этакую комедь изъ себя представлять!

Иванъ молча глядѣлъ на него. Одинъ ужъ этотъ неожиданный тонъ, совсѣмъ какой-то небывало высокомѣрный, съ которымъ этотъ бывшій его лакей обращался теперь къ нему, былъ необыченъ. Такого тона все-таки не было даже и въ прошлый разъ.

— Говорю вамъ, нечего вамъ бояться. Ничего на васъ не покажу, нѣтъ уликъ. Ишь руки трясутся. Съ чего у васъ пальцы-то ходятъ? Идите домой, *не вы убили*.

Иванъ вздрогнулъ, ему вспомнился Алеша.

— Я знаю, что не я... пролепеталъ было онъ.

— Зна-е-те? опять подхватилъ Смердяковъ.

Иванъ вскочилъ и схватилъ его за плечо.

— Говори все, гадина! Говори все!

Смердяковъ нисколько не испугался. Онъ только съ безумною ненавистью приковался къ нему глазами:

— Анъ вотъ вы-то и убили, коль такъ, яростно прошепталъ онъ ему.

Иванъ опустился на стулъ, какъ бы что̀ разсудивъ. Онъ злобно усмѣхнулся.

— Это ты все про тогдашнее? Про то, что̀ и въ прошлый разъ?

— Да и въ прошлый разъ стояли предо мной и все понимали, понимаете и теперь.

— Понимаю только, что ты сумасшедшій.

— Не надоѣстъ же человѣку! Съ-глазу-на-глазъ сидимъ, чего бы, кажется, другъ-то друга морочить, комедь играть? Али все еще свалить на одного меня хотите, мнѣ же въ глаза? Вы убили, вы главный убивецъ и есть, а я только вашимъ приспѣшникомъ былъ, слугой Личардой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ.

— Совершилъ? Да развѣ ты убилъ? похолодѣлъ Иванъ.

Что-то какъ бы сотряслось въ его мозгу и весь онъ задрожалъ мелкою холодною дрожью. Тутъ ужъ Смердяковъ самъ удивленно посмотрѣлъ на него: вѣроятно, его, наконецъ, поразилъ своею искренностью испугъ Ивана.

— Да неужто жъ вы вправду ничего не знали? проле-

петалъ онъ недовѣрчиво, криво усмѣхаясь ему въ глаза.

Иванъ все глядѣлъ на него, у него какъ бы отнялся языкъ.

„Ахъ, поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
Я не буду его ждать“.

прозвенѣло вдругъ въ его головѣ.

— Знаешь что̀: я боюсь, что ты сонъ, что ты призракъ предо мной сидишь? пролепеталъ онъ.

— Никакого тутъ призрака нѣтъ-съ, кромѣ насъ обоихъ-съ, да еще нѣкотораго третьяго. Безъ сумлѣнія тутъ онъ теперь, третій этотъ, находится, между нами двумя.

— Кто онъ? Кто находится? Кто третій? испуганно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, озираясь кругомъ и поспѣшно ища глазами кого-то по всѣмъ угламъ.

— Третій этотъ—Богъ-съ, самое это Провидѣніе-съ, тутъ оно теперь подлѣ насъ-съ, только вы не ищите его, не найдете.

— Ты солгалъ, что ты убилъ! бѣшено завопилъ Иванъ.— Ты или сумасшедшій, или дразнишь меня, какъ и въ прошлый разъ!

Смердяковъ, какъ и давеча, совсѣмъ не пугаясь, все пытливо слѣдилъ за нимъ. Все еще онъ никакъ не могъ побѣдить своей недовѣрчивости, все еще казалось ему, что Иванъ „все знаетъ“, а только такъ представляется, чтобъ „ему же въ глаза на него одного свалить“.

— Подождите-съ, проговорилъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ, и, вдругъ, вытащивъ изъ-подъ стола свою лѣвую ногу, началъ завертывать на ней наверхъ панталоны. Нога оказалась въ длинномъ бѣломъ чулкѣ и обута въ туфлю. Не торопясь, Смердяковъ снялъ подвязку и запустилъ въ чулокъ глубоко свои пальцы. Иванъ Ѳедоровичъ глядѣлъ на него и вдругъ затрясся въ конвульсивномъ испугѣ.

— Сумасшедшій! завопилъ онъ и, быстро вскочивъ съ мѣста, откачнулся назадъ, такъ что стукнулся спиной объ стѣну и какъ будто прилипъ къ стѣнѣ, весь вытянувшись въ нитку. Онъ въ безумномъ ужасѣ смотрѣлъ на Смердякова. Тотъ, нимало не смутившись его испугомъ, все еще копался въ чулкѣ, какъ будто все силясь пальцами что-то въ немъ ухватить и вытащить. Наконецъ, ухватилъ и сталъ тащить. Иванъ Ѳедоровичъ видѣлъ, что это были какія-то бумаги или какая-то пачка бумагъ. Смердяковъ вытащилъ ее и положилъ на столъ.

— Вотъ-съ! сказалъ онъ тихо.

— Что? отвѣтилъ, трясясь, Иванъ.

— Извольте взглянуть-съ, такъ же тихо произнесъ Смердяковъ.

Иванъ шагнулъ къ столу, взялся было за пачку и сталъ ее развертывать, но вдругъ отдернулъ пальцы, какъ будто отъ прикосновенія какого-то отвратительнаго, страшнаго гада.

— Пальцы-то у васъ все дрожатъ-съ, въ судорогѣ, замѣтилъ Смердяковъ и самъ, не спѣша, развернулъ бумагу. Подъ оберткой оказались три пачки сторублевыхъ радужныхъ кредитокъ.

— Всѣ здѣсь-съ, всѣ три тысячи, хоть не считайте. Примите-съ, пригласилъ онъ Ивана, кивая на деньги. Иванъ опустился на стулъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ платокъ.

— Ты меня испугалъ... съ этимъ чулкомъ... проговорилъ онъ, какъ-то странно ухмыляясь.

— Неужто же, неужто вы до сихъ поръ не знали? спросилъ еще разъ Смердяковъ.

— Нѣтъ, не зналъ. Я все на Дмитрія думалъ. Братъ! Братъ! Ахъ! Онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками.—Слушай: ты одинъ убилъ? Безъ брата или съ братомъ?

— Всего только вмѣстѣ съ вами-съ; съ вами вмѣстѣ убилъ-съ, а Дмитрій Ѳедоровичъ какъ есть безвинны-съ.

— Хорошо, хорошо... Обо мнѣ потомъ. Чего это я все дрожу... Слова не могу выговорить.

— Все тогда смѣлы были-съ, „все, дескать, позволено", говорили-съ, а теперь вотъ какъ испугались! проленеталъ, дивясь, Смердяковъ.—Лимонаду не хотите ли, сейчасъ прикажу-съ. Очень освѣжить можетъ. Только вотъ это бы прежде закрыть-съ.

И онъ опять кивнулъ на пачки. Онъ двинулся было встать кликнуть въ дверь Марью Кондратьевну, чтобы та сдѣлала и принесла лимонаду, но, отыскивая чѣмъ бы накрыть деньги, чтобы та не увидѣла ихъ, вынулъ было сперва платокъ, но такъ какъ тотъ опять оказался совсѣмъ засморканнымъ, то взялъ со стола ту единственную лежавшую на немъ толстую желтую книгу, которую замѣтилъ войдя Иванъ, и прикрылъ ею деньги. Названіе книги было: *Святаго отца нашего Исаака Сирина слово.* Иванъ Ѳедоровичъ успѣлъ машинально прочесть заглавіе.

— Не хочу лимонаду, сказалъ онъ.—Обо мнѣ потомъ. Садись и говори: какъ ты это сдѣлалъ? Все говори...

— Вы бы пальто хоть сняли-съ, а то весь взопрѣете.

Иванъ Ѳедоровичъ, будто теперь только догадавшись, сорвалъ пальто и бросилъ его, не сходя со стула, на лавку.

— Говори же, пожалуйста говори!

Онъ какъ бы утихъ. Онъ увѣренно ждалъ, что Смердяковъ *все* теперь скажетъ.

— Объ томъ, какъ это было сдѣлано-съ? вздохнулъ Смердяковъ.—Самымъ естественнымъ манеромъ сдѣлано было-съ, съ вашихъ тѣхъ самыхъ словъ...

— Объ моихъ словахъ потомъ, прервалъ опять Иванъ, но уже не крича какъ прежде, твердо выговаривая слова и какъ бы совсѣмъ овладѣвъ собою.—Разскажи только въ подробности, какъ ты это сдѣлалъ. Все по порядку. Ничего не забудь. Подробности, главное, подробности. Прошу.

— Вы уѣхали, я упалъ тогда въ погребъ-съ...

— Въ падучей или притворился?

— Понятно, что притворился-съ. Во всемъ притворился. Съ лѣстницы спокойно сошелъ-съ, въ самый низъ-съ, и спокойно легъ-съ, а какъ легъ, тутъ и завопилъ. И бился, пока вынесли.

— Стой! И все время, и потомъ, и въ больницѣ все притворялся?

— Никакъ нѣтъ-съ. На другой же день на утро, до больницы еще, ударила настоящая и столь сильная, что уже много лѣтъ таковой не бывало. Два дня былъ въ совершенномъ безпамятствѣ.

— Хорошо, хорошо. Продолжай дальше.

— Положили меня на эту койку-съ, я такъ и зналъ, что за перегородку-съ, потому Марѳа Игнатьевна во всѣ разы, какъ я боленъ, всегда меня на ночь за эту самую перегородку у себя въ помѣщеніи клали-съ. Нѣжныя онѣ всегда ко мнѣ были съ самаго моего рожденія-съ. Ночью стоналъ-съ, только тихо. Все ожидалъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Какъ ждалъ, къ себѣ?

— Зачѣмъ ко мнѣ. Въ домъ ихъ ждалъ, потому сумлѣнія для меня уже не было никакого въ томъ, что они въ эту самую ночь прибудутъ, ибо имъ, меня лишившись и никакихъ свѣдѣній не имѣвши, безпремѣнно приходилось самимъ въ домъ влѣзть черезъ заборъ-съ, какъ они умѣли-съ, и что̀ ни есть совершить.

— А если бы не пришелъ?

— Тогда ничего бы и не было-съ. Безъ нихъ не рѣшился бы.

— Хорошо, хорошо... говори понятнѣе, не торопись, главное—ничего не пропускай!

— Я ждалъ, что они Ѳедора Павловича убьютъ-съ... это навѣрно-съ. Потому я ихъ уже такъ приготовилъ... въ послѣдніе дни-съ... а главное — тѣ знаки имъ стали извѣстны. При ихней мнительности и ярости, что̀ въ нихъ за эти дни накопилась, безпремѣнно черезъ знаки въ самый домъ должны были проникнуть-съ. Это безпремѣнно. Я такъ ихъ и ожидалъ-съ.

— Стой, прервалъ Иванъ,—вѣдь если бъ онъ убилъ, то взялъ бы деньги и унесъ; вѣдь ты именно такъ долженъ былъ разсуждать? Что жъ тебѣ-то досталось бы послѣ него? Я не вижу.

— Такъ вѣдь деньги-то бы они никогда и не нашли-съ. Это вѣдь ихъ только я научилъ, что деньги подъ тюфякомъ. Только это была не правда-съ. Прежде въ шкатулкѣ лежали, вотъ какъ было-съ. А потомъ я Ѳедора Павловича, такъ какъ они мнѣ единственно во всемъ человѣчествѣ одному довѣряли, научилъ пакетъ этотъ самый съ деньгами въ уголъ за образа перенесть, потому что тамъ совсѣмъ никто не догадается, особенно, коли спѣша придетъ. Такъ онъ тамъ, пакетъ этотъ, у нихъ въ углу за образами и лежалъ-съ. А подъ тюфякомъ такъ и смѣшно бы ихъ было держать вовсе, въ шкатункѣ, по крайней мѣрѣ, подъ ключомъ. А здѣсь всѣ теперь повѣрили, что будто бы подъ тюфякомъ лежали. Глупое разсужденіе-съ. Такъ вотъ если бы Дмитрій Ѳедоровичъ совершили это самое убійство, то ничего не найдя или бы убѣжали-съ поспѣшно, всякаго шороху боясь, какъ и всегда бываетъ съ убивцами, или бы арестованы были-съ. Такъ я тогда всегда могъ-съ, на другой день, али даже въ ту же самую ночь-съ, за образа слазить и деньги эти самыя унести-съ, все бы на Дмитрія Ѳедоровича и свалилось. Это я всегда могъ надѣяться.

— Ну, а если бъ онъ не убилъ, а только избилъ?

— Если бъ не убилъ, то я бы денегъ, конечно, взять не посмѣлъ и осталось бы втуне. Но былъ и такой расчетъ, что изобьютъ до безчувствія, а я въ то время и поспѣю взять, а тамъ потомъ Ѳедору-то Павловичу отле-

партую, что это никто какъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ихъ избимши, деньги похитили.

— Стой... я путаюсь. Стало быть, все же Дмитрій убилъ, а ты только деньги взялъ?

— Нѣтъ, это не они убили-съ. Что жъ, я бы могъ вамъ и теперь сказать, что убивцы они... да не хочу я теперь предъ вами лгать, потому... потому что если вы дѣйствительно, какъ самъ вижу, не понимали ничего доселева и не притворялись предо мной, чтобъ явную вину свою на меня же въ глаза свалить, то все же вы виновны во всемъ-съ, ибо про убивство вы знали-съ и мнѣ убить поручили-съ, а сами все знамши уѣхали. Потому и хочу вамъ въ сей вечеръ это въ глаза доказать, что главный убивецъ во всемъ здѣсь единый вы-съ, а я только самый не главный, хоть это и я убилъ. А вы самый законный убивецъ и есть!

— Почему, почему я убійца? О, Боже! не выдержалъ, наконецъ, Иванъ, забывъ, что все о себѣ отложилъ подъ конецъ разговора. — Это все та же Чермашня-то? Стой, говори, зачѣмъ тебѣ было надо мое согласіе, если ужъ ты принялъ Чермашню за согласіе? Какъ ты теперь-то растолкуешь?

— Увѣренный въ вашемъ согласіи, я ужъ зналъ бы, что вы за потерянныя эти три тысячи, возвратясь, вопля не подымете, если бы почему-нибудь меня вмѣсто Дмитрія Ѳедоровича начальство заподозрило, али съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ въ товарищахъ; напротивъ, отъ другихъ защитили бы... А наслѣдство получивъ, такъ и потомъ когда могли меня наградить, во всю слѣдующую жизнь, потому что все же вы черезъ меня наслѣдство это получить изволили, а то женимшись на Аграфенѣ Александровнѣ вышелъ бы вамъ одинъ только шишъ.

— А! Такъ ты намѣревался меня и потомъ мучить, всю жизнь! проскрежеталъ Иванъ.—А что если бъ я тогда не уѣхалъ, а на тебя заявилъ?

— А что же вы могли тогда заявить? Что я васъ въ Чермашню-то подговаривалъ? Такъ вѣдь это глупости-съ. Къ тому же вы послѣ разговора нашего поѣхали бы али остались. Если бъ остались, то тогда бы ничего и не произошло, я бы такъ и зналъ-съ, что вы дѣла этого не хотите, и ничего бы не предпринималъ. А если ужъ поѣхали, то ужъ меня, значитъ, завѣрили въ томъ, что на меня въ судъ заявить не посмѣете и три эти тысячи мнѣ

простите. Да и не могли вы меня потомъ преслѣдовать вовсе, потому что я тогда все и разсказалъ бы на судѣ-съ, то-есть не то, что я укралъ аль убилъ, — этого бы я не сказалъ-съ,—а то, что вы меня сами подбивали къ тому, чтобъ украсть и убить, а я только не согласился. Потому-то мнѣ и надо было тогда ваше согласіе, чтобы вы меня ничѣмъ не могли припереть-съ, потому что гдѣ же у васъ къ тому доказательство, я же васъ всегда могъ припереть-съ, обнаруживъ, какую вы жажду имѣли къ смерти родителя, и вотъ вамъ слово — въ публикѣ всѣ бы тому повѣрили и вамъ было бы стыдно на всю вашу жизнь.

— Такъ имѣлъ, такъ имѣлъ я эту жажду, имѣлъ? проскрежеталъ опять Иванъ.

— Несомнѣнно имѣли-съ и согласіемъ своимъ мнѣ это дѣло молча тогда разрѣшили-съ, твердо поглядѣлъ Смердяковъ на Ивана. Онъ былъ очень слабъ и говорилъ тихо и устало, но что-то внутреннее и затаенное поджигало его, у него очевидно было какое-то намѣреніе. Иванъ это предчувствовалъ.

— Продолжай дальше, сказалъ онъ ему, — продолжай про ту ночь.

— Дальше что̀ же-съ! Вотъ я лежу и слышу, какъ будто вскрикнулъ баринъ. А Григорій Васильичъ передъ тѣмъ вдругъ поднялись и вышли, и вдругъ завопили, а потомъ все тихо, мракъ. Лежу это я, жду, сердце бьется, вытерпѣть не могу. Всталъ, наконецъ, и пошелъ-съ,— вижу налѣво окно въ садъ у нихъ отперто, я и еще шагнулъ налѣво-то-съ, чтобы прислушаться, живы ли они тамъ сидятъ или нѣтъ, и слышу, что баринъ мечется и охаетъ, стало быть, живы-съ. Эхъ, думаю! Подошелъ къ окну, крикнулъ барину: „Это я, дескать". А онъ мнѣ: „Былъ, былъ, убѣжалъ!" То-есть Дмитрій Ѳедоровичъ, значитъ, были-съ. — „Григорія убилъ!" — „Гдѣ?" шепчу ему.—„Тамъ, въ углу", указываетъ, самъ тоже шепчетъ.— „Подождите", говорю. Пошелъ я въ уголъ искать и у стѣны на Григорія Васильевича, лежащаго, и наткнулся, весь въ крови лежитъ, въ безчувствіи. Стало быть, вѣрно, что былъ Дмитрій Ѳедоровичъ, вскочило мнѣ тотчасъ въ голову и тотчасъ тутъ же порѣшилъ все это покончить внезапно-съ, такъ какъ Григорій Васильевичъ, если и живы еще, то, лежа въ безчувствіи, пока ничего не увидятъ. Одинъ только рискъ и былъ-съ, что вдругъ про-

снется Марѳа Игнатьевна. Почувствовалъ я это въ ту минуту, только ужъ жажда эта меня всего захватила, ажно духъ занялся. Пришелъ опять подъ окно къ барину и говорю: „Она здѣсь, пришла, Аграфена Александровна пришла, просится“. Такъ вѣдь и вздрогнулъ весь, какъ младенецъ:—„Гдѣ здѣсь? Гдѣ?“ такъ и охаетъ, а самъ еще не вѣритъ.—„Тамъ, говорю, стоитъ, отоприте!“ Глядитъ на меня въ окно-то, и вѣритъ, и не вѣритъ, а отпереть боится, это ужъ меня-то боится, думаю. И смѣшно же: вдругъ я эти самые знаки вздумалъ имъ тогда по рамѣ простучать, что Грушенька, дескать, пришла, при нихъ же, въ глазахъ: словамъ-то какъ бы не вѣрилъ, а какъ знаки я простучалъ, такъ тотчасъ же и побѣжали дверь отворить. Отворили. Я вошелъ было, а онъ стоитъ, тѣломъ-то меня и не пускаетъ всего: — „Гдѣ она? гдѣ она?“— смотритъ на меня и трепещетъ. Ну, думаю: ужъ коль меня такъ боится—плохо! И тутъ у меня даже ноги ослабѣли отъ страху у самого, что не пуститъ онъ меня въ комнаты-то, али крикнетъ, али Марѳа Игнатьевна прибѣжитъ, али что̀ ни есть выйдетъ, я ужъ не помню тогда, самъ должно быть блѣденъ передъ нимъ стоялъ. Шепчу ему:—„Да тамъ, тамъ она подъ окномъ, какъ же вы, говорю, не видѣли?“ — „А ты ее приведи, а ты ее приведи!“ — „Да боится, говорю, крику испугалась, въ кустъ спряталась, подите, крикните, говорю, сами изъ кабинета“. Побѣжалъ онъ, подошелъ къ окну, свѣчку на окно поставилъ: — „Грушенька, кричитъ, Грушенька, здѣсь ты?“ Самъ-то это кричитъ, а въ окно-то нагнуться не хочетъ, отъ меня отойти не хочетъ, отъ самаго этого страху, потому забоялся меня ужъ очень, а потому отойти отъ меня не смѣетъ. „Да вотъ она, говорю (подошелъ я къ окну, самъ весь высунулся), вонъ она въ кустѣ-то, смѣется вамъ, видите?“ Повѣрилъ вдругъ онъ, такъ и затрясся, больно ужъ они влюблены въ нее были-съ, да весь и высунулся въ окно. Я тутъ схватилъ это самое преспанье чугунное, на столѣ у нихъ, помните-съ, фунта три вѣдь въ немъ будетъ, размахнулся, да сзади его въ самое темя угломъ. Не крикнулъ даже. Только внизъ вдругъ осѣлъ, а я въ другой разъ и въ третій. На третьемъ-то почувствовалъ, что проломилъ. Они вдругъ навзничь и повалились, лицомъ кверху, всѣ-то въ крови. Осмотрѣлъ я: нѣтъ на мнѣ крови, не брызнуло, преспанье обтеръ, положилъ, за образа сходилъ изъ пакета деньги вынулъ, а пакетъ бро-

силъ на полъ, и ленточку эту самую розовую подлѣ. Сошелъ въ садъ, весь трясусь. Прямо къ той яблонѣ, что съ дупломъ,—вы дупло-то это знаете, а я его ужъ давно наглядѣлъ, въ немъ ужъ лежала тряпочка и бумага, давно заготовилъ; обернулъ всю сумму въ бумагу, а потомъ въ тряпку и заткнулъ глубоко. Такъ она тамъ слишкомъ двѣ недѣли оставалась, сумма-то эта самая-съ, потомъ, ужъ послѣ больницы вынулъ. Воротился къ себѣ на кровать, легъ, да и думаю въ страхѣ: „вотъ коли убитъ Григорій Васильевичъ совсѣмъ, такъ тѣмъ самымъ очень худо можетъ произойти, а коли не убитъ и очнется, то оченно хорошо это произойдетъ, потому они будутъ тогда свидѣтелемъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ приходили, а, стало быть, они и убили и деньги унесли-съ". Началъ я тогда отъ сумлѣнія и нетерпѣнія стонать, чтобы Марѳу Игнатьевну разбудить поскорѣй. Встала она, наконецъ, бросилась было ко мнѣ, да какъ увидала вдругъ, что нѣтъ Григорія Васильевича—выбѣжала и, слышу, завопила въ саду. Ну, тутъ-съ все это и пошло на всю ночь, я ужъ во всемъ успокоенъ былъ.

Разсказчикъ остановился. Иванъ все время слушалъ его въ мертвенномъ молчаніи, не шевелясь, не спуская съ него глазъ. Смердяковъ же, разсказывая, лишь изрѣдка на него поглядывалъ, но больше косился въ сторону. Кончивъ разсказъ, онъ видимо самъ взволновался и тяжело переводилъ духъ. На лицѣ его показался потъ. Нельзя было, однако, угадать, чувствуетъ ли онъ раскаяніе или что.

— Стой, подхватилъ, соображаясь, Иванъ.—А дверь-то? Если отворилъ онъ дверь только тебѣ, то какъ же могъ видѣть ее прежде тебя Григорій отворенною? Потому вѣдь Григорій видѣлъ прежде тебя?

Замѣчательно, что Иванъ спрашивалъ самымъ мирнымъ голосомъ, даже совсѣмъ какъ будто другимъ тономъ, совсѣмъ не злобнымъ, такъ что если бы кто-нибудь отворилъ къ нимъ теперь дверь и съ порога взглянулъ на нихъ, то непремѣнно заключилъ бы, что они сидятъ и миролюбиво разговариваютъ о какомъ-нибудь обыкновенномъ, хотя и интересномъ предметѣ.

— Насчетъ этой двери и что Григорій Васильевичъ будто бы видѣлъ, что она отперта, то это ему только такъ почудилось, искривленно усмѣхнулся Смердяковъ.— Вѣдь это, я вамъ скажу, не человѣкъ-съ, а все равно что упрямый меринъ: и не видалъ, а почудилось ему, что ви-

дѣлъ — вотъ его умъ и не собьете-съ. Это ужъ намъ съ вами счастье такое выпало, что онъ это придумалъ, потому что Дмитрія Ѳедоровича несомнѣнно послѣ того въ конецъ уличатъ.

— Слушай, проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, словно опять начиная теряться и что-то усиливаясь сообразить,— слушай... Я много хотѣлъ спросить тебя еще, но забылъ... Я все забываю и путаюсь... Да! Скажи ты мнѣ хоть это одно: зачѣмъ ты пакетъ распечаталъ и тутъ же на полу оставилъ? Зачѣмъ не просто въ пакетѣ унесъ... Ты когда разсказывалъ, то мнѣ показалось, что будто ты такъ говорилъ про этотъ пакетъ, что такъ и надо было поступить... а почему такъ надо—не могу понять...

— А это я такъ сдѣлалъ по нѣкоторой причинѣ-съ. Ибо будь человѣкъ знающій и привычный, вотъ какъ я, напримѣръ, который эти деньги самъ видѣлъ зараньше и, можетъ, ихъ самъ же въ тотъ пакетъ ввертывалъ и собственными глазами смотрѣлъ, какъ его запечатывали и надписывали, то такой человѣкъ-съ съ какой же бы стати, если бы примѣрно это онъ убилъ, сталъ бы тогда, послѣ убивства, этотъ пакетъ распечатывать, да еще въ такихъ попыхахъ, зная и безъ того совсѣмъ ужъ навѣрно, что деньги эти въ томъ пакетѣ безпремѣнно лежатъ-съ? Напротивъ, будь это похититель какъ бы я, напримѣръ, то онъ бы просто сунулъ этотъ пакетъ въ карманъ, нисколько не распечатывая, и съ нимъ поскорѣе утекъ-съ. Совсѣмъ другое тутъ Дмитрій Ѳедоровичъ: они объ пакетѣ только по наслышкѣ знали, его самого не видѣли, и вотъ какъ достали его, примѣрно, будто изъ-подъ тюфяка, то поскорѣе и распечатали его тутъ же, чтобы справиться: есть ли въ немъ въ самомъ дѣлѣ эти самыя деньги? А пакетъ тутъ же бросили, уже не успѣвъ разсудить, что онъ уликой имъ послѣ нихъ останется, потому что они воръ непривычный-съ, и прежде никогда ничего явно не крали, ибо родовые дворяне-съ, а если теперь украсть и рѣшились, то именно какъ бы не украсть, а свое собственное только взять обратно пришли, такъ какъ всему городу объ этомъ предварительно повѣстили и даже похвалялись зараньше вслухъ предъ всѣми, что пойдутъ и собственность свою отъ Ѳедора Павловича отберутъ. Я эту самую мысль прокурору въ опросѣ моемъ не то что ясно сказалъ, а, напротивъ, какъ будто намекомъ подвелъ-съ, точно какъ бы самъ не понимаючи, и точно

какъ бы это они сами выдумали, а не я имъ подсказалъ-съ, — такъ у господина прокурора отъ этого самаго намека моего даже слюнки потекли-съ...

— Такъ неужели, неужели ты все это тогда же такъ на мѣстѣ и обдумалъ? воскликнулъ Иванъ Ѳедоровичъ внѣ себя отъ удивленія. Онъ опять глядѣлъ на Смердякова въ испугѣ.

— Помилосердуйте, да можно ли это все выдумать въ такихъ попыхахъ-съ? Заранѣе все обдумано было.

— Ну... ну, тебѣ значитъ самъ чортъ помогалъ! воскликнулъ опять Иванъ Ѳедоровичъ.—Нѣтъ, ты не глупъ, ты гораздо умнѣй, чѣмъ я думалъ...

Онъ всталъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пройтись по комнатѣ. Онъ былъ въ страшной тоскѣ. Но такъ какъ столъ загораживалъ дорогу и мимо стола и стѣны почти приходилось пролѣзать, то онъ только повернулся на мѣстѣ и сѣлъ опять. То, что онъ не успѣлъ пройтись, можетъ быть, вдругъ и раздражило его, такъ что онъ почти въ прежнемъ изступленіи вдругъ завопилъ:

— Слушай, несчастный, презрѣнный ты человѣкъ! Неужели ты не понимаешь, что если я еще не убилъ тебя до сихъ поръ, то потому только, что берегу тебя на завтрашній отвѣтъ на судѣ. Богъ видитъ (поднялъ Иванъ руку кверху)—можетъ быть, и я былъ виновенъ, можетъ быть, дѣйствительно я имѣлъ тайное желаніе, чтобъ... умеръ отецъ, но клянусь тебѣ, я не столь былъ виновенъ, какъ ты думаешь, и, можетъ быть, не подбивалъ тебя вовсе. Нѣтъ, нѣтъ, не подбивалъ! Но все равно, я покажу на себя самъ, завтра же, на судѣ, я рѣшилъ! Я все скажу, все. Но мы явимся вмѣстѣ съ тобою! И что бы ты ни говорилъ на меня на судѣ, что бы ты ни свидѣтельствовалъ—принимаю и не боюсь тебя; самъ все подтвержу! Но и ты долженъ предъ судомъ сознаться! Долженъ, долженъ, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ.

Иванъ проговорилъ это торжественно и энергично, и видно было уже по одному сверкающему взгляду его, что такъ и будетъ.

— Больны вы, я вижу-съ, совсѣмъ больны-съ. Желтые у васъ совсѣмъ глаза-съ, произнесъ Смердяковъ, но совсѣмъ безъ насмѣшки, даже какъ будто соболѣзнуя.

— Вмѣстѣ пойдемъ! повторилъ Иванъ,—а не пойдешь,— все равно я одинъ сознаюсь.

Смердяковъ помолчалъ, какъ бы вдумываясь.

— Ничего этого не будетъ-съ, и вы не пойдете-съ, рѣшилъ онъ, наконецъ, безапелляціонно.

— Не понимаешь ты меня! укоризненно воскликнулъ Иванъ.

— Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ, если на себя во всемъ признаетесь. А пуще того безполезно будетъ, совсѣмъ-съ, потому я прямо вѣдь скажу, что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ никогда, а что вы или въ болѣзни какой (а на то и похоже-съ), али ужъ братца такъ своего пожалѣли, что собой пожертвовали, а на меня выдумали, такъ какъ все равно меня какъ за мошку считали всю вашу жизнь, а не за человѣка. Ну, и кто жъ вамъ повѣритъ, ну, и какое у васъ есть хоть одно доказательство?

— Слушай, эти деньги ты показалъ мнѣ теперь, конечно, чтобы меня убѣдить.

Смердяковъ снялъ съ пачекъ Исаака Сирина и отложилъ въ сторону.

— Эти деньги съ собою возьмите-съ и унесите, вздохнулъ Смердяковъ.

— Конечно, унесу! Но почему же ты мнѣ отдаешь, если изъ-за нихъ убилъ? съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Иванъ.

— Не надо мнѣ ихъ вовсе-съ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ Смердяковъ, махнувъ рукой. — Была такая прежняя мысль-съ, что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москвѣ, али пуще того за границей, такая мечта была-съ, а пуще все потому, что „все позволено". Это вы вправду меня учили-съ, ибо много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо коли Бога безконечнаго нѣтъ, то и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и разсудилъ.

— Своимъ умомъ дошелъ? криво усмѣхнулся Иванъ.

— Вашимъ руководствомъ-съ.

— А теперь, стало быть, въ Бога увѣровалъ, коли деньги назадъ отдаешь?

— Нѣтъ-съ, не увѣровалъ-съ, прошепталъ Смердяковъ.

— Такъ зачѣмъ отдаешь?

— Полноте... ничего-съ! махнулъ опять Смердяковъ рукой.—Вы вотъ сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему такъ встревожены, сами-то-съ? Показывать на себя даже хотите идти... Только ничего того не будетъ! Не пойдете показывать! твердо и убѣжденно рѣшилъ опять Смердяковъ.

— Увидишь! проговорилъ Иванъ.

— Не можетъ того быть. Умны вы очень-съ. Деньги любите, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а пуще всего въ покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться, — это пуще всего-съ. Не захотите вы жизнь навѣки испортить, такой стыдъ на судѣ принявъ. Вы, какъ Ѳедоръ Павловичъ, наиболѣе-съ, изъ всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одною съ ними душой-съ.

— Ты не глупъ, проговорилъ Иванъ какъ бы пораженный; кровь ударила ему въ лицо.—Я прежде думалъ, что ты глупъ. Ты теперь серьезенъ! замѣтилъ онъ, какъ-то вдругъ по-новому глядя на Смердякова.

— Отъ гордости вашей думали, что я глупъ. Примите деньги-то-съ.

Иванъ взялъ всѣ три пачки кредитокъ и сунулъ въ карманъ, не обертывая ихъ ничѣмъ.

— Завтра ихъ на судѣ покажу, сказалъ онъ.

— Никто вамъ тамъ не повѣритъ-съ, благо денегъ-то у васъ и своихъ теперь довольно, взяли изъ шкатулки да и принесли-съ.

Иванъ всталъ съ мѣста.

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно потому, что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что̀ жъ, убейте-съ. Убейте теперь, вдругъ странно проговорилъ Смердяковъ, странно смотря на Ивана.—Не посмѣете и этого-съ, прибавилъ онъ горько усмѣхнувшись,—ничего не посмѣете, прежній смѣлый человѣкъ-съ!

— До завтра! крикнулъ Иванъ и двинулся идти.

— Постойте... покажите мнѣ ихъ еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердяковъ поглядѣлъ на нихъ секундъ десять.

— Ну, ступайте, проговорилъ онъ, махнувъ рукой.— Иванъ Ѳедоровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему вслѣдъ опять.

— Чего тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— Прощайте-съ!

— До завтра! крикнулъ опять Иванъ, и вышелъ изъ избы. Мятель все еще продолжалась. Первые шаги прошелъ онъ бодро, но вдругъ какъ бы сталъ шататься. „Это что-то физическое“, подумалъ онъ, усмѣхнувшись. Какая-

то словно радость сошла теперь въ его душу. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то безконечную твердость: конецъ колебаніямъ его, столь ужасно его мучившимъ все послѣднее время! Рѣшеніе было взято „и уже не измѣнится“, со счастьемъ подумалъ онъ. Въ это мгновеніе онъ вдругъ на что-то споткнулся и чуть не упалъ. Остановясь, онъ различилъ въ ногахъ своихъ поверженнаго имъ мужичонку, все такъ же лежавшаго на томъ же мѣстѣ, безъ чувствъ и безъ движенія. Мятель уже засыпала ему почти все лицо. Иванъ вдругъ схватилъ его и потащилъ на себѣ. Увидавъ направо въ домишкѣ свѣтъ, подошелъ, постучался въ ставни, и откликнувшагося мѣщанина, которому принадлежалъ домишко, попросилъ помочь ему дотащить мужика въ частный домъ, обѣщая тутъ же дать за то три рубля. Мѣщанинъ собрался и вышелъ. Не стану въ подробности описывать, какъ удалось тогда Ивану Ѳедоровичу достигнуть цѣли и пристроить мужика въ части съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же учинить и осмотръ его докторомъ, при чемъ онъ опять выдалъ и тутъ щедрою рукой „на расходы“. Скажу только, что дѣло взяло почти цѣлый часъ времени. Но Иванъ Ѳедоровичъ остался очень доволенъ. Мысли его раскидывались и работали: „если бы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое на завтра“, подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ,—„то не остановился бы я на цѣлый часъ пристраивать мужичонку, а прошелъ бы мимо его и только плюнулъ бы на то, что онъ замерзнетъ... Однако, какъ я въ силахъ наблюдать за собой?“ подумалъ онъ въ ту же минуту еще съ бо̀льшимъ наслажденіемъ: „а они-то рѣшили тамъ, что я съ ума схожу!“ Дойдя до своего дома, онъ вдругъ остановился подъ внезапнымъ вопросомъ: „а не надо-ль сейчасъ, теперь же, пойти къ прокурору и все объявить?“ Вопросъ онъ рѣшилъ, поворотивъ опять въ дому: „завтра все вмѣстѣ!“ прошепталъ онъ про себя, и странно, почти вся радость, все довольство его собою прошли въ одинъ мигъ. Когда же онъ вступилъ въ свою комнату, что-то ледяное прикоснулось вдругъ къ его сердцу, какъ будто воспоминаніе, вѣрнѣе, напоминаніе о чемъ-то мучительномъ и отвратительномъ, находящемся именно въ этой комнатѣ теперь, сейчасъ, да и прежде бывшемъ. Онъ устало опустился на свой диванъ. Старуха принесла ему самоваръ, онъ заварилъ чай, но не прикоснулся къ нему; старуху отослалъ до завтра. Онъ сидѣлъ на диванѣ и чувство-

валъ головокруженіе. Онъ чувствовалъ, что боленъ и безсиленъ. Сталъ было засыпать, но въ безпокойствѣ всталъ и прошелся по комнатѣ, чтобы прогнать сонъ. Минутами мерещилось ему, что какъ будто онъ бредитъ. Но не болѣзнь занимала его всего болѣе; усѣвшись опять, онъ началъ изрѣдка оглядываться кругомъ, какъ будто что-то высматривая. Такъ было нѣсколько разъ. Наконецъ, взглядъ его пристально направился въ одну точку. Иванъ усмѣхнулся, но краска гнѣва залила его лицо. Онъ долго сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, крѣпко подперевъ обѣими руками голову и все-таки кося глазами на прежнюю точку, на стоявшій у противоположной стѣны диванъ. Его видимо что-то тамъ раздражало, какой-то предметъ, безпокоило, мучило.

IX.

Чортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича.

Я не докторъ, а между тѣмъ чувствую, что пришла минута, когда мнѣ рѣшительно необходимо объяснить хоть что-нибудь въ свойствѣ болѣзни Ивана Ѳедоровича читателю. Забѣгая впередъ, скажу лишь одно: онъ былъ теперь, въ этотъ вечеръ, именно, какъ разъ накапунѣ бѣлой горячки, которая, наконецъ, уже вполнѣ овладѣла его издавна разстроеннымъ, но упорно сопротивлявшимся болѣзни организмомъ. Не зная ничего въ медицинѣ, рискну высказать предположеніе, что, дѣйствительно, можетъ быть, ужаснымъ напряженіемъ воли своей онъ успѣлъ на время отдалить болѣзнь, мечтая, разумѣется, совсѣмъ преодолѣть ее. Онъ зналъ, что нездоровъ, но ему съ отвращеніемъ не хотѣлось быть больнымъ въ это время, въ эти наступающія роковыя минуты его жизни, когда надо было быть налицо, высказать свое слово смѣло и рѣшительно и самому „оправдать себя передъ собою“. Онъ, впрочемъ, сходилъ однажды къ новому, прибывшему изъ Москвы, доктору, выписанному Катериной Ивановной вслѣдствіе одной ея фантазіи, о которой я уже упоминалъ выше. Докторъ, выслушавъ и осмотрѣвъ его, заключилъ, что у него въ родѣ даже какъ бы разстройства въ мозгу, и нисколько не удивился нѣкоторому признанію, которое тотъ съ отвращеніемъ, однако, сдѣлалъ ему. „Галлюцинаціи въ вашемъ состояніи очень возможны, рѣшилъ докторъ, хотя надо бы ихъ и провѣрить... вообще же необходимо начать лѣченіе серьезно, не теряя ни минуты, не то будетъ

плохо". Но Иванъ Ѳедоровичъ, выйдя отъ него, благоразумнаго совѣта не исполнилъ и лечь лѣчиться пренебрегъ: „Хожу вѣдь, силы есть пока, свалюсь—дѣло другое, тогда пусть лѣчитъ кто хочетъ", рѣшилъ онъ, махнувъ рукой. Итакъ, онъ сидѣлъ теперь, почти сознавая самъ, что въ бреду и, какъ уже и сказалъ я, упорно приглядывался къ какому-то предмету у противоположной стѣны на диванѣ. Тамъ вдругъ оказался сидящимъ нѣкто Богъ знаетъ какъ вошедшій, потому что его еще не было въ комнатѣ, когда Иванъ Ѳедоровичъ, возвратясь отъ Смердякова, вступилъ въ нее. Это былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, извѣстнаго сорта русскій джентльменъ, лѣтъ уже не молодыхъ, „qui frisait la cinquantaine", какъ говорятъ французы, съ не очень сильною просѣдью въ темныхъ, довольно длинныхъ и густыхъ еще волосахъ и въ стриженой бородкѣ клиномъ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то коричневый пиджакъ, очевидно, отъ лучшаго портного, но уже поношенный, сшитый примѣрно еще третьяго года и совершенно уже вышедшій изъ моды, такъ что изъ свѣтскихъ достаточныхъ людей такихъ уже два года никто не носилъ. Бѣлье, длинный галстукъ въ видѣ шарфа, все было такъ, какъ и у всѣхъ шиковатыхъ джентльменовъ, но бѣлье, если вглядѣться ближе, было грязновато, а широкій шарфъ очень потертъ. Клѣтчатыя панталоны гостя сидѣли превосходно, но были опять-таки слишкомъ свѣтлы и какъ-то слишкомъ узки, какъ теперь уже перестали носить, равно какъ и мягкая бѣлая пуховая шляпа, которую уже слишкомъ не по сезону притащилъ съ собою гость. Словомъ, былъ видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ. Похоже было на то, что джентльменъ принадлежитъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ-помѣщиковъ, процвѣтавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ; очевидно, видавшій свѣтъ и порядочное общество, имѣвшій когда-то связи и сохранившій ихъ, пожалуй, и до сихъ поръ, но, мало-по-малу, съ обѣдненіемъ послѣ веселой жизни въ молодости и недавней отмѣны крѣпостного права, обратившійся въ родѣ какъ бы въ приживальщика хорошаго тона, скитающагося по добрымъ старымъ знакомымъ, которые принимаютъ его за уживчивый складный характеръ, да еще въ виду того, что все же порядочный человѣкъ, котораго даже и при комъ угодно можно посадить у себя за столъ, хотя, конечно, на скромное мѣсто. Такіе приживальщики,

складнаго характера джентльмены, умѣющіе поразсказать, составить партію въ карты и рѣшительно не любящіе никакихъ порученій, если ихъ имъ навязываютъ,— обыкновенно одиноки, или холостяки, или вдовцы, можетъ быть, и имѣющіе дѣтей, но дѣти ихъ воспитываются всегда гдѣ-то далеко, у какихъ-нибудь тетокъ, о которыхъ джентльменъ никогда почти не упоминаетъ въ порядочномъ обществѣ, какъ бы нѣсколько стыдясь такого родства. Отъ дѣтей же отвыкаетъ мало-по-малу совсѣмъ, изрѣдка получая отъ нихъ къ своимъ именинамъ и къ Рождеству поздравительныя письма и иногда даже отвѣчая на нихъ. Физіономія неожиданнаго гостя была не то чтобы добродушная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствамъ, на всякое любезное выраженіе. Часовъ на немъ не было, но былъ черепаховый лорнетъ на черной лентѣ. На среднемъ пальцѣ правой руки красовался массивный золотой перстень съ недорогимъ опаломъ. Иванъ Ѳедоровичъ злобно молчалъ и не хотѣлъ заговаривать. Гость ждалъ и именно сидѣлъ какъ приживальщикъ, только-что сошедшій сверху изъ отведенной ему комнаты внизъ къ чаю, составить хозяину компанію, но смирно молчавшій въ виду того, что хозяинъ занятъ и объ чемъ-то нахмуренно думаетъ; готовый, однако, ко всякому любезному разговору, только лишь хозяинъ начнетъ его. Вдругъ лицо его выразило какъ бы нѣкоторую внезапную озабоченность.

— Послушай, началъ онъ Ивану Ѳедоровичу,—ты извини, я только чтобы напомнить: ты вѣдь къ Смердякову пошелъ съ тѣмъ, чтобъ узнать про Катерину Ивановну, а ушелъ ничего объ ней не узнавъ, вѣрно забылъ...

— Ахъ, да! вырвалось вдругъ у Ивана, и лицо его омрачилось заботой. — Да, я забылъ... Впрочемъ, теперь все равно, все до завтра, пробормоталъ онъ про себя.— А ты, раздражительно обратился онъ къ гостю, — это я самъ сейчасъ долженъ былъ вспомнить, потому что именно объ этомъ томило тоской! Что ты выскочилъ, такъ я тебѣ и повѣрю, что это ты подсказалъ, а не я самъ вспомнилъ?

— А не вѣрь, ласково усмѣхнулся джентльменъ.—Что за вѣра насиліемъ? Притомъ же въ вѣрѣ никакія доказательства не помогаютъ, особенно матеріальныя. Ѳома повѣрилъ не потому, что увидѣлъ воскресшаго Христа, а потому, что еще прежде желалъ повѣрить. Вотъ, напри-

мѣръ, спириты... я ихъ очень люблю... вообрази, они полагаютъ, что полезны для вѣры, потому что имъ черти съ того свѣта рожки показываютъ. „Это, дескать, доказательство уже, такъ сказать, матеріальное, что есть тотъ свѣтъ“. Тотъ свѣтъ и матеріальныя доказательства, айлюли! И наконецъ, если доказанъ чортъ, то еще неизвѣстно, доказанъ ли Богъ? Я хочу въ идеалистическое общество записаться, оппозицію у нихъ буду дѣлать: „дескать, реалистъ, а не матеріалистъ, хе-хе!“

— Слушай, всталъ вдругъ изъ-за стола Иванъ Ѳедоровичъ. — Я теперь точно въ бреду... и ужъ, конечно, въ бреду... ври что̀ хочешь, мнѣ все равно! Ты меня не приведешь въ изступленіе, какъ въ прошлый разъ. Мнѣ только чего-то стыдно... Я хочу ходить по комнатѣ... Я тебя иногда не вижу и голоса твоего даже не слышу, какъ въ прошлый разъ, не всегда угадываю то, что̀ ты мелешь, потому что *это я, я самъ говорю, а не ты*! Не знаю только, спалъ ли я въ прошлый разъ, или видѣлъ тебя наяву? Вотъ я обмочу полотенце холодною водой и приложу къ головѣ и авось ты испаришься.

Иванъ Ѳедоровичъ прошелъ въ уголъ, взялъ полотенце, исполнилъ какъ сказалъ и съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мнѣ нравится, что мы съ тобой прямо стали на *ты*, началъ было гость.

— Дуракъ, засмѣялся Иванъ, — что̀ жъ я *вы* что ли стану тебѣ говорить. Я теперь веселъ, только въ вискѣ болитъ... и темя... только пожалуйста не философствуй какъ въ прошлый разъ. Если не можешь убраться, то ври что-нибудь веселое. Сплетничай, вѣдь ты приживальщикъ, такъ сплетничай. Навяжется же такой кошмаръ! Но я не боюсь тебя. Я тебя преодолѣю. Не свезутъ въ сумасшедшій домъ!

— C'est charmant приживальщикъ. Да, я именно въ своемъ видѣ. Кто жъ я на землѣ, какъ не приживальщикъ? Кстати, я вѣдь слушаю тебя и немножко дивлюсь: ей-Богу, ты меня какъ будто уже начинаешь помаленьку принимать за нѣчто и въ самомъ дѣлѣ, а не за твою только фантазію, какъ стоялъ на томъ въ прошлый разъ...

— Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду, какъ-то яростно даже вскричалъ Иванъ.—Ты ложь, ты болѣзнь моя, ты призракъ. Я только не знаю, чѣмъ тебя истребить, и вижу, что нѣкоторое время надобно

прострадать. Ты моя галлюцинація. Ты воплощеніе меня самого, только одной, впрочемъ, моей стороны... моихъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ. Съ этой стороны ты могъ бы быть даже мнѣ любопытенъ, если бы только мнѣ было время съ тобой возиться...

— Позволь, позволь, я тебя уличу: давеча у фонаря, когда ты вскинулся на Алешу и закричалъ ему: „ты отъ *него* узналъ! Почему ты узналъ, что *онъ* ко мнѣ ходитъ?“ Это вѣдь ты про меня вспоминалъ. Стало-быть, одно маленькое мгновеньице вѣдь вѣрилъ же, вѣрилъ, что я дѣйствительно есмь, мягко засмѣялся джентльменъ.

— Да, это была слабость природы... но я не могъ тебѣ вѣрить. Я не знаю, спалъ ли я или ходилъ прошлый разъ. Я, можетъ быть, тогда тебя только во снѣ видѣлъ, а вовсе не наяву...

— А зачѣмъ ты давеча съ нимъ такъ сурово, съ Алешей-то? Онъ милый; я предъ нимъ за старца Зосиму виноватъ.

— Молчи про Алешу! Какъ ты смѣешь, лакей! опять засмѣялся Иванъ.

— Бранишься, а самъ смѣешься,—хорошій знакъ. Ты, впрочемъ, сегодня гораздо со мной любезнѣе, чѣмъ въ прошлый разъ, и я понимаю отчего: это великое рѣшеніе...

— Молчи про рѣшеніе! свирѣпо вскричалъ Иванъ.

— Понимаю, понимаю, c'est noble, c'est charmant, ты идешь защищать завтра брата и приносишь себя въ жертву... c'est chevaleresque...

— Молчи, я тебѣ пинковъ надаю!

— Отчасти буду радъ, ибо тогда моя цѣль достигнута, коли пинки, значитъ, вѣришь въ мой реализмъ, потому что призраку не даютъ пинковъ. Шутки въ сторону: мнѣ вѣдь все равно, бранись, коли хочешь, но все же лучше быть хоть каплю повѣжливѣе, хотя бы даже со мной. А то дуракъ, да лакей, ну что̀ за слова!

— Браня тебя—себя браню! опять засмѣялся Иванъ,—ты—я, самъ я, только съ другой рожей. Ты именно говоришь то, что̀ я уже мыслю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ новаго!

— Если я схожусь съ тобою въ мысляхъ, то это дѣлаетъ мнѣ только честь, съ деликатностью и достоинствомъ проговорилъ джентльменъ.

— Только все скверныя мои мысли берешь, а главное — глупыя. Ты глупъ и пошлъ. Ты ужасно глупъ.

Нѣтъ, я тебя не вынесу! Что̀ мнѣ дѣлать, что̀ мнѣ дѣлать! проскрежеталъ Иванъ.

— Другъ мой, я, все-таки, хочу быть джентльменомъ и чтобы меня такъ и принимали,—въ припадкѣ нѣкоторой чисто приживальщицкой и уже впередъ уступчивой и добродушной амбиціи началъ гость. — Я бѣденъ, но... не скажу, что очень честенъ, но... обыкновенно въ обществѣ принято за аксіому, что я падшій ангелъ. Ей-Богу, не могу представить, какимъ образомъ я могъ быть когда-нибудь ангеломъ. Если и былъ когда, то такъ давно, что не грѣшно и забыть. Теперь я дорожу лишь репутаціей порядочнаго человѣка и живу какъ придется, стараясь быть пріятнымъ. Я людей люблю искренно,—о, меня во многомъ оклеветали! Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя жизнь протекаетъ въ родѣ чего-то какъ бы и въ самомъ дѣлѣ, и это мнѣ болѣе всего нравится. Вѣдь я и самъ, какъ и ты же, страдаю отъ фантастическаго, а потому и люблю вашъ земной реализмъ. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія, а у насъ все какія-то неопредѣленныя уравненія! Я здѣсь хожу и мечтаю. Я люблю мечтать. Къ тому же на землѣ я становлюсь суевѣренъ, — не смѣйся, пожалуйста: мнѣ именно это-то и нравится, что я становлюсь суевѣренъ. Я здѣсь всѣ ваши привычки принимаю: я въ баню торговую полюбилъ ходить, можешь ты это представить, и люблю съ купцами и попами париться. Моя мечта, это— воплотиться, но чтобъ ужъ окончательно, безвозвратно, въ какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему повѣрить, во что̀ она вѣритъ. Мой идеалъ—войти въ церковь и поставить свѣчку отъ чистаго сердца, ей-Богу такъ. Тогда предѣлъ моимъ страданіямъ. Вотъ тоже лѣчиться у васъ полюбилъ: весной оспа пошла, я пошелъ и въ воспитательномъ домѣ себѣ оспу привилъ,—если бъ ты зналъ, какъ я былъ въ тотъ день доволенъ: на братьевъ славянъ десять рублей пожертвовалъ!.. Да ты не слушаешь. Знаешь, ты что-то очень сегодня не по себѣ, помолчалъ немного джентльменъ. — Я знаю, ты ходилъ вчера къ тому доктору... ну, какъ твое здоровье? Что̀ тебѣ докторъ сказалъ?

— Дуракъ! отрѣзалъ Иванъ.

— Зато ты-то какъ уменъ. Ты опять бранишься? Я вѣдь не то, чтобъ изъ участія, а такъ. Пожалуй не отвѣчай. Теперь вотъ ревматизмы опять пошли...

— Дуракъ, повторилъ опять Иванъ.

— Ты все свое, а я вотъ такой ревматизмъ прошлаго года схватилъ, что до сихъ поръ вспоминаю.

— У чорта ревматизмъ?

— Почему же и нѣтъ, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, такъ и принимаю послѣдствія. Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto.

— Какъ, какъ? Сатана sum et nihil humanum... это не глупо для чорта!

— Радъ, что, наконецъ, угодилъ.

— А вѣдь это ты взялъ не у меня, остановился вдругъ Иванъ, какъ бы пораженный,—это мнѣ никогда въ голову не приходило, это странно...

— C'est du nouveau, n'est-ce pas? На этотъ разъ я поступлю честно и объясню тебѣ. Слушай: въ снахъ, и особенно въ кошмарахъ, ну, тамъ отъ разстройства желудка или чего-нибудь, иногда видитъ человѣкъ такіе художественные сны, такую сложную и реальную дѣйствительность, такія событія или даже цѣлый міръ событій, связанный такою интригой, съ такими неожиданными подробностями, начиная съ высшихъ вашихъ проявленій до послѣдней пуговицы на манишкѣ, что, клянусь тебѣ, Левъ Толстой не сочинитъ, а между тѣмъ видятъ такіе сны иной разъ вовсе не сочинители, совсѣмъ самые заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы... Насчетъ этого даже цѣлая задача: одинъ министръ такъ даже мнѣ самъ признавался, что всѣ лучшія идеи его приходятъ къ нему когда онъ спитъ. Ну, вотъ такъ и теперь. Я хоть и твоя галлюцинація, но, какъ и въ кошмарѣ, я говорю вещи оригинальныя, какія тебѣ до сихъ поръ въ голову не приходили, такъ что уже вовсе не повторяю твоихъ мыслей, а между тѣмъ, я только твой кошмаръ и больше ничего.

— Лжешь. Твоя цѣль именно увѣрить, что ты самъ по себѣ, а не мой кошмаръ, и вотъ ты теперь подтверждаешь самъ, что ты сонъ.

— Другъ мой, сегодня я взялъ особую методу, я потомъ тебѣ растолкую. Постой, гдѣ же я остановился? Да, вотъ я тогда простудился, только не у васъ, а еще тамъ...

— Гдѣ тамъ? Скажи, долго ли ты у меня пробудешь, не можешь уйти? почти въ отчаяніи воскликнулъ Иванъ.

Онъ оставилъ ходить, сѣлъ на диванъ, опять облокотился на столъ и стиснулъ обѣими руками голову. Онъ

сорвалъ съ себя мокрое полотенце и съ досадой отбросилъ его: очевидно, не помогало.

— У тебя разстроены нервы, замѣтилъ джентльменъ съ развязно-небрежнымъ, но совершенно дружелюбнымъ, однако, видомъ,—ты сердишься на меня даже за то, что я могъ простудиться, а между тѣмъ произошло оно самымъ естественнымъ образомъ. Я тогда поспѣшалъ на одинъ дипломатическій вечеръ къ одной высшей петербургской дамѣ, которая мѣтила въ министры. Ну, фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки, и, однако, я былъ еще Богъ знаетъ гдѣ, и чтобы попасть къ вамъ на землю, предстояло еще перелетѣть пространство... конечно, это одинъ только мигъ, но вѣдь и лучъ свѣта отъ солнца идетъ цѣлыхъ восемь минутъ, а тутъ, представь, во фракѣ и въ открытомъ жилетѣ. Духи не замерзаютъ, но ужъ когда воплотился, то... словомъ, свѣтреничалъ, и пустился, а вѣдь въ пространствахъ-то этихъ, въ эѳирѣ-то, въ водѣ-то этой, яже бѣ надъ твердію,—вѣдь это такой морозъ... то-есть какое морозъ, — это ужъ и морозомъ назвать нельзя; можешь представить: сто пятьдесятъ градусовъ ниже нуля! Извѣстна забава деревенскихъ дѣвокъ: на тридцатиградусномъ морозѣ предлагаютъ новичку лизнуть топоръ; языкъ мгновенно примерзаетъ и олухъ въ кровь сдираетъ съ него кожу; такъ вѣдь это только на тридцати градусахъ, а на ста-то пятидесяти, да тутъ только палецъ, я думаю, приложить къ топору, и его какъ не бывало, если бы... только тамъ могъ случиться топоръ...

— А тамъ можетъ случиться топоръ? разсѣянно и гадливо перебилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Онъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ, чтобы не повѣрить своему бреду и не впасть въ безуміе окончательно.

— Топоръ? переспросилъ гость въ удивленіи.

— Ну, да, что̀ станется тамъ съ топоромъ? съ какимъ-то свирѣпымъ и настойчивымъ упорствомъ вдругъ вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Что̀ станется въ пространствѣ съ топоромъ? Quelle idée! Если куда попадетъ подальше, то примется, я думаю, летать вокругъ земли, самъ не зная зачѣмъ, въ видѣ спутника. Астрономы вычислятъ восхожденіе и захожденіе топора, Гатцукъ внесетъ въ календарь, вотъ и все.

— Ты глупъ, ты ужасно глупъ! строптиво сказалъ Иванъ.—Ври умнѣе, а то я не буду слушать. Ты хочешь

побороть меня реализмомъ, увѣрить меня, что ты есть, но я не хочу вѣрить, что ты есть! Не повѣрю!!

— Да я не вру, все правда; къ сожалѣнію, правда почти всегда бываетъ неостроумна. Ты, я вижу, рѣшительно ждешь отъ меня чего-то великаго, а, можетъ быть, и прекраснаго. Это очень жаль, потому что я даю лишь то, что могу...

— Не философствуй, оселъ!

— Какая тутъ философія, когда вся правая сторона отнялась, кряхчу и мычу. Былъ у всей медицины: распознать умѣютъ отлично, всю болѣзнь разскажутъ тебѣ какъ по пальцамъ, ну, а вылѣчить не умѣютъ. Студентикъ тутъ одинъ случился восторженный: „если вы, говоритъ, и умрете, то зато будете вполнѣ знать, отъ какой болѣзни умерли!“ Опять-таки эта ихъ манера отсылать къ спеціалистамъ: мы, дескать, только распознаемъ, а вотъ поѣзжайте къ такому-то спеціалисту, онъ ужъ вылѣчитъ. Совсѣмъ, совсѣмъ, я тебѣ скажу, исчезъ прежній докторъ, который ото всѣхъ болѣзней лѣчилъ, теперь только одни спеціалисты и все въ газетахъ публикуются. Заболи у тебя носъ, тебя шлютъ въ Парижъ: тамъ, дескать, европейскій спеціалистъ носы лѣчитъ. Пріѣдешь въ Парижъ, онъ осмотритъ носъ: я вамъ, скажетъ, только правую ноздрю могу вылѣчить, потому что лѣвыхъ ноздрей не лѣчу, это не моя спеціальность, а поѣзжайте послѣ меня въ Вѣну, тамъ вамъ особый спеціалистъ лѣвую ноздрю долѣчитъ. Что будешь дѣлать? Прибѣгнулъ къ народнымъ средствамъ, одинъ нѣмецъ-докторъ посовѣтовалъ въ банѣ на полкѣ медомъ съ солью вытереться. Я, единственно, чтобы только въ баню лишній разъ сходить, пошелъ: выпачкался весь, и никакой пользы. Съ отчаянія графу Маттеи въ Миланъ написалъ: прислалъ книгу и капли, Богъ съ нимъ. И, вообрази: мальцъ-экстрактъ Гоффа помогъ! Купилъ нечаянно, выпилъ полторы склянки, и хоть танцовать, все какъ рукой сняло. Непремѣнно положилъ ему „спасибо“ въ газетахъ напечатать, чувство благодарности заговорило, и вотъ, вообрази, тутъ уже другая исторія пошла—ни въ одной-то редакціи не принимаютъ! „Ретроградно очень будетъ, говорятъ, никто не повѣритъ, le diable n'existe point. Вы, совѣтуютъ, напечатайте анонимно“. Ну, какое же „спасибо“, если анонимно. Смѣюсь съ конторщиками: „это въ Бога, говорю, въ нашъ вѣкъ ретроградно вѣрить, а вѣдь я чортъ, въ

меня можно".—„Понимаемъ, говорятъ, кто же въ чорта не вѣритъ, а все-таки нельзя, направленію повредить можетъ. Развѣ въ видѣ шутки?" Ну, въ шутку-то, подумалъ, будетъ неостроумно. Такъ и не напечатали. И, вѣришь ли, у меня даже на сердцѣ это осталось. Самыя лучшія чувства мои, какъ, напримѣръ, благодарность, мнѣ формально запрещены единственно соціальнымъ моимъ положеніемъ.

— Опять въ философію въѣхалъ? ненавистно проскрежеталъ Иванъ.

— Боже меня убереги, но вѣдь нельзя же иногда не пожаловаться. Я человѣкъ оклеветанный. Вотъ ты поминутно мнѣ, что я глупъ. Такъ и видно молодого человѣка. Другъ мой, не въ одномъ умѣ дѣло! У меня отъ природы сердце доброе и веселое, „я вѣдь тоже разные водевильчики". Ты, кажется, рѣшительно принимаешь меня за престарѣлаго Хлестакова, и, однако, судьба моя гораздо серьезнѣе. Какимъ-то тамъ довременнымъ назначеніемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣленъ „отрицать", между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію совсѣмъ неспособенъ. „Нѣтъ, ступай отрицать, безъ отрицанія-де не будетъ критики, а какой же журналъ, если нѣтъ „отдѣленія критики"? Безъ критики будетъ одна „осанна". Но для жизни мало одной „осанны", надо, чтобъ „осанна"-то эта переходила черезъ горнило сомнѣній, ну, и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Я, впрочемъ, во все это не ввязываюсь, не я сотворялъ, не я и въ отвѣтѣ. Ну, и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ отдѣленіи критики, и получилась жизнь. Мы эту комедію понимаемъ: я, напримѣръ, прямо и просто требую себѣ уничтоженія. Нѣтъ, живи, говорятъ, потому что безъ тебя ничего не будетъ. Если бы на землѣ было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Безъ тебя не будетъ никакихъ происшествій, а надо, чтобы были происшествія. Вотъ и служу, скрѣпя сердце, чтобы были происшествія, и творю неразумное по приказу. Люди принимаютъ всю эту комедію за нѣчто серьезное, даже при всемъ своемъ безспорномъ умѣ. Въ этомъ ихъ и трагедія. Ну, и страдаютъ, конечно, но... все же зато живутъ, живутъ реально, не фантастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ страданія какое было бы въ ней удовольствіе; все обратилось бы въ одинъ безконечный молебенъ: оно свято, но скучновато. Ну, а я? Я страдаю, а

все же не живу. Я иксъ въ неопредѣленномъ уравненіи. Я какой-то призракъ жизни, который потерялъ всѣ концы и начала, и даже самъ позабылъ, наконецъ, какъ и назвать себя. Ты смѣешься... нѣтъ, ты не смѣешься, ты опять сердишься. Ты вѣчно сердишься, тебѣ бы все только ума, а я опять-таки повторяю тебѣ, что я отдалъ бы всю эту надзвѣздную жизнь, всѣ чины и почести за то только, чтобы воплотиться въ душу семипудовой купчихи и Богу свѣчки ставить.

— Ужъ и ты въ Бога не вѣришь? ненавистно усмѣхнулся Иванъ.

— То-есть какъ тебѣ это сказать, если ты только серьезно....

— Есть Богъ или нѣтъ? опять со свирѣпою настойчивостью крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серьезно? Голубчикъ мой, ей-Богу не знаю, вотъ великое слово сказалъ.

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ по себѣ, ты—*я*, ты есть *я* и болѣе ничего! Ты—дрянь, ты—моя фантазія!

— То-есть, если хочешь, я одной съ тобой философіи, вотъ это будетъ справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю навѣрно, остальное же все, что̀ кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ, и даже самъ сатана,—все это для меня не доказано, существуетъ ли оно само по себѣ, или есть только одна моя эманація, послѣдовательное развитіе моего *я*, существующаго довременно и единолично... словомъ, я быстро прерываю, потому что ты, кажется, сейчасъ драться вскочишь.

— Лучше бы ты какой анекдотъ! болѣзненно проговорилъ Иванъ.

— Анекдотъ есть и именно на нашу тему, то-есть, это не анекдотъ, а такъ, легенда. Ты вотъ укоряешь меня въ невѣріи: „видишь-де, а не вѣришь“. Но, другъ мой, вѣдь не я же одинъ таковъ, у насъ тамъ всѣ теперь помутились, и все отъ вашихъ наукъ. Еще пока были атомы, пять чувствъ, четыре стихіи, ну, тогда все кое-какъ клеилось. Атомы-то и въ древнемъ мірѣ были. А вотъ какъ узнали у насъ, что вы тамъ открыли у себя „химическую молекулу“, да „протоплазму“, да чортъ знаетъ что̀ еще,—такъ у насъ поджали хвосты. Просто сумбуръ начался; главное — суевѣріе, сплетни: сплетенъ вѣдь и у насъ столько же, сколько у васъ, даже капельку больше, а,

наконецъ, и доносы, у насъ вѣдь тоже есть такое одно отдѣленіе, гдѣ принимаютъ извѣстныя „свѣдѣнія“. Такъ вотъ эта дикая легенда, еще среднихъ нашихъ вѣковъ,— не вашихъ, а нашихъ, — и никто-то ей не вѣритъ даже и у насъ, кромѣ семипудовыхъ купчихъ, то-есть опять-таки не вашихъ, а нашихъ купчихъ. Все что у васъ есть — есть и у насъ, это я ужъ тебѣ по дружбѣ одну тайну нашу открываю, хоть и запрещено. Легенда-то эта объ раѣ. Былъ, дескать, здѣсь у васъ на землѣ одинъ такой мыслитель и философъ, „все отвергалъ, законы, совѣсть, вѣру“, а главное — будущую жизнь. Померъ, думалъ, что прямо во мракъ и смерть, анъ передъ нимъ— будущая жизнь. Изумился и вознегодовалъ: „Это, говоритъ, противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ“. Вотъ его за это и присудили... то-есть, видишь, ты меня извини, я вѣдь передаю самъ что слышалъ, это только легенда... присудили, видишь, его, чтобы прошелъ во мракѣ квадрилліонъ километровъ (у насъ вѣдь теперь на километры), и когда кончитъ этотъ квадрилліонъ, то тогда ему отворятъ райскія двери и все простятъ...

— А какія муки у васъ на томъ свѣтѣ кромѣ-то квадрилліона? съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ прервалъ Иванъ.

— Какія муки? Ахъ, и не спрашивай: прежде было и такъ и сякъ, а нынѣ все больше нравственныя пошли, „угрызенія совѣсти“ и весь этотъ вздоръ. Это тоже отъ васъ завелось, отъ „смягченія вашихъ нравовъ“. Ну, и кто же выигралъ, выиграли одни безсовѣстные, потому что жъ ему за угрызенія совѣсти, когда и совѣсти-то нѣтъ вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которыхъ еще оставалась совѣсть и честь... То-то вотъ реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанныя съ чужихъ учрежденій,— одинъ только вредъ! Древній огонекъ-то лучше бы. Ну, такъ вотъ этотъ осужденный на квадрилліонъ постоялъ, посмотрѣлъ и легъ поперекъ дороги: „не хочу идти, изъ принципа не пойду!“ Возьми душу русскаго просвѣщеннаго атеиста и смѣшай съ душой пророка Іоны, будировавшаго во чревѣ китовѣ три дня и три ночи, — вотъ тебѣ характеръ этого улегшагося на дорогѣ мыслителя.

— На чемъ же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты не смѣешься?

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все въ томъ же страш-

номъ оживленіи. Теперь онъ слушалъ съ какимъ-то неожиданнымъ любопытствомъ. — Ну, что жъ, и теперь лежитъ?

— То-то и есть, что нѣтъ. Онъ пролежалъ почти тысячу лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ оселъ-то! воскликнулъ Иванъ, нервно захохотавъ, все какъ бы что-то усиленно соображая.—Не все ли равно, лежать ли вѣчно или идти квадрилліонъ верстъ? Вѣдь это билліонъ лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ только нѣтъ карандашика и бумажки, а то бы разсчитать можно. Да вѣдь онъ давно уже дошелъ и тутъ-то начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ жъ онъ билліонъ лѣтъ взялъ?

— Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю! Да вѣдь теперешняя земля, можетъ, сама-то билліонъ разъ повторялась; ну, отживала, леденѣла, трескалась, разсыпалась, разлагалась на составныя начала, опять вода яже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля,—вѣдь это развитіе, можетъ, уже безконечно разъ повторяется, и все въ одномъ и томъ же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая...

— Ну-ну, что же вышло, когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай и онъ вступилъ, то не пробывъ еще двухъ секундъ—и это по часамъ, по часамъ (хотя часы его, по-моему, давно должны были бы разложиться на составные элементы у него въ карманѣ дорогой) — не пробывъ двухъ секундъ, воскликнулъ, что за эти двѣ секунды не только квадрилліонъ, но квадрилліонъ квадрилліоновъ пройти можно, да еще возвысивъ въ квадрилліонную степень! Словомъ, пропѣлъ „осанну", да и пересолилъ, такъ что иные тамъ, съ образомъ мыслей поблагороднѣе, такъ даже руки ему не хотѣли подать на первыхъ порахъ: слишкомъ-де ужъ стремительно въ консерваторы перескочилъ. Русская натура. Повторяю: легенда. За что купилъ, за то и продалъ. Такъ вотъ еще какія тамъ у насъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія ходятъ.

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ съ какою-то почти дѣтскою радостью, какъ бы уже окончательно что-то припомнивъ,—этотъ анекдотъ о квадрилліонѣ лѣтъ.—это я самъ сочинилъ! Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я былъ въ гимназіи... я этотъ анекдотъ тогда сочинилъ и разсказалъ одному товарищу, фамилія его Коровкинъ, это

было въ Москвѣ... Анекдотъ этотъ такъ характеренъ, что я не могъ его ни откуда взять. Я его было забылъ... но онъ мнѣ припомнился теперь безсознательно,—мнѣ самому, а не ты разсказалъ! Какъ тысячи вещей припоминаются иногда безсознательно, даже когда казнить везутъ... во снѣ припомнился. Вотъ ты и есть этотъ сонъ! Ты сонъ, и не существуешь!

— По азарту, съ какимъ ты отвергаешь меня, засмѣялся джентльменъ, — я убѣждаюсь, что ты все-таки въ меня вѣришь.

— Нимало! На сотую долю не вѣрю!

— Но на тысячную вѣришь. Гомеопатическія-то доли вѣдь самыя, можетъ-быть, сильныя. Признайся, что вѣришь, ну, на десятитысячную...

— Ни одной минуты! яростно вскричалъ Иванъ. — Я, впрочемъ, желалъ бы въ тебя повѣрить! странно вдругъ прибавилъ онъ.

— Эге! Вотъ, однако, признаніе! Но я добръ, я тебѣ и тутъ помогу. Слушай: это я тебя поймалъ, а не ты меня! Я нарочно тебѣ твой же анекдотъ разсказалъ, который ты уже забылъ, чтобы ты окончательно во мнѣ разувѣрился.

— Лжешь! Цѣль твоего появленія увѣрить меня... что ты есь.

— Именно. Но колебанія, но безпокойство, но борьба вѣры и невѣрія, — это вѣдь такая иногда мука для совѣстливаго человѣка, вотъ какъ ты, что лучше повѣситься. Я именно, зная, что ты капельку вѣришь въ меня, подпустилъ тебѣ невѣрія уже окончательно, разсказавъ этотъ анекдотъ. Я тебя вожу между вѣрой и безвѣріемъ поперемѣнно, и тутъ у меня своя цѣль. Новая метода-съ. Вѣдь когда ты во мнѣ совсѣмъ разувѣришься, то тотчасъ меня же въ глаза начнешь увѣрять, что я не сонъ, а есмь въ самомъ дѣлѣ, я тебя ужъ знаю: вотъ я тогда и достигну цѣли, а цѣль моя благородная. Я въ тебя только крохотное сѣмечко вѣры брошу, а изъ этого вырастетъ дубъ,—да еще такой дубъ, что ты, сидя въ дубѣ-то, въ „отцы-пустынники и въ жены непорочны“ пожелаешь вступить; ибо тебѣ оченно, оченно того втайнѣ хочется, акриды кушать будешь, спасаться въ пустыню потащишься!

— Такъ ты, негодяй, для спасенія моей души стараешься?

— Надо же хоть когда-нибудь доброе дѣло сдѣлать. Злишься-то ты, злишься, какъ я погляжу!

— Шутъ! А искушалъ ты когда-нибудь вотъ этакихъ-то, вотъ что̀ акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ такой пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ и міры забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому что брильянтъ-то ужъ очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа стоитъ иной разъ цѣлаго созвѣздія,— у насъ вѣдь своя ариѳметика. Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей-Богу, не ниже тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такія бездны вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ же моментъ, что, право, иной разъ кажется только бы еще одинъ волосокъ — и полетитъ человѣкъ „вверхъ тормашки", какъ говоритъ актеръ Горбуновъ.

— Ну, и что̀ жъ, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость, — съ носомъ все же лучше отойти, чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, какъ недавно еще изрекъ одинъ болящій маркизъ (должно быть спеціалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу іезуиту. Я присутствовалъ — просто прелесть. „Возвратите мнѣ, говоритъ, мой носъ!" И бьетъ себя въ грудь.—„Сынъ мой, виляетъ патеръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполняется и великая бѣда влечетъ иногда за собою чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ носа, то выгода ваша въ томъ, что уже никто во всю вашу жизнь не осмѣлится вамъ сказать, что вы остались съ носомъ". — „Отецъ святой, это не утѣшеніе!" восклицаетъ отчаянный, — „я былъ бы, напротивъ, въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставаться съ носомъ, только бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ".—„Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя требовать разомъ и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и тутъ не забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, что съ радостью готовы бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то и тутъ уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы тѣмъ самымъ все же какъ бы остались съ носомъ"...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя разсмѣшить, но, клянусь, это настоящая іезуитская казуистика, и, кля-

нусь, все это случилось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ недавній и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой человѣкъ, возвратясь домой, въ ту же ночь застрѣлился; я былъ при немъ неотлучно до послѣдняго момента... Что же до исповѣдальныхъ этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это воистину самое милое мое развлеченіе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ случай, совсѣмъ уже на-дняхъ. Приходитъ къ старику патеру блондиночка, норманочка, лѣтъ двадцати дѣвушка. Красота, тѣлеса, натура,—слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку свой грѣхъ.—„Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?..“ восклицаетъ патеръ.—„О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ тѣмъ“.—„Но доколѣ же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно!“—„Ah, mon père“, отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ слезахъ: „Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!“ Ну, представь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужъ я и отступился: это крикъ самой природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я тутъ же отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ же принужденъ былъ и воротиться: слышу, патеръ въ дырочку ей назначаетъ вечеромъ свиданіе,—а вѣдь старикъ—кремень, и вотъ палъ въ одно мгновеніе. Природа-то, правда-то природы взяла свое! Что, опять воротишь носъ, опять сердишься? Не знаю ужъ чѣмъ и угодить тебѣ...

— Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу какъ неотвязный кошмаръ, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ видѣніемъ,—мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! Я бы много далъ, еслы бы могъ прогнать тебя!

— Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня „всего великаго и прекраснаго“, и увидишь, какъ мы дружно съ тобой уживемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ-нибудь въ красномъ сіяніи, „гремя и блистая“, съ опаленными крыльями, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбленъ, во-первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а, во-вторыхъ, въ гордости: какъ, дескать, къ такому великому человѣку могъ войти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ-таки есть эта романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣлинскимъ. Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча, собираясь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отстав-

ного дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, со звѣздой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, потому ты избилъ бы меня только за то, какъ я смѣлъ прицѣпить на фракъ Льва и Солнце, а не прицѣпилъ, по крайней мѣрѣ, Полярную Звѣзду или Сиріуса. И все ты о томъ, что я глупъ. Но, Богъ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. Мефистофель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Но, это какъ ему угодно, я же совершенно напротивъ. Я, можетъ быть, единственный человѣкъ во всей природѣ, который любитъ истину и искренно желаетъ добра. Я былъ при томъ, когда умершее на крестѣ Слово восходило въ небо, неся на персяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ радостные взвизги херувимовъ, поющихъ и вопіющихъ: „осанна“, и громовый вопль восторга серафимовъ, отъ котораго потряслось небо и все міроздаиіе. И вотъ, клянусь же всѣмъ, что̀ есть свято, я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми „осанна!“ Уже слетало, уже рвалось изъ груди... я вѣдь, ты знаешь, очень чувствителенъ и художественно воспріимчивъ. Но здравый смыслъ,—о, самое несчастное свойство моей природы,—удержалъ меня и тутъ въ должныхъ границахъ, и я пропустилъ мгновеніе! Ибо что̀ же, подумалъ я въ ту же минуту, — что̀ же бы вышло изъ моей-то „осанны“? Тотчасъ бы все угасло на свѣтѣ и не стало бы случаться никакихъ происшествій. И вотъ, единственно по долгу службы и по соціальному моему положенію я принужденъ былъ задавить въ себѣ хорошій моментъ и остаться при пакостяхъ. Честь добра кто-то беретъ всю себѣ, а мнѣ оставлены въ удѣлъ только пакости. Но я не завидую чести жить на шаромыжку, я не честолюбивъ. Почему изо всѣхъ существъ въ мірѣ только я лишь одинъ обреченъ на проклятія ото всѣхъ порядочныхъ людей и даже на пинки сапогами, ибо, воплощаясь, долженъ принимать иной разъ и такія послѣдствія. Я вѣдь знаю, тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за что̀ не хотятъ открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись въ чемъ дѣло, рявкну „осанну“, и тотчасъ исчезнетъ необходимый минусъ и начнется во всемъ мірѣ благоразуміе, а съ нимъ, разумѣется, и конецъ всему, даже газетамъ и журналамъ, потому что кто жъ на нихъ тогда станетъ подписываться. Я вѣдь знаю, въ концѣ концовъ я поми-

рюсь, дойду и я мой квадрилліонъ, и узнаю секретъ. Но пока это произойдетъ, будирую, и, скрѣпя сердце, исполняю мое назначеніе: губить тысячи, чтобы спасся одинъ. Сколько, напримѣръ, надо было погубить душъ и опозорить честныхъ репутацій, чтобы получить одного только праведнаго Іова, на которомъ меня такъ зло поддѣли во время оно! Нѣтъ, пока не открытъ секретъ, для меня существуютъ двѣ правды: одна тамошняя, ихняя, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя. И еще неизвѣстно, которая будетъ почище... Ты заснулъ?

— Еще бы, злобно простоналъ Иванъ,—все что̀ ни есть глупаго въ природѣ моей, давно уже пережитаго, перемолотаго въ умѣ моемъ, отброшеннаго какъ падаль,—ты мнѣ же подносишь, какъ какую-то новость!

— Не потрафилъ и тутъ! А я-то думалъ тебя даже литературнымъ изложеніемъ прельстить: эта „осанна"-то въ небѣ, право, недурно вѣдь у меня вышло? Затѣмъ сейчасъ этотъ саркастическій тонъ à la Гейне, а, не правда-ли?

— Нѣтъ, я никогда не былъ такимъ лакеемъ! Почему же душа моя могла породить такого лакея, какъ ты?

— Другъ мой, я знаю одного прелестнѣйшаго и милѣйшаго русскаго барченка: молодого мыслителя и большого любителя литературы и изящныхъ вещей, автора поэмы, которая обѣщаетъ, подъ названіемъ: „Великій Инквизиторъ"... я его только и имѣлъ въ виду!

— Я тебѣ запрещаю говорить о „Великомъ Инквизиторѣ", воскликнулъ Иванъ, весь покраснѣвъ отъ стыда.

— Ну, а „геологическій-то переворотъ"? Помнишь? Вотъ это такъ ужъ поэмка!

— Молчи, или я убью тебя!

— Это меня-то убьешь? Нѣтъ, ужъ извини, выскажу. Я и пришелъ, чтобъ угостить себя этимъ удовольствіемъ. О, я люблю мечты пылкихъ, молодыхъ, трепещущихъ жаждой жизни друзей моихъ! „Тамъ новые люди", рѣшилъ ты еще прошлою весной, сюда собираясь, „они полагаютъ разрушить все и начать съ антропофагіи. Глупцы, меня не спросились! По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло! Съ этого, съ этого надобно начинать,—о, слѣпцы, ничего не понимающіе! Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога (а я вѣрю, что этотъ періодъ, параллель геологиче-

скимъ періодамъ, совершится), то само собою, безъ антропофагіи, падетъ все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди совокупятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастія и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣкъ-богъ. Ежечасно побѣждая уже безъ границъ природу, волею своею и наукой, человѣкъ тѣмъ самымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновеніе, и возлюбитъ брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять лишь мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную...“ ну и прочее, и прочее, въ томъ же родѣ. Премило!

Иванъ сидѣлъ, зажавъ себѣ уши руками и смотря въ землю, но началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Голосъ продолжалъ.

— Вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный мыслитель: возможно ли, чтобы такой періодъ наступилъ когда-нибудь или нѣтъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человѣчество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй, еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему „все позволено“. Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и, ужъ конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... „все дозволено“ и шабашъ! Все это очень мило; только если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истины? Но ужъ та-

ковъ нашъ русскій современный человѣкъ: безъ санкціи и смошенничать не рѣшится, до того ужъ истину возлюбилъ...

Гость говорилъ, очевидно увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и насмѣшливо поглядывая на хозяина; но ему не удалось докончить: Иванъ вдругъ схватилъ со стола стаканъ и съ размаху пустилъ въ оратора.

— Ah, mais c'est bête enfin! воскликнулъ тотъ, вскакивая съ дивана и смахивая пальцами съ себя брызги чаю,— вспомнилъ Лютерову чернильницу! Самъ же меня считаетъ за сонъ и кидается стаканами въ сонъ! Это по-женски! А вѣдь я такъ и подозрѣвалъ, что ты дѣлалъ только видъ, что заткнулъ свои уши, а ты слушалъ...

Въ раму окна вдругъ раздался со двора твердый и настойчивый стукъ. Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ съ дивана.

— Слышишь, лучше отвори, вскричалъ гость, — это братъ твой, Алеша, съ самымъ неожиданнымъ и любопытнымъ извѣстіемъ, ужъ я тебѣ отвѣчаю!

— Молчи, обманщикъ, я прежде тебя зналъ, что это Алеша, я его предчувствовалъ, и, ужъ конечно, онъ не даромъ, конечно, съ „извѣстіемъ"!.. воскликнулъ изступленно Иванъ.

— Отопри же, отопри ему. На дворѣ мятель, а онъ братъ твой. M-r, sait-il le temps qu'il fait? C'est à ne pas mettre un chien dehors...

Стукъ продолжался. Иванъ хотѣлъ было кинуться къ окну, но что-то какъ бы вдругъ связало ему ноги и руки. Изо всѣхъ силъ онъ напрягался какъ бы порвать свои путы, но тщетно. Стукъ въ окно усиливался все больше и громче. Наконецъ, вдругъ порвались путы, и Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ на диванѣ. Онъ дико осмотрѣлся. Обѣ свѣчки почти догорѣли, стаканъ, который онъ только-что бросилъ въ своего гостя, стоялъ предъ нимъ на столѣ, а на противоположномъ диванѣ никого не было. Стукъ въ оконную раму хотя и продолжался настойчиво, но совсѣмъ не такъ громко, какъ сейчасъ только мерещилось ему во снѣ, напротивъ, очень сдержанно.

— Это не сонъ! Нѣтъ, клянусь, это былъ не сонъ, это все сейчасъ было! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ, бросился къ окну и отворилъ форточку.

— Алеша, я вѣдь не велѣлъ приходить! свирѣпо крик-

нулъ онъ брату.—Въ двухъ словахъ: чего тебѣ надо? Въ двухъ словахъ, слышишь?

— Часъ тому назадъ повѣсился Смердяковъ, отвѣтилъ со двора Алеша.

— Пройди на крыльцо, сейчасъ отворю тебѣ, сказалъ Иванъ, и пошелъ отворять Алешѣ.

X.

„Это онъ говорилъ!"

Алеша, войдя, сообщилъ Ивану Ѳедоровичу, что часъ съ небольшимъ назадъ прибѣжала къ нему на квартиру Марья Кондратьевна и объявила, что Смердяковъ лишилъ себя жизни. „Вхожу этта къ нему самоваръ прибрать, а онъ у стѣнки на гвоздочкѣ виситъ". На вопросъ Алеши: „заявила ль она кому слѣдуетъ?" отвѣтила, что никому не заявляла, а „прямо бросилась къ вамъ къ первому и всю дорогу бѣжала бѣгомъ". Она была какъ помѣшанная, передавалъ Алеша, и вся дрожала какъ листъ. Когда же Алеша прибѣжалъ вмѣстѣ съ ней въ ихъ избу, то засталъ Смердякова все еще висѣвшимъ. На столѣ лежала записка: „Истребляю свою жизнь своею собственною волей и охотой, чтобы никого не винить". Алеша такъ и оставилъ эту записку на столѣ и пошелъ прямо къ исправнику, у него обо всемъ заявилъ, „а оттуда прямо къ тебѣ", заключилъ Алеша, пристально вглядываясь въ лицо Ивана. И все время, пока онъ разсказывалъ, онъ не отводилъ отъ него глазъ, какъ бы чѣмъ-то очень пораженный въ выраженіи его лица.

— Братъ, вскричалъ онъ вдругъ, — ты вѣрно ужасно боленъ! Ты смотришь и какъ будто не понимаешь что̀ я говорю.

— Это хорошо, что ты пришелъ, проговорилъ какъ бы задумчиво Иванъ и какъ бы вовсе не слыхавъ восклицанія Алеши.— А вѣдь я зналъ, что онъ повѣсился.

— Отъ кого же?

— Не знаю отъ кого. Но я зналъ. Зналъ ли я? Да, онъ мнѣ сказалъ. Онъ сейчасъ еще мнѣ говорилъ...

Иванъ стоялъ среди комнаты и говорилъ все такъ же задумчиво и смотря въ землю.

— Кто *онъ*? спросилъ Алеша, невольно оглядѣвшись кругомъ.

— Онъ улизнулъ.

Иванъ поднялъ голову и тихо улыбнулся:

— Онъ тебя испугался, тебя, голубя. Ты „чистый херувимъ“. Тебя Дмитрій херувимомъ зоветъ. Херувимъ... Громовый вопль восторга серафимовъ! Что̀ такое серафимъ? Можетъ быть, цѣлое созвѣздіе. А, можетъ быть, все-то созвѣздіе есть всего только какая-нибудь химическая молекула... Есть созвѣздіе Льва и Солнца, не знаешь ли?

— Братъ, сядь! проговорилъ Алеша въ испугѣ.—Сядь, ради Бога, на диванъ. Ты въ бреду, прилягъ на подушку, вотъ такъ. Хочешь полотенце мокрое къ головѣ? Можетъ, лучше станетъ?

— Дай полотенце, вотъ тутъ на стулѣ, я давеча сюда бросилъ.

— Тутъ нѣтъ его. Не безпокойся, я знаю гдѣ лежитъ, вотъ оно, сказалъ Алеша, сыскавъ въ другомъ углу комнаты, у туалетнаго столика Ивана, чистое, еще сложенное и не употребленное полотенце.

Иванъ странно посмотрѣлъ на полотенце; память какъ бы вмигъ воротилась къ нему.

— Постой, привсталъ онъ съ дивана,—я давеча, часъ назадъ, это самое полотенце взялъ оттуда же и смочилъ водой. Я прикладывалъ къ головѣ и бросилъ сюда... какъ же оно сухое? Другого не было.

— Ты прикладывалъ это полотенце къ головѣ? спросилъ Алеша.

— Да, и ходилъ по комнатѣ, часъ назадъ... Почему такъ свѣчки сгорѣли? Который часъ?

— Скоро двѣнадцать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ вдругъ Иванъ, — это былъ не сонъ! Онъ былъ, онъ тутъ сидѣлъ, вонъ на томъ диванѣ. Когда ты стучалъ въ окно, я бросилъ на него стаканъ... вотъ этотъ... Постой, я и прежде спалъ, но этотъ сонъ не сонъ. И прежде было. У меня, Алеша, теперь бываютъ сны... но они не сны, а наяву: я хожу, говорю и вижу... а сплю. Но онъ тутъ сидѣлъ, онъ былъ, вотъ на этомъ диванѣ... Онъ ужасно глупъ, Алеша, ужасно глупъ, засмѣялся вдругъ Иванъ и принялся шагать по комнатѣ.

— Кто глупъ? Про кого ты говоришь, братъ? опять тоскливо спросилъ Алеша.

— Чортъ! Онъ ко мнѣ повадился. Два раза былъ, даже почти три. Онъ дразнилъ меня тѣмъ, будто я сержусь, что онъ просто чортъ, а не сатана съ опаленными

крыльями, въ громѣ и блескѣ. Но онъ не сатана, это онъ лжетъ. Онъ самозванецъ. Онъ просто чортъ, дрянной, мелкій чортъ. Онъ въ баню ходитъ. Раздѣнь его и навѣрно отыщешь хвостъ, длинный, гладкій, какъ у датской собаки, въ аршинъ длиной, бурый... Алеша, ты озябъ, ты въ снѣгу былъ, хочешь чаю? Что? Холодный? Хочешь велю поставить? C'est à ne pas mettre un chien dehors...

Алеша быстро сбѣгалъ къ рукомойнику, намочилъ полотенце, уговорилъ Ивана опять сѣсть и обложилъ ему мокрымъ полотенцемъ голову. Самъ сѣлъ подлѣ него.

— Что̀ ты мнѣ давеча говорилъ про Лизу? началъ опять Иванъ. (Онъ становился очень словоохотливъ).— Мнѣ нравится Лиза. Я сказалъ про нее тебѣ что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нравится... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За будущее. Она завтра броситъ меня и растопчетъ ногами. Она думаетъ, что я изъ ревности къ ней гублю Митю! Да, она это думаетъ! Такъ вотъ нѣтъ же! Завтра крестъ, но не висѣлица. Нѣтъ, я не повѣшусь. Знаешь ли ты, что я никогда не могу лишить себя жизни, Алеша! Отъ подлости, что ли? Я не трусъ. Отъ жажды жить! Почему это я зналъ, что Смердяковъ повѣсился? Да, это *онъ* мнѣ сказалъ...

— И ты твердо увѣренъ, что кто-то тутъ сидѣлъ? спросилъ Алеша.

— Вонъ на томъ диванѣ, въ углу. Ты бы его прогналъ. Да ты же его и прогналъ: онъ исчезъ какъ ты явился. Я люблю твое лицо, Алеша. Зналъ ли ты, что я люблю твое лицо? А *онъ*—это *я*, Алеша, я самъ. Все мое низкое, все мое подлое и презрѣнное! Да, я „романтикъ", онъ это подмѣтилъ... хоть это и клевета. Онъ ужасно глупъ, но онъ этимъ беретъ. Онъ хитеръ, животно хитеръ, онъ зналъ чѣмъ взбѣсить меня. Онъ все дразнилъ меня, что я въ него вѣрю и тѣмъ заставилъ меня его слушать. Онъ надулъ меня какъ мальчишку. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ про меня много правды. Я бы никогда этого не сказалъ себѣ. Знаешь, Алеша, знаешь, — ужасно серьезно и какъ бы конфиденціально прибавилъ Иванъ,—я бы очень желалъ, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ *онъ*, а не я!

— Онъ тебя измучилъ, сказалъ Алеша, съ состраданіемъ смотря на брата.

— Дразнилъ меня! И, знаешь, ловко, ловко: „Совѣсть! Что̀ совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ же я мучаюсь?

По привычкѣ. По всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Такъ отвыкнемъ и будемъ боги".— Это онъ говорилъ, это онъ говорилъ!

— А не ты, не ты? ясно смотря на брата, неудержимо вскричалъ Алеша.—Ну, и пусть его, брось его и забудь о немъ! Пусть онъ унесетъ съ собою все, что̀ ты теперь проклинаешь, и никогда не приходитъ!

— Да, но онъ золъ. Онъ надо мной смѣялся. Онъ былъ дерзокъ, Алеша, съ содроганіемъ обиды проговорилъ Иванъ. — Но онъ клеветалъ на меня, онъ во многомъ клеветалъ. Лгалъ мнѣ же на меня же въ глаза. „О, ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, объявишь, что убилъ отца, что лакей по твоему наущенію убилъ отца"...

— Братъ, прервалъ Алеша, — удержись: не ты убилъ. Это неправда!

— Это онъ говоритъ, онъ, а онъ это знаетъ. „Ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, а въ добродѣтель-то и не вѣришь—вотъ что̀ тебя злитъ и мучаетъ, вотъ отчего ты такой мстительный". — Это онъ мнѣ про меня говорилъ, а онъ знаетъ что̀ говоритъ...

— Это ты говоришь, а не онъ! горестно воскликнулъ Алеша,—и говоришь въ болѣзни, въ бреду, себя мучая!

— Нѣтъ, онъ знаетъ, что̀ говоритъ. Ты, говоритъ, изъ гордости идешь, ты станешь и скажешь: „это я убилъ, и чего вы корчитесь отъ ужаса, вы лжете! Мнѣніе ваше презираю, ужасъ вашъ презираю":—это онъ про меня говоритъ, и вдругъ говоритъ: „А знаешь, тебѣ хочется, чтобъ они тебя похвалили: преступникъ, дескать, убійца, но какія у него великодушныя чувства, брата спасти захотѣлъ и признался!" Вотъ это такъ ужъ ложь, Алеша! вскричалъ вдругъ Иванъ, засверкавъ глазами.—Я не хочу, чтобы меня смерды хвалили! Это онъ солгалъ, Алеша, солгалъ, клянусь тебѣ! Я бросилъ въ него за это стаканомъ, и онъ расшибся объ его морду.

— Братъ, успокойся, перестань! упрашивалъ Алеша.

— Нѣтъ, онъ умѣетъ мучить, онъ жестокъ, продолжалъ не слушая Иванъ. — Я всегда предчувствовалъ, зачѣмъ онъ приходитъ. „Пусть, говоритъ, ты шелъ изъ гордости, но вѣдь все же была и надежда, что уличатъ Смердякова и сошлютъ въ каторгу, что Митю оправдаютъ, а тебя осудятъ лишь *нравственно* — (слышишь, онъ тутъ смѣялся!) — а другіе такъ и похвалятъ. Но вотъ умеръ

Смердяковъ, повѣсился,—ну, и кто жъ тебѣ тамъ на судѣ теперь-то одному повѣритъ? А вѣдь ты идешь, идешь, ты все-таки пойдешь, ты рѣшилъ, что пойдешь. Для чего же ты идешь послѣ этого?" Это страшно, Алеша, я не могу выносить такихъ вопросовъ. Кто смѣетъ мнѣ задавать такіе вопросы?

— Братъ, прервалъ Алеша, замирая отъ страха, но все еще какъ бы надѣясь образумить Ивана,—какъ же могъ онъ говорить тебѣ про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще никто и не зналъ о ней, да и времени не было никому узнать?

— Онъ говорилъ, твердо произнесъ Иванъ, не допуская и сомнѣнія.— Онъ только про это и говорилъ, если хочешь. „И добро бы ты, говоритъ, въ добродѣтель вѣрилъ: пусть не повѣрятъ мнѣ, для принципа иду. Но вѣдь ты поросенокъ, какъ Ѳедоръ Павловичъ, и что̀ тебѣ добродѣтель? Для чего же ты туда потащишься, если жертва твоя ни къ чему не послужитъ? А потому, что ты самъ не знаешь для чего идешь! О, ты бы много далъ, чтобъ узнать самому для чего идешь! И будто ты рѣшился? Ты еще не рѣшился? Ты всю ночь будешь сидѣть и рѣшать: идти или нѣтъ? Но ты все-таки пойдешь и знаешь, что пойдешь, самъ знаешь, что какъ бы ты ни рѣшался, а рѣшеніе ужъ не отъ тебя зависитъ. Пойдешь, потому что не смѣешь не пойти. Почему не смѣешь,—это ужъ самъ угадай, вотъ тебѣ загадка!" Всталъ и ушелъ. Ты пришелъ, а онъ ушелъ. Онъ меня трусомъ назвалъ, Алеша! Le mot de l'enigme, что я трусъ! „Не такимъ орламъ воспарять надъ землей!" Это онъ прибавилъ, это онъ прибавилъ! И Смердяковъ это же говорилъ. Его надо убить! Катя меня презираетъ, я уже мѣсяцъ это вижу, да и Лиза презирать начнетъ! „Идешь, чтобъ тебя похвалили",—это звѣрская ложь! И ты тоже презираешь меня, Алеша. Теперь я тебя опять возненавижу! И изверга ненавижу, и изверга ненавижу! Не хочу спасать изверга, пусть сгніетъ въ каторгѣ! Гимнъ запѣлъ! О, завтра я пойду, стану предъ ними и плюну имъ всѣмъ въ глаза!

Онъ вскочилъ въ изступленіи, сбросилъ съ себя полотенце и принялся снова шагать по комнатѣ. Алеша вспомнилъ давешнія слова его: „Какъ будто я сплю наяву... Хожу, говорю и вижу, а сплю". Именно какъ будто это совершалось теперь. Алеша не отходилъ отъ него. Мелькнула было у него мысль бѣжать къ доктору и привесть

того, но онъ побоялся оставить брата одного: поручить его совсѣмъ не кому было. Наконецъ, Иванъ, мало-помалу, сталъ совсѣмъ лишаться памяти. Онъ все продолжалъ говорить, говорилъ не умолкая, но уже совсѣмъ нескладно. Даже плохо выговаривалъ слова и вдругъ сильно покачнулся на мѣстѣ. Но Алеша успѣлъ поддержать его. Иванъ далъ себя довести до постели, Алеша кое-какъ раздѣлъ его и уложилъ. Самъ просидѣлъ надъ нимъ еще часа два. Больной спалъ крѣпко, безъ движенія, тихо и ровно дыша. Алеша взялъ подушку и легъ на диванѣ, не раздѣваясь. Засыпая, помолился о Митѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Ивана: „Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!“ Богъ, Которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолѣвали сердце, все еще не хотѣвшее подчиниться. „Да, — неслось въ головѣ Алеши, уже лежавшей на подушкѣ,—да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Ивана никто уже не повѣритъ; но онъ пойдетъ и покажетъ!“ Алеша тихо улыбнулся: „Богъ побѣдитъ!“ подумалъ онъ. „Или возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти, мстя себѣ и всѣмъ за то, что послужилъ тому, во что̀ не вѣритъ“, горько прибавилъ Алеша и опять помолился за Ивана.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Судебная ошибка.

I.

Роковой день.

На другой день послѣ описанныхъ мною событій, въ десять часовъ утра, открылось засѣданіе нашего окружнаго суда и начался судъ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ.

Скажу впередъ и скажу съ настойчивостью: я далеко не считаю себя въ силахъ передать все то, что̀ произошло на судѣ, и не только въ надлежащей полнотѣ, но даже въ надлежащемъ порядкѣ. Мнѣ все кажется, что если бы все припомнить и все какъ слѣдуетъ разъяснить, то потребуется цѣлая книга и даже пребольшая. А потому пусть не посѣтуютъ на меня, что я передамъ лишь то, что̀ меня лично поразило и что̀ я особенно запомнилъ. Я могъ принять второстепенное за главнѣйшее, даже совсѣмъ упустить самыя рѣзкія необходимѣйшія черты... А, впрочемъ, вижу, что лучше не извиняться. Сдѣлаю какъ умѣю, и читатели сами поймутъ, что я сдѣлалъ лишь какъ умѣлъ.

И, во-первыхъ, прежде чѣмъ мы войдемъ въ залу суда, упомяну о томъ, что̀ меня въ этотъ день особенно удивило. Впрочемъ, удивило не одного меня, а, какъ оказалось впослѣдствіи, и всѣхъ. Именно: всѣ знали, что дѣло это заинтересовало слишкомъ многихъ, что всѣ сгорали отъ нетерпѣнія, когда начнется судъ, что въ обществѣ нашемъ много говорили, предполагали, восклицали, мечтали уже цѣлые два мѣсяца. Всѣ знали тоже, что дѣло это получило всероссійскую огласку, но, все-таки, не пред-

ставляли себѣ, что оно до такой уже жгучей, до такой раздражительной степени потрясло всѣхъ и каждаго, да и не у насъ только, а повсемѣстно, какъ оказалось это на самомъ судѣ въ этотъ день. Къ этому дню къ намъ съѣхались гости не только изъ нашего губернскаго города, но и изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ Россіи, а, наконецъ, изъ Москвы и изъ Петербурга. Пріѣхали юристы, пріѣхало даже нѣсколько знатныхъ лицъ, а также и дамы. Всѣ билеты были расхватаны. Для особенно почетныхъ и знатныхъ посѣтителей изъ мужчинъ отведены были даже совсѣмъ уже необыкновенныя мѣста сзади стола, за которымъ помѣщался судъ; тамъ появился цѣлый рядъ занятыхъ разными особами креселъ, чего никогда у насъ прежде не допускалось. Особенно много оказалось дамъ, — нашихъ и пріѣзжихъ, я думаю, даже не менѣе половины всей публики. Однихъ только съѣхавшихся отовсюду юристовъ оказалось такъ много, что даже не знали ужъ гдѣ ихъ помѣстить, такъ какъ всѣ билеты давно уже были розданы, выпрошены и вымолены. Я видѣлъ самъ, какъ въ концѣ залы, за эстрадой, была временно и наскоро устроена особая загородка, въ которую впустили всѣхъ этихъ съѣхавшихся юристовъ, и они почли себя даже счастливыми, что могли тутъ хоть стоять, потому что стулья, чтобы выгадать мѣсто, были изъ этой загородки совсѣмъ вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла все „дѣло“ густо сомкнувшейся кучей, плечомъ къ плечу. Нѣкоторыя изъ дамъ, особенно изъ пріѣзжихъ, явились на хорахъ залы чрезвычайно разряженныя, но большинство дамъ даже и о нарядахъ забыло. На ихъ лицахъ читалось истерическое, жадное, болѣзненное почти любопытство. Одна изъ характернѣйшихъ особенностей всего этого собравшагося въ залѣ общества, и которую необходимо отмѣтить, состояла въ томъ, что, какъ и оправдалось потомъ по многимъ наблюденіямъ, почти всѣ дамы, по крайней мѣрѣ, огромнѣйшее большинство ихъ, стояли за Митю и за оправданіе его. Можетъ-быть, главное, потому, что о немъ составилось представленіе какъ о покорителѣ женскихъ сердецъ. Знали, что явятся двѣ женщины-соперницы. Одна изъ нихъ, то-есть Катерина Ивановна, особенно всѣхъ интересовала; про нее разсказывалось чрезвычайно много необыкновеннаго, про ея страсть къ Митѣ, несмотря даже на его преступленіе, разсказывались удивительные анекдоты. Особенно

упоминалось объ ея гордости (она почти никому въ нашемъ городѣ не сдѣлала визиговъ), объ „аристократическихъ связяхъ“. Говорили, что она намѣрена просить правительство, чтобъ ей позволили сопровождать преступника на каторгу и обвѣнчаться съ нимъ гдѣ-нибудь въ рудникахъ подъ землей. Съ неменьшимъ волненіемъ ожидали появленія на судѣ и Грушеньки, какъ соперницы Катерины Ивановны. Съ мучительнымъ любопытствомъ ожидали встрѣчи предъ судомъ двухъ соперницъ — аристократической гордой дѣвушки и „гетеры“; Грушенька, впрочемъ, была извѣстнѣе нашимъ дамамъ, чѣмъ Катерина Ивановна. Ее, „погубительницу Ѳедора Павловича и несчастнаго сына его“, видали наши дамы и прежде, и всѣ, почти до единой, удивлялись, какъ въ такую „самую обыкновенную, совсѣмъ даже не красивую собой русскую мѣщанку“ могли до такой степени влюбиться отецъ и сынъ. Словомъ, толковъ было много. Мнѣ положительно извѣстно, что собственно въ нашемъ городѣ произошло даже нѣсколько серьезныхъ семейныхъ ссоръ изъ-за Мити. Многія дамы горячо поссорились со своими супругами за разность взглядовъ на все это ужасное дѣло, и естественно послѣ того, что всѣ мужья этихъ дамъ явились въ залу суда уже не только нерасположенными къ подсудимому, но даже озлобленными противъ него. И вообще положительно можно было сказать, что, въ противоположность дамскому, весь мужской элементъ былъ настроенъ противъ подсудимаго. Виднѣлись строгія, нахмуренныя лица, другія даже совсѣмъ злобныя, и это во множествѣ. Правда и то, что Митя многихъ изъ нихъ сумѣлъ оскорбить лично во время своего у насъ пребыванія. Конечно, иные изъ посѣтителей были почти даже веселы и весьма безучастны собственно къ судьбѣ Мити, но все же опять-таки не къ разсматривавшемуся дѣлу; всѣ были заняты исходомъ его, и большинство мужчинъ рѣшительно желало кары преступнику, кромѣ развѣ юристовъ, которымъ дорога была не нравственная сторона дѣла, а лишь, такъ сказать, современно-юридическая. Всѣхъ волновалъ пріѣздъ знаменитаго Ѳетюковича. Талантъ его былъ извѣстенъ повсемѣстно, и это уже не въ первый разъ, что онъ являлся въ провинціи защищать громкія уголовныя дѣла. И послѣ его защиты таковыя дѣла всегда становились знаменитыми на всю Россію и надолго памятными. Ходило нѣсколько анекдотовъ и о

нашемъ прокурорѣ и о предсѣдателѣ суда. Разсказывалось, что нашъ прокуроръ трепеталъ встрѣчи съ Ѳетюковичемъ, что это были старинные враги еще съ Петербурга, еще съ начала ихъ карьеры, что самолюбивый нашъ Ипполитъ Кирилловичъ, считавшій себя постоянно кѣмъ-то обиженнымъ еще съ Петербурга, за то, что не были надлежаще оцѣнены его таланты, воскресъ было духомъ надъ дѣломъ Карамазовыхъ и мечталъ даже воскресить этимъ дѣломъ свое увядшее поприще, но что пугалъ его лишь Ѳетюковичъ. Но насчетъ трепета предъ Ѳетюковичемъ сужденія были не совсѣмъ справедливы. Прокуроръ нашъ былъ не изъ такихъ характеровъ, которые падаютъ духомъ предъ опасностью, а, напротивъ, изъ тѣхъ, чье самолюбіе вырастаетъ и окрыляется именно по мѣрѣ возрастанія опасности. Вообще же надо замѣтить, что прокуроръ нашъ былъ слишкомъ горячъ и болѣзненно воспріимчивъ. Въ иное дѣло онъ клалъ всю свою душу и велъ его такъ, какъ бы отъ рѣшенія его зависѣла вся его судьба и все его достояніе. Въ юридическомъ мірѣ надъ этимъ нѣсколько смѣялись, ибо нашъ прокуроръ именно этимъ качествомъ своимъ заслужилъ даже нѣкоторую извѣстность, если далеко не повсемѣстно, то гораздо бо̀льшую, чѣмъ можно было предположить въ виду его скромнаго мѣста въ нашемъ судѣ. Особенно смѣялись надъ его страстью къ психологіи. По-моему, всѣ ошибались: нашъ прокуроръ, какъ человѣкъ и характеръ, кажется мнѣ, былъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ многіе о немъ думали. Но ужъ такъ не умѣлъ поставить себя этотъ болѣзненный человѣкъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ еще въ началѣ поприща, а затѣмъ и во всю свою жизнь.

Что̀ же до предсѣдателя нашего суда, то о немъ можно сказать лишь то, что это былъ человѣкъ образованный, гуманный, практически знающій дѣло и самыхъ современныхъ идей. Былъ онъ довольно самолюбивъ, но о карьерѣ своей не очень заботился. Главная цѣль его жизни заключалась въ томъ, чтобы быть передовымъ человѣкомъ. Притомъ имѣлъ связи и состояніе. На дѣло Карамазовыхъ, какъ оказалось потомъ, онъ смотрѣлъ довольно горячо, но лишь въ общемъ смыслѣ. Его занимало явленіе, классификація его, взглядъ на него, какъ на продуктъ нашихъ соціальныхъ основъ, какъ на характеристику русскаго элемента, и проч., и проч. Къ личному же харак-

теру дѣла, къ трагедіи его, равно какъ и къ личностямъ участвующихъ лицъ, начиная съ подсудимаго, онъ относился довольно безразлично и отвлеченно, какъ, впрочемъ, можетъ быть, и слѣдовало.

Задолго до появленія суда зала была уже набита биткомъ. У насъ зала суда лучшая въ городѣ, обширная, высокая, звучная. Направо отъ членовъ суда, помѣщавшихся на нѣкоторомъ возвышеніи, былъ приготовленъ столъ и два ряда креселъ для присяжныхъ засѣдателей. Налѣво было мѣсто подсудимаго и его защитника. На срединѣ залы, близъ помѣщенія суда, стоялъ столъ съ „вещественными доказательствами". На немъ лежали окровавленный шелковый бѣлый халатъ Ѳедора Павловича, роковой мѣдный пестикъ, коимъ было совершено предполагаемое убійство, рубашка Мити съ запачканнымъ кровью рукавомъ, его сюртукъ весь въ кровавыхъ пятнахъ сзади на мѣстѣ кармана, въ который онъ сунулъ тогда свой весь мокрый отъ крови платокъ, самый платокъ, весь закорузлый отъ крови, теперь уже совсѣмъ пожелтѣвшій, пистолетъ, заряженный для самоубійства Митей у Перхотина и отобранный у него тихонько въ Мокромъ Трифономъ Борисовичемъ, конвертъ съ надписью, въ которомъ были приготовлены для Грушеньки три тысячи, и розовая тоненькая ленточка, которою онъ былъ обвязанъ, и прочіе многіе предметы, которыхъ и не упомню. На нѣкоторомъ разстояніи дальше, въ глубь залы, начинались мѣста для публики, но еще предъ баллюстрадой стояло нѣсколько креселъ для тѣхъ свидѣтелей, уже давшихъ свое показаніе, которые будутъ оставлены въ залѣ. Въ десять часовъ появился судъ въ составѣ предсѣдателя, одного члена и одного почетнаго мирового судьи. Разумѣется, тотчасъ же появился прокуроръ. Предсѣдатель былъ плотный, коренастый человѣкъ, ниже средняго роста, съ геморроидальнымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти, съ темными съ просѣдью волосами, коротко остриженными, и въ красной лентѣ— не помню ужъ какого ордена. Прокуроръ же показался мнѣ,—да и не мнѣ, а всѣмъ, очень ужъ какъ-то блѣднымъ, почти съ зеленымъ лицомъ, почему-то какъ бы внезапно похудѣвшимъ въ одну, можетъ-быть, ночь, потому что я всего только третьяго дня видѣлъ его совсѣмъ еще въ своемъ видѣ. Предсѣдатель началъ съ вопроса судебному приставу: „всѣ ли явились присяжные засѣдатели?.." Вижу, однако, что такъ болѣе продолжать не могу, уже

потому даже, что многаго не разслышалъ, въ другое пропустилъ вникнуть, третье забылъ упомнить, а, главное, потому, что какъ уже и сказалъ я выше, если все припоминать что̀ было сказано и что̀ произошло, то буквально недостанетъ у меня ни времени, ни мѣста. Знаю только, что присяжныхъ засѣдателей, тою и другою стороной, то-есть защитникомъ и прокуроромъ, отведено было не очень много. Составъ же двѣнадцати присяжныхъ запомнилъ: четыре нашихъ чиновника, два купца и шесть крестьянъ и мѣщанъ нашего города. У насъ въ обществѣ, я помню, еще задолго до суда, съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, особенно дамы: „Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дѣло будетъ отдано на роковое рѣшеніе какимъ-то чиновникамъ и, наконецъ, мужикамъ, и что-де пойметъ тутъ какой-нибудь такой чиновникъ, тѣмъ болѣе мужикъ?“ Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти четыре чиновника, попавшіе въ составъ присяжныхъ, были люди мелкіе, малочиновные, сѣдые,—одинъ только изъ нихъ былъ нѣсколько помоложе,—въ обществѣ нашемъ малоизвѣстные, прозябавшіе на мелкомъ жалованьѣ, имѣвшіе, должно быть, старыхъ женъ, которыхъ никуда нельзя показать, и по кучѣ дѣтей, можетъ-быть, даже босоногихъ, много-много что развлекавшіе свой досугъ гдѣ-нибудь картишками и, ужъ разумѣется, никогда не прочитавшіе ни одной книги. Два же купца имѣли хоть и степенный видъ, но были какъ-то странно молчаливы и неподвижны; одинъ изъ нихъ брилъ бороду и былъ одѣтъ по-нѣмецки, другой, съ сѣденькой бородкой, имѣлъ на шеѣ, на красной лентѣ, какую-то медаль. Про мѣщанъ и крестьянъ и говорить нечего. Наши скотопригоньевскіе мѣщане почти тѣ же крестьяне, даже пашутъ. Двое изъ нихъ были тоже въ нѣмецкомъ платьѣ и оттого-то, можетъ-быть, грязнѣе и непригляднѣе на видъ, чѣмъ остальные четверо. Такъ что дѣйствительно могла зайти мысль, какъ зашла и мнѣ, напримѣръ, только что я ихъ разсмотрѣлъ: „что̀ могутъ такіе постичь въ такомъ дѣлѣ?“ Тѣмъ не менѣе лица ихъ производили какое-то странно внушительное и почти грозящее впечатлѣніе, были строги и нахмурены.

Наконецъ, предсѣдатель объявилъ къ слушанію дѣло объ убійствѣ отставного титулярнаго совѣтника Ѳедора Павловича Карамазова, — не помню вполнѣ, какъ онъ тогда выразился. Судебному приставу велѣно было ввести подсудимаго, и вотъ появился Митя. Все затихло въ залѣ,

муху можно было услышать. Не знаю какъ на другихъ, но видъ Мити произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Главное, онъ явился ужаснымъ франтомъ, въ новомъ съ иголочки сюртукѣ. Я узналъ потомъ, что онъ нарочно заказалъ къ этому дню себѣ сюртукъ въ Москвѣ, прежнему портному, у котораго сохранилась его мѣрка. Былъ онъ въ новешенькихъ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ и щегольскомъ бѣльѣ. Онъ прошелъ своими длинными аршинными шагами, прямо до неподвижности смотря передъ собою, и сѣлъ на свое мѣсто съ самымъ безтрепетнымъ видомъ. Тутъ же, сейчасъ же явился и защитникъ, знаменитый Ѳетюковичъ, и какъ бы какой-то подавленный гулъ пронесся въ залѣ. Это былъ длинный, сухой человѣкъ, съ длинными тонкими ногами, съ чрезвычайно длинными, блѣдными, тонкими пальцами, съ обритымъ лицомъ, со скромно причесанными, довольно короткими волосами, съ тонкими, изрѣдка кривившимися, не то насмѣшкой, не то улыбкой, губами. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Лицо его было бы и пріятнымъ, если бы не глаза его, сами по себѣ небольшіе и не выразительные, но до рѣдкости близко одинъ отъ другого поставленные, такъ что ихъ раздѣляла всего только одна тонкая косточка его продолговатаго тонкаго носа. Словомъ, физіономія эта имѣла въ себѣ что-то рѣзко птичье, что поражало. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Помню первый опросъ Мити предсѣдателемъ, то-есть объ имени, званіи и проч. Митя отвѣтилъ рѣзко, но какъ-то неожиданно громко, такъ что предсѣдатель встряхнулъ даже головой и почти съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ, вызванныхъ къ судебному слѣдствію, то-есть свидѣтелей и экспертовъ. Списокъ былъ длинный; четверо изъ свидѣтелей не явились: Міусовъ, бывшій въ настоящее время уже въ Парижѣ, но показаніе котораго имѣлось еще въ предварительномъ слѣдствіи, г-жа Хохлакова и помѣщикъ Максимовъ по болѣзни и Смердяковъ за внезапною смертью, при чемъ было представлено свидѣтельство отъ полиціи. Извѣстіе о Смердяковѣ вызвало сильное шевеленіе и шопотъ въ залѣ. Конечно, въ публикѣ многіе еще вовсе не знали объ этомъ внезапномъ эпизодѣ самоубійства. Но что особенно поразило, это—внезапная выходка Мити: только что донесли о Смердяковѣ, какъ вдругъ онъ со своего мѣста воскликнулъ на всю залу:

— Собакѣ собачья смерть!

Помню, какъ бросился къ нему его защитникъ и какъ предсѣдатель обратился къ нему съ угрозой принять строгія мѣры, если еще разъ повторится подобная этой выходка. Митя отрывисто и кивая головой, но какъ будто совсѣмъ не раскаиваясь, нѣсколько разъ повторилъ вполголоса защитнику:

— Не буду, не буду! Сорвалось! Больше не буду!

И, ужъ конечно, этотъ коротенькій эпизодъ послужилъ не въ его пользу во мнѣніи присяжныхъ и публики. Объявлялся характеръ и рекомендовалъ себя самъ. Подъ этимъ-то впечатлѣніемъ былъ прочитанъ секретаремъ суда обвинительный актъ.

Онъ былъ довольно кратокъ, но обстоятеленъ. Излагались лишь главнѣйшія причины, почему привлеченъ такой-то, почему его должно было предать суду, и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Секретарь прочелъ четко, звучно, отчетливо. Вся эта трагедія какъ бы вновь появилась предъ всѣми выпукло, концентрично, освѣщенная роковымъ, неумолимымъ свѣтомъ. Помню, какъ сейчасъ же по прочтеніи предсѣдатель громко и внушительно спросилъ Митю:

— Подсудимый, признаете ли вы себя виновнымъ?

Митя вдругъ всталъ съ мѣста:

— Признаю себя виновнымъ въ пьянствѣ и развратѣ, воскликнулъ онъ какимъ-то опять-таки неожиданнымъ, почти изступленнымъ голосомъ,—въ лѣни и въ дебоширствѣ. Хотѣлъ стать навѣки честнымъ человѣкомъ именно въ ту секунду, когда подсѣкла судьба! Но въ смерти старика, врага моего и отца—не виновенъ! Но въ ограбленіи его—нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ, да и не могу быть виновнымъ: Дмитрій Карамазовъ подлецъ, но не воръ!

Прокричавъ это, онъ сѣлъ на мѣсто, видимо весь дрожа. Предсѣдатель снова обратился къ нему съ краткимъ, но назидательнымъ увѣщаніемъ отвѣчать лишь на вопросы, а не вдаваться въ постороннія и изступленныя восклицанія. Затѣмъ велѣлъ приступить къ судебному слѣдствію. Ввели всѣхъ свидѣтелей для присяги. Тутъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ разомъ. Впрочемъ, братья подсудимаго были допущены къ свидѣтельству безъ присяги. Послѣ увѣщанія священника и предсѣдателя, свидѣтелей увели и разсадили по возможности порознь. Затѣмъ стали вызывать ихъ по одному.

II.

Опасные свидѣтели.

Не знаю, были ли свидѣтели прокурорскіе и отъ защиты раздѣлены предсѣдателемъ какъ-нибудь на группы и въ какомъ именно порядкѣ предположено было вызвать ихъ. Должно быть, все это было. Знаю только, что первыми стали вызывать свидѣтелей прокурорскихъ. Повторю, я не намѣренъ описывать всѣ допросы и шагъ за шагомъ. Къ тому же, мое описаніе вышло бы отчасти и лишнимъ, потому что въ рѣчахъ прокурора и защитника, когда приступили къ преніямъ, весь ходъ и смыслъ всѣхъ данныхъ и выслушанныхъ показаній были сведены какъ бы въ одну точку съ яркимъ и характернымъ освѣщеніемъ, а эти двѣ замѣчательныя рѣчи я, по крайней мѣрѣ, мѣстами записалъ въ полнотѣ и передамъ въ свое время, равно какъ и одинъ чрезвычайный и совсѣмъ неожиданный эпизодъ процесса, разыгравшійся внезапно еще до судебныхъ преній и несомнѣнно повліявшій на грозный и роковой исходъ его. Замѣчу только, что съ самыхъ первыхъ минутъ суда выступила ярко нѣкоторая особенная характерность этого „дѣла“, всѣми замѣченная, именно: необыкновенная сила обвиненія сравнительно со средствами, какія имѣла защита. Это всѣ поняли въ первый мигъ, когда въ этой грозной залѣ суда начали, концентрируясь, группироваться факты и стали постепенно выступать весь этотъ ужасъ и вся эта кровь наружу. Всѣмъ, можетъ быть, стало понятно еще съ самыхъ первыхъ шаговъ, что это совсѣмъ даже и не спорное дѣло, что тутъ нѣтъ сомнѣній, что въ сущности никакихъ бы и преній не надо, что пренія будутъ лишь только для формы, а что преступникъ виновенъ, виновенъ явно, виновенъ окончательно. Я думаю даже, что и всѣ дамы, всѣ до единой, съ такимъ нетерпѣніемъ жаждавшія оправданія интереснаго подсудимаго, были въ то же время совершенно увѣрены въ полной его виновности. Мало того, мнѣ кажется, онѣ бы даже огорчились, если бы виновность его не столь подтвердилась, ибо тогда не было бы такого эффекта въ развязкѣ, когда оправдаютъ преступника. А что его оправдаютъ— въ этомъ, странное дѣло, всѣ дамы были окончательно убѣждены почти до самой послѣдней минуты: „виновенъ, но оправдаютъ изъ гуманности, изъ новыхъ идей, изъ

новыхъ чувствъ, которыя теперь пошли“ и проч., и проч. Для того-то онѣ и сбѣжались сюда съ такимъ нетерпѣніемъ. Мужчины же наиболѣе интересовались борьбой прокурора и славнаго Ѳетюковича. Всѣ удивлялись и спрашивали себя: что̀ можетъ сдѣлать изъ такого потеряннаго дѣла, изъ такого выѣденнаго яйца даже и такой талантъ, какъ Ѳетюковичъ? А потому съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили шагъ за шагомъ за его подвигами. Но Ѳетюковичъ до самаго конца, до самой рѣчи своей, остался для всѣхъ загадкой. Опытные люди предчувствовали, что у него есть система, что у него уже нѣчто составилось, что впереди у него есть цѣль, но какая она—угадать было почти невозможно. Его увѣренность и самонадѣянность бросались, однакоже, въ глаза. Кромѣ того, всѣ съ удовольствіемъ сейчасъ же замѣтили, что онъ, въ такое краткое пребываніе у насъ, всего въ какіе-нибудь три дня, можетъ-быть, сумѣлъ удивительно ознакомиться съ дѣломъ и „до тонкости изучилъ его“. Съ наслажденіемъ разсказывали, напримѣръ, потомъ, какъ онъ всѣхъ прокурорскихъ свидѣтелей сумѣлъ во-время „подвести“ и по возможности сбить, а, главное, подмарать ихъ нравственную репутацію, а, стало-быть, само собой подмарать и ихъ показанія. Полагали, впрочемъ, что онъ дѣлаетъ это много-много что для игры, такъ-сказать, для нѣкотораго юридическаго блеска, чтобъ ужъ ничего не было забыто изъ принятыхъ адвокатскихъ пріемовъ: ибо всѣ были убѣждены, что какой-нибудь большой и окончательной пользы онъ всѣми этими „подмарываніями“ не могъ достичь, и, вѣроятно, это самъ лучше всѣхъ понимаетъ, имѣя какую-то свою идею въ запасѣ, какое-то еще пока припрятанное оружіе защиты, которое вдругъ и обнаружитъ, когда придетъ срокъ. Но пока все-таки, сознавая свою силу, онъ какъ бы игралъ и рѣзвился. Такъ, напримѣръ, когда опрашивали Григорія Васильевича, бывшаго камердинера Ѳедора Павловича, дававшаго самое капитальное показаніе объ „отворенной въ садъ двери“, защитникъ такъ и вцѣпился въ него, когда ему, въ свою очередь, пришлось предлагать вопросы. Надо замѣтить, что Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу, не смутившись нимало ни величіемъ суда, ни присутствіемъ огромной слушавшей его публики, съ видомъ спокойнымъ и чуть не величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такою увѣренностью, какъ если

бы бесѣдовалъ наединѣ со своею Марѳой Игнатьевной, только развѣ почтительнѣе. Сбить его было невозможно. Его сначала долго разспрашивалъ прокуроръ о всѣхъ подробностяхъ семейства Карамазовыхъ. Семейная картина ярко выставилась наружу. Слышалось, видѣлось, что свидѣтель былъ простодушенъ и безпристрастенъ. При всей глубочайшей почтительности къ памяти своего бывшаго барина, онъ все-таки, напримѣръ, заявилъ, что тотъ былъ къ Митѣ несправедливъ и „не такъ воспиталъ дѣтей". „Его, малаго мальчика, безъ меня вши бы заѣли", прибавилъ онъ, повѣствуя о дѣтскихъ годахъ Мити. „Тоже не годилось отцу сына въ имѣніи его материнскомъ, родовомъ, обижать". На вопросъ же прокурора о томъ, какія у него основанія утверждать, что Ѳедоръ Павловичъ обидѣлъ въ расчетѣ сына, Григорій Васильевичъ, къ удивленію всѣхъ, основательныхъ данныхъ совсѣмъ никакихъ не представилъ, но все-таки стоялъ на томъ, что расчетъ съ сыномъ былъ „неправильный", и что это точно, ему „нѣсколько тысячъ слѣдовало доплатить". Замѣчу кстати, что этотъ вопросъ—дѣйствительно ли Ѳедоръ Павловичъ не доплатилъ чего Митѣ, прокуроръ съ особенною настойчивостью предлагалъ потомъ и всѣмъ тѣмъ свидѣтелямъ, которымъ могъ его предложить, не исключая ни Алеши, ни Ивана Ѳедоровича, но ни отъ кого изъ свидѣтелей не получилъ никакого точнаго свѣдѣнія; всѣ утверждали фактъ и никто не могъ представить хоть сколько-нибудь яснаго доказательства. Послѣ того какъ Григорій описалъ сцену за столомъ, когда ворвался Дмитрій Ѳедоровичъ и избилъ отца, угрожая воротиться убить его, — мрачное впечатлѣніе пронеслось по залѣ, тѣмъ болѣе, что старый слуга разсказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, своеобразнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво. За обиду свою Митей, ударившимъ его тогда по лицу и сбившимъ его съ ногъ, онъ замѣтилъ, что не сердится и давно простилъ. О покойномъ Смердяковѣ выразился, перекрестясь, что малый былъ со способностью, да глупъ и болѣзнью угнетенъ, а пуще безбожникъ, и что его безбожеству Ѳедоръ Павловичъ и старшій сынъ учили. Но о честности Смердякова подтвердилъ почти съ жаромъ и тутъ же передалъ, какъ Смердяковъ, во время оно, найдя оброненныя барскія деньги, не утаилъ ихъ, а принесъ барину, и тотъ ему за это „золотой подарилъ" и впредь во всемъ довѣрять началъ.

Отворенную же дверь въ садъ подтвердилъ съ упорною настойчивостью. Впрочемъ, его такъ много разспрашивали, что я всего и припомнить не могу. Наконецъ, опросы перешли къ защитнику, и тотъ первымъ дѣломъ началъ узнавать о пакетѣ, въ которомъ „будто бы“ спрятаны были Ѳедоромъ Павловичемъ три тысячи рублей для „извѣстной особы“. „Видѣли ли вы его сами — вы, столь многолѣтне-приближенный къ вашему барину человѣкъ?“ Григорій отвѣтилъ, что не видѣлъ, да и не слыхалъ о такихъ деньгахъ вовсе ни отъ кого, „до самыхъ тѣхъ поръ, какъ вотъ зачали теперь всѣ говорить“. Этотъ вопросъ о пакетѣ Ѳетюковичъ со своей стороны тоже предлагалъ всѣмъ, кого могъ объ этомъ спросить изъ свидѣтелей съ такою же настойчивостью, какъ и прокуроръ свой вопросъ о раздѣлѣ имѣнія, и ото всѣхъ тоже получалъ лишь одинъ отвѣтъ, что пакета никто не видалъ, хотя очень многіе о немъ слышали. Эту настойчивость защитника на этомъ вопросѣ всѣ съ самаго начала замѣтили.

— Теперь могу ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ, если только позволите, вдругъ и совсѣмъ неожиданно спросилъ Ѳетюковичъ,—изъ чего состоялъ тотъ бальзамъ, или, такъ сказать, та настойка, посредствомъ которой вы въ тотъ вечеръ, передъ сномъ, какъ извѣстно изъ предварительнаго слѣдствія, вытерли вашу страдающую поясницу, надѣясь тѣмъ излѣчиться?

Григорій тупо посмотрѣлъ на опросчика и, помолчавъ нѣсколько, пробормоталъ:

— Былъ шалфей положенъ.

— Только шалфей? Не припомните ли еще чего-нибудь?

— Подорожникъ былъ тоже.

— И перецъ, можетъ быть? любопытствовалъ Ѳетюковичъ.

— И перецъ былъ.

— И такъ далѣе. И все это на водочкѣ?

— На спирту.

Въ залѣ чуть-чуть пронесся смѣшокъ.

— Видите, даже и на спирту. Вытерши спину, вы вѣдь остальное содержаніе бутылки, съ нѣкоею благочестивою молитвою, извѣстной лишь вашей супругѣ, изволили выпить, вѣдь такъ?

— Выпилъ.

— Много ли примѣрно выпили? Примѣрно? Рюмочку, другую?

— Со стаканъ будетъ.

— Даже и со стаканъ. Можетъ быть, и полтора стаканчика?

Григорій замолкъ. Онъ какъ бы что-то понялъ.

— Стаканчика полтора чистенькаго спиртику—оно вѣдь очень недурно, какъ вы думаете? Можно и „райскія двери отверсты“ увидѣть, не то что дверь въ садъ?

Григорій все молчалъ. Опять прошелъ смѣшокъ въ залѣ. Предсѣдатель пошевелился.

— Не знаете ли вы навѣрно, впивался все болѣе и болѣе Ѳетюковичъ,—почивали вы или нѣтъ въ ту минуту, когда увидѣли отворенную въ садъ дверь?

— На ногахъ стоялъ.

— Это еще не доказательство, что не почивали (еще и еще смѣшокъ въ залѣ). Могли ли, напримѣръ, отвѣтить въ ту минуту, если бы васъ кто спросилъ о чемъ,—ну, напримѣръ, о томъ, который у насъ теперь годъ?

— Этого не знаю.

— А который у насъ теперь годъ, нашей эры, отъ Рождества Христова, не знаете ли?

Григорій стоялъ со сбитымъ видомъ, въ упоръ смотря на своего мучителя. Странно это, казалось, повидимому, что онъ дѣйствительно не знаетъ какой теперь годъ.

— Можетъ быть, знаете, однако, сколько у васъ на рукахъ пальцевъ?

— Я человѣкъ подневольный, вдругъ громко и раздѣльно проговорилъ Григорій, — коли начальству угодно надо мною надсмѣхаться, такъ я снести долженъ.

Ѳетюковича какъ бы немножко осадило, но ввязался и предсѣдатель и назидательно напомнилъ защитнику, что слѣдуетъ задавать болѣе подходящіе вопросы. Ѳетюковичъ, выслушавъ, съ достоинствомъ поклонился и объявилъ, что разспросы свои кончилъ. Конечно, и въ публикѣ, и у присяжныхъ могъ остаться маленькій червячокъ сомнѣнія въ показаніи человѣка, имѣвшаго возможность „видѣть райскія двери“ въ извѣстномъ состояніи лѣченія, и кромѣ того даже невѣдующаго, какой нынче годъ отъ Рождества Христова; такъ что защитникъ своей цѣли все-таки достигъ. Но предъ уходомъ Григорія произошелъ еще эпизодъ. Предсѣдатель, обратившись къ подсудимому, спросилъ: не имѣетъ ли онъ чего замѣтить по поводу данныхъ показаній?

— Кромѣ двери, во всемъ правду сказалъ, громко

крикнулъ Митя.—Что вшей мнѣ вычесывалъ—благодарю, что побои мнѣ простилъ — благодарю; старикъ былъ честенъ всю жизнь и вѣренъ отцу какъ семьсотъ пуделей.

— Подсудимый, выбирайте ваши слова, строго проговорилъ предсѣдатель.

— Я не пудель, проворчалъ и Григорій.

— Ну, такъ это я пудель, я! крикнулъ Митя. — Коли обидно, то на себя принимаю, а у него прощенія прошу: былъ звѣрь и съ нимъ жестокъ! Съ Езономъ былъ жестокъ.

— Съ какимъ Езономъ? строго поднялъ опять предсѣдатель.

— Ну, съ Пьеро... съ отцомъ, съ Ѳедоромъ Павловичемъ.

Предсѣдатель опять и опять внушительно и строжайше уже подтвердилъ Митѣ, чтобъ онъ осторожнѣе выбиралъ свои выраженія.

— Вы сами вредите себѣ тѣмъ во мнѣніи судей вашихъ.

Точно такъ же весьма ловко распорядился защитникъ и при спросѣ свидѣтеля Ракитина. Замѣчу, что Ракитинъ былъ изъ самыхъ важныхъ свидѣтелей и которымъ несомнѣнно дорожилъ прокуроръ. Оказалось, что онъ все зналъ, удивительно много зналъ, у всѣхъ-то онъ былъ, все-то видѣлъ, со всѣми-то говорилъ, подробнѣйшимъ образомъ зналъ біографію Ѳедора Павловича и всѣхъ Карамазовыхъ. Правда, про пакетъ съ тремя тысячами тоже слышалъ отъ самого Мити. Зато подробно описалъ подвиги Мити въ трактирѣ „Столичный городъ", всѣ компрометирующія того слова и жесты и передалъ исторію о „мочалкѣ" штабсъ-капитана Снѣгирева. Насчетъ же того особаго пункта, остался ли что-нибудь долженъ Ѳедоръ Павловичъ Митѣ при расчетѣ по имѣнію — даже самъ Ракитинъ не могъ ничего указать и отдѣлался лишь общими мѣстами презрительнаго характера: „кто, дескать, могъ бы разобрать изъ нихъ виноватаго и сосчитать, кто кому остался долженъ при безтолковой Карамазовщинѣ, въ которой никто себя не могъ ни понять, ни опредѣлить?" Всю трагедію судимаго преступленія онъ изобразилъ какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостного права и погруженной въ безпорядокъ Россіи, страдающей безъ соотвѣтственныхъ учрежденій. Словомъ, ему дали кое-что высказать. Съ этого процесса господинъ Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ замѣтенъ; прокуроръ зналъ, что свидѣтель готовитъ въ журналъ статью

о настоящемъ преступленіи и потомъ уже въ рѣчи своей (что̀ увидимъ ниже) цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой статьи, значитъ, уже былъ съ нею знакомъ. Картина, изображенная свидѣтелемъ, вышла мрачною и роковою и сильно подкрѣпила „обвиненіе“. Вообще же изложеніе Ракитина плѣнило публику независимостью мысли и необыкновеннымъ благородствомъ ея полета. Послышались даже два-три внезапно сорвавшіяся рукоплесканія, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о крѣпостномъ правѣ и о страдающей отъ безурядицы Россіи. Но Ракитинъ, все же какъ молодой человѣкъ, сдѣлалъ маленькій промахъ, которымъ тотчасъ же отмѣнно успѣлъ воспользоваться защитникъ. Отвѣчая на извѣстные вопросы насчетъ Грушеньки, онъ, увлеченный своимъ успѣхомъ, который, конечно, уже самъ сознавалъ, и тою высотой благородства, на которую воспарилъ, позволилъ себѣ выразиться объ Аграфенѣ Александровнѣ нѣсколько презрительно, какъ о „содержанкѣ купца Самсонова“. Дорого далъ бы онъ потомъ, чтобы воротить свое словечко, ибо на немъ-то и поймалъ его тотчасъ же Ѳетюковичъ. И все потому, что Ракитинъ совсѣмъ не разсчитывалъ, что тотъ въ такой краткій срокъ могъ до такихъ интимныхъ подробностей ознакомиться съ дѣломъ.

— Позвольте узнать, началъ защитникъ съ самою любезною и даже почтительною улыбкой, когда пришлось ему въ свою очередь задавать вопросы, — вы, конечно, тотъ самый и есть господинъ Ракитинъ, котораго брошюру, изданную епархіальнымъ начальствомъ, *Житіе въ Бозѣ почившаго старца отца Зосимы*, полную глубокихъ и религіозныхъ мыслей, съ превосходнымъ и благочестивымъ посвященіемъ преосвященному, я недавно прочелъ съ такимъ удовольствіемъ.

— Я написалъ не для печати... это потомъ напечатали, пробормоталъ Ракитинъ, какъ бы вдругъ чѣмъ-то опѣшенный и почти со стыдомъ.

— О, это прекрасно! Мыслитель, какъ вы, можетъ и даже долженъ относиться весьма широко ко всякому общественному явленію. Покровительствомъ преосвященнаго ваша полезнѣйшая брошюра разошлась и доставила относительную пользу... Но я вотъ о чемъ, главное, жежалъ бы у васъ полюбопытствовать: вы только что заявили, что были весьма близко знакомы съ госпожей Свѣтловой? (Nota bene. Фамилія Грушеньки оказалась

„Свѣтлова“. Это я узналъ въ первый разъ только въ этотъ день, во время хода процесса).

— Я не могу отвѣчать за всѣ мои знакомства... Я молодой человѣкъ... и кто же можетъ отвѣчать за всѣхъ тѣхъ, кого встрѣчаетъ, такъ и вспыхнулъ весь Ракитинъ.

— Понимаю, слишкомъ понимаю! воскликнулъ Ѳетюковичъ, какъ бы самъ сконфуженный и какъ бы стремительно спѣша извиниться, — вы, какъ и всякій другой, могли быть въ свою очередь заинтересованы знакомствомъ молодой и красивой женщины, охотно принимавшей къ себѣ цвѣтъ здѣшней молодежи, но... я хотѣлъ лишь освѣдомиться: намъ извѣстно, что Свѣтлова, мѣсяца два назадъ, чрезвычайно желала познакомиться съ младшимъ Карамазовымъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, и только за то, чтобы вы привели его къ ней, и именно въ его тогдашнемъ, монастырскомъ костюмѣ, она пообѣщала вамъ выдать двадцать пять рублей, только что вы его къ ней приведете. Это, какъ и извѣстно, состоялось именно въ вечеръ того дня, который закончился трагическою катастрофой, послужившею основаніемъ настоящему дѣлу. Вы привели Алексѣя Карамазова къ госпожѣ Свѣтловой, — и получили вы тогда эти двадцать пять рублей наградныхъ отъ Свѣтловой, вотъ что̀ я желалъ бы отъ васъ услышать?

— Это была шутка... Я не вижу, почему васъ можетъ интересовать. Я взялъ для шутки... и чтобы потомъ отдать...

— Стало-быть, взяли. Но вѣдь не отдали же и до сихъ поръ... или отдали?

— Это пустое... бормоталъ Ракитинъ, — я не могу на этакіе вопросы отвѣчать... Я, конечно, отдамъ...

Вступился предсѣдатель, но защитникъ возвѣстилъ, что онъ свои вопросы господину Ракитину кончилъ. Господинъ Ракитинъ сошелъ со сцены нѣсколько подсаленный. Впечатлѣніе отъ высшаго благородства его рѣчи было-таки испорчено, и Ѳетюковичъ, провожая его глазами, какъ бы говорилъ, указывая публикѣ: „вотъ, дескать, каковы ваши благородные обвинители!“ Помню, не прошло и тутъ безъ эпизода со стороны Мити: взбѣшенный топомъ, съ какимъ Ракитинъ выразился о Грушенькѣ, онъ вдругъ закричалъ со своего мѣста: „Бернаръ!“ Когда же предсѣдатель, по окончаніи всего допроса Ракитина, обратился къ подсудимому: не желаетъ ли онъ чего замѣтить со своей стороны, то Митя зычно крикнулъ:

— Онъ у меня уже у подсудимаго деньги таскалъ взаймы! Бернаръ презрѣнный и карьеристъ, и въ Бога не вѣруетъ, преосвященнаго надулъ!

Митю, конечно, опять образумили за неистовство выраженій, но господинъ Ракитинъ былъ доконченъ. Не повезло и свидѣтельству штабсъ-капитана Снѣгирева, но уже совсѣмъ отъ другой причины. Онъ предсталъ весь изорванный, въ грязной одеждѣ, въ грязныхъ сапогахъ и, несмотря на всѣ предосторожности и предварительную „экспертизу", вдругъ оказался совсѣмъ пьяненькимъ. На вопросы объ обидѣ, нанесенной ему Митей, вдругъ отказался отвѣчать.

— Богъ съ ними-съ. Илюшечка не велѣлъ. Мнѣ Богъ тамъ заплатитъ-съ.

— Кто вамъ не велѣлъ говорить? Про кого вы упоминаете?

— Илюшечка, сыночекъ мой: „Папочка, папочка, какъ онъ тебя унизилъ!" У камушка произнесъ. Теперь помираетъ-съ...

Штабсъ-капитанъ вдругъ зарыдалъ и съ размаху бухнулся въ ноги предсѣдателю. Его поскорѣе вывели, при смѣхѣ публики. Подготовленное прокуроромъ впечатлѣніе не состоялось вовсе.

Защитникъ же продолжалъ пользоваться всѣми средствами и все болѣе и болѣе удивлялъ своимъ ознакомленіемъ съ дѣломъ до мельчайшихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, показаніе Трифона Борисовича произвело было весьма сильное впечатлѣніе и, ужъ конечно, было чрезвычайно неблагопріятно для Мити. Онъ именно чуть не по пальцамъ высчиталъ, что Митя, въ первый пріѣздъ свой въ Мокрое, за мѣсяцъ почти предъ катастрофой, не могъ истратить менѣе трехъ тысячъ или „развѣ безъ самаго только малаго. На однѣхъ этихъ цыганокъ сколько раскидано! Нашимъ-то, нашимъ-то вшивымъ мужикамъ не то что „полтиною по улицѣ шибали", а по меньшей мѣрѣ двадцатипятирублевыми бумажками дарили, меньше не давали. А сколько у нихъ тогда просто украли-съ! Вѣдь кто укралъ, тотъ руки своей не оставилъ, гдѣ же его поймать, вора-то-съ, когда сами зря разбрасывали! Вѣдь у насъ народъ разбойникъ, душу свою не хранятъ. А дѣвкамъ-то, дѣвкамъ-то нашимъ деревенскимъ что̀ пошло! Разбогатѣли у насъ съ той поры, вотъ что̀-съ, прежде бѣдность была". Словомъ, онъ припомнилъ всякую из-

держку и вывелъ все, точно на счетахъ. Такимъ образомъ, предположеніе о томъ, что истрачены были лишь полторы тысячи, а другія отложены въ ладонку, становилось немыслимымъ. „Самъ видѣлъ, въ рукахъ у нихъ видѣлъ три тысячи, какъ одну конеечку, глазами созерцалъ, ужъ намъ ли счету не понимать-съ!“ восклицалъ Трифонъ Борисовичъ, изо всѣхъ силъ желая угодить „начальству“. Но когда опросъ перешелъ къ защитнику, тотъ, почти и не пробуя опровергать показаніе, вдругъ завелъ рѣчь о томъ, что ямщикъ Тимоѳей и другой мужикъ Акимъ подняли въ Мокромъ, въ этотъ первый кутежъ, еще за мѣсяцъ до ареста, сто рублей въ сѣняхъ на полу, оброненные Митей въ хмѣльномъ видѣ, и представили ихъ Трифону Борисовичу, а тотъ далъ имъ за это по рублю. „Ну, такъ возвратили вы тогда эти сто рублей господину Карамазову или нѣтъ?“ Трифонъ Борисовичъ, какъ ни вилялъ, но, послѣ допроса мужиковъ, въ найденной сторублевой сознался, прибавивъ только, что Дмитрію Ѳедоровичу тогда же свято все возвратилъ и вручилъ по „самой честности, и что вотъ только онѣ сами, будучи въ то время совсѣмъ пьяными-съ, врядъ ли это могутъ припомнить“. Но такъ какъ онъ все-таки до призыва свидѣтелей-мужиковъ въ находкѣ ста рублей отрицался, то и показаніе его о возвратѣ суммы хмѣльному Митѣ естественно подверглось большому сомнѣнію. Такимъ образомъ, одинъ изъ опаснѣйшихъ свидѣтелей, выставленныхъ прокуратурой, ушелъ опять-таки заподозрѣннымъ и въ репутаціи своей сильно осаленнымъ. То же приключилось и съ поляками: тѣ явились гордо и независимо. Громко засвидѣтельствовали, что, во-первыхъ, оба „служили коронѣ“ и что „панъ Митя“ предлагалъ имъ три тысячи, чтобы купить ихъ честь, и что они сами видѣли большія деньги въ рукахъ его. Панъ Муссяловичъ вставлялъ страшно много польскихъ словъ въ свои фразы и видя, что это только возвышаетъ его въ глазахъ предсѣдателя и прокурора, возвысилъ, наконецъ, свой духъ окончательно и сталъ уже совсѣмъ говорить по-польски. Но Ѳетюковичъ поймалъ и ихъ въ свои тенета: какъ ни вилялъ вызванный опять Трифонъ Борисовичъ, а все-таки долженъ былъ сознаться, что его колода картъ была подмѣнена паномъ Врублевскимъ своею, и что панъ Муссяловичъ, меча банкъ, передернулъ карту. Это уже подтвердилъ Калгановъ, давая въ свою очередь показаніе, и

оба пана удалились съ нѣкоторымъ срамомъ, даже при смѣхѣ публики.

Затѣмъ точно такъ произошло почти со всѣми наиболѣе опаснѣйшими свидѣтелями. Каждаго-то изъ нихъ сумѣлъ Ѳетюковичъ нравственно размарать и отпустить съ нѣкоторымъ носомъ. Любители и юристы только любовались и лишь недоумѣвали опять-таки, къ чему такому большому и окончательному все это могло бы послужить, ибо, повторяю, всѣ чувствовали неотразимость обвиненія, все болѣе и трагичнѣе нараставшаго. Но по увѣренности „великаго мага“ видѣли, что онъ былъ спокоенъ, и ждали: недаромъ же пріѣхалъ изъ Петербурга „таковъ человѣкъ“, не таковъ и человѣкъ, чтобы ни съ чѣмъ назадъ воротиться.

III.

Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣховъ.

Медицинская экспертиза тоже не очень помогла подсудимому. Да и самъ Ѳетюковичъ, кажется, не очень на нее разсчитывалъ, что̀ и оказалось впослѣдствіи. Въ основаніи своемъ она произошла единственно по настоянію Катерины Ивановны, вызвавшей нарочно знаменитаго доктора изъ Москвы. Защита, конечно, ничего не могла черезъ нее проиграть, а въ лучшемъ случаѣ могла что-нибудь и выиграть. Впрочемъ, отчасти вышло даже какъ бы нѣчто комическое, именно по нѣкоторому разногласію докторовъ. Экспертиза явилась—пріѣхавшій знаменитый докторъ, затѣмъ нашъ докторъ Герценштубе и, наконецъ, молодой врачъ Варвинскій. Оба послѣдніе фигурировали тоже и какъ просто свидѣтели, вызванные прокуроромъ. Первымъ спрошенъ былъ въ качествѣ эксперта докторъ Герценштубе. Это былъ семидесятилѣтній старикъ, сѣдой и плѣшивый, средняго роста, крѣпкаго сложенія. Его всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человѣкъ прекрасный и благочестивый, какой-то гернгутеръ или „Моравскій братъ“ — ужъ не знаю навѣрно. Жилъ у насъ уже очень давно и держалъ себя съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Онъ былъ добръ и человѣколюбивъ, лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ конуры и избы и оставлялъ деньги на лѣкарство, но притомъ былъ и упрямъ какъ мулъ. Сбить его съ его идеи, если она засѣла у него въ головѣ, было невозможно. Кстати, уже

всѣмъ почти было извѣстно въ городѣ, что пріѣзжій знаменитый врачъ въ какіе-нибудь два-три дня своего у насъ пребыванія позволилъ себѣ нѣсколько чрезвычайно обидныхъ отзывовъ насчетъ дарованій доктора Герценштубе. Дѣло въ томъ, что хоть московскій врачъ и бралъ за визиты не менѣе двадцати пяти рублей, но все же нѣкоторые въ нашемъ городѣ обрадовались случаю его пріѣзда, не пожалѣли денегъ и кинулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ больныхъ лѣчилъ до него, конечно, докторъ Герценштубе, и вотъ знаменитый врачъ съ чрезвычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ его лѣченіе. Подъ конецъ даже, являясь къ больному, прямо спрашивалъ: „Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!“ Докторъ Герценштубе, конечно, все это узналъ. И вотъ всѣ три врача появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герценштубе прямо заявилъ, что „ненормальность умственныхъ способностей подсудимаго усматривается сама собой“. Затѣмъ, представивъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ прибавилъ, что ненормальность эта усматривается, главное, не только изъ прежнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь, въ сію даже минуту, и когда его попросили объяснить, въ чемъ же усматривается теперь, въ сію-то минуту, то старикъ-докторъ со всею прямотой своего простодушія указалъ на то, что подсудимый, войдя въ залу, „имѣлъ необыкновенный и чудный по обстоятельствамъ видъ, шагалъ впередъ какъ солдатъ и держалъ глаза впереди себя, упираясь, тогда какъ вѣрнѣе было ему смотрѣть налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ большой любитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много думать о томъ, что̀ теперь о немъ скажутъ дамы“, заключилъ старичокъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить, что онъ говорилъ по-русски много и охотно, но какъ-то у него каждая фраза выходила на нѣмецкій манеръ, что̀, впрочемъ, никогда не смущало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою русскую рѣчь за образцовую, „за лучшую чѣмъ даже у русскихъ“, и даже очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя каждый разъ, что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія изо всѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще, что онъ, въ разговорѣ, отъ разсѣянности ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то у него изъ ума вы-

скакивали. То же самое, впрочемъ, бывало когда онъ говорилъ по-нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой предъ лицомъ своимъ, какъ бы ища ухватить потерянное словечко, и ужъ никто не могъ бы принудить его продолжать начатую рѣчь прежде, чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова. Замѣчаніе его насчетъ того, что подсудимый, войдя, долженъ былъ бы посмотрѣть на дамъ, вызвало игривый шопотъ въ публикѣ. Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали тоже, что онъ, холостой всю жизнь человѣкъ, благочестивый и цѣломудренный, на женщинъ смотрѣлъ, какъ на высшія и идеальныя существа. А потому неожиданное замѣчаніе его всѣмъ показалось ужасно страннымъ.

Московскій докторъ, спрошенный въ свою очередь, рѣзко и настойчиво подтвердилъ, что считаетъ умственное состояніе подсудимаго за ненормальное, „даже въ высшей степени". Онъ много и умно говорилъ про „аффектъ" и „манію" и выводилъ, что по всѣмъ собраннымъ даннымъ подсудимый предъ своимъ арестомъ, за нѣсколько еще дней, находился въ несомнѣнномъ болѣзненномъ аффектѣ, и если совершилъ преступленіе, то хотя и сознавая его, но почти невольно, совсѣмъ не имѣя силъ бороться съ болѣзненнымъ нравственнымъ влеченіемъ, имъ овладѣвшимъ. Но кромѣ аффекта, докторъ усматривалъ и манію, что̀ уже пророчило впереди, по его словамъ, прямую дорогу къ совершенному уже помѣшательству. (NB. Я передаю своими словами, докторъ же изъяснялся очень ученымъ и спеціальнымъ языкомъ). „Всѣ дѣйствія его наоборотъ здравому смыслу и логикѣ", продолжалъ онъ. — „Уже не говорю о томъ, чего не видалъ, то-есть о самомъ преступленіи и всей этой катастрофѣ, но даже третьяго дня, во время разговора со мной, у него былъ необъяснимый неподвижный взглядъ. Неожиданный смѣхъ, когда вовсе его не надо. Непонятное постоянное раздраженіе, странныя слова: „Бернаръ", „эѳика" и другія, которыхъ не надо". Но особенно усматривалъ докторъ эту манію въ томъ, что подсудимый даже не можетъ и говорить о тѣхъ трехъ тысячахъ рублей, въ которыхъ считаетъ себя обманутымъ, безъ какого-то необычайнаго раздраженія, тогда какъ обо всѣхъ другихъ неудачахъ и обидахъ своихъ говоритъ и вспоминаетъ довольно легко. Наконецъ, по справкамъ, онъ точно такъ же и прежде, всякій разъ когда касалось этихъ трехъ тысячъ, прихо-

дилъ въ какое-то почти изступленіе, а между тѣмъ свидѣтельствуютъ о немъ, что онъ безкорыстенъ и нестяжателенъ. „Насчетъ же мнѣнія ученаго собрата моего,— иронически присовокупилъ московскій докторъ, заканчивая свою рѣчь,—что подсудимый, входя въ залу, долженъ былъ смотрѣть на дамъ, а не прямо предъ собою, скажу лишь то, что, кромѣ игривости подобнаго заключенія, оно сверхъ того и радикально ошибочно: ибо, хотя я вполнѣ соглашаюсь, что подсудимый, входя въ залу суда, въ которой рѣшается его участь, не долженъ былъ такъ неподвижно смотрѣть предъ собой и что это дѣйствительно могло бы считаться признакомъ его ненормальнаго душевнаго состоянія въ данную минуту, но въ то же время я утверждаю, что онъ долженъ былъ смотрѣть не налѣво на дамъ, а напротивъ, именно направо, ища глазами своего защитника, въ помощи котораго вся его надежда и отъ защиты котораго зависитъ теперь вся его участь". Мнѣніе свое докторъ выразилъ рѣшительно и настоятельно. Но особенный комизмъ разногласію обоихъ ученыхъ экспертовъ придалъ неожиданный выводъ врача Варвинскаго, спрошеннаго послѣ всѣхъ. На его взглядъ, подсудимый, какъ теперь, такъ и прежде, находится въ совершенно нормальномъ состояніи и хотя дѣйствительно онъ долженъ былъ предъ арестомъ находиться въ положеніи нервномъ и чрезвычайно возбужденномъ, но это могло происходить отъ многихъ самыхъ очевидныхъ причинъ: отъ ревности, гнѣва, безпрерывно пьянаго состоянія и проч. Но это нервное состояніе не могло заключать въ себѣ никакого особеннаго „аффекта", о которомъ сейчасъ говорилось. Что же до того, налѣво или направо долженъ былъ смотрѣть подсудимый входя въ залу, то, „по его скромному мнѣнію", подсудимый именно долженъ былъ, входя въ залу, смотрѣть прямо предъ собой, какъ и смотрѣлъ въ самомъ дѣлѣ, ибо прямо предъ нимъ сидѣли предсѣдатель и члены суда, отъ которыхъ зависитъ теперь вся его участь, „такъ что, смотря прямо предъ собой, онъ именно тѣмъ самымъ и доказалъ совершенно нормальное состояніе своего ума въ данную минуту", съ нѣкоторымъ жаромъ заключилъ молодой врачъ свое „скромное" показаніе.

— Браво, лѣкарь! крикнулъ Митя со своего мѣста, — именно такъ!

Митю, конечно, остановили, но мнѣніе молодого врача

имѣло самое рѣшающее дѣйствіе какъ на судъ, такъ и на публику, ибо, какъ оказалось потомъ, всѣ съ нимъ согласились. Впрочемъ, докторъ Герценштубе, спрошенный уже какъ свидѣтель, совершенно неожиданно вдругъ послужилъ въ пользу Мити. Какъ старожилъ города, издавна знающій семейство Карамазовыхъ, онъ далъ нѣсколько показаній весьма интересныхъ для „обвиненія", и вдругъ, какъ бы что-то сообразивъ, присовокупилъ:

— И, однако, бѣдный молодой человѣкъ могъ получить безъ сравненія лучшую участь, ибо былъ хорошаго сердца и въ дѣтствѣ и послѣ дѣтства, ибо я знаю это. Но русская пословица говоритъ: „если есть у кого одинъ умъ, то это хорошо, а если придетъ въ гости еще умный человѣкъ, то будетъ еще лучше, ибо тогда будетъ два ума, а не одинъ только"...

— Умъ хорошо, а два—лучше, въ нетерпѣніи подсказалъ прокуроръ, давно уже знавшій обычай старичка говорить медленно, растянуто, не смущаясь производимымъ впечатлѣніемъ и тѣмъ, что заставляетъ себя ждать, а, напротивъ, еще весьма цѣня свое тугое, картофельное и всегда радостно-самодовольное нѣмецкое остроуміе. Старичокъ же любилъ острить.

— О, д-да, и я то же говорю, упрямо подхватилъ онъ,— одинъ умъ хорошо, а два гораздо лучше. Но къ нему другой съ умомъ не пришелъ, а онъ и свой пустилъ... Какъ это, куда онъ его пустилъ? Это слово — куда онъ пустилъ свой умъ, я забылъ, продолжалъ онъ, вертя рукой предъ своими глазами, — ахъ да, шпаціренъ.

— Гулять?

— Ну, да, гулять, и я то же говорю. Вотъ умъ его и пошелъ прогуливаться и пришелъ въ такое глубокое мѣсто, въ которомъ и потерялъ себя. А между тѣмъ, это былъ благодарный и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще вотъ такимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда онъ бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ и съ панталончиками на одной пуговкѣ...

Какая-то чувствительная и проникновенная нотка послышалась вдругъ въ голосѣ честнаго старичка. Ѳетюковичъ такъ и вздрогнулъ, какъ бы что-то предчувствуя, и мигомъ привязался.

— О, да, я самъ былъ тогда еще молодой человѣкъ... Мнѣ... ну да, мнѣ было тогда сорокъ пять лѣтъ, а я только-что сюда пріѣхалъ. И мнѣ стало тогда жаль маль-

чика, и я спросилъ себя: почему я не могу купить ему одинъ фунтъ... Ну да, чего фунтъ? Я забылъ, какъ это называется... фунтъ того, что дѣти очень любятъ, какъ это,—ну, какъ это... замахалъ опять докторъ руками, — это на деревѣ растетъ, и его собираютъ и всѣмъ дарятъ...

— Яблоки?

— О, н-нѣ-ѣ-ѣтъ! Фунтъ, фунтъ, яблоки десятокъ, а не фунтъ... нѣтъ, ихъ много и все маленькіе, кладутъ въ ротъ и кр-р-рахъ!..

— Орѣхи?

— Ну, да, орѣхи, и я то же говорю, самымъ спокойнымъ образомъ, какъ бы вовсе и не искалъ слова, подтвердилъ докторъ,—и я принесъ ему одинъ фунтъ орѣховъ, ибо мальчику никогда и никто еще не приносилъ фунтъ орѣховъ, и я поднялъ мой палецъ и сказалъ ему: Мальчикъ! Gott der Vater, онъ засмѣялся и говоритъ: Gott der Vater.—Gott der Sohn. Онъ еще засмѣялся и лепеталъ: Gott der Sohn.—Gott der heilige Geist. Тогда онъ еще засмѣялся и проговорилъ сколько могъ: Gott der heilige Geist. А я ушелъ; на третій день иду мимо, а онъ кричитъ мнѣ самъ: „Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn", и только забылъ Gott der heilige Geist, но я ему вспомнилъ, и мнѣ опять стало очень жаль его. Но его увезли, и я болѣе не видалъ его. И вотъ прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ моемъ кабинетѣ, уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣтущій молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но онъ поднялъ палецъ и смѣясь говоритъ: „Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der heilige Geist. Я сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ поблагодарить за фунтъ орѣховъ, ибо мнѣ никто никогда не покупалъ тогда фунтъ орѣховъ, а вы одинъ купили мнѣ фунтъ орѣховъ". И тогда я вспомнилъ мою счастливую молодость и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ и у меня повернулось сердце, и я сказалъ: Ты благодарный молодой человѣкъ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который я тебѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ. И я обнялъ его и благословилъ. И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо русскій весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать. Но онъ и плакалъ, я видѣлъ это. А теперь, увы!..

— И теперь плачу, нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты человѣкъ! крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста.

Какъ бы тамъ ни было, а анекдотикъ произвелъ въ

публикѣ нѣкоторое благопріятное впечатлѣніе. Но главный эффектъ въ пользу Мити произведенъ былъ показаніемъ Катерины Ивановны, о которомъ сейчасъ скажу. Да и вообще, когда начались свидѣли à decharge, то-есть вызванные защитникомъ, то судьба какъ бы вдругъ и даже серьезно улыбнулась Митѣ и, что всего замѣчательнѣе—неожиданно даже для самой защиты. Но еще прежде Катерины Ивановны спрошенъ былъ Алеша, который вдругъ припомнилъ одинъ фактъ, имѣвшій видъ даже какъ будто положительнаго уже свидѣтельства противъ одного важнѣйшаго пункта обвиненія.

IV.

Счастье улыбается Митѣ.

Случилось это вовсе нечаянно даже для самого Алеши. Онъ вызванъ былъ безъ присяги, и я помню, что къ нему всѣ стороны отнеслись съ самыхъ первыхъ словъ допроса чрезвычайно мягко и симпатично. Видно было, что ему предшествовала добрая слава. Алеша показывалъ скромно и сдержанно, но въ показаніяхъ его явно прорывалась горячая симпатія къ несчастному брату. Отвѣчая по одному вопросу, онъ очертилъ характеръ брата, какъ человѣка, можетъ-быть, и неистоваго и увлеченнаго страстями, но тоже и благороднаго, гордаго и великодушнаго, готоваго даже на жертву, если бъ отъ него потребовали. Сознавался, впрочемъ, что братъ былъ въ послѣдніе дни, изъ-за страсти къ Грушенькѣ, изъ-за соперничества съ отцомъ, въ положеніи невыносимомъ. Но онъ съ негодованіемъ отвергъ даже предположеніе о томъ, что братъ могъ убить съ цѣлью грабежа, хотя и сознался, что эти три тысячи обратились въ умѣ Мити въ какую-то почти манію, что онъ считалъ ихъ за недоданное ему, обманомъ отца, наслѣдство, и что, будучи вовсе не корыстолюбивымъ, даже не могъ заговорить объ этихъ трехъ тысячахъ безъ изступленія и бѣшенства. Про соперничество же двухъ „особъ", какъ выразился прокуроръ, то-есть Грушеньки и Кати, отвѣчалъ уклончиво, и даже на одинъ или два вопроса совсѣмъ не пожелалъ отвѣчать.

— Говорилъ ли вамъ, по крайней мѣрѣ, братъ вашъ, что намѣренъ убить своего отца? спросилъ прокуроръ.— Вы можете не отвѣчать, если найдете это нужнымъ, прибавилъ онъ.

— Прямо не говорилъ, отвѣтилъ Алеша.

— Какъ же? Косвенно?

— Онъ говорилъ мнѣ разъ о своей личной ненависти къ отцу и что боится, что... въ крайнюю минуту... въ минуту омерзѣнія... можетъ-быть, и могъ бы убить его.

— И вы, услышавъ, повѣрили тому?

— Боюсь сказать, что повѣрилъ. Но я всегда былъ убѣжденъ, что нѣкоторое высшее чувство всегда спасетъ его въ роковую минуту, какъ и спасло въ самомъ дѣлѣ, потому что *не онъ* убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голосомъ и на всю залу.

Прокуроръ вздрогнулъ, какъ боевой конь, заслышавшій трубный сигналъ.

— Будьте увѣрены, что я совершенно вѣрю самой полной искренности убѣжденія вашего, не обусловливая и не ассимилируя его нисколько съ любовью къ вашему несчастному брату. Своеобразный взглядъ вашъ на весь трагическій эпизодъ, разыгравшійся въ вашемъ семействѣ, уже извѣстенъ намъ по предварительному слѣдствію. Не скрою отъ васъ, что онъ въ высшей степени особливъ и противорѣчитъ всѣмъ прочимъ показаніямъ, полученнымъ прокуратурою. А потому и нахожу нужнымъ спросить васъ уже съ настойчивостью, какія именно данныя руководили мысль вашу и направили ее на окончательное убѣжденіе въ невинности брата вашего, и, напротивъ, въ виновности другого лица, на котораго вы уже указали прямо на предварительномъ слѣдствіи?

— На предварительномъ слѣдствіи я отвѣчалъ лишь на вопросы, тихо и спокойно проговорилъ Алеша,—а не шелъ самъ съ обвиненіемъ на Смердякова.

— И все же на него указали?

— Я указалъ со словъ брата Дмитрія. Мнѣ еще до допроса разсказали о томъ, что произошло при арестѣ его и какъ онъ самъ показалъ тогда на Смердякова. Я вѣрю вполнѣ, что братъ невиновенъ. А если убилъ не онъ, то...

— То Смердяковъ?.. Почему же именно Смердяковъ? И почему именно вы такъ окончательно убѣдились въ невиновности вашего брата?

— Я не могъ не повѣрить брату. Я знаю, что онъ мнѣ не солжетъ. Я по лицу его видѣлъ, что онъ мнѣ не лжетъ.

— Только по лицу? Въ этомъ всѣ ваши доказательства?

— Болѣе не имѣю доказательствъ.

— И о виновности Смердякова тоже не основываетесь ни на малѣйшемъ иномъ доказательствѣ, кромѣ лишь словъ вашего брата и выраженія лица его?

— Да, не имѣю иного доказательства.

На этомъ прокуроръ прекратилъ разспросы. Отвѣты Алеши произвели было на публику самое разочаровывающее впечатлѣніе. О Смердяковѣ у насъ уже поговаривали еще до суда, кто-то что-то слышалъ, кто-то на что-то указывалъ, говорили про Алешу, что онъ накопилъ какія-то чрезвычайныя доказательства въ пользу брата и въ виновности лакея, и вотъ—ничего, никакихъ доказательствъ, кромѣ какихъ-то нравственныхъ убѣжденій, столь естественныхъ въ его качествѣ родного брата подсудимаго.

Но началъ спрашивать и Ѳетюковичъ. На вопросъ о томъ: когда именно подсудимый говорилъ ему, Алешѣ, о своей ненависти къ отцу, и о томъ, что онъ могъ бы убить его, и что слышалъ ли онъ это отъ него, напримѣръ, при послѣднемъ свиданіи предъ катастрофой, Алеша, отвѣчая, вдругъ какъ бы вздрогнулъ, какъ бы нѣчто, только теперь, припомнивъ и сообразивъ.

— Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о которомъ я было совсѣмъ и самъ позабылъ, но тогда оно было мнѣ такъ неясно, а теперь...

И Алеша съ увлеченіемъ, видимо самъ только что теперь внезапно попавъ на идею, припомнилъ, какъ въ послѣднемъ свиданіи съ Митей, вечеромъ, у дерева, по дорогѣ къ монастырю, Митя, ударяя себя въ грудь, „въ верхнюю часть груди“, нѣсколько разъ повторилъ ему, что у него есть средство возстановить свою честь, что средство это здѣсь, вотъ тутъ, на его груди... „Я подумалъ тогда, что онъ, ударяя себя въ грудь, говорилъ о своемъ сердцѣ“, продолжалъ Алеша,—„о томъ, что въ сердцѣ своемъ могъ бы отыскать силы, чтобы выйти изъ одного какого-то ужаснаго позора, который предстоялъ ему и о которомъ онъ даже мнѣ не смѣлъ признаться. Признаюсь, я именно подумалъ тогда, что онъ говоритъ объ отцѣ и что онъ содрогается какъ отъ позора при мысли пойти къ отцу и совершить съ нимъ какое-нибудь насиліе, а между тѣмъ онъ именно тогда какъ бы на что-то указывалъ на своей груди, такъ что, помню, у меня мелькнула именно тогда же какая-то мысль, что сердце совсѣмъ не въ той сторонѣ груди, а ниже, а онъ

ударяетъ себя гораздо выше, вотъ тутъ, сейчасъ ниже шеи, и все указываетъ въ это мѣсто. Моя мысль мнѣ показалась тогда глупою, а онъ именно, можетъ-быть, тогда указывалъ на эту ладонку, въ которой зашиты были эти полторы тысячи!..“

— Именно! крикнулъ вдругъ Митя съ мѣста. — Это такъ, Алеша, такъ, я тогда объ нее стучалъ кулакомъ.

Ѳетюковичъ бросился къ нему впопыхахъ, умоляя успокоиться, и въ тотъ же мигъ такъ и вцѣпился въ Алешу. Алеша, самъ увлеченный своимъ воспоминаніемъ, горячо высказалъ свое предположеніе, что позоръ этотъ вѣроятнѣе всего состоялъ именно въ томъ, что, имѣя на себѣ эти тысячу пятьсотъ рублей, которые бы могъ возвратить Катеринѣ Ивановнѣ, какъ половину своего ей долга, онъ все-таки рѣшилъ не отдать ей этой половины и употребить на другое, то-есть на увозъ Грушеньки, если бъ она согласилась...

— Это такъ, это именно такъ, восклицалъ во внезапномъ возбужденіи Алеша,—братъ именно восклицалъ мнѣ тогда, что половину, половину позора (онъ нѣсколько разъ выговорилъ: *половину!*), онъ могъ бы сейчасъ снять съ себя, но что до того несчастенъ слабостью своего характера, что этого не сдѣлаетъ... знаетъ заранѣе, что этого не можетъ и не въ силахъ сдѣлать!

— И вы твердо, ясно помните, что онъ ударялъ себя именно въ это мѣсто груди? жадно допрашивалъ Ѳетюковичъ.

— Ясно и твердо, потому что именно мнѣ подумалось тогда: зачѣмъ это онъ ударяетъ такъ высоко, когда сердце ниже, и мнѣ тогда же показалась моя мысль глупою... я это помню, что показалась глупою... это мелькнуло. Вотъ потому-то я сейчасъ теперь и вспомнилъ. И какъ я могъ позабыть это до самыхъ этихъ поръ! Именно онъ на эту ладонку указывалъ, какъ на то, что у него есть средства, но что онъ не отдастъ эти полторы тысячи! А при арестѣ, въ Мокромъ, онъ именно кричалъ—я это знаю, мнѣ передавали, — что считаетъ самымъ позорнымъ дѣломъ всей своей жизни, что, имѣя средства отдать половину (именно половину!) долга Катеринѣ Ивановнѣ и стать предъ ней не воромъ, онъ все-таки не рѣшился отдать и лучше захотѣлъ остаться въ ея глазахъ воромъ, чѣмъ разстаться съ деньгами! А какъ онъ мучился, какъ онъ мучился этимъ долгомъ! закончилъ, восклицая, Алеша.

Разумѣется, ввязался прокуроръ. Онъ попросилъ Алешу еще разъ описать, какъ это все было, и нѣсколько разъ настаивалъ, спрашивая: точно ли подсудимый, бія себя въ грудь, какъ бы на что-то указывалъ? Можетъ быть, просто билъ себя кулакомъ по груди?

— Да и не кулакомъ! восклицалъ Алеша, а именно указывалъ пальцами, и указывалъ сюда, очень высоко... Но какъ я могъ это такъ совсѣмъ забыть до самой этой минуты!

Предсѣдатель обратился къ Митѣ съ вопросомъ, что̀ можетъ онъ сказать насчетъ даннаго показанія. Митя подтвердилъ, что именно все такъ и было, что онъ именно указывалъ на свои полторы тысячи, бывшія у него на груди, сейчасъ пониже шеи, и что, конечно, это былъ позоръ,—„позоръ, отъ котораго не отрекаюсь, позорнѣйшій актъ во всей моей жизни!“ вскричалъ Митя. „Я могъ отдать и не отдалъ. Захотѣлъ лучше остаться въ ея глазахъ воромъ, но не отдалъ, а самый главный позоръ былъ въ томъ, что и впередъ зналъ, что не отдамъ! Правъ Алеша! Спасибо, Алеша!“

Тѣмъ кончился допросъ Алеши. Важно и характерно было именно то обстоятельство, что отыскался хоть одинъ лишь фактъ, хоть одно лишь, положимъ, самое мелкое доказательство, почти только намекъ на доказательство, но которое все же хоть капельку свидѣтельствовало, что дѣйствительно существовала эта ладонка, что были въ ней полторы тысячи, и подсудимый не лгалъ на предварительномъ слѣдствіи, когда въ Мокромъ объявилъ, что эти полторы тысячи „были мои“. Алеша былъ радъ; весь раскраснѣвшись, онъ прослѣдовалъ на указанное ему мѣсто. Онъ долго еще повторялъ про себя: „Какъ это я забылъ? Какъ могъ я это забыть! И какъ это такъ вдругъ только теперь припомнилось!“

Начался допросъ Катерины Ивановны. Только что она появилась, въ залѣ пронеслось нѣчто необыкновенное. Дамы схватились за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились, иные вставали съ мѣстъ, чтобы лучше видѣть. Всѣ утверждали потомъ, что Митя вдругъ поблѣднѣлъ, „какъ платокъ“, только-что она вошла. Вся въ черномъ, скромно и почти робко приблизилась она къ указанному ей мѣсту. Нельзя было угадать по лицу ея, что она была взволнована, но рѣшимость сверкала въ ея темномъ, сумрачномъ взглядѣ. Надо замѣтить, потомъ весьма многіе

утверждали, что она была удивительно хороша собой въ ту минуту. Заговорила она тихо, но ясно, на всю залу. Выражалась чрезвычайно спокойно или, по крайней мѣрѣ, усиливаясь быть спокойною. Предсѣдатель началъ вопросы свои осторожно, чрезвычайно почтительно, какъ бы боясь коснуться „иныхъ струнъ“ и уважая великое несчастіе. Но Катерина Ивановна сама, съ самыхъ первыхъ словъ, твердо объявила на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ, что она была помолвленною невѣстой подсудимаго „до тѣхъ поръ, пока онъ самъ меня не оставилъ“... тихо прибавила она. Когда ее спросили о трехъ тысячахъ, ввѣренныхъ Митѣ для отсылки на почту ея родственникамъ, она твердо проговорила: „Я дала ему не прямо на почту: я тогда предчувствовала, что ему очень нужны деньги... въ ту минуту... Я дала ему эти три тысячи подъ условіемъ, чтобъ онъ отослалъ ихъ, если хочетъ, въ теченіе мѣсяца. Напрасно онъ такъ потомъ себя мучилъ изъ-за этого долга“...

Я не передаю всѣхъ вопросовъ и въ точности всѣхъ ея отвѣтовъ, я только передаю существенный смыслъ ея показаній.

— Я твердо была увѣрена, что онъ всегда успѣетъ переслать эти три тысячи, только-что получитъ отъ отца, продолжала она, отвѣчая на вопросы. — Я всегда была увѣрена въ его безкорыстіи и въ его честности... высокой честности... въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ твердо былъ увѣренъ, что получитъ отъ отца три тысячи рублей, и нѣсколько разъ мнѣ говорилъ про это. Я знала, что у него съ отцомъ распря, и всегда была и до сихъ поръ тоже увѣрена, что онъ былъ обиженъ отцомъ. Я не помню никакихъ угрозъ отцу съ его стороны. При мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ ничего не говорилъ, никакихъ угрозъ. Если бъ онъ пришелъ тогда ко мнѣ, я тотчасъ успокоила бы его тревогу изъ-за должныхъ мнѣ имъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ, но онъ не приходилъ ко мнѣ болѣе... а я сама... я была поставлена въ такое положеніе... что не могла его звать къ себѣ... Да я и никакого права не имѣла быть къ нему требовательна за этотъ долгъ,—прибавила она вдругъ и что-то рѣшительное зазвенѣло въ ея голосѣ, — я сама однажды получила отъ него денежное одолженіе еще бо́льшее, чѣмъ въ три тысячи, и приняла его несмотря на то, что и предвидѣть еще тогда не могла, что хоть когда-нибудь въ состояніи буду заплатить ему долгъ мой...

Въ тонѣ голоса ея какъ бы почувствовался какой-то вызовъ. Именно въ эту минуту вопросы перешли къ Ѳетюковичу.

— Это было еще не здѣсь, а въ началѣ вашего знакомства? осторожно подходя, подхватилъ Ѳетюковичъ, вмигъ запредчувствовавъ нѣчто благопріятное. (Замѣчу въ скобкахъ, что онъ, несмотря на то, что былъ вызванъ изъ Петербурга отчасти и самою Катериною Ивановной,—все-таки не зналъ ничего объ эпизодѣ о пяти тысячахъ, данныхъ ей Митей еще въ томъ городѣ и о „земномъ поклонѣ". Она этого не сказала ему и скрыла! И это было удивительно. Можно съ увѣренностію предположить, что она сама, до самой послѣдней минуты, не знала: разскажетъ она этотъ эпизодъ на судѣ или нѣтъ, и ждала какого-то вдохновенія).

— Нѣтъ, никогда я не могу забыть этихъ минутъ! Она начала разсказывать, она *все* разсказала, весь этотъ эпизодъ, повѣданный Митей Алешѣ, и „земной поклонъ", и причины, и про отца своего, и появленіе свое у Мити, и ни словомъ, ни единымъ намекомъ не упомянула о томъ, что Митя, чрезъ сестру ея, самъ предложилъ „прислать къ нему Катерину Ивановну за деньгами". Это она великодушно утаила и не устыдилась выставить наружу, что это она, она сама прибѣжала тогда къ молодому офицеру, своимъ собственнымъ порывомъ, надѣясь на что-то... чтобы выпросить у него денегъ. Это было нѣчто потрясающее. Я холодѣлъ и дрожалъ, слушая, зала замерла, ловя каждое слово. Тутъ было что-то безпримѣрное, такъ что даже и отъ такой самовластной и презрительно гордой дѣвушки, какъ она, почти невозможно было ожидать такого высокооткровеннаго показанія, такой жертвы, такого самозаклатія. И для чего, для кого? Чтобы спасти своего измѣнника и обидчика, чтобы послужить хоть чѣмъ-нибудь, хоть малымъ, къ спасенію его, произведя въ его пользу хорошее впечатлѣніе! И въ самомъ дѣлѣ: образъ офицера, отдающаго свои послѣднія пять тысячъ рублей,—все что у него оставалось въ жизни,—и почтительно преклонившагося предъ невинною дѣвушкой, выставился весьма симпатично и привлекательно, но... у меня больно сжалось сердце! Я почувствовалъ, что можетъ выйти потомъ (да и вышла потомъ, вышла!) клевета! Со злобнымъ смѣшкомъ говорили потомъ во всемъ городѣ, что разсказъ, можетъ-быть, не совсѣмъ былъ точенъ, именно въ томъ мѣстѣ,

гдѣ офицеръ отпустилъ отъ себя дѣвицу „будто бы только съ почтительнымъ поклономъ“. Намекали, что тутъ нѣчто „пропущено“. „Да если бъ и не было пропущено, если бъ и все правда была, говорили даже самыя почтенныя наши дамы,—то и тогда еще неизвѣстно: очень ли благородно такъ поступить было дѣвушкѣ, даже хоть бы спасая отца?“ И неужели Катерина Ивановна, съ ея умомъ, съ ея болѣзненною проницательностью, не предчувствовала заранѣе, что такъ заговорятъ? Непремѣнно предчувствовала, и вотъ рѣшилась же сказать все! Разумѣется, всѣ эти грязненькія сомнѣнія въ правдѣ разсказа начались лишь потомъ, а въ первую минуту все и всѣ были потрясены. Что же до членовъ суда, то Катерину Ивановну выслушали въ благоговѣйномъ, такъ сказать, даже стыдливомъ молчаніи. Прокуроръ не позволилъ себѣ ни единаго дальнѣйшаго вопроса на эту тему. Ѳетюковичъ глубоко поклонился ей. О, онъ почти торжествовалъ. Многое было пріобрѣтено: человѣкъ, отдающій, въ благородномъ порывѣ, послѣднія пять тысячъ, и потомъ тотъ же человѣкъ убивающій отца ночью съ цѣлью ограбить его на три тысячи,—это было нѣчто отчасти и несвязуемое. По крайней мѣрѣ, хоть грабежъ-то могъ теперь устранить Ѳетюковичъ. „Дѣло“ вдругъ облилось какимъ-то новымъ свѣтомъ. Что-то симпатичное пронеслось въ пользу Мити. Онъ же... про него разсказывали, что онъ разъ или два во время показанія Катерины Ивановны вскочилъ было съ мѣста, потомъ упалъ опять на скамью и закрылъ обѣими ладонями лицо. Но когда она кончила, онъ вдругъ рыдающимъ голосомъ воскликнулъ, простирая къ ней руки:

— Катя, зачѣмъ меня погубила!

И громко зарыдалъ было на всю залу. Впрочемъ, мигомъ сдержалъ себя и опять прокричалъ:

— Теперь я приговоренъ!

А затѣмъ какъ бы закоченѣлъ на мѣстѣ, стиснувъ зубы и сжавъ крестомъ на груди руки. Катерина Ивановна осталась въ залѣ и сѣла на указанный ей стулъ. Она была блѣдна и сидѣла потупившись. Разсказывали бывшіе близъ нея, что она долго вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Къ допросу явилась Грушенька.

Я подхожу близко къ той катастрофѣ, которая, разразившись внезапно, дѣйствительно, можетъ быть, погубила Митю. Ибо я увѣренъ, да и всѣ тоже, всѣ юристы послѣ такъ говорили, что не явись этого эпизода, преступнику,

по крайней мѣрѣ, дали бы снисхожденіе. Но объ этомъ сейчасъ. Два слова лишь прежде о Грушенькѣ.

Она явилась въ залу, тоже вся одѣтая въ черное, въ своей прекрасной черной шали на плечахъ. Плавно, своею неслышною походкой, съ маленькою раскачкой, какъ ходятъ иногда полныя женщины, приблизилась она къ балюстрадѣ, пристально смотря на предсѣдателя и ни разу не взглянувъ ни направо, ни налѣво. По-моему, она была очень хороша собой въ ту минуту и вовсе не блѣдна, какъ увѣряли потомъ дамы. Увѣряли тоже, что у ней было какое-то сосредоточенное и злое лицо. Я думаю только, что она была раздражена и тяжело чувствовала на себѣ презрительно-любопытные взгляды жадной къ скандалу нашей публики. Это былъ характеръ гордый, не выносящій презрѣнія, одинъ изъ такихъ, которые, чуть лишь заподозрятъ отъ кого презрѣніе—тотчасъ воспламеняются гнѣвомъ и жаждой отпора. При этомъ была, конечно, и робость, и внутренній стыдъ за эту робость, такъ что не мудрено, что разговоръ ея былъ неровенъ—то гнѣвливъ, то презрителенъ и усиленно грубъ, то вдругъ звучала искренняя сердечная нотка самоосужденія, самообвиненія. Иногда же говорила такъ, какъ будто летѣла въ какую-то пропасть: „все-де равно, что̀ бы ни вышло, а я, все-таки, скажу“... Насчетъ знакомства своего съ Ѳедоромъ Павловичемъ она рѣзко замѣтила: „Все пустяки, развѣ я виновата, что онъ ко мнѣ привязался?“ А потомъ черезъ минуту прибавила: „Я во всемъ виновата, я смѣялась надъ тѣмъ и другимъ,—и надъ старикомъ, и надъ этимъ,—и ихъ обоихъ до того довела. Изъ-за меня все произошло“. Какъ-то коснулось дѣло до Самсонова: „Какое кому дѣло,—съ какимъ-то наглымъ вызовомъ тотчасъ же огрызнулась она, — онъ былъ мой благодѣтель, онъ меня босоногую взялъ, когда меня родные изъ избы вышвырнули“. Предсѣдатель, впрочемъ весьма вѣжливо, напомнилъ ей, что надо отвѣчать прямо на вопросы, не вдаваясь въ излишнія подробности. Грушенька покраснѣла и глаза ея сверкнули.

Пакета съ деньгами она не видала, а только слыхала отъ „злодѣя“, что есть у Ѳедора Павловича какой-то пакетъ съ тремя тысячами. „Только это все глупости, я смѣялась, и ни за что̀ бы туда не пошла“.

— Про кого вы сейчасъ упомянули, какъ о „злодѣѣ“? освѣдомился прокуроръ.

- А про лакея, про Смердякова, что барина своего убилъ, а вчера повѣсился.

Конечно, ее мигомъ спросили: какія же у ней основанія для такого рѣшительнаго обвиненія, но основаній не оказалось тоже и у ней никакихъ.

— Такъ Дмитрій Ѳедоровичъ мнѣ самъ говорилъ, ему и повѣрьте. Разлучница его погубила, вотъ что, всему одна она причиной, вотъ что, вся какъ будто содрогаясь отъ ненависти прибавила Грушенька, и злобная нотка зазвенѣла въ ея голосѣ.

Освѣдомились, на кого она опять намекаетъ.

— А на барышню, на эту вотъ Катерину Ивановну. Къ себѣ меня тогда зазвала, шоколадомъ потчивала, прельстить хотѣла. Стыда въ ней мало истиннаго, вотъ что...

Тутъ предсѣдатель уже строго остановилъ ее, прося умѣрить свои выраженія. Но сердце ревнивой женщины уже разгорѣлось, она готова была полетѣть хоть въ бездну...

— При арестѣ въ селѣ Мокромъ, припоминая, спросилъ прокуроръ,—всѣ видѣли и слышали, какъ вы, выбѣжавъ изъ другой комнаты, закричали: „Я во всемъ виновата, вмѣстѣ въ каторгу пойдемъ!“ Стало-быть, была уже и у васъ въ ту минуту увѣренность, что онъ отцеубійца?

— Я чувствъ моихъ тогдашнихъ не помню, отвѣтила Грушенька,—всѣ тогда закричали, что онъ отца убилъ, я и почувствовала, что это я виновата и что изъ-за меня онъ убилъ. А какъ онъ сказалъ, что неповиненъ, я ему тотчасъ повѣрила, и теперь вѣрю, и всегда буду вѣрить: не таковъ человѣкъ, чтобы солгалъ.

Вопросы перешли къ Ѳетюковичу. Между прочимъ, я помню, онъ спросилъ про Ракитина и про двадцать пять рублей „за то, что привелъ къ вамъ Алексѣя Ѳедоровича Карамазова“.

— А что жъ удивительнаго, что онъ деньги взялъ, съ презрительною злобой усмѣхнулась Грушенька,—онъ и все ко мнѣ приходилъ деньги канючить, рублей по тридцати, бывало, въ мѣсяцъ выберетъ, все больше на баловство: пить-ѣсть ему было на что и безъ моего.

— На какомъ же основаніи вы были такъ щедры къ г. Ракитину? подхватилъ Ѳетюковичъ, несмотря на то, что предсѣдатель сильно шевелился.

— Да вѣдь онъ же мнѣ двоюродный братъ. Моя мать

съ его матерью родныя сестры. Онъ только все молилъ меня никому про то здѣсь не сказывать, стыдился меня ужъ очень.

Этотъ новый фактъ оказался совершенною неожиданностью для всѣхъ, никто про него до сихъ поръ не зналъ во всемъ городѣ, даже въ монастырѣ, даже не зналъ Митя. Разсказывали, что Ракитинъ побагровѣлъ отъ стыда на своемъ стулѣ. Грушенька еще до входа въ залу какъ-то узнала, что онъ показалъ противъ Мити, а потому и озлилась. Вся давешняя рѣчь господина Ракитина, все благородство ея, всѣ выходки на крѣпостное право, на гражданское неустройство Россіи, — все это уже окончательно на этотъ разъ было похѣрено и уничтожено въ общемъ мнѣніи. Ѳетюковичъ былъ доволенъ: опять Богъ на шапку послалъ. Вообще же Грушеньку допрашивали не очень долго, да и не могла она, конечно, сообщить ничего особенно новаго. Оставила она въ публикѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Сотни презрительныхъ взглядовъ устремились на нее, когда она, кончивъ показаніе, усѣлась въ залѣ довольно далеко отъ Катерины Ивановны. Все время, пока ее спрашивали, Митя молчалъ, какъ бы окаменѣвъ, опустивъ глаза въ землю.

Появился свидѣтелемъ Иванъ Ѳедоровичъ.

V.

Внезапная катастрофа.

Замѣчу, что его вызвали было еще до Алеши. Но судебный приставъ доложилъ тогда предсѣдателю, что, по внезапному нездоровью или какому-то припадку, свидѣтель не можетъ явиться сейчасъ, но только что оправится, то когда угодно готовъ будетъ дать свое показаніе. Этого, впрочемъ, какъ-то никто не слыхалъ и узнали уже впослѣдствіи. Появленіе его въ первую минуту было почти не замѣчено: главные свидѣтели, особенно двѣ соперницы, были уже допрошены; любопытство было пока удовлетворено. Въ публикѣ чувствовалось даже утомленіе. Предстояло еще выслушать нѣсколько свидѣтелей, которые вѣроятно ничего особеннаго не могли сообщить въ виду всего, что̀ было уже сообщено. Время же уходило. Иванъ Ѳедоровичъ приблизился какъ-то удивительно медленно, ни на кого не глядя и опустивъ даже голову, точно о чемъ-то нахмуренно соображая. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, но лицо его на меня, по крайней мѣрѣ,

произвело болѣзненное впечатлѣніе: было въ этомъ лицѣ что-то какъ бы тронутое землей, что-то похожее на лицо помирающаго человѣка. Глаза были мутны; онъ поднялъ ихъ и медленно обвелъ ими залу. Алеша вдругъ вскочилъ было со своего стула и простоналъ: ахъ! Я помню это. Но и это мало кто уловилъ.

Предсѣдатель началъ было съ того, что онъ свидѣтель безъ присяги, что онъ можетъ показывать или умолчать, но что, конечно, все показанное должно быть по совѣсти, и т д., и т. д. Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ и мутно глядѣлъ на него; но вдругъ лицо его стало медленно раздвигаться въ улыбку, и только что предсѣдатель, съ удивленіемъ на него смотрѣвшій, кончилъ говорить, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ну, и что же еще? громко спросилъ онъ.

Все затихло въ залѣ, что-то какъ бы почувствовалось. Предсѣдатель забезпокоился.

— Вы... можетъ-быть, еще не такъ здоровы? проговорилъ онъ было, ища глазами судебнаго пристава.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, я достаточно здоровъ и могу вамъ кое-что разсказать любопытное, отвѣтилъ вдругъ совсѣмъ спокойно и почтительно Иванъ Ѳедоровичъ.

— Вы имѣете предъявить какое-нибудь особое сообщеніе? все еще съ недовѣрчивостью продолжалъ предсѣдатель.

Иванъ Ѳедоровичъ потупился, помедлилъ нѣсколько секундъ и, поднявъ снова голову, отвѣтилъ какъ бы заикаясь:

— Нѣтъ... не имѣю. Не имѣю ничего особеннаго.

Ему стали предлагать вопросы. Онъ отвѣчалъ совсѣмъ какъ-то нехотя, какъ-то усиленно кратко, съ какимъ-то даже отвращеніемъ, все болѣе и болѣе нараставшимъ, хотя, впрочемъ, отвѣчалъ все-таки толково. На многое отговорился незнаніемъ. Про счеты отца съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ ничего не зналъ. „И не занимался этимъ“, произнесъ онъ. Объ угрозахъ убить отца слышалъ отъ подсудимаго. Про деньги въ пакетѣ слышалъ отъ Смердякова...

— Все одно и то же, прервалъ онъ вдругъ съ утомленнымъ видомъ,—я ничего не могу сообщить суду особеннаго.

— Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства... началъ было предсѣдатель

Онъ обратился было къ сторонамъ, къ прокурору и защитнику, приглашая ихъ, если найдутъ нужнымъ, предложить вопросы, какъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ изнеможеннымъ голосомъ попросилъ:

— Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую себя очень нездоровымъ.

И съ этимъ словомъ, не дожидаясь позволенія, вдругъ самъ повернулся и пошелъ было изъ залы. Но, пройдя шага четыре, остановился, какъ бы что-то вдругъ обдумавъ, тихо усмѣхнулся и воротился опять на прежнее мѣсто.

— Я, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка... знаете, какъ это: „Захоцу—вскоцу, захоцу—нѐ вскоцу", за ней ходятъ съ сарафаномъ, али съ панёвой, что ли, чтобъ она вскочила, чтобы завязать и вѣнчать везти, а она говоритъ: „Захоцу—вскоцу, захоцу—нѐ вскоцу"... Это въ какой-то нашей народности...

— Что̀ вы этимъ хотите сказать? строго спросилъ предсѣдатель.

— А вотъ, выпулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ пачку денегъ,—вотъ деньги... тѣ самыя, которыя лежали вотъ въ томъ пакетѣ (онъ кивнулъ на столъ съ вещественными доказательствами) и изъ-за которыхъ убили отца. Куда положить? Господинъ судебный приставъ, передайте.

Судебный приставъ взялъ всю пачку и передалъ предсѣдателю.

— Какимъ образомъ могли эти деньги очутиться у васъ... если это тѣ самыя деньги? въ удивленіи проговорилъ предсѣдатель.

— Получилъ отъ Смердякова, отъ убійцы, вчера... Былъ у него передъ тѣмъ какъ онъ повѣсился. Убилъ отца онъ, а не братъ. Онъ убилъ, а я его научилъ убить... Кто не желаетъ смерти отца?..

— Вы въ умѣ или нѣтъ? вырвалось невольно у предсѣдателя.

— То-то и есть, что въ умѣ... и въ подломъ умѣ, въ такомъ же, какъ и вы, какъ и всѣ эти... р-рожи! обернулся онъ вдругъ на публику.—Убили отца, а притворяются, что испугались,—проскрежеталъ онъ съ яростнымъ презрѣніемъ.—Другъ предъ другомъ кривляются. Лгуны! Всѣ желаютъ смерти отца. Одинъ гадъ съѣдаетъ другую гадину... Не будь отцеубійства—всѣ бы они разсердились и разошлись злые... Зрѣлищъ! „Хлѣба и зрѣлищъ!" Впро-

чемъ, вѣдь и я хорошъ! Есть у васъ вода или нѣтъ, дайте напиться, Христа ради! схватилъ онъ вдругъ себя за голову.

Судебный приставъ тотчасъ къ нему приблизился. Алеша вдругъ вскочилъ и закричалъ: „Онъ боленъ, не вѣрьте ему, онъ въ бѣлой горячкѣ!“ Катерина Ивановна стремительно встала со своего стула и, неподвижная отъ ужаса, смотрѣла на Ивана Ѳедоровича. Митя поднялся и съ какою-то дикою искривленною улыбкой жадно смотрѣлъ и слушалъ брата.

— Успокойтесь, не помѣшанный, я только убійца! началъ опять Иванъ. — Съ убійцы нельзя же спрашивать краснорѣчія... прибавилъ онъ вдругъ для чего-то и искривленно засмѣялся.

Прокуроръ въ видимомъ смятеніи нагнулся къ предсѣдателю. Члены суда суетливо зашептались между собой. Ѳетюковичъ весь навострилъ уши, прислушиваясь. Зала замерла въ ожиданіи. Предсѣдатель вдругъ какъ бы опомнился.

— Свидѣтель, ваши слова непонятны и здѣсь невозможны. Успокойтесь, если можете, и разскажите... если вправду имѣете что̀ сказать. Чѣмъ вы можете подтвердить такое признаніе... если вы только не бредите?

— То-то и есть, что не имѣю свидѣтелей. Собака Смердяковъ не пришлетъ съ того свѣта вамъ показаніе... въ пакетѣ. Вамъ бы все пакетовъ, довольно и одного. Нѣтъ у меня свидѣтелей... Кромѣ того развѣ одного, — задумчиво усмѣхнулся онъ.

— Кто вашъ свидѣтель?

— Съ хвостомъ, ваше превосходительство, не по формѣ будетъ! Le diable n'existe point! Не обращайте вниманія, дрянной, мелкій чортъ, прибавилъ онъ, вдругъ переставъ смѣяться и какъ бы конфиденціально, — онъ навѣрно здѣсь гдѣ-нибудь, вотъ подъ этимъ столомъ съ вещественными доказательствами, гдѣ жъ ему сидѣть, какъ не тамъ? Видите, слушайте меня: я ему сказалъ: не хочу молчать, а онъ про геологическій переворотъ... глупости! Ну, освободите же изверга... онъ гимнъ запѣлъ, это потому, что ему легко! Все равно, что пьяная каналья загорланитъ какъ „поѣхалъ Ванька въ Питеръ“, а я за двѣ секунды радости отдалъ бы квадрилліонъ квадрилліоновъ. Не знаете вы меня! О, какъ это все у васъ глупо! Ну, берите же

меня вмѣсто него! Для чего же нибудь я пришелъ... Отчего, отчего это все, что̀ ни есть, такъ глупо?..

И онъ опять сталъ медленно и какъ бы въ задумчивости оглядывать залу. Но уже все заволновалось. Алеша кинулся было къ нему со своего мѣста, но судебный приставъ уже схватилъ Ивана Ѳедоровича за руку.

— Это что̀ еще такое? вскричалъ тотъ, вглядываясь въ упоръ въ лицо пристава, и вдругъ, схвативъ его за плечи, яростно ударилъ объ полъ.

Но стража уже подоспѣла, его схватили и тутъ онъ завопилъ неистовымъ воплемъ. И все время, пока его уносили, онъ вопилъ и выкрикивалъ что-то несвязное.

Поднялась суматоха. Я не упомню всего въ порядкѣ, самъ былъ взволнованъ и не могъ услѣдить. Знаю только, что потомъ, когда уже все успокоилось и всѣ поняли въ чемъ дѣло, судебному приставу таки досталось, хотя онъ и основательно объяснилъ начальству, что свидѣтель былъ все время здоровъ, что его видѣлъ докторъ, когда часъ предъ тѣмъ съ нимъ сдѣлалась легкая дурнота, но что до входа въ залу онъ все говорилъ связно, такъ что предвидѣть было ничего невозможно; что онъ самъ, напротивъ, настаивалъ и непремѣнно хотѣлъ дать показаніе. Но прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь успокоились и пришли въ себя, сейчасъ же вслѣдъ за этою сценой разразилась и другая: съ Катериной Ивановной сдѣлалась истерика. Она, громко взвизгивая, зарыдала, но не хотѣла уйти, рвалась, молила, чтобъ ее не уводили, и вдругъ закричала предсѣдателю:

— Я должна сообщить еще одно показаніе, немедленно... немедленно!.. Вотъ бумага, письмо... возьмите, прочтите скорѣе, скорѣе! Это письмо этого изверга, вотъ этого, этого! она указывала на Митю. — Это онъ убилъ отца, вы увидите сейчасъ, онъ мнѣ пишетъ, какъ онъ убьетъ отца! А тотъ больной, больной, тотъ въ бѣлой горячкѣ! Я уже три дня вижу, что онъ въ горячкѣ!

Такъ вскрикивала она внѣ себя. Судебный приставъ взялъ бумагу, которую протягивала предсѣдателю, а она, упавъ на свой стулъ и закрывъ лицо, начала конвульсивно и беззвучно рыдать, вся сотрясаясь и подавляя малѣйшій стонъ въ боязни, что ее вышлютъ изъ залы. Бумага, поданная ею, была то самое письмо Мити изъ трактира „Столичный Городъ“, которое Иванъ Ѳедоровичъ называлъ „математической“ важности документомъ. Увы,

за нимъ именно признали эту математичность, и не будь этого письма, можетъ-быть, и не погибъ бы Митя, или, по крайней мѣрѣ, не погибъ бы такъ ужасно! Повторяю, трудно было услѣдить за подробностями. Мнѣ и теперь все это представляется въ такой суматохѣ. Должно-быть, предсѣдатель тутъ же сообщилъ новый документъ суду, прокурору, защитнику, присяжнымъ. Я помню только, какъ свидѣтельницу начали спрашивать. На вопросъ: успокоилась ли она? мягко обращенный къ ней предсѣдателемъ, Катерина Ивановна стремительно воскликнула:

— Я готова, готова! Я совершенно въ состояніи вамъ отвѣчать, прибавила она, видимо все еще ужасно боясь, что ее почему-нибудь не выслушаютъ.

Ее попросили объяснить подробнѣе: какое это письмо и при какихъ обстоятельствахъ она его получила?

— Я получила его наканунѣ самаго преступленія, а писалъ онъ его еще за день изъ трактира, стало-быть, за два дня до своего преступленія, — посмотрите, оно написано на какомъ-то счетѣ! прокричала она, задыхаясь. — Онъ меня тогда ненавидѣлъ, потому что самъ сдѣлалъ подлый поступокъ и пошелъ за этою тварью... и потому еще, что долженъ былъ мнѣ эти три тысячи... О, ему было обидно за эти три тысячи изъ-за своей же низости! Эти три тысячи вотъ какъ были — я васъ прошу, я васъ умоляю меня выслушать: еще за три недѣли до того, какъ убилъ отца, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ. Я знала, что ему надо деньги, и знала на что̀, — вотъ, вотъ именно на то, чтобы соблазнить эту тварь и увезти съ собой. Я знала тогда, что ужъ онъ мнѣ измѣнилъ и хочетъ бросить меня, и я, я сама протянула тогда ему эти деньги, сама предложила, будто бы для того, чтобъ отослать моей сестрѣ въ Москвѣ, — и когда отдавала, то посмотрѣла ему въ лицо и сказала, что онъ можетъ когда хочетъ послать, „хоть еще черезъ мѣсяцъ“. Ну, какъ же, какъ же бы онъ не понялъ, что я въ глаза ему прямо говорила: „тебѣ надо денегъ для измѣны мнѣ съ твоею тварью, такъ вотъ тебѣ эти деньги, я сама тебѣ ихъ даю, возьми, если ты такъ безчестенъ, что возьмешь!“ Я уличить его хотѣла, и что̀ же? Онъ взялъ, онъ ихъ взялъ и унесъ, и истратилъ ихъ съ этою тварью тамъ, въ одну ночь... Но онъ понялъ, онъ понялъ, что я все знаю, увѣряю васъ, что онъ тогда понялъ и то, что я, отдавая ему деньги, только пытаю его: будетъ ли онъ такъ безчестенъ, что возьметъ

отъ меня, или нѣтъ? Въ глаза ему глядѣла, и онъ мнѣ глядѣлъ въ глаза и все понималъ, все понималъ, и взялъ, и взялъ и унесъ мои деньги!

— Правда, Катя! завопилъ вдругъ Митя. — Въ глаза смотрѣлъ и понималъ, что безчестишь меня, и все-таки взялъ твои деньги! Презирайте подлеца, презирайте всѣ, заслужилъ!

— Подсудимый, вскричалъ предсѣдатель,—еще слово— я васъ велю вывесть.

— Эти деньги его мучили, продолжала судорожно торопясь Катя,—онъ хотѣлъ мнѣ ихъ отдать, онъ хотѣлъ, это правда, но ему деньги нужны были и для этой твари. Вотъ онъ и убилъ отца, а денегъ все-таки мнѣ не отдалъ, а уѣхалъ съ ней въ ту деревню, гдѣ его схватили. Тамъ онъ опять прокутилъ эти деньги, которыя укралъ у убитаго имъ отца. А за день до того, какъ убилъ отца, и написалъ мнѣ это письмо, написалъ пьяный, я сейчасъ тогда увидѣла, написалъ изъ злобы, и зная, навѣрно зная, что я никому не покажу этого письма, даже если бъ онъ и убилъ. А то бы онъ не написалъ! Онъ зналъ, что я не захочу ему мстить и его погубить. Но прочтите, прочтите внимательно, пожалуйста, внимательнѣе, и вы увидите, что онъ въ письмѣ все описалъ, все заранѣе: какъ убьетъ отца и гдѣ у того деньги лежатъ. Посмотрите, пожалуйста, не пропустите, тамъ есть одна фраза: „убью, только бы уѣхалъ Иванъ". Значитъ, онъ заранѣе ужъ обдумалъ, какъ онъ убьетъ, злорадно и ехидно подсказывала суду Катерина Ивановна. О, видно было, что она до тонкости вчиталась въ это роковое письмо и изучила въ немъ каждую черточку.— Не пьяный онъ бы мнѣ не написалъ, но посмотрите, тамъ все описано впередъ, все точь-въ-точь, какъ онъ потомъ убилъ, вся программа.

Такъ восклицала она внѣ себя, и, ужъ конечно, презирая всѣ для себя послѣдствія, хотя, разумѣется, ихъ предвидѣла еще, можетъ, за мѣсяцъ тому, потому что и тогда еще, можетъ-быть, содрогаясь отъ злобы, мечтала: „не прочесть ли это суду?" Теперь же какъ бы полетѣла съ горы. Помню, кажется, именно тутъ же письмо было прочитано вслухъ секретаремъ и произвело потрясающее впечатлѣніе. Обратились къ Митѣ съ вопросомъ: признаетъ ли онъ это письмо?

— Мое, мое! воскликнулъ Митя.—Не пьяный бы не

написалъ!.. За многое мы другъ друга ненавидѣли, Катя, но, клянусь, клянусь, я тебя и ненавидя любилъ, а ты меня—нѣтъ!

Онъ упалъ на свое мѣсто, ломая руки въ отчаяніи. Прокуроръ и защитникъ стали предлагать перекрестные вопросы, главное въ томъ смыслѣ: „что, дескать, побудило васъ давеча утаить такой документъ и показывать прежде совершенно въ другомъ духѣ и тонѣ?“

— Да, да, я давеча солгала, все лгала, противъ чести и совѣсти, но я хотѣла давеча спасти его, потому что онъ меня такъ ненавидѣлъ и такъ презиралъ! какъ безумная воскликнула Катя.—О, онъ презиралъ меня ужасно, презиралъ всегда, и, знаете, знаете—онъ презиралъ меня съ самой той минуты, когда я ему тогда въ ноги за эти деньги поклонилась. Я увидала это... Я сейчасъ, тогда же это почувствовала, но я долго себѣ не вѣрила. Сколько разъ я читала въ глазахъ его: „все-таки ты сама тогда ко мнѣ пришла“. О, онъ не понялъ, онъ не понялъ ничего, зачѣмъ я тогда прибѣжала, онъ способенъ подозрѣвать только низость! Онъ мѣрилъ на себя, онъ думалъ, что и всѣ такіе, какъ онъ, яростно проскрежетала Катя, совсѣмъ уже въ изступленіи.—А жениться онъ на мнѣ захотѣлъ потому только, что я получила наслѣдство, потому, потому! Я всегда подозрѣвала, что потому! О, это звѣрь! Онъ всю жизнь былъ увѣренъ, что я всю жизнь буду предъ нимъ трепетать отъ стыда за то, что тогда приходила, и что онъ можетъ вѣчно за это презирать меня, а потому первенствовать,—вотъ почему онъ на мнѣ захотѣлъ жениться! Это такъ, это все такъ! Я пробовала побѣдить его моею любовью, любовью безъ конца, даже измѣну его хотѣла снести, но онъ ничего, ничего не понялъ. Да развѣ онъ можетъ что-нибудь понять! Это извергъ! Это письмо я получила только на другой день вечеромъ, мнѣ изъ трактира принесли, а еще утромъ, еще утромъ въ тотъ день, я хотѣла было все простить ему, все, даже его измѣну!

Конечно, предсѣдатель и прокуроръ ее успокаивали. Я увѣренъ, что имъ всѣмъ было даже, можетъ-быть, самимъ стыдно такъ пользоваться ея изступленіемъ и выслушивать такія признанія. Я помню, я слышалъ, какъ они говорили ей: „Мы понимаемъ, какъ вамъ тяжело, повѣрьте, мы способны чувствовать“, и проч., и проч.,—а показанія-то все-таки вытянули отъ обезумѣвшей жен-

щины въ истерикѣ. Она, наконецъ, описала съ чрезвычайною ясностью, которая такъ часто, хотя и мгновенно, мелькаетъ даже въ минуты такого напряженнаго состоянія, какъ Иванъ Ѳедоровичъ почти сходилъ съ ума во всѣ эти два мѣсяца на томъ, чтобы спасти „изверга и убійцу", своего брата.

— Онъ себя мучилъ, восклицала она,—онъ все хотѣлъ уменьшить его вину, признаваясь мнѣ, что онъ и самъ не любилъ отца и, можетъ-быть, самъ желалъ его смерти. О, это глубокая, глубокая совѣсть! Онъ замучилъ себя совѣстью! Онъ все мнѣ открывалъ, все, онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ со мной каждый день, какъ съ единственнымъ другомъ своимъ. Я имѣю честь быть его единственнымъ другомъ! воскликнула она вдругъ, точно какъ бы съ какимъ-то вызовомъ, засверкавъ глазами.—Онъ ходилъ къ Смердякову два раза. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: если убилъ не братъ, а Смердяковъ (потому что эту басню пустили здѣсь всѣ, что убилъ Смердяковъ), то, можетъ-быть, виновенъ и я, потому что Смердяковъ зналъ, что я не люблю отца и, можетъ-быть, думалъ, что я желаю смерти отца. Тогда я вынула это письмо и показала ему, и онъ ужъ совсѣмъ убѣдился, что убилъ братъ, и это ужъ совсѣмъ сразило его. Онъ не могъ снести, что его родной братъ—отцеубійца! Еще недѣлю назадъ я видѣла, что онъ отъ этого боленъ. Въ послѣдніе дни онъ, сидя у меня, бредилъ. Я видѣла, что онъ мѣшается въ умѣ. Онъ ходилъ и бредилъ, его видѣли такъ по улицамъ. Пріѣзжій докторъ, по моей просьбѣ, его осматривалъ третьяго дня и сказалъ мнѣ, что онъ близокъ къ горячкѣ,—все чрезъ него, все чрезъ изверга! А вчера онъ узналъ, что Смердяковъ умеръ—это его такъ поразило, что онъ сошелъ съ ума... и все отъ изверга, все на томъ, чтобы спасти изверга!

О, разумѣется, такъ говорить и такъ признаваться можно только какой-нибудь разъ въ жизни,—въ предсмертную минуту, напримѣръ, всходя на эшафотъ. Но Катя именно была въ своемъ характерѣ и въ своей минутѣ. Это была та же самая стремительная Катя, которая кинулась тогда къ молодому развратнику, чтобы спасти отца; та же самая Катя, которая давеча, предъ всею этою публикой, гордая и цѣломудренная, принесла себя и дѣвичій стыдъ свой въ жертву, разсказавъ про „благородный поступокъ Мити", чтобы только лишь

сколько-нибудь смягчить ожидавшую его участь. И вотъ теперь точно такъ же она тоже принесла себя въ жертву, но уже за другого, и, можетъ-быть, только лишь теперь, только въ эту минуту, впервые почувствовавъ и осмысливъ вполнѣ, какъ дорогъ ей этотъ другой человѣкъ! Она пожертвовала собою въ испугѣ за него, вдругъ вообразивъ, что онъ погубилъ себя своимъ показаніемъ, что это онъ убилъ, а не братъ, пожертвовала, чтобы спасти его, его славу, его репутацію! И, однако, промелькнула страшная вещь: лгала ли она на Митю, описывая бывшія свои къ нему отношенія, — вотъ вопросъ. Нѣтъ, нѣтъ, она не клеветала намѣренно, крича, что Митя презиралъ ее за земной поклонъ! Она сама вѣрила въ это, она была глубоко убѣждена, съ самаго, можетъ-быть, этого поклона, что простодушный, обожавшій ее еще тогда Митя смѣется надъ ней и презираетъ ее. И только изъ гордости она сама привязалась къ нему тогда любовью, истерическою и надорванною, изъ уязвленной гордости, и эта любовь походила не на любовь, а на мщеніе. О, можетъ-быть, эта надорванная любовь и выродилась бы въ настоящую, можетъ, Катя ничего и не желала, какъ этого, но Митя оскорбилъ ее измѣной до глубины души, и душа не простила. Минута же мщенія слетѣла неожиданно, и все такъ долго и больно скоплявшееся въ груди обиженной женщины, разомъ, и опять-таки неожиданно, вырвалось наружу. Она предала Митю, но предала и себя! И, разумѣется, только что успѣла высказаться, напряженіе порвалось, и стыдъ подавилъ ее. Опять началась истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее унесли. Въ ту минуту, когда ее выносили, съ воплемъ бросилась къ Митѣ Грушенька со своего мѣста, такъ что ее удержать не успѣли.

— Митя! завопила она, — погубила тебя твоя змѣя! Вонъ она вамъ себя показала! прокричала она, сотрясаясь отъ злобы, суду.

По мановенію предсѣдателя, ее схватили и стали выводить изъ залы. Она не давалась, билась и рвалась назадъ къ Митѣ. Митя завопилъ и тоже рванулся къ ней. Имъ овладѣли.

Да, полагаю, что наши зрительницы дамы остались довольны, зрѣлище было богатое. Затѣмъ, помню, какъ появился пріѣзжій московскій докторъ. Кажется, предсѣдатель еще и прежде того посылалъ пристава, чтобы распо-

рядиться оказать Ивану Ѳедоровичу пособіе. Докторъ доложилъ суду, что больной въ опаснѣйшемъ припадкѣ горячки и что слѣдовало бы немедленно его увезти. На вопросы прокурора и защитника подтвердилъ, что паціентъ самъ приходилъ къ нему третьяго дня и что онъ предрекъ ему тогда же скорую горячку, но что лѣчиться онъ не захотѣлъ. „Былъ же онъ положительно не въ здравомъ состояніи ума, самъ мнѣ признавался, что наяву видитъ видѣнія, встрѣчаетъ па улицѣ разныхъ лицъ, которыя уже померли, и что къ нему каждый вечеръ ходитъ въ гости сатана“, заключилъ докторъ. Давъ свое показаніе, знаменитый врачъ удалился. Представленное Катериной Ивановной письмо было присоединено къ вещественнымъ доказательствамъ. По совѣщаніи, судъ постановилъ: продолжать судебное слѣдствіе, а оба неожиданныя показанія (Катерины Ивановны и Ивана Ѳедоровича) занести въ протоколъ.

Но уже не буду описывать дальнѣйшаго судебнаго слѣдствія. Да и показанія остальныхъ свидѣтелей были лишь повтореніемъ и подтвержденіемъ прежнихъ, хотя всѣ со своими характерными особенностями. Но, повторяю, все сведется въ одну точку въ рѣчи прокурора, къ которой и перейду сейчасъ. Всѣ были въ возбужденіи, всѣ были наэлектризованы послѣднею катастрофой и со жгучимъ нетерпѣніемъ ждали поскорѣе лишь развязки, рѣчей сторонъ и приговора. Ѳетюковичъ былъ видимо потрясенъ показаніями Катерины Ивановны. Зато торжествовалъ прокуроръ. Когда кончилось судебное слѣдствіе, былъ объявленъ перерывъ засѣданія, продолжавшійся почти часъ. Наконецъ, предсѣдатель открылъ судебныя пренія. Кажется, было ровно восемь часовъ вечера, когда нашъ прокуроръ, Ипполитъ Кирилловичъ, началъ свою обвинительную рѣчь.

VI.

Рѣчь прокурора. Характеристика.

Началъ Ипполитъ Кирилловичъ свою обвинительную рѣчь, весь сотрясаясь нервною дрожью, съ холоднымъ, болѣзненнымъ потомъ на лбу и вискахъ, чувствуя ознобъ и жаръ во всемъ тѣлѣ попеременно. Онъ самъ такъ потомъ разсказывалъ. Онъ считалъ эту рѣчь за свой chef d'oeuvre, за chef d'oeuvre всей своей жизни, за лебединую пѣснь свою. Правда, девять мѣсяцевъ спустя онъ и по-

меръ отъ злой чахотки, такъ что дѣйствительно, какъ оказалось, имѣлъ бы право сравнить себя съ лебедемъ, поющимъ свою послѣднюю пѣснь, если бы предчувствовалъ свой конецъ заранѣе. Въ эту рѣчь онъ вложилъ все свое сердце и все сколько было у него ума, и неожиданно доказалъ, что въ немъ таились и гражданское чувство, и „проклятые“ вопросы, по крайней мѣрѣ, поскольку нашъ бѣдный Ипполитъ Кирилловичъ могъ ихъ вмѣстить въ себѣ. Главное, тѣмъ взяло его слово, что было искренно: онъ искренно вѣрилъ въ виновность подсудимаго; не на заказъ, не по должности только обвинялъ его, и, взывая къ „отмщенію“, дѣйствительно сотрясался желаніемъ „спасти общество“. Даже дамская наша публика, въ концѣ концовъ враждебная Ипполиту Кирилловичу, сознавалась, однако, въ чрезвычайномъ вынесенномъ впечатлѣніи. Началъ онъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ, но потомъ очень скоро голосъ его окрѣпъ и зазвенѣлъ на всю залу, и такъ до конца рѣчи. Но только что кончилъ ее, то чуть не упалъ въ обморокъ.

„Господа присяжные засѣдатели, началъ обвинитель,— настоящее дѣло прогремѣло по всей Россіи. Но чему бы, кажется, удивляться, чего такъ особенно ужасаться? Намъ-то, намъ-то особенно? Вѣдь мы такіе привычные ко всему этому люди! Въ томъ и ужасъ нашъ, что такія мрачныя дѣла почти перестали для насъ быть ужасными! Вотъ почему надо ужасаться привычкѣ нашей, а не единичному злодѣянію того или другого индивидуума. Гдѣ же причины нашего равнодушія, нашего чуть тепленькаго отношенія къ такимъ дѣламъ, къ такимъ знаменіямъ времени, пророчествующимъ намъ незавидную будущность? Въ цинизмѣ ли нашемъ, въ раннемъ ли истощеніи ума и воображенія столь молодого еще нашего общества, но столь безвременно одряхлѣвшаго? Въ расшатанныхъ ли до основанія нравственныхъ началахъ нашихъ, или въ томъ, наконецъ, что этихъ нравственныхъ началъ, можетъ-быть, у насъ совсѣмъ даже и не имѣется. Не разрѣшаю эти вопросы, тѣмъ не менѣе они мучительны, и всякій гражданинъ, не то что долженъ, а обязанъ страдать ими. Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса, оказала уже, однако, обществу нѣкоторыя услуги, ибо никогда бы мы безъ нея не узнали, сколько-нибудь въ полнотѣ, про тѣ ужасы разнузданной воли и нравственнаго паденія, которые безпрерывно передаетъ она на своихъ страни-

цахъ уже всѣмъ, не однимъ только посѣщающимъ залы новаго гласнаго суда, дарованнаго намъ въ настоящее царствованіе. И что же мы читаемъ почти повседневно? О, про такія вещи поминутно, предъ которыми даже теперешнее дѣло блѣднѣетъ и представляется почти чѣмъ-то уже обыкновеннымъ. Но важнѣе всего то, что множество нашихъ русскихъ, національныхъ нашихъ уголовныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ именно о чемъ-то всеобщемъ, о какой-то общей бѣдѣ, прижившейся съ нами и съ которой, какъ со всеобщимъ зломъ, уже трудно бороться. Вотъ тамъ молодой блестящій офицеръ высшаго общества, едва начинающій свою жизнь и карьеру, подло, втиши, безо всякаго угрызенія совѣсти зарѣзываетъ мелкаго чиновника, отчасти бывшаго своего благодѣтеля, и служанку его, чтобы похитить свой долговой документъ, а вмѣстѣ и остальныя денежки чиновника: „пригодятся-де для великосвѣтскихъ моихъ удовольствій и для карьеры моей впереди". Зарѣзавъ обоихъ, уходитъ, подложивъ обоимъ мертвецамъ подъ головы подушки. Тамъ, молодой герой, обвѣшанный крестами за храбрость, разбойнически умерщвляетъ на большой дорогѣ мать своего вождя и благодѣтеля, и, подговаривая своихъ товарищей, увѣряетъ, что „она любитъ его какъ родного сына и потому послѣдуетъ всѣмъ его совѣтамъ и не приметъ предосторожностей". Пусть это извергъ, но я теперь, въ наше время, не смѣю уже сказать, что это только единичный извергъ. Другой и не зарѣжетъ, но подумаетъ и почувствуетъ точно такъ же, какъ онъ, въ душѣ своей безчестенъ точно такъ же, какъ онъ. Втиши, наединѣ со своею совѣстью, можетъ-быть, спрашивалъ себя: „Да что такое честь и не предразсудокъ ли кровь?" Можетъ-быть, крикнутъ противъ меня и скажутъ, что я человѣкъ болѣзненный, истерическій, клевещу чудовищно, брежу, преувеличиваю. Пусть, пусть,—и, Боже, какъ бы я былъ радъ тому первый! О, не вѣрьте мнѣ, считайте меня за больного, но все-таки запомните слова мои: вѣдь если только хоть десятая, хоть двадцатая доля въ словахъ моихъ правда,— то вѣдь и тогда ужасно! Посмотрите, господа, посмотрите, какъ у насъ застрѣливаются молодые люди: О, безъ малѣйшихъ гамлетовскихъ вопросовъ о томъ: „Что будетъ *тамъ?*" безъ признаковъ этихъ вопросовъ, какъ будто эта статья о духѣ нашемъ и о всемъ, что ждетъ насъ за гробомъ, давно похѣрена въ ихъ природѣ, похоронена и пес-

комъ засыпана. Посмотрите, наконецъ, на нашъ развратъ, на нашихъ сладострастниковъ. Ѳедоръ Павловичъ, несчастная жертва текущаго процесса, есть предъ иными изъ нихъ почти невинный младенецъ, а вѣдь мы всѣ его знали, „онъ между нами жилъ"... Да, психологіей русскаго преступленія займутся, можетъ-быть, когда-нибудь первенствующіе умы, и наши и европейскіе, ибо тема стоитъ того. Но это изученіе произойдетъ когда-нибудь послѣ, уже на досугѣ и когда вся трагическая безалаберщина нашей настоящей минуты отойдетъ на болѣе отдаленный планъ, такъ что ее уже можно будетъ разсмотрѣть и умнѣе, и безпристрастнѣе, чѣмъ, напримѣръ, люди, какъ я, могутъ сдѣлать. Теперь же мы или ужасаемся, или притворяемся, что ужасаемся, а сами, напротивъ, смакуемъ зрѣлище, какъ любители ощущеній сильныхъ, эксцентрическихъ, шевелящихъ нашу цинически-лѣнивую праздность, или, наконецъ, какъ малыя дѣти, отмахиваемъ отъ себя руками страшные призраки и прячемъ голову въ подушку, пока пройдетъ страшное видѣніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ тотчасъ же забыть его въ веселіи и играхъ. Но когда-нибудь надо же и намъ начать нашу жизнь трезво и вдумчиво, надо же и намъ бросить взглядъ на себя какъ на общество, надо же и намъ хоть что-нибудь и въ нашемъ общественномъ дѣлѣ осмыслить или только хоть начать осмысленіе наше. Великій писатель предшествовавшей эпохи, въ финалѣ величайшаго изъ произведеній своихъ, олицетворяя всю Россію въ видѣ скачущей къ невѣдомой цѣли удалой русской тройки, восклицаетъ: „Ахъ тройка, птица тройка, кто тебя выдумалъ!"—и въ гордомъ восторгѣ прибавляетъ, что предъ скачущею сломя голову тройкой почтительно сторонятся всѣ народы. Такъ, господа, это пусть, пусть сторонятся, почтительно или нѣтъ, но на мой грѣшный взглядъ геніальный художникъ закончилъ такъ или въ припадкѣ младенчески невиннаго прекрасномыслія, или просто боясь тогдашней цензуры. Ибо, если въ его тройку впрячь только его же героевъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, то кого бы ни посадить ямщикомъ, ни до чего путнаго на такихъ коняхъ не доѣдешь! А это только еще прежніе кони, которымъ далеко до теперешнихъ, у насъ почище"...

Здѣсь рѣчь Ипполита Кирилловича была прервана рукоплесканіями. Либерализмъ изображенія русской тройки

понравился. Правда, сорвалось лишь два-три клака, такъ что предсѣдатель не нашелъ даже нужнымъ обратиться къ публикѣ съ угрозою „очистить залу“ и лишь строго поглядѣлъ въ сторону клакеровъ. Но Ипполитъ Кирилловичъ былъ ободренъ: никогда-то ему до сихъ поръ не аплодировали! Человѣка столько лѣтъ не хотѣли слушать и вдругъ возможность на всю Россію высказаться!

„Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ,—что такое это семейство Карамазовыхъ, заслужившее вдругъ такую печальную извѣстность по всей даже Россіи? Можетъ-быть, я слишкомъ преувеличиваю, но мнѣ кажется, что въ картинѣ этой семейки какъ бы мелькаютъ нѣкоторые общіе основные элементы нашего современнаго интеллигентнаго общества,—о, не всѣ элементы, да и мелькнуло лишь въ микроскопическомъ видѣ, „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“, но все же нѣчто отразилось, все же нѣчто сказалось. Посмотрите на этого несчастнаго, разнузданнаго и развратнаго старика, этого „отца семейства“, столь печально покончившаго свое существованіе. Родовой дворянинъ, начавшій карьеру бѣдненькимъ приживальщикомъ, чрезъ нечаянную и неожиданную женитьбу схватившій въ приданое небольшой капитальчикъ, вначалѣ мелкій плутъ и льстивый шутъ съ зародышемъ умственныхъ способностей, довольно, впрочемъ, не слабыхъ, и прежде всего ростовщикъ. Съ годами, то-есть, съ нарастаніемъ капитальчика, онъ ободряется. Приниженность и заискиваніе исчезаютъ, остается лишь насмѣшливый и злой циникъ и сладострастникъ. Духовная сторона вся похѣрена, а жажда жизни чрезвычайная. Свелось на то, что кромѣ сладострастныхъ наслажденій онъ ничего въ жизни и не видитъ, такъ учитъ и дѣтей своихъ. Отеческихъ духовныхъ какихъ-нибудь обязанностей — никакихъ. Онъ надъ ними смѣется, онъ воспитываетъ своихъ маленькихъ дѣтей на заднемъ дворѣ и радъ, что ихъ отъ него увозятъ. Забываетъ объ нихъ даже вовсе. Всѣ нравственныя правила старика— après moi le déluge. Все что есть обратнаго понятію о гражданинѣ, полнѣйшее даже враждебное отъединеніе отъ общества: „Гори хоть весь свѣтъ огнемъ, было бы одному мнѣ хорошо“. И ему хорошо, онъ вполнѣ доволенъ, онъ жаждетъ прожить такъ еще двадцать—тридцать лѣтъ. Онъ обсчитываетъ родного сына, и на его же деньги, на наслѣдство матери его, которыя не хочетъ отдать ему, отбиваетъ у него, у сына же своего, любовницу. Нѣтъ, я не

хочу уступать защиту подсудимаго высокоталантливому защитнику, прибывшему изъ Петербурга. Я и самъ скажу правду, я и самъ понимаю ту сумму негодованія, которую онъ накопилъ въ сердцѣ своего сына. Но довольно, довольно объ этомъ несчастномъ старикѣ, онъ получилъ свою мзду. Вспомнимъ, однако, что это отецъ и одинъ изъ современныхъ отцовъ. Обману ли я общество сказавъ, что это одинъ даже изъ многихъ современныхъ отцовъ? Увы, столь многіе изъ современныхъ отцовъ лишь не высказываются столь цинически, какъ этотъ, ибо лучше воспитаны, лучше образованы, а въ сущности — почти такой же, какъ и онъ, философіи. Но пусть я пессимистъ, пусть. Мы уже условились, что вы меня прощаете. Уговоримся заранѣе: вы мнѣ не вѣрьте, не вѣрьте, я буду говорить, а вы не вѣрьте. Но все-таки дайте мнѣ высказаться, все-таки кое-что изъ моихъ словъ не забудьте. Но вотъ, однако, дѣти этого старика, этого отца семейства: одинъ предъ нами на скамьѣ подсудимыхъ, объ немъ вся рѣчь впереди; про другихъ скажу лишь вскользь. Изъ этихъ другихъ, старшій — есть одинъ изъ современныхъ молодыхъ людей съ блестящимъ образованіемъ, съ умомъ довольно сильнымъ, уже ни во что̀, однако, не вѣрующимъ, многое, слишкомъ уже многое въ жизни отвергшимъ и похѣрившимъ, точь-въ-точь какъ и родитель его. Мы всѣ его слышали, онъ въ нашемъ обществѣ былъ принятъ дружелюбно. Мнѣній своихъ онъ не скрывалъ, даже напротивъ, совсѣмъ напротивъ, что̀ и даетъ мнѣ смѣлость говорить теперь о немъ нѣсколько откровенно, конечно, не какъ о частномъ лицѣ, а лишь какъ о членѣ семьи Карамазовыхъ. Здѣсь умеръ вчера, самоубійствомъ, на краю города, одинъ болѣзненный идіотъ, сильно привлеченный къ настоящему дѣлу, бывшій слуга и, можетъ-быть, побочный сынъ Ѳедора Павловича, Смердяковъ. Онъ съ истерическими слезами разсказывалъ мнѣ на предварительномъ слѣдствіи, какъ этотъ молодой Карамазовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ужаснулъ его своимъ душевнымъ безудержемъ: „Все, дескать, по-ихнему, позволено, что̀ ни есть въ мірѣ, и ничего впредь не должно быть запрещено,—вотъ они меня чему все учили“. Кажется, идіотъ на этомъ тезисѣ, которому обучили его, и сошелъ съ ума окончательно, хотя, конечно, повліяли на умственное разстройство его и падучая болѣзнь, и вся эта страшная, разразившаяся въ ихъ домѣ катастрофа. Но у этого идіота

промелькнуло одно весьма и весьма любопытное замѣчаніе, сдѣлавшее бы честь и поумнѣе его наблюдателю, вотъ почему даже я объ этомъ и заговорилъ. „Если есть, сказалъ онъ мнѣ, который изъ сыновей болѣе похожій на Ѳедора Павловича, по характеру, такъ это онъ, Иванъ Ѳедоровичъ!“ На этомъ замѣчаніи я прерываю начатую характеристику, не считая деликатнымъ продолжать далѣе. О, я не хочу выводить дальнѣйшихъ заключеній и какъ воронъ каркать молодой судьбѣ одну только гибель. Мы видѣли еще сегодня здѣсь, въ этой залѣ, что непосредственная сила правды еще живетъ въ его молодомъ сердцѣ, что еще чувства семейной привязанности не заглушены въ немъ безвѣріемъ и нравственнымъ цинизмомъ, пріобрѣтеннымъ больше по наслѣдству, чѣмъ истиннымъ страданіемъ мысли. Затѣмъ другой сынъ, о, это еще юноша, благочестивый и смиренный, въ противоположность мрачному растлѣвающему міровоззрѣнію его брата, ищущій прилѣпиться, такъ сказать, къ „народнымъ началамъ“, или къ тому, что у насъ называютъ этимъ мудренымъ словечкомъ въ иныхъ теоретическихъ углахъ мыслящей интеллигенціи нашей. Онъ, видите ли, прилѣпился къ монастырю: онъ чуть было самъ не постригся въ монахи. Въ немъ, кажется мнѣ, какъ бы безсознательно, и такъ рано, выразилось то робкое отчаяніе, съ которымъ столь многіе теперь въ нашемъ бѣдномъ обществѣ, убоясь цинизма и разврата его, и ошибочно приписывая все зло европейскому просвѣщенію, бросаются, какъ говорятъ они, къ „родной почвѣ“, такъ сказать, въ материнскія объятія родной земли, какъ дѣти напуганныя призраками, и у изсохшей груди разслабленной матери жаждутъ хотя бы только спокойно заснуть и даже всю жизнь проспать, лишь бы не видѣть ихъ пугающихъ ужасовъ. Съ моей стороны, я желаю доброму и даровитому юношѣ всего лучшаго, желаю, чтобъ его юное прекраснодушіе и стремленіе къ народнымъ началамъ не обратилось впослѣдствіи, какъ столь часто оно случается, со стороны нравственной въ мрачный мистицизмъ, а со стороны гражданской въ тупой шовинизмъ — два качества, грозящія, можетъ-быть, еще бо́льшимъ зломъ націи, чѣмъ даже раннее растлѣніе отъ ложно понятаго и даромъ добытаго европейскаго просвѣщенія, какимъ страдаетъ старшій братъ его“.

За шовинизмъ и мистицизмъ опять раздались было

два-три клака. И, ужъ конечно, Ипполитъ Кирилловичъ увлекся, да и все это мало подходило къ настоящему дѣлу, не говоря уже о томъ, что вышло довольно неясно, но ужъ слишкомъ захотѣлось высказаться чахоточному и озлобленному человѣку хоть разъ въ своей жизни. У насъ потомъ говорили, что въ характеристикѣ Ивана Ѳедоровича онъ руководился чувствомъ даже неделикатнымъ, потому что тотъ разъ или два публично осадилъ его въ спорахъ, и Ипполитъ Кирилловичъ, помня это, захотѣлъ теперь отомстить. Но не знаю, можно ли было такъ заключить. Во всякомъ случаѣ все это было только введеніемъ, затѣмъ рѣчь пошла прямѣе и ближе къ дѣлу.

„Но вотъ третій сынъ отца современнаго семейства, продолжалъ Ипполитъ Кирилловичъ, онъ на скамьѣ подсудимыхъ, онъ передъ нами. Передъ нами и его подвиги, его жизнь и дѣла его: пришелъ срокъ и все развернулось, все обнаружилось. Въ противоположность „европеизму“ и „народнымъ началамъ“ братьевъ своихъ, онъ какъ бы изображаетъ собою Россію непосредственную, — о, не всю, не всю, и Боже сохрани, если бы всю! И, однакоже, тутъ она, наша Россеюшка, пахнетъ ею, слышится она, матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро въ удивительнѣйшемъ смѣшеніи, мы любители просвѣщенія и Шиллера, и въ то же время мы бушуемъ по трактирамъ и вырываемъ у пьянчужекъ собутыльниковъ нашихъ бороденки. О, и мы бываемъ хороши и прекрасны, но только тогда, когда намъ самимъ хорошо и прекрасно. Напротивъ, мы даже обуреваемы,—именно обуреваемы,—благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они достигались сами собою, упадали бы къ намъ на столъ съ неба и, главное, чтобы даромъ, даромъ, чтобы за нихъ ничего не платить. Платить мы ужасно не любимъ, зато получать очень любимъ, и это во всемъ. О, дайте, дайте намъ всевозможныя блага жизни (именно всевозможныя, дешевле не помиримся) и особенно не препятствуйте нашему праву ни въ чемъ, и тогда и мы докажемъ, что можемъ быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, нѣтъ, но, однакоже, подавайте намъ денегъ, больше, больше, какъ можно больше денегъ, и вы увидите, какъ великодушно, съ какимъ презрѣніемъ къ презрѣнному металлу мы разбросаемъ ихъ въ одну ночь въ безудержномъ кутежѣ. А не дадутъ намъ денегъ, такъ мы покажемъ, какъ мы ихъ сумѣемъ достать, когда намъ очень-

того захочется. Но объ этомъ послѣ, будемъ слѣдить по порядку. Прежде всего предъ нами бѣдный заброшенный мальчикъ, „на заднемъ дворѣ безъ сапожекъ“, какъ выразился давеча нашъ почтенный и уважаемый согражданинъ, увы, происхожденія иностраннаго! Еще разъ повторю,—никому не уступлю защиту подсудимаго! Я обвинитель, я и защитникъ. Да-съ, и мы люди, и мы человѣки, и мы сумѣемъ взвѣсить то, какъ могутъ повліять на характеръ первыя впечатлѣнія дѣтства и родного гнѣздышка. Но вотъ мальчикъ уже юноша, уже молодой человѣкъ, офицеръ; за буйные поступки и за вызовъ на поединокъ ссылаютъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ пограничныхъ городковъ нашей благодатной Россіи. Тамъ онъ служитъ, тамъ и кутитъ, и, конечно,—большому кораблю большое и плаваніе. Намъ надо средствъ-съ, средствъ прежде всего, и вотъ, послѣ долгихъ споровъ, порѣшено у него съ отцомъ на послѣднихъ шести тысячахъ рубляхъ и ихъ ему высылаютъ. Замѣтьте, онъ выдалъ документъ и существуетъ письмо его, въ которомъ онъ отъ остального почти отрекается и этими шестью тысячами препираніе съ отцомъ по наслѣдству оканчиваетъ. Тутъ происходитъ его встрѣча съ молодою, высокаго характера и развитія дѣвушкой. О, я не смѣю повторять подробностей, вы ихъ только что слышали: тутъ честь, тутъ самопожертвованіе, и я умолкаю. Образъ молодого человѣка, легкомысленнаго и развратнаго, но склонившагося предъ истиннымъ благородствомъ, предъ высшею идеей, мелькнулъ предъ нами чрезвычайно симпатично. Но вдругъ послѣ того, въ этой же самой залѣ суда послѣдовала совсѣмъ неожиданно и оборотная сторона медали. Опять-таки не смѣю пускаться въ догадки и удержусь анализировать — почему такъ послѣдовало. Эта же самая особа, вся въ слезахъ негодованія, долго таившагося, объявляетъ намъ, что онъ же, онъ же первый и презиралъ ее за ея неосторожный, безудержный, можетъ-быть, порывъ, но все же возвышенный, все же великодушный. У него же, у жениха этой дѣвушки, и промелькнула прежде всѣхъ та насмѣшливая улыбка, которую она лишь отъ него одного не могла снести. Зная, что онъ уже измѣнилъ ей (измѣнилъ въ убѣжденіи, что она уже все должна впредь сносить отъ него, даже измѣну его), зная это, она нарочно предлагаетъ ему три тысячи рублей и ясно, слишкомъ ясно даетъ ему при этомъ понять, что предлагаетъ ему деньги

на измѣну ей же: „Что жъ, примешь или нѣтъ, будешь ли столь циниченъ“, говоритъ она ему молча своимъ судящимъ и испытующимъ взглядомъ. Онъ глядитъ на нее, понимаетъ ея мысли совершенно (онъ вѣдь самъ сознался здѣсь при васъ, что онъ все понималъ) и безусловно присвояетъ себѣ эти три тысячи и прокучиваетъ ихъ въ два дня со своею новою возлюбленной! Чему же вѣрить? Первой ли легендѣ—порыву ли высокаго благородства, отдающаго послѣднія средства для жизни и преклоняющагося предъ добродѣтелью, или оборотной сторонѣ медали, столь отвратительной? Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что при двухъ противоположностяхъ правду надо искать посрединѣ; въ настоящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятнѣе всего, что въ первомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ случаѣ такъ же искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому, что мы натуры широкія, Карамазовскія, — я вѣдь къ тому и веду,—способныя вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго паденія. Вспомните блестящую мысль, высказанную давеча молодымъ наблюдателемъ, глубоко и близко созерцавшимъ всю семью Карамазовыхъ, господиномъ Ракитинымъ: „Ощущеніе низости паденія такъ же необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ натурамъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства“, — и это правда: именно имъ нужна эта неестественная смѣсь постоянно и безпрерывно. Двѣ бездны, двѣ бездны, господа, въ одинъ и тотъ же моментъ, — безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существованіе наше не полно. Мы широки, широки, какъ вся наша матушка Россія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ уживемся! Кстати, господа присяжные засѣдатели, мы коснулись теперь этихъ трехъ тысячъ рублей, и я позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ. Вообразите только, что онъ, этотъ характеръ, получивъ тогда эти деньги, да еще такимъ образомъ, чрезъ такой стыдъ, чрезъ такой позоръ, чрезъ послѣдней степени униженіе,—вообразите только, что онъ въ тотъ же день возмогъ будто бы отдѣлить изъ нихъ половину, зашить въ ладонку и цѣлый мѣсяцъ потомъ имѣть твердость носить ихъ у себя на шеѣ, несмотря на всѣ соблазны и чрезвычайныя нужды! Ни въ пьяномъ кутежѣ по трактирамъ, ни тогда, когда ему пришлось летѣть изъ города доста-

вать Богъ знаетъ у кого деньги, необходимѣйшія ему, чтобъ увезть свою возлюбленную отъ соблазновъ соперника отца своего,—онъ не осмѣливается притронуться къ этой ладонкѣ. Да хоть именно для того только, чтобы не оставлять свою возлюбленную на соблазны старика, къ которому онъ такъ ревновалъ, онъ долженъ бы былъ распечатать свою ладонку и остаться дома неотступнымъ сторожемъ своей возлюбленной, ожидая той минуты, когда она скажетъ ему, наконецъ: „Я твоя", чтобъ летѣть съ нею куда-нибудь подальше изъ теперешней роковой обстановки. Но нѣтъ, онъ не касается своего талисмана, и подъ какимъ же предлогомъ? Первоначальный предлогъ, мы сказали, былъ именно тотъ, что когда ему скажутъ: „я твоя, вези меня куда хочешь", — то было бы на что увезти. Но этотъ первый предлогъ, по собственнымъ словамъ подсудимаго, поблѣднѣлъ предъ вторымъ. Поколь, дескать, я ношу на себѣ эти деньги—„я подлецъ, но не воръ", ибо всегда могу пойти къ оскорбленной мною невѣстѣ и, выложивъ предъ нею эту половину всей обманно присвоенной отъ нея суммы, всегда могу ей сказать: „Видишь, я прокутилъ половину твоихъ денегъ и доказалъ тѣмъ, что я слабый и безнравственный человѣкъ и, если хочешь, подлецъ (я выражаюсь языкомъ самого подсудимаго),—но, хоть и подлецъ, а не воръ, ибо, если бы былъ воромъ, то не принесъ бы тебѣ этой половины оставшихся денегъ, а присвоилъ бы и ее, какъ и первую половину". Удивительное объясненіе факта! Этотъ самый бѣшеный, но слабый человѣкъ, не могшій отказаться отъ соблазна принять три тысячи рублей при такомъ позорѣ, — этотъ самый человѣкъ ощущаетъ вдругъ въ себѣ такую стоическую твердость и носитъ на своей шеѣ тысячи рублей, не смѣя до нихъ дотронуться! Сообразно ли это хоть сколько-нибудь съ разбираемымъ нами характеромъ? Нѣтъ, и я позволю себѣ вамъ разсказать, какъ бы поступилъ въ такомъ случаѣ настоящій Дмитрій Карамазовъ, если бы даже и въ самомъ дѣлѣ рѣшился зашить свои деньги въ ладонку. При первомъ же соблазнѣ, — ну, хоть чтобъ опять чѣмъ потѣшить ту же новую возлюбленную, съ которой уже прокутилъ первую половину этихъ же денегъ, онъ бы распилъ свою ладонку и отдѣлилъ отъ нея,—ну, положимъ, на первый случай хоть только сто рублей, — ибо къ чему-де непремѣнно относить половину, то-есть полторы тысячи, довольно и тысячи четырехсотъ рублей;—

вѣдь все то же выйдетъ: „подлецъ, дескать, а не воръ, потому что все же хоть тысячу четыреста рублей да принесъ назадъ, а воръ бы всѣ взялъ и ничего не принесъ". Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени опять распилъ бы ладонку и опять вынулъ уже вторую сотню, затѣмъ третью, затѣмъ четвертую, и не далѣе какъ къ концу мѣсяца вынулъ бы, наконецъ, предпослѣднюю сотню: дескать, и одну сотню принесу назадъ все то же вѣдь выйдетъ: „подлецъ, а не воръ. Двадцать девять сотенъ прокутилъ, а все же одну возвратилъ, воръ бы и ту не возвратилъ". И, наконецъ, уже прокутивъ эту предпослѣднюю сотню, посмотрѣлъ бы на послѣднюю и сказалъ бы себѣ: „А вѣдь и впрямь не стоитъ относить одну сотню, — давай и ту прокучу!" Вотъ какъ бы поступилъ настоящій Дмитрій Карамазовъ, какого мы знаемъ! Легенда же объ ладонкѣ— это такое противорѣчіе съ дѣйствительностью, какого болѣе и представить нельзя. Можно предположить все, а не это. Но мы къ этому еще вернемся".

Обозначивъ въ порядкѣ все, что̀ извѣстно было судебному слѣдствію объ имущественныхъ спорахъ и семейныхъ отношеніяхъ отца съ сыномъ и еще, и еще разъ выведя заключеніе, что, по извѣстнымъ даннымъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить въ этомъ вопросѣ о дѣлежѣ наслѣдства, кто кого обсчиталъ или кто на кого насчиталъ, Ипполитъ Кирилловичъ по поводу этихъ трехъ тысячъ рублей, засѣвшихъ въ умѣ Мити, какъ неподвижная идея, упомянулъ объ медицинской экспертизѣ.

VII.

Обзоръ историческій.

„Экспертиза медиковъ стремилась доказать намъ, что подсудимый не въ своемъ умѣ и маньякъ. Я утверждаю, что онъ именно въ своемъ умѣ, но что это-то и всего хуже: былъ бы не въ своемъ, то оказался бы, можетъ-быть, гораздо умнѣе. Что̀ же до того, что онъ маньякъ, то съ этимъ я бы и согласился, но именно въ одномъ только пунктѣ, — въ томъ самомъ, на который и экспертиза указывала, именно во взглядѣ подсудимаго на эти три тысячи, будто бы недоплаченныя ему отцомъ. Тѣмъ не менѣе, можетъ-быть, можно найти несравненно ближайшую точку зрѣнія, чтобъ объяснить это всегдашнее изступленіе подсудимаго по поводу этихъ денегъ, чѣмъ наклонность его къ помѣшательству. Съ своей стороны,

я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ молодого врача, находившаго, что подсудимый пользуется и пользовался полными и нормальными умственными способностями, а былъ лишь раздраженъ и озлобленъ. Вотъ въ этомъ и дѣло: не въ трехъ тысячахъ, не въ суммѣ собственно заключался предметъ постояннаго и изступленнаго озлобленія подсудимаго, а въ томъ, что была тутъ особая причина, возбуждавшая его гнѣвъ. Причина эта—ревность!"

Здѣсь Ипполитъ Кирилловичъ пространно развернулъ всю картину роковой страсти подсудимаго къ Грушенькѣ. Началъ онъ съ самаго того момента, когда подсудимый отправился къ „молодой особѣ", чтобъ „избить ее",—выражаясь его собственными словами, пояснилъ Ипполитъ Кирилловичъ, — но вмѣсто того, чтобъ избить, остался у ногъ ея,—вотъ начало этой любви. Въ то же время бросаетъ взглядъ на ту же особу и старикъ, отецъ подсудимаго, —совпаденіе удивительное и роковое, ибо оба сердца зажглись вдругъ, въ одно время, хотя прежде и тотъ и другой знали же и встрѣчали эту особу,—и зажглись эти оба сердца самою безудержною, самою Карамазовскою страстью. Тутъ мы имѣемъ ея собственное признаніе: „Я, говоритъ она, смѣялась надъ тѣмъ и другимъ". Да, ей захотѣлось вдругъ посмѣяться надъ тѣмъ и другимъ: прежде не хотѣлось, а тутъ вдругъ влетѣло ей въ умъ это намѣреніе,—и кончилось тѣмъ, что оба пали передъ ней побѣжденные. Старикъ, поклонявшійся деньгамъ какъ Богу, тотчасъ же приготовилъ три тысячи рублей лишь за то только, чтобъ она посѣтила его обитель, но вскорѣ доведенъ былъ и до того, что за счастье почелъ бы положить къ ногамъ ея свое имя и все свое состояніе, лишь бы согласилась стать законною супругой его. На это мы имѣемъ свидѣтельства твердыя. Что же до подсудимаго, то трагедія его очевидна, она передъ нами. Но такова была „игра" молодой особы. Несчастному молодому человѣку обольстительница не подавала даже и надежды, ибо надежда, настоящая надежда была ему подана лишь только въ самый послѣдній моментъ, когда онъ, стоя передъ своею мучительницей на колѣняхъ, простиралъ къ ней уже обагренныя кровью своего отца и соперника руки: въ этомъ именно положеніи онъ и былъ арестованъ. „Меня, меня вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу пошлите, я его до того довела, я больше всѣхъ виновата!" восклицала эта женщина сама, уже въ искреннемъ раскаяніи, въ ми-

нуту его ареста. Талантливый молодой человѣкъ, взявшій на себя описать настоящее дѣло,—все тотъ же господинъ Ракитинъ, о которомъ я уже упоминалъ,—въ нѣсколькихъ сжатыхъ и характерныхъ фразахъ опредѣляетъ характеръ этой героини: „Раннее разочарованіе, ранній обманъ и паденіе, измѣна обольстителя жениха, ее бросившаго, затѣмъ бѣдность, проклятіе честной семьи и, наконецъ, покровительство одного богатаго старика, котораго она, впрочемъ, сама считаетъ и теперь своимъ благодѣтелемъ. Въ молодомъ сердцѣ, можетъ-быть, заключавшемъ въ себѣ много хорошаго, затаился гнѣвъ еще слишкомъ съ ранней поры. Образовался характеръ разсчетливый, копящій капиталъ. Образовалась насмѣшливость и мстительность обществу". Послѣ этой характеристики понятно, что она могла смѣяться надъ тѣмъ и другимъ единственно для игры, для злобной игры. И вотъ въ этотъ мѣсяцъ безнадежной любви, нравственныхъ паденій, измѣны своей невѣстѣ, присвоенія чужихъ денегъ, ввѣренныхъ его чести,—подсудимый кромѣ того доходитъ почти до изступленія, до бѣшенства, отъ безпрерывной ревности, и къ кому же, къ своему отцу! И главное, безумный старикъ сманиваетъ и прельщаетъ предметъ его страсти — этими же самыми тремя тысячами, которыя сынъ его считаетъ своими родовыми, наслѣдствомъ матери, въ которыхъ укоряетъ отца. Да, я согласенъ, это было тяжело перенести! Тутъ могла явиться даже и манія. Не въ деньгахъ было дѣло, а въ томъ, что этими же деньгами съ такимъ омерзительнымъ цинизмомъ разбивалось счастье его!"

Затѣмъ Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ къ тому, какъ постепенно зарождалась въ подсудимомъ мысль отцеубійства, и прослѣдилъ ее по фактамъ.

„Сначала мы только кричимъ по трактирамъ, — весь этотъ мѣсяцъ кричимъ. О, мы любимъ жить на людяхъ и тотчасъ же сообщать этимъ людямъ всѣ, даже самыя инфернальныя и опасныя наши идеи, мы любимъ дѣлиться съ людьми, и, неизвѣстно почему, тутъ же, сейчасъ же и требуемъ, чтобъ эти люди тотчасъ же отвѣчали намъ полнѣйшею симпатіей, входили во всѣ наши заботы и тревоги, намъ поддакивали и праву нашему не препятствовали. Не то мы озлимся и разнесемъ весь трактиръ. (Слѣдовалъ анекдотъ о штабсъ-капитанѣ Снѣгиревѣ). Видѣвшіе и слышавшіе подсудимаго въ этотъ мѣсяцъ почувствовали, наконецъ, что тутъ уже могутъ быть не одни

крики и угрозы отцу, но что при такомъ изступленіи угрозы, пожалуй, перейдутъ и въ дѣло. (Тутъ прокуроръ описалъ семейную встрѣчу въ монастырѣ, разговоры съ Алешей и безобразную сцену насилія въ домѣ отца, когда подсудимый ворвался къ нему послѣ обѣда). Не думаю настойчиво утверждать, продолжалъ Ипполитъ Кирилловичъ,—что до этой сцены подсудимый уже обдуманно и преднамѣренно положилъ покончить съ отцомъ своимъ убійствомъ его. Тѣмъ не менѣе идея эта уже нѣсколько разъ предстояла ему и онъ обдуманно созерцалъ ее—на это мы имѣемъ факты, свидѣтелей и собственное сознаніе его. Признаюсь, господа присяжные засѣдатели, присовокупилъ Ипполитъ Кирилловичъ,—я даже до сегодня колебался оставить за подсудимымъ полное и сознательное преднамѣреніе напрашивавшагося къ нему преступленія. Я твердо былъ убѣжденъ, что душа его уже многократно созерцала роковой моментъ впереди, но лишь созерцала, представляла его себѣ лишь въ возможности, но еще не опредѣляла ни срока исполненія, ни обстоятельствъ. Но я колебался лишь до сегодня, до этого рокового документа, представленнаго сегодня суду госпожею Верховцевой. Вы сами слышали, господа, ея восклицаніе: „Это планъ, это программа убійства!“—вотъ какъ опредѣлила она несчастное „пьяное“ письмо несчастнаго подсудимаго. И дѣйствительно, за письмомъ этимъ все значеніе программы и преднамѣренія. Оно написано за двое сутокъ до преступленія,—и, такимъ образомъ, намъ твердо теперь извѣстно, что за двое сутокъ до исполненія своего страшнаго замысла, подсудимый съ клятвою объявилъ, что если не достанетъ завтра денегъ, то убьетъ отца, съ тѣмъ, чтобы взять у него деньги изъ-подъ подушки „въ пакетѣ съ красною ленточкой, только бы уѣхалъ Иванъ“. Слышите: „только бы уѣхалъ Иванъ“,—тутъ, стало-быть, уже все обдумано, обстоятельства взвѣшены, — и что же: все потомъ и исполнено, какъ по писанному! Преднамѣренность и обдуманность несомнѣнны, преступленіе должно было совершиться съ цѣлью грабежа, это прямо объявлено, это написано и подписано. Подсудимый отъ своей подписи не отрицается. Скажутъ: это писалъ пьяный. Но это ничего не уменьшаетъ и тѣмъ важнѣе: въ пьяномъ видѣ написалъ то, что задумалъ въ трезвомъ. Не было бы задумано въ трезвомъ, не написалъ бы въ пьяномъ. Скажутъ, пожалуй: къ чему же онъ кричалъ о своемъ намѣ-

реніи по трактирамъ? Кто на такое дѣло рѣшается *преднамѣренно*, тотъ молчитъ и таитъ про себя. Правда, но кричалъ онъ тогда, когда еще не было плановъ и преднамѣренія, а лишь стояло одно желаніе, созрѣвало лишь стремленіе. Потомъ онъ объ этомъ уже меньше кричитъ. Въ тотъ вечеръ, когда было написано это письмо, напившись въ трактирѣ „Столичный Городъ", онъ, противъ обыкновенія, былъ молчаливъ, но игралъ на бильярдѣ, сидѣлъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и лишь сигналъ съ мѣста одного здѣшняго купеческаго приказчика, но это уже почти безсознательно, по привычкѣ къ ссорѣ, безъ которой, войдя въ трактиръ, онъ уже не могъ обойтись. Правда, вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ, подсудимому должно же было придти въ голову опасеніе, что онъ слишкомъ много накричалъ по городу предварительно и что это можетъ весьма послужить къ его уличенію и его обвиненію, когда онъ исполнитъ задуманное. Но ужъ что̀ же дѣлать, фактъ огласки былъ совершенъ, его не воротишь, и, наконецъ, вывозила же прежде кривая, вывезетъ и теперь. Мы на звѣзду свою надѣялись, господа! Я долженъ къ тому же признаться, что онъ много сдѣлалъ, чтобы обойти роковую минуту, что онъ употребилъ весьма много усилій, чтобъ избѣжать кроваваго исхода. „Буду завтра просить три тысячи у всѣхъ людей, какъ пишетъ онъ своимъ своеобразнымъ языкомъ, а не дадутъ люди, то прольется кровь". Опять-таки въ пьяномъ видѣ написано, и опять-таки въ трезвомъ видѣ какъ по писанному исполнено!"

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ приступилъ къ подробному описанію всѣхъ стараній Мити добыть себѣ деньги, чтобъ избѣжать преступленія. Онъ описалъ его похожденія у Самсонова, путешествіе къ Лягавому—все по документамъ. „Измученный, осмѣянный, голодный, продавшій часы на это путешествіе (имѣя, однако, на себѣ полторы тысячи рублей—и будто, о, будто!), мучаясь ревностью по оставленному въ городѣ предмету любви, подозрѣвая, что онъ безъ него уйдетъ къ Ѳедору Павловичу, онъ возвращается, наконецъ, въ городъ. Слава Богу! Она у Ѳедора Павловича не была. Онъ же самъ ее провожаетъ къ ея покровителю Самсонову. (Странное дѣло, къ Самсонову мы не ревнивы и это весьма характерная психологическая особенность въ этомъ дѣлѣ!) Затѣмъ стремится на наблюдательный постъ „на задахъ" и тамъ — и тамъ

узнаетъ, что Смердяковъ въ падучей, что другой слуга боленъ—поле чисто, а „знаки“ въ рукахъ его—какой соблазнъ! Тѣмъ не менѣе онъ все-таки сопротивляется; онъ идетъ къ высокоуважаемой всѣми нами временной здѣшней жительницѣ г-жѣ Хохлаковой. Давно уже сострадающая его судьбѣ, эта дама предлагаетъ ему благоразумнѣйшій изъ совѣтовъ: бросить весь этотъ кутежъ, эту безобразную любовь, эти празднопатанія по трактирамъ, безплодную трату молодыхъ силъ и отправиться въ Сибирь на золотые пріиски: „тамъ исходъ вашимъ бушующимъ силамъ, вашему романическому характеру, жаждущему приключеній“. Описавъ исходъ бесѣды и тотъ моментъ, когда подсудимый вдругъ получилъ извѣстіе о томъ, что Грушенька совсѣмъ не была у Самсонова, описавъ мгновенное изступленіе несчастнаго, измученнаго нервами ревниваго человѣка при мысли, что она именно обманула его, и теперь у него, у Ѳедора Павловича, Ипполитъ Кирилловичъ заключилъ, обращая вниманіе на роковое значеніе случая: успѣй ему сказать служанка, что возлюбленная его въ Мокромъ, съ „прежнимъ“ и „безспорнымъ“—ничего бы и не было. Но она опѣшила отъ страха, заклялась-забожилась, и, если подсудимый не убилъ ее тутъ же, то это потому, что сломя голову пустился за своей измѣнницей. Но замѣтьте: какъ ни былъ онъ внѣ себя, а захватилъ-таки съ собою мѣдный пестикъ. Зачѣмъ именно пестикъ, зачѣмъ не другое какое оружіе? Но, если мы уже цѣлый мѣсяцъ созерцали эту картину и къ ней приготовлялись, то чуть мелькнуло намъ что-то въ видѣ оружія, мы и схватываемъ его какъ оружіе. А о томъ, что какой-нибудь предметъ въ этомъ родѣ можетъ послужить оружіемъ,—это мы уже цѣлый мѣсяцъ представляли себѣ. Потому-то такъ мгновенно и безспорно и признали его за оружіе! А потому все же не безсознательно, все же не невольно схватилъ онъ этотъ роковой пестикъ. И вотъ онъ въ отцовскомъ саду—поле чисто, свидѣтелей нѣтъ, глубокая ночь, мракъ и ревность. Подозрѣніе, что она здѣсь, съ нимъ, съ соперникомъ его, въ его объятіяхъ, и, можетъ-быть, смѣется надъ нимъ въ эту минуту — захватываетъ ему духъ. Да и не подозрѣніе только,—какія ужъ теперь подозрѣнія, обманъ явенъ, очевиденъ: она тутъ, вотъ въ этой комнатѣ, откуда свѣтъ, она у него тамъ за ширмами,—и вотъ несчастный подкрадывается къ окну, почтительно въ него заглядываетъ, благонравно смиряется

и благоразумно уходитъ, поскорѣе вонъ отъ бѣды, чтобы чего не произошло, опаснаго и безнравственнаго—и насъ въ этомъ хотятъ увѣрить, насъ, знающихъ характеръ подсудимаго, понимающихъ, въ какомъ онъ былъ состояніи духа, въ состояніи намъ извѣстномъ по фактамъ, а, главное, обладая знаками, которыми тотчасъ же могъ отпереть домъ и войти!" Здѣсь, по поводу „знаковъ" Ипполитъ Кирилловичъ оставилъ на время свое обвиненіе и нашелъ необходимымъ распространиться о Смердяковѣ, съ тѣмъ, чтобы ужъ совершенно исчерпать весь этотъ вводный эпизодъ о подозрѣніи Смердякова въ убійствѣ и покончить съ этою мыслію разъ навсегда. Сдѣлалъ онъ это весьма обстоятельно, и всѣ поняли, что, несмотря на все выказываемое имъ презрѣніе къ этому предположенію, онъ все-таки считалъ его весьма важнымъ.

VIII.

Трактатъ о Смердяковѣ.

„Во-первыхъ, откуда взялась возможность подобнаго подозрѣнія?" — началъ съ этого вопроса Ипполитъ Кирилловичъ. Первый, крикнувшій, что убилъ Смердяковъ, былъ самъ подсудимый въ минуту своего ареста и, однако, не представившій съ самаго перваго крика своего и до самой сей минуты суда ни единаго факта въ подтвержденіе своего обвиненія,—и не только факта, но даже сколько-нибудь сообразнаго съ человѣческимъ смысломъ намека на какой-нибудь фактъ. Затѣмъ подтверждаютъ обвиненіе это только три лица: оба брата подсудимаго и г-жа Свѣтлова. Но старшій братъ подсудимаго объявилъ свое подозрѣніе только сегодня, въ болѣзни, въ припадкѣ безспорнаго умопзступленія и горячки, а прежде, во всѣ два мѣсяца, какъ намъ положительно это извѣстно, совершенно раздѣлялъ убѣжденіе о виновности своего брата, даже не искалъ возражать противъ этой идеи. Но мы этимъ займемся особенно еще потомъ. Затѣмъ младшій братъ подсудимаго намъ объявляетъ давеча самъ, что фактовъ въ подтвержденіе своей мысли о виновности Смердякова не имѣетъ никакихъ, ни малѣйшихъ, а заключаетъ такъ лишь со словъ самого подсудимаго и „по выраженію его лица"—да, это колоссальное доказательство было дважды произнесено давеча его братомъ. Г-жа же Свѣтлова выразилась даже, можетъ-быть, и еще колоссальнѣе: „Что подсудимый вамъ скажетъ, тому и вѣрьте, не таковъ че-

ловѣкъ, чтобы солгалъ". Вотъ всѣ фактическія доказательства на Смердякова отъ этихъ трехъ лицъ, слишкомъ заинтересованныхъ въ судьбѣ подсудимаго. И, между тѣмъ, обвиненіе на Смердякова ходило и держалось, и держится, — можно этому повѣрить, можно это представить?

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ нашелъ нужнымъ слегка очертить характеръ покойнаго Смердякова, „прекратившаго жизнь свою въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія и помѣшательства". Онъ представилъ его человѣкомъ слабоумнымъ, съ зачаткомъ нѣкотораго смутнаго образованія, сбитаго съ толку философскими идеями не подъ силу его уму и испугавшагося иныхъ современныхъ ученій о долгѣ и обязанности, широко преподанныхъ ему—практически-безшабашною жизнію покойнаго его барина, а, можетъ-быть, и отца—Ѳедора Павловича, а теоретически — разными странными философскими разговорами съ старшимъ сыномъ барина, Иваномъ Ѳедоровичемъ, охотно позволявшимъ себѣ это развлеченіе, — вѣроятно, отъ скуки, или отъ потребности насмѣшки, не нашедшей лучшаго приложенія. Онъ мнѣ самъ разсказывалъ о своемъ душевномъ состояніи въ послѣдніе дни своего пребыванія въ домѣ своего барина,—пояснилъ Ипполитъ Кирилловичъ,—но свидѣтельствуютъ о томъ же и другіе: самъ подсудимый, братъ его и даже слуга Григорій, т.-е. всѣ тѣ, которые должны были знать его весьма близко. Кромѣ того, удрученный падучею болѣзнію, Смердяковъ былъ „трусливъ какъ курица". „Онъ падалъ мнѣ въ ноги и цѣловалъ мои ноги", сообщалъ намъ самъ подсудимый въ ту минуту, когда еще не сознавалъ нѣкоторой для себя невыгоды въ такомъ сообщеніи, — „это курица въ падучей болѣзни", выразился онъ про него своимъ характернымъ языкомъ. И вотъ его-то подсудимый (о чемъ и самъ свидѣтельствуетъ) выбираетъ въ свои довѣренные и запугиваетъ настолько, что тотъ соглашается, наконецъ, служить ему шпіономъ и переносчикомъ. Въ этомъ качествѣ домашняго соглядатая онъ измѣняетъ своему барину, сообщаетъ подсудимому и о существованіи пакета съ деньгами, и про знаки, по которымъ можно проникнуть къ барину, — да и какъ бы онъ могъ не сообщить! „Убьютъ-съ, видѣлъ прямо, что убьютъ меня-съ", говорилъ онъ на слѣдствіи, трясясь и трепеща даже передъ нами, несмотря на то, что запугавшій его мучитель

былъ уже самъ тогда подъ арестомъ и не могъ уже придти наказать его. „Подозрѣвали меня всякую минуту-съ, самъ въ страхѣ и трепетѣ, чтобы только ихъ гнѣвъ утолить, спѣшилъ сообщать имъ всякую тайну-съ, чтобы тѣмъ самымъ невинность мою передъ ними видѣть могли-съ, и живого на покаяніе отпустили-съ". Вотъ собственныя слова его, я ихъ записалъ и запомнилъ: „Какъ закричитъ, бывало, на меня, я такъ на колѣнки передъ ними и паду". Будучи высокочестнымъ отъ природы своей молодымъ человѣкомъ и войдя тѣмъ въ довѣренность своего барина, отличившаго въ немъ эту честность, когда тотъ возвратилъ ему потерянныя имъ деньги, несчастный Смердяковъ, надо думать, страшно мучился раскаяніемъ въ измѣнѣ своему барину, котораго любилъ, какъ своего благодѣтеля. Сильно страдающіе отъ падучей болѣзни, по свидѣтельству глубочайшихъ психіатровъ, всегда наклонны къ безпрерывному и, конечно, болѣзненному самообвиненію. Они мучаются отъ своей „виновности" въ чемъ-то и передъ кѣмъ-то, мучаются угрызеніями совѣсти, часто даже безо всякаго основанія, преувеличиваютъ и даже сами выдумываютъ на себя разныя вины и преступленія. И вотъ подобный-то субъектъ становится дѣйствительно виновнымъ и преступнымъ отъ страху и отъ запугиванія. Кромѣ того, онъ сильно предчувствовалъ, что изъ слагающихся на глазахъ его обстоятельствъ можетъ выйти нѣчто недоброе. Когда старшій сынъ Ѳедора Павловича, Иванъ Ѳедоровичъ, передъ самой катастрофой уѣзжалъ въ Москву, Смердяковъ умолялъ его остаться, не смѣя, однакоже, по трусливому обычаю своему, высказать ему всѣ опасенія свои въ видѣ ясномъ и категорическомъ. Онъ лишь удовольствовался намеками, но намековъ не поняли. Надо замѣтить, что въ Иванѣ Ѳедоровичѣ онъ видѣлъ какъ бы свою защиту, какъ бы гарантію въ томъ, что пока тотъ дома, то не случится бѣды. Вспомните выраженіе въ „пьяномъ" письмѣ Дмитрія Карамазова: „убью старика, если только уѣдетъ Иванъ", стало-быть, присутствіе Ивана Ѳедоровича казалось всѣмъ какъ бы гарантіей тишины и порядка въ домѣ. И вотъ онъ-то и уѣзжаетъ, а Смердяковъ тотчасъ же, почти черезъ часъ по отъѣздѣ молодого барина, упадаетъ въ падучей болѣзни. Но это совершенно понятно. Здѣсь надо упомянуть, что, удрученный страхами и своего рода отчаяніемъ, Смердяковъ въ послѣдніе дни особенно ощущалъ въ себѣ

возможность приближенія припадковъ падучей, которая и прежде всегда случалась съ нимъ въ минуты нравственнаго напряженія и потрясенія. День и часъ этихъ припадковъ угадать, конечно, нельзя, но расположеніе къ припадку каждый эпилептикъ ощутить въ себѣ можетъ заранѣе. Такъ говоритъ медицина. И вотъ, только что съѣзжаетъ со двора Иванъ Ѳедоровичъ, какъ Смердяковъ, подъ впечатлѣніемъ своего, такъ сказать, сиротства и своей беззащитности, идетъ за домашнимъ дѣломъ въ погребъ, спускается внизъ по лѣстницѣ и думаетъ: „будетъ или не будетъ припадокъ, а что̀ коль сейчасъ придетъ?“— И вотъ именно отъ этого настроенія, отъ этой мнительности, отъ этихъ вопросовъ и схватываетъ его горловая спазма, всегда предшествующая падучей, и онъ летитъ стремглавъ, безъ сознанія, на дно погреба. И вотъ, въ этой самой естественной случайности ухищряются видѣть какое-то подозрѣніе, какое-то указаніе, какой-то намекъ на то, что онъ *нарочно* притворился больнымъ! Но если нарочно, то является тотчасъ вопросъ: для чего же? Изъ какого расчета, съ какою же цѣлью? Я уже не говорю про медицину; наука, дескать, лжетъ, наука ошибается, доктора не сумѣли отличить истины отъ притворства,— пусть, пусть, но отвѣтьте же мнѣ, однако, на вопросъ: для чего ему было притворяться? Не для того ли, чтобы, замысливъ убійство, обратить на себя случившимся припадкомъ заранѣе и поскорѣе вниманіе въ домѣ? Видите ли, господа присяжные засѣдатели, въ домѣ Ѳедора Павловича, въ ночь преступленія было и перебывало пять человѣкъ: во-первыхъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ,—но вѣдь не онъ же убилъ себя, это ясно; во-вторыхъ, слуга его Григорій, но вѣдь того самого чуть не убили,—въ-третьихъ, жена Григорія, служанка Марѳа Игнатьевна, но представить ее убійцей своего барина просто стыдно. Остаются, стало-быть, на виду два человѣка: подсудимый и Смердяковъ. Но такъ какъ подсудимый увѣряетъ, что убилъ не онъ, то, стало-быть, долженъ былъ убить Смердяковъ, другого выхода нѣтъ, ибо никого другого нельзя найти, никакого другого убійцы не подберешь. Вотъ, вотъ, стало-быть, откуда произошло это „хитрое“ и колоссальное обвиненіе на несчастнаго, вчера покончившаго съ собой, идіота! Именно только потому одному, что другого некого подобрать! Будь хоть тѣнь, хоть подозрѣніе на кого другого, на какое-нибудь шестое лицо, то, я убѣжденъ, что

даже самъ подсудимый постыдился бы показать тогда на Смердякова, а показалъ бы на это шестое лицо, ибо обвинять Смердякова въ этомъ убійствѣ есть совершенный абсурдъ.

„Господа, оставимъ психологію, оставимъ медицину, оставимъ даже самую логику, обратимся лишь къ фактамъ, къ однимъ только фактамъ, и посмотримъ, что̀ скажутъ намъ факты. Убилъ Смердяковъ, но какъ? Одинъ или въ сообществѣ съ подсудимымъ? Разсмотримъ сперва первый случай, то-есть, что Смердяковъ убиваетъ одинъ. Конечно, если убилъ, то для чего же нибудь, изъ какой-нибудь выгоды. Но, не имѣя ни тѣни мотивовъ къ убійству изъ такихъ, какіе имѣлъ подсудимый, то-есть ненависти, ревности и проч., и проч., Смердяковъ, безъ сомнѣнія, могъ убить только лишь изъ-за денегъ, чтобы присвоить себѣ именно эти три тысячи, которыя самъ же видѣлъ, какъ баринъ его укладывалъ въ пакетъ. И вотъ, замысливъ убійство, онъ заранѣе сообщаетъ другому лицу,—и къ тому же въ высочайшей степени заинтересованному лицу, именно подсудимому,—всѣ обстоятельства о деньгахъ и знакахъ: гдѣ лежитъ пакетъ, что̀ именно на пакетѣ написано, чѣмъ онъ обернутъ, а, главное, главное сообщаетъ про эти „знаки“, которыми къ барину можно пройти. Что жъ, онъ прямо, чтобы выдать себя, это дѣлаетъ? Или чтобы найти себѣ соперника, который, пожалуй, и самъ пожелаетъ войти и пріобрѣсть пакетъ? Да, скажутъ мнѣ, но вѣдь онъ сообщилъ отъ страху. Но какъ же это? Человѣкъ, не смигнувшій задумать такое безстрашное и звѣрское дѣло и потомъ исполнить его,—сообщаетъ такія извѣстія, которыя знаетъ только онъ въ цѣломъ мірѣ, и о которыхъ, если бы только онъ о нихъ умолчалъ, никто и не догадался бы никогда въ цѣломъ мірѣ. Нѣтъ, ужъ какъ бы ни былъ трусливъ человѣкъ, а ужъ если такое дѣло задумалъ, то уже ни за что бы не сказалъ никому, по крайней мѣрѣ, про пакетъ и про знаки, ибо это значило бы впередъ всего себя выдать. Что-нибудь выдумалъ бы нарочно, что-нибудь налгалъ бы другое, если ужъ отъ него непремѣнно требовали извѣстій, а ужъ объ этомъ бы умолчалъ! Напротивъ, повторяю это, если бъ онъ промолчалъ хоть только о деньгахъ, а потомъ убилъ и присвоилъ эти деньги себѣ, то никто бы никогда въ цѣломъ мірѣ не могъ обвинить его, по крайней мѣрѣ, въ убійствѣ для грабежа, ибо денегъ этихъ вѣдь никто кромѣ него

не видалъ, никто не зналъ, что онѣ существуютъ въ домѣ. Если бы даже и обвинили его, то непремѣнно сочли бы, что онъ изъ другого какого-нибудь мотива убилъ. Но такъ какъ мотивовъ этихъ за нимъ никто предварительно не примѣтилъ, а всѣ видѣли, напротивъ, что онъ бариномъ любимъ, почтенъ бариновою довѣренностью, то, конечно бы, его послѣдняго и заподозрили, а заподозрили бы прежде всего такого, который бы имѣлъ эти мотивы, кто самъ кричалъ, что имѣетъ эти мотивы, кто ихъ не скрывалъ, передъ всѣми обнаруживалъ, однимъ словомъ, заподозрили бы сына убитаго, Дмитрія Ѳедоровича. Смердяковъ бы убилъ и ограбилъ, а сына бы обвинили, — вѣдь Смердякову-убійцѣ, ужъ конечно, было бы это выгодно? Ну, такъ вотъ этому-то сыну Дмитрію Смердяковъ, замысливъ убійство, и сообщаетъ впередъ про деньги, про пакетъ и про знаки, — какъ это логично, какъ это ясно!!

„Приходитъ день замышленнаго Смердяковымъ убійства, и вотъ онъ летитъ съ ногъ, *притворившись*, въ припадкѣ падучей болѣзни, для чего? Ужъ конечно, для того, чтобы, во-первыхъ, слуга Григорій, замысливший свое лѣченіе и видя, что совершенно некому стеречь домъ, можетъ-быть, отложилъ бы свое лѣченіе и сѣлъ караулить. Во-вторыхъ, конечно, для того, чтобы самъ баринъ, видя, что его никто не караулитъ и страшно опасаясь прихода сына, чего не скрывалъ, усугубилъ свою недовѣрчивость и свою осторожность. Наконецъ, и главное, конечно, для того, чтобъ его, Смердякова, разбитаго припадкомъ, тотчасъ же перенесли изъ кухни, гдѣ онъ всегда отдѣльно ото всѣхъ ночевалъ и гдѣ имѣлъ свой особенный входъ и выходъ, въ другой конецъ флигеля, въ комнатку Григорія, къ нимъ обоимъ за перегородку, въ трехъ шагахъ отъ ихъ собственной постели, какъ всегда это бывало, съ поконъ вѣка, чуть только его разбивала падучая, по распоряженіямъ барина и сердобольной Марѳы Игнатьевны. Тамъ, лежа за перегородкой, онъ, вѣроятнѣе всего, чтобъ вѣрнѣе изобразиться больнымъ, начнетъ, конечно, стонать, то-есть будить ихъ всю ночь—(какъ и было по показанію Григорія и жены его)—и все это, все это для того, чтобъ тѣмъ удобнѣе вдругъ встать и потомъ убить барина!

„Но, скажутъ мнѣ, можетъ-быть, онъ именно притворился, чтобы на него, какъ на больного, не подумали, а подсудимому сообщилъ про деньги и про знаки именно

для того, чтобъ тотъ соблазнился и самъ пришелъ, и убилъ, и когда, видите ли, тотъ, убивъ, уйдетъ и унесетъ деньги, и при этомъ, пожалуй, нашумитъ, нагремитъ, разбудитъ свидѣтелей, то тогда, видите ли, встанетъ и Смердяковъ, и пойдетъ,—ну, что̀ же дѣлать пойдетъ? А вотъ именно пойдетъ въ другой разъ убить барина и въ другой разъ унести уже унесенныя деньги. Господа, вы смѣетесь? Мнѣ самому стыдно дѣлать такія предположенія, а между тѣмъ, представьте себѣ это, именно вѣдь подсудимый это самое и утверждаетъ: послѣ меня, дескать, когда я уже вышелъ изъ дому, поваливъ Григорія и надѣлавъ тревоги, онъ всталъ, пошелъ, убилъ и ограбилъ. Ужъ я и не говорю про то, какъ бы могъ Смердяковъ разсчитать это все заранѣе и все предузнать, какъ по пальцамъ, то-есть, что раздраженный и бѣшеный сынъ придетъ единственно для того только, чтобы почтительно заглянуть въ окно и, обладая знаками, отретироваться, оставивъ ему, Смердякову, свою добычу! Господа, я серьезно ставлю вопросъ: гдѣ тотъ моментъ, когда Смердяковъ совершилъ свое преступленіе? Укажите этотъ моментъ, ибо безъ этого нельзя обвинять.

„А, можетъ-быть, падучая была настоящая. Больной вдругъ очнулся, услыхалъ крикъ, вышелъ,—ну, и что же? Посмотрѣлъ да и сказалъ себѣ: дай пойду убью барина? А почему онъ узналъ, что̀ тутъ было, что̀ тутъ происходило, вѣдь онъ до сихъ поръ лежалъ въ безпамятствѣ? А впрочемъ, господа, есть предѣлъ и фантазіямъ.

„Такъ-съ, скажутъ тонкіе люди, а ну, какъ оба были въ согласіи, а ну, какъ это они оба вмѣстѣ убили и денежки подѣлили, ну, тогда какъ же?

„Да, дѣйствительно подозрѣніе важное, и, во-первыхъ—тотчасъ же колоссальныя улики, его подтверждающія: одинъ убиваетъ и беретъ всѣ труды на себя, а другой сообщникъ лежитъ на боку, притворившись въ падучей,—именно для того, чтобы предварительно возбудить во всѣхъ подозрѣніе, тревогу въ баринѣ, тревогу въ Григоріи. Любопытно, изъ какихъ мотивовъ оба сообщника могли бы выдумать именно такой сумасшедшій планъ? Но, можетъ-быть, это было вовсе не активное сообщество со стороны Смердякова, а, такъ сказать, пассивное и страдальческое: можетъ-быть, запуганный Смердяковъ согласился лишь не сопротивляться убійству и, предчувствуя, что его же вѣдь обвинятъ, что онъ далъ убить барина, не кричалъ, не со-

противлялся,—заранѣе выговорилъ себѣ у Дмитрія Карамазова позволеніе пролежать это время какъ бы въ падучей, „а ты тамъ убивай себѣ какъ угодно, моя изба съ краю“. Но если и такъ, то такъ какъ и опять-таки эта падучая должна была произвести въ домѣ переполохъ, предвидя это, Дмитрій Карамазовъ ужъ никакъ не могъ бы согласиться на такой уговоръ. Но я уступаю, пусть онъ согласился; такъ вѣдь, все-таки, вышло бы тогда, что Дмитрій Карамазовъ—убійца, прямой убійца и зачинщикъ, а Смердяковъ лишь пассивный участникъ, да и не участникъ даже, а лишь попуститель отъ страха и противъ воли, вѣдь судъ-то это бы уже непремѣнно могъ различить, и вотъ, что̀ же мы видимъ? Только что арестовали подсудимаго, какъ онъ мигомъ сваливаетъ все на одного Смердякова и его *одного* обвиняетъ. Не въ сообщничествѣ съ собой обвиняетъ, а его одного: одинъ, дескать, онъ это сдѣлалъ, онъ убилъ и ограбилъ, его рукъ дѣло! Ну, что̀ же это за сообщники, которые тотчасъ же начинаютъ говорить одинъ на другого, — да этого никогда не бываетъ. И, замѣтьте, какой рискъ для Карамазова: онъ главный убійца, а тотъ не главный, тотъ только попуститель и пролежалъ за перегородкой, и вотъ онъ сваливаетъ на лежачаго. Такъ вѣдь тотъ, лежачій-то могъ разсердиться, и изъ-за одного только самосохраненія поскорѣе объявить правду истинную: оба, дескать, участвовали, только я не убивалъ, а лишь дозволилъ и попустилъ, отъ страху. Вѣдь онъ же, Смердяковъ, могъ понять, что судъ тотчасъ бы различилъ степень его виновности, а, стало-быть, могъ и разсчитать, что если его и накажутъ, то несравненно ничтожнѣе, чѣмъ того, главнаго убійцу, желающаго все свалить на него. Но тогда, стало-быть, ужъ поневолѣ сдѣлалъ бы признаніе. Этого мы, однакоже, не видали. Смердяковъ и не заикнулся о сообщничествѣ, несмотря на то, что убійца твердо обвинялъ его и все время указывалъ на него, какъ на убійцу единственнаго. Мало того: Смердяковъ же и открылъ слѣдствію, что о пакетѣ съ деньгами и о знакахъ сообщилъ подсудимому *онъ самъ*, и что безъ него тотъ и не узналъ бы ничего. Если бъ онъ былъ дѣйствительно въ сообщничествѣ и виновенъ, сообщилъ ли бы онъ такъ легко объ этомъ слѣдствію, то-есть, что это все онъ самъ сообщилъ подсудимому? Напротивъ, сталъ бы запираться и ужъ непремѣнно искажать факты и уменьшать ихъ. Но онъ не

искажалъ и не уменьшалъ. Такъ можетъ дѣлать только невинный, не боящійся, что его обвинятъ въ сообщничествѣ. И вотъ онъ, въ припадкѣ болѣзненной меланхоліи отъ своей падучей и отъ всей этой разразившейся катастрофы, вчера повѣсился. Повѣсившись, оставилъ записку, писанную своеобразнымъ слогомъ: „Истребляю себя своею волей и охотой, чтобы никого не винить". Ну, чтобъ ему прибавить въ запискѣ: убійца я, а не Карамазовъ. Но этого онъ не прибавилъ: на одно совѣсти хватило, а на другое нѣтъ?

„И что же: давеча сюда, въ судъ, приносятъ деньги, три тысячи рублей,—„тѣ самыя, дескать, которыя лежали вотъ въ этомъ самомъ пакетѣ, что̀ на столѣ съ вещественными доказательствами, получилъ, дескать, вчера отъ Смердякова". Но вы, господа присяжные засѣдатели, сами помните грустную давешнюю картину. Я не возобновлю подробностей, однакоже, позволю себѣ сдѣлать лишь два-три соображенія, выбирая изъ самыхъ незначительнѣйшихъ, — именно потому, что они незначительны, а, стало-быть, не всякому придутъ въ голову и забудутся. Во-первыхъ, и опять-таки: отъ угрызенія совѣсти Смердяковъ вчера отдалъ деньги и самъ повѣсился. (Ибо безъ угрызеній совѣсти онъ бы денегъ не отдалъ). И, ужъ конечно, только вчера вечеромъ въ первый разъ признался Ивану Карамазову въ своемъ преступленіи, какъ объявилъ и самъ Иванъ Карамазовъ, иначе зачѣмъ бы онъ молчалъ до сихъ поръ? И такъ, онъ признался, почему же, опять повторяю это, въ предсмертной запискѣ не объявилъ намъ всей правды, зная, что завтра же для безвиннаго подсудимаго страшный судъ? Однѣ деньги вѣдь не доказательство. Мнѣ, напримѣръ, и еще двумъ лицамъ въ этой залѣ совершенно случайно сталъ извѣстенъ, еще недѣлю назадъ, одинъ фактъ, именно, что Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ посылалъ въ губернскій городъ для размѣна два пятипроцентные билета по пяти тысячъ каждый, всего, стало-быть, на десять тысячъ. Я только къ тому, что деньги у всѣхъ могутъ случиться къ данному сроку и что, принеся три тысячи, нельзя доказать непремѣнно, что это вотъ тѣ самыя деньги, вотъ именно изъ того самаго ящика или пакета. Наконецъ, Иванъ Карамазовъ, получивъ вчера такое важное сообщеніе отъ настоящаго убійцы, пребываетъ въ покоѣ. Но почему бы ему не заявить объ этомъ тотчасъ же? Почему онъ отложилъ все

до утра? Полагаю, что имѣю право догадываться почему: уже недѣлю, какъ разстроенный въ своемъ здоровьѣ, самъ признавшійся доктору и близкимъ своимъ, что видитъ видѣнія, что встрѣчаетъ уже умершихъ людей, наканунѣ бѣлой горячки, которая сегодня именно и поразила его, онъ, внезапно узнавъ о кончинѣ Смердякова, вдругъ составляетъ себѣ слѣдующее разсужденіе: „Человѣкъ мертвъ, на него сказать можно, а брата спасу. Деньги же есть у меня: возьму пачку и скажу, что Смердяковъ предъ смертью мнѣ отдалъ.“ Вы скажете, это нечестно, хоть на мертваго, но нечестно же лгать, даже и для спасенія брата? Такъ, ну, а что̀ если онъ солгалъ безсознательно, если онъ самъ вообразилъ, что такъ и было, именно окончательно пораженный въ разсудкѣ своемъ извѣстіемъ объ этой внезапной смерти лакея? Вы вѣдь видѣли давешнюю сцену, видѣли, въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ. Онъ стоялъ на ногахъ и говорилъ, но гдѣ былъ умъ его? За давешнимъ показаніемъ горячечнаго послѣдовалъ документъ, письмо подсудимаго къ г-жѣ Верховцевой, писанное имъ за два дня до совершенія преступленія, съ подробною программой преступленія впередъ. Ну, такъ чего же мы ищемъ программу и ея составителей? Точь-въ-точь по этой программѣ и совершилось, и совершилось ни кѣмъ другимъ, какъ ея составителемъ. Да, господа присяжные засѣдатели, „свершилось какъ по писанному!“ И вовсе, вовсе мы не бѣжали почтительно и боязливо отъ отцова окошка, да еще въ твердой увѣренности, что у того теперь наша возлюбленная. Нѣтъ, это нелѣпо и неправдоподобно. Онъ вошелъ и—покончилъ дѣло. Вѣроятно, онъ убилъ въ раздраженіи, разгорѣвшись злобой, только что взглянулъ на своего ненавистника и соперника, но убивъ, что̀ сдѣлалъ, можетъ-быть, однимъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, вооруженной мѣднымъ пестомъ, и убѣдившись затѣмъ, уже послѣ подробнаго обыска, что ея тутъ нѣтъ, онъ, однакоже, не забылъ засунуть руку подъ подушку и достать конвертъ съ деньгами, разорванная обложка котораго лежитъ теперь здѣсь на столѣ съ вещественными доказательствами. Я говорю къ тому, чтобы вы замѣтили одно обстоятельство, по-моему, прехарактерное. Будь это опытный убійца и именно убійца съ цѣлью одного грабежа,—ну, оставилъ ли бы онъ обложку конверта на полу, въ томъ видѣ, какъ нашли ее подлѣ трупа? Ну, будь это, напримѣръ,

Смердяковъ, убивающій для грабежа,—да онъ бы просто унесъ весь пакетъ съ собой, вовсе не трудясь распечатывать надъ трупомъ жертвы своей, такъ какъ зналъ навѣрно, что въ пакетѣ есть деньги,—вѣдь при немъ же ихъ вкладывали и запечатывали,—а вѣдь унеси онъ пакетъ совсѣмъ, и тогда становится неизвѣстнымъ, существовало ли ограбленіе? Я васъ спрашиваю, господа присяжные, поступилъ ли бы такъ Смердяковъ, оставилъ ли бы онъ конвертъ на полу? Нѣтъ, именно такъ долженъ былъ поступить убійца изступленный, уже плохо разсуждающій, убійца не воръ и никогда ничего до тѣхъ поръ не укравшій, да и теперь-то вырвавшій изъ-подъ постели деньги не какъ воръ укравшій, а какъ свою же вещь у вора укравшаго унесшій,—ибо таковы именно были идеи Дмитрія Карамазова объ этихъ трехъ тысячахъ, дошедшія въ немъ до маніи. И вотъ, захвативъ пакетъ, котораго онъ прежде никогда не видалъ, онъ и рветъ обложку, чтобъ удостовѣриться, есть ли деньги, затѣмъ бѣжитъ съ деньгами въ карманѣ, даже и подумать забывъ, что оставляетъ на полу колоссальнѣйшее на себя обвиненіе въ видѣ разорванной обложки. Все потому, что Карамазовъ, а не Смердяковъ, не подумалъ, не сообразилъ; да и гдѣ ему! Онъ убѣгаетъ, онъ слышитъ вопль настигающаго его слуги, слуга хватаетъ его, останавливаетъ и падаетъ, пораженный мѣднымъ пестомъ. Подсудимый соскакиваетъ къ нему внизъ изъ жалости. Представьте, онъ вдругъ увѣряетъ насъ, что онъ соскочилъ тогда къ нему внизъ изъ жалости, изъ состраданія, чтобы посмотрѣть, не можетъ ли ему чѣмъ помочь. Ну, такова ли эта минута, чтобы выказать подобное состраданіе? Нѣтъ, онъ соскочилъ именно для того, чтобъ убѣдиться: живъ ли единственный свидѣтель его злодѣянія? Всякое другое чувство, всякій другой мотивъ были бы неестественны! Замѣтьте, онъ надъ Григоріемъ трудится, обтираетъ ему платкомъ голову, и убѣдясь, что онъ мертвъ, какъ потерянный, весь въ крови, прибѣгаетъ опять туда, въ домъ своей возлюбленной,—какъ же не подумалъ онъ, что онъ весь въ крови и что его тотчасъ изобличатъ? Но подсудимый самъ увѣряетъ насъ, что онъ даже и вниманія не обратилъ, что весь въ крови; это допустить можно, это очень возможно, это всегда бываетъ въ такія минуты съ преступниками. На одно — адскій расчетъ, а на другое не хватаетъ соображенія. Но онъ

думалъ въ ту минуту лишь о томъ, гдѣ *она*. Ему надо было поскорѣе узнать, гдѣ она, и вотъ онъ прибѣгаетъ въ ея квартиру и узнаетъ неожиданное колоссальнѣйшее для себя извѣстіе: она уѣхала въ Мокрое со своимъ „прежнимъ", „безспорнымъ".

IX.

Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финалъ рѣчи прокурора.

Дойдя до этого момента въ своей рѣчи, Ипполитъ Кирилловичъ, очевидно, избравшій строго-историческій методъ изложенія, къ которому очень любятъ прибѣгать всѣ нервные ораторы, ищущіе нарочно строго поставленныхъ рамокъ, чтобы сдерживать собственное нетерпѣливое увлеченіе,—Ипполитъ Кирилловичъ особенно распространился о „прежнемъ" и „безспорномъ" и высказалъ на эту тему нѣсколько въ своемъ родѣ занимательныхъ мыслей. Карамазовъ, ревновавшій ко всѣмъ до бѣшенства, вдругъ и разомъ какъ бы падаетъ и исчезаетъ передъ „прежнимъ" и „безспорнымъ". И тѣмъ болѣе это странно, что прежде онъ совсѣмъ почти и не обращалъ вниманія на эту новую для себя опасность, грядущую въ лицѣ неожиданнаго для него соперника. Но онъ все представлялъ себѣ, что это еще такъ далеко, а Карамазовъ всегда живетъ лишь настоящей минутой. Вѣроятно, онъ считалъ его даже фикціей. Но мигомъ понявъ больнымъ сердцемъ своимъ, что, можетъ-быть, потому-то эта женщина и скрывала этого новаго соперника, потому-то и обманывала его давеча, что этотъ вновь прилетѣвшій соперникъ былъ слишкомъ для нея не фантазіей и не фикціей, а составлялъ для нея все, все ея упованіе въ жизни,—мигомъ понявъ это, онъ смирился. „Что же, господа присяжные, я не могу обойти умолчаніемъ эту внезапную черту въ душѣ подсудимаго, который бы, казалось, ни за что не способенъ былъ проявить ее, высказалась вдругъ неумолимая потребность правды, уваженія къ женщинѣ, признанія правъ ея сердца, и когда же—въ тотъ моментъ, когда изъ-за нея же онъ обагрилъ свои руки кровью отца своего! Правда и то, что и пролитая кровь уже закричала въ эту минуту объ отмщеніи, ибо онъ, погубившій душу свою и всю земную судьбу свою, онъ невольно долженъ былъ почувствовать и спросить себя въ то мгно-

веніе: „Что значитъ онъ, и что можетъ онъ значить *теперь* для нея, для этого любимаго имъ больше души своей существа, въ сравненіи съ этимъ „прежнимъ“ и „безпорнымъ“, покаявшимся и воротившимся къ этой, когда-то погубленной имъ женщинѣ, съ новой любовью, съ предложеніями честными, съ обѣтомъ возрожденной и уже счастливой жизни. А онъ, несчастный, что дастъ онъ ей *теперь*, что ей предложитъ?“ Карамазовъ все это понялъ, понялъ, что преступленіе его заперло ему всѣ дороги и что онъ лишь приговоренный къ казни преступникъ, а не человѣкъ, которому жить! Эта мысль его раздавила и уничтожила. И вотъ онъ мгновенно останавливается на одномъ изступленномъ планѣ, который, при характерѣ Карамазова, не могъ не представиться ему какъ единственнымъ и фатальнымъ исходомъ изъ страшнаго его положенія. Этотъ исходъ—самоубійство. Онъ бѣжитъ за своими заложенными чиновнику Перхотину пистолетами, и въ то же время дорогой, на бѣгу, выхватываетъ изъ кармана всѣ свои деньги, изъ-за которыхъ только что забрызгалъ руки свои отцовскою кровью. О, деньги теперь ему нужнѣе всего: умираетъ Карамазовъ, застрѣливается Карамазовъ и это будутъ помнить! Не даромъ же мы поэтъ, не даромъ же мы прожигали нашу жизнь, какъ свѣчку, съ обоихъ концовъ. „Къ ней, къ ней,—и тамъ, о, тамъ я задаю пиръ на весь міръ, такой, какого еще не бывало, чтобы помнили и долго разсказывали. Среди дикихъ криковъ, безумныхъ цыганскихъ пѣсенъ и плясокъ, мы подымемъ заздравный бокалъ и поздравимъ обожаемую женщину съ ея новымъ счастьемъ, а затѣмъ—тутъ же, у ногъ ея, размозжимъ передъ нею нашъ черепъ и казнимъ нашу жизнь. Вспомнитъ когда-нибудь Митю Карамазова, увидитъ, какъ любилъ ее Митя, пожалѣетъ Митю!“ Много картинности, романическаго изступленія, дикаго Карамазовскаго безудержу и чувствительности,—ну, и еще чего-то другого, господа присяжные, чего-то, что кричитъ въ душѣ, стучитъ въ умѣ неустанно и отравляетъ его сердце до смерти,—это *что-то*—это совѣсть, господа присяжные, это судъ ея, это страшныя ея угрызенія! Но пистолетъ все помиритъ, пистолетъ единственный выходъ, и нѣтъ другого, а тамъ—я не знаю, думалъ ли въ ту минуту Карамазовъ, „*что будетъ тамъ*“, и можетъ ли Карамазовъ по-Гамлетовски думать о томъ, что будетъ тамъ?

Нѣтъ, господа присяжные, у тѣхъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!"

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ развернулъ подробнѣйшую картину сборовъ Мити, сцену у Перхотина, въ лавкѣ, съ ямщиками. Онъ привелъ массу словъ, изреченій, жестовъ, все подтвержденныхъ свидѣтелями,—и картина страшно повліяла на убѣжденіе слушателей. Главное, повліяла совокупность фактовъ. Виновность этого изступленно-мутящагося и уже не берегущаго себя человѣка выставилась неотразимо. Нечего уже ему было беречь себя, говорилъ Ипполитъ Кирилловичъ, — два-три раза онъ чуть-чуть было не сознавался вполнѣ, почти намекалъ и только развѣ не договаривалъ (здѣсь слѣдовали показанія свидѣтелей). Даже ямщику въ дорогѣ крикнулъ: „Знаешь ли, что ты убійцу везешь!" Но договорить все-таки ему нельзя было: надо было попасть сперва въ село Мокрое и уже тамъ закончить поэму. Но что же, однако, ожидаетъ несчастнаго? Дѣло въ томъ, что почти съ первыхъ же минутъ въ Мокромъ онъ видитъ и, наконецъ, постигаетъ совершенно, что „безспорный" соперникъ его вовсе, можетъ-быть, уже не такъ безспоренъ и что поздравленій съ новымъ счастьемъ и заздравнаго бокала отъ него не хотятъ и не принимаютъ. Но вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному слѣдствію. Торжество Карамазова надъ соперникомъ оказалось неоспоримымъ и тутъ—о, тутъ начался совсѣмъ уже новый фазисъ въ его душѣ, и даже самый страшный фазисъ изо всѣхъ, какіе пережила и еще переживетъ когда-либо эта душа! Положительно можно признать, господа присяжные, воскликнулъ Ипполитъ Кирилловичъ, что поруганная природа и преступное сердце—сами за себя мстили полнѣе всякаго земного правосудія! Мало того: правосудіе и земная казнь даже облегчаютъ казнь природы, даже необходимы душѣ преступника въ эти моменты, какъ спасеніе ея отъ отчаянія, ибо я и представить себѣ не могу того ужаса и тѣхъ нравственныхъ страданій Карамазова, когда онъ узналъ, что она его любитъ, что для него отвергаетъ своего „прежняго" и „безспорнаго", что его, его, „Митю", зоветъ съ собою въ обновленную жизнь, обѣщаетъ ему счастье, и это когда же? Когда уже все для него покончено и когда уже ничего невозможно! Кстати, сдѣлаю вскользь одну весьма важную для насъ замѣтку для поясненія настоящей сущности тогдашняго положенія под-

судимаго: эта женщина, эта любовь его до самой этой послѣдней минуты, до самаго даже мига ареста, пребывала для него существомъ недоступнымъ, страстно желаемымъ, но недостижимымъ. Но почему, почему онъ не застрѣлился тогда же, почему оставилъ принятое намѣреніе и даже забылъ, гдѣ лежитъ его пистолетъ? А вотъ именно эта страстная жажда любви и надежда ее тогда же, тутъ же утолить, и удержали его. Въ чаду пира онъ прикованся къ своей возлюбленной, тоже вмѣстѣ съ нимъ пирующей, прелестной и обольстительной для него болѣе, чѣмъ когда-либо, — онъ не отходитъ отъ нея, любуется ею, исчезаетъ предъ нею. Эта страстная жажда даже могла на мигъ подавить не только страхъ ареста, но и самыя угрызенія совѣсти! На мигъ, о, только на мигъ! Я представляю себѣ тогдашнее состояніе души преступника въ безспорномъ рабскомъ подчиненіи тремъ элементамъ, подавившимъ ее совершенно: во-первыхъ, пьяное состояніе, чадъ и гамъ, топотъ пляски, визгъ пѣсенъ, и она, она, раскраснѣвшаяся отъ вина, поющая и пляшущая, пьяная и смѣющаяся ему! Во-вторыхъ, ободряющая отдаленная мечта о томъ, что роковая развязка еще далеко, по крайней мѣрѣ, не близко,—развѣ на другой только день, лишь на утро, придутъ и возьмутъ его. Стало-быть, нѣсколько часовъ, это много, ужасно много! Въ нѣсколько часовъ можно много придумать. Я представляю себѣ, что съ нимъ было нѣчто похожее на то, когда преступника везутъ на смертную казнь, на висѣлицу: еще надо проѣхать длинную-длинную улицу, да еще шагомъ, мимо тысячъ народа, затѣмъ будетъ поворотъ въ другую улицу и въ концѣ только этой другой улицы страшная площадь! Мнѣ именно кажется, что въ началѣ шествія осужденный, сидя на позорной своей колесницѣ, долженъ именно чувствовать, что предъ нимъ еще безконечная жизнь. Но вотъ, однакоже, уходятъ дома, колесница все подвигается,—о, это ничего, до поворота во вторую улицу еще такъ далеко, и вотъ онъ все еще бодро смотритъ направо и налѣво и на эти тысячи безучастно любопытныхъ людей, приковавшихся къ нему взглядами, и ему все еще мерещится, что онъ такой же, какъ и они, человѣкъ. Но вотъ уже и поворотъ въ другую улицу, о! это ничего, ничего, еще цѣлая улица. И сколько бы ни уходило домовъ, онъ все будетъ думать: „Еще осталось много домовъ“. И такъ до самаго конца, до самой площади. Такъ, представляю себѣ, было

тогда и съ Карамазовымъ. „Еще тамъ не успѣли, думаетъ онъ, еще можно что-нибудь подыскать, о, еще будетъ время сочинить планъ защиты, сообразить отпоръ, а теперь, теперь, — теперь она такъ прелестна!“ Смутно и страшно въ душѣ его, но онъ успѣваетъ, однакоже, отложить отъ своихъ денегъ половину и гдѣ-то ихъ спрятать,—иначе я не могу объяснить себѣ, куда могла исчезнуть цѣлая половина этихъ трехъ тысячъ, только что взятыхъ имъ у отца изъ-подъ подушки. Онъ въ Мокромъ уже не разъ, онъ тамъ уже кутилъ двое сутокъ. Этотъ старый, большой деревянный домъ ему извѣстенъ, со всѣми сараями, галлереями. Я именно предполагаю, что часть денегъ скрылась тогда же, и именно въ этомъ домѣ, не задолго предъ арестомъ, въ какую-нибудь щель, въ расщелину, подъ какую-нибудь половицу, гдѣ-нибудь въ углу, подъ кровлей — для чего? Какъ для чего? Катастрофа можетъ совершиться сейчасъ, конечно, мы еще не обдумали, какъ ее встрѣтить, да и некогда намъ, да и стучитъ у насъ въ головѣ, да и къ *ней-то* тянетъ, ну, а деньги,—деньги во всякомъ положеніи необходимы! Человѣкъ съ деньгами вездѣ человѣкъ. Можетъ-быть, такая разсчетливость въ такую минуту вамъ покажется неестественною? Но вѣдь увѣряетъ же онъ самъ, что еще за мѣсяцъ предъ тѣмъ, въ одинъ тоже самый тревожный и роковой для него моментъ, онъ отдѣлилъ отъ трехъ тысячъ половину и зашилъ себѣ въ ладонку, и если, конечно, это неправда, что̀ и докажемъ сейчасъ, то все же эта идея Карамазову знакомая, онъ ее созерцалъ. Мало того, когда онъ увѣрялъ потомъ слѣдователя, что отдѣлилъ полторы тысячи въ ладонку (которой никогда не бывало), то, можетъ-быть, и выдумалъ эту ладонку, тутъ же мгновенно, именно потому, что два часа предъ тѣмъ отдѣлилъ половину денегъ и спряталъ куда-нибудь тамъ въ Мокромъ, на всякій случай, до утра, только чтобы не хранить на себѣ, по внезапно представившемуся вдохновенію. Двѣ бездны, господа присяжные, вспомните, что Карамазовъ можетъ созерцать двѣ бездны, и обѣ разомъ! Въ томъ домѣ мы искали, но не нашли. Можетъ, эти деньги и теперь еще тамъ, а, можетъ, и на другой день исчезли, и теперь у подсудимаго. Во всякомъ случаѣ, арестовали его подлѣ нея, передъ ней на колѣняхъ, она лежала на кровати, онъ простиралъ къ ней руки и до того забылъ все въ ту минуту, что не разслышалъ и прибли-

женія арестующихъ. Онъ ничего еще не успѣлъ приготовить въ умѣ своемъ для отвѣта. И онъ, и умъ его были взяты врасплохъ.

„И вотъ онъ предъ своими судьями, предъ рѣшителями судьбы своей. Господа присяжные засѣдатели, бываютъ моменты, когда, при нашей обязанности, намъ самимъ становится почти страшно предъ человѣкомъ, страшно и за человѣка! Это минуты созерцанія того животнаго ужаса, когда преступникъ уже видитъ, что все пропало, но все еще борется, все еще намѣренъ бороться съ вами. Это минуты, когда всѣ инстинкты самосохраненія возстаютъ въ немъ разомъ, и онъ, спасая себя, глядитъ на васъ пронизывающимъ взглядомъ, вопрошающимъ и страдающимъ, ловитъ и изучаетъ васъ, ваше лицо, ваши мысли, ждетъ, съ котораго боку вы ударите, и создаетъ мгновенно въ сотрясающемся умѣ своемъ тысячи плановъ, но все-таки боится говорить, боится проговориться! Эти унизительные моменты души человѣческой, это хожденіе ея по мытарствамъ, эта животная жажда самоспасенія — ужасны и вызываютъ иногда содроганіе и состраданіе къ преступнику даже въ слѣдователѣ! И вотъ мы этому всему были тогда свидѣтелями. Сначала онъ былъ ошеломленъ, и въ ужасѣ у него вырвалось нѣсколько словъ, его сильно компрометирующихъ: „Кровь! Заслужилъ!“ Но онъ быстро сдержалъ себя. Что̀ сказать, какъ отвѣтить,—все это пока еще у него не готово, но готово лишь одно голословное отрицаніе: „Въ смерти отца не виновенъ!“ Вотъ пока нашъ заборъ, а тамъ, за заборомъ, мы, можетъ-быть, еще что̀ и устроимъ, какую-нибудь баррикаду. Компрометирующія первыя восклицанія свои онъ спѣшитъ, предупреждая вопросы наши, объяснить тѣмъ, что считаетъ себя виновнымъ лишь въ смерти слуги Григорія. „Въ этой крови виновенъ, но кто же убилъ отца, господа, кто убилъ? Кто же могъ убить его, *если не я?*“ Слышите это: спрашиваетъ онъ насъ же, насъ же, пришедшихъ къ нему самому съ этимъ самымъ вопросомъ! Слышите вы это забѣгающее впередъ словечко: „если не я“, эту животную хитрость, эту наивность и эту карамазовскую нетерпѣливость? Не я убилъ, и думать не моги, что я: „Хотѣлъ убить, господа, хотѣлъ убить“, признается онъ поскорѣе (спѣшитъ, о, спѣшитъ ужасно!); „но все же неповиненъ, не я убилъ!“ Онъ уступаетъ намъ, что хотѣлъ убить: видите, дескать, сами, какъ я искрененъ, ну, такъ тѣмъ

скорѣе повѣрьте, что не я убилъ. О, въ этихъ случаяхъ преступникъ становится иногда неимовѣрно легкомысленъ и легковѣренъ. И вотъ тутъ, совсѣмъ какъ бы нечаянно, слѣдствіе вдругъ задало ему самый простодушный вопросъ: „Да не Смердяковъ ли убилъ?“ Такъ и случилось, чего мы ожидали: онъ страшно разсердился за то, что предупредили его и поймали врасплохъ, когда онъ еще не успѣлъ приготовить, выбрать и ухватить тотъ моментъ, когда вывести Смердякова будетъ всего вѣроятнѣе. По натурѣ своей, онъ тотчасъ же бросился въ крайность и самъ началъ насъ изо всѣхъ силъ увѣрять, что Смердяковъ не могъ убить, не способенъ убить. Но не вѣрьте ему, это лишь его хитрость: онъ вовсе, вовсе еще не отказывается отъ Смердякова, напротивъ, онъ еще его выставитъ, потому что кого же ему выставить, какъ не его, но онъ сдѣлаетъ это въ другую минуту, потому что теперь это дѣло пока испорчено. Онъ выставитъ его только, можетъ-быть, завтра или даже черезъ нѣсколько дней, пріискавъ моментъ, въ который самъ же крикнетъ намъ: „Видите, я самъ отрицалъ Смердякова больше чѣмъ вы, вы сами это помните, но теперь и я убѣдился: это онъ убилъ, и какъ же не онъ!“ А пока онъ впадаетъ съ нами въ мрачное и раздражительное отрицаніе, нетерпѣніе и гнѣвъ подсказываютъ ему, однако, самое неумѣлое и неправдоподобное объясненіе о томъ, какъ онъ глядѣлъ отцу въ окно и какъ онъ почтительно отошелъ отъ окна. Главное, онъ еще не знаетъ обстоятельствъ, степени показаній очнувшагося Григорія. Мы приступаемъ къ осмотру и обыску. Осмотръ гнѣвитъ его, но и ободряетъ: всѣхъ трехъ тысячъ не разыскали, разысканы только полторы. И, ужъ конечно, лишь въ этотъ моментъ гнѣвнаго молчанія и отрицанія вскакиваетъ ему въ голову въ первый разъ въ жизни идея объ ладонкѣ. Безъ сомнѣнія, онъ чувствуетъ самъ всю невѣроятность выдумки и мучается, страшно мучается, какъ бы сдѣлать ее вѣроятнѣе, такъ сочинить, чтобъ ужъ вышелъ цѣлый правдоподобный романъ. Въ этихъ случаяхъ самое первое дѣло, самая главная задача слѣдствія—не дать приготовиться, накрыть неожиданно, чтобы преступникъ высказалъ завѣтныя идеи свои во всемъ выдающемъ ихъ простодушіи, неправдоподобности и противорѣчіи. Заставить же говорить преступника можно лишь внезапнымъ и какъ бы нечаяннымъ сообщеніемъ ему какого-нибудь новаго

факта, какого-нибудь обстоятельства дѣла, которое по значенію своему колоссально, по котораго онъ до сихъ поръ ни за что не предполагалъ и никакъ не могъ усмотрѣть. Этотъ фактъ былъ у насъ наготовѣ, о, уже давно наготовѣ: это показаніе очнувшагося слуги Григорія объ отворенной двери, изъ которой выбѣжалъ подсудимый. Про эту дверь онъ совсѣмъ забылъ, а что Григорій могъ ее видѣть, и не предполагалъ. Эффектъ вышелъ колоссальный. Онъ вскочилъ и вдругъ закричалъ намъ: „Это Смердяковъ убилъ, Смердяковъ!“ и вотъ выдалъ свою завѣтную, свою основную мысль, въ самой неправдоподобной формѣ ея, ибо Смердяковъ могъ убить лишь послѣ того, какъ онъ повергъ Григорія и убѣжалъ. Когда же мы ему сообщили, что Григорій видѣлъ отпертую дверь раньше своего паденія, а, выходя изъ своей спальни, слышалъ стонущаго за перегородкой Смердякова—Карамазовъ былъ воистину раздавленъ. Сотрудникъ мой, нашъ почтенный и остроумный Николай Парѳеновичъ, передавалъ мнѣ потомъ, что въ это мгновеніе ему стало его жалко до слезъ. И вотъ въ это-то мгновеніе, чтобы поправить дѣло, онъ и спѣшитъ намъ сообщить объ этой пресловутой ладонкѣ: такъ и быть, дескать, услышьте эту повѣсть! Господа присяжные, я уже выразилъ вамъ мои мысли, почему считаю всю эту выдумку объ зашитыхъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ деньгахъ въ ладонку не только нелѣпицей, но и самымъ неправдоподобнымъ измышленіемъ, которое только можно было пріискать въ данномъ случаѣ. Если бъ даже искать на пари: что можно сказать и представить неправдоподобнѣе,—то и тогда нельзя бы было выдумать хуже этого. Тутъ, главное, можно осадить и въ прахъ разбить торжествующаго романиста подробностями, тѣми самыми подробностями, которыми всегда такъ богата дѣйствительность и которыя всегда, какъ совершенно будто бы незначащая и ненужная мелочь, пренебрегаются этими несчастными и невольными сочинителями и даже никогда не приходятъ имъ въ голову. О, имъ въ ту минуту не до того, ихъ умъ создаетъ лишь грандіозное цѣлое, — и вотъ смѣютъ имъ предлагать этакую мелочь! По на этомъ-то ихъ и ловятъ! Задаютъ подсудимому вопросъ: Ну, а гдѣ вы изволили взять матеріалъ для вашей ладонки, кто вамъ сшилъ ее?—Самъ зашилъ.—А полотно гдѣ изволили взять? Подсудимый уже обижается, онъ считаетъ это обидною для себя мелочью, и, вѣрите ли, искренно, искренно!

Но таковы всѣ они. Я отъ рубашки моей оторвалъ.— Прекрасно-съ. Стало-быть, въ вашемъ бѣльѣ мы завтра же отыщемъ эту рубашку съ вырваннымъ изъ нея клочкомъ. И сообразите, господа присяжные, вѣдь если бы только мы нашли въ самомъ дѣлѣ эту рубашку (а какъ бы ее не найти въ его чемоданѣ или комодѣ, если бы такая рубашка въ самомъ дѣлѣ существовала),—то вѣдь это уже фактъ, фактъ осязательный въ пользу справедливости его показаній! Но этого онъ не можетъ сообразить.— Я не помню, можетъ, не отъ рубашки, я въ хозяйкинъ чепчикъ зашилъ. — Въ какой такой чепчикъ? — Я у ней взялъ, у нея валялся, старая коленкоровая дрянь.—И вы это твердо помните? — Нѣтъ, твердо не помню... И сердится, сердится, а между тѣмъ представьте: какъ бы это не помнить?.. Въ самыя страшныя минуты человѣческія, ну, на казнь везутъ, вотъ именно эти-то мелочи и запоминаются. Онъ обо всемъ забудетъ, а какую-нибудь зеленую кровлю, мелькнувшую ему по дорогѣ, или галку на крестѣ—вотъ это онъ запомнитъ. Вѣдь онъ, зашивая ладонку свою, прятался отъ домашнихъ, онъ долженъ былъ помнить, какъ унизительно страдалъ онъ отъ страху съ иглой въ рукахъ, чтобы къ нему не вошли и его не накрыли: какъ при первомъ стукѣ вскакивалъ и бѣжалъ за перегородку (въ его квартирѣ есть перегородка)... Но, господа присяжные, для чего я вамъ это все сообщаю, всѣ эти подробности, мелочи! воскликнулъ вдругъ Ипполитъ Кирилловичъ. А вотъ именно потому, что подсудимый стоитъ упорно на всей этой нелѣпицѣ до самой сей минуты! Во всѣ эти два мѣсяца, съ той самой роковой для него ночи, онъ ничего не разъяснилъ, ни одного объяснительнаго реальнаго обстоятельства къ прежнимъ фантастическимъ показаніямъ своимъ не прибавилъ; все это, дескать, мелочи, а вы вѣрьте на честь! О, мы рады вѣрить, мы жаждемъ вѣрить, хотя бы даже на честь! Что же мы, шакалы, жаждущіе крови человѣческой? Дайте, укажите намъ хоть одинъ фактъ въ пользу подсудимаго и мы обрадуемся,—но фактъ осязательный, реальный, а не заключеніе по выраженію лица подсудимаго роднымъ его братомъ, или указаніе на то, что онъ, бія себя въ грудь, непремѣнно долженъ былъ на ладонку указывать, да еще въ темнотѣ. Мы обрадуемся новому факту, мы первые откажемся отъ нашего обвиненія, мы поспѣшимъ отказаться. Теперь же вопіетъ справедливость, и мы на-

стаиваемъ, мы ни отъ чего отказаться не можемъ". Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ тутъ къ финалу. Онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, онъ вопіялъ за пролитую кровь, за кровь отца убитаго сыномъ „съ низкою цѣлью ограбленія". Онъ твердо указывалъ на трагическую и вопіющую совокупность фактовъ. „И что бы вы ни услышали отъ знаменитаго своимъ талантомъ защитника подсудимаго (не удержался Ипполитъ Кирилловичъ), какія бы ни раздались здѣсь краснорѣчивыя и трогательныя слова, бьющія въ вашу чувствительность, все же вспомните, что въ эту минуту вы въ святилищѣ нашего правосудія. Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей Россіи, ея основъ, ея семьи, ея всего святого! Да, вы здѣсь представляете Россію въ данный моментъ, и не въ одной только этой залѣ раздастся вашъ приговоръ, а на всю Россію, и вся Россія выслушаетъ васъ, какъ защитниковъ и судей своихъ, и будетъ ободрена или удручена приговоромъ вашимъ. Не мучьте же Россію и ея ожиданія, роковая тройка наша несется стремглавъ и, можетъ, къ погибели. И давно уже въ цѣлой Россіи простираютъ руки и взываютъ остановить бѣшеную безпардонную скачку. И если сторонятся пока еще другіе народы отъ скачущей сломя голову тройки, то, можетъ-быть, вовсе не отъ почтенія къ ней, какъ хотѣлось поэту, а просто отъ ужаса—это замѣтьте. Отъ ужаса, а, можетъ, и отъ омерзѣнія къ ней, да и то еще хорошо, что сторонятся, а, пожалуй, возьмутъ да и перестанутъ сторониться и станутъ твердою стѣной передъ стремящимся видѣніемъ и сами остановятъ сумасшедшую скачку нашей разнузданности, въ видахъ спасенія себя, просвѣщенія и цивилизаціи! Эти тревожные голоса изъ Европы мы уже слышали. Они раздаваться уже начинаютъ. Не соблазняйте же ихъ, не копите ихъ все нарастающей ненависти приговоромъ, оправдывающимъ убійство отца роднымъ сыномъ!.."

Однимъ словомъ, Ипполитъ Кирилловичъ, хотя и очень увлекся, но кончилъ-таки патетически—и дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное имъ, было чрезвычайное. Самъ онъ, окончивъ рѣчь свою, поспѣшно вышелъ и, повторяю, почти упалъ въ другой комнатѣ въ обморокъ. Зала не аплодировала, но серьезные люди были довольны. Не такъ довольны были только однѣ дамы, но все же и имъ понравилось краснорѣчіе, тѣмъ болѣе, что за послѣдствія

онѣ совсѣмъ не боялись и ждали всего отъ Ѳетюковича: „наконецъ-то онъ заговоритъ и ужъ, конечно, всѣхъ побѣдитъ!“ Всѣ поглядывали на Митю; всю рѣчь прокурора онъ просидѣлъ молча, сжавъ руки, стиснувъ зубы, потупившись. Изрѣдка только подымалъ голову и прислушивался. Особенно когда заговорили о Грушенькѣ. Когда прокуроръ передавалъ о ней мнѣніе Ракитина, въ лицѣ его выразилась презрительная и злобная улыбка и онъ довольно слышно проговорилъ: „Бернары!“ Когда же Ипполитъ Кирилловичъ сообщалъ о томъ, какъ онъ допрашивалъ и мучилъ его въ Мокромъ, Митя поднялъ голову и прислушивался со страшнымъ любопытствомъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи какъ будто хотѣлъ даже вскочить и что-то крикнуть, но, однако, осилилъ себя и только презрительно вскинулъ плечами. Про этотъ финалъ рѣчи, именно про подвиги прокурора въ Мокромъ, при допросѣ преступника, потомъ у насъ въ обществѣ говорили и надъ Ипполитомъ Кирилловичемъ подсмѣивались: „Не утерпѣлъ, дескать, человѣкъ, чтобы не похвастаться своими способностями“. Засѣданіе было прервано, но на очень короткій срокъ, на четверть часа, много на двадцать минутъ. Въ публикѣ раздавались разговоры и восклицанія. Я иныя запомнилъ:

— Серьезная рѣчь! нахмуренно замѣтилъ господинъ въ одной группѣ.

— Психологіи навертѣлъ ужъ много, раздался другой голосъ.

— Да вѣдь все правда, неотразимая истина!

— Да, это онъ мастеръ.

— Итогъ подвелъ.

— И намъ, и намъ тоже итогъ подвелъ, присоединился третій голосъ,—въ началѣ-то рѣчи, помните, что всѣ такіе же, какъ Ѳедоръ Павловичъ.

— И въ концѣ тоже. Только онъ это совралъ.

— Да и неясности были.

— Увлекся маленько.

— Несправедливо, несправедливо-съ.

— Ну, нѣтъ, все-таки ловко. Долго ждалъ человѣкъ, а вотъ и сказалъ, хе-хе!

— Что-то защитникъ скажетъ?

Въ другой группѣ:

— А петербургскаго-то онъ напрасно сейчасъ задѣлъ: „біющихъ-то на чувствительность“, помните?

— Да, это онъ неловко.

— Поспѣшилъ.

— Нервный человѣкъ-съ.

— Вотъ мы смѣемся, а каково подсудимому?

— Да-съ. Митенькѣ-то каково?

— А вотъ что-то защитникъ скажетъ?

Въ третьей группѣ:

— Это какая такая дама, съ лорнетомъ, толстая, съ краю сидитъ?

— Это генеральша одна, разводка, я ее знаю.

— То-то съ лорнетомъ.

— Шушера.

— Ну, нѣтъ, пикантненькая.

— Подлѣ нея черезъ два мѣста сидитъ блондиночка, та лучше.

— А ловко они его тогда въ Мокромъ накрыли, а?

— Ловко-то ловко. Опять разсказалъ. Вѣдь онъ про это здѣсь по домамъ ужъ сколько разсказывалъ.

— И теперь не утерпѣлъ. Самолюбіе.

— Обиженный человѣкъ, хе-хе!

— И обидчивый. Да и реторики много, фразы длинныя.

— Да и пугаетъ, замѣтьте, все пугаетъ. Про тройку-то помните? „Тамъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!“ Это онъ ловко.

— Это онъ либерализму подкуривалъ. Боится!

— Да и адвоката боится.

— Да, что-то скажетъ господинъ Ѳетюковичъ?

— Ну, что̀ бы ни сказалъ, а нашихъ мужичковъ не прошибетъ.

— Вы думаете?

Въ четвертой группѣ:

— А про тройку-то вѣдь у него хорошо, это гдѣ про народы-то.

— И вѣдь правда, помнишь, гдѣ онъ говоритъ, что народы не будутъ ждать.

— А что̀?

— Да въ англійскомъ парламентѣ ужъ одинъ членъ вставалъ на прошлой недѣлѣ, по поводу нигилистовъ, и спрашивалъ министерство: не пора ли ввязаться въ варварскую націю, чтобы насъ образовать. Ипполитъ это про него, я знаю, что про него. Онъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ говорилъ.

— Далеко куликамъ.

— Какимъ куликамъ? Почему далеко?

— А мы запремъ Кронштадтъ, да и не дадимъ имъ хлѣба. Гдѣ они возьмутъ?

— А въ Америкѣ? Теперь въ Америкѣ.

— Врешь.

Но зазвонилъ колокольчикъ, все бросилось на мѣста. Ѳетюковичъ взошелъ на каѳедру.

X.

Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ.

Все затихло, когда раздались первыя слова знаменитаго оратора. Вся зала впилась въ него глазами. Началъ онъ чрезвычайно прямо, просто и убѣжденно, но безъ малѣйшей заносчивости. Ни малѣйшей попытки на краснорѣчіе, на патетическія нотки, на звенящія чувствомъ словечки. Это былъ человѣкъ, заговорившій въ интимномъ кругу сочувствующихъ людей. Голосъ у него былъ прекрасный, громкій и симпатичный, и даже въ самомъ голосѣ этомъ какъ будто заслышалось уже нѣчто искреннее и простодушное. Но всѣмъ тотчасъ же стало понятно, что ораторъ можетъ вдругъ подняться до истинно патетическаго,—и „ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой". Говорилъ онъ, можетъ-быть, неправильнѣе Ипполита Кирилловича, но безъ длинныхъ фразъ и даже точнѣе. Одно не понравилось было дамамъ: онъ все какъ-то изгибался спиной, особенно въ началѣ рѣчи, не то что кланяясь, а какъ бы стремясь и летя къ своимъ слушателямъ, при чемъ нагибался именно какъ бы половиной своей длинной спины, какъ будто въ серединѣ этой длинной и тонкой спины его былъ устроенъ такой шалнеръ, такъ что она могла сгибаться чуть не подъ прямымъ угломъ. Въ началѣ рѣчи говорилъ какъ-то раскидчиво, какъ будто безъ системы, схватывая факты на разбивъ, а въ концѣ концовъ вышло цѣлое. Рѣчь его можно было бы раздѣлить на двѣ половины: первая половина—это критика, это опроверженіе обвиненія, иногда злое и саркастическое. Но во второй половинѣ рѣчи какъ бы вдругъ измѣнилъ и тонъ, и даже пріемъ свой, и разомъ возвысился до патетическаго, а зала какъ-будто ждала того и вся затрепетала отъ восторга. Онъ прямо подошелъ къ дѣлу и началъ съ того, что хотя поприще его и въ Петербургѣ, но онъ уже не первый разъ посѣщаетъ города Россіи для защиты подсудимыхъ, но такихъ, въ невинности которыхъ онъ или убѣжденъ, или предчувствуетъ ее зара-

нѣе. „То же самое произошло со мной и въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ онъ. Даже только изъ однѣхъ первоначальныхъ газетныхъ корреспонденцій мнѣ уже мелькнуло нѣчто, чрезвычайно меня поразившее въ пользу подсудимаго. Однимъ словомъ, меня прежде всего заинтересовалъ нѣкоторый юридическій фактъ, хотя и часто повторяющійся въ судебной практикѣ, но никогда, мнѣ кажется, въ такой полнотѣ и съ такими характерными особенностями, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Фактъ этотъ надо бы мнѣ формулировать лишь въ финалѣ моей рѣчи, когда я закончу мое слово, но, однако, я выскажу мою мысль и въ самомъ началѣ, ибо имѣю слабость приступать прямо къ предмету, не припрятывая эффектовъ и не экономизируя впечатлѣній. Это, можетъ-быть, съ моей стороны неразсчетливо, но зато искренно. Эта мысль моя, формула моя—слѣдующая: подавляющая совокупность фактовъ противъ подсудимаго и въ то же время ни одного факта, выдерживающаго критику, если разсматривать его единично, самого по себѣ! Слѣдя далѣе по слухамъ и по газетамъ, я утверждался въ моей мысли все болѣе и болѣе, и вдругъ я получилъ отъ родныхъ подсудимаго приглашеніе защищать его. Я тотчасъ же поспѣшилъ сюда и здѣсь окончательно убѣдился. Вотъ, чтобы разбить эту страшную совокупность фактовъ и выставить недоказанность и фантастичность каждаго обвиняющаго факта въ отдѣльности, я и взялся защищать это дѣло“.

Такъ началъ защитникъ и вдругъ возгласилъ:

„Господа присяжные засѣдатели, я здѣсь человѣкъ свѣжій. Всѣ впечатлѣнія легли на меня не предвзято. Подсудимый, буйный характеромъ и разнузданный, не обидѣлъ меня предварительно, какъ сотню, можетъ-быть, лицъ въ этомъ городѣ, отчего многіе и предубѣждены противъ него заранѣе. Конечно, и я сознаюсь, что нравственное чувство здѣшняго общества возбуждено справедливо: подсудимый буенъ и необузданъ. Въ здѣшнемъ обществѣ его, однакоже, принимали, даже въ семействѣ высокоталантливаго обвинителя онъ былъ обласканъ. (Nota bene. При этихъ словахъ въ публикѣ раздались два-три смѣшка, хотя и быстро подавленные, но всѣми замѣченные. Всѣмъ у насъ было извѣстно, что прокуроръ допускалъ къ себѣ Митю противъ воли, потому единственно, что его, почему-то, находила любопытнымъ прокурорша,—дама въ высшей степени добродѣтельная и почтенная, но

фантастическая и своенравная и любившая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно въ мелочахъ, оппонировать своему супругу. Митя, впрочемъ, посѣщалъ ихъ домъ довольно рѣдко). Тѣмъ не менѣе я осмѣлюсь допустить, продолжалъ защитникъ,—что даже и въ такомъ независимомъ умѣ и справедливомъ характерѣ, какъ у моего оппонента, могло составиться противъ моего несчастнаго кліента нѣкоторое ошибочное предубѣжденіе. О, это такъ натурально: несчастный слишкомъ заслужилъ, чтобы къ нему относились даже съ предубѣжденіемъ. Оскорбленное же нравственное и еще пуще того эстетическое чувство иногда бываетъ неумолимо. Конечно, въ высокоталантливой обвинительной рѣчи мы услышали всѣ строгій анализъ характера и поступковъ подсудимаго, строгое критическое отношеніе къ дѣлу, а, главное, выставлены были такія психологическія глубины для объясненія намъ сути дѣла, что проникновеніе въ эти глубины не могло бы вовсе состояться при сколько-нибудь намѣренно и злостно предубѣжденномъ отношеніи къ личности подсудимаго. Но вѣдь есть вещи, которыя даже хуже, даже гибельнѣе въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ самое злостное и преднамѣренное отношеніе къ дѣлу. Именно, если насъ, напримѣръ, обуяетъ нѣкоторая, такъ сказать, художественная игра, потребность художественнаго творчества, такъ сказать, созданія романа, особенно при богатствѣ психологическихъ даровъ, которыми Богъ одѣлилъ наши способности. Еще въ Петербургѣ, еще только собираясь сюда, я былъ предваренъ—да и самъ зналъ безо всякаго предваренія, что встрѣчу здѣсь оппонентомъ глубокаго и тончайшаго психолога, давно уже заслужившаго этимъ качествомъ своимъ нѣкоторую особливую славу въ нашемъ молодомъ еще юридическомъ мірѣ. Но вѣдь психологія, господа, хоть и глубокая вещь, а, все-таки, похожа на палку о двухъ концахъ (смѣшокъ въ публикѣ). О, вы, конечно, простите мнѣ тривіальное сравненіе мое; я слишкомъ краснорѣчиво говорить не мастеръ. Но вотъ, однакоже, примѣръ — беру первый попавшійся изъ рѣчи обвинителя. Подсудимый, ночью, въ саду, убѣгая, перелѣзаетъ черезъ заборъ и повергаетъ мѣднымъ пестомъ вцѣпившагося въ его ногу лакея. Затѣмъ тотчасъ же соскакиваетъ обратно въ садъ и цѣлыхъ пять минутъ хлопочетъ надъ поверженнымъ, стараясь угадать: убилъ онъ его или нѣтъ? И вотъ обвинитель ни за что не хочетъ

повѣрить въ справедливость показанія подсудимаго, что соскочилъ онъ къ старику Григорію изъ жалости. „Нѣтъ, дескать, можетъ ли быть такая чувствительность въ такую минуту; это-де неестественно, а соскочилъ онъ именно для того, чтобъ убѣдиться: живъ или убитъ единственный свидѣтель его злодѣянія, а, стало-быть, тѣмъ и засвидѣтельствовалъ, что онъ совершилъ это злодѣяніе, такъ какъ не могъ соскочить въ садъ по какому-нибудь другому поводу, влеченію или чувству". Вотъ психологія; но возьмемъ ту же самую психологію и приложимъ ее къ дѣлу, но только съ другого конца, и выйдетъ совсѣмъ не менѣе правдоподобно. Убійца соскакиваетъ внизъ изъ предосторожности, чтобъ убѣдиться, живъ или нѣтъ свидѣтель, а между тѣмъ только что оставилъ въ кабинетѣ убитаго имъ отца своего, по свидѣтельству самого же обвинителя, колоссальную на себя улику въ видѣ разорваннаго пакета, на которомъ было написано, что въ немъ лежали три тысячи. „Вѣдь унеси онъ этотъ пакетъ съ собою, то никто бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ и существовалъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что, стало-быть, деньги были ограблены подсудимымъ". Это изреченіе самого обвинителя. Ну, такъ на одно, видите ли, не хватило предосторожности, потерялся человѣкъ, испугался и убѣжалъ, оставивъ на полу улику, а какъ вотъ минуты двѣ спустя ударилъ и убилъ другого человѣка, то тутъ сейчасъ же является самое безсердечное и разсчетливое чувство предосторожности къ нашимъ услугамъ. Но пусть, пусть это такъ и было: въ томъ-то-де и тонкость психологіи, что при такихъ обстоятельствахъ я сейчасъ же кровожаденъ и зорокъ, какъ кавказскій орелъ, а въ слѣдующую минуту слѣпъ и робокъ, какъ ничтожный кротъ. Но если ужъ я такъ кровожаденъ и жестоко разсчетливъ, что, убивъ, соскочилъ лишь для того, чтобы посмотрѣть, живъ ли на меня свидѣтель или нѣтъ, то къ чему бы, кажется, возиться надъ этою новою жертвою моей цѣлыхъ пять минутъ, да еще нажить, пожалуй, новыхъ свидѣтелей? Къ чему мочить платокъ, обтирая кровь съ головы поверженнаго, съ тѣмъ, чтобы платокъ этотъ послужилъ потомъ противъ меня же уликой? Нѣтъ, если мы ужъ такъ разсчетливы и жестокосерды, то не лучше ли бы было, соскочивъ, просто огорошить поверженнаго слугу тѣмъ же самымъ пестомъ еще и еще разъ по головѣ, чтобъ ужъ убить его окончательно и, искоренивъ

свидѣтеля, снять съ сердца всякую заботу? И, наконецъ, я соскакиваю, чтобы провѣрить, живъ или нѣтъ на меня свидѣтель, и тутъ же на дорожкѣ оставляю другого свидѣтеля, именно этотъ самый пестикъ, который я захватилъ у двухъ женщинъ и которыя обѣ всегда могутъ признать потомъ этотъ пестикъ за свой, и засвидѣтельствовать, что это я у нихъ его захватилъ. И не то что забылъ его на дорожкѣ, обронилъ въ разсѣянности, въ потерянности: нѣтъ, мы именно отбросили наше оружіе, потому что нашли его шагахъ въ пятнадцати отъ того мѣста, гдѣ былъ поверженъ Григорій. Спрашивается, для чего же мы такъ сдѣлали? А вотъ именно потому и сдѣлали, что намъ горько стало, что мы человѣка убили, стараго слугу, а потомъ, въ досадѣ, съ проклятіемъ, и отбросили пестикъ, какъ оружіе убійства, иначе быть не могло, для чего же его было бросать съ такого размаху? Если же могли почувствовать боль и жалость, что человѣка убили, то, конечно, ужъ потому, что отца не убили. Убивъ отца, не соскочили бы къ другому поверженному изъ жалости, тогда уже было бы иное чувство, не до жалости было бы тогда, а до самоспасенія, и это, конечно, такъ. Напротивъ, повторяю, размозжили бы ему черепъ окончательно, а не возились бы съ нимъ пять минутъ. Явилось мѣсто жалости и доброму чувству именно потому, что была предъ тѣмъ чиста совѣсть. Вотъ, сталобыть, другая ужъ психологія. Я вѣдь нарочно, господа присяжные, прибѣгнулъ теперь самъ къ психологіи, чтобы наглядно показать, что изъ нея можно вывесть все, что̀ угодно. Все дѣло, въ какихъ она рукахъ. Психологія подзываетъ на романъ даже самыхъ серьезныхъ людей, и это совершенно невольно. Я говорю про излишнюю психологію, господа присяжные, про нѣкоторое злоупотребленіе ею".

Здѣсь опять послышались одобрительные смѣшки въ публикѣ и все по адресу прокурора. Не буду приводить всей рѣчи защитника въ подробности, возьму только нѣкоторыя изъ нея мѣста, нѣкоторые главнѣйшіе пункты.

XI.

Денегъ не было. Грабежа не было.

Былъ одинъ пунктъ, даже всѣхъ поразившій, въ рѣчи защитника,—а именно полное отрицаніе существованія

этихъ роковыхъ трехъ тысячъ рублей, а, стало-быть, и возможности ихъ грабежа.

„Господа присяжные засѣдатели, приступилъ защитникъ,—въ настоящемъ дѣлѣ всякаго свѣжаго и непредубѣжденнаго человѣка поражаетъ одна характернѣйшая особенность, а именно: обвиненіе въ грабежѣ и въ то же время совершенная невозможность фактически указать на то: что̀ именно было ограблено? Ограблены, дескать, деньги, именно три тысячи,—а существовали ли онѣ въ самомъ дѣлѣ,—этого никто не знаетъ. Разсудите: во-первыхъ, какъ мы узнали, что были три тысячи и кто ихъ видѣлъ? Видѣлъ ихъ и указалъ на то, что онѣ были уложены въ пакетъ съ надписью одинъ только слуга Смердяковъ. Онъ же сообщилъ о семъ свѣдѣніи, еще до катастрофы, подсудимому и его брату Ивану Ѳедоровичу. Дано было тоже знать г-жѣ Свѣтловой. Но всѣ эти три лица сами этихъ денегъ, однако, не видали, видѣлъ опять-таки лишь Смердяковъ; но тутъ самъ собою вопросъ: если и правда, что онѣ были и что видѣлъ ихъ Смердяковъ, то когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ? А что если баринъ эти деньги изъ-подъ постели вынулъ и опять положилъ въ шкатулку, ему не сказавши? Замѣтьте, по словамъ Смердякова, деньги лежали подъ постелью, подъ тюфякомъ; подсудимый долженъ былъ ихъ вырвать изъ-подъ тюфяка, и, однакоже, постель была ничуть не помята и объ этомъ старательно записано въ протоколѣ. Какъ могъ подсудимый совсѣмъ-таки ничего не помять и въ постели, и вдобавокъ съ окровавленными еще руками не замарать свѣжѣйшаго, тонкаго постельнаго бѣлья, кото̀рое нарочно на этотъ разъ было постлано? Но, скажутъ намъ: а пакетъ-то на полу? Вотъ объ этомъ-то пакетѣ и сто̀итъ поговорить. Давеча я былъ даже нѣсколько удивленъ: высокоталантливый обвинитель, заговоривъ объ этомъ пакетѣ, вдругъ самъ, — слышите, господа, самъ, — заявилъ про него въ своей рѣчи, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ указываетъ на нелѣпость предположенія, что убилъ Смердяковъ: „Не было бы этого пакета, не останься онъ на полу какъ улика, унеси его грабитель съ собою, то никто бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ, что былъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что, стало-быть, деньги были ограблены подсудимымъ“. Итакъ единственно только этотъ разорванный клочокъ бумаги съ надписью, даже по признанію самого

обвинителя, и послужилъ къ обвиненію подсудимаго въ грабежѣ, „иначе-де не узналъ бы никто, что былъ грабежъ, а, можетъ-быть, что были и деньги“. Но неужели одно то, что этотъ клочокъ валялся на полу, есть доказательство, что въ немъ были деньги и что деньги эти ограблены? „Но, отвѣчаютъ, вѣдь видѣлъ ихъ въ пакетѣ Смердяковъ“, но когда, когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ, вотъ объ чемъ я спрашиваю? Я говорилъ съ Смердяковымъ и онъ мнѣ сказалъ, что видѣлъ ихъ за два дня предъ катастрофой! Но почему же я не могу предположить, напримѣръ, хоть такое обстоятельство, что старикъ, Ѳедоръ Павловичъ, запершись дома, въ нетерпѣливомъ истерическомъ ожиданіи своей возлюбленной, вдругъ вздумалъ бы, отъ нечего дѣлать, вынуть пакетъ и его распечатать: „Что̀, дескать, пакетъ, еще, пожалуй, и не повѣритъ, а какъ тридцать-то радужныхъ въ одной пачкѣ ей покажу, небось сильнѣе подѣйствуетъ, потекутъ слюнки“,—и вотъ онъ разрываетъ конвертъ, вынимаетъ деньги, а конвертъ бросаетъ на полъ властной рукой хозяина и, ужъ, конечно, не боясь никакой улики. Послушайте, господа присяжные, есть ли что̀ возможнѣе такого предположенія и такого факта? Почему это невозможно? Но вѣдь если хоть что-нибудь подобное могло имѣть мѣсто, то вѣдь тогда обвиненіе въ грабежѣ само собою уничтожается: не было денегъ, не было, стало-быть, и грабежа. Если пакетъ лежалъ на полу, какъ улика, что въ немъ были деньги, то почему я не могу утверждать обратное, а именно, что пакетъ валялся на полу именно потому, что въ немъ уже не было денегъ, взятыхъ изъ него предварительно самимъ хозяиномъ? „Да, но куда-жъ, въ такомъ случаѣ, дѣлись деньги, если ихъ выбралъ изъ пакета самъ Ѳедоръ Павловичъ; въ его домѣ при обыскѣ не нашли?“ Во-первыхъ, въ шкатулкѣ у него часть денегъ нашли, а во-вторыхъ, онъ могъ вынуть ихъ еще утромъ, даже еще наканунѣ, распорядиться ими иначе, выдать ихъ, отослать, измѣнить, наконецъ, свою мысль, свой планъ дѣйствій въ самомъ основаніи и при этомъ совсѣмъ даже не найдя нужнымъ докладываться объ этомъ предварительно Смердякову? А вѣдь если существуетъ хотя бы даже только возможность такого предположенія,—то какъ же можно столь настойчиво и столь твердо обвинять подсудимаго, что убійство совершено имъ для грабежа и что дѣйстви-

тельно существовалъ грабежъ? Вѣдь мы такимъ образомъ вступаемъ въ область романовъ. Вѣдь если утверждать, что такая-то вещь ограблена, то надобно указать эту вещь или, по крайней мѣрѣ, доказать непреложно, что она существовала. А ея даже никто и не видалъ. Недавно въ Петербургѣ одинъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, восемнадцати лѣтъ, мелкій разносчикъ съ лотка, вошелъ среди бѣла дня съ топоромъ въ мѣняльную лавку и съ необычайною типическою дерзостью убилъ хозяина лавки и унесъ съ собою тысячу пятьсотъ рублей денегъ. Часовъ черезъ пять онъ былъ арестованъ, на немъ, кромѣ пятнадцати рублей, которые онъ уже успѣлъ истратить, нашли всѣ эти полторы тысячи. Кромѣ того, воротившійся послѣ убійства въ лавку приказчикъ сообщилъ полиціи не только объ украденной суммѣ, но и изъ какихъ именно денегъ она состояла, то-есть сколько было кредитокъ радужныхъ, сколько синихъ, сколько красныхъ, сколько золотыхъ монетъ и какихъ именно, и вотъ на арестованномъ убійцѣ именно такія же деньги и монеты и найдены. Вдобавокъ ко всему послѣдовало полное и чистосердечное признаніе убійцы въ томъ, что онъ убилъ и унесъ съ собою эти самыя деньги. Вотъ это, господа присяжные, я называю уликой! Вотъ тутъ ужъ я знаю, вижу, осязаю деньги и не могу сказать, что ихъ нѣтъ или не было. Такъ ли въ настоящемъ случаѣ? А между тѣмъ вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти, о судьбѣ человѣка. „Такъ, скажутъ, но вѣдь онъ въ ту же ночь кутилъ, сорилъ деньгами, у него обнаружено полторы тысячи рублей,—откуда же онъ взялъ ихъ?“ Но вѣдь именно потому, что обнаружено было всего только полторы тысячи, а другой половины суммы ни за что не могли отыскать и обнаружить, именно тѣмъ и доказывается, что эти деньги могли быть совсѣмъ не тѣ, совсѣмъ никогда не бывшія ни въ какомъ пакетѣ. По расчету времени (и уже строжайшему) дознано и доказано предварительнымъ слѣдствіемъ, что подсудимый, выбѣжавъ отъ служанокъ къ чиновнику Перхотину, домой не заходилъ, да и никуда не заходилъ, а затѣмъ все время былъ на людяхъ, а, стало-быть, не могъ отдѣлить отъ трехъ тысячъ половины и куда-нибудь спрятать въ городѣ. Вотъ именно это соображеніе и было причиною предположенія обвинителя, что деньги гдѣ-то спрятаны въ расщелинѣ въ селѣ Мокромъ. Да ужъ не въ подвалахъ ли Удольфскаго замка, господа?

Ну, не фантастическое ли, не романическое ли это предположеніе? И, замѣтьте, вѣдь уничтожься только это одно предположеніе, то-есть что спрятано въ Мокромъ—и все обвиненіе въ грабежѣ взлетаетъ на воздухъ, ибо гдѣ же, куда же дѣвались тогда эти полторы тысячи? Какимъ чудомъ онѣ могли исчезнуть, если доказано, что подсудимый никуда не заходилъ? И такими-то романами мы готовы погубить жизнь человѣческую! Скажутъ: „все-таки онъ не умѣлъ объяснить, гдѣ взялъ эти полторы тысячи, которыя на немъ обнаружены; кромѣ того всѣ знали, что до этой ночи у него не было денегъ". А кто же это зналъ? Но подсудимый далъ ясное и твердое показаніе о томъ, откуда взялъ деньги и, если хотите, господа присяжные засѣдатели, если хотите—никогда ничего не могло и не можетъ-быть вѣроятнѣе этого показанія и, кромѣ того, болѣе совмѣстнаго съ характеромъ и душой подсудимаго. Обвиненію понравился собственный романъ: человѣкъ съ слабою волей, рѣшившійся взять три тысячи, столь позорно ему предложенныя невѣстой его, не могъ, дескать, отдѣлить половину и зашить ее въ ладонку, напротивъ, если бъ и зашилъ, то расшивалъ бы каждые два дня и отколупывалъ бы по сотнѣ и, такимъ образомъ, извелъ бы все въ одинъ мѣсяцъ. Вспомните, все это было изложено тономъ, нетерпящимъ никакихъ возраженій. Ну, а что̀ если дѣло происходило вовсе не такъ, а ну, какъ вы создали романъ, а въ немъ совсѣмъ другое лицо? Въ томъ-то и дѣло, что вы создали другое лицо! Возразятъ, пожалуй: „Есть свидѣтели, что онъ прокутилъ въ селѣ Мокромъ всѣ эти три тысячи, взятыя у г-жи Верховцевой, за мѣсяцъ предъ катастрофой, разомъ, какъ одну копейку, стало-быть, не могъ отдѣлить отъ нихъ половину". Но кто же эти свидѣтели? Степень достовѣрности этихъ свидѣтелей на судѣ уже обнаружилась. Кромѣ того, въ чужой рукѣ ломоть всегда больше кажется. Наконецъ, никто изъ этихъ свидѣтелей денегъ этихъ самъ не считалъ, а лишь судилъ на свой глазъ. Вѣдь показалъ же свидѣтель Максимовъ, что у подсудимаго было въ рукахъ двадцать тысячъ. Видите, господа присяжные, такъ какъ психологія о двухъ концахъ, то ужъ позвольте мнѣ и тутъ другой конецъ приложить и посмотримъ, то ли выйдетъ.

„За мѣсяцъ до катастрофы подсудимому были вѣрены для отсылки по почтѣ три тысячи рублей г-жею Верхов-

цевой, но вопросъ: справедливо ли, что были ввѣрены съ такимъ позоромъ и съ такимъ униженіемъ, какъ провозглашено было давеча? Въ первомъ показаніи о томъ же предметѣ у г-жи Верховцевой выходило не такъ, совершенно не такъ; во второмъ же показаніи мы слышали лишь крики озлобленія, отмщенія, крики долго таившейся ненависти. Но ужъ одно то, что свидѣтельница разъ въ первомъ показаніи своемъ показала невѣрно, даетъ право намъ заключить, что и второе показаніе могло быть невѣрно. Обвинитель „не хочетъ, не смѣетъ“ (его слова) дотрогиваться до этого романа. Ну, и пусть, я тоже не стану дотрогиваться, но, однако, позволю себѣ лишь замѣтить, что если чистая и высоконравственная особа, какова, безспорно, и есть высокоуважаемая г-жа Верховцева, если такая особа, говорю я, позволяетъ себѣ вдругъ разомъ, на судѣ, измѣнить первое свое показаніе, съ прямою цѣлью погубить подсудимаго, то ясно и то, что это показаніе ея было сдѣлано не безпристрастно, не хладнокровно. Неужели же у насъ отнимутъ право заключить, что отмщавшая женщина могла многое преувеличить? Да, именно преувеличить тотъ стыдъ и позоръ, съ которымъ были ею предложены деньги. Напротивъ, онѣ были предложены именно такъ, что ихъ еще можно было принять, особенно такому легкомысленному человѣку, какъ нашъ подсудимый. Главное, онъ имѣлъ тогда въ виду скорое полученіе отъ отца этихъ должныхъ ему по расчету трехъ тысячъ. Это легкомысленно, но именно по легкомыслію своему онъ и былъ твердо увѣренъ, что тотъ ихъ выдастъ ему, что онъ ихъ получитъ и, стало-быть, всегда можетъ отправить ввѣренныя ему г-жею Верховцевой деньги по почтѣ и расквитаться съ долгомъ. Но обвинитель ни за что не хочетъ допустить, что онъ могъ въ тотъ же день, въ день обвиненія, отдѣлить изъ полученныхъ денегъ половину и зашить въ ладонку: „Не таковъ, дескать, это характеръ, не могъ имѣть такихъ чувствъ“. Но вѣдь сами же вы кричали, что широкъ Карамазовъ, сами же вы кричали про двѣ крайнія бездны, которыя можетъ созерцать Карамазовъ. Карамазовъ именно такая натура о двухъ сторонахъ, о двухъ безднахъ, что при самой безудержной потребности кутежа можетъ остановиться, если что-нибудь его поразитъ съ другой стороны. А вѣдь другая-то сторона, любовь,—именно вотъ эта новая загорѣвшаяся тогда какъ порохъ любовь, а на эту любовь нужны деньги, и

нужнѣе, о! гораздо нужнѣе, чѣмъ даже на кутежъ съ этою самою возлюбленною. Скажетъ она ему: „Твоя, не хочу Ѳедора Павловича“, и онъ схватитъ ее и увезетъ,— такъ было бы на что увезти. Это вѣдь важнѣе кутежа. Карамазову ль этого не понять? Да онъ именно этимъ и боленъ былъ, этою заботой, — что жъ невѣроятнаго, что онъ отдѣлилъ эти деньги и припряталъ на всякій случай? Но вотъ, однако, время уходитъ, а Ѳедоръ Павловичъ трехъ тысячъ подсудимому не выдаетъ, напротивъ, слышно, что опредѣлилъ ихъ именно на то, чтобы сманить ими его же возлюбленную. „Если не отдастъ Ѳедоръ Павловичъ, думаетъ онъ, то вѣдь я передъ Катериной Ивановной выйду воромъ“. И вотъ у него рождается мысль, что эти же полторы тысячи, которыя онъ продолжаетъ носить на себѣ въ этой ладонкѣ, онъ придетъ, положитъ предъ г-жею Верховцевой и скажетъ ей: „Я подлецъ, но не воръ“. И вотъ, стало-быть, уже двойная причина хранить эти полторы тысячи какъ зѣницу ока, отнюдь не расшивать ладонку и не отколупывать по сту рублей. Отчего откажете вы подсудимому въ чувствѣ чести? Нѣтъ, чувство чести въ немъ есть, положимъ, неправильное, положимъ, весьма часто ошибочное, но оно есть, есть до страсти, и онъ доказалъ это. Но вотъ, однакоже, дѣло усложняется, мученія ревности достигаютъ высшей степени, и все тѣ же, все прежніе два вопроса обрисовываются все мучительнѣе и мучительнѣе въ воспаленномъ мозгу подсудимаго. „Отдамъ Катеринѣ Ивановнѣ: на какія же средства увезу я Грушеньку?“ Если онъ безумствовалъ такъ, и напивался, и бушевалъ по трактирамъ во весь этотъ мѣсяцъ, то это именно, можетъ-быть, потому, что самому было горько, не въ мочь переносить. Эти два вопроса до того, наконецъ, обострились, что довели его, наконецъ, до отчаянія. Онъ послалъ было своего младшаго брата къ отцу просить у него эти три тысячи въ послѣдній разъ, но, не дождавшись отвѣта, ворвался самъ и кончилъ тѣмъ, что избилъ старика при свидѣтеляхъ. Послѣ этого получить, значитъ, уже не у кого, избитый отецъ не дастъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ бьетъ себя по груди, именно по верхней части груди, гдѣ эта ладонка, и клянется брату, что у него есть средство не быть подлецомъ, но что все-таки онъ останется подлецомъ, ибо предвидитъ, что не воспользуется средствомъ, не хватитъ силы душевной, не хва-

тить характера. Почему, почему обвиненіе не вѣритъ показанію Алексѣя Карамазова, данному такъ чисто, такъ искренно, неподготовленно и правдоподобно? Почему, напротивъ, заставляетъ меня вѣрить деньгамъ въ какой-то расщелинѣ, въ подвалахъ Удольфскаго замка? Въ тотъ же вечеръ, послѣ разговора съ братомъ, подсудимый пишетъ это роковое письмо, и вотъ это-то письмо и есть самое главное, самое колоссальное уличеніе подсудимаго въ грабежѣ! „Буду просить у всѣхъ людей, а не дадутъ люди, убью отца и возьму у него подъ тюфякомъ, въ пакетѣ съ розовою ленточкой, только бы уѣхалъ Иванъ“— полная-де программа убійства, какъ же не онъ? „Совершилось по написанному!“ восклицаетъ обвиненіе. Но, вопервыхъ, письмо пьяное и написано въ страшномъ раздраженіи: во-вторыхъ, опять-таки о пакетѣ онъ пишетъ со словъ Смердякова, потому что самъ пакета не видалъ, а въ-третьихъ, написано-то оно написано, но совершилось ли по написанному, это чѣмъ доказать? Досталъ ли подсудимый пакетъ подъ подушкой, нашелъ ли деньги, существовали ли онѣ даже? Да и за деньгами ли подсудимый побѣжалъ, припомните, припомните! Онъ побѣжалъ сломя голову не грабить, а лишь узнать, гдѣ она, эта женщина, и его сокрушившая,—не по программѣ, стало-быть, не по написанному онъ побѣжалъ, то-есть не для обдуманнаго грабежа, а побѣжалъ внезапно, нечаянно, въ ревнивомъ бѣшенствѣ! „Да, скажутъ, но все-таки, прибѣжавъ и убивъ, захватилъ и деньги“. Да, наконецъ, убилъ ли онъ еще или нѣтъ? Обвиненіе въ грабежѣ я отвергаю съ негодованіемъ: нельзя обвинять въ грабежѣ, если нельзя указать съ точностью, что именно ограблено, это аксіома! Но убилъ ли еще онъ, безъ грабежа-то убилъ ли? Это-то доказано ли? Ужъ не романъ ли и это?“

XII.

Да и убійства не было.

„Позвольте, господа присяжные, тутъ жизнь человѣческая и надо быть осторожнѣе. Мы слышали, какъ обвиненіе само засвидѣтельствовало, что до самаго послѣдняго дня, до сегодня, до дня суда, колебалось обвинить подсудимаго въ полной и совершенной преднамѣренности убійства, колебалось до самаго этого роковаго „пьянаго“ письма, представленнаго сегодня суду. „Совершилось какъ по писанному!“ Но опять-таки повторяю: онъ побѣжалъ

къ ней, за ней, единственно только узнать, гдѣ она? Вѣдь это фактъ непреложный. Случись она дома, онъ никуда бы не побѣжалъ, а остался при ней и не сдержалъ бы того, что въ письмѣ обѣщалъ. Онъ побѣжалъ нечаянно и внезапно, а о „пьяномъ“ письмѣ своемъ онъ, можетъ-быть, вовсе тогда и не помнилъ. „Захватилъ, дескать, пестикъ“ — и, помните, какъ изъ этого одного пестика намъ вывели цѣлую психологію, почему-де онъ долженъ былъ принять этотъ пестикъ за оружіе, схватить его какъ оружіе, и проч., и проч. Тутъ мнѣ приходитъ въ голову одна самая обыкновенная мысль: ну, что если бъ этотъ пестикъ лежалъ не на виду, не на полкѣ, съ которой схватилъ его подсудимый, а былъ прибранъ въ шкапъ,— вѣдь подсудимому не мелькнулъ бы онъ тогда въ глаза и онъ бы убѣжалъ безъ оружія, съ пустыми руками, и вотъ, можетъ-быть, никого бы тогда не убилъ. Какимъ же образомъ я могу заключать о пестикѣ, какъ о доказательствѣ вооруженія и преднамѣренія? Да, но онъ кричалъ по трактирамъ, что убьетъ отца, а за два дня, въ тотъ вечеръ, когда написалъ свое пьяное письмо, былъ тихъ и поссорился въ трактирѣ лишь съ однимъ только купеческимъ приказчикомъ, „потому-де, что Карамазовъ не могъ не поссориться“. А я отвѣчу на это, что ужъ если замыслилъ такое убійство, да еще по плану, по написанному, то ужъ навѣрно бы не поссорился и съ приказчикомъ, да, можетъ-быть, и въ трактиръ не зашелъ бы вовсе, потому что душа, замыслившая такое дѣло, ищетъ тишины и стушевки, ищетъ исчезновенія, чтобы не видали, чтобы не слыхали: „Забудьте-де обо мнѣ, если можете“, и это не по расчету только, а по инстинкту. Господа присяжные, психологія о двухъ концахъ и мы тоже умѣемъ понимать психологію. Что же до всѣхъ этихъ трактирныхъ криковъ во весь этотъ мѣсяцъ, то мало ли разъ кричатъ дѣти, али пьяные гуляки, выходя изъ кабаковъ и ссорясь другъ съ другомъ: „Я убью тебя“, но вѣдь не убиваютъ же. Да и самое это роковое письмо, — ну, не пьяное ли оно раздраженіе тоже, не крикъ ли изъ кабака выходящаго: „убью, дескать, всѣхъ васъ убью!“ Почему не такъ, почему не могло быть такъ? Почему это письмо роковое, почему, напротивъ, оно не смѣшное? А вотъ именно потому, что найденъ трупъ убитаго отца, потому что свидѣтель видѣлъ подсудимаго въ саду, вооруженнаго и убѣгающаго, и самъ былъ поверженъ имъ, стало-быть, и со-

вершилось все по написанному, а потому и письмо не смѣшное, а роковое. Слава Богу, мы дошли до точки „коли былъ въ саду, значитъ, онъ и убилъ“. Этими двумя словечками: коли *былъ*, такъ ужъ непремѣнно и *значитъ*, все исчерпывается, все обвиненіе—„былъ, такъ и значитъ“. А если не *значитъ*, хотя бы и былъ? О, я согласенъ, что совокупность фактовъ, совпаденіе фактовъ дѣйствительно довольно краснорѣчивы. Но разсмотрите, однако, всѣ эти факты отдѣльно, не гнушаясь ихъ совокупностью: почему, напримѣръ, обвиненіе ни за что не хочетъ допустить правдивости показанія подсудимаго, что онъ убѣжалъ отъ отцова окошка? Вспомните даже сарказмы, въ которые пускается здѣсь обвиненіе насчетъ почтительности и „благочестивыхъ“ чувствъ, вдругъ обуявшихъ убійцу. А что если и въ самомъ дѣлѣ тутъ было нѣчто подобное, то-есть хоть не почтительность чувствъ, но благочестивость чувствъ? „Должно быть, мать за меня замолила въ эту минуту“, показываетъ на слѣдствіи подсудимый, и вотъ онъ убѣжалъ, чуть лишь увѣрился, что Свѣтловой у отца въ домѣ нѣтъ. „Но онъ не могъ увѣриться чрезъ окно“, возражаетъ намъ обвиненіе. А почему же не могъ? Вѣдь окно отворилось же на поданные подсудимымъ знаки. Тутъ могло быть произнесено одно какое-нибудь такое слово Ѳедоромъ Павловичемъ, могъ вырваться какой-нибудь такой крикъ—и подсудимый могъ вдругъ удостовѣриться, что Свѣтловой тутъ нѣтъ. Почему непремѣнно предполагать такъ, какъ мы воображаемъ, какъ предположили воображать? Въ дѣйствительности можетъ мелькнуть тысяча вещей, ускользающихъ отъ наблюденія самаго тонкаго романиста. „Да, но Григорій видѣлъ дверь отворенною, а, стало-быть, подсудимый былъ въ домѣ навѣрно, а, стало-быть, и убилъ“. Объ этой двери, господа присяжные... Видите ли, объ отворенной этой двери свидѣтельствуетъ лишь одно лицо, бывшее, однако, въ то время въ такомъ состояніи само, что... Но пусть, пусть была дверь отворена, пусть подсудимый отперся, солгалъ изъ чувства самозащиты, столь понятнаго въ его положеніи, пусть, пусть онъ проникъ въ домъ, былъ въ домѣ, — ну, и что же, почему же непремѣнно коли былъ, то и убилъ? Онъ могъ ворваться, пробѣжать по комнатамъ, могъ оттолкнуть отца, могъ даже ударить отца, но, удостовѣрившись, что Свѣтловой нѣтъ у него, убѣжалъ, радуясь, что ея нѣтъ и что убѣжалъ,

отца не убивъ. Именно потому, можетъ-быть, и соскочилъ черезъ минуту съ забора къ поверженному имъ въ азартѣ Григорію, что въ состояніи былъ ощущать чувство чистое, чувство сострадания и жалости, потому что убѣжалъ отъ искушенія убить отца, потому что ощущалъ въ себѣ сердце чистое и радость, что не убилъ отца. Краснорѣчиво до ужаса описываетъ намъ обвинитель страшное состояніе подсудимаго въ селѣ Мокромъ, когда любовь вновь открылась ему, зовя его въ новую жизнь, и когда ему уже нельзя было любить, потому что сзади былъ окровавленный трупъ отца его, а за трупомъ казнь. И, однакоже, обвинитель все-таки допустилъ любовь, которую и объяснилъ по своей психологіи: „Пьяное, дескать, состояніе, преступника везутъ на казнь, еще долго ждать, и пр., и пр.“ Но не другое ли вы создали лицо, господинъ обвинитель, опять-таки спрашиваю? Такъ ли, такъ ли грубъ и бездушенъ подсудимый, что могъ еще думать въ тотъ моментъ о любви и о виляніи предъ судомъ, если бы дѣйствительно на немъ была кровь отца? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только что открылось, что она его любитъ, зоветъ съ собою, сулитъ ему новое счастье,—о, клянусь, онъ долженъ былъ тогда почувствовать двойную, тройную потребность убить себя и убилъ бы себя непремѣнно, если бы сзади его лежалъ трупъ отца! О, нѣтъ, не забылъ бы, гдѣ лежатъ его пистолеты! Я знаю подсудимаго: дикая, деревянная безсердечность, взведенная на него обвиненіемъ, не совмѣстна съ его характеромъ. Онъ бы убилъ себя, это навѣрно; онъ не убилъ себя именно потому, что „мать замолила о немъ“ и сердце его было неповинно въ крови отца. Онъ мучился, онъ горевалъ въ ту ночь въ Мокромъ лишь о поверженномъ старикѣ Григоріи и молилъ про себя Бога, чтобы старикъ всталъ и очнулся, чтобъ ударъ его былъ не смертеленъ и миновала бы казнь за него Почему не принять такое толкованіе событій? Какое мы имѣемъ твердое доказательство, что подсудимый намъ лжетъ? А вотъ трупъ-то отца, укажутъ намъ тотчасъ же снова: онъ выбѣжалъ, онъ не убилъ, ну, такъ кто же убилъ старика?

„Повторяю, тутъ вся логика обвиненія: кто же убилъ, какъ не онъ? Некого, дескать, поставить вмѣсто него. Господа присяжные засѣдатели, такъ ли это? Вирямь ли, дѣйствительно ли ужъ такъ-таки совсѣмъ некого поставить? Мы слышали, какъ обвиненіе перечло по пальцамъ

всѣхъ бывшихъ и всѣхъ перебывавшихъ въ ту ночь въ этомъ домѣ. Нашлось пять человѣкъ. Трое изъ нихъ, я согласенъ, вполнѣ невмѣняемы: это самъ убитый, старикъ Григорій и жена его. Остаются, стало-быть, подсудимый и Смердяковъ, и вотъ обвинитель съ паѳосомъ восклицаетъ, что подсудимый потому указываетъ на Смердякова, что не на кого больше ему указать, что будь тутъ кто-нибудь шестой, даже призракъ какого-либо шестого, то подсудимый самъ бы тотчасъ бросилъ обвинять Смердякова, устыдившись сего, а показалъ бы на этого шестого. Но, господа присяжные, почему бы я не могъ заключить совершенно обратно. Стоятъ двое: подсудимый и Смердяковъ, — почему же мнѣ не сказать, что вы обвиняете моего кліента единственно потому, что вамъ некого обвинить? А некого лишь потому, что вы совершенно предвзято заранѣе исключили Смердякова изъ всякаго подозрѣнія. Да, правда, на Смердякова показываютъ лишь самъ подсудимый, два брата его, Свѣтлова и только. Но вѣдь есть же и еще кое-кто изъ показывающихъ: это нѣкоторое хотя и неясное броженіе въ обществѣ какого-то вопроса, какого-то подозрѣнія, слышенъ какой-то неясный слухъ, чувствуется, что существуетъ какое-то ожиданіе. Наконецъ, свидѣтельствуетъ и нѣкоторое сопоставленіе фактовъ весьма характерное, хотя, признаюсь, и неопредѣленное: во-первыхъ, этотъ припадокъ падучей болѣзни именно въ день катастрофы, припадокъ, который такъ старательно принужденъ былъ почему-то защищать и отстаивать обвинитель. Затѣмъ это внезапное самоубійство Смердякова наканунѣ суда. Затѣмъ не менѣе внезапное показаніе старшаго брата подсудимаго, сегодня на судѣ, до сихъ поръ вѣрившаго въ виновность брата и вдругъ приносящаго деньги и тоже провозгласившаго опять-таки имя Смердякова какъ убійцы? О, я вполнѣ убѣжденъ вмѣстѣ съ судомъ и съ прокуратурой, что Иванъ Карамазовъ больной и въ горячкѣ, что показаніе его дѣйствительно могло быть отчаянною попыткой, замышленною притомъ же въ бреду, спасти брата, сваливъ на умершаго. Но однакоже все-таки произнесено имя Смердякова, опять-таки какъ будто слышится что-то загадочное. Что-то какъ-будто тутъ недоговорено, господа присяжные, и не покончено. И, можетъ быть, еще договорится. Но объ этомъ пока останемъ, это еще впереди. Судъ рѣшилъ давеча продолжать засѣданіе, но теперь пока, въ ожиданіи, я бы могъ кое-

что, однако, замѣтить, напримѣръ, по поводу характеристики покойнаго Смердякова, столь тонко и столь талантливо очерченной обвинителемъ. Но, удивляясь таланту, не могу, однакоже, вполнѣ согласиться съ сущностью характеристики. Я былъ у Смердякова, я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совсѣмъ иное. Здоровьемъ онъ былъ слабъ, это правда, по характеромъ, но сердцемъ,—о, нѣтъ, это вовсе не столь слабый былъ человѣкъ, какъ заключило о немъ обвиненіе. Особенно не нашелъ я въ немъ робости, той робости, которую такъ характерно описывалъ намъ обвинитель. Простодушія же въ немъ не было вовсе, напротивъ, я нашелъ страшную недовѣрчивость, прячущуюся подъ наивностью, и умъ способный весьма многое созерцать. О! обвиненіе слишкомъ простодушно почло его слабоумнымъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе совершенно опредѣленное: я ушелъ съ убѣжденіемъ, что существо это рѣшительно злобное, непомѣрно-честолюбивое, мстительное и злобно завистливое. Я собралъ кой-какія свѣдѣнія: онъ ненавидѣлъ происхожденіе свое, стыдился его и со скрежетомъ зубовъ припоминалъ, что „отъ Смердящей произошелъ". Къ слугѣ Григорію и къ женѣ его, бывшимъ благодѣтелямъ его дѣтства, онъ былъ непочтителенъ. Россію проклиналъ и надъ нею смѣялся. Онъ мечталъ уѣхать во Францію, съ тѣмъ, чтобы передѣлаться во француза. Онъ много и часто толковалъ еще прежде, что на это недостаетъ ему средствъ. Мнѣ кажется, онъ никого не любилъ, кромѣ себя, уважалъ же себя до странности высоко. Просвѣщеніе видѣлъ въ хорошемъ платьѣ, въ чистыхъ манишкахъ и въ вычищенныхъ сапогахъ. Считая себя самъ (и на это есть факты) незаконнымъ сыномъ Ѳедора Павловича, онъ могъ ненавидѣть свое положеніе сравнительно съ законными дѣтьми своего господина: имъ, дескать, все, а ему ничего, имъ всѣ права, имъ наслѣдство, а онъ только поваръ. Онъ повѣдалъ мнѣ, что самъ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, укладывалъ деньги въ пакетъ. Назначеніе этой суммы,—суммы, которая могла бы составить его карьеру,—было, конечно, ему ненавистно. Къ тому же онъ увидалъ три тысячи рублей въ свѣтленькихъ радужныхъ кредиткахъ (я объ этомъ нарочно спросилъ его). О, не показывайте никогда завистливому и самолюбивому человѣку большихъ денегъ разомъ, а онъ въ первый разъ увидалъ такую сумму въ одной рукѣ. Впе-

чатлѣніе радужной пачки могло болѣзненно отразиться въ его воображеніи, на первый разъ пока безо всякихъ послѣдствій. Высокоталантливый обвинитель съ необыкновенною тонкостью очертилъ намъ всѣ pro и contra предположенія о возможности обвинить Смердякова въ убійствѣ и особенно спрашивалъ: для чего тому было притворяться въ падучей? Да, но вѣдь онъ могъ и не притворяться вовсе, припадокъ могъ придти совсѣмъ натурально, но вѣдь могъ же и пройти совсѣмъ натурально, и больной могъ очнуться. Положимъ, не вылѣчиться, но все же когда-нибудь придти въ себя и очнуться, какъ и бываетъ въ падучей. Обвиненіе спрашиваетъ: гдѣ моментъ совершенія Смердяковымъ убійства? Но указать этотъ моментъ чрезвычайно легко. Онъ могъ очнуться и встать отъ глубокаго сна (ибо онъ былъ только во снѣ: послѣ припадковъ падучей болѣзни всегда нападаетъ глубокій сонъ), именно въ то мгновеніе, когда старикъ Григорій, схвативъ за ногу на заборѣ убѣгающаго подсудимаго, завопилъ на всю окрестность: „Отцеубивецъ!“ Крикъ-то этотъ необычайный, въ тиши и во мракѣ, и могъ разбудить Смердякова, сонъ котораго къ тому времени могъ быть и не очень крѣпокъ: онъ естественно могъ уже часъ тому какъ начать просыпаться. Вставъ съ постели, онъ отправляется почти безсознательно и безо всякаго намѣренія на крикъ посмотрѣть, что̀ такое. Въ его головѣ болѣзненный чадъ, соображеніе еще дремлетъ, но вотъ онъ въ саду, подходитъ къ освѣщеннымъ окнамъ и слышитъ страшную вѣсть отъ барина, который, конечно, ему обрадовался. Соображеніе разомъ загорается въ головѣ его. Отъ испуганнаго барина онъ узнаетъ всѣ подробности. И вотъ постепенно, въ разстроенномъ и больномъ мозгу его созидается мысль,— страшная, но соблазнительная и неотразимо логическая: убить, взять три тысячи денегъ и свалить все потомъ на барченка: на кого же подумаютъ теперь, какъ не на барченка, кого же могутъ обвинить, какъ не барченка, всѣ улики, онъ тутъ былъ? Страшная жажда денегъ, добычи, могла захватить ему духъ, вмѣстѣ съ соображеніемъ о безнаказанности. О, эти внезапные и неотразимые порывы такъ часто приходятъ при случаѣ, и, главное, приходятъ внезапно такимъ убійцамъ, которые еще за минуту не знали, что захотятъ убить! И вотъ Смердяковъ могъ войти къ барину и исполнить свой планъ, чѣмъ, какимъ оружіемъ,—а первымъ камнемъ, который онъ поднялъ въ

саду. Но для чего же, съ какою-же цѣлью? А три-то тысячи, вѣдь это карьера. О! я не противорѣчу себѣ: деньги могли быть и существовать. И даже, можетъ быть, Смердяковъ-то одинъ и зналъ гдѣ ихъ найти, гдѣ именно онѣ лежатъ у барина. „Ну, а обложка денегъ, а разорванный на полу пакетъ?“ Давеча, когда обвинитель, говоря объ этомъ пакетѣ, изложилъ чрезвычайно тонкое соображеніе свое о томъ, что оставить его на полу могъ именно воръ непривычный, именно такой, какъ Карамазовъ, а совсѣмъ уже не Смердяковъ, который бы ни за что не оставилъ на себя такую улику—давеча, господа присяжные, я, слушая, вдругъ почувствовалъ, что слышу что-то чрезвычайно знакомое. И, представьте себѣ, именно это самое соображеніе, эту догадку о томъ, какъ бы могъ поступить Карамазовъ съ пакетомъ, я уже слышалъ ровно за два дня до того отъ самого Смердякова, мало того, онъ даже тѣмъ поразилъ меня: мнѣ именно показалось, что онъ фальшиво наивничаетъ, забѣгаетъ впередъ, навязываетъ эту мысль мнѣ, чтобъ я самъ вывелъ это самое соображеніе, и мнѣ его какъ будто подсказываетъ. Не подсказалъ ли онъ это соображеніе и слѣдствію? Не навязалъ ли его и высокоталантливому обвинителю? Скажутъ: а старуха жена Григорія? Вѣдь она же слышала, какъ больной подлѣ нея стоналъ во всю ночь. Такъ, слышала, но вѣдь соображеніе это чрезвычайно шаткое. Я зналъ одну даму, которая горько жаловалась, что ее всю ночь будила на дворѣ шавка и не давала ей спать. И, однако, бѣдная собачонка, какъ извѣстно стало, тявкнула всего только раза два-три во всю ночь. И это естественно; человѣкъ спитъ и вдругъ слышитъ стонъ, онъ просыпается въ досадѣ, что его разбудили, но засыпаетъ мгновенно снова. Часа черезъ два опять стонъ, опять просыпается и опять засыпаетъ; наконецъ, еще разъ стонъ, и опять черезъ два часа, всего въ ночь раза три. На утро спящій встаетъ и жалуется, что кто-то всю ночь, стоналъ и его безпрерывно будилъ. Но непремѣнно такъ и должно ему показаться; промежутки сна, по два часа каждый, онъ проспалъ и не помнитъ, а запомнилъ лишь минуты своего пробужденія, вотъ ему и кажется, что его будили всю ночь. Но почему, почему, восклицаетъ обвиненіе, Смердяковъ не признался въ посмертной запискѣ? „На одно-де хватило совѣсти, а на другое нѣтъ“. Но позвольте: совѣсть—это уже раскаяніе, но раскаянія могло и не быть у самоубійцы, а было

лишь отчаяніе. Отчаяніе и раскаяніе—двѣ вещи совершенно различныя. Отчаяніе можетъ быть злобное и непримиримое, и самоубійца, накладывая на себя руки, въ этотъ моментъ могъ вдвойнѣ ненавидѣть тѣхъ, кому всю жизнь завидовалъ. Господа присяжные засѣдатели, поберегитесь судебной ошибки! Чѣмъ, чѣмъ неправдоподобно все то, что я вамъ сейчасъ представилъ и изобразилъ? Найдите ошибку въ моемъ изложеніи, найдите невозможность, абсурдъ? Но если есть хотя тѣнь возможности, хотя тѣнь правдоподобія въ моихъ предположеніяхъ—удержитесь отъ приговора. А тутъ развѣ тѣнь только? Клянусь всѣмъ священнымъ, я вполнѣ вѣрю въ мое, въ представленное вамъ сейчасъ, толкованіе объ убійствѣ. А, главное, главное, меня смущаетъ и выводитъ изъ себя все та же мысль, что изо всей массы фактовъ, нагроможденныхъ обвиненіемъ на подсудимаго, нѣтъ ни единаго, хоть сколько-нибудь точнаго и неотразимаго, а что гибнетъ несчастный единственно по совокупности этихъ фактовъ. Да, эта совокупность ужасна; эта кровь, эта съ пальцевъ текущая кровь, бѣлье въ крови, эта темная ночь, оглашаемая воплемъ „отцеубивецъ!“ и кричащій, падающій съ проломленною головой, а затѣмъ эта масса изреченій, показаній, жестовъ, криковъ,—о, это такъ вліяетъ, такъ можетъ подкупить убѣжденіе, но ваше ли, господа присяжные засѣдатели, ваше ли убѣжденіе подкупить можетъ? Вспомните, вамъ дана необъятная власть вязать и рѣшить. Но чѣмъ сильнѣе власть, тѣмъ страшнѣе ея приложеніе! Я ни на іоту не отступаю отъ сказаннаго мною сейчасъ, но ужъ пусть, такъ и быть, пусть на минуту и я соглашаюсь съ обвиненіемъ, что несчастный кліентъ мой обагрилъ свои руки въ крови отца. Это только предположеніе, повторяю, я ни на мигъ не сомнѣваюсь въ его невиновности, но ужъ, такъ и быть, предположу, что мой подсудимый виновенъ въ отцеубійствѣ, но выслушайте, однако, мое слово, если бы даже я и допустилъ такое предположеніе. У меня лежитъ на сердцѣ высказать вамъ еще нѣчто, ибо я предчувствую и въ вашихъ сердцахъ и умахъ большую борьбу... Простите мнѣ это слово, господа присяжные засѣдатели, о вашихъ сердцахъ и умахъ. Но я хочу быть правдивымъ и искреннимъ до конца. Будемъ же всѣ искренни!“

Въ этомъ мѣстѣ защитника прервалъ довольно сильный аплодисментъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія слова свои онъ

произнесъ съ такою искренне прозвучавшею нотой, что всѣ почувствовали, что, можетъ-быть, дѣйствительно ему есть что̀ сказать и что то, что̀ онъ скажетъ сейчасъ, есть и самое важное. Но предсѣдатель, заслышавъ аплодисментъ, громко пригрозилъ „очистить“ залу суда, если еще разъ повторится „подобный случай“. Все затихло, а Ѳетюковичъ началъ какимъ-то новымъ, проникновеннымъ голосомъ, совсѣмъ не тѣмъ, которымъ говорилъ до сихъ поръ.

XIII.

Прелюбодѣй мысли.

„Не совокупность только фактовъ губитъ моего кліента, господа присяжные засѣдатели, возгласилъ онъ, — нѣтъ, моего кліента губитъ, по-настоящему, одинъ лишь фактъ: это — трупъ старика отца! Будь простое убійство, и вы при ничтожности, при бездоказательности, при фантастичности фактовъ, если разсматривать каждый изъ нихъ въ отдѣльности, а не въ совокупности, — отвергли бы обвиненіе, по крайней мѣрѣ, усомнились бы губить судьбу человѣка по одному лишь предубѣжденію противъ него, которое, увы, онъ такъ заслужилъ! Но тутъ не простое убійство, а отцеубійство! Это импонируетъ, и до такой степени, что даже самая ничтожность и бездоказательность обвиняющихъ фактовъ становится уже не столь ничтожною и не столь бездоказательною, и это въ самомъ предубѣжденномъ даже умѣ. Ну какъ оправдать такого подсудимаго? А ну, какъ онъ убилъ и уйдетъ ненаказаннымъ,—вотъ что̀ чувствуетъ каждый въ сердцѣ своемъ почти невольно, инстинктивно. Да, страшная вещь пролить кровь отца, — кровь родившаго, кровь любившаго, кровь жизни своей для меня не жалѣвшаго, съ дѣтскихъ лѣтъ моими болѣзнями болѣвшаго, всю жизнь за мое счастье страдавшаго, и лишь моими радостями, моими успѣхами жившаго! О, убить такого отца—да это невозможно и помыслить! Господа присяжные, что̀ такое отецъ, настоящій отецъ, что̀ это за слово такое великое, какая страшно великая идея въ наименованіи этомъ? Мы сейчасъ только указали отчасти, что̀ такое и чѣмъ долженъ быть истинный отецъ. Въ настоящемъ же дѣлѣ, которымъ мы такъ всѣ теперь заняты, которымъ болятъ наши души, — въ настоящемъ дѣлѣ отецъ, покойный Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, нисколько не подходилъ подъ

то понятіе объ отцѣ, которое сейчасъ сказалось нашему сердцу. Это бѣда. Да, дѣйствительно, иной отецъ похожъ на бѣду. Разсмотримъ же эту бѣду поближе, — вѣдь ничего не надо бояться, господа присяжные, въ виду важности предстоящаго рѣшенія. Мы даже особенно не должны бояться теперь и, такъ сказать, отмахиваться отъ иной идеи, какъ дѣти или пугливыя женщины, по счастливому выраженію высокоталантливаго обвинителя. Но въ своей горячей рѣчи, уважаемый мой противникъ (и противникъ еще прежде, чѣмъ я произнесъ мое первое слово), мой противникъ нѣсколько разъ воскликнулъ: „Нѣтъ, я никому не дамъ защищать подсудимаго, я не уступлю его защиту защитнику, пріѣхавшему изъ Петербурга, — я обвинитель, я и защитникъ!“ Вотъ что онъ нѣсколько разъ воскликнулъ и, однакоже, забылъ упомянуть, что если страшный подсудимый цѣлые двадцать три года столь благодаренъ былъ всего только за одинъ фунтъ орѣховъ, полученныхъ отъ единственнаго человѣка, приласкавшаго его ребенкомъ въ родительскомъ домѣ, то, обратно, не могъ же вѣдь такой человѣкъ и не помнить, всѣ эти двадцать три года, какъ онъ бѣгалъ босой у отца „на заднемъ дворѣ, безъ сапожекъ, и въ панталончикахъ на одной пуговкѣ“, по выраженію человѣколюбиваго доктора Герценштубе. О, господа присяжные, зачѣмъ намъ разсматривать ближе эту „бѣду“, повторять то, что всѣ уже знаютъ! Что встрѣтилъ мой кліентъ, пріѣхавъ сюда къ отцу? И зачѣмъ, зачѣмъ изображать моего кліента безчувственнымъ, эгоистомъ, чудовищемъ? Онъ безудерженъ, онъ дикъ и буенъ, вотъ мы теперь его судимъ за это, а кто виноватъ въ судьбѣ его, кто виноватъ, что при хорошихъ наклонностяхъ, при благодарномъ чувствительномъ сердцѣ, онъ получилъ такое нелѣпое воспитаніе? Училъ ли его кто-нибудь уму-разуму, просвѣщенъ ли онъ въ наукахъ, любилъ ли кто его хоть сколько-нибудь въ его дѣтствѣ? Мой кліентъ росъ покровительствомъ Божіимъ, то-есть какъ дикій звѣрь. Онъ, можетъ-быть, жаждалъ увидѣть отца послѣ долголѣтней разлуки, онъ, можетъ-быть, тысячу разъ передъ тѣмъ, вспоминая какъ сквозь сонъ свое дѣтство, отгонялъ отвратительные призраки, приснившіеся ему въ его дѣтствѣ и всею душой жаждалъ оправдать и обнять отца своего! И что жъ? Его встрѣчаютъ однѣми циническими насмѣшками, подозрительностью и крючкотворствомъ изъ-за спорныхъ денегъ;

онъ слышитъ лишь разговоры и житейскія правила, отъ которыхъ воротитъ сердце, ежедневно „за коньячкомъ“, и, наконецъ, зритъ отца, отбивающаго у него, у сына, на его же сыновнія деньги, любовницу,—о, господа присяжные, это отвратительно и жестоко! И этотъ же старикъ всѣмъ жалуется на непочтительность и жестокость сына, мараетъ его въ обществѣ, вредитъ ему, клевещетъ на него, скупаетъ его долговыя расписки, чтобы посадить его въ тюрьму! Господа присяжные, эти души, эти на видъ жестокосердые, буйные и безудержные люди, какъ мой кліентъ, бываютъ, и это чаще всего, чрезвычайно нѣжны сердцемъ, только этого не выказываютъ. Не смѣйтесь, не смѣйтесь надъ моей идеей! Талантливый обвинитель смѣялся давеча надъ моимъ кліентомъ безжалостно, выставляя, что онъ любитъ Шиллера, любитъ „прекрасное и высокое“. Я бы не сталъ надъ этимъ смѣяться на его мѣстѣ, на мѣстѣ обвинителя! Да, эти сердца, — о, дайте мнѣ защитить эти сердца, столь рѣдко и столь несправедливо понимаемыя,—эти сердца весьма часто жаждутъ нѣжнаго, прекраснаго и справедливаго, и именно, какъ бы въ контрастъ себѣ, своему буйству, своей жестокости,— жаждутъ безсознательно, и именно жаждутъ. Страстные и жестокіе снаружи, они до мученія способны полюбить, напримѣръ, женщину, и непремѣнно духовною и высшею любовью. Опять-таки не смѣйтесь надо мной: это именно такъ всего чаще бываетъ въ этихъ натурахъ. Онѣ только не могутъ скрыть свою страстность, подчасъ очень грубую, — вотъ это и поражаетъ, вотъ это и замѣчаютъ, а внутри человѣка не видятъ. Напротивъ, всѣ ихъ страсти утоляются быстро, но около благороднаго, прекраснаго существа, этотъ, повидимому, грубый и жестокій человѣкъ ищетъ обновленія, ищетъ возможности исправиться, стать лучшимъ, сдѣлаться высокимъ и честнымъ,—„высокимъ и прекраснымъ“, какъ ни осмѣяно это слово! Давеча я сказалъ, что не позволю себѣ дотронуться до романа моего кліента съ г-жею Верховцевой! Но, однако, полслова-то можно сказать: мы слышали, давеча, не показаніе, а лишь крикъ изступленной и отмщающей женщины, и не ей, о, не ей, укорять бы въ измѣнѣ, потому что она сама измѣнила. Если бъ имѣла хоть сколько-нибудь времени, чтобъ одуматься, не дала бы она такого свидѣтельства! О, не вѣрьте ей, нѣтъ, не „извергъ“ кліентъ мой, какъ она его называла! Распятый Человѣколюбецъ,

взбираясь на крестъ Свой, говорилъ: „Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы, да ни одна не погибнетъ". Не погубимъ и мы души человѣческой! Я спрашивалъ сейчасъ, что̀ такое отецъ, и воскликнулъ, что это великое слово, драгоцѣнное наименованіе. Но со словомъ, господа присяжные, надо обращаться честно, и я позволю назвать предметъ собственнымъ его словомъ, собственнымъ наименованіемъ: такой отецъ, какъ убитый старикъ Карамазовъ, не можетъ и не достоинъ называться отцомъ. Любовь къ отцу, не оправданная отцомъ, есть нелѣпость, есть невозможность. Нельзя создать любовь изъ ничего, изъ ничего только Богъ творитъ. „Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ", пишетъ изъ пламенѣющаго любовью сердца своего апостолъ. Не ради моего кліента привожу теперь эти святыя слова, я для всѣхъ отцовъ вспоминаю ихъ. Кто мнѣ далъ эту власть, чтобъ учить отцовъ? Никто. Но какъ человѣкъ и гражданинъ взываю—vivos voco! Мы на землѣ не долго, мы дѣлаемъ много дѣлъ дурныхъ и говоримъ много словъ дурныхъ. А потому будемъ же всѣ ловить удобную минуту совмѣстнаго общенія нашего, чтобы сказать другъ другу и хорошее слово. Такъ и я: пока я на этомъ мѣстѣ, я пользуюсь моей минутой. Недаромъ эта трибуна дарована намъ высшею волей—съ нея слышитъ насъ вся Россія. Не для здѣшнихъ только отцовъ говорю, а ко всѣмъ отцамъ восклицаю: „Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ!" Да, исполнимъ прежде сами завѣтъ Христовъ и тогда только разрѣшимъ себѣ спрашивать и съ дѣтей нашихъ! Иначе мы не отцы, а враги дѣтямъ нашимъ, а они не дѣти наши, а враги намъ и мы сами себѣ сдѣлали ихъ врагами! „Въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ" — это не я уже говорю, это Евангеліе предписываетъ: мѣрить въ ту мѣру, въ которую и вамъ мѣряютъ. Какъ же винить дѣтей, если они намъ мѣряютъ въ нашу мѣру? Недавно въ Финляндіи одна дѣвица, служанка, была заподозрѣна, что она тайно родила ребенка. Стали слѣдить за нею и на чердакѣ дома, въ углу за кирпичами, нашли ея сундукъ, про который никто не зналъ, его отперли и вынули изъ него трупикъ новорожденнаго и убитаго ею младенца. Въ томъ же сундукѣ нашли два скелета уже рожденныхъ прежде сю младенцевъ и ею же убитыхъ въ минуту рожденія, въ чемъ она и повинилась. Господа присяжные, это ли мать дѣтей

своихъ? Да, она ихъ родила, но мать ли она имъ? Осмѣлится ли кто изъ насъ произнести надъ ней священное имя матери? Будемъ смѣлы, господа присяжные, будемъ дерзки даже, мы даже обязаны быть таковыми въ настоящую минуту и не бояться иныхъ словъ и идей, подобно московскимъ купчихамъ, боящимся „металла“ и „жупела“. Нѣтъ, докажемъ, напротивъ, что прогрессъ послѣднихъ лѣтъ коснулся и нашего развитія, и скажемъ прямо: родившій не есть еще отецъ, а отецъ есть—родившій и заслужившій. О, конечно, есть и другое значеніе, другое толкованіе слова отецъ, требующее, чтобъ отецъ мой, хотя бы и извергъ, хотя бы и злодѣй своимъ дѣтямъ, оставался бы все-таки моимъ отцомъ, потому только, что онъ родилъ меня. Но это значеніе уже, такъ сказать, мистическое, которое я не понимаю умомъ, а могу принять лишь вѣрой, или, вѣрнѣе сказать, *на вѣру*, подобно многому другому, чего не понимаю, но чему религія повелѣваетъ мнѣ, однакоже, вѣрить. Но въ такомъ случаѣ это пусть и останется внѣ области дѣйствительной жизни. Въ области же дѣйствительной жизни, которая имѣетъ не только свои права, но и сама налагаетъ великія обязанности,—въ этой области мы, если хотимъ быть гуманными, христіанами, наконецъ, мы должны и обязаны проводить убѣжденія лишь оправданныя разсудкомъ и опытомъ, проведенныя чрезъ горнило анализа, словомъ, дѣйствовать разумно, а не безумно, какъ во снѣ и въ бреду, чтобы не нанести вреда человѣку, чтобы не измучить и не погубить человѣка. Вотъ, вотъ тогда это и будетъ настоящимъ христіанскимъ дѣломъ, не мистическимъ только, а разумнымъ и уже истинно человѣколюбивымъ дѣломъ“...

Въ этомъ мѣстѣ сорвались было сильныя рукоплесканія изъ многихъ концовъ залы, но Оетюковичъ даже замахалъ руками, какъ бы умоляя не прерывать и чтобы дали ему договорить. Все тотчасъ затихло. Ораторъ продолжалъ:

„Думаете ли вы, господа присяжные, что такіе вопросы могутъ миновать дѣтей нашихъ, положимъ, уже юношей, положимъ, уже начинающихъ разсуждать? Нѣтъ, не могутъ, и не будемъ спрашивать отъ нихъ невозможнаго воздержанія! Видъ отца недостойнаго, особенно сравнительно съ отцами другими, достойными, у другихъ дѣтей, его сверстниковъ, невольно подсказываетъ юношѣ вопросы мучительные. Ему по-казенному отвѣчаютъ на эти во-

просы: „Онъ родилъ тебя и ты кровь его, а потому ты и долженъ любить его“. Юноша невольно задумывается: „Да развѣ онъ любилъ меня, когда рождалъ, спрашиваетъ онъ, удивляясь все болѣе и болѣе, развѣ для меня онъ родилъ меня: онъ не зналъ ни меня, ни даже пола моего въ ту минуту, въ минуту страсти, можетъ-быть, разгоряченной виномъ, и только развѣ передалъ мнѣ склонность къ пьянству,—вотъ всѣ его благодѣянія... Зачѣмъ же я долженъ любить его за то только, что онъ родилъ меня, а потомъ всю жизнь не любилъ меня“. О, вамъ, можетъ-быть, представляются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте же отъ юнаго ума воздержанія невозможнаго: „Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“,— а главное, главное не будемъ бояться „металла“ и „жупела“ и рѣшимъ вопросъ такъ, какъ предписываетъ разумъ и человѣколюбіе, а не такъ, какъ предписываютъ мистическія понятія. Какъ же рѣшить его? А вотъ какъ: пусть сынъ станетъ предъ отцомъ своимъ и осмысленно спроситъ его самого: „Отецъ, скажи мнѣ: для чего я долженъ любить тебя? Отецъ, докажи мнѣ, что я долженъ любить тебя?“—и если этотъ отецъ въ силахъ и въ состояніи будетъ отвѣтить и доказать ему,—то вотъ и настоящая нормальная семья, не на предразсудкѣ лишь мистическомъ утверждающаяся, а на основаніяхъ разумныхъ, самоотчетныхъ и строго гуманныхъ. Въ противномъ случаѣ, если не докажетъ отецъ—конецъ тотчасъ же этой семьѣ: онъ не отецъ ему, а сынъ получаетъ свободу и право впредь считать отца своего за чужого себѣ и даже врагомъ своимъ. Наша трибуна, господа присяжные, должна быть школой истины и здравыхъ понятій!“

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ рукоплесканіями неудержимыми, почти изступленными. Конечно, аплодировала не вся зала, но половина-то залы все-таки аплодировала. Аплодировали отцы и матери. Сверху, гдѣ сидѣли дамы, слышались визги и крики. Махали платками. Предсѣдатель изо всей силы началъ звонить въ колокольчикъ. Онъ былъ видимо раздраженъ поведеніемъ залы, но „очистить“ залу, какъ угрожалъ недавно, рѣшительно не посмѣлъ: аплодировали и махали платками оратору даже сзади сидѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички со звѣздами на фракахъ, такъ что, когда угомонился шумъ, предсѣдатель удовольствовался лишь прежнимъ строжайшимъ обѣщаніемъ „очистить“ залу, а торжествующій и

взволнованный Остюковичъ сталъ опять продолжать свою рѣчь:

„Господа присяжные засѣдатели, вы помните ту страшную ночь, о которой такъ много еще сегодня говорили, когда сынъ, черезъ заборъ, проникъ въ домъ отца и сталъ, наконецъ, лицомъ къ лицу съ своимъ, родившимъ его, врагомъ и обидчикомъ. Изо всѣхъ силъ настаиваю—не за деньгами онъ прибѣжалъ въ ту минуту: обвиненіе въ грабежѣ есть нелѣпость, какъ я уже и изложилъ прежде. И не убить, о нѣтъ, вломился онъ къ нему; если бъ имѣлъ преднамѣренно этотъ умыселъ, то озаботился бы, по крайней мѣрѣ, заранѣе хоть оружіемъ, а мѣдный пестъ онъ схватилъ инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ. Пусть онъ обманулъ отца знаками, пусть онъ проникъ къ нему,—я сказалъ уже, что ни на одну минуту не вѣрю этой легендѣ, но пусть, такъ и быть, предположимъ ее на одну минуту! Господа присяжные, клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято, будь это не отецъ ему, а посторонній обидчикъ, онъ, пробѣжавъ по комнатамъ и удостовѣрясь, что этой женщины нѣтъ въ этомъ домѣ, онъ убѣжалъ бы стремглавъ, не сдѣлавъ сопернику своему никакого вреда, ударилъ бы, толкнулъ его, можетъ-быть, но и только, ибо ему было не до того, ему было некогда, ему надо было знать, гдѣ она. Но отецъ, отецъ—о, все сдѣлалъ лишь видъ отца, его ненавистника съ дѣтства, его врага, его обидчика, а теперь—чудовищнаго соперника! Ненавистное чувство охватило его невольно, неудержимо, разсуждать нельзя было: все поднялось въ одну минуту! Это былъ аффектъ безумства и помѣшательства, но и аффектъ природы, мстящей за свои вѣчные законы безудержно и безсознательно, какъ и все въ природѣ. Но убійца и тутъ не убилъ,—я утверждаю это, я кричу про это,—нѣтъ, онъ лишь махнулъ пестомъ въ омерзительномъ негодованіи, не желая убить, не зная, что убьетъ. Не будь этого рокового песта въ рукахъ его и онъ бы только избилъ отца, можетъ-быть, но не убилъ бы его. Убѣжавъ, онъ не зналъ, убитъ ли поверженный имъ старикъ. Такое убійство не есть убійство. Такое убійство не есть и отцеубійство. Нѣтъ, убійство такого отца не можетъ быть названо отцеубійствомъ. Такое убійство можетъ быть причтено къ отцеубійству лишь по предразсудку! Но было ли, было ли это убійство въ самомъ дѣлѣ, взываю я къ вамъ снова и снова изъ глубины души моей! Господа присяж-

ные, вотъ мы осудимъ его и онъ скажетъ себѣ: „Эти люди ничего не сдѣлали для судьбы моей, для воспитанія, для образованія моего, чтобы сдѣлать меня лучшимъ, чтобы сдѣлать меня человѣкомъ. Эти люди не накормили и не напоили меня, и въ темницѣ нагого не посѣтили, и вотъ они же сослали меня въ каторгу. Я сквитался, я ничего имъ теперь не долженъ и никому не долженъ во вѣки вѣковъ. Они злы, и я буду золъ. Они жестоки, и я буду жестокъ“. Вотъ что̀ онъ скажетъ, господа присяжные! И клянусь: обвиненіемъ вашимъ вы только облегчите его, совѣсть его облегчите, онъ будетъ проклинать пролитую имъ кровь, а не сожалѣть о ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы погубите въ немъ возможнаго еще человѣка, ибо онъ останется золъ и слѣпъ на всю жизнь. Но хотите ли вы наказать его страшно, грозно, самымъ ужаснымъ наказаніемъ, какое только можно вообразить, но съ тѣмъ чтобы спасти и возродить его душу навѣки? Если такъ, то подавите его вашимъ милосердіемъ! Вы увидите, вы услышите, какъ вздрогнетъ и ужаснется душа его: Мнѣ ли снести эту милость, мнѣ ли столько любви, я ли достоинъ ея,—вотъ что̀ онъ воскликнетъ! О, я знаю, я знаю это сердце, это дикое, но благородное сердце, господа присяжные. Оно преклонится предъ вашимъ подвигомъ, оно жаждетъ великаго акта любви, оно загорится и воскреснетъ навѣки. Есть души, которыя въ ограниченности своей обвиняютъ весь свѣтъ. Но подавите эту душу милосердіемъ, окажите ей любовь, и она проклянетъ свое дѣло, ибо въ ней столько добрыхъ зачатковъ. Душа расширится и узритъ, какъ Богъ милосердъ и какъ люди прекрасны и справедливы. Его ужаснетъ, его подавитъ раскаяніе и безчисленный долгъ, предстоящій ему отселѣ. И не скажетъ онъ тогда: „Я сквитался“, а скажетъ: „Я виноватъ предъ всѣми людьми и всѣхъ людей недостойнѣе“. Въ слезахъ раскаянія и жгучаго страдальческаго умиленія онъ воскликнетъ: „Люди лучше, чѣмъ я, ибо захотѣли не погубить, а спасти меня!“ О, вамъ такъ легко это сдѣлать, этотъ актъ милосердія, ибо при отсутствіи всякихъ чуть-чуть похожихъ на правду уликъ вамъ слишкомъ тяжело будетъ произнести: „Да, виновенъ“. Лучше отпустить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго—слышите ли, слышите ли вы этотъ величавый голосъ изъ прошлаго столѣтія нашей славной исторіи? Мнѣ ли, ничтожному, напоминать вамъ, что русскій судъ

есть не кара только, но и спасеніе человѣка погибшаго! Пусть у другихъ народовъ буква и кара, у насъ же духъ и смыслъ, спасеніе и возрожденіе погибшихъ. И если такъ, если дѣйствительно такова Россія и судъ ея, то—впередъ Россія, и не пугайте, о не пугайте насъ вашими бѣшеными тройками, отъ которыхъ омерзительно сторонятся всѣ народы! Не бѣшеная тройка, а величавая русская колесница торжественно и спокойно прибудетъ къ цѣли. Въ вашихъ рукахъ судьба моего кліента, въ вашихъ рукахъ и судьба нашей правды русской. Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете, что есть кому ее соблюсти, что она въ хорошихъ рукахъ!"

XIV.

Мужички за себя постояли.

Такъ кончилъ Ѳетюковичъ, и разразившійся на этотъ разъ восторгъ слушателей былъ неудержимъ, какъ буря. Было уже и немыслимо сдержать его: женщины плакали, плакали и многіе изъ мужчинъ, даже два сановника пролили слезы. Предсѣдатель покорился и даже помедлилъ звонить въ колокольчикъ: „Посягать на такой энтузіазмъ значило бы посягать на святыню", какъ кричали потомъ у насъ дамы. Самъ ораторъ былъ искренно растроганъ. И вотъ въ такую-то минуту и поднялся еще разъ „обмѣняться возраженіями" нашъ Ипполитъ Кирилловичъ. Его завидѣли съ ненавистью: „Какъ? Что̀ это? Это онъ-то смѣетъ еще возражать?" залепетали дамы. Но если бы даже залепетали дамы цѣлаго міра, и въ ихъ главѣ сама прокурорша, супруга Ипполита Кирилловича, то и тогда бы его нельзя было удержать въ это мгновеніе. Онъ былъ блѣденъ, онъ сотрясался отъ волненія; первыя слова, первыя фразы, выговоренныя имъ, были даже и непонятны; онъ задыхался, плохо выговаривалъ, сбивался. Впрочемъ, скоро поправился. Но изъ этой второй рѣчи его я приведу лишь нѣсколько фразъ.

„...Насъ упрекаютъ, что мы насоздавали романовъ. А что̀ же у защитника, какъ не романъ на романѣ? Недоставало только стиховъ. Ѳедоръ Павловичъ, въ ожиданіи любовницы, разрываетъ конвертъ и бросаетъ его на полъ. Приводится даже, что̀ онъ говорилъ при этомъ удивительномъ случаѣ. Да развѣ это не поэма? И гдѣ доказательство, что онъ вынулъ деньги, кто слышалъ что̀ онъ говорилъ? Слабоумный идіотъ Смердяковъ, преображенный въ

какого-то байроновскаго героя, мстящаго обществу за свою незаконнорожденность,—развѣ это не поэма въ байроновскомъ вкусѣ? А сынъ, вломившійся къ отцу, убившій его, но въ то же время и не убившій, это ужъ даже и не романъ, не поэма, это сфинксъ, задающій загадки, которыя и самъ ужъ, конечно, не разрѣшитъ. Коль убилъ, такъ убилъ, а какъ же это коли убилъ, такъ не убилъ— кто пойметъ это? Затѣмъ возвѣщаютъ намъ, что наша трибуна есть трибуна истины и здравыхъ понятій, и вотъ съ этой трибуны „здравыхъ понятій" раздается съ клятвою аксіома, что называть убійство отца отцеубійствомъ есть только одинъ предразсудокъ! Но если отцеубійство есть предразсудокъ и если каждый ребенокъ будетъ допрашивать своего отца: „Отецъ, зачѣмъ я долженъ любить тебя?" — то что̀ станется съ нами, что̀ станется съ основами общества, куда дѣнется семья? Отцеубійство, это, видите ли, только „жупелъ" московской купчихи. Самые драгоцѣнные, самые священные завѣты въ назначеніи и въ будущности русскаго суда представляются извращенно и легкомысленно, чтобы только добиться цѣли, добиться оправданія того, что̀ нельзя оправдать. О, подавите его милосердіемъ, восклицаетъ защитникъ, — а преступнику только того и надо, и завтра же увидятъ, какъ онъ будетъ подавленъ! Да и не слишкомъ ли скроменъ защитникъ, требуя лишь оправданія подсудимаго? Отчего бы не потребовать учрежденія стипендіи имени отцеубійцы, для увѣковѣченія его подвига въ потомствѣ и въ молодомъ поколѣніи? Исправляются Евангеліе и религія: это, дескать, все мистика, а вотъ у насъ лишь настоящее христіанство, уже провѣренное анализомъ разсудка и здравыхъ понятій. И вотъ воздвигаютъ предъ нами лженодобіе Христа! *Въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*, восклицаетъ защитникъ и въ тотъ же мигъ выводитъ, что Христосъ заповѣдалъ мѣрить въ ту мѣру, въ которую и вамъ отмѣряютъ, — и это съ трибуны истины и здравыхъ понятій! Мы заглядываемъ въ Евангеліе лишь наканунѣ рѣчей нашихъ для того, чтобы блеснуть знакомствомъ все-таки съ довольно оригинальнымъ сочиненіемъ, которое можетъ пригодиться и послужить для нѣкотораго эффекта, по мѣрѣ надобности, все по размѣру надобности! А Христосъ именно велитъ не такъ дѣлать, беречься такъ дѣлать, потому что злобный міръ такъ дѣлаетъ, мы же должны прощать и лапиту свою подставлять, а не въ ту

же мѣру отмѣривать, въ которую мѣрятъ намъ наши обидчики. Вотъ чему училъ насъ Богъ нашъ, а не тому, что запрещать дѣтямъ убивать отцовъ есть предразсудокъ. И не станемъ мы поправлять съ каѳедры истины и здравыхъ понятій Евангеліе Бога нашего, Котораго защитникъ удостоиваетъ назвать лишь „распятымъ человѣколюбцемъ“, въ противоположность всей православной Россіи взывающей къ Нему: „Ты бо еси Богъ нашъ!..“

Тутъ предсѣдатель вступился и осадилъ увлекшагося, попросивъ его не преувеличивать, оставаться въ должныхъ границахъ и пр., и пр., какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ предсѣдатели. Да и зала была неспокойна. Публика шевелилась, даже восклицала въ негодованіи. Ѳетюковичъ даже и не возражалъ, онъ взошелъ только, чтобы, приложивъ руку къ сердцу, обиженнымъ голосомъ проговорить нѣсколько словъ, полныхъ достоинства. Онъ слегка только и насмѣшливо опять коснулся „романовъ“ и „психологіи“ и къ слову ввернулъ въ одномъ мѣстѣ: „Юпитеръ, ты сердишься, стало-быть, ты не правъ“,—чѣмъ вызвалъ одобрительный и многочисленный смѣшокъ въ публикѣ, ибо Ипполитъ Кирилловичъ уже совсѣмъ былъ не похожъ на Юпитера. Затѣмъ на обвиненіе, что будто онъ разрѣшаетъ молодому поколѣнію убивать отцовъ, Ѳетюковичъ съ глубокимъ достоинствомъ замѣтилъ, что и возражать не станетъ. Насчетъ же „Христова лжеподобія“ и того, что онъ не удостоилъ назвать Христа Богомъ, а назвалъ лишь „распятымъ человѣколюбцемъ“, что „противно-де православію и не могло быть высказано съ трибуны истины и здравыхъ понятій“ — Ѳетюковичъ намекнулъ на „инсинуацію“ и на то, что, собираясь сюда, онъ, по крайней мѣрѣ, разсчитывалъ, что здѣшняя трибуна обезпечена отъ обвиненій, „опасныхъ для моей личности, какъ гражданина и вѣрноподданнаго“... Но при этихъ словахъ предсѣдатель осадилъ и его, и Ѳетюковичъ, поклонясь, закончилъ свой отвѣтъ, продолжаемый всеобщимъ одобрительнымъ говоромъ залы. Ипполитъ же Кирилловичъ, по мнѣнію нашихъ дамъ, былъ „раздавленъ навѣки“.

Затѣмъ предоставлено было слово самому подсудимому. Митя всталъ, но сказалъ немного. Онъ былъ страшно утомленъ и тѣлесно, и духовно. Видъ независимости и силы, съ которымъ онъ появился утромъ въ залу, почти исчезъ. Онъ какъ будто что-то пережилъ въ этотъ день

на всю жизнь, научившее и вразумившее его чему-то очень важному, чего онъ прежде не понималъ. Голосъ его ослабѣлъ, онъ уже не кричалъ, какъ давеча. Въ словахъ его послышалось что-то новое, смирившееся, побѣжденное и приникшее.

„Что̀ мнѣ сказать, господа присяжные? Судъ мой пришелъ, слышу десницу Божію на себѣ. Конецъ безпутному человѣку! Но какъ Богу исповѣдуясь, и вамъ говорю: „Въ крови отца моего — нѣтъ, не виновенъ!“ Въ послѣдній разъ повторяю: „Не я убилъ! Безпутенъ былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ стремился исправиться, а жилъ дикому звѣрю подобенъ. Спасибо прокурору, многое мнѣ обо мнѣ сказалъ, чего и не зналъ я, но не правда, что убилъ отца, ошибся прокуроръ! Спасибо и защитнику, плакалъ его слушая, но не правда, что убилъ отца, и предполагать не надо было! А докторамъ не вѣрьте, я въ полномъ умѣ, только душѣ моей тяжело. Коли пощадите, коль отпустите—помолюсь за васъ. Лучшимъ стану, даю слово, передъ Богомъ его даю. А коль осудите — самъ сломаю надъ головой моей шпагу, а сломавъ поцѣлую обломки! Но пощадите, не лишите меня Бога моего, знаю себя: возропщу! Тяжело душѣ моей, господа... пощадите!“

Онъ почти упалъ на свое мѣсто, голосъ его пресѣкся, послѣднюю фразу онъ едва выговорилъ. Затѣмъ судъ приступилъ къ постановкѣ вопросовъ и началъ спрашивать у сторонъ заключеній. Но не описываю подробности. Наконецъ-то присяжные встали, чтобъ удалиться для совѣщаній. Предсѣдатель былъ очень утомленъ, а потому и сказалъ имъ очень слабое напутственное слово: „Будьте-де безпристрастны, не внушайтесь краснорѣчивыми словами защиты, но, однакоже, взвѣсьте, вспомните, что на васъ лежитъ великая обязанность“ и проч., и проч. Присяжные удалились и наступилъ перерывъ засѣданія. Можно было встать, пройтись, обмѣняться накопившимися впечатлѣніями, закусить въ буфетѣ. Было очень поздно, уже около часу пополуночи, но никто не разъѣзжался. Всѣ были такъ напряжены и настроены, что было не до покоя. Всѣ ждали, замирая сердцемъ, хотя, впрочемъ, и не всѣ замирали сердцемъ. Дамы были лишь въ истерическомъ нетерпѣніи, но сердцами были спокойны: „Оправданіе-де неминуемо“. Всѣ онѣ готовились къ эффектной минутѣ общаго энтузіазма. Признаюсь, и въ мужской половинѣ залы было чрезвычайно много убѣжденныхъ въ неминуе-

момъ оправданіи. Иные радовались, другіе же хмурились, а иные такъ просто повѣсили носы: не хотѣлось имъ оправданія! Самъ Ѳетюковичъ былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ былъ окруженъ, принималъ поздравленія, передъ нимъ заискивали.

— Есть, сказалъ онъ въ одной группѣ, какъ передавали потомъ, — есть эти невидимыя нити, связующія защитника съ присяжными. Онѣ завязываются и предчувствуются еще во время рѣчи. Я ощутилъ ихъ, онѣ существуютъ. Дѣло наше, будьте спокойны.

— А вотъ что-то наши мужички теперь скажутъ? проговорилъ одинъ нахмуренный, толстый и рябой господинъ, подгородный помѣщикъ, подходя къ одной группѣ разговаривавшихъ господъ.

— Да вѣдь не одни мужички. Тамъ четыре чиновника.

— Да, вотъ, чиновники, проговорилъ, подходя, членъ земской управы.

— А вы Назарьева-то, Прохора Ивановича, знаете, вотъ этотъ купецъ-то съ медалью, присяжный-то?

— А что?

— Ума палата.

— Да онъ все молчитъ.

— Молчитъ-то молчитъ, да вѣдь тѣмъ и лучше. Не то что петербургскому его учить, самъ весь Петербургъ научитъ, двѣнадцать человѣкъ дѣтей, подумайте!

— Да помилуйте, неужто не оправдаютъ? кричалъ въ другой группѣ одинъ изъ молодыхъ нашихъ чиновниковъ.

— Оправдаютъ навѣрно, послышался рѣшительный голосъ.

— Стыдно, позорно было бы не оправдать! восклицалъ чиновникъ.—Пусть онъ убилъ, но вѣдь отецъ и отецъ! И, наконецъ, онъ былъ въ такомъ изступленіи... Онъ дѣйствительно могъ только махнуть пестомъ, и тотъ повалился. Плохо только, что лакея тутъ притянули. Это просто смѣшной эпизодъ. Я бы на мѣстѣ защитника такъ прямо и сказалъ: убилъ, но не виновенъ. вотъ и чортъ съ вами!

— Да онъ такъ и сдѣлалъ, только „чортъ съ вами“ не сказалъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Семенычъ, почти что сказалъ,—подхватилъ третій голосокъ.

— Помилуйте, господа, вѣдь оправдали же у насъ ве-

ликимъ постомъ актрису, которая законной женѣ своего любовника горло перерѣзала.

— Да вѣдь не дорѣзала.

— Все равно, все равно, начала рѣзать!

— А про дѣтей-то какъ онъ? Великолѣпно!

— Великолѣпно.

— Ну, а про мистику-то, про мистику-то, а?

— Да полноте вы о мистикѣ,—вскричалъ еще кто-то,— вы вникните въ Ипполита-то, въ судьбу-то его отселева дня! Вѣдь ему завтрашній день его прокурорша за Митеньку глаза выцарапаетъ.

— А она здѣсь?

— Чего здѣсь? Была бы здѣсь, здѣсь бы и выцарапала. Дома сидитъ, зубы болятъ. Хе-хе-хе!

— Хе-хе-хе!

Въ третьей группѣ.

— А вѣдь Митеньку-то, пожалуй, и оправдаютъ.

— Чего добраго, завтра весь „Столичный городъ“ разнесетъ, десять дней пьянствовать будетъ.

— Эхъ, вѣдь чортъ!

— Да чортъ-то чортъ, безъ чорта не обошлось, гдѣ жъ ему и быть какъ не тутъ.

— Господа, положимъ, краснорѣчіе. Но вѣдь нельзя же и отцамъ ломать головы безменами. Иначе до чего же дойдемъ?

— Колесница-то, колесница-то, помните?

— Да, изъ телѣги колесницу сдѣлалъ.

— А завтра изъ колесницы телѣгу, „по мѣрѣ надобности, все по мѣрѣ надобности“.

— Ловкій народъ пошелъ. Правда-то есть у насъ на Руси, господа, али нѣтъ ея вовсе?

Но зазвонилъ колокольчикъ. Присяжные совѣщались ровно часъ, ни больше, ни меньше. Глубокое молчаніе воцарилось, только что усѣлась снова публика. Помню, какъ присяжные вступили въ залу. Наконецъ-то! Не привожу вопросовъ по пунктамъ, да я ихъ и забылъ. Я помню лишь отвѣтъ на первый и главный вопросъ предсѣдателя, то-есть „убилъ ли съ цѣлью грабежа преднамѣренно?“ (текста не помню). Все замерло. Старшина присяжныхъ, именно тотъ чиновникъ, который былъ всѣхъ моложе, громко и ясно, при мертвенной тишинѣ залы, провозгласилъ:

— Да, виновенъ!

И потомъ по всѣмъ пунктамъ пошло все то же: виновенъ, да виновенъ, и это безъ малѣйшаго снисхожденія! Этого ужъ никто не ожидалъ, въ снисхожденіи-то, по крайней мѣрѣ, почти всѣ были увѣрены. Мертвая тишина залы не прерывалась, буквально какъ бы всѣ окаменѣли—и жаждавшіе осужденія, и жаждавшіе оправданія. Но это только въ первыя минуты. Затѣмъ поднялся страшный хаосъ. Изъ мужской публики много оказалось очень довольныхъ. Иные такъ даже потирали руки, не скрывая своей радости. Недовольные были какъ бы подавлены, пожимали плечами, шептались, но какъ будто все еще не сообразившись. Но, Боже мой, что̀ сталось съ нашими дамами. Я думалъ, что онѣ сдѣлаютъ бунтъ. Сначала онѣ какъ бы не вѣрили ушамъ своимъ. И вдругъ, на всю залу, послышались восклицанія: „Да что̀ это такое? Это еще что̀ такое?“ Онѣ повскакали съ мѣстъ своихъ. Имъ вѣрно казалось, что все это сейчасъ же можно опять перемѣнить и передѣлать. Въ это мгновеніе вдругъ поднялся Митя и какимъ-то раздирающимъ воплемъ прокричалъ, простирая предъ собой руки:

— Клянусь Богомъ и страшнымъ судомъ Его, въ крови отца моего не виновенъ! Катя, прощаю тебѣ! Братья, други, пощадите другую!

Онъ не договорилъ и зарыдалъ на всю залу, въ голосъ, страшно, какимъ-то не своимъ, а новымъ, неожиданнымъ какимъ-то голосомъ, который Богъ знаетъ откуда вдругъ у него явился. На хорахъ, наверху, въ самомъ заднемъ углу раздался пронзительный женскій вопль: это была Грушенька. Она умолила кого-то еще давеча и ее вновь пропустили въ залу еще предъ началомъ судебныхъ преній. Митю увели. Произнесеніе приговора было отложено до завтра. Вся зала поднялась въ суматохѣ, но я уже не ждалъ и не слушалъ. Запомнилъ лишь нѣсколько восклицаній, уже на крыльцѣ, при выходѣ.

— Двадцать лѣтъ рудничковъ понюхаетъ.

— Не меньше.

— Да-съ, мужички наши за себя постояли.

— И покончили нашего Митеньку!

Эпилогъ.

I.

Проекты спасти Митю.

На пятый день послѣ суда надъ Митей, очень рано утромъ, еще въ девятомъ часу, пришелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ Алеша, чтобъ сговориться окончательно о нѣкоторомъ важномъ для нихъ обоихъ дѣлѣ и имѣя, сверхъ того, къ ней порученіе. Она сидѣла и говорила съ нимъ въ той самой комнатѣ, въ которой принимала когда-то Грушеньку; рядомъ же, въ другой комнатѣ, лежалъ въ горячкѣ и въ безпамятствѣ Иванъ Ѳедоровичъ. Катерина Ивановна сейчасъ же послѣ тогдашней сцены въ судѣ велѣла перенести больного и потерявшаго сознаніе Ивана Ѳедоровича къ себѣ въ домъ, пренебрегая всякимъ будущимъ и неизбѣжнымъ говоромъ общества и его осужденіемъ. Одна изъ двухъ родственницъ ея, которыя съ ней проживали, уѣхала тотчасъ же послѣ сцены въ судѣ въ Москву, другая осталась. Но если бъ и обѣ уѣхали, Катерина Ивановна не измѣнила бы своего рѣшенія и осталась бы ухаживать за больнымъ и сидѣть надъ нимъ день и ночь. Лѣчили его Варвинскій и Герценштубе; московскій же докторъ уѣхалъ обратно въ Москву, отказавшись предречь свое мнѣніе насчетъ возможнаго исхода болѣзни. Оставшіеся доктора хоть и ободряли Катерину Ивановну и Алешу, но видно было, что они не могли еще подать твердой надежды. Алеша заходилъ къ больному брату по два раза въ день. Но въ этотъ разъ у него было особое, прехлопотливое дѣло, и онъ предчувствовалъ, какъ трудно

ему будетъ заговорить о немъ, а между тѣмъ онъ очень торопился: было у него еще другое неотложное дѣло въ это же утро, въ другомъ мѣстѣ, и надо было спѣшить. Они уже съ четверть часа какъ разговаривали. Катерина Ивановна была блѣдна, сильно утомлена и въ то же время въ чрезвычайномъ болѣзненномъ возбужденіи: она предчувствовала, зачѣмъ между прочимъ пришелъ къ ней теперь Алеша.

— О его рѣшеніи не безпокойтесь, проговорила она съ твердою настойчивостью Алешѣ. Такъ или этакъ, а онъ все-таки придетъ къ этому выходу: онъ долженъ бѣжать! Этотъ несчастный, этотъ герой чести и совѣсти,—не тотъ, не Дмитрій Ѳедоровичъ, а тотъ, что за этой дверью лежитъ и что собой за брата пожертвовалъ (съ сверкающими глазами прибавила Катя)—онъ давно уже мнѣ сообщилъ весь этотъ планъ побѣга. Знаете, онъ уже входилъ въ сношенія... Я вамъ уже кой-что сообщила... Видите, это произойдетъ по всей вѣроятности на третьемъ отсюда этапѣ, когда партію ссыльныхъ поведутъ въ Сибирь. О, до этого еще далеко. Иванъ Ѳедоровичъ уже ѣздилъ къ начальнику третьяго этапа. Вотъ только неизвѣстно, кто будетъ партіоннымъ начальникомъ, да и нельзя это такъ заранѣе узнать. Завтра, можетъ быть, я вамъ покажу весь планъ въ подробности, который мнѣ оставилъ Иванъ Ѳедоровичъ наканунѣ суда, на случай чего-нибудь... Это было въ тотъ самый разъ, когда, помните, вы тогда вечеромъ застали насъ въ ссорѣ: онъ еще сходилъ съ лѣстницы, а я, увидя васъ, заставила его воротиться—помните? Вы знаете, изъ-за чего мы тогда поссорились?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ Алеша.

— Конечно, онъ тогда отъ васъ скрылъ: вотъ именно изъ-за этого плана о побѣгѣ. Онъ мнѣ еще за три дня передъ тѣмъ открылъ все главное—вотъ тогда-то мы и начали ссориться и съ тѣхъ поръ всѣ три дня ссорились. Потому поссорились, что, когда онъ объявилъ мнѣ, что, въ случаѣ осужденія, Дмитрій Ѳедоровичъ убѣжитъ за границу вмѣстѣ съ той тварью, то я вдругъ озлилась,—не скажу вамъ изъ-за чего; сама не знаю изъ-за чего... О, конечно, я за тварь, за эту тварь тогда озлилась, и именно за то, что и она тоже, вмѣстѣ съ Дмитріемъ, бѣжитъ за границу! воскликнула вдругъ Катерина Ивановна съ задрожавшими отъ гнѣва губами. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ

только увидѣлъ тогда, что я такъ озлилась за эту тварь, то мигомъ и подумалъ, что я къ ней ревную Дмитрія и что, стало быть, все еще продолжаю любить Дмитрія. Вотъ и вышла тогда первая ссора. Я объясненій дать не захотѣла, просить прощенія не могла; тяжело мнѣ было, что такой человѣкъ могъ заподозрить меня въ прежней любви къ этому... И это тогда, когда я сама, уже давно передъ тѣмъ, прямо сказала ему, что не люблю Дмитрія, а люблю только его одного! Я отъ злости только на эту тварь на него озлилась! Черезъ три дня, вотъ въ тотъ вечеръ, когда вы вошли, онъ принесъ ко мнѣ запечатанный конвертъ, чтобъ я распечатала тотчасъ, если съ нимъ что случится. О, онъ предвидѣлъ свою болѣзнь! Онъ открылъ мнѣ, что въ конвертѣ подробности о побѣгѣ, и что въ случаѣ, если онъ умретъ или опасно заболѣетъ, то чтобъ я одна спасла Митю. Тутъ же оставилъ у меня деньги, почти десять тысячъ,—вотъ тѣ самыя, про которыя прокуроръ, узнавъ отъ кого-то, что онъ посылалъ ихъ мѣнять, упомянулъ въ своей рѣчи. Меня страшно вдругъ поразило, что Иванъ Ѳедоровичъ, все еще ревнуя меня и все еще убѣжденный, что я люблю Митю, не покинулъ, однако, мысли спасти брата и мнѣ же, мнѣ самой довѣряетъ это дѣло спасенія! О, это была жертва! Нѣтъ, вы такого самопожертвованія не поймете во всей полнотѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ! Я хотѣла было упасть къ ногамъ его въ благоговѣніи, но какъ подумала вдругъ, что онъ сочтетъ это только лишь за радость мою, что спасаютъ Митю (а онъ бы непремѣнно это подумалъ!), то до того была раздражена лишь одною только возможностью такой несправедливой мысли съ его стороны, что опять раздражилась и вмѣсто того, чтобъ цѣловать его ноги, сдѣлала опять эту сцену! О, я несчастна! Таковъ мой характеръ—ужасный, несчастный характеръ! О, вы еще увидите: я сдѣлаю, я доведу-таки до того, что и онъ броситъ меня для другой, съ которой легче живется, какъ Дмитрій, но тогда... нѣтъ, тогда уже я не перенесу, я убью себя! А когда вы вошли тогда, и когда я васъ кликнула, а ему велѣла воротиться, то, какъ вошелъ онъ съ вами, меня до того захватилъ гнѣвъ за ненавистный, презрительный взглядъ, которымъ онъ вдругъ поглядѣлъ на меня, что—помните—я вдругъ закричала вамъ, что это *онъ, онъ одинъ* увѣрилъ меня, что братъ его Дмитрій убійца! Я нарочно наклеветала, чтобъ еще разъ уязвить

его, онъ же никогда, никогда не увѣрялъ меня, что братъ — убійца, напротивъ, въ этомъ я, я сама увѣряла его! О, всему, всему причиною мое бѣшенство! Это я, я и приготовила эту проклятую сцену въ судѣ! Онъ захотѣлъ доказать мнѣ, что онъ благороденъ и что пусть я и люблю его брата, но онъ все-таки не погубитъ его изъ мести и ревности. Вотъ онъ и вышелъ въ судѣ... Я всему причиною, я одна виновата!

Еще никогда не дѣлала Катя такихъ признаній Алешѣ, и онъ почувствовалъ, что она теперь именно въ той степени невыносимаго страданія, когда самое гордое сердце съ болью крушитъ свою гордость и падаетъ побѣжденное горемъ. О, Алеша зналъ и еще одну ужасную причину ея теперешней муки, какъ ни скрывала она ее отъ него во всѣ эти дни, послѣ осужденія Мити; но ему почему-то было бы слишкомъ больно, если бъ она до того рѣшилась пасть ницъ, что заговорила бы съ нимъ сама, теперь, сейчасъ, и объ этой причинѣ. Она страдала за свое „предательство“ на судѣ, и Алеша предчувствовалъ, что совѣсть тянетъ ее повиниться, именно передъ нимъ, передъ Алешей, со слезами, съ визгами, съ истерикой, съ битьемъ объ полъ. Но онъ боялся этой минуты и желалъ пощадить страдающую. Тѣмъ труднѣе становилось порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Онъ опять заговорилъ о Митѣ.

— Ничего, ничего, за него не бойтесь! упрямо и рѣзко начала опять Катя, — все это у него на минуту, я его знаю, я слишкомъ знаю это сердце. Будьте увѣрены, что онъ согласится бѣжать. И, главное, это не сейчасъ; будетъ еще время ему рѣшиться. Иванъ Ѳедоровичъ къ тому времени выздоровѣетъ и самъ все поведетъ, такъ что мнѣ ничего не придется дѣлать. Не безпокойтесь, согласится бѣжать. Да онъ ужъ и согласенъ: развѣ можетъ онъ свою тварь оставить? А въ каторгу ее не пустятъ, такъ какъ же ему не бѣжать? Онъ, главное, васъ боится, боится, что вы не одобрите побѣга съ нравственной стороны, но вы должны ему это великодушно *позволить*, если ужъ такъ необходима тутъ ваша санкція,—съ ядомъ прибавила Катя.

Она помолчала и усмѣхнулась:

— Онъ тамъ толкуетъ, принялась она опять,—про какіе-то гимны, про крестъ, который онъ долженъ понести, про долгъ какой-то, я помню, мнѣ много объ этомъ Иванъ Ѳедоровичъ тогда передавалъ, и если бъ вы знали, какъ онъ говорилъ! вдругъ съ неудержимымъ чувствомъ вос-

кликнула Катя, — если бъ вы знали, какъ онъ любилъ этого несчастнаго въ ту минуту, когда мнѣ передавалъ про него, и какъ ненавидѣлъ его, можетъ-быть, въ ту же минуту! А я, о, я выслушала тогда его разсказъ и его слезы съ горделивою усмѣшкой! О, тварь! Это я тварь, я! Это я народила ему горячку! А тотъ, осужденный,—развѣ онъ готовъ на страданіе, раздражительно закончила Катя,—да и такому ли страдать? Такіе какъ онъ никогда не страдаютъ!

Какое-то чувство уже ненависти и гадливаго презрѣнія прозвучало въ этихъ словахъ. А, между тѣмъ, она же его предала. „Что жъ, можетъ, потому, что такъ чувствуетъ себя предъ нимъ виноватой и ненавидитъ его минутами“, подумалъ про себя Алеша. Ему хотѣлось, чтобъ это было только „минутами“. Въ послѣднихъ словахъ Кати онъ заслышалъ вызовъ, но не поднялъ его.

— Я для того васъ и призвала сегодня, чтобъ вы обѣщались мнѣ сами его уговорить. Или, по-вашему, тоже бѣжать будетъ нечестно, не доблестно, или какъ тамъ... не по-христіански, что ли? еще съ пущимъ вызовомъ прибавила Катя.

— Нѣтъ, ничего. Я ему скажу все... пробормоталъ Алеша.—Онъ васъ зоветъ сегодня къ себѣ, вдругъ брякнулъ онъ, твердо смотря ей въ глаза.

Она вся вздрогнула и чуть-чуть отшатнулась отъ него на диванѣ.

— Меня... развѣ это возможно? пролепетала она, поблѣднѣвъ.

— Это возможно и должно! настойчиво и весь оживившись началъ Алеша.—Ему вы очень нужны, именно теперь. Я не сталъ бы начинать объ этомъ и васъ преждевременно мучить, если бъ не необходимость. Онъ боленъ, онъ какъ помѣшанный, онъ все проситъ васъ. Онъ не мириться васъ къ себѣ проситъ, но пусть вы только придете и покажетесь на порогѣ. Съ нимъ многое совершилось съ того дня. Онъ понимаетъ, какъ неисчислимо передъ вами виновенъ. Не прощенія вашего хочетъ: „меня нельзя простить“—онъ самъ говоритъ, а только, чтобъ вы на порогѣ показались...

— Вы меня вдругъ... пролепетала Катя, — я всѣ дни предчувствовала, что вы съ этимъ придете... Я такъ и знала, что онъ меня позоветъ!.. Это невозможно!

— Пусть невозможно, но сдѣлайте. Вспомните, онъ въ

первый разъ пораженъ тѣмъ, какъ васъ оскорбилъ, въ первый разъ въ жизни, никогда прежде не постигалъ этого въ такой полнотѣ! Онъ говоритъ: если она откажетъ придти, то я „во всю жизнь теперь буду несчастливъ“. Слышите: каторжный на двадцать лѣтъ собирается еще быть счастливымъ—развѣ это не жалко? Подумайте: вы безвинно погибшаго посѣтите, съ вызовомъ вырвалось у Алеши,—его руки чисты, на нихъ крови нѣтъ! Ради безчисленнаго его страданія будущаго посѣтите его теперь! Придите, проводите во тьму... станьте на порогѣ и только... Вѣдь вы должны, *должны* это сдѣлать! заключилъ Алеша, съ неимовѣрною силой подчеркнувъ слово „должны“.

— Должна... но... не могу... какъ бы простонала Катя,— онъ на меня будетъ глядѣть... я не могу.

— Ваши глаза должны встрѣтиться. Какъ вы будете жить всю жизнь, если теперь не рѣшитесь?

— Лучше страдать во всю жизнь.

— Вы должны придти, вы *должны* придти, опять неумолимо подчеркнулъ Алеша.

— Но почему сегодня, почему сейчасъ... Я не могу оставить больного...

— На минуту можете, это вѣдь минута. Если вы не придете, онъ къ ночи заболѣетъ горячкой. Не стану я говорить неправду, сжальтесь!

— Надо мной-то сжальтесь, горько упрекнула Катя и заплакала.

— Стало быть, придете! твердо проговорилъ Алеша, увидавъ ея слезы. — Я пойду скажу ему, что вы сейчасъ придете.

— Нѣтъ, ни за что не говорите! испуганно вскрикнула Катя. — Я приду, но вы ему впередъ не говорите, потому что я приду, но, можетъ быть, не войду... Я еще не знаю...

Голосъ ея пресѣкся. Она дышала трудно. Алеша всталъ уходить.

— А если я съ кѣмъ-нибудь встрѣчусь? вдругъ тихо проговорила она, вся опять поблѣднѣвъ.

— Для того и нужно сейчасъ, чтобы вы тамъ ни съ кѣмъ не встрѣтились. Никто не будетъ, вѣрно говорю. Мы будемъ ждать,—настойчиво заключилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

II.

На минутку ложь стала правдой.

Онъ поспѣшилъ въ больницу, гдѣ теперь лежалъ Митя. На второй день послѣ рѣшенія суда онъ заболѣлъ нервною лихорадкой и былъ отправленъ въ городскую нашу больницу, въ арестантское отдѣленіе. Но врачъ Варвинскій, по просьбѣ Алеши и многихъ другихъ (Хохлаковой, Лизы и проч.), помѣстилъ Митю не съ арестантами, а отдѣльно, въ той самой каморкѣ, въ которой прежде лежалъ Смердяковъ. Правда, въ концѣ коридора стоялъ часовой, а окно было рѣшетчатое, и Варвинскій могъ быть спокоенъ за свою поблажку, не совсѣмъ законную, но это былъ добрый и сострадательный молодой человѣкъ. Онъ понималъ, какъ тяжело такому, какъ Митя, прямо вдругъ перешагнуть въ сообщество убійцъ и мошенниковъ, и что къ этому надо сперва привыкнуть. Посѣщенія же родныхъ и знакомыхъ были разрѣшены и докторомъ, и смотрителемъ, и даже исправникомъ, все подъ рукой. Но въ эти дни посѣтили Митю все только Алеша да Грушенька. Порывался уже два раза увидѣться съ нимъ Ракитинъ; но Митя настойчиво просилъ Варвинскаго не впускать того.

Алеша засталъ его сидящимъ на койкѣ, въ больничномъ халатѣ, немного въ жару, съ головою, обернутой полотенцемъ, смоченнымъ водою съ уксусомъ. Онъ неопредѣленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на вошедшаго Алешу, но во взглядѣ все-таки промелькнулъ какъ бы какой-то испугъ.

Вообще, съ самаго суда онъ сталъ страшно задумчивъ. Иногда по получасу молчалъ, казалось что-то туго и мучительно обдумывая, забывая присутствующаго. Если же выходилъ изъ задумчивости и начиналъ говорить, то заговаривалъ всегда какъ-то внезапно и непремѣнно не о томъ, что̀ дѣйствительно ему надо было сказать. Иногда со страданіемъ смотрѣлъ на брата. Съ Грушенькой ему было какъ будто легче, чѣмъ съ Алешей. Правда, онъ съ нею почти и не говорилъ, но чуть только она входила, все лицо его озарялось радостью. Алеша сѣлъ молча подлѣ него на койкѣ. Въ этотъ разъ онъ тревожно ждалъ Алешу, но не посмѣлъ ничего спросить. Онъ считалъ согласіе Кати придти немыслимымъ, и въ то же время чувствовалъ, если она не придетъ, то бу-

детъ что-то совсѣмъ невозможное. Алеша понималъ его чувства.

— Трифонъ-то, заговорилъ суетливо Митя, — Борисычъ-то, говорятъ, весь свой постоялый дворъ разорилъ: половины подымаетъ, доски отдираетъ, всю „галдарею", говорятъ, въ щепки разнесъ—все клада ищетъ, вотъ тѣхъ самыхъ денегъ. полторы тысячи, про которыя прокуроръ сказалъ, что я ихъ тамъ спряталъ. Какъ пріѣхалъ, такъ, говорятъ, тотчасъ и пошелъ куролесить. Подѣломъ мошеннику! Сторожъ мнѣ здѣшній вчера разсказалъ; онъ оттудова.

— Слушай, проговорилъ Алеша,—она придетъ, но не знаю когда, можетъ, сегодня, можетъ, на-дняхъ, этого не знаю, но придетъ, придетъ, это навѣрно.

Митя вздрогнулъ, хотѣлъ было что-то вымолвить, но промолчалъ. Извѣстіе страшно на него подѣйствовало. Видно было, что ему мучительно хотѣлось бы узнать подробности разговора, но что онъ опять боится сейчасъ спросить: что-нибудь жестокое и презрительное отъ Кати было бы ему какъ ударъ ножомъ въ эту минуту.

— Вотъ что̀ она, между прочимъ, сказала: чтобъ я непремѣнно успокоилъ твою совѣсть насчетъ побѣга. Если и не выздоровѣетъ къ тому времени Иванъ, то она сама возьмется за это.

— Ты ужъ объ этомъ мнѣ говорилъ, раздумчиво замѣтилъ Митя.

— А ты уже Грушѣ пересказалъ, замѣтилъ Алеша.

— Да, сознался Митя.—Она сегодня утромъ не придетъ, робко посмотрѣлъ онъ на брата.—Она придетъ только вечеромъ. Какъ только я ей вчера сказалъ, что Катя орудуетъ, смолчала, а губы скривились. Прошептала только: „пусть ее!" Поняла, что важное. Я не посмѣлъ пытать дальше. Понимаетъ вѣдь ужъ, кажется, теперь, что та любитъ не меня, а Ивана?

— Такъ ли? вырвалось у Алеши.

— Пожалуй, и не такъ. Только она утромъ теперь не придетъ, поспѣшилъ еще разъ обозначить Митя,—я ей одно порученіе далъ... Слушай, братъ Иванъ всѣхъ превзойдетъ. Ему жить, а не намъ. Онъ выздоровѣетъ.

— Представь себѣ, Катя хоть и трепещетъ за него, но почти не сомнѣвается, что онъ выздоровѣетъ, сказалъ Алеша.

— Значитъ, убѣждена, что онъ умретъ. Это она отъ страху увѣрена, что выздоровѣетъ.

— Братъ сложенія сильнаго. И я тоже очень надѣюсь, что онъ выздоровѣетъ, тревожно замѣтилъ Алеша.

— Да, онъ выздоровѣетъ. Но та увѣрена, что онъ умретъ. Много у ней горя...

Наступило молчаніе. Митю мучило что-то очень важное.

— Алеша, я Грушу люблю ужасно, дрожащимъ, полнымъ слезъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ.

— Ее къ тебѣ *туда* не пустятъ, тотчасъ подхватилъ Алеша.

— И вотъ что̀ еще хотѣлъ тебѣ сказать, продолжалъ какимъ-то зазвенѣвшимъ вдругъ голосомъ Митя,—если бить станутъ дорогой, аль *тамъ*, то я не дамся, я убью и меня разстрѣляютъ. И это двадцать вѣдь лѣтъ! Здѣсь ужъ *ты* начинаютъ говорить. Сторожа мнѣ *ты* говорятъ. Я лежалъ и сегодня всю ночь судилъ себя: не готовъ! Не въ силахъ принять! Хотѣлъ „гимнъ“ запѣть, а сторожевскаго тыканья не могу осилить! За Грушу бы все перенесъ, все... кромѣ, впрочемъ, побой... Но ее *туда* не пустятъ.

Алеша тихо улыбнулся.

— Слушай, братъ, разъ навсегда, сказалъ онъ,—вотъ тебѣ мои мысли на этотъ счетъ. И вѣдь ты знаешь, что я не солгу тебѣ. Слушай же: ты не готовъ и не для тебя такой крестъ. Мало того: и не нуженъ тебѣ, не готовому, такой великомученическій крестъ. Если бы ты убилъ отца, я бы сожалѣлъ, что ты отвергаешь свой крестъ. Но ты невиненъ, и такого креста слишкомъ для тебя много. Ты хотѣлъ мукой возродить въ себѣ другого человѣка; по-моему, помни только всегда, во всю жизнь и куда бы ты ни убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ—и вотъ съ тебя и довольно. То, что ты не принялъ большой крестной муки, послужитъ только къ тому, что ты ощутишь въ себѣ еще бо̀льшій долгъ и этимъ безпрерывнымъ ощущеніемъ впредь, во всю жизнь, поможешь своему возрожденію, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ если бъ пошелъ *туда*. Потому что тамъ ты не перенесешь и возропщешь и, можетъ-быть, впрямь, наконецъ, скажешь: „Я сквитался“. Адвокатъ въ этомъ случаѣ правду сказалъ. Не всѣмъ бремена тяжкія, для иныхъ они невозможны... Вотъ мои мысли, если онѣ такъ тебѣ нужны. Если бы за побѣгъ твой остались въ отвѣтѣ другіе: офицеры, солдаты, то я бы тебѣ „не позволилъ“ бѣ-

жать, улыбнулся Алеша.—Но говорятъ и увѣряютъ (самъ этотъ этапный Ивану говорилъ), что большого взыску, при умѣніи, можетъ и не быть, и что отдѣлаться можно пустяками. Конечно, подкупать нечестно, даже и въ этомъ случаѣ, но тутъ уже я судить ни за что не возьмусь, потому собственно, что если бы мнѣ, напримѣръ, Иванъ и Катя поручили въ этомъ дѣлѣ для тебя орудовать, то я, знаю это, пошелъ бы и подкупилъ; это я долженъ тебѣ всю правду сказать. А потому я тебѣ не судья въ томъ, какъ ты самъ поступишь. Но знай, что и я тебя не осужу никогда. Да и странно, какъ бы могъ я быть въ этомъ дѣлѣ твоимъ судьей? Ну, теперь я, кажется, все разсмотрѣлъ.

— Но зато я себя осужу! воскликнулъ Митя.—Я убѣгу, это и безъ тебя рѣшено было: Митька Карамазовъ развѣ можетъ не убѣжать? Но зато себя осужу и тамъ буду замаливать грѣхъ во-вѣки! Вѣдь этакъ іезуиты говорятъ, этакъ?.. Вотъ какъ мы теперь съ тобой, а?

— Этакъ, тихо улыбнулся Алеша.

— Люблю я тебя за то, что ты всегда всю цѣльную правду скажешь и ничего не утаишь! радостно смѣясь воскликнулъ Митя.—Значитъ, я Алешку моего іезуитомъ поймалъ! Расцѣловать тебя всего надо за это, вотъ что! Ну, слушай же теперь и остальное, разверну тебѣ и остальную половину души моей. Вотъ что я выдумалъ и рѣшилъ: если я и убѣгу, даже съ деньгами и паспортомъ, и даже въ Америку, то меня еще ободряетъ та мысль, что не на радость убѣгу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, можетъ-быть, этой! Не хуже, Алексѣй, воистину говорю, что не хуже! Я эту Америку, чортъ ее дери, уже теперь ненавижу. Пусть Груша будетъ со мной, но посмотри на нее: ну, американка ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной землѣ затоскуетъ, и я буду видѣть каждый часъ, что это она для меня тоскуетъ, для меня такой крестъ взяла, а чѣмъ она виновата? А я-то развѣ вынесу тамошнихъ сквердовъ, хоть они, можетъ-быть, всѣ до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку ужъ теперь! И хоть будь они тамъ всѣ до единаго машинисты необъятные какіе, али что—чортъ съ ними, не мои они люди, не моей души! Россію люблю, Алексѣй, русскаго Бога люблю, хоть я самъ и подлецъ! Да я тамъ издохну! воскликнулъ онъ, вдругъ засверкавъ глазами.

Голосъ его задрожалъ отъ слезъ.

— Ну, такъ вотъ какъ я рѣшилъ, Алексѣй, слушай! началъ онъ опять, подавивъ волненіе.—Съ Грушей туда пріѣдемъ—и тамъ тотчасъ пахать, работать, съ дикими медвѣдями, въ уединеніи, гдѣ-нибудь подальше. Вѣдь и тамъ же найдется какое-нибудь мѣсто подальше! Тамъ, говорятъ, есть еще краснокожіе, гдѣ-то тамъ у нихъ на краю горизонта, ну, такъ вотъ въ тотъ край, къ послѣднимъ Могиканамъ. Ну, и тотчасъ за грамматику, я и Груша. Работа и грамматика, и такъ чтобы года три. Въ эти три года аглицкому языку научимся, какъ самые что ни на есть англичане. И только что выучимся—конецъ Америкѣ! Бѣжимъ сюда, въ Россію, американскими гражданами. Не безпокойся, сюда въ городишко не явимся. Спрячемся куда-нибудь подальше, на сѣверъ, али на югъ. Я къ тому времени измѣнюсь, она тоже, тамъ, въ Америкѣ, мнѣ докторъ какую-нибудь бородавку поддѣлаетъ, недаромъ же они механики. А нѣтъ, такъ я себѣ одинъ глазъ проколю, бороду отпущу въ аршинъ, сѣдую (по Россіи-то посѣдѣю)—авось не узнаютъ. А узнаютъ, пусть ссылаютъ, все равно, значитъ, не судьба! Здѣсь тоже будемъ гдѣ-нибудь въ глуши землю пахать, а я всю жизнь американца изъ себя представлять буду. Зато помремъ на родной землѣ. Вотъ мой планъ и сіе непреложно. Одобряешь?

— Одобряю, сказалъ Алеша, не желая ему противорѣчить.

Митя на минуту смолкъ и вдругъ проговорилъ:

— А какъ они въ судѣ-то подвели? Вѣдь какъ подвели!

— Если бъ и не подвели, все равно тебя бъ осудили! проговорилъ, вздохнувъ, Алеша.

— Да, надоѣлъ здѣшней публикѣ! Богъ съ ними, а тяжело! со страданіемъ простоналъ Митя.

Опять на минуту смолкли.

— Алеша, зарѣжь меня сейчасъ! воскликнулъ онъ вдругъ.—Придетъ она сейчасъ или нѣтъ, говори! Что̀ сказала? Какъ сказала?

— Сказала, что придетъ, но не знаю, сегодня ли. Трудно вѣдь ей! робко посмотрѣлъ на брата Алеша.

— Ну, еще бы же нѣтъ, еще бы не трудно! Алеша, я на этомъ съ ума сойду. Груша на меня все смотритъ. Понимаетъ. Боже, Господи, смири меня: чего требую? Катю требую! Смыслю ли, чего требую? Безудержъ Карамазов-

скій, нечестивый! Нѣтъ, къ страданію я не способенъ! Подлецъ и все сказано!

— Вотъ она! воскликнулъ Алеша.

Въ этотъ мигъ на порогѣ вдругъ появилась Катя. На мгновеніе она пріостановилась, какимъ-то потеряннымъ взглядомъ озирая Митю. Тотъ стремительно вскочилъ на ноги, лицо его выразило испугъ, онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же робкая, просящая улыбка замелькала на его губахъ и онъ вдругъ, неудержимо, протянулъ къ Катѣ обѣ руки. Завидѣвъ это, та стремительно къ нему бросилась. Она схватила его за руки и почти силой усадила на постель, сама сѣла подлѣ, и, все не выпуская рукъ его, крѣпко, судорожно сжимала ихъ. Нѣсколько разъ оба порывались что-то сказать, но останавливались и опять молча, пристально, какъ бы приковавшись, съ странною улыбкой смотрѣли другъ на друга· такъ прошло минуты двѣ.

— Простила иль нѣтъ? пролепеталъ, наконецъ, Митя, и въ тотъ же мигъ, повернувшись къ Алешѣ, съ искаженнымъ отъ радости лицомъ, прокричалъ ему:

— Слышишь, что̀ спрашиваю, слышишь!

— За то и любила тебя, что ты сердцемъ великодушенъ! вырвалось вдругъ у Кати.—Да и не надо тебѣ мое прощеніе, а мнѣ твое; все равно, простишь аль нѣтъ—на всю жизнь въ моей душѣ язвой останешься, а я въ твоей—такъ и надо...

Она остановилась перевести духъ.

— Я для чего пришла? изступленно и торопливо начала она опять.—Ноги твои обнять, руки сжать, вотъ такъ, до боли, помнишь, какъ въ Москвѣ тебѣ сжимала,—опять сказать тебѣ, что ты богъ мой, радость моя, сказать тебѣ, что безумно люблю тебя, какъ бы простонала она въ мукѣ и вдругъ жадно приникла устами къ рукѣ его.

Слезы хлынули изъ ея глазъ. Алеша стоялъ безмолвный и смущенный; онъ никакъ не ожидалъ того, что̀ увидѣлъ.

— Любовь прошла, Митя! начала опять Катя,—но дорого до боли мнѣ то, что̀ прошло. Это узнай навѣкъ. Но теперь, на одну минутку, пусть будетъ то, что̀ могло бы быть, съ искривленною улыбкой пролепетала она, опять радостно смотря ему въ глаза.—И ты теперь любишь другую, и я другого люблю, а все-таки тебя вѣчно

буду любить, а ты меня, зналъ ли ты это? Слышишь, люби меня, всю твою жизнь люби! воскликнула она съ какимъ-то почти угрожающимъ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Буду любить и... знаешь, Катя, переводя духъ на каждомъ словѣ, заговорилъ и Митя, — знаешь, я тебя, пять дней тому, въ тотъ вечеръ любилъ... Когда ты упала и тебя понесли... Всю жизнь! Такъ и будетъ, такъ вѣчно будетъ...

Такъ оба они лепетали другъ другу рѣчи, почти безсмысленныя и изступленныя, можетъ-быть, даже и неправдивыя, но въ эту-то минуту все было правдой, и сами они вѣрили себѣ беззавѣтно.

— Катя, воскликнулъ вдругъ Митя, — вѣришь, что я убилъ? Знаю, что теперь не вѣришь, но тогда... когда показывала... Неужто, неужто вѣрила!

— И тогда не вѣрила! Никогда не вѣрила! Ненавидѣла тебя и вдругъ себя увѣрила, вотъ на тотъ мигъ... Когда показывала... увѣрила и вѣрила... а когда кончила показывать, тотчасъ опять перестала вѣрить. Знай это все. Я забыла, что я себя казнить пришла! съ какимъ-то вдругъ совсѣмъ новымъ выраженіемъ проговорила она, совсѣмъ не похожимъ на недавній, сейчашній любовный лепетъ.

— Тяжело тебѣ, женщина! какъ-то совсѣмъ безудержно вырвалось вдругъ у Мити.

— Пусти меня, прошептала она,—я еще приду, теперь тяжело!..

Она поднялась было съ мѣста, но вдругъ громко вскрикнула и отшатнулась назадъ. Въ комнату внезапно, хотя и совсѣмъ тихо, вошла Грушенька. Никто ея не ожидалъ. Катя стремительно шагнула къ дверямъ, но, поровнявшись съ Грушенькой, вдругъ остановилась, вся побѣлѣла какъ мѣлъ, и тихо, почти шопотомъ, простонала ей:

— Простите меня!

Та посмотрѣла на нее въ упоръ и, переждавъ мгновеніе, ядовитымъ, отравленнымъ злобой голосомъ отвѣтила:

— Злы мы, мать, съ тобой! Обѣ злы! Гдѣ ужъ намъ простить, тебѣ да мнѣ? Вотъ спаси его, и всю жизнь молиться на тебя буду.

— А простить не хочешь! прокричалъ Митя Грушенькѣ, съ безумнымъ упрекомъ.

— Будь покойна, спасу его тебѣ! быстро прошептала Катя и выбѣжала изъ комнаты.

— И ты могла не простить ей, послѣ того, какъ она

сама же сказала тебѣ: „прости“? горько воскликнулъ опять Митя.

— Митя, не смѣй ее упрекать, права не имѣешь! горячо крикнулъ на брата Алеша.

— Уста ея говорили гордыя, а не сердце, съ какимъ-то омерзѣніемъ произнесла Грушенька. Избавитъ тебя— все прощу...

Она замолкла, какъ бы что задавивъ въ душѣ. Она еще не могла опомниться. Вошла она, какъ оказалось потомъ, совсѣмъ нечаянно, вовсе ничего не подозрѣвая и не ожидая встрѣтить, что̀ встрѣтила.

— Алеша, бѣги за ней! стремительно обратился къ брату Митя,—скажи ей... не знаю что̀... не дай ей такъ уйти!

— Приду къ тебѣ передъ вечеромъ! крикнулъ Алеша и побѣжалъ за Катей.

Онъ нагналъ ее уже внѣ больничной ограды. Она шла скоро, спѣшила, но какъ только нагналъ ее Алеша, быстро проговорила ему:

— Нѣтъ, передъ этой не могу казнить себя! Я сказала ей: „прости меня“ потому, что хотѣла казнить себя до конца. Она не простила... Люблю ее за это! искаженнымъ голосомъ прибавила Катя и глаза ея сверкнули дикою злобой.

— Братъ совсѣмъ не ожидалъ, пробормоталъ было Алеша,—онъ былъ увѣренъ, что она не придетъ...

— Безъ сомнѣнія. Оставимъ это, отрѣзала она.—Слушайте: я съ вами туда на похороны идти теперь не могу. Я послала имъ на гробикъ цвѣтовъ. Деньги еще есть у нихъ, кажется. Если надо будетъ, скажите, что въ будущемъ я никогда ихъ не оставлю... Ну, теперь оставьте меня, оставьте, пожалуйста. Вы ужъ туда опоздали, къ поздней обѣднѣ звонятъ... Оставьте меня, пожалуйста!

III.

Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня.

Дѣйствительно онъ опоздалъ. Его ждали и даже ужъ рѣшились безъ него нести хорошенькій, разубранный цвѣтами, гробикъ въ церковь. Это былъ гробъ Илюшечки, бѣднаго мальчика. Онъ скончался два дня спустя послѣ приговора Мити. Алеша еще у воротъ дома былъ встрѣченъ криками мальчиковъ, товарищей Илюшиныхъ. Они всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его и обрадовались, что онъ,

наконецъ, пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человѣкъ двѣнадцать, всѣ пришли со своими ранчиками и сумочками черезъ плечо. „Папа плакать будетъ, будьте съ папой“,— завѣщалъ имъ Илюша, умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ былъ Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ, что вы пришли, Карамазовъ! воскликнулъ онъ, протягивая Алешѣ руку.— Здѣсь ужасно. Право, тяжело смотрѣть. Снѣгиревъ не пьянъ, мы знаемъ навѣрно, что онъ ничего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ... Я твердъ всегда, но это ужасно. Карамазовъ, если не задержу васъ, одинъ бы только еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?

— Что̀ такое, Коля? пріостановился Алеша.

— Невиненъ вашъ братъ или виновенъ? Онъ отца убилъ, или лакей? Какъ скажете, такъ и будетъ. Я четыре ночи не спалъ отъ этой идеи.

— Убилъ лакей, а братъ невиненъ, отвѣтилъ Алеша.

— И я то же говорю! прокричалъ вдругъ мальчикъ Смуровъ.

— Итакъ онъ погибнетъ невинною жертвой за правду? воскликнулъ Коля. — Хоть онъ и погибъ, но онъ счастливъ! Я готовъ ему завидовать!

— Что̀ вы это, какъ это можно, и зачѣмъ? воскликнулъ удивленный Алеша.

— О, если бъ и я могъ хоть когда-нибудь принести себя въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ проговорилъ Коля.

— Но не въ такомъ же дѣлѣ, не съ такимъ же позоромъ, не съ такимъ же ужасомъ! сказалъ Алеша.

— Конечно... я желалъ бы умереть за все человѣчество, а что̀ до позора, то все равно: да погибнутъ наши имена. Вашего брата я уважаю!

— И я тоже! вдругъ и уже совсѣмъ неожиданно выкрикнулъ изъ толпы тотъ самый мальчикъ, который когда-то объявилъ, что знаетъ, кто основалъ Трою, и, крикнувъ, точно такъ же, какъ и тогда, весь покраснѣлъ до ушей, какъ піонъ.

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлымъ рюшемъ гробѣ лежалъ, сложивъ ручки и закрывъ глазки, Илюша. Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились и, странно, отъ трупа почти не было запаху. Выраженіе лица было серьезное и какъ бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенныя на-

крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора. Въ руки ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ снаружи и снутри цвѣтами, присланными чѣмъ свѣтъ отъ Лизы Хохлаковой. Но прибыли и еще цвѣты отъ Катерины Ивановны, и когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ, съ пучкомъ цвѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими снова своего дорогого мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедшаго Алешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущую, помѣшанную жену свою, свою „мамочку", которая все старалась приподняться на свои больныя ноги и заглянуть поближе на своего мертваго мальчика. Ниночку же дѣти приподняли съ ея стуломъ и придвинули вплоть къ гробу. Она сидѣла прижавшись къ нему своею головой и тоже, должно быть, тихо плакала. Лицо Снѣгирева имѣло видъ оживленный, но какъ бы растерянный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, въ вырывавшихся словахъ его было что-то полоумное. „Батюшка, милый батюшка!" восклицалъ онъ поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша былъ въ живыхъ, говорить ему ласкаючи: „батюшка, милый батюшка!"

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки, вотъ этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная „мамочка". Или ужъ ей такъ понравилась маленькая бѣленькая роза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рукъ захотѣла взять цвѣтокъ на память, но она вся такъ и заметалась, протягивая за цвѣткомъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно воскликнулъ Снѣгиревъ.—Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего твоего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтокъ! подняла вдругъ свое смоченное слезами лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуще не дамъ! Она его не любила. Она у него тогда пушечку отняла, а онъ ей подарилъ, вдругъ въ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминаніи о томъ, какъ Илюша уступилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣшанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо руками. Мальчики, видя, наконецъ, что отецъ не выпускаетъ гробъ отъ себя, а между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили гробъ тѣсною кучкой и стали его подымать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снѣ-

гиревъ,—у камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ. Не дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронитъ у камня; но вступились Алеша, Красоткинъ, квартирная хозяйка, сестра ея, всѣ мальчики.

— Вишь что выдумалъ, у камня поганаго хоронить, точно бы удавленника, строго проговорила старуха-хозяйка.—Тамъ въ оградѣ земля со крестомъ. Тамъ по немъ молиться будутъ. Изъ церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и словесно читаетъ, что все до него каждый разъ долетитъ, точно бы надъ могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ, наконецъ, руками: „Несите, дескать, куда хотите!“ Дѣти подняли гробъ, но, пронося мимо матери, остановились предъ ней на минутку и опустили его, чтобъ она могла съ Илюшей проститься. Но, увидавъ вдругъ это дорогое личико вблизи, на которое всѣ три дня смотрѣла лишь съ нѣкотораго разстоянія, она вдругъ вся затряслась и начала истерически дергать надъ гробомъ своею сѣдою головой взадъ и впередъ.

— Мама, окрести его, благослови его, поцѣлуй его, прокричала ей Ниночка. Но та, какъ автоматъ, все дергалась своею головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго горя лицомъ, вдругъ стала бить себя кулакомъ въ грудь. Гробъ понесли дальше. Ниночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ устамъ покойнаго брата, когда проносили мимо нея. Алеша, выходя изъ дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ просьбой присмотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала:

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тоже. Старуха, говоря это, плакала. Нести до церкви было не далеко, шаговъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій, морозило, но немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снѣгиревъ суетливо и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старенькомъ, коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытою головой и со старою, широкополою, мягкою шляпой въ рукахъ. Онъ былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протягивалъ руку, чтобъ поддержать изголовье гроба, и только мѣшалъ несущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ гдѣ бы хоть тутъ пристроиться. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ и бросился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка Богъ знаетъ что зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскликнулъ онъ въ страшномъ испугѣ. Но мальчики тотчасъ напомнили ему, что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что она у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ кармана и, удостовѣрившись, успокоился.

— Илюшечка велѣлъ, Илюшечка, — пояснилъ онъ тотчасъ Алешѣ; — лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ, и и вдругъ приказалъ: „Папочка, когда засыплютъ мою могилку, покроши на ней корочку хлѣбца, чтобъ воробушки прилетали, я услышу, что они прилетѣли, и мнѣ весело будетъ, что я не одинъ лежу".

— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, — надо чаще носить.

— Каждый день, каждый день! залепеталъ штабсъ-капитанъ, какъ бы весь оживившись.

Прибыли, наконецъ, въ церковь и поставили посреди ея гробъ. Всѣ мальчики обступили его кругомъ и чинно простояли такъ всю службу. Церковь была древняя и довольно бѣдная, много иконъ стояло совсѣмъ безъ окладовъ, но въ такихъ церквахъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снѣгиревъ какъ бы нѣсколько попритихъ, хотя временами все-таки прорывалась въ немъ та же безсознательная и какъ бы сбитая съ толку озабоченность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ, вѣнчикъ; то, когда упала одна свѣчка изъ подсвѣчника, вдругъ бросился вставлять ее и ужасно долго съ ней провозился. Затѣмъ уже успокоился и сталъ смирно у изголовья съ тупо-озабоченнымъ и какъ бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостола онъ вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ него Алешѣ, что апостола *не такъ* прочитали, но мысли своей, однако, не разъяснилъ. За херувимской принялся было подпѣвать, но не докончилъ и, опустившись на колѣна, прильнулъ лбомъ къ каменному церковному полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ, приступили къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуетился было опять, но умилительное, потрясающее надгробное пѣніе пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь съежился и началъ часто, укороченно рыдать, сначала тая голосъ, а подъ конецъ громко всхлипывая. Когда же стали прощаться и накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ бы не давая накрыть Илюшечку, и началъ часто, жадно, не отрываясь, цѣловать въ уста

своего мертваго мальчика. Его, наконецъ, уговорили и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ стремительно протянулъ руки и захватилъ изъ гробика нѣсколько цвѣтковъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ бы новая какая идея осѣнила его, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на минуту. Мало-по-малу онъ какъ бы впалъ въ задумчивость и уже не сопротивлялся, когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ. Она была недалеко, въ оградѣ, у самой церкви, дорогая; заплатила за нее Катерина Ивановна. Послѣ обычнаго обряда могильщики гробъ опустили. Снѣгиревъ до того нагнулся, съ сьоими цвѣточками въ рукахъ, надъ открытою могилой, что мальчики, въ испугѣ, уцѣпились за его пальто и стали тянуть его назадъ. Но онъ какъ бы уже не понималъ хорошо, что̀ совершается. Когда стали засыпать могилу, онъ вдругъ озабоченно сталъ указывать на валившуюся землю и начиналъ даже что-то говорить, но разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утихъ. Тутъ напомнили ему, что надо покрошить корочку, и онъ ужасно заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее, разбрасывая по могилкѣ кусочки: „Вотъ и прилетайте, птички, вотъ и прилетайте, воробушки!“ — бормоталъ онъ озабоченно. Кто-то изъ мальчиковъ замѣтилъ было ему, что съ цвѣтами въ рукахъ ему неловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому подержать. Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, точно ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять и, поглядѣвъ на могилку и какъ бы удостовѣрившись, что все уже сдѣлано, кусочки покрошены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спокойно повернулся и побрелъ домой. Шагъ его, однако, становился все чаще и уторопленнѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеша отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли мамочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ему, чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышавъ, онъ, какъ бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и сталъ приговаривать: „не хочу шляпу, не хочу шляпу!“ Мальчикъ Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до единаго плакали, а пуще всѣхъ Коля и мальчикъ, открывшій Трою, и хоть Смуровъ, съ капитанскою шляпой въ рукахъ, тоже ужасно какъ плакалъ, но успѣлъ-таки, чуть не на бѣгу, захватить обломокъ кирпичика, краснѣвшій на снѣгу дорожки, чтобъ метнуть

имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ... Конечно, не попалъ и продолжалъ бѣжать, плача. На половинѣ дороги Снѣгиревъ внезапно остановился, постоялъ съ полминуты какъ бы чѣмъ-то пораженный и вдругъ, поворотивъ назадъ къ церкви, пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики мигомъ догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, какъ въ безсиліи, какъ сраженный, палъ на снѣгъ и, біясь, вопія и рыдая, началъ выкрикивать: „Батюшка, Илюшечка, милый батюшка!“ Алеша и Коля стали поднимать его, упрашивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человѣкъ обязанъ переносить, бормоталъ Коля.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеша, а „мамочка“ ждетъ ихъ, она сидитъ — плачетъ, что вы давеча ей не дали цвѣтовъ отъ Илюшечки. Тамъ постелька Илюшина еще лежитъ...

— Да, да, къ мамочкѣ, вспомнилъ вдругъ опять Снѣгиревъ,—постельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ бы въ испугѣ, что и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣжалъ домой.

Но было уже не далеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. Снѣгиревъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ женѣ, съ которою давеча такъ жестокосердно поссорился:

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ прислалъ, ножки твои больныя! прокричалъ онъ, протягивая ей пучечекъ цвѣтовъ, померзшихъ и поломанныхъ, когда онъ бился сейчасъ объ снѣгъ.

Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ постелькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе оба рядышкомъ, только что прибранные хозяйкой квартиры,—старенькіе, порыжѣвшіе, закорузлые сапожки, съ заплатками. Увидавъ ихъ, онъ поднялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая:

— Батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздирающимъ голосомъ завопила помѣшанная.

Тутъ ужъ зарыдала и Ниночка. Коля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и мальчики. Вышелъ, наконецъ, за ними и Алеша.

— Пусть переплачутъ, сказалъ онъ Колѣ,—тутъ ужъ конечно, нельзя утѣшать. Переждемъ минутку и воротимся.

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля.—Знаете, Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ, чтобъ никто не услышалъ.—Мнѣ очень грустно и если бъ только можно было его воскресить, то я бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ, и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходить намъ сюда сегодня вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ-быть, и напьется. Придемъ мы съ вами только вдвоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ, съ матерью и съ Ниночкой, а если всѣ придемъ разомъ, то имъ опять все напомнимъ, посовѣтовалъ Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ, — эти поминки, что ли, будутъ, попъ придетъ; возвращаться намъ сейчасъ туда, Карамазовъ, иль нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе и вдругъ какіе-то блины, какъ это все неестественно по нашей религіи.

— У нихъ тамъ и семга будетъ, громко замѣтилъ вдругъ мальчикъ, открывшій Трою.

— Я васъ серьезно прошу, Карташовъ, не вмѣшиваться болѣе съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не говорятъ и не хотятъ даже знать, есть ли вы на свѣтѣ, раздражительно отрѣзалъ въ его сторону Коля.

Мальчикъ такъ и вспыхнулъ, но отвѣтить ничего не осмѣлился. Между тѣмъ всѣ тихонько брели по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

— Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотѣли похоронить!

Всѣ молча остановились у большого камня. Алеша посмотрѣлъ и цѣлая картина того, что̀ Снѣгиревъ разсказывалъ когда-то объ Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, восклицалъ: „Папочка, папочка, какъ онъ унизилъ тебя!“ — разомъ представилась его воспоминанію. Что-то какъ бы сотряслось въ его душѣ. Онъ съ серьезнымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами всѣ эти милыя, свѣтлыя лица школьниковъ, Илюшиныхъ товарищей, и вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось бы вамъ сказать здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на него пристальные, ожидающіе взгляды.

— Господа, мы скоро разстанемся. Я теперь пока нѣсколько времени съ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ пойдетъ въ ссылку, а другой лежитъ при смерти. Но скоро я здѣшній городъ покину, можетъ-быть, очень надолго. Вотъ мы и разстанемся, господа. Согласимся же здѣсь, у Илюшина камушка, что не будемъ никогда забывать — во-первыхъ, Илюшечку, а, во-вторыхъ, другъ о другѣ. И что̀ бы тамъ ни случилось съ нами потомъ въ жизни, хотя бы мы и двадцать лѣтъ потомъ не встрѣчались, — все-таки будемъ помнить о томъ, какъ мы хоронили бѣднаго мальчика, въ котораго прежде бросали камни, помните, тамъ, у мостика-то?—а потомъ такъ всѣ его полюбили. Онъ былъ славный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ честь и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ. И такъ, во-первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю нашу жизнь. И хотя бы мы были заняты самыми важными дѣлами, достигли почестей или впали бы въ какое великое несчастье,—все равно не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ бѣдному мальчику, можетъ-быть, лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ. Голубчики мои,—дайте я васъ такъ назову голубчиками, потому что вы всѣ очень похожи на нихъ, на этихъ хорошенькихъ сизыхъ птичекъ, теперь, въ эту минуту, какъ я смотрю на ваши добрыя, милыя лица, — милыя мои дѣточки, можетъ-быть, вы не поймете, что̀ я вамъ скажу, потому что я говорю часто очень непонятно, но вы все-таки запомните и потомъ когда-нибудь согласитесь съ моими словами. Знайте же, что ничего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе впредь для жизни, какъ хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и особенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома. Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, можетъ-быть, самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить когда-нибудь

намъ во спасеніе. Можетъ-быть, мы станемъ даже злыми потомъ, даже предъ дурнымъ поступкомъ устоять будемъ не въ силахъ, надъ слезами человѣческими будемъ смѣяться, и надъ тѣми людьми, которые говорятъ, вотъ какъ давеча Коля воскликнулъ: „Хочу пострадать за всѣхъ людей",—и надъ этими людьми, можетъ-быть, злобно издѣваться будемъ. А все-таки, какъ ни будемъ мы злы, чего не дай Богъ, но какъ вспомнимъ про то, какъ мы хоронили Илюшу, какъ мы любили его въ послѣдніе дни, и какъ вотъ сейчасъ говорили такъ дружно и такъ вмѣстѣ у этого камня, то самый жестокій изъ насъ человѣкъ и самый насмѣшливый, если мы такими сдѣлаемся, все-таки не посмѣетъ внутри себя посмѣяться надъ тѣмъ, какъ онъ былъ добръ и хорошъ въ эту теперешнюю минуту! Мало того, можетъ-быть, именно это воспоминаніе одно его отъ великаго зла удержитъ и онъ одумается и скажетъ: „Да я былъ тогда добръ, смѣлъ и честенъ". Пусть усмѣхнется про себя, это ничего, человѣкъ часто смѣется надъ добрымъ и хорошимъ; это лишь отъ легкомыслія; но увѣряю васъ, господа, что какъ усмѣхнется, такъ тотчасъ же въ сердцѣ скажетъ: „Нѣтъ, это я дурно сдѣлалъ, что усмѣхнулся, потому что надъ этимъ нельзя смѣяться!"

— Это непремѣнно такъ будетъ, Карамазовъ, я васъ понимаю, Карамазовъ! воскликнулъ, сверкнувъ глазами, Коля.

Мальчики заволновались и тоже хотѣли что-то воскликнуть, но сдержались, пристально и умиленно смотря на оратора.

— Это я говорю на тотъ страхъ, что мы дурными сдѣлаемся, продолжалъ Алеша,—но зачѣмъ намъ и дѣлаться дурными, не правда ли, господа? Будемъ, во-первыхъ, и прежде всего, добры, потомъ честны, а потомъ — не будемъ никогда забывать другъ объ другѣ. Это я опять-таки повторяю. Я слово вамъ даю отъ себя, господа, что я ни одного изъ васъ не забуду; каждое лицо, которое на меня теперь, сейчасъ, смотритъ, припомню, хоть бы и чрезъ тридцать лѣтъ. Давеча вотъ Коля сказалъ Карташову, что мы будто бы не хотимъ знать „есть онъ или нѣтъ на свѣтѣ?" Да развѣ я могу забыть, что Карташовъ есть на свѣтѣ и что вотъ онъ не краснѣетъ ужъ теперь, какъ тогда, когда Трою открылъ, а смотритъ на меня своими славными, добрыми, веселыми глазками. Господа,

милые мои господа, будемъ всѣ великодушны и смѣлы, какъ Илюшечка, умны, смѣлы и великодушны, какъ Коля (но который будетъ гораздо умнѣе, когда подрастетъ), и будемъ такими же стыдливыми, но умненькими и милыми, какъ Карташовъ. Да чего я говорю про нихъ обоихъ! Всѣ вы, господа, милы мнѣ отнынѣ, всѣхъ васъ заключу въ мое сердце, а васъ прошу заключить и меня въ ваше сердце! Ну, а кто насъ соединилъ въ этомъ добромъ хорошемъ чувствѣ, о которомъ мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будемъ и вспоминать намѣрены, кто, какъ не Илюшечка, добрый мальчикъ, милый мальчикъ, дорогой для насъ мальчикъ на вѣки вѣковъ! Не забудемъ же его никогда, вѣчная ему и хорошая память въ нашихъ сердцахъ, отнынѣ и во вѣки вѣковъ!

— Такъ, такъ, вѣчная, вѣчная, прокричали всѣ мальчики, своими звонкими голосами, съ умиленными лицами.

— Будемъ помнить и лицо его, и платье его, и бѣденькіе сапожки его, и гробикъ его, и несчастнаго грѣшнаго отца его, и о томъ, какъ онъ смѣло одинъ возсталъ на весь классъ за него!

— Будемъ, будемъ помнить! прокричали опять мальчики,—онъ былъ храбрый, онъ былъ добрый!

— Ахъ, какъ я любилъ его! воскликнулъ Коля.

— Ахъ, дѣточки, ахъ, милые друзья, не бойтесь жизни! Какъ хороша жизнь, когда что-нибудь сдѣлаешь хорошее и правдивое!

— Да, да, восторженно повторили мальчики.

— Карамазовъ, мы васъ любимъ! воскликнулъ неудержимо одинъ голосъ, кажется, Карташова.

— Мы васъ любимъ, мы васъ любимъ, подхватили и всѣ. У многихъ сверкали на глазахъ слезинки.

— Ура Карамазову! восторженно провозгласилъ Коля.

— И вѣчная память мертвому мальчику! съ чувствомъ прибавилъ опять Алеша.

— Вѣчная память! подхватили снова мальчики.

— Карамазовъ! крикнулъ Коля,—неужели и взаправду религія говоритъ, что мы всѣ встанемъ изъ мертвыхъ и оживемъ и увидимъ опять другъ друга, и всѣхъ, и Илюшечку?

— Непремѣнно возстанемъ, непремѣнно увидимъ и весело, радостно разскажемъ другъ другу все, что было, полусмѣясь, полу въ восторгѣ отвѣтилъ Алеша.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! вырвалось у Коли.

— Ну, а теперь кончимъ рѣчи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будемъ ѣсть. Это вѣдь старинное, вѣчное и тутъ есть хорошее, засмѣялся Алеша.— Ну, пойдемте же! Вотъ мы теперь и идемъ рука въ руку.

— И вѣчно такъ, всю жизнь рука въ руку! Ура Карамазову! еще разъ восторженно прокричалъ Коля и еще разъ всѣ мальчики подхватили его восклицаніе.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

От автора 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Книга первая. Исторія одной семейки.

Глава I. Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ 7
— II. Перваго сына спровадилъ 11
— III. Второй бракъ и вторыя дѣти 14
— IV. Третій сынъ Алеша 21
— V. Старцы 30

Книга вторая. Неумѣстное собраніе.

Глава I. Пріѣхали въ монастырь. 41
— II. Старый шутъ. 46
— III. Вѣрующія бабы. 55
— IV. Маловѣрная дама 63
— V. Буди, буди! 71
— VI. Зачѣмъ живетъ такой человѣкъ! 81
— VII. Семинаристъ-карьеристъ 92
— VIII. Скандалъ 101

Книга третья. Сладострастники.

Глава I. Въ лакейской. 111
— II. Лизавета Смердящая 117
— III. Исповѣдь горячаго сердца. Въ стихахъ. . 121
— IV. Исповѣдь горячаго сердца. Въ анекдотахъ. 130
— V. Исповѣдь горячаго сердца. „Вверхъ пятами“. 138
— VI. Смердяковъ 146
— VII. Контроверза 152
— VIII. За коньячкомъ 158
— IX. Сладострастники 165
— X. Обѣ вмѣстѣ 171
— XI. Еще одна погибшая репутація 183

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

стр.

Книга четвертая. Надрывы.

Глава I. Отецъ Ѳерапонтъ 192
— II. У отца 203
— III. Связался со школьниками 208
— IV. У Хохлаковыхъ. 213
— V. Надрывъ въ гостиной 220
— VI. Надрывъ въ избѣ 232
— VII. И на чистомъ воздухѣ 241

Книга пятая. Pro и contra.

Глава I. Сговоръ 252
— II. Смердяковъ съ гитарой 263
— III. Братья знакомятся 270
— IV. Бунтъ 280
— V. Великій инквизиторъ. 292
— VI. Пока еще очень не ясная. 315
— VII. „Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно“ 327

Книга шестая. Русскій инокъ.

Глава I. Старецъ Зосима и его гости 336
— II. Изъ житія въ Ѳивѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ. Свѣдѣнія біографическія.
а) О юношѣ братѣ старца Зосимы. . . 341
б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы 345
в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ 351
г) Таинственный посѣтитель. 358
— III. Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.
д) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его 372
е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями . . 374
ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ инымъ 378
з) Можно ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до конца 381
и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое 383

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

стр.

Книга седьмая. Алеша.
Глава I. Тлетворный духъ 386
— II. Такая минутка 400
— III. Луковка. 407
— IV. Кана Галилейская. 426

Книга восьмая. Митя.
Глава I. Кузьма Самсоновъ. 435
— II. Лягавый. 447
— III. Золотые пріиски. 454
— IV. Въ темнотѣ 466
— V. Внезапное рѣшеніе 472
— VI. Самъ ѣду! 489
— VII. Прежній и безспорный 497
— VIII. Бредъ 515

Книга девятая. Предварительное слѣдствіе.
Глава I. Начало карьеры чиновника Перхотина. . 530
— II. Тревога 537
— III. Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое 544
— IV. Мытарство второе 553
— V. Третье мытарство 561
— VI. Прокуроръ поймалъ Митю 573
— VII. Великая тайна Мити. Освистали 581
— VIII. Показаніе свидѣтелей. Дитё 593
— IX. Увезли Митю. 604

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Книга десятая. Мальчики.
Глава I. Коля Красоткинъ 608
— II. Дѣтворà 614
— III. Школьники 620
— IV. Жучка 628
— V. У Илюшиной постели. 636
— VI. Раннее развитіе. 654
— VII. Илюша 661

Книга одиннадцатая. Братъ Иванъ Ѳедоровичъ.
Глава I. У Грушеньки 666
— II. Больная ножка 676
— III. Бѣсенокъ 686
— IV. Гимнъ и секретъ 693
— V. Не ты, не ты! 707
— VI. Первое свиданіе со Смердяковымъ . . . 713
— VII. Второй визитъ къ Смердякову 724
— VIII. Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ 734
— IX. Чортъ. Кошмаръ Ивана Ѳедоровича . . . 751
— X. „Это онъ говорилъ!“ 771

стр.

Книга двѣнадцатая. Судебная ошибка.
Глава I. Роковой день 777
— II. Опасные свидѣтели 785
— III. Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣховъ 795
— IV. Счастье улыбается Митѣ 801
— V. Внезапная катастрофа 811
— VI. Рѣчь прокурора. Характеристика 821
— VII. Обзоръ историческій 832
— VIII. Трактатъ о Смердяковѣ 838
— IX. Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финалъ рѣчи прокурора 849
— X. Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ. 861
— XI. Денегъ не было. Грабежа не было . . . 865
— XII. Да и убійства не было 872
— XIII. Прелюбодѣй мысли 881
— XIV. Мужички за себя постояли 889

ЭПИЛОГЪ.

Глава I. Проекты спасти Митю 896
— II. На минутку ложь стала правдой 902
— III. Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня . . 909